НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ

АРХЕОЛОГІЯ І ДАВНЯ ІСТОРІЯ УКРАЇНИ

2018

Випуск 2 (27)

КИЇВ

НАУКОВА СЕРІЯ — ЗАСНОВАНА У 2010 р.

ВИДАЄТЬСЯ ЧОТИРИ РАЗИ НА РІК

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ

Головний редактор:
СКОРИЙ Сергій, доктор історичних наук, професор, Інститут археології НАН України

Відповідальний секретар:
ГОРБАНЕНКО Сергій, кандидат історичних наук, Інститут археології НАН України

БОЛТРИК Юрій, кандидат історичних наук, Інститут археології НАН України

БУРДУКЕВИЧ Ян, доктор гуманітарних наук, професор, Вроцлавський університет (Польща)

ЗАЛІЗНЯК Леонід, доктор історичних наук, професор, Інститут археології НАН України

ІВАКІН Гліб, член-кореспондент НАН України, Інститут археології НАН України

КУЛАКОВСЬКА Лариса, кандидат історичних наук, Інститут археології НАН України

МОЦЯ Олександр, член-кореспондент НАН України, Інститут археології НАН України

ОБЛОМСЬКИЙ Андрій, доктор історичних наук, Інститут археології РАН

ОТРОЩЕНКО Віталій, доктор історичних наук, професор, Інститут археології НАН України

ПЕТРАУСКАС Олег, кандидат історичних наук, Інститут археології НАН України

ПОТЄХІНА Інна, кандидат історичних наук, Інститут археології НАН України

СОН Наталя, кандидат історичних наук, Інститут археології НАН України

ТОЛОЧКО Петро, академік НАН України, Інститут археології НАН України

ХОХОРОВСКІ Ян, доктор гуманітарних наук, професор, Інститут археології Ягеллонського університету (Польща)

ЧАБАЙ Віктор, член-кореспондент НАН України, Інститут археології НАН України

У ВИПУСКУ:

НАШ ЮВІЛЕЙ

СТАТТІ

ПУБЛІКАЦІЯ АРХЕОЛОГІЧНИХ МАТЕРІАЛІВ

АРХЕОЛОГІЯ І ПРИРОДНИЧІ НАУКИ

АРХЕОЛОГІЯ І ПИСЕМНІ ДЖЕРЕЛА

ДИСКУСІЇ

ІСТОРІЯ І ПЕРСПЕКТИВИ АРХЕОЛОГІЧНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ

АРХЕОЛОГІЯ І ДАВНЯ ІСТОРІЯ УКРАЇНИ
Науковий журнал з проблем археології та давньої історії

Серія присвячена публікаціям досліджень з археології та давньої історії України. Висвітлюються питання соціально-економічного розвитку та культурних зв'язків населення України у кам'яному та мідно-бронзовому віках, сторінки з історії кіммерійців та скіфів, матеріальна та духовна культура античних греків у Північному Причорномор'ї, етногенез та рання історія слов'ян, розвиток давньоруських міст і сіл, матеріальної культури середньовіччя і нового часу. Видаються нові археологічні матеріали, розвідки з історії археології та архівні джерела.

Для археологів, істориків, краєзнавців, учителів історії, студентів історичних факультетів, усіх, хто цікавиться давньою історією України.

A series is devoted to publications of investigations on archaeology and ancient history of Ukraine. Questions of social and economic development and cultural relations of the population of Ukraine in the Stone and Copper-Bronze Age, pages of Cimmerian and Scythian history, material and spiritual culture of antique Greeks in Northern Black Sea Coast, ethnogenesis and early history of Slavs, development of the Ancient Russian cities and villages, material culture of Medieval and Modern periods are under observing. New archeological records, survey on history of archaeology and archival sources are being published.

This series is intended for archeologists, historians, regional specialists, teachers of history, students of historical departments and for all who is interested in ancient history of Ukraine.

Засновник та видавець:
Інститут археології
Національної академії наук України

Свідоцтво про реєстрацію ЗМІ:
КВ № 17659-6509Р від 29.03.2011

Адреса редакції:
Україна, 04210, Київ 210, просп. Героїв Сталінграда, 12
Тел.: (+380-44) 418-61-02
Факс: (+380-44) 418-33-06
E-mail: secretaradiu@gmail.com

Офіційна сторінка видання:
Сайт «Спілка археологів України» [http://www.vgosau.kiev.ua] —
Бібліотека — Журнал «Археологія і давня історія України»
[http://www.vgosau.kiev.ua/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=111&Itemid=183]

Затверджено до друку Вченою радою
Інституту археології НАН України
29.05.2018, протокол № 5.

Рисунки *авторські*
Надруковано *в авторській редакції*
Комп'ютерна верстка *С.А. Горбаненка*

Усі права застережено. Передрук можливий
зі згоди редакції та авторів статей

Виходить за підтримки
Всеукраїнської громадської організації
«Спілка археологів України»

ISSN 2227-4952

Усі матеріали рецензовано

© ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ НАН УКРАЇНИ, 2018

Підписано до друку 8.06.2018. Формат 60 × 84/8. Гарн. Century Schoolbook. Папір офс.
Друк офс. Ум.-друк. арк. 56,3 + 0,5. Обл.-вид. арк. 60,2. Тираж 150 екз. Зам.

Тираж віддруковано ТОВ «Майдан», 61002, Харків, вул. Чернишевська, 59. Тел.: (057) 700-37-30.

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру видавців
і розповсюджувачів видавничої продукції ДК № 1002 від 31.07.2002 р.

ЗМІСТ

Передмова 6

НАШ ЮВІЛЕЙ

Скорый, С. А. Слово о Светлане Сергеевне Бессоновой 7
Молев, Е. А. К юбилею С. С. Бессоновой 13
Корпусова, В. М. Згадуючи минуле 15
Отрощенко, В. В. Третій постріл скіфської Артеміди 23

СТАТТІ

Чугунов, К. В. Цари и боги Азиатской Скифии (по материалам кургана Аржан-2) 25
Махортых, С. В. Распределители ремней конской упряжи VII—VI вв. до н. э. в Закавказье и Передней Азии 35
Гуцал, А. Ф. Дерев'яні склепи ранньоскіфського часу в курганах Середнього Подністров'я 51
Крютченко, О. О. На кордоні зі Степом: південна група городищ скіфського часу в Дніпро-Донецькому Лісостепу 64
Шрамко, И. Б., Корост, И. И., Задников, С. А. Оборонительная система Восточного укрепления Бельского городища 77
Канторович, А. Р. Мотивы рыбы и дельфина в восточноевропейском скифском зверином стиле: типология, хронология, истоки 101
Клочко, Л. С. Образ сфінкса в декорі скіфського вбрання 119
Мурзин, В. Ю. О золотых «конусах» из скифских курганов 131
Величко, Е. А., Полидович, Ю. Б. Золотые находки из «Никопольских курганов» в коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко 138
Бабенко, Л. И. О бордюрах пекторалей из Толстой Могилы и Большой Близницы 155
Вахтина, М. Ю. Об устройстве каменной гробницы в кургане Карагодеуашх 164
Фиалко, Е. Е. Скифские амазонки: состояние изученности 172
Хохоровски, Я. Аристократка? Амазонка? Или жрица? Заметки к дискуссии о статусе женщин в греко-скифских обществах 193
Пеляшенко, К. Ю. Древности III—I вв. до н. э. Лесостепного Подонцовья 204

CONTENTS

Introduction 6

OUR JUBILEE

Skory, S. A. A word about Svetlana Sergeevna Bessonova 7
Molev, E. A. To the Judilee of S.S. Bessonova 13
Korpusova, V. N. Remembering the Past 15
Otroshchenko, V. V. The Third Shot of the Scythian Artemis 23

ARTICLES

Chugunov, K. V. Kings and Gods of Asian Scythia (Based on the Material of the Arzhan-2 Barrow) 25
Makhortykh, S. V. Harness Fittings of 7th — 6th Centuries BC in the Transcaucasia and the Near East 35
Gutsal, A. F. Wooden Vaults of the Earlyscythian Times in the Mounds of the Middle Dnister 51
Kriutchenko, O. O. On the Border of the Steppe: the Southern Hillfort Group of the Scythian Time of the Dnipro-Donetsk Forest-Steppe 64
Shramko, I. B., Korost, I. I., Zadnikov, S. A. The Defensive System of the Eastern Fortification of the Bilsk Hillfort 77
Kantorovich, A. R. Motives of Fish and Dolphin in the Eastern European Ssythian Animal Style: Typology, Chronilogy, Origins 101
Klochko, L. S. The Image of Sphinx in the Decoration of Scythian Clothes 119
Murzin, V. Yu. About Gold «Cones» of the Scythian Burial Mounds 131
Velychko, E. A., Polidovych, Yu. B. Golden Finds from «Nikopolian Barrows» from the Collections of B. and V. Khanenko 138
Babenko, L. I. About the Borders of Pectorals from the Tolstaya Mogila and the Bolshaya Bliznitsa 155
Vakhtina, M. Ju. On the Construction of the Stone Vault of Karagodeuashkh Mound 164
Fialko, E. E. Scythian Amazons: Level of Study 172
Chochorowski, Ja. Aristocrat? Amazon? Or Priestess? Some Remarks on the Status of Women in Greco-Scythian Communities 193
Pelyashenko, K. Yu. Antiquities of the III—I Centuries BC in the Forest-Steppe Donets Region 204

© ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ НАН УКРАЇНИ, 2018

ПУБЛІКАЦІЯ АРХЕОЛОГІЧНИХ МАТЕРІАЛІВ

Окатенко, В. Н., Скорый, С. А, Зимовец, Р. В. Курган раннескифского времени в Харьковской области 219
Ляшко, Ю. Ю. Пам'ятки раннього залізного віку в околицях Мотронинського городища 236
Могилов, О. Д., Руденко, С. В. Поселення раннього залізного віку біля с. Іванівка в Потясминні 245
Романюк, В. В., Гречко, Д. С., Могилов, О. Д. Дослідження курганів раннього залізного віку в Пороссі 251
Каравайко, Д. В. О трёх городищах скифского времени Путивльского Посеймья 264
Могилов, О. Д. Скіфські поховання з вуздою з Дніпровського Припоріжжя 287
Молев, Е. А. Скифы в Китее 316
Логинова, Е. Ю. Призрачный курган скифского времени у города Сумы 321
Панченко, К. І. Поховання 82 з ґрунтового могильнику біля с. Заломи на Кіровоградщині 330
Полин, С. В., Дараган, М. Н. Доисследование скифского царского Александропольского кургана в 2004—2009 гг. 335
Скорый, С. А., Орлик, А. П., Зимовец, Р. В. Исследование скифского кургана на юге Кировоградщины 352
Приложение 1. *Литвинова, Л. В.* Антропологический материал из скифского кургана у с. Богдановка 357
Приложение 2. *Яниш, Е. Ю.* Результаты определения остеологических материалов из скифского кургана 16 у с. Богдановка 358
Дзнеладзе, Е. С., Сикоза, Д. Н., Симоненко, А. В. Фибулы могильника Красный Маяк 359

PUBLICATIONS of ARCHEOLOGICAL MATERIALS

Okatenko, V. N., Skory, S. A., Zymovets, R. V. Kurgan of Early Scythian Age in Kharkiv Region 219
Lyashko, Y. Y. Monuments of the Early Iron Age the Environments of the Motronin City 236
Mogylov, O. D., Rudenko, S. V. The Settlement of the Early Iron Age Near Ivanivka in Tyasmyn Region 245
Romanyuk, V. V., Grechko, D. S., Mogylov, O. D. Investigation of the Early Iron Age Mounds in the Basin of the Ros River 251
Karavaiko, D. V. About the Three Hillforts of Scythian Time at Putyvl's am Seym Region 264
Mogylov, O. D. The Scythian Burials With a Bridle from the Dnipro Pryporizhya 287
Molev, E. A. Scythians in Kyta 316
Loginova, E. Ju. Phantom Scythians Mound Near the Sumy City 321
Panchenko, K. I. The Burial 82 from the Earth Burial Ground Near the Village Zalomi in Kirovohrad Region 330
Polin, S. V., Daragan, M. N. Repeated Research of the Scythian Royal Aleksandropolsky Kurgan in 2004—2009 335
Skory, S. A., Orlik, A. P., Zimovets, R. V. The Inverstigation of Scythian Burial Mound on South of Kirovograd-District 352
Application 1. *Litvinoiva, L. V.* Anthropological material from the Scythian mound near the village of Bogdanovka 357
Application 2. *Yanish, E. Yu.* The results of determining osteological materials from the Scythian mound 16 near the village of Bogdanovka 358
Dzneladze, O. S., Sikoza, D. N., Symonenko, O. V. Fibulae of Chervonyy Mayak Burial Ground 359

АРХЕОЛОГІЯ І ПРИРОДНИЧІ НАУКИ

Молодин, В. И., Мыльникова, Л. Н. Методы естественных наук в изучении древней керамики (переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Юг Западносибирской равнины) 375
Бейсенов, А. З. Тасмолинская культура Центрального Казахстана в исследованиях начала XXI века 386
Горбаненко, С. А., Меркулов, А. Н. Зерновое хозяйство среднедонского населения скифского времени 397
Приложение. *Сергеева, М. С.* Результаты антракологических исследований 409

ARCHEOLOGY and NATURAL SCIENCES

Molodin, V. I., Mylnikova, L. N. Methods of Natural Sciences in the Study of Ancient Ceramics (Transition Time from the Bronze Epoch to the Early Age. South Western Siberian Plain) 375
Beisenov, A. Z. Tasmola Monuments of Central Kazakhstan in the Studies of the Beginning of the XXI Century 386
Gorbanenko, S. A., Merkulov, A. N. Grain Farming of the Middle Don Population at the Scythian Time 397
Application. *Sergeyeva, M. S.* The results of anthracological studies 409

АРХЕОЛОГІЯ І ПИСЕМНІ ДЖЕРЕЛА

Медведев, А. П. О некоторых источниковедческих проблемах начала скифской истории 410
Вертієнко, Г. В. «Над рогами — сила досконалої зовнішності (до образу оленя у скіфському мистецтві) 418

ARCHEOLOGY and WRITTEN SOURCES

Medvedev, A. P. On Some Problems Connected with Sources on the Beginnings of the Scythian History 410
Vertiienko, H. V. «Above the Horns is the Power of Perfect Appearance» (to the Image of Deer in Scythian Art) 418

Браунд, Д. Аналогії, полярність і мораль у скіфському сюжеті про іппаку: відображення у Геродота, Історія, 4.2 **427**

Braund, D. Analogy, polarity and morality in Scythian Hippake: Reflections on Herodotus, Histories 4.2

ДИСКУСІЇ

DISSCATIONS

Наглер, А. Курганы Евразии — новый взгляд на памятники и новые задачи их исследования **434**

Nagler, A. Barrows of Eurasia — the New Look to the Sites and New Tasks of their Research

Кузнецова, Т. М. От кургана Репяховатая Могила к кургану 407 у с. Журовка / Журавка (хронология) **446**

Kuznetsova, T. M. From the Barrow «Repyahovataya Grave» to the Barrow 407 Near the Village Hurovka / Zhuravka (Chronology)

ІСТОРІЯ І ПЕРСПЕКТИВИ АРХЕОЛОГІЧНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ

HISTORY and PERSPECTIVES of ARCHAEOLOGICAL STUDIES

Левицкий, О. Г., Сырбу, Л. В. Современное состояние и перспективы исследования культуры каннелированного галльштатта типа Кишинэу—Корлатень Карпато-Днестровского региона (XII—X вв. до н. э.) **458**

Levitski, O. G., Sorbu, L. V. Considerations on the Current State of Art and Priorities in the Study of the Chişinău—Corlăteni Culture of the Carpathian-Dniester Area (the 12th—10th Centuries BC)

Джумабекова, Г. С., Базарбаева, Г. А. О раннем железном веке Жетысу: некоторые итоги систематизации данных **469**

Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. On the Early Iron Age of Jetysu: Results of Some Data Systematization

ПЕРЕДМОВА

Цей випуск журналу «Археологія і давня історія України» присвячено Світлані Сергіївні Бессоновій — знаному фахівцю в галузі археології раннього залізного віку Півдня Східної Європи. Коло його авторів досить широке. Серед них — вчені, з якими С. С. Бессонова починала свій шлях у велику науку, її учні, колеги по Відділу археології раннього залізного віку Інституту археології НАН України та іншим науковим центрам ближнього та далекого зарубіжжя. Взагалі, це представники 25 наукових інституцій з 7 країн (Україна, Росія, Молдова, Казахстан, Польща, Німеччина, Велика Британія).

Тематика статей охоплює низку важливих проблем археології раннього залізного віку — від передскіфського періоду до сарматського часу.

Найбільша увага (що цілком природно, через чисельність пам'яток та їх ареал) приділена старожитностям скіфської доби на величезній території Євразії — від Західного Сибіру до Карпато-Дністровського регіону. При цьому, зрозуміло, переважають дослідження, пов'язані з Півднем Східної Європи — різними районами Лісостепу та Степового Північного Причорномор'я.

Пропоновані роботи відповідають рубрикації журналу. Це — меморіальний блок, статті присвячені різноманітним актуальним проблемам археології раннього залізного віку, публікації нового яскравого матеріалу, результати природно-наукових досліджень в археології тощо. Структура журналу поповнена і новими рубриками: «Археологія і писемні джерела», «Історія і перспективи археологічних досліджень», що, безумовно, є корисним для цього видання, яке має досить широку читацьку аудиторію і визнання науковців.

Випуск підготувала редакційна група зі співробітників Відділу археології раннього залізного віку Інституту археології НАН України, канд. іст. наук О. Д. Могилов, Д. В. Каравайко, О. С. Дзнеладзе, Д. С. Гречко. Керівник проекту — професор С. А. Скорий.

С. А. Скорый

СЛОВО О СВЕТЛАНЕ СЕРГЕЕВНЕ БЕССОНОВОЙ

Этот год — юбилейный для Светланы Сергеевны Бессоновой — известного скифолога, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Отдела археологии раннего железного века Института археологии НАН Украины, лауреата Государственной премии Украины в области науки и техники.

Светлана Сергеевна родилась на станции Графская, недалеко от Воронежа, в России, в семье железнодорожника, но её детские и школьные годы прошли в Латвии, куда в 1945 г. перевели на работу отца.

В 1960 г. она с золотой медалью окончила среднюю школу в г. Резекне и поступила на исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Здесь, на кафедре археологии МГУ, у Светланы Бессоновой произошла встреча с человеком и учёным, сыгравшим немаловажную роль в становлении её в качестве будущего специалиста в области скифской археологии. Это была Ирина Владимировна Яценко, замечательный скифолог, ученица фундатора московской школы скифоведения профессора Б. Н. Гракова. Следует отметить, что Светлана Сергеевна в университете слушала курсы лекций по археологии выдающихся учёных, например, упоминавшегося Б. Н. Гракова, А. В. Арциховского, А. Я. Брюсова, В. Л. Янина, Г. А. Фёдорова-Давыдова, Б. А. Рыбакова, В. И. Кузищина, составлявших, несомненно, элиту советской археологической науки. Впоследствии она не раз вспоминала о них с теплотой и благодарностью.

Под руководством И.В. Яценко Светлана подготовила и защитила дипломную работу «Елизаветовский курганный могильник на Нижнем Дону», а также брала участь в раскопках греческой фактории Чайка вблизи Евпатории и поселения кизил-кобинской культуры Балта-Чокрак в Горном Крыму.

Светлана Сергеевна БЕССОНОВА

По окончанию в 1965 г. МГУ Светлана Сергеевна работала в одном из старейших музеев — Керченском историко-археологическом (1965—1971 гг.), в должности научного сотрудника, а позже — заведующего отделом древней истории. В эти годы она участвует в исследованиях античных экспедиций в Пантикапее и Илурате, поселения Огоньки, проводит охранные раскопки одного из склепов 2-го Трёхбратнего кургана у Тобечикского озера на Керченском полуострове (1967 г.), готовит несколько

© С. А. СКОРЫЙ, 2018

Группа студентов 5-го курса исторического факультета МГУ. С. С. Бессонова — в центре, во втором ряду. В третьем ряду, третий справа — куратор группы В. Л. Янин, 1964 г.

В кругу сотрудников Керченского историко-археологического музея, 1968 г.

научных работ. Первой из них была публикация материалов охранных раскопок, осуществлённых сотрудником Керченского музея Л. Г. Мацкевым в Пантикапее (1968 г.).

В 1970—1972 гг. С. С. Бессонова начала охранные раскопки античного города Китея, позже продолженные совместно с Е. А. Молевым.

В 1971 г. Светлана Сергеевна поступила в аспирантуру ИА АН УССР, где её научным руководителем стал один из известнейших скифологов, профессор Алексей Иванович Тереножкин. С этого времени её жизнь связана с Киевом, Институтом археологии, в котором она вначале была научным сотрудником (1974—1984 гг.), а позже (с 1984 г.) стала старшим научным сотрудником.

В 1979 г. С. С. Бессонова защитила кандидатскую диссертацию на весьма сложную и актуальную тему «Религиозные представления населения Степной Скифии».

Мне удалось тогда, ещё студентом пятого курса исторического факультета Симферопольского университета им. М. В. Фрунзе, присутствуя на одном из заседаний Крымского филиала ИА АН УССР, услышать весьма лестные высказывания об этой работе и защите Светланы Сергеевны из уст одного из наиболее авторитетных советских археологов, члена-корреспондента С. Н. Бибикова.

Через несколько лет по теме диссертации ею была издана монография «Религиозные представления скифов», которая стала востребованной всеми современными скифологами.

Со временем тема — религия скифов — была дополнена иными направлениями: этнокультурная и этнополитическая история населения скифского времени степной и лесостепной зон Восточной Европы.

Светлана Сергеевна — активный полевой исследователь. Став сотрудником Института

Сотрудники Китейской экспедиции, 1971 г.

В Китее, 1970 г.

археологии, она работала на раскопках в разных новостроечных экспедициях в Днепропетровской, Запорожской, Киевской, Черкасской, Черновицкой областях, а также неоднократно возвращалась в степной Крым. Речь идет об её участии в исследованиях Северо-Крымской экспедиции (начальник В. Н. Корпусова, 1977—1978 гг.), руководстве самостоятельной экспедицией, раскопавшей один из наиболее крупных курганных некрополей рядового скифского населения на Керченском полуострове — Акташский могильник (1980—1981 гг.), материалы которого были позже изданы в виде коллективной монографии.

Позже она вместе с сотрудниками Керченского историко-археологического музея приняла участие в исследованиях античного города Парфения (2006—2008 гг.).

Одновременно, ещё в 1979 г., после работ на Среднем Днестре (селище раннего железного века у с. Комаров) и участия в раскопках богатого погребения кочевнической знати у с. Квитки (Поросье), Светлана Сергеевна заинтересовалась проблематикой скифской эпохи лесостепной зоне Украины, которая всё более и более привлекала исследовательницу. Её включили в состав лесостепной группы, созданной в Отделе археологии раннего железного века под руководством Г. Т. Ковпаненко. С. С. Бессонова стала принимать самое активное участие в археологических исследованиях в Лесостепи — многочисленных и масштабных разведках, охранных раскопках курганов, которые прово-

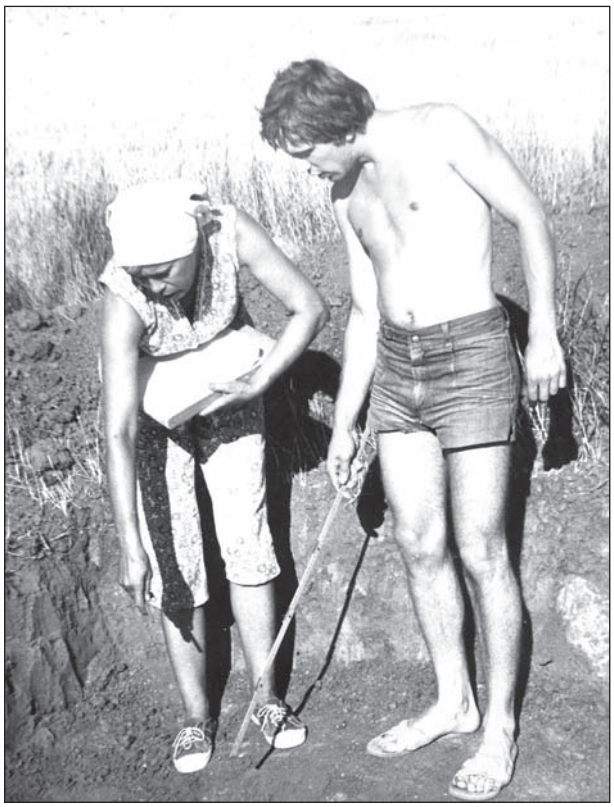
Сотрудники Верхнетарасовской археологической экспедиции. Слева направо: И. Б. Зелинецкая, С. Ж. Пустовалов, С. С. Бессонова, Р. С. Орлов, 1975 г.

Участники Северо-Крымской археологической экспедиции. В центре — В. Н. Корпусова и С. С. Бессонова, 1978 г.

В период раскопок кургана у с. Квитки. В центре — С. С. Бессонова, слева — Г. Т. Ковпаненко, поздняя осень 1979 г.

дила Лесостепная Правобережная экспедиция в 1982—1986 гг. в зоне строящегося газопровода «Уренгой—Помары—Ужгород», на участке в Киевской, Черкасской, Винницкой областях, например у сс. Ивановка, Цветково, Яснозорье, Лисовичи и ряде других. В 1986 г. она была начальником отряда упомянутой экспедиции, осуществившей раскопки скифских курганов в Катеринопольском районе Черкасской области.

Помимо планомерных разведок в зоне масштабных новостроек, Светлана Сергеевна, вместе с коллегами по проблематике, обследовала как достаточно хорошо известные археологические памятники скифской эпохи, так и, по сути, мало или почти неизвестные древности — в иных районах украинской Лесостепи. При этом, была получена новая информация, в первую очередь, о городищах скифской поры в Лесостепном Правобережье, которая оперативно вводилась в науку. К числу таких, безусловно, важных памятников относятся городища — Большое Ходосовское и у с. Веприк в Киевском



На Ак-Ташском могильнике. Крым, Керченский полуостров, 1980 г.

Раскопки скифского кургана у с. Лисовичи, 1983 г.

Поднепровье, у сс. Хиженцы и Журжинцы в бассейне р. Тясмин и ряд иных.

Наиболее важными своими полевыми исследованиями в Лесостепи С. С. Бессонова, не без оснований, считает многолетние раскопки на крупнейшем городище скифской эпохи в бассейне р. Тясмин — Мотронинском (1988—1996, 2000—2001 гг.). Значительная часть полученных в ходе этих исследований материалов были изданы в виде монографии.

Говоря о полевых работах Светланы Сергеевны, нужно отметить и то, что в 1987 и 1989 гг. она осуществила многочисленные разведки археологических памятников на территории пяти

Участники Лесостепной Правобережной экспедиции. В центре — Н. В Рычков, С. А. Скорый, С. С. Бессонова. Ивановка, 1983 г.

На Мотронинском городище скифской эпохи, 2002 г.

районов Кировоградской области в связи с подготовкой Свода археологических памятников Украинской ССР.

Много времени и усилий у неё потребовала также работа по подготовке двух коллективных археологических сводов — монографий по скифским погребальным памятникам степного Северного Причерноморья и древностям скифской поры в Днепровском Лесостепном Правобережье.

А буквально несколько лет назад Светланой Сергеевной, в содружестве с научными сотрудниками Национального историко-культурного заповедника «Чигирин», осуществлены масштабные археологические обследования на Черкащине и, прежде всего, — в бассейне р. Тясмин.

С. С. Бессонова — автор и соавтор более 170 научных работ, в том числе 10 книг (2 — индивидуальные). Среди них, упомянутая уже монография «Религиозные представления скифов» (К., 1983), «Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму» (К., 1986, в соавторстве с Е. П. Бунятян и Н. А. Гаврилюк), «Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион)» (К., 1989, в соавторстве с Г. Т. Ковпаненко и С. А. Скорым), «Мотронинское городище скифской эпохи» (К., 2001, в соавторстве с С. А. Скорым), «Каменные изваяния в контексте этнополитической истории Скифии» (Stratum plus, 2005—2009, 3), «Братолюбовский курган» (К., 2009, в соавторстве с А. И. Кубышевым и Н. В. Ковалёвым).

В свете всего сказанного, представляется вполне заслуженным и закономерным присуждение Светлане Сергеевне Бессоновой в 2015 г. Государственной премии Украины в области науки и техники.

Мне посчастливилось не только быть вместе с С. С. Бессоновой сотрудниками одного научного Отдела на протяжении многих лет, но и работать вместе с ней в экспедициях в степном Крыму и украинской Лесостепи, принимать участие в масштабных разведках и раскопках погребальных и поселенческих памятников, быть соавтором ряда научных работ. И всегда поражали её трудоспособность, ответственность, тщательность и широкая эрудиция при выполнении исследований любого уровня.

Нужно также добавить, что Светлана Сергеевна прилагает немало усилий для подготовки научных кадров. Среди её учеников — три кандидата исторических наук, а число молодых учёных, которых она консультировала и консультирует по тем или иным актуальным вопросам скифоведения, велико.

Светлана Сергеевна Бессонова — не только авторитетный специалист-скифолог, но и чрезвычайно, отзывчивый, добрый человек, который пользуется большим уважением коллег не только Отдела археологии раннего железного века, но и в целом ИА НАНУ.

Её имя и фамилия удивительно соответствуют внутреннему содержанию: светлый человек и большой труженик.

С юбилеем, дорогая Светлана Сергеевна! Доброго здравия и творческого долголетия!

Е. А. Молев

К ЮБИЛЕЮ С. С. БЕССОНОВОЙ

Судьба свела нас со Светланой Сергеевной Бессоновой в августе 1968 г., когда я после окончания истфака Горьковского университета приехал на работу в Керченский историко-археологический музей. Я был зачислен в отдел древней истории, которым руководила Светлана Сергеевна, и она тщательно выяснив мои познания в области археологии и музейной работы, рекомендовала мне пройти стажировку, которая ежегодно организовывалась в то время Одесским или Херсонесским музеем в октябре месяце. А пока я под ее руководством сразу окунулся в подготовку текстов экскурсий, лекций, охранные раскопки в городе. Светлана Сергеевна была к тому времени уже хорошим специалистом, и я многому у нее научился. Особенно важными для меня в этом плане оказались раскопки курганов ямной культуры у села Лугового, где мы с ней и трактористом тамошнего колхоза раскопали несколько интересных памятников. До этого мне не приходилось работать на некрополях, и под руководством Светланы Сергеевны я прошел хорошую школу не только самого процесса раскопок, но и описания курганов, конкретных погребений, зарисовок планов и разрезов, находок и многое другое. Там мы особенно сблизились и подружились.

В 1970 г., когда Светлана Сергеевна собралась вести раскопки боспорского города Китея, она пригласила меня в качестве заместителя. Из-за холеры в Нижнем Новгороде я смог принять участие в работе только с 1971 г. Работать было — одно удовольствие. Светлана Сергеевна оказалась не только хорошим специалистом-археологом, какой я ее до сих пор знал, но еще и хорошим организатором, сумевшим держать в строгости хулиганистых керченских мальчишек, составлявших основной рабочий состав экспедиции. Ребята тоже полюбили ее и, когда она через 3 года передавала экспедицию мне, на прощальной встрече один из них — Боря Бабич, зачитал прекрасное четверостишие, которое в полной мере характеризует созданный ей дух экспедиции:

Любимая Бессонова С. С.
Четыре лета ты несла свой крест,
Связавшися нахаловской шпаной.
Теперь они скучают за тобой!

Отъезд Светланы Сергеевны в Киев на учебу в аспирантуре не прервал наших отношений. Мы с супругой не раз и всегда с удовольствием встречали ее в нашем доме. Однажды, помню, случай был в Белгороде, когда я вернулся с работы домой, немного опоздав. Едва я вошел в квартиру, супруга моя Наталья Владимировна, спрашивает «Ты где был?» Я начал было что-то говорить в свое оправдание, а она, перебив меня, говорит: «А как говорит в таком случае Светлана Бессонова?» «От собаки и слышу», тут же ответил я одной из любимых фраз Светланы. И вдруг из-за холодильника появляется Светлана Сергеевна собственной персоной и уточняет: «Вообще-то я так говорю не всегда». Мы обнялись, и все последующие дни с ней были для нас праздником.

Когда я приехал первый раз в Киев в командировку, Светлана познакомила меня со своими коллегами из скифского отдела и мы до сих пор поддерживаем отношения с ними, как и с украинскими коллегами-античниками, помогаем друг другу, обмениваемся опытом и научной литературой. Светлана Сергеевна не

© Е. А. МОЛЕВ, 2018

раз помогала мне и в подготовке моей кандидатской диссертации, и в подготовке докторской. Практически вся выходящая в Киеве научная литература по археологии благодаря ей теперь имеется в моей домашней библиотеке, что существенно помогло мне как в подготовке основных учебных курсов в университете, так и спецкурсов по археологии и всеобщей истории.

Когда Светлане понадобились люди на раскопки Ак-ташского могильника, я отдал ей одну из групп моих белгородских студентов во главе с Натальей Владимировной. Поскольку супруга моя увлекалась исследованиями в области культовой жизни Боспора, Светлана Сергеевна, будучи признанным специалистом в области скифской религии, многое объяснила и помогла ей понять в этом вопросе.

Отмечу также, что в праздновании каждого юбилея Китейской экспедиции Светлана Сергеевна также принимала активное участие. Словом, «куда бы нас не бросила судьбина» мы всегда помнили друг о друге и всегда были и есть готовы прийти на помощь друг другу, потому что нас объединяет (опять же сошлюсь на девиз Бори Бабича) «дружба вечная, как Керчь»! И поскольку тематика научной работы Светланы связана со скифами, я предлагаю к ее замечательному юбилею наш Китей и скифов, которых мы с ней обнаружили в оном.

В. М. Корпусова

ЗГАДУЮЧИ МИНУЛЕ

З останньої третини XX ст. у соціогуманітаристиці однією з ключових проблем є проблема простору пам'яті. З виникненням нового напрямку досліджень в «новій історичній науці» здійснюється передбачення В. П. Петрова стосовно того, що наука має повернутися обличчям до людини. В контексті проблеми простору пам'яті зростає зацікавленість до мікроісторії минулого, реальних подій, повсякденності тощо. В контекст цієї проблематики вписуються образи археологічних експедицій, які є соціальними структурами закритих співтовариств. Вони відображають життя співтовариства протягом певного короткострокового часу.

Нещодавно інформація про археологічні експедиції відображала тільки наукову роботу та складалися з наукового звіту, публікацій та фінансового звіту. Але існує інший бік експедиції, завдяки якому велика частка успіху її досліджень залежить від людей, умов їх праці, побуту, дозвілля, загальної атмосфери у співтоваристві. Дуже цікавими могли би бути, але не стали спогади про цей бік експедицій, які працювали за часів репресій 1930-х рр., або в голодні роки по закінченню Другої світової війни. Цікавим може бути порівняння згаданого аспекту буття різних експедицій за різних часів в межах Україні та українських із закордонними. Проте і нині життя експедицій не згадується ані в польових звітах, ані в публікаціях. Відсутність такої інформації залишається здебільше повз уваги тих, хто нею володіє, тому що про неї за часи СРСР годі було думати. Стереотип мислення продовжується до нині. Цим пояснюється, чому на дану тему в Україні існують тільки одиничні спогади (І. Ф. Ковальова, В. Ю. Мурзин, можливо ще хтось).

© В. М. КОРПУСОВА, 2018

З плином часу багато чого зникає з пам'яті людини, але дещо яскраве , важливе для неї залишається. Я згадую деякі моменти з життя двох експедицій, пов'язаних зі Світланою Сергіївною Бессоновою, якій присвячений цей науковий збірник. Перший — де і за яких обставинах я з нею познайомилася. Другий — наша участь у роботі Північно-Кримської експедиції.

Зі Світланою Сергіївною моє знайомство триває вже майже пів сторіччя. Ми познайомилися спекотним літом 1971 р. у Криму в Керчі — давньогрецькому місті Пантікапей, що на стародавній землі Боспору. На той час я керувала експедицією, яка досліджувала античний і середньовічний некрополі в с. Золоте (кол. Чигіні) на узбережжі Казантипської затоки Азовського моря. Тоді на півдні України прокинулися холерні вібріони, які дуже тривалий час чекали на пробудження за сприятливих для себе умов. Здебільше вібріони ховалися у забрудненому морі, чи в могилах померлих від холери, котрі були засипані хлоркою, але розкопувалися нашими сучасниками — скарбошукачами. У Керчі на горі Мітридат одного разу ми бачили таке власними очима, коли на вихідний приїхали в місто. Мої хлопці прогнали геть скарбошукачів, міліції ми не бачили. Холеру виявили лише у місті Керч, але увесь Керченський півострів було оголошено карантинною зоною й перекрито кордонами на суші на Акмонайському перешийку та на воді — переправі Крим—Кавказ. Вздовж берега по Казантипській затоці снували катера. Кордон охоронявся ретельно. Така досить велика карантинна зона була необхідна для забезпечення міста продуктами харчування, і Керченський півострів перетворився на острів. В Золотому холери не було, а в Керчі на наш погляд життя йшло як завжди, все пра-

Експедиційні моменти життя

цювало, новим для нас було лише вживання засобів дезінфекції. У морі купатися було заборонено. На кожному кроці на вулиці, на базарі, в магазині, в аптеках було розміщено звичайні рукомийники з хлорованою водою, проте одноразових паперових рушників не було. Засобом дезінфекції люди користувалися й водночас своєрідно дотримувалися гігієни. Наприклад, хлопці з моєї експедиції, коли ми приїжджали на вихідні у Керч, мили руки хлорованою водою з рукомийнику, потім витирали їх об штани на тому місці, на якому сидять. На щастя, холерний вібріон нікого з нас не впіймав.

Виїхати з карантинної зони було можливо лише при наявності довідки про стан здоров'я, яка засвідчувала відсутність в організмі вібріонів холери. Довідка надавалася санітарно-епідеміологічним закладом після проведення спеціального медичного аналізу кожної окремої людини в обсерваторі, розміщеному в Керчі. Заяви на виїзд з карантинної зони спеціальні міські служби формували у список, за яким записували в обсерватор. Заяву треба було надавати заздалегідь, чекати тривалий час через довжелезну чергу у списку. В обсерваторі все було безкоштовним: медичні аналізи, досить непогана їжа в їдальні, ліжка з білизною. Для кожної групи людей зі списку, незалежно від статі, надавали окрему досить велику кімнату. Результати аналізу були готові тільки через декілька днів. Якщо в групі не було хворої на холеру людини, то всю групу вивозили на автобусах з обсерватора за межі карантинної зони, звідки кожен їхав кому куди треба. Слід зазначити, що санітарно-епідеміологічна служба, принаймні в Керчі, спрацювала професійно та якісно.

Ось за таких умов опинилася в обсерваторі Світлана Сергіївна перед вступом до аспірантури Інституту археології АН України. На той час вона працювала в Керченському історико-археологічному музеї після закінчення Московського держуніверситету. У той самий обсерватор потрапили археологи з інших експедицій і моя експедиція крім одного москвича. Варто детальніше розповісти про цей випадок, бо в складі експедиції, крім нього, працювали лише кияни. Москвич працював добре, був з усіма в добрих стосунках, але життєву перевірку на порядність не пройшов. Ніхто з нас не знав, що він був сином армійського посадовця високого рангу, а коли стало відомо про холеру, ми здалека бачили його зустріч з військовими, очевидно на ній він домовився про власну втечу з карантинної зони. Раптово москвич, нічого не повідомляючи нікому, зник. Скоріш за все, військові таємно вивезли його в безпечну зону на катері, або провели сушею через карантинний кордон. Коли ми згортували табір, збираючись їхати в обсерватор, то в його наметі знайшли багато порожніх обгорток ліків від холери, про існування ліків ми і не підозрювали. Враження від цього було сильним. Було порушено моральні норми закритого співтовариства — піклування тільки про власну безпеку за потенційно небезпечних умов та ігнорування товаришів. Всі сприйняли це як зраду. 1991 р. серед учасників експедиції в розкопках некрополя Золоте брали участь майбутні знані археологи: Р. С. Орлов, Р. В. Терпиловський, Я. П. Гершкович, Л. І. Виногродська. Працював в експедиції також В. О. Андрушко, майбутній філософ, який вперше переклав з латини на українську мову і надрукував у 2000 р. широковідомий твір неоплатоніка Амвросія Теодосія Макробія.

Обсерватор, де ми проходили обстеження, був влаштований в стаціонарному піонерському таборі в Керчі. Його будинки та подвір'я були оточені досить високим муром і перебували під вартою. Таким чином обсерватор був ізольований від міського оточення. Він заповнювався відразу певною кількістю людей, яким було заборонено входити і виходити з нього за винятком тільки медичного та господарського персоналу. На подвір'ї стояли лавочки, де ми відпочивали на вже лагідному серпневому сонечку. Там я і зустріла Світлану Сергіївну і ще деяких колег з Москви й Ленінграду, які брали участь в розкопках пам'яток Боспору. Для розмов у нас було багато цікавих тем та часу. Усі ми були молоді, сповнені романтики та сподівань на відкриття нового в археології, любили й досліджували античну грецьку культуру, мали однаковий рівень освіти та професійного фаху.

З цієї зустрічі у керченському обсерваторі, завдяки епідемії холери, почалася моя з Світланою дружба. Нас пов'язувало ще багато чого — однакова площина мислення, почуття чорного гумору, пісні, які співали в експедиціях саме на Боспорі, та багато іншого. Ми працювали у різних відділах — Світлана у відділі раннього

залізного віку, в якому я раніше працювала та досліджувала скіфо-сарматську тематику, а на той час вже перейшла на боспорську тематику в античному відділі. Крім того, ми обидві мали досвід в розкопках курганів. Обидві мешкали в Академмістечку, Світлана — в аспірантському гуртожитку на в. Доброхотова, я — в гуртожитку готельного типу на проспекті Вернадського. Разом зі Світланою в кімнаті мешкала аспірантка Віра Семененко, геолог за фахом. Віра мала дуже добре серце, вона не могла пройти байдуже повз тварин, які потребували допомоги. В маленьку кімнату вона то привезла з експедиції із Сибіру змію, то принесла поранену ворону, знайдену у Києві.

У зв'язку з цим не можу не сказати декілька слів ще про одну людину — співробітника Інституту археології, котрий також гаряче любив тварин. Це — Ярослав Андрійович Шаповал, талановитий художник за покликанням. Нажаль, хоча у нього було декілька персональних виставок, а його картини на тему первісної, трипільської, києво — руської археології прикрашали стіни Інституту й потрапили в документальні фільми про трипілля, але без позначення авторства художника, його талант досі не визнаний сучасниками, у тому числі археологами. В Академмістечку, в невеликій квартирі Ярослава, де зростало троє дітей, весь час в одній кімнаті жили різні тварини — то ворона, то змія, то оленя, то черепаха, не кажучи вже про рибок.

Дружба Світлани та Віри триває донині. Не випадково, коли виникла потреба, Віра Семененко допомогла археологічним дослідженням. Вона безкоштовно, як було прийнято за ті часи, визначила породу кам'яних виробів з розкопок Північно-Кримської археологічної експедиції 1977 р.

Ця новобудовна експедиція вже працювала багато років. Спочатку нею керував П. М. Шульц, а з 1967 — А. О. Щепинський, обидва вчені мешкали в Криму, працюючи у Кримському філіалі Інституту археології НАНУ. Тому я не знала, що Аскольда Олександровича Щепинського звільнили з посади керівника експедиції і чому. У червні 1977 р. дирекція Інституту несподівано для мене запропонувала мені керівництво цією експедицією. Відмовитися від цієї пропозиції було неможливо, бо за це карали позбавленням посади. На той час я вже захистила дисертацію на античну тематику, але продовжити дослідження античних пам'яток Боспору дирекція мені не давала змоги, а розкопки курганів для мене були звичайною справою. До того ж, всі знали, що моєю малою батьківщиною був Крим.

Мені дали стислий термін для організації експедиції. Дуже важливо було перш за все вирішити людський фактор, знайти тих, хто увійде до наукового складу експедиції. Для цього необхідно було домовитися з археологами, що вміють розкопувати кургани і не планують влітку 1977 р. працювати в будь-яких інших експедиціях. Я їх знайшла, це були три жінки, мої добрі подруги і колежанки: Світлана Сергіївна Бессонова, Анета Леонідівна Нечитайло, Катерина Петрівна Бунятян з маленькою донькою Олею. Олі, як і іншим багатьом маленьким дітям, яких матері брали в експедицію, бо не на кого було влітку залишити їх вдома чи відвести до родичів, довелося на собі пізнати переваги й недоліки експедиційного побуту. Дотепний О. В. Сухобоков іронічно назвав нашу команду «жіночим батальйоном», натякаючи на історичний факт існування жіночого батальйону в Російській Імперії, що загинув у боротьбі проти більшовиків у 1917 р. Проте, археологічний бій ми виграли та залишилися живими. Наша команда успішно провела розкопки всіх запланованих 16 курганів, в яких досліджено 183 поховання від доби ранньої бронзи до середньовіччя. Світлана Сергіївна розкопала чотири кургани. Наша дружня команда встигла своєчасно і якісно опублікувати матеріали розкопок у 1977 р., які вийшли з друку у 1984 р. Спочатку ми планували колективну монографію, підготували її, але з'ясувалося, що за зміненими правилами можна публікувати тільки збірку статей. Довелося так і зробити, поділивши текст монографії на три частини — статті, незалежно від того, хто який курган розкопав. Від цього якість інформації не стала гіршою. Збірник наукових праць було оцінено за кордоном. На моє здивування, відповідно до worldcat.org, ще за радянських часів збірник опинився у 12 бібліотеках світу за межами колишнього Радянського Союзу. Звісно, такий успіх результатів роботи експедиції заслуга не тільки старшого наукового персоналу, а і молодих співробітників Інституту, які на той час були лаборантами, а згодом стали відомими вченими. Старшими лаборантами в експедиції 1977 р. працювали: Я. В. Баран, В. П. Белозор, С. А. Купрій, С. Ж. Пустовалов, Л. А. Черних. Лаборантами працювали Т. Г. Рудницька, П. М. Покас, С. С. Россінскій, О. П. Боня, фотографом був О. К. Сиромятников.

Польовий сезон 1978 р. також був вдалим. У Джанкойському і Красноперекопському районах, близько до Перекопського перешийку, у 1978 р. за чотири місяця роботи було розкопано 15 курганів зі 191 похованням, датованими від доби ранньої бронзи до середньовіччя. Проте в цих курганах були і поховання сучасних військових, що загинули у 1944 р. У польовому сезоні 1978 р. я залишилася начальником експедиції, але науковий склад дещо змінився. З кадрів 1977 р. залишилися Світлана Сергіївна Бессонова, Л. А. Черних, С. А. Купрій, А. К. Сиромятніков. У роботі експедиції також брали участь нові кадри з Інституту археології: І. А. Молодчикова, А. Е. Ельчиц, В. В. Генінг, Г. Н. Лисенко. Фотографом і моїм помічником

при вирішенні проблем, що стосувалися безпеки самих розкопок, обчислення об'єму викопаного ґрунту для місячного звіту до Дирекції Кримканалбуду, був В. В. Доценко — молодий викладач Інституту цивільного повітряного флоту, який був небожем Г. Т. Ковпаненко та брав участь у різних експедиціях з самого дитинства. Знов наша команда підготувала матеріали експедиції 1978 р до друку, проте грошей на їх публікацію вже не було, бо фінансування експедицій призначалося тільки на один календарний рік, гроші, які не використала експедиція до кінця поточного року, до експедиції вже не мали відношення. Щоб хоч якось видати матеріали, довелося знайти компроміс. Матеріали експедиції було надруковано згодом у 1989р. препринтом в чотирьох окремих частинах, але не Інститутом археології, а Інститутом зоології АН УРСР. Цей парадокс пояснюється тим, що Інститут археології передав свій структурний підрозділ — Музей археології у наукову структуру Інституту зоології. Саме в Археологічному музеї Інституту зоології працював В. В. Генінг. Він на свій розсуд і відповідно вимогам до препринту зробив нову редакцію матеріалів, які я йому передала що вже були готові до друку. Якість препринтів багато у чому поступалась публікації матеріалів 1977 р. Йдеться не тільки про поліграфію — було порушено авторські права інших учасників експедиції, деякі необхідні відомості не було надано, було використано недопустимі в наукових виданнях терміни, погіршився ілюстративний матеріал, тощо. Та все ж матеріали були надруковані, а це головне.

У той час, коли я займалася вирішенням проблеми публікації результатів розкопок експедиції 1978 р., і звісно не мала часу досліджувати античну археологію, адміністрація інституту вирішила з відповідними наслідками, що я не відповідаю посаді старшого наукового співробітника. Моя публікація 12 друкованих аркушів матеріалів доби бронзи не зараховувалася, бо була не по античній тематиці. В. В. Генінг за цю публікацію отримав підвищення посади, тоді як мене понизили в посаді.

Археологічних успіхів в роботі експедиції у 1977 і 1978 рр. було досягнуто завдяки дружній команді, ядро якої складали археологи з інституту, її чесній ретельній праці, та повній взаємодовірі. Я розраховувала на совість кожного, усі це розуміли та жодного разу не підвели мене як керівника експедиції протягом двох польових сезонів. Звісно, студенти мали поміж себе невідомі мені стосунки, але якщо в них траплялися непорозуміння, то зверталися до мене як до третейського судді в будь-який час. Я працювала на розкопках курганів поруч з іншими, але були обставини, коли не була присутня на розкопі. Кожного місяця мені треба було підготувати і здати звіт про обсяг виконаних робіт і їх вартість в Дирекцію Кримканалбуду, яка знаходилася у Сімферополі, а в Київ везти фінансовий звіт, бо у ті часи керівник експедиції був ще її бухгалтером. Сподівання, що мій від'їзд не вплине на результати розкопок, завжди справджувалися. Ретельна перевірка нашої роботи (польова документація, методика розкопок курганів, побут експедиції), яку проводила спеціальна комісія Президії АН УРСР, в складі якої були вчені біологи, геологи, що самі проводили експедиції і знали їх із середини, визначила Північно-Кримську археологічну експедицію 1977 р. однією з найкращих експедицій АН України. Була і комісія Польового комітету і дирекції ІА АН УРСР на чолі з В. Ф. Генінгом — зам директором з науки, в ній брали участь вчений секретар Інституту С. В. Смирнов, антрополог С. І. Круц, були інші перевірки, навіть таємні, результати яких не виявили недоліків.

В експедиції проходили практику, працюючи за традицією здебільше копачами, студенти різних вузів, а саме, Київського університету ім. Т. Г. Шевченка, Київського педінституту ім. Драгоманова, Київського політехнічного інституту, а також відпускники. До речі, серед студентів педінституту проходив практику й після неї залишився працювати в експедиції Олександр Пошивайло, нині відомий керамолог з Опішне, який створив там Державний музей-заповідник українського гончарства. В експедицію приїхав працювати, щоб філософськи осмислити буття і долю людини у часі, В. О. Андрушко, який про це думав, мабуть, ще на розкопках некрополя у с. Золоте на Боспорі.

Археологічне повсякдення було різноманітним. Була нелегка праця на курганах вдень, а на дозвіллі ввечері та у вихідні були різного штибу розваги. Наприклад, в експедиції існувала традиція посвяти студентів-практикантів в молоді археологи — своєрідне археологічне хрещення. Воно існувало вже у 1937 р. у Південно-Туркменській археологічній комплексній експедиції. Світланою Сергіївною був розроблений певний ритуал цієї посвяти студентів, в якому намагалися вжити грецькі античні традиції наскільки це було можливо за наших умов. Було обсипанням зернами тих, кого посвячували, за браком зерен злакових рослин використовували плоди дикої маслини (лоха), яка росла в лісосмузі поруч з нашими наметами. Звісно, не обійшли увагою і воду — нею обливали, а потім кидали кожного посвяченого в канал поруч із табором. Були і інші дії. Традиція посвяти була справжнім молодіжним святом, всім було весело і воно запам'ятовувалось надовго. Вечорами на галявинці між наметами розпалювали невеличке багаття, бо вогонь завжди магічно притягує до себе людей. Тихенько під гітару, або без неї лунали пісні, серед них ніколи не було офіційних. Археологічні, туристичні, пісні політв'язнів та інші були російською мовою: «У Геркулесових

столбов лежит моя дорога…», «Пусть я умру под Ахероном…», «Там за Танаис рекой…», «Я потомок хана Мамая…», «Бери лопату, кидай подальше и отдыхай пока летит…», «, «Я иду по взлетной полосе…», «Будь проклята ты Колыма…» та інші.

Традиційним було святкування днів народження співробітників експедиції з Інституту археології. Накривали святковий стіл. Крім того Сергія Пустовалова вітали віршем, складеним гекзаметром. За подарунком — керамічним виробом — для Люди Черних їздили в магазин у Джанкой. Одного разу восени, коли наш табір розміщувався далеко від села в порожньому колгоспному будинку, де колись розводили тутовий шовкопряд і залишки коконів ще збереглися, ми за столом святкували день народження когось з команди. Несподівано в дім ввалилася гурба сільських молодиків на підпитку з явною метою бійки з нами. Ми завжди уникали спілкування з місцевою молоддю, пам'ятаючи трагічну долю Саші Румянцева, якого вбили місцеві молодики підчас бійки в експедиції О. М. Лескова на Херсонщині. Наша ввічлива розмова з місцевими була результативна, ми запросили їх сісти за стіл і святкувати з нами. Все обійшлося миром.

У вихідні дні ми їздили відпочивати у різні куточки Криму щоб побачити історичні та ландшафтні пам'ятки. Були дальні мандрівки: у гори на Мангуп — Кале, столицю князівства Феодоро, у Судак — генуезьку фортецю, на Боспор, та ін. Подорожі почалися з близького Сиваша. Він дуже відрізняється як від моря, так і від озера. В ньому замість води — рапа, до неї треба йти по грузькому чорно-синьому мулу. Окрім нас на Сиваш приїжджали і інші шанувальники екзотики, вони використовували мул як лікувальну багнюку, обмазувалися нею з голови до ніг без будь-якого медичного контролю. Нам було цікаво, які відчуття у людини викликає рапа, чи можна в ній плавати, а потім її змивали з себе у канаві з прісною водою, що текла вздовж берега Сиваша. У мулу Сиваша ми побачили дещо несподіване — снаряди, бомби та іншу вибухівку різних часів. Коли вітер відганяв від берега воду, то вони оголювалися у мулі. Їх сюди викидали сапери, адже занадто багато всього, що вибухає, зберігав кримський степ.

Яскраві спогади залишилися від поїздки на схід від нас, у мальовничу вузьку гірську долину, де розташована палеолітична стоянка Ак-Кая, яку досліджував Ю. Г. Колосов. Там високо над рівнем річки на самому верху крутого схилу долини немов височенні мури вертикально здимаються білі скелі, звідси походить і топонім — Ак-Кая, тобто Біла Скеля. Ці бескиди геологи звуть куестами. Такий самий мальовничий ландшафт існує і в південно-західному Криму, де гірські річки Альма, Кача, Бельбек з плином часу також прорізали товщу вапнякових відкладень і утворили куести. Проте тільки на Ак-Кая окрім вапняку зі скам'янілими равликами збереглися інші наочні яскраві свідоцтва існування тут дна прадавнього океану. Йдеться про зуби акули, які ми збирали ніби гриби. Багато зубів прадавньої акули, які не були втоплені у вапняк, а просто скам'яніли та виглядали як сучасні, ми знаходили просто на землі. Ці знахідки на бескиді, високо над річкою викликали неймовірні почуття перебування на дні прадавнього океану.

Досліджувати кургани ми почали зі сходу — в Нижньогірському районі, де на ланах вже було зібрано врожай, але не всюди. Відразу за парканом подвір'я, де ми влаштували свій наметовий табір, на великому полі ще цвіла нова для Криму рослина — гречиха. Звідти доносились до нас солодкі запашні хвилі повітря. Гречиха потрапила у Крим разом з водою Північно-Кримського каналу. Та не тільки рослини, але і тварини відчули воду й поширили свій ареал. Проте ми нічого не могли зробити, якщо разом з насипом кургану розкопками руйнували житла таких тварин. Так, одного разу опівдні, коли сонце було особливо спекотне, на обідній перерві ми сиділи на краю лісосмуги, котра, як зазвичай на півдні, давала мало тіні. Бачимо, з кургану, який розкопувала Анета Леонідівна Нечитайло, в насипу котрого була розгалужена система великих широких нір (як ми гадали лисиці), швидко йде повз лісосмуги досить велика кошлата сірого кольору тварина. У неї були коротенькі лапи, масивна широка спина, чорна смуга йшла від носа через очі до потилиці. Судячи з будови нори та зовнішнього вигляду тварини, це був лісний мешканець — борсук. Ніхто з нас до цього не бачив наживо борсука. Взагалі борсуки живуть у горах Криму, але зрідка і у степу. Нам стало його шкода. Але що ми могли зробити? Ми тільки пожартували, мов Анета зробила борсука безхатченком, та тварині від цього легше не стало. Де він знайде нову домівку? Рівний степ, лісу нема, кургани знищуються. Наступного разу ми намагалися допомогти тваринці, чию домівку також зруйнували розкопки. В насипу кургану, що я розкопувала, ми знайшли не тільки нору, але і запаси пшениці на зиму та хазяїна нори. Це був крапчастий ховрашок. Нещасна тваринка мабуть заціпеніла від переляку, не намагалася утекти і не виявила спротиву навіть тоді, коли я взяла її на руки щоб її сфотографувати. Потім ховрашка разом з запасами пшениці, яке заповнило велике відро з верхом, віднесли подалі від кургану в поле і залишили самого. Якщо йому вистачить часу і він зуміє вирити нову нору та запаси їди на зиму ніхто не забере — він перезимує. Ми дали ховрашку шанс на життя.

Бувають роки, коли той чи інший вид тварин надмірно розмножується. 1978 рік був роком великої плодючості мишей. У селі, де ми зупи-

нились, щоб докопати останні кургани й зробити розвідку курганів для розкопок наступного року, я мала змогу спостерігати комічні сцени полювання тварин. Серед дня молодий півник щодуху втікав з мишею в роті, з якого сторчала вже тільки задня половина тулуба миші з лапками й хвостиком, а інші кури наздоганяли його, намагаючись відібрати здобич. Інша сцена: також у полудень кіт сторожив мишу, яка забігла під край купи хмизу біля тротуару і далі не тікала, її було видно усім. Була пізня осінь, і у наметах було холодно. Під базу радгосп нам виділив у селі три маленькі кімнати у старому занедбаному будинку. Навіть у приміщенні уночі вода у відрі замерзала. Миші не давали нам спокою — їли харчі, що зберігалися в диктовому ящику, забиралися кожного дня до всіх у спальні мішки. Та хлопці принесли маленьке руде кошеня, котрого назвали Куняшою, на честь інститутського лаборанта Куницького. Проблему мишей кошеня вирішило.

Розкопки курганів просувалися вслід за сонцем зі сходу на захід по рівнинному степу до самого Перекопського перешийку. Північно-Кримський канал вже існував, будувалася його друга черга. Ми розкопували кургани на полях, які готували під рисові чеки. Дніпровська вода каналу принесла у сухий степ життя, проте водою треба було вміти користуватися. Корінні кримчани знали, що родючі темно-каштанові ґрунти при зайвому зрошенні швидко засолюються й стають непридатними для землеробства. Саме таке явище ми побачили, коли одного разу, розшукуючи курган запланований для розкопок, експедиційна вантажівка проїжджала повз велике за площею поле, де густо росли буро-червоні будяки заввишки до двох метрів. Більше нічого там не росло. Це було дуже незвично, я не знала, звідки такі рослини взялися. Голова сільради, у якого я підписувала «Відкритий лист» і спитала про те чудернацьке поле, пояснив що сталося. Коли збудували канал, він керував відділенням радгоспу, в підпорядкуванні якого знаходилося те поле. Вода була безкоштовна, її було багато, от і поливали самопливом вдень і вночі на свій розсуд. Врожаї отримували великі, але невдовзі вони зникли. Трапилося лихо, солі з глибини землі піднялися на поверхню, з'явилися солонці. Рослини, що на них росли, ні для чого не були придатні, не годились навіть як підстилка для скота. Таке явище з'явилося тому, що населення Криму після ІІ Світової війни дуже змінилося, переселенці не володіли знаннями агротехніки південної культури поливного землеробства, а гідрологів у сільському господарстві спочатку не було. Вірогідно, такі ж процеси засолонення ґрунту з відповідними наслідками відбувалися і в перших ранньоземлеробських спільнотах з поливним землеробством у добу енеоліту—бронзи на різних теренах.

Північно-Кримський канал оживив степ, до нього він був зовсім іншим. На власні очі я бачила, яким він був суворим, посушливим. Тут були і пилові бурі і міражі навіть ще у 1950-і рр. Їх бачили всі, зокрема і я, учасники археологічної розвідки, яку у 1960 р. проводив Ю. Г. Колосов по трасі майбутнього Північно-Кримського каналу. Ми бачили наслідки пилової бурі, що знімала чорну землю з поверхні степу і переносила її дуже далеко. Внаслідок цього кучугури чорної землі, мов снігові намети, були заввишки аж до самого підвіконня хатин. Ми також бачили справжній низовий міраж. Він зазвичай з'являється в пустелі, яким і був тоді кримський степ. Міраж був у вигляді незвичного для Криму пейзажу: на передньому плані була широка водяна полоса річки, а берега, ближчого до нас, не було видно. Над дальнім берегом вгору здимався зелений крутий схил. На береговій терасі стояла дерев'яна хата, трохи далі вздовж річки височіли копни сіна та верби, за ними ріс зелений ліс.

Однак, степовий Крим був сухим не завжди. Чотири тисячоліття тому тут був вологій клімат, про що розповіли нам знахідки рослинних артефактів з наших розкопок курганів. Особливості мікроклімату та близькість Сиваша обумовили збереженість органічних матеріалів з поховань катакомбної культури, що є унікальним явищем в археології. В одній катакомбі біля двох небіжчиків високого соціального статусу лежали колосся пшениці, загорнуті у грубу тканину, поруч знаходилися чотири дерев'яні колеса від возу. В експедиційних умовах глибоко під землею у катакомбі, не виходячи на сучасну денну поверхню, по якій на той час вже гуркотіли трактори готуючи поле для посіву озимини, вдалося зробити консервацію і зберегти ці унікальні матеріали. Катакомбу ми дослідили через отвір у вхідній ямі, порушуючи правила безпеки. Долівка катакомби була лише трохи притрушена глиною, що впала зі стелі. Ми всі ніби попали машиною часу у добу бронзи, були вражені тим, що в Європі ніколи ніхто до нас не знаходив, не бачив наживо, бо органічні речі швидко зникають, розкладаються. Для роботи зі щоденником, креслення, консервації та фотографування в камері було темно. Щоб її освітити, Володя — водій експедиційної вантажівки, не побоявся можливості розрядити акумулятор авто. Він підключив до нього переноску з електричною лампою. Вона горіла доти, поки всі необхідні роботи з фіксації та консервації матеріалів були виконані. Це зайняло тривалий час, коли я спустилася в катакомбу, високо в небі сяяло сонце, коли вилізла з неї, була ніч, на небі блищали зірки. Весь цей час ніхто не покинув курган, всі чекали на поверхні кінця роботи в ній і раділи археологічному щастю. Акумулятор також витримав, не розрядився.

В іншій катакомбі кістки скелета небіжчика високого соціального статусу під час перепоховання були обмотані очеретом. Ще в деяких ка-

такомбних похованнях збереглися підстілки і настил з очерету. Отже, артефакти з рослинної сировини, котрі належали катакомбній культури і датуються ще початком II тис. до Р. Х. доводять, що кримський степ був придатним для землеробства. На ланах люди сіяли плівчасту пшеницю двох видів: одно — та двозернянку. Її колосся вони зображували на глиняному посуді. До речі, в Криму до початку 1930-х рр. ще культивували плівчасту пшеницю — полбу. В кримських степових долинах текли річки, в їх плавнях зеленіли болотяні рослини — очерет, ситник, болотниця. По берегам річок здималися віковічні дуби, з яких виготовляли колеса возів. Під вітром в степу покачувалися шовково-білі хвилі ковили. Стеблі ковили та болотяних рослин слугували сировиною для виготовлення ниток, які використовувались для тканння грубої тканини.

Степ дарував нам і побутові сюрпризи, вони іноді ставали проблемами. В Джанкойському районі експедиція отаборилася неподалік села в лісосмузі біля каналу. Готували їжу самотужки, питну воду привозили у великих молочних флягах, які стояли на галявині біля наметів, поруч з обіднім столом. Посуд мили в каналі й полоскали питною водою, для сміття викопали глибоку яму. Такий побут був звичайним для експедицій у степу. Проте якось у всіх почали боліти животи. Ми були в цьому не одинокі, до нас дійшли чутки, ніби вся експедиція І. М. Шарафутдінової захворіла на дизентерію і потрапила у лікарню. Її експедиція працювала у Нижньому Придніпров'ї, далеко від нас, але чого на світі не буває… Такий стан нас не влаштовував. Почали шукати причину цієї хвороби, посилили гігієну, посуд мили тільки питною водою, фляги з нею щільно закривали, викопали нову сміттєву яму, стару закопали, сміття прикопували землею. Нічого не допомагало. Відповідь знайшлася випадково. Коли всі від'їжджали на кургани, в таборі залишалися тільки чергові, роботи їм вистачало. Я також залишилася в таборі, бо був кінець місяця, треба було готувати два звіти. Працювала за обіднім столом. Раптово на мене зверху посипалося щось біле, незрозумілий порошок і я побачила над головою літак сільгоспавіації, який здобрював поля та, не закривши люка з добривом, робив розворот саме над нашим табором. Ось і знайшлась розгадка нашої хвороби — добрива. Далі було просто. Я швидко знайшла авіаторів в колгоспній їдальні. Ми поспілкувалися і проблема була вирішена. Згадуючи експедиційне харчування, хочу зазначити, що копачі, художники — студенти-практиканти і відпускники — завжди їли те саме, що і археологи і за одним столом. У спекотні дні після їди для чаю всі потребували велику дозу солодкого. Цукор з літрових банок на столі зникав вмить, насипали його знов і повторювалось теж саме. Це був інстинкт самозбереження, підтримка серця, яке страждає при тепловому перегріві. Зазвичай готували їжу 2—3 чергові, як правило це були студенти, спеціальних кухарів не було. Якщо були труднощі з покупкою продуктів харчування, або бракувало часу на приготування їжі — ми харчувалися в їдальнях, купуючи однаковий для всіх набір страв. Такою була побутова рівність усіх в експедиції. На їжу треба було витрачати лише 1,44 руб. польових коштів на добу.

Крім маленьких проблем, скоріше непорозумінь, експедицію чекала справжня дуже небезпечна проблема. Ми працювали близько від Сиваша, від Литовського півострова, острова Руський, саме там, де двічі армії переходили Сиваш бродом у Громадянську і Другу світову війну. Розкопували кургани біля с. Целінне на землях радгоспу, господарство якого спеціалізувалося на вівчарстві. Незадовго до нашого приїзду тут сталася трагічна подія. Влітку 1978 р. молодий щойно демобілізований з армії солдат-сапер став працювати вівчарем. У степу, де паслися вівці, він знайшов міну і, вважаючи себе справжнім сапером, самотужки почав її розміновувати. Від нього знайшли тільки один чобіт. Довелося і нашій експедиції зустрітися з луною війни, що минула. У великому насипу одного з курганів ми знайшли багато вибухонебезпечних речей: нерозірвану авіаційну бомбу, декілька залізних ящиків з набором снарядів. Останні здавалися готовими до пострілів. На відміну від залізних заіржавлених ящиків гільзи снарядів іржа не торкнулася, латунні голівки блищали мов золоті. Знайшли і набої з трасувальними кулями та ін. Я дуже боялася дротів, що проходили вглибину насипу. Чомусь гадала, що вони ведуть до вибухівки і може через них статися лихо. А виявилося, що вони були телефонними кабелями. Тут сказалася психологічна напруга і вплив кінематографічних сюжетів. За моїм проханням Володя Доценко поїхав у Джанкой й привіз на курган офіцерів із військового саперного підрозділу та із воєнкомату. У міношукачі військові нам відмовили, кажучи, що археологи працюють краще за саперів, і запропонували подальші знахідки боєприпасів залишати на відвалі, а вони час від часу приїжджатимуть та забиратимуть те, що ми знайдемо. Сапери забрали знайдені нами вибухонебезпечні предмети і поїхали. На кургані емоційна напруга зростала. Якщо я на короткий час у справі експедиції відлучалася з кургану, бульдозерист припиняв роботу і чекав на моє повернення. Ми ж працювали не тільки ножами та щітками. Великий бульдозер С-100 з силою вганяв ніж у тверду мов камінь глину десь на 7—10 см. Та нам щастило. Потім в центрі насипу кургану ми розкопали останки радянського офіцера. На скелеті, що лежав на спині, на поясі була граната-лимонка з чекою, стопки тонкого паперу для цигарок-самокруток, шкіряні ремінці від польової

сумки. Скоріш за все це було поховання офіцера, який помер від ран. У насипу ми знайшли також уривки телефонних кабелів, окремі кістки людських скелетів, обгорілі шматки партійного та комсомольського квитків, на одному з яких зберігся уривок вірменського прізвища та медаль «За відвагу» з номером. Людина, якій належала ця медаль, загинула тут навесні 1944 р., вона воювала з самого початку війни, бо тільки тоді на медалі «За відвагу» ставили номери, пізніше медалі були без них. Рештки документів і медаль я віддала в шкільний музей у Джанкої, яким опікувався місцевий ветеран війни. За домовленістю з головою сільради рештки скелетів військових в спеціально виготовленій труні селяни поховали у вже існуючий братський могилі. Коли голова сільради та інші селяни приїхали із труною за останками військових, одночасно на курган під'їхав самоскид, водій якого працював на будівництві Північно-Кримського каналу. Виявилося, що він воював в складі армії, що визволяла Крим від окупації нацистів. Саме тут його батальйон форсував Сиваш навесні 1944 р. Він розповів нам про ті вже давні, але незабутні події. Ось ця розповідь.

Його батальйон перейшов Сиваш надвечір, стояла тиша, німці відступили. На пласкій рівнині була лише одна висота, курган, в якому раніше німці влаштували бліндаж. Ним скористалися наші військові, до бліндажу підтягнули телефонний зв'язок, ось і готовий штаб батальйону. В бліндажі відпочивали втомлені після важкого переходу через Сиваш штабні офіцери, серед яких був молодий вірмен, зв'язкові, ординарці. А на світанку налетів німецькій бомбардувальник і розбомбив курган з бліндажем. Загинули всі, хто там спав. Дізнавшись про наші розкопки кургану, водій самоскиду не міг не приїхати сюди, щоб віддати шану своїм загиблих товаришам та розказати нам як все було.

На бровці кургану зібралася вся наша експедиція, селяни, всі слухали розповідь учасника тих трагічних військових подій. Несподівано до нас під'їхав легковик з Сімферополя з Кримканалбуду з куратором нашої експедиції. Хтось зателефонував йому про наші затримки з розкопками кургану. Чиновник, не звертаючи уваги ні на кого, закричав: «Горни эти мослы в отвал! Тебя ждут в другом хозяйстве!» Боляче було чути, що гасло: «Ніхто не забутий, ні що не забуто» для чиновницьких прошарків суспільства було порожнім звуком. Наші гості роз'їхалися, а ми продовжили проводити дослідження кургану. Порушення насипу спостерігалося за стратиграфією. Видно було, що частина насипу була досипана у пізній час, це була сучасна досипка насипу. Воронку від розбомбленого кургану засипали після війни, останків загиблих, документів, різного штибу вибухівку ніхто не шукав.

Не зважаючи на небезпеку, цей курган ми розкопували за всіма правилами археологічних польових досліджень. Винагородою за це була поїздка на вихідні у куточок справжнього Середземномор'я, яким вважається Крим. Ми поїхали у Новий Світ, що знаходиться за Судаком. Від Судака до селища гірська дорога пролягала високо над рівнем моря. Її перетинав шлагбаум, в'їзд в селище був за перепусткою, якої у нас не було. Довелося довго розмовляти зі черговим, пояснювати йому хто ми такі, що робимо, що знайшли, чому саме сюди приїхали, спрацював і «Відкритий лист», в якому було прохання всім органам допомагати в роботі археологічній експедиції. Врешті-решт нас пропустили. Була вже ніч. Під'їхали до селища Новий Світ, яке було видно далеченько унизу біля берега моря. Машину залишили біля дороги. Поскидали спальники біля машини, залишили чергового і пішли вниз до моря через парк якогось пансіонату, в якому вже всі спали. Не побачили і охоронців. Після напівпустельного степу з курявою та лісосмугами, що не дають прохолоди, парк пансіонату з квітучими субтропічними деревами, запашними квітами повсюди, тихим шурхотом прозорих хвиль, що набігають на кам'янистий берег моря — все це здавалося нам справжнім раєм, справжнім новим світом. Наступного дня у мене в голові лунала думка: у кого вистачить духу на мить ковтнути принади цього раю й за своєю волею повернутися у степ, до небезпечного кургану? Але мої побоювання виявилися безпідставними. На другий день у неділю відразу після обіду молодь стала підходити до мене по одному і питати, коли ми повернемося до дому. Своєю домівкою команда вважала наметовий табір у степу. Моральна атмосфера в експедиції була така, що ніхто не хотів від'їжджати з експедиції та повертатися до Києва, хоча там його або її чекали невідкладні справи, навіть мала дитина, як от у Ірі Молодчикової.

Участь у Північно-Кримський археологічній експедиції дала всім нам, сподіваюся і Світлані Сергіївні, дуже багато. Ми отримали численні якісно нові археологічні матеріали. Незабутніми стали подорожі вихідного дня по історичним теренам та ландшафтним пам'яткам Криму. Ми відчули дух співробітництва у закритому колективі. Експедиція зробила друзями малознайомих чи зовсім незнайомих людей. Якийсь час ми жили без ідеологічного тиску, отримали справжній моральний відпочинок, хоча фізично працювали багато.

Такими я пам'ятаю деякі епізоди з нашого минулого, з експедиційного життя. Зараз Світлана Сергіївна поважна людина, відома шанована археологиня в Україні та за її кордонами. Бажаю їй щастя та нових творчих успіхів.

В. В. Отрощенко

ТРЕТІЙ ПОСТРІЛ СКІФСЬКОЇ АРТЕМІДИ

Ювілей провідної української скіфознавиці Світлани Сергіївни Бессонової застукав автора зненацька й навернув на спогади щодо далекого, але пам'ятного 1976 р. Майбутня ювілярка на той час стала, після успішного закінчення аспірантури ІА АН УРСР, штатним науковим співробітником Інституту й невдовзі її мобілізували на розкопки курганів до складу Запорізької новобудовної експедиції. Щоправда, розкопувати їй довелось кургани доби бронзи в степовій глибинці Веселівського р-ну. Світлана Сергіївна професійно виконувала свою роботу, результати якої тішили хіба що начальника експедиції, який набирав матеріал для своєї дисертації. Поза тим, на скіфському фланзі досліджень експедиції вже мерехтіла золотими знахідками курганна група Вишневої Могили біля с. Гюнівки Кам'янсько-Дніпровського р-ну. Там розкопками керував Ю. В. Болтрик. І саме там засяяла сенсаційна знахідка, що прикрасила обкладинку першої монографії ювілярки (Бессонова 1983).

Вже восени І. П. Савовський дослідив кург. 11, де в пох. 4 виявив золоту ажурну прикрасу оголів'я коня зі сценою полювання на оленя.

Світлана Сергіївна мала приємність стати свідком цього відкриття й привезти перше зображення знайденого начальнику експедиції. У ті роки керівників експедицій змушували щомісячно приїздити до Києва з фінансовим звітом. Відтоді, здається, серед співробітників експедиції пішов поголос, що кращі знахідки з'являються, коли начальника немає в полі. Нехай там як, а мисливський сюжет з Гюнівки став для мене нерозривно пов'язаний з особою С. С. Бессонової. Саме вона вписала цей шедевр у систему релігійних уявлень скіфів як образ лучника та мисливця Аполлона-Гойтосіра чи його міфологічного еквівалента (Бессонова 1983, с. 116—118, рис. 34). Віддаючи належне зробленому ювіляркою, висловлю й своє бачення сюжету, втіленого в золотому мереживі артефакту.

Власне, першу інтерпретацію зображення було оприлюднено за гарячими слідами знахідки ще наприкінці пам'ятного року. Півтори колонки авторського тексту із поліхромним фото на розвороті були врізані в практично зверстаний грудневий номер журналу «Курьер ЮНЕСКО. Скифы». Російськомовна його версія вийшла друком у січні 1977 р. (Отрощенко 1977, с. 21—22). Ю. В. Болтрик припускав, що стаття, видана 15 мовами в такому журналі стане для її автора рекордною за кількістю цитувань. Проте, склалось не так, як гадалось. За понад 40 років цей текст згадали 8 разів, причому, лише двічі скіфологи (Бессонова 1986, с. 161, рис. 46; Фіалко 2004, с. 48, рис. 1). Нагадую про його існування аби пояснити появу «амазонки» в назві статті, коли авторська назва тексту «Охота скифской Артемиды» зазнала в Парижі редагування. Уважна О. Є. Фіалко помітила неузгодженість назви статті, де фігурує «амазонка», з «Артемідою» в тексті (Фіалко 2004, с. 48, рис. 1).

Хоча, «амазонку» пов'язує з богинею-вбивцею не лише належність до однієї статі, але й імовірність певної субординації, зважаючи на те, що Артеміда Ефеська виступала покровителькою амазонок (Тахо-Годи 1987, с. 108). Вона мала незрівнянно ширші й потужніші функції, порівняно зі земними амбіціями войовничого жіноцтва. Мабуть не випадково образ скіфської Володарки звірів, ґрунтовно розроблений С. С. Бессоновою, пов'язаний з Кібелою та Артемідою (Бессонова 1983, с. 81—98). Дослідниця також згадує зображення полювання піших жінок на оленя

© В. В. ОТРОЩЕНКО, 2018

у фракійському мистецтві, які копіюють статуарні типи Артеміди-мисливиці (Бессонова 1983, с. 118). Проте, оминаючи увагою ці паралелі, С. С. Бессонова певна, що з лука на Гюнівській платівці стріляє вершник — особа чоловічої статі. Але ж така впевненість вимагає додаткової аргументації. А які підстави вважати стрільця саме чоловіком, коли цей сюжет у скіфському мистецтві виявлений уперше, а видимих ознак маскулінності у лучника не помітно?

Ґрунтовніше до питання статі лучника чи лучниці підійшла О. Є. Фіалко. Відзначивши контроверсійність висновків щодо нього дослідниця, на підставі аналізу зачіски, одягу та бічної посадки на коня, доходить висновку, що маємо справу з вершницею, зіставною з грецькою Артемідою та скіфською богинею Аргімпасою (Фіалко 2004, с. 51—54). До наведених дослідницею спостережень можна додати осину талію мисливиці, відмінну від кремезної постави скіфських лучників (Черненко 1981, с. 24 и сл., рис. 13, 14: 1, 34, 60, 64, 77, 79, 96). Відзначу, що вершниця, тримаючи лук у лівій руці, правою дістає третю стрілу з горита, тобто повернута спиною до глядача.

У першій інформації, щодо розкопок у Гюнівці, особу вершниці подано як «діву-воїтельку» (Болтрик, Отрощенко, Савовский 1977, с. 21—22). Наступні ідентифікації призвели до пошуку відповідників героїні сюжету у постатях грецької Артеміди та скіфської Аргімпаси. Щоправда, таке сполучення не зовсім відповідає зіставленню скіфських та грецьких богів за Геродотом. У батька історії Аргімпаса ототожнена з Афродітою Уранією (Небесною) (Herod., IV, 59). Проте, схильність до стрільби з луком та функція володарки тварин зближує Аргімпасу швидше з Артемідою ніж із Афродітою. Тим більше, що Гойтосір був ототожнений Геродотом із вправним лучником Аполлоном, братом-близнюком Артеміди.

Композиція платівки оголів'я легка, ажурна й чимось нагадує витинанку. Сюжет відтворює ритуальне вбивство під стилізованим деревом життя (світовим деревом), не виключено, що в контексті ритуалу ініціації. Динамічною є права половина композиції, де кінь на гарці переслідує жертву, а вершниця готується до третього пострілу. Поранений олень навпаки ось-ось упаде на передні ноги, що вже підламуються. Має місце кульмінаційний акт ритуальної офіри задля гарантування перманентності буття. З іншого боку це чи не останній щемливий акорд золотої осені Великої Скіфії.

Гюнівська платівка лишається сюжетно унікальною. Серед ймовірних, принаймні композиційно, аналогій варто звернути увагу на скельний рельєф святилища в с. Буша Ямпільського р-ну Вінницької обл. Такі складові його композиції як ажурне безлисте дерево з півнем на гілці, людина навколішках з молитовно складеними руками та олень з гілчастими рогами мають репліки в скіфському образотворчому мистецтві. Й це не лише Гюнівська, але й платівка з с. Сахнівка зі сценою офірування поставленого навколішки скіфа з баранячою головою в руках (Вертієнко 2015, с. 69, мал. 55) та ажурне зображення півнів (гіпокампів?) з пох. 2 кург. 11 біля с. Гюнівка (Болтрик Фіалко 2007, с. 54, рис. 1: 24). Жвава дискусія довкола віку рельєфу з Буші триває вже понад 130 років з розвоєм у датуваннях від I до XVI ст. (Винокур 1994, с. 122, рис. 3). Чому б не поглибити ймовірний вік цього святилища ще на 300 років? Вважаю, що сцена полювання скіфської Артеміди-Аргімпаси дає для цього підстави й маю надію, що Світлана Сергіївна підтримає дискусію зі свого боку.

ЛІТЕРАТУРА

Бессонова, С. С. 1983. *Религиозные представления скифов*. Київ: Наукова думка.

Бессонова, С. С. 1986. Памятники религии и искусства. *Археология Украинской ССР*. Киев: Наукова думка, 2, с. 156-170.

Болтрик, Ю. В., Отрощенко, В. В., Савовский, И. П. 1977. Исследование Рогачикского курганного поля. *Археологические открытия 1976 г.* Москва: Наука, с. 269-270.

Болтрик, Ю. В., Фиалко, Е. Е. 2007. Украшения из скифских погребальных комплексов Рогачикского курганного поля. *Старожитності степового Причорномор'я і Криму*, XIV, с. 51-93.

Вертієнко, Г. 2015. *Іконографія скіфської есхатології*. Київ: Видавець Олег Філюк.

Винокур, І. С. 1993. Дослідження Бушанського скельного комплексу. *Археологія*, 3, с. 122-135.

Отрощенко, В. В. 1977. Охота скифской Артемиды. *Курьер ЮНЕСКО. Скифы*. Париж, январь, с. 21-22.

Тахо-Годи, А. А. 1987. Артемида. *Мифы народов мира*. Москва: Советская энциклопедия, 1, с. 107-108.

Фиалко, Е. Е. 2004. Скифская Аргимпаса (К интерпретации изображения на ажурной пластинке из Гюновки). *Боспорские исследования*,VII, с. 47-62.

Черненко, Е. В. *Скифские лучники*. Киев: Наукова думка, 1981.

REFERENCES

Bessonova, S. S. 1983. *Religiozniye predstavleniya skifov*. Kiev: Naukova dumka.

Bessonova, S. S. 1986. Pamiatniky religii i iskusstva. *Arkheolohiia Ukrainskoy SSR*. Kiev: Naukova dumka, 2, s. 156-170.

Boltrik, Yu. V., Otroshchenko, V. V., Savovskiy, I. P. 1977. Issledovaniye Rogachikskogo kurgannogo polya. *Arheologicheskiye otkritiya 1976 goda*. Moskva: Nauka, s. 269-270.

Boltrik, Yu. V., Fialko, E. E. 2007. Ukrasheniya iz skifskich pogrebalnikh komplexov Rogachikskogo kurgannogo polya. *Starozhitnosty stepovogo Prichornomorya i Krimu*, XIV, s. 51-93.

Vertienko, H. 2015. *Ikonografiya skifs'koyi eskhatologii*. Kyiv: Vidavets' Oleh Filyuk.

Vinokur, I. S. 1993. Doslidzhennya Bushans'koho skel'noho komplexu. *Arkheolohiia*, 3, s. 122-135.

Otroshchenko, V. V. 1977. Okhota skifskoy Artemidy. *Kuriyer YUNESKO. Skify*. Parizh, janvar, s. 21-22.

Takho-Hodi, A. A. 1987. Artemida. *Miphy narodov mira*. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1, s. 107-108.

Fialko, E. E. 2004. Skifskaya Argimpasa (K interpretatsii izobrazheniya na azhurnoy plastinke iz Giunovki). *Bosporskiye issledovaniya*,VII, s. 47-62.

Chernenko, E. V. 1981. *Skifskiye luchniky*. Kiev: Naukova dumka.

СТАТТІ

УДК: 904.5(571.52)”6387”

К. В. Чугунов

ЦАРИ И БОГИ АЗИАТСКОЙ СКИФИИ
(по материалам кургана Аржан-2)

В статье делается попытка определить статус мужчины и женщины, похороненных в основном захоронении кургана Аржан-2 в Туве. На основании данных археологии и работ по реконструкции мифологии скифо-сакских племен, делается вывод о том, что мужчина был «царём» с атрибутами первопредка, а женщина ассоциировалась с богиней царского очага.

Ключевые слова: *погребально-поминальный комплекс, мифология скифо-сакских племен, мужские и женские атрибуты и костюмы.*

Реконструкции религиозных представлений скифских племен, выполненные Светланой Сергеевной Бессоновой, давно вошли в «золотой фонд» скифологии и стали классическими. На них, как и на труды Д. С. Раевского, Б. А. Литвинского, В. А. Абаева, Ж. Демюзиля и некоторых других ученых, опирается любой исследователь, касающийся духовной культуры скифов. Эти работы, основанные на анализе письменных источников (прежде всего, Геродота) и великолепных находках произведений эллино-скифского искусства из курганов Причерноморья и Предкавказья, приоткрывают нам те нематериальные основы, на которых базировался весь жизненный уклад воинственных кочевых племен, обитавших в степях Восточной Европы в I тыс. до н. э.

Для азиатской зоны «скифского мира» таких трудов несравненно меньше. Это объяснимо, так как огромный горно-степной ареал обитания номадов оказался почти недоступен для письменных цивилизаций, а их торевтика практически не включала антропоморфные образы. Тем не менее, археологические открытия ярких непотревоженных комплексов позволили и здесь продвинуться в решении вопроса реконструкции духовного мира ранних кочевников.

© К. В. ЧУГУНОВ, 2018

Наиболее фундированное исследование основано на анализе облачения «золотого человека», открытого в боковом погребении кургана Иссык в Семиречье (Акишев 1978). А. Акишев в своей фундаментальной работе не только предложил реконструкцию мифологии сакских племен, но и уточнил датировку захоронения, которая сейчас является общепризнанной и располагается в диапазоне последней четверти IV — начале III в. до н. э. (Акишев 1984).

Несколько более поздним временем — концом III в. до н. э. — датируются курганы могильника Бугры, исследованные в северо-западных предгорьях Алтая Южно-Сибирской экспедицией Государственного Эрмитажа и экспедицией Алтайского государственного университета (Чугунов 2017; Тишкин 2012). Все захоронения здесь ограблены, но находки, сделанные при их исследовании, позволяют предполагать, что могилах также были похоронены «золотые люди». Эти материалы показывают, что кочевники степных предгорий Алтая были теснейшим образом связаны с племенами, обитавшими в Семиречье, и находки в Буграх позволяют не только экстраполировать на них семантико-интерпретационные разработки, выполненные для погребения «золотого человека» в Иссыке, но и, в свою очередь, верифицировать эти выводы на новом уровне. Предварительно, еще до завершения исследований, это было сделано в отдельной работе (Чугунов 2014).

Сейчас раскопки в Буграх завершены и проведена некоторая аналитическая работа полученных материалов. Установлено, что в

центральной погребальной камере кургана 1, имеющей очень внушительные размеры (8,80 × 6,40 м), была похоронена женщина, а две боковые сопроводительные могилы, сооруженные позже — мужские. Это заставляет несколько иначе интерпретировать как структуру общества, оставившего этот могильник, так и рассмотреть по-новому связанные с ним культы.

Значение книги А. Акишева (1984) трудно переоценить. Он убедительно показал на широком археологическом, историческом и лингвистическом материале существование у саков культа военного и религиозного предводителя, которого ассоциировали с солярным божеством — вероятно, Митрой. Им также справедливо указана правомерность использования для реконструкции сакской мифологической системы материалов и источников, привлекаемых для воссоздания мировоззрения скифов. Кроме того, отмечается бóльшая традиционность мифологии кочевников восточного ареала по сравнению с европейскими номадами, так как они сталкивались в основном с близкородственными духовными культурами цивилизаций Средней Азии (Акишев А. 1984, с. 171). В указанной выше работе (Чугунов 2014) было отмечено, что экстраполяция реконструкции мифологии сакских племен, выполненной на основе погребения в Иссыке, на более древний, но также непотревоженный богатейший комплекс тувинского кургана Аржан-2, позволяет предполагать зарождение ее базовых основ в среде центрально-азиатских кочевников. Не претендуя на всеобъемлющее раскрытие этой сложнейшей темы, в предлагаемой работе я попытаюсь показать лишь некоторые её аспекты с опорой на указанные выше разработки.

Реконструкция костюмов погребенных в царской могиле Аржана-2 позволяет говорить, что традиция золотых облачений представлена здесь в несколько иной форме, отличной от значительно более поздних комплексов Иссыка и Бугров. Б. А. Литвинский подробно рассмотрел традицию золотых облачений в русле мифологических представлений индо-иранских племен. На основании анализа древнеиндийских (Шатапатха-Брахмана, Калидаса) и древнеиранских (Авеста) источников, он обозначил ряд соответствий золоту в культуре: золото как олицетворение царской (военной) власти; устойчивость цикла «царь — огонь — золото; золото = солнце; золото = фарн (особенно — царский фарн)» (Литвинский 1982). Все эти соответствия представлены в различных вариантах в скифской генеалогической легенде (Herod., IV, 5), подробно рассмотренной с разных точек зрения Д. С. Раевским (1977) и С. С. Бессоновой (1983, с. 10—24), а имя первопредка скифов Колоксай переводится как Солнце-царь (Абаев 1949, с. 229).

На первый взгляд, богатый золотой декор костюма аржанского «царя» и всех атрибутов, сопутствующих ему, в полной мере позволяют соотнести этого погребенного с солнечным божеством. Наряд его в Аржане-2 интересен еще одной деталью, которую нельзя не отметить. Кости ног мужского скелета были сплошь покрыты мельчайшим золотым бисером, украшавшем штаны погребенного. В связи с этой находкой интересен приведенный Б. А. Литвинским пассаж о средневековом правителе X в. Маравидже бен Зийаре, воспринявшем домусульманские царские эмблемы Ирана, которому рассказали, что царь всемирного царства должен иметь желтые ноги и особые отметины на теле. Он провозгласил тогда, что его ноги золотистого цвета и поэтому он — монарх для всех (Литвинский 1982, с. 40). Это свидетельствует о чрезвычайной стойкости и длительности существования традиционных представлений о солярной сущности царя. Однако, являлся ли вождь, погребенный в Аржане-2 в VII в. до н. э., божеством для своих подданных?

Необходимо обратить внимание, что мужчина и женщина в этом парном погребении были одеты в сопоставимые по богатству наряды. Расположение их на полу погребальной камеры также почти равнозначно. На некоторую патрилинейность обряда может указывать лишь размещение женщины за спиной мужчины, что, вероятно, имело значение. Несомненно, спутница «царя» имела в погребальном ритуале не меньшее значение и сама могла ассоциироваться с божеством. Например, Шатапатха-брахмана говорит о том, что царь женится на Шри — богине судьбы. Она пребывает в царе, являющимся шримантом — «владеющим Шри», то есть царица также являлась царским фарном (Литвинский 1982).

Реконструкция мифологии скифских племен предлагается, как правило, на основе анализа антропоморфных изображений на предметах прикладного искусства в сочетании с рассмотрением сведений, предоставляемых письменными источниками. Такой подход невозможен при анализе материалов Аржана-2, так как антропоморфные образы в богатейшем комплексе отсутствуют. Однако здесь на первый план выступает уникальная сохранность памятника и сделанные при его исследовании наблюдения.

Прежде чем перейти к рассмотрению обозначенной темы необходимо отметить одно важное обстоятельство. Внутреннее пространство погребальной камеры практически не было заполнено грунтом, что обусловило особый микроклимат в захоронении, при котором естественные процессы гниения и разложения органики проходили по-разному. В ходе расчистки мы столкнулись с тем, что весь пол погребальной камеры был покрыт слоем влажной студенистой массы. Толщина его в ряде мест достигала пяти сантиметров. Все кости, находившиеся в этой, по-видимому, очень агрессивной среде, не сохранились или прослеживались лишь в

виде следов. В то же время, все предметы из дерева и прочие растительные остатки сохранились в погребальной камере великолепно. Такой микроклимат, уничтоживший органику животного происхождения и почти не затронувший растительную органику, вероятно, был обусловлен деятельностью различных микроорганизмов в пространстве могилы, достаточно быстро изолированном от внешней среды. Этот фактор очень важен, так как позволяет в анализе полученных данных исходить из того, что все, даже самые мельчайшие растительные продукты и деревянные элементы найденных предметов сохранились, но если их наличие не зафиксировано, то значит, они отсутствовали изначально.

Богатство основного захоронения в Аржане-2 беспрецедентно, но его насыщенность золотом еще не свидетельствует об отождествлении погребенных с божествами. Очевидно, что предметы, помещенные в могилу, в процессе ритуала приобретали новые сакральные функции. Исследования погребальных памятников показывают, что в мировоззрении племен скифского типа при переходе от профанного к сакральному большую, если не решающую роль играло золото. Практически во всех областях их расселения золотые предметы содержатся в погребениях, которые по всем параметрам нельзя считать захоронениями элиты. Из золота может быть выполнена какая-то мелкая деталь одежды, серьга или небольшая накладка. Зачастую такой золотой атрибут находится рядом с головой погребенного. Вероятно, это не случайно, так как золото, помимо всего прочего, олицетворяло фарн, а именно с головой, как показал на многих примерах Б. А. Литвинский (1982), многие народы связывают местопребывание души и средоточие верховного божества. И это касалось не только элитарного слоя, но и рядовых членов социума, хотя царский фарн всегда выделялся особо.

Соответственно, в «царском» захоронении переход от профанного к сакральному выражен наиболее отчетливо. Из Геродота нам известно описание царского погребального обряда у скифов, где, помимо прочего, говорится, что в захоронение с царем клали только золотые чаши, а «серебром и медью они совсем не пользуются» (Herod. IV, 71). Греческий историк привел это замечание, несомненно, со слов носителя традиции. Однако, исследования курганов как собственно в Скифии, так и далеко к востоку от нее, показали, что в царские могилы помещали не только предметы, выполненные из золота, но и изделия из других материалов. Не потревоженный комплекс Аржана-2 также содержал не только золото, хотя оно абсолютно преобладало. Здесь найдены деревянный ковш, блюдо, каменные жертвенники и оселок, бронзовые котлы, зеркала и сосудик, а также предмет из оболочки рога, который сохранился лишь в виде следов. Однако все эти изделия или их чехлы были специально для погребения дополнены каким-то элементом из золота. Это могла быть накладка в виде завитка, обойма или ворворка на ремешке. Вероятно, с точки зрения носителей традиции, так эти атрибуты тоже становились золотыми. Не случайно все оружие, выполненное из железа, было покрыто золотым ажурным узором, а кожаный горит также обложен золотым листом и вышит бляшками. Трасологические исследования показывают, что многие предметы, найденные в могиле, были изготовлены или декорированы непосредственно перед погребением (Минасян 2004).

Гораздо важнее для раскрытия обозначенной темы, что в размещении различных предметов в царской могиле Аржана-2 можно выделить две зоны — мужскую и женскую, и соотнести с захороненной парой (рис. 1). Подобное расположение атрибутов, с учетом местных особенностей погребального обряда, было показано

Рис. 1. План основного погребения в кургане Аржан-2 с обозначением мужской и женской зон. Цифры на плане: 1 — подвеска в виде котла; 2 — местонахождение декора плети; 3 — каменные жертвенники, остатки плодов и зёрен растений

Рис. 2. Золотая подвеска в виде котла. Фото В. С. Теребенина

Д. А. Мачинским в комплексе Толстой Могилы, где на основании анализа греко-скифского искусства и античных текстов реконструируется символическое присутствие пары божеств — Ареса и Аргимпасы, где первый обозначался мечом в золотых ножнах, а вторая пекторалью (Мачинский 1978, с. 147). Соответственно, божественная сущность погребенных должна быть отражена в неких специальных, только им присущих атрибутах или их сочетаниях.

Мужская зона, соотносимая с «царем», располагалась перед ним и включала оружие, обильно украшенное золотом. Оно было уложено на парадный пояс и портупею. Здесь лежали горит с луком и стрелами, чекан и плеть. Последний атрибут не имел деревянной рукояти, а был, вероятно, сплетен из кожаных ремней (рис. 3). Маленькими деревянными щепками были расклинены массивные золотые наконечники, один из которых имел боковую петлю. Плеть, вероятно, имела раздвоенный конец, на который были надеты литые золотые ворворки, обнаруженные рядом.

Прочие предметы, относящиеся к мужскому погребению, были найдены прямо на скелете и связаны с украшением одежды «царя» или относились к атрибутам, закрепленным непосредственно на костюме. О нескольких тысячах бляшек, покрывающих скелет до пояса, и золотом бисере в районе ног уже упомянуто выше. Кратко опишем остальные находки.

Головной убор был декорирован четырьмя пластинами в виде лошадей, бляшкой в виде хищника, аналогичной закрепленным на костюме, и навершием в виде фигуры стоящего оленя. В районе левого уха лежала золотая серьга с конусом, покрытом зернью, с бирюзовыми бусами от ее подвеса. На шее погребенного располагалась массивная гривна, покрытая рядами изображений животных. Этот предмет несомненно использовался при жизни владельца, о чем свидетельствуют следы на его поверхности и тамга, процарапанная на внутренней стороне лицевого щитка.

Непосредственно на скелете за правым крылом таза располагались ножны с акинаком и ножами, что предполагает обязательное наличие у погребенного еще одного пояса или кушака. Помимо ножен, к этому кушаку был подвешен оселок с золотой ворворкой в отверстии, и сумка, вышитая бусами и подвесками. Кроме того, на его свисающем окончании могла быть закреплена золотая подвеска в виде котла (рис. 2), которая откатилась в сторону в момент падения ножен при развале скелета (рис. 1: 1). Расположение вотивного котла в могиле не позволяет уверенно отнести этот предмет к атрибутам мужского или женского наряда, о чем мне уже приходилось писать в специальной работе (Чугунов 2006). Тем не менее, он, безусловно, имел особое значение, а отнесение котелка к наряду «царя» ассоциируется с рассказом Геродота (IV, 10) о чаше, которую скифы подвешивали к поясам в память о своем предке Геракле.

Рассмотрение мужских атрибутов в основном погребении Аржана-2 с точки зрения его «богатства», безусловно, указывает на экстраординарный статус похороненного человека. Социальный статус его не вызывает сомнений: погребенный мужчина относился к высшему слою номадов и его можно назвать вождем или «царем» племени или племенного объединения, соорудившего этот памятник. Надо также учитывать, что сам мемориал вполне отвечает всем критериям «царского» погребального обряда (Массон 1976, с. 169). Но, как справедливо отметила С. С. Бессонова, «одно дело — божественное происхождение царской власти и другое — сверхъестественный характер личности царя, уподобление его божеству» (Бессонова 1983, с. 66).

Как уже было отмечено, при анализе имеющихся данных и попытках реконструировать мировоззрение кочевников Тувы раннескифского времени, надо учитывать, что многие разработки в этой области сделаны на гораздо более позднем материале. А. Акишев, рассматривая погребение «золотого человека» из кургана Иссык, определил его как Митру не исключая влияния на мировоззрение саков

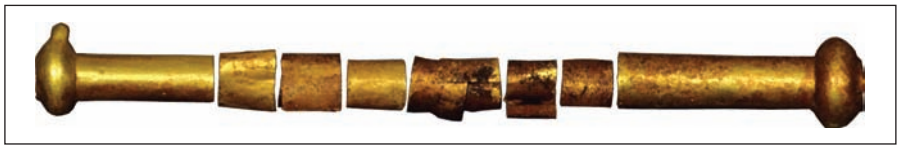


Рис. 3. Фото золотого декора плети

ахеменидской теократии (Акишев А. 1984, с. 99). По-видимому, концепция «царь = бог» складывалась постепенно, со становлением деспотического строя и при переходе к монотеизму (Бессонова 1983, с. 66). Кочевникам Тувы в VII в. до н. э. едва ли было свойственно и то и другое.

Если сопоставить мужскую зону «царского» захоронения в Аржане-2 с погребальным обрядом синхронных и однокультурных рядовых воинских могил, то выяснится, что набор сопроводительных предметов почти совпадает. Даже размещение воинских атрибутов в погребальной камере зачастую такое же — парадный пояс с чеканом, луком и колчаном обычно укладывался рядом, а нож или кинжал были закреплены на другом поясе, надетом на самого погребенного. На первый взгляд, выделяет захоронение «царя» только обилие золотого декора на всех атрибутах, что позволяет определить его статус как «первый среди равных». Исключение — золотой миниатюрный котелок на кушаке, который, как отмечено, ассоциируется с чашей Геракла. Вероятно, это особый атрибут, указывающий на происхождение «царя» от легендарного первопредка. По-видимому, память об этом обычае была принесена предками скифов в Причерноморье «из глубин Азии» уже в виде сказаний и была записана Геродотом.

Совпадение сюжета, вероятно, восходит к общей индо-иранской основе, где наиболее подходящим персонажем, претендующим на роль первопредка, является авестийский Йима — первый царь ариев. Не случайно, как убедительно показала С. С. Бессонова (1983, с. 17—19), образ Йимы во многом соответствует Колаксаю скифской генеалогической легенды. Важно, что рассказ о Йиме содержится во второй главе Видевдата, которая считается одной из наиболее древних в Авесте. Там говорится, что он получил от Ахура-Мазды два орудия для расширения земли. Толкование первого названия у разных исследователей расходятся. И. М. Стеблин-Каменский понимает его как «золотой рог» (Стеблин-Каменский 2009, с. 12—14). Предлагались также переводы этого слова, как «стрекало» (М. Дрезден), «золотая стрела» (С. Н. Соколов, А. А. Фрейман), кольцо, плуг, палка и некоторые другие варианты. Второе из орудий всеми единодушно переводится как «кнут», «хлыст» или «плеть», украшенная золотом (Авеста… 1997). Логично предположить, что, если «царь» в обществе, оставившем Аржан-2, ассоциировался с Йимой, то такие священные орудия должны его сопровождать в царство мертвых и находиться с ним в погребальной камере.

Для второго предмета — плети — соответствие в «царском» комплексе Аржана-2 есть: она, украшенная золотыми наконечниками и колечками из золотого листа по всей длине (рис. 3), лежала вместе с оружием и поясом перед «царем». Не исключено, что именно такая ее конструкция — целиком сплетённый из кожаных ремней хлыст — должна была отделять этот особый предмет от обычных всаднических плёток с деревянной рукоятью.

Рассмотрим соответствия первому предмету последовательно, в соответствии с вариантами его толкования переводчиками. Золотой рог, конечно, можно соотнести с зафиксированным в западном углу погребальной камеры изделием из роговой оболочки, которое очень плохо сохранилось. Однако, во-первых, оно не золотое (но, вероятно, было украшено накладкой в виде завитка из золотого листа, лежавшей рядом), а во-вторых, оно помещено в женскую зону могилы.

Стрекало, по сути, является аналогом плети, но использовалось для стимулирования тягловых животных. Палки с острым, загнутым вбок окончанием часто изображались на изваяниях эпохи бронзы, причем зачастую рядом с изображениями быков. В Аржане-2, как и в других комплексах скифского времени, подобные предметы неизвестны, за одним исключением — в более раннем погребальном памятнике Аржан-5, исследуемым в настоящее время на этом же могильном поле, в сильно нарушенной могиле найден бронзовый наконечник с острым выступом (Рукавишникова 2017, с. 169, рис. 2: 6). Эта находка, интерпретируемая автором как наконечник плети, указывает на устойчивость традиции у племен Тувы, поскольку этот комплекс как минимум на полтора века древнее Аржана-2.

На переводе первого предмета, полученного Йимой для расширения земли, как стрела, следует остановиться подробнее. Исследование её исторической семантики показывает огромное значение этого предмета в мировоззрении многих народов и участие в самых разнообразных обрядовых практиках (Калинина 2009, с. 142—208). Безусловно, такие представления о стреле могли сложиться очень рано, в глубокой древности. Вероятно не случайно четыре золотые стрелы размещены на кулахе «золотого человека» в Иссыке. А. Акишев считает, что они соответствуют сторонам света (Акишев А. 1984, с. 44). Еще одно погребение «золотого человека», обнаруженное П. И. Шульгой в могильнике Локоть 4а, содержало только одну стрелу, древко которой было украшено золотом. Она была зажата в правой руке погребенного (Шульга 2003, с. 24—26, рис. 35; 38: 2). Соответственно, «стрела, удлиняющая руку» вполне могла быть тем «инструментом», которым Йима расширил землю.

В колчане «царя» Аржана-2 лежало 84 стрелы и только один экземпляр выделяется из общей массы размерами и декором (рис. 4). Устройство насада этой стрелы не сохранилось, но можно предположить, что наконечник крепился к древку при помощи зажимного насада.

Рис. 4. Железный наконечник стрелы с золотой аппликацией. Фото В. С. Теребенина

Величина его трехгранной в сечении головки почти вдвое превышает размеры других наконечников в колчане. Абрис граней — листовидный. На каждой грани этой стрелы — аппликация из золота, изображающая фигуру хищной птицы с повернутой назад головой и голову антилопы перед ней. Образы переданы тонкой ажурной резьбой по золотому листу путем удаления частей фона. Такое изделие, несомненно, должно было выполнять особую ритуальную функцию, возможно, связанную с «расширением земли».

Интересно, что изучение колчанных наборов, происходящих из рядовых захоронений раннескифского времени показывает, что зачастую и в них присутствует одна «особая» стрела. Это может быть изделие с наконечником более архаичным относительно других стрел, или стрела, украшенная особым образом. Например, в колчане из могилы 1 кургана 4 могильника Копто имелась трехгранно-трехлопастная черешковая стрела с литым орнаментом (Чугунов 2005, с. 83, ил. 10: 5). В ритуальном «кладе» 2 в Аржане-2 среди наконечников, обычных для алды-бельской культуры Тувы, присутствовала двухлопастная втульчатая стрела, вероятно, относящаяся к предшествующему периоду, отличающаяся по составу металла. Перечисление таких случаев можно продолжить, но важно то, что в культуре номадов, несомненно существовали какие-то ритуалы, связанные с использованием стрелы. Можно предположить, что в основе их мог лежать культ Йимы, с которым ассоциировался вождь племени или «царь».

Как говорилось выше, мужчина и женщина в основном погребении Аржана-2 были одеты в костюмы, расшитые бляшками в виде кошачьих хищников. Эти бляшки, наряду с бусами и бисером, относятся к самым многочисленным находкам в могиле 5. Фиксация украшений костюмов обоих погребенных производилась на заключительном этапе исследования погребения. Для этого вся площадь их залегания была разбита на квадраты со стороной 10 см и нарисовано несколько послойных схем расположения рядов бляшек. Это позволило в значительной степени проследить и реконструировать декор одежды. Кроме того, в процессе работы были сделаны наблюдения, позволяющие предположить, что не сохранившейся основой, на которую были нашиты ряды хищников, являлась кожа. Такое заключение основано на особенностях складок, фиксируемых на стыке различных слоев бляшек. Ряды их достаточно плавно переходили из слоя в слой, а не залегали плотно, как это могло бы быть в случае использования текстильной основы.

Очень помогло в разделении элементов декора костюмов двух погребенных то, что бляшки, воспроизводящие образ кошачьего хищника в одинаковой манере, были выполнены различными технологическими приемами. На костях мужского скелета все они литые, а на скелете женщины — тисненые из листового золота. Это позволило разделить украшения двух костюмов в месте их соприкосновения. Здесь слои литых и тисненых бляшек чередовались. Это позволяет утверждать, что погребенные были помещены в могилу одновременно.

Фиксация бляшек показала, что узор на мужском и женском наряде различается. На костюме мужчины многочисленные литые бляшки в виде профильной фигуры барса образовывали завитки в сочетании со спиралями. Такой орнамент можно сопоставить с мотивом сложного завитка, который очень разнообразно представлен в комплексе и, как отмечено при рассмотрении орнаментальных мотивов искусства памятника, широко распространен у кочевников раннескифского времени азиатской зоны (Чугунов 2011а, с. 53, 54).

На костюме женщины орнамент иной. Прослеженный узор её облачения — пламевидные изогнутые языки, образующие взаимовписанные и перетекающие друг в друга ромбовидные фигуры. Он поразительно напоминают одеяния, изображённые на композитных статуэтках богинь, распространённых в ареале гораздо более ранней культуры Бактрии и Маргианы, тесно связанной с Месопотамией. В. И. Сарианиди сопоставил этот орнамент с типичным шумерийским одеянием «каунакес» и отметил, что у этого культа эламо-аккадские корни (Сарианиди 2001, с. 51). В русле реконструируемых у номадов племенных культов «священного брака» царя с богиней, женского божества «царского очага» и т.п., уходящих корнями в индоиранскую мифологию (Бессонова 1983, с. 27—40), такое сопоставление не выглядит невероятным. Возможно, что похороненная в основном погребении Аржана-2 женщина олицетворяла подобный культ.

В связи с этим, безусловно, гипотетическим соотнесением двух традиций, разделённых почти полутысячелетним промежутком времени, надо отметить, что в пользу правомерности такого сопоставления говорит анализ технологических приёмов золотых изделий из комплекса Аржана-2.

Предметы, выполненные с применением сложной пайки в технике грануляции, широко представленные в памятниках ранних кочевников Тувы и Казахстана уже в начале 1 тыс. до н. э., появляются в Китае позже, и также,

вероятно, в результате контактов с номадами, как и многие другие традиции (Rawson 2017). В число приёмов, происхождение которых нельзя связать с китайской школой торевтики, нужно отнести и перегородчатую инкрустацию, отмеченную уже в материалах Аржана-1 в Туве и Байгетобе в Восточном Казахстане. Можно предположить, что над этими шедеврами работали мастера из каких-то неизвестных пока оседлых центров, сохранившие ювелирные традиции страны Маргуш, которые, в свою очередь, тесно связаны своим происхождением с наследием Ближнего Востока и Месопотамии. Через посредство этих центров могли поступать кочевым вождям и бусы из бирюзы и индийского сердолика.

Уже отмечалось (Чугунов 2016, с. 245), что качестве приоритетного направления поиска таких центров вероятнее всего рассматривать территорию Хорезма, где мог происходить синтез древних традиций и проникновение их в культуру ранних номадов. Показательная находка в составе женского набора в Аржане-2 каменного клювовидного жертвенника, характерного именно для памятников Приаралья, непосредственно указывает на связь двух отдаленных территорий. В свою очередь, такая специфическая форма предмета, впервые обнаруженная так далеко к востоку от ареала основного распространения, вероятно, восходит к так называемым сосудам в виде почки, найденным в Гонуре (Сарианиди 2001, с. 62, рис. 27). Не исключено, что и сама женщина, погребенная с «царем» в Аржане-2, была привезена из этих или других отдаленных районов вместе с некоторыми атрибутами, относящимися к культу, который она олицетворяла. Её пришлое в Туве происхождение подтверждено специальными изотопными анализами (Лохов и др. 2007), что дает основания для такого предположения.

Таким образом, очень вероятно, что в Аржане-2 мы находим свидетельства культа женского божества, воспринятого ранними номадами из пантеона земледельческих обществ, где такие культы имеют глубокие корни, уходящие в эпоху неолита. Не случайно в женской зоне погребальной камеры найдены остатки плодов и зерен привозных растений (Neef 2010, s. 242—249), ритуальная посуда и каменные жертвенники, с одним из которых лежал деревянный пестик для растирания. Все эти находки можно связать с сакральными функциями, которые были возложены на спутницу «царя».

Все исследователи сходятся в понимании архаичности культа женского божества у скифов, который считается пережитком предыдущей эпохи. Какую же из трех известных богинь скифского пантеона могла олицетворять похороненная в Аржане-2 женщина?

С. С. Бессонова подробно рассмотрела женские божества скифов, показав многозначность этих образов (Бессонова 1983, с. 27—41). Важным представляется, что основные источники, на которые опираются исследователи в своих разработках, относятся к значительно более позднему времени, чем погребение в тувинском царском кургане. Не исключено, что, как отмечал еще М. И. Артамонов (1961, с. 65), образы женских божеств могли трансформироваться, слиться в единый образ или, напротив, разделиться из одного прообраза. Не случайно каждому из них приписываются функции плодородия, что естественно отражает основную женскую сущность.

Материалы кургана Аржан-2 наиболее полно демонстрируют близость женщины, помещенной в одну могилу с «царем», образу скифской богини Табити, соответствующей по Геродоту греческой Гестии (IV, 59). Прежде всего, сама её локализация вместе с «царем» соответствует статусу «царицы» — хранительницы царского очага. Атрибуты, найденные в женской зоне, включают каменные жертвенники, которые, по мнению М. И. Артамонова, присущи именно этому божеству (Артамонов 1961, с. 64). Зеркала, являющиеся, по мнению многих исследователей, принадлежностью Аргимпасы, были положены перед лицами обоих погребенных в могиле, что может указывать на то, что они не являются их личными атрибутами. Вероятно, условия ритуала требовали именно такого размещения этих сакральных предметов. Обычно зеркала находятся в районе пояса, как в других женских могилах Аржана-2 и алды-бельской культуры Тувы в целом. Но более всего на отождествление с Табити указывают не столько атрибуты, найденные в женской зоне основной могилы, сколько планиграфия самого погребально-поминального комплекса.

Вокруг кургана Аржан-2, как и других подобных памятников на могильных полях в долине Уюка, сооружены ряды кольцевых оград (рис. 5). Раскопки их показали наличие внутри скоплений пережжённых костей животных, без следов прокалённого грунта и с очень незначительным количеством мелких угольков. Такие сооружения можно интерпретировать, как модели очагов, куда высыпались принесённые кости, сожжённые где-то в другом месте. Рассмотрение особенностей планиграфии этих оград позволяет предположить, что сооружение их происходило не одновременно, а последовательно, на протяжении какого-то времени в рамках выполнения обрядов рядом с курганом.

Реконструкция этих обрядов может быть представлена следующим образом. Сооружение первых ритуальных очагов, вероятно, было начато еще на первых этапах функционирования погребально-поминального комплекса, дискретность постройки которого доказана стратиграфическими наблюдениями и исследованием материалов из сопроводительных могил (Чу-

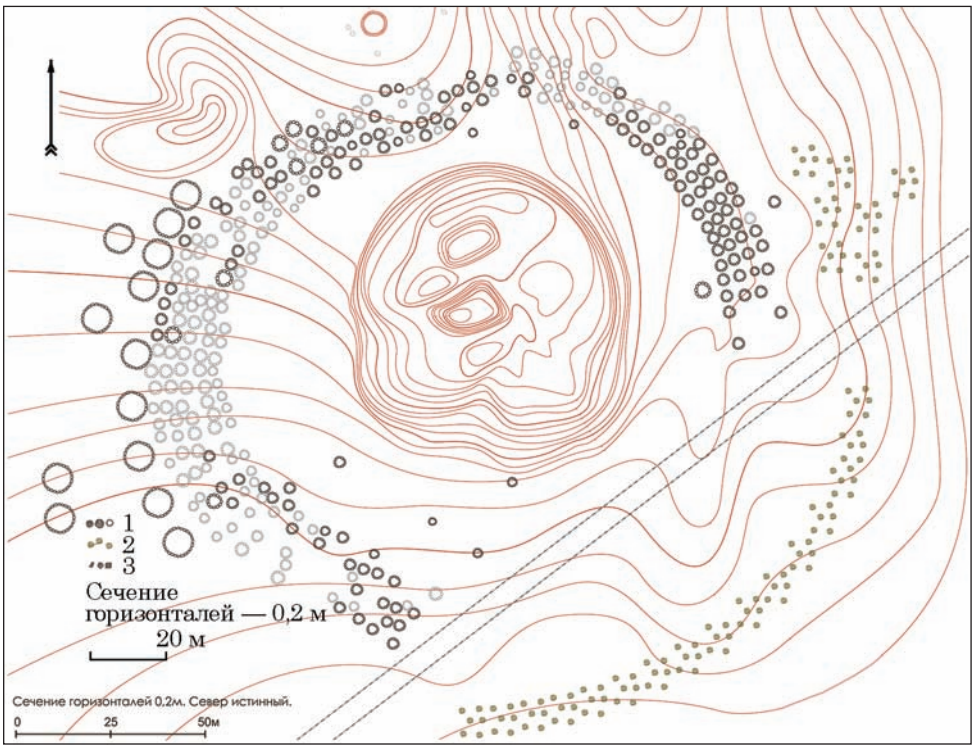


Рис. 5. План погребально-поминального комплекса Аржан-2. Выполнен А. Г. Акуловым по материалам Центрально-Азиатской экспедиции 2000—2004 гг. с уточнениями по съемке из отчета М. П. Грязнова 1973 г.: 1 — каменные сооружения; 2 — зона каменных кладок; 3 — каменные вымостки и развалы камней

гунов 2011b). С востока они образуют четыре правильных ряда, что позволяет предполагать начало строительства оград именно здесь. Не исключено, что первоначальное количество очагов соответствовало каким-то структурным единицам племени, так как на этом участке их ряды количественно соответствуют четырем рядам припаянных фигурок хищников на лицевом щитке царской гривны. Далее кольца очагов сооружались «против солнца» — к северу и западу от кургана. Возможно, ограды большого диаметра, расположенные на западе комплекса за крайней линией рядов очажных колец, были сооружены в последнюю очередь. В них, помимо кальцинированных костей, найдены капли расплавленного золота и бронзы, сильно оплавленные предметы. Такие ограды, выделяющиеся своими размерами, фиксируются и у других «царских» мемориалов в долине.

Отсутствие следов огня внутри колец говорит о том, что кости сжигались где-то в другом месте. Не исключено, что обряды, связанные со сжиганием мяса жертвенных животных, производились кочевниками в реальных очагах жилищ или родовых святилищах на местах кочевий. Кости, оставшиеся от принесенных жертв, собирались и хранились, чтобы затем их можно было высыпать рядом с «царским» курганом внутри сооруженного очага. Скорей всего для совершения этого обряда, в обусловленное ритуалом время, у кургана собиралось все племя. Такие очаги и являлись, вероятно, теми «царскими гестиями», клятва которыми была у скифов священной. Множественность их, вызывающая у исследователей столько вопросов, здесь получает зримое подтверждение.

Несомненно, такой обряд мог воплощать, как предполагал М. И. Артамонов, «представление не только о домашнем очаге, но и об единстве всего племени, культ которого связывался с царским домом» (Артамонов 1961, с. 58). Истоки его, адаптированные к кочевому образу жизни, могут лежать в тех же областях Маргианы, откуда, возможно, и был, как отмечено выше, заимствован культ женского божества. Там обнаружены специальные круглые помещения для хранения священной золы из алтарей (Сарианиди 2002, с. 189). Таким образом, следы культа огня, которые исследователи ищут и почти не находят в погребальном обряде кочевых культур скифского типа, оказываются выражены у них совсем иначе.

Мне кажется, что предложенная реконструкция в какой-то степени примиряет между собой многие, высказанные исследователями, противоречивые предположения о сущности культа Табити-Гестии у кочевников. Женщина в Аржане-2 могла являться для носителей культуры и божеством — женой «царя», приобщенного к ней через священный брак; и богиней «царского» очага, и покровительницей очага каждой семьи или рода.

Вероятно, подобный культ был широко распространен в кочевом мире и имел продолжи-

тельную историю развития. Кольцевые ограды строились по определенному заранее плану, составляя с другими частями погребального комплекса продуманный мемориальный ансамбль (Акулов 2017). Кроме Тувы такие ограды известны в Восточном Казахстане и Семиречье у курганов Бесшатыра, в тасмолинской культуре Центрального Казахстана, где они могут восходить к подобным сооружениям предыдущей эпохи (Бейсенов 2015; Варфоломеев 2017). Связь культуры раннескифского времени Тувы и Казахстана несомненна и обусловлена процессами культурогенеза на этой территории (Чугунов 2015). В каждом регионе проявления культа имеют свои особенности. Возможно, в некоторых областях скифо-сакского мира культ женского божества привел к появлению обществ, во главе которых стояла женщина. На это прямо указывает рассказ Геродота о царице массагетов Томирис (Herod. I, 205), а археологическим подтверждением сейчас может выступать упомянутый выше курган 1 могильника Бугры, где центральная могила с некогда богатейшим захоронением была женской.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев, В. И. 1949. *Осетинский язык и фольклор*. Москва, Ленинград: АН СССР.

Авеста в русских переводах (1861—1996). 1997. Рак, И. В. (ред.). Санкт-Петербург.

Акишев, А. К. 1984. *Искусство и мифология саков*. Алма-Ата: Наука.

Акишев, К. А. 1978. *Курган Иссык. Искусство саков Казахстана*. Москва: Искусство.

Акулов, А. Г. 2017. Мемориалы нобилитета скифского времени в южносибирских и казахстанских степях. В: Бейсенов, А. З., Ломан, В. Г. (ред.). *Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение*. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2, с. 16-24.

Артамонов, М. И. 1961. Антропоморфные божества в религии скифов. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 2, с. 57-87.

Бейсенов, А. З. 2015. Околокурганные жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры. *Вестник Томского государственного университета. История*, 4 (36), с. 96-104.

Бессонова, С. С. 1983. *Религиозные представления скифов*. Киев: Наукова думка.

Варфоломеев, В. В. 2017. Каменные жертвенные кольца на р. Карагайлы в верховьях Ишима. В: Бейсенов, А. З., Ломан, В. Г. (ред.). *Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение*. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2, с. 90-95.

Калинина, И. В. 2009. *Очерки по исторической семантике*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

Литвинский, Б. А. 1982. «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии: опыт истолкования в свете истории религии. *Советская этнография*, 4, с. 34-43.

Лохов, К. И., Бережная, Н. Г., Матуков, Д. И., Боковенко, Н. А., Зайцева, Г. И., Чугунов, К. В., Скотт, Е. М. 2007. Изотопный состав стронция в костях из древних захоронений Саяно-Алтая как индикатор места проживания и миграции. В: Зайцева, Г. И., Кулькова, М. А. (ред.). *Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, с. 263-273.

Массон, В. М. 1976. *Экономика и социальный строй древних обществ*. Ленинград: Наука.

Мачинский, Д. А. 1978. Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии. В: Луконин, В. Г. (ред.). *Культура Востока. Древность и ранее средневековье*. Ленинград: Аврора, с. 131-150.

Минасян, Р. С. 2004. Секреты скифских ювелиров. В: Пиотровский, М. Б. (ред.). *Аржан. Источник в долине царей*. Санкт-Петербург: Славия, с. 40-44.

Раевский, Д. С. 1977. *Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии*. Москва: Наука.

Рукавишникова, И. В. 2017. Звериный стиль Аржана-5 (комплексный подход в изучении предметов, декорированных в зверином стиле). *Краткие сообщения Института археологии*, 247, с. 163-175.

Сарианиди, В. И. 2001. *Некрополь Гонура и иранское язычество*. Москва: Мир-медиа.

Сарианиди, В. И. 2002. *Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб*. Aşgabat: Türkmendöwlethabarlary.

Стеблин-Каменский, И. М. 2009. Вступительные статьи. В: Стеблин-Каменский, И. М. (ред.). *Гаты Заратуштры*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, с. 4-32.

Тишкин, А. А. 2012. Значение археологических исследований крупных курганов скифо-сарматского времени на памятнике Бугры в предгорьях Алтая. В: Blajer, W. (ред.). *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae*. Krakow: Profil-Archeo, с. 501-510.

Чугунов, К. В. 2005. Курганы раннескифского времени могильника Копто и вопрос синхронизации алды-бельской и тагарской культур. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 37, с. 66-90.

Чугунов, К. В. 2006. Сосуд Гестии или чаша Геракла? Размышления по поводу одного шедевра. В: Никонова, А. А. (ред.). *In Situ: к 80-летию проф. А. Д. Столяра*. Санкт-Петербург: СПбГУ, с. 200-207.

Чугунов, К. В. 2011a. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы. В: Мачинский, Д. А. (ред.). *Европейская Сарматия*. Санкт-Петербург: Нестор-история, с. 39-60.

Чугунов, К. В. 2011b. Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии. *Российский археологический ежегодник*, 1, с. 262-335.

Чугунов, К. В. 2015. Формирование культур ранних кочевников в Казахстане и Саяно-Алтае (к постановке проблемы). *Труды Государственного Эрмитажа*, 77, с. 457-486.

Чугунов, К. В. 2016. Торевтика азиатских номадов и Древний Восток: к вопросу об одном из компонентов искусства Аржана-2. В: Балахванцев, А., Кулланда, С. (ред.). *Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа*. Москва: ИВ РАН, с. 242-247.

Чугунов, К. В. 2017. Исследования кургана 1 могильника Бугры в предгорьях Алтая. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 41, с. 126-142.

Шульга, П. И. 2003. *Могильник скифского времени Локоть 4а*. Барнаул: Алтайский университет.

Neef, N. 2010. Die Pflanzenreste. In: Čugunov, K., Parzinger, H., Nagler, A. *Der skythenzeitliche Fürsten-*

kurgan Aržan-2 in Tuva. Archäologie in Eurasien, 26. *Steppenvölker Eurasiens*. Mainz, 3, S. 242-249.

Rawson, J. 2017. China and the steppe: reception and resistance. *Antiquity*, 91, p. 375-388.

REFERENCES

Abayev, V. I. 1949. *Osetinskiy yazyk i folklor*. Moskva, Leningrad: AN SSSR.

Avesta v russkikh perevodakh (1861—1996). 1997. Rak, I. V. (ed.). Sankt-Peterburg.

Akishev, A. K. 1984. *Iskusstvo i mifologiya sakov*. Alma-Ata: Nauka.

Akishev, K. A. 1978. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazakhstana*. Moskva: Iskusstvo.

Akulov, A. G. 2017. Memorialy nobiliteta skifskogo vremeni v yuzhnosibirskikh i kazakhstanskikh stepyakh. In: Beysenov, A. Z., Loman, V. G. (ed.). *Arkheologicheskoye naslediye Tsentralnogo Kazakhstana: izucheniye i sokhraneniye*. Almaty: Begazy-Tasmola, 2, s. 16-24.

Artamonov, M. I. 1961. Antropomorfnyye bozhestva v religii skifov. *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 2, s. 57-87.

Beysenov, A. Z. 2015. Okolokurgannyye zhertvenniki kak raznovidnost pamyatnikov tasmolinskoy kultury. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 4 (36), s. 96-104.

Bessonova, S. S. 1983. *Religioznyye predstavleniya skifov*. Kiev: Naukova dumka.

Varfolomeyev, V. V. 2017. Kamennyye zhertvennyye koltsa na r. Karagayly v verkhoviakh Ishima. In: Beysenov, A. Z., Loman, V. G. (ed.). *Arkheologicheskoye naslediye Tsentralnogo Kazakhstana: izucheniye i sokhraneniye*. Almaty: Begazy-Tasmola, 2, s. 90-95.

Kalinina, I. V. 2009. *Ocherki po istoricheskoy semantike*. Sankt-Peterburg: SPbGU.

Litvinskiy, B. A. 1982. «Zolotyye lyudi» v drevnikh pogrebeniyakh Tsentralnoy Azii: opyt istolkovaniya v svete istorii religii. *Sovetskaia etnografiia*, 4, s. 34-43.

Lokhov, K. I., Berezhnaya, N. G., Matukov, D. I., Bokovenko, N. A., Zaytseva, G. I., Chugunov, K. V., Skott, E. M. 2007. Izotopnyy sostav strontsiya v kostyakh iz drevnikh zakhoroneniy Sayano-Altaya kak indikator mesta prozhivaniya i migratsii. In: Zaytseva, G. I., Kulkova, M. A. (ed.). *Radiouglerod v arkheologicheskikh i paleoekologicheskikh issledovaniyakh*. Sankt-Peterburg: IIMK RAN, s. 263-273.

Masson, V. M. 1976. *Ekonomika i sotsialnyy stroy drevnikh obshchestv*. Leningrad: Nauka.

Machinskiy, D. A. 1978. Pektoral iz Tolstoy Mogily i velikiye zhenskiye bozhestva Skifii. In: Lukonin, V. G. (ed.). *Kultura Vostoka. Drevnost i raneye srednevekovye*. Leningrad: Avrora, s. 131-150.

Minasyan, R. S. 2004. Sekrety skifskikh yuvelirov. In: Piotrovskiy, M. B. (ed.). *Arzhan. Istochnik v doline tsarey*. Sankt-Peterburg: Slaviya, s. 40-44.

Rayevskiy, D. S. 1977. *Ocherki ideologii skifo-sakskikh plemen. Opyt rekonstruktsii skifskoy mifologii*. Moskva: Nauka.

Rukavishnikova, I. V. 2017. Zverinyy stil Arzhana-5 (kompleksnyy podkhod v izuchenii predmetov. dekorirovannykh v zverinom stile). *Kratkie soobsceniia Instituta arheologii*, 247, s. 163-175.

Sarianidi, V. I. 2001. *Nekropol Gonura i iranskoye yazychestvo*. Mockva: Mir-media.

Sarianidi, V. I. 2002. *Drevnevostochnoye tsarstvo v staroy delte reki Mugrab*. Aşgabat: Türkmendöwlethabarlary.

Steblin-Kamenskiy, I. M. 2009. Vstupitelnyye stati. In: Steblin-Kamenskiy, I. M. (ed.). *Gaty Zaratushtry*. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, s.4-32.

Tishkin, A. A. 2012. Znacheniye arkheologicheskikh issledovaniy krupnykh kurganov skifo-sarmatskogo vremeni na pamyatnike Bugry v predgoriakh Altaya. In: Blajer, W. (ed.). *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae*. Krakow: Profil-Archeo, s. 501-510.

Chugunov, K. V. 2005. Kurgany ranneskifskogo vremeni mogilnika Kopto i vopros sinkhronizatsii aldy-belskoy i tagarskoy kultur. *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 37, s. 66-90.

Chugunov, K. V. 2006. Sosud Gestii ili chasha Gerakla? Razmyshleniya po povodu odnogo shedevra. In: Nikonova, A. A. (ed.). *In Situ: k 80-letiyu prof. A. D. Stolyara*. Sankt-Peterburg: SPbGU, s. 200-207.

Chugunov, K. V. 2011a. Iskusstvo Arzhana 2: stilistika. kompozitsiya. ikonografiya. ornamentalnyye motivy. In: Machinskiy, D. A. (ed.). *Evropeyskaya Sarmatiya*. Sankt-Peterburg: Nestor-istoriya, s. 39-60.

Chugunov, K. V. 2011b. Arzhan 2: rekonstruktsiya etapov funktsionirovaniya pogrebalno-pominalnogo kompleksa i nekotoryye voprosy ego khronologii. *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik*, 1, s. 262-335.

Chugunov, K. V. 2015. Formirovaniye kultur rannikh kochevnikov v Kazakhstane i Sayano-Altaye (k postanovke problemy). *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 77, s. 457-486.

Chugunov, K. V. 2016. Torevtika aziatskikh nomadov i Drevniy Vostok: k voprosu ob odnom iz komponentov iskusstva Arzhana 2. In: Balakhvantsev, A., Kullanda, S. (ed.). *Kavkaz i step na rubezhe epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza*. Mockva: IV RAN, s. 242-247.

Chugunov, K. V. 2017. Issledovaniya kurgana 1 mogilnika Bugry v predgoriakh Altaya. *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 41, s. 126-142.

Shulga, P. I. 2003. *Mogilnik skifskogo vremeni Lokot 4a*. Barnaul: Altaiskii universitet.

Neef, N. 2010. Die Pflanzenreste. In: Čugunov, K., Parzinger, H., Nagler, A. *Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan-2 in Tuva. Archäologie in Eurasien*, 26. *Steppenvölker Eurasiens*, 3. Mainz, S. 242-249.

Rawson, J. 2017. China and the steppe: reception and resistance. *Antiquity*, 91, p. 375-388.

K. V. Chugunov

KINGS AND GODS OF ASIAN SCYTHIA (Based on the Material of the Arzhan-2 Barrow)

The article is devoted to the reconstruction of the mythology of the nomads of the Tuva early Scythian times. An attempt to determine the status of a man and a woman buried in the burial of the Arzhan-2 mound is made on the basis of archaeological data and works on the reconstruction of the mythology of the Scythian-Saka tribes. The study showed that the man was a «king» with the attributes of Yima's progenitor, and the woman was associated with the goddess of the royal hearthstone Tabithi. In addition, the role of gold in the funeral rites of early nomads and the correspondence of archeology and written sources are examined.

Keywords: funeral-memorial complex, mythology of Scythian-Saka tribes, male and female attributes and costumes.

Одержано 23.02.2018

ЧУГУНОВ Костянтин Володимирович, старший науковий співробітник, Державний Ермітаж, Дворцова набережна, 34, Санкт-Петербург, 191186, Росія, *chugunovk@mail.ru*.

CHUGUNOV Konstantin Vladimirovich, Senior Researcher, State Hermitage Museum, Dvortsovaya Embankment, 34, Sankt-Peterburg, 191186, Russia, *chugunovk@mail.ru*.

УДК: 904.2(477.5+470.6)”-6/-5”

С. В. Махортых

РАСПРЕДЕЛИТЕЛИ РЕМНЕЙ КОНСКОЙ УПРЯЖИ VII—VI вв. до н. э. В ЗАКАВКАЗЬЕ И ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ [1]

Статья посвящена пространственно-хронологическому анализу металлических и роговых уздечных пронизей для ремней конского оголовья бытовавших в Закавказье и Передней Азии в VII—VI вв. до н. э.

***Ключевые слова**: конское снаряжение, Закавказье, Передняя Азия, VII—VI вв. до н. э.*

Светлана Сергеевна Бессонова относится к числу ведущих специалистов в области археологии раннего железного века юга Восточной Европы. Ее научные работы уже давно стали настольными для нескольких поколений специалистов, работающих в этой области. Помимо энциклопедических знаний, этого человека отличают удивительная тактичность, тонкое чувство юмора и готовность помочь в любой жизненной ситуации. С большим удовольствием хочется поздравить Светлану Сергеевну с юбилеем, отмечаемым ею в 2018 г., и пожелать ей бодрости и крепкого здоровья.

В данной статье рассматриваются металлические и костяные пряжки-пронизи или распределители, которые использовались для соединения и украшения пересекающихся ремней конской сбруи. Они относятся к числу важных элементов уздечки раннескифского времени. В том числе, они выявлены к югу от Главного Кавказского хребта — в Закавказье и Передней Азии. Эти области в VII—VI вв. до н. э. были тесно связаны со скифами и другими номадами Евразии, которые неоднократно проникали на эти территории во время военных походов и способствовали распространению здесь новых элементов кочевнического инвентарного комплекса, включающего также конское снаряжение.

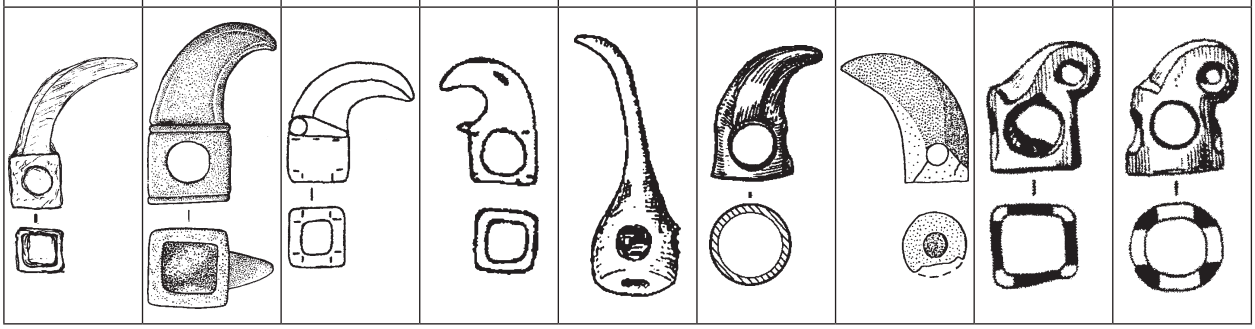
На Южном Кавказе уздечные распределители концентрируются, преимущественно, в Араратской долине. В располагающейся здесь урартской крепости Кармир-Блур (Тейшебани) было выявлено более 20 бронзовых и костяных пронизей, связанных с пребыванием в этом районе «северных» номадов. Эти пронизи, в ряде случаев образующие наборы, состоящие из четырех—пяти предметов (помещения 18 и 25 в центральной и северо-западной частях цитадели), сопровождались железными петельчатыми удилами, а также костяными трехдырчатыми или железными трехпетельчатыми псалиями (Пиотровский 1950, с. 94, 95, рис. 61; 62; Рябкова 2012). Значительное разнообразие обнаруженных пронизей, среди которых могут быть выделены более ранние и более поздние разновидности, по моему мнению, объясняется довольно продолжительными контактами номадов и обитателей Кармир-Блура. Эта крепость была важным стратегическим пунктом на пути их вторжений в страны Передней Азии.

Большую часть обнаруженных в Кармир-Блуре пронизей (всего 22 экз.) составляют находки, декорированные различными зооморфными мотивами (17 экз. или 77 % от общего числа выявленных предметов). Среди них преобладают клювовидно-когтевидные экземпляры (9). Помимо этого, там представлены распределители, оформленные в виде головок

1. Статья подготовлена в рамках авторского научного проекта, выполненного в Корнельском университете (штат Нью-Йорк) при поддержке программы Фулбрайт (США) в Украине. Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность А. Смиту и Л. Хатчадорян за помощь и содействие в реализации этого проекта.

© С. В. МАХОРТЫХ, 2018

Классификация зооморфных пронизей

Тип, окончание в виде: 1 — клюва или когтя; 2 — клюва								
1							2	
Подтип, форма основания: 1 — квадратная; 2 — округлая								
1				2			1	2
Вариант, выделенность основания: 1 — да; 2 — нет								
1						2	1	
Подвариант, высота основания: 1 — низкая; 2 — высокая								
1	2		1	2	—		2	
Вид, основание: 1 — с бортиком; 2 — без бортика								
2	1	2	2	2	—		2	
Подвид: 1 — с глазом; 2 — без глаза								
—	—	1	2	2	2	2	—	—
								

барана, грифо-барана, стилизованного птичьего клюва, а также геометрические пронизи, имеющие форму цилиндра.

Помимо Кармир-Блура, на территории Армении бронзовая пронизь выявлена в могильнике Лори-Берд (погребение 1), локализующемся на севере республики в исторической области Ташир-Дзорагет (Devedjian 2006, p. 277, 278, fig. 69: 10).

К северу от Армении пронизи VII—VI вв. до н. э. принадлежат к числу редких находок и связываются, главным образом, с территорией Центральной Грузии. Там обнаружено шесть таких предметов: могильники Абано, погребение 6; Нацаргора, погребение 126; и Самтавро, погребение 99 (Mehnert 2008, s. 148, taf. 38: 5; 60: 7). Еще одна бронзовая пронизь известна в Абхазии — случайная находка на поселении Джантух (Эрлих 2010, с. 95, рис. 9: 3).

В Передней Азии основным центром распространения рассматриваемых предметов является территория современной Турции. Интересующие нас находки, и, в первую очередь, выявленные в археологическом контексте, сосредоточены здесь, главным образом, на поселенческих памятниках: Каман Кале Хоюк, Гордион, Сарды (Waldbaum 1983, pl. 6: 85, 86; Omura 1992, p. 331, fig. 7: 2,3; Voigt et al. 1997, p. 56, fig. 32: l, m). Реже анализируемые пронизи связываются с погребальными (Норшун тепе) и культовыми (Эфес) памятниками (Hogarth 1908; Hauptmann 1983; Bammer 1992). Помимо этого, из Малой Азии происходит довольно много бронзовых пронизей, не связанных с конкретными археологическими комплексами (Akyay Meriçboyu 1997; Dönmez 2011).

Несколько уздечных распределителей известны на территории Ирана. Это, в основном, случайно найденные предметы, хотя там имеются и комплексные находки, например, Хасанлу (Calmeyer 1985; Stucky 1985; Muscarella 2012, p. 276, fig. 18: 17).

По форме, а также присутствию или отсутствию декора, рассматриваемые пронизи подразделяются на две основные группы, внутри которых выделяются типы, варианты, подварианты и т. д. В данной работе используется типология, разработанная мною на многочисленных материалах юга Восточной Европы с некоторыми внесенными в нее дополнениями (таблица) (Махортых 2017). В связи с тем, что пронизи в Закавказье и на Ближнем Востоке встречаются реже, часть типов, характерных для Северного Кавказа и лесостепного Поднепровья, отсутствует в этих регионах. Вместе с тем, здесь имеются некоторые оригинальные разновидности уздечных распределителей, аналогии которым отсутствуют на юге Восточной Европы, например, пронизи из Кармир-Блура с изображением трехлучевой свастики.

Первая группа объединяет распределители геометрической формы, ко **второй группе** относятся пронизи зооморфной формы.

Первая группа довольно немногочисленная и насчитывает 11 предметов.

Среди них преобладают бронзовые пронизи **типа 1** (восемь экз.), имеющие форму цилиндра с двумя парами поперечных боковых отверстий округлой формы, сделанных в прямых или слегка вогнутых стенках. Еще одно более крупное по размерам отверстие располагается в основании (рис. 1: 1—5). Три такие пронизи найдены в Армении: Кармир-Блур (северо-западная часть цитадели, помещения 18 и 23). Еще пять пронизей обнаружены в Центральной Анатолии: Гордион и Каман Кале Хоюк (Пиотровский 1950, рис. 61; Omura 1992, fig. 7: 3; Voigt et al., 1997, fig. 32: l; Рябкова 2012, табл. 1: 9, 27). Высота распределителей типа 1 варьирует от 1,6 до 2,1 см, а диаметр составляет 1,8—2,2 см.

Ближайшие соответствия пронизи типа 1 находят в скифских памятниках Предкавказья и лесостепной Украины, где основной период их бытования приходится на вторую половину VII — начало VI вв. до н. э. (Махортых 2017, с. 172). На юге Восточной Европы, в отличие от Закавказья и Передней Азии, пронизи, имеющие форму цилиндра, получили более широкое распространение. Всего там известно 122 находки, в том числе на Северном Кавказе найдены 55 пронизей, а в лесостепном Поднепровье — 67 экземпляра. При этом в Предкавказье они в основном изготавливались из бронзы, а на территории Украины — из кости.

К **типу 4** по восточноевропейской типологии относятся бронзовые пронизи с четырьмя боковыми отверстиями, приближающиеся по форме к конусу и имеющие заостренную вершину (рис. 2: 10; 3: 5). Их размеры составляют 1,8 × 1,4 и 2 × 1,6 см. Известно две находки таких пронизей с территории Южного Кавказа: погребение 99 Самтавро (Грузия) и погребение 1 могильника Лори-Берд (Армения) (Devedjian 2006, fig. 69: 10; Mehnert 2008, s. 148, tabl. 38: 5). По сопровождающему инвентарю эти комплексы следует датировать в рамках конца VII и / или начала VI вв. до н. э. [1]

Главный центр распространения пронизей **типа 4** находился на юге Восточной Европы, где обнаружено 22 таких находки. Значительная их часть локализуется на Северо-Западном Кавказе (14 экземпляров или 87 % от общего числа известных находок): курган 1 у хут. Говердовского, а также погребения 101 и 163 Владимировского могильника. В Центральном Предкавказье эти пронизи происходят из кургана 13 Нартана и кургана 13 могильника Новозаведенное II, датируясь в рамках конца VII и / или первых десятилетий VI вв. до н. э. (Махортых 2017).

О довольно молодой хронологической позиции пронизей **типа 4,** относящихся к числу местных восточноевропейских разновидностей этой категории конского снаряжения, свидетельствуют и их находки в памятниках лесостепного Поднепровья. На основании выявленных вместе с ними колчанных наборов и предметов конской упряжи они датируются началом — первой половиной VI в. до н. э. (курган 469 у с. Аксютинцы) или же серединой — второй половиной VI в. до н. э. (курган 467 у с. Аксютинцы) (Махортых 2017). Эта дата подтверждается находками двух бронзовых пронизей близкой формы в кургане 38 середины VI в. до н. э. у с. Гуляй-Город в бассейна Тясмина (Ильинская 1975; Могилов 2008, рис. 128: 15, 15а; Гречко 2016).

Следует отметить, что, если восточноевропейские конические распределители ремней оголовья были изготовлены из бронзы, то близкие им по форме предметы, но сделанные из камня (базальта или мрамора) использовались в армии Ахеменидов. Они имели более значительные, по сравнению с восточноевропейскими, размеры — высота 3,8—3,9 см диаметр около 3 см. Один из них происходит из Суз (Иран), а другой — найден в Истрии (Румыния) (рис. 4: 1, 5) (Amiet 1998, s. 148, N 8). Последняя находка представляет особенный интерес. Она датируется около 500 г. до н. э. и вместе с другими материалами, в том числе, и с уздечными пронизями иных типов, выявленными в этом античном городе, рассматривается в контексте компании персидского царя Дария 1 против

1. В погребении 1 из Лори-Берда, помимо наконечников стрел, деталей конского снаряжения и украшений, были найдены пастовые бусины в виде конических розеток (рис. 2: 16). Т. В. Рябкова, посвятившая рассмотрению подобных предметов отдельную работу, справедливо поставила под сомнение их «скифское» происхождение и отнесла эти находки к импортным изделиям, маркирующим погребения кочевников, принимавших участие в переднеазиатских походах (Рябкова 2010). Вместе с тем, предложенная ею дата для комплексов с бусинами-розетками (середина — вторая половина VII в. до н. э.) представляется сомнительной, поскольку не учитывает как хронологическую неоднордность выявленных вместе с ними археологических материалов, например, курганы 13 и 17 Нартана, так и находки конических бусин в комплексах VI в. до н. э. (погребение 23 могильника Кавтишкхеви, курган 6 у с. Аксютинцы и др.) (Bill 2003). Следует также отметить, что помимо юга Восточной Европы, находки конических бусин-розеток известны в Трансильвании (Румыния), например, погребение, в Orosia, где они также относятся ко времени не ранее VI в. до н. э. (Ursuțiu, Urák 2016, p. 257, 262 fig. 1: 5; pl. 4: 4—7). По моему мнению, основной период бытования рассматриваемых конических бус-розеток приходится на конец VII и / или первую половину VI вв. до н. э. и должен рассматриваться в контексте событий финала скифских переднеазиатских походов.

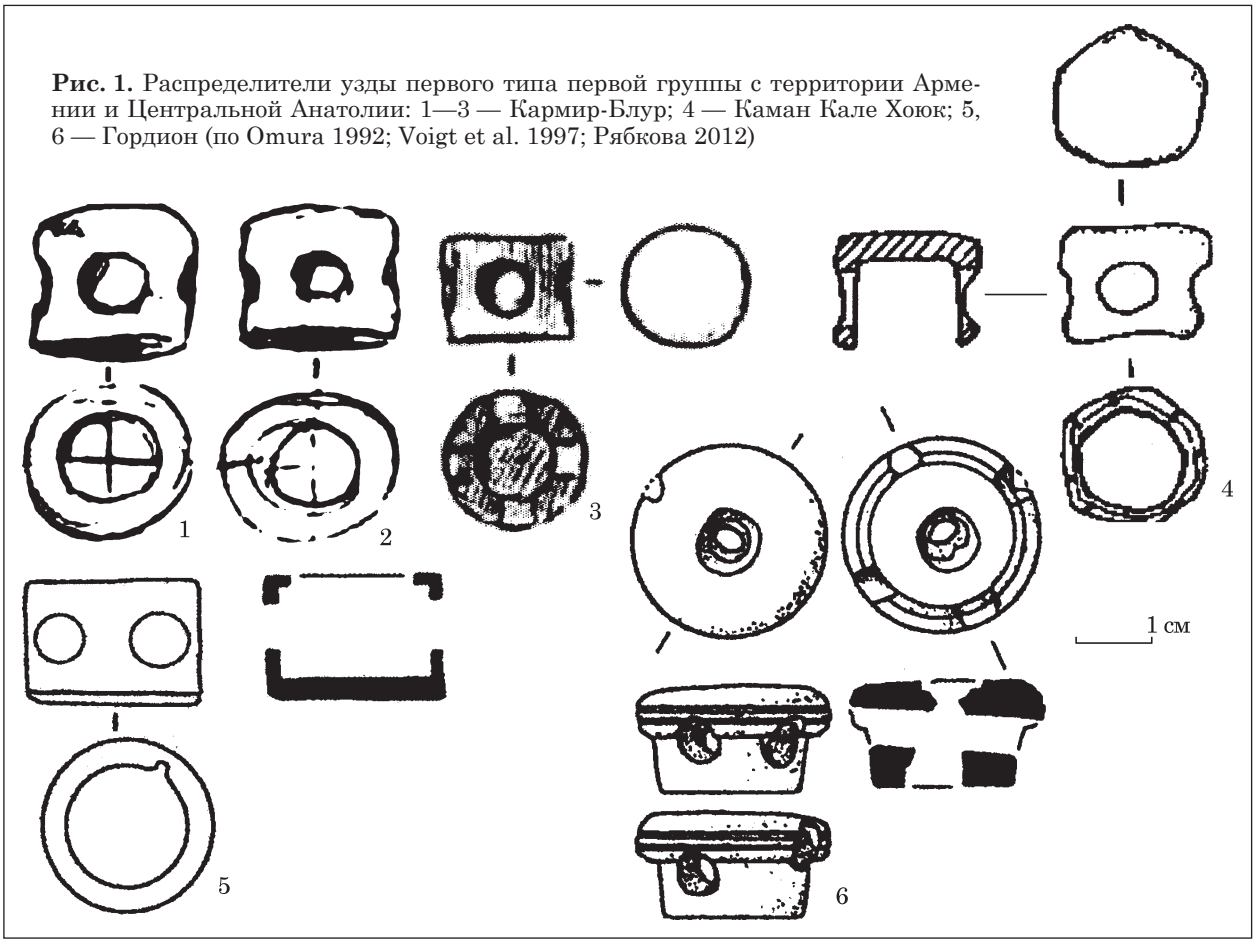


Рис. 1. Распределители узды первого типа первой группы с территории Армении и Центральной Анатолии: 1—3 — Кармир-Блур; 4 — Каман Кале Хоюк; 5, 6 — Гордион (по Omura 1992; Voigt et al. 1997; Рябкова 2012)

скифов в 513 г. до н. э. [1] (Alexandrescu 2010, s. 268, abb. 1).

По всей вероятности, истоки уздечных пронизей конической формы следует искать в скифском мире, где они бытовали, преимущественно, в конце VII — VI вв. до н. э. и, благодаря контактам скифов с Закавказьем, Мидией и другими областями Передней Азии, могли войти в материальную культуру ахеменидской Персии. В восточных районах Евразии находки конических пронизей до сих пор не известны. Вместе с тем, следует упомянуть серебряный ритон из Ново-Кумакского кургана 1 / 1971 в Южном Приуралье, представляющий собой скульптурную протому взнузданного коня с детально изображенными ремнями оголовья конической формы. Предположительное место его изготовления — один из центров торевтики Восточной Анатолии или Северо-Западного Ирана (Трейстер 2010, с. 358, 360, рис. 2).

Тип 5 геометрических пронизей по восточноевропейской типологии представлен единственной находкой из Гордиона (рис. 1: 6). Она изготовлена из рога и имеет цилиндрическое основание с четырьмя боковыми отверстиями, а также выступающий за края плоский округлый щиток. Ее размеры — 2,7 × 1,4 см. Эта пронизь найдена в позднефригийском слое / YHSS 4, который датируется в рамках 550—330 гг. до н. э. (Voigt et al., 1997, p. 56, fig. 32: h).

Подобные пронизи на широком цилиндрическом основании, завершающиеся округлым щитком, выступающим за края основания, образуют позднейшую разновидность геометрических пронизей на юге Восточной Европы, основной период бытования которых приходится на середину — вторую половину VI в. до н. э. (Махортых 2017, с. 176, рис. 8).

Вторая группа рассматриваемых ближневосточно-закавказских распределителей представлена экземплярами, имеющими зооморфное оформление или зооморфные изображения на щитке [2]. Без учета пронизей, декорирован-

1. К числу материальных свидетельств похода Дария в Причерноморскую Скифию относятся также находки персидских наконечников стрел в колчанных наборах некоторых погребений Ольвийского некрополя, а также ахеменидских удил из лесостепного Поднепровья (Полин 1994, с. 94—95; Алексеев 2003, с. 164).

2. Ко второй группе зооморфных распределителей может быть отнесена также пронизь, изготовленная из клыка кабана с пятью маленькими круглыми отверстиями, обнаруженная в погребении 126 могильника Нацаргора (Грузия) и датирующаяся в рамках конца VII — середины VI вв. до н. э. (рис. 5: 7) (Mehnert 2008, s. 71, 72, taf. 60: 7). Ближайшие соответствия ей известны на Северном Кавказе, где уздечные пронизи изготовленные из клыков кабана, а также их бронзовые

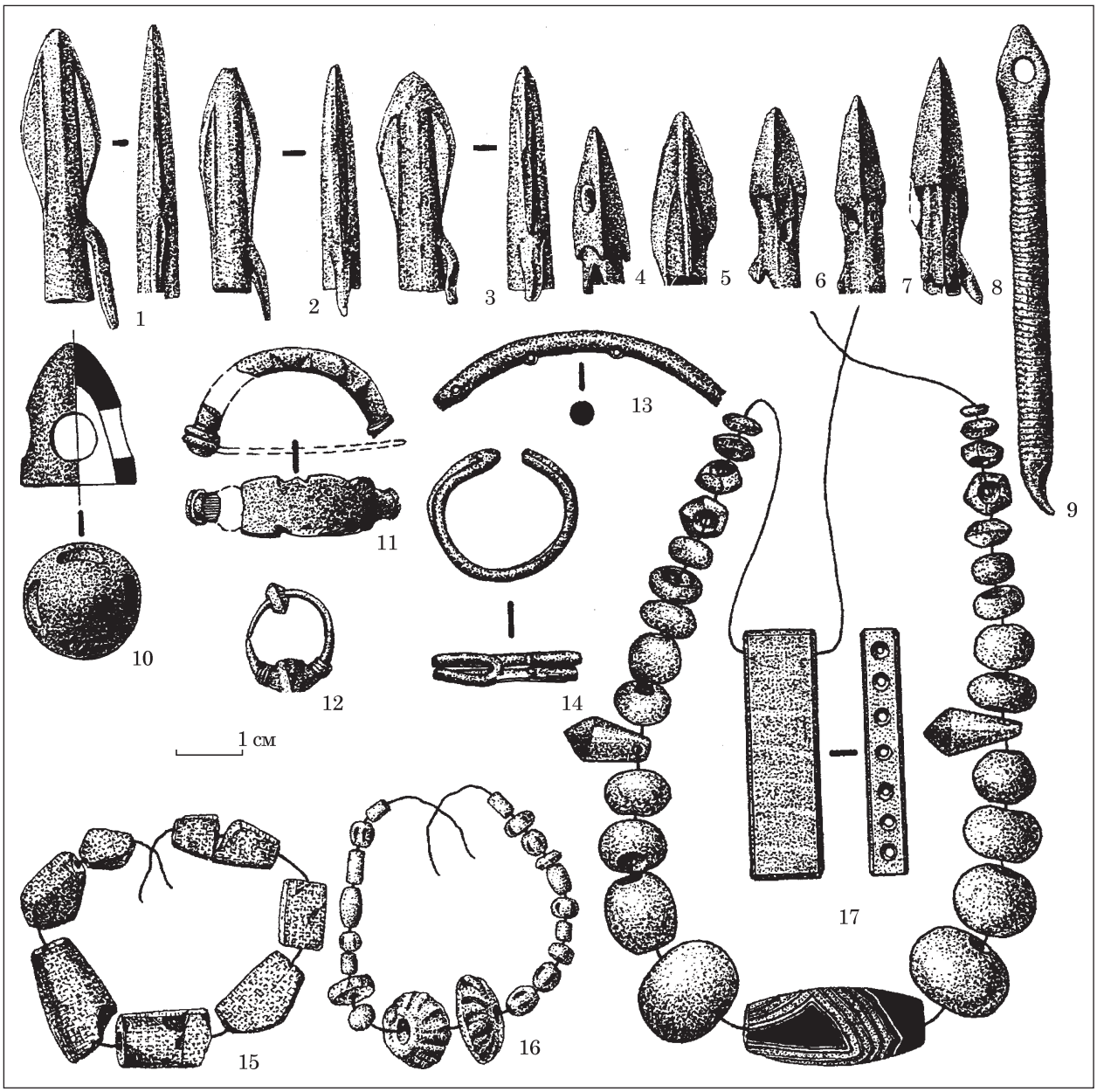


Рис. 2. Инвентарь погребения 1 могильника Лори-Берд (Армения) (по Devedjian 2006)

ных сверху различными зооморфными плоскорельефными изображениями, рассмотрению которых я планирую посвятить специальную работу, известно около 40 таких находок.

К **типу 1** (19 экз.) относятся, в основном, бронзовые пронизи с окончаниями, оформленными в виде изогнутого клюва или когтя. С четырех боковых сторон и, зачастую, в основании распределителей имеются сквозные округлые или квадратные отверстия. Основной областью их распространения в раннескифское время вне территорий Восточной Европы является Закавказье (14 экз.), где они найдены в погребении 6 могильника Абано, на поселении Джантух, но более всего в Кармир-Блуре (в помещении западного выступа дворца, а также северо-западной части цитадели, помещения 13 и 18 (9 экз.) (рис. 6: 1—8; 7: 1). Остальные находки происходят, главным образом, с территории Турции (Каман Кале Хоюк, Гордион, провинция Ван и др.) (рис. 6: 9—11; 7: 2) (Omura 1992, fig. 7: 2; Akyay Meriçboyu 1997, fig. 1; 2; Эрлих 2010, рис. 9: 1, 3; Curtis, Kruszynski 2002, p. 77, fig. 44: 181; Mehnert 2008, taf. 69: 1; Рябкова 2012, табл. 1: 2, 10, 15).

Их высота, в большинстве случаев, варьирует от 2,9 до 4 см, а диаметры оснований составляют 1,4—2 см.

имитации найдены в южной могиле кургана 1 Краснознаменского могильника, кургане 6 Нартана и уздечном наборе из ст. Подгорная (Махортых 2016, с. 178, рис. 6: 1—4, 6—7). Еще четыре просверленных клыка кабана, служившие пряжками для перекрестных ремней, выявлены в кургане 2 (1886 г.) у с. Волковцы в Посулье (Ильинская 1968, табл. XXXIV, 14).

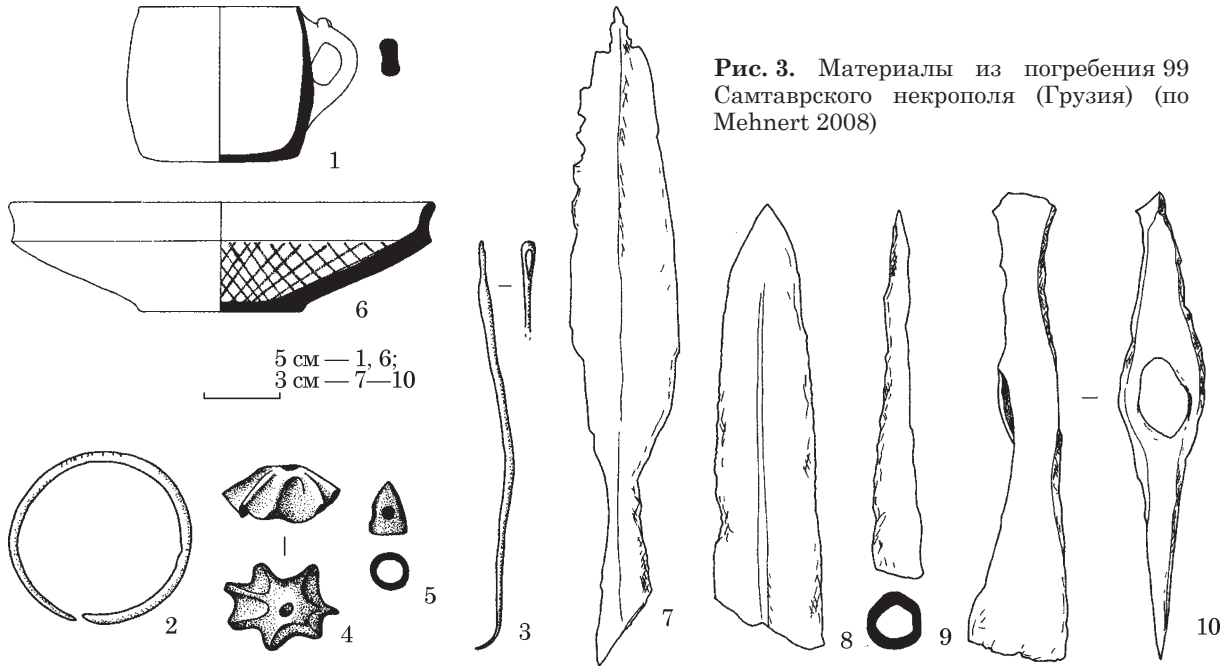


Рис. 3. Материалы из погребения 99 Самтаврского некрополя (Грузия) (по Mehnert 2008)

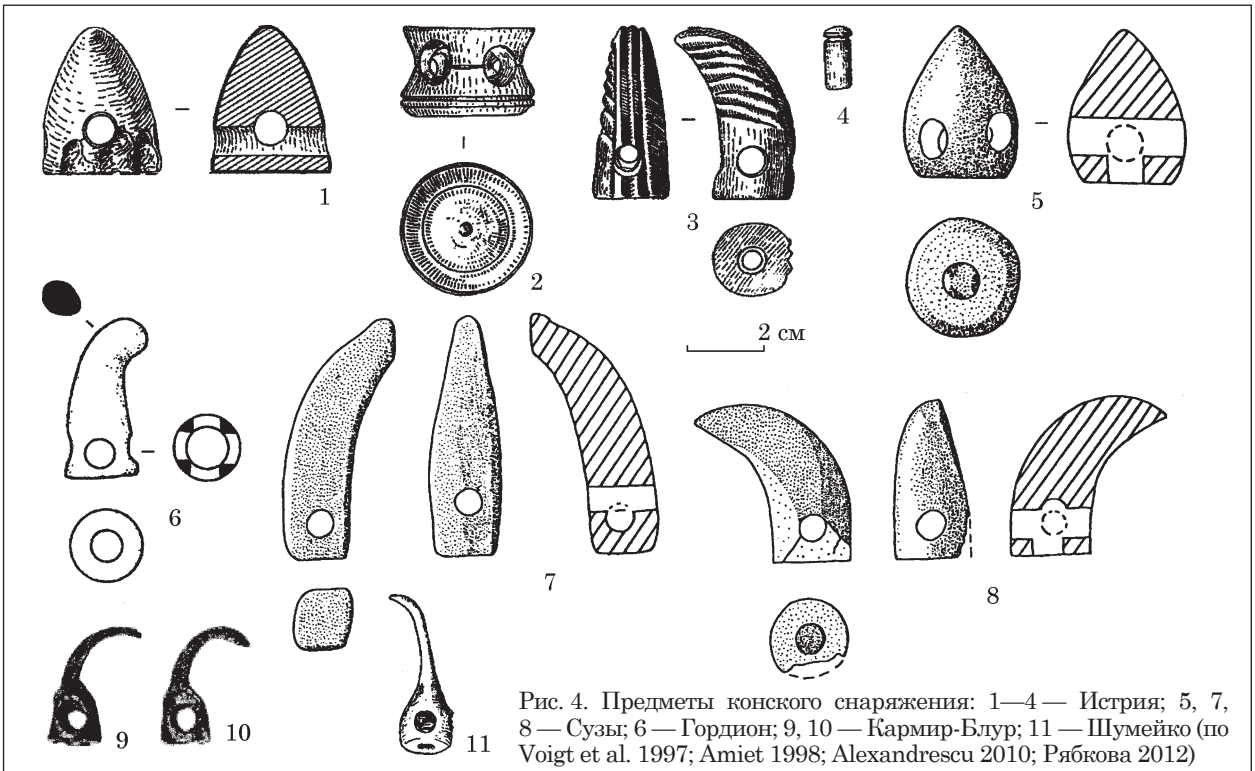


Рис. 4. Предметы конского снаряжения: 1—4 — Истрия; 5, 7, 8 — Сузы; 6 — Гордион; 9, 10 — Кармир-Блур; 11 — Шумейко (по Voigt et al. 1997; Amiet 1998; Alexandrescu 2010; Рябкова 2012)

Находки, входящие в **тип 1**, являются на рассматриваемой территории самыми многочисленными из всех имеющихся здесь пронизей, а также довольно неоднородными морфологически и хронологически. Среди них выделяется несколько разновидностей. Большинство находок относится к **подтипу 1**, у которого нижняя часть оформлена в виде обоймы кубической формы, которая в некоторых случаях имеет выделенный бортик (рис. 7: 1, 2) (погребение 6 Абано, Британский музей). Среди пронизей первого типа можно выделить два подварианта по соотношению высоты обоймы и клювовидного выступа (таблица). У **подварианта 1** с низким основанием высота клюва превышает высоту обоймы в 1,5 и более раза (рис. 6: 4—9). У **подварианта 2** с высоким основанием высота обоймы и клюва имеют приблизительно одинаковые размеры (рис. 6: 1—2, 10). Пронизи обоих подвариантов встречены в Кармир-Блуре. На

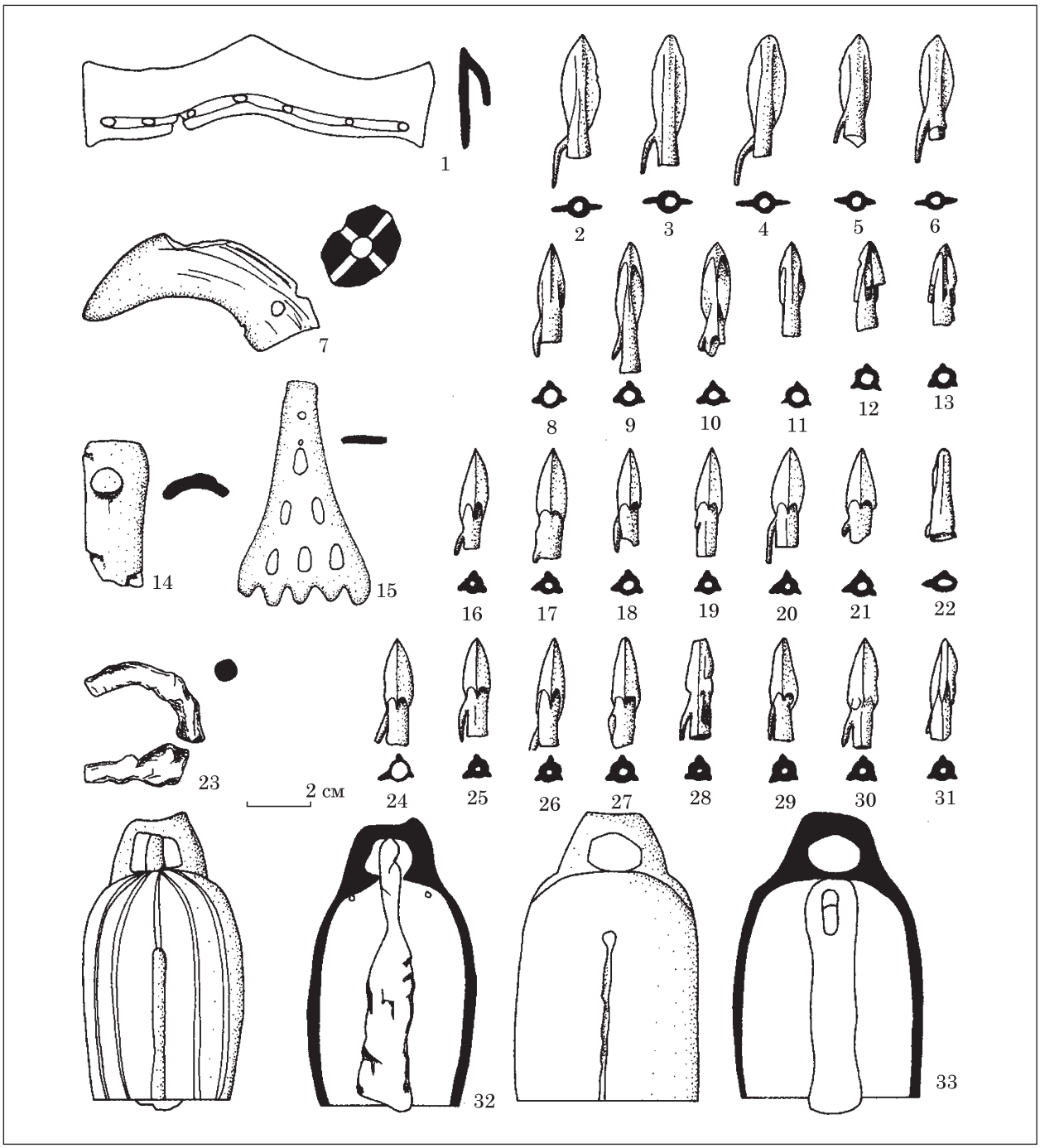


Рис. 5. Вещи из погребения 126 могильника Нацаргора (Грузия) (по Mehnert 2008)

рисунке 6 приведены изображения пронизей, взятые Т. В. Рябковой из полевых дневников Кармир-блурской археологической экспедиции и альбомов рисунков Б. Б. Пиотровского (рис. 6: 4—8), а также моя прорисовка одной из кармир-блурских пронизей, хранящихся в национальном историческом музее Армении (Ереван). Следует отметить, что большинство таких пронизей имеет граненый «клюв».

Своеобразна пронизь с квадратным основанием и полым клювовидным выступом, найденная в Восточной Анатолии (провинция Ван) (рис. 6: 11). Ближайшие соответствия ей известны в Закубанье, в кургане 41 могильника Фарс / Клады, который датируется около середины VII в. до н. э., что предполагает наиболее древний возраст этой модификации пронизей типа 1 (рис. 6: 12) (Лесков, Эрлих 1998, с. 70, рис. 39: 3—6; Кочевники Евразии… 2012, с. 55, кат. 107). Можно предположить, что во внешнем облике этих пронизей нашли отражение технологические особенности изготовления древнейших двухчастных распределителей с клювовидным окончанием, когда с кубовидным основанием, близким по форме геометрическим пронизям, соединялся полый клювовидный выступ. Это предположение показывает вторичный характер клювовидных

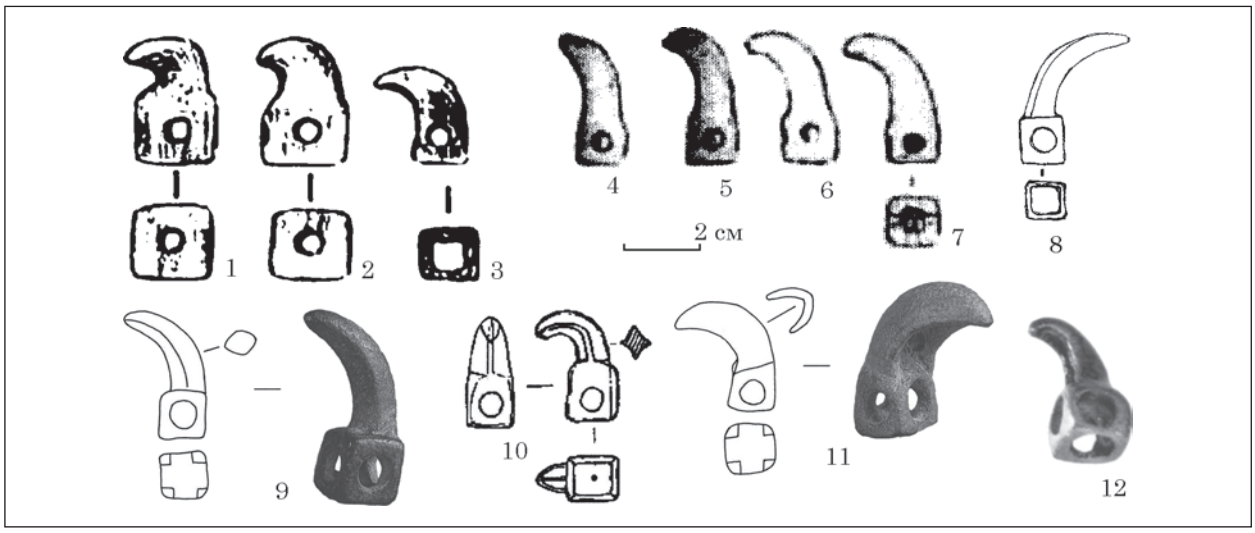


Рис. 6. Бронзовые зооморфные пронизи первого типа второй группы: 1—8 — Кармир-Блур; 9 — археологический музей Стамбула; 10 — Каман Кале Хоюк; 11 — провинция Ван; 12 — курган 41 могильника Фарс / Клады (по Omura 1992; Akyay Meriçboyu 1997; Рябкова 2012)

пронизей, по сравнению с геометрическими образцами бытовавшими уже на начальном этапе предскифского периода (Махортых 1999, рис. 1: 13; Козенкова 2002, табл. 27: 2—6). Еще одна архаическая клювовидная пронизь «раннего» VII в. до н. э. найдена в кургане 1 1921 г. Каменномостского могильника в Кабардино-Балкарии (Иессен 1941, рис. 4), однако, мне, к сожалению, не известны детали ее устройства.

Подтип 2 типа 1 представлен пронизями с округлым основанием. У **варианта 1** основание выделено, распределители **варианта 2** не имели выделенного основания (таблица). Интересна роговая пронизь с круглым невыделенным основанием из Гордиона (рис. 4: 6). Она происходит из слоя, датирующегося не ранее второй половины VI в. до н. э., и, вероятно, связывается уже с ахеменидским кругом древностей [1].

Большинство пронизей **варианта 2** изготовлены из камня или рога. Они территориально соотносятся с Передней Азией (рис. 4: 6, 8). Близкая каменная пронизь найдена и в упомянутом выше комплексе из Истрии (Румыния), во всей вероятности, имеющем отношение к походу Дария в Скифию в конце VI в. до н. э. (рис. 4: 3). Пронизи **варианта 2** датируются не ранее середины VI в. до н. э. и ассоциируются с ахеменидской Персией, хотя прототипы их следует искать в материалах раннескифской эпохи юга Восточной Европы.

Пронизи **подтипа 2** также подразделяются на подварианты по соотношению высоты основания и клюва (таблица). Довольно редкими являются пронизи **подварианта 1** с длинным окончанием, которые представлены двумя находками из Кармир-Блура. Они имеют тонкий длинный клювовидный выступ, плавно переходящий в кубическое основание (рис. 4: 9, 10). Аналогиями этим распределителям являются пронизи из погребения 70 Старшего Ахмыловского могильника в Среднем Поволжье и кургана Шумейко в Днепровском лесостепном Левобережье (рис. 4: 11) (Патрушев, Халиков 1982, табл. 13: 1б; Ильинская 1968, рис. 24). Учитывая датировку последнего комплекса в рамках VI в. до н. э. (не ранее второй—третьей четверти этого столетия) (Ильинская 1968, с. 71—73; Гречко 2012), именно к VI в. до н. э. следует относить бытование этого подварианта пронизей 1 типа, считая их одними из наиболее молодых распределителей [2]. Данное обстоятельство, наряду с учетом и других археологических материалов, выявленных в урартской крепости Кармир-Блур, дает возможность относить ее падение к VI в. до н. э.

Рассмотрение зооморфных пронизей 1 типа позволяет сделать ряд наблюдений. Одно из них касается территориальной специфики их распространения. Так, экземпляры с при-

1. К числу оригинальных разновидностей распределителей типа 1 относится и бронзовая пронизь из Сард (рис. 7: 3) (Waldbaum 1983, p. 40, pl. 6: 86). Она сближается с уздечными пронизями ахеменидского Ирана сильно изогнутым массивным «клювом», рифленным орнаментом на поверхности, довольно крупными размерами, а также пропорциями, когда ширина (4,20 см) превосходит высоту (3,80 см). Датировать ее следует в пределах середины — второй половины VI в. до н. э.

2. О связях лесостепного Поднепровья с областями, лежащими к югу от Главного Кавказского хребта, в VI в. до н. э. свидетельствуют и оригинальные пронизи с кубическим основанием и выступом в виде головки хищной птицы с большим загнутым граненым клювом и выделенными глазами, найденные в кургане Шумейко (Посулье) и на Ближнем Востоке (рис. 6: 4, 5) (Curtis, Kruszynski 2002, p. 77, fig. 44: 182; Могилов 2008, рис. 130: 2).

близительно равным соотношением размеров основания и «клюва» использовались, преимущественно, на Северном Кавказе и, реже, в лесостепном Поднепровье. В Предкавказье также преобладают пронизи с округлым основанием.

Пронизи с длинным клювовидным окончанием, зачастую имеющим граненую поверхность, более типичны для Закавказья и Передней Азии. Основание пронизей в этих регионах было, в основном, квадратное.

Имеющиеся материалы позволяют также высказать некоторые соображения о хронологической позиции пронизей определенных разновидностей. К числу наиболее ранних, вероятно, относятся пронизи с квадратным основанием и полым клювом из провинции Ван и кургана 41 могильника Фарс / Клады в Закубанье, которые, вероятно, датируются около середины VII в. до н. э. В целом можно говорить о хронологическом приоритете пронизей с округлым высоким основанием и коротким клювом, которые довольно хорошо известны в захоронениях второй половины — конца VII в. до н. э. на Северном Кавказе.

В рамках VII в. до н. э. следует датировать и находку клювовидной пронизи с высоким основанием из Каман Кале Хоюка (рис. 6: 10), что показывает их довольно раннее появление в Центральной Анатолии. Сходные пронизи из Кармир-Блура (рис. 6: 1, 2), отличающиеся, однако, маленькими отверстиями в основании, также предполагают существование контактов местного населения со скифами в VII—VI вв. до н. э. Более молодые разновидности пронизей с низким основанием и высоким тонким «клювом», близкие находке из кургана Шумейко и присутствующие в Кармир-Блуре, демонстрируют их бытование в VI в. до н. э.

Этот вывод подтверждается и находками в Кармир-Блуре иных разновидностей бронзовых зооморфных пронизей, например, в виде головки барана, также находящих параллели в памятниках VI в. до н. э. лесостепного Поднепровья (рис. 9: 2). Обращают на себя внимание и имеющиеся на Ближнем Востоке аналогии другой, довольно редкой разновидности пронизей с квадратным основанием, в виде головки хищной птицы, украшенной изображениями глаз. Несколько таких пронизей происходят из кургана Шумейко (рис. 7: 4, 5). Эти соответствия указывают на Посулье как один из регионов, скифское население которого поддерживало контакты с Закавказьем и Передней Азией в VI в. до н. э.

Очевидно, попав на территорию Ближнего Востока в VII в. до н. э., зооморфные распределители типа 1 претерпели определенные морфологические изменения, например, получили распространение пронизи с длинными клювовидными выступами. Это могло произойти в результате их изготовления в местных производственных центрах, снабжающих отряды скифов изделиями из металла во время переднеазиатских походов. Как локальную и хронологически позднюю модификацию VI в. до н. э., следует рассматривать пронизи с выступающим кантиком на бортике (рис. 7: 1, 2). Можно предполагать также изготовление пронизей типа 1, найденных на Ближнем Востоке, в ремесленных центрах, входящих в состав Ахеменидской империи. К числу таких распределителей относятся каменные и роговые изделия с округлым основанием (рис. 4: 3, 6, 8). Их следует связать с ахеменидской Персией и датировать в рамках второй половины VI — V вв. до н. э. Необходимо, однако, подчеркнуть, что мощным катализатором, вызвавшим к жизни изменения в области использования различных элементов конского снаряжения, были евразийские кочевники, пребывание и активная деятельность которых в Закавказье и Передней Азии способствовала широкому распространению здесь разного рода инноваций[1].

Тип 2 (5 экз.) зооморфных пронизей представлен распределителями, оформленными в виде стилизованных клювов хищной птицы. Этот клюв, в большинстве случаев, сильно загнут и иногда имеет выделенную восковицу (рис. 8: 1—4). Распределители имеют четыре боковых отверстия. Высота находок варьирует в пределах 2,5—3 см, а диаметр составляет 1,3—1,8 см.

Большинство пронизей типа 2 изготовлено из бронзы и только одна находка — из рога (рис. 8: 2). Она обнаружена в северо-западной части цитадели Кармир-Блура (помещение 11) (Рябкова 2012, табл. 1: 23). Еще четыре распределителя рассматриваемого типа, предположительно, происходят из Ирана и Малой Азии (Hauptmann 1983, s. 265, taf. 56: 6, 11). При этом пронизь, экспонирующаяся в археологическом музее университета Индианы (США) (рис. 8: 4), отличается от остальных сильно загнутым тонким клювом, что сближает ее с близкой находкой из могильника Сукко на Черноморском побережье Западного Кавказа (Новичихин 1995, рис. 1: 7).

Оригинальным оформлением отличается также пронизь с массивной выделенной верхней частью клюва, хранящаяся в Тегеране (рис. 8: 1) (Calmeyer, 1985, taf. 45, 2—4). Ее можно рассматривать как подражание скифским образцам.

С определеной долей условности, к рассматриваемому типу может быть отнесена и пронизь из погребения в Хасанлу (Иран), которая, помимо изогнутого клюва, имеет и выделен-

1. Точки зрения о том, что в ахеменидском Иране VI—V вв. до н. э., продолжали бытовать детали узды, и в частности пронизи, прототипами которых являлись раннескифские образцы придерживаются многие исследователи (Moorey 1985; Hauptmann 1983; Calmeyer 1985; Kossack 1987).

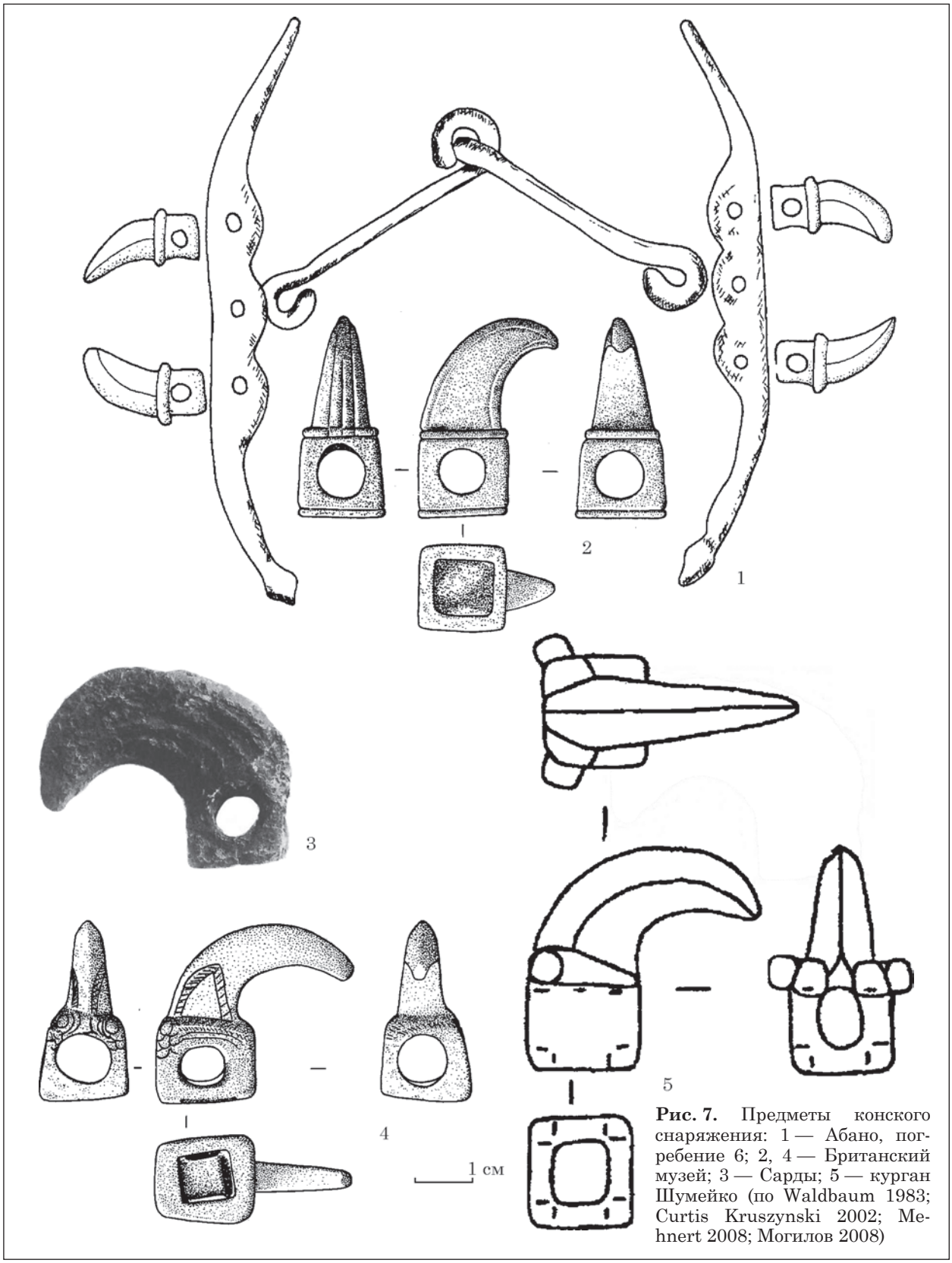


Рис. 7. Предметы конского снаряжения: 1 — Абано, погребение 6; 2, 4 — Британский музей; 3 — Сарды; 5 — курган Шумейко (по Waldbaum 1983; Curtis Kruszynski 2002; Mehnert 2008; Могилов 2008)

ную восковицу (рис. 8: 6). О. Мускарелла сближает ее с распределителями типа 2 из Келермесских курганов в Закубанье, исследованных Д. Г. Шульцем (Muscarella 2012, p. 276, fig. 18: 17).

Основной территорией распространения пронизей типа 2 является юг Восточной Европы, где выявлено 38 экземпляров, причем в украинской лесостепи их найдено в два раза больше, чем в Предкавказье. Главным цент-

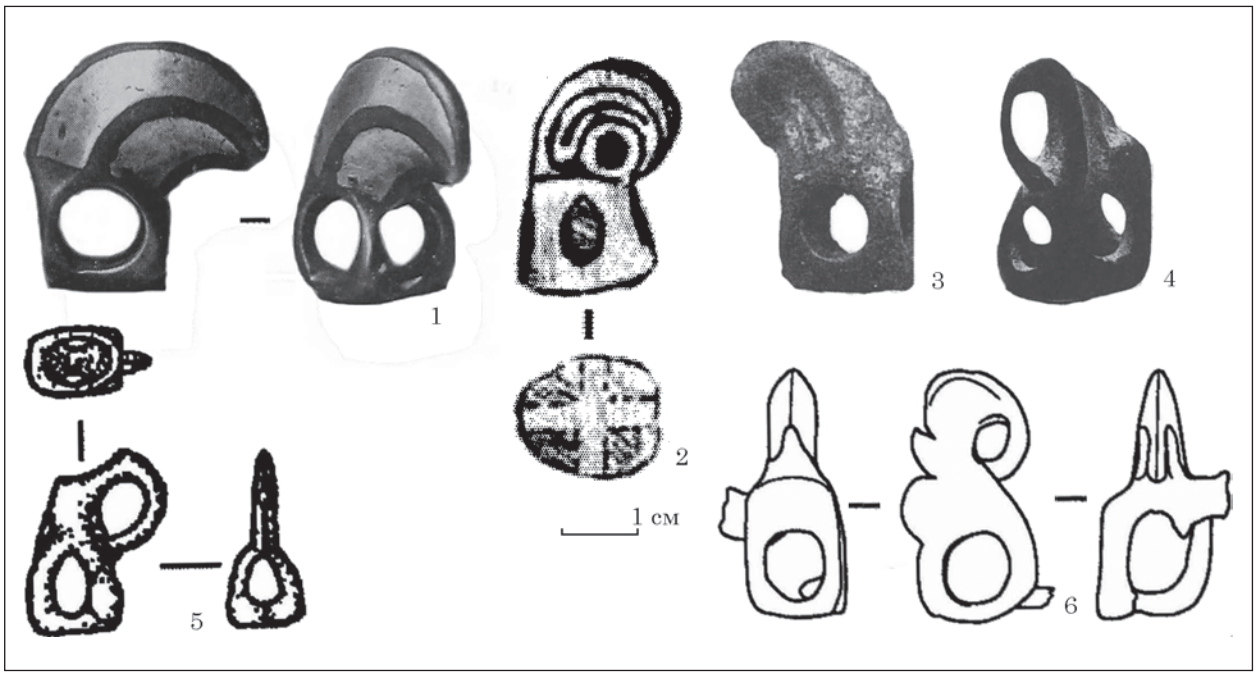


Рис. 8. Зооморфные пронизи второго типа второй группы: 1 — Тегеран; 2 — Кармир-Блур; 3, 4 — Малая Азия; 5 — могильник Сукко; 6 — Хасанлу (по Hauptmann 1983; Calmeyer 1985; Новичихин 1995; Muscarella 2012; Рябкова 2012)

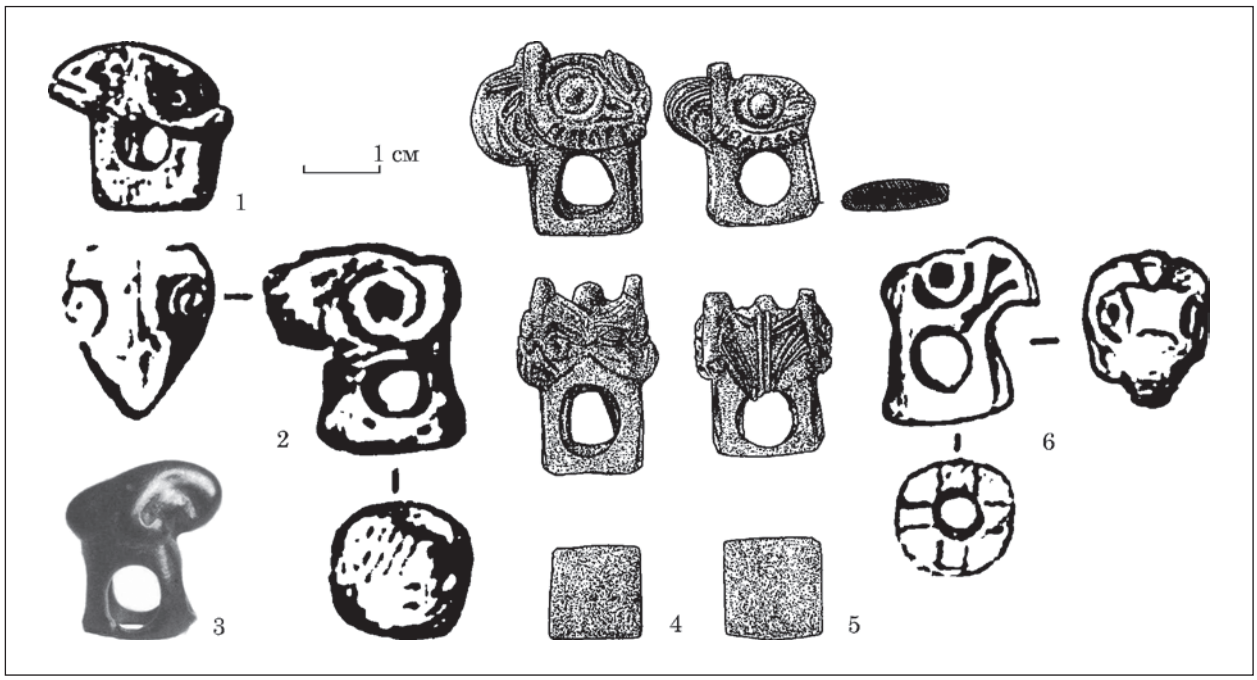


Рис. 9. Зооморфные пронизи третьего типа второй группы: 1, 2, 6 — Кармир-Блур; 3 — Иран; 4, 5 — Норшун тепе (по Hauptmann 1983; Muscarella 1988; Рябкова 2012)

ром сосредоточения пронизей типа 2 на Северном Кавказе является Закубанье (12 экз.). В лесостепном Поднепровье бронзовые и, крайне редко костяные пронизи (Поповка) выявлены, в основном, на левом берегу Днепра, в Посулье (22 экз.). Украинские находки близки по времени северокавказским и датируются в рамках начала — первой половины VI в. до н. э. (Махортых 2017).

Зооморфные пронизи **типа 3** изготовлены из бронзы и значительно реже из рога. Они, преимущественно, имеют цилиндрическое основание с двумя парами поперечных боковых отверстий, завершаются объемными головками птицы или животного, шеями которых служит собственно пронизь. Выделяется три варианта.

Вариант 1 образуют три пронизи, увенчанные головками барана с клювом хищной птицы.

Две из них изготовлены из бронзы и найдены в конском погребении Норшун тепе на верхнем Ефрате (рис. 9: 4, 5). (Hauptmann 1983, abb. 4: 8a, b). Одна костяная пронизь происходит из помещения 11 в северо-западной части цитадели Кармир-Блура (рис. 9: 6) (Рябкова 2012, табл. 1: 24). Высота этих находок варьирует от 2,2 до 2,7 см, а диаметр основания составляет около 1,5 см.

Пронизи из Норшун тепе и Кармир-Блура отличаются друг от друга наличием или отсутствием изображения уха, сильно или слабо изогнутым клювом, выступающим надо лбом или вписанным в поверхность предмета гладким или орнаментированным рогом, формой основания, а также количеством отверстий для перекрестных ремней. Отмеченные выше стилистические отличия, вероятно, свидетельствуют о различной хронологической позиции этих находок. Пронизи из Норшун тепе выглядят более архаичными и на основании частичного сходства с северокавказскими и украинскими находками могут датироваться в рамках середины — второй половины VII в. до н. э., тогда как кармир-блурская пронизь, видимо, является более молодой и относится к концу VII — началу VI вв. до н. э. [1]

Базовой областью распространения пронизей, украшенных головками грифо-баранов является юг Восточной Европы (35 экз.) В Предкавказье эти распределители выявлены в к. 1/В, к. 2/В, а также в кургане 24 Келермесского могильника. Еще три костяные пронизи этого варианта найдены в Центральном Предкавказье (южная гробница 1 Краснознаменского кургана и курган у г. Новопавловска). На территории лесостепной Украины костяные пронизи с головкой грифо-барана, близкие северокавказским, представлены немногочисленными находками на поселениях Пожарная Балка в Поворсклье и Сокол в Западной Подолии (Махортых 2017).

Вариант 2 включает бронзовые и роговые распределители, украшенные бараньими головками. Три из них найдены в Кармир-Блуре (помещения 25 и 27 в центральной части цитадели [2] (рис. 9: 1, 2) (Пиотровский 1950, рис. 62; Пиотровский 1952, рис. 19; Рябкова 2012, табл. 1: 14, 19). Одна бронзовая пронизь происходит из Ирана (Хамадан) (рис. 9: 3) (Herzfeld 1941, p. 271, fig. 374; Calmeyer 1985, s. 125, 138, abb. 9; Muscarella 1988, p. 383, N 503). Высота находок составляет 2—2,7 см, диаметр 1,4—1,9 см.

Основной территорией распространения пронизей с головками барана является юг Восточной Европы (16 экз.) (Махортых 2017, с. 179, рис. 10: 9—16). Выявленные там экземпляры имеют различную иконографию и материал изготовления. На территории Закубанья (Келермесский могильник), вероятно, концентрируются более древние костяные экземпляры, датирующиеся второй половиной — концом VII в. до н. э. Более схематические бронзовые пронизи, относящиеся, главным образом, к первой половине — середине VI в. до н. э., обнаружены в Днепровском лесостепном Правобережье и Левобережье (Поповка, курган 10, Захарейкова Могила, курган 38 Гуляй-Город и др.) (Рябкова 2012; Махортых 2017).

Примечательно, что костяная и бронзовая пронизи из Кармир-Блура также различаются деталями в передаче образа животного. Так, например, у костяного экземпляра более детально проработаны морда и глаз (рис. 9: 1, 2) (Рябкова 2012, с. 374). Вместе с тем, следует отметить отличие костяной пронизи с головой барана из Кармир-Блура от однотипных костяных келермесских пронизей. Закавказские экземпляры имеют более короткий и менее изогнутый рог, вписанный в поверхность предмета, у них отсутствует изображение уха, а также менее тщательно проработаны рот и нос. Последние или не выделены, или показаны в виде прорези, в отличие от двойных дуг, изображающих рот и нос в Келермессе (Галанина 1997).

Данное обстоятельство, вероятно, указывает на принадлежность рассмотренных пронизей из Кармир-Блура к поздним разновидностям варианта 2 и, в целом, свидетельствует о разновременности материалов скифской культуры, происходящих с этого памятника. Последний мог использоваться кочевниками в качестве своеобразной базы, на протяжении довольно длительного времени, в том числе и в VI в. до н. э., что приводило к депонированию здесь разновременных материалов скифского облика. Обращает на себя внимание и тот факт, что соответствия некоторым типам бронзовых пронизей из Кармир-Блура обнаруживаются не на Северном Кавказе, а в лесостепном Поднепровье, в памятниках VI в. до н. э. (курганы 38 Гуляй-Город, Шумейко и др.). Эти параллели указывают на возможность пребывания в районе Кармир-Блура скифских отрядов из лесостепных областей Украины, которые могли совершать автономные рейды в Закавказье и на Ближний Восток без участия выходцев из Предкавказья.

К **варианту 4** (9 экз.) по восточноевропейской типологии относятся бронзовые литые пронизи, оформленные в виде головки хищной

1. Датировка комплекса из Норшун тепе является дискуссионной и варьирует в работах различных исследователей от первой половины, середины и конца VII до начала VI в. до н. э. (Muscarella 1988, p. 383; Hauptmann 1983, s. 267, 269; Calmeyer 1985; Медведская 1992, с. 99; Махортых 1998; Иванчик 2001).
2. Следует упомянуть также обломок костяного предмета неясного назначения (пронизь или наконечник псалия), найденный в помещении 2 северо-западной части цитадели Тейшебаини (Рябкова 2012, табл. 1: 7).

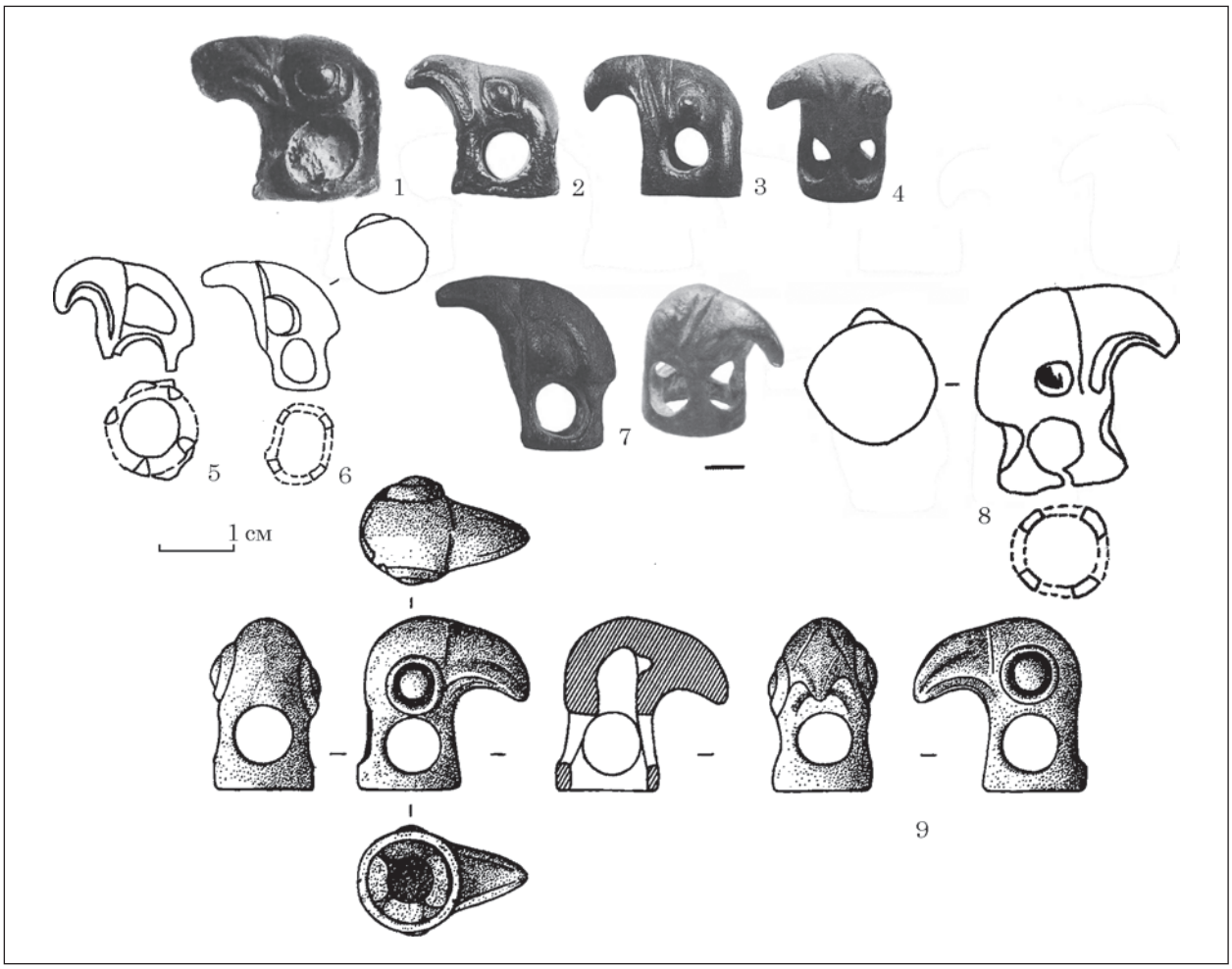


Рис. 10. Бронзовые зооморфные пронизи третьего типа второй группы: 1 — Сарды; 2, 3, 4, 7 — Малая Азия; 5, 6 — археологический музей Стамбула; 8 — Самсун; 9 — Британский музей (по Hauptmann, 1983; Akyay Meriçboyu 1997; Muscarella 1988; Curtis, Kruszynski 2002)

птицы со слабо изогнутым, заостренным клювом, подчеркнутой восковицей, а также выделенным округлым или миндалевидным глазом (рис. 10: 1—8).

Отличаясь различной степенью реалистичности и детализации в изображении птичьей головки, эти находки образуют довольно компактную территориальную серию в Малой Азии (Сарды, Самсун, Бостонский музей изящных искусств (США), Музей Метрополитен в Нью-Йорке (США), археологические музеи Стамбула (Турция) и университета Индианы (США) [1] (Waldbaum 1983, p. 40, pl. 6: 85; Hauptmann 1983, s. 265, taf. 56: 7—10; Akyay Meriçboyu 1997, s. 4, fig. 5—7; Muscarella 1988, p. 383, N 504; Dönmez 2011, p. 137, fig. 15). Размеры распределителей этого варианта составляют 2—2,5 см на 1,4—1,8 см.

На юге Восточной Европы бронзовые пронизи, оформленные в виде головки хищной птицы, довольно хорошо известны на территории лесостепной Украины (11 экз.). Они обнаружены в Посулье (курган 9 Поповка), бассейне Тясмина (курганы 38 Гуляй-Город и 344 Ташлык), а также в западных областях Украины и соседних районах Польши (курган 1 Братишев, Городница, Зваричив, Глодно и др.) (Могилов 2008, с. 351, рис. 130, 4—9; Kłosińska 2008; 2012, p. 380, fig. 2; Бандрівський 2010, с. 149, 150, рис. 2: 2, 3; 3: 1, 2). Зачастую головки у них изображались с сильно загнутым клювом и глазами, переданными выпуклым или углубленным кружком, хотя среди них имеются также изображения сходные с малоазийскими, например курган 38 Гуляй-Город. На основании сопровождающего погребального инвентаря эти предметы следует датировать в рамках первой половины — середины VI в. до н. э. (Махортых 2017).

К близкому времени рассматриваемые пронизи относятся и на территории Малой Азии (Waldbaum 1983; Иванчик 2001, с. 94). Исследователи, как правило, связывают происхождение таких зооморфных пронизей со скифской культурой юга Восточной Европы (Waldbaum 1983, p. 40; Hauptmann 1983; Muscarella 1988,

1. Беспаспортная находка близкой бронзовой пронизи в виде птичьей головки хранится в Британском музее (рис. 10: 9) (Curtis, Kruszynski 2002, p. 79, fig. 44: 183).

р. 383). Противоположной точки зрения придерживается А. И. Иванчик, которой причисляет их к так наз. псевдокочевническим предметам и соотносит с персами или гипотетической лидийской школой, не имеющей отношения к скифскому искусству (Иванчик 2001, с. 81, 84). Этот вывод представляется слабо аргументированным, поскольку не подкреплен рассмотрением конкретного археологического материала, коррелирующегося с художественными традициями упомянутых выше народов Передней Азии. Довольно поверхностным является и проведенный А. И. Иванчиком «анализ» изображений голов хищных птиц в раннескифском скифо-сибирском зверином стиле. Заметим, что помимо пронизей, он представлен и на целом ряде иных предметов материальной культуры кочевников Евразии, в том числе и на биметаллических чеканах также выявленных в Закавказье и Передней Азии (Müller-Karpe 1995; Папуашвили, Балахванцев 2016). Не учитывает А. И. Иванчик и того факта, что на обширных просторах Евразии, именно юг Восточной Европы является главным центром распространения разнообразно оформленных зооморфных пронизей VII— VI вв. до н. э. откуда они проникали на соседние и более отдаленные территории (Махортых 2017).

Изучение пронизей, найденных в Закавказье и Передней Азии, позволяет прийти к следующим выводам.

Находки уздечных распределителей к югу от Главного Кавказского хребта концентрируются, главным образом, на территориях Армении и Турции.

Среди приблизительно 50 рассмотренных пронизей выделяются две основные группы, представленные гладкими экземплярами геометрической формы и распределителями, имеющими зооморфное оформление. Последние доминируют и составляют около 80 % от общего числа имеющихся находок.

Наибольшее распространение среди геометрических образцов получили цилиндрические пронизи типа 1 группы 1 (8 экз.), тогда как среди зооморфных — клювовидно-когтевидные распределители типа 1 группы 2 (19 экз.).

Примечательно, что основная часть проанализированных находок обнаружена не в погребальных памятниках, как на Северном Кавказе и лесостепном Поднепровье, а на поселениях.

Появление традиции изготовления, а также широкое использование различных ременных распределителей, и в первую очередь зооморфных, к югу от Главного Кавказского хребта прозошло в результате присутствия и активной деятельности на этой территории скифов юга Восточной Европы.

Основной период бытования раннескифских уздечных пронизей в Закавказье и Передней Азии приходится на вторую половину VII — первую половину VI вв. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Бандрівський, М. 2010. Образотворчі традиції на заході українського лісостепу у VII — напочатку VI ст. до нар. Хр.: витоки і причини трансформації. *Археологический альманах*, 21, с. 145-177.

Галанина, Л. К. 1997. *Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи*. Москва: Палеограф.

Иванчик, А. И. 2001. *Киммерийцы и скифы*. Москва: Институт всеобщей истории.

Иессен, А. А. 1941. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 3, с. 7-50.

Ильинская, В. А. 1968. *Скифы Днепровского лесостепного Левобережья*. Киев: Наукова думка.

Ильинская, В. А. 1975. *Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин*. Киев: Наукова думка.

Козенкова, В. И. 2002. *У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы — раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня*. Москва: Памятники исторической мысли.

Кочевники Евразии на пути к империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. 2012. Федосеенко, О. А. (ред.). Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Лесков, А. М., Эрлих, В. Р. 1999. *Могильник Фарс. Клады*. Москва: Государтсвенный музей Востока.

Махортых, С. В. 1998. Киммерийцы и древний Восток. *Вестник древней истории*, 2. с. 95-177.

Махортых, С. В. 1999. О предскифских шлемовидных бляхах. В: Толочко, П. П. (ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья*, Запорожье, с. 166-171.

Махортых, С. В. 2016. Пронизи для перекрестных ремней из северокавказских памятников VII—VI вв. до н. э. В: Балахванцев, А. С. (ред.). *Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа*. Москва: Институт востоковедения, с. 171-186.

Махортых, С. В. 2017. Пронизи для перекрестных ремней конской упряжи на юге Восточной Европы в VII—VI вв. до н. э. *Археологія і давня історія України*, 2 (23), с. 166-184.

Медведская, И. Н. 1992. Периодизация скифской архаики и древний Восток. *Российская археология*, 4, с. 88-107.

Могилов, О. Д. 2008. *Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи*. Київ: ІА НАНУ.

Новичихин, А. М. 1995. Материалы первой половины 1 тыс. до н. э. из долины Сукко. *Историко-археологический альманах*, 1, с. 63-67.

Папуашвили, Р. И., Балахванцев, А. С. 2016. Биметаллические клевцы из могильников Колхиды (Эргета П, Цаиши). В: Балахванцев, А. С. (ред.). *Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа*. Москва: Институт востоковедения, с. 199-206.

Патрушев, В. С, Халиков А. Х. 1982. *Волжские ананьинцы*. Москва: Наука.

Пиотровский, Б. Б. 1950. *Кармир-Блур I*. Ереван: АН Армянской ССР.

Пиотровский, Б. Б. 1952. *Кармир-Блур II*. Ереван: АН Армянской ССР.

Полин, С. В. 1994. О походе Дария в Причерноморскую Скифию. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Древности скифов*. Киев: ИА НАНУ, с. 86-102.

Рябкова, Т. В. 2010. К вопросу о «скифских» бусах в Тейшебаини. *Археологический альманах*, 21, с. 178-188.

Рябкова, Т. В. 2012. Уздечные принадлежности скифского типа из Тейшебаини. *Российский археологический ежегодник*, 2, с. 360-382.

Трейстер, М. Ю. 2010. Серебряный ритон и золотая гривна из Ново-Кумакского кургана № 1/1971. В: Мошкова, М. Г. (ред.). *Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий*. Москва: Таус, с. 355-377.

Эрлих, В. Р. 2010. Узда Колхиды и Центральной Грузии античной эпохи: к проблеме выделения традиций. В: Мошкова, М. Г. (ред.). *Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий*. Москва: Таус, с. 73-106.

Akyay Meriçboyu, Y. 1997. At Koşumlarında Kayış Dağıtıcıları. *Arkeoloji ve Sanat*, 76, s. 2-9.

Alexandrescu, P. 2010. *Achämenidische Zaumzeugornamente* in *Istros*. Perser, Skythen, Saken. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 42, s. 267-284.

Amiet, P. 1998. Passants de brides achéménides de Suse. *Iranica Antiqua*, 33, s. 143-149.

Bammer, M. 1992. Ivories from the Artemision at Ephesus. In: Fitton, J. L. (ed.). *Ivory in Greece and the Eastern Mediterranean from the Bronze Age to the Hellenistic Period*, London, p. 185-204.

Bill, A. 2003. Studien zu den Gräbern des 6. bis 1. Jahrhunderts v. Chr. in Georgien: unter besonderer Berücksichtigung der Beziehungen zu den Steppenvölkern. *Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie*, 96, S. 1-269.

Calmeyer, P. 1985. Zur *Genese altiranischer Motive*, 9. Die Verbreitung des westiranischen Zaumzeugs im Achaimenidenreich. *Archäologische Mitteilungen aus Iran*, 16, S. 125-144.

Curtis, J., Kruszynski, M. 2002. *Ancient Caucasian and related material in the British Museum*. London: British Museum.

Dönmez, *Ş. 2011*. New evidences on the existence of the Eurasian horse-riding nomads in the Black Sea region, Turkey. In: Öztan, A., Dönmez, Ş. (ed.). *Studies presented in Honour of Önder Bilgi*. Ankara, p. 135-146.

Devedjian, S. 2006. *Lori Berd*. Erevan: Guitoutiun.

Hauptmann, H. 1983. *Neue Funde eurasischer* Steppennomaden in Kleinasien. In: Boehmer, R. M., Hauptmann, H. (ed.). *Beiträge zur Altertumskunde Kleinasiens: Festschrift für Kurt Bittel*. Mainz, S. 251-270.

Herzfeld, E. 1941. *Iran in the Ancient East*. London, New York.

Hogarth, D. G. 1908. *Excavations at Ephesus: the archaic Artemisia*. London.

Kłosińska, E. M. 2008. Einmalige Funde der Kopfgestellverzierung aus dem südöstlichen Lublin-Land. *Sprawozdania Archeologiczne*, 60, S. 265-294.

Kłosińska, E. M. 2012. A unique find of Scythian provenance from the Lublin Region. In: Blajer, W. (ed.). *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae*. Kraków: Profil-Archeo w Pękowicach Krakowa, p. 335-339.

Mehnert, G. 2008. *Skythika in Transkaukasien. Reiternomadische Sachkultur im archaologischen Fundkontext*. Wiesbaden.

Moorey, P. R. S. 1985. The Iranian contribution to Achaemenid material culture. *Iran*, 23, p. 21-37.

Müller-Karpe, V. 1995. Atlı Göçebelerden Kalma Anadolu'daki Kovanlı Savaş Kazmaları. In: A. Erkanal, A., Erkanal, H. (eds.). *Memoriam İ. Metin Akyurt Bahattin Devam Anı Kitabı. Eski Yakın Doğu Kültürü Üzerine İncelemeler*. İstanbul, s. 233-237.

Muscarella, O. W. 1988. *Bronze and iron: Ancient Near Eastern artifacts in the Metropolitan Museum of Art*. New York.

Muscarella, O. W. 2012. Hasanlu and Urartu. *Biainili-Urartu. The proceedings of the symposium held in Munich 12—14 October 2007*. Leuven: Peeters, p. 265-279.

Omura, S. 1992. Yili Kaman-Kalehöyük Kazilari. *Kazı Sonuçları Toplantıları*. XIII, 1, s. 319-336.

Stucky, R. 1985. *Anatolisch-iranisches Zaumzeug in Ost und West. Archäologische Mitteilungen aus Iran*, 16, s. 119-124.

Ursuțiu, A., Urák, M. 2016. Iron Age girl in a bronze age pit? A child burial of the Ciumbrud cultural group from Orosia (HU: Marososzi), Mureş County. *Settlements of Life and Death. Studies from Prehistory to Middle Ages*. Cluj-Napoca,

Waldbaum, J. C. 1983. *Metalwork from Sardis: The Finds Through 1974*. Cambridge.

Voigt, M. M., DeVries, K., Henrickson, R. C., Lawall, M., Marsh, B., Gürsan-Salzman, A., Young, T. C. 1997. Fieldwork at Gordion: 1993—1995, *Anatolic*a, 23, p. 1-59.

REFERENCES

Alekseev, A. Yu. 2003. *Khronografiya evropejskoj Skifii*. Sankt-Peterburg: Gosudarsvenniy Ermitazh.

Bandrivskiy, M. 2010. Obrazotvorchi traditsii na zakhodi ukrainskogo lisostepu u VII — na pochatku VI st. do nar. Khr.: vitoki i prichiny transformatsii. *Arkheologicheskiy almanakh*, 21, s. 145-177.

Galanina, L. K. 1997. *Kelermesskie kurgany. «Tsarskie» pogrebeniya ranneskifskoj epokhi*. Moskva: Paleograf.

Ivanchik, A. I. 2001. *Kimmerijtsy i Skify*. Moskva: Institut vseobschej istorii.

Iessen, A. A. 1941. Arkeologicheskie pamyatniki Kabardino-Balkarii. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 3, s. 7-50.

Il'inskaya, V. A. 1968. *Skify Dneprovskogo lesostepnogo Levoberezh'ya*. Kiev: Naukova dumka.

Il'inskaya, V. A. 1975. *Ranneskifskie kurgany bassejna r. Tyas'min*. Kiev: Naukova dumka.

Kozenkova, V. I. 2002. *U istokov gorskogo mentaliteta. Mogilnik epokhi bronzy — rannego zheleza u aula Sershen-Yurt, Chechnya*. Moskva: Pamyatniki istoricheskoy mysli.

Kochevniki Evrazii na puti k imperii. Iz sobraniya Gosudarsvennogo Ermitazha. 2012. Fedoseenko, O. A. (ed.). Sankt-Peterburg: Gosudarsvenniy Ermitazh.

Leskov, A. M., Erlikh, V. R. 1999. *Mogilnik Fars / Klady*. Moskva: Gosudarsvenniy muzey Vostoka.

Makhortykh, S.V. 1998. Kimmerijtsy i drevniy Vostok. *Vestnik drevney istorii*, 2, s. 95-177.

Makhortykh, S. V. 1999. O predskifskikh shlemovidnykh blyakhakh. In: Tolochko, P. P. (ed.). *Problemy skifo-sarmatskoj arkheologii Severnogo Prichernomorja*. Zaporozh'e, s. 166-171.

Makhortykh, S. V. 2016. Pronizi dlya perekrestnykh remnej iz severokavkazskikh pam'yatnikov VII—VI vv. do n. e. In: Balakhvantsev, A. S. (ed.). *Kavkaz i step na rubezhe epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza*. Moskva: Instutut vostokovedeniya, s. 171-186.

Makhortykh, S. V. 2017. Pronizi dlya perekrestnykh remnej konskoj upryazhi na yuge Vostochnoy Evropy v VII—VI vv. do n. e. *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 2 (23), s. 279-291.

Medvedskaya, I. N. 1992. Periodizatsiya skifskoj arkhaiki i drevniy Vostok. *Rossiyskaya arkheologiya*, 4, s. 88-107.

Mogilov, O. D. 2008. *Sporiadzhennia konia skifs'koi dobi v lisostepu Skhidnoy Evropi*. Kiev, Kam'ianets Podil'skiy: IA NANU.

Novichikhin, A. M. 1995. Materialy pervoj poloviny 1 tys. do n. e. iz doliny Sukko. *Istoriko-arkheologicheskiy almanakh*, 1, s. 63-67.

Papuashvili, R. I., Balakhvantsev, A. S. 2016. Bimetallicheskie klevtsy iz mogilnikov Kolkhidy. In: Balakhvantsev, A. S. (ed.). *Kavkaz i step na rubezhe epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza*. Moskva: Instutut vostokovedeniya, s. 199-206.

Patrushev, V. S, Khalikov, A. Kh. 1982. *Volzhskie anan'intsy*. Moskva: Nauka.

Piotrovskiy, B. B. 1950. *Karmir-Blur I*. Erevan: AN Armyanskoj SSR.

Piotrovskiy, B. B. 1952. *Karmir-Blur II*. Erevan: AN Armyanskoj SSR.

Polin, S. V. 1994. O pokhode Dariya v Prichernomorskuyu Skifiui. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Drevnosti skifov*. Kiev: IA NANU, s. 86-102.

Ryabkova, T. V. 2010. K voprosu o «skifskikh» busakh v Tejshebaini. *Arkheologicheskiy almanakh*, 21, s. 178-188.

Ryabkova, T. V. 2012. Uzdechnye prinadlezhnosti skifskogo tipa iz Tejshebaini. *Rossijskiy arkheologicheskiy ezhegodnik*, 2, s. 360-382.

Trejster, M. Yu. 2010. Serebryaniy riton i zolotaya grivna iz Novo-Kumakskogo kurgana N 1/1971. In: Moshkova, M. G. (ed.). *Arkheologiya i paleoantropoliya Evrazijskikh stepey i sopredelnykh territoriy*. Moskva: Taus, s. 355-377.

Erlikh, V. R. 2010. Uzda Kolkhidy i Tsentralnoj Gruzii antichnoj epokhi: k probleme vydeleniya traditsiy. In: Moshkova, M. G. (ed.). *Arkheologiya i paleoantropoliya Evrazijskikh stepey i sopredelnykh territoriy*. Moskva: Taus, s. 73-106.

Akyay Meriçboyu, Y. 1997. At Koşumlarında Kayış Dağıtıcıları. *Arkeoloji ve Sanat*, 76, s. 2-9.

Alexandrescu, P. 2010. Achämenidische Zaumzeugornamente in Istros. Perser, Skythen, Saken. *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 42, s. 267-284.

Amiet, P. 1998. Passants de brides achéménides de Suse. *Iranica Antiqua*, 33, s. 143-149.

Bammer, M. 1992. Ivories from the Artemision at Ephesus. In: Fitton, J. L. (ed.). *Ivory in Greece and the Eastern Mediterranean from the Bronze Age to the Hellenistic Period*. London, p. 185-204.

Bill, A. 2003. Studien zu den Gräbern des 6. bis 1. Jahrhunderts v. Chr. in Georgien: unter besonderer Berücksichtigung der Beziehungen zu den Steppenvölkern. *Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie*, 96, S. 1-269.

Calmeyer, P. 1985. Zur *Genese altiranischer Motive*, 9. Die Verbreitung des westiranischen Zaumzeugs im Achaimenidenreich. *Archäologische Mitteilungen aus Iran*, 16, S. 125-144.

Curtis, J., Kruszynski, M. 2002. *Ancient Caucasian and related material in the British Museum*. London: British Museum.

Dönmez, Ş. 2011. New evidences on the existence of the Eurasian horse-riding nomads in the Black Sea region, Turkey. In: Öztan, A., Dönmez, Ş. (eds.). *Studies presented in Honour of Önder Bilgi*. Ankara, p. 135-146.

Devedjian, S. 2006. *Lori Berd*. Erevan: Guitoutiun.

Hauptmann, H. 1983. Neue Funde eurasischer Steppennomaden in Kleinasien. In: Boehmer, R. M., Hauptmann, H. (ed.). *Beiträge zur Altertumskunde Kleinasiens: Festschrift für Kurt Bittel*. Mainz, S. 251-270.

Herzfeld, E. 1941. *Iran in the Ancient East*. London, New York.

Hogarth, D. G. 1908. *Excavations at Ephesus: the archaic Artemisia*. London.

Kłosińska, E. M. 2008. Einmalige Funde der Kopfgestellverzierung aus dem südöstlichen Lublin-Land. *Sprawozdania Archeologiczne*, 60, S. 265-294.

Kłosińska, E. M. 2012. A unique find of Scythian provenance from the Lublin Region. In: Blajer, W. (ed.). *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae*. Kraków: Profil-Archeo w Pękowicach Krakowa, p. 335-339.

Mehnert, G. 2008. *Skythika in Transkaukasien. Reiternomadische Sachkultur im archaologischen Fundkontext*. Wiesbaden.

Moorey, P. R. S. 1985. The Iranian contribution to Achaemenid material culture. *Iran*, 23, p. 21-37.

Müller-Karpe, V. 1995. Atlı Göçebelerden Kalma *Anadolu'daki Kovanlı* Savaş Kazmaları. In: Erkanal, A., Erkanal, H. (eds.). *Memoriam İ. Metin Akyurt Bahattin Devam Anı Kitabı. Eski* Yakın Doğu Kültürü Üzerine *İncelemeler*. İstanbul, s. 233-237.

Muscarella, O. W. 1988. *Bronze and iron: Ancient Near Eastern artifacts in the Metropolitan Museum of Art*. New York.

Muscarella, O. W. 2012. Hasanlu and Urartu. *Biainili-Urartu. The proceedings of the symposium held in Munich 12—14 October 2007*. Leuven: Peeters, p. 265-279.

Omura, S. 1992. Yili *Kaman*-Kalehöyük Kazilari. *Kazı Sonuçları Toplantıları*, XIII, 1, s. 319-336.

Stucky, R. 1985. *Anatolisch-iranisches Zaumzeug in Ost und West. Archäologische Mitteilungen aus Iran*, 16, s. 119-124.

Ursuţiu, A., Urák, M. 2016. Iron Age girl in a bronze age pit? A child burial of the Ciumbrud cultural group from Orosia (HU: Marososzi), Mureş County. *Settlements of Life and Death. Studies from Prehistory to Middle Ages*. Cluj-Napoca.

Waldbaum, J. C. 1983. *Metalwork from Sardis: The Finds Through 1974*. Cambridge.

Voigt, M. M., DeVries, K., Henrickson, R. C., Lawall, M., Marsh, B., Gürsan-Salzman, A., Young, T. C. 1997. Fieldwork at Gordion: 1993—1995, *Anatolica*, 23, p. 1-59.

S. V. Makhortykh

HARNESS FITTINGS OF 7th—6th CENTURIES BC IN THE TRANSCAUCASIA AND THE NEAR EAST

The article is devoted to the analysis of different types of metal and bone harness fittings of VII—VI centuries BC which were found in the South Caucasus and the Near East. Among those fittings, which are constituted about 50 artifacts, two major groups could be distinguished: plain fittings of various geometric shapes and fittings with zoomorphic decorations. The latter group dominates and constitutes about 80 % of the total number of findings. The major regions of distribution of these horse harness attachments are Armenia and Turkey. The cylindrical harness fittings of the first type from the group 1 were the most widespread among the geometrical samples (8 items), while among the zoomorphic ones — claw-shaped, or beak-shaped objects of type 1 from the group 2 (19 items). It should be noted that the majority of the analyzed finds were found not in burial monuments, as in the Northern Caucasus and in the Ukrainian forest-steppe, but at settlements. The emergence of the tradition of manufacturing, as well as the widespread using of various types of harness fittings, and primarily the zoomorphic ones, to the South of the main Caucasian ridge, was the result of the staying and activity on this territory of the Scythians of the South of Eastern Europe. The main period of existence of strap-dividers in Transcaucasia and the Near East was the second half of the VII — the first half of the VI centuries BC.

Keywords: horse harness, South Caucasus, the Near East, VII—VI centuries BC.

Одержано 20.02.2018

МАХОРТИХ Сергій Володимирович, доктор історичних наук, провідний науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *makhortykh@yahoo.com*.

MAKHORTYKH Sergey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Principal Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *makhortykh@yahoo.com*.

УДК: 904.5(282.247.314-197.4)”6383”

А. Ф Гуцал

ДЕРЕВ’ЯНІ СКЛЕПИ РАННЬОСКІФСЬКОГО ЧАСУ В КУРГАНАХ СЕРЕДНЬОГО ПОДНІСТРОВ’Я

На території Середнього Подністров’я досліджено понад сотню курганів ранньоскіфського часу. Стаття присвячена характеристиці стовпових дерев’яних склепів, які розміщувалися в насипах і виконували роль не тільки поховальних споруд, а були й храмами, де здійснювалися різного роду ритуали.

***Ключові слова**: Середнє Подністров’я, стовповий дерев’яний склеп, поховання, скіфський час, курган, розкопки.*

Територія Середнього Подністров’я в межах прилеглих районів Вінницької, Хмельницької, Тернопільської, Івано-Франківської і Чернівецької областей є зоною розповсюдження пам’яток ранньоскіфського часу.

Серед них найкраще досліджені кургани, вивчення яких розпочалося з кінця XIX ст. Результати цих робіт підсумовані в монографії Т. Сулімірського (Sulimirski 1936). Завдяки праці таких вчених як Г. Мелюкова, Г. Смирнова, Л. Крушельницька, Ю. Малеєв, М. Бандрівський і ряду інших, число розкопаних насипів в зоні Середнього Подністров’я особливо зросло за останні десятиліття. Були досліджені кургани у селах Ленківці (Мелюкова 1953), Долиняни (Смирнова 1977), Перебиківці (Смирнова 1979), Врублівці (Кучугура 1995), Зозулинці (Малеєв 2007), Колодіїка (Гуцал, Гуцал, Мегей, Могилов 2005), Коцюбинчики (Бандрівський 2013), Лоєвці (Крушельницька 1998, с. 129—133), Малинівці (Гуцал, Гуцал, Мегей, Могилов 2004), Миньківці (Захар’єв 1992), Мишківці (Малеєв 1991), Сокілець (Бандрівський, Захар’єв 2002), Спасівка (Гуцал, Гуцал, Могилов, Болтанюк 2010), Тарасівка (Гуцал, Мегей 1997), Теклівка (Гуцал, Гуцал, Мегей, Могилов 2011), Чабанівка (Гуцал, Гуцал, Мегей 2002), Швайківці (Бандрівський 2009), Шутнівці (Гуцал, Гуцал, Мегей 1998). Кількість курганів, які вивчалися за весь період розкопок зараз становить понад 125. В цьому відношенні чимало зроблено експедицією Кам’янець-Подільського університету. У цій статті ми використовуємо в основному матеріалами цієї експедиції, враховуючи і результати інших.

У поховальному обряді середньодністровських племен VII—VI ст. до н. е. сталися суттєві зміни, які полягали в тому, що в облаштуванні місця захоронення з’явився такий складовий елемент як стовповий дерев’яний склеп. Ще до кінця 1960-х рр. про поховання у дерев’яних склепах на території Середнього Подністров’я не було мови. До цього, оперуючи матеріалами кінця XIX — перших десятиліть XX ст., узагальнених Т. Сулімірським (Sulimirski 1936), вчені не бачили підстав ставити питання про наявність дерев’яних усипальниць на цій території. Судячи з опублікованих матеріалів, при тодішніх розкопках, які не завжди велися на відповідному рівні, при розчистці насипів і підкурганного заповнення було не вірно інтерпретовано немало деталей. Зокрема, в ряді курганів фіксувалися ями, іноді по кілька, діаметром і глибиною до 0,5 м, облицьовані камінням. Їх було прийнято вважати ритуальними (Sulimirski 1936, s. 7—8). Така тенденція продовжувалася і пізніше. Г. Мелюкова, аналізуючи матеріали Середнього Подністров’я, тільки в одному випадку (курган Новосілка-Гримайлівська) бачила наявність дерев’яної гробниці (Мелюкова 1958, с. 40,48). Б. Тимощук, здійснивши розкопки двох курганів у Білоусівці і Новосілці Чернівецької області, де виявилися такі ж ями, вважав їх культовими без до-

© А. Ф ГУЦАЛ, 2018

статніх на те підстав, а весь курганний комплекс — святилищем (Тимощук 1974, с. 88—90). Вперше переконливо таке твердження заперечила Г. Смирнова розкопками курганів у с.Долиняни (Смирнова 1977, с. 39; 1977а, с. 8, 10), а згодом — Перебиківці (Смирнова 1979, с. 63). Роботами на цих пам'ятках було беззаперечно доведено їх поховальне, а не культове, призначення. Після таких методологічних зауважень Г. Смирнової можна вже зовсім поіншому глянути і на матеріали опубліковані Т. Сулімірським.

Сама дослідниця вже тоді відмітила, що в ряді таких могильників, як Братишів II, V і VI, Ладичин I, II, Шидлівці I, Берем'яни III були стовпові склепи (Смирнова 1979, с. 63). При уважному знайомстві з публікацією Т. Сулімірського з'ясовується, що сліди склепів могли бути і в інших випадках. Так, під чотирма курганами у Берем'янах відкриті, впущені у материк ями і спалений шар, подібна ситуація спостерігалася у двох насипах у Дуплиських, в одному — Більче-Золотому, у двох — Шидлівцях. Дубові колоди знаходилися навколо поховання кургану 2 у Більче-Золотому, а зотліле дерево простежено навкруги другого Івахновецького кургану (Sulimirski 1936, s. 70, 72, 76, 91).

Отже, число дерев'яних споруд у курганах, описаних у монографії Т. Сулімірського може дорівнювати не менше десятка, що приблизно відповідає 22 % від загального числа врахованих ним курганів. Не виключено, що це занижена цифра. Практика показує, що у подільському чорноземі, пласт якого доходить до 1 м і більше, зафіксувати стовпові ями вдається не завжди. Краще всього вони проявляється при зачистці, коли на поверхню виступають кам'яна забутовка колод. Якщо ж забутовка залягає глибше, то заглиблення на поверхні нічим себе не видає і заповнення ями зливається з навколишнім ґрунтом. Така картина трапилася при розкопках Спасівського кургану 4. Коли розчистка була фактично завершена, біля одного із кутів вимостки при контрольній прокопці на глибині 1,35 м від сучасного рівня натрапили на кілька кам'яних плиток, які, як з'ясувалося, були дном стовпової ями. При перевірці це повторилося і в трьох інших кутах.

Склепи Середнього Подністров'я різняться за конструктивними особливостями і рідко нагадують один одного. Є такі, що споруджувалися на рівні давньої денної поверхні, чи впущені в грунт на 0,3—0,5 м, або в ямах глибиною 1 м і більше. Кількість опорних стовпів коливається від 4 до 36.

Кургани ранньоскіфської пори в Подністров'ї розміщені групами від 2—3 насипів до 4—23 і склепи є далеко не в кожному. Найпоказовішими в цьому відношенні є дві групи курганів, розташованих в околицях с. Колодіївка Кам'янець-Подільського району. В одній із них, де досліджено 12 насипів, склепи виявилися тільки у п'яти; у другій — у 9 насипах не було жодної дерев'яної гробниці. У Чабанівці із 9 курганів склеп відкритий лише в одному. Разом з тим, в Теклівці всі 4 кургани, а в Перибиківцях — всі 6 мали склепи. Якщо брати до уваги результати розкопок тільки другої половини XX — початку XXI ст. то із 79 курганів (враховуємо ті об'єкти, які дають більш-менш чітку інформацію) камери із дерева виявлені у 34 випадках, що дорівнює 43 %. На Дніпровському Лісостеповому Правобережжі склепи в могилах архаїчного періоду складають біля 30 % (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 32). Як бачимо, ці дані дещо різняться.

Найпоширенішими були склепи з чотирма стовпами. Їх 18, що складає 53 %. Друге місце належить шестистовповим камерам, яких 4 (12 %). Всі інші випадки — поодинокі, вони мали, залежно від площі, від 7 до 36 опор, на їх долю припадає 35 %. Склепи, побудовані на рівні давньої денної поверхні, становлять 35,5 %, заглиблені на 0,15—0,65 м — 47 %, впущені в яму на 1—2,45 м — 17,5 %. У п'яти курганах виявлено дромоси. Спаленими виявилися 54 % всіх гробниць. Число тілопокладень і тілоспалень приблизно рівне.

Один із найпростіших наземних чотирьохстовпових склепів було виявлено в Спасівському кургані 3. Після зняття орного шару, який складався з чорнозему з незначними домішками каміння, вдалось натрапити на залишки конструктивних частин поховальної споруди. Це були фрагменти підлоги і стовпові ями. Гробниця мала підквадратну форму розмірами 2,1 × 2,6 м і була орієнтована кутами майже по сторонах світу, з відхиленням північного і південного кута на 20—25° відповідно у західну і східну сторони. Місце стовпових ям чітко простежувалось по забутовці. Всього їх було чотири, і розміщувались вони по кутах поховальної камери. Підлога знищена ледь не по всій площі. Непотурбовані її ділянки зафіксовані лише вздовж краю північно-східної стінки, та у південному кутку (рис. 7).

Потужнішою була гробниця на рівні давньої поверхні у кургані 4 цього ж могилиника. Вона більша за площею (5,4 × 4,8 м), з великими стовповими ямами й акуратно вимощеною долівкою (рис. 1).

Більш складними були поховальні будівлі, які нараховували шість і більше стовпових опор. Приклад восьмистовпового склепу, спорудженого також на рівні давнього горизонту, зустрічаємо у Тарасівському кургані 2. Він являв собою неправильний квадрат (скоріше трапецію), орієнтований за напрямком північний схід — південний захід, з довжиною сторін — 3,1; 3,6; 3,8; 4,4 м. Чотири стовпові ями знаходилися по кутах і ще по одній посередині кожної зі сторін. Їх діаметр становив 0,35—0,87 м, глибина 0,8—0,95 м. Ями північ-

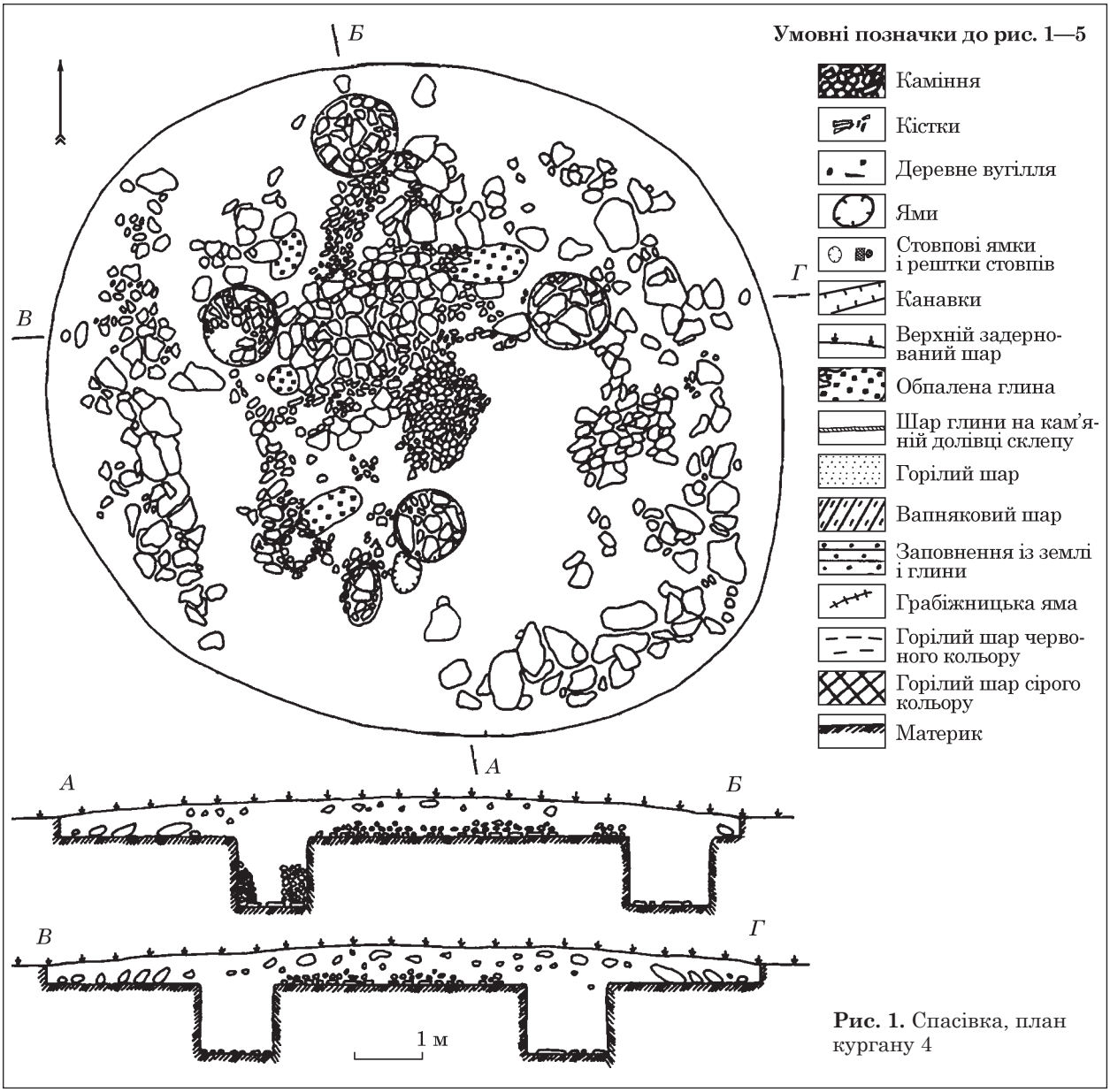


Рис. 1. Спасівка, план кургану 4

но-західної і південно-східної стін розташовані по одній прямій лінії, а середні ями північно-східної і південно-західної — висунуті назовні на 0,4 м. По периметру споруди, між стовповими ямами і за їх межами, лежали шматки обгорілих дубових плах (залишки стін). Очевидно будівля мала дерев'яне перекриття. Про це може говорити те, що на всьому внутрішньому просторі поховальної камери, і поза нею, лежав горілий шар, що складався з пропаленої землі, окремих вуглин, попелу і випаленого до стану вапна каміння. Особливо потужний вапняний пласт утворився у південній половині гробниці. На рівні материка в різних місцях кургану було виявлено залишки семи трупоспалень, здійснених на стороні (Гуцал, Мегей 1988, с. 7; рис. 34).

Прикладом, впущеного в грунт склепу є будівля у Теклівському кургані 3 (Гуцал, Гуцал, Мегей, Могилов 2002, с. 5). Він був заглиблений в материк на 0,45 м, і мав розміри 4,2 × 4,5 м. Вздовж стін викопано ями для кріплення стовпів. Всіх їх могло бути дев'ять, але одна — яка, за логікою речей, повинна була б знаходитись у північному куті, не простежена. За розмірами більшими виявились кутові ями. Їх глибина 0,85 м, діаметр 0,6—0,75 м. Дно стовпових ям (за винятком двох) викладено плитками. Добре збереглась кам'яна забутовка стовпів. Дерев'яні стіни гробниці були обкладені зовні кам'яними плитами поставленими на торець (це особливо добре фіксувалось вздовж південно-східної стінки) і рваним камінням на висоту 0,5 м від рівня давнього горизонту, або не менше метра, якщо рахувати від долівки. Остання старанно викладена камінням, яке вимощене шаром глини в 3—4 см. Частина плиток підлоги зірвана грабіжниками (рис. 2).

Склеп, зведений у ямі маємо у кургані 1 в Теклівці (Гуцал, Гуцал, Мегей, Могилов 2002, с. 1).

Рис. 2. Теклівка, план кургану 3

Там було споруджено дерев'яну гробницю з сторонами 3,3 × 4,2, впущену в материк на 1,1 м, яка опиралась на вісім стовпів. Останні закріплювались в заглибленнях, викопаних по кутах споруди і посередині кожної із сторін. Всі вони заповнені камінням, яке опинилось тут частково при забутовці стовпів, а частково сповзло сюди після того, коли дерево згнило. Камера кургану 1, як і інших, орієнтована кутами по лініях наближених до сторін світу. Вздовж трьох стінок (окрім північно-західної), де грабіжницькі перекопи позначились в меншій мірі, простежено канавки шириною до 0,4 м і глибиною 0,2 м, в яких, очевидно, закріплювалась дерев'яна обшивка стін. Підлога склепу вимощена кам'яними плитами. Окремі з них мали розміри 0,7 × 1 м при товщині до 0,1 м. З північного боку до склепу, на рівні давнього горизонту, примикала трапеціевидна в плані вимостка 1—1,8 × 3 м, складена з невеликих каменів. Вона нагадувала спеціально збудовану своєрідну доріжку (рис. 3).

Ілюстрацією склепу, впущеного в яму з уступом є будівля у Спасівському кургані 2. Тут прямокутна в плані яма, орієнтована кутами майже по сторонах світу, завглибшки 1,3 м від рівня давнього горизонту, зверху мала розміри 3,7 × 4,3 м. За 0,55 м від верхнього краю, в ямі зроблено уступ шириною від 0,4 до 0,6 м, який звужує площу ями до 3,1 × 3,7 м. Збереженість сходини неоднакова. В окремих місцях (наприклад, ближче до північного кута) він сходить нанівець. У долівці склепу, біля довших сторін, знаходились по три стовпових ями, які розміщувались по кутах і по середині стінок. Найбільша їхня глибина — 0,8 м, а діаметр 0,45—0,75 м, заповнення складалось переважно з чорнозему з окремими глинистими вкрапленнями (рис. 4). У камері, вирував сильний вогонь, для якого потрібно було чимало дров. Розібрати кам'яно-вапняковий, в деяких місцях ошлакований, монолітний пласт і дійти до дна ями було нелегко. Доводилось вперто і обережно із затратами величезних фізичних зусиль камнеломними знаряддями поступово сантиметр за сантиметром просуватись глибше. На долівці поховального склепу було здійснено не менше трьох тілопокладень. Під час спалення гробниці, тіла зазнали на собі дії вогню, але згоріли не повністю.

Єдиним у своєму роді є склеп у кургані 5 с. Шутнівці (Гуцал, Гуцал, Мегей 1999, с. 1—5). Для нього викопано яму глибиною 0,95—1 м розмірами 2,3 × 3,35 м. Північно-західна стінка поховальної камери була підмурована камінням. Про це свідчать два вертикальних ряди каміння біля північного кута, які стояли майже на всю висоту стінки. Кілька каменів, які могли облицьовувати цей бік могили лежали і біля західного кута. Очевидно, така кам'яна викладка підпирала всю стіну, але була зруйнована. Підлога вимощена плитками. У кожен із кутів впритул до стінок могили впущено яму для стовпа глибиною понад 1 м і діаметром 0,7—0,75 м (рис. 5).

Площа придністровських склепів коливається від 1,5 до 63 м^2. Найменшим виявився склеп у кургані 16 в Колодіївці. В орному шарі збереглись залишки насипу у вигляді переважно дрібного каміння, яке знаходилось на рівні давньої поверхні, й мало в плані овальну, витягнуту з півночі на південь, форму — 2,6 ×

Рис. 3. Теклівка, план кургану 1

6 м. Причому у південній частині каміння було в основному дрібне, у північній — більше. Вся південна половина кургану нагадувала, по суті, суміш вапна і каміння, скупчення якого було витягнуте у напрямку північний схід — південний захід на 0,9 × 1,7 м, що дорівнювало площі в 1,5 м^2. Товщина вапнякового шару 8—10 см. Тут зустрічались також вкраплення вугілля, слабо виражені золисті прошарки. Під завалом каміння виявлено чотири ями від стовпів, які служили опорами дерев'яної гробниці з розмірами сторін 1,24 × 1,6 м, орієнтованої кутами по сторонах світу з деяким відхиленням. Ями близькі за розмірами: 0,37—0,46 м — діаметр, 0,27—0,36 — глибина. Особливо важливо, що на долівці трапилися окремі шматки глиняної обмазки з відбитками прутття. Вони мажуть говорити про те, що стіни були плетені із лози і підштукатурені. Це один із наймініатюрніших склепів у лісостеповій зоні. Меншими за нього виявилися споруди у курганах 2 (1,6 × 0,85 м) і № 11 (1,6 × 0,9 м) в Оситняжці (Ильинская 1975, с. 34, 36).

Найбільший склеп відкритий в кургані 9 у Спасівці. В межах площадки, оточеної двома рядами стовпів, його площа дорівнювала 62,5 м^2, Конструкція мала злегка скошену прямокутну в плані форму, й була направлена довшими сторонами по лінії північ—південь. Кількість виявлених стовпових ям — 33 і, як показують розрахунки, ще 3 можливих ями із східного боку знищені грабіжниками (рис. 6). Внутрішні стіни мали довжину 6,25—5,49 м (довші) і 4,7—4,5 м (коротші), зовнішні відповідно — 9,3—8 × 7,2—7,25. Підлога викладена кам'яними плитками, й покрита шаром

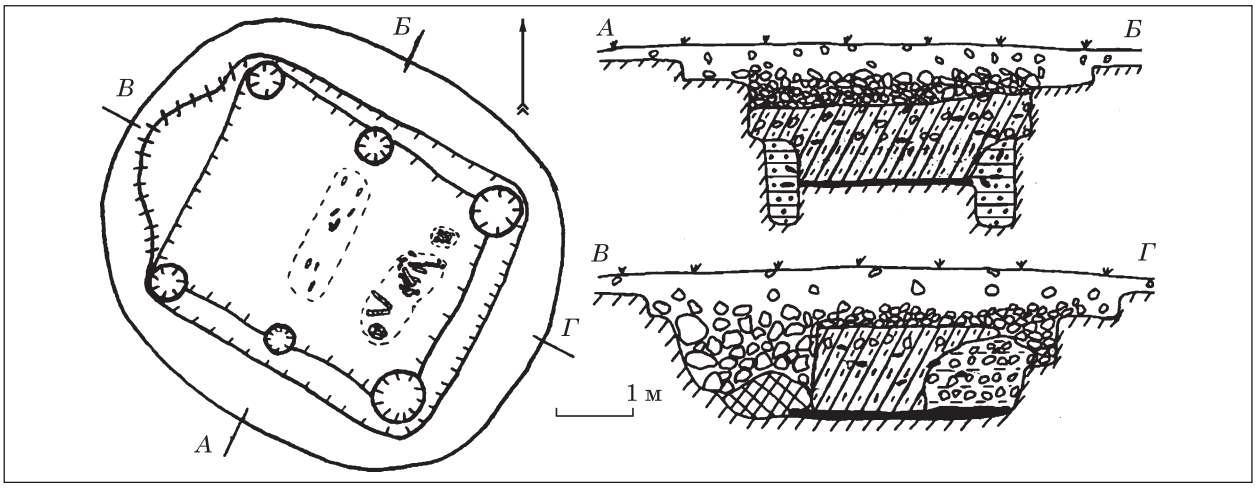


Рис. 4. Спасівка, план кургану 2

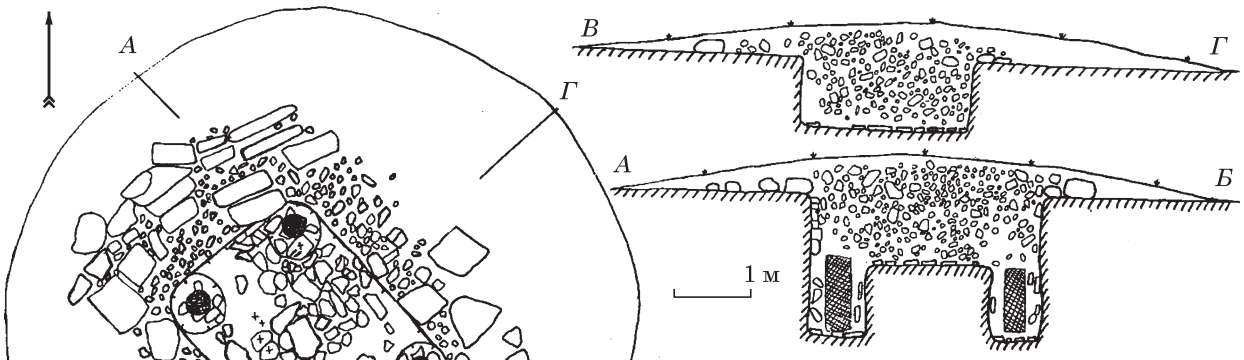


Рис. 5. Шутнівці, план кургану 5

глини завтовшки 1,5 — 2 см (рис. 9). Гробниця була впущена в грунт нижче рівня давньої поверхні на 0,3—0,4 м. Навколо цієї поховальної камери було насипано вал. Він споруджений із чистого каміння, без будь-яких домішок ґрунту. Камінь від часу навіть не ущільнився. Вал справляв враження своєю грандіозністю. Його вершина знаходилась на висоті близько 2 м, основа досягала 10 м в ширину. Діаметр від крайніх зовнішніх точок самої основи валу рівний 30 м. Вал складено з каміння різних розмірів. В основі лежали великі брили, вище йшли трохи менші фракції, серед яких чимало і зовсім дрібних (рис. 8). Зовнішня сторона більш крута, внутрішня — похиліша. Вал у розрізі має складну конфігурацію. Від вершини він понижується у внутрішню сторону на 0,7 м, і переходить у майданчик, ширина якого 1,45 м. Далі знову йде пониження на 0,9—1 м, яке переходить теж у свого роду майданчик шириною 1—1,1 м, що підвищується над материком на 0,3—0,4 м. Верхня площадка майже горизонтальна, з незначною прогнутістю місцями. Виглядає вона досить акуратно, складається враження, що вона підготовлена спеціально. Можливо обидва майданчики використовувалися для різного роду церемоніальних процесій. В самому валові, навпроти кожного із чотирьох кутів усипальниці, горіли потужні вогнища, від яких каміння й основа материка перетворилися місцями у червону, місцями у білу, сплавлену масу вапна та ґрунту. З південного боку у валу був коридор (дромос) шириною 2,5—5,8 м, вужчою стороною направлений в бік склепу. Його бокові стінки ретельно викладені каменем, а підлога застелена горбилями, сліди яких добре відбилися на ґрунті. Згодом коридор був закритий камінням і злився з валом. Дромоси взагалі, а особливо з підмурованими стінами, для Подністров'я велика рідкість. Лише один подібний дромос завдовжки 2 м з кам'яними стінками зафіксовано у Зозулинецькому кургані (Малеев 2007, с. 637).

Спасівський курган 9, за такими показниками як облаштування склепу, грандіозністю кам'яного оточення навколо нього, є вершиною будівельної майстерності зодчих, які зводили поховальні споруди середньодністровського населення періоду скіфської архаїки. Він не має собі подібних серед пам'яток лісостепу.

Можна лише гадати, для якої поважної особи він був призначений. За рівнем знатності до нього наближені дерев'яні поховальні камери з курганів 2 із Долинян, № 1 і 2 Перебиківців, Коцюбинчиків, Швайківцях, Мишківцях.

Звичайно, що нагромадження землі, глини і каміння, яке ми спостерігаємо при розкопках, має неприглядний вигляд і складно уявити, що на цьому місці колись стояла ошатна споруда із завішаними килимами стінами, багатим інтер'єром. Однак є приклади, які однозначно підтверджують таку реальність. Згадаймо хоча б кургани Алтаю, в яких повністю збереглися дерев'яні усипальниці, які дають уяву про їх первісний вигляд. Є всі підстави вважати, що середньо-дністровські гробниці, якщо не повторюють в деталях їхні шати, то, в усякому разі, мають багато спільного з ними.

Процес спорудження курганних насипів раньоскіфського часу Середнього Придністров'я, перш за все, включав в себе такі будівельні матеріали як каміння і земля. Камінь не просто насипався вперемішку з ґрунтом, а був важливою конструктивною частиною насипу. Підмічено, що в розташуванні каміння існували певні закономірності. У першу чергу, відбиралися великі камені. Із них на місці кургану викладалося коло, діаметром 8—12 м, яке складалося з 1—3 рядів. Далі, камінням вже менших розмірів заповнювали внутрішній і зовнішній простори навколо кільця. Як правило, камені мають більш чи менш рівні сторони, їх відносно легко припасувати один до одного, створюючи кладку. Така система розміщення каменів зафіксована в усіх без винятку курганах (Бандрівський 2009, с. 203; Малеєв 2007, с. 637), навіть і в тих, де склеп був зовсім відсутній.

Наприклад, у кургані 7 Колодіївки виявилося акуратно складене кільце висотою 0,55 м із шириною смуги каменів 0,8—0,9 м. Воно мало округлу, чи навіть овальну в плані конфігурацію, з діаметрами по зовнішньому периметру з півночі на південь — 5,8 м, з заходу на схід — 6,8 м. Збереженість його не скрізь однакова. Краще воно вціліло у своєму первісному вигляді зі східного боку, де добре видно порядок його спорудження. Камені лежали один на одному, у два-три шари, стики нижнього ряду перекривалися верхнім, пустоти заповнювалися меншим камінням. Складається враження, що перед нами результат роботи досвідченого

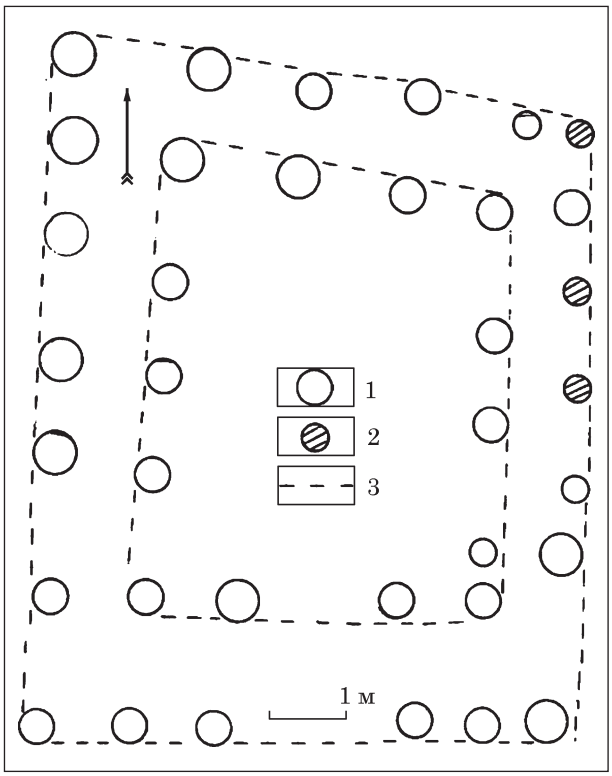


Рис. 6. Спасівка, схема розташування стовпових ям у кургані 9: 1 — стовпові ями; 2 — місце стовпових ям, зруйнованих грабіжниками; 3 — межі стін склепу

Рис. 7. Спасівка, стовпові ями і частина кам'яної долівки кургану 3

Рис. 8. Спасівка, курган 9, фрагмент кам'яного валу

муляра — каменяра. Що конструкція кургану 7 добре продумана говорить наступне. В центрі кам'яного кільця викладено плитами підпрямокутний в плані майданчик, площею 2 × 2 м. Складався він із півтора десятка плоских каменів, завтовшки до 15 см, які покладені настільки щільно один до одного, наскільки дозволяла їхня форма. Кам'яні кільце і майданчик були споруджені на глиняній підсипці, призначення якої, як здається, полягало в тому, щоб надати кургану більшої висоти, але зекономити об'ем каміння. Його не можна було просто так замінити чимось іншим, а якщо і вдавались до такого вимушеного заходу, то намагались це приховати, як і зробили у даному випадку (Гуцал, Гуцал, Мегей, Могилов 2006). Такий же прийом застосований і в Спасівському кургані 8 (Гуцал, Гуцал, Могилов, Болтанюк 2010, с.102). Або інший приклад. Насип 5 у Колодіївці відрізняється від інших тим, що в ньому виявилась недобудованою кам'яна конструкція. Було споруджено лише її основну, центральну частину у вигляді кола із валунів, в той час як периферія залишалась порожньою (Гуцал, Гуцал, Мегей, Могилов 2005, с. 119). Це, в свою чергу, ще раз показує, що кам'яне кільце завжди споруджувалось першим у насипі і було основним його елементом.

Технологію будівництва поховальних камер через їхню погану збереженість та пограбування важко відновити повністю. Можна лише сказати, що це робили підготовлені майстри, які займались зведенням поховальних споруд і навіть їх проектуванням. Очевидно складалися якісь попередні плани будівлі, її проекти. Про це говорить хоч би те, що, наприклад, гробниці Пазирикських, Бесшатирських та деяких інших курганів, де добре збереглося дерево, перед тим як бути спущеними в яму, складалися наверху, деталі мали відповідні позначки. Колоди ретельно обтесувалися і щільно підганялися одна до одної, видно сліди долота і ножа (Грязнов 1950, с. 15; 1992, с. 168; Акишев, Кушаев 1963, с. 35). Можна вважати, що і в Подністров'ї була аналогічна практика. Про те, що дерево піддавалося спеціальній обробці свідчить наступне. У кургані 3 у Колодіївці стовпи склепу були тесаними, підпрямокутної форми (15 × 20 см). У Зозулинцях Ю. Малеєву вдалося зафіксувати надання стовпам чотиригранної форми і визначити товщину балок і стовпів у 20 см (Малеєв 2007, с. 639, 642). Чоририкутні стовпи чітко простежила Г. Смирнова в курганах 3 з Перебиковець (1979, с. 51) і № 3 і 4 у Долинянах (1977, с. 34, 36). У Колодіївському кургані 2 за пустотою між кам'яним облицюванням зовнішньої сторони стіни склепу і краєм кам'яної підлоги вдалося визначити товщину колод, які складали саму стіну: вони дорівнювала з одного кінця 15 см, з другого — 20 см. Г. Смирнова у Долинянському кургані 2 простежила, що стіни були зведені із дерев'яних плах (тобто не просто з необроблених колод), горизонтально закладеними між стовпами (Смирнова 1977, с. 31). Значущість найбільших гробниць підсилювалася ще й тим, що кам'яна підлога для більшої святковості покривалася шаром глини. У Коцюбинчиках кам'яна викладка підквадратної в плані форми по всій поверхні була обмащена шаром темно-коричневого суглинку товщиною 2—3 см, зверху якого був утрамбований шар чистої жовтої глини завтовшки 5 см (Бандривский 2013, с. 348). У Швайківцях в центрі споруди знаходилася кам'яна викладка підквадратної в плані форми, яка зверху була перекрита п'яти сантиметровим шаром жовтої глини (Бандривский 2013, с. 342). У кургані 2 у Перебиківцях кам'яна підлога вирівняна ша-

ром землі і покрита глиною (Смирнова 1979, с. 43). Теж саме зафіксовано у Мишківцях (Малеев 1991, с. 127). У Спасівці товщина глиняної підмазки складала 2 см. (Гуцал, Гуцал, Мегей, Могилов, Баженов, Болтанюк 2008, с. 92—93).

Відзначимо ще і таку деталь**.** У кургані 19 в Колодіївці трапилися серед дрібного каміння кілька кусків випаленої глиняної обмазки. На більшому з них залишився відбиток дерев'яного прута. Після кургану 16, це другий випадок, коли нам вдалося зафіксувати глиняну обмазку стін. Факт використання глиняного розчину для спорудження стін поховальних камер, хоча і рідко але фіксується дослідниками. Наприклад, це підтверджується розкопками кургану скіфського часу біля с. Оситняжка на Черкащині, де, на думку В. Хвойка, були стіни із лози та жердин, обмащені глиною (Покровська 1953, с. 131). Глиняна по дереву перегородка зафіксована у курганах 11 біля с. Степанці, № 92 в с. Бобриця та в с. Пищальники (Ковпаненко 1981, с. 55, 59, 48).

Складно сказати щось певне відносно висоти споруд. У кургані 9 Спасівки деякі стовпові ями зовнішньої стіни мали нахил всередину. Припускаємо, що це було виконано навмисно з метою встановлення косих опор для більшої стійкості будови. Очевидно, такі стовпи — підпори повинні були впиратися у верхню балку внутрішньої стіни. Виміри показують, що така точка дотику знаходилася на двометровій відмітці, що може говорити про висоту будівлі. Така ж висота склепу зафіксована у Жаботинському кургані 524 (Ильинская 1975, с. 20, 83). Ймовірно цей показник був оптимальним для внутрішнього простору склепу, але не єдиним.

Навіть тоді, коли гробниця знаходилася в котловані, дерев'яні конструкції виступали значно вище над ним. Такий висновок можна зробити на підставі розмірів заглиблень для стовпів у Спасівському кургані 8. Там глибина могили становила 2,45 м і цього, здавалось би, могло вистачити для спорудження стін на висоту до 2 м в самій ямі. Але по краю могили було викопано сім великих (глибина 1,2—1,4 і діаметр до 0,9 м) ям для стовпів. Діаметр останніх чітко простежувався у розрізах і дорівнював 0,34—0,38 м. (Могилов, Гуцал, Гуцал 2016, с. 216). Зрозуміло, що такі потужні опори призначалися для підтримки масивних дерев'яних конструкцій стін і стелі, які високо піднімалися над денною поверхнею і збільшували висоту гробниці, можливо, до 3,5—4 м.

Вхід до склепу здебільшого був з півдня, а його орієнтування, як правило — кутами за сторонами світу, з деяким відхиленням.

Збереженість дерева у курганах Подністров'я вкрай погана. Воно зафіксовано дуже фрагментовано лише у вигляді обвуглених плах, або трухлявих решток, проте, структура волокон, характерна для кожної породи дозволила визначити їх приналежність дубові, який широко

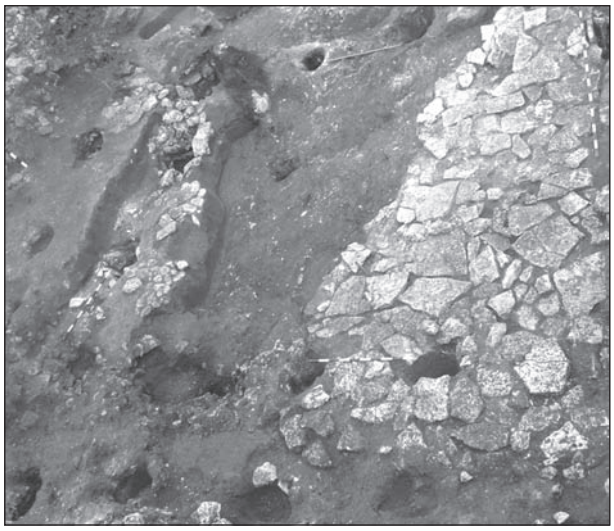


Рис. 9. Спасівка, частина кам'яної долівки кургану 9

використовувався для будівництва усипальниць.

Із числа відкритих у післявоєнні роки гробниць в Середньому Подністров'ї більше половини (54 %) були спалені. Не зовсім зрозумілим залишається питання про час цього дійства. О. Тереножкін припускав, що склеп підпалювали тоді, коли розпочиналося спорудження насипу і це своєрідне траурне вогнище глушилося завалом землі (Тереножкин 1971, с. 20). Так, очевидно, могло бути, але не завжди. Треба гадати, що цьому процесу надавалося особливе значення. Це був заключний акорд поховального ритуалу і він міг не співпадати з початком будівництва, більше того, міг бути розтягнутим у часі на невизначений період. Це підтверджується Чабанівським курганом 4, де вдалося встановити, що його спалення відбулося вже після того, як він був повністю пограбованим. Було добре видно, що всі горілі нашарування лежали «in situ» і під ними знайдено лише один бронзовий і два кістяних наконечники стріл (Гуцал, Гуцал, Мегей 2002, с. 7). Якби пограбування відбувалося після спалення, то ситуація була б зовсім інша. Іноді спостерігається не зрозуміла картина, яку складно пояснити. У кургані 2 Теклівського могильника поховальна яма на всю глибину 0,48 м була заповнена практично чистим шаром випаленого до яскравого червоно-оранжевого кольору розсипчатим грунтом без яких-небудь значних вкраплень горілого дерева (Гуцал, Гуцал, Мегей, Могилов 2002, с. 3—4). На місці отримати такий стерильний прошарок було аж ніяк не реально. Напрошується висновок, що його сюди завезли зі сторони з місця кремації, яка проводилася за межами кладовища. Це виглядає не реальним, але на сьогоднішній день інше пояснення знайти важко. Загалом же, підпал гробниць міг відбуватися на різних стадіях, залежно від конкретних обставин.

Це, в свою чергу, дозволяє припускати, що склеп функціонував довго і був свого роду храмом, місцем поклоніння богам і душам померлих родичів, відзначенням календарних свят та важливих обрядів тощо. Таке судження приводить Г. Смирнова й для курганів Перебиківської групи. За її словами, склепи були сімейними усипальницями, куди неодноразово входили з метою наступних поховань (Смирнова 1979, с. 61). М. Грязнов, вивчаючи склепи таштикської культури (яка хоч і значно пізніша, проте, має чимало спільного з поховальним обрядом скіфського часу), відзначив, що склеп функціонував ймовірно, протягом досить тривалого часу, можливо, кілька десятків років і в нього здійснювалися багаторазові дозахоронення (Грязнов 1979, с. 120). Відомо про ритуальні підземні коридори, які вели до головної царської могили у елітних курганах скіфів, і які функціонували вже після завершення процесу захоронення (Акишев, Кушаев 1963, с. 46; Болтрик 2000; Гуляев 2013, с. 9). Очевидно, що зв'язок з потойбічним світом в особі померлого родича чи вельможі підтримувався якомога довше, триваючи поколіннями. Нам особисто під час археологічних розвідок по селах Хмельниччини доводилося не раз розмовляти зі старожилами, які стверджували, що в дитинстві вони самі, через нібито існуючі тоді входи, могли проникати до кургану. Не виключено, що це були сліди грабіжницьких ходів, але тим не менше, такі свідчення варті уваги. Факт проникнення грабіжників у «діючий» склеп зафіксовано в багатьох випадках. Вище приведено спостереження за Чабанівським курганом. Г. Смирнова говорить про це на прикладі кургану 2 у Долинянах (Смирнова 1977. с.7).

Окремо слід сказати про можливість використання стовпових ям з ритуальною метою. Така ідея виглядає скоріше сумнівно. Появилася вона у зв'язку з тим, що трапляються випадки, коли у ямах знаходять різні предмети, вугілля, кістки. Так, у 4-х стовпових ямах великого діаметру Долинянського кургану 2 знаходилися вуглинки, вкраплення кальцинованих кісток, фрагменти кераміки і панцирних лусочок (Смирнова 1977, с. 34). В заповненні окремих ям курганів 1 і 2 Перебиковець у верхньому шарі знайдена частина залізної шпильки, уламки черепної кришки (Смирнова 1979, с. 40, 44). Ями заповнені різними знахідками спостережені дослідниками у Сокільці (Бандрівський, Захар'єв 2002, с. 548—557). Вугілля з кальцинованими кістками зафіксоване у стовповій ямі і на підлозі біля неї у кургані 1 у Колодіївці та в багатьох інших випадках досліджених нами насипів. Причин цьому чимало. При умові якщо курган припиняє свої основні функції, у нього починалося інше життя, незалежно від того був він спалений чи ні. Час і природа робили свою справу. Ховрахи та інші тварини, а з ними і грабіжники, могли перемішувати частини поховального інвентаря по різних місцях насипу. Про зв'язок окремих стовпових ям з поховальним ритуалом висловила припущення Г. Смирнова (1977, с. 34, 38; 1977а, с. 8) вважаючи, що частина праху потрапляла в яму під час поховальної церемонії. Упевненіше про це йдеться у статті М. Бандрівського і В. Захар'єва (Бандрівський, Захар'єв 2002, с. 557—561). Сокілецький курган є типовою поховальною пам'яткою і нічим суттєво не відрізняється від інших Навіть розташування стовпових ям у Сокільці відносно долівки, які винесені за її межі, повторюється в насипах Колодіївки (Гуцал, Гуцал, Мегей, Могилов 2005, с. 218), у Шидлівцях, Ладижині (Sulimirski 1936, s. 75, 85—87) тощо. Відсутність слідів спалення не означає, що не було склепу. Маємо ряд прикладів, коли деревина після гниття через 2600 років не залишає ніяких органічних решток. Ми вважаємо, що курганів, які б зводилися лише для ритуалів на території Середнього Подністров'я поки що не відкрито. Практично всі ями, виявлені біля кам'яних площадок і особливо по їх кутах, служили для закріплення стовпів. Якщо ж все-таки приймати версію про їх ритуальну місію, то про неї можна говорити лише як про другорядну.

У всіх найбільших поховальних камерах були подвійні стіни (Смирнова 1977, с. 30, 1979, с. 37—43, Малеєв 2007, с. 639, Бандрівський 2009, с. 214). Вважається, що обряд захоронення вимагав якомога надійніше захистити небіжчика від впливів світу живих. Вченими звертається увага на те, що традиція ізолювання простору навколо померлого сягає глибин індоєвропейських поховальних звичаїв і проявлялася вона по-різному (Болтрик 2015, с. 56—58). Втілення цієї ідеї в Подністров'ї ми бачимо, в першу чергу, у конструкції як простих склепів, що складають переважну більшість, так і найвеличніших, таких як у Спасівці, Перебиківцях, Швайківцях. У двох останніх випадках склеп оточувався ще третім колом загорожі у вигляді суцільного частоколу, який мав додатково ізолювати небіжчика від навколишнього світу.

Питання походження стовпових дерев'яних склепів в Подністров'ї до кінця не розв'язане. Сумнівно виглядає думка про те, що вони мають генетичну основу, в тому числі, у місцевому житлобудуванні. Зазначимо, що вже за результатами досліджень 21 кургану у Колодіївці, розташованих, як говорилося вище, у двох групах, все чіткіше вимальовується різниця в їхніх поховальних ритуалах. Перш за все це стосується облаштування поховального місця. Так, у першій групі понад 40 % становлять дерев'яні гробниці, відсутні у другій. Близько половини захоронень першої групи складають трупоспалення, які не зустрічались в другій. На жаль, нищівні пограбування, звели число знахідок до мінімуму, а якраз вони могли б

дати відповідь на питання, чим пояснюються такі серйозні відмінності. Але і зараз зрозуміло, що ця різниця обумовлена або хронологічними факторами, які на даному етапі дослідження не фіксуються, або приналежністю поховань різним племінним об'єднанням, кожне з яких мало свої уявлення про потойбіччя та сповідувало різні релігійні традиції. Як бачимо, принцип житлобудівної культури, який, здавалося, мав би бути імпульсом появи склепів, для другої групи ніяк не спрацював.

Якщо вже і вести мову про автохтонні елементи поховального обряду на цій території, то, скоріше всього, їх можна вбачати у використанні каменю. Зокрема, біля Спасівки розкопано 2 кургани епохи пізньої бронзи, у яких кам'яна складова насипу зафіксована на стадії початкового формування. Тут кількість самого каміння порівняно незначна, у розміщенні великих і малих каменів, немає чіткої системи. Вона лише частково нагадує пізніші, добре продумані кам'яні конструкції скіфської пори (Гуцал, Гуцал, Могилов, Болтанюк 2010, с. 103).

Поховальні споруди середньодністровської зони повторюють, в цілому, основні варіанти аналогічних будівель Середнього Подніпров'я (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 27—41). Відрізняє їх лише використання каменю на Дністрі.

І можна не сумніватися, що появилися склепи в Подністров'ї з тієї ж причини, що і на лісостеповому Провобережжі раптово і у готовому, сформованому варіанті. На жаль остаточної відповіді щодо їхнього генезису поки що ми не маємо. І вона безпосередньо пов'язана із питанням походження скіфського етносу. Різні міркування з цього приводу зустрічаємо в численних працях (Бессонова 1990, с. 35, Ильинская 1975, с. 92—93; Мурзин 1984, с. 58; Петренко 1967; с. 56, Скорый 2003, с. 51; Смирнова 1989, с. 25, 28; Ольховский 1991, с. 4 та ін.). О. Тереножкін писав, що поховальний обряд з дерев'яними склепами західніше Дніпра появився в уже завершених формах як нововведення VII ст. до н. е. (Тереножкін 1971, с. 18). Він складав одну з головних особливостей скіфської культури, але разом з тим був притаманним і багатьом іншим євразійським культурам скіфського типу (Тереножкін 1971, с. 19). Здається, така точка зору виглядає найбільш правдоподібно. В тій чи іншій мірі вона узгоджується з поглядами сучасних дослідників. Нещодавно до цієї теми звернувся Д. Гречко. Розглянувши традиції спорудження дерев'яних стовпових гробниць Північного Причорномор'я доби бронзи — початку раннього залізного віку, він дійшов висновку про їх появу за доби пізнього бронзового віку у іраномовного населення Євразії. Їх розвиток у перед — і ранньоскіфський час в Степу та Лісостепу Північного Причорномор'я відбувався у результаті взаємодії місцевих білозерських та східних (центрально-казахстанських) елементів. На цей процес впливали культурні імпульси з Центральної Європи. При цьому треба враховувати і можливість конвергентної появи дерев'яних стовпових гробниць в VII ст. до н. е. і не виключати їх привнесення зі сходу разом з комплексом матеріальної культури (Гречко 2015, с. 147).

Таким чином, джерельна база для вивчення поховального обряду населення періоду скіфської архаїки в регіоні Середнього Дністра суттєво зросла. Особливо важливі, нові матеріали стосуються характеристики стовпових дерев'яних склепів. Стало відомо, що вони відрізняються рівнем заглиблення в грунт, конструктивними особливостями. Окрім того, що в них відбувалися захоронення, вони виконували роль храмів і були духовними та культурними об'єктами, маючи значний вплив на всі сторони життя місцевих мешканців.

ЛІТЕРАТУРА

Акишев, К. А., Кушаев, Г. А. 1963. *Древняя культура саков и усуней долины реки Или*. Алма-Ата.

Бандрівський, М. С. 2009. Новий ритуальний об'єкт часів скіфської архаїки зі Швайковець біля Чорткова на Тернопільщині. В: Отрощенко, В. В. (ред.). *Взаємозв'язки культур бронзи і раннього заліза на території Центральної та Східної Європи*. Київ; Львів, с. 202-235.

Бандрівський, М., Захар'єв, В. 2002. Про один тип поховальних споруд періоду раннього заліза на Середньому Придністров'ї (за матеріалами розкопок кургану ІІІ в селі Сокілець у 1999 р.). *Записки наукового товариства імені Шевченка*, CCXLIV, с. 545-562.

Бандривский, М. С. 2013. Курганы в Швайковцах и Коцюбинчиках — новый источник для датировки западноподольской группы раннескифской культуры (по материалам раскопок 2007—2009 гг.). *Российский археологический ежегодник*, 3, с. 341-361.

Бессонова, С. С. 1990. Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкций идеологических представлений. В: Зубарь, В. В. (ред.). *Обряды и верования древнего населения Украины*. Киев, с. 17-39.

Болтрик, Ю. В. 2000. Скифский курган как единый ансамбль. В: Гуляев, В. И., Ольховский, В. С. (ред.). *Скифы и сарматы в VII—III вв. до н. э.* Москва, с. 129-137.

Болтрик, Ю. В. 2015. Первісне обвалування елітних курганів скіфів, свідчення заздалегідь спланованої споруди. *Магістеріум. Археологічні студії*, 60, с. 56-59.

Гречко, Д. С. 2013. О происхождении столбовых гробниц Лесостепи скифского времени. *Древности*, 12, с. 137-154.

Грязнов, М. П. 1979. Таштыкская культура. В: Грязнов, М. П. (ред.). *Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее*. Новосибирск, с. 89-146.

Грязнов, М. П. 1992. Алтай и приалтайская степь. В: Рыбаков, Б. А. (ред.). *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР*, 10 Москва: Наука, с. 161-177.

Гуляев, В. И. 2013. Введение. Культ предков, вождей, правителей в погребальном обряде. *Краткие сообщения Института археологии*, 229, с. 3-10.

Гуцал, А. Ф., Мегей, В. Ф. 1988. *Отчёт о раскопках курганов скифского времени у с. Тарасовка Каменец-Подольского р-на Хмельницкой обл. в 1988 г.* Науковий архів ІА НАНУ, 1988/178.

Гуцал, А. Ф., Мегей, В. П. 1997. Дослідження курганів скіфського часу біля с. Тарасівка. В: Баженов, Л. В. (ред.). *Кам'янеччина в контексті історії Поділля*. Кам'янець-Подільський, с. 85-88.

Гуцал, А. Ф., Гуцал, В. А., Мегей, В. П. 1998. Дослідження курганів скіфського часу у Середньому Подністров'ї. *Археологічні відкриття в Україні 1997—1998 р.*, с. 74-75.

Гуцал, А. Ф., Гуцал, В. А., Мегей, В. П., Могилов, О. Д. 2004. Розкопки курганів епохи раннього заліза в с. Малинівці на Середньому Дністрі. *Археологічні відкриття в Україні 2002—2003 рр.*, с. 114-116.

Гуцал, А. Ф., Гуцал, В. А., Мегей, В. П., Могилов, О. Д. 2005. Кургани ранньоскіфської доби біля села Колодіївка на Середньому Дністрі. *Ахеологічні дослідження в Україні 2004 р.*, с. 118-119.

Гуцал, А. Ф. 2006. Третій Шутнівецький курган. *Хмельниччина: Дивокрай*, 1-2, с. 9-12.

Гуцал, А. Ф., Гуцал, В. А., Мегей, В. П., Могилов, О. Д. 2006. Розкопки курганів ранньоскіфської доби біля села Колодіївка у Середньому Подністров'ї. *Археологічні дослідження в Україні 2004—2005 рр.*, с. 157-159.

Гуцал, А. Ф., Гуцал, В. А. Мегей, В. П,. Могилов, О. Д., Баженов, О. Л., Болтанюк, П. А. 2008. Дослідження курганів ранньоскіфского часу в районі середньої течії р. Збруч. *Археологічні дослідження в Україні 2006—2007 рр.*, с. 91-93.

Гуцал, А. Ф., Гуцал, В. А., Могилов, О. Д., Болтанюк, П. А. 2010. Дослідження курганної групи Спасівка—Іванківці у Позбруччі. *Археологічні дослідження в Україні 2009 р.*, с. 101-103.

Гуцал, А. Ф., Гуцал, В. А., Могилов, О. Д. 2011. Теклівські кургани на Західному Поділлі. В: Посохов, С. И. (ред.). *Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б. А. Шрамко*. Харьков, с. 111-124.

Захар'ев, В. А. 1992. Дослідження археологічних пам'яток на території Дунаєвецького району (1990 р.). В: Захар'ев, В. А. (ред.). *Археологія Дунаєвеччини*. Хмельницький, с. 37-39.

Ильинская, В. А. 1975. *Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин*. Киев: Наукова думка.

Крушельницька, Л. І. 1998. *Чорноліська культура Середнього Подністров'я*. Львів.

Кучугура, Л. І. 1995. Ранньоскіфський комплекс з кургану поблизу с. Врублівці в Подністров'ї. *Археологія*, 2, с. 131-135.

Малеев, Ю. Н. 1991.Курган скифского времени у с. Мышковцы в бассейне р. Збруч. В: Болтрик, Ю. В., Бунятян, Е. П. (ред.). *Курганы Степной Скифии*. Киев, с. 122-130.

Малєєв, Ю. М. 2007. Зозулинці — курган скіфського часу на Дністрі. *Записки наукового товариства імені Шевченка*, CCCLIII, с. 634-649.

Мелюкова, А. И. 1953. Памятники скифского времени на Среднем Днестре. *Краткие сообщения ИИМК*, 51, с. 60-73.

Могилов, О. Д., Гуцал, А. Ф., Гуцал, В. А. 2016. Курган з кам'яним валом на Західному Поділлі. *Археологія і давня історія України*, 2 (19), с. 212-230.

Мурзин, В. Ю. 1984. *Скифская архаика Северного Причерноморья*. Киев.

Ольховский, В. С. 1991. *Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.)*. Москва: Наука.

Петренко, В. Г. 1957. *Правобережье Среднего Поднепровья в V—III вв. до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1-4.

Покровська, Є. Ф. 1953. Кургани передскіфського часу в басейні р. Тясмин. *Археологія*, VIII, с. 128-137.

Скорый, С. А. 2003. *Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента)*. Киев.

Смирнова, Г. И. 1977. Курганный могильник раннескифского времени у с. Долиняны. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 18, с. 29-40.

Смирнова, Г. І. 1977а. Щодо поховального характеру ранньоскіфских пам'яток поблизу сіл Долиняни, Новосілки, Білоусівки. *Археологія*, 23, с. 3-10.

Смирнова, Г. И. 1979. Курганы у села Перебыковцы — новый могильник скифской архаики на Среднем Днестре. *Труды Государственного Эрмитажа*, 20, с. 37-67.

Тереножкин, А. И. 1971. Скифская культура. В: Либеров, П. Д., Гуляев, В. И. (ред.). *Проблемы скифской археологии*. Москва: Наука, с. 15-24.

Тимощук, Б. О. 1974. *Зустріч з легендою*. Ужгород: Карпати.

Sulimirski, T. 1936. *Scytowie na Zahodniem Podolu*. Lwow.

REFERENCES

Akishev, K. A., Kushaev, G. A. 1963. *Drevnyaya kul'tura sakov i usuney doliny reki Ili*. Alma-Ata.

Bandrivs'kiy, M., Zakhar'jev, V. 2002. Pro odin tip pokhoval'nikh sporud periodu rann'ogo zaliza na Seredn'omu Pridnistrovji (za materialami rozkopok kurganu III v seli Sokilets' u 1999 r.). *Zapiski naukovogo tovaristva imeni Shevchenka*, CCXLIV, s. 545-562.

Bandrivs'kiy, M. S. 2009. Noviy ritual'niy objekt chasiv skifs'koji arkhajiky zi Shvaykovets' bilya Chortkova na Ternopil'shchini. In: Otroshchenko, V. V. (ed.). *Vzajemozvyazki kul'tur bronzi i rann'ogo zaliza na teritorii Tsentral'noji ta Skhidnoji Evropy*. Kyiv; Lviv, s. 202-235.

Bandrivskiy, M. S. 2013. Kurgany v Shvaykovtsakh i Kotsyubinchikakh — novyy istochnik dlya datirovki zapadnopodol'skoy gruppy ranneskifskoy kul'tury (po materialam raskopok 2007—2009 gg.). *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik*, 3, s. 341-361.

Bessonova, S. S. 1990. Skifskie pogrebal'nye kompleksy kak istochnik dlya rekonstruktsiy ideologicheskikh predstavleniy. In: Zubar', V. V. (ed.). *Obryady i verovaniya drevnego naseleniya Ukrainy*. Kiev.

Boltrik, Yu. V. 2000. Skifskiy kurgan kak edinyy ansambl'. In: Gulyaev, V. I., Ol'khovskiy, V. S. (ed.). *Skify i sarmaty v VII—III vv. do n. e.* Moskva: IA RAN, s. 129-137.

Boltrik, Y. V. 2015. Pervisne obvaluvannya elitnikh kurganiv skifiv, svidchennya zazdalegid' splanovanoï sporudi. *Magisterium. Arkheologichni studiji*, 60, s. 56-59.

Grechko, D. S. 2013. O proiskhozhdenii stolbovykh grobnits Lesostepi skifskogo vremeni. *Drevnosti*, 12, s. 137-154.

Gryaznov, M. P. 1979. Tashtykskaya kul'tura. In: Gryaznov, M. P. (ed.). *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Enisee*. Novosibirsk, s. 89-146.

Gryaznov, M. P. 1992. Altay i prialtayskaya step'. In: Rybakov, B. A. (ed.). *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. Arkheologiya SSSR*, 10 Moskva: Nauka, s. 161-177.

Gulyaev, V. I. 2013. Vvedenie. Kul't predkov, vozhdey, praviteley v pogrebal'nom obryade. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 229, s. 3-10.

Gutsal, A. F., Megey V. F. 1988. *Otchet o raskopkakh kurganov skifskogo vremeni u s. Tarasovka Kamenets-Podol'skom r-na Khmel'nitskoy obl. v 1988 g*. Naukoviy arkhiv IA NANU, 1988/178.

Gutsal, A. F., Megey, V. P. 1997. Doslidzhennya kurganiv skifs'kogo chasu bilya s. Tarasivka. In: Bazhenov, L. V. (ed.).

Kam'yanechchina v konteksti istorii Podillya. Kam'yanets'-Podil's'kiy, s. 85-88.

Gutsal, A. F., Gutsal, V. A., Megey, V. P. 1998. Doslidzhennya kurganiv skifs'kogo chasu u Seredn'omu Podnistrovji. *Arkheologichni vidkrittya v Ukrajini 1997—1998 rr*., s. 74-5.

Gutsal, A. F., Gutsal, V. A., Megey, V. P., Mogilov, O. D. 2004. Rozkopki kurganiv epokhi rann'ogo zaliza v s. Malinivtsi na Seredn'omu Dnistri. *Arkheologichni vidkrittya v Ukrajini 2002—2003 rr*., s. 114-116.

Gutsal, A. F., Gutsal, V. A., Megey, V. P., Mogilov, O. D. 2005. Kurgani rann'oskifs'koi' dobi bilya sela Kolodiivka na Seredn'omu Dnistri. *Akheologichni doslidzhennya v Ukrajini 2004 r*., s. 118-119.

Gutsal, A. F., Gutsal, V. A., Megey, V. P., Mogilov, O. D. 2006. Rozkopki kurganiv rann'oskifs'koji doby bilya sela Kolodijivka u Seredn'omu Podnistrovji. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukrajini 2004—2005 rr*., s. 157-159.

Gutsal, A. F. 2006. Tretiy Shutnivets'kiy kurgan. *Khmel'nichchina: Divokray*, 1-2, s. 9-12.

Gutsal, A. F., Gutsal, V. A., Megey, V. P., Mogilov, O. D., Bazhenov, O. L., Boltanyuk, P. A. 2008. Doslidzhennya kurganiv rann'oskifskogo chasu v rayoni seredn'oji techiji r. Zbruch. *Akheologichni doslidzhennya v Ukrajini 2006—2007 rr*., s. 91-93.

Gutsal, A. F., Gutsal, V. A., Mogilov, O. D., Boltanyuk, P. A. 2010. Doslidzhennya kurgannoji grupy Spasivka-Ivankivtsi u Pozbruchchi. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukrajini 2009 r*., s. 101-103.

Gutsal, A. F., Gutsal, V. A., Mogilov, O. D. 2011. Teklivs'ki kurgani na Zakhidnomu Podilli. In: Posokhov, S. I. (ed.). *Drevnosti Vostochnoy Evropy. Sbornik nauchnykh trudov k 90-letiyu B. A. Shramko*. Khar'kov, s. 111-124.

Zakharjev, V. A. 1992. Doslidzhennya arkheologichnikh pam'yatok na teritoriji Dunaevets'kogo rajonu (1990 r.). In: Zakharjev, V. A. (ed.). *Arkheologiya Dunajevechchyny*. Khmel'nits'kiy, s. 37-39.

Il'inskaya, V. A. 1975. *Ranneskifskie kurgany basseyna r. Tyasmin*. Kiev: Naukova dumka.

Krushel'nits'ka, L. I. 1998. *Chornolis'ka kul'tura Seredn'ogo Podnistrovya*. L'viv.

Kuchugura, L. I. 1995. Rann'oskifs'kiy kompleks z kurganu poblizu s. Vrublivtsi v Podnistrovji. *Arkheologiya*, 2, s. 131-135.

Maleev, Y. N. 1991. Kurgan skifskogo vremeni u s. Myshkovtsy v basseyne r. Zbruch. In: Boltrik, Yu. V., Bunyatyan, E. P. (ed.). *Kurgany Stepnoy Skifii*. Kiev, s. 122-130.

Malejev, Y. M. 2007. Zozulintsi — kurgan skifs'kogo chasu na Dnistri. *Zapiski naukovogo tovaristva yameni Shevchenka*, CCCLIII, s. 634-649.

Melyukova, A. I. 1953. Pamyatniki skifskogo vremeni na Srednem Dnestre. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury*, 51, s. 60-73.

Mogilov, O. D., Gutsal, A. F., Gutsal, V. A. 2016. Kurgan z kam'yanim valom na Zakhidnomu Podilli. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrajiny*, 2 (19), s. 212-230.

Murzin, V. Y. 1984. *Skifskaya arkhaika Severnogo Prichernomor'ya*. Kiev.

Ol'khovskiy, V. S. 1991. *Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' naseleniya stepnoy Skifii (VII—III vv. do n. e.)*. Moskva.

Petrenko, V. G. 1957. *Pravoberezh'ye Srednego Podneprov'ya v V—III vv. do n. e*. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1-4

Pokrovs'ka, E. F. 1953. Kurgani peredskifs'kogo chasu v baseyni r. Tyasmin. *Arkheologiya*, VIII, s. 128-137.

Skoryy, S. A. 2003. *Skify v Dneprovskoy Pravoberezhnoy Lesostepi (problema vydeleniya iranskogo etnokul'turnogo elementa)*. Kiev.

Smirnova, G. I. 1977. Kurgannyy mogil'nik ranneskifskogo vremeni u s Dolinyany. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 18, s. 29-40.

Smirnova, G. I. 1977a. Shchodo pokhoval'nogo kharakteru rann'oskifskikh pam'yatok poblizu sil Dolinyani, Novosilki, Bilousivki. *Arkheologiya*, 23, s. 3-10.

Smirnova, G. I. 1979. Kurgany u sela Perebykovtsy — novyy mogil'nik skifskoy arkhaiki na Srednem Dnestre. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 20, s. 37-67.

Terenozhkin, A. I. 1971. Skifskaya kul'tura. In: Liberov, P. D., Gulyaev, V. I. (ed.). *Problemy skifskoy arkheologii*. Moskva: Nauka, s. 15-24.

Timoshchuk, B. O. 1974. *Zustrich z legendoyu*. Uzhgorod: Karpati.

Sulimirski, T. 1936. *Scytowie na Zahodniem Podolu*. Lwow.

A. F. Gutsal

WOODEN VAULTS OF THE EARLYSCYTHIAN TIMES IN THE MOUNDS OF THE MIDDLE DNISTROVIA

The study of the early-Scythian burial mounds in the Middle Dniester region began at the end of the nineteenth century many researchers. The results of their work were summed up in the monograph of T. Sulimirsky, published in 1936. Over the next decades, this work was continued by G. Melyukova, G. Smirnova, L. Krushelnytska, J. Maleev, M. Bandrivsky, A. Gutsal. The burial mounds were explored in the villages of Lenkivtsi, Dolinyan, Perebykivtsi, Vrublivka, Zozulintsi, Kolodiyaka, Kotsiubynchy, Loevtsi, Malinovka, Minkivtsi, Myshkivtsi, Sokilets, Spasivka, Tarasivka, Teklka, Shvaykivtsi, Shutnivtsi and others. The number of mounds studied for the whole period of excavation now exceeds 125. There was an opportunity to more fully understand the peculiarities of the burial rite of the local population of that time, in particular, to assimilate the nature of such burial structures in the mound as a pillar wooden vault. As calculations show, about 38 % of burial mounds contained such buildings. Their construction consisted of wooden piles sunken in the ground, the number of which varied from 4 to 35, and wooden logs or wheels, which were walls and roof, and which were supported by pillars. Such a crypt could be built on the level of the ancient horizon, could be slightly entwined in the ground (up to 0.5 m), or lowered into a pit at 1—1.2 m. Most of the crypts after the completion of all the ritual ceremonies over the burial, burned. The peculiarity of the Transnistrian mounds was that there were stones in all the embankments, which strengthened the mound and was a constructive part of the crypt.

Keywords: Middle Podnistrovia, pillar wooden crypt, burial, scythian time, mound, excavations.

Одержано 12.01.2018

ГУЦАЛ Анатолій Федорович, доцент кафедри архівознавства, спеціальних історичних та правознавчих дисциплін Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка, вул І. Огієнка, 61, Кам'янець-Подільський, Хмельницька обл. Україна, *dpoasukam@gmail.com*.

GUTSAL Anatoliy, associate professor of the department of archival studies, social historical and law disciplines Kamianets-Podolsk National University named after Ivan Ogienko, I. Ogienko str., 61, Kamyanets-Podilskyi, Khmelnytsky region, Ukraine, *dpoasukam@gmail.com*.

УДК: 904.4/.5(477.6)”6383”

О. О. Крютченко

НА КОРДОНІ ЗІ СТЕПОМ. ПІВДЕННА ГРУПА ГОРОДИЩ СКІФСЬКОГО ЧАСУ ДНІПРО-ДОНЕЦЬКОГО ЛІСОСТЕПУ

Стаття присвячена дослідженню системи поселенських структур та поховальних комплексів розташованих вздовж Муравського шляху, на кордоні зі степом. Мова йде про п’ять городищ, майже шістдесят селищ, три могильники та два пункти з окремими впускними похованнями, що компактно розташовані на півдні Лісостепу та належать сіверськодонецькій групі пам’яток скіфської доби.

***Ключові слова**: Сіверськодонецька група пам’яток, скіфський час, городища, поселення, поховання, поселенська структура.*

Починаючи з середини — другої половини VI ст. до н. е. на теренах Дніпро-Донського Лісостепу фіксується розширення мережі укріплених поселень (Моруженко 1969). Результати дослідження Більського городища (Шрамко 1975), Перекіпського валу на Харківщині (Крютченко 2017) та низки поселень вздовж Муравського шляху (Шрамко 2003; Гречко 2010, с. 32, 101), наштовхують на думку, що функції цих фортифікацій були набагато ширшими ніж просто захист жителів лише прилеглих селищ. Окрім оборонних, їх наділяють низкою соціальних та певних адміністративних функцій в рамках окремих мікрорегіонів Лісостепу або, навіть, всієї Скіфії (Гречко 2010, с. 28; Дараган 2017). Негативним фактором у розробці проблеми місця та призначення городищ є низький рівень їх дослідження. Більшість з них лише шурфувалося. Зважаючи на це, ми можемо говорити про пряму залежність ступеню вивченості окремих пам’яток від розуміння їх місця в поселенській структурі. Для прикладу наведемо оцінку ролі широковідомого Люботинського городища у порівнянні з городищем біля хутору Городище. Матеріали першого введені до наукового, тому воно стало одним з традиційних об’єктів для ілюстрації історичних подій Лісостепу (Шрамко 1998). Друге, яке цілком вірогідно, відігравало роль великого регіонального центру (Граков 1971) досі не отримало справедливої оцінки серед дослідників.

Причини стрімкого збільшення кількості городищ, на наш погляд, слід пов’язувати з погіршенням військово-політичної ситуації у VI ст. до н. е. у Східній Європі. Це питання значно ширше ніж тема нашого дослідження. Укріплені поселення мали різне значення, яке інколи змінювалось протягом їх існування. В цій роботі ми підбиваємо підсумки вивчення групи поселенських та поховальних комплексів розташованих вздовж Муравського Шляху, на кордоні зі степом. Йдеться про п’ять городищ (Семенов-Зусер 1949; Шрамко 1972; Колода 2003; Крютченко 2018), майже шістдесят селищ (Левицький 1948, с. 3—23; Шрамко 1955, с. 5; 1957, с. 8; 1958, с. 4; 1967, с. 28; 1968, с. 31; 1972, с. 12; 2001, с. 4—12; Андрієнко 1970, с. 4; Радзиевская 1974, с. 7; Справочник… 1977, с. 72, 74—78, 80, 119; Буйнов 1977, с. 5, 8; Колода 1987, с. 15; 1990, с. 9—12; Ревенко 1999, с. 5—6, 8—10; Задников, Шрамко 2003, с. 38; Скирда 2010; Шрамко, Голубєва, Задніков 2010, с. 383; 2013; Крютченко 2018), три могильники (Багалей 1905, с. 40; Справочник… 1977, с. 78; Гречко, Шелехань 2012; Окатенко 2015, с. 235—236) та два пункти з окремими підкурганними та впускними похованнями (Бандуровский, Буйнов 2000, с. 46), що компактно розташовані на півдні Лісостепу та належать сіверськодонецькій групі пам’яток скіфської доби (рис. 1; додаток). Виокремлення даного регіону відбулось виключно з позиції розгляду місця розташованих поряд городищ в їх історичному оточенні,

© О. О. КРЮТЧЕНКО, 2018

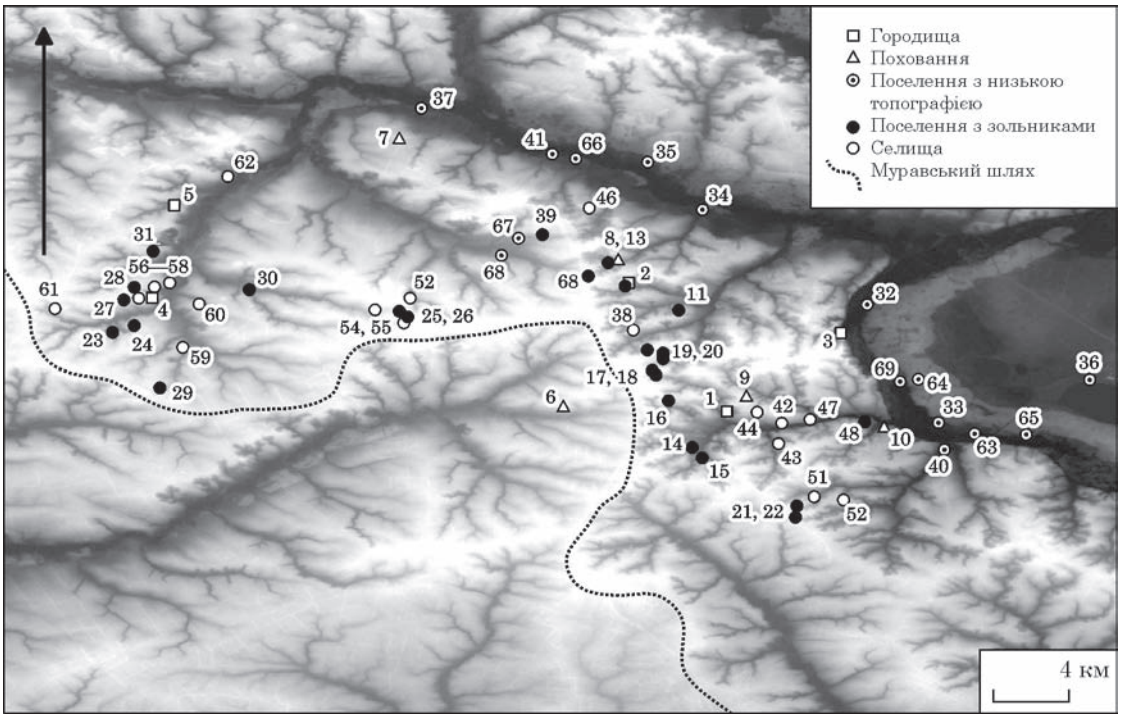


Рис. 1. Схема розташування і топографія поселенських і поховальних пам'яток скіфського часу південної частини сіверськодонецького Лісостепу. Номери на карті відповідають номерам додатку

та ні в яком разі не претендує на виділення його складових об'єктів в окремий соціокультурний елемент. Матеріали середньоскіфського часу домінують на поселенських пам'ятках домінують. Майбутні дослідження, можливо, дадуть матеріали кінця V—IV ст. до н. е., як це мало місце на Новоселівському поселенні (Пеляшенко 2012).

Обрана територія, знаходиться в лісостеповій течії р. Сіверський Донець, навколо розгалуженої системи ярів, що утворилися між його правими притоками. З півночі кордоном цього регіону є р. Мжа з лівобережними плавнями, на заході — басейн р. Вільхуватки (права притока Мжі), з півдня межа проходить по Дніпро-Донському вододілу до басейну р. Бишкин (правий приток Сіверського Дінця), зі сходу — р. Сівеський Донець та його заплава. В скіфські часи це була остання ділянка, на якій зустрічалися великі лісові масиви, далі на південь ліс тягнувся тонкою смугою вздовж Дінця до меж сучасного міста Балаклея, де переходив в степ. Вірогідно, в давні часи лісові масиви вкривали середні та нижні течії басейнів невеликих приток рік, тоді як простір вододілу лишався вільним. З півдня, між витоками р. Берека та Орілька та далі на північ, оминаючи значні водні перешкоди, вздовж вододілу проходила трансзональна сухопутна комунікація — Муравський Шлях. Вона з'єднувала території від кримського Перекопу, на півдні, до району сучасного м. Тула, на півночі (Рудаков 1890—1907 рр.).

В обраному регіоні на сьогодні відомо п'ять городищ. Одне з них **Нововодолазьське**, нещодавно виявлене В. М. Окатенком та ще не введено у науковий облік. Виходячи з даних супутникових знімків, це городище, округлої в плані форми, розташоване на мису лівого берега р. Вільхуватки, у її середній течії. Городище знаходиться на південній околиці смт Нова Водолага Харківської області. Питання його датування, системи оборонних споруд та потужність культурного шару залишаються відкритими.

Таранівське городище. Розташоване у 4,5 км на північний схід від с. Таранівка Зміївського р-ну Харківської обл. (рис. 1: 2; 2). Уперше пам'ятка згадується у пояснювальному тексті до археологічної мапи Харківської губернії. Д. І. Багалій відмічав, існування городища біля р. Вільшанка у 5 верстах на північ від с. Таранівка (Багалей 1906, с. 35). У 1976 р. поселення оглянула експедиція ХДУ під керівництвом Ю. В. Буйнова. У звіт воно увійшло під назвою городище біля с. Вільшанка. Дослідником був вперше складений окомірний план, та зібраний підйомний матеріал. За наявним матеріалом городище було зараховано до скіфського кола пам'яток (Буйнов 1976, с. 28—29). В результаті розвідки А. В. Криганова у 1995 р. вдруге був складений окомірний план. При зборі підйомного матеріалу дослідник відмічав наявність невеликої кількості керамічних виробів салтівської культури. У звіт пам'ятка увійшла під назвою Жуківське городище (Крыганов 2000, с. 59—61). У 2012 та 2014 рр. експедицією ХНУ ім. В. Н. Каразіна під керівництвом автора, був складений його детальний опис, зроблений інструментальний план та проведене шурфування городища.

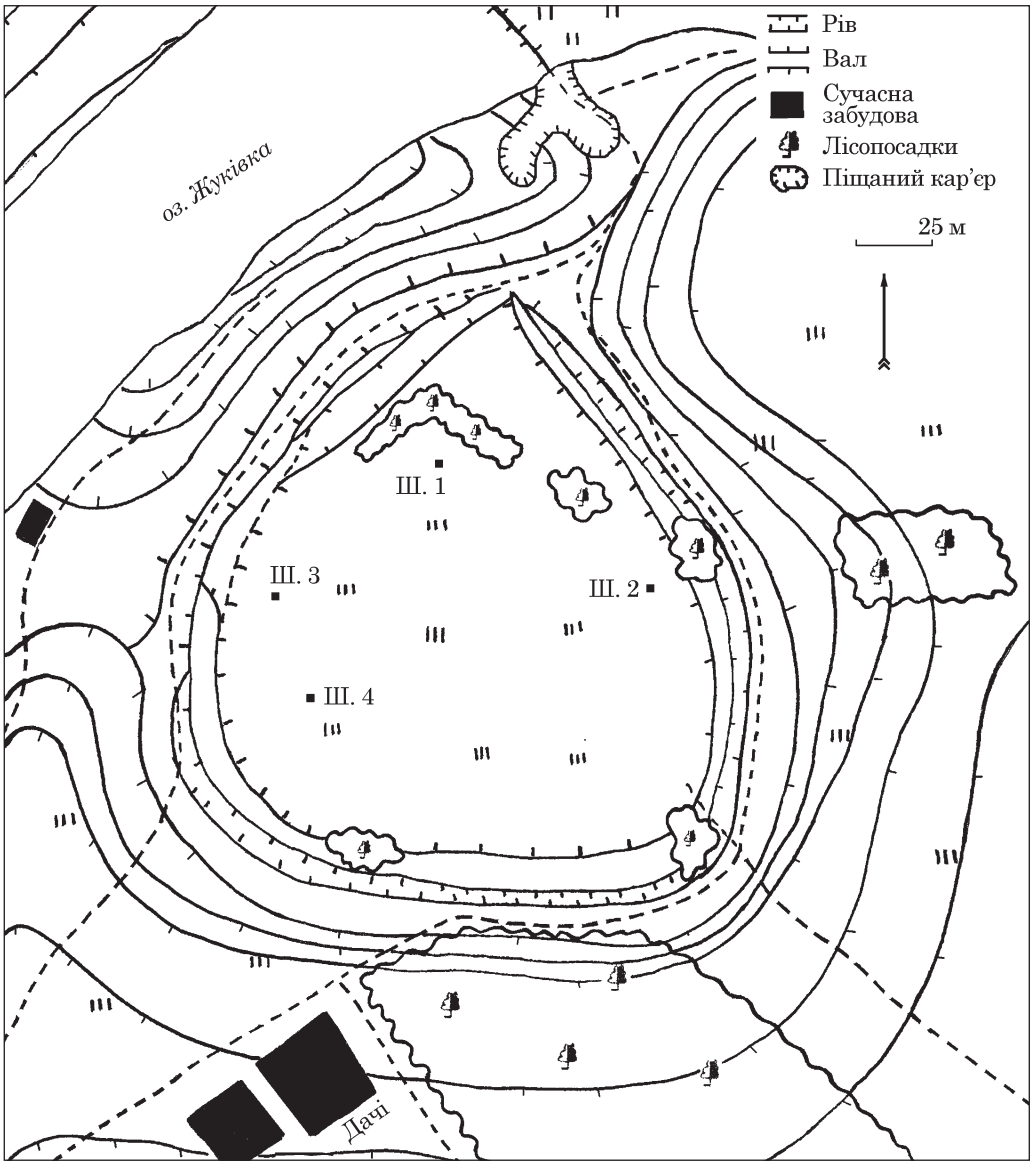


Рис. 2. План-схема Таранівського городища

Пам'ятка скіфського часу розташована на південному (правому) березі озера Жуківка (рис. 2). Зйомка плану показала, що площа внутрішнього майданчика городища складає 2,2 га. Воно займає мис підтрикутної в плані форми, що з заходу та сходу оточений ярами, північно-західна його частина виходить до озера. У північній частині мису простежується тонкий перешийок, що з'єднує його із корінним берегом (в цьому місці розрив між лінією валів та ескарпом утворює давній в'їзд на городище). Оборонні вали чітко простежуються із західної, південної та північно-східної частини укріплення. Загальна довжина валу становить 420 м. У північно-західній частині, зі сторони озера, вали візуально не простежуються, схил до озера ескарпований. Висота над рівнем поверхні озера коливається від 17 до 23 м.

На городищі закладено чотири шурфи загальною площею у 16 м^2 та зібраний підйомний матеріал (рис. 2). У північно-західному куті шурфа 3, на рівні суглинку зафіксована частина ями округлої в плані форми (рис. 3: 1). Діаметр її складав до 0,8 м, дно зафіксоване на глибині 0,6 м від сучасної денної поверхні. Яма мала чорноземне заповнення у придонній частині зафіксований затьок потужністю 0,02—0,05 м. У верхній частині ями на глибині 0,4 м знайдений фрагмент дна та дев'ятнадцять стінок від ліпного горщика, уламок кварциту (рис. 3: 2).

Шурфування встановило наявність слабконасиченого культурного шару потужністю від 0,2 до 0,4 м. Матеріали шурфування та підйомний матеріал дозволяють віднести пам'ятку до V—IV ст. до н. е., город**ище Велика Гомільша.** Займає мис підтрикутної в плані форми, що орієнтований вершиною на північний захід. Висота його над рівнем озера складає 25 м. З північної та західної сторони до мису підходять глибокі яри. Із західної сторони городища розташоване озеро, що було утворене в результаті

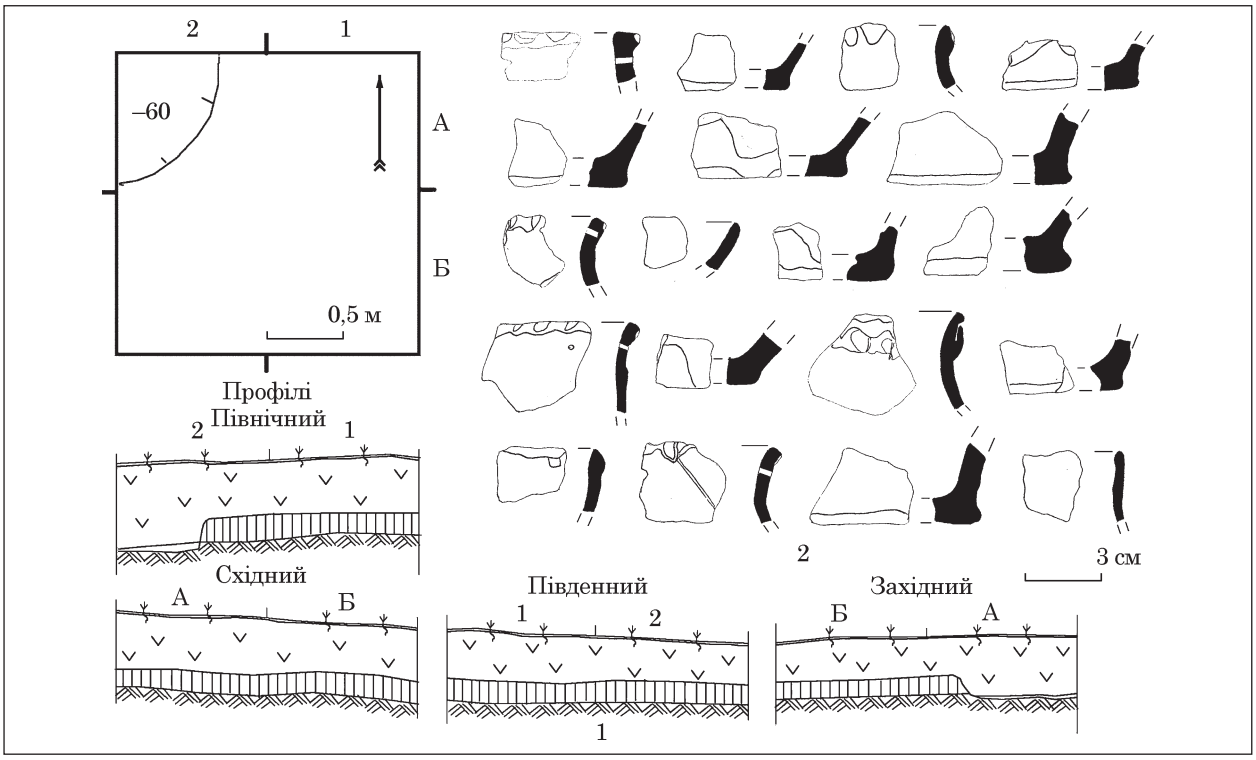


Рис. 3. Таранівське городище: 1 — план шурфу 3; 2 — фрагменти ліпного посуду

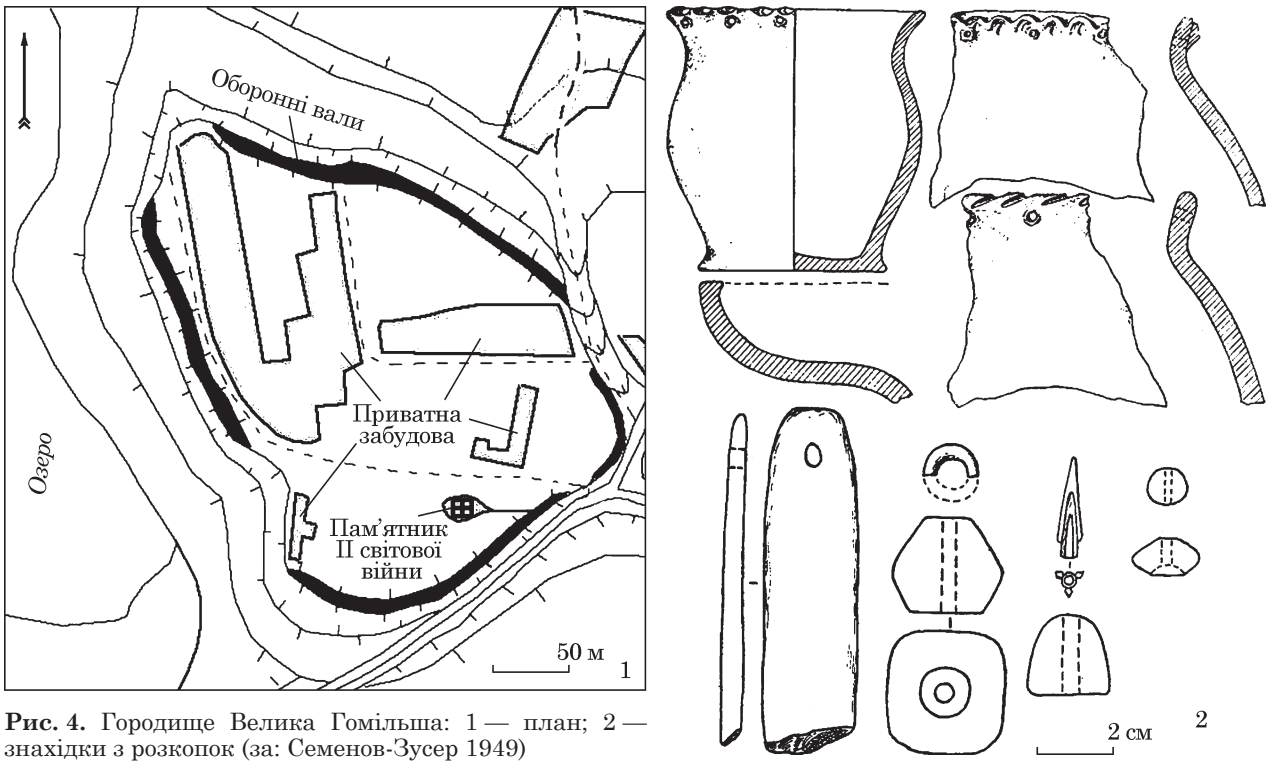


Рис. 4. Городище Велика Гомільша: 1 — план; 2 — знахідки з розкопок (за: Семенов-Зусер 1949)

будівництва дамби на невеличкій безіменній притоці р. Гомільша у 1970-х рр. (рис. 1: 1; 4).

У ході робіт 2014 р. була уточнена площа городища, що вписана у лінію укріплень, яка становить 6,2 га (7 га за даними С. А. Семенова-Зусера). Вал та рів зберігся лише на північній, західній та південній ділянках. Тут висота валів сягає 1,5—2 м при ширині до 12 м. В інших місцях вони або сильно розорані, або повністю знищені в результаті господарської діяльності місцевих жителів. Периметр городища складає 1014 м. На сьогодні культурний шар у багатьох місцях пошкоджений щільною забудовою, практично вся його територія знаходиться під приватними садибами. У південній частині пам'ятки розташований парк, на

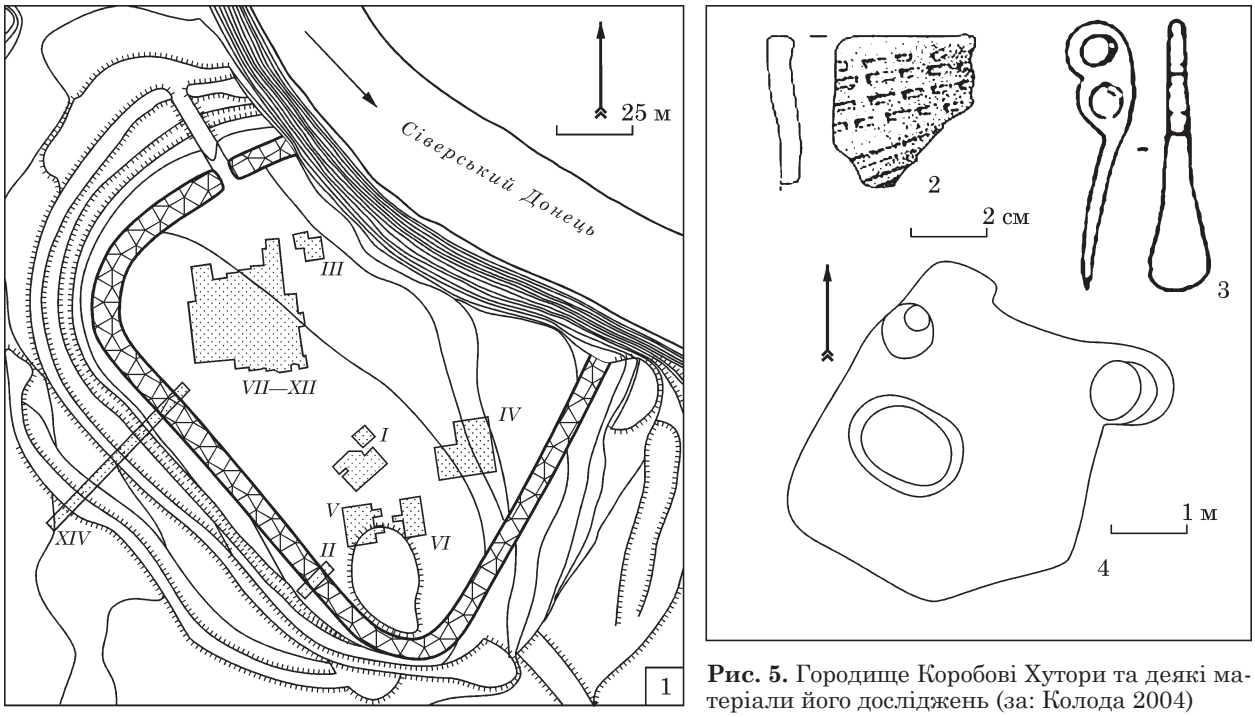


Рис. 5. Городище Коробові Хутори та деякі матеріали його досліджень (за: Колода 2004)

території якого розташовані дві великі будівлі та меморіал жертвам другої світової війни.

У 1948—1949 р. на городищі проводив розвідки та розкопки С. А. Семенов-Зусер. Два розкопа були закладені на майданчику городища, та проведено 3 перетини оборонних споруд на його західній стороні. Загальна розкрита площа склала близько 1500 м^2 (Семенов-Зусер 1949, с. 21). У перетинах оборонні споруди мали один будівельний період, матеріали знайдені в культурному шарі поселення дозволяють датувати його в межах V—IV ст. до н. е. (Гречко 2010, табл. 1), город**ище Коробові Хутори.** Розташоване між селами Коробові Хутори та Гайдари Зміївського р-ну Харківської обл. (рис. 1: 3; 5). Воно займає мис правого корінного берега р. Сіверський Донець, його площа становить 1,5 га. Вперше пам'ятка згадана у праці Д. І. Багалія (Багалей 1905, с. 35). У 1920-х рр. його опис виконав М. К. Фукс (Фукс 1931, с. 104—105). Б. А. Шрамко заклав три розкопи та здійснив перетин валу (Шрамко 1955, с. 13—20). Надалі розвідки на пам'ятці проводили І. І. Ляпушкін (Ляпушкин 1961, с. 80), С. О. Плетньова (Плетнева 1955, с. 7—10, рис. 6), Г. Є. Афанасьєв (Афанасьев 1987, рис. 64). У 1998—1999 рр. розкопки на городищі проводив В. К. Міхеєв (Михеев 1999). У 2003—2004 рр. на городищі були проведені роботи під керівництвом В. В. Колоди. Під його керівництвом здійснені додаткові дослідження оборонних споруд, та розкопи на території внутрішнього майданчика (Колода 2004).

Загальна розкрита площа на городищі становить біля 1500 м^2. Розкопки показали, що ця багатошарова пам'ятка містить знахідки городецької, скіфської, пеньківської, роменської та салтівської культур. Перші захисні споруди були зведені ще в скіфський час, та були перебудовані повторно вже в епоху середньовіччя. Залишки матеріальної культури скіфського часу зафіксовані у культурному шарі, житлових та господарчих спорудах (рис. 5: 4). Серед знахідок на городищі, слід відмітити фрагмент городецької кераміки (рис. 5: 2). До скіфського часу належать зокрема, залізний кінський наносник з двома отворами та теслоподібною лопатю (рис. 5: 3) та фрагмент амфори типу Солоха 2. Хронологічні межі існування скіфського поселення можна окреслити в межах кінця V — IV ст. до н. е. (Колода 2004; Гречко 2010, табл. 1).

Червоносівське городище. Зафіксоване у 1971 р. місцевим вчителем Строкелей між сел Стулепівка та Караван Нововодолазського р-ну Харківської обл. (рис. 1: 4; 6). У 1972 р. розвідки на ньому проводив Б. А. Шрамко (Шрамко 1973). Пам'ятка займає мис високого лівого берега р. Вільхуватки її площа становить 4,4 га. З півночі та півдня до нього підходить дві яруги, з напольної сторони городищенський мис відсікає невеличкий вал та рів. За матеріалами шурфування та підйомним матеріалом (див. далі: рис. 9: 1) городище датується серединою другою половиною VI — V ст. до н. е. (Шрамко, Задников 2003).

Усі городища даного регіону — типові мисові фортифікації. Таранівське та Великогомільшанське складаються з одного двору та захищені однією лінією укріплень по всьому периметру. Поселення Коробові Хутори де укріплення з північної та східною сторони складаються з трьох оборонних ліній, також на ньому простежені додаткові укріплення входу.

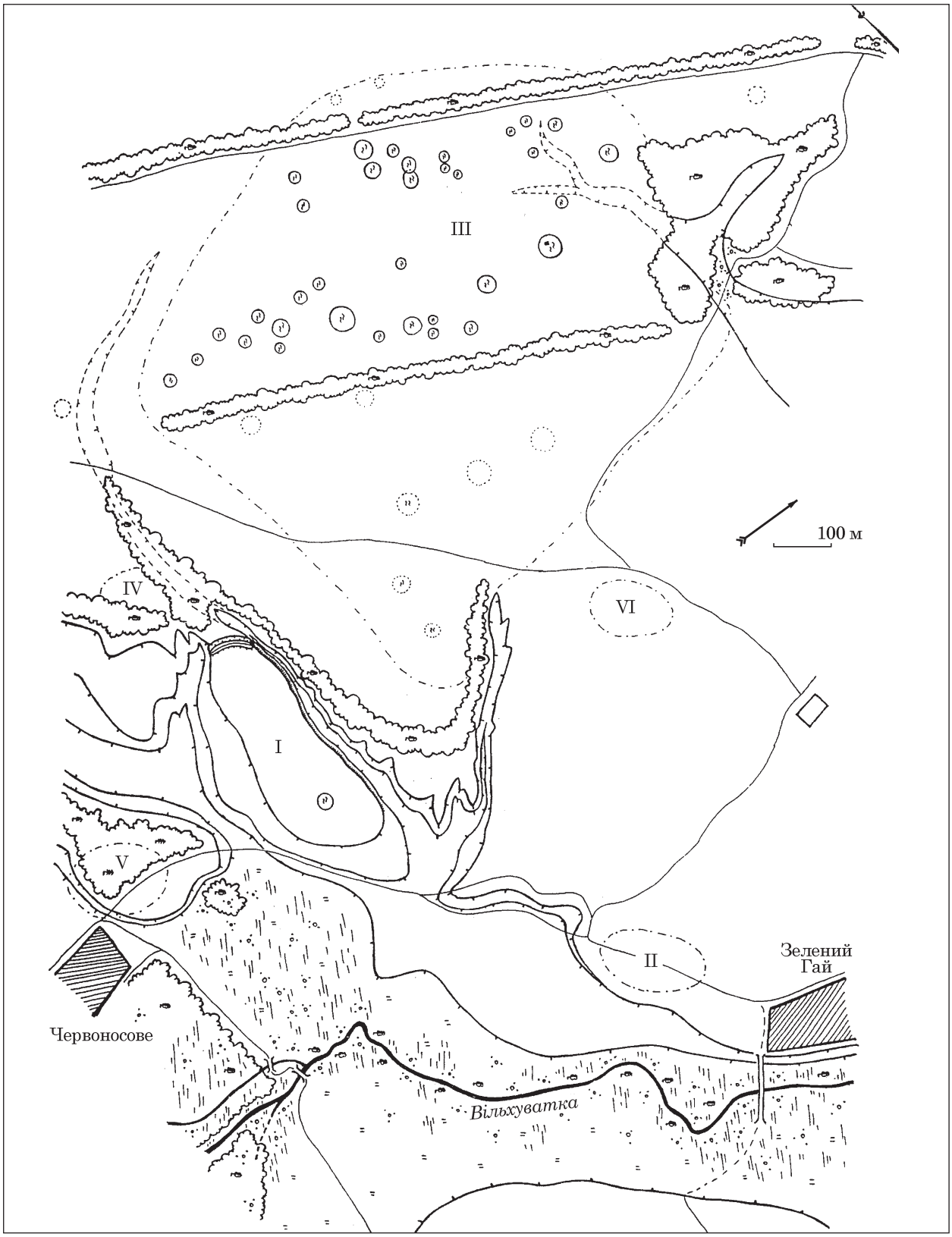


Рис. 6. Червоносівське городище та його округа (план А. О. Зорі)

Червоносівське городище має сліди оборонних споруд лише з напільної сторони (рис. 6). Таранівське, Великогомільшанське та Червоносівське укріплення оточені кущами відкритих поселень та тяжіють до Муравського Шляху. Їх віддаленість по вододілу становить 4,8—7 км. В той час, для Нововодолазьського укріплення та Коробових Хуторів ця відстань становить 13—14 км, а в околицях останнього не відомі синхронні стаціонарні поселення.

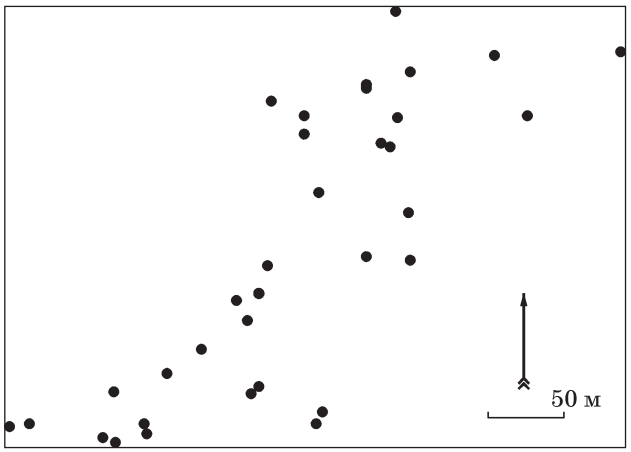


Рис. 7. Схема розташування зольників в ур. Заповітне

Більшість стаціонарних поселень розташовані, головним чином, на плато вздовж системи ярів малих правих приток р. Мжа та Сіверський Донець. Серед них можна виокремити три типи. До першого відносимо поселення з зольниками (рис. 6—8), до другого — без них, третій тип — поселення на дюнах або займають край першої надзаплавної тераси., селища першої категорії представлені 21 пунктом, п'ять з них були досліджені шляхом розкопок (Новоселівка, Завадівка, Червоносове III, Мисове I та II)., селище Новоселівка розташоване на правому корінному березі р. Вільхуватка. Воно має дві великі групи зольників (рис. 8: 2), між якими помітна хронологічна різниця (Пеляшенко 2013, с. 342). Селище широко досліджувалось, отримані в ході розкопок матеріали дозволяють датувати його в межах V—IV ст. до н. е. (Шрамко 2010, с. 376—377; Шрамко, Пеляшенко, Задніков 2011, с. 446—446; Колода 2012, с. 337—338; Окатенко, Голубєва 2012, с. 341; Пеляшенко 2012, с. 341—342; Голубєва 2013, с. 247). Дослідники відмічають, що більшість розкритих на поселенні жител належать до типу наземних, близьких до кола в плані споруд, заглиблених у материк не більше ніж 0,15—0,4 м. В середині таких будівель за поодинокими винятками не фіксуються опалювальні елементи. Загалом, на поселені вони представлені винесеними за межі приміщень відкритими вогнищами (Пеляшенко 2012, с. 342), поселення Завадівка розташоване на плато лівого берега р. Вільхуватки. Представлене 16 зольними насипами. Матеріали шурфування на зольника 6, проведеного І. Б. Шрамко (Шрамко 2001, с. 9—11) дозволяють датувати пам'ятку серединою VI — початком V ст. до н. е. (Шрамко, Задников 2003, с. 39).

На селищі Червоносове 3, що також розташоване на плато лівого берега р. Вільхуватки було зафіксовано 34 зольники (рис. 6) (Шрамко 1958,с. 17; 1998, с. 125; Шрамко, Задников, Зоря 2004, с. 28). Під час шурфування виявлено матеріали середньоскіфського часу (рис. 9: 2).

На поселенні Мисове I, розташованому у верхів'ях р. Гомільша зафіксовано 16 зольних насипів. Один з них (№ 1) був повністю досліділа В. Є. Радзієвська (Радзиевская 1975, с. 1—3). У ході розкопок зафіксовано два розвали глинобитних пічок. Отримані матеріали дозволяють датувати його кінцем VI — V ст. до н. е., синхронно поселенню Мисове II (Радзиевская 1974, с. 7—8).

У 1970 р. експедиція ХДУ ім. Горького під керівництвом В. П. Андрієнка оглянула два селища з зольниками на околиці села Верхній Бишкин. У шкільному музеї зберігалися два кинджала ранньоскіфського часу з брускоподібним навершям та ниркоподібним перехрестям, бронзові вістря стріл кінця VII — IV ст. до н. е., глиняні мініатюрні посудини та дрібна зооморфна пластика, кістяна грибоподібна застібка, оселок та обточена стінонка ліпної посудини (рис. 9: 3) (Андриенко 1970, с. 4). Не можна виключати, що знахідки клинкової зброї є випадковими та не пов'язані з поселеннями, а співвідносяться з пересуванням загонів воїнів по Муравському Шляху у ранньоскіфський час.

Планіграфічні дослідження довели, що більшість поселень із зольниками тяжіють до верхів'їв невеликих приток та розташовані на плато. Таке розташування, зумовлено зручністю ведення землеробства на ділянках вільних від лісових масивів та близькістю до джерел води.

Другий тип репрезентований 25 селищами. Більшість з них сильно пошкоджені оранкою. Дослідження на них, в основному, обмежувались лише описами та збором підйомного матеріалу. Ми не можемо впевнено казати про те, що в давні часи, в певній їх частині не було зольних насипів. Для більшості з них місце розташування ідентичне поселенням з зольниками. Виняток становить група з семи селищ, що знаходяться ближче до середньої течії річок третього порядку (Велика Гомільша 1—2, селище в ур. Вовківня, Бірочок, Верхній Бішкин 3—4 та Нововодолазьське).

Група з трьох поселень з зольниками розташована впритул до Червоносівського городища (рис. 6) (Шрамко, Задников 2003). Матеріали зібрані на їх поверхні зазвичай дають широку дату в межах VI—V ст. до н. е. (рис. 9: 2).

До третього типу відносяться поселення, що розташовані на дюнах (6 пунктів) або займають край першої надзаплавної тераси (7 пунктів), вздовж Мжі, другої Вільхуватки та Сіверського Дінця. Їх дослідження також зазвичай обмежувались виключно збором підйомного матеріалу. Пам'ятки з низькою топографією представлені окремими селищами зі слабковираженим культурним шаром, які традиційно ототожнюють з сезонними пасовиськами у плавневих

Рис. 8. Поселення з зольниками: 1 — Дементьєве; 2 — Новоселівка (плани А. О. Зорі)

луках (Шрамко 1962, с. 207; Бондар 1974, с. 11, 103). Питання про те чи пов'язані вони з господарською діяльністю рухливих скотарів (перегону), чи відображають певну сезонну діяльність осілого населення (вигону худоби або землеробства на луках) досі є не вирішеним. Їх порівняна віддаленість від основного масиву поселень та відгородженість великими водними артеріями схиляє до першої думки. Через брак інформації визначити хронологічні межі їх існування наразі не можливо. Багато дослідників традиційно зараховують подібні пам'ятки до V—IV ст. до н. е. (Гречко 2010, с. 25).

Основна маса досліджених у регіоні поховань датована V—IV ст. до н. е. Поховальні комплекси представлені курганними могильниками та впускними похованнями, що зазвичай розташовані на плато та мисах, що утворені великими водними артеріями та їх притоками. Цю групу скіфських поховань вперше виокремив Д. С. Гречко (Гречко 2010, с. 44—45; Гречко, Шелехань 2012).

У південній частині на території середньовічного городища Суха Гомільша у курган доби бронзи було впущено чотири поховання пізньоскіфського часу. Два поховання були

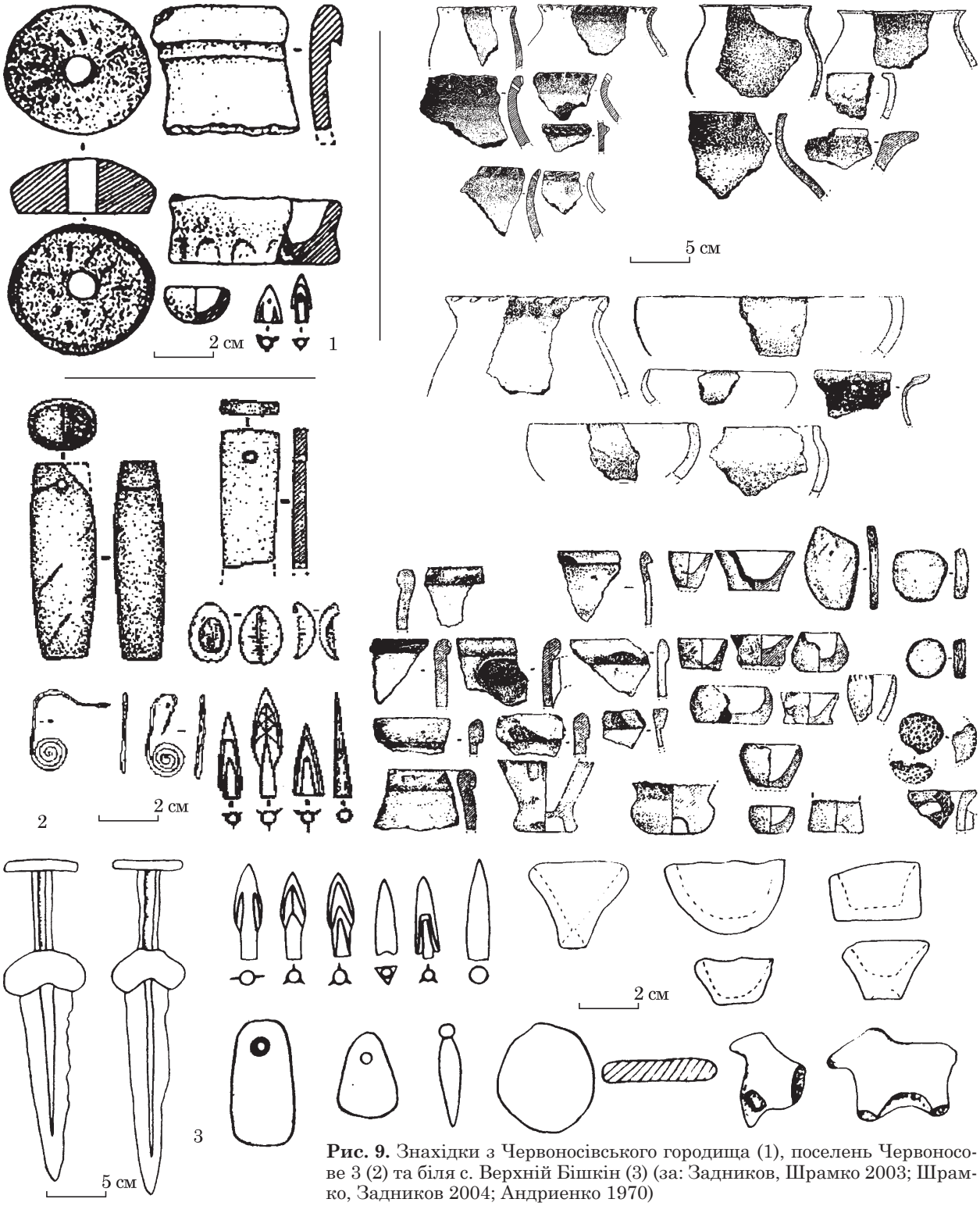


Рис. 9. Знахідки з Червоносівського городища (1), поселень Червоносове 3 (2) та біля с. Верхній Бішкін (3) (за: Задников, Шрамко 2003; Шрамко, Задников 2004; Андриенко 1970)

орієнтовані на захід, один на південь і один на північний-захід. Контури поховальних конструкцій простежити не вдалось. Речовий матеріал був представлений бронзовими вістрями стріл (Буйнов, Михеев 1988, с. 88, рис. 1).

Курганний могильник Велика Гомільша розташований в лісі у 2,5 км на схід від однойменного села. За планом Б. А. Шрамка налічує понад 700 насипів та один майдан (Шрамко, Михеев, Грубник-Буйнова 1977, с. 73). Дослідження на ньому проводили О. С. Федоровський, С. А. Семенов-Зусер та Б. А. Шрамко: досліджено 11 курганів (Гречко 2010, табл. 9). Матеріали цього некрополю дозволяють віднести час його функціонування до V—IV ст. до н. е., могильник біля с. Липкуватівка налічує не менше 46 насипів та 1 майдану, що вишикувані ланцюжком по лінії північ-південь. Один з курганів дослідив В. М. Окатенко у 2014 р. Пограбований курган містив поховання у катаком-

бі та за наявним речовим матеріалом датовано IV ст. до н. е. (Окатенко 2015). Гришківський курганний могильник дослідив Д. С. Гречко у 2006—2007 рр. під 13 насипами було простежено 18 поховань. Могильник датується в межах V—IV ст. до н. е. (Гречко, Шелехань 2012).

В дослідженому регіоні у середньоскіфський час з'являється розвинена система відкритих поселень з зольниками, які складають окремі групи, так звані кущі (рис. 1). Вони розміщались у верхів'ях дрібних притоків, серед розгалуженої системи ярів та тяжіли до території вододілу. Вибір місця був зумовлений зручним положенням для ведення землеробства у місцях вільних від лісу. У той же час виникає перше городище в регіоні — Червоносівське (рис. 6), навколо нього також сконцентрована густа мережа синхронних йому стаціонарних поселень. Городище відрізняється простотою оборонної конструкції — захищено валом та ровом лише з боку поля. У V ст. до н. е. поряд з кущами відкритих поселень виникають Таранівське та Великогомільшанське городища. Скоріш за все, всі крім Коробових Хуторів виникли середньоскіфський час. Майданчик цих городищ захищений по периметру однією лінією укріплень. У піздньоскіфський час різко скорочується чисельність поселень вздовж Муравського шляху, нові селища виникають в середніх течіях приток (Новоселівка) та в заплавах великих річкових систем. Під питанням лишається функціонування Червоносівського, Таранівського та Великогомільшанського городища у IV ст. до н. е. Наприкінці V ст. до н. е. на мису біля Сіверського Дінця виникає добре укріплене городище Коробові Хутори, а в заплаві фіксуються сліди сезонних стійбищ. Процес проходить паралельно з інфільтрацією в регіон степових номадів.

Додаток

ПОСЕЛЕНСКІ ТА ПОХОВАЛЬНІ ПАМ'ЯТКИ СКІФСЬКОГО ЧАСУ ПІВДЕННОЇ ЧАСТИНИ СІВЕРСЬКО-ДОНЕЦЬКОГО ЛІСОСТЕПУ [1]

1. Велика Гомільша, городище — V—IV ст. до н. е.
2. Таранівське, городище — V—IV ст. до н. е.
3. Коробові Хутори, городище — кінець V—IV ст. до н. е.
4. Червоносове, городище — VI—V ст. до н. е.
5. Нововодолазьське, городище — ?
6. Раздольне, могильник — ?.
7. Липкуватівка, могильник — кінець V—IV ст. до н. е.
8. Гришківка, могильник — кінець V—IV ст. до н. е.
9. Велика Гомільша, могильник — V—IV ст. до н. е.
10. Суха Гомільша, могильник — V—IV ст. до н. е.
11. ур. Заповітне, поселення з зольниками — друга половина VI—V ст. до н. е.
12. Таранівка, поселення з зольниками — друга половина VI—V ст. до н. е.
13. Гришківка, поселення з зольниками — друга половина VI—V ст. до н. е.
14. Мисове 1, поселення з зольниками — V—IV ст. до н. е.
15. Мисове 2, поселення з зольниками — V—IV ст. до н. е.
16. Пасіки 1, поселення з зольниками — друга половина VI—V ст. до н. е.
17. Пасіки 2, поселення з зольниками — друга половина VI—V ст. до н. е.
18. Пасіки 3, поселення з зольниками — друга половина VI—V ст. до н. е.
19. Козачка 1, поселення з зольниками — друга половина VI—V ст. до н. е.
20. Козачка 2, поселення з зольниками — друга половина VI—V ст. до н. е.
21. Верхній Бишкин, поселення з зольниками — VI—V ст. до н. е.
22. Верхній Бишкин 2, поселення з зольниками — VI—V ст. до н. е.
23. Завадівка 1, поселення з зольниками — друга половина VI—V ст. до н. е.
24. Завадівка 2, поселення з зольниками — друга половина VI—V ст. до н. е.
25. Рябухіно 1, поселення з зольниками — друга половина VI—V ст. до н. е.
26. Рябухіно 6, поселення з зольниками — друга половина VI—V ст. до н. е.
27. Червоносове 2, поселення з зольниками — друга половина VI—V ст. до н. е.
28. Червоносове 3, поселення з зольниками — друга половина VI—V ст. до н. е.
29. Собатівка, поселення з зольниками — друга половина VI—V ст. до н. е.
30. Бражники, поселення з зольниками — друга половина VI—V ст. до н. е.
31. Новоселівка, поселення з зольниками — V—IV ст. до н. е.
32. Задонецьке, поселення на пісчаних дюнах — V—IV ст. до н. е.
33. Черкаський Бишкин 1, поселення на пісчаних дюнах — V—IV ст. до н. е.
34. Соколове 2, поселення на пісчаних дюнах — V—IV ст. до н. е.
35. Миргороди, поселення на пісчаних дюнах — V—IV ст. до н. е.
36. Комсомольське, поселення на пісчаних дюнах — V—IV ст. до н. е.
37. Мерефа 1, поселення на пісчаних дюнах — V—IV ст. до н. е.
38. Таранівка 2, селище — друга половина VI—IV ст. до н. е.
39. Першотравневе 1, селище — друга половина VI—IV ст. до н. е.
40. Руський Бішкін, селище — друга половина VI—IV ст. до н. е.
41. Колісники, селище — друга половина VI—IV ст. до н. е.
42. Велика Гомільша 1, селище — друга половина VI—IV ст. до н. е.
43. Велика Гомільша 2, селище — друга половина VI—IV ст. до н. е.
44. Велика Гомільша ур. Вовківня, селище — друга половина VI—IV ст. до н. е.

1. У додатку інформація дана таким чином: № на карті (див. рис. 1). Назва пам'ятки, тип пам'ятки — датування.

45. Першотравневе 2, селище — друга половина VI—IV ст. до н. е.
46. Бірочок, селище — друга половина VI—IV ст. до н. е.
47. Суха Гомільша, селище — друга половина VI—IV ст. до н. е.
48. Суха Гомільша 2, селище — друга половина VI—IV ст. до н. е.
49. Безпалівка, селище — друга половина VI—IV ст. до н. е.
50. Верхній Бішкин 3, селище — друга половина VI—IV ст. до н. е.
51. Верхній Бішкин 4, селище — друга половина VI—IV ст. до н. е.
52. Рябухіно 2, селище — друга половина VI—IV ст. до н. е.
53. Рябухіно 3, селище — друга половина VI—IV ст. до н. е.
54. Рябухіно 4, селище — друга половина VI—IV ст. до н. е.
55. Рябухіно 5, селище — друга половина VI—IV ст. до н. е.
56. Червоносове 4, селище — друга половина VI—IV ст. до н. е.
57. Червоносове 5, селище — друга половина VI—IV ст. до н. е.
58. Червоносове 6, селище — друга половина VI—IV ст. до н. е.
59. Стулепівка, селище — друга половина VI—IV ст. до н. е.
60. Сосонівка, селище — друга половина VI—IV ст. до н. е.
61. Яротівка, селище — друга половина VI—IV ст. до н. е.
62. Нововодолазьське, селище — друга половина VI—IV ст. до н. е.
63. Черкасський Бішкин 2, селище на краю борової тераси — V—IV ст. до н. е.
64. Лиман 3, селище на краю тераси — V—IV ст. до н. е.
65. Лиман оз.Чайка, селище на краю тераси — V—IV ст. до н. е.
66. Мерефа 3, селище на краю тераси — V—IV ст. до н. е.
67. Борки 2, селище на краю тераси — V—IV ст. до н. е.
68. Борки 3, селище на краю тераси — V—IV ст. до н. е.
69. Сердюкове 2, селище на лівому березі Сіверського Дінця — V—IV ст. до н. е.
70. Дементʼєве, поселення з зольниками — друга половина VI—V ст. до н. е.

ЛІТЕРАТУРА

Андриенко, В. П. 1970. *Отчет о раскопках и разведках на территории харьковской и Полтавской областей в 1970 г.* Науковий архів ІА НАНУ, 1970/77.

Афанасьев, Г. Е. 1987. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X веках (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). *Археологические открытия на новостройках*, 2, с. 88-132.

Багалей, Д. И. 1905. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии. *Труды XII археологического съезда*, I, с. 1-92.

Бандуровский, А. В., Буйнов, Ю. В. 2000. *Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант).* Киев: ІА НАНУ.

Бондар, Н. Н. 1974. *Поселения среднего Поднепровья ранней бронзы.* Київ: Наукова думка.

Буйнов, Ю. В. 1976. *Отчёт предскифского отряда скифо-славянской экспедиции ХГУ о разведках и раскопках в 1976.* Науковий архів ІА НАНУ, 1976/111.

Буйнов, Ю. В., Михеев, В. К. 1989. Курган срубной культуры у с. Сухая Гомольша на Харьковщине. *Вестник харьковского университета*, 343: история, 23, с. 87-95.

Голубева, І. В. 2013. Охоронні Дослідження поселення скіфського часу біля с. Новоселівка Нововодолажського р-ну. *Археологічні дослідження в Україні 2012 р.*, с. 247.

Граков, Б. Н. 1971. *Скифы.* Москва: МГУ.

Гречко, Д. С., Шелехань, А. В. 2012. *Гришковский могильник скифов на Харьковщине.* Киев: ИА НАНУ.

Гречко, Д. С. 2010. *Населення скіфського часу на Сіверському Дінці.* Київ: ІА НАНУ.

Дараган, М. Н. 2017. Городища-гиганты скифской эпохи в Украинской Лесостепи (особенности расположения и фортификации). Вводные замечания. *Археология и геоинформатика*, 8, с. 2-101.

Задников, С. А., Шрамко, И. Б. 2003. Памятники скифского времени в бассейне реки Ольховатка. *Проблеми історії та археології України*, с. 37-40.

Колода, В. В. 1987. *Археологические разведки в басейне верхнего течения Северского Донца.* Науковий архів ІА НАНУ, 1987/100.

Колода, В. В. 1990. *Археологические разведки в басейне верхнего течения Северского Донца и Оскола.* Науковий архів ІА НАНУ, 1990/226.

Колода, В. В. 2004. Работы 2003 г. на городище Коробовы Хутора и в его округе. *Археологічні відкриття в Україні 2002—2003 рр.*, 6, с. 167-169.

Колода, В. В. 2012 Дослідження зольників 3—5 на скіфському селищі Новоселівка в Харківській обл. *Археологічні дослідження в Україні 2012 р.*, с. 337-338.

Крыганов, А. В. 1996. Археологические разведки на Харьковщине в 1995—1996 годах. *Археологічні дослідження в Україні 1994—1996 рр*, с. 59-61.

Крютченко, А. А. 2016. Перекопский вал на харьковщине. *Археологія і давня історія України*, 2 (23): Старожитності раннього залізного віку, с. 292-298.

Крютченко, О. О. 2018. Розвідки на території Зміївського району Харківської області. *Археологічні дослідження в Україні 2016 р.*, с. 249-251.

Левицкий, И. Ф. 1948. *Археологические исследования в Харьковской области 1948 г. (сообщение).* Науковий архів ІА НАНУ, 1948/17.

Ляпушкин, И. И. 1961. *Днепровское Лесостепное Левобережье в эпоху железа.* Москва: Наука. Материалы и исследования по археологии СССР, 104.

Михеев, В. К. 2001. *Отчёт о раскопках Средневековой археологической экспедиции Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина за 1999 г.* Науковий архів ІА НАНУ, 1999/96.

Михеев, В. К. 1998. *Отчёт о работе Средневековой экспедиции Харьковского государственного университета в 1998 г.* Науковий архів ІА НАНУ, 1998/80.

Мозолевский, Б. Н. 1973. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, с. 208-234.

Моруженко, А. А. 1969. *Городища лесостепной Скифии (история строительства оборонительных сооружений, жилищ и хозяйственных построек в*

VII—III вв. до н. э.). Автореферат диссертации … канд. ист. наук. Харьков.

Окатенко, В. М. 2015. Дослідження скіфського кургану біля с. Липкуватівка на Харківщині. *Археологічні дослідження в Україні 2014 р.*, с. 235-236.

Окатенко, В. М., Голубєва, І. В. 2012. Дослідження зольника на поселенні Новоселівка. *Археологічні дослідження в Україні 2012 р.*, с. 341.

Пеляшенко, К. Ю. 2012. Дослідження поселення скіфського часу Новоселівка. *Археологічні дослідження в Україні 2011 р.*, с. 341-342.

Плетнёва, С. А. 1955. *Отчёт о работе Северо-Донецкого отряда Таманскоё экспедиции летом 1955 г.* Науковий архів ІА НАНУ, 1955/16.

Радзиевская, В. Е. 1974. *Отчет о работе северскодонецкого отряда археологической экспедиции Харьковской областной организации охраны памятников истории и культуры и Харьковского дворца пионеров и школьников им. П. П. Постышева в 1974 году.* Науковий архів ІА НАНУ, 1974/67.

Ревенко, В. И. 1999. *Отчет о разведках в Купянском и Нововодолажском районах Харьковской области в 1999 году*. Науковий архів ІА НАНУ, 1999/62.

Рудаков, В. Е. 1890—1907. Муравский шлях. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т.*

Семенов-Зусер, С. А. 1949. *Археологические раскопки на территории с. Большая Гомольша в 1949 году*. Науковий архів ІА НАНУ, 1949/40.

Фукс, М. 1931. Про городища скитської доби на Харківщині. *Записки ВУАК*, 1, с. 85-124.

Шрамко, Б. А. 1955. *Археологические исследования Харьковского государственного университета им. А. М. Горького в Харьковской и Полтавской областях в 1954 г.* Науковий архів ІА НАНУ, 1954/14.

Шрамко, Б. А. 1955. *Предварительные сообщения о разведках и раскопках Северо-Донецкой археологической экспедиции в 1955 году*. Науковий архів ІА НАНУ, 1955/34.

Шрамко, Б. А. 1957. *Отчет о разведках и раскопках археологической экспедиции ХГУ в 1957 году*. Науковий архів ІА НАНУ, 1957/16а.

Шрамко, Б. А. 1958. *Отчет о разведках и раскопках археологической экспедиции ХГУ в 1958 году*. Науковий архів ІА НАНУ, 1958/31.

Шрамко, Б. А. 1962. *Древности Северского Донца.* Харьков: ХГУ.

Шрамко, Б. А. 1972. *Отчет о работах скифославянской археологической экспедиции Харьковского университета в 1972 году*. Науковий архів ІА НАНУ, 1972/61а.

Шрамко, Б. А. 1975. Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон. В: Тереножкин, А. И. (ред). *Скифский мир*. Киев: Наукова думка, с. 94-132.

Шрамко, Б. А. 1998. Люботинское городище. В: Буйнов, Ю. В. (ред.). *Люботинское городище*, Харьков, с. 9-131.

Шрамко, Б. А., Михеев, В. К., Грубник-Буйнова, Л. П. 1997. *Справочник по археологии Украины. Харьковская область.* Киев: Наукова думка.

Шрамко, И. Б. 2003. Исследование округи Люботинского городища. *Археологічний літопис Лівобережної України*, 2/2002, 1/2003, с. 102-108.

Шрамко, И. Б. 2001. *Отчет об археологических разведках на территории Нововодолажского и Валковского р-ов Харьковской обл. в 2001*. Науковий архів ІА НАНУ, 2001/54.

Шрамко, И. Б. 2010. Охранные исследования поселения скифского времени у с. Новоселовка. *Археологічні дослідження в Україні 2009 р.*, с. 376-377.

Шрамко, И. Б., Задников, С. А., Зоря, А. О. 2004. Селище скифского времени у с. Червоносово. *Древности 2004*, с. 27-32.

Шрамко, И. Б., Пеляшенко, К. Ю., Задников, С. А. 2011. Охранные раскопки поселения скифского времени у с. Новоселовка. *Археологічні дослідження в Україні 2011 р.*, с. 446.

REFERENCES

Andrienko, V. P. 1970. *Otchet o raskopkah i razvedkah na territorii harkovskoy i Poltavskoy oblastey v 1970 g.* Naukoviy arhiv IA NANU, 1970/77.

Afanasev, G. E. 1987. Naselenie lesostepnoy zonyi basseyna Srednego Dona v VIII—X vekah (alanskiy variant saltovo-mayatskoy kulturyi). *Arheologicheskie otkryitiya na novostroykah*, 2, s. 88-132.

Bagaley, D. I. 1905. Ob'yasnitelnyiy tekst k arheologicheskoy karte Harkovskoy gubernii. *Trudyi XII arheologicheskogo s'ezda*, I, s. 1-92.

Bandurovskiy, A. V., Buynov, Yu. V. 2000. *Kurganyi skifskogo vremeni (severskodonetskiy variant).* Kiev: IA NANU.

Bondar, N. N. 1974. *Poseleniya srednego Podneprovya ranney bronzyi.* Kiev: Naukova dumka.

Buynov, Yu. V. 1976. *OtchYot predskifskogo otryada skifoslavyanskoy ekspeditsii HGU o razvedkah i raskopkah v 1976.* Naukoviy arhiv IA NANU, 1976/111.

Buynov, Yu. V., Miheev, V. K. 1989. Kurgan srubnoy kulturyi u s. Suhaya Gomolsha na Harkovschine. *Vestnik Harkovskogo universiteta*, 343: istoriya, 23, s. 87-95.

Golubeva, I. V. 2013. Ohoronni doslidzhennya poselennya skifskogo chasu bilya s. Novoselivka Novovodolazhskogo r-nu. *Arheologichni doslidzhennja v Ukrayini 2012 r.*, s. 247.

Grakov, B. N. 1971. *Skifyi.* Moskva: MGU.

Grechko, D. S., Shelehan, A. V. 2012. *Grishkovskiy mogilnik skifov na Harkovschine.* Kiev: IA NANU.

Grechko, D. S. 2010. *Naselennya skifskogo chasu na Siverskomu Dintsi.* Kyiv: IA NANU.

Daragan, M. N. 2017. Gorodischa-gigantyi skifskoy epohi v Ukrainskoy Lesostepi (osobennosti raspolozheniya i fortifikatsii). Vvodnyie zamechaniya. *Arheologiya i geoinformatika*, 8, s. 2-101.

Zadnikov, S. A., Shramko, I. B. 2003. Pamyatniki skifskogo vremeni v basseyne reki Olhovatka. *Problemi istoriyi ta arheologiyi Ukrayini*, s. 37-40.

Koloda, V. V. 1987. *Arheologicheskie razvedki v baseyne verhnego techeniya Severskogo Dontsa.* Naukoviy arhiv IA NANU, 1987/100.

Koloda, V. V. 1990. *Arheologicheskie razvedki v baseyne verhnego techeniya Severskogo Dontsa i Oskola.* Naukoviy arhiv IA NANU, 1990/226.

Koloda, V. V. 2004. Rabotyi 2003 g. na gorodische Korobovyi Hutora i v ego okruge. *Arheologichni vidkrittya v Ukrayini 2002—2003 rr.*, s. 167-169.

Koloda, V. V. 2012. Doslidzhennya zolnikiv 3—5 na skifskomu selischi Novoselivka v Harkivskiy obl. *Arheologichni doslidzhennja v Ukrayini 2012 r.*, s. 337-338.

Kryiganov, A. V. 1996. Arheologicheskie razvedki na Harkovschine v 1995—1996 godah. *Arheologichni doslidzhennya v Ukrayini 1994—1996 rokiv*, s. 59-61.

Kryutchenko, A. A. 2016. *Perekopskiy val na harkovschine. Arheologiya i davnya istoriya Ukrayiny*, 2 (23): Starozhitnosti rannogo zaliznogo viku, s. 292-298.

Kryutchenko, O. O. 2018. Rozvidki na teritoriyi Zmijivskogo rayonu Harkivskoji oblasti. *Arheologichni doslidzhennja v Ukrayini 2016 r.*, s. 249-251.

Levitskiy, I. F. 1948. *Arheologicheskie issledovaniya v Harkovskoy oblasti 1948 g. (soobschenie).* Naukoviy arhiv IA NANU, 1948/17.

Lyapushkin, I. I. 1961. *Dneprovskoe Lesostepnoe Levoberezhe v epohu zheleza.* Moskva: Nauka. Materialyi i issledovaniya po arheologii SSSR, 104.

Miheev, V. K. 2001. *Otchyot o raskopkah Srednevekovoy arheologicheskoy ekspeditsii Harkovskogo natsionalnogo universiteta im. V. N. Karazina za 1999 g.* Naukoviy arhiv IA NANU, 1999/96.

Miheev, V. K. 1998. *Otchyot o rabote Srednevekovoy ekspeditsii Harkovskogo gosudarstvennogo universiteta v 1998 g.* Naukoviy arhiv IA NANU, 1998/80.

Mozolevskiy, B. N. 1973. Skifskie pogrebeniya u s. Nagornoe bliz g. Ordzhonikidze na Dnepropetrovschine. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskie drevnosti*. Kiev: Naukova dumka, s. 208-234.

Moruzhenko, A. A. 1969. *Gorodischa lesostepnoy Skifii (istoriya stroitelstva oboronitelnyih sooruzheniy, zhilisch i hozyaystvennyih postroek v VII—III vv. do n. e.).* Avtoreferat disertatsiyi … kand. ist. nauk. Harkov.

Okatenko, V. M. 2015. Doslidzhennya skifskogo kurganu bilya s. Lipkuvativka na HarkIvschini. *Arheologichni doslidzhennya v Ukrayini 2014 r.*, s. 235-236.

Okatenko, V. M., Golubeva, I. V. 2012. DosiIdzhennya zolnika na poselenni Novoselivka. *Arheologichni doslidzhennya v Ukrayini 2012 r.*, s. 341.

Pelyashenko, K. Yu. 2012. Doslidzhennya poselennya skifskogo chasu Novoselivka. *Arheologichni doslidzhennya v Ukrayini 2011 r.*, s. 341-342.

Pletnyova, S. A. 1955. *Otchyot o rabote Severo-Donetskogo otryada Tamanskoyo ekspeditsii letom 1955 g.* Naukoviy arhiv IA NANU, 1955/16.

Radzievskaya, V. E. 1974. *Otchet o rabote severskodonetskogo otryada arheologicheskoy ekspeditsii Harkovskoy oblastnoy organizatsii ohranyi pamyatnikov istorii i kulturyi i Harkovskogo dvortsa pionerov i shkolnikov im. P. P. Postyisheva v 1974 godu.* Naukoviy arhiv IA NANU, 1974/67.

Revenko, V. I. 1999. *Otchet o razvedkah v Kupyanskom i Novovodolazhskom rayonah Harkovskoy oblasti v 1999 godu.* Naukoviy arhiv IA NANU, 1999/62.

Rudakov, V. E. 1890—1907. Muravskiy shlyah. *Entsiklopedicheskiy slovar Brokgauza i Efrona*: v 86 t.

Semenov-Zuser, S. A. 1949. *Arheologicheskie raskopki na territorii s. Bolshaya Gomolsha v 1949 godu.* Naukoviy arhiv IA NANU. 1949/40.

Fuks, M. 1931. Pro gorodischa skitskoYi dobi na HarkIvschinI. *Zapiski VUAK*, 1, s. 85-124.

Shramko, B. A. 1955. *Arheologicheskie issledovaniya Harkovskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. M. Gorkogo v Harkovskoy i Poltavskoy oblastyah v 1954 g.* Naukoviy arhiv IA NANU, 1954/14.

Shramko, B. A. 1955. *Predvaritelnyie soobscheniya o razvedkah i raskopkah Severo-Donetskoy arheologicheskoy ekspeditsii v 1955 godu.* Naukoviy arhiv IA NANU, 1955/34.

Shramko, B. A. 1957. *Otchet o razvedkah i raskopkah arheologicheskoy ekspeditsii HGU v 1957 godu.* Naukoviy arhiv IA NANU, 1957/16a.

Shramko, B. A. 1958. *Otchet o razvedkah i raskopkah arheologicheskoy ekspeditsii HGU v 1958 godu.* Naukoviy arhiv IA NANU, 1958/31.

Shramko, B. A. 1962. *Drevnosti Severskogo Dontsa.* Harkov: HGU.

Shramko, B. A. 1972. *Otchet o rabotah skifo-slavyanskoy arheologicheskoy ekspeditsii Harkovskogo universiteta v 1972 godu*. Naukoviy arhiv IA NANU, 1972/61a.

Shramko, B. A. 1975. Krepost skifskoy epohi u s. Belsk — gorod Gelon. In: Terenozkin, A. I. (ed.). *Skifskiy mir*. Kiev: Naukova dumka, s. 94-132.

Shramko, B. A. 1998. *Lyubotinskoe gorodische.* Harkov: Region-Inform.

Shramko, B. A., Miheev, V. K., Grubnik-Buynova, L. P. 1997. *Spravochnik po arheologii Ukrainyi. Harkovskaya oblast.* Kiev: Naukova dumka.

Shramko, I. B. 2003. Issledovanie okrugi Lyubotinskogo gorodischa. *Arheologichniy litopis Livoberezhnoyi Ukrayini*, 2/2002, 1/2003, s. 102-108.

Shramko, I. B. 2001. *Otchet ob arheologicheskih razvedkah na territorii Novovodolazhskogo i Valkovskogo r-ov Harkovskoy obl. v 2001.* Naukoviy arhiv IA NANU, 2001/54.

Shramko, I. B. 2010. Ohrannyie issledovaniya poseleniya skifskogo vremeni u s. Novoselovka. *Arheologichni doslidzhennya v Ukrayini 2009 r.*, s. 376-377.

Shramko, I. B., Zadnikov, S. A., Zorya, A. O. 2004. Selische skifskogo vremeni u s. Chervonosovo. *Drevnosti 2004*, s. 27-32.

Shramko, I. B., Pelyashenko, K. Yu., Zadnikov, S. A. 2011. Ohrannyie raskopki poseleniya skifskogo vremeni u s. Novoselovka. *Arheologichni doslidzhennya v Ukrayini 2011 r.*, s. 446-446.

O. O. Kriutchenko

ON THE BORDER OF THE STEPPE. THE SOUTHERN HILLFORT GROUP OF THE SCYTHIAN TIME OF THE DNIPRO-DONETSK FOREST-STEPPE

The structure of the fortified settlements enlargemented on the territory of the Dnipro-Don forest-steppe, starting from the middle-second half of the VI century BC. According to the results of the investigation of the Bilsk hillfort, the Perekipsky shaft in the Kharkiv region and settlements along the Muravsky path, we suggest that the functions of these fortifications were much wider than the protection of the inhabitants of the surrounding settlements. In this article we summarize the results of the investigation of the settlement group and burial fields that are located on the border of the steppe.

A developed system of the open settlements with ashes, which formed the separate groups, so-called bushes, appeared in this region in the Middle Scythian period. That were located in the upper reaches of small tides, among the ramified system of ravines near the watershed. The choice of that place was due to the convenient location for farming, in places free from the forest. At the same time there appered the first hillfort in the region — Chervonosivske.

A synchronous and concentrated system of stationary settlements were located around this hillfort. The hillfort had the simple defensive structure (protected by a shaft and a moat from the one side of the field). The Taranivske and Velykohomilshansky hillforts with the bushes of the open settlements appered in the V century BC. Likely, all settlements, except Korobovy Khutory were built in the Middle Scythian time. The site of these ancient settlements is protected along the perimeter with one line of fortifications. The number of settlements along the Muravsky path drastically decreased, in the Late Scythian time. The new settlements appered in the middle flows of tributaries (Novoselivka) and in floodplains of large river systems. As an question — the functioning of Chervonosovsky, Taranivsky and Velykohomilshansky hillforts in the IV century BC. The well-fortified hillfort Korobovy Khutory appeared in the final of V century BC. on the cape near the Siversky Donets.The traces of seasonal stands are recorded in the floodplain. The process proceeds in parallel with the infiltration in the steppe nomads in this region.

Keywords: the Siversky Donets group of monuments, Scythian time, hillforts, settlements, burial fields, the settlement structure.

Одержано 28.02.2018

КРЮТЧЕНКО Олексій Олександрович, аспірант Інституту археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *Spg9m@ukr.net*.

KRIUTCHENKO Oleksij O., graduate student, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *Spg9m@ukr.net*.

УДК: [904.4:725.182](477.53)"6383"

И. Б. Шрамко, И. И. Корост, С. А. Задников

ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ВОСТОЧНОГО УКРЕПЛЕНИЯ БЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

В статье обобщены все основные материалы по изучению оборонительных сооружений Восточного укрепления Бельского городища, подведены итоги многолетних исследований, намечены направления в дальнейшем изучении, охране и музеефикации памятника.

***Ключевые слова**: Днепровское лесостепное Левобережье, ранний железный век, скифская эпоха, Бельское городище, Восточное укрепление, оборонительный вал, VI в. до н. э.*

Бельское городище — уникальный археологический комплекс скифской эпохи, занимающий площадь около 5 тыс. га на территории современной Полтавской и Сумской областей Украины. Расположенное на высоком водораздельном плато между реками Ворскла и Сухая Грунь (рис. 1), поселение возникло во второй половине VIII — начале VII в. до н. э. Этот период связан с новым этапом освоения железа в Днепровском лесостепном Левобережье (Шрамко, Буйнов 2012). Среди целой сети открытых селищ, почти одновременно основанных в бассейне среднего течения Ворсклы и Псла переселенцами с правого берега Днепра, лишь в районе с. Бельск, со временем, в месте пересечения нескольких важных сухопутных и речных торговых путей (Шрамко 1987, с. 121—126) образовался крупный ремесленный, торговый, административный, а также важный стратегический центр лесостепной Скифии (Більське... 2016).

В истории Бельского городища в настоящее время нами выделено **пять основных периодов**, связанных с разными этапами развития поселения (Шрамко 2004, с. 103—106; 2006, с. 33—56; 2010, с. 38). Основываясь на результатах работ предшественников и новых разведочных данных, полученных коллегами-археологами и сотрудниками ИКЗ «Бельск», а также материалах раскопок последних трех десятилетий, мы видим неравномерность заселения памятника в различные хронологические периоды, развитую поселенческую округу, огромные могильники, постепенно разраставшиеся на протяжении нескольких столетий.

Территория городища и прилегающей к нему округи заселялась неравномерно. Довольно длителен период (вторая половина VIII — первая половина VI в. до н. э.) существования нескольких открытых поселений, расположившихся на склонах правого пологого берега р. Сухая Грунь и по краям водораздельного плато (Шрамко 2006, с. 34; Шрамко, Задников 2014, с. 29—34; Шапорда 2017, с. 218—219).

Потребность в ограничении части освоенной территории земляными валами возникла не сразу. Около двух столетий местные жители не испытывали в них необходимости. Это был ранний период развития поселения, охватывающий временной промежуток около 1,5—2 столетий (горизонты А—В), когда на открытых пространствах вдоль р. Сухая Грунь проживало население с близкими культурными традициями.

Вероятно, в середине — третьей четверти VI в. до н. э. начинает меняться поселенческий облик микрорегиона. В четырех с половиной километрах к востоку, на краю высокого плато правого берега р. Ворскла возникает еще одно (восточное) поселение. Наиболее стратегически важные к тому времени территории на западе и востоке плато ограждаются отдельными земляными валами и рвами с возведенными на них деревянными стенами. Ориентировочно не

© И. Б. ШРАМКО, И. И. КОРОСТ, С. А. ЗАДНИКОВ, 2018

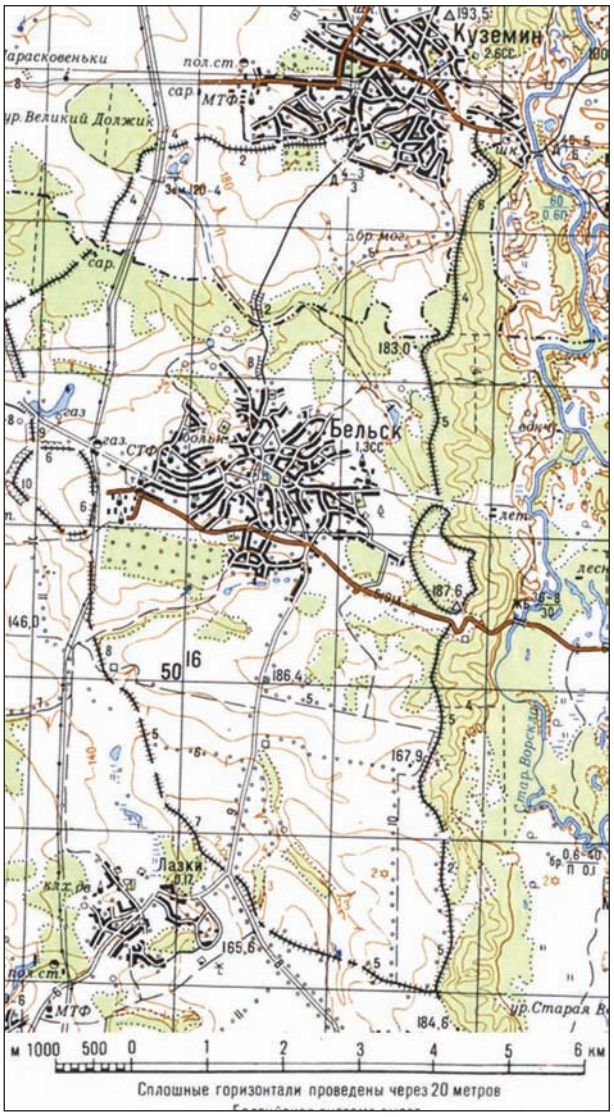


Рис. 1. Карта расположения Бельского городища (М-36-70)

менее ста лет, с середины VI до середины V в. до н. э., Западное и Восточное укрепления развиваются параллельно (Шрамко 2010, с. 38). Для более позднего периода археологические объекты и культурные отложения хорошо выражены лишь на Восточном укреплении. Для Западного мы пока можем говорить лишь об отдельных предметах V—IV вв. до н. э., найденных в верхнем, распаханном слое поселения или на уровне современной дневной поверхности.

Возведение довольно протяженного (около 35 км) вала, примыкающего ко рвам Западного и Восточного укреплений, свидетельствует, на наш взгляд, не только об ограничении им общей внутренней, подконтрольной территории, но и придании городищу статуса лидера среди поселений региона (Шрамко 2012, с. 37; Бойко 2017, с. 106—109). На отдельных участках прослежены следы досыпки вала и чистки рва, ямы для опорных деревянных столбов крепостной стены (Шрамко, Шрамко 1991, с. 44—49).

Целая сеть открытых поселений разных хронологических периодов зафиксирована в результате новых разведок в ближайшей округе городища и в пределах Большого укрепления (Шерстюк 2017, с. 293; Задников, Шрамко 2017, с. 247, 251; Ромашко 2017, с. 239; Шапорда 2017, с. 179—221; Скорый 2017, с. 153—178 и др.). Практически все хронологические периоды представлены и в некрополях городища (Городцов 1911, с. 127—143; Шрамко 1994, с. 102—126; 1994а, с. 117—133; Супруненко 1996, с. 88—120; Кулатова, Супруненко 2010; Махортых 2013, с. 223—256; Шрамко, Задніков 2014, с. 34—44; 2017, 9—20 и др.), что доказывает целостность единого археологического комплекса. Однако одних лишь разведочных данных недостаточно для того, чтобы проанализировать особенности жизни на отдельных поселениях округи и установить временные рамки их существования.

Восточное укрепление — одна из важнейших составных частей в общей структуре поселения, ключевая в понимании формирования оборонительной системы городища. Оно имеет хорошо выраженную оборонительную систему, в результате изучения которой сложилась своя историография. Виды основных исследований и данные промеров оборонительных укреплений на Восточном городище отражены в табл. 1—2.

ТОПОГРАФИЯ И ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ

Восточное укрепление расположено в урочище Попова Лука, на краю водораздельного плато, охватывает площадь трех выступающих мысов, ограниченных довольно крутыми склонами правого берега (высота от подошвы около 50 м) р. Ворскла, которые все же вполне могли быть преодолены противником (Шрамко 1973, с. 84). В связи с этим, по точному наблюдению Б. А. Шрамко, «вал и ров Восточного укрепления кольцевые, то есть они защищают поселение не только с наиболее уязвимой — напольной — стороны, но и со стороны реки» (Шрамко 1973, с. 84). Тем не менее, три выступающих мыса «создают определенную возможность для флангового обстрела противника» (Шрамко 1969, с. 18). Несомненно, линия обороны создавалась с учетом формы рельефа, крутизны его склонов, глубины оврагов, которые служили «опорним каркасом при виборі місць створення оборонних рубежів» (Кушнір, Кушнір 1999, с. 112). В расчет принимали и возможный доступ к источникам воды.

Высшая отметка в рельефе — 189,6 м в южной части поселения, с небольшим уклоном к северу и северо-востоку, где установлена отметка 164,7 м (рис. 2). Основные высотные показатели значений в рельефе для Восточного укрепления намного выше остальных частей Бельского археологического комплекса (Кушнір, Кушнір 1999, с. 112, табл. 2).

Таблица 1. Виды исследований оборонительных сооружений Восточного укрепления

Год	Исследователь	Работы	Литература
1784	О. Ф. Шафонский	Осмотр территории?	Шафонский 1851, с. 653—656
1857	Филарет (Д. Г. Гумилевский)	Описание	Филарет (Гумилевский) 1857, с. 96
1873	Д. Я. Самоквасов	Информация собранная по инициативе Д. Я. Самоквасова	Макаренко 1917, с. 9
1895	А. А. Бобринской	Описание	Бобринской 1897, с. 127
1905	В. Г. Ляскоронский	Осмотр территории	Ляскоронский 1907, с. 175—177
1905	Л. В. Падалка	Описание по Шафонскому	Падалка 1905, с. 174
1906	В. А. Городцов	Осмотр, описание, сделал два профиля валов	Городцов 1911, с. 127, рис. 97
1927	О. О. Потапов, М. К. Фукс	Осмотр	Фукс 1927, с. 3
1959	Б. А. Шрамко	Снят план укрепления	Шрамко 1960, рис. 7
1960	Б. А. Шрамко	Частичный разрез вала	Шрамко 1961, с. 26, табл. 14
1965—1966, 1971	Б. А. Шрамко	Раскоп на месте южного входа на городище (№ 7)	Шрамко 1966, с. 21, табл. 18; 1972, с. 3—5
1965	Б. А. Шрамко	Разрез вала и рва в южной части укрепления (№ 8)	Шрамко 1966, с. 22—23, табл. 19
1966	Б. А. Шрамко	Раскоп на гребне вала (№ 9)	Шрамко 1967, с. 27, табл. 19
1967	Б. А. Шрамко	Инструментальный план укрепления	Шрамко 1968, с. 20, табл. 1
1968	Б. А. Шрамко	Осмотр, описание, сняты профили валов	Шрамко 1969, с. 18
1969	Б. А. Шрамко	С разных сторон сделаны профили валов укрепления.	Шрамко 1969, табл. 29: 1
1970—1971	Б. А. Шрамко	Разрез вала и рва в восточной части укрепления (раскоп 20)	Шрамко 1971, с. 6—14; 1972, с. 1—3
1999	Л. Л. и Л. М. Кушнир	Описание, промеры укреплений	Кушнір, Кушнір 1999, с. 106—120
2003	В. М. Грицюк	Описание валов	Грицюк 2004, с. 86—97
2005	В. М. Грицюк, И. А. Ефимова	Описание валов	Грицюк, Ефимова 2006, с. 123—142
2007	В. В. Приймак	Инструментальная съемка укрепления	Приймак, Коротя, Осадчий 2007
2016	О. Н. Шапорда	Инструментальная съемка укрепления	Шапорда 2016, с. 227—233

Западная часть территории городища покрыта лесом. В скифское время окружающие городища леса использовались для строительства деревянных стен.

Проведенные в 2013 г. сотрудниками Института географии НАН Украины исследования грунтов Восточного укрепления позволили получить интересные данные о природных условиях, в которых жили местные племена в VI—IV вв. до н. э.

Ученые доказали, что климат 2500 лет назад был более влажным, большим было процентное выпадение годовых осадков, Ворскла была полноводнее, а среднегодовая температура ниже (Сорокіна, Дорошкевич, Кушнір 2014, с. 25—33; Дорошкевич, Кушнір 2014, с. 49—50). Важно, что в скифскую эпоху восточная часть плато и склоны были покрыты дубовыми и грабовыми лесами, следовательно, местное население имело в своем распоряжении качественный строительный материал. На территории Восточного укрепления прослежены погребенные голоценовые грунты, которые представлены черноземами вылугованными или темно-серыми оподзоленными (Сорокіна, Дорошкевич, Кушнір 2014, с. 268—286; Кушнір 2016, с. 9). В такой природной и топографической обстановке проживало местное население в VI—IV вв. до н. э., а также проходило строительство оборонительных сооружений.

ПЕРВЫЕ ОПИСАНИЯ И ВИЗУАЛЬНЫЙ ОСМОТР

Несмотря на то, что Бельское городище обозначено еще на топографических картах середины XVII в. (Г. Боплан), первые описания памятника относятся лишь к концу XVIII в. В 1784 г. территорию городища осмотрел А. Ф. Шафонский**.** У села Бельск он отметил два укрепления, объединенные одним валом. На одном из них валы поросли лесом. Окружность этого укрепления по его данным составила 399 саженей (около 849 м) (Шафонский 1851, с. 653—656).

В 1857 г. территорию Восточного укрепления исследовал Филарет (Д. Г. Гумилевский),

Таблица 2. Размеры Восточного укрепления по данным разных исследователей

Год	Исследователь	Общая площадь	Длина вала	Высота вала	Глубина рва
1784	О. Ф. Шафонский	—	Окружность укрепления 399 саж. (849 м)	—	—
1857	Филарет (Д. Г. Гумилевский)	Вся поверхность покрыта лесом	—	—	—
1873	Д. Я. Самоквасов	Общая площадь — 60 дес., одна часть под сенокосом, 2-я — под лесом, Входы с севера, востока и юга	5 верст (5330 м)	Ширина 4 саж. (8,52 м), вал — 9 (19,7)	В Зп части 1 саж., в Вт 5—7 (10—15 м)
1895	А. А. Бобринской	…есть другое громадное городище на берегу Ворсклы…	—	—	—
1905	В. Г. Ляскоронский	С С на Ю — 300 саж., с Зп на Вт 80—150 саж., площадь всех валов 800, городища 70 дес., 4 входа: С, Вт, Ю, Зп	—	От 1 до 1,5—2 саж. (2,13—4,26 м)	1 саж., в Вт части — 5—7
1906	В. А. Городцов	Осмотр валов, часть под лесом, а часть под пашней	Окружность 5383 шага	6 арш., ширина 25	5 арш., ширина 20
1927	О. О. Потапов, М. К. Фукс	75 дес.	—	—	—
1959	Б. А. Шрамко	65,2 га	—	—	—
1965, 1966, 1971 (Р. 7)	Б. А. Шрамко	—	—	5 м (по рис.)	—
1965 (Р. 8)	Б. А. Шрамко	—	—	3,5 м (по рис.)	9,5 м (по рис.)
1968	Б. А. Шрамко	—	—	4,2 м, ширина 24	3,1 м
1970, 1971 (Р. 20)	Б. А. Шрамко	—	—	4,8 м	5,6 м, ширина в верхней части 5,4, дно плоское, ширина 1,1
1975	А. А. Моруженко	—	—	3,3 м, ширина 20	3,5 м, ширина 12,8
1996	Б. И. Золотницкий, И. Н. Кулатова, А. Б. Супруненко, А. Б. Титков, Б. А. Шрамко	85 га	3870 м	—	—
1999	Л. Л. и Л. М. Кушнир	75,5 га	—	—	—
2005	В. М. Грицюк, И. А. Ефимова	—	3870 м	От 2—3 до 5 м	2—3 м, ширина 2,4 по дну, по верху 10—15
2016	А. В. Коротя, О. Н. Шапорда	77,6261 га	4069,89 м	Ширина 22,3 м	—

однако он не рассматривал его как составную часть единого комплекса Бельского городища (Филарет 1857, с. 96). В 1895 г. на городище поводил разведки А. А. Бобринской, который также видел в Восточном укреплении отдельное поселение (Бобринской 1897, с. 125—128).

Первый схематичный план Восточного укрепления представлен В. Г. Ляскоронским по результатам осмотра в 1905 г. (Ляскоронский 1907, с. 175—177).

Интересно отметить, что именно этот исследователь впервые дал названия двум основным укреплениям — «Западное» и «Восточное» (Ляскоронский 1907, с. 175). Осмотрев городище, исследователь отметил, что его длина в два раза больше ширины, высчитал протяженность оборонительных валов, глубину рвов, внутреннюю площадь поселения, которую окружают земляные насыпи, обозначил четыре основных въезда, называемых «воротами» (Ляскоронский 1907, с. 176). Данные исследователей о размерах Восточного укрепления, его валов и рвов приведены в табл. 2.

В. Г. Ляскоронский отмечает еще одну важную деталь. Восточный въезд на городище прикрывал вынесенный вперед вал, который на предложенной им схеме обозначен как самостоятельный оборонительный рубеж, отде-

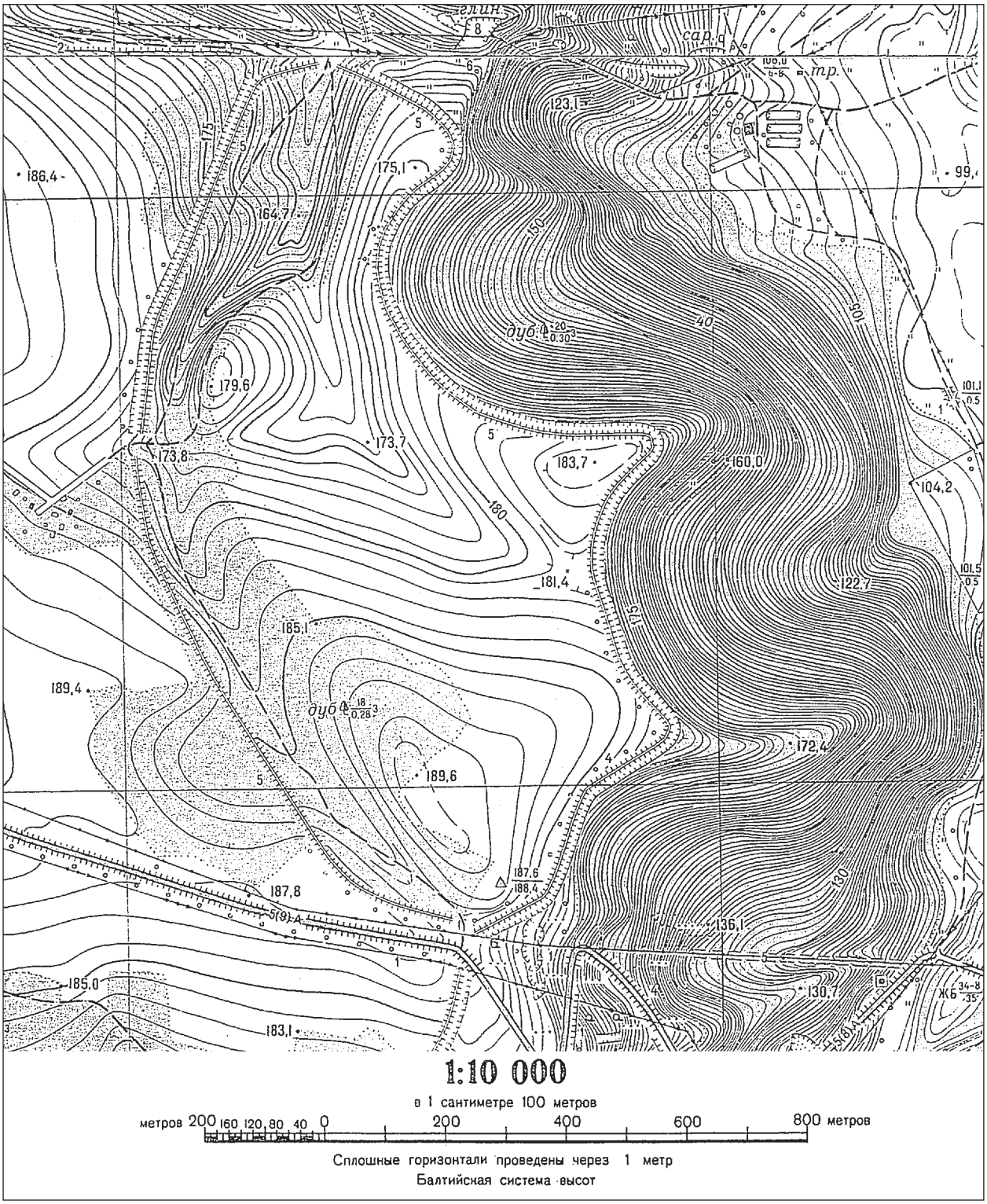


Рис. 2. Карта расположения Бельского городища (1 : 10000)

ленный от основных валов небольшими промежутками — разрывами (рис. 3). При этом он отмечает, что вал и ров прекрасно сохранились (Ляскоронский 1907, с. 176).

Таким образом, вполне объективные описания В. Г. Ляскоронского могут быть приняты как серьезный аргумент в понимании конфигурации и назначении восточного участка укрепления, который мы условно называем «бастион». Л. В. Падалка лично не осматривал городище, но, со слов местного жителя Шутки, приводит данные о размере Восточного укрепления — 70 десятин, протяженность вала — 5383 шага, около трех верст (Падалка 1905, с. 155—214).

В 1906 г. В. А. Городцов не только осмотрел Восточное укрепление, но и сделал замеры высот и ширины валов и рвов, снял два профи-

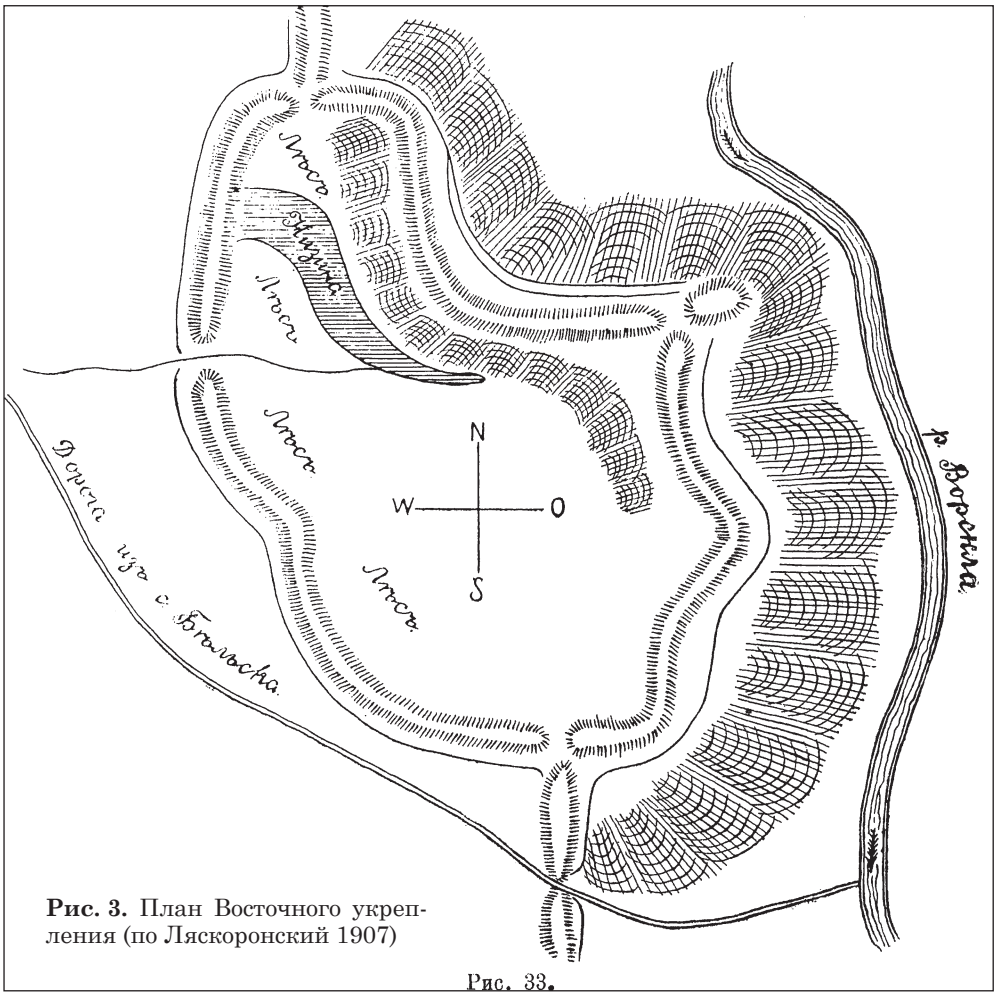


Рис. 3. План Восточного укрепления (по Ляскоронский 1907)

Рис. 33.

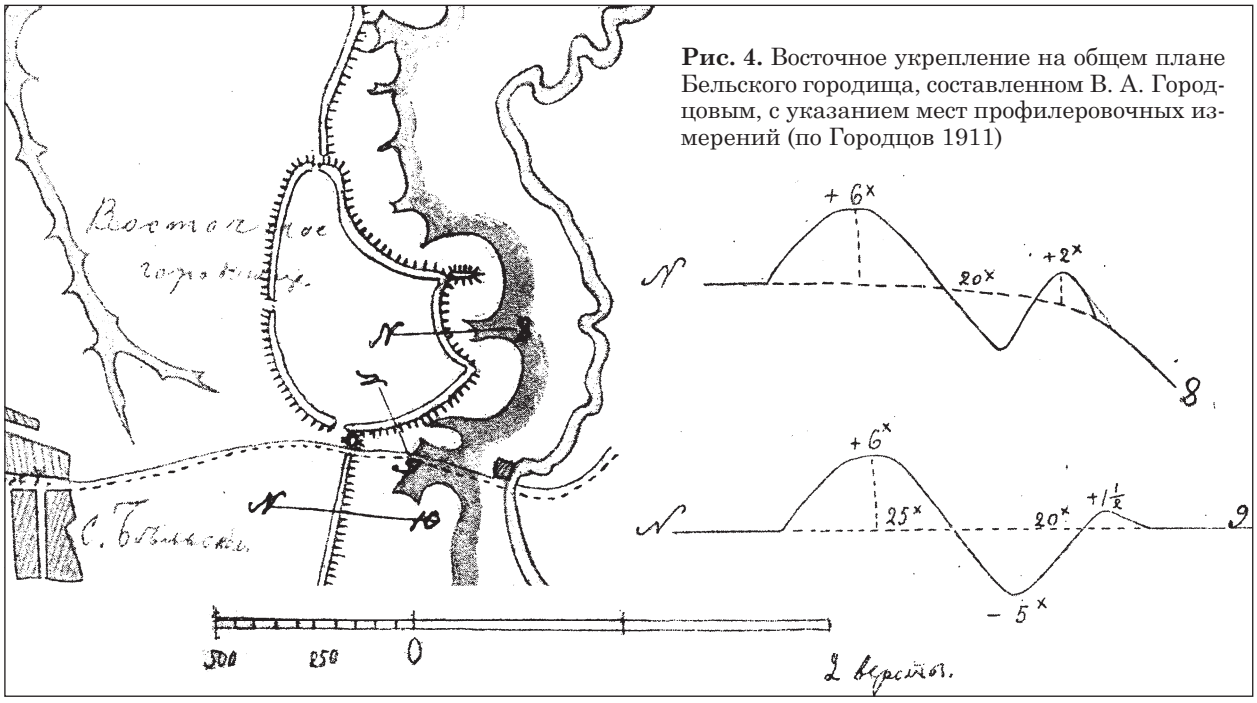


Рис. 4. Восточное укрепление на общем плане Бельского городища, составленном В. А. Городцовым, с указанием мест профилеровочных измерений (по Городцов 1911)

ля (рис. 4), дающие представление о крутизне склонов и высоте сохранившегося на тот период вала (Городцов 1911, с. 94, рис. 91; с. 95, рис. 96: 8, 9; с. 127).

На плане В. А. Городцова хорошо заметен отдельно вынесенный «бастион», который четко обозначен и на схеме В. Г. Ляскоронского. В то же время на плане В. А. Городцова обоз-

начены только три входа на городище, а на центральном мысу, в месте расположения четвертого входа вал показан сплошной линией (рис. 4).

В 1958 г. целенаправленное изучение Бельского городища начинает археологическая экспедиция Харьковского университета под руководством Б. А. Шрамко.

В 1959 г. ученый составил инструментальный план Восточного укрепления (рис. 5), уточнил, что часть вала в его восточной части сравнительно недавно разрузрушена кирпичным заводом, *отметил, что вал Большого укрепления подходит ко рву Восточного под прямым углом, что доказывает более раннюю хронологическую позицию Восточного укрепления*. Оно «*... древнее внешнего вала Большого Бельского и значительно древнее Куземинского, которое пристроено к Большому*» (Шрамко 1960, с. 27; 1973, с. 84, рис. 2).

Сравнивая план 1959 г. со схемами предыдущих лет, опубликованных в работах В. Г. Ляскоронского и В. А. Городцова, обратим внимание на явные изменения в абрисе восточного выступа. Видимые несоответствия указывают, что к моменту съемки 1959 г. часть вала в этом месте была разрушена и, соответственно, усложнилась общая картина внешнего вида укрепления на данном участке обороны древнего городища. Заметно возросло и число видимых прорывов в валах. Следует также отметить, что в отличие от В. Г. Ляскоронского, Б. А. Шрамко считал, что в древности на городище было всего три въезда (Шрамко 1987, 25).

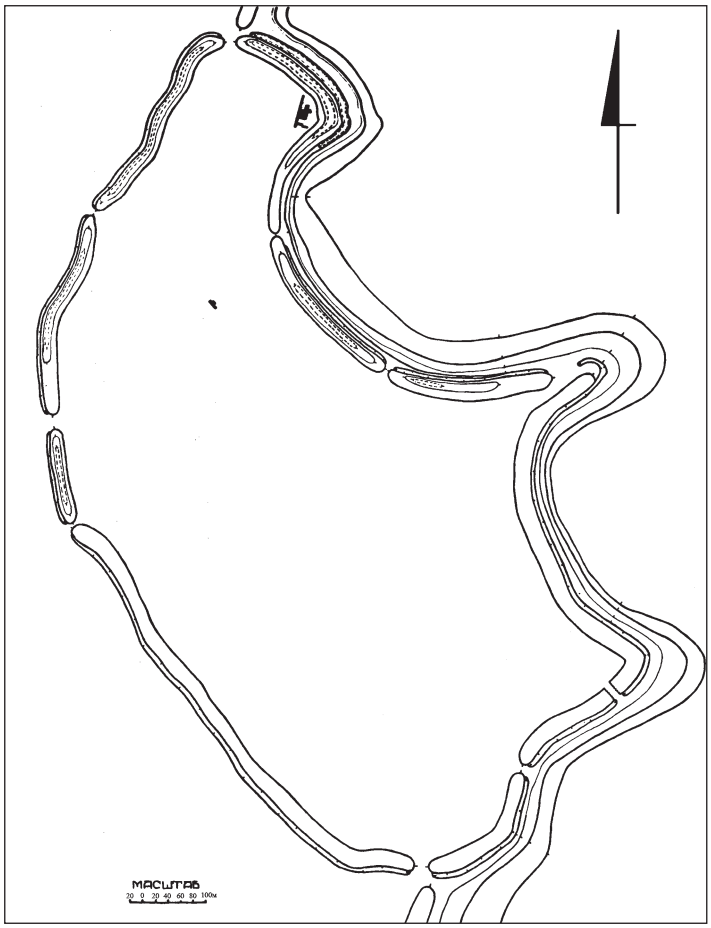


Рис. 5. План Восточного укрепления. Инструментальная съемка 1959 г. (по Шрамко 1960)

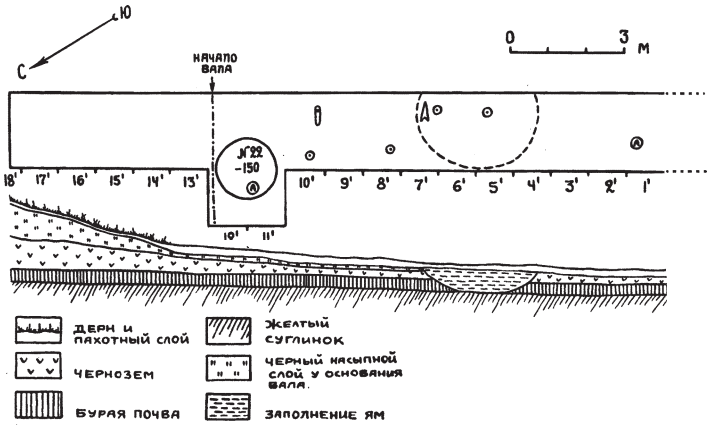


Рис. 6. Разведочная траншея, раскоп 1/1960 (по Шрамко 1961)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗРЕЗЫ И ПРОФИЛИ

Первым и единственным исследователем, целенаправленно изучавшим оборонительную систему Восточного укрепления, был и остается Б. А. Шрамко. Уже в первые годы работ на этом поселении ученый поставил перед собой задачу выяснить время сооружения вала, проследить особенности его устройства, последовательность строительных периодов, получить доказательства расположения въездов на укрепление.

Первым действенным шагом стала разведывательная траншея (раскоп 1), которая была заложена в 1960 г. в северной части укрепления. Раскоп был врезан в насыпь на пять с половиной метров. Предполагалось решить две задачи: выяснить «*характер культурного слоя в этом направлении*» и «*характер напластований у подошвы вала*» (Шрамко 1960, с. 26). Установлено, что в этом месте первоначально вал был сформирован из гумусированного грунта с вещественными остатками скифского времени.

Со временем его досыпали культурным слоем, взятым из внутренней части укрепления. Важно подчеркнуть, что, по наблюдениям ученого, до начала сооружения земляного вала эта часть мыса уже была обжита, но не все поселение попало в черту дерево-земляного

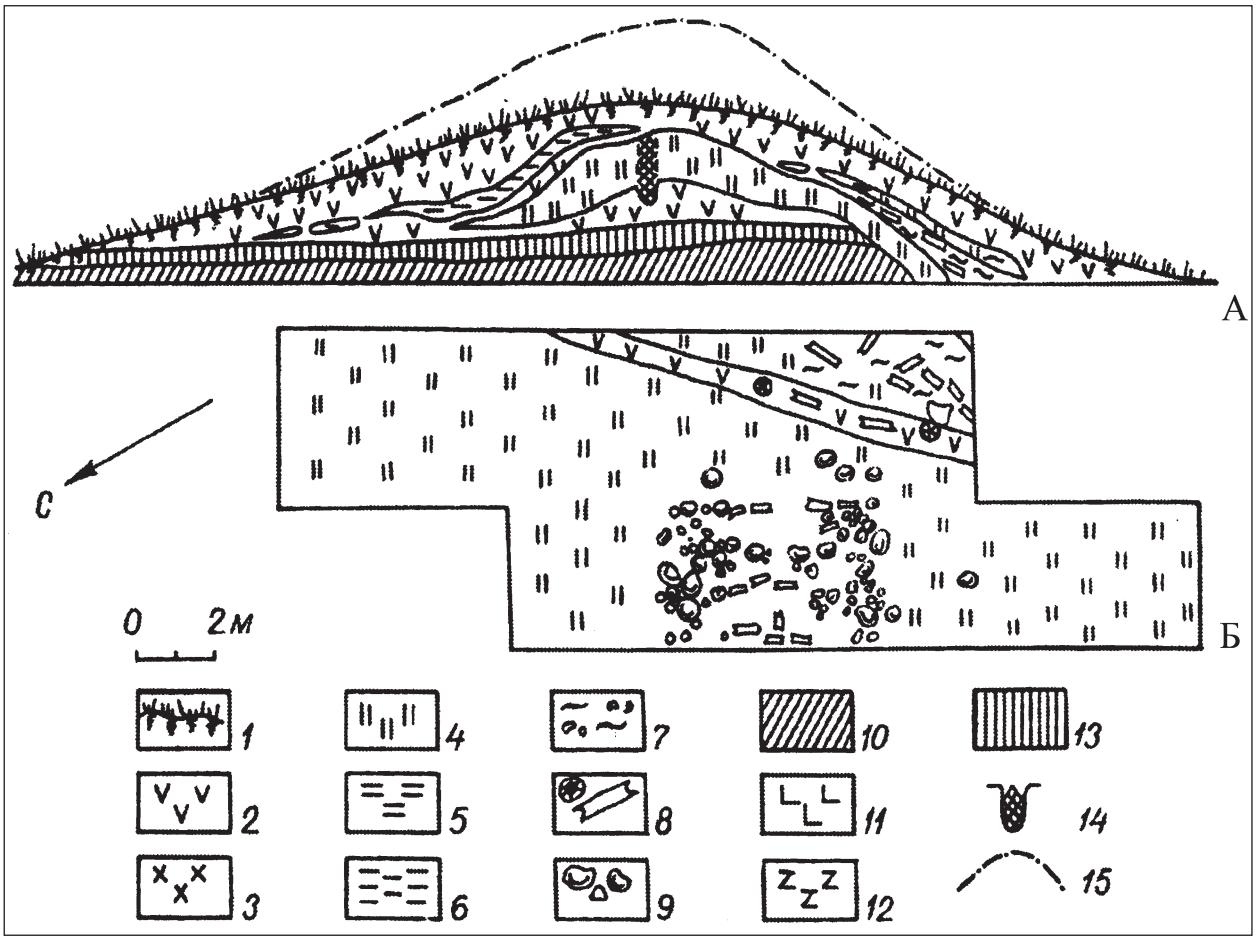


Рис. 7. Раскоп VII в южной части укрепления (по Шрамко 1966; 1967; 1971): А — зачистка разреза вала (1967 г.); Б — раскоп в месте южного входа на городище (1966; 1971 г.): 1 — дерн; 2 — чернозем; 3 — серая почва; 4 — бурая глина; 5 — желтая глина; 6 — глина с землей; 7 — зола и уголь; 8 — обуглившееся дерево; 9 — камни; 10 — материковый суглинок; 11 — илистая почва; 12 — кротовины; 13 — погребенная почва; 14 — столбовые ямы; 15 — контур вала

укрепления, так как культурный слой был зафиксирован за пределами вала, на территории размещения лагеря экспедиции (Шрамко 1961, с. 26—27; 1975, с. 94—132).

В 1965—1967 гг. Б. А. Шрамко изучал укрепления в *южной части* городища. В месте предполагаемого входа был заложен раскоп VII площадью 90 м^2 (Шрамко 1966, с. 21; 1966а, с. 15—17), в котором на глубине 0,25—0,3 м было обнаружено скопление камней (песчаник) разных размеров (рис. 7).

Камни лежали в два ряда на уровне погребенной почвы, между ними — остатки обугленного дерева. Первоначально Б. А. Шрамко предположил, что *это остатки башни или ворот*, однако в дальнейшем им была выдвинута еще одна рабочая версия: они могли быть *частью древнего заклада из бревен и камней, перекрывавшего вход на городище* в случае военной опасности (Шрамко 1973, с. 98) [1]. Раскоп был продолжен в южном направлении, по линии разреза предполагаемого рва. Под слоем гумусированного чернозема обычной мощности оказался материковый суглинок, доказывающий, что *в этом месте рва никогда не было, а разрыв в линии валов оставлен преднамеренно. Он является одним из древних входов на городище*. Показательно, что на этом участке раскопа не было обнаружено и никаких артефактов (Шрамко 1967, с. 21). В дальнейшем было установлено, что найденные в 1965 г. *камни не связаны с конструкцией вала* (Шрамко 1968, с. 26).

В 1967 г. в охранных целях было дополнительно исследовано 72 м^2 на участке раскопа VII, сделаны горизонтальная и вертикальная зачистки вала (рис. 7: А). Вдоль торцевой части вала была обнаружена канавка со следами облицовки деревом. Канавка проходила таким образом, что ширина входа не везде была одинаковой. Будучи узким вначале, он посте-

1. Камни встречались в скоплениях строительной обмазки при изучении оборонительных сооружений Хотовского городища (Кравченко, та ін. 2017, с. 43—46, рис. 37; с. 45). Скопление камней было обнаружено в верхней части заполнения рва Трахтемировского городища (Фіалко, Болтрик 2003, с. 2, рис. 11; 12; табл. 3—4).

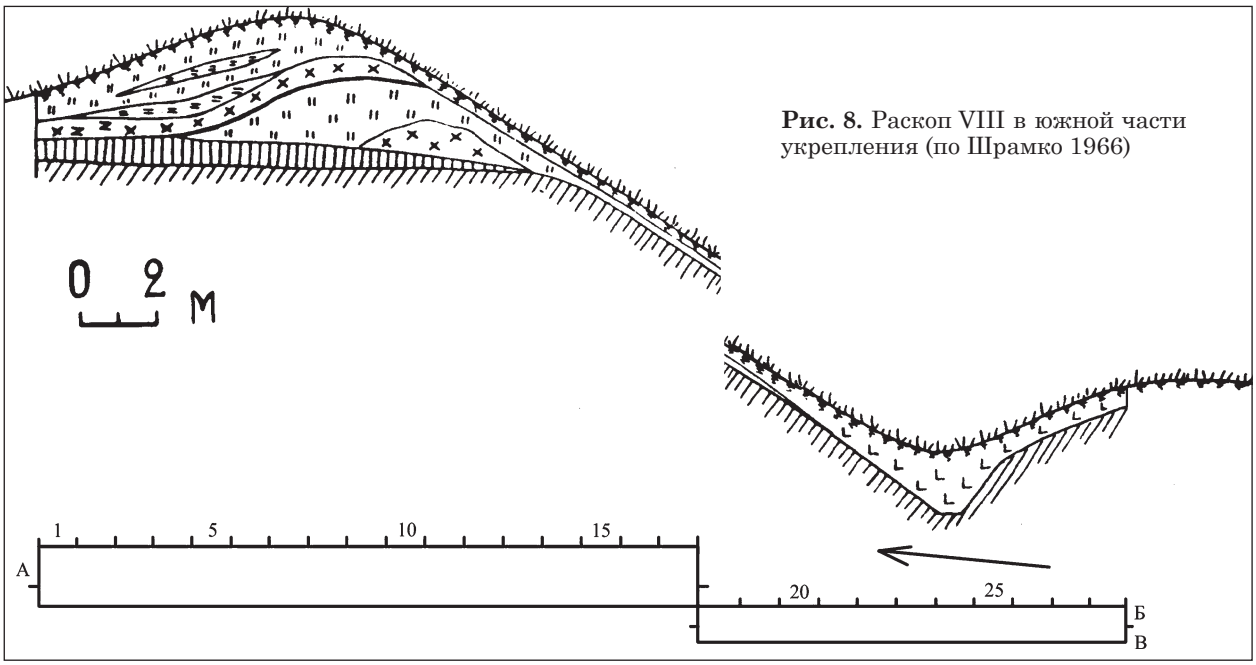


Рис. 8. Раскоп VIII в южной части укрепления (по Шрамко 1966)

пенно расширялся в направлении внутренней части городища (Шрамко 1968, с. 26). Ямы от деревянных столбов, оформляющих вход на городище, были также обнаружены при раскопках Люботинского городища (Шрамко 1998, с. 19, рис. 5). Подобный принцип обустройства входа отмечен на Кнышовском городище (Гавриш 2000, с. 62, рис. V). На Мотронинском городище также было исследован участок вала и рва со стороны одного из входов (Хохоровски, Скорый 2006).

В вертикальном разрезе, в средней части насыпи *зафиксирована яма от опорного столба* диаметром около 0,2 м с заостренным концом, который был установлен сразу после образования первоначальной, черноземной насыпи и укреплен последующей материковой досыпкой. «*В пользу указанного свидетельствует тот факт, что в черной почве края ямки столба уплотнены и видны очень четко. В глине края ямы уже не такие четкие*» (Шрамко 1968, с. 25; 1973, с. 100).

Стратиграфически в разрезе была *прослежена горизонтальная площадка шириной около 2—3 м с пологим спуском*, впервые высказано предположение, что она могла использоваться для передвижения воинов — защитников крепости. Интересно, что при изучении вала было *установлено, что с внешней (лицевой) стороны оборонительная стена была обмазана глиной и побелена*. Ученый обратил внимание еще на одну важную деталь: «*судя по наклону первоначальной внутренней стенки рва и глиняной осыпи, наружный склон вала был крутым и шел вниз под углом около 37 градусов*» (Шрамко 1968, с. 26; 1973, с. 100).

Следы облицовки внешней стороны крепостной стены глиной зафиксированы и на других городищах Лесостепи. Подобный прием

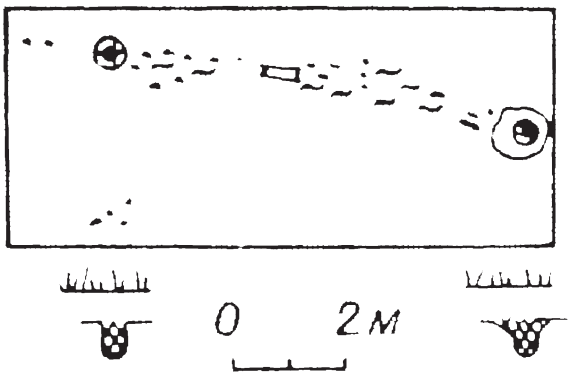


Рис. 9. Раскоп IX (по Шрамко 1973)

прослежен на городищах Сосонка, Городное и Полковая Никитовка (Моруженко 1975, с. 143), что, по мнению А. А. Моруженко, характерно для городищ ворсклинского региона. Следы обмазки стен глиной с целью защиты от пожара отмечены и на Кнышовском городище (Гавриш 2000, с. 60—61).

Исследованные остатки разрушенной крепостной стены (зола, сгоревшее дерево, куски побеленной обмазки, мел, древесный уголь и т. д.) стали вескими аргументами для представлений о внешнем виде укрепления. «*Сравнительно небольшое количество остатков сгоревшего дерева, отпечатки прутьев на обмазке и отсутствие, по крайней мере, на вскрытом участке следов сильного пожара говорит о том, что деревянная конструкция стен была не особенно массивной и представляла собой, скорее всего, не полностью бревенчатую, а бревенчато-прутяную конструкцию…*» (Шрамко 1973, с. 100). Эти наблюдения ученого в дальнейшем будут учтены при создании им графической реконструкции деревянной крепости (Шрамко 1975, с. 105, рис. 5).

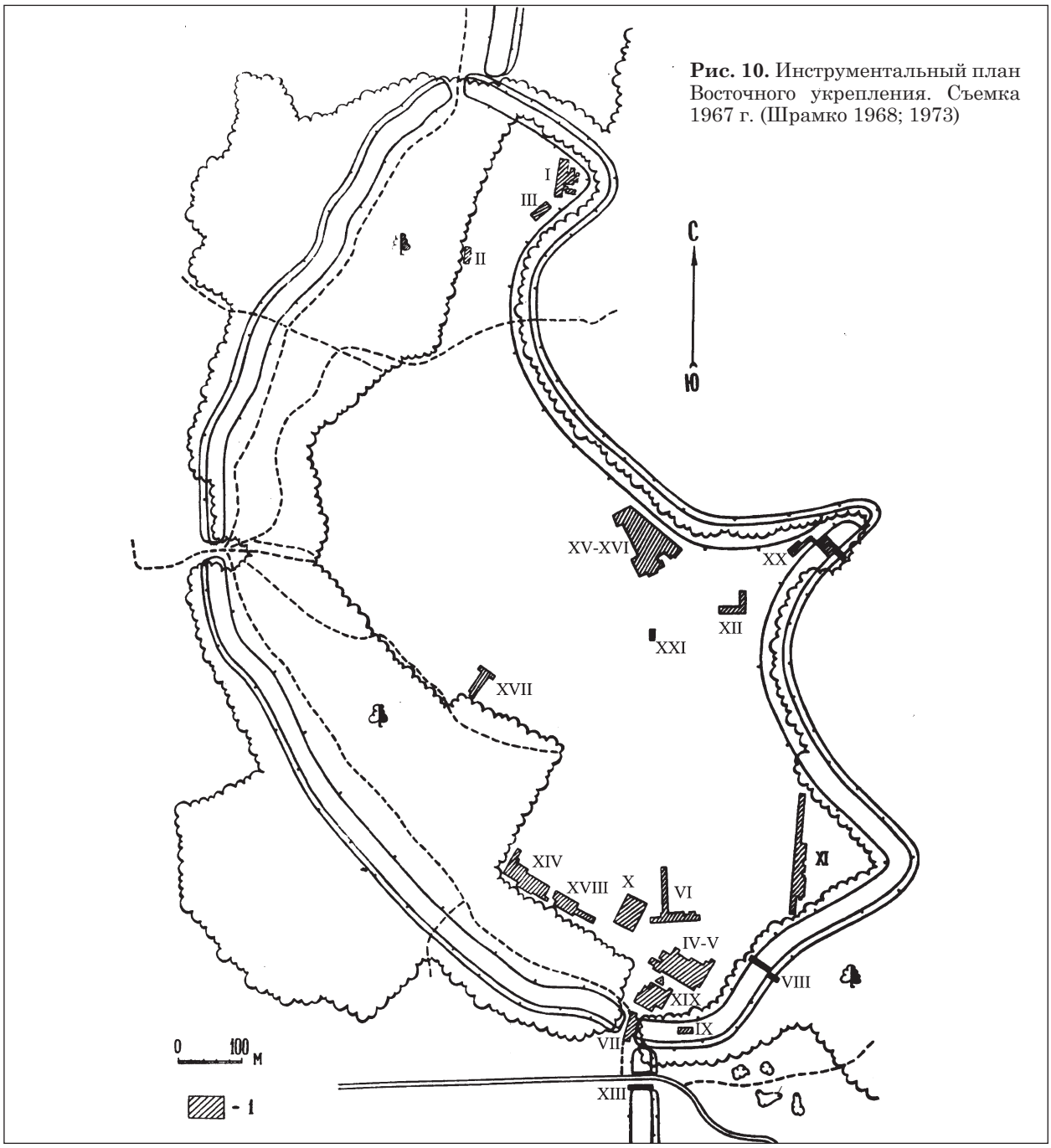


Рис. 10. Инструментальный план Восточного укрепления. Съемка 1967 г. (Шрамко 1968; 1973)

Для уточнения данных о южном въезде в 1971 г. был несколько расширен раскоп VII (площадь 77 м^2). В этот раз он изучался с северной и южной сторон. Вдоль внутренней части рва и торцевой стороны вала были прослежены канавки шириной 0,5—0,65 м, в которых сохранились остатки деревянных столбов (рис. 7: Б), а рядом с ними — следы упавшей деревянной конструкции (Шрамко 1972, с. 3—4).

В целом, собранная на протяжении нескольких лет интересная и разноплановая информация о южном участке вала и месте предполагаемого въезда / входа на городище дали возможность Б. А. Шрамко представить общую картину внешнего вида крепостной стены при обзоре с юга. Проследив систему в расположении опорных столбов, вспомогательных канавок и сохранивших рядность камней вымостки, обнаруженных в промежутке (разрыве) между валами, исследователь отметил, что «мы имеем здесь дело не с простыми воротами, а с остатками сложной дерево-земляной конструкции, усиленной каким-то образом в нижней части каменной облицовкой или вымосткой. Скорее всего, *здесь было сооружение в виде надвратной башни*, верхняя часть которой опиралась на столбы, закрепленные в боковых канавках» (Шрамко 1975, с. 106). Не случайно на этом участке вала крепостная стена поворачивала внутрь городища, заметно расширяя угол обстрела — принцип, хорошо известный в древней фортификации.

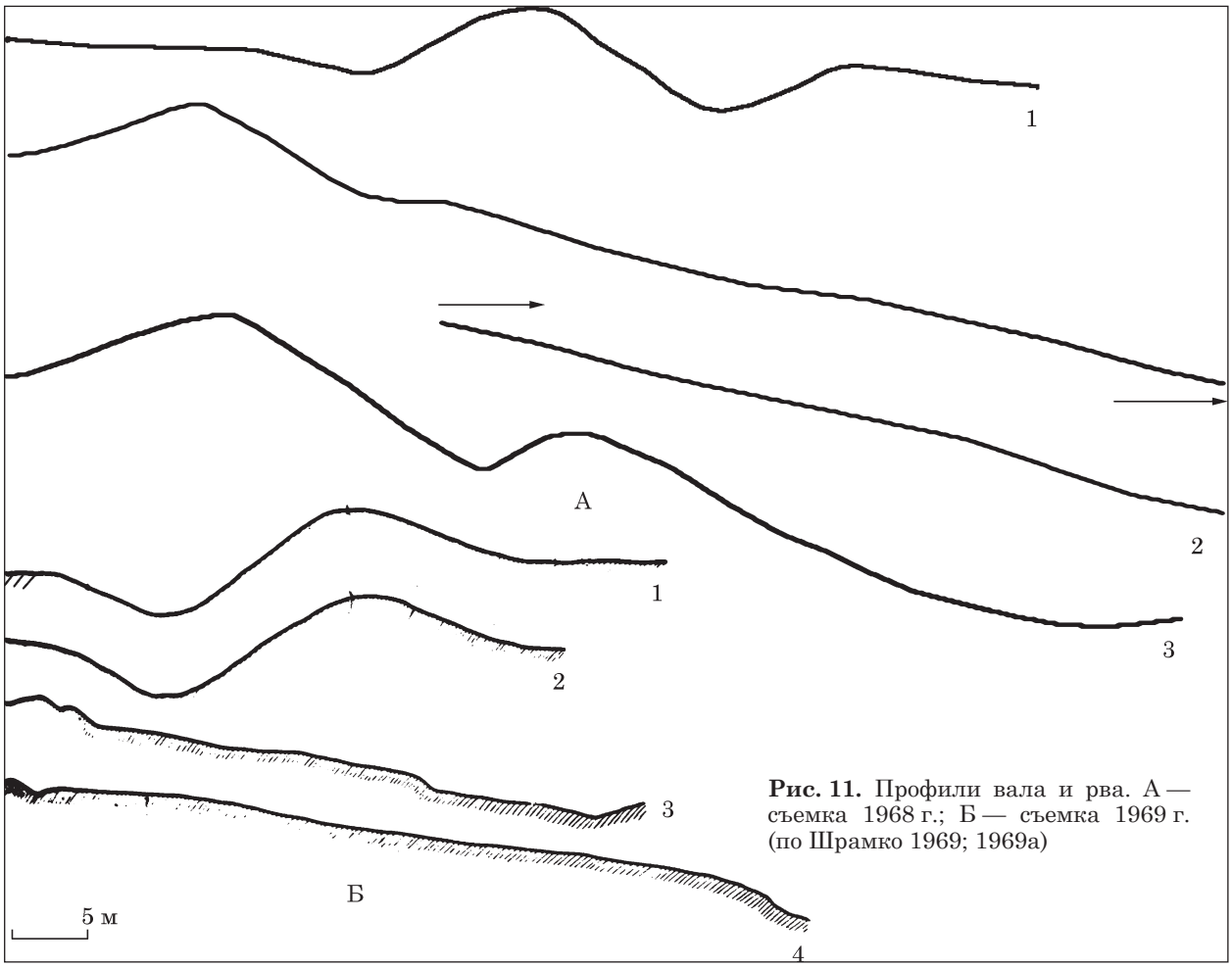


Рис. 11. Профили вала и рва. А — съемка 1968 г.; Б — съемка 1969 г. (по Шрамко 1969; 1969а)

Северный и южный входы, расположенные с напольной стороны, были прикрыты также валами Большого укрепления. Это позволяло в случае нападения врага применить «тактику фланкирующего обстрела» (Моруженко 1975, с. 142—143).

С целью выяснения устройства рва и вала в южной части укрепления в 1965 г. был сделан их полный разрез (раскоп VIII общей площадью 38 м^2). В ходе исследований установлено, что *вал сооружен в два этапа*. Первоначально землю для насыпи брали из рва. После этого вал функционировал некоторое время. В *дальнейшем он насыпался грунтом из внутренней части укрепления*. (Шрамко 1966, с. 22; 1973, с. 97). Под валом и в насыпи первого строительного периода находки не были обнаружены. В досыпке встречено несколько мелких обломков керамики скифской эпохи. Дно рва плоское. Общая высота укрепления на этом участке (от дна рва до вершины насыпи) — 7 м (рис. 8). Близкие показатели «общей высоты препятствия» дали промеры 1968 г. (Шрамко 1969, с. 18). Говоря о степени защищенности жителей лесостепных городищ, А. А. Моруженко определила земляную насыпь (вал) в сочетании с глубоким рвом как единую, достаточно серьезную с точки зрения обороны фортификационную систему, обратив внимание, что «*…линия обороны Восточного городища имела протяженность в глубину почти 33 м…*» (Моруженко 1975, с. 142).

С целью выяснения устройства деревянной конструкции на вершине южной части вала был заложен раскоп IX общей площадью 45 м^2 (рис. 9), который был доведен до глубины 0,7 м.

Вдоль оси вала обнаружены две столбовые ямы на расстоянии 7,85 м друг от друга, между ними прослежены остатки обугленного дерева, зола и угольки. Одна з ям имела глубину 0,9 м. В нее вкапывали опорный столб диаметром около 0,3 м с заостренным концом. На глубине от 0,2 до 0,4 м, в слое досыпки была обнаружена ручка хиосской амфоры V в. до н. э. Эта находка позволила Б. А. Шрамко *связать разрушение деревянной стены с пожаром конца VI в. до н. э. и досыпкой вала в V в. до н. э.* Данный факт позволил увязать следы пожарищ на других лесостепных городищах конца VI в. до н. э. с известным походом Дария против скифов (Шрамко 1968, с. 27—28). О следах пожаров на валах нескольких лесостепных городищ (Городное, Сосонка, Каменка, Полковая Никитовка и Бельск) как свидетельстве нападений степных скифов в конце VI в. до н. э. пишет и А. А. Мо-

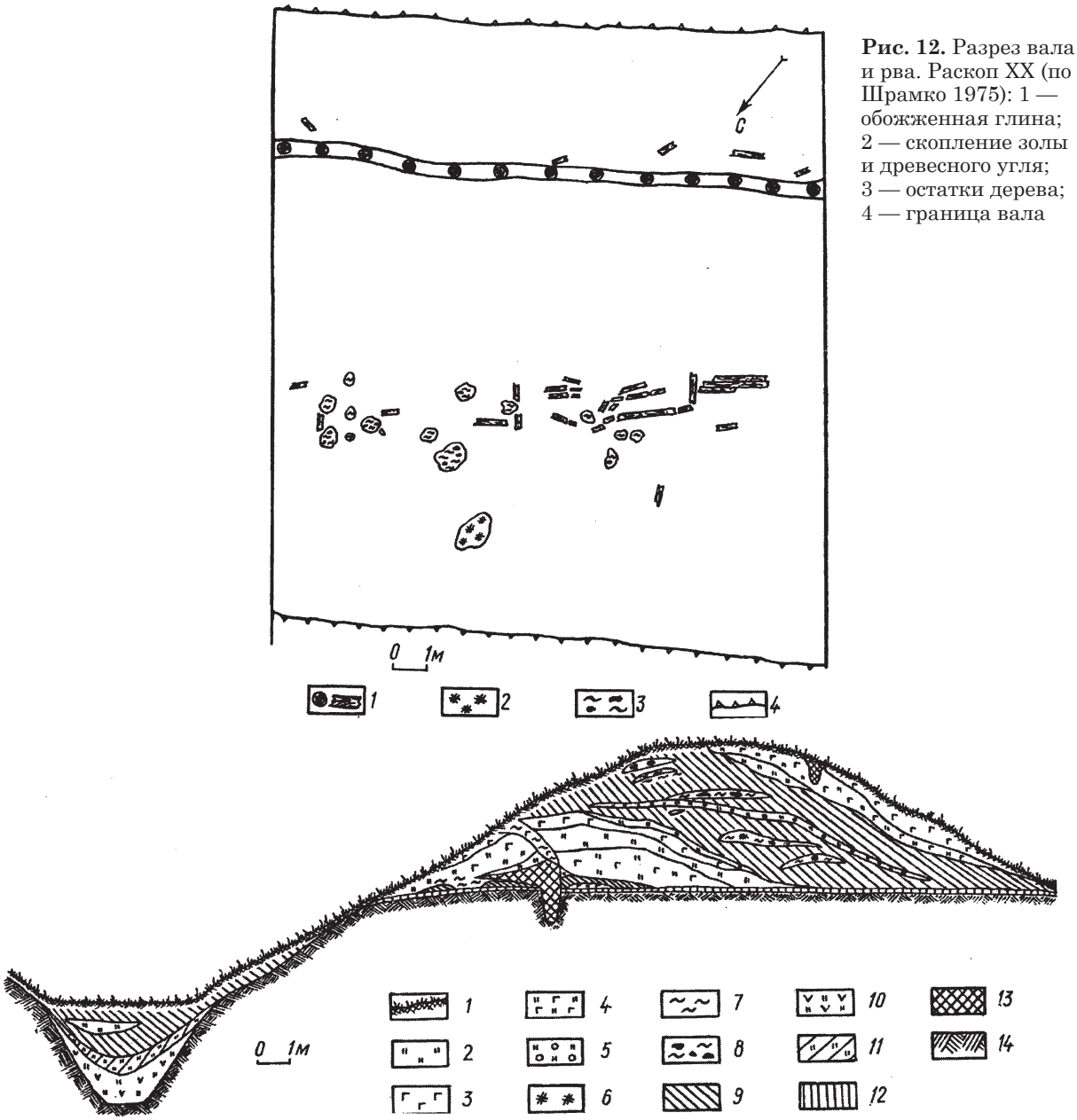


Рис. 12. Разрез вала и рва. Раскоп XX (по Шрамко 1975): 1 — обожженная глина; 2 — скопление золы и древесного угля; 3 — остатки дерева; 4 — граница вала

1 – дерн; *2* – желтая глина; *3* – бурая глина; *4* – смешанная глина; 5 – рыхлая бурая глина; *6* – обожженная глина; *7* – зола; *8* – древесный уголь с золой; *9* – чернозем; *10* – глина с примесью земли; *11* – чернозем с примесью глины; *12* – погребенная почва; *13* – заполнение ям; *14* – материк.

руженко, также соотнеся их со временем похода Дария I (Моруженко 1975, с. 144).

На новом инструментальном плане Восточного Бельского городища (рис. 10), подготовленном в 1967 г., отмечены все раскопы 1959—1967 гг. (Шрамко 1973, с. 99, рис. 8).

Наблюдения за оборонительными сооружениями Восточного городища были продолжены Б. А. Шрамко и в 1968 г. В его полевом отчете приведено сравнительное описание величин вала в разных частях городища, отмечено, что «*...оборонительные сооружения с напольной стороны (с севера, запада и юга) гораздо сильней, чем на стороне, обращенной к реке, хотя склон, обращенный к реке местами довольно покатый*» (Шрамко 1969, с. 18). В 1968—1969 гг. экспедицией Харьковского университета (Шрамко 1968, табл. XXI: 1; 1969, табл. XXIX: 1) было снято несколько профилей в разных частях городища (рис. 11), дополнивших представления о крутизне валов, рвов и склонов укрепления.

В 1970 г. с целью изучения оборонительных сооружений на широкой площади, а также ставя задачу «проследить характер культурного слоя при переходе от вала к внутренней площадке городища» (Шрамко 1971, с. 6), на Восточном участке вала Б. А. Шрамко был заложен раскоп XX (общая площадь 750 м^2). Было решено полностью исследовать вал высотой 4,8 м и ров на протяжении 18 м (рис. 12).

Рис. 13. Разрез вала в Восточной части укрепления. Раскоп XX, 1970 г. (по Шрамко 1971)

За два года раскопок была получена новая важная информация о возведении линии обороны на Восточном участке поселения, в пределах центрального мыса. В результате выделены этапы строительства, зафиксирован факт пожара и последующего восстановления оборонительного сооружения, высказано предположение о времени создания системы обороны, установлены особенности устройсва крепостной стены.

Отметим лишь основные моменты, отмеченные Б. А. Шрамко в отчете о раскопках и нескольких публикациях (Шрамко 1971, с. 6—11; 1972, 89—90; 1975, с. 100—104; 1987, с. 25—27):

- в сооружении вала на этом участке выделено два основных и один ремонтный строительных периода;
- первоначальный вал насыпали на свободной, незаселенной территории, заросшей кустарником и предварительно очищенной огнем;
- для жесткости конструкции и закрепления верхних концов бревен были предусмотрены деревянные стяжки;
- в верхней части вала имелось внутреннее ограждение;
- временной промежуток между строительными периодами не был значительным;
- вал досыпали грунтом из культурного слоя на внутренней части поселения;
- в слое досыпки обнаружены материалы, которые можно датировать не позже VI в. до н. э., а большинство из них — первой половиной этого столетия или даже VII в. до н. э.;
- после образования культурного слоя вдоль вала сделана выемка, почва из которой использовалась для досыпки вала;

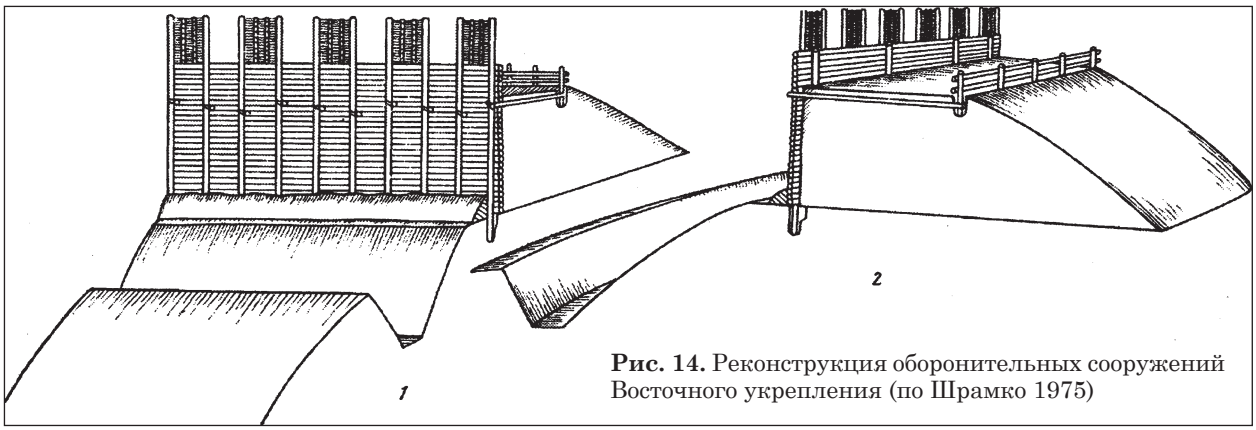


Рис. 14. Реконструкция оборонительных сооружений Восточного укрепления (по Шрамко 1975)

- следы разрушения последнего строительного этапа свидетельствует о постепенном угасании жизни на городище;
- общая высота оборонительных сооружений (ров + вал с деревянной стеной) достигала от 10,4 м до 12,6 м;
- деревянная оборонительная стена могла иметь высоту около 7 м;
- ров имел плоское дно.

«*Находок в заполнении практически нет, не считая мелких кусочков обмазки, древесных угольков и кусочков обугливших прутьев, указывающих на то, что какая-то, видимо небольшая часть крепостного сооружения состояла из плетня. Скорее всего, это была верхняя часть стены с промежутками между бойницами. Все сооружение делалось без всяких металлических скреплений*» (Шрамко 1971, с. 8—10).

У 1971 р. для подтверждения «правильности реконструкции крепостной стены и уточнения некоторых деталей» были продолжены работы на раскопе № XX (Шрамко 1972а, с. 328—329). Удалось проследить углубление (канавку), в которую были установлены деревянные бревна (внешняя сторона вала). Эти столбы не примыкали друг к другу, между ними имелся промежуток в 1 м (Шрамко 1972, с. 2—3; 1975, с. 100—101, рис. 3). Доказано, *что конструкция не имела основы в виде клетей между бревнами, установленными с внешней и внутренней стороны насыпи* (Шрамко 1972, с. 3—4).

По результатам изучения оборонительных сооружений Восточного укрепления в 1970—1971, с учетом данных предыдущих лет, Б. А. Шрамко первым из исследователей подготовил научную реконструкцию внешнего вида оборонительного сооружения Восточного укрепления, включающего земляной вал, ров и деревянную крепостную стену (рис. 12) (Шрамко 1975, с. 104, рис. 5). Именно эта версия стала одной из основных, использовавшихся для визуализации крепостей скифской эпохи лесостепной Скифии. Практически все основные конструктивные элементы сооружения были зафиксированы ученым при раскопках 1960-х — начала 1970-х гг.

НОВЫЙ ЭТАП ИССЛЕДОВАНИЙ

В начале XXI в. в изучение оборонительной системы Восточного укрепления включились представители различных экспедиций. Однако, новые разрезы валов или рвов проведены не были. Исследователи ограничивались визуальным осмотром городища и новыми промерами его площади, периметра, изучением профилей валов и рвов, фиксацией участков разрушения.

Так, в материалах исследований 2003 г. участников Украинско-Немецкой экспедиции содержится информация об обследовании В. Н. Грицюком оборонной системы Бельского городища (Грицюк 2004, с. 86—97). Исследователь отмечает, что городище и каждое из его укреплений готовили для круговой обороны.

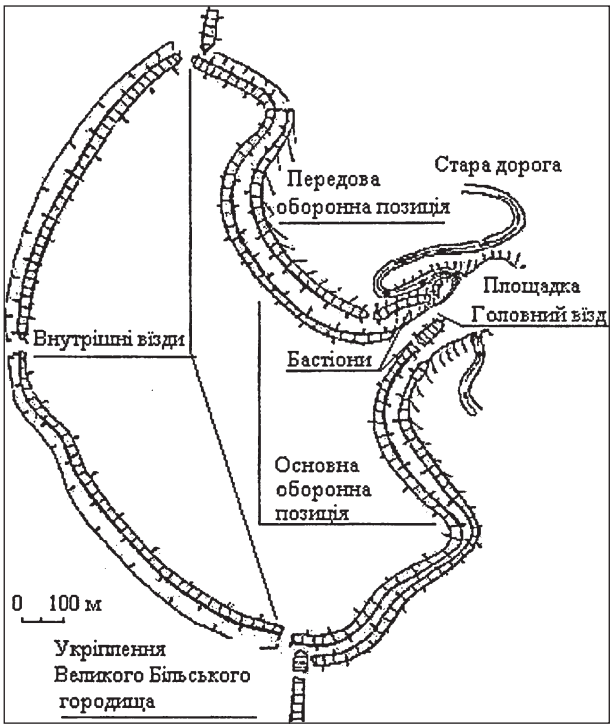


Рис. 15. Система оборонных позиций и входов Восточного укрепления (по Грицюк 2004)

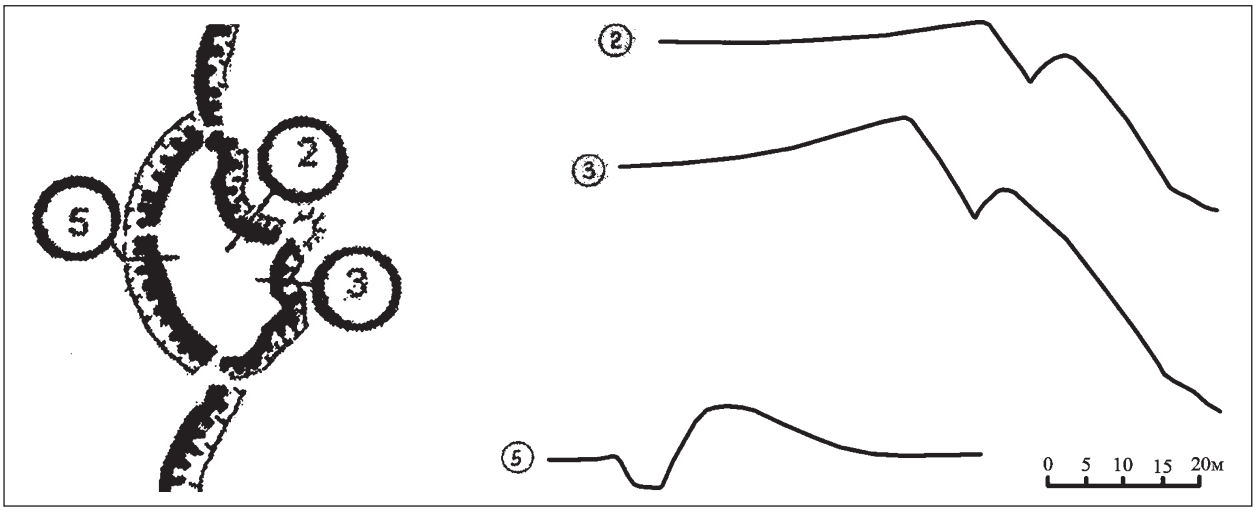


Рис. 16. Профили оборонительных сооружений Восточного укрепления (по Грицюк 2006)

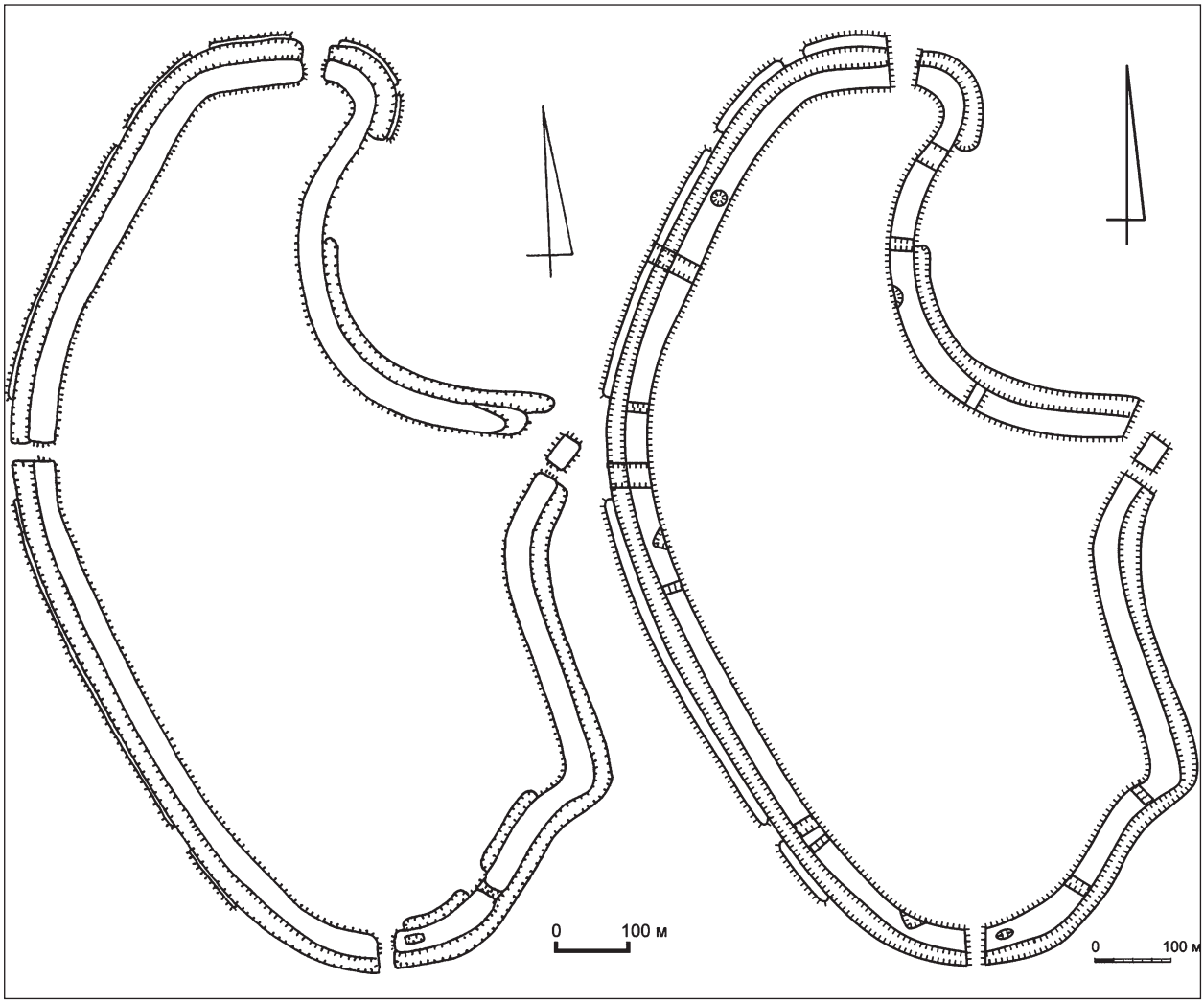


Рис. 17. План Восточного укрепления. Съемка В. В. Приймака в 2007 г. (по Приймак, Коротя, Осадчий 2008)

Близкую идею ранее высказал Б. А. Шрамко (Шрамко 1973, с. 74). В. Н. Грицюк отметил, что валы Восточного укрепления имеют плоскую форму. Также как и Западное Восточное городище имеет две позиции для обороны с внешней стороны и одну с внутренней (рис. 15; 16). По мнению В. Н. Грицюка, такая особенность организации обороны свидетельствует о

Рис. 18. План Восточного укрепления, съемка А. В. Короти и О. Н. Шапорды, 2016 г. (Шапорда, 2016)

том, что укрепления создавались как единый комплекс (Грицюк 2004, с. 88).

Осмотрев вместе с Р. Ролле центральный мыс городища, исследователь вполне уверенно предположил, что в месте сближения валы выполняли роль «бастионов», построенных для защиты дороги, которая вела в крепость (Грицюк 2004, с. 8; Грицюк, Єфімова 2006, с. 85—88).

Оценив сложность оборонительной стены, высоту, ширину вала и рва, В. Н. Грицюком предложены расчеты трудозатрат для их возможного строительства. Согласно расчетам, тысяча человек могла насыпать вал первого строительного периода за 16 дней, т. е. около двух недель понадобилось бы для сооружения 1 км укреплений сравнительно небольшой высоты (Грицюк, Ефімова 2006а, с. 87).

Кроме того, В. Н. Грицюк, рассмотрев оборонительную систему Восточного Бельска с военной точки зрения, предположил, что «*валы насыпались из расчета, чтобы обеспечить длину боевого склона 12—14 м*». Высказано предположение, что расстояние между оборонными позициями составляла около 20 м, что позволяло вести бой дистанционными видами оружия того времени (Грицюк, Ефимова 2006, с. 132, 133).

К интересным выводам пришли ученые, проводившие палеопедалогические исследования почв в зоне вала и рва Восточного укрепления. Для нас важна информация о том, что до прихода скифского населения территория плато была покрыта лесом, «*о чем свидетельствуют явные признаки лесной деградации черноземной почвы, погребенной под скифскими валами*» (Лисецкий, Голеусов, Чепелев 2005, с. 170). Интересно и наблюдение о том, что после оставления жителями поселения его территория заросла лесом, что согласуется с наблюдениями А. Шафонского.

В 2007 г. экспедиционным отрядом под руководством В. В. Приймака (Приймак, Коротя, Осадчий 2008) был составлен новый план Восточного укрепления (рис. 17), за пределами рва обнаружены земляные насыпи, по мнению исследователей являющиеся дополнительным укреплением, окружающим поселение с северной и западной стороны. Этот вал имеет ширину 3—4 м, высоту 1 м, вынесен вперед от основной линии обороны. Ранее Б. А. Шрамко отмечал, что «*часть земли из рва, при его расчистке во время ремонтов, уже не могла выбрасываться на большой вал с крепостной стеной и отбрасывалась на внешний склон, образуя вдоль рва небольшую (до 1,1 м) насыпь*» (Шрамко 1973, с. 97). Объективно образовавшийся таким образом вал также представлял собой дополнительное препятствие для врага. Подобную ситуацию описывают и исследователи системы обороны Мотронинского городища. «*Интересно, что в этот момент грунт, извлеченный при углублении рва, не использовался для досыпки вала, размеры которого, очевидно, были уже оптимальными, а был выложен за пределы рва, с напольной стороны, в качестве небольшого вала, предшествующего основному. В результате этого произошло, однако, усиление внешней системы обороны*» (Хохоровски, Скорый 2006, с. 78).

В 2017 г. О. В. Коротя и О. Н. Шапорда детально обработали результаты съемки оборонительных сооружений Бельского городища 2016 г. (Шапорда 2016). При этом был составлен более детальный план оборонительных сооружений Бельского городища (рис. 18), на отдельном плане Восточного укрепления обозначены все участки, на которых в разные годы были проведены археологические исследования (рис. 19).

В результате полученны следующие данные: протяженность валов Восточного укрепления — 4069,89 м; количество разрушенных участков в фортификационной линии — 23; общая длина повреждений — 319 м (Шапорда 2016, с. 228—229).

ОБЩИЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ

Неодноразовые визуальные осмотры территории поселения и его оборонительных укреплений, проведенные несколькими исследова-

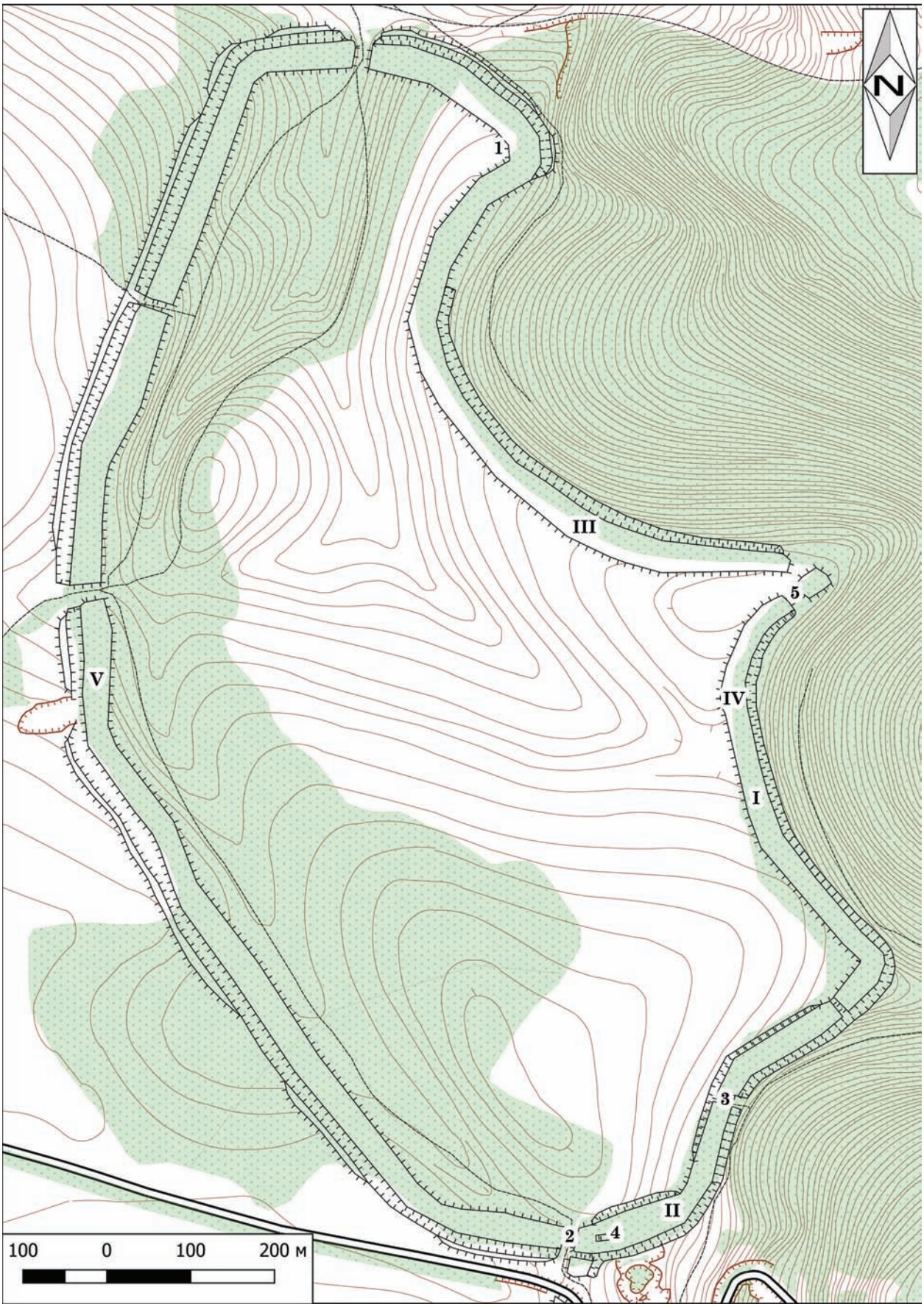


Рис. 19. План Восточного укрепления (по О. Н. Шапорде и А. В. Короте, 2018 г.): 1 — разведочная траншея — раскоп I/1960; 2 — раскоп VII; 3 — раскоп VIII; 4 — раскоп IX; 5 — раскоп XX; I—II — места снятия профилей рва и вала (по Городцов 1911); III—V — места снятия профилей рва и вала (по Грицюк 2006)

телями, фиксируют состояние линии обороны в различные временные периоды. Заметно меняется описание внутренней площади укрепления от «полностью» (А. Шафонский) до «частично» (В. Ляскоронский) покрытой лесом, хорошо видимых валов и рвов с отдельно вынесенным на восток валом (В. Ляскоронский; В. А. Городцов) до разрушений насыпей кирпичным заводиком и отдельными местными жителями (Б. А. Шрамко). В наблюдениях исследователей разных лет нет единого мнения о количестве входов на укрепление. Если В. Г. Ляскоронский считал, что их было четыре, то В. А. Городцов и Б. А. Шрамко полагали, что въездов было всего три. Подчеркивая стратегическую важность валов на *восточном участке* укрепления, В. Н. Грицюк считает, что въездов на городище было четыре. Выход к реке и прикрывали валы на стрелке восточного мыса.

По мнению Б. А. Шрамко, к 1959 г. восточная часть земляного вала была срезана для пробивки въезда на городище, что осложнило дальнейшее изучение системы обороны на этом участке.

Однако, несмотря на имеющиеся разрушения, снятые в нескольких местах профили вала и рва, а также заложенные в северной части городища, у южного въезда и на восточном мысу раскопы, позволили Б. А. Шрамко высказать ряд важных, обоснованных выводов об устройстве оборонительного вала на Восточном укреплении Бельского городища и технике его сооружения.

Южная часть укрепления. Заложенный на этом участке раскоп подтвердил отсутствие рва и, следовательно, наличие древнего входа на укрепление. На глубине 0,3 м было расчищено скопление камней [1], которые по мнению Б. А. Шрамко были использованы для усиления ворот на въезде. Для скифского периода случаи обнаружения камней в контексте изучения оборонительной системы городищ (Хотов, Трахтемиров) известны, но характер их использования не понятен (Кравченко, та ін. 2017, с. 42—49, Фіалко, Болтрик 2003 и др.).

Остатки деревянных конструкций позволили предположить, что на месте южного въезда было возведено мощное защитное сооружение, составной частью которой могла быть надвратная башня с воротами. Возможно, деревянные ворота были установлены также в одном из въездов на Мотронинское городище (Хохоровски, Скорый 2006, с. 77).

Восточная часть укрепления. Довольно принципиален факт предварительного выжигания растительности, зафиксированный на одном из участков, по линии планируемого строительства стены (Шрамко 1975, с. 100), подтвержденный магнитными исследованиями погребенной почвы под насыпью вала, проведенными учеными Киевского государственного университета К. М. Бондар и Ж. Н. Матвиишиной в 2005 г. (Бондар, Матвіїшина 2018). Важно, что по результатам палеопедалогических исследований признаки лесной деградации погребенной почвы прослежены под валом на Восточном участке укрепления (Лисецкий, Голеусов, Чепелев 2005, с. 170). Следовательно, можно считать доказанным, что на данном участке укрепления земляная насыпь была сооружена на свободном, не обжитом пространстве, освобожденном от леса и кустарников. После периода пожара и сожжения деревянной стены городище не было оставлено жителями. Вал в скором времени был значительно увеличен в размерах, стены возведены вновь с сохранением прежнего принципа строительства. Подобная практика ремонта и сооружения оборонительных стен после пожара прослежена и на Мотронинском городище (Хохоровски, Скорый 2006, с. 76—82). При исследовании этой части городища были сделаны важные наблюдения о конструкции деревянной стены, устройстве земляного укрепления и последовательности его сооружения.

Северная часть укрепления. На северном участке поселения и прилегающей к нему части вала простежена несколько иная картина. Здесь зафиксирован факт существования поселения до начала возведения земляной насыпи, причем часть заселенного участка не вошла в границы оборонительного укрепления (Шрамко и др. 1973). Этот ответственный вывод ученого важен для установления времени сооружения земляного вала и последовательности этапов его строительства. Раскопки последних лет в северной части укрепления, недалеко от вала (раскоп 35) дают материалы не ранее второй половины VI в. до н. э., при этом следует отметить, что участок раскопа на месте «выемки», образовавшейся с внутренней стороны, фиксирует археологические объекты конца VI—IV вв. до н. э. (Задников 2015; 2016; 2017).

Ряд интересных предположений о Восточном укреплении как стратегическом, оборонном объекте сделал В. Н. Грицюк. Исследователем высказана идея о практически одновременном сооружении единого укрепленного комплекса «Бельское городище», предложены расчеты трудозатрат для возможного возведения линии обороны.

Несомненно, для понимания природных условий, в которых создавался оборонительный комплекс городища, важны результаты работ геологов, географов и геодезистов.

Одним из наиболее сложных вопросов, стоящим перед каждым исследователем оборонительных сооружений, является **установление времени** возведения укрепления. Довольно

1. Однако, на наш взгляд, нельзя исключить возможность отнесения каменной вымостки ко времени, когда территория укрепления находилась в частных владениях.

соблазнительно выглядит вещественный материал, обнаруживаемый в насыпке вала или во рву. Однако, природа попадания их в строительные горизонты не всегда ясна и однозначна. Перекрываемые насыпью вала части более раннего культурного слоя или отдельных объектов также могут лишь указать на время, не ранее которого был насыпан вал, но не позволяют однозначно установить, когда он был возведен (Гречко, Крютченко 2017, с. 87). Досыпки вала и подчистки рва зачастую позволяют лишь относительно судить о временных промежутках между этими действиями. Таким образом, определение времени сооружения защитных укреплений в большинстве случаев основывается на цепи логических рассуждений (Хохоровски, Скорый 2006; Шрамко 2010 и др.). В некоторых контекстах имеются более весомые аргументы, прежде всего, хорошо датируемые предметы (античный импорт или определенные типы изделий из металлов) (Шрамко 1968, с. 27—28; 1998, с. 16, 19; Гавриш 2000, с. 78—79; Фіалко, Болтрик 2003, с. 38—67 и др.).

Предположения Б. А. Шрамко о времени сооружения оборонительной системы Восточного укрепления строились с учетом нескольких показателей, полученных при изучении северного, южного и восточного участков. Прежде всего, обращалось внимание на стратиграфию, случаи прямого перекрывания слоев, а также предметы материальной культуры, обнаруженные под подошвой вала, в насыпи вала и в досыпках. Особо следует подчеркнуть, что Б. А. Шрамко были установлены факты сооружения вала первого периода в северной части укрепления на ранее заселенной территории, а в восточной части укрепления — на свободной территории, занятой кустарниками и, возможно, деревьями. К моменту досыпки вала культурным слоем из внутренней части поселения эта территория была уже освоена. Следует учесть, что при установлении времени жизни на Восточном укреплении и строительства дерево-земляных конструкций, исследователь в основном опирался на результаты определения античной керамики, имеющиеся представления о развитии керамического комплекса в Лесостепи, в условиях слабой изученности Западного укрепления (Шрамко 1973; 1975; 1987 и др.). Именно античная керамика послужила основанием и для определения времени строительства укреплений на Люботинском городище (Шрамко 1998, с. 16, 19).

Современные разработки в области изучения античной керамики внесли существенные коррективы в датировки и определения центров производства вин. Кроме того, в последние десятилетия проведены масштабные раскопки на Западном укреплении (Задніков, Шрамко 2009 и др.; Гавриш 2006 и др.). Достаточно репрезентативный материал получен при изучении селищ в урочище Царина и Лисовой Кут (Скорый 2008 и др.). С. А. Задниковым полностью обработана коллекция античной керамики, найденной на территории Бельского городища и его округи (Задников 2014), К. Ю. Пеляшенко проследил ряд закономерностей в развитии керамического комплекса Днепро-Донецкой лесостепи (Пеляшенко 2014), И. Б. Шрамко сделаны важные стратиграфические наблюдения при изучении зольников Западного укрепления (Шрамко 2004; 2006; 2010 и др.). Кроме того, начиная с 2013 г. Скифской экспедицией Харьковского университета возобновлены раскопки на Восточном укреплении (Шрамко, Задніков 2014).

Исходя из того, что культурный слой и новые, открытые в последние годы археологические объекты в пределах внутренней территории укрепления содержат отложения не древнее середины — третьей четверти VI в. до н. э. (Задников 2014; 2015; 2016, 2017), можно утверждать, что окружавшее поселение крепостная стена не могла быть возведена ранее. Найденные Б. А. Шрамко в досыпке одного из валов фрагменты архаических чернолощеных сосудов второй — третьей четверти VII в. до н. э., (Шрамко 1971, табл. XIX) не могут иметь отношения ко времени заселения территории Восточного городища и возведения оборонительного вала также, как и встреченные при раскопках иные, выпадающие из хронологического контекста предметы, например, керамика бондарихинской культуры. Логика развития поселения свидетельствует, что при различных вариантах к началу V в. до н. э. были возведены не только вал и стена Восточного укрепления, но и вся система обороны городища уже была создана и до середины столетия функционировала в полном объеме.

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ И МУЗЕЕФИКАЦИИ

Восточное укрепления является наиболее изученным объектом в составе всего Бельского археологического комплекса, однако некоторые аспекты его возникновения и развития остаются дискуссионными. Некоторые результаты исследований нуждаются в уточнении деталей, многие — в дальнейшем развитии высказанных предположений. Кроме того, остается еще довольно много нерешенных вопросов и белых пятен.

В связи с этим перспективным и обоснованным выглядит дополнительное изучение вала и рва на участках западного и северного въездов, которые остались без внимания археологов. До сих пор актуальна проблема наличия восточного въезда на городище и понимания устройства обороны на этом участке. Необходимо также осуществить дополнительное обследование южного въезда, где, веро-

ятно, находились ворота. Все это в комплексе позволит уточнить время сооружения оборонительной линии укрепления, а также проследить хронологию сооружения его составных частей.

Вполне уместным выглядит и осуществление комплексных действий: охраны памятника и музейно-аттрактивных мероприятий на территории Восточного городища. Прежде всего, речь идет об отводе участков, на которых размещены валы и рвы, в постоянное пользование Историко-культурного заповедника «Бельск», что будет содействовать сохранению уникальных рукотворных фортификационных сооружений. Частично эти работы уже проведены. При проектировании обязательным условием должно быть соблюдение охранной зоны вокруг оборонительной линии крепости — 25 м от края рва и 50 м от внутреннего края вала. В пределах этих территорий следует прекратить любую хозяйственную деятельность, в т. ч. лесохозяйственных организаций. С последними возможным вариантом решения проблемы является заключение договоров сервитутов (наложение ограничений и обязательств на пользователей земельных участков). Следующим шагом должно стать прекращение распашки площади городища.

Еще одной важной задачей является засыпка валов и рвов укрепления, частично разрушенных в результате антропогенного или природного воздействия.

На территории Восточного городища на участках, которые уже есть археологически изученными, возможно размещение информационных щитов, где будет представлена информация об основных итогах изучения фортификационных сооружений, показана реконструкция оборонительных сооружений.

Осуществление новых разрезов фортификационной линии Восточного укрепления, бесспорно, должно сопровождаться музеефикацией исследованного участка. Эти работы вполне возможно провести за средства, выделенные Историко-культурным заповедником «Бельск», участием в грантовых программах, а также силами участников Летней полевой археологической школы, членов экспедиции Харьковского национального университета имени В.Н.Каразина, Историко-культурного заповедника «Бельск», во время акций, практикумов в рамках этнофестиваля «Гелон- фест».

На валах Восточного укрепления для туристов можно разместить смотровые площадки (2—3 ед.). Работы следует проводить на полностью изученных участках и по обязательному согласованию с органами охраны культурного наследия.

Реконструкция въездных ворот (башни) и реконструкция деревянных стен на валах требуют дополнительного изучения и консультации и должны стать темой отдельной публикации.

ЛИТЕРАТУРА

Більське городище в наукових працях Б. А. Шрамка. 2016. Котельва, Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, ІКЗ Більськ, Майдан.

Бобринской, А. А. 1897. Сведенья о различных курганах и земляных сооружениях, находящихся в Зеньковском уезде Полтавской губернии, в окрестностях села Глинища и на границе губерний Полтавской и Харьковской. *Отчет императорской коммисии за 1895 год*. Санкт-Петербург, с. 125-128.

Бойко, Ю. М. 2017. *Соціальний склад населення басейну р. Ворскла за скіфської доби.* Київ: ЦП НАН України і УТОПіК, ІКЗ Більськ.

Бондар, К. М., Матвіїшина, Ж. М. 2018. Магнітні властивості похованого сірого грунту з-під валу Східного укріплення Більського городища. *Феномен Більського городища — 2018*, друкується.

Гавриш, П. Я. 2000. *Племена скіфського часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Припсілля).* Полтава: Археологія.

Гавриш, П. Я. 2006. Основні підсумки дослідження попелища № 7 у Більському городищі. *Археологічний літопис лівобережної України*, 1, с. 11-20.

Городцов, В. А. 1911. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 году. *Труды XIV Археологического съезда*, 3, с. 95-102.

Гречко, Д. С., Крютченко, О. О. 2017. Дослідження в ур. Царина Могила в 2016 р. *Археологічні дослідження Більського городища — 2016*, с. 80-97.

Грицюк, В. М. 2004. Воєнно-історична польова поїздка до Більського городища. В: Скорий, С. А. (ред.). *Від Кіммерії до Сарматії. 60 років Відділу скіфо-сарматської археології ІА НАНУ.* Київ: Корвін-пресс, 2004, с. 26-28.

Грицюк, В. М. 2004. Система обороних позицій і виїздів Східного та Західного укріплень Більського городища. В: Черненко, Е. В., Ролле, Р., Скорый, С. А., Махортых, С. В., Херц, В., Белозер, В. П. *Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2003 г.* Київ: ІА НАНУ, DFG, с. 86-97.

Грицюк, В. Н., Ефимова, И. А. 2006. Новое в изучении оборонительных сооружений Бельского городища В: Махортых, С. В., Ролле-Герц, Р. А., Скорый, С. А., Герц, В. Ю., Белозер, В. П. *Исследования совместной украинско-немецкой археологической экспедиции в 2005 г.* Київ: ІА НАНУ, DFG, с. 123-142.

Грицюк, В., Єфімова, І. 2006а. Про наслідки воєнно-історичної польової поїздки до Більського городища. *Археологічний літопис Лівобережної України*, 1, с. 85-88.

Дорошкевич, С. П., Кушнір, А. С. 2014. Палеогеографічні реконструкції природних умов часу проживання скіфського населення на Полтавщині (за даними вивчення голоценових грунтів Більського городища). В: *Географія, картографія, географічна освіта: історія, методологія, практика. Матеріали міжнародної науково-практичної конференції.* Чернівці: Родовід, с. 49-50.

Задников, С. А. 2016. Исследование Восточного Бельского городища 2015 г. Раскоп № 35. *Археологічні дослідження Більського городища — 2015*, с. 38-52.

Задников, С. А. 2017. Исследование Восточного Бельского городища в 2016 г. Раскоп № 35. *Археологічні дослідження Більського городища — 2016*, с. 36-65.

Задников, С. А., Шрамко, І. Б. 2017. Археологические разведки на Бельском городище в 2016 г. *Археологічні дослідження Більського городища — 2016*, с. 245-264.

Задніков, С. А., Шрамко, І. Б. 2009. Розкопки зольника 13 на Західному укріпленні Більського городища. *Археологічні дослідження в Україні 2006—2007 рр*., с. 8-10.

Задніков, С. А. 2014, *Античний керамічний імпорт на Більському городищі скіфського часу*. Автореферат дисертації … канд. іст. наук. ІА НАНУ.

Задніков, С. А. 2015. Східне укріплення Більського городища: результати досліджень 2014 року. *Археологічні дослідження Більського городища — 2014*, с. 7-17.

Кравченко, Е. А., Горбаненко, С. А., Журавльов, О. П., Пефтіць, Д. М., Полідович, Ю. Б., Сергеева, М. С., Шелехань, О. В. 2017. *Хотівське городище (новітні дослідження)*. Київ: ІА НАНУ.

Кулатова, І. М., Супруненко, О. Б. 2010. *Кургани скіфського часу західної укруги Більського городища*. Київ: ЦП НАН України і УТОПІК, ЦОДПА.

Кушнір, А. С. 2016. *Природні умови проживання людини на території сучасного лівобережнодніпровського лісостепу Україні у пізньому плейстоцені — голоцені (за палеопедологічними даними)*. Автореферат дисертації канд. геогр. наук. Київ.

Кушнір, Л. Л., Кушнір, Л. М. 1999. Про географічне положення Більського городища. *Полтавський археологічний збірник — 1999*, с. 106-120.

Лисецкий, Ф. Н., Голеусов, П. В., Чепелев, О. А. 2005. Результаты почвообразования на антропогенны насыпях (по результатам изучения территории Бельского городища). *Науковий вістник Чернівецького університету. Біологія*, 251, с. 168-174.

Ляскоронский, В. Г. 1907. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рр. Псла и Ворсклы. *Труды XIII Археологического съезда*, 1, с. 158-198.

Махортых, С. В. 2013. Погребальные сооружения и обряд курганних некрополей Бельского городища. *Stratum plus*, 3, с. 223-256.

Моруженко, А. А. 1975. Оборонительные сооружения городищ Поворсклья в скифскую эпоху. В: Тереножкин, А. И. (ред). *Скифский мир*. Киев: Наукова думка, с. 133-146.

Падалка, Л. В. 1905. О древних городках, городищах и насыпанных валах на территории нынешней Полтавской губ. *Труды Полтавской ученой архивной комиссии*, 1. Полтава, с. 155-214.

Пеляшенко, К. Ю. 2014. *Ліпний посуд населення скіфського часу Дніпро-Донецького Лісостепу*. Дисертація канд. іст. наук. ІА НАНУ.

Приймак, В. В., Коротя, О. В., Осадчий, Є. М. 2007. *Звіт про археологічні розвідки для «Зводу пам'яток історії та культури на території Сумської і Полтавської областей»*. Науковий архів ІА НАНУ, 2007/297.

Ромашко, О. В. 2017. Розвідки на території Полтавської області у межах Великого укріплення Більського городища у 2016 р. *Археологічні дослідження Більського городища — 2016*, с. 238-244.

Скорый, С. А. 2008. Селище в урочище Лисовой Кут на Большом укреплении Бельского городища (материалы раскопок 1999—2001 и 2004 гг). *Revista arheologică*, 4, 1, с. 146-179.

Скорый, С. А. 2017. К реестру селищ скифского времени в пределах Большого укрепления Бельского городища. *Археологічні дослідження Більського городища — 2016*, с. 153-178.

Сорокіна, Л. Ю., Дорошкевич, С. П., Кушнір, А. С. 2014. Давні та сучасні ландшафти Більського городища як середовище існування людини. *Український географічний журнал*, 3, с. 25-33.

Сорокіна, Л. Ю., Дорошкевич, С. П., Кушнір, А. С. 2014. Заключення про ландшафтознавче та палеопедологічне дослідження скіфського (VII—III ст. до н. е.) городища поблизу с. Більськ Котелевського району Полтавської області у 2013 р. співробітниками Інституту географії НАН України. В: Шрамко, И. Б., Задников, С. А. *Отчет о раскопках на Бельском городище в 2013 г.* Науковий архів ІА НАНУ, арк. 268-286.

Супруненко, О. Б. 1996. Розкопки Більського курганного некрополю «Б». В: Супруненко, О. Б. (ред.). *Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи*. Полтава, с. 88-120.

Филарет (Гумилевский). 1857. *Историко-статистическое описание харьковской епархии*, 3. Москва.

Фіалко, О. Є., Болтрик, Ю. В. 2003. *Напад скіфів на Трахтемирівське городище*. Київ: Корвін-прес.

Хохоровски, Я., Скорый, С. 2006. Оборонительная система Мотронинского городища. *Археологічний літопис Лівобережної України*, 1, с. 74-84.

Шапорда, О. М. 2017. Дослідження території Більського археологічного комплексу у 2016 році. *Археологічні дослідження Більського городища — 2016*, с. 179-237.

Шафонский, А. Ф. 1851. *Черниговского наместичества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малые России, из части коей оное наместничество составлено*. Киев, с. 653-656.

Шерстюк, В. В. 2017. Нові поселення західної округи Більського городища. *Археологічні дослідження Більського городища — 2016*, с. 293-308.

Шрамко, Б. А. 1960. *Отчет о роботе Скифо-славянской экспедиции Харьковского гос. университета в 1959 г.* Науковий архів ІА НАНУ, 1959/29.

Шрамко, Б. А. *1961.Отчет о роботе Скифо-славянской экспедиции Харьковского гос. университета в 1960 г.* Науковий архів ІА НАНУ, 1960/27.

Шрамко, Б. А. 1966. *Отчет о работе Скифо-славянской экспедиции Харьковского государственного университета в 1965 г.* Науковий архів ІА НАНУ, 1965/7.

Шрамко, Б. А. 1966а. Основные итоги раскопок 1965 г. на Восточном Бельском городище. В: *Пленум Института археологии 1966 г.: Тезисы докладов. Секция «Ранний железный век»*. Москва: Наука, с. 15-17.

Шрамко, Б. А. 1967. *Отчет о раскопках и разведках Скифо-славянской экспедиции Харьковского государственного университета им. А. М. Горького в 1966 году*. Науковий архів ІА НАНУ, 1966/66.

Шрамко, Б. А. 1968. *Отчет о раскопках и разведках Скифо-славянской экспедиции Харьковского гос. университета в 1967 г.* Науковий архів ІА НАНУ, 1967/80.

Шрамко, Б. А. 1969. *Отчет о работе Скифо-славянской археологической экспедиции Харьковского гос. университета им. А. М. Горького в 1969 г.* Науковий архів ІА НАНУ, 1969/53.

Шрамко, Б. А. 1969. *Отчет о разведках и раскопках скифо-славянской археологической экспедиции Харьковского гос. университета им. А. М. Горького в 1968 году*. Науковий архів ІА НАНУ, 1968/43.

Шрамко, Б. А. 1970. *Отчет о работе Скифо-славянской археологической экспедиции ХГУ в 1970 г.* Науковий архів ІА НАНУ, 1970/70.

Шрамко, Б. А. 1971. *Отчет Скифо-славянской археологической экспедиции Харьковского госуниверситета о раскопках и разведках в 1971 г.* Науковий архів ІА НАНУ, 1971/46.

Шрамко, Б. А. 1971. Работы Скифо-славянской экспедиции Харьковского государственного университета. *Археологические открытия 1970 г.*, с. 276-277.

Шрамко, Б. А. 1972. Основные результаты раскопок 1970—1971 гг. на Бельском городище (г. Гелон). В: *Тезисы докладов на секциях (пленумах), посвященных итогам полевых исследований 1971 г.* Москва, с. 89-90.

Шрамко, Б. А. 1972. Работы в бассейнах Ворсклы и Северского Донца. *Археологические открытия 1971 г.*, с. 328-329.

Шрамко, Б. А. 1973. Восточное укрепление Бельского городища. В: Тереножкин, А. И. (ред). *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, с. 82-112.

Шрамко, Б. А. 1975. Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон. В: Тереножкин, А. И. (ред). *Скифский мир*. Киев: Наукова думка, с. 94-132.

Шрамко, Б. А. 1987. *Бельское городище скифской эпохи (город Гелон).* Киев: Наукова думка.

Шрамко, Б. А. 1994. Новые раскопки курганов в могильнике Скоробор. *Древности 1994*, с. 102-126.

Шрамко, Б. А. 1994. Розкопки курганів VII—IV ст. до н. е. поблизу Більська. *Археологія*, 4, с. 117-133.

Шрамко, Б. А. 1998. Люботинское городише. В: Буйнов, Ю. В. (ред.). *Люботинское городище*: Харьков: Регион-информ, с. 7-106.

Шрамко, Б. А., Шрамко, І. Б. 1991. Оборонні споруди Великого Більського городища. В: Супруненко, О. Б. (ред.). *Пам'ятки археології Полтавщини.* Полтава, с. 44-49.

Шрамко, И. Б. 2004. О начальном периоде существования Бельского городища. В: Скорий, С. А. (ред.). *Від Кіммерії до Сарматії. 60 років відділу скіфо-сарматської археології.* Київ: Корвін-пресс с. 103-106

Шрамко, І. Б. 2006. Ранній період в історії городотівського Гелону (за матеріалами розкопок зольника № 5). В: Черненко, Є. (ред.). *Більське городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень).* Київ: Шлях, с. 33-56.

Шрамко, И. Б. 2010. Бельское городище: основные этапы развития Скифии. *Проблемы истории и археологии Украины, 28—29 октября 2010 г.*, с. 38

Шрамко, И. Б. 2012. Большие городища лесостепной Скифии. *Проблемы истории и археологии Украины, 9—10 ноября 2012 г.*, с. 36.

Шрамко, И. Б., Буйнов, Ю. В. 2012. Переход от бронзы к железу в Днепро-Донецкой лесостепи. *Российский археологический сборник*, 2, с. 309-332.

Шрамко, І. Б., Задніков, С. А. 2014. Дослідження Більського городища у 2013 р. *Археологічні дослідження Більського городища — 2013*, с. 5-65.

Шрамко, І. Б., Задніков, С. А. 2017. Попередні підсумки досліджень могильника Скоробір у 2016 р. *Археологічні дослідження Більського городища — 2016*, с. 9-20.

REFERENCES

Bilske horodyshche v naukovykh pratsiakh B. A. Shramka. 2016. Kotelva, Kharkiv: KhNU imeni V. N. Karazina, IKZ Bilsk, Maidan.

Bobrynskoi, A. A. 1897. Svedenia o razlychnыkh kurhanakh y zemlianыkh sooruzhenyiakh, nakhodiashchykhsia v Zenkovskom uezde Poltavskoi hubernyy, v okrestnostiakh sela Hlynyshcha y na hranytse hubernyi Poltavskoi y Kharkovskoi. *Otchet ymperatorskoi kommysyy za 1895 hod*. Sankt-Peterburh, s. 125-128.

Boiko, Yu. M. 2017. *Sotsialnyi sklad naselennia baseinu r. Vorskla za skifskoi doby*. Kyiv: TsP NAN Ukrainy i UTOPiK, IKZ Bilsk.

Bondar, K. M., Matviishyna, Zh. M. 2018. Mahnytni vlastyvosti pokhovalnohoho siroho lisovoho hruntu z pid valu Skhidnoho ukriplennia Bilskoho horodyshcha. *Fenomen Bilskoho horodyshcha*, drukujetsia.

Chohorowski, J., Skory, S. 2006. Oboronitelnaia sistema Motroninskogo gorodisca. *Arkheolohichnyi litopys Livoberezhnoi Ukrainy*, 1, s. 74-84.

Havrysh, P. Ya. 2000. *Plemena skifskoho chasu v lisostepu Dniprovskoho Livoberezhzhia (za materialamy Prypsillia).* Poltava: Arkheolohiia.

Havrysh, P. Ya. 2006. Osnovni pidsumky doslidzhennia popelyshcha N 7 u Bilskomu horodyshchi. *Arkheolohichnyi litopys livoberezhnoi Ukrainy*, 1, s. 11-20.

Gorodczov, V. A. 1911. Dnevnik arxeologicheskix issledovanij v Zen'kovskom uezde Poltavskoj gubernii v 1906 godu. *Trudy XIV Arxeologicheskogo sjezda*, 3, s. 95-102.

Hrechko, D. S., Kriutchenko, O. O. 2017. Doslidzhennia v ur. Tsaryna Mohyla v 2016 r. *Arkheolohichni doslidzhennia Bilskoho horodyshcha — 2016*, s. 80-97.

Hrytsiuk, V. M. 2004. Voienno-istorychna polova poizdka do Bilskoho horodyshcha. In: Skory, S. A. (ed.). *Vid Kimmerii do Sarmatii. 6 rokiv Viddilu skifo-sarmatskoi arkheolohii*. Kyiv: KORVIN-PRESS, s. 26-28.

Hrytsiuk, V. M. 2004. Systema oboronykh pozytsii i vizdiv Skhidnoho ta Zakhidnoho ukriplen Bilskoho horodyshcha. In: Chernenko, E. V., Rolle, R., Skory, S. A., Makhortyh, S. V., Gercz, V., Belozer, V. P. *Issledovaniya sovmestnoj Ukrainsko-Nemeczkoj arxeologicheskoj e'kspediczii v 2003 g*. Kyiv: IA NANU, DFG, s. 86-97.

Hrytsiuk, V. N., Efymova, Y. A. 2006. Novoe v yzuchenyy oboronytelnыkh sooruzhenyi Belskoho horodyshcha V: Makhortyh, S. V., Rolle-Herts, R. A., Skory, S. A., Herts, V. Yu., Belozer, V. P. *Issledovaniya sovmestnoj Ukrainsko-Nemeczkoj arheologicheskoj ekspediczii v 2005 g*. Kyiv: IA NANU, DFG, s. 123-142.

Hrytsiuk, V., Yefimova, I. 2006a. Pro naslidky voienno-istorychnoi polovoi poizdky do Bilskoho horodyshcha. *Arkheolohichnyi litopys Livoberezhnoi Ukrainy*, 1, s. 85-88.

Doroshkevych, S. P., Kushnir, A. S. 2014. Paleoheohrafichni rekonstruktsii pryrodnykh umov chasu prozhyvannia skifskoho naselennia na Poltavshchyni (za danymy vyvchennia holotsenovykh hruntiv Bilskoho horodyshcha). In: *Heohrafiia, kartohrafiia, heohrafichna osvita: istoriia, metodolohiia, praktyka. Materialy mizhnarodnoi naukovo-praktychnoi konferentsii*. Chernivtsi: Rodovid, s. 49-50.

Zadnikov, S. A. 2016. Issledovanie Vostochnogo Bel'skogo gorodishha 2015 g. Raskop N 35. *Arkheolohichni doslidzhennia Bilskoho horodyshcha — 2015*, s. 38-52.

Zadnikov, S. A. 2017. Issledovanie Vostochnogo Bel'skogo gorodishha 2016 g. Raskop N 35. *Arkheolohichni doslidzhennia Bilskoho horodyshcha — 2016*, s. 36-65.

Zadnikov, S. A., Shramko, I. B. 2017. Arheologicheskie razvedki na Belskom gorodisce v 2016 g. *Arkheolohichni doslidzhennia Bilskoho horodyshcha — 2016*, s. 245-264.

Zadnikov, S. A., Shramko, I. B. 2009. Rozkopky zolnyka 13 na Zakhidnomu ukriplenni Bilskoho horodyshcha. *Arkheolohichni doslidzhennia v Ukrajini 2006—2007 rr.*, s. 8-10.

Zadnikov, S. A. 2014. *Antychnyi keramichnyi import na Bilskomu horodyshchi skifskoho chasu.* Avtoreferat dysertatsii kand. ist. nauk. IA NANU.

Zadnikov, S. A. 2015. Skhidne ukriplennia Bilskoho horodyshcha: rezultaty doslidzhen 2014 roku. *Arkheolohichni doslidzhennia Bilskoho horodyshcha — 2014*, s. 7-17.

Kravchenko, E. A. 2017. *Khotivske horodyshche (novitni doslidzhennia*). Kyiv: Maidan.

Kulatova, I. M., Suprunenko, O. B. 2010. *Kurhany skifskoho chasu zakhidnoi ukruhy Bilskoho horodyshcha.* Kyiv: TsP NAN Ukrainy i UTOPIK, CODPA.

Kushnir, A. S. 2016. *Pryrodni umovy prozhyvannia liudyny na terytorii suchasnoho livoberezhnodniprovskoho lisostepu Ukrainy u piznomu pleistotseni — holotseni (za paleopedolohichnymy danymy).* Avtoreferat dysertatsii kand. geogr. nauk. Kyiv.

Kushnir, L. L., Kushnir, L. M. 1999. Pro heohrafichne polozhennia Bilskoho horodyshcha. *Poltavskyi arkheolohichnyi zbirnyk — 1999*, s. 106-120.

Lysetskyi, F. N., Holeusov, P. V., Chepelev, O. A. 2005. Rezultaty pochvoobrazovaniia na antropogenny nasypiah (po rezultatam izucheniia teritorii Belskogo gorodisca). *Naukovyi visnyk Chernivetskoho universytetu. Biolohiia*, 251, s. 168-174.

Liaskoronskii, V. G. 1907. Gorodisca, kurgany i dlinnye (zmievye) valy po techeniiu rr. Psla i Vorskly. *Trudy XIII Arheologicheskogo sezda*, 1, Moskva, s. 158-198.

Mahortyh, S. V. 2013. Pogrebalnye soorujeniia i obriad kurgannih nekropolei Belskogo gorodisca. *Stratum plus*, 3, s. 223-256.

Morujenko, A. A. 1975. Oboronitelnye soorujeniia gorodisc Povorsklia v skifskuiu epohu. In: Terenojkin, A. I. (ed.). *Skifskii mir*. Kiev: Naukova dumka, s. 133-146.

Padalka, L. V. 1905. O drevnih gorodkah, gorodiscah i nasypannyh valah na territorii nyneshnei Poltavskoi gub. *Trudy Poltavskoi uchenoi arhivnoi komissii*, 1, s. 155-214.

Peliashenko, K. Yu. 2014. *Lipnyi posud naselennia skifskoho chasu Dnipro-Donetskoho Lisostepu*. Dysertatsiia kand. ist. nauk. IA NANU.

Pryimak, V. V., Korotia, O. V., Osadchyi, Ye. M. 2007. *Zvit pro arkheolohichni rozvidky dlia «Zvodu pam'iatok istorii ta kultury na terytorii Sumskoi i Poltavskoi oblastei».* Naukoviy arhiv IA NANU, 2007/297.

Romashko, O. V. 2017. Rozvidky na terytorii Poltavskoi oblasti u mezhakh Velykoho ukriplennia Bilskoho horodyshcha u 2016 r. *Arkheolohichni doslidzhennia Bilskoho horodyshcha — 2016*, s. 238-244.

Skory, S. A. 2008. Selisce v urochisce Lisovoi Kut na Bolshom ukreplenii Belskogo gorodisca (materialy raskopok 1999—2001 i 2004 gg). *Revista arheologica*, 4, 1, s. 146-179.

Skory, S. A. 2017. K reestru selisc skifskogo vremeni v predelah Bolshogo ukrepleniia Belskogo gorodisca. *Arkheolohichni doslidzhennia Bilskoho horodyshcha — 2016*, s. 153-178.

Sorokina, L. Yu., Doroshkevych, S. P., Kushnir, A. S. 2014. Davni ta suchasni landshafty Bilskoho horodyshcha yak seredovyshche isnuvannia liudyny. *Ukrainskyi heohrafichnyi zhurnal*, 3, s. 25-33.

Sorokina, L. Yu., Doroshkevych, S. P., Kushnir, A. S. 2014. Zakliuchennia pro landshaftoznavche ta paleopedolohichne doslidzhennia skifskoho (VII—III st. do n. e.) horodyshcha poblyzu s. Bilsk Kotelevskoho raionu Poltavskoi oblasti u 2013 r. spivrobitnykamy Instytutu heohrafii NAN Ukrainy. In: Shramko, I. B., Zadnykov, S. A. *Otchet o raskopkakh na Belskom horodyshche v 2013 h.* Naukoviy arhiv IA NANU, s. 268-286.

Suprunenko, O. B. 1996. Rozkopky Bilskoho kurhannoho nekropoliu «B». In: Suprunenko, O. B. (ed.). *Bilske horodyshche v konteksti vyvchennia pam'iatok rannoho zaliznoho viku Yevropy*. Poltava, s. 88-120.

Filaret (Gumilevskii). 1857. *Istoriko-statisticheskoe opisanie harkovskoi eparhii*, 3. Moskva.

Fialko, O. Ye., Boltrik, Yu. V. 2003. *Napad skifiv na Trakhtemyrivske horodyshche*. Kyiv: Korvin-pres.

Shaporda, O. M. 2017. Doslidzhennia terytorii Bilskoho arkheolohichnoho kompleksu u 2016 rotsi. *Arkheolohichni doslidzhennia Bilskoho horodyshcha — 2016*, s. 179-237.

Shafonskyi, A. F. 1851. *Chernigovskogo namestichestva topograficheskoe opisanie s kratkim geograficheskim i istoricheskim opisaniem Malye Rossii, iz chasti koei onoe nmestnichestvo sostavleno*. Kiev.

Sherstiuk, V. V. 2017. Novi poselennia zakhidnoi okruhy Bilskoho horodyshcha. *Arkheolohichni doslidzhennia Bilskoho horodyshcha — 2016*, s. 293-308.

Shramko, B. A. 1960. *Otchet o robote Skifo-slavianskoi ekspedicii Harkovskogo gos. universiteta v 1959 g.* Naukovii arhiv IA NANU, 1959/29.

Shramko, B. A. 1961.*Otchet o robote Skifo-slavianskoi ekspedicii Harkovskogo gos. universiteta v 1960 g.* Naukovii arhiv IA NANU, 1960/27.

Shramko, B. A. 1966. *Otchet o rabote Skifo-slavianskoi ekspedicii Harkovskogo gosudarstvennogo universiteta v 1965 g.* Naukovii arhiv IA NANU, 1965/7.

Shramko, B. A. 1966a. Osnovnye itogi raskopok 1965 g. na Vostochnom Belskom gorodisce. In: *Plenum Instituta arheologii 1966 g.: Tezisy dokladov: Sekciia «Rannii jeleznyi vek».* Moskva, s. 15-17.

Shramko, B. A. 1967. *Otchet o raskopkah i razvedkah Skifo-slavianskoi ekspedicii Harkovskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. M. Gorkogo v 1966 godu*. Naukovii arhiv IA NANU, 1966/66.

Shramko, B. A. 1968. *Otchet o raskopkah i razvedkah Skifo-slavianskoi ekspedicii Harkovskogo gos.universiteta v 1967 g.* Naukovii arhiv IA NANU, 1967/80.

Shramko, B. A. 1969. *Otchet o rabote Skifo-slavianskoi arheologicheskoi ekspedicii Harkovskogo gos. universiteta im. A. M. Gorkogo v 1969 g.* Naukovii arhiv IA NANU, 1969/53.

Shramko, B. A. 1969. *Otchet o razvedkah i raskopkah skifo-slavianskoi arheologicheskoi ekspedicii Harkovskogo gos. universiteta im. A. M. Gorkogo v 1968 godu*. Naukovii arhiv IA NANU, 1968/43.

Shramko, B. A. 1970. *Otchet o rabote Skifo-slavianskoi arheologicheskoi ekspedicii HGU v 1970 g.* Naukovii arhiv IA NANU, 1970/70.

Shramko, B. A. 1971. *Otchet Skifo-slavianskoi arheologicheskoi ekspedicii Harkovskogo gosuniversiteta o raskopkah i razvedkah v 1971 g.* Naukovii arhiv IA NANU, 1971/46.

Shramko, B. A. 1971. Raboty Skifo-slavianskoi ekspedicii Harkovskogo gosudarstvennogo universiteta. *Arheologicheskie otkrytiia 1970 g.*, s. 276-277.

Shramko, B. A. 1972. Osnovnye rezultaty raskopok 1970—1971 gg. na Belskom gorodisce (g. Gelon). In: *Tezisy dokladov na sekciiah (plenumah), posviascennyh itogam polevyh issledovanii 1971 g.* Moskva, s. 89-90.

Shramko, B. A. 1972. Raboty v basseinah Vorskly i Severskogo Donca. *Arheologicheskie otkrytiia 1971 g.*, s. 328-329.

Shramko, B. A. 1973. Vostochnoe ukreplenie Belskogo gorodisca. In: Terenojkin, A. I. (ed.). *Skifskie drevnosti.* Kiev: Naukova dumka, s. 82-112

Shramko, B. A. 1975. Krepost skifskoi epohi u s. Belsk — gorod Gelon. In: Terenojkin, A. I. (ed.). *Skifskii mir.* Kiev: Naukova dumka, s. 94-132.

Shramko, B. A. 1987. *Belskoe gorodisce skifskoi epohi (gorod Gelon).* Kiev: Naukova dumka.

Shramko, B. A. 1994. Novye raskopki kurganov v mogilnike Skorobor. *Drevnosti 1994*, s. 102-126.

Shramko, B. A. 1994. Rozkopki kurganiv VII—IV st. do n. e. poblizu Bilska. *Arheologiia*, 4, s. 117-133.

Shramko, B. A. 1998. Liubotinskoe gorodishe. In: Buinov, Yu. V. (ed.). *Liubotinskoe gorodisce.* Harkov: Region-inform, s. 7-106.

Shramko, B. A., Shramko, I. B. 1991. Oboronni sporudy Velykoho Bilskoho horodyshcha. In: *Pam'iatky arkheolohii Poltavshchyny*. Poltava, s. 44-49.

Shramko, I. B. 2004. O nachalnom periode suscestvovaniia Belskogo gorodisca. In: Skory, S. A. (ed.). *Vid Kimmerii do Sarmatii. 60 rokiv viddilu skifo-sarmatskoi arkheolohii*. Kyiv, s. 103-106.

Shramko, I. B. 2006. Rannii period v istorii herodotivskoho Helonu (za materialamy rozkopok zolnyka N 5). In: Chernenko, Ye. V. (ed.). *Bilske horodyshche ta yoho okruha (do 100-richchia pochatku polovykh doslidzhen).* Kyiv: Shliakh, s. 33-56.

Shramko, I. B. 2010. Belskoe gorodisce: osnovnye etapy razvitiia Skifii. *Problemy istorii i arheologii Ukrainy, 28—29 oktiabria 2010 g.*, s. 38

Shramko, I. B. 2012. Bolshie gorodisca lesostepnoi Skifii. *Problemy istorii i arheologii Ukrainy, 9—10 noiabria 2012 g.*, s. 36.

Shramko, I. B., Buinov, Yu. V. 2012. Perehod ot bronzy k jelezu v Dnepro-Doneckoi lesostepi. *Rossiiskii arheologicheskii sbornik*, 2, s. 309-332.

Shramko, I. B., Zadnikov, S. A. 2014. Doslidjennia Bilskogo gorodisca u 2013 r. *Arkheolohichni doslidzhennia Bilskoho horodyshcha — 2013*, s. 5-65.

Shramko, I. B., Zadnikov, S. A. 2017. Poperedni pidsumki doslidjen mogilnika Skorobir u 2016 r. *Arkheolohichni doslidzhennia Bilskoho horodyshcha — 2016*, s. 9-20.

I. B. Shramko, I. I. Korost, S. A. Zadnikov

THE DEFENSIVE SYSTEM OF THE EASTERN FORTIFICATION OF THE BILSK HILLFORT

At the present stage of the study of the famous Bilsk hill fortress, it is important to analyze the information gathered in extensive scientific literature reflecting the development of scientific views on the designation and organization of the defense system of one of its most important component parts, followed by the name «Eastern Fortification» in historiography. Consideration of various points of view of scientists and their arguments in defense of certain versions of the time of construction, the nature of use, the principles of construction and location in the general defense system of the Bilsk fortified settlement makes it possible to conclude that there are still many unresolved issues in this problem. In this regard, new directions for strengthening research are proposed, combining scientific tasks with protection measures and the inclusion of a defensive shaft in the program of the museumification of a well-known monument of archeology.

Keywords: Dnieper forest-steppe Left bank, early Iron Age, Scythian epoch, Bilsk hillfort, Eastern fortification, defensive shaft, 6th century BC.

Одержано 18.12.2017

ЗАДНІКОВ Станіслав Анатолійович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, ХНУ імені В. Н. Каразіна, вул. Трінклера, 8, Харків, 61022, Україна, *belsk.archaika@gmail.com*.

ZADNIKOV Stanislav, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, V. N. Karazin KhNU, st. Trinklera, 8, Kharkiv, 61022, Ukraine, *belsk.archaika@gmail.com*.

КОРОСТ Ігор Іванович, директор Комунального підприємства «Історико-культурний заповідник «Більськ» Полтавської обласної ради, вул. Ринкова, 21, Котельва, 38600, Україна, *bilsk_gelon@ukr.net*.

KOROST Igor, Director of the Communal Enterprise «Historical and Cultural Reserve «Bilsk» Poltava Regional Council, St. Rynkova, 21 Kotelva, 38600, Ukraine, *bilsk_gelon@ukr.net*.

ШРАМКО Ірина Борисівна, кандидат історичних наук, доцент Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна, директор Музею археології ХНУ ім. В. Н. Каразіна, пл. Свободи, 4, Харків, 61022, Україна, *i.b.shramko@karazin.ua*.

SHRAMKO Irina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the V. N. Karazin Kharkov National University, Director of the Archeology Museum of V. N. Karazin KhNU, Sq. Svobody, 4, Kharkiv, 61022, Ukraine, *i.b.shramko@karazin.ua*.

УДК: [904.2:7.031.1](4-11)”6383”

А. Р. Канторович

МОТИВЫ РЫБЫ И ДЕЛЬФИНА В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ СКИФСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ: ТИПОЛОГИЯ, ХРОНОЛОГИЯ, ИСТОКИ

В рамках общего массива изображений восточноевропейского скифского звериного стиля, классифицированного автором (2207 оригинальных изображений, без учета копий и зеркальных отображений), образы рыбы (27 единиц) и дельфина (4 единицы) составляют незначительную долю — соответственно 1,23 и 0,18 %. Однако при всей периферийности темы рыбы и, особенно, дельфина, присутствие мотивов, так или иначе связанных с водной стихией, в скифском искусстве достаточно ощутимо. Это как реальные образы (рыба, дельфин), так и синкретические, интегрирующие мотив рыбы (рогатая рыба, гиппокамп-лошадь, грифоно-гиппокамп, «петушок-гиппокамп»). Почти все эти изображения относятся к эпохе «скифской классики» (V—IV вв. до н. э.), в особенности к IV в. до н. э. — т. е. ко времени наиболее интенсивного влияния греческого искусства на скифский звериный стиль. Всё это соответствует выводам С. С. Бессоновой и Д. С. Раевского о важной роли водного начала в скифских религиозно-мифологических представлениях.

Ключевые слова: *скифский звериный стиль, образы рыбы и дельфина, античное искусство, Северное Причерноморье, репертуар.*

Выдающийся скифолог Светлана Сергеевна Бессонова в своих работах, посвященных религиозно-мифологическим представлениям скифов, уделила значительное внимание семантико-стилистическим аспектам реализации образов водных существ в греко-скифском и в собственно скифском анималистическом искусстве (Бессонова 2004, с. 25—30). Исследовательница также тщательно проанализировала идеологемы Апи, Аргимпасы / Артимпасы и Тагимасада — божеств скифского пантеона, так или иначе связанных с водной стихией (Бессонова 1983, с. 36—40, 50—52). Наша статья посвящена мотивам рыбы и дельфина, каковые, не будучи «магистральными» в репертуаре восточноевропейского скифского звериного стиля, имеют, тем не менее, существенный семиотический статус в контексте концепта водной стихии в скифской идеологии.

© А. Р. КАНТОРОВИЧ, 2018

Образ дельфина в скифском зверином стиле до настоящего времени специально не рассматривался, тогда как мотиву рыбы в скифском искусстве было посвящено специальное исследование С. Г. Колтухова (Колтухов 1997). С. В. Полин приводит перечень изображений рыб в скифской археологической культуре и их аналогий в связи с анализом изображения «рогатой рыбы» из Гайматовой могилы (Бидзиля, Полин 2012, с. 455). Также мотив рыбы в рамках обзора всего скифо-сибирского звериного стиля был кратко охарактеризован в монографии Е. Ф. Корольковой (Королькова 2006, с. 37, табл. 1). Представляется целесообразным осуществить морфологическую типологию соответствующих изображений в контексте разработанной нами ранее единой системы классификации массива изображений восточноевропейского скифского звериного стиля.

Образы рыбы и дельфина, естественно, находятся за пределами четырех тематических категорий (мегаобразов), доминирующих в репертуаре восточноевропейского и, шире, всего скифо-скифского звериного стиля (Хищники, Копытные, Птицы, Синкретические животные). Это периферийные образы, наряду с мотивами зайца и верблюда (табл. 1).

Известны только полнофигурные отображения рыбы и дельфина, редуцированных отображений нет. Обратимся к типологии данных изображений в восточноевропейском скифском зверином стиле на территории скифской архео-

Статистика репертуара и морфологических типов изображений восточноевропейского скифского звериного стиля

Образно-видовая принадлежность	Оригинальные изображения, *N*	%	Типы, *N*
Хищники	590	26,7	108
Копытные, в том числе	794	35,9	127
олени	263	—	42
лоси	88	—	17
горные козлы	52	—	12
бараны	78	—	10
лошади	109	—	13
быки	4	—	2
кабаны	38	—	14
«оленелоси»	12	—	3
«лосекозлы»	21	—	1
«оленекозлы»	19	—	1
обособленное ухо копытного	24	—	2
обособленная нога копытного / копыто	86	—	10
Птицы	556	25,2	55
Синкретические животные, в том числе	209	9,5	46
грифоны и крылатые львы	100	—	33
бараноптицы	50	—	2
гибрид грифона и бараноптицы	1	—	1
гибрид грифона и кошачьего хищника — тупорылый зверь	10	—	1
гиппокампы, грифоногиппокампы и «петушки»	24	—	4
«лосептица»	13	—	1
«оленептица»	2	—	1
комбинация элементов птицы и неопределенного копытного	8	—	2
рогатая рыба	1	—	1
Зайцы	21	0,95	3
Верблюды	6	0,27	1
Дельфины	4	0,18	2
Рыбы	27	1,23	3
Итого	2207	100	345

Указано количество оригинальных изображений, без учета копий и зеркальных отображений.

логической культуры. Ниже приводится описание типов и их хронология. Типы обозначены порядковыми номерами и именуются по местонахождению предметов с изображениями, эталонными для иконографии данного типа, либо маркирующими крайние пространственные или временные границы изображений, относящихся к типу. При статистических подсчетах нами везде указывается только количество оригинальных изображений (без копий и зеркальных отображений). В графических таблицах (рис. 1—5) представлены все оригинальные изображения данных типов, обозначенные арабскими номерами, соответствующими их описанию в тексте. Указания на происхождение изображений, категорию и материал украшаемой вещи, на количество копий / зеркальных отображений (при их наличии) а также ссылки на источники иллюстраций приводятся (для краткости и во избежание повторов) не в основном тексте, а в подрисуночных подписях.

ОБРАЗ РЫБЫ

К образу рыбы нами отнесены изображения, безошибочно идентифицируемые на основании наличия признаков природного надкласса Рыбы (Pisces) и наделенные диагностическими признаками, которые представляются достаточными для отнесения того или иного изображения к художественному направлению скифского звериного стиля [1]. Характерные черты менее крупных таксонов надкласса Рыбы учитываются уже на уровне типа (в том случае, если такие признаки удается выявить).

С учетом этих показателей, а также, прежде всего, морфологии изображений, можно дифференцировать 3 типа изображений рыбы.

Тип 1 (Рылеевско-солохский) (рис. 1). К данному типу относятся 7 изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья (1—4), Крыма (5) и Среднего Поднепровья (6, 7). Они оформляют в основном уздечные принадлежности — золотые налобники (1, 2), бронзовые нащечники (4, 5) и бронзовые бляхи (6, 7), а в одном случае — золотые обивки деревянной чаши (3) [2]. Данные изображения представляют

1. Это три группы признаков: 1) специфические пропорции — преувеличенность определённых частей тела (в ущерб остальным): в первую очередь глаз, пасти, ноздрей, ушей, лопатки, бедра — во всех образных группах, рогов и копыт — у копытных, зубов и когтей — у хищников, клюва и крыльев — у птиц, всех вышеперечисленных деталей (при их наличии) — у синкретических животных; 2) акцентирование определенных анатомических деталей (таких, как глаз, рог, лопатка, плечо, бедро, копыто или лапа) посредством рельефа, линейного обрамления, намеренной геометризации и / или «зооморфного превращения» этой детали, т. е. её трансформации в другой зооморфный мотив; 3) специфическая поза животного, соответствующая ограниченному набору поз, строго определенному для той или иной группы образов. При этом для полнофигурного изображения необходимо наличие всех трех признаков, для намеренно редуцированного — достаточно первых двух. Подробнее о критериях классификации см.: Канторович 2011.
2. К данному типу, теоретически, может относиться изображение на серебряной обивке деревянной чаши из кургана 3 у с. Великая Багачка (Рябова 1984, рис. 3: 5), однако мы его не учитываем в силу общей фрагментированности данной обивки и невнятности фигуры рыбы. Такое же исключе-

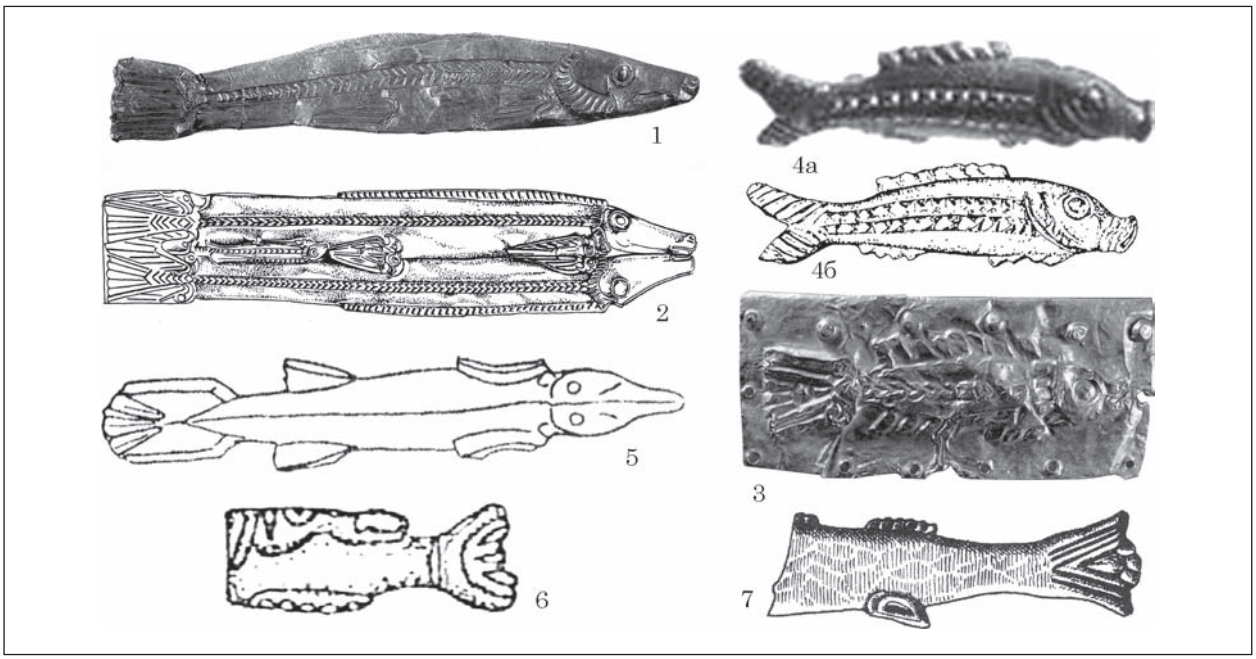


Рис. 1. Образ рыбы, тип 1 (Рылеевско-солохский): 1 — Таранова могила у с. Ингуло-Каменка Новгородского р-на Кировоградской обл., золотой налобник; 2 — Солоха, Центральное погребение, конская могила, золотые налобники, 2 экз.; 3 — Архангельская слобода, золотые обивки деревянной чаши, 4 экз.; 4 — Малая Лепетиха, «большой курган 2», бронзовые нащечники, 2 экз.; 5 — погребение 2 кургана 4 между сс. Рылеевка и Славное, бронзовые нащечники, 8 экз.; 6 — Каневский уезд, бронзовая уздечная бляха; 7 — Перещепино, курган 22, бронзовая уздечная бляха (по: 1 — Skyyten…1990, p. 23, cat. 38; 2 — Манцевич 1987, кат. 16; 3 — Лесков 1974, с. 71, 107, рис. 84, 87; 4 — Лесков 1974, с. 40, рис. 31); 5 — Колтухов 1997, с. 60—64, рис. 2, 3; 6 — Могилов 2008, рис. 99: 22; 7 — Махортих 2006, рис. 7: 8). Масштаб разный

рыб семейства Осетровые (Acipenseridae), которым в природе свойственно узкое длинное туловище, коническое или лопатовидно удлиненное рыло и, в качестве наиболее характерной черты, — отсутствие чешуи и наличие костных выступов-щитков (так называемых «жучек») — продольных рядов ромбовидных костных чешуек, идущих по спине, бокам и брюху осетровых в природе (БСЭ 3-е изд., т. 18, с. 557). Данный вывод подкрепляется и сообщением Геродота (Herod., IV, 53) о том, что «в Борисфенесе водятся огромные рыбы без позвоночного столба, называемые антакаями и идущие на соление» (пер. Ф. Г. Мищенко: Геродот 1888, с. 327); другой вариант перевода: «*В реке водятся огромные бескостные рыбы под названием "антакеи"*» (пер. Г. А. Стратановского: Геродот 1972, с. 200). Обратим внимание, что все изображения данного типа, кроме одного, происходят из Приднепровья, а оставшееся изображение — из Крыма; как известно, осетры обитают в Черном море, откуда заходят в различные реки, в том числе и в Днепр (поднимаясь до г. Могилева).

Эти животные трактуются современными комментаторами Геродота именно как рыбы семейства осетровых. Так, еще Н. И. Максимович в своем описании Днепра предположил, что это осетры, севрюги и белуги (Максимович 1901, с. 64; ср. Доватур и др. 1982, с. 282—283, прим. 361). Г. А. Стратановский пришел к выводу, что это белуга (*Acipenser huso*) (Геродот 1972, с. 520, прим. 44); отметим, что черноморская белуга обитает в северо-западной части этого водоёма и заходит на нерест, в том числе, и в Днепр. С. Г. Колтухов в связи с изображениями рыб на нащечниках из Малой Лепетихи указывает: «Двойной ряд жуковин на боку и асимметричный хвостовой плавник позволяют думать, что это изображения рыб осетровой породы» (1997, с. 63). Данный исследователь однозначно атрибутировал публикуемые им восемь бронзовых нащёчников (отлитых в одной форме) из погребения 2 кургана 4 между сс. Рылеевка и Славное как фигурки осетров (1997, с. 60, 62); нами это изображение (5) обозначено

ние сделано и в отношении достаточно условного изображения на золотой обивке деревянной чаши из раскопок Н. Н. Чередниченко у с. Тарасовка (Верхнетарасовка) в Поднепровье, опубликованного пока лишь один раз (Рябова 1984, с. 38, рис. 3: 2) в достаточно схематичной репродукции, не позволяющей однозначно атрибутировать рыбу как осетровую или не-осетровую; к сожалению, пока нам не удалось ознакомиться с данным предметом de visu. Наконец, из-за крайней схематичности и неясности изображения не учитывается изображение неопределенного животного на золотой обкладке рукояти чаши из Александропольского кургана, которое А. П. Манцевич интерпретировала как фигуру хищного зверя, приготовившегося к прыжку (1966, с. 28, рис. 3: 11), тогда как С. В. Полин считает это существо рыбой (Бидзиля, Полин 2012, с. 455, прим. 256).

как рылеевское ввиду большей близости комплекса к Рылеевке, нежели к Славному [1].

Изображения выполнены в высоком рельефе, односторонние, исключая объемное изображение из Рылеевки, рассчитанное на трехсторонний обзор (5). Солохские изображения составляют парную синтетическую композицию, или же это «разложенная надвое» единая рыба. Головная часть каневского и перещепинского изображений обломана, но в силу их большого сходства с остальными они могут быть отнесены к данному типу.

Рыло рыб Рылеевско-солохского типа чаще удлиненное (исключение — архангельское изображение с укороченной мордой — 3). Пасть закрыта, рот обозначен узким желобком. При этом в тарановском, солохском и архангельском изображениях на конце рыла, в соответствии с иконографией млекопитающих, углублением обозначена ноздря, что противоречит анатомии рыбы, ноздри которой не служат для дыхания и расположены значительно ближе к глазам. Глаз, как правило, средних размеров, округлый, моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы, лишь в рылеевском изображении он маленький, дан овальной выпуклостью (5).

Голова (в случае её сохранности) чётко отделена от туловища: в рылеевском изображении дуговидным уступом, в остальных — широким дуговидным валиком-«воротником» с поперечным рифлением (имитация жаберной крышки). От этого валика назад отходит сегментовидный грудной плавник, чаще рифленый (1—4), в рылеевском изображении — гладкий (5). Туловище длинное, веретёнообразное, в целом гладкое, вдоль туловища посередине, как правило, проходит полоса боковых «жучек», имитированных широким желобком с заполнением рельефной «ёлочкой» (1) или же валиком (2—4), состоящим из «ёлочек» (1—3) или «жемчужника» (4); лишь у рылеевской рыбы туловище совершенно гладкое (5). По поверхности спины рыбы в большинстве изображений (2—4, 6, 7), исключая тарановское (1) и рылеевское (5), проходит спинной плавник, слитый порой со спинным рядом хрящей-«жучек» и имеющий поперечное рифление с наклоном назад. Анальный плавник (или брюшной, это не всегда различимо, порой они слиты воедино) в архангельском (4), каневском (6) и малолепетихинском (4) изображениях показан аналогично спинному рифлению, но они короче; в рылеевском (5) и перещепинском (7) изображениях эти плавники сегментовидные гладкие, тогда как в тарановском (1) и солохском (2) — тождественны грудному плавнику — сегментовидные с рифлением. При этом в солохском изображении грудной и брюшной / анальный плавники превращены в антитетичные фигуры птиц, кроме того, на одном из солохских налобников (2) (Манцевич 1987, кат. 16) между профилями рыб за брюшным / анальным плавником помещена миниатюрная дополнительная рыбка, подобная большой, тогда как на другом налобнике (Манцевич 1987, кат. 13) такие рыбки помещены и перед, и за брюшным / анальным плавником.

Хвостовые плавники мощные, могут иметь очертания трапеции (1—3, 6, 7), треугольника с выемкой в основании (4) или двойной трапеции, соединённой основаниями (5). Они продольно зарифлены — полностью (1—4, 7) или частично (5, 6), могут быть частично превращены в профили птиц (2), полностью трансформированы в пальметку с волютами в основании (2, 3); такая же пальметка, но без волют, может быть вписана в выемку хвоста (7).

Морфологическая динамика и хронология. Опору для хронологии данного типа составляет сдвоенное изображение из основного погребения Солохи; соответствующий комплекс датируется 420 / 410—400 гг. до н. э. по объективным показателям (по античным импортам и уздечным принадлежностям) (Алексеев 2003, с. 261—263, 296). Иконографически близкое ему изображение из Тарановой могилы должно датироваться в тех же пределах.

Рылеевское изображение — менее детализированное, нежели солохское и тарановское, более лаконичное, с разделкой тела сходящимися плоскостями (архаизирующий признак в скифском зверином стиле); соответственно, оно представляется несколько более ранним, что согласуется с датировкой рылеевского комплекса С. В. Колтуховым (2012, с. 73—74): исследователь относит весь комплекс к V в. до н. э., но при этом основным хроноиндикатором справедливо признает фасосскую амфору Стеблёвской серии I-A-2 (по С. Ю. Монахову), датируемую серединой V в. до н. э. [2]

1. Изначально двойственное обозначение данной курганной группы (и как Славное, и как Рылеевка) привело к определенной путанице. Так, в обзоре С. В. Полина данное изображение ошибочно упоминается как два изображения, оформляющее нащечники из разных комплексов — из кургана 4 у с. Рылеевка и из кургана 4 у с. Славное (Бидзиля, Полин 2012, с. 455, прим. 257), однако в реальности это один и тот же комплекс — погребение 2 кургана 4 курганной группы, первоначально обозначенной её публикаторами С. Г. Колтуховым и Г. Н. Тощевым как могильник у с. Славное (располагается в 3 км от этого села и в 2 км от с. Рылеевка); в дальнейшем данная группа именовалась С. Г. Колтуховым как могильник у с. Рылеевка (см. Колтухов, Тощев 1998, с. 98, 112—113, рис. 61: 3; Колтухов 2012, 219—221, рис. 59—61).

2. С. Г. Колтухов полагает, что рылеевские нащечники в виде осетров были произведены в греческой мастерской (2012, с. 74). Не отрицая такой возможности, следует констатировать, что рылеевские изображения, как показал наш стилистический анализ в контексте типологии, вполне соответствуют канонам скифского звериного стиля, т. е. были изготовлены с учетом скифских вкусов.

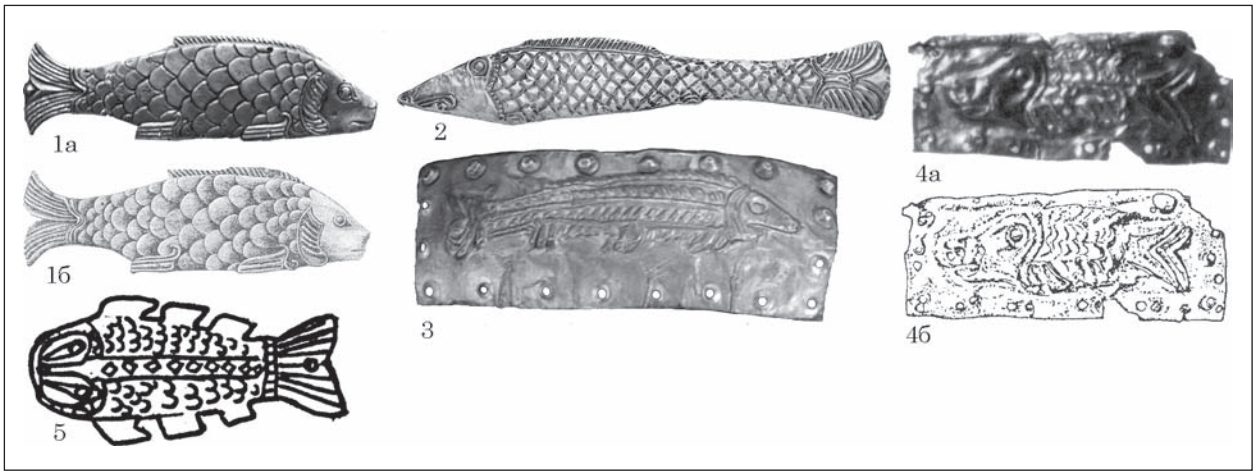


Рис. 2. Образ рыбы, тип 2 (Новозаведенско-волковецкий): 1 — г. Орджоникидзе (Покров) Днепропетровской обл., курганная группа около шахты 22, курган 12, погребение 2, бронзовая бляха щита; 2 — Волковцы, курган 1, раскопки 1897—1899 гг., золотой налобник; 3 — Солоха, Боковое погребение, золотые обивки деревянной чаши, 6 экз.; 4 — Малая Цимбалка, впускное погребение, золотые обивки деревянной чаши, 2 экз.; 5 — Новозаведенное II, курган 8, золотая нашивная бляшка (по: 1а — фото А. Р. Канторовича в АМ ИА НАНУ; 1б — Тереножкин и др., 1973, рис. 46: 5); 2 — Skyyten… 1990, p. 23, cat. 40; 3 — Манцевич 1987, кат. 68; 4а — Алексеев 1995, рис. 1: 3; 4б — Королькова 2006, рис. 1: 9; 5 — рисунок В. Г. Петренко) Масштаб разный

Фрагментированные каневское и перещепинское изображения, сходные с рылеевским, должны датироваться близким ему временем.

Напротив, очень сходные между собой изображения из погребения 1 кургана 5 у с. Архангельская Слобода и из Малой Лепетихи, представляются упрощённой переработкой таких тонко выполненных рыб, как солохские и тарановская, т. е., скорее всего, близки им по времени. Это согласуется с объективной хронологией погребения 1 кургана 5 у с. Архангельская Слобода, которое датируется А. М. Лесковым по совокупности материала, с учетом античной торевтики, концом V — началом IV в. до н. э. (1972, с. 57; 1974, с. 107). Это также не противоречит предполагаемой датировке комплекса, из которого происходит малолепетихинское изображение; в состав комплекса входят бронзовые навершия в виде птиц, относящиеся к IX типу, по классификации Е. В. Переводчиковой; предельные рамки этого типа определяются исследовательницей как VI—IV вв. до н. э., но малолепетихинские навершия датированы ею IV в. до н. э. (1980, с. 32, рис. 7: 10). С. В. Полин датирует комплекс Малой Лепетихи рубежом V — IV вв. до н. э. с учётом наверший и морфологии самих рыбовидных нащёчников (Бидзиля, Полин 2012, с. 515).

Таким образом, примерные рамки Рылеевско-солохского типа: **середина V — начало IV в. до н. э.**

Тип 2 (Новозаведенско-волковецкий) (рис. 2). К данному типу относятся 5 изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья (1, 3, 4), Среднего Поднепровья (2) и Ставрополья (5). Они оформляют различные предметы: бронзовую бляху щита (1), золотой налобник (2), золотые обивки деревянной чаши (3, 4) и золотую нашивную бляшку (5) [1]. Данные изображения представляют рыб различных семейств, исключая семейство осетровые, поскольку все они наделены чешуей [2].

Изображения выполнены в рельефе, односторонние. При этом новозаведенское изображение (5), подобно вышеописанному на налобниках из Центральной могилы Солохи, представляет собой единую рыбу, «разложенную надвое» [3].

Туловище рыб Новозаведенско-волковецкого типа веретёнообразное, короткое (1, 4, 5) или длинное (2, 3). Как уже сказано, оно полностью покрыто рельефной чешуей, имитированной либо крупными продольно идущими полуовалами (1, 4, 5), либо ромбами (2), либо косыми поперечными полосками, отходящими от двух гладких продольных валиков (3). При этом позвоночник у новозаведенской (5) и солохской (3) рыб рельефно выделен и либо гладкий (3), либо оформлен «жемчужником» из ромбов (5).

Рыло чаще тупое укороченное (исключение — волковецкое изображение с удлинённой

1. Очевидно, на композиционной основе Новозаведенско-волковецкого типа создано изображение, оформляющее знаменитый золотой налобник из к. 1 у с. Волковцы 1897—1899 гг. (Могилов 2008, рис. 117: 1). Однако дополнительные антропозооморные и фитоморфные мотивы, вписанные в этот контур, совершенно вытеснили признаки рыбы, поэтому данный налобник в рамках изучаемого типа не учитывается.
2. В отношении орджоникидзевской рыбы С. В. Колтухов пришел к выводу, что она по внешним признакам близка к семейству карповых (1997, с. 60).
3. Сердечно благодарю В. Г. Петренко за предоставленную возможность использовать неопубликованный материал из могильника Новозаведенное II.

мордой — 2). Пасть закрыта, рот обозначен узким, длинным желобком. При этом в орджоникидзевском, волковецком, солохском и малоцимбальском изображениях на конце рыла, в соответствии с иконографией млекопитающих, углублением-завитком (1, 2) или просто впадиной (3, 4) обозначена ноздря, что противоречит анатомии рыбы, ноздри которой расположены ближе к глазам. Глаз средних размеров, округлый, моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы. В орджоникидзевском изображении (1) отчётливо показан слезный канал перед глазом (рельефным завитком), что опять-таки не соответствует природе, поскольку у рыб нет век и слезных каналов. Такая трактовка явно перенесена из иконографии млекопитающих в скифском искусстве.

Голова отделена от туловища дуговидным валиком-«воротником» (имитация жаберной крышки) — гладким (3, 4) или с поперечным рифлением (1, 2, 5). От этого валика назад отходит сегментовидный грудной плавник (в одном случае (1) — с завитком в основании), дальше по животу показан подобный грудному брюшной плавник — иногда, очевидно, слитый с анальным (1, 4), иногда же анальный плавник показан отдельно вслед за брюшным (2, 3, 5). Плавники в орджоникидзевском, солохском и малоцимбальском изображениях рельефные, с продольным (1) или поперечным (3, 4) рифлением; в волковецком изображении все три плавника сведены к минимуму и моделированы в пределах общего контура маленькими рельефными ововидными фигурами с углублением посередине (2).

По поверхности спины рыбы проходит спинной плавник с наклоном назад, чаще имеющий поперечное рифление (1—3); в малоцимбальском изображении он слит с чешуей (4); в двупрофильном новозаведенском изображении (5) плавники на брюхе показаны и вверху, и внизу. Хвостовые плавники мощные, рифленые, имеют очертания трапеции, с треугольной выемкой в основании, которая может быть заполнена пальметкой (1, 2).

Хронология. Нижнюю хронологическую границу данного типа определяет новозаведенское изображение, происходящее из одного из ранних курганов могильника Новозаведенное II, в целом датируемого в пределах второй половины VII — первой трети VI в. до н. э. (Петренко, Маслов, Канторович 2000, с. 239—240, 246). Для определения верхней границы данного типа основу составляют такие датируемые по объективным показателям изображения, как: из Малой Цимбалки (впускное погребение кургана датируется по наконечникам стрел 450—420 гг. до н. э.) (Алексеев 1995, с. 58); из бокового погребения Солохи (по чернолаковому килику комплекс датируется 400—375 гг. до н. э.) (Алексеев 2003, с. 261, 296); волковецкое (предельные рамки комплекса, определяемые по чернолаковому килику и по узде: вторая четверть — вторая половина IV в. до н. э. (Ильинская 1968, с. 79; Алексеев 1992, с. 149; Бидзиля, Полин 2012, с. 528—529).

Орджоникидзевское изображение, наиболее реалистичное на фоне остальных рыб данного типа (при наличии и здесь орнаментальных элементов и отступлений от натуры, см. выше), происходит из комплекса впускного погребения (курганная группа около шахты 22, к. 12, п. 2), который может быть косвенно датирован по основному погребению данного кургана (п. 1), в каковом, в свою очередь, найдены 2 амфоры, определенные их публикаторами как хиосские пухлогорлые (Тереножкин и др. 1973, с. 169, рис. 46: 1, 2). Эти амфоры можно относить к типу III хиосских амфор (пухлогорлому), по классификации С. Ю. Монахова, к развитому варианту этого типа — III-В (более вероятно, судя по форме горла) или же к его позднепухлогорлому варианту — III-С, т. е. во всяком случае, в соответствии с хронологией С. Ю. Монахова, датировать не позднее рубежа третьей—четвертой четвертей V в. до н. э. (2003, с. 18, 19, табл. 6, 7), что, таким образом, дает terminus post quem для впускного погребения, откуда происходит данная бляха с изображением рыбы (ср. мнение С. Г. Колтухова, датирующего комплекс впускного погребения «не ранее IV в. до н. э.» (1997, с. 60).

Таким образом, предельные рамки Новозаведенско-волковецкого типа: **вторая половина VII — IV в. до н. э.** При этом новозаведенское изображение отделено от остальных, как мы видим, почти двухсотлетним разрывом, что, с учётом дальнейшего прироста материала, может привести к его выделению в особый морфологический тип (при условии отсутствия новых находок, дающих переходные формы).

Тип 3 (Завадско-галущинский) (рис. 3). Данный тип образуют изображения рыб — объектов терзания птицами. Соответствующие птицы составляют основной массив выделенного нами ранее определенного типа птичьих изображений восточноевропейского скифского звериного стиля (23 изображения). Этот тип был обозначен в общей классификационной системе как Завадско-елизаветовский [1]. Большинство из птиц данного типа впиваются клювом в голову рыбы, а когтями — в её туловище. В одном случае объектом терзания является не рыба, а дельфин (см. ниже Елизаветовский тип дельфина). В остальных изображениях птиц Завадско-елизаветовского типа, не связанных с терзанием птицы или дельфина, их место в общей композиции не остается пустым — его либо занимают преувеличенные когти птицы, в которые она, за одним исключением, упира-

1. Иконографию, хронологию и графическое воспроизведение изображений данного типа см. Канторович 2015, с. 627—634, 1211—1213, 1571.

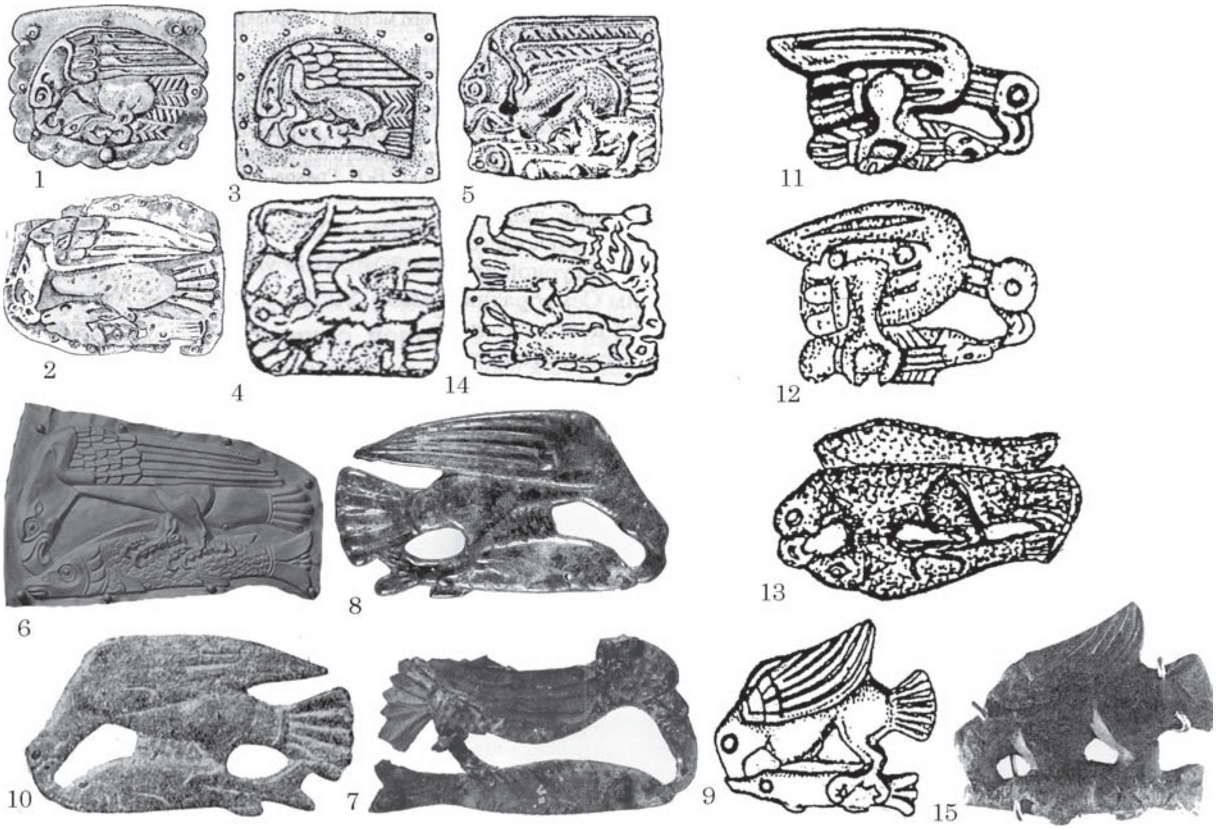


Рис. 3. Образ рыбы, тип 3 (Завадско-галущинский): 1 — первая Завадская могила, чаша V, золотые обивки деревянного сосуда, 5 экз.; 2 — первая Завадская могила, чаша II, золотые обивки деревянного сосуда, 4 экз.; 3 — курган между сс. Петраковкой и Ромейковым, золотая обивка деревянного сосуда; 4 — с. Галущино, курган 2, золотые бляшки; 5 — Куль-Оба, Государственный Эрмитаж, золотые бляшки, 7 экз.; 6 — «Майкопский клад», золотые обивки сосуда, 5 экз.; 7 — «Майкопский клад», бронзовая пластина с железными застежками; 8 — хутор Шунтук, разрушенный комплекс, бронзовый нащечник; 9 — могильник Цемдолина, бронзовый нащечник; 10 — курган «Золотая горка» на правом берегу р. Белой выше ст. Тульской, бронзовые нащечники, 2 экз.; 11 — Луговой могильник, погребение 66, бронзовые уздечные бляхи, 2 экз.; 12 — Чечня, бронзовая уздечная бляха; 13 — Ингушетия, ставропольская покупка — частная коллекция, бронзовые уздечные бляхи, 2 экз.; 14 — курган у села Омельник, золотая обивка деревянного сосуда; 15 — из музея в Сен-Жермен-ан-Ле, бронзовая уздечная бляха (по: 1 — Мозолевский 1980, с. 105, рис. 44: 4, 7; 2 — Мозолевский 1980, с. 105, рис. 44: 8; 3 — Петренко 1967, табл. 19: 24; 4 — Петренко 1967, табл. 19: 30; 5 — Древности… 1854, т. I: 144; атлас, табл. XX: 12; 6 — Greifenhagen, 1970, taf. 31: 1—4); 7 — Leskov 2008, cat. 24; 8 — Канторович, Эрлих 2006, кат. 85; 9 — Малышев, Равич 2001, с. 105, рис. 2: 1; 10 — Лунин, 1939, с. 216, рис. 6; 11 — Мунчаев 1963, рис. 7: 1, 2; 12 — Вольная 2002, рис. 11: 6); 13 — Прокопенко 2011, рис. 1: 1, 2); 14 — Рябова 1984, рис. 3: 9); 15 — Malychev, Ravitch 1999, fig. 9). Масштаб разный.

ется клювом (очевидно, чистит когти), либо же данное место отдано терзаемому птицей иному, не водному животному. Изображения Завадско-елизаветовского типа происходят с территории Нижнего Поднепровья и Побужья, Крыма, Среднего Поднепровья, Среднего Подонья, Нижнего Подонья, Прикубанья, Ставрополья и Центрального Предкавказья, т. е. характерны практически для всех регионов восточноевропейского скифского звериного стиля.

К Завадско-галущинскому типу рыб относятся 15 изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья и Побужья (1, 2), Крыма (5) [1], Среднего Поднепровья (3, 4, 14), Прикуба-

1. На рис. 3 воспроизведено только изображение на тех золотых бляшках (7 экз.) из Куль-Обы, которые хранятся в Государственном Эрмитаже и были опубликованы в ДБК (Древности… 1854, I, с. 144; Атлас, табл. XX: 12). Судя по имеющимся репродукциям, по тому же штампу или матрице были сделаны изображения на золотых бляшках, хранящихся в Département des Monnaies, Médailles et Antiques de la Bibliothèque nationale de France (2 экз., атрибутируются публикаторами как покупки в 1831 г. вещей, украденных из Куль-Обы — см. L'or des Amazones 2001, p. 128—130), а также на золотой бляшке из Думбартон Оукса в США (Фаркаш 1992, с. 199, рис. 5). Все они рассматриваются нами как копии одного оригинального изображения и поэтому не учитываются как отдельные оригинальные изображения и в данной статье в целях экономии места графически не воспроизводятся (см. их репродукции в: Канторович 2015, с. 1571, рис. 6: 2, 3, с. 1669, рис. 5: 2, 3).

нья (6—10, 15) [1] и Центрального Предкавказья (11—13). Это фигуры, оформляющие: золотые обивки деревянного сосуда (1—3, 6, 14), золотые нашивные бляшки (4, 5), бронзовую пластину с железными застежками (7), бронзовые нащечники (8, 9) и бронзовые уздечные бляхи (11—13, 15) [2].

Здесь представлены рыбы, крайне неопределенные в видовом отношении — скорее, обобщенный образ. С. Г. Колтухов справедливо отметил, что рыба в этой композиции «занимает подчинённое положение, образ слабо разработан» (1997, с. 66).

Изображения моделированы в основном в одностороннем высоком рельефе, иногда с доработкой гравировкой (1—6, 8—15); в одном случае моделировка плоскостная, с передачей деталей углубленными линиями (7).

Рыло чаще тупое укороченное (исключение — «майкопское» изображение с удлинённой мордой — 6). Пасть закрыта, рот обозначен желобком или впадиной-точкой. Глаз средних размеров, округлый или овальный, моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы. При этом в одном из завадских и «майкопских» изображений (2, 6), углублением-точкой обозначена ноздря, причем в завадском изображении она помещена на конце морды, что, как уже говорилось, согласуется с иконографией млекопитающих и, напротив, не соответствует анатомии рыбы; в «майкопском» же изображении ноздря помещена ближе к глазу, что вполне отвечает природному прототипу (но к ней от глаза тянется рельефная дуговидная слезница, что опять-таки противоречит натуре).

Голова чаще плавно переходит в туловище, реже — в более качественных изображениях (5, 6, 10, 14) — отделена от туловища дуговидным валиком-«воротником» (имитация жаберной крышки) — гладким (5, 10, 14) или с поперечным рифлением (6). Туловище веретёнообразное, либо гладкое (1—5, 7—10, 13—15), либо полностью покрытое рельефной чешуей, имитированной продольно идущими полуовалами (6), либо же заполненное косыми поперечными полосками, отходящими от трёх гладких продольных валиков (11, 12). По поверхности спины рыбы в некоторых изображениях проходит спинной плавник, имеющий поперечное рифление с наклоном назад (5—7); не исключено, однако, что это имитация спинных хрящей-«жучек» у осетровых. Плавники на брюхе чаще не выделены, в редких случаях всё же показаны, хотя и сведены к минимуму (5, 6, 8, 10).

Хвостовые плавники мощные трапециевидные, продольно зарифленные (лишь в изображении из Чечни (12) — гладкие), пальметоидные, с выемкой в основании, которая может быть заполнена дополнительной пальметкой (6).

Хронология. Основу хронологии данного типа составляют объективно датируемые петраковско-ромейковское, завадские и кульобское изображения.

Комплекс кургана между Петраковкой и Ромейковым датирован В. Г. Петренко по хиосской амфоре, коринфскому шлему и поножам первой половиной V в. до н. э. (Петренко 1967, с. 93). Комплекс 1-й Завадской могилы по хиосским амфорам «нового стиля» датируется в более узких пределах — 450—425 гг. до н. э. (Алексеев 2003, с. 259, 296; Бидзиля, Полин 2012, с. 513—514). При этом большое сходство петраковско-ромейковской обивки чаши с завадскими обивками, как представляется, не позволяет значительно отрывать первую от последних: возможно, дата петраковско-ромейковского изображения может быть сужена до второй четверти — середины V в. до н. э.

Дата последнего захоронения в Куль-Обе, по мнению Н. Л. Грач, должна определяться по найденной там фасосской амфоре с клеймом, относящимся к 345—335 гг. до н. э. (Grač 1997, s. 157). Более раннее вероятное «захоронение

1. Изображение на бляхе из музея в Сен-Жермен-ан-Ле (15) может считаться предположительно прикубанским в силу его большого сходства с изображением на бляхе из могильника Цемдолина (9); на эту аналогию уже было указано авторами публикации цемдолинской бляхи (Malychev, Ravitch 1999, fig. 9).
2. В данный корпус нами пока не включено изображение рыбы, терзаемой птицей, почти тождественное изображению из могильника Цемдолина (9), опубликованное С. А. Скорым и Р. В. Зимовцом как вещь из Юго-Восточного Крыма (Скорый, Зимовец 2014, с. 117, кат. 49/345) в контексте представленной ими обширной серии («коллекции») изделий, предположительно являющихся, по указанию авторов, случайными находками из определенного и достаточного компактного района Внутренней гряды Крымских гор: с территории горных массивов Кубалач и Агармыш, а также у с. Межгорье у предгорий Караби-Яйлы (Скорый, Зимовец 2014, с. 165—167). Данная коллекция насчитывает, помимо прочего, 193 предмета, выполненных в канонах скифского звериного стиля (это число приведено с учетом копий, оригинальных изображений меньше) (Скорый, Зимовец 2014, с. 15, табл. на с. 152). Происхождение этой коллекции (ныне полностью переданной её публикаторами С. А. Скорым и Р. В. Зимовцом в Археологический музей Института археологии НАН Украины) уже стало объектом интенсивной дискуссии, в ходе которой не подвергается сомнению высокое качество и компетентность самой публикации, но ставится вопрос об изначальном местонахождении этих изделий, очевидно, происходящих из грабительских раскопок (Медведев 2015, с. 136—137; Гуляев 2016, с. 205—208; Колтухов, Сенаторов 2016, с. 179—180; Канторович 2017, с. 146, 175—176). В силу этой дискуссионности и, прежде всего, в силу сомнения в непременно и исключительно крымском происхождении этих предметов, мы пока выводим изображения данной коллекции за пределы нашего источника, хотя в ближайшем будущем предполагаем учитывать её в нашей классификации и статистике.

под склепом», по А. Ю. Алексееву, должно быть отнесено к началу IV в. до н. э. (2003, с. 276, 296), что следует учитывать, если не исключать возможность происхождения разошедшихся по миру бляшек из Куль-Обы не только из напольного погребения, но и из подпольного. В любом случае кульобские изображения не выходят за рамки первой — третьей третей IV в. до н. э.

Таким образом, хронология данного типа не противоречит хронологии вышеупомянутого Завадско-елизаветовского типа изображений птиц, датируемого в основном на базе объективных показателей в абсолютных пределах V—IV вв. до н. э. (см. Канторович 2015, с. 633—634). Хронологические рамки Завадско-галущинского типа рыб более узкие: **первая половина (вторая четверть?) V — вторая треть IV в. до н. э.**

ОБРАЗ ДЕЛЬФИНА

В зоне скифской археологической культуры Восточной Европы наблюдается незначительное количество изображений животного, которому, с одной стороны, присущи черты скифского звериного стиля, с другой стороны, природные признаки млекопитающего Семейства Дельфиновые (Delphinidae), — конкретнее, характерные признаки афалин (*Tursiops truncatus*) и белобочек (*Delphinus delphis*), т. е. видов, наиболее распространённых в Черном море. К этим признакам относятся отграничение «клюва»[1] уступом от выпуклой лобно-носовой (жировой) подушки, т. е. «крутолобость», а также чёткий спинной плавник. Это важнейшие черты дельфина в греческой иконографии, отличающие его от рыбы и хорошо известные скифам, в чью среду попадали такие изображения — см., например, дельфинов, плывущих рядом с оседланным Нереидой (Фетидой?) гиппокампом на золотых височных подвесках из кургана Большая Близница (Scythian Art 1986, fig. 251). Отметим и такую особенность представляемых ниже изображений дельфина с элементами скифского звериного стиля, как преувеличенность головы в сравнении с туловищем, что находит аналогию в иконографии дельфина на греческих монетах и керамических клеймах и, очевидно, является намеренным акцентированием этого признака в античном искусстве для лучшего различения дельфинов и рыб.

В восточноевропейском скифском зверином стиле дифференцируются 2 морфологических типа полнофигурных отображений дельфина.

Тип 1 (Большецимбальский) (рис. 4). К данному типу относятся 3 изображения, происходящие с территории Нижнего Поднепровья. Все они оформляют уздечные принадлежности.

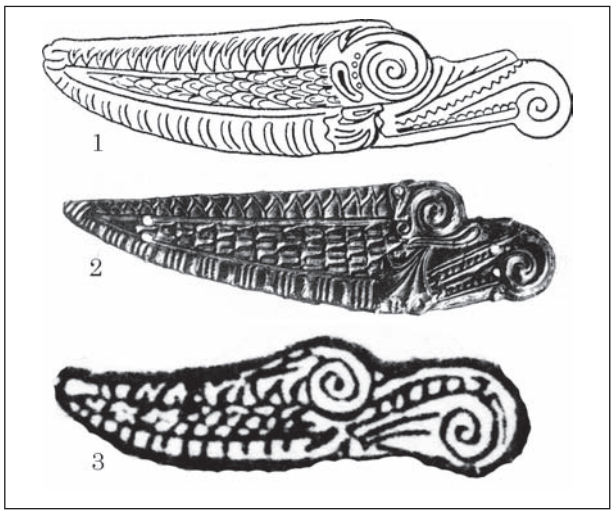


Рис. 4. Образ дельфина, тип 1 (Большецимбальский): 1 — Большая Цимбалка, уздечный комплект 1, золотые нашечники, 2 экз.; 2 — Большая Цимбалка, уздечный комплект 2, золотые нашечники, 2 экз.; 3 — Толстая могила, северная конская могила 1, конь 3, серебряные нашечники, 2 экз. (по: 1 — Borovka 1928, pl. 35A; 2 — Borovka 1928, pl. 35B); 3 — Мозолевський 1979, рис. 20: 1). Масштаб разный

Это зеркальные изображения на двух неодинаковых парах золотых нащёчников из отдельной конской могилы при центральной гробнице кургана Большая Цимбалка (Толстой, Кондаков 1889, с. 115—116). Одна пара (1) сопровождает знаменитый налобник с изображением «змееногой богини», выполненный вполне в греческой манере (Толстой, Кондаков 1889, рис. 99), вторая пара (2) — налобник с геральдическими грифонами (Толстой, Кондаков 1889, рис. 101). Примечательно, что еще И. И. Толстой и Н. П. Кондаков обратили внимание на несходство стилистики нащёчников из Большой Цимбалки с греческой изобразительной манерой, указав: «Варварской техники чеканные и резные нащёчники (две пары) имеют форму крыла с дельфиньею раскрытою пастью на широком его конце» (1889, с. 116).

К тому же Большецимбальскому типу следует отнести зеркальные изображения на паре серебряных нащёчников (на деревянной основе) (3) из кургана Толстая Могила (Мозолевський 1979, рис. 17, 20: 1). Эти нащечники также сопровождают налобник с изображением змееногой богини, тождественный налобнику из Большой Цимбалки (Мозолевський 1979, с. 38, рис. 23).

Все эти изображения односторонние, выполнены в рельефе. В изображении доминирует голова с крупным волютовидным глазом, уступом переходящим в мощный закрученный клюв, отделённый от глаза каплевидной рельефной полосой (1, 2); в то же время, собственно завиток клюва может интерпретироваться и как язык, высовывающийся за пределы зубас-

1. Термин, иногда употребляемый в биологии для обозначения удлинённых челюстей дельфина.

той дельфиньей пасти; зубы (многочисленные, что отражает природную многозубость черноморских дельфинов, в особенности белобочек) показаны с помощью мелких рельефных выступов (1, 2) или «жемчужника» (3). За глазом в одном из цимбальских изображений показано каплевидное рельефное ухо (что абсолютно противоречит анатомии как дельфина, так и птицы) с впадиной раковины (1), тогда как в другом цимбальском изображении ухо формирует вместе с завитком под глазом дополнительную птичью головку (2). В обоих цимбальских изображениях вниз от глаза отходит рельефная деталь, похожая на лист аканфа (популярный фитоморфный мотив в греческом искусстве), — вероятно, это имитация грудного плавника дельфина, который помещен при этом у самого глаза, вопреки анатомии дельфина, у которого плавник отстоит от глаза на значительном расстоянии. В цимбальских изображениях на поверхности длинной восковицы с косым боковым краем (опять-таки аллюзия на птичьи головы в скифском искусстве) впадиной намечена каплевидная ноздря.

Туловище дельфина непропорционально мало в сравнении с головой и покрыто рельефным чешуйчатым орнаментом из продольно расположенных ов, заходящих друг на друга. Эти овы заключены между широкими рельефными рифлеными краями, исполненными в виде поперечных рельефных треугольников.

Композиционную основу Большецимбальского типа, несомненно, образует известный мотив обособленных ушей копытного животного, в рамках которого нами дифференцированы два изобразительных типа [1]. Во-первых, это господствующий Нимфейско-бобрицкий тип (22 изображения, оформляющие в основном бронзовые и золотые конские нащечники, аналогичные нащечникам с дельфином), датируемый по объективным показателям V—IV вв. до н. э.; изображения этого типа происходят с территории Среднего Поднепровья, Нижнего Поднепровья—Побужья—Приднестровья, Крыма, Нижнего Подонья, Прикубанья и Центрального Предкавказья, т. е. характерны для всех регионов восточноевропейского скифского звериного стиля, исключая Подонье. Во-вторых, это периферийный Семибратненско-малоцимбальский тип (2 изображения, оформляющие лопасти S-видных бронзовых двудырчатых псалиев, происходящих с территории Нижнего Поднепровья и Прикубанья), датируемый 450—420 гг. до н. э. Именно изображения обособленных ушей, относящиеся к Нимфейско-бобрицкому типу, наиболее близки (с точки зрения композиции и пропорций) изучаемым изображениям дельфина Большецимбальского типа: ср., в частности, золотые уздечные бляхи из Чмыревой могилы, набор коня 10 (Браун 1906, с. 109, рис. 63), и бронзовые уздечные бляхи из Каменной Балки, курган 6, погребение 2 (Гребенников 2008, рис. 15: 3).

Очевидно, именно на композиционной основе этого мотива, в целом скифского или скифогреческого, северопричерноморскими мастерами (судя по манере изображения змееногой богини на большецимбальском налобнике, это могли быть греки или эллинизированные скифы), ориентировавшимися на скифские вкусы, был выработан хорошо им знакомый мотив фигуры дельфина. Это было достигнуто посредством трансформирования узкой части нащечника / черенка уха копытного — в голову дельфино-птицы. Само же ухо копытного, составляющее композиционную основу изображений Большецимбальского типа, становится в данном случае туловищем дельфина, причем рельефные рифленые края туловища соответствуют ободку уха копытного Нимфейско-бобрицкого типа.

Итак, налицо влияние иконографии греческого образа дельфина на формирование Большецимбальского типа: таковое проявляется не только в «превращении» черенка нащечника-уха в дельфинью голову (именно дельфинью, а не рыбью, о чем свидетельствуют крутолобость животного и чёткий длинный ряд мелких зубов), но и в контуре самого нащечника-уха, уподобленного телу дельфина. Конечно, дельфинье туловище на нащёчниках укорочено и схематизировано, ибо того требуют общая композиция и параметры нащечника-уха; кроме того, дельфин показан чешуйчатым, как некая особая рыба. Как мы видели, для воспроизведения различных анатомических деталей здесь также использованы чисто греческие декоративные элементы: волюты для передачи глаза и высунутого языка; лист аканфа — для отображения грудного плавника; 3) геометрические фигуры; 4) овы для передачи чешуек, покрывающих туловище дельфина. В то же время, превращение глаза на одной из пар цимбальских нащечников в дополнительную птичью голову — художественный прием, в большей мере соответствующий скифской эстетике и семантике. Кроме того, сама амбивалентность данных изображений (фигура дельфина / ухо копытного, голова дельфина / голова птицы) — черта, явно не греческая.

Таким образом, несмотря на преобладание греческих художественных элементов, изображения Большецимбальского типа могут включаться в рамки скифского звериного стиля.

Хронология. Комплекс Большой Цимбалки датируется по клейму на фасосской амфоре второй четвертью IV в. до н. э. (Borovka 1928, p. 100; Бидзиля, Полин 2012, с. 523—524).

1. Стилистический анализ и хронологию данных типов см.: Канторович 2015, с. 573—577; здесь же обзор дискуссии о трактовке данного мотива (уши копытных или крылья птиц); см. также Канторович 1997, с. 105—107.

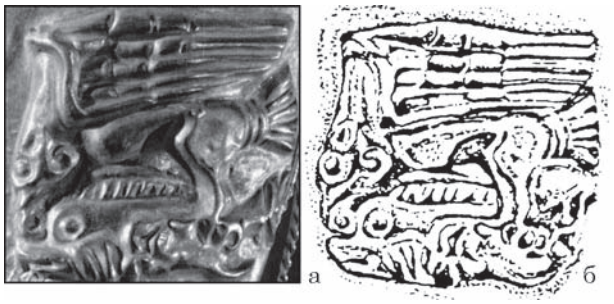


Рис. 5. Образ дельфина, тип 2 (Елизаветовский): Елизаветовский могильник, курган 9, раскопки 1909 г., серебряный позолоченный ритон, 4 сцены (по: а — Артамонов 1966, табл. 32; б — Королькова 1998, рис. 1: 12).

Предельные рамки погребальных комплексов Толстой Могилы — вторая — третья четверти IV в. до н. э. Этот диапазон объемлет как датировки Б. Н. Мозолевского (середина — начало третьей четверти IV в. до н. э.) (1979, с. 229) и А. Ю. Алексеева (350—320 гг. до н. э.) (2003, с. 264, 266), так и версию С. В. Полина (вторая четверть IV в. до н. э.), указавшего: «Датировка Толстой Могилы и всех трех её последовательных захоронений ограничивается пределами второй четверти, не позднее 350 г. до н. э.» (Бидзиля, Полин 2012, с. 523). Таким образом, максимальные хронологические рамки Большецимбальского типа: **вторая — третья четверть IV в. до н. э.**

Как мы видим, это не противоречит хронологии мотива ушей копытных Нимфейско-бобрицкого типа (V—IV вв. до н. э.), составляющего композиционную основу Большецимбальского типа.

Тип 2 Елизаветовский (рис. 5). Данный тип образован единственным оригинальным изображением, происходящим с территории Нижнего Подонья и представленным четырехкратно по периметру серебряного позолоченного ритона из Елизаветовского могильника (курган 9, раскопки 1909 г.) (рис. 2).

Здесь изображен дельфин, терзаемый птицей, а вся сцена, соответственно, является вариацией композиций «птица на рыбе» в скифском зверином стиле (Завадско-елизаветовский тип птиц, Завадско-галущинский тип рыб) и «орел на дельфине» в греческом искусстве (см. ниже).

Дельфин идентифицируется по отграничению «клюва» практически прямоугольным уступом от выпуклой лобной части, а также по спинному плавнику. Изображения выполнены в рельефе, односторонние. Рот обозначен углублением. Глаз преувеличенный округлый, образован выпуклостью зеницы в углублении глазницы. Под глазом рельефным овальным выступом с вертикальным рифлением обозначена та же деталь, что и в Большецимбальском типе дельфинов — вероятный грудной плавник, опять же, вопреки анатомии дельфина, практически примыкающий к глазу. Туловище гладкое, по спине проходит рельефный плавник, имеющий косое поперечное рифление.

Комплекс кургана 9 (раскопки 1909 г.) Елизаветовского могильника датируется по античной керамике **первой четвертью IV в. до н. э.** (Брашинский 1980, с. 205). Это не противоречит вышеприведенной объективной дате Завадско-елизаветовского типа птиц (V—IV вв. до н. э.).

ИСТОКИ МОТИВОВ РЫБЫ И ДЕЛЬФИНА В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ СКИФСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ, ИХ МЕСТО В ОБЩЕМ РЕПЕРТУАРЕ И ВЗАИМОСВЯЗЬ С ДРУГИМИ ОБРАЗАМИ

Е. Ф. Королькова указывает, что в искусстве скифо-сибирского звериного стиля «изображения рыб не занимают ведущего положения и заметно малочисленнее по сравнению со всеми прочими категориями зооморфных образов»; вместе с тем исследовательница пришла к выводу об известном разнообразии форм, в которых представлены немногочисленные изображения рыб в Южном Приуралье, Казахстане и на Алтае (Королькова 2006, с. 37). Наш анализ совокупности изображений рыб в рамках скифской археологической культуры подтверждает данные тезисы. В контексте массива изображений восточноевропейского скифского звериного стиля (по нашим данным на 2017 г. корпус оригинальных изображений этого локального варианта насчитывал 2207 единиц, без учета копий и зеркальных отображений) [1] изображения рыбы составляют незначительную долю. Это 27 единиц, т. е. только 1,23 % от всего массива (см. таблицу).

Тема рыбы проникает в скифский культурный контекст уже в эпоху «скифской архаики» VII—VI вв. до н. э., но лишь единожды в данный период рыба представлена в манере скифского звериного стиля: это вышеописанная миниатюрная двупрофильная фигурка на золотой нашивной бляшке из кургана 8 могильника Новозаведенное II. В остальных случаях это рыбы (либо рыбы с головами кошачьих хищников), в которые превращены крылья различных синкретических существ на золотых обкладках ножен мечей из Мельгуновского кургана (Граков 1971, табл. XXV) и кургана 1/Ш Келермесской группы (Галанина, 1997, табл. 9, кат. 1). Эти фигуры монстров, как неоднократно отмечалось, выполнены в целом в ассиро-урартском духе (Придик 1911, с. 14, 20; Черненко 1980, с. 15—17, 20—22; Кисель 1998, с. 7, 8), но их

1. Как уже сказано выше, в данный корпус изображений нами пока не включаются изображения из «Крымской коллекции», опубликованной С. А. Скорым и Р. В. Зимовцом.

перегруженность фантастическими деталями является отступлением от этой художественной манеры (Пиотровский 1959, с. 252; Кисель 2003, с. 29). В частности, само по себе превращение крыльев данных персонажей в рыб или рыб с головами кошачьих хищников находится в русле традиции зооморфных трансформаций, хотя и известной в ассирийском искусстве, но более характерной в Передней Азии для хеттского и луристанского стилей. К моменту создания келермесского и мельгуновского акинаков (вторая или третья четверть VII в. до н. э. — см. Кисель 2003, с. 30) этот приём мог быть усвоен уже формирующимся скифским стилем, в рамках которого он впоследствии станет необычайно популярным. И не случайно монстры с крыльями в виде рыбоподобных существ соседствуют на келермесском и мельгуновском мечах с изображениями классического скифского типа (оленями на боковой лопасти и пантерами на ременной обкладке): чувствуется стремление нескифского мастера учесть идейно-художественные запросы скифской среды. И все же сами по себе мельгуновские и келермесские «рыбы» не содержат элементов собственно скифского звериного стиля, хотя эти мотивы могли повлиять на возникновение образа рыбы в данном художественном направлении.

Широко известно изображение рыбы, оформляющее накладку на щит / горит из клада конца VI — начала V в. до н. э. в Феттерсфельде (Виташково) (Minns 1913, p. 236—239, fig. 146; датировка по: Алексеев 2003, с. 296). Однако, помимо того, что связь данного среднеевропейского памятника со скифским присутствием крайне сомнительна, в любом случае виташковская рыба (с учетом дополнительных изображений на её поверхности) выполнена во фракийской или греко-фракийской манере, но никак не в канонах скифского звериного стиля.

В основном же тема рыбы, как мы видели, разрабатывается в скифском зверином стиле уже в эпоху «скифской классики» V—IV вв. до н. э. Тип 1 (Рылеевско-солохский) середины V — начала IV в. до н. э. представляется новообразованием, навеянным впечатлениями от природного прототипа — рыб семейства осетровых; этим и объясняется его относительная локальность и достаточно узкие хронологические рамки. Тип 2 (Новозаведенско-волковецкий) второй половины VII — IV в. до н. э. (более тяготеющий к Приднепровью, как и Рылеевско-солохский тип, но представленный и в Центральном Предкавказье), вероятно, имеет своей отправной точкой новозаведенское изображение, хотя, возможно, также является новообразованием, а новозаведенское изображение в будущем нужно будет отнести к отдельному морфологическому типу. Наконец, Завадско-галущинский тип первой половины (второй четверти?) V — второй трети IV в. до н. э., локализуется на всей территории скифской археологической культуры, за исключением Среднего и Нижнего Подонья. Вопрос о генезисе данного типа опосредованно связан с проблемой иконографических истоков сцены терзания птицей рыбы (или, в одном случае, дельфина — см. Елизаветовский тип) в скифском искусстве. Эта сцена, на наш взгляд, является следствием греко-варварского художественного синтеза периода «скифской классики» (Канторович 1997, с. 107—109). О её генезисе в скифском искусстве давно ведутся споры, ибо одни исследователи считают этот мотив исключительно греческим и попавшим в скифское искусство под влиянием изображений орла, клюющего дельфина и / или сидящего на нём — на монетах Синопы, Истрии и Ольвии и на амфорных клеймах с именами астиномов (Граков 1928, с. 22—24, 93, 107, 112, табл. 3: 1—10, табл. 15: 1—4, табл. 16: 7, 8, табл. 17: 1, 2, табл. 18: 3, 4, 13; Граков 1965, с. 216; Карышковский 1982, с. 91—92; Карышковский 1988, с. 60, рис. 6: 1—9, 12: 7, 8) или в греческой торевтике (Островерхов 1984, с. 70; Островерхов, Охотников 1989, с. 57—58, рис. 3: 5), тогда как другие утверждают, что он сложился внутри скифского искусства (Шкурко 1975, с. 119; Копейкина 1986, с. 58—59) или даже в восточной зоне скифо—сибирского мира (Королькова 1998, с. 166—174). Нам представляется, что верна первая из этих версий и что пришедшая из греческого искусства сцена «орел на дельфине» попала на благодатную композиционную и, очевидно, семантическую почву в скифском зверином стиле (более подробную аргументацию см. Канторович, Эрлих 2006, с. 99—100). В композиционном отношении рыба, в основном заместившая в этой сцене малоизвестного скифам дельфина, заняла позицию одного из крыльев во вполне скифской композиционной схеме одиночной птицы с параллельными крыльями в плане и с повернутой в профиль головой (о чем в свое время уже писал А. И. Шкурко (1975, с. 118—119); сама же возможность заимствования античной символики «орёл на дельфине» (в местном варианте «орёл на рыбе» [1]) для обозначения в скифском искусстве контакта двух стихий — неба и воды / влажной земли — была обоснована П. О. Карышковским (Карышковский 1982, с. 91—92).

Отметим также, что на базе природной темы рыбы в восточноевропейском скифском зверином стиле в IV в. до н. э. создаются образы определённых синкретических существ (рис. 6). В частности, наряду с представленными выше

1. Н. А. Гаврилюк, В. Н. Грищенко и Е. Д. Яблоновская-Грищенко предположили, что птица, клюющая и когтящая рыбу, не может быть орлом (который охотится на суше и обычно не питается рыбой), а является орланом-белохвостом (Гаврилюк, Грищенко, Яблоновская-Грищенко 1999, с. 59, 63, рис. 2: 14).

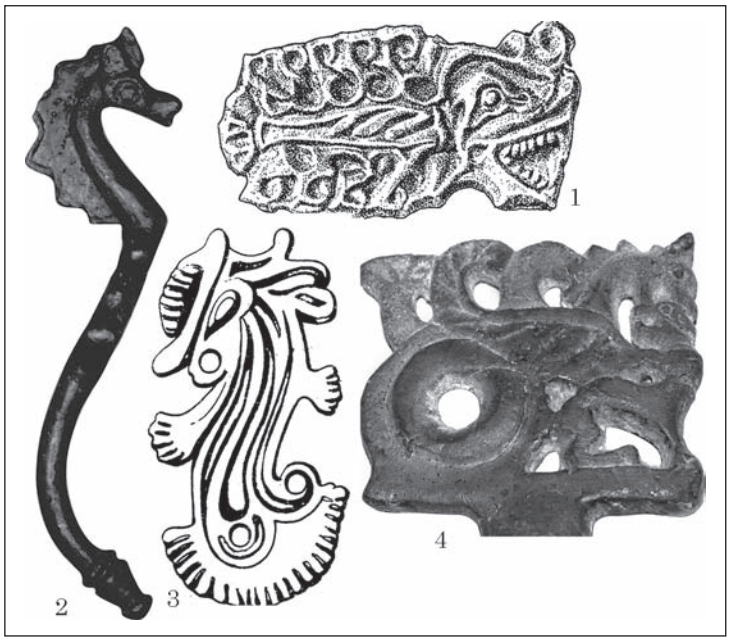


Рис. 6. Синкретические образы, интегрирующие мотив рыбы: 1 — рогатая рыба, Гайманова могила, Центральная гробница, золотой нащечник; 2 — гиппокамп-лошадь, Уляпский могильник, курган 5, бронзовый псалий; 3 — «петушок-гиппокамп», второй Мордвиновский курган, бронзовая бляха; 4 — грифоно-гиппокамп, находка в районе Тилигульского лимана, Одесский археологический музей, бронзовое навершие (по: 1 — Бидзиля, Полин 2012, рис. 209: 3; 2 — Канторович, Эрлих 2006, кат. 63; 3 — Лесков 1974, рис. 44; 4 — Мелюкова 1981, рис. 11). Масштаб разный

изображениями рыб в восточноевропейском скифском зверином стиле присутствует ряд образов, имеющих в своей основе природную тему рыбы рода Hippocampus — морского конька (гиппокампа). Однако тема морского конька (кстати, вряд ли относимого скифскими мастерами к разряду рыб, учитывая его морфологические особенности) контаминирована с иными образами — в первую очередь с признаками лошади и грифона (что характерно и для древнегреческого искусства, откуда эти мотивы проникли в скифский контекст), на что уже было указано в одной из работ уважаемого юбиляра (Бессонова 2004, с. 26—27). Выявляются образы гиппокампа-лошади (рис. 6: 2) (в Прикубанье — на бронзовых псалиях первой пол. IV в. до н. э.), грифоно-гиппокампа (рис. 6: 4) (в Нижнем Поднепровье, Нижнем Подонье и Прикубанье — на бронзовых навершиях 350—320 гг. до н. э. и на золотых пластинах сосудов и ножен мечей третьей четверти V — первой четверти IV в. до н. э.), а также популярный образ «петушка-гиппокампа» (рис. 6: 3) (в Нижнем и Среднем Поднепровье, в Среднем Подонье и в Прикубанье — на бронзовых уздечных бляхах и (в одном случае) на золотых обивках ритона второй четверти — конца IV в. до н. э.) [1]. Эти образы возникли под сильным греческим (а также, в ряде случаев, греко-фракийским влиянием), на границе с образом орлиноголового грифона. Весьма далёкие от своей изначальной «рыбьей» природной подосновы, они отнесены нами к иной классификационной категории — мегаобразу синкретических животных (таблица).

К той же категории мы относим и единственное оригинальное изображение рогатой рыбы (рис. 6: 1), формирующее отдельный морфологический тип и, соответственно, отдельный образ (Бидзиля, Полин 2012, с. 454—455, кат. 266, рис. 209: 2, 3, рис. 261: 1, 2). Оно происходит с территории Нижнего Поднепровья, из центральной гробницы Гаймановой Могилы, из конской могилы (набор коня № 2). Это полнофигурное изображение оформляет парные золотые нащечники (обкладки деревянной основы). Туловище рыбы (с чешуей, с жаберной крышкой и с хвостовыми плавниками, но без каких-либо иных плавников) здесь сочетается с преувеличенной головой, скорее отвечающей признакам хищного зверя (мощная короткая раскрытая пасть, похожая на пасть кошачьего хищника, глаз с передней и задней слезницами, ноздря на носу), но при этом с рогами, состоящими из пяти рельефных S-видных завитков, которые, очевидно, являются репликой задней ветви оленьих рогов, тогда как передний, «глазной» отросток рога отходит от затылка вперед, облегая голову рыбы, далее разделяется на два отогнутых назад завитка, передний из которых упирается в носовой выступ рыбы. Симметричная задней ветви оленьих рогов полоса четырёх рельефных S-видных завитков проходит и под животом «рыбы», но её нельзя трактовать как рога; возможно, эти имитация ног зверя.

С. В. Полин, опубликовавший и проанализировавший эти нащечники, квалифицировал данное изображение как рыбье, но отметил при этом наличие рога. Исследователь датирует центральную гробницу Гаймановой Могилы, откуда они происходят, в пределах 390—380 гг. до н. э. (Бидзиля, Полин 2012, с. 452).

Что касается образа дельфина, то, как было показано, данный мотив в целом играет весьма незначительную роль в репертуаре восточ-

1. Типологию, хронологию и графическую репродукцию изображений, соответствующих данным мотивам см. Канторович 2015, с. 812—823.

ноевропейского скифского звериного стиля. В числе 2207 оригинальных изображений, теме дельфина соответствуют лишь 4 оригинальных изображения, т. е. только 0,18 % от общего массива (таблица). Насколько нам известно, за пределами скифской археологической культуры образ дельфина в скифо-сибирской культурно-исторической общности в принципе отсутствует [1].

С учетом установленной по объективным данным хронологии Елизаветовского (первая четверть IV в. до н. э.) и Больщецимбальского типов (вторая — третья четверти IV в. до н. э.), можно говорить о том, что реализация образа дельфина в восточноевропейском скифском зверином стиле не выходит за рамки IV в. до н. э.

Обращаясь к истокам темы дельфина в скифском зверином стиле, следует помнить, что данный персонаж очень популярен в репертуаре античного искусства задолго до появления в скифском зверином стиле. Его иконография подробно разработана, а семантика многогранна (в частности, это инкарнация и атрибут Аполлона, одно из священных животных Посейдона, атрибут Персефоны (Пчелов 2017, с. 90—91). Для нас важно, что образ дельфина тесно связан с наиболее массовыми категориями античных изделий, проникавшими и в скифскую среду — с монетами и керамическими клеймами с именами астиномов; о сцене «орёл на дельфине» в связи с монетами и клеймами уже было сказано выше; широко распространены и самостоятельные изображения дельфина на монетах Ольвии и Боспорского царства (Карышковский 1988, с. 34—40, 34—49, рис. 4, 11: 21, 12: 10; Пчелов 2017, с. 92).

Соответственно появление в скифском зверином стиле темы дельфина следует объяснять внедрением в его репертуар периода «скифской классики» изначально греческого образа, очень популярного в античном бестиарии, при наличии в скифском искусстве уже готовой композиционной основы (и, возможно, семантической базы: тема рыбы) для заимствования. Для Большецимбальского типа таким композиционным «лекалом» послужил собственно скифский мотив обособленных ушей копытных, для Елизаветовского типа — ставшая к тому времени вполне скифской сцена «птица на рыбе», восходящая к изначально греческой сцене «орёл на дельфине».

При этом в рамках Большецимбальского типа заимствованный образ дельфина был подвергнут зооморфным трансформациям, свойственным скифской художественной манере: это и вписывание дополнительных зооморфных изображений в основной рисунок, и умножение смыслов / игра смыслами, ведущая к амбивалентности образа (фигура дельфина / ухо копытного, голова дельфина / голова птицы).

В заключение можно констатировать, что, при всей периферийности для восточноевропейского скифского звериного стиля темы рыбы и, особенно, дельфина, всё же здесь достаточно ощутимо присутствие мотивов, так или иначе связанных с водной стихией. Это как реальные образы (рыба, дельфин), так и синкретические, интегрирующие мотив рыбы (рогатая рыба, гиппокамп-лошадь, грифоно-гиппокамп, «петушок-гиппокамп»). Будучи по отдельности относительно малопопулярными, эти образы в совокупности составляют заметный сегмент в общем количественном массиве и в репертуаре скифского звериного стиля: 6 различных образов, 56 оригинальных изображений. При этом почти все эти изображения относятся к эпохе «скифской классики» (V—IV вв. до н. э.), в особенности к IV в. до н. э. — т. е. ко времени наиболее интенсивного влияния греческого искусства на скифский звериный стиль. Этим и объясняются вышеуказанные стилистические заимствования при создании данных изображений из античного зооморфного и фитоморфного репертуара (вплоть до греко-скифского художественного синтеза), равно как и то, что соответствующий идеологический запрос в скифском обществе отчасти удовлетворялся и за счет вполне греческих изображений («змееногая богиня» на налобниках из Большой Цимбалки и Толстой Могилы и т. д.).

Всё это соответствует выводам С. С. Бессоновой и Д. С. Раевского о важной роли водного начала в скифских религиозно-мифологических представлениях — ср. функции «дочери Борисфена», Апи, Арпоксая и Фагимасада-Посейдона (Бессонова 2004, с. 25; Раевский 2006, с. 64—66, 84).

1. А. С. Островерхов и С. Б. Охотников, опубликовавшие золотую «ворворку» из кургана у г. Арциза (п. 1) с процарапанным зооморфным изображением, высказали предположение о том, что здесь, как и на Елизаветовском ритоне, представлена сцена терзания дельфина орлом (Островерхов, Охотников 1989, с. 56—58); такая трактовка надолго закрепилась в литературе. Однако при нашем визуальном изучении и фотофиксации данного изделия в Одесском археологическом музее (реквизиты предмета: ОАМ, №А—53498; сердечно благодарю Е. Ф. Редину и И. В. Бруяко за предоставленную возможность ознакомления с предметом) данное мнение не подтвердилось. Очевидно, за дельфина исследователями была принята удлиненная и преувеличенная конечность птицы (см. наше фото: Канторович 2015, с. 1571, кат. 22). Также нельзя уверенно утверждать, что на роговом навершии из Филипповки I, курган 29, погребение 2, выгравирован именно дельфин (в сцене терзания птицей), поскольку это изображение крайне схематично и неопределенно (Яблонский 2013, с. 203, кат. 2725). Сам автор раскопок указывает, что это скорее крупная рыба, допуская, что это может быть и дельфин (Яблонский 2013, с. 203).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 1992. *Скифская хроника (Скифы в VII—IV вв. до н. э. Историко-археологический очерк).* Санкт-Петербург: Петербургкомстат.

Алексеев, А. Ю. 1995. Скифское погребение V в. до н. э. в кургане Малая Цимбалка (раскопки И. Е. Забелина в 1868 г.). *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 32, с. 53-59.

Алексеев, А. Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Артамонов, М. И. 1966. *Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа.* Прага, Ленинград.

Бессонова, С. С. 1983. *Религиозные представления скифов.* Киев: Наукова думка.

Бессонова, С. С. 2004. Крылатый конь — гиппокамп — морской конек и скифский Посейдон. *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму*, XI, с. 25-30.

Бидзиля, В. И., Полин, С. В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила.* Киев: Скиф.

Браун, Ф. А. 1906. Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г. *Известия археологической комиссии*, 19, с. 81-116.

Брашинский, И. Б. 1980. *Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э.* Ленинград: Наука.

БСЭ — *Большая советская энциклопедия*. 1969—1978. Москва: Советская энциклопедия, 3-е изд.

Вольная, Г. Н. 2002. *Прикладное искусство населения Притеречья середины I тыс. до н. э.* Владикавказ: Иристон.

Гаврилюк, Н. А., Грищенко, В. Н., Яблоновская-Грищенко, Е. Д. Авифауна скифской торевтики. *Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки».* 16 лютого 1999 р. Київ, 1999, с. 56-64.

Галанина, Л. К. 1997. *Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи.* Москва: Палеограф. Степные народы Евразии, 1.

Геродот. 1888. *История в девяти книгах.* Пер. Ф. Г. Мищенко. Москва: Типография Е. Г. Потапова, I.

Геродот. 1972. *История в девяти книгах.* Пер. и прим. Г А. Стратановского. Ленинград: Наука.

Граков, Б. Н. 1928. *Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов.* Москва: РАНИОН.

Граков, Б. Н. 1965. Заметки по скифо-сарматской археологии. Новое в советской археологии. Памяти Сергея Владимировича Киселева (к 60-летию со дня рождения). *Материалы и исследования по археологии СССР*, 130, с. 215-219.

Граков, Б. Н., 1971. *Скифы.* Москва: МГУ.

Гребенников, Ю. С. 1988. *Киммерийцы и скифы Степного Побужья.* Николаев.

Гуляев, В. И. 2016. [Рец.]: С. Скорый, Р. Зимовец. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Киев. 2014. 180 с. *Восток*, 5, с. 205-208.

Доватур, А. И., Каллистов, Д. П., Шишова, И. А. 1982. *Народы нашей страны в «Истории» Геродота: Тексты. Перевод. Комментарий.* Москва: Наука.

Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа. 1854. Санкт-Петербург, I—III.

Ильинская, В. А. 1968. *Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья).* Киев: Наукова думка.

Канторович, А. Р. 1997. К вопросу о скифо-греческом синтезе в рамках звериного стиля степной Скифии. *Материалы и исследования по археологии России*, 1, с. 97-114.

Канторович, А. Р., 2011. К вопросу об основных принципах классификации изображений скифского звериного стиля. В.: Егоров, В. Л. (ред.). *От палеолита до средневековья*. Москва: МГУ, с. 29-38.

Канторович, А. Р. 2015. *Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция*. Диссертация … докт. ист. наук. Москва.

Канторович, А. Р. 2017. Скифский звериный стиль Крыма как региональный компонент восточноевропейского скифского звериного стиля (репертуар, хронология и статистические показатели). В.: Кузьминых, С. В., Горбенко, А. А. (ред.). *И музою его была наука: сборник памяти В. А. Кореняко (1952—2016).* Азов: Азовский музей-заповедник, с. 143-180.

Канторович, А. Р., Эрлих, В. Р. 2006. *Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи (VIII—III века до н. э.).* Москва: Государственный музей Востока.

Карышковский, П. О. 1982. Об изображении орла и дельфина на монетах Синопы, Истрии и Ольвии. В: Янин, В. Л. (ред.). *Нумизматика античного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с. 80-98.

Карышковский, П. О. 1988. *Монеты Ольвии. Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху.* Киев: Наукова думка.

Кисель, В. А. 1998. *Памятники ближневосточной торевтики из курганов Предкавказья и Северного Причерноморья VII — начала VI вв. до н. э.* Автореферат дисс. … канд. ист. наук. Санкт-Петербург.

Кисель, В. А. 2003. *Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов.* Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

Колтухов, С. Г. 1997. Образы рыб в греко-варварском искусстве Северного Причерноморья. *Археология Крыма*, 1, с. 59-67.

Колтухов, С. Г. 2012. Скифы Северо-Западного Крыма в VII—IV вв. до н. э. (погребальные памятники). *Археологический альманах*, 27, с. 1-268.

Колтухов, С. Г., Сенаторов, С. Н. 2016. *Скифы Предгорного Крыма VII—IV вв. до н. э. Курганы 1890—1892 и 1895 гг. (по материалам Н. И. Веселовского и Ю. А. Кулаковского).* Симферополь. Материалы к археологической карте Крыма, XVII.

Колтухов, С. Г., Тощев, Г. Н. 1998. *Курганные древности Крыма.* Запорожье: Крымский филиал ИА НАНУ, ЗапГУ, II: по матриалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1993—1995 гг.

Копейкина, Л. В. 1986. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба. В: Грач, Н. Л. (ред.). *Античная торевтика.* Ленинград: Государственный Эрмитаж, с. 28-63.

Королькова, Е. Ф. 1998. Иконография хищной птицы в скифском зверином стиле VI—IV вв. до н. э. *Проблемы археологии*, 4: История и культура древних и средневековых обществ, с. 166-177.

Королькова, Е. Ф. 2006. *Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII—IV вв. до н. э.).* Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

Лесков, А. М. 1972. *Новые сокровища курганов Украины.* Ленинград: Аврора.

Лесков, О. М., 1974. *Скарби курганів Херсонщини.* Київ: Мистецтво.

Лунин, Б. 1939. Археологические находки 1935—1936 гг. в окрестностях станиц Тульской и Даховской близ Майкопа. *Вестник древней истории*, 3, с. 210-223.

Максимович, Н. И. 1901. *Днепр и его бассейн*. Киев: Типография С. В. Кульженко.

Малышев, А. А., Равич, И. Г. 2001. О находках образцов скифского звериного стиля в окрестностях Новороссийска. *Материалы и исследования по археологии России*, 3, с. 103-111.

Манцевич, А. П., 1966. Деревянные сосуды скифской эпохи. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 8, с. 23-38.

Манцевич, А. П. 1987. *Курган Солоха. Публикация одной коллекции*. Ленинград: Искусство.

Махортих, С. В., 2006. Скіфська вузда Перещепинського могильника. В: Скорий, С. А. (ред.). *Більське городище та його округа (до 100-річча початку польових досліджень)*. Київ: Шлях, с. 57-76.

Медведев, А. П. 2015. Новая книга о скифских древностях. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*, 4, с. 136-137.

Мелюкова, А. И. 1981. *Краснокутский курган*. Москва: Наука.

Могилов, О. Д. 2008. *Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи*. Київ, Кам'янець-Подільський.

Мозолевський, Б. М. 1979. *Товста Могила*. Київ: Наукова думка.

Мозолевский, Б. Н. 1980. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972—1975 гг.). В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, с. 70-154.

Монахов, С. Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель*. Москва, Саратов: Киммерида, Саратовский государственный университет.

Мунчаев, Р. М. 1963. Луговой могильник (исследования 1956—1957 гг.). В: Крупнов, Е. И. (ред.). *Древности Чечено-Ингушетии*. Москва: АН СССР, с. 139-211.

Островерхов, А. С. 1984. Образ птицы в искусстве ольвийской школы «звериного» стиля. В: Черняков, И. Т. (ред.). *Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с. 62-77.

Островерхов, А. С., Охотников, С. Б. 1989. О некоторых мотивах скифского звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея. *Вестник древней истории*, 2, с. 50-67.

Переводчикова, Е. В. 1980. Типология и эволюция скифских наверший. *Советская археология*, 2, с. 23-44.

Петренко, В. Г. 1967. *Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1-4.

Петренко, В. Г., Маслов, В. Е., Канторович, А. Р. 2000. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное II. В: Гуляев, В. И., Ольховский, В. С. (ред.). *Скифы и сарматы в VII—III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология*. Москва: ИА РАН, с. 238-248.

Пиотровский, Б. Б. 1959. *Ванское царство (Урарту)*. Москва: Издательство Восточной литературы.

Придик, Е. М. 1911. *Мельгуновский клад 1763 г.* Москва. Материалы по археологии России, 31.

Прокопенко, Ю. А. 2011. К вопросу о скифо-греческом синтезе в рамках звериного стиля V—IV вв. до н. э. Центрального Предкавказья. В: Мамаев, Х. М. (ред.). *Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа*. Грозный, Москва: ИА РАН, Институт гуманитарных исследований АН Чеченской республики, с. 204-214.

Пчелов, Е. В. 2017. Символика дельфина: от античности к Московскому царству. В: Завьялова, М. В., Цивьян, Т. В. (ред.). *Мир животных в мифопоэтическом ракурсе*. Москва: Legorussia, с. 83-98.

Раевский, Д. С., 2006. *Мир скифской культуры*. Москва: Языки славянских культур.

Рябова, В. А. 1984. Дерев'яні чаші з обивками з курганів скіфського часу. *Археологія*, 46, с. 31-44.

Скорый, С. А., Зимовец, Р. В. 2014. *Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции*. Киев: Видавець Олег Філюк.

Тереножкин, А. И., Ильинская, А. И., Черненко, Е. В., Мозолевский, Б. Н. 1973. Скифские курганы Никопольщины. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Скифские древности*. Киев: Наукова думка, с. 113-186.

Толстой, И. И., Кондаков, Н. П. 1889. *Русские древности в памятниках искусства*. Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения, 2.

Фаркаш, Э. 1992. Искусство кочевников в музеях США. *Вестник древней истории*, 4, с. 195-204.

Черненко, Е. В. 1980. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, с. 7-30.

Шкурко, А. И. 1975. *Звериный стиль в искусстве и культуре Лесостепной Скифии (VII—III вв. до н. э.)*: Диссертация … канд. ист. наук. Москва.

Яблонский, Л. Т. 2013. *Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004—2009 гг.). Каталог коллекции*. Москва: ИА РАН, 1.

Borovka, G. 1928. *Scythian Art*. London: Ernest Benn.

Grač, N. 1997. *Der Kurgan Kul'-Oba. Zwei Gesichter der Eremitage*. Bonn, I: Die Skythen und ihr Gold.

Greifenhagen, A. 1970. *Schmuckarbeiten in Edelmetall*. Berlin, I.

Leskov, A. M. 2008. *The Maikop Treasure*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology.

L'or des Amazones peuples nomades entre Asie et Europe. 2001, VIe siècle av. J.-C. — IVe siècle apr. J.-C.: Musée Cernuschi, Musée des arts de l'Asie de la ville de Paris, 16 mars — 15 juillet. Paris: Paris Musées.

Malychev, A. A., Ravitch, I. G. 1999. Objets scythes attribués au style animalier trouvés aux environs de Novorossiisk (Tsemdolina) (région de Krasnodar, Russie). *Antiquités nationales*, 31, p. 251-262.

Minns, E. H. 1913. *Scythians and Greeks. A survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus*. Cambridge: University Press.

Piotrovsky, B., Galanina, L. Grach, N. 1986. *Scythian Art. The legacy of the Scythian world: mid — 7th to 3rd century BC*. Leningrad: Aurora, Oxford: Phaidon.

Skyytten Kulta-Aarre. 1990. Turku: Turun taidemuseo.

REFERENCES

Alekseev, A. Ju. 1992. *Skifskaja hronika (Skify v VII—IV vv. do n. e. Istoriko-arheologicheskij ocherk)*. Sankt-Peterburg: Peterburgkomstat.

Alekseev, A. Ju. 1995. Skifskoe pogrebenie V v. do n. e. v kurgane Malaja Cimbalka (Raskopki I. E. Zabelina v 1868 g.). *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 32, s. 53-59.

Alekseev, A. Ju. 2003. *Hronografija Evropejskoj Skifii VII—IV vekov do n. e.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyi Ermitaj.

Artamonov, M. I. 1966. *Sokrovishha skifskih kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha*. Praga, Leningrad.

Bessonova, S. S. 1983. *Religioznye predstavlenija skifov*. Kiev: Naukova dumka.

Bessonova, S. S. 2004. Krylatyj kon' — gippokamp — morskoj konek i skifskij Posejdon. *Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ja i Krimu*, XI, s. 25-30.

Bidzilja, V. I., Polin, S. V. 2012. *Skifskij carskij kurgan Gajmanova Mogila*. Kiev: Skif.

Braun, F. A. 1906. Otchet o raskopkah v Tavricheskoj gubernii v 1898 g. *Izvestiia arheologicheskoi komissii*, 19, s. 81-116.

Brashinskij, I. B. 1980. *Grecheskij keramicheskij import na Nizhnem Donu v V—III vv. do n. e.* Leningrad: Nauka.

Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. 1969—1978. Moskva: Sovetskaja enciklopedija, 3-e izd.

Vol'naja, G. N. 2002. *Prikladnoe iskusstvo naselenija Priterech'ja serediny I tys. do n. e.* Vladikavkaz: Iriston.

Gavriljuk, N. A., Grishhenko, V. N., Jablonovskaja-Grishhenko, E. D. 1999. Avifauna skifskoj torevtiki. *Muzejni chitannja. Materiali naukovoï konferenciï «Juvelirne mistectvo — pogljad kriz' viki»*. 16 ljutogo 1999 r. Kyiv.

Galanina, L. K. 1997. *Kelermesskie kurgany. «Carskie» pogrebenija ranneskifskoj jepohi*. Moskva: Paleograf. Stepnye narody Evrazii, 1.

Gerodot. 1888. *Istorija v devjati knigah*. Per. F. G. Mishhenko. Moskva: Tipografija E. G. Potapova, I.

Gerodot. 1972. *Istorija v devjati knigah*. Per. i prim. G. A. Stratanovskogo. Leningrad: Nauka.

Grakov, B. N. 1928. *Drevnegrecheskie keramicheskie klejma s imenami astinomov*. Moskva: RANION.

Grakov, B. N. 1965. Zametki po skifo-sarmatskoj arheologii. Novoe v sovetskoj arheologii. Pamjati Sergeja Vladimirovicha Kiseleva (k 60-letiju so dnja rozhdenija). *Materialy i issledovaniia po arheologii SSSR*, 130, s. 215-219.

Grakov, B. N. 1971. *Skify*. Moskva: MGU.

Grebennikov, Ju. S. 1988. *Kimmerijcy i skify Stepnogo Pobuzh'ja*. Nikolaev.

Greifenhagen, A. 1970. *Schmuckarbeiten in Edelmetall*. Berlin, I.

Guljaev, V. I. 2016. [Rec.]: S. Skoryj, R. Zimovec. Skifskie drevnosti Kryma. Materialy odnoj kollekcii. Kiev. 2014. 180 s. *Vostok / Oriens*, 5, s. 205-208.

Dovatur, A. I., Kallistov, D. P., Shishova, I. A. 1982 *Narody nashej strany v «Istorii» Gerodota: Teksty. Perevod. Kommentarij*. Moskva: Nauka.

Drevnosti Bospora Kimmerijskogo, hranjashhiesja v imperatorskom muzee Jermitazha. 1854. Sankt-Peterburg, I—III.

Il'inskaja, V. A. 1968. *Skify Dneprovskogo Lesostepnogo Levoberezh'ja*. Kiev: Naukova dumka.

Kantorovich, A. R. 1997. K voprosu o skifo-grecheskom sinteze v ramkah zverinogo stilja stepnoj Skifii. *Materialy i issledovaniia po arheologii Rossii*, 1, s. 97-114.

Kantorovich, A. R. 2011. K voprosu ob osnovnyh principah klassifikacii izobrazhenij skifskogo zverinogo stilja. In: Egorov, V. L. (ed.). *Ot paleolita do srednevekov'ja*. Moskva: MGU, s. 29-38.

Kantorovich, A. R. 2015. *Skifskij zverinyj stil' Vostochnoj Evropy: klassifikacija, tipologija, hronologija, jevoljucija*. Dissertacija … dokt. ist. nauk. Moskva.

Kantorovich, A. R. 2017. Skifskij zverinyj stil' Kryma kak regional'nyj komponent vostochnoevropejskogo skifskogo zverinogo stilja (repertuar, hronologija i statisticheskie pokazateli). In: Kuz'minyh, S. V., Gorbenko, A. A. (ed.). *I muzoju ego byla nauka: sbornik pamjati V. A. Korenjako (1952—2016)*. Azov: Azovskij muzej-zapovednik, s. 143-180.

Kantorovich, A. R., Erlih, V. R. 2006. *Bronzolitejnoe iskusstvo iz kurganov Adygei (VIII—III veka do n. e.)*. Moskva: Gosudarstvennyj muzej Vostoka.

Karyshkovskij, P. O. 1982. Ob izobrazhenii orla i del'fina na monetah Sinopy, Istrii i Ol'vii. In: Janin, V. L. (ed.). *Numizmatika antichnogo Prichernomor'ja*. Kiev: Nauk. Dumka, s. 80-98.

Karyshkovskij, P. O. 1988. *Monety Ol'vii. Ocherk denezhnogo obrashhenija Severo-Zapadnogo Prichernomor'ja v antichnuju jepohu*. Kiev: Nauk. dumka.

Kisel', V. A. 1998. *Pamjatniki blizhnevostochnoj torevtiki iz kurganov Predkavkaz'ja i Severnogo Prichernomor'ja VII — nachala VI vv. do n. e.* Avtoreferat. diss. … kand. ist. nauk. Sankt-Peterburg.

Kisel', V. A., 2003. *Shedevry juvelirov Drevnego Vostoka iz skifskih kurganov*. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

Koltuhov, S. G., 1997. Obrazy ryb v greko-varvarskom iskusstve Severnogo Prichernomor'ja. *Arheologija Kryma*, 1, s. 59-67.

Koltuhov, S. G., 2012. Skify Severo-Zapadnogo Kryma v VII—IV vv. do n. e. (pogrebal'nye pamjatniki). *Arheologicheskij al'manah*, 27, s. 1-268.

Koltuhov, S. G., Senatorov, S. N. 2016. *Skify Predgornogo Kryma VII—IV vv. do n. e. Kurgany 1890—1892 i 1895 gg. (po materialam N. I. Veselovskogo i Ju. A. Kulakovskogo)*. Simferopol'. Materialy k arheologicheskoj karte Kryma, XVII.

Koltuhov, S. G., Toshhev, G. N. 1998. *Kurgannye drevnosti Kryma*. Zaporozh'e: Krymskij filial IA NANU, ZapGU, II: po matrialam raskopok Severo-Krymskoj jekspedicii v 1993—1995 gg.

Kopejkina, L. V. 1986. Zolotye bljashki iz kurgana Kul'-Oba. In: Grach, N. L. (ed.). *Antichnaja torevtika*. Leningrad: Gosudarstvennyj Ermitazh, s. 28-63.

Korol'kova, E. F. 1998. Ikonografija hishhnoj pticy v skifskom zverinom stile VI—IV vv. do n. e. *Problemy arheologii*, 4: Istorija i kul'tura drevnih i srednevekovyh obshhestv, s. 166-177.

Korol'kova, E. F. 2006. *Zverinyj stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ja i Juzhnogo Priural'ja v skifskuju jepohu (VII—IV vv. do n. e.)*. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

Leskov, A. M. 1972. *Novye sokrovishha kurganov Ukrainy*. Leningrad: Avrora.

Leskov, O. M., 1974. *Skarbi kurganiv Hersonshhini*. Kyiv: Mistectvo.

Leskov, A. M., 2008. *The Maikop Treasure*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology.

Lunin, B. 1939. Arheologicheskie nahodki 1935—1936 gg. v okrestnostjah stanic Tul'skoj i Dahovskoj bliz Majkopa. *Vestnik drevnei istorii*, 3, s. 210-223.

Maksimovich, N. I. 1901. *Dnepr i ego bassejn*. Kiev: Tipografija S. V. Kul'zhenko.

Malyshev, A. A., Ravich, I. G. 2001. O nahodkah obrazcov skifskogo zverinogo stilja v okrestnostjah Novorossijska. *Materialy i issledovaniia po arheologii Rossii*, 3, s. 103-111.

Mancevich, A. P., 1966. Derevjannye sosudy skifskoj jepohi. *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 8, s. 23-38.

Mancevich, A. P. 1987. *Kurgan Soloha. Publikacija odnoj kollekcii*. Leningrad: Iskusstvo.

Mahortih, S. V., 2006. Skifs'ka vuzda Pereshhepins'kogo mogil'nika. In: Skorij, S. A. (ed.). *Bil'ske gorodishhe ta jogo okruga (do 100-richcha pochatku pol'ovih doslidzhen')*. Kyiv: Shljah, s. 57-76.

Medvedev, A. P. 2015. Novaja kniga o skifskih drevnostjah. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Sociologija*, 4, s. 136-137.

Meljukova, A. I. 1981. *Krasnokutskij kurgan*. Moskva: Nauka.

Mogilov, O. D. 2008. *Sporjadzhennja konja skifs'koi dobi u Lisostepu Shidnoï Cvropi Evropi*. Kyiv, Kam'janec'-Podil's'kij.

Mozolevs'kij, B. M. 1979. *Tovsta Mogila*. Kyiv: Naukova dumka.

Mozolevskij, B. N. 1980. Skifskie kurgany v okrestnostjah g. Ordzhonikidze na Dnepropetrovshhine (raskopki 1972—1975 gg.). In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifija i Kavkaz*. Kiev: Naukova dumka, s. 70-154.

Monahov, S. Ju. 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologija amfor vedushhih centrov jeksporterov tovarov v keramicheskoj tare. Katalog-opredelitel'*. Moskva, Saratov: Kimmerida, Saratovskij gosudarstvennyj universitet.

Munchaev, R. M. 1963. Lugovoj mogil'nik (issledovanija 1956—1957 gg.). In: Krupnov, E. I. (ed.). *Drevnosti Chechено-Ingushetii*. Moskva AN SSSR, s. 139-211.

Ostroverhov, A. S. 1984. Obraz pticy v iskusstve ol'vijskoj shkoly «zverinogo» stilja. In: Chernjakov, I. T. (ed.). *Rannij zheleznyj vek Severo-Zapadnogo Prichernomor'ja*. Kiev: Naukova dumka, s. 62-77.

Ostroverhov, A. S., Ohotnikov, S. B. 1989. O nekotoryh motivah skifskogo zverinogo stilja na pamjatnikah iz sobranija Odesskogo arheologicheskogo muzeja. *Vestnik drevnei istorii*, 2, s. 50-67.

Perevodchikova, E. V., 1980. Tipologija i jevoljucija skifskih navershij. *Sovetskaia arheologiia*, 2, s. 23-44.

Petrenko, V. G. 1967. *Pravoberezh'e Srednego Pridneprov'ja v V—III vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Svod arheologicheskih istochnikov, D 1-4.

Petrenko, V. G., Maslov, V. E., Kantorovich, A. R. 2000. Hronologija central'noj gruppy kurganov mogil'nika Novozavedennoe II. In: Guljaev, V. I., Ol'hovskij, V. S. (ed.). *Skify i sarmaty v VII—III vv. do n. e.: paleojekologija, antropologija i arheologija*. Moskva: IA RAN, s. 238-248.

Piotrovskij, B. B. 1959. *Vanskoe carstvo (Urartu)*. Moskva: Izdatel'stvo Vostochnoj literatury.

Pridik, E. M., 1911. *Mel'gunovskij klad 1763 g.* Moskva. Materialy po arheologii Rossii, 31.

Prokopenko, Ju. A. 2011. K voprosu o skifo-grecheskom sinteze v ramkah zverinogo stilja V—IV vv. do n. e. Central'nogo Predkavkaz'ja. In: Mamaev, H. M. (ed.). *Voprosy drevnej i srednevekovoj arheologii Kavkaza.* Groznyj, Moskva: IA RAN, Institut gumanitarnyh issledovanij AN Chechenskoj respubliki, s. 204-214.

Pchelov, E. V. 2017. Simvolika del'fina: ot antichnosti k Moskovskomu carstvu. In: Zav'jalova, M. V., Civ'jan, T. V. (ed.). *Mir zhivotnyh v mifopojeticheskom rakurse*. Moskva: Legorussia, s. 83-98.

Raevskij, D. S., 2006. *Mir skifskoj kul'tury*. Moskva: Jazyki slavjanskih kul'tur.

Rjabova, V. A. 1984. Derev'jani chashi z obivkami z kurganiv skifs'kogo chasu. *Arheologija*, 46, s. 31-44.

Skoryj, S. A., Zimovec, R. V. 2014. *Skifskie drevnosti Kryma. Materialy odnoj kollekcii.* Kiev: Vidavec' Oleg Filjuk.

Terenozhkin, A. I., Il'inskaja, A. I., Chernenko, E. V., Mozolevskij, B. N. 1973. Skifskie kurgany Nikopol'shhiny. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Skifskie drevnosti*. Kiev: Naukova dumka, s. 113-186.

Tolstoj, I. I., Kondakov, N. P. 1889. *Russkie drevnosti v pamjatnikah iskusstva*. Sankt-Peterburg: Tipografija Ministerstva putej soobshhenija, 2.

Farkash, Je. 1992. Iskusstvo kochevnikov v muzejah SShA. *Vestnik drevnei istorii*, 4, s. 195-204.

Chernenko, E. V., 1980. Drevnejshie skifskie paradnye mechi (Mel'gunov i Kelermes) V: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifija i Kavkaz*. Kiev: Naukova dumka, s. 7-30.

Shkurko, A. I. 1975. *Zverinyj stil' v iskusstve i kul'ture Lesostepnoj Skifii (VII—III vv. do n. e.):* Dissertacija … kand. ist. nauk. Moskva.

Jablonskij, L. T. 2013 *Zoloto sarmatskih vozhdej. Jelitnyj nekropol' Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004—2009 gg.). Katalog kollekcii*. Moskva: IA RAN, 1.

Borovka, G. 1928. *Scythian Art.* London: Ernest Benn.

Grač, N. 1997. *Der Kurgan Kul'-Oba. Zwei Gesichter der Eremitage*. Bonn, I: Die Skythen und ihr Gold.

Greifenhagen, A. 1970. *Schmuckarbeiten in Edelmetall*. Berlin, I.

Leskov, A. M. 2008. *The Maikop Treasure*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology.

L'or des Amazones peuples nomades entre Asie et Europe. 2001, VIe siècle av. J.-C. — IVe siècle apr. J.-C.: Musée Cernuschi, Musée des arts de l'Asie de la ville de Paris, 16 mars — 15 juillet. Paris: Paris Musées.

Malychev, A. A., Ravitch, I. G. 1999. Objets scythes attribués au style animalier trouvés aux environs de Novorossiisk (Tsemdolina) (région de Krasnodar, Russie). *Antiquités nationales*, 31, p. 251-262.

Minns, E. H. 1913. *Scythians and Greeks. A survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus.* Cambridge: University Press.

Piotrovsky, B., Galanina, L. Grach, N. 1986. *Scythian Art. The legacy of the Scythian world: mid — 7th to 3rd century BC.* Leningrad: Aurora, Oxford: Phaidon.

Skyytten Kulta-Aarre. 1990. Turku: Turun taidemuseo.

A. R. Kantorovich

MOTIVES OF FISH AND DOLPHIN IN THE EASTERN EUROPEAN SCYTHIAN ANIMAL STYLE: TYPOLOGY, CHRONOLOGY, ORIGINS

As the statistical analysis shows, the images of Fish and Dolphin constitute an extremely insignificant share of the general array of images of the Eastern European Scythian animal style. According to the author's data for 2017, the total array of the original images of this local variant of the Scythian-Siberian animal style consisted of 2207 imageries, without taking into account copies and «mirror» images. Meanwhile there are only 27 original images of Fish and 4 original images of Dolphin, correspondingly only 1.23 and 0.18 % of this array. However, despite all the marginality of the Fish theme and especially of the Dolphin one, the presence of these motifs related to the water element is quite noticeable in the Scythian art. These are both real images (Fish, Dolphin) and syncretic images integrating fish motif (Horned fish, Hippocampus-horse, Griffin-hippocampus, «Cock-hippocampus»). Almost all of these images belong to the era of «Scythian classics» (V—IV centuries BC), especially to the IV century BC — that is, to the time of the most intense influence of Greek art on the Scythian animal style. All this corresponds to the conclusions of S. S. Bessonova and D. S. Raevsky concerning the important role of water element in Scythian religious and mythological ideas.

Keywords: Scythian animal style, images of fish and dolphin, antique art, Northern black sea coast, repertoire.

Одержано 11.12.2017

КАНТОРОВИЧ Анатолий Робертович, доктор історичних наук, завідувач кафедрою МГУ імені М. В. Ломоносова, проспект Ломоносова, 27, корп. 4, Москва, 119192, Росія, *kantorovich@mail.ru*.

KANTOROVICH Anatoly Robertovich, Doctor of Historical Sciences, Chief of Department of Archaeology, Lomonosov Moscow State University, Moscow Lomonosov Prospect, 27, korp. 4, Moscow, 119192, Russian Federation, *kantorovich@mail.ru*.

УДК: [904.24:7.031.1](477.7)"6383"

Л. С. Клочко

ОБРАЗ СФІНКСА В ДЕКОРІ СКІФСЬКОГО ВБРАННЯ

У статті йдеться про поширення зображень сфінкса на прикрасах різних категорій — елементах скіфського костюма. Розглянуто схеми та сюжети орнаментів, а також художню своєрідність та семантику окремих образів, до яких належать сфінкс з подвійним і симетрично розгорнутим тулубом. Висловлені припущення про походження мотиву, його символіку, а також — центри виробництва ювелірних витворів із зображенням сфінкса.

Ключові слова: *сфінкс у Північному Причорномор'ї, скіфські прикраси, сфінкс з подвійним і симетрично розгорнутим тулубом.*

Декоративні елементи скіфських костюмів — найважливіше джерело для реконструкції головних уборів, одягу, взуття. Вже не раз дослідники звертали увагу на різні категорії знімних прикрас, а особливо на їх комбінації у вбранні. Адже набори ювелірних виробів розкривають соціальний статус власника чи власниці, а, крім того, моральні норми та естетичні вподобання, прийняті в суспільстві. Не менше інформаційне поле мають і незнімні оздоби — металеві пластинки різної форми, які прикріплювали до усіх складових костюма. В його оформленні велику роль відігравало змістовне навантаження: адже поєднання окремих мотивів утворювали композиції, символіка яких була пов'язана з віруваннями скіфів. У V—IV ст. до н. е. на території Північного Причорномор'я стали популярними образи і сюжети, зміст та іконографія яких відбивають особливості греко-скіфського мистецтва. Уявленням скіфів були близькі такі синкретичні персонажі грецьких міфів як сфінкс та грифон. Що стосується останнього, то найраніше його зображення бачимо серед прикрас жрецького головного убору VII ст. до н. е. (Клочко 2008, с. 36, рис. 8). На землях Скіфії впродовж VII—III ст. до н. е. грифон одержав нові риси, і, мабуть, новий зміст. Міфічну істоту включали до сюжетів, умовно названих «шматування», «боротьба героя з чудовиськом», поширеними були геральдичні схеми: грифони один проти одного, а також композиція, в якій *візаві* грифона є сфінкс. Цей персонаж належить до так званих міксантропічних образів разом із сиренами і горгонами. Всі вони увійшли до художньої культури населення еллінських міст Північного Причорномор'я за часів архаїки. С. С. Бессонова вважає, що поява таких образів передувала антропоморфізації скіфської релігії (Бессонова 1983, с. 81). Найбільш поширеним, як свідчать знахідки в Ольвії, Пантикапеї тощо, було зображення сфінкса. Дослідники зазначають, що образ міфічної істоти є на посуді та різноманітних прикрасах (сережках, нашийних та наручних оздобах, пластинках-аплікаціях) (Скржинская 2010, с. 199—202).

Походження образу сфінкс відносять до III тис. до н. е. Міфічна істота мала різний зміст у Єгипті та Шумері, а пізніше — в Ассирії.

У грецькій культурі Сфінкс (Сфінга) — жіночий образ. Він мав вигляд лева з жіночою головою, бюстом, орлиними крилами, хвостом бика. За Гесіодом «*…грізного Сфінкса на загибель кадмійцям» породили Єхидна та Тифон*» (Hesiod, 325). Але найвідомішим є міф про сфінкса, який жив поблизу Фів і вбивав усіх, хто не міг відгадати загадку: хто вранці на чотирьох ногах, вдень — на двох, а ввечері — на трьох. Тільки цар Едіп зрозумів, що йдеться про дитинство, зрілість та старість людини (Словник античної міфології 1989, с. 187). Сфінкс кинувся зі скелі, тобто, Едіп переміг чудовисько, але

© Л. С. КЛОЧКО, 2018

Рис. 1. Сережка із зображенням сфінкса, що сидить на постаменті (курган Старший брат з групи Трибратніх курганів (Крим)

щастя не знайшов, бо, як виявилось справдилось страшне пророцтво: Едіп убив батька і одружився на своїй матері. За уявленнями еллінів — від долі не втечеш.

Ім'я фантастичної істоти походить від дієслова «душити» і це вказує на те, у якій ролі уявляли сфінкса жителі Еллади. Але аналізуючи художні особливості образу сфінкса на лекифі з Фанагорії, Б. В. Фармаковський відмічає дуалізм істоти: прекрасне обличчя жінки, але належить демону смерті. Сфінкс поєднує насолоду і страждання. «*Сфинксы жаждут жизни, крови и любви… Сфинкс услаждает покойного лицезрением красоты, которая чарует и заставляет забыть все, приводит в экстаз*» (Фармаковский 1921, с. 45).

Митці за давнини, середньовіччя, нового часу не раз зверталися до образу сфінкса. Ставлення до нього диктувала кожна доба, але завжди сфінкса уявляли істотою з подвійним характером. В сфінксі поєднані чоловіче і жіноче начало, він руйнував і захищав.

М. В. Скржинська, досліджуючи поширення образу сфінкса в античних містах Північного Причорномор'я, з'ясувала, що найбільше пам'яток із зображеннями сфінкса походить із Ольвії та Пантикапею, але у переліку місць знайдення є також Німфей, Фанагорія тощо. Дослідниця склала каталог пам'яток, на яких представлено образ сфінкса. Переважають керамічні витвори, але є і ювелірні. Крім того, знахідки дають підстави припустити, що майстри (зокрема, вазописці) проявляли інтерес до міфічного персонажу ще у VII—VI ст. до н. е., пізніше — у V ст. до н. е. (Скржинская 2010, с. 200). А нова хвиля різноманітних творів, на яких вміщено образ сфінкса, виникла на рубежі V — IV ст. до н. е. Саме в цей час на Боспорі створені прекрасні лекифи із зображеннями Сфінкса, Сирени, Афродіти, що походять з Фанагорії (Фармаковський 1921, с. 45). В образах бачимо втілення естетичних принципів, за якими були виконані різноманітні вироби. Серед них особливо привертають увагу майстерністю виконання сережки із кургану Старший брат з групи Трьохбратніх курганів (с. Огоньки, Крим) (Трейстер 2008, с. 112, кат. 14, табл. 57). Сфінкс сидить на постаменті у позі, характерній для тварин з породи котячих. Майстерно виконана жіноча голова істоти: тонке моделювання обличчя з правильними рисами, високим чолом, облямованим пишною зачіскою, прикрашеною стефаною. Жіночу сутність сфінкса підкреслюють дископодібні сережки з емаллю, на високій шиї — гривна з рубчастою поверхнею. Тулуб трактовано також у традиціях елліністського мистецтва: м'яко окреслено жіночі груди, виділено задні лапи, крила з пір'їн різного розміру: знизу короткі, зверху — довгі, вигнуті на кінцях. Хвіст сфінкса — довгий, вибагливо вигнутий (рис. 1). Цю подачу образу можна назвати класичною. У такій же манері змальовано образ сфінкса на сережках, знайдених у скіфських курганах: Чортомлик (північно-східна камера) (м. Покров Дніпропетровської обл.); Діїв курган; Огуз (північна могила) (смт Нижні Сірогози, Херсонська обл.); Феодосія, Тепе-Оба (Петренко 1978, с. 32, табл. 20: 8; Болтрик 1980, с. 234, рис. на с. 233).

На території Скіфії пам'ятки, на яких вміщено зображення сфінкса, з'явились не раніше V ст. до н. е., а особливої популярності образ набув впродовж IV ст. до н. е. Фантастична істота, мабуть, посідала високе місце у переліку символів божеств життедайних сил природи, а крім того — знаків захисту від злих сил. Зміст образу можна вважати універсальним: такими функціями сфінкс наділений і в уявленнях греків (Скржинська 2010, с. 198).

У скіфському декоративному мистецтві мали поширення кілька варіантів зображення сфінкса. У загальних рисах можна виділити такі сюжети: сфінкс, що сидить; сфінкс стоїть, торкаючись ногою visavi; сфінкс з подвійним та симетрично розгорнутим тулубом.

Про скульптурні мініатюрні зображення сфінкса, який сидить, сказано вище: це деталі сережок з поховань скіфських аристократок. На деяких декоративних виробах подано силует міфічного персонажа. Наприклад, ланцюжок з прямокутних пластинок, на яких тоненькими дротинками створені візерунки: на вузеньких ланках (14 × 24 мм) — сфінкс у про-

Рис. 2. Пластинка із зображенням сфінкса (Бердянський курган поблизу с. Нововасилівка, Запорізька обл.)

Рис. 3. Пластинки з сюжетом «боротьба людини з чудовиськом»: 1 — пластинка зі сценою боротьби людини зі сфінксом (Бердянський курган поблизу с. Нововасилівка, Запорізька обл.); 2 — зображення боротьби людини з грифоном (підвіска з кургану 4 поблизу с. Новоселиця, Черкаська обл.)

фільному ракурсі, а на ширших (24 × 24 мм) — розетки із загостреними пелюстками. Оздоба походить із Ольвії. Особливості втілення образу сфінкса та рослинного візерунка, застосування техніки скані — все це дозволяє припустити, що прикрасу створили у V ст. до н. е. (Клочко 2014, с. 113, рис. 2, 3). Схожого сфінкса (обернений обличчям праворуч), бачимо на пластинках (27—29 × 17—18 мм), знайдених у боковій гробниці в кургані Товста Могила (м. Покров, Дніпропетровської обл.) серед прикрас убрання жінки. Зображення сфінкса рельєфне, виконане в техніці витискування (Мозолевський 1979, с. 131, рис. 113: 9).

На деяких предметах із скіфських курганів, відтворені унікальні сюжети. Можливо, вони є інтерпретацією зображень, представлених на творах грецьких майстрів. Привертає увагу трактування образу сфінкса на аплікаціях, що походять з могил Бердянського кургану (с. Нововасилівка Запорізької обл.). Йдеться про мініатюру на прямокутній пластинці (розмір 26 × 28 мм), знайденій у східній могилі (Мурзин, Белан, Подвысоцкая 2017, с. 116, кат. 136). На невеличкій площині вміщено образ сфінкса у профільному ракурсі. Міфічна істота сидить у позі, властивій хижакам з породи котячих. Голова схилена до віялоподібного крила, форму якого підкреслюють довгі опуклі борозенки. Виразне обличчя сфінкса передано на 3/4: добре видно опущені очі, пухкі вуста. Довге волосся, зачесане назад, відкриває чоло і розсипається по плечах. Акцентовано бюст міфічної істоти, міцні передні ноги з великими пазурами. Задня частина тулуба сфінкса: рельєфно окреслено стегно і ліва задня нога, піднята вверх, наче сфінкс тягнеться до свого обличчя. Сцена облямована рамкою з рельєфних насічок, які імітують перекручений шнур (рис. 2). Своєрідність композиції та трактування образу відповідають стильовим ознакам творів античного мистецтва. Можливо пластинка виконана боспорським майстром.

Ще один сюжет умовно названо «боротьба людини зі сфінксом» відтиснуто на пластинках, зафіксованих у центральній могилі (Мурзин, Белан, Подвысоцкая 2017, с. 112, кат. 108). Зображення стилізоване і через схематизм деталей його важко «прочитати». Сцена вміщена на невеличких пластинках (27 × 22 мм). Загальна схема має такий вигляд: на лівій половині площини бачимо голову і верхню частину фігури чоловіка, який лежить. На людину навалився сфінкс, зображення якого займає все поле справа на пластинці. Добре відтворено задню частину тулуба хижака з породи котячих, передню та задню ліві лапи з пазурами, вигнутий хвіст з китичкою на кінці. Голова сфінкса маленька, риси обличчя невиразні. Натомість, на «картинці» домінує голова чоловіка: показано крупні риси обличчя, відкритий рот (тобто, видно, що людина кричить), зачіску — пряме волосся закриває лоб і шию. До голови сфінкса простягнута тонка ліва рука (рис. 3: 1). Чи можна припустити, що описана сцена є ілюстрацією до міфу про загадку сфінкса? М. В. Скржинська зазначила, що навіть на пам'ятках мистецтва з античних центрів, знайдено небагато зображень, які можна зіставити з цим міфом (Сржинская 2010, с. 199). Можливо, сюжет, представлений на золотій пластинці з Бердянського кургану, змістовно близький сцені — «боротьба людини з грифоном», вміщеній на скроневих підвісках з кургану 4 поблизу с. Новоселки. (Черкаської обл.) (МІКУ 2004, с. 55, кат. 24). Персонажі показані у профільному ракурсі. Особливо виділено грифона: голова з круглим оком і хижо вигнутим дзьобом, довга шия з гребенем, великі крила підкреслені паралельними рельєфними смугами. Підім'ятий чудовиськом чоловік лежить на спині. Кількома штрихами змальовано його одяг, характерний для скіфів (рис. 3: 2). Сюжет, можливо, передає уявлення, властиві індоєвропейським племенам: про одвічну боротьбу добра і зла, життя і смерті, втілене у битві героя

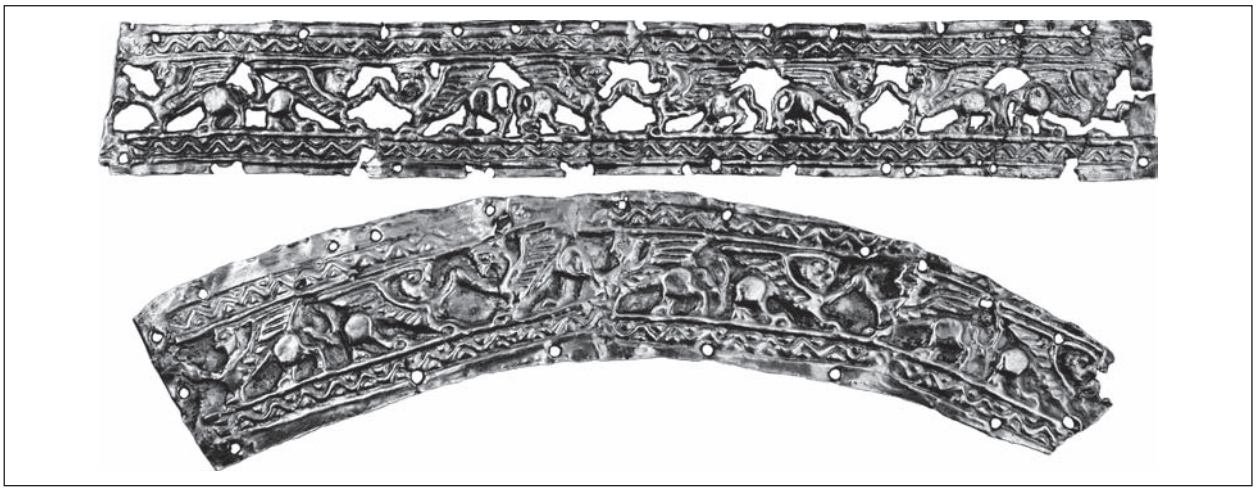


Рис. 4. Пластинки декоровані орнаментальним мотивом: сфінкс і грифон у геральдичній позиції — прикраси головних уборів (курган 22, пох. 1 поблизу с. Вільна Україна, Херсонська обл.)

з фантастичною істотою, перемога над якою символізує утвердження буття через подолання смерті.

Як було зазначено, сюжети, представленні на пам'ятках із Бердянського та Новоселківського курганів — унікальні. Хоча вироби походять із різних областей Скіфії, але в передачі образів відбилась своєрідність художнього стилю, який вирізняє творчість місцевих майстрів. Вони, мабуть, працювали на базі ремісничих центрів, які існували ще за доби передскіфського часу на землях Середнього Придніпров'я. Як зазначала С. С. Бессонова, зараз є вже достатньо матеріалів, які свідчать про виробництво витворів торевтики на території Лісостепової Скіфії (Бессонова 2014, с. 79).

У IV ст. до н. е. створено орнаменти, модулями яких були пари міфічних істот, які стоять, обернені головами один до одного (геральдична композиція): грифони, грифон і сфінкс, та зооморфних — козлики, хижаки з породи котячих. Золоті стрічки з рельєфними візерунками вказаної схеми найчастіше прикрашали сакральні головні убори. Йдеться про золоті стрічки — оздоби полосів, реконструйованих за знахідками в курганах Чортомлик: південно-східна камера (сфінкс зліва: тулуб в профіль, обличчя en face, ліва лапа піднята, грифон справа у профільному ракурсі, торкається припіднятою ногою visavi — сфінкса), північно-східна камера: візерунок на метопіді: профільне зображення сфінкса і грифона, які стоять з припіднятими лапами напроти один одного (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, кат. 128: 113). Що стосується останньої композиції, то схожий орнамент на пластинках-аплікаціях, зафіксованих серед декоративних елементів головного убору скіф'янки, поховання якої дослідили в кургані Товста Могила (м. Покровське Дніпропетровської обл.). На поверхні головного убору були прикріплені видовжені прямокутні пластинки з різними рельєфними композиціями. На трьох вузеньких накладках бачимо по дві пари міфічних персонажів: навпроти один одного стоять сфінкс (зліва) і грифон (справа), торкаючись піднятими лівими передніми ногами, під якими — пальметка. По краях пластинок істоти показано без пари: зліва грифон, а справа сфінкс. Порядок їх розміщення розрахований так, щоб при з'єднані стрічок, персонажі утворювали пари. Композицію підкреслено зверху і знизу двома зигзагоподібними тоненькими смужками (Мозолевський 1979, с. 129—130, рис. 112: 1, 2).

Такий же орнаментальний мотив відмічаємо на декоративних елементах головних уборів, реконструйованих за знахідками у похованнях жінок в кургані 22 поблизу с. Вільна Україна (Херсонська обл.) (Лєсков 1974, с. 95, рис. 78).

У похованні 1 серед прикрас полоса бачимо: 4 дугоподібні пластинки (22—25 × 126—159 мм), а також 4 вузенькі ажурні смужки (22—24 × 133—136 мм), на яких вміщено рельєфний орнамент, утворений парами міфічних істот: сфінкс (зліва) і грифон (справа) стоять один навпроти одного, торкаючись піднятими лівими лапами. Зверху і знизу візерунок просторово обмежений пружком із зигзагоподібних ліній (Клочко 2013, с. 21).

Мініатюрні силуети міфічних істот відтиснуті штампом у вигляді смужки довжиною 6 см і шириною 2,5 см, який був вирізаний, ймовірно, з твердої породи дерева або відлитий з бронзи у техніці воскової моделі. Ажурні пластини зроблені методом просічного штампу: візерунок на тонкому металі вирізали за допомогою спеціальних інструментів (рис. 4).

Головний убір скіф'янки у похованні 2 в цьому ж кургані, крім інших аплікацій, прикрашали прямокутні пластини (4 екземпляри). На кожній з них вміщено зображення трьох пар фантастичних істот, обернених головами одна до одної, з припіднятими передніми ногами: крилатий бик та грифон, далі — два грифони,

у кінці фризу — грифон і сфінкс. Кожна пара доповнена зображеннями коника-стрибунця, їжака, скарабея, вміщених під дугою, утвореною лапами персонажів у геральдичній композиції. Орнамент зверху та знизу підкреслено рядами із «перлинок» — маленьких опуклих кружалець (Лесков 1974, с. 95, рис. 78).

Міфічні образи складають основу декоративного комплекту, призначеного для оформлення костюма скіф'янки, поховання якої дослідили у «Великому кургані» М. І. Веселовського поблизу с. Мала Лепетиха (Херсонська обл.) (Вітрик, Данилко 2002, с. 140 — 141). Насамперед, йдеться про оздоби головного убору: аплікації, на яких представлено образ сфінкса. Мініатюрні фігурки (23 × 30 мм), вирізані за контуром профільного зображення персонажа (обернені вліво і вправо), за абрисом та деталями (зокрема, припіднята нога) подібні до мотивів, включених до орнаментів на пластинках, розглянутих вище: прикраси полосів з курганів Чортомлик, Товста Могила, курган 22 поблизу с. Вільна Україна тощо. Всього у похованні зафіксовано 44 аплікації, на звороті кожної пластинки напаяну таку ж, але гладеньку. Можливо, 22 фігурки сфінкса було прикріплено оберненими обличчям одна до одної, тобто, за принципами побудови геральдичної композиції, до вузеньких дугоподібних смужок (Клочко, Васіна 2002, с. 154). Інші пластинки, мабуть, слід розмістити на поверхні головного убору рядами, тобто, також відповідно до закономірностей геральдичної композиції. Вони прикрашали убір спереду та по боках. Між ними — вільне поле, в центр якого «вписано» пластину більших розмірів (42 × 40 мм). Аплікація як декоративний елемент виділена не тільки центральним місцем на уборі, але й кольоровим тлом, мабуть, щоб підкреслити ідейне навантаження мотиву (Клочко, Васіна 2002, с. 165, рис. 2). Його (тобто мотив) називають «сфінкс з подвійним тулубом». В основі — відтворення образу міфічної істоти, яка сидить. Два тулуби показані в профіль, а голова — фронтально. Пластинка — фігурна, тобто, вирізана за контуром зображення. Воно відзначається з одного боку стилізацією, але з іншого — чіткою передачею характерних ознак міфічної істоти. Її голова з розділеним на проділ волоссям — в центрі композиції. Обабіч обличчя — крила у вигляді дугоподібних рельєфних ліній, які перетворюються на короткі насічки на бюсті сфінкса на двох тулубах. Вони обернені один до одного грудьми. Лапи сфінкса зображені в профіль, що підкреслює саме подвоєння тулуба (рис. 5: 1).

А. П. Манцевич зазначала, що мотив «сфінкс з подвійним тулубом» був значно поширений в античному світі (Манцевич 1987, с. 31). Дослідниця підкреслила, що майстри застосовували різні засоби стилізації при створенні образу: 1) тулуб повністю подвоєний, тому груди і лапи істоти подані в профіль, 2) подвоєння тільки

Рис. 5. Прикраси головних уборів: золоті пластинки із зображенням сфінкса з подвійним тулубом: 1 — великий курган М. Веселовського поблизу с. Мала Лепетиха, Херсонська обл.; 2—3 — курган 8 поблизу с. Вовчанське, Херсонська обл.

нижньої частини тулуба, отже, бюст і передні ноги показані фронтально (Манцевич 1987, с. 31). Слід зауважити, ще одну особливість подвоєння за першим варіантом: профільне зображення обернених вправо і вліво тулубів підкреслено вибагливо вигнутими хвостами сфінксів.

Н. А. Онайко зауважила, що мотив сфінкса з подвійним тулубом, використовували при виготовлені гіпсових виробів, відомих за знахідками на Боспорі (Онайко 1970, с. 50). Але С. Я. Берзина, на працю якої посилається Н. А. Онайко, розглядала витвори I—II ст. (Берзина 1962, с. 237, рис. 3). У той час, можливо, мотив сфінкса з подвоєним тулубом став чисто декоративним елементом в оформленні будівель.

Н. А. Онайко наводить тільки один приклад більш раннього твору, що походить з Боспору: знайдена на Тамані золота прямокутна пластинка представляє сфінкса, який сидить. Два тулуби передані у профільному ракурсі, розвернуті вліво і вправо, а жіноча голова — en face (Онайко 1970, с. 42, рис. 10). Рельєф виконано за традиціями грецького мистецтва. Подібну трактовку образу сфінкса з подвійним тулубом бачимо на бронзовому штампі, знайденому на території Криму (в районі с. Міжгір'я) (Скорый, Зимовец 2014, кат. 2.5.2). Міфічна істота вправно закомпонована у овал. Жіноча голова сфінкса увінчана калафом, контури обличчя підкреслює лінія верхньої частини крил. На них неглибокими борозенками нанесено оперення. Два тулуби сфінкса обернені один до одного і торкаються грудьми, ноги показані в профіль. Майстер передав характерні риси хижака з породи котячих, який сидить, підібгавши задні лапи і випрямивши передні.

На землях Скіфії знайдено пам'ятки, які репрезентують різні варіанти образу сфінкса: з подвійним та симетрично розгорнутим тулубом. Ці зображення відрізняються від описаних, насамперед, засобами виразності та мірою стилізації. Така інтерпретація образу сфінкса — одна з особливостей декоративного мистецтва Північного Причорномор'я.

Пластинки із зображенням сфінкса з подвійним тулубом знайдені в кургані Куль-Оба (Копейкіна 1986, с. 56—57). Аналізуючи предмети,

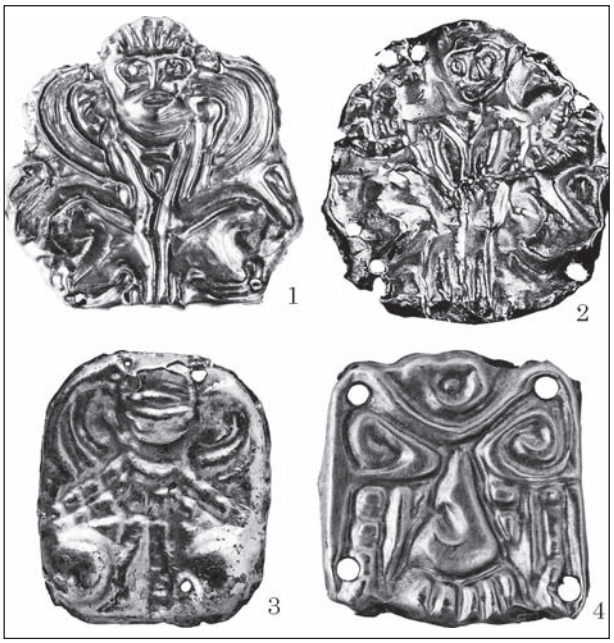


Рис. 6. Золоті пластинки-аплікації — елементи костюмних комплексів: 1 — курган 2 поблизу урочище Галущино, Черкаська обл.; 2—4 — курган 4 поблизу с. Новоселиця, Черкаська обл.

Л. В. Копейкіна також, тобто, як і А. П. Манцевич і Н. А. Онайко, підкреслила, що мотив «сфінкс з подвійним тулубом» був поширений в античному світі, а своє походження веде зі східного мистецтва (Копейкіна 1986, с. 56—57). Куль-Обські вироби — зразок трактування образу сфінкса за традиціями греко-скіфського стилю. Пластинка ажурна, вирізана за контуром зображення сфінкса з подвійним тулубом. У центрі — велика голова істоти з грубуватими рисами обличчя і зачіскою у вигляді трьох завитків. Фігури сфінксів, що сидить, передані схематично: крила, підняті вверх, загнутими кінчиками торкаються голови, невиразними рельєфними лініями показано хвости, профільна позиція ніг підкреслює особливості композиції (Онайко 1970, с. 42, рис. 9). Л. В. Копейкіна вважала, що пластинки виготовлені в боспорських майстернях. Однією з ознак виробів боспорських торевтів була своєрідна ажурність: майстри вирізали окремі ділянки виробу, щоб яскравіше виділити контури зображення (Журавлев, Новикова, Шемаханская 2014, с. 133, кат. 33—34).

Але значна кількість витворів із зазначеним сюжетом, мабуть, походить із майстерень на землях Скіфії і трактування мотивів належить також місцевим ювелірам. Особливості їхнього художнього мислення розкривають образи звіриного стилю. Їм притаманні такі засоби виразності, як стилізація, виділення видових ознак тварини, «перетворення», тобто, використання деталей для створення інших. Ці принципи залишилися основними і впродовж V—IV ст. до н. е., хоча постійно відбувалися зміни у мистецтві завдяки розширенню кола взаємозв'язків.

Найбільш ранні вироби, на яких представлено образ сфінкса, походять з поховань в кургані 2 поблизу урочища Галущино (с. Пастирське Черкаської обл.) та Солоха (Запорізької обл.). Йдеться про пластинки-аплікації, можливо, прикраси вбрання. Зображення на них, хоч і належать до одного типу (з точки зору принципів стилізації), але виконані різними штампами.

Золота пластинка з поховання в кургані 2 з уроч. Галущино була серед інших аплікацій із зображенням масок, ланей, птаха, який клює рибу тощо. Дослідник кургану В. Хвойка не зрозумів сюжету і в його звіті читаємо: «пластинки с изображением …человеческой фигуры, обнимающей двух зверей» (Ханенко, 1899, с. 9). Отже, розглянемо пам'ятку: пластинка вирізана за контуром зображення, майже квадратна (38 мм). В центрі композиції — людська голова із зачесаним назад волоссям. Обличчя грубувате: великі очі з акцентованими зіницями, ніс прямий, рот у формі овалу, обведений тоненьким пружком. Під підборіддям сфінкса — тоненька опукла дуга, яка нагадує гривну, а нижче — рельєфний прямокутник, можливо, підвіска. До голови з двох боків прилягають крила, показані тоненькими дугоподібними лініями. Під крилами зліва і справа зображені у профільному ракурсі левині тулуби. Їх вигини з двох боків підкреслені хвостами (рис. 6: 1). Пластинка знайдена у пограбованому похованні, а за характером супровідних речей важко зрозуміти чоловікові чи жінці вони (ці речі) належали. Намисто та «камені для праці», як правило, входили до інвентарю небіжчиці, але в могилі були також пластинки від панцира, а це говорить, про поховання чоловіка. Огляд пам'яток із зображенням сфінксів свідчить, що образ міфічної істоти найбільш властивий для декоративного оформлення жіночого костюма. Але є знахідки і в похованнях чоловіків. Насамперед, золоті пластинки (31 × 33 мм) із північної камери у кургані Солоха. Голова, крила, груди і ноги сфінкса показано в фас, а тулуб симетрично розгорнутий (Манцевич 1987, с. 30—31, кат. 3).

У похованні чоловіка в кургані 2 (пох. 1) поблизу с. Красний Подол (Херсонська обл.) знайдено пластинки із зображенням сфінкса з симетрично розгорнутим тулубом (Полин 1984, с. 113, рис. 15: 1). Маленькі пластинки (20 × 16 мм) вирізані за контуром: в центрі голова істоти, подана фронтально, облямована крилами, бюст показано короткими поперечними рельєфними штрихами, нижня частина тулуба — симетрично розгорнута. Вироби зроблені не досить хорошим штампом, через що губляться деякі характеристики образу, зокрема, риси обличчя сфінксів (рис. 7).

Найбільше виробів із зображеннями сфінкса із подвійним чи симетрично розгорнутим тулубом були декоративними елементами головних

уборів. До переліку їх прикрас належать довгі стрічки, зафіксовані в північно-західній камері кургану Чортомлик (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 198, кат. 122), а також пластинки з кургану 8 (пох. 1) Пісочинського курганного могильника (Харківська обл.) (Бабенко 2006, с. 77, рис. 1: 3—8). Образи сфінксів на всіх зазначених витворах подані схематично: голова та розгорнуті крила — фронтально, зліва і справа — тулуби хижаків з породи котячих. Розміщені одна біля одної, фігури утворюють орнамент, який зверху і знизу підкреслюють вузенькі смужки із зигзагоподібних ліній.

Аналіз костюмних комплексів свідчить, що декоративні елементи із зображеннями сфінкса (різної іконографії) інколи переважали серед інших мотивів, але ніколи весь зміст декору не був зосереджений тільки на образі цієї міфічної істоти. У V—IV ст. до н. е. на стрічках, шапках, покривалах, плечовому одязі переважали комбінації оздоб різних категорій, на яких вміщували антропоморфні, зооморфні, фітоморфні, міфічні, геометричні мотиви (приблизно 3—5 образів).

Привертають увагу золоті декоративні елементи костюма скіф'янки, поховання якої дослідили у кургані 4 поблизу с. Новоселиця (Черкаська обл.): пластини-аплікації, сережки-кораблики з підвісками у вигляді водоплавних птахів, скроневі підвіски складної конфігурації, нашийна прикраса — ланцюжок з фігурних елементів у формі жіночої голівки (Bydlowski 1904, S. 59—63). Серед золотих аплікацій, якими прикрашали головний убір та вбрання — 3 типи зображень сфінкса з подвійним тулубом. Жінку поклали поряд з чоловіком, але вона була не супровідною особою, якщо судити за пишністю її одягу та декоративних елементів. Взагалі, в могилі дослідники відмітили багато ознак приналежності обох небіжчиків до соціальної верхівки. Головний убір скіф'янки — ансамбль з налобної стрічки, конусоподібної шапки та покривала — вирізняється унікальним поєднанням образів, які використали для оформлення. Оздоба пов'язки — золота стрічка. Основний фриз на ній — орнамент із зооморфних мотивів (стилізовані голови лося). Спереду на шапці було прикріплено 26 золотих аплікацій — округлих пластин із зображенням сфінкса з симетрично розгорнутим тулубом. Вироби збереглись у дуже поганому стані — зім'яті, місцями розірвані, тому важко визначити особливості відтворення сюжету. Пластинки мають вигляд видовженого кола. Всередині його вписано силует міфічної істоти. Голова із зачіскою у вигляді валика, розділеного короткими заглибленими рисками. Обличчя узагальнене, але очі — виразні. Крила розправлені, верхня частина плавною дугою облямовує підборіддя. Справа і зліва від центру — розгорнута нижня частина тулуба (рис. 6: 2).

Ще два типи стилізації образу сфінкса на золотих пластинках, зафіксовані серед аплікацій у вигляді розеток і пальмет, які прикрашали плечовий одяг скіфянки. Одна з пластин: прямокутна із заокругленими кутами. Центр композиції голова, але обличчя «прочитати» неможливо. Розгорнуті крила піднімаються до голови, підкреслені тонкими рельєнними лініями. На верхній частині тулуба нанесено сітку із заглиблених навскісних штрихів. Ліва і права половини тулуба акцентовані опуклими напівсферами, якими позначено стегна сфінкса. Передні лапи передані фронтально (рис. 6: 3).

Рис. 7. Золоті аплікації із зображенням сфінкса з симетрично розгорнутим тулубом з кургану поблизу Красний Поділ, Херсонська обл.

Одне зображення сфінкса вирізняється найбільшою стилізацією. Образ важко пізнати, оскільки він створений з геометричних фігур, окреслених тонкими рельєфними лініями. Невеличке коло з опуклиною в центрі — голова. Плавною дугою змальовані крила у верхній частині. Їх площина акцентована спіральними завитками. Розгорнутий тулуб показано опуклими квадратами і трикутниками. Внизу на пластинці повздовжніми рельєфними штрихами (імітація пазурів) позначено лапи (у фронтальному ракурсі) (рис. 6: 4). Можливо, така стилізація образу відбиває його глибоку сакральність. Він, тобто образ, відтворюють як «формулу», пізнавану за окремими характерними ознаками.

Загалом, у комплекті прикрас убрання зібрано різноманітні мотиви, що є символами культу плодючості. Це, безумовно, відбиває не тільки соціальний і суспільний статус власниці, її особисту роль у певній спільноті, а також сімейні ситуації (Клочко 2010, с. 62—66).

У кургані 8 (п. 2) поблизу с. Вовчанське (Запорізька обл.) досліджено декоративні залишки убрання скіф'янки, для якої було споруджено окрему могилу. Жінку поховали у костюмі із

золотими аплікаціями та особистими знімними оздобами. До перших належать пластинки: із зображенням сфінкса, тулуб якого передано в дзеркальній симетрії відносно голови; хрестоподібні; з відтиснутою фігуркою лева. Ці вироби використовували як аплікації на головному уборі. Знімні прикраси: золоті сережки-кораблики з підвісками у формі водоплавних птахів, ланцюжок із фігурних елементів у вигляді людської голови, разок скляного намиста (Полин, Кубышев 1997, с. 9, рис. 9: 1, 2). Образ сфінкса посідав головне місце в декорі головного убору. На пластинках-аплікаціях різного розміру: 19 великих (40 × 38 мм), 5 екземплярів — менших (34 × 30 мм) — зафіксовано два варіанти зображень. Великі пластинки у формі овала. Композиція побудована навколо людської голови з узагальненими рисами обличчя. Голова облямована візерунками з рельєних ліній: трьома фестонами позначено зачіску чи головний убір, плавні дугоподібні борозенки вимальовують крила, нагрудна частина заповнена опуклими прямокутниками, які, мабуть, імітують оперення. Знизу на пластинках вміщено профільне зображення двох левиних тулубів. Задні ноги сфінксів показано в профільному ракурсі, а передні — у фронтальному (рис. 5: 2).

Менші пластинки овальної форми також із зображенням сфінкса з подвійним тулубом. Людська голова показана фронтально, обличчя — узагальнено. Верхня частина пластинок оформлена пружком із дрібних опуклин. Над головою сфінкса вони утворюють незначний виступ, можливо, імітують головний убір (стефану?). Від голови до лев'ячих тулубів спускаються крила у вигляді дугоподібних візерунків з дрібних опуклин. Тулуби обернені вліво і вправо. Хвости підкреслюють їх профільний ракурс. Задні ноги істоти показані в профіль, а передні фронтально (рис. 5: 3).

У костюмах скіф'янок були нашийні прикраси із зображенням сфінкса. Образ міфічної істоти вміщено на елементах ланцюжків, які походять з курганів, споруджених над могилами представниць різних соціальних груп у IV ст. до н. е. Наприклад, у пограбованому Верхньорогачинському кургані (Херсонська обл.), який вирізняється висотою і належить до так званих «царських» могил, знайдено фрагмент намиста: 10 прямокутних ланок та одна видовжена пластинка, що є завершенням низки — друга не збереглась (Лесков 1974, с. 44, рис. 42). Основна деталь ланцюжка — мініатюрні «коробочки», на верхній пластині яких бачимо рельєфне зображення сфінкса: обличчя міфічної істоти показано у фас, а тулуб — подвійний, змальований як дзеркальне відображення профільного ракурсу. Дугоподібні крила, абрис яких підкреслено рельєфними борозенками, підняті, облямовуючи маленьку голову сфінкса. Вона показана узагальнено, обличчя з невиразними рисами. Від підборіддя донизу — тонка борозенка, яка розділяє зображення на дві частини. Крила закривають бюст, нижня частина тулуба розгорнута, передні лапи показані в фас. Закінченнями низки з Верхньорогачинського кургану, ймовірно, були видовжені прямокутні пластинки (збереглася тільки одна), оздоблені дрібними опуклинами, зробленими пуансоном. Виріб, тобто, пластинка, і за формою, і за декором дисонує з ланками ланцюжка, тому він не має композиційно завершеного вигляду. Отже, перед нами яскравий приклад наслідування взірцям, тобто, ювелірним витворам, виконаним для населення грецьких міст чи так званих еллінізованих скіфів (Клочко 2014, с. 116, рис. 2: 4).

Окремі ланки із зображеннями сфінкса з подвійним тулубом зафіксовано у похованнях жінок, які не належали до представниць вищої аристократії, хоча мали ознаки певного виділення у своєму соціумі.

Нашийна прикраса, зібрана з окремих ланок, була в костюмі жінки, поховання якої дослідили в кургані поблизу радгоспу «Степовий» (Запорізької обл.). Після пограбування залишилося тільки 4 елементи: маленькі медальйони (16 × 14,5 мм), прикрашені досить великими підвісками (h — 30 мм) (Клочко 2014, с. 118, рис. 4: 3, 4). На верхній пластині ланки бачимо рельєфне зображення сфінкса з подвійним тулубом. Образ істоти вміщено на невеличкій площині, але можна «прочитати» основні деталі композиції. Її центром є жіноча голова, виділена дрібними рубчиками. Від скронь обабіч спускаються дві рубчасті смужки — це, мабуть, імітація оформлення покривала. Дугоподібні крила сфінкса і верхня частина тулубів мають вигляд кола, заповненого опуклинами. Від підборіддя істоти спускається донизу тонка борозенка, яка, власне, є лінією, що розділяє левиний тулуб (рис. 8: 1).

Увагу привертають прикраси з кургану 3 (пох. 2) поблизу с. Ізобільне (Дніпропетровської обл.). Елементи ланцюжка зроблені за схемою: овальна коробчаста ланка (розміри: 45 × 18 мм; 50 × 17 мм) з рельєфним візерунком на верхній пластині, оформлена знизу однією або двома підвісками (рис. 8: 2). Зображення сфінкса відрізняється від описаного образу, представленого на ланцюжку з Верхньорогачинського кургану. На пластинці з кургану поблизу с. Ізобільне акцентовано велику голову істоти, округле обличчя з опуклими очима та насупленими бровами. Крила сфінкса ледь намічені, але добре виділено подвійний тулуб, великі лапи, властиві хижакові з породи котячих. Хвости з характерною китичкою на кінці піднімаються до крил вибагливими завитками. Підвіски, які доповнюють цей елемент нашийної прикраси, за формою подібні до бутонів. Зроблені з об'ємних половинок, зверху прикрашені сітчастим візерунком, від якого вниз спускаються повздовжні борозенки. «Бутони»

Рис. 8. Зображення сфінксів із подвійним тулубом на елементах нашийних прикрас: 1 — золоті коробчасті ланки ланцюжка з кургану поблизу радгоспу «Степовий», Запорізька обл.; 2 — деталі ланцюжка з кургану 3 (пох. 2) поблизу с. Ізобільне, Дніпропетровська обл.

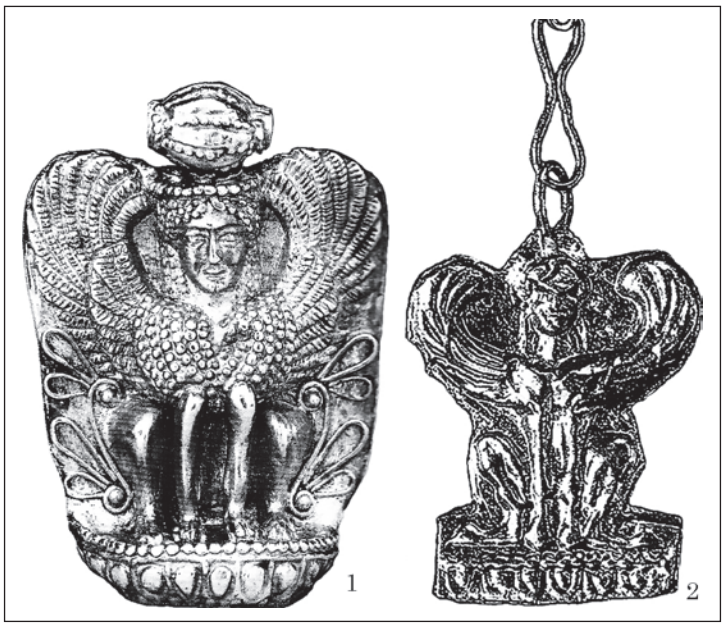


Рис. 9. Зразки творчості ювелірів Кіпру: 1 — золота сережка з могильника Куріон; 2 — мініатюрна золота сережка з могильника Муріон

підвішували за допомогою мініатюрного кільця, прикріпленого до петель — вони напаяні по одній і по дві знизу на коробчастій ланці (Клочко 2014, с. 117, рис. 4: 1, 2).

Сфінкс з подвійним і симетрично розгорнутим тулубом впродовж IV ст. до н. е., мабуть, набув особливого значення в декорі вбрання (переважно, жіночого) на землях Скіфії. Знахідки прикрас свідчать, що обидва сюжети, мабуть, були рівноцінними за символічним змістом. Усі витвори мають спільну рису у подачі образу: за деякими виключеннями, не акцентовано жіноче начало сфінкса, тобто, голова подана узагальнено без головного убору чи зачіски, інколи не виділено бюст. Можливо, це особливість художнього характеру, яка виникла тому, що майстри наслідували різні зображення міфічної істоти. Скіфи, мабуть, apriori, сприймали сфінкса як жіночий образ. Тобто, як зазначено вище, розвинений символізм уявлень скіфів не вимагав деталізації образів, тому що їх сприймали за загальними рисами як знаки вірувань чи захисту від ворожих людині сил.

Такий же висновок можна зробити і відносно сюжету «сфінкс з подвійним тулубом». Н. А. Онайко, А. П. Манцевич, Л. В. Копейкіна зазначали, що мотив був поширеним у античному світі, і завдяки грецькому мистецтву увійшов до творчості скіфських майстрів (Копейкина 1986, с. 56). Зображення сфінксів з подвійним тулубом, мабуть, відбивають уявлення про дуалізм міфічної істоти. Цей художній прийом (подвоєння) дуже давній, і є відображенням намагання збільшити магічну силу образу.

Образ «сфінкс із симетрично розгорнутим тулубом» виник завдяки інтерпретації художніх зразків із сюжетом подвоєння лев'ячих тіл. Крім того, можна припустити, що у Північному Причорномор'ї були відомі твори, на яких представлене фронтальне зображення сфінкса, який сидить, і показані всі його лапи. Наприклад, знахідки на території Кіпру — підвіска з могильника Куріон (450 р. до н. е.) (Williams, Ogden 1994, p. 247, kat. 184). Образ сфінкса вміщено на невеличкій пластинці (29 × 20 мм). Людська голова — центр композиції. Виразні риси обличчя, зачіска у вигляді дрібних кучерів, що облямовують лоб. Від скронь до плечей спускаються локони чи підвіски. Зачіска прикрашена низкою намистин. Крила сфінкса підняті, на їх площині — візерунки у вигляді пір'їн різної довжини. Голова сфінкса представлена у обрамленні крил. Вони з'єднані на грудях і прикрашені рядами мініатюрних опуклин. З-під крил спускаються чотири ноги з лев'ячими пазурами (рис. 9: 1). Манера зображення характерна для ювелірів Східного Середземномор'я. Але деякі художні засоби знаходять відповідність у творах, знайдених на території Північного Причорномор'я оформлення нагрудної частини: бронзовий штамп з

Рис. 10. Зображення богині на троні зі сфінксами обабіч (сережка з кургану 10 поблизу Велика Знам'янка, Запорізька обл.)

Криму, золоті пластинки з с. Малої Лепетихи, с. Вовчанське (рис. 5: 2). Привертає увагу зображення голови сфінкса на прикрасах із радгоспу Степовий: від скронь обабіч спускаються дві смужки (рис. 8: 1).

З регіону Східного Середземномор'я (могильник Маріон на Кіпрі) походить ще одна підвіска (16 × 16 мм) із зображенням сфінкса, який сидить на постаменті (Williams, Ogden 1994, p. 248, kat. 185). Його поза, характерна для хижаків з родини котячих. Фігура міфічної істоти подана фронтально. Людська голова увінчана стефаною, обличчя з виразними рисами, від скронь до плечей спускаються підвіски. Крила розправлені, дугоподібно вигнуті. Їх форму підкреслюють тонкі борозенки. Бюст у вигляді мініатюрних опуклин, оголений. Ноги сфінкса зображені в одній площині: передні розпрямлені, задні зігнуті (рис. 9: 2).

Отже, сюжети сфінкс з подвійним і сфінкс з розгорнутим тулубом семантично однорідні і відповідали міфологічним уявленням жителів Північного Причорномор'я.

Як було сказано вище, образ сфінкса скіфи сприймали як один із символів богів плодючості. Л. В. Копейкіна звернула увагу на те, що на одній з мозаїк Олінфа чергуються зображення сфінкса з подвійним тулубом і змієногої богині (Копейкина 1986, с. 56). Тобто, обидва мотиви створюють орнаментальний сюжет, зміст якого розкривають символи плодючості.

Образ сфінкса, можливо, пов'язували з культом конкретного жіночого божества. Про це свідчить поєднання зображення богині, яка сидить на троні, та сфінксів обабіч, обернених один до одного спинами. Йдеться про сережки з поховання 3 в кургані 10 поблизу с. Велика Знам'янка (Запорізька обл.) (МІДУ 2004, с. 35, кат. 66). Витвори належать до типу фігурних. Основна їх деталь — підвіска. Акцент в оформленні підвіски художник зробив на образі жінки, ймовірно, богині. Вона в ошатному вбранні, сидить у величній позі на троні, руки лежать на колінах, правою рукою підтримує посудину з округлим корпусом і широким вінчиком. Жінка змальована досить майстерно: художник показав кругле обличчя з крупними рисами, деякі подробиці костюма, притаманного скіф'янкам (рис. 10). Справа і зліва від жінки вміщено зображення сфінксів. Не дивлячись на мініатюрність, образи подані досить детально. Людська голова гордо поставлена на довгій шиї. Обличчя з правильними рисами. Зачіску показано у вигляді валика, вкритого тонкими рельєфними лініями — пасмами волосся. Опуклий бюст підкреслено напаяним кільцем, до якого підвішено привіску. Крила сфінкса нагадують гострий листочок, розправлені і підняті вгору, торкаються убору богині. Лапи істот опираються на підлокітники у формі баранячих голів. До них також припаяно кільця і прикріплені підвіски.

Зображення богині на троні зі сфінксами обабіч за іконографічними ознаками нагадує образ Кібели. Ця малоазійська богиня була включена ще з часів архаїки до пантеону богів, про культи яких свідчать знахідки в Ольвії. Богиню представляють в coroni muralis, з тімпаном у правій руці, левеням на колінах, сфінксами обабіч (Шевченко 2014, с. 45). А. С. Русяєва, досліджуючи культи богів землеробства в Ольвії, зробила висновок, що до III ст. до н. е. Кібелу вшановували разом з іншими божествами плодючості. Але у III—II ст. до н. е. вона набула значення головної богині (Русяева 1979, с. 109).

У скіфській релігії, мабуть, Кібела також не мала поширення саме як малоазійська Матір Богів. А богиня на троні є узагальненим образом божества плодючості. Її оточення: сфінкси, баран — сприймали як символи богині, а отже — культу плодючості.

Іконографічні особливості образу жінки пов'язані, ймовірно, з наслідуванням зображень на витворах ольвійських майстрів (Русяева 1979, рис. 51). Хоча сережки, про які йдеться, мабуть, виконані торевтом зі скіфського середовища. Про це свідчить, насамперед, відтворення головного убору та сукні жінки, форми яких

є характерними у костюмах скіф'янок (Клочко 2007, с. 354).

Отже, різні декоративні елементи скіфського вбрання вирізняють зображення сфінксів: сфінкс, що сидить; сфінкс стоїть, торкаючись ногою visavi; сфінкс з подвійним та симетрично розгорнутим тулубом. Семантика останнього образу, можливо, пов'язана з уявленнями про подвійний характер міфічної істоти.

ЛІТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю., Мурзин, В. Ю., Ролле, Р. 1991. *Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н. э.)*. Киев: Наукова думка.

Бессонова, С. С. 1983. *Религиозные представления скифов*. Киев: Наукова думка.

Бессонова, С. С., Сиволап, М. П., Сиволап, Л. Г. 2014. Золотая налобная пластина IV в. до н. е. *Музейні читання: Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». Київ, МІКУ, 18—20 листопада 2013 р.*, с. 63-86.

Болтрик, Ю. В. 1981. Исследование кургана Огуз. *Археологические открытия 1980 г.*, с. 233-234.

Вітрик, І. С., Данилко, Н. М. 2002. Поховання знатної скіф'янки у «Великому кургані» М. І. Веселовського. *Музейні читання: Матеріали наукової конференції. Київ, МІКУ — філіал НМІУ, грудень, 2001 р.*, с. 138-149.

Журавлев, Д. В., Новикова, Е. Ю., Шемаханская, М. С. 2014. *Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея. Историко-технологические исследоваания*. Москва: Исторический музей.

Клочко, Л. С. 2008. Жіночі головні убори племен Скіфії за часів архаїки. *Музейні читання: Матеріали міжнародної конф. «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». Київ, МІКУ, 12—14 листопада 2007 р.*, с. 23-41.

Клочко, Л. С. 2009. Образ водоплавного птаха на декоративних елементах скіфського костюма. *Музейні читання: Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь століття». Київ, МІКУ, 9—11 листопада 2009 р.*, с. 76-83.

Клочко, Л. С. 2013. Типы декоративных элементов в оформлении головных уборов скифянок. *Tyragetia, Arheologie. Istorie Antica, Serie noua*, VII (XXII), 1, с. 19-28.

Клочко, Л. С. 2014. Нашийні прикраси скіф'янок (ланцюжки з окремих елементів). *Музейні читання: Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». Київ, МІКУ, 18—20 листопада 2013 р.*, с. 109-127.

Клочко, Л. С., Васіна, З. О. 2002. Реконструкція жіночого вбрання за знахідками у «Великому кургані» М. І. Веселовського. *Музейні читання: Матеріали наукової конференції, Київ, грудень 2001 р.*, с. 150-168.

Копейкина, Л. В. 1986. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба. В: Грач, Н. Л. (ред.). *Античная торевтика*. Ленинград: Аврора, с. 28-74.

Кубышев, А. И., Дорофеев В. В., Шилов Ю. А. и др. 1980. *Отчет о раскопках Херсонской археологической экспедиции ИА АН УССР в 1980 году*. Науковий архів ІА НАНУ, 1980/15.

Лєсков, О. М. 1974. *Скарби курганів Херсощини*. Київ: Наукова думка.

Мозолевський, Б. М. 1979. *Товста Могила*. Київ: Наукова думка.

Музей історичних коштовностей України. 2004. Альбом. Київ: Мистецтво.

Мурзин, В. Ю., Белан, Ю. А., Подвысоцкая, Е. П. 2017. *Бердянский курган (погребальный коплекс скифского аристократа IV в. до н. э.)*. Киев: Центр учебной литературы.

Онайко, Н. А. 1970. *Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1-27.

Петренко, В. Г. 1978. *Украшения Скифии VII—III вв.до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 4-5.

Полин, С. В. 1984. Захоронение скифского воина — дружинника у с. Красный Подол на Херсонщине. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Вооружение скифов и сарматов*. Киев: Наукова думка, с. 103-119.

Полин, С. В., Кубышев, А. И. 1997. *Скифские курганы Утлюкского междуречья (в Северо-Западном Приазовье)*. Киев: Наукова думка.

Русяева, А. С. 1979. *Земледельческие культы в Ольвии догетского времени*. Киев: Наукова думка.

Скорый, С., Зимовец, Р. 2014. *Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции*. Киев.

Скржинская, М. В. 2010. *Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья*. Киев: Институт истории.

Словник античної міфології. 1989. Київ: Наукова думка.

Трейстер, М. Ю. 2008. Изделия из бронзы, кости и украшения. В: Трейстер, М. Ю. (ред.). *Трехбратние курганы. Курганная группа второй половины IV—III вв. до н. э. в Восточном Крыму*. Симферополь, Бонн: Универсум.

Фармаковский, Б. В. 1921. *Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории*. Петербург. Записки РАИМК, 1.

Ханенко, Б. И. Ханенко, В. Н. 1899. *Древности Приднепровья*. Киев, II.

Bydlowski, A. 1904. Mogily w Nowosiolce w pow. Lipowieckim gub. Kijowskiej. *Swiatowit*, 5, s. 59-63.

Williams, D., Ogden, J. 1994. *Greek gold jewellery of the classical world*. London.

REFERENCES

Alekseev, A. Y., Murzin, V. Y., Rolle, R. 1991. *Chertomlyk (Skifskij tsarskij kurgan IV v. do n. e.)*.Kyiv: Naukova dumka.

Bessonova, S. S. 1983. *Religiosnye predstawlenij skifov*. Kiev: Naukova dumka.

Bessonova, S. S., Sivolap, M. P., Sivolap, L.G. 2014. Zolotaj nalobnaj plastina IV v. do n. e. *Muzejni chytannij: Materialy naukovoji konferenciji «Juwelirne mystectvo — pohliad kris wiku». Kyiv, MIKU, 18—20 lystopada 2013 r.* Kyiv, s. 63-86.

Boltrik, J. V. 1981. Issledowanie kurgana Ogus. *Archeologicheskie otkrytija 1980 g.*, s. 233-234.

Witryk, I. S., Danilko, N. M. 2002. Pokhovannij znatnoiy skifijnky u «Velykomu kurgani» M. I. Veselovskogo. *Muzejni chytannja: Materialy naukovoji konferenciji. Kyiv, MIKU, hruden, 2001.* Kyiv, s. 138-149.

Zhuravlev, D. V., Novikova, E. Yu., Shemakhanskai, M. S. 2014. *Yuvelirnye izdelia is kurgana Kul-Oba v sobranii Istoricheskogo muzej*. Moskva: Istoricheskij muzei.

Klochko, L. S. 2008. Zhinochi holowni ubory plemen Skifiy sa chasiv arkhaiky. *Muzejni chytannja: Materialy naukovoji konferenciji «Juwelirne mystectvo — pohliad kris viky». Kyiv, MIKU, 12—14 lystopada 2007 r.* Kyiv, s. 23-41.

Klochko, L. S. 2009. Obras vodoplawnoho ptakha na dekoratyvnykh elementakh skifskoho kostijma. *Muzejni chytannja: Materialy naukovoji konferenciji «Juwelirne mystectvo — pohliad kris viky». Kyiv, MIKU, 9—11 lystopada 2009 r.* Kyiv, s. 76-83.

Klochko, L. S. 2013. Tipy dekoratiwnyh elementow w oformlenii golovnyh uborow skifijnok. *Tyragetia, Arheologie. Istorie Antica, Serie noua*, VII (XXII), 1, s. 19-28.

Klochko, L. S. 2014. Nashiyni prykrasy skifijnok (lancijzhky z okremykh elementiv). *Muzejni chytannja: Materialy naukovoji konferenciji «Juwelirne mystectvo — pohliad kris viky». Kyiv, MIKU, 18—20 lystopada 2013 r.* Kyiv, s. 109-127.

Klochko, L. S., Wasina, Z. O. 2002. Rekonstrukcija zhinochoho vbrannij za znachidkamy u «Velykomu kurgani» M. I. Veselovskogo. *Muzejni chytannja: Materialy naukovoji konferenciji. Kyiv, MIKU, hruden, 2001.* Kyiv, s. 150-168.

Kopeykina, L. V. 1986. Zolotye blsjschki is kurgana Kul-Oba. In: Grach, N. L. (ed.). *Antichnaj torevtika.* Leningrad: Avrora, s. 28-74.

Kubyschev, A. I., Dorofeev, V. V., Shilov, J. A. *Otchet o raskopkah Khersonskoy arheologicheskoy ekspedicii IA AN USSR w 1980 g.* Naukowyi arhiv IA NANU, 1980/15.

Leskov, O. M. 1974. *Skarby kurganiw Khersonshchyny*. Kyiv: Mystectwo.

Mozolevskiy, B. M. 1979. *Towsta Mohyla.* Kyiv: Naukova dumka.

Muzey istorychnyh koschtownostey Ukrainy. 2004. Albom. Kyiv: Mystectwo.

Murzin, V. J., Belan, J. A., Podvysockaj, E. P. 2017. *Berdijnskiy kurgan (pogrebalniy komplex skifskogo aristokrata IV v.do n. e.).* Kyiv: Centr uchebnoy literatury.

Onayko, N. A. 1970. *Antichnyi import v Pridneprovie I Pobuzhie v IV—II vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Svod arheologicheskikh istochnikov, D 1-27

Petrenko, W. G. 1978. *Ukrashenij Skifii VII—III vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Svod arheologicheskikh istochnikov, D 4-5.

Polin, S. V. 1984. Zahoronenie skifskogo voina — druzhinnika u s. Krasnyi Podol na Khersonshchine. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Vooruzhtnie skifov i sarmatov.* Kyiv: Naukowa dumka, s. 103-119.

Polin, S. V., Kubyshev, A. I. 1997. *Skifskie kurgany Utliukskogo mezhdurechij (v Sewerj-Zapadnom Priasowie).* Kyiv: Naukowa dumka.

Rusiaeva, F. S. 1979. *Zemledelcheskie kulty w Olvii dogetskogo wremeni.* Kyiv: Naukowa dumka.

Skoryi, S., Zimovec, R. 2014. *Skifskie drevnosti Kryma. Materialy odnoi kollekcii.* Kyiv.

Skrzhinskaj, M. V. 2010. *Kulturnye tradicii Ellady v antichnyh gosudarstvah Severnogo Prichernomoria.* Kyiv: Institut istorii.

Slovnyk antychnoi mifologii. 1989. Kyiv: Naukowa dumka.

Treister, M. Yu. 2008. Isdelia iz bronzy, kosti i ukrashenia. In: Treister, M. Yu. (ed.). *Trehbratnie kurgany. Kurgannaj gruppa vtoroj poloviny IV—III vv. do n. e. v Vostochnom Krymu.* Simferopol, Bonn: Universum.

Farmakovskiy, B. V. 1921. *Tri polikhromnye vazy v forme statuetok, naidennye v Fanagorii.* Peterburg. Zapiski RAIMK, 1.

Khanenko, B. I. Khanenko, V. N. 1899. *Drevnosti Pridneprovia.* Kiyev. II.

Bydlowski, A. 1904. Mogily w Nowosiolce w pow. Lipowieckim gub. Kijowskiej. *Swiatowit*, 5, s. 59-63.

Williams, D., Ogden J. 1994. *Greek gold jewellery of the classical world*. London.

L. S. Klochko

THE IMAGE OF SPHINX IN THE DECORATION OF SCYTHIAN CLOTHES

By V—IV century BC the images which iconography and context originate from Greek-Scythian art are becoming popular among people of Scythia. One of the most popular motive was sphinx. It was depicted on jewelry: earrings, neck rings, bracelets, appliquй-plates. The image of the mythical creature was among symbols of gods, life-giving forces of nature as well as signs of protection against dark forces. Some stories on the artifacts from Scythian kurgans are unique, presumably free interpretations of images from the creations of Greek masters. Often the image of sphinx was included to the heraldic compositions on golden plates which decorated headdresses. Most of the appliquйs with relief patterns were forged in Greek workshops of Northern coast of Black Sea. However some artifacts tell about the existence of jewelry craft in Scythia itself.

The images of sphinx with double and symmetrically opened torso raise extreme interest. This is the feature of decorative art of Northern coast of Black Sea. The majority of the artifacts which represent different variations of the image are found on the Scythian territory. It is possible that the idea of the image should be linked to the semantics of the sphinx — its dualistic nature. The iconography has the reflections of traditions which are usual for Scythian art: the stylization, representations of species specific of creatures, so-called transformations (one detail becomes set-up for another). The decorative elements with the image of sphinx with double and symmetrically opened torso were also symbols of fertility in Scythian costume.

Keywords: sphinx at Northern coast of Black Sea, Scythian jewelry, sphinx with double and symmetrically opened torso.

Одержано 3.03.2018

КЛОЧКО Любов Степанівна, кандидат історичних наук, провідний науковий співробітник, Музей історичних коштовностей України, вул. Лаврська 9, Київ, 03015, Україна, *vklochko@ukr.net.*

KLOCHKO Liybov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Museum of historical treasures of Ukraine, Lavrskaj str. 9, Kyiv, 03015, Ukraine, *vklochko@ukr.net*.

УДК: 904.2-034.21(477.7)”-4/-3”

В. Ю. Мурзин

О ЗОЛОТЫХ «КОНУСАХ» ИЗ СКИФСКИХ КУРГАНОВ

В статье рассматривается вопрос о больших золотых конусовидных предметах, обнаруженных в ряде скифских курганов конца V — IV вв. до н. э. на территории Северного Причерноморья и нынешнего Ставропольского края. Особое внимание уделяется вопросу о предназначении таких «конусов», поскольку данный момент является предметом достаточно оживленной и неоднозначной дискуссии. Предлагается новый подход к решению данной проблемы.

Ключевые слова: *скифская культура, родовые подразделения скифов, номы, золотые «конусы».*

Сравнительно недавно С. С. Бессонова совместно с авторами раскопок опубликовала яркие и впечатляющие материалы Братолюбовского кургана (Кубышев, Бессонова, Ковалев 2009). Наиболее интересные вещи были обнаружены в тайнике, обустроенном в дне центральной могилы. В тайнике находились: золотая чаша-фиала, плетенное золотое ожерелье, биметаллический ритон и золотой предмет в форме конуса с усеченной вершиной, декорированный барельефными изображениями сцен терзания, выполненными в традициях скифского звериного стиля (рис. 1, 2). Высота предмета составляет 179—182 мм (разница в высоте объясняется небольшой деформацией конуса), диаметр основания — 191 мм, вершины — 130 мм.

Обратившись к золотым предметам конусовидной, близкой братолюбовской находке формы, С. С. Бессонова учла 24 таких изделия разных размеров (Кубышев, Бессонова, Ковалев 2009, табл. I). Однако нас, в первую очередь, интересуют большие золотые «конусы». Таких предметов, судя по ее сводке, на территории Северного Причерноморья обнаружено 5. В Братолюбовском кургане. В Передериевой Могиле (рис. 3). Его диаметр по низу колеблется от 16,6 до 17,9 см, высота составляет 16,7 см (Моруженко 1992). В кургане у с. Ильичево в Крыму (высота — 13,3 см, диаметр верхней части — 10,2 см, основания — 16 см), опубликованном А. М. Лесковым (1968). Конус из Ак-Бурунского кургана (диаметр основания — 17,7—19,5, высота — 14,4 см) на Керченском полуострове (рис. 4). Конус из коллекции ростовского собирателя древностей Ф. С. Романовича (высота 16,2, диаметр основания — 16 см).

Восточнее пределов северопричерноморской Скифии, на территории Среднего Предкавказья (Ставропольский край) также обнаружено несколько вещей интересующего нас типа, которые тоже входят в круг памятников непосредственно скифской культуры. С нашей точки зрения именно территория Предкавказья была центром скифского объединения («царство Ишкуза») в VII — первой половине VI вв. до н. э. После окончания скифских походов в Переднюю Азию основное ядро скифских племен перемещается в степи Северного Причерноморья (Мурзин 1984, с. 96—100). Однако часть скифского населения продолжала кочевать на равнинах Северного Кавказа, о чем свидетельствуют такие скифские памятники V в. до н. э. как курганы у селения Гойты в Чечне (Марковин 1965), Ставропольский курган 1893 г. (Мурзін 1978, с. 22), Константиновский курган (Минаева 1956, с. 332) и др.

Золотые конусы, обнаруженные в Ставропольском крае, входили в состав кладов IV в. до н. э. Само появление кладов в этот период свидетельствует об изменении военно-политической ситуации в этом регионе, что, возможно,

© В. Ю.МУРЗИН, 2018

Рис. 1. Конус из Братолюбовского кургана

Рис. 2. Конус из Братолюбовского кургана. Вид сверху

было связано с появлением здесь сарматов ранней волны.

Итак, конусы 6—7. Входили в состав Ставропольского (Казинского) клада (Королькова (Чежина) 1995, с. 77, рис. 3: 4). Золотые толстостенные конусы почти не различаются по размерам: высота 14,5, диаметр основания у одного19,8, у второго — 19,4 см.

Конусы 8—9 обнаружены в составе клада, который находился в каменном ящике, сооруженном на периферии кургана, исследованного у с. Сенгелеевское неподалеку от Ставрополя. Кстати, это село находится на территории того же Шпаковского района, что и с. Казинка, где был найден Казинский клад.

Рис. 3. Конус из Передериевой Могилы

Рис. 4. Конус из Ак-Бурунского кургана

В каменном ящике оказались (рис. 5): золотые гривны и перстень, а также два золотых конуса (Интернет-ресурс). Все предметы были сложены в самый крупный конус (конус 1) усеченной формы, орнаментированный рельефными сценами терзания (рис. 6, 7): с одной стороны — два грифона терзают жеребца и с другой — два грифона терзают оленя.

На втором конусе (конус 2) изображены батальные сцены (рис. 8) — бой зрелых (бородатых) скифов с молодыми (безбородыми). У воинов можно рассмотреть складки на одежде,

Рис. 5. Вещи из Сенгелеевского клада

Рис. 6. Конус 1 из Сенгелеевского клада

Рис. 7. Деталь декора конуса 1 из Сенгелеевского клада

швы, обувь, типы луков и колчанов. В нижней части «картины» размещены еще две фигуры бойцов. Один лежит, а у второго, по всей видимости, отсечена голова (рядом с ним лежит,

Рис. 8. Конус 2 из Сенгелеевского клада

Рис. 9. Конус из Курджипского кургана

вероятно, скальпированный череп). Ярко выражен и образ одного из участников сцены — лицо пожилого человека испещрено морщинами, а голова «украшена» тонко проработанной прической.

Совершенно понятно, что в газетной публикации размеры конусов указаны не были. Но по одной из фотографий (рис. 5), на которой в некотором отдалении от находок находится масштабная линейка, можно прикинуть, что нижний диаметр самого большого конуса составляет около 20 см. Второй конус, который находился внутри первого, имеет, естественно, более скромные размеры. Однако его диаметр по низу явно несколько превышает 15 см.

Таким образом, в скифских памятниках на территории Северного Причерноморья и прилегающих районов удалось учесть 9 золотых конусовидных предметов значительных размеров.

Однако этот список явно необходимо уменьшить за счет исключения из него конуса из собрания Романовича. В переписке коллекционера с Археологической комиссией он фигурирует как «золотой сосуд». Этот «сосуд» и был представлен Ф. С. Романовичем на суд все той же Археологической комиссии. Совершенно очевидно, что уже тогда у специалистов возникли сомнения в его подлинности. Во всяком случае, «сосуд» комиссией так приобретен и не был, его следы теряются. Но по заказу комиссии предусмотрительно была сделана его гальваноскопия, которая ныне хранится в Государственном Эрмитаже. Это дало возможность А. Ю. Алексееву еще раз обратиться к этому предмету. В результате, он авторитетно подтвердил вывод о фальсификации данного конуса, заметив при этом, что мастер, изготовивший в самом конце XIX в. эту «древнюю» находку, должен был иметь для подражания какую-то подлинную вещь, которая до нас, к сожалению, не дошла (Алексеев 1997).

По поводу предназначения золотых конусов мнения специалистов весьма разнятся — от достаточно прозаических вариантов — украшения горитов или нагрудных украшений коня, до весьма экзотических, например, конусы рассматриваются как футляры для хранения скальпов. Все эти точки зрения подробно изложены в монографии, посвященной Братолюбовскому кургану, к которой мы и отсылаем читателя (Кубышев, Бессонова, Ковалев 2009, с. 34—41). Однако совершенно очевидно, что назначение различных конусов также различалось.

Начнем с конуса, найденного в одном из курганов исследованном на мысе Ак-Бурун (южная оконечность Керченской бухты) в 1875 г. Он был обнаружен в могиле, представлявшей из себя сравнительно небольшую грунтовую яму, перекрытую боспорской черепицей. На слое угля найден набор предметов, среди которых, кроме интересующего нас конуса с надетым на него золотым венцом из лавровых листьев, происходит также железное оружие (наконечники копий, дротиков, стрел, лезвия меча и кинжала), фрагмент бронзовой поножи, пластинки от железного панциря (?), части золотого ожерелья, золотые бляшки в виде многолучевых звёзд, две золотые ворворки, золотой перстень с железной вставкой, фрагменты серебряных сосудов, и, что особенно важно для датировки комплекса, золотой статер Александра Македонского и поздняя чернофигурная Панафинейская амфора. По этим находкам погребение можно датировать концом IV или началом III вв. до н. э.

Согласно авторитетному мнению М. И. Ростовцева (1925, с. 388), поддержанному многими специалистами (М. И. Артамонов, Э. В. Яковенко и др.), здесь был погребен эллинизированный скиф, однако некоторые детали погребального обряда (кремация) связывают это захоронение с савроматским миром (Цветаева 1968, с. 51—53; Виноградов 1993).

Однако нас в первую очередь интересует ажурный золотой конус, который, обычно, интерпретируют как шлем-пилос. По Лукиану (Скиф или гость, 1) — пилофорами (*πλοφυριχοι)* назвали скифов, носивших особый головной убор. Однако, как справедливо заметил А. М. Хазанов (1975, с. 181), мы не знаем, идет ли речь в рассказе о пилофорах обо всей скифской аристократии или о какой-то ее части.

В качестве шлема-пилоса рассматривается и золотой конус из Передериевой Могилы, именно как шлем он числится и в Инвентарной книге Музея исторических драгоценностей Украины.

Учитывая близость орнаментальных мотивов — сцены сражения скифов зрелого возраста со скифами-юношами, что, вероятно, является иллюстрацией к известному рассказу Геродота (IV, 1—4) о битвах вернувшихся из Передней Азии скифов с потомками рабов, на шлеме из Передериевой Могилы и конусе 2 из кургана у с. Сенгелеевское, последний, по нашему мнению, вероятно, также может считаться шлемом-пилосом. Возможно, верхней частью парадного головного убора (Мирошина 1989, с. 109) является и небольшой (высота 5,4, диаметр основания 6,4 см) конус из Курджипского кургана, на котором также изображена схожая батальная сцена (рис. 9).

Обычно противники версии о предназначении подобных предметов в качестве головных уборов указывают на их небольшие размеры. Однако они, как и современные головные уборы имеют форму овала размерами 16,6 × 17,9 см (Передериева Могила) и 17,7 × 19,5 см (Ак-Бурун) [1] и вполне вписываются в размеры современных головных уборов, в чем и убедился автор, замерив последние у знакомых ему мужчин.

Что касается конусов типа Ильичево-Казино, а также Братолюбоваского и Сенгелеевского конуса 1 (два последних орнаментированы сценами терзания хищниками травоядных животных) то нам наиболее импонирует точка зрения А. М. Лескова (1968, с. 160), согласно которому такие конусы, закрепленные на металлическом стержне, служили основой жезла — символа власти его хозяина. В таком случае не исключено, что наверху жезла могло быть закреплено металлическое навершие. Близкую точку зрения в связи с находкой небольшого конусовидного предмета в кургане у

1. К сожалению, как мы уже упоминали, точные размеры конусов, найденных в кургане у с. Сенгелеевское, нам неизвестно. Однако по нашим приблизительным расчетам конус со сценами битвы имел по низу размер несколько более 15 см.

с. Александровка высказали И. Ф. Ковалева и С. Е. Мухопад (1982, с. 101).

Однако не всегда в центре плоской вершины усеченного конуса имеются отверстия. Отсутствуют они, например, в Братолюбовском и Сенгелеевском конусе 1. Это наводит на мысль, что такие конусы могли сами служить навершиями деревянных шестов (никаких металлических стержней вместе с конусами обнаружено не было). Они могли крепиться на крестовинах, а в случае наличия отверстия в центре вершины конуса дополнительно фиксироваться заостренным концом шеста. Таким образом, данные конусы могли служить навершиями штандартов или бунчуков (Королькова (Чежина) 1995, с. 87). К такому же выводу, независимо от этой работы, пришел и автор данной статьи (Ельников, Мурзин 2016 с. 80).

Как правило, на верхнем конце бунчука укреплялись конские хвосты, или же хвосты пушных зверей, или полоски разноцветной материи. Это делало бунчук не только символом власти, но и средством управления воинами, подчиненными данному предводителю, во время схватки, который указывал бунчуком с золотым конусовидным навершием, хорошо видным не только днем, но и при лунном свете, направление атаки или совершение другого маневра, а также позволял группироваться воинам вокруг своего предводителя в гуще боя.

Такие дополнительные детали оформления скифских бунчуков могли крепиться к верхней, заостренной вершине шеста, пропущенного через верхнее отверстие (Ильичево, Казинский клад). В Братолюбовском навершии бунчука такое отверстие отсутствует. Однако к верхней части этого конуса была прикреплена золотая пластина с золотым кольцом диаметром 1,8 см, к которому и могли крепиться дополнительные детали декора навершия. К сожалению, подробными данными о Сенгелеевском конусе 1 мы не располагаем.

И на Братолюбовском, и на Сенгелеевском 1 конусах представлены сцены терзания хищниками копытных животных. Достаточно обоснованным является мнение, согласно которому терзание было эквивалентно жертвоприношению животного, а убиение жертвенных животных рассматривалось как способ поддержания миропорядка (Кубышев, Бессонова, Ковалев 2009, с. 66—67). В социальном плане эта сцена могла интерпретироваться как победа царя — земного воплощения бога или легендарного героя (Кузьмина, 1976, с. 70).

Весьма интересно, что на Сенгелеевском конусе 1 сцены терзания изображены как бы в «перевернутом» виде. Такие «перевернутые» композиции были связаны с геометрией нижнего мира, в котором все отношения «перевернуты» по сравнению с «верхним и средним миром» (Мифы… 1991, с. 400—401). В таком случае «перевернутые» сцены терзания на Сенгелеевском конусе, связанные с «нижним миром», миром мертвых, могли лишний раз подчеркивать смысл убиения жертвенных животных.

Еще более интересен вопрос о том, представителями каких слоев скифского общества были обладатели бунчуков и шлемов-пилосов.

Для того, чтобы предложить свою версию ответа на этот вопрос необходимо кратко остановится на социальной структуре скифского общества.

Согласно Геродоту (IV, 62; IV, 120) вся Скифия состояла из трех царств-басилей, одно из которых было «великим». Мы уже неоднократно писали (напр.: Мурзин 1990, с. 74), что тремя царствами-басилеями Геродот ошибочно называл составляющие трехчленной организации скифской орды [1] — центр и два крыла. В принципе, такое иллюзорное восприятие действительного положения дел Геродотом вполне понятно и было характерно не только для него. Например, Марко Поло (Книга Марко Поло 1990, с. 206) называет главу левого крыла Улуса Джучи «царем», «который никому не подвластен».

В свою очередь центр и крылья делились на номы во главе со своим номархом. Для определения характера номов необходимо понять, что скифы-царские («центр»), скифы-кочевники и скифы-γεωργοί (правое и левое «крылья») не были тремя скифскими племенами. Скифы-царские, скифы-кочевники и скифы-γεωργοί, вероятно, имели собственную, достаточно сложную родоплеменную структуру — что-то наподобие, например, родоплеменной структуры трех казахских жузов — «*Уш Алаш» (Масанов 1995, с. 55—64), т. е. в каждый жуз входил целый ряд племен.* Думается, что подобная картина имела место и у скифов. Таким образом, племена, входившие в состав каждой из трех составляющих скифской орды, и были названы Геродотом номами. Поскольку мы считаем, что для скифов была характерна удельно-лествичная система престолонаследия, то главы двух крыльев и номов происходили из того же правящего рода, что и «великий царь», т. е. глава центра — органа военно-политического и военно-административного управления скифской ордой.

Было бы весьма заманчиво связывать скифские бунчуки именно с инсигниями скифских

1. Мы хорошо понимаем, что тюркский термин «орда» обозначает, прежде всего, ставку правителя. Однако в данном случае мы пишем о скифской орде как этно-политическом образовании — по подобию таких определений как «гуннская орда», «орды монголо-татар» и пр. Это подход упрощенный, но сокращает изложение, поскольку слово «орда» подсознательно ассоциируется с представлением о большой массе кочевников, наводящих страх на живописные и мирные села пасторальных пейзан.

номархов. Однако этому мешают два обстоятельства. Во-первых, мы практически пока не в состоянии отличить курганы «второстепенных скифских царей», т. е. глав крыльев, от курганов номархов (Мурзін 2015). По нашему представлению, погребения скифских номархов следует связывать с курганами, подобными Мелитопольскому, Бердянскому или Гайманової Могиле. Памятники, в которых обнаружены остатки скифских бунчуков, явно «не дотягивают» до этого уровня и по своей величине, и по составу инвентаря. Самый значительный из них — Братолюбовский курган, достигал в высоту 6,5 м, а курган у с. Ильичево имел еще менее значительные размеры. Поэтому остается предположить, что такие бунчуки были воинским знаком глав мощных в военном отношении родов, входивших в состав привилегированных скифских племен. Не случайно и курган у с. Ильичево, и Братолюбовский курган расположены в полосе кочевания скифов-царских, охватывающей так называемое «Дикое поле» и степной Крым (Мурзин 2014, с. 65—66). Конусы меньших размеров могли служить навершиями глав менее значительных скифских родов или больших семей.

У половцев такие семьи — «кош» или «аил» не были равновеликими по численности и богатству. В зависимости от экономических и внеэкономических причин (в частности, от степени знатности семьи) все они стояли на разных ступенях иерархической лестницы. И в некоторых случаях глава такой семьи приближался по своему положению к главе рода (Плетнева 2010, с. 139).

Что касается символов власти скифских номархов и царей то это могли быть личные знамена и надувные штандарты из ткани, закрепленные на деревянных шестах. Пока подобные вещи зафиксированы лишь в более поздних сарматских древностях (Яценко 2001), но это не значит, что их могло не быть у скифов.

Еще менее соответствуют нашим представлениям о скифской знати лица, погребенные вместе со шлемами-пилосами. Во всяком случае, в степной части Северного Причерноморья такие погребения вполне укладываются в наши представления о захоронениях рядовых скифов. Остается предположить, что моральное право на ношение таких шлемов, выделявшие носивших их лиц из общей массы, получали отдельные скифы (пилофоры) за определенные выдающиеся достижения. Косвенным свидетельством этому является наличие в Ак-Бурунском погребении наряду со шлемом-пилосом Панафинейской амфоры и золотого венца из листьев лавра. Вполне возможно, примыкал к этой группе и Курджипский конус, который мог венчать остроконечный головной убор (Мирошина 1989). О Сенгелеевском конусе 2 судить сложно, поскольку он найден не в погребении, а входил в состав клада.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 1997. К реконструкции одного утраченного предмета эллино-скифской торевтики V—IV вв. до н. э. *Stratum plus*, с. 29-43.

Виноградов, Ю. А. 1993. Курган Ак-Бурун (1875 г.). В: Раев, Б. А. (ред.). *Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М. И. Ростовцева).* Новочеркасск: Министерство культуры РФ, с. 38-51.

Ельников, М. В., Мурзин, В. Ю. 2016. *Кочевники Украины*. Киев: Видавець Олег Філюк.

Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.mk.ru/science/2014/07/06/rossiya-nashla-svoe-zoloto-skifov.html.

Книга Марко Поло. 1990. Алма-Ата: Наука.

Ковалева, И. Ф., Мухопад, С. Е. 1982. Скифское погребение конца VI — V вв. до н. э. у с. Александровка. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Древности Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 91-102.

Королькова (Чежина), Е. Ф. 1995. О возможности атрибуции Ставропольского (Казинского) клада. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 32, с. 77-89.

Кубышев, А. И., Бессонова, С. С., Ковалев, Н. В. 2009. *Братолюбовский курган*. Киев: ИА НАНУ.

Кузьмина, Е. Е. 1976. О семантике изображений на чертомлыцкой вазе. *Советская археология*, 3, с. 68-75.

Лесков, А. М. 1968. Богатое скифское погребение из Восточного Крыма. *Советская археология*, 1, с. 158-165.

Марковин, В. И. 1965. Скифские курганы у селения Гойты (Чечено-Ингушетия). *Советская археология*, 2, с. 160-173.

Масанов, Н. Э. 1995. *Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадных обществ*. Алматы, Москва: Наука.

Минаева, Т. М. 1956. Археологические материалы скифского времени в Ставропольском краевом музее. *Материалы по истории Ставропольского края*, 8, с. 329-342.

Мирошина, Т. В. 1989. Головные уборы. В: Рыбаков, Б. А. (ред.). *Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, с. 108-109.

Мифы народов мира. Энциклопедия. 1991. Гл. ред. С. А. Токарев. Москва: Советская энциклопедия, I.

Моруженко, А. А. 1992. Скіфський курган «Передеріївa Могила». *Археологія*, 4, с. 67-75.

Мурзін, В. Ю. 1978. Скіфи на Північному Кавказі. *Археологія*, 27, с. 28-35.

Мурзин, В. Ю. 1984. *Скифская архаика Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.

Мурзин, В. Ю. 1990. *Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса*. Киев: Наукова думка.

Мурзин, В. Ю. 2014. *Скифская проблема глазами автора*. Киев: Видавець Олег Філюк.

Мурзін, В. Ю. 2015. Проблема визначення поховань скіфських номархів. *Археологія*, 1, с. 19-29.

Плетнева, С. А. 2010. *Половцы*. Москва: Наука.

Ростовцев, М. И. 1925. *Скифия и Боспор*. Ленинград.

Хазанов, А. М. 1975. *Социальная история скифов*. Москва: Наука.

Цветаева, Г. А. 1968. *Сокровища причерноморских курганов*. Москва: Наука.

Яценко, С. А. 2001. Комплекс с аланскими знаменами из могильника Дачи у Азова (рубеж I — II вв. н. э.). *Историко-археологические исследования в г. Азов и на Нижнем Дону*, 17, с. 363-373.

REFERENCES

Alekseyev, A. Yu. 1997. K rekonstruktsii odnogo utrachennogo predmeta ellino-skifskoy torevtiki V—IV vv. do n. e. *Stratum plus*, s. 29-43.

Vinogradov, Yu. A. 1993. Kurgan Ak-Burun (1875 g.). In: Rayev, B. A. (ed.). *Skifiya i Bospor (materialy konferentsii pamyati akademika M. I. Rostovtseva).* Novocherkassk: Ministerstvo kultury RF, s. 38-51.

Elnikov, M. V., Murzin, V. Yu. 2016. *Kochevniki Ukrainy*. Kiev: Vidavets Oleg Filyuk.

Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.mk.ru/science/2014/07/06/rossiya-nashla-svoe-zoloto-skifov.html.

Kniga Marko Polo. 1990. Alma-Ata: Nauka.

Kovaleva, I. F., Mukhopad, S. E. 1982. Skifskoye pogrebeniye kontsa VI — V vv. do n. e. u s. Aleksandrovka. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Drevnosti Stepnoy Skifii*. Kiev: Naukova dumka, s. 91-102.

Korolkova (Chezhina), E. F. 1995. O vozmozhnosti atributsii Stavropolskogo (Kazinskogo) klada. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 32, s. 77-89.

Kubyshev, A. I., Bessonova, S. S., Kovalev, N. V. 2009. *Bratolyubovskiy kurgan*. Kiev: IA NANU.

Kuzmina, E. E. 1976. O semantike izobrazheniy na chertomlytskoy vaze. *Sovetskaya arkheologiya*, 3, s. 68-75.

Leskov, A. M. 1968. Bogatoye skifskoye pogrebeniye iz Vostochnogo Kryma. *Sovetskaya arkheologiya*, 1, s. 158-165.

Markovin, V. I. 1965. Skifskiye kurgany u seleniya Goyty (Checheno-Ingushetiya). *Sovetskaya arkheologiya*, 2, s. 160-173.

Masanov, N. E. 1995. *Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatelnosti nomadnykh obshchestv*. Almaty, Moskva: Nauka.

Minayeva, T. M. 1956. Arkheologicheskiye materialy skifskogo vremeni v Stavropolskom krayevom muzeye. *Materialy po istorii Stavropolskogo kraya*, 8, s. 329-342.

Miroshina, T. V. 1989. Golovnyye ubory. In: Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologiya SSSR. Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya*. Moskva: Nauka, s. 108-109.

Mify narodov mira. Entsiklopediya. 1991. Gl. red. S. A. Tokarev. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, I.

Moruzhenko, A. A. 1992. Skifskyi kurhan «Perederiiva Mohyla». *Arkheolohiia*, 4, s. 67-75.

Murzin, V. Ju. 1978. Skify na Pivnichnomu Kavkazi. *Arkheolohiia*, 27, s. 28-35.

Murzin, V. Ju. 1984. *Skifskaya arkhaika Severnogo Prichernomoria*. Kiev: Naukova dumka.

Murzin, V. Ju. 1990. *Proiskhozhdeniye skifov: osnovnyye etapy formirovaniya skifskogo etnosa*. Kiev: Naukova dumka.

Murzin, V. Ju. 2014. *Skifskaya problema glazami avtora*. Kiev: Vidavets Oleg Filyuk.

Murzin, V. Ju. 2015. Problema vyznachennia pokhovan skifskykh nomarkhiv. *Arkheolohiia*, 1, s. 19-29.

Pletneva, S. A. 2010. *Polovtsy*. Moskva: Nauka.

Rostovtsev, M. I. 1925. *Skifiya i Bospor*. Leningrad.

Khazanov, A. M. 1975. *Sotsialnaya istoriya skifov*. Moskva: Nauka.

Tsvetayeva, G. A. 1968. *Sokrovishcha prichernomorskikh kurganov*. Moskva: Nauka.

Yatsenko, S. A. 2001. Kompleks s alanskimi znamenami iz mogilnika Dachi u Azova (rubezh I — II vv. n. e.). *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v g. Azov i na Nizhnem Donu*, 17, s. 363-373.

V. Yu. Murzin

ABOUT GOLD «CONES» OF THE SCYTHIAN BURIAL MOUNDS

The question of the large cone-shaped gold objects found in a number of Scythian burial mounds of the middle of the end V — IV centuries BC on the territory of the Northern Black Sea Coast and the present Stavropol Territory is considered in the article. In total 8 such genuine objects are known to us.

Undoubtedly, the purpose of the various cones also varied. Among them are. 1 — Helmets-pylons (Ak-Burun, Perederieva Grave, possibly cone 2 from the treasure in the mound near Sengeleevskoye village, Stavropol Territory). 2 — Tops of Bunchuk — symbols of power (the burial mounds of Bratolyubovsky, near the village of Ilyichevo, from the Kazinsky treasure and cone 1 from the treasure near the village of Sengeleevskoye).

In our opinion, such bunchuks were a military sign and a symbol of the authority of the heads of the militarily powerful clans that were part of the privileged Scythian tribes. It is not by chance that the mound at the village. Ilyichevo, and the Bratolyubivsky mound are located in the nomadic zone of Scythian-tsar, embracing so-called Wild Field and steppe Crimea.

As for the owners of pylon helmets, it remains to assume that only separate Scythians (pylophores) received the moral right to wear such helmets for certain outstanding achievements, what allocated the persons who carried them from the general mass. The presence of the pylon helmet, Panathian amphora and a gold crown from the leaves of the laurel in the Ak-Burun burial is an indirect evidence of this.

Keywords: Scythian culture, tribal units of Scythians, nomas, golden «cones».

Одержано 11.11.2017

МУРЗІН В'ячеслав Юрійович, доктор історичних наук, професор, Мелітопольський інститут державного і муніципального управління, вул. Патріотична 80-А, кв. 5, Запоріжжя, 69005, Україна, *vjmurzin@ukr.net*.

MURZIN Vyacheslav Ju., Doctor of Historical Sciences, Professor, Melitopol Institute of State and Municipal Administration, ul. Patriotic 80-A, Apt. 5, Zaporizhzhya, 69005, Ukraine, *vjmurzin@ukr.net*.

УДК: 904.2-034.21”6383”

Е. А. Величко, Ю. Б. Полидович

ЗОЛОТЫЕ НАХОДКИ ИЗ «НИКОПОЛЬСКИХ КУРГАНОВ» В КОЛЛЕКЦИИ Б. И. И В. Н. ХАНЕНКО

«— Да, совершенно очевидно.
— Мир полон таких очевидностей, но их никто не замечает.»

(Сэр Артур Конан Дойл, «Собака Баскервилей»)

Статья посвящена атрибуции предметов из коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко, которые поступили в 1900-е гг. с рынка древностей как происходящие «из курганов близ г. Никополя». Это различные нашивные пластины и бляшки в основном датируемые IV в. до н. э. Стилистический анализ позволяет говорить о разнородности данной группы изделий и с большой долей вероятности предположить, что они связаны с грабительскими раскопками курганов в степном Причерноморье, Крыму, лесостепном Приднепровье и Среднем Подонье. Часть предметов, вероятно, представляет собой находки в «царских» курганах, разошедшиеся во второй половине XIX в. по частным коллекциям.

***Ключевые слова**: нашивные пластины, скифское время, курганы, коллекция Ханенко.*

ВВЕДЕНИЕ

В 1907 г. вышел в свет 6-й дополнительный выпуск каталога «Древностей Поднепровья». В первых пяти выпусках была опубликована коллекция археологических древностей из собрания Богдана Ивановича и Варвары Николовны Ханенко. Все предметы были сгруппированы по историческим периодам от каменного и бронзового веков (выпуск I, 1899 г.) до славянских древностей VI—XIII вв. (выпуск V, 1902 г.). Это было довольно характерное для своего времени издание, представившее, с одной стороны, обширную частную коллекцию [1], а с другой — очень качественно подготовленный источник по древней истории Поднепровья. Коллекция была подана как цельное собрание древностей, каждый предмет был тщательно атрибутирован. Однако время шло, и собрание Б. И. и В. Н. Ханенко продолжало жить по естественным законам коллекционирования: приобретались новые предметы, а часть из ранее приобретённых по той или иной причине «уходила» из неё. В частности, супругами Ханенко, также как и отцом Варвары Николовны — Николою Артемиевичем Терещенко — и другими представителями рода Терещенко, была оказана всяческая поддержка в создании и развитии Киевского художественно-промышленного и научного музея, открывшегося в 1904 г. (Ковалинский 1998; 2003). Одним из важных шагов в этом отношении стала передача в дар музею 3145 предметов разных эпох (Ковалинский 1998, с. 370), составлявших значительную часть археологической коллекции семьи Ханенко и преимущественно опубликованных в выпусках I—V «Древностей Поднепровья».

По всей видимости, собирание коллекции древностей продолжалось и после 1904 г. Новые поступления были не столь массовыми, но

1. По всей видимости, появление данного издания было связано с представлением коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко на археологической выставке, экспонировавшейся в августе 1899 г. во время работы XI археологического съезда в Киеве (Беляшевский 1899, с. 116—117, 119—120). Выставка была развёрнута в нескольких залах будущего Киевского художественно-промышленного и научного музея (ныне там располагается Национальный художественный музей Украины), который в то время ещё находился в стадии проведения строительных работ. Параллельно ещё одна археологическая выставка была развёрнута в Киевском университете им. Св. Владимира (Беляшевский 1899, с. 116—119). Её основой стала коллекция самого университета, каталог которой был издан к открытию съезда (Каталог… 1899). Данное издание было безрисуночным, однако, содержало ёмкие и лаконичные характеристики предметов, структура которых затем была применена и в «Древностях Поднепровья».

© Е. А. ВЕЛИЧКО, Ю. Б. ПОЛИДОВИЧ, 2018

все же представлявшими определённый интерес. Видимо, поэтому и появилось решение издать дополнительный выпуск «Древностей», куда были включены описания «предметов собрания Ханенко, не вошедших в предыдущие выпуски» (Ханенко, Ханенко 1907, с. 1). Среди них выделяется несколько групп находок, в отношении которых указано, что они происходят из «областей, прилегающих к среднему и нижнему течению Днепра» (Ханенко, Ханенко 1907, с. 10), или даже точнее — из курганов, раскопанных вблизи г. Никополя Екатеринославского уезда и губернии.

Это различные золотые предметы, которые датируются скифским и средневековым временем (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 499—526, 528—562). Скифские изделия и станут предметом дальнейшего исследования. В каталоге они разбиты на две группы. Первая из них включает «лоточек удлиненной формы», «лоточки небольших размеров» и «пластины нашивные, формы креста» (№ 514—526), которые «найдены в **кургане** близ г. Никополя», т. е. речь идёт о возможном нахождении этих предметов в одном комплексе. Ещё о 37 нашивных пластинах (№ 527—562), сказано, что они «найдены в **курганах** близ г. Никополя», что уже изначально подразумевает сборный состав этой группы изделий, по всей видимости, никак не связанных друг с другом.

Найти какую-либо дополнительную информацию о скифских золотых находках в курганах, по всей видимости, разграбленных крестьянами или любителями поиска древностей, возле г. Никополя [1], не удалось. Отметим, что в этом же выпуске «Древностей Поднепровья» были опубликованы бронзовые пластины, атрибутированные как предметы античного защитного доспеха, о которых сказано, что они найдены «при человеческих костях в деревянном склепе под разрушенным крестьянами в 1902 г. курганом близ г. Никополя Екатеринославского уезда» (Ханенко, Ханенко 1907, с. 10—11, 14, кат. 415—418, табл. III). Наличие даже минимальной информации об обстоятельствах находки предметов, однозначно, повышало их значимость. Это понимали Б. И. и В. Н. Ханенко и те агенты, которые работали на них. И при описании предметов такая информация время от времени упоминалась. Если же её не было, то очевидно, что либо её преднамеренно скрывали, либо она была окончательно утеряна ещё при первичной скупке находок. В такой ситуации сомнительной может быть и главная информация — о месте происхождения предметов, о чём речь пойдёт дальше.

Итак, в общей сложности из «Никопольских курганов» в коллекцию Ханенко поступило как минимум 50 золотых находок, преимущественно представляющих собой небольшие пластины-аппликации одежды. Когда они были переданы в музей неизвестно. 37 из них были внесены в инвентарную книгу только в феврале 1924 г., когда все эти вещи уже находились в собрании Всеукраинского исторического музея им. Т. Г. Шевченко. В 1934 г. по акту № 18 все золотые изделия из этого музея (в том числе и интересующие нас пластины) были переданы на хранение в Государственный банк СССР, о чём свидетельствует соответствующая запись в инвентарной книге. В 1946 г. они были возвращены в исторический музей, а в 1964 г. переданы в коллекцию ювелирных изделий созданного специального отдела (затем — филиала) при Государственном историческом музее Украинской ССР, известного с конца 1968 г. как Музей исторических драгоценностей (до 1991 г. — УССР, ныне — Украины).

АНАЛИЗ ЗОЛОТЫХ НАХОДОК ИЗ «НИКОПОЛЬСКИХ КУРГАНОВ»

Все рассматриваемые пластины, исходя из воспроизведённых на них изображений, можно условно разделить на четыре группы.

I. ПЛАСТИНЫ С АНТРОПОМОРФНЫМИ ОБРАЗАМИ

1. *Пластина круглая с изображением женской головы анфас* (ДМ-6033 [2]) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 528, табл. V: 528; Ростовцев 1925, с. 449; Онайко 1970, с. 106, кат. 499: б) (рис. 1: 1). Размеры: 23 × 24 мм. Золото 500 пробы.

Женский персонаж показан с круглым лицом, полными щеками, суженными миндалевидными глазами с припухшими веками, широким и плоским носом, приоткрытым ртом, из которого высунут язык; лицо обрамлено прядями волос. Края пластины загнуты по всему периметру; для нашивания были пробиты крестнакрест 4 отверстия, 2 из которых квадратные. Пластина несколько деформирована, загнутые края выпрямлены, из-за чего образовалось несколько разрывов; рельефные элементы изображения местами смяты.

В первой публикации изображение на пластине было интерпретировано как театральная маска, но позже описывалась только как изображение головы горгоны Медузы (Онайко 1970, с. 48, 106; Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014, с. 88—90).

1. Бронзовые пластины и информация о них были опубликованы Г. Павлуцким (1903) ещё до того, как они попали в коллекцию Ханенко. В. Ю. Мурзин и Е. В. Черненко (1980) републиковали их, определив как средства защиты боевого коня раннескифского времени, а А. В. Симоненко (2010, с. 196—198), приведя ряд аналогий, аргументировано отнёс их к сарматской эпохе.

2. Здесь и далее — инвентарный номер в коллекции Музея исторических драгоценностей Украины — филиала Национального музея истории Украины.

Рис. 1. Золотые предметы из коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко: 1 — ДМ-6033; 2 — ДМ-6016; 3 — ДМ-6015; 4 — ДМ-6021; 5—7 — ДМ-6020, 6023, 6028; 8 — ДМ-6017; 9 — ДМ-6024; 10 — ДМ-6051 (фото Д. В. Клочко)

Изображения головы Медузы на золотых пластинах довольно часто встречаются в скифских погребениях конца V — IV вв. до н. э. Они отличаются иконографией воплощения образа, что послужило основой для выделения целого ряда (до 12) типов изображений (Онайко 1970, с. 48; Русяева 2002).

Главными определяющими признаками образа горгоны Медузы являются волосы в виде извивающихся змей, клыки, торчащие изо рта, большие глаза, выделяющиеся на лице, всегда обращённом анфас, и высунутый язык. Изображения Медузы (как полнофигурные, так и редуцированные в виде головы) с данными отличительными признаками известны в большом количестве по всему греческому миру в самых разных вариантах воплощения в скульптурных формах, вазописи, нумизматике, торевтике и т. д. (см. последние обзоры: Wilk 2000; Karoglou 2018). Редуцированному изображению головы чудовища — горгонейону (*др.-греч.*: Γοργόνειον, «принадлежащий горгоне») — придавалось особое значение как апотрапею. Обозначенные признаки горгоны Медузы полностью соответствуют мифологической традиции и определялись ею (в частности, см. в изложении Псевдо-Аполлодора: Apollod. II, IV, 2; см. также: Тахо-Годи 1989, с. 39; Грейвс 2005, с. 341, 73: e; Wilk 2000, p. 17—30; др.). Параллельно складывался и её иконографический образ, который, не исключено, дополнялся новыми признаками, наполненными определённым

символическим значением. В частности, это касается высунутого языка, присутствующего как на полнофигурных, так и редуцированных изображениях. Современные авторы воспринимают этот признак уже как неотъемлемую особенность горгоны Медузы, усиливающую её устрашающий вид (напр.: Грейвс 2005, с. 341, 73: е).

Как свидетельствует иконография, ни один из ужасающих признаков горгоны Медузы не был абсолютным и мог быть заменён на более нейтральный (волосы-змеи — на обычные пряди волос; рот с клыками — на обычный рот и т. д.), а сам образ Медузы от предельно демонического в архаичное время изменялся в сторону «очеловечивания» и придания Медузе черт красивой женщины уже в позднеклассическую эпоху. Соответственно менялись и сами горгонейоны (Furtwängler 1890, Sp. 1702—1727; Wilson 1920, p. 238).

Изображение на пластине из коллекции Ханенко как раз и представляет подобный трансформированный образ горгоны Медузы. Из всех обозначенных признаков остался только один — высунутый язык. Фактически изображено лицо обычной полной женщины, но с высунутым языком, что, по-прежнему, придаёт ей устрашающий вид. Подобный иконографический образ известен среди изображений на пластинах, происходящих из различных скифских комплексов IV в. до н. э. (Русяева 2002, с. 215—216, рис. 2; Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014, с. 88—93), но изображение из коллекции Ханенко отличается от них рядом существенных деталей. Единственной точной аналогией является изображение на нескольких пластинах, происходящих из кургана Куль-Оба, представленных как в коллекции ГЭ (Копейкина 1986, с. 45, 151, кат. 12), так и в коллекции ГИМа (Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014, с. 88—90, кат. 25—26). Сопоставление всех особенностей изображения на ханенковской и куль-обинских пластинах позволяет уверенно говорить о том, что они были оттиснуты на одной матрице (наблюдаемые незначительные различия находятся в пределах определённой вариабельности, всегда присутствующей при данной технологии изготовления).

2. *Пластина овальная с изображением фигуры юноши* (ДМ-6016) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 531, табл. V: 531; Ростовцев 1925, с. 449; Онайко 1970, с. 106, кат. 499: а; Грібкова 2009, с. 109; 2011, с. 126, рис. 5: д; Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014, с. 66) (рис. 1: 2). Размеры: 20 × 26 мм. Золото 500 пробы.

Пластина овальной формы с рельефным изображением фигуры обнажённого юноши в профиль влево в позе «коленопреклонённого бега». Юноша как бы присел на левое колено, правая нога вынесена вперёд. Его голова и нижняя часть туловища изображены в профиль, а торс развёрнут в фас. Руки согнуты в локтях, правая поднята вверх, кисть обращена к лицу, левая отведена назад и опущена. Обе ладони изображены с растопыренными пальцами. Черты лица переданы очень схематично с прямым носом, круглым глазом и намеченным ртом. Волосы обозначены прямыми короткими развевающимися прядями. Рельефно показаны мышцы на руках, торсе и ногах. На пластине пробито 7 отверстий: 4 аккуратных, диаметром до 1 мм, с лицевой стороны вовнутрь, а 3 более грубых, диаметром 1,5 мм — изнутри наружу.

Пластина представляет не слишком распространённый тип изображений на аппликациях, известных по находкам во 2-м Семибратнем кургане на Кубани (Артамонов 1966, с. 66, табл. 110), кургане Куль-Оба (Копейкина 1986, с. 52—53, 153, кат. 23; Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014, с. 66—71, кат. 14—15, 63, 77), кург. 5 возле с. Архангельская Слобода Херсонской обл. (Лесков 1974, іл. 45; Лесков 1981, с. 140, рис. 25: 13; Грібкова 2009, с. 108, рис. 3: 3), а также по коллекции ОАМ, где хранится пластина, происходящая, возможно, из находок 1864 г. в Пантикапее [1] (Одесский… 1983, с. 67, 175, кат. 123) [2].

Существует мнение, что данный тип пластин является заимствованием с античных монет и восходит к изображениям младенца Геракла со змеями (Ростовцев 1925, с. 448—449; Раевский 1985, с. 164) или иным сюжетам (Онайко 1970, с. 47; Русяева 2002, с. 181; Русяєва 2007, с. 303; Грібкова 2009, с. 108—109; 2011, с. 126—128; Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014, с. 66, 71). Однако схема «коленопреклонённого бега» в античном искусстве была самодостаточной и довольно распространённой. Она встречается, в том числе, и на геммах (на что также обращалось внимание: Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014, с. 71), изображения на которых по многим деталям более соответствуют иконографии пластин-аппликаций. Исходя из этого, сопоставление изображений, на наш взгляд, уместно проводить не столько в плане поиска прототипов, сколько в плане освещения некоего круга сюжетов и иконографических схем, к которым восходили изображения и на пластинах, и на монетах, и на геммах.

На пластинах из скифских комплексов воспроизведены изображения «бегущего» юноши двух вариантов. При аналогичности общей схемы, в одном случае, в руках юноши находятся

1. Высказывалось мнение, что эта пластина может быть связана с находками в кургане Куль-Оба (Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014, с. 16). Однако особенности иконографии, на наш взгляд, скорее говорят о том, что она происходит из иного комплекса.
2. М. И. Ростовцев (1925, с. 448) и Н. А. Онайко (1970, с. 47, 106) ошибочно упоминают находки подобных пластин в кургане у с. Верхний Рогачик (см. об этом: Бабенко 2015, с. 68, 70, 74).

некие предметы (второй Семибратний курган, частично Куль-Оба, Архангельская Слобода, ОАМ), во втором — руки у него свободны, а пальцы растопырены (частично Куль-Оба, коллекция Ханенко).

С точки зрения иконографии, ханенковская пластина почти идентична соответствующей пластине из Куль-Обы (Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014, с. 69, кат. 63). Некоторые отличия состоят только в чуть иных пропорциях расположения ладони правой руки перед лицом и несколько более длинных волосах на ханенковской пластине. Тем не менее, можно предположить, что и ханенковская, и кульобинские пластины были выполнены на одной матрице, которая могла незначительно деформироваться и подправляться в ходе работы, особенно, если она была изготовлена из дерева (Минасян 2010, с. 185; Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014, с. 179). Это могли быть и две разных матрицы, на которых работали последовательно, одна из которых — точная копия второй с некоторыми небольшими отклонениями (поскольку изготавливались они вручную, то абсолютной копией быть не могли).

3. *Пластина круглая с профильным изображением мужской головы вправо* (ДМ-6015) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 530, табл. V: 530; Ростовцев 1925, с. 444; Онайко 1970, с. 106, кат. 499: в; Полин 2016a, рис. 2: 4) (рис. 1: 3). Размеры: 20 × 21 мм. Золото 750 пробы.

Воспроизведены курчавые волосы в виде рельефных колечек, глаз с округлым зрачком, который сверху оконтурен массивной надбровной дугой, а снизу — округлой скулой, небольшой прямой нос, слабовыраженные губы, борода, которая на подбородке показана тремя короткими прядями, а на щеках обозначена рифлёнием, а также шея и изогнутая линия плеча. По контуру — рамка в виде кольца псевдозерни. Между рамкой и изображением, так чтобы не затронуть последнее, пробиты 4 отверстия для пришивания.

Изображения головы бородатого мужчины в профиль известны по находкам в ряде аристократических курганов — Деевом, Верхнем Рогачике (центральная и боковая гробница), Чертомлыке (северо-восточная камера), Мелитопольском (боковая гробница), Огузе, Александропольском, 1-м Мордвиновском, № 2 в уроч. Носаки, Тащенак, № 8 Песочинского могильника и др. (Спицын 1906, табл. XIII: 1, 5, 13; XIV: 6; Артамонов 1966, рис. 100; Лесков 1974, іл. 36; Бидзиля, Болтрик, Мозолевский, Савовский 1977, с. 78, рис. 2: 15, 16; Тереножкин, Мозолевский: 1988, с. 87, рис. 98: 16; 99; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 117, 250, кат. 212/22; Болтрик, Фіалко 1991, рис. 1: 2; Бабенко 2005, рис. 17: 6, фото 6; Фиалко 2003, с. 130, рис. 1: 4, 5; Бабенко 2015, рис. 3: 14, 16; Полин 2016a, с. 69—71, рис. 2). Подобные изделия относят к пластинам монетного типа. В качестве исходного образца пластинам данного типа в настоящее время принято считать серебряные тетрадрахмы Филиппа II Македонского (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 117; Полин 2016a, с. 69—71). По мнению С. В. Полина, скифские подражания — выражение своеобразной «быстротечной моды», появившейся в конце второй — начале третьей четверти IV в. до н. э. в период непосредственных контактов скифов с Филиппом (Полин 2016a, с. 70). При этом изображения на пластинах, происходящих из разных комплексов, идентичны по общей композиции, но отличаются (порой довольно значительно) друг от друга деталями воспроизведения образа (Полин 2016a, с. 69). Только в кургане Огуз найдены 24 пластины данного типа, выполненные восемью разными штампами (Фиалко 2003, с. 130), а в целом их было около полутора десятка (Полин 2016a, рис. 2).

Пластина из коллекции Ханенко отлична от других. Наиболее близкими являются только изображения на пластинах из кург. 2 в уроч. Носаки, прежде всего, поскольку только в этих двух случаях воспроизведены кучерявые волосы, трактованные колечками [1], в отличие от прямых или волнистых волос, показанных в других случаях. А почти полностью идентичной ханенковской пластине является пластина из кургана Огуз, найденная среди большого количества иных в 1902 г. крестьянами, уже после исследования этого памятника экспедицией Императорской археологической комиссии (Спицын 1906, с. 161, рис. 10).

II. ПЛАСТИНЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЗООМОРФНЫХ ОБРАЗОВ

4. *Пластина четырёхугольной формы с изображением сцены терзания* (ДМ-6021) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 562, табл. V: 562; Полин 2016b, с. 282, 283, рис. 2: 4) (рис. 1: 4). Размеры: 40 × 35 мм. Золото 500 пробы.

На пластине в рубчатой рамке изображена сцена терзания фантастическим существом какого-то животного. Схема изображения очень статична: хищник напал на свою жертву сзади, как бы повиснув над ней, вцепившись в шею передней лапой и кусая за голову; животное, его жертва, изображено с подогнутыми ногами, поджатым хвостом и повёрнутой назад головой. Фантастическое существо изображено с грифоньей передней частью и змеино-драконьей задней. У него небольшая голова с торчащим длинным ухом, клювом, на котором обозначена

1. Ср. с достаточно распространенным в греческой и греко-скифской торевтике приёмом изображения руна овец, а также волос у так называемых негров (например, на фиале из клада Панагюриште: Венедиков, Герасимов 1973, ил. 131; 132; Пенкова и др. 2015, с. 54—56, обр. 57).

восковица, и миндалевидным глазом с круглым зрачком. Шея длинная и гладкая, над ней зигзагом изображён достаточно высокий гребень. Крыло большое, птичье, с детально проработанными четырьмя рядами кроющих и маховых перьев, начинающееся от локтя передней лапы. Лапа длинная, немного согнутая в запястье, заканчивается скрюченными когтями. Туловище длинное, изогнутое кольцом, показано рельефными линиями, увенчанное большим гребнем, состоящим из плотно расположенных лепестковидных выступов, переходит в гладкий хвост, оканчивающийся трёхлепестковой пальметтой. Терзаемое животное изображено с маленькой головой, на которой выделяется округлый глаз, раскрытый рот, обозначенный рельефным валиком, и небольшое треугольное ухо; длинной шеей; округлыми плечом и бедром; поджарым туловищем; когтистыми лапами (передняя почти не проработана) и длинным хвостом, подогнутым под туловище и оканчивающимся утолщением-кисточкой. Все эти признаки позволяют определить животное-жертву как кошачьего хищника [1].

Аналогичные сцены терзания драконом хищника воспроизведены на серии бронзовых наверший, происходящих из Краснокутского кургана и случайных находок у Тилигульского лимана, с. Водославовки и Гардовецкого леса в Нижнем Поднепровье и Северо-Западном Причерноморье (Полин 2016b, рис. 4: 3—10). Более компактно данная сцена воспроизведена на золотой пластине из кургана Большая Близница на Тамани (Мелюкова 1981, рис. 12: 1; Полин 2016b, рис. 4: 2). А на ажурной пластине из Александропольского кургана аналогичная сцена воспроизведена уже в относительной динамике (Мелюкова 1981, рис. 12: 2). Во всех случаях жертва достаточно однозначно определяется как хищник по характерной морде и расположению подогнутых когтистых лап. Фантастическое же существо, воспроизведённое на данных предметах, имеет выраженные черты образа, который вполне уместно называть драконом (Polin, Daragan 2011; Полидович 2015b, с. 123—126, рис. 10; Полин 2016b) [2]: оно имеет переднюю часть хищника, крылья, змеиную заднюю часть туловища и хвост-пальметту, т. е. объединяет в себе части существ, условно представляющих все зоны мироздания. При этом каждый компонент соотносится не с конкретным видом животного, а скорее обозначает данный класс существ — хищников, птиц, змей, рыб. Отличие существа на ханенковской пластине состоит в том, что его передняя часть — грифонья [3].

Пока известно только одно изображение такого существа — на обкладке ножен меча V в. до н. э. из Елизаветовского кург. 1 (1910 г.) (Тревер 1937, рис. 1; Артамонов 1966, табл. 323; 325; Бессонова 1977, с. 14, рис. 5: 1). По стилистическим признакам оба изображения значительно отличаются друг от друга. Это и иной иконографический тип грифона (на обкладке ножен — поздний вариант раннегреческого, на пластине — грифон с птичьими крыльями, характерный для изображений конца V — IV вв. до н. э.), и по-иному изображённый хвост (на обкладке ножен — короткий и широкий на конце, на пластине — аналогичен длинным хвостам драконов краснокутской серии). Однако существа одинаковы по своей сути и, к тому же, воспроизведены в едином контексте — в сцене терзания некоего животного: на обкладке ножен — змеи, на пластине — кошачьего хищника. По мнению К. В. Тревер, поддержанному С. С. Бессоновой, существо на обкладке ножен является одним из вариантов образа собакоптицы Сенмурва, а в сцене расправы со змеёй ярко представлена его позитивная сущность (Тревер 1937, с. 34—35; Бессонова 1977, с. 14, 15). Изображение на ханенковской пластине, по всей видимости, можно рассматривать как очередной шаг в развитии данной мифологемы, выразившемся, прежде всего, в появлении нового образа терзаемого животного. В дальнейшем главная трансформация происходит уже с образом хищного существа — оно приобретает относительно устойчивые черты «скифского дракона», характерного для целого ряда различных изображений (Полидович 2015b, с. 123—126).

По всей видимости, ханенковская пластина является одним из первых изделий, представляющих сцену терзания хищника фантастическим существом. Широкое их распространение соотносится с такими памятниками как Александропольский и Краснокутский курганы, датируемые в настоящее время в пределах последней трети IV в. до н. э. (Алексеев 2003, с. 297; Полин, Дараган 2008).

1. По мнению С. В. Полина, здесь изображено «животное с туловищем копытного, имеющего маленькую головку с клювом (возможно, грифон)» (Полин 2016b, с. 283, прим. 11), с чем, в связи с описанными признаками и приведенными далее аналогиями, согласиться трудно.
2. Там же см. историографию вопроса об определении данных существ другими исследователями.
3. Отдельно отметим уникальные и нетрадиционные особенности воплощения данного существа, выразившиеся в следующем: сочетание частей изображений классического грифона с птичьими крыльями и «скифского дракона» на уровне механического соединения традиционных стандартных иконографических схем; трактовка перьев на крыле, прежде всего, первого ряда кроющих перьев; птичья, а не львиная передняя лапа; условная передача гребня над шеей при детальной проработке иных частей тела существа; «птичьи», а не серповидно изогнутые крылья, характерные для всех известных изображений драконовидных существ, происходящих из скифских памятников.

5. *Пластины неправильной четырёхугольной формы с изображением грифона* (9 шт.) (ДМ-6019, 6020, 6022, 6023, 6025—6029) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 536—544, табл. V: 536—544) (рис. 1: 5—7). Размеры: 16—17 × 14—15 мм. Золото 600 пробы.

Зверь изображён в профиль с подогнутыми лапами и повёрнутой назад головой в своеобразном графическом стиле (рельефными линиями обозначены основные контуры фигуры). Голова непропорционально большая, обозначенная общими контурами, с миндалевидным глазом, выступом на голове [1], округлым ухом и раскрытым клювом. Плечо полностью закрыто крылом, серповидно изогнутым вперёд и обозначенным тремя полосками, из которых передняя сливается с контуром головы. Возможно, короткие полоски над бедром обозначают второе крыло, характерное для изображений грифонов этого типа. Бедро округлое. Лапы массивные, пальцы обозначены рельефными рубчиками. Поднятый вверх хвост обозначен расположенными по краю пластины рельефными пятью рубчиками и линией, петлеобразно загнутой вперёд и утончающейся к кончику. Края пластинок равномерно загнуты вовнутрь по всему периметру. По углам пробиты по 4 отверстия (в одном случае изнутри, в остальных — с лицевой стороны), из которых левое верхнее совпадает с контуром уха.

Данные изображения можно отнести к группе изображений грифонов с серповидными крыльями (Полидович 2015a, с. 116—119; 2015b, с. 104—106) и красноперекопско-корнеевскому типу изображений грифонов, по А. Р. Канторовичу (2015, с. 141—142, рис. 10). Наиболее близкими им являются изображения на золотых пластинах из кург. 4 у с. Вильна Украина группы Р-I/III (1970 г.) Красноперекопских курганов (Лесков 1974, іл. 82). Композиционное подобие обеих серий столь очевидно, что можно сказать, что изображения грифонов из коллекции Ханенко были выполнены по образцу красноперекопских, учитывая графичность первых и большую натуралистичность вторых. По фрагментам античной посуды красноперекопские пластины датируются в пределах второй — третьей четвери IV в. до н. э. (Полин 2014, с. 526). Такую же дату можно определить и для ханенковской пластины.

6. *Пластина неправильной формы с изображением грифона* (ДМ-6024) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 533, табл. V: 533) (рис. 1: 9). Размеры: 13 × 17 мм. Золото 600 пробы.

Пластина, вырезанная по контору рельефного изображения сидящего грифона влево. Изображение полностью профильное. Голова грифона с большим круглым глазом и подтреугольным клювом повернута назад. Крыло, показанное крупным рифлением, серповидно изогнуто вперёд, его кончик расположен почти над головой. Передняя лапа выпрямлена, задняя согнута, кисти лап проработаны. Длинный хвост с утолщением на конце поднят вверх и петлеобразно загнут назад. Левый край изображения несколько искажён. Края пластины аккуратно загнуты по всему периметру. Для пришивания с лицевой стороны вовнутрь пробиты 4 разновеликие отверстия.

Аналогичные бляшки происходят из кургана Куль-Оба. Из них 2 хранятся в ГИМ, и ещё 66, которые были найдены у скелета К (конюха), — в Государственном Эрмитаже (Копейкина 1986, с. 61, 154, кат. 33; Дюбрюкс 2010, рис. 297; Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014, с. 122—123, кат. 57, 58). Соответствие пластины из коллекции Ханенко куль-обинским очень высоко, а некоторые различия (в основном, в передаче крыла) вполне допустимы при работе с одной матрицей. На ханенковской и куль-обинских (из собрания ГИМ) пластинах пробиты одинаковые две пары разновеликих отверстий (диаметром около 1,0 и 1,5 мм).

Ещё две серии подобных пластинок с изображением сидящего грифона происходят из кургана Солоха (Манцевич, 1987, с. 66—67, кат. 44) и кург. 13 в уроч. Носаки (Бидзиля, Болтрик, Мозолевский, Савовский 1977, с. 152, 153, рис. 35: 3). Отличия их от куль-обинских довольно очевидны. Однако в целом можно согласиться с А. П. Манцевич, которая предположила, что штампы, при помощи которых делали данные серии пластинок, «либо были изготовлены одновременно, либо один из них послужил для другого образцом» (Манцевич 1987, с. 66—67, кат. 44).

7. *Пластина круглая с изображением зверя* (ДМ-6017) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 532, табл. V: 532) (рис. 1: 8). Размеры: 18 × 18 × 3 мм. Золото 750 пробы.

Зверь изображён с подогнутыми лапами и повёрнутой назад головой. Голова с длинной мордой, пасть раскрытая, глаз округлой формы, верхнюю часть головы и шею увенчивает гребень (?). Короткую шею окружает рубчатый воротник. Передняя часть тела покрыта рельефной «сеточкой» с округлыми ячейками, по внешнему краю выступают 3 «шипа» (возможно, это обозначение гривы). Задняя часть туловища гладкая. Хвост длинный и тонкий, проходит под бедром и поднимается над крупом; его кончик заканчивается симметрично закрученными завитками. На центральную часть туловища наложен S-видный знак. По периметру пластина украшена рельефным кантом. Края пластины равномерно загнуты на 3 мм, на них пробиты крест-накрест 4 отверстия.

Аналогии как пластине, так и изображению на ней нам не известны. Но общий стиль изоб-

1. Ср. с завитком на темени, характерным для архаичных изображений ориентализирующего типа, в частности, на пластинах из кургана Перепятиха, электровой обкладке серебряного зеркала из Келермесских курганов и др. (Погребова 1948, с. 54; Полидович 2015a, с. 109, 111, рис. 2: 1—6).

ражения говорит о том, что оно относится скорее к эпохе средневековья, по всей видимости, к XII—XIII вв. Об этом, в частности, говорит и общая поза зверя, и особенности изображения хвоста, характерные для того времени. Это, например, подтверждают изображениях различных хищников на стенах Дмитриевского собора во Владимире (Лелеков 1978, рис. 11; 32; 33). Кисточки хвостов, превращённые в симметричные пальметты, также характерны для изображений хищников в архитектурном декоре Руси в XII—XIII вв. (Бунина 2017, рис. 3; 6; 9; 11).

Сама пластина являлась накладной на некий выступающий рельеф основы из мягкого материала (кожи или дерева), к которому она крепилась благодаря боковым отверстиям. Некоторой аналогией ей может служить круглая бронзовая бляшка-накладка на пояс с изображением лежащего копытного животного с повёрнутой назад головой из Новгорода (Колчин, Янин, Ямщиков 1985, рис. 152). Подобные серебряные с позолотой круглые пластины с изображением грифона найдены в женском погребении в кург. 272 у с. Бурты в Поросье, относимого к древностям чёрных клобуков (Плетнёва 1973, рис. 26: 12, 13).

8. *Бляшка удлинённой формы с изображением голов кабана* (ДМ-6051) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 514, табл. V: 514) (рис. 1: 10). Размеры: длина — 62 мм; ширина — 7—8 мм, высота 4 мм. Золото 750 пробы.

На противоположных концах удлиненной бляшки в высоком рельефе схематично переданы вытянутые головы кабанов с выпуклыми, как бы на выкате, глазами, торчащими клыками и уплощенными носами-пятачками. Между глаз животного — прямоугольный выступ, расположенный по оси. Посередине бляшку опоясывают 5 рельефных колец, которые как бы соединяют головы между собой. По краю длинных сторон пробиты по 5 отверстий для нашивания. В памятниках Степной Скифии найдены подобные выпуклые бляшки, но более короткие и воспроизводящие только одну голову кабана. Они происходят из Александропольского, Деева и Мелитопольского курганов (Древности… 1866, табл. X: 35, 36; Спицын 1906, табл. XIII: 26, 27; Тереножкин, Мозолевский 1988, рис. 95: 11). А вот аналогичные ханенковской длинные бляшки с двумя головами известны по находкам только в среднедонских памятниках: кург. 9 и 11 могильника Частые курганы (1915 г.) и кург. 1 и 4 могильника у с. Дуровка (Замятнин 1946, с. 35, рис. 23: 4, с. 44, рис. 34; Пузикова 1966, с. 87, рис. 29, 17; Пузикова 1995, рис. 6; Пузикова 2000, с. 186, рис. 7: 18; 18, 4). Известны здесь и бляшки в виде одной головы кабана, найденные в кург. 1 (1908 г.) и сборах А. А. Спицына на могильнике у с. Мастюгино (Либеров 1965, табл. 24: 6, 12), кург. 1 и погр. 2 кург. 18 у с. Колбино (Гуляев 2010, с. 225, рис. 13). В кург. 4 у с. Дуровка найдена амфора херсонесского производства первой трети III в. до н. э. (Пузикова 2000, с. 186), что позволяет отнести всю серию длинных бляшек с изображением двух голов кабана (в том числе и ханенковскую) к наиболее поздней группе скифских аппликаций одежды и датировать её последней четвертью IV — началом III вв. до н. э.

III. ПЛАСТИНЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ РАСТИТЕЛЬНОГО ОРНАМЕНТА

9. *Пластина большая круглая с изображением розетки* (ДМ-6040) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 529, табл. V: 529; Онайко 1970, с. 106, кат. 499: г) (рис. 2: 1). Размеры: 27 × 27 мм. Золото 500 пробы.

Пластина украшена изображением расположенных крестообразно 4 крупных пальметт (цветы лотоса или лилии). Каждая пальметта состоит из небольшой чашечки, образованной двумя изогнутыми чашелистиками, двух симметрично расположенных и изогнутых лепестков, изображённых тонкими, как бы в разрезе, и средней копьевидной части. Изогнутые чашелистики и лепестки образуют двухуровневую четырёхлепестковую розетку, центром которой является округлый выступ. По контуру бляшка украшена рифлёным кантом. Края пластины загнуты вовнутрь. Рядом с центральным элементом каждой пальметты пробито отверстие квадратной формы для нашивания пластины.

В памятниках Степной Скифии найдены подобные, но ажурные и вырезанные по контору пластины. Это находки в курганах Огуз, Александропольский, Гайманова Могила и Калькова Могила, а также они происходят из курганов Большая Близница в Прикубанье и Большого Рыжановского в Лесостепном Приднепровье (см. сводку: Фиалко 2003, с. 125, 132, рис. 3: 38; Бидзиля, Полин 2012, с. 475, кат. 289). Все бляшки этой серии отличаются рисунком изображения, степенью ажурности и размерами. Бляшки из Гаймановой Могилы и Большой Близницы выделяют «греческая точность линий и утончённость рисунка в целом, остальные более упрощённые» (Бидзиля, Полин 2012, с. 475). Исходя из этого наблюдения С. В. Полин предположил, что пластины из Гаймановой Могилы являются наиболее ранними, а, следовательно, данный тип пластин появляется во второй четверти IV в. до н. э., остальные же датируются в пределах середины — третьей четверти IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин 2012, с. 475). Вероятно, одной из самых поздних в этом ряду является розетка на золотой ажурной броши, найденная в погр. 13 кург. 7 у ст. Раздольной Краснодарского края и датирующаяся первой половиной II в. до н. э. (Treister 2002, p. 39—40, pl. I: 3). Она представляет собой сложную, трёхуровневую розетку, в

Рис. 2. Золотые предметы из коллекции МИКУ: 1 — ДМ-6040; 2—3 — ДМ-6032, 6034; 4—6 — ДМ-6036, 6038, 6044; 7 — ДМ-6018; 8—9 — ДМ-6296 / 4—5; 10 — ДМ-6047; 11 — ДМ-6292 / 1; 12 — ДМ-6292 / 3; 13 — ДМ-6292 / 2; 14 — ДМ-6050; 15 — ДМ-6612 (фото Д. В. Клочко)

основе которой лежит тот же крест, образованный цветами лотоса.

Пластины полностью аналогичные ханенковской происходят из курганов, исследованных в Подонье. Это пластины из кург. 11 могильника Частые курганы (1915 г.) в Среднем Подонье (Замятин 1946, с. 44, рис. 33: 1; Пузикова 1995, рис. 2; 3) и кург. 8 группы Пятибратние курганы в Нижнем Подонье (Steppengold 2003, Kat. 51). Все три группы пластин очень близки между собой, но отличаются некоторыми нюансами изображения, а главное — размерами. Это говорит о том, что они выполнены на разных матрицах, которые, тем не менее, были изготовлены в близкое время.

С. Ю. Монахов датирует амфорный комплекс из кургана 8 группы «Пять братьев» временем от второй половины 50-х до середины 30-х гг. IV в. до н. э. (Монахов 1999, с. 362), что, судя по всему определяет время бытования пластинок с данным типом розетки и синхронизирует их с ажурными пластинами позднего варианта.

10. *Пластины средние круглые с изображением розетки* (2 шт.) (ДМ-6032, 6034) (рис. 2: 2, 3). (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 561, табл. V: 561; Онайко 1970, с. 106, кат. 499: д). Размеры: 17—18 × 17 мм. Золото 500 пробы.

Пластины с изображением семилепестковой розетки, состоящей из центрального круглого выступа, окружённого кольцом, от которого радиально расходятся семь лепестков, перемежающиеся с 1 или 2 линиями-лучами. Каждый лепесток состоит из выпуклой сердцевины и окружающего её ободка. Края пластины немного загнуты. Для пришивания пластины крест-накрест изнутри наружу пробиты четыре отверстия.

Пластины с изображением розетки являются одними из самых распространённых в

скифских памятниках. По всей видимости, этот мотив был заимствован скифами из античной культуры, где он известен на надгробных стелах и деревянных и мраморных саркофагах (Случайные… 1918, с. 166—169, рис. 6; Сокольский 1969, с. 22, рис. 12, табл. 12: 21; Даниленко, Токарева 1974, с. 60; Копейкина 1986, с. 47; Зубарь 2012, рис. 4; 5; др.). А аналогичные по стилистике розетки, оттиснутые в золоте (с петельнообразными лепестками и кольцевидно-подчеркнутой сердцевиной), известны по материалам VI в. до н. э. на территории материковой Греции, например, на архаическом некрополь Айя Параскеви в Салониках (Greek… 1997, cat. 64, 65).

Известен целый ряд вариантов воплощения этого растительного мотива на пластинах, которые различаются по особенностям оформления сердцевины, форме лепестков и их количеству, наличию рамки и дополнительных элементов (Копейкина 1986, с. 47). Полностью аналогичные ханенковским розетки известны только по находкам в Большом Рыжановском кургане [1] (Ossowski 1888, Tabl. III: 14), однако, они отличаются между собой деталями воспроизведения и сердцевины, и лепестков. Розетка, на которой 7 лепестков перемежаются с радиальными линиями-лучами, найдена и в кург. 8 группы Пятибратние курганы на Нижнем Дону (Steppengold 2003, Kat. 51), но в данном случае она имеет центральный элемент, не обведённый кольцом, и внешнее кольцо, состоящее из псевдозерни. Комплексы Рыжановского кургана датируются в пределах последней трети IV — начала III вв. до н. э. (Скорий та ін. 1999, с. 102—103; Алексеев 2003, с. 297; Мозолевский, Полин 2005, с. 394), что, по всей видимости, определяет и дату пластин из коллекции Ханенко.

11. *Пластины малые круглые с изображением розетки* (15 шт.) (ДМ-6030, 6031, 6035—6039, 6041—6046, 6048—6049) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 545—559, табл. V: 545—559) (рис. 2: 4—6). Размеры: 12—13 × 11—14 мм. Золото 500 пробы.

Пластины с изображением семилепестковой розетки, состоящей из центрального круглого выступа, окружённого кольцом, от которого радиально расходятся семь лепестков, перемежающиеся с линиями-лучами. Лепестки показаны сплошными рельефными выступами. Пластины оттиснуты одним штампом, но между собой различаются деталями воспроизведения сердцевины (диаметром центрального выступа и толщиной окружающего его кольца), что вполне может быть объяснено особенностями процесса изготовления пластин (тщательностью проработки рельефа, деформацией и подправкой матрицы / штампа). На каждой пластине изнутри наружу пробиты по три отверстия.

В целом данные пластины близки к большим пластинам-розеткам из коллекции Ханенко, среди других комплексов аналоги им нам не известны.

IV. ПЛАСТИНЫ С ГЕОМЕТРИЧЕСКИМ ОРНАМЕНТОМ

12. *Пластина в форме креста* (ДМ-6047) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 524—526, табл. V: 524) (рис. 2: 10). Размеры: 22 × 22 мм. Золото 750 пробы. Из 3 пластинок, упоминаемых в каталоге, сохранилась только 1.

Пластина в форме креста, составленного из пяти кружков с выпуклой круглой серединой, окружённой тонким гладким кольцом. Края пластины загнуты на 1—2 мм. По краям пробито 4 отверстия для нашивания.

Пластины подобной формы являются одним из наиболее распространённых типов украшений середины V — IV вв. до н. э., отличаясь между собой главным образом размерами — от 14 × 14 до 25 × 25 мм (Манцевич 1987, с. 30, кат. 1; Бидзиля, Полин 2012, с. 298, кат. 110/2; Полин 2014, с. 139—140, кат. 113). Ханенковская пластина относится к относительно крупным. Среди степных комплексов, близкие ей по размерам (20 × 20 — 24 × 25 мм) происходят из погр. 2 кург. 15 группы Золотая Балка, боковой гробницы Толстой Могилы, камеры 5 центральной гробницы Чертомлыка и гробницы 1 Бабиной Могилы, что позволяет датировать пластину в пределах второй — третьей четвертей IV в. до н. э.

В коллекции МИКУ хранится ещё три пластины в форме креста (ДМ-6292/1—3) (рис. 2: 11—13), которые происходят из фондов археологического отдела Всеукраинского исторического музея им. Шевченко и были занесены в инвентарную книгу в феврале 1934 г.[2] Они имеют близкие размеры (две — 22 × 22, одна — 21 × 21 мм), выполнены из золота различной пробы: 750, 600 и 900. Из них одна пластина (ДМ-6292/3) (рис. 2: 12) почти идентична ханенковской (ДМ-6047) (рис. 2: 10) по размерам, особенностям выполнения рельефных кружков

1. В том числе они были найдены Д. Я. Самоквасовым (1908а, с. 81, рис. 33) при осмотре погребальной камеры, разграбленной крестьянами.

2. Данные пластины входят в довольно обширную группу предметов, о которой в инвентарной книге записано: «*речі, що їх було найдено в фондах бувшого археологічного відділу ВУМ під час перевірки його з метою передачі на схованку до держбанку бригадою в складі тт. С. С. Магури, Т. А. Кременецької та І. А. Адольфа. Ці речі не мали на собі інвентарних №№ і до остаточної звірки інвентарів б / археологіч. відділу записані тимчасово до цього інвентаря*» («Археологічний каталог. Книга VI тома IIго. С. 309—483. Почато запис 1925 р. Інвентарний № від 33093 до 39187». Архів відділу збереження фондів Національного музею історії України, с. 462).

(в частности, в обеих случаях один из четырёх внешних кружков несколько деформирован) и характеру обрезки, благодаря которой достигалась контурность крестовидной формы. Это позволяет уверенно говорить о том, что они изготовлены одним штампом и происходят из одного комплекса. Ещё одна пластина (ДМ-6292/1) (рис. 2: 11), хотя и чуть меньших размеров, но во всех деталях подобна этим двум, что также позволяет предположить, что она с ними связана. В «Древностях Поднепровья» речь шла именно о трёх пластинках, хотя иллюстрация была дана только одной из них (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 524—526, табл. V: 524). В дальнейшем, в 1924 г. при записи предметов, происходящих из «курганов близ г. Никополя», в инвентарной книге была зарегистрирована только одна пластина, которая визуально полностью соответствовала опубликованной. Можно предположить, что тогда в инвентарную книгу были внесены только те предметы, которые можно было опознать по публикациям, поскольку иные сведения о них, скорее всего, к тому времени были утеряны. Остальные же две пластины, данные о которых были неизвестны, хранились в фондах Археологического отдела до 1934 г. неучтёнными.

Четвёртая пластина (ДМ-6292/2) (рис. 2: 13) отличается от других параметрами, иной проработкой рельефа, более тщательно выделенным контуром и тем, что в углублениях на лицевой поверхности много окислов. По всей видимости, она происходит из другого комплекса, не связанного с тем, откуда происходят первые три пластины. Очень близкой аналогией ей является пластина, найденная в камере V центральной гробницы кургана Чертомлык (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 246, кат. 212/4; рис. 78: 212/4). Отличия состоят в пробе золота (600 и 950) и несколько иной форме центрального кружка, что, на наш взгляд, вполне допустимо для пластин, выполненных на одном матрице.

13. *Бляшки выпуклые небольших размеров* (9 шт.) (ДМ-6296/1—9) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 515—523) (рис. 2: 8, 9). Размеры: 15 × 8 × **5 мм**. Золото 750 пробы.

Среди золотых изделий, занесённых в инвентарную книгу археологического отдела в 1934 г., присутствуют 9 небольших выпуклых бляшек. В «Древностях Поднепровья» также упоминается 9 «лоточков небольших размеров», однако, их рисунок не приводится. По всей видимости, именно поэтому они (так же, как и две пластины в форме креста) не были опознаны и инвентаризированы в 1924 г., но, по сути дела, у нас есть все основания определить их как принадлежащие к коллекции Ханенко и упоминаемые в вып. 6 «Древностей Поднепровья».

Бляшки трёхчастные, в виде гантели: центральная часть более узкая, украшена рифлением из 3 полуколец, к ней с обеих сторон примыкают две полусферы, на которых сверху нанесены по два параллельных вдавления. На краях полусфер сделаны по 2 небольших и аккуратных отверстия для нашивания.

Аналогичные ханенковским бляшки встречены в Александропольском кургане, как во время раскопок в середине XIX в. (Древности… 1866, табл. IX: 27, 28), так и при доследовании памятника в 2006—2008 гг. (Полин, Дараган 2010, рис. 7), в кург. 4 Елизаветовского могильника на Нижнем Дону (Миллер 1910, рис. 5: 6) и в кург. 11 группы Частые курганы на Среднем Дону (Замятин 1946, с. 44, рис. 33: 5). Главное отличие александропольских и донских бляшек от ханенковских в том, что отверстий для нашивания пробито на них только по два — по одному на каждой полусфере.

Исходя из аналогий, датировать ханенковские бляшки можно также как и комплекс Александропольского кургана — в пределах последней трети IV в. до н. э. (Алексеев 2003, с. 297; Полин, Дараган 2008).

14. *Пластина орнаментированная в форме двух соединённых кружков* (ДМ-6018) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 560, табл. V: 560) (рис. 2: 7). Размеры: длина 18 мм, диаметр кружков 9 мм. Золото 750 пробы.

Небольшая пластина, имеющая форму двух соединённых кружков, каждый из которых декорирован рельефным орнаментом: в центре кружка находится круглый выступ, от которого раскручивается спираль, состоящая из псевдозерни и полностью его заполняющая. Пластина вырезана по контору, её края слегка загнуты. На пластине изнутри наружу пробито 13 разновеликих отверстий, расположенных бессистемно, в основном по краю.

Аналогий данной пластине не найдено.

15. *Бляшка круглая орнаментированная* (ДМ-6050) (Ханенко, Ханенко 1907, с. 16, кат. 561, табл. V: 561) (рис. 2: 14). Размеры: 11 × 12 мм. Золото 750 пробы.

Полусферическая бляшка с выпуклой, умбонообразной центральной частью, украшенной радиально расходящимися из вершины лучами, проработанными в невысоком рельефе, вокруг поясок, украшенный рельефным зигзагообразным орнаментом. Между выпуклой частью и пояском пробиты 3 отверстия, одно из которых было продублировано, а затем разорвано. Бляшка частично деформирована, как бы смятая.

Бляшка не характерна для скифских памятников — различные варианты подобных бляшек (гладкие полусферические, с пояском в виде жемчужника и пр.) массово встречаются в комплексах I—II вв. и доживают до эпохи великого переселения народов, хотя наиболее ранние экземпляры подобных изделий, фактически их прототипы, известны еще в скифское время (Чертомлык, Александропольский курган). Ханенковской бляшке наиболее близки

находки из «погребения с золотой маской» в Керчи, Крым (Тайна… 2009, кат. 26).

В коллекции МИДУ хранится еще 21 аналогичная бляшка (ДМ-6612) (рис. 2: 15). Они были внесены в инвентарную книгу в том же 1934 г. как хранившиеся в фондах археологического отдела ВУИМ. Их происхождение, были ли они частью коллекции Ханенко или попали в собрание ВУИМ по другим каналам — неизвестно и требует отдельного исследования. Однако при детальном сравнении бляшки из коллекции Ханенко с этими бляшками оказалось, что они оттиснуты по одному штампу, что говорит об их общем происхождении [1].

ВЫВОДЫ

Рассмотренные изделия из коллекции Ханенко относительно разнородны в плане хронологических и культурных привязок. Большая часть из них датируется в пределах второй половины IV в. до н. э. и теоретически могла бы происходить из нескольких курганных комплексов. Однако представляется, что указанное в каталоге место находок — «близ г. Никополя» — не соответствует истине.

Предметы, поступавшие в коллекцию Ханенко, скупались специальными торговыми агентами в самых разных местах (см., напр.: Безкоровайна, Сорокіна, Діденко 2009, с. 25). Вначале XX в. рынок археологических и классических (античных) древностей был довольно значительным. Например, в Отчёте Императорской археологической комиссии при характеристике предметов, поступивших в ИАК в 1903 г., упоминаются продавцы древностей Надель из Одессы, Е. Запорожский, Ш. Гохман и киевский торговец древностями Богданов (Отчёт 1906, с. 155, 164, 167). В реальности же таких продавцов было гораздо больше. Равно как довольно обширным был и круг коллекционеров, пользовавшихся их услугами.

Масштабы разграбления курганов на территории Степной Украины, как и в других южных регионах Российской империи, были значительными. Например, Д. Я. Самоквасовым (1908b, с. 5) отмечалось, что уже «*в 40-х годах XIX в., “по распоряжению начальства”, как говорит местное население, было раскопано много курганов в юго-западных губерниях исправниками, становыми приставами, волостными писарями и помещиками; найдено было много могильных древностей, часть которых поступила на хранение в музей Университета св. Владимира*». В той или иной степени разграблению подверглись многие большие скифские курганы. В некоторых случаях археологам, краеведам и представителям ИАК удавалось побывать на месте грабежа, зафиксировать археологические комплексы и скупить некоторую часть находок, которая поступала в ИАК и музеи. По мере роста влияния и значимости ИАК уже в конце XIX в. был усилен контроль за памятниками, что частично позволило предотвратить их разграбление.

Однако рынок древностей, обслуживающий довольно обширных круг частных коллекционеров древностей, постоянно требовал новых поступлений, что привело, с одной стороны, насыщения его подделками, а с другой — изменения тактики грабителей, о чём довольно ёмко написал А. Л. Бертье-Делагард (1896, с. 33): «*Совсем иное дело теперь. Раскопка идёт истинно хищническая, как ни попало и что ни попало, большей частью ночью, хватают, что попадёт под руку, невольно бьют и разбрасывают остатки; завозят вещи как можно дальше, особенно заграницу, непременно приписывают им самое невозможное происхождение и не только во время продажи, но и никогда, ни в чём не сознаются, так как опасность законного преследования всегда остаётся… Маленький пример лучше пояснит дело. Принесли мне в Одессе кучку разных обыкновенных мелких древних вещиц с уверением, что всё это найдено где-то за Екатеринославом, даже деревню называли, я, однако, не сомневаюсь, что вещи были из Керчи*».

В случае с торговыми агентами семьи Ханенко, можно довольно уверенно говорить, что они также имели дело с подобными торговцами, скрывающими истинное место происхождения предметов. О чём, кстати, упоминается и в самом каталоге. При публикации золотых сканных украшений эпохи средневековья отмечается, что «*часть этой находки была приобретена нами ранее и издана в III выпуске Древ. Приднепр. (№ 443—365), но местонахождение предметов, по вине продавца, было указано тогда неправильно, в действительности предметы были найдены в кургане при г. Никополе, Екатеринослав. губ.*» (Ханенко, Ханенко 1907, с. 12). Конечно, у нас нет оснований подвергать сомнению всю информацию о происхождении археологических предметов, поступивших в коллекцию Ханенко, особенно опубликованных в первых выпусках «Древностей Приднепровья». Но касательно рассмотренных золотых предметов, есть все основания считать, что никакого отношения к курганам у г. Никополя они не имеют.

Детальный анализ позволяет утверждать, что большая часть из них происходит, по всей видимости, из больших и богатых скифских курганов. Об этом говорит и высокое качество изготовления предметов, и приведенные им аналогии. Не случайным также является и то, что значительная часть пластин пред-

1. Под этим же номером (ДМ-6612) хранится ещё 19 бляшек, имеющих иное оформление пояска, а на некоторых — и центральной части. Все 40 бляшек изготовлены из золота очень высокой пробы, что также говорит в пользу того, что они принадлежат к более позднему периоду. Их детальных анализ уже выходит за пределы этого исследования.

ставлена единичными экземплярами, хотя в действительности подобные изделия, как правило, найдены в скифских погребениях большими сериями. Скорее всего, это некая выборка предметов разнородного происхождения, по тем или иным причинам попавших на рынок древностей (в том числе и за счёт продающихся мелких коллекций), составленная по случаю наличия соответствующего спроса и облечённая в легенду о «курганах близ г. Никополя». Место находки, по всей видимости, было выбрано неслучайно. Окрестности г. Никополя действительно насыщены скифскими памятниками (Черненко и др. 1986, с. 22—26). На рубеже XIX—XX вв. этот регион был широко известен всем любителям древностей по раскопкам в 1862—1863 гг. «царского» кургана Чертомлык. Можно предполагать, что в среде коллекционеров предметы из «курганов близ г. Никополя» стали привлекательным брендом, знаменитостью, которую многие хотели получить в свою коллекцию. К сожалению, у нас нет прямых свидетельств об этом, но очень показательной является атрибуция ещё одного скифского золотого предмета, поступившего в 1930 г. в The Metropolitan Museum of Art (Нью-Йорк) с информацией, что он происходит всё из того же Никополя. Это пластина-обкладка ножен меча с изображением сцены битвы греков с варварами (Richter 1931, p. 44, 47; Шилов 1961, с. 165; Онайко 1970, с. 102, кат. 424), которая, как потом было выяснено, происходит из кургана Чаян в Западном Крыму (Shcheglov, Katz 1991).

Вместе с тем, проведённый анализ изображений позволяет сделать ряд предположений относительно места происхождения рассмотренных золотых предметов из коллекции Ханенко. Прежде всего, это касается тех пластин, которые по своему оригинальны и отличны от иных, им подобных, но во многом идентичны изделиям, происходящим из того или иного известного памятника и, судя по всему, выполнены вместе с ними на одной матрице.

Таким образом, с высокой долей вероятности, можно предположить, что пластины с изображением Медузы (ДМ-6033) (рис. 1: 1), грифона (ДМ-6024) (рис. 1: 9) и «бегущего» юноши (ДМ-6016) (рис. 1: 2) относятся к находкам в кургане Куль-Оба, значительная часть которых разошлась по частным коллекциям, через которые попала в различные собрания и музеи многих стран мира (Журавлёв, Новикова, Шемаханская 2014, с. 14—25).

Пластина с изображением мужской головы (ДМ-6015) (рис. 1: 3), по всей видимости, происходит из кургана Огуз. В 1902 г. «восемь лет спустя по окончании раскопок, здесь было собрано множество золотых вещей, большей частью доставленных местным начальством в Комиссию, отчасти же разошедшихся по рукам и попавших в частные коллекции (напр., П. А. Маврогордато и Б. И. Ханенка)» (Спицын 1906, с. 161, рис. 10). Действительно, в том же заключительном выпуске «Древностей Приднепровья» опубликованы предметы, поступившие в коллекцию Ханенко как происходящие из кургана Огуз и найденные «крестьянами … в боковом склепе» (Ханенко, Ханенко 1907, с. 15—16, кат. 473—498, табл. VI). Однако это была только часть находок, остальные же разошлись довольно широко по частным коллекциям, и в итоге одна из огузских пластин могла попасть к некоему торговцу, продавшему её в ту же коллекцию Ханенко.

Очень заманчиво предположить, что одна из пластин в форме креста (ДМ-6292/2) (рис. 2: 13) связана с находками в кургане Чертомлык. Она может иметь отношение к той части находок в кургане, которая, согласно договору с владелицей земли помещицей Е. П. Зейфарт, после раскопок в 1863 г. отошла к ней. ИАК вёл переговоры о покупке предметов, однако «из-за бюрократических проволочек и задержек вещи не были куплены, их дальнейшая судьба неизвестна» (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 13). Очень вероятно, что золотые предметы разошлись по частным коллекциям. А если учесть, что помещице передавались преимущественно тиражированные предметы, то пластинка в форме креста вполне могла оказаться среди них.

Круг приведенных аналогий позволяет сделать вывод, что удлинённая выпуклая бляшка с изображениями голов кабана (ДМ-6051) (рис. 1: 10) и большая пластина-розетка (ДМ-6040) (рис. 2: 1) происходят из среднедонских могильников, также подвергавшихся разграблению в вначале XX в. (Отчёт 1908, с. 82, 96). Возможно, оттуда же происходят и малые выпуклые бляшки (ДМ-6296) (рис. 2: 8, 9).

Происхождение из лесостепных памятников нельзя исключать и для средних (ДМ-6032, 6034) (рис. 2: 2, 3) и малых (ДМ-6030, 6031, 6035—6039, 6041—6046, 6048, 6049) (рис. 2: 4—6) пластин-розеток.

А вот серия пластин с изображением грифона (ДМ-6019, 6020, 6022, 6023, 6025—6029) (рис. 1: 5—7) вполне может быть связана с относительно небольшим степным курганом, учитывая, что аналогичные ей пластины из кург. 4 группы Р-I/III (1970 г.) у с. Вильна Украина Херсонской обл. происходят из небольшого кургана, имевшего высоту менее 1 м при диаметре до 30 м (Скифские… 1985, с. 128).

Вероятно, наиболее загадочной в этой серии является пластина с изображением сцены терзания (ДМ-6021) (рис. 1: 4). Удивляет и по своему настораживает сочетание в ней стандарта композиции изображения, соответствующего бронзовым навершиям краснокутского типа, и полнейшей уникальности образа фантастического животного (грифо-дракона) и стилистических приёмов его воплощения, прежде

всего, выразившихся в передаче крыла и лапы. Эта уникальность могла быть в равной степени результатом творчества как древнего мастера (работавшего, впрочем, в рамках заданной традиции, ограничивающей его действия), так и ювелира рубежа XIX—XX вв. (не связанного никакими традициями и ограничениями и произвольно соединявшего разные древние образы и схемы в нечто новое). Последнее предположение также нельзя исключать из внимания, если учесть масштабы подделок древних ювелирных изделий, хлынувших на рынок коллекционирования в то время (Бертье-Делагард 1896; Фон-Штерн 1899; Редин 1897). Некоторые сомнения вызывает и уникальная круглая пластина с изображением зверя (ДМ-6017) (рис. 1: 8), которая по иконографическим признакам датируется XII—XIII вв.

Все высказанные предположения по поводу атрибуции золотых находок из коллекции Ханенко носят пока предварительный характер и основываются преимущественно на их иконографическом анализе. Дальнейшие исследования, несомненно, помогут уточнить, подтвердить или опровергнуть сделанные выводы.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Алексеев, А. Ю., Мурзин, В. Ю., Ролле, Р. 1991. *Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э.* Киев: Наукова думка.

Артамонов, М. И. 1966. *Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа.* Прага, Ленинград: Артия, Искусство.

Бабенко, Л. И. 2005. *Песочинский курганный могильник скифского времени*. Харьков: Райдер.

Бабенко, Л. И. 2015. Золотые нашивные бляшки из кургана Верхний Рогачик: критика источника. *Российская археология*, 3, с. 67-78.

Бессонова, С. С. 1977. Образ собако-птаха у мистецтві Північного Причорномор'я скіфської епохи. *Археологія*, 23, с. 11-24.

Беляшевский, Н. 1899. Археологический съезд в Киеве. *Киевская старина*, 10, с. 107-120.

Бертье-Делагард, А. Л. 1896. Подделка греческих древностей на юге России. *Записки Одесского общества истории и древности*, 19, с. 27-68.

Бидзиля, В. И., Болтрик, Ю. В., Мозолевский, Б. Н., Савовский, И. П. 1977. Курганный могильник в уроч. Носаки. В: Бидзиля, В. И. (ред.). *Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки*. Киев: Наукова думка, с. 61-158.

Бидзиля, В. И., *Полин,* С. В. *2012. Скифский царский курган Гайманова могила.* Киев: Скиф.

Болтрик, Ю. В., Фіалко, О. Є. 1991. Дослідження скіфського «царського» кургану Тащенак. *Археологічні дослідження на Україні у 1990 р.*, с. 7-9, 34-35.

Бунина, О. П. 2017. К вопросу происхождения и семантики декоративной керамики собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. *РусАрх. Электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры*. Электрон. ресурс: http://rusarch.ru/bunina1.htm.

Венедиков, И., *Герасимов, Т. 1973. Тракийското изкуство. София:* Български художник.

Грейвс, Р. 2005. *Мифы древней Греции. Пер. с англ.* К. Лукьяненко. Екатеринбург: У-Фактория.

Грібкова, Г. О., 2009. Ювелірні вироби з кургану № 5 біля с. Архангельська Слобода. В: Бессонова, С. С. (ред.) *Эпоха раннего железа.* Киев, Полтава, с. 103-110.

Грібкова, Г. О. 2011. Образ Геракла на пластинах-аплікаціях з колекції МІКУ. *Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки».* Киев, с. 121-129.

Гуляев, В. И. *2010. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов).* Москва: ИА РАН.

Древности Геродотовой Скифии. 1866. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. Санкт-Петербург, 1.

Дюбрюкс, П. 2010. *Собрание сочинений*. II: Иллюстрации. Санкт-Петербург: Коло.

Журавлёв, Д. В., Новикова, Е. Ю., Шемаханская, М. С. 2014. *Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея*. Москва: ГИМ.

Замятин, С. Н. 1946. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежом. *Советская археология*, VIII, с. 45-68.

Зубарь, В. М. 2012. О семантике надгробных памятников некрополя Херсонеса классического и эллинистического периодов. В: Журавлев, Д. В., Фирсов, К. Б. (ред.) *Евразия в скифо-сарматское время. Памяти И. И. Гущиной*. Москва, с. 91-101.

Канторович, А. Р. 2015. Образы синкретических существ в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология, иконографическая динамика. *Исторические исследования*, 3, с. 113-218.

Каталог выставки XI Археологического съезда в Киеве (в здании Университета св. Владимира). 1899. Киев.

Ковалинский, В. В. 1998. *Меценаты Киева*. Киев: Кий.

Ковалинский, В. В. 2003. *Семья Терещенко*. Киев: Преса України.

Колчин, Б. А., Янин, В. Л., Ямщиков, С. В. 1985. *Древний Новгород. Прикладное искусство* и *археология*. Москва: Искусство.

Копейкина, Л. В. 1986. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба. В: Грач, Н. Л. (ред.). *Античная торевтика*. Ленинград: Государственный Эрмитаж, с. 28-63, 148-155.

Лелеков, Л. А. 1978. *Искусство Древней Руси и Восток*. Москва: Советский художник.

Лесков, О. 1974. *Скарби курганів Херсонщини*. Київ: Мистецтво.

Лесков, А. М. 1981. *Курганы: находки, проблемы*. Ленинград: Наука.

Либеров, П. Д. 1965. *Памятники скифского времени на среднем Дону*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1-311.

Манцевич, А. П. 1987. *Курган Солоха. Публикация одной коллекции*. Ленинград: Искусство.

Мелюкова, А. И. 1981. *Краснокутский курган*. Москва: Наука.

Миллер, А. А. 1910. Раскопки в районе древнего Танаиса. *Известия Императорской археологической комиссии*, 35, с. 86-130.

Минасян, Р. С. 2014. *Металлообработка в древности и средневековье*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Мозолевский, Б. Н., Полин, С. В. *2005. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева Могилы).* Киев: Стилос.

Монахов, С. Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII—II веков до н. э.* Саратов: Саратовский университет.

Мурзин, В. Ю., Черненко, Е. В. 1980. О средствах защиты боевого коня в скифское время. В: Тереножкин, А. И. (ред.) *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, с. 155-168.

Отчёт Императорской археологической комиссии за 1903 г. 1906. Санкт-Петребург.

Отчёт Императорской археологической комиссии за 1905 г. 1908. Санкт-Петребург.

Одесский археологический музей АН УССР. 1983. Альбом. Дзис-Райко, Г. А. (ред.). Киев: Наукова думка.

Онайко, Н. А. 1970. *Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1-27.

Павлуцкий, Г. 1903. *Предметы античного вооружения*, найденные в Екатеринославском уезде. *Археологическая летопись Южной России*, 3, с. 37-40.

Пенкова, Е., Конова, Л., Цанева, С., Кисьов, К. *2015. Мистерии и истини за Панагюрското съкровище*. София: Уникарт.

Плетнёва, С. А. 1973. *Древности Чёрных Клобуков*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Е 1-19.

Погребова, Н. Н. 1948. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики. *Краткие сообщения ИИМК*, XXII, с. 62-67.

Полидович, Ю. Б. 2015a. Образы фантастических животных в искусстве народов скифского мира. *Донецький археологічний збірник*, 19, с. 85-142.

Полидович, Ю. Б. 2015b. Грифон в скифской изобразительной традиции. *Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки»*. Київ, с. 107-126.

Полин, С. В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н. э. на Херсонщине*. Киев: Издатель Олег Филюк.

Полин, С. В. 2016a. О некоторых монетных типах скифских золотых нашивных бляшек. *ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка: Материалы IV Международного нумизматического симпозиума*. Севастополь, с. 68-73.

Полин, С. В. 2016b. Александропольский дракон. В: Маріна, З. П. (ред.). *Археологія та етнологія півдня Східної Європи*. Дніпро: Ліра, с. 278-287.

Полин, С., Дараган, М. 2008. Проблемы датировки скифского царского кургана Александрополь. *Revista Arheologică. Serie nouă*, IV, 2, с. 146-163.

Полин, С. В., Дараган, М. Н. 2010. Работы на Александропольском кургане в 2008 г. *Συμβολα*, 1: Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия, с. 191-209.

Пузикова, А. И. 1966. Новые курганы скифского времени в Белгородской области. *Краткие сообщения Института археологии*, 107, с. 80-91.

Пузикова, А. И. 1995. *Скифы Среднего Дона (Белгородская и Воронежская области)*. Москва: Практик-А.

Пузикова, А. И. 2000. *Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов)*. Москва: Индрик.

Раевский, Д. С. 1985. *Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э.* Москва: Наука.

Редин, Е. К. 1897. X археологический съезд. *Записки Императорского Харьковского университета*. Харьков, с. 135-161.

Ростовцев, М. И. 1925. *Скифия и Боспор*. Ленинград.

Русяева, М. В. 2002. *Горгонейоны* на произведениях торевтики из скифских курганов. *Боспорские чтения*, 3, с. 216-218.

Русяєва, М. 2007. Іконографія образу *Геракла* за пам'ятками торевтики зі скіфських курганів IV ст. до н. е. *Художня культура. Актуальні проблеми*, 4, с. 296-306.

Самоквасов, Д. Я. 1908a. *Могилы Русской земли*. Москва: Синодальная типография.

Самоквасов, Д. Я. 1908b. *Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей*. Москва: Синодальная типография.

Симоненко, А. В. 2010. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Скорий, С. А., Хохоровські, Я., Григор'ев, В. П., Ридзевські, Я. 1999. Центральная могила Великого Рижанівського кургану. *Археологія*, 1, с. 94-105.

Случайные находки и приобретения за 1916 и 1917 годы. 1918. *Известия Археологической комиссии*, 65, с. 157-176.

Сокольский, Н. И. *1969. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Г 1-17.

Спицын, А. А. 1906. Серогозские курганы. *Известия Императорской археологической комиссии*, 19, с. 157-174.

Тайна золотой маски. 2009. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж.

Тахо-Годи, А. А. 1989. *Греческая мифология*. Москва: Искусство.

Тереножкин, А. И., Мозолевский, Б. Н. 1988. *Мелитопольский курган*. Киев: Наукова думка.

Тревер, К. В. 1953. *Очерки по истории культуры древней Армении*. (*II в. до н. э. — IV в. н. э.*). Москва, Ленинград: АН СССР.

Фиалко, Е. Е. 2003. Золотые бляшки из кургана Огуз. *Российская археология*, 1, с. 124-133.

Фон-Штерн, Э. Р. 1899. О подделках классических древностей на юге России. *Труды X археологического съезда в Риге, 1896*, I, с. 189-196.

Ханенко, Б. И., Ханенко, В. Н. 1907. *Древности Приднепровья и побережья Чёрного моря*. Киев, VI.

Черненко, Е. В., Бессонова, С. С., Болтрик, Ю. В., Полин, С. В., Скорый, С. А., Бокий, Н. М., Гребенников, Ю. С. 1*986. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка.

Шилов, В. П. 1961. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. *Советская археология*, 1, с. 150-168.

Furtwängler, A. 1890. Gorgones. *Ausführliche Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*, 1, 2: Euxistratos-Hysiris, Sp. 1695-1727.

Greek Jewellery: 6,000 Years of Tradition: Thessaloniki, Villa Bianca, 21 December 1997 — 21 February 1998. 1997. Athens.

Karoglou, K. 2018. Dangerous Beauty: Medusa in Classical Art. *The Metropolitan Museum of Art Bulletin*, 75, 3, p. 1-48.

Polin, S., Daragan, M. 2011. New type of gold application with the image of a dragon from a Scythian royal Aleksandropol'sky kurgan. In: Apakidze, J., Govedarica, B., Hänsel, B. (eds). *Der Schwarzmeerraum vom aneolithikum bis in die früheisenzeit (5000—500 v. Chr.)*. Rahden: Marie Leidorf, 1, p. 273-278.

Richter, G. M. A. 1931. A Greek Sword Sheath of a Scythian King. *Bulletin of the Metropolitan. Museum of Art*, 26, 2, p. 44-48.

Shcheglov, A. N., Katz, V. I. 1991. A Fourth-Century BC Royal Kurgan in the Crimea. *Metropolitan Museum Journal*, 26, p. 97-122.

Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don. 2003. Katalog. Frankfurt am Main.

Treister, M. 2002. Late Hellenistic Bosporan Polychrome Style and its Relation to the Jewellery of Roman Syria (Kuban Brooches and Related Forms). *Silk Road Art and Archaeology*, 8, p. 29-72.

Wilk, S. R. 2000. *Medusa: Solving the Mystery of the Gorgon*. Oxford: University Press.

Wilson, L. 1920. Contributions of Greek Art to Medusa Myth. *American Journals of Archaeology*, 24, 3, p. 232-240.

REFERENCES

Alekseyev, A. Yu. 2003. *Khronografiya Yevropeyskoy Skifii VII—IV vekov do n. e.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh.

Alekseyev, A. Yu., Murzin, V. Yu., Rolle, R. 1991. *Chertomlyk. Skifskiy tsarskiy kurgan IV v. do n. e.* Kiev: Naukova dumka.

Artamonov, M. I. 1966. *Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha*. Praga, Leningrad: Artiya, Iskusstvo.

Babenko, L. I. 2005. *Pesochinskij kurgannyj mogil'nik skifskogo vremeni*. Har'kov: Rajder.

Babenko, L. I. 2015. Zolotyie nashivnyie blyashki iz kurgana Verkhniy Rogachik: kritika istochnika. *Rossiyskaya arkheologiya*, 3, s. 67-78.

Bezsonova, S. S. 1977. Obraz sobako-ptakha u mystetstvi Pivnichnoho Prychornomor'ya ckifskoyi epokhy. *Arkheolohiya*, 23, s. 11-24.

Beliashevskiy, N. 1899. Arkheologicheskiy sjezd v Kieve. *Kievskaya starina*, 10, s. 107-120.

Bert'ye-Delagard, A. L. 1896. Poddelka grecheskikh drevnostey na yuge Rossii. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnosti*, 19, s. 27-68.

Bidzilya, V. I., Boltrik, Yu. V., Mozolevskiy, B. N., Savovskiy, I. P. 1977. Kurgannyj mogil'nik v uroch. Nosaki. In: Bidzilya, V. I. (ed.). *Kurgannyye mogil'niki Ryasnyye Mogily i Nosaki*. Kiev: Naukova dumka, s. 61-158.

Bidzilya, V. I., Polin, S. V. 2012. *Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova mogila*. Kiev: Skif.

Boltryk, Yu. V., Fialko, O. Ye. 1991. Doslidzhennya skifskoho «tsarskoho» kurhanu Tashchenak. *Arkheolohichni doslidzhennya na Ukrayini u 1990 r.*, s. 7-9, 34-35.

Bunina, O. P. 2017. K voprosu proiskhozhdeniya i semantiki dekorativnoy keramiki sobora Rozhdestva Bogoroditsy Ferapontova monastyrya. *RusArkh. Elektronnaya nauchnaya biblioteka po istorii drevnerusskoy arkhitektury*. Elektron. resurs: http://rusarch.ru/bunina1.htm.

Venedikov, I., Gerasimov, T. 1973. *Trakijskoto izkustvo*. Sofija: Blgarski hudozhnik.

Grejvs, R. 2005. *Mify drevnej Grecii*. Per. s angl. K. Luk'yanenko. Ekaterinburg: U-Faktoriya.

Gribkova, H. O., 2009. Yuvelirni vyroby z kurhanu N 5 bilia s. Arkhanhelska Sloboda. In: Bessonova, S. S. (ed.) *Epokha ranneho zheleza*. Kiev, Poltava, s. 103-110.

Gribkova, H. O. 2011. Obraz Herakla na plastynakh-aplikatsiiakh z kolektsii MIKU. *Muzeini chytannia. Materialy naukovoi konferentsii «Iuvelirne mystetstvo — pohliad kriz' viky»*. Kyiv, s. 121-129.

Gulyaev, V. I. 2010. *Na vostochnyh rubezhah Skifii (drevnosti donskih skifov)*. Moskva: IA RAN.

Drevnosti Gerodotovoy Skifii. 1866. Sbornik opisaniy arheologicheskih raskopok i nahodok v Chernomorskih stepiah. Sankt-Peterburg, 1.

Dyubryuks, P. 2010. *Sobranie sochineniy*. II: Illyustracii. Sankt-Peterburg: Kolo.

Zhuravliov, D. V., Novikova, E. Yu., Shemahanskaya, M. S. 2014. *Yuvelirnye izdeliya iz kurgana Kul'-Oba v sobranii Istoricheskogo muzeya*. Moskva: GIM.

Zamyatin, S. N. 1946. Skifskij mogil'nik «Chastye kurgany» pod Voronezhom. *Sovetskaya arheologiya*, VIII, s. 45-68.

Zubar', V. M. 2012. O semantike nadgrobnyh pamyatnikov nekropolya Hersonesa klassicheskogo i ehllinisticheskogo periodov. In: Zhuravlev, D. V., Firsov, K. B. (ed.). *Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati I. I. Gushchinoy*. Moskva, s. 91-101.

Kantorovich, A. R. 2015. Obrazy sinkreticheskih sushchestv v vostochnoevropejskom skifskom zverinom stile: klassifikaciya, tipologiya, hronologiya, ikonograficheskaya dinamika. *Istoricheskie issledovaniya*, 3, s. 113-218.

Katalog vystavki XI Arheologicheskogo sjezda v Kieve (v zdanii Universiteta sv. Vladimira). 1899. Kiev.

Kovalinskiy, V. V. 1998. *Mecenaty Kieva*. Kiev: Kij.

Kovalinskiy, V. V. 2003. *Sem'ya Tereshchenko*. Kiev: Presa Ukrainy.

Kolchin, B. A., Yanin, V. L., Yamshchikov, S. V. 1985. *Drevniy Novgorod. Prikladnoe iskusstvo i arheologiya*. Moskva: Iskusstvo.

Kopeykina, L. V. 1986. Zolotye blyashki iz kurgana Kul'-Oba. In: Grach, N. L. (ed.). *Antichnaya torevtika*. Leningrad: Gosudarstvennyj Ermitazh, s. 28-63, 148-155.

Lelekov, L. A. 1978. *Iskusstvo Drevnej Rusi i Vostok*. Moskva: Sovetskij hudozhnik.

Lieskov, O. 1974. *Skarby kurhaniv Khersonshchyny*. Kyiv: Mystetstvo.

Leskov, A. M. 1981. *Kurgany: nahodki, problemy*. Leningrad: Nauka.

Liberov, P. D. 1965. *Pamyatniki skifskogo vremeni na srednem Donu*. Moskva: Nauka. Svod arheologicheskih istochnikov, D 1-311.

Mancevich, A. P. 1987. *Kurgan Soloha. Publikaciya odnoy kollekcii*. Leningrad: Iskusstvo.

Melyukova, A. I. 1981. *Krasnokutskiy kurgan*. Moskva: Nauka.

Miller, A. A. 1910. Raskopki v rajone drevnego Tanaisa. *Izvestiya Imperatorskoy arheologicheskoj komissii*, 35, s. 86-130.

Minasyan, R. S. 2014. *Metalloobrabotka v drevnosti i srednevekov'e*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh.

Mozolevskiy, B. N., Polin, S. V. 2005. *Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n. e. (Babina, Vodyana i Soboleva Mogily)*. Kiev: Stilos.

Monahov, S. Yu. 1999. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoj tary VII—II vekov do n. e.* Saratov: Saratovskij universitet.

Murzin, V. Yu., Chernenko, E. V. 1980. O sredstvah zashchity boevogo konya v skifskoe vremya. In: Terenozhkin, A. I. (ed.) *Skifiya i Kavkaz*. Kiev: Naukova dumka, s. 155-168.

Otchyot Imperatorskoj arheologicheskoj komissii za 1903 g. 1906. Sankt-Petreburg.

Otchyot Imperatorskoj arheologicheskoj komissii za 1905 g. 1908. Sankt-Petreburg.

Odesskiy arheologicheskiy muzey AN USSR. 1983. Al'bom. Dzis-Rajko, G. A. (ed.). Kiev: Naukova dumka.

Onajko, N. A. 1970. *Antichnyj import v Pridneprov'e i Pobuzh'e v IV—II vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Svod arheologicheskih istochnikov, D 1-27.

Pavluckij, G. 1903. Predmety antichnogo vooruzheniya, najdennye v Ekaterinoslavskom uezde. *Arheologicheskaya letopis' Yuzhnoj Rossii*. Kiev, 3, s. 37-40.

Penkova, E., Konova, L., Caneva, S., Kisyov, K. 2015. *Misterii i istini za Panagjurskoto skrovishte*. Sofija: Unikart.

Pletnyova, S. A. 1973. *Drevnosti Chyornyh Klobukov*. Moskva: Nauka. Svod arheologicheskih istochnikov, E 1-19.

Pogrebova, N. N. 1948. Grifon v iskusstve Severnogo Prichernomor'ya v ehpohu arhaiki. *Kratkie soobshcheniya IIMK*, XXII, s. 62-67.

Polidovich, Yu. B. 2015a. Obrazy fantasticheskih zhivotnyh v iskusstve narodov skifskogo mira. *Donec'kyi arheologichnyi zbirnik*, 19, s. 85-142.

Polidovich, Yu. B. 2015b. Grifon v skifskoj izobrazitel'noj tradicii. *Muzeyni chytannia. Materialy naukovoi konferencii «Yuvelirne mystectvo — pogliad kriz' viky»*. Kyiv, s. 107-126.

Polin, S. V. 2014. *Skifskij Zolotobalkovskij kurgannyj mogil'nik V—IV vv. do n. e. na Hersonshchine*. Kiev: Izdatel' Oleg Filyuk.

Polin, S. V. 2016a. O nekotoryh monetnyh tipah skifskih zolotyh nashivnyh blyashek. *PriPONTijskij menyala: den'gi*

mestnogo rynka: Materialy IV Mezhdunarodnogo numizmaticheskogo simpoziuma. Sevastopol', s. 68-73.

Polin, S. V. 2016b. Aleksandropol'skij drakon. In: Marina, Z. P. (ed.). *Arheologiya ta etnologiya pivdnya Skhidnoi Evropy*. Dnipro: Lira, s. 278-287.

Polin, S., Daragan, M. 2008. Problemy datirovki skifskogo carskogo kurgana Aleksandropol'. *Revista Arheologică. Serie nouă*, IV, 2, s. 146-163.

Polin, S. V., Daragan, M. N. 2010. Raboty na Aleksandropol'skom kurgane v 2008 g. *Συμβολα*, 1: Antichnyj mir Severnogo Prichernomor'ya. Novejshie nahodki i otkrytiya, s. 191-209.

Puzikova, A. I. 1966. Novye kurgany skifskogo vremeni v Belgorodskoj oblasti. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii*, 107, s. 80-91.

Puzikova, A. I. 1995. *Skify Srednego Dona (Belgorodskaya i Voronezhskaya oblasti)*. Moskva: Praktik-A.

Puzikova, A. I. 2000. *Kurgannye mogil'niki skifskogo vremeni Srednego Podon'ya (publikaciya kompleksov)*. Moskva: Indrik.

Raevskij, D. S. 1985. *Model' mira skifskoj kul'tury. Problemy mirovozzreniya iranoyazychnyh narodov evrazijskih stepej I tysyacheletiya do n. e.* Moskva: Nauka.

Redin, E. K. 1897. X arheologicheskij sjezd. *Zapiski Imperatorskogo Har'kovskogo universiteta*. Har'kov, s. 135-161.

Rostovcev, M. I. 1925. *Skifiya i Bospor*. Leningrad.

Rusyaeva, M. V. 2002. Gorgonejony na proizvedeniyah torevtiki iz skifskih kurganov. *Bosporskie chteniya*, 3, s. 216-218.

Rusiaieva, M. 2007. Ikonohrafiia obrazu Herakla za pamiatkamy torevtyky zi skifskykh kurhaniv IV st. do n. e. *Khudozhnia kultura. Aktualni problemy*, 4, s. 296-306.

Samokvasov, D. Ya. 1908a. *Mogily Russkoj zemli*. Moskva: Sinodal'naya tipografiya.

Samokvasov, D. Ya. 1908b. *Raskopki drevnih mogil i opisanie, hranenie i izdanie mogil'nyh drevnostej*. Moskva: Sinodal'naya tipografiya.

Simonenko, A. V. 2010. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya.

Skoryi, S. A., Khokhorovski, Ya., Gryhoriev, V. P., Rydzevski, Ya. 1999. Tsentralnaia mohyla Velykoho Ryzhanivskoho kurhanu. *Arkheolohiia*, 1, s. 94-105.

Sluchajnye nahodki i priobreteniya za 1916 i 1917 gody. 1918. *Izvestiya Arheologicheskoj komissii*, 65, s. 157-176.

Sokol'skiy, N. I. 1969. *Antichnye derevyannye sarkofagi Severnogo Prichernomor'ya*. Moskva: Nauka. Svod arheologicheskih istochnikov, G 1-17.

Spicyn, A. A. 1906. Serogozskie kurgany. *Izvestiya Imperatorskoj arheologicheskoj komissii*, 19, s. 157-174.

Tajna zolotoj maski. 2009. Katalog vyctavki v Gosudarstvennom Ermitazhe. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh.

Taho-Godi, A. A. 1989. *Grecheskaya mifologiya*. Moskva: Iskusstvo.

Terenozhkin, A. I., Mozolevskiy, B. N. 1988. *Melitopol'skiy kurgan*. Kiev: Naukova dumka.

Trever, K. V. 1953. *Ocherki po istorii kul'tury drevney Armenii. (II v. do n. e. — IV v. n. e.)*. Moskva, Leningrad: AN SSSR.

Fialko, E. E. 2003. Zolotye blyashki iz kurgana Oguz. *Rossijskaya arheologiya*, 1, s. 124-133.

Fon-Shtern, E. R. 1899. O poddelkah klassicheskih drevnostej na yuge Rossii. *Trudy X arheologicheskogo sjezda v Rige, 1896*, I, s. 189-196.

Khanenko, B. I., Khanenko, V. N. 1907. *Drevnosti Pridneprov'ya i poberezh'ya Chyornogo morya*. Kiev, VI.

Chernenko, E. V., Bessonova, S. S., Boltrik, Yu. V., Polin, S. V., Skoryj, S. A., Bokij, N. M., Grebennikov, Yu. S. 1986. *Skifskie pogrebal'nye pamyatniki stepej Severnogo Prichernomor'ya*. Kiev: Naukova dumka.

Shilov, V. P. 1961. Raskopki Elizavetovskogo mogil'nika v 1959 g. *Sovetskaya arheologiya*, 1, s. 150-168.

Furtwängler, A. 1890. Gorgones. *Ausführliche Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*, 1, 2: Euxistratos-Hysiris, Sp. 1695-1727.

Greek Jewellery: 6,000 Years of Tradition: Thessaloniki, Villa Bianca, 21 December 1997 — 21 February 1998. 1997. Athens.

Karoglou, K. 2018. Dangerous Beauty: Medusa in Classical Art. *The Metropolitan Museum of Art Bulletin*, 75, 3, p. 1-48.

Polin, S., Daragan, M. 2011. New type of gold application with the image of a dragon from a Scythian royal Aleksandropol'sky kurgan. In: Apakidze, J., Govedarica, B., Hänsel, B. (eds.). *Der Schwarzmeerraum vom aneolithikum bis in die früheisenzeit (5000—500 v. Chr.)*. Rahden: Marie Leidorf, 1, p. 273-278.

Richter, G. M. A. 1931. A Greek Sword Sheath of a Scythian King. *Bulletin of the Metropolitan. Museum of Art*, 26, 2, p. 44-48.

Shcheglov, A. N., Katz, V. I. 1991. A Fourth-Century BC Royal Kurgan in the Crimea. *Metropolitan Museum Journal*, 26, p. 97-122.

Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don. 2003. Katalog. Frankfurt am Main.

Treister, M. 2002. Late Hellenistic Bosporan Polychrome Style and its Relation to the Jewellery of Roman Syria (Kuban Brooches and Related Forms). *Silk Road Art and Archaeology*, 8, p. 29-72.

Wilk, S. R. 2000. *Medusa: Solving the Mystery of the Gorgon*. Oxford: University Press.

Wilson, L. 1920. Contributions of Greek Art to Medusa Myth. *American Journals of Archaeology*, 24, 3, p. 232-240.

E. A. Velychko, Yu. B. Polidovych

GOLDEN FINDS FROM «NIKOPOLIAN BARROWS» FROM THE COLLECTIONS OF B. AND V. KHANENKO

The article is devoted to the attribution of objects from the collection of B. and V. Khanenko, which were received in the 1900s. from the market of antiquities as occurring «from the barrows near the city of Nikopol». These are various applicative decorations mostly dated to the 4th century BC. Stylistic analysis allows us to talk about the heterogeneity of this group of products and with great probability to assume that they are associated with predatory excavations of mounds in the steppe Black Sea region, the Crimea, the forest-steppe Dnieper and Middle Don region. Some of the items probably represent finds in the «royal» burial mounds, which broke out in the second half of the nineteenth century by private collections.

All assumptions about the attribution of gold finds from the collection of Khanenko are provisional and based mainly on their iconographic analysis. Further research will undoubtedly help clarify, confirm or disprove the conclusions.

Keywords: gold applicative decorations, Scythian period, Khanenko's collection, North Black sea region.

Одержано 5.01.2018

ВЕЛИЧКО Євгенія Олександрівна, старший науковий співробітник, Музей історичних коштовностей України, вул Лаврська 9, Київ, 01015, Україна, *lerejena@gmail.com*.

VELYCHKO Evginija, Senior Researcher, Museum of Historical Treasures of Ukraineб ul. Lavrska 9, Kyiv, 01015, Ukraine, *lerejena@gmail.com*.

ПОЛІДОВИЧ Юрій Богданович, кандидат історичних наук, провідний науковий співробітник, Музей історичних коштовностей України, вул. Лаврська 9, Київ, 01015, Україна, *yurkop@ukr.net*.

POLIDOVYCH Yurii, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Museum of Historical Treasures of Ukraineб ul. Lavrska 9, Kyiv, 01015, Ukraine, *yurkop@ukr.net*.

УДК: [904.25:7.0231.1]-034.21

Л. И. Бабенко

О БОРДЮРАХ ПЕКТОРАЛЕЙ ИЗ ТОЛСТОЙ МОГИЛЫ И БОЛЬШОЙ БЛИЗНИЦЫ

В статье проанализированы возможные причины использования бордюров в конструкции пекторалей из Толстой Могилы и Большой Близницы.

Ключевые слова: *скифы, пектораль, Толстая Могила, Большая Близница, торевтика, бордюр.*

Введение. В сферу исключительно разносторонних научных интересов Светланы Сергеевны Бессоновой вошел и шедевр греко-скифской торевтики — пектораль из Толстой Могилы. В том или ином контексте С. С. Бессонова касалась темы пекторали почти в двух десятках своих работ — от статей, последовавших незадолго после открытия украшения (1977, с. 18, 20; Бессонова, Раєвський 1977, с. 44) и до самых новейших исследований (Бессонова, Зимовец, Скорый 2016, с. 197, 203). Особое внимание проблематике пекторали уделено в двух работах С. С. Бессоновой, в которых были предложены оригинальные трактовки сцен с участием антропоморфных персонажей верхнего фриза (1983, с. 70—74; 1991, с. 89—92). Являясь неофициальным символом украинской археологии, пектораль на протяжении полувека вызывает у исследователей неизменный интерес, который, однако, распределен достаточно неравномерно. Более всего изучены проблемы семантики образов и сюжетов, а также художественной стилистики украшения. В тоже время вопросы, связанные с особенностями конструкции пекторали, а также техники ее изготовления, затрагивались гораздо реже.

Бордюр пекторали из Толстой Могилы. Одной из неприметных деталей пекторали из Толстой Могилы является бордюр, припаянный к верхнему краю нижнего жгута по всей его длине и уходящий обоими концами внутрь обоймы, охватывающей все четыре жгута пекторали (рис. 1: 1—2). Высота бордюра — 4 мм, ширина — 2 мм. По определению Б.Н. Мозолевского, пожалуй, единственного из всех исследователей пекторали, кто уделил этой детали особое внимание, бордюр имеет швеллеровидный профиль (1979, с. 74). «Швеллеровидность» бордюра не технологическая, а декоративная — образный профиль сечения достигается за счет бортиков из рубчатой проволоки, имитирующей зернь и припаянной вдоль верхнего и нижнего края бордюра. Средняя часть внешней стороны бордюра украшена орнаментом в виде длинного ряда ионик или ов, отделенных друг от друга стрельчатыми, едва заметными, листьями (рис. 1: 1) [1]. По мнению Б. Н. Мозолевского орнамент выполнен в технике литья (1979, с. 74). С обратной стороны бордюр гладкий (рис. 1: 2). Снизу бордюр припаян к каждому «пруту» ложновитого жгута. В верхней части к бордюру припаяны горельефные фигурки нижнего фриза.

Бордюр очень гармонично вписывается в художественную композицию пекторали благодаря использованию мастером в отделке ее различных частей таких же орнаментальных мотивов. Рядом ионик украшен нижний край обойм. Рубчатая проволока, имитирующая зернь, употреблена еще более широко — ею обрамлены цветочные орнаментальные зоны обойм и застежек, контуры лепестков розеток среднего фриза, а также заполнены по спирали углубления всех четырех жгутов.

1. С. С. Бессонова рассматривала оформление овами внешнего контура пекторали как пример использования разновидности «мужского» орнамента, «мужской символики» (1991, с. 90).

© Л. И. БАБЕНКО, 2018

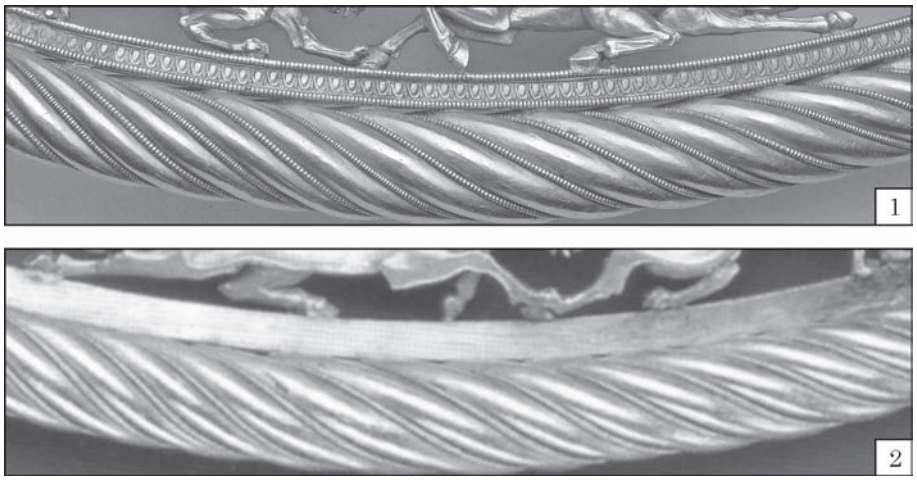


Рис. 1. Бордюр пекторали из Толстой Могилы, фрагменты: 1 — лицевая сторона (Dally 2007, Abb. 2); 2 — оборотная сторона (ed. Reeder 1999, p. 328, cat. 172)

Рис. 2. Фигурные композиции на предметах торевтики, очерченные бордюром. Сосуды: 1 — к. 3 гр. «Частые курганы» (Firsov, Žuralev 2007, Abb. 3c); 2 — Куль-Оба (Алексеев 2012, с. 192); 3 — Гайманова Могила (ред. Толочко 1991, с. 373, кат. 96); 4 — Солоха (Алексеев 2012, с. 150); 5 — обивка горита из Мелитопольского кургана, фрагмент (ред. Толочко 1991, с. 395, кат. 92); 6 — гребень из Солохи, фрагмент; 7, 8 — амфора из Чертомлыка, фрагмент (Алексеев 2012, с. 131, 198)

Подобное оконтуривание нижнего края фигурных композиций посредством узкой горизонтальной полосы — гладкой или орнаментированной тем или иным узором — получило широкое распространение при оформлении изделий греко-скифской торевтики, исполненных в разнообразной технике. Этот прием был использован в композиции знаменитых сосудов с изображением сцен скифской жизни, изобразительные фризы которых подчеркнуты снизу своеобразным «бордюром» из ионик (Воронежский курган, Гайманова Могила) или плетенки (Солоха, Куль-Оба) (рис. 2: 1—4). На горитах чертомлыкской серии верхний фигурный ряд расположен на бордюре, украшенном рядом ионик и стрельчатых листов, очень близких орнаменту бордюра на пекторали, но очерченных снизу и сверху гладкими бортиками. Нижний ряд подчеркнут гладким бордюром (рис. 2: 5). Сцены битвы с грифонами на калафе из

Большой Близницы очерчены внизу полосой из меандра с шестилепестковыми розетками (Калашник 2014, с. 156—161). На конусе из Передериевой Могилы фигурные композиции расположены на полосе из цепочки цветков лотосов. Фигурная группа золотого гребня из Солохи размещена на продолговатой подставке, напоминающей такой же бордюр, гладкий посередине и обрамленный сверху и снизу цепочками псевдозерни (и под фигурками львов — гладкий бордюр) (рис. 2: 6). Наконец, фигурная группа среднего изобразительного фриза серебряной амфоры из Чертомлыка также расположена на бордюре-обруче с похожим же «швеллеровидным» профилем, но с гладкими бортами и орнаментированным плетенкой (рис. 2: 7, 8) [1]. Последний пример использования бордюра, помимо художественного обрамления, отличается и конструктивной обусловленностью изделия. Непосредственно на нем размещены барельефные скульптурки скифов и лошадей, а сам бордюр, прикрепленный в месте максимального диаметра амфоры, прикрывает соединение верхней и нижней части тулова амфоры (Минасян 1991, с. 378—379).

Однако при конструировании верхнего фриза пекторали мастер отказался от использования подобного бордюра — низ фигурок припаян непосредственно к ложновитому жгуту. В художественном отношении подобному оформлению также можно найти аналогии. Горизонтальной полосой, имитирующей витой шнур, очерчен низ фигурных композиций на обкладках ножен мечей чертомлыцкой серии, ножен меча из Толстой Могилы, а также конуса из кургана Сенгилеевское 2 (Мозолевський 1979, рис. 55, 56; Алексеев 2012, с. 214—220; ed. Schiltz 2001, p. 120, 121, cat. 88; Curry 2016, p. 29—31) [2].

Столь различное оформление двух фризов побуждает к поиску ответа на вопрос — причины какого характера, художественного или конструктивного, обусловили решение мастера использовать в композиции одного из фризов пекторали специальный бордюр? На первый взгляд, подобная мера могла быть связана именно с некоторыми особенностями конструкции пекторали, являвшейся сложносоставным украшением из более чем 160 деталей (Рудольф 1993, с. 85; Jacobson 1995, p. 117; *Черняков, Підвисоцька 1999, с. 77*). Важной задачей, стоявшей перед мастером, было обеспечение необходимой жесткости конструкции основного корпуса пекторали, состоящего из четырех жгутов и многочисленных фигурок — 25 в пределах верхнего фриза и 23 — нижнего. Неподвижность достигалась за счет точечного припаивания с промежутками в 20—22 мм к средним жгутам пекторали сплошной золотой пластины в форме полумесяца, служившей своеобразным ребром жесткости (Підвисоцька, Черняков 2002). А также припаивания к жгутам, образующих крайние фризы, по всей их протяженности, верхних и нижних частей горельефных фигурок. В последнем случае успешному решению задачи способствовало соответствие размера фигурок и проема между жгутами — посредине, в более широком месте, были припаяны наиболее крупные фигуры. И далее, по мере сужения фриза к концам, уменьшался и размер фигурок, точно вписанных в проем между верхним и нижним жгутом.

В конструкции пекторали бордюр нижнего фриза уменьшает его проем по всей длине на 4 мм, т. е. на собственную высоту. Если убрать бордюр, ширина проема, соответственно, вырастет, и высота почти всех фигурок окажется недостаточной для их припаивания сразу к двум жгутам (рис. 3: 1—2). Поэтому можно было бы предположить, что при расчетах параметров отдельных частей пекторали мастер допустил незначительный просчет. Для его устранения ему понадобилось уменьшить проем нижнего фриза, что и было сделано с помощью бордюра, который изящно и неприметно исправил досадную погрешность. При этом отсутствие такого же бордюра в верхнем фризе в этом случае свидетельствует о точности расчетов, что позволило избежать привнесению в конструкцию пекторали дополнительных элементов.

Но если бы проблема состояла лишь в необходимости уменьшения проема нижнего фриза, то она могла быть легко решена менее затратным — и по времени, и по материальным ресурсам — способом. При том же размере фигурок достаточно было бы нижний жгут пекторали поднять на 4 мм, и чуть сильнее согнуть вовнутрь его верхние концы — также на 4 мм. Соответственно, несколько *уже* оказались бы обоймы, охватывающие жгуты пекторали (рис. 3: 3). Но эти элементы пекторали, несомненно, изготавливались уже после сборки основного корпуса украшения и их параметры рассчитывались по факту сконструированной части украшения.

Однако предполагаемый вид пекторали без бордюра позволяет увидеть другую его важную функцию, связанную с художественной стилистикой пекторали. Одним из принципов, используемых мастером при создании композиции пекторали, является гармоническое сочетание

1. Перечень подобных примеров очень большой. Следует отметить и древность этой изобразительной традиции (шествие животных по бордюру из плетенки на обивках ножен келермесского и мельгуновского мечей), и широту ее использования. Этот прием использовался и торевтами (многочисленные золотые пластины головных уборов, гривны с животными из Толстой Могилы и Чертомлыка и пр.), и проник непосредственно даже в скифскую среду. Часто подобной полосой подчеркнуты фигуры и фигурные композиции скифских наверший IV в. до н. э.
2. Подобный прием можно увидеть и на предметах, созданных в инокультурной среде. Так, на линии, имитирующей плетеный шов, размещены сцены охоты на рукояти ахеменидского меча из Чертомлыка (Алексеев 2012, с. 210—213).

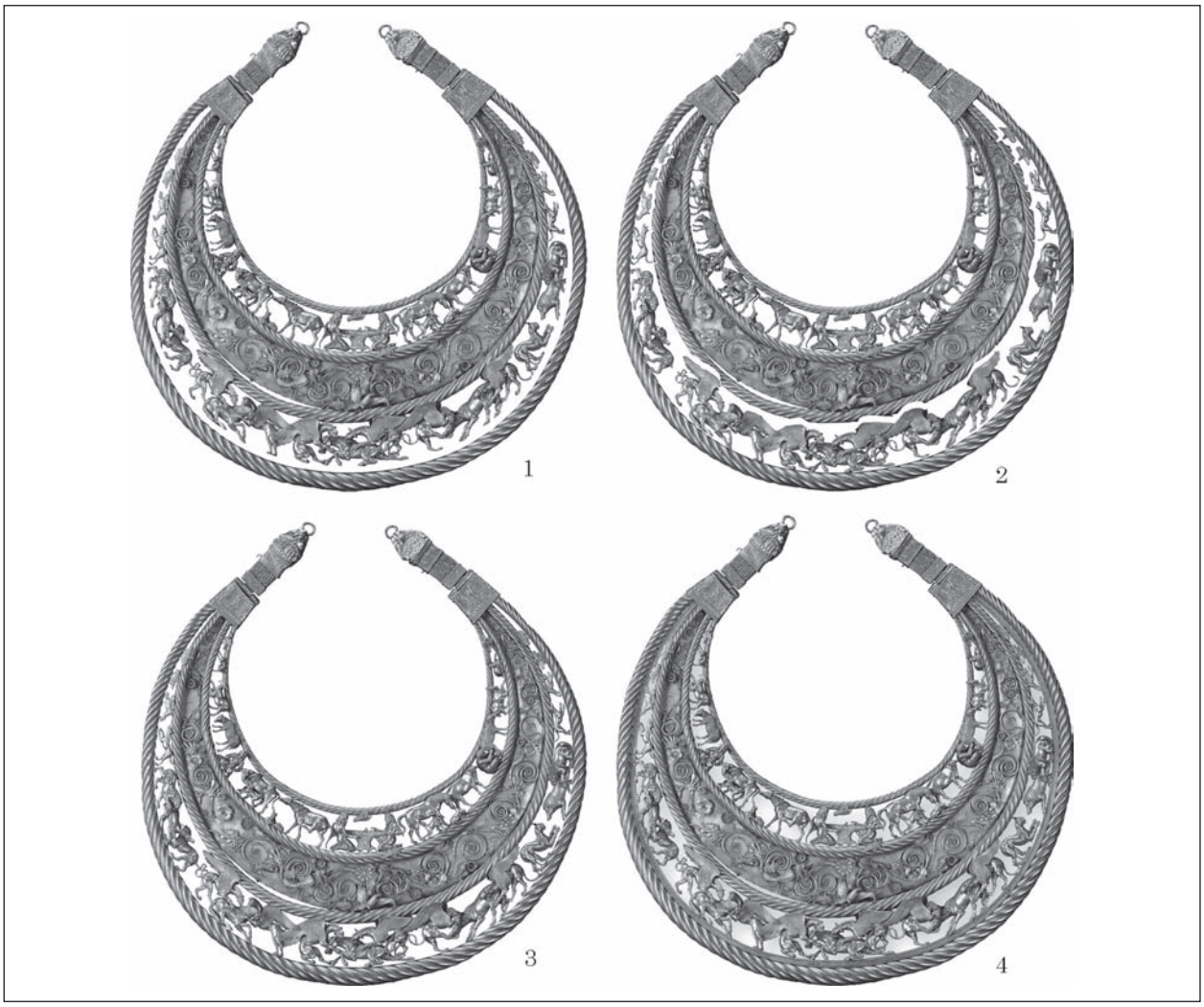


Рис. 3. Пектораль из Толстой Могилы: 1—3 — гипотетические варианты пекторали без бордюра; 4 — аутентичная пектораль (Dally 2007, Abb. 2)

параметров верха и низа, центра и флангов. Внизу и в центре элементы конструкции пекторали более тяжеловесные и массивные, и постепенно уменьшаются к верху и к краям. Это выражено и в размерах и конфигурации жгутов каркаса — более толстых в центре и сужающихся к краям, а также уменьшающихся снизу доверху, и в размерах фигурок нижнего и верхнего фриза, повторяющих эту динамику. Поэтому также важно было соблюсти подобное соотношение и в высоте фризов — именно верхнего и нижнего, как наиболее атрактивных в композиции пекторали. Показательно, что проем нижнего фриза несколько больше верхнего и без использования бордюра, т. е. подобное соотношение задумывалось изначально. Однако визуально эта разница нивелируется и низу недостает именно некоторой «тяжести» по отношению к легкому верху. Дополнение нижнего фриза бордюром удачно решало эту проблему за счет его небольшого расширения по всей длине, а также наличия сплошной полосы, зрительно несколько утяжелявшей низ (рис. 3: 3—4).

Поэтому, если предположить, что бордюр в конструкции пекторали не был *задуман изначально*, а включен туда уже на стадии ее корректирования, то цепочка технических операций могла быть противоположной изложенной выше. Т. е., изготовив фигурки верхнего и нижнего фриза и ложновитые жгуты, и собрав вместе всю конструкцию еще до стадии пайки, мастер мог заметить описанную выше дисгармонию между верхним и нижним фризом. Незначительное увеличение проема фриза требовало в этом случае и изготовления нового комплекта его фигурок — соответственно, большего размера. Но мастер нашел другой выход, более простой и эффективный. Дополнение фриза бордюром удачно решало сразу две задачи: увеличение до желательных размеров высоты фриза с одной стороны, и сохранение необходимой высоты проема, соразмерной уже отлитым фигуркам. Таким образом, концы внешнего жгута были чуть разогнуты, к внутренней его стороне припаян бордюр, а затем и вся фигурная композиция между двумя жгутами. В этом случае, доминирующей причиной, обусловившей ис-

Рис. 4. Пектораль из Большой Близницы: 1 — лицевая сторона; 2 — оборотная сторона, фрагмент (Калашник 2014, с. 188, 193)

пользование бордюра, было стремление мастера к художественной гармонии пекторали.

Бордюры пекторали из Большой Близницы. Теперь интересно сравнить особенности использования близких бордюров в пекторали из Большой Близницы (рис. 4: 1—2). Сходство двух пекторалей из Толстой Могилы и Большой Близницы отмечали многие исследователи, указывая на разный уровень мастерства торевтов, изготовивших эти украшения. По общему мнению, таманскую пектораль отличает «большая грубость», меньшая «сложность исполнения и художественная ценность», «утонченность», «изящество», «совершенство техники» (Мозолевский 1972, с. 293; Мачинский 1978, с. 145; Манцевич 1980, с. 109; Савостина 1999, с. 201; Русяєва 2008, с. 523; Schwarzmaier 1996, S. 127—129; Jacobson 1995, p. 119; Fornasier 1997, S. 123—126; Williams 1998, p. 102). Подобная оценка справедлива по отношению буквально к каждой детали пекторали, в том числе и бордюрам, имеющим очень зримые отличия.

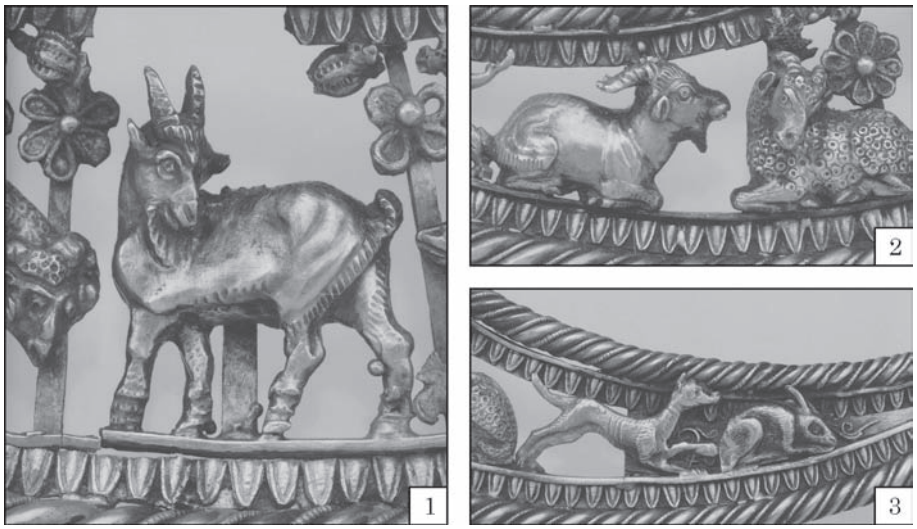


Рис. 5. Пектораль из Большой Близницы: 1—3 — фрагменты фриза с бордюрами (Калашник 2014, с. 191, 192)

Во-первых, таманская пектораль имеет два бордюра, которые обрамляют фигурную композицию и сверху, и снизу. Каждый из бордюров имеет Г-образный профиль, образованный двумя полосками — вверху гладкой горизонтальной, внизу — вертикальной полосой, украшенной рельефными заостренными книзу ионниками. Причем сзади горизонтальная и вертикальная полосы соединены заподлицо, а впереди горизонтальная полоса выступает небольшим бортиком. Одинаковая конструкция верхнего и нижнего бордюров обусловила различное их крепление к жгутам. Нижний бордюр припаян к жгуту вертикальной полосой, а на горизонтальной полосе расположены фигурки животных. Верхний бордюр, напротив, припаян к жгуту горизонтальной полосой. Отмеченные общие повреждения пектораль древнего происхождения (Калашник 2014, с. 189) коснулись и бордюров — отсутствует участок верхнего бордюра в центральной части (или же он намеренно удален, чтобы пространственно выделить центральную фигуру козла) (рис. 5: 1). Также местами разошлась пайка, и полосы бордюра покоробились. Бросается в глаза и очевидная разница рельефного орнамента из ионик на бордюрах двух пекторалей. На таманском украшении они более рельефные, но грубые и внешне не тождественны. Форма ионик остролистая, но между ними отсутствуют «стрелки».

Перед мастером пектораль из Большой Близницы также стояла задача обеспечения жесткости конструкции изделия, хотя, на первый взгляд и более легкая. Требовалось добиться неподвижности не четырех жгутов и трех изобразительных фризов, а всего лишь двух жгутов и одного фриза из фигур животных. Однако для решения этой задачи мастером был выбран другой путь. Если в пектораль из Толстой Могилы жесткость ажурных фризов обеспечивают соразмерные проему фигурки животных — разных видов и, соответственно, размеров, то использовать этот же прием в конструкции пектораль из Большой Близницы, соблюдая при этом пропорциональность представленных животных — баранов и козлов — невозможно. По мнению Ю. П. Калашника, «*благодаря мастерски продуманной композиции фигуры козлов и баранов, изображенных в естественных позах, не стеснены рамками фриза*» (2014, с. 189). Но подобная «нестесненность поз» потребовала, в свою очередь, для обеспечения жесткости пектораль создания довольно неказистой конструкции в виде припаянных к внутренней стороне бордюров 17 золотых полосок (рис. 4: 2). Эти же полоски служат и для крепления собственно большей части фигурок животных, 4-, 6- и 8-лепестковых розеток, листьев аканфа и коробочек мака, которыми частично скрыт мало эстетический вид самих полосок. И только крайние по обе стороны фриза фигурки лежащих козлов припаяны непосредственно к бордюрам (рис. 5: 2). Эту функцию могли исполнять и фигурки собак и зайцев на концах пектораль. Однако и здесь художник предпочел решить задачу иным способом, припаяв к бордюрам по углам фриза треугольные пластины, заметно ослабившие общее впечатление ажурности украшения в целом (рис. 5: 3).

Столь большое количество и разнообразие деталей (2 бордюра, 17 вертикальных полосок, 2 треугольные пластины) для обеспечения жесткости одноярусной пектораль может показаться неоправданно избыточным. Однако зримое стремление мастера к укреплению конструкции пектораль может найти объяснение, если обратить внимание на некоторые особенности устройства ее жгутов. В пектораль из Толстой Могилы четыре ложновитых жгута представлены монолитными полыми трубками (спаянными из двух частей каждая), что облегчало достижение жесткости конструкции изделия в целом. Но у жгутов пектораль из Большой Близницы иное устройство. Каждый из жгутов свит из трех отдельных проволок или

трубочек [1]. Как представляется, использование подобной техники не позволяло получить такой же жесткий жгут, как в случае с цельными полыми трубками. К этим выводам побуждают склониться наблюдения над некоторыми украшениями со жгутами, свитыми подобным образом.

В этой же технике были изготовлены жгуты двух браслетов из некрополя Пантикапея, неплотно сплетенные стержни которых разошлись, образовав в некоторых местах хорошо видимые просветы (Калашник 2014, с. 104). Из шести полых трубочек был свит жгут гривны со скифами-всадниками на концах из Куль-Обы, что было отмечено несколькими исследователями (Древности… 1854, с. 58; Петренко 1978, с. 46; Уильямс, Огден 1995, с. 137). В отличие от браслетов из пантикапейского некрополя, мастеру, изготовившему гривну, удалось достичь более качественного соединения сплетенных трубочек, которые плотно прилегают друг к другу, совершенно не образуя щелей. Однако, вероятно, именно подобная особенность конструкции предопределила своеобразную «подвижность», «гибкость», «упругость» гривны из Куль-Обы [2]. Параметры украшения могут изменяться в зависимости от ее положения, и, как результат, форма гривны может быть в одних случаях немного вытянута по горизонтали, в других — по вертикали, что заметно на фотографиях украшения в различных изданиях. С этим качеством гривны, вероятно, следует связывать и достаточно широкую вариативность ее параметром, приведенных различными исследователями — 34 × 26 см (Петренко 1978, с. 46); диаметр 25,8 см (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986, fig. 126; Jacobson 1995, p. 120); около 25 см (Schiltz 1994, S. 162); 26,6 × 24 см (Уильямс, Огден 1995, с. 137); длина 31,5 см (Алексеев 2012, с. 184).

Поэтому сделанные в такой же технике жгуты пекторали из Большой Близницы также могли обладать схожей подвижностью. Это и потребовало от мастера дополнительных мер для достижения необходимой жесткости не только общей конструкции, но еще и самих жгутов.

Выводы. Таким образом, несмотря на стилистическое сходство, бордюры двух пекторалей отличаются уровнем мастерства, устройством, а также своим функциональным назначением. Бордюр нижнего фриза пекторали из Толстой Могилы, уменьшая высоту просвета, обеспечивал оптимальное размещение скульптурных фигур между двумя жгутами фриза. А также визуально увеличивал ширину фриза, создавая более гармоничное соотношение размеров верхнего и нижнего фризов. Два бордюра пекторали из Большой Близницы, в сочетании с 17 поперечными полосками, являлись каркасом для крепления фигур фриза и обеспечивали неподвижность свитым из трех трубочек жгутам пекторали.

Столь разные подходы при создании базовых элементов в конструкции обеих пекторалей свидетельствуют о том, что, несмотря на общее внешнее сходство, эти украшения отличает не только больший или меньший уровень мастерства изготовивших их торевтов, но и использование ими различных конструктивных решений. Это, в свою очередь, говорит о том, что создавались обе пекторали не одним мастером (Уильямс, Огден 1995, с. 127; Русяєва 2008, с. 523; Полин 2014, с. 486) или мастерской (Алексеев 1987, с. 29, 30; Рудольф 1993, с. 88; Jacobson 1995, p. 119; Williams 1998, p. 103; Савостина 1999, с. 201; Themelis 2003, p. 165; Treister 2005, p. 62, 63), как считали многие исследователи, а различными ювелирами. Причем, если какие-то секреты технических приемов одного мастера были недоступны второму, то, вероятнее всего, и работали они в разных мастерских [3].

1. Техника изготовления этих жгутов специально не рассматривалась, но несколько исследователей в предельно лаконичной форме охарактеризовали их конструкцию, придя к совершенно разным выводам. Б. Н. Мозолевский увидел в них две пустотелые жгутовидные трубки (1979, с. 213). М. Ю. Трейстер определил их как «ложновитые трубки с бронзовым сердечником» (2010, с. 555). По мнению Ю. П. Калашника лунница пекторали была образована «двумя жгутами из перевитых проволок» (2014, с. 189). Наибольшего доверия заслуживает последнее определение, сделанное исследователем, близко знакомым с украшением. Совершенно отчетливое впечатление о конструкции жгутов именно из перевитых «проволок» или трубок производят и фотографии украшения. Особенно это заметно в местах отсутствия рубленой проволоки, имитирующей зернь и заполняющей спиральные желобки жгута. Подобную конструкцию жгутов — из перевитых проволок — подтвердила и научный сотрудник Отдела античного мира Государственного Эрмитажа А. В. Катцова, осмотревшая пектораль по моей просьбе, и которой я выражаю искреннюю признательность.
2. Об этом свойстве гривны из Куль-Обы мне сообщили заведующий Отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа А. Ю. Алексеев и А. В. Катцова, которым я признателен за внимание к моим просьбам.
3. По мнению М. Ю. Трейстера, исходя из предполагаемого А. Шварцмайер хронологического разрыва между двумя пекторалями (20-е годы IV в. до н. э. для украшения из Толстой Могилы и начало III в. до н. э. для пекторали из Большой Близницы), исследовательница полагала их изготовление разными мастерскими (2010, с. 555, 589, прим. 229). Следует все же заметить, что, несмотря на постоянный акцент на различии обоих пекторалей, проблема мастерских А. Шварцмайер в статье не затрагивалась (Schwarzmaier 1996, S. 127—129). Хронологический же разрыв, немного превышающий 20 лет (хоть и явно завышенных абсолютных дат), едва ли можно считать недостижимым даже для работ одного мастера, тем более мастерской.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 1987. Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н. э. *Советская археология*, 3, с. 28-39.

Алексеев, А. Ю. 2012. *Золото скифских царей из собрания Эрмитажа*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Безсонова, С. С. 1977. Образ собако-птаха у мистецтві Північного Причорномор'я скіфської епохи. *Археологія*, 23, с. 11-24.

Бессонова, С. С. 1983. *Религиозные представления скифов*. Киев: Наукова думка.

Бессонова, С. С. 1991. «Мужское» и «женское» в сакральной сфере скифов. В: Генинг, В. Ф. (ред.). *Духовная культура древних обществ на территории Украины*. Киев: Наукова думка, с. 84-96.

Бессонова, С. С., Раєвський, Д. С. 1977. Золота пластина із Сахнівки. *Археологія*, 21, с. 39-50.

Бессонова, С. С., Зимовец, Р. В., Скорый, С. А. 2016. Бронзовая матрица скифского времени в пойме р. Трубеж (предварительная публикация). *Археологія і давня історія України*, 2 (19), с. 189-205.

Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа. 1854. Санкт-Петербург, II.

Калашник, Ю. П. 2014. *Греческое золото в собрании Эрмитажа: Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Манцевич, А. П. 1980. Золотой нагрудник из Толстой Могилы. *Thracia Serdicae*, V, с. 97-120.

Мачинский, Д. А. 1980. Пекторали из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии. В: Луконин, В. Г. (ред.). *Культура Востока: Древность и раннее средневековье*. Ленинград: Аврора, с. 131-150.

Минасян, Р. С. 1991. Техника изготовления золотых и серебряных вещей из Чертомлыкского кургана. В: Алексеев, А. Ю., Мурзин, В. Ю., Ролле, Р. *Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э.* Киев: Наукова думка, с. 378-389.

Мозолевский, Б. Н. 1972. Курган Толстая Могила близ г. Орджоникидзе на Украине. *Советская археология*, 3, с. 268-308.

Мозолевський, Б. М. 1979. *Товста Могила*. Київ: Наукова думка.

Рудольф, В. 1993. Большая пектораль из Толстой Могилы: работа «чертомлыцкого мастера» и его школы. *Археологические вести*, 2, с. 85-90.

Петренко, В. Г. 1978. *Украшения Скифии VII—III вв до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 4-5.

Підвисоцька, О. П., Черняков, І. Т. 2002. Технологічні спостереження над середнім ярусом пекторалі із Товстої Могили. В: Клочко, Л. С. (ред.). *Музейні читання*. Матеріали наукової конференції, грудень 2001 р. Київ: МІКУ, с. 17-26.

Полин, С. В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н. э. на Херсонщине*. Киев: Издатель Олег Филюк.

Русяєва, М. 2008. Образотворче і вжиткове мистецтво. В: Скрипник, Г., Михайлова, Р., Забашта, Р. (ред.). *Історія українського мистецтва*, 1: Мистецтво первісної доби та стародавнього світу. Київ: ІМФЕ ім. М. Т. Рильського, с. 380-565.

Савостина, Е. А. 1999. Греческая торевтика на скифские темы: заметки о стиле скульптурного декора. В: Вахтина, М. Ю. (ред.). *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира*. Материалы международной научной конференции, декабрь 1999. Санкт-Петербург, с. 199-204.

Толочко, П. П. (ред.). 1991. *Золото степу. Археологія України*. Київ: Інститут археології Академії наук України, Шлезвіг: Археологічний музей.

Трейстер, М. Ю. 2010. Ювелирное дело и торевтика. В: Бонгард-Левин, Г. М., Кузнецов, В. Д. (ред.). *Античное наследие Кубани*. Москва: Наука, 2, с. 534-597.

Уильямс, Д., Огден, Д. 1995. *Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V—IV века до н. э.* Санкт-Петербург: Славия.

Черняков, І., Підвисоцька, О. 1999. Технологічні та художні особливості пекторалі з Товстої Могили. В: Ковтанюк, Н. Г. (ред.). *Музей на рубежі епох: минуле, сьогодення, перспективи*. Матеріали ювілейної міжнародної науково-практичної конференції. Київ, с. 77-78.

Curry, A. 2016. Rites of the Scythians. *Archaeology*, Juli—August, p. 26-32.

Dally, O. 2007. Skythische und graeco-skythische bildelemente im Nördlichen Schwarzmeerraum. In: Parzinger, H. (ed.). *Im Zeichen des goldenen Greifen*. Königsgräber der Skythen. München, Berlin, London, New York: Prestel, S. 291-298.

Firsov, K., Žuralev, D. 2007. Kul'-Oba, Kozel und Aksjutency: Fürstengräber zwischen Krim und Waldsteppe. In: Parzinger, H. (ed.). *Im Zeichen des goldenen Greifen*. Königsgräber der Skythen. München, Berlin, London, New York: Prestel, S. 276-290.

Fornasier, J. 1997. Das Pektorale aus der Tolstaja Mogila Vergleichende Untersuchungen zur Form und Funktion. In: Stähler, K. (ed.). *Zur graeco-skythischen Kunst*. Archlologisches Kolloquium Münster. Münster: Ugarit-Verlag, S. 119-146. Eikon, 4.

Jacobson, E. 1995. *The Art of the Scythians: the interpenetration of cultures at the edge of the Hellenic world*. Leiden, New York, Köln: E. J. Brill. Handbuch der Orientalistik, 2.

Piotrovsky, B., Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art. The legacy of the Scythian world: mid — 7th to 3rd century BC*. Leningrad: Aurora.

Reeder, E. D. (ed.). 1999. *Scythian gold. Treasures from ancient Ukraine*. New York: Harry N. Abrams, Inc.

Schiltz, V. 1994. *Die Skythen und andere Steppenvölker. 8. Jahrhundert v. Chr. bis 1. Jahrhundert n. Chr*. München: Verlag C. H. Beck.

Schiltz, V. (ed.). 2001. *L'Or des Amazones*. Peuples nomades entre Asie Europe VIe siecle av. J.-C. — IVe siecle apr. J.-C. Musee Cernuschi musee des Arts de l'Asie de la Ville de Paris. 16 mars — 15 juillet 2001. Paris: Editions Findakly.

Schwarzmaier, A. 1996. Die Gräber in der Grossen Blisniza und ihre Datierung. *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*, 111, S. 105-137.

Themelis, P. 2003. Macedonian dedications on the Akropolis. In: Palagia, O., Tracy, S. V. (ed.). *The Macedonians in Athens, 322—229 BC*: Proceedings of an International Conference held at the University of Athens, May 24—26, 2001. Oxford: Oxbow, p. 162-172.

Treister, M. 2005. Masters and Workshops of the Jewellery and Toreutics from Fourth-Century Scythian Burial-Mounds. In: Braund, D. (ed.). *Scythians and Greeks*. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC — first century AD). Exeter: University of Exeter Press, p. 56-63, 190-194.

Williams, D. 1998. Identifying Greek Jewelers Goldsmiths. In: Williams, D. (ed.). *The Art of the Greek Goldsmith*. London: British Museum Press, p. 99-104.

REFERENCES

Alekseyev, A. Yu. 1987. Zametki po khronologii skifskikh stepnykh drevnostey IV v. do n. e. *Sovetskaya arkheologiya*, 3, s. 28-39.

Alekseyev, A. Yu. 2012. *Zoloto skifskikh tsarey iz sobraniya Ermitazha*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennij Ermitazh.

Bezsonova, S. S. 1977. Obraz sobako-ptakha u mystetstvi Pivnichnoho Prychornomoria skifskoi epokhy. *Arkheolohiia*, 23, s. 11-24.

Bessonova, S. S. 1983. *Religioznyye predstavleniya skifov*. Kiev: Naukova dumka.

Bessonova, S. S. 1991. «Muzhskoye» i «zhenskoye» v sakralnoy sfere skifov. In: Gening, V. F. (ed.). *Dukhovnaya kultura drevnikh obshchestv na territorii Ukrainy*. Kiev: Naukova dumka, s. 84-96.

Bessonova, S. S., Raievskyi, D. S. 1977. Zolota plastyna iz Sakhnivky. *Arkheolohiia*, 21, s. 39-50.

Bessonova, S. S. Zimovets, R. V. Skoryy, S. A. 2016. Bronzovaya matritsa skifskogo vremeni v poyme r. Trubezh (predvaritelnaya publikatsiya). *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 2 (19), s. 189-205.

Drevnosti Bospora Kimmeriyskogo, khranyashchiyesya v imperatorskom muzeye Ermitazha. 1854. Sankt-Peterburg, II.

Kalashnik, Yu. P. 2014. *Grecheskoye zoloto v sobranii Ermitazha: Pamyatniki antichnogo yuvelirnogo iskusstva iz Severnogo Prichernomoria*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennij Ermitazh.

Mantsevich, A. P. 1980. Zolotoy nagrudnik iz Tolstoy Mogily. *Thracia Serdicae*, V, s. 97-120.

Machinskiy, D. A. 1980. Pektoral iz Tolstoy Mogily i velikiye zhenskiye bozhestva Skifii. In: Lukonin, V. G. (ed.). *Kultura Vostoka: Drevnost i ranneye srednevekovye*. Leningrad: Avrora, s. 131-150.

Minasyan, R. S. 1991. Tekhnika izgotovleniya zolotykh i serebryanykh veshchey iz Chertomlykskogo kurgana. In: Alekseyev, A. Yu., Murzin, V. Yu., Rolle, R. *Chertomlyk. Skifskiy tsarskiy kurgan IV v. do n. e.* Kiev: Naukova dumka, s. 378-389.

Mozolevskiy, B. N. 1972. Kurgan Tolstaya Mogila bliz g. Ordzhonikidze na Ukraine. *Sovetskaya arkheologiya*, 3, s. 268-308.

Mozolevskyi, B. M. 1979. *Tovsta Mohyla*. Kyiv: Naukova dumka.

Rudolf, V. 1993. Bolshaya pektoral iz Tolstoy Mogily: rabota «chertomlytskogo mastera» i ego shkoly. *Arkheologicheskiye vesti*, 2, s. 85-90.

Petrenko, V. G. 1978. *Ukrasheniya Skifii VII—III vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 4-5.

Pidvysotska, O. P., Cherniakov, I. T. 2002. Tekhnolohichni sposterezhennia nad serednim yarusom pektorali iz Tovstoi Mohyly. In: Klochko, L. S. (ed.). *Muzeini chytannia. Materialy naukovoi konferentsii, hruden 2001 r.* Kyiv: MIKU, s. 17-26.

Polin, S. V. 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyy mogilnik V—IV vv. do n. e. na Khersonshchine*. Kiev.

Rusiaieva, M. 2008. Obrazotvorche i vzhytkove mystetstvo. In: Skrypnyk, H., Mykhailova, R., Zabashta, R. (ed.). *Istoriia ukrainskoho mystetstva*, 1: Mystetstvo pervisnoi doby ta starodavnoho svitu. Kyiv: IMFE im. M. T. Rylskoho, s. 380-565.

Savostina, E. A. 1999. Grecheskaya torevtika na skifskiye temy: zametki o stile skulpturnogo dekora. In: Vakhtina, M. Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen: grecheskaya kultura na periferii antichnogo mira*. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. dekabr 1999. Sankt-Peterburg, s. 199-204.

Tolochko, P. P. (ed.). 1991. *Zoloto stepu. Arkheolohiia Ukrainy*. Kyiv: Instytut arkheolohii Akademii nauk Ukrainy, Shlezvih: Arkheolohichnyi muzei.

Treyster, M. Yu. 2010. Yuvelirnoye delo i torevtika. In: Bongard-Levin, G. M., Kuznetsov, V. D. (ed.). *Antichnoye naslediye Kubani*. Moskva: Nauka, 2, s. 534-597.

Uiliams, D., Ogden, D. 1995. *Grecheskoye zoloto. Yuvelirnoye iskusstvo klassicheskoy epokhi. V—IV veka do n. e.* Sankt-Peterburg: Slaviya.

Cherniakov, I., Pidvysotska, O. 1999. Tekhnolohichni ta khudozhni osoblyvosti pektorali z Tovstoi Mohyly. In: Kovtaniuk, N. H. (ed.). *Muzei na rubezhi epokh: mynule, sohodennia, perspektyvy*. Materialy yuvileinoi mizhnarodnoi naukovo-praktychnoi konferentsii. Kyiv, s. 77-78.

Curry, A. 2016. Rites of the Scythians. *Archaeology*, Juli—August, p. 26-32.

Dally, O. 2007. Skythische und graeco-skythische bildelemente im Nördlichen Schwarzmeerraum. In: Parzinger, H. (ed.). *Im Zeichen des goldenen Greifen*. Königsgräber der Skythen. München, Berlin, London, New York: Prestel, S. 291-298.

Firsov, K., Žuralev, D. 2007. Kul'-Oba, Kozel und Aksjutency: Fürstengräber zwischen Krim und Waldsteppe. In: Parzinger, H. (ed.). *Im Zeichen des goldenen Greifen*. Königsgräber der Skythen. München, Berlin, London, New York: Prestel, S. 276-290.

Fornasier, J. 1997. Das Pektorale aus der Tolstaja Mogila Vergleichende Untersuchungen zur Form und Funktion. In: Stähler, K. (ed.). *Zur graeco-skythischen Kunst*. Archlologisches Kolloquium Münster. Münster: Ugarit-Verlag, S. 119-146. Eikon, 4.

Jacobson, E. 1995. *The Art of the Scythians: the interpenetration of cultures at the edge of the Hellenic world*. Leiden, New York, Köln: E. J. Brill. Handbuch der Orientalistik, 2.

Piotrovsky, B., Galanina, L., Grach, N. 1986. *Scythian Art*. The legacy of the Scythian world: mid — 7th to 3rd century BC. Leningrad: Aurora.

Reeder, E. D. (ed.). 1999. *Scythian gold. Treasures from ancient Ukraine*. New York: Harry N. Abrams, Inc.

Schiltz, V. 1994. *Die Skythen und andere Steppenvölker. 8. Jahrhundert v. Chr. bis 1. Jahrhundert n. Chr*. München: Verlag C. H. Beck.

Schiltz, V. (ed.). 2001. *L'Or des Amazones*. Peuples nomades entre Asie Europe VIe siecle av. J.-C. — IVe siecle apr. J.-C. Musee Cernuschi musee des Arts de l'Asie de la Ville de Paris. 16 mars — 15 juillet 2001. Paris: Editions Findakly.

Schwarzmaier, A. 1996. Die Gräber in der Grossen Blisniza und ihre Datierung. *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*, 111, S. 105-137.

Themelis, P. 2003. Macedonian dedications on the Akropolis. In: Palagia, O., Tracy, S. V. (ed.). *The Macedonians in Athens, 322—229 BC*: Proceedings of an International Conference held at the University of Athens, May 24—26, 2001. Oxford: Oxbow, p. 162-172.

Treister, M. 2005. Masters and Workshops of the Jewellery and Toreutics from Fourth-Century Scythian Burial-Mounds. In: Braund, D. (ed.). *Scythians and Greeks*. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC — first century AD). Exeter: University of Exeter Press, p. 56-63, 190-194.

Williams, D. 1998. Identifying Greek Jewelers Goldsmiths. In: Williams, D. (ed.). *The Art of the Greek Goldsmith*. London: British Museum Press, p. 99-104.

L. I. Babenko

ABOUT THE BORDERS OF PECTORALS FROM THE TOLSTAYA MOGILA AND THE BOLSHAYA BLIZNITSA

Foreword. In the construction of the pectorals from the Tolstaya Mogila and the Bolshaya Bliznitsa the border were used, that edged the frame figure composition on one or both sides. Despite stylistic likeliness (egg-and-dart ornamentation), the borders differ in structure, skill level, and their functional intended purpose.

The border of pectoral from the Tolstaya Mogila. The lower frieze border of the pectoral from the Tolstaya Mogila narrowed the gap height at the whole length by 4 mm, which provided optimal disposition of sculpture figures between two frieze binders. And also it visually enlarged the frieze width, promoting for more harmonic balance of the upper and lower friezes. The border of pectoral from the Bolshaya Bliznitsa. Two borders, that edged the figure composition of the pectoral from the Bolshaya Bliznitsa, when combined with 17 transverse strips, served as a framework for frieze figures bracing. They also ensured better immobility for pectoral binders that are laid of three ducts.

Conclusions. Usage of different design solutions in pectorals construction can evidence for their manufacture in different workshops.

Keywords: Scythians, pectoral, the Tolstaya Mogila, the Bolshaya Bliznitsa, toreutics, border.

Одержано 26.01.2018.

БАБЕНКО Леонід Іванович, старший науковий співробітник, Харківський історичний музей імені М. Ф. Сумцова, вул. Університетська, 5, Харків, 61003, Україна, *babenkolnd@gmail.com*.

BABENKO Leonid Ivanovich, Senior Researcher, M. F. Sumtsov Kharkiv Historical Museum, Universytetska str. 5, Kharkiv, 61003, Ukraine, *babenkolnd@gmail.com*.

УДК: 904.4(470.62)”6383”

М. Ю. Вахтина

ОБ УСТРОЙСТВЕ КАМЕННОЙ ГРОБНИЦЫ В КУРГАНЕ КАРАГОДЕУАШХ

Статья посвящена особенностям планировки каменной гробницы, открытой в 1888 г. в кургане Карагодеуашх в Прикубанье. В устройстве гробницы, как и в ее вещевом комплексе, нашли отражение основные «векторы» контактов элиты Боспора и тесно связанной с ней варварской аристократии.

Ключевые слова: *курган Карагодеуашх, гробница, погребальный инвентарь, греки, варвары, культурные контакты.*

Курган Карагодеуашх в Прикубанье (современный г. Крымск, Краснодарский край) был исследован в 1888 г. Е. Д. Фелицыным. Обнаруженная под его насыпью гробница, содержавшая мужское и женское захоронения, относится к замечательным памятникам туземного населения Северного Причерноморья скифской эпохи. Обычно ее интерпретируют как «богатое» погребение представителей синдо-меотской аристократии. В отличие от многих захоронений региона, гробница Карагодеуашха была обнаружена неразграбленной. Вещевой комплекс ее датируется в пределах 340—315 гг. до н. э. Таким образом, Карагодеуашх принадлежит к той же хронологической группе, что и Чертомлык (центральное погребение), Куль-Оба, Огуз, Мелитопольский курган, Козел и некоторые другие элитные курганы региона (Алексеев 2003, с. 277).

Памятник был издан в 1894 г. А. С. Лапо-Данилевским и В. К. Мальмбергом на основе отчета о раскопках (Фелицын 1886), хранящегося в Научном архиве ИИМК РАН в Санкт-Петербурге. До сих пор эта монография остается единственным исследованием, где конструкция гробницы Карагодеуашха и найденные в ней вещи рассмотрены подробно, хотя отдельные предметы из этого комплекса прекрасно известны исследователям.

На момент раскопок высота кургана достигала 10,5 м, диаметр основания его насыпи — 204,5 м. Под насыпью была обнаружена каменная гробница, состоящая из трех погребальных камер, расположенных по линии запад—восток, и «галереи» (рис. 1). Гробница размещалась в западной части насыпи, причем женская погребальная камера, несколько уступавшая по размерам всем остальным, занимала крайнее западное положение. Вход в эту камеру, имевший арочное завершение, был оформлен несколько иначе, по сравнению с входами в другие помещения (в остальных случаях входные отверстия имели прямоугольную форму). Общая длина гробницы составляла около 62 м. Полы всех помещений располагались на одном уровне, что позволило предположить, что гробница была возведена единовременно. Вход находился с западной стороны, все помещения были соединены проходами. Стены гробницы были оштукатурены и раскрашены: сохранились упоминания об остатках росписи и кусках цветной штукатурки, которые были найдены во внутренних помещениях. К сожалению, в целом осталось неясным, какого характера была роспись.

Форма гробницы, состоящей из четырех сообщающихся помещений, заслуживает особого внимания. Такое устройство не находит никаких параллелей в туземном мире Северного Причерноморья позднеклассического и эллинистического времени. Сложно, например, связать планировку подкурганного склепа Карагодеуашха с традицией Семибратних курганов или же классических «царских» скифских гробниц. Для аристократических усыпальниц

© М. Ю. ВАХТИНА, 2018

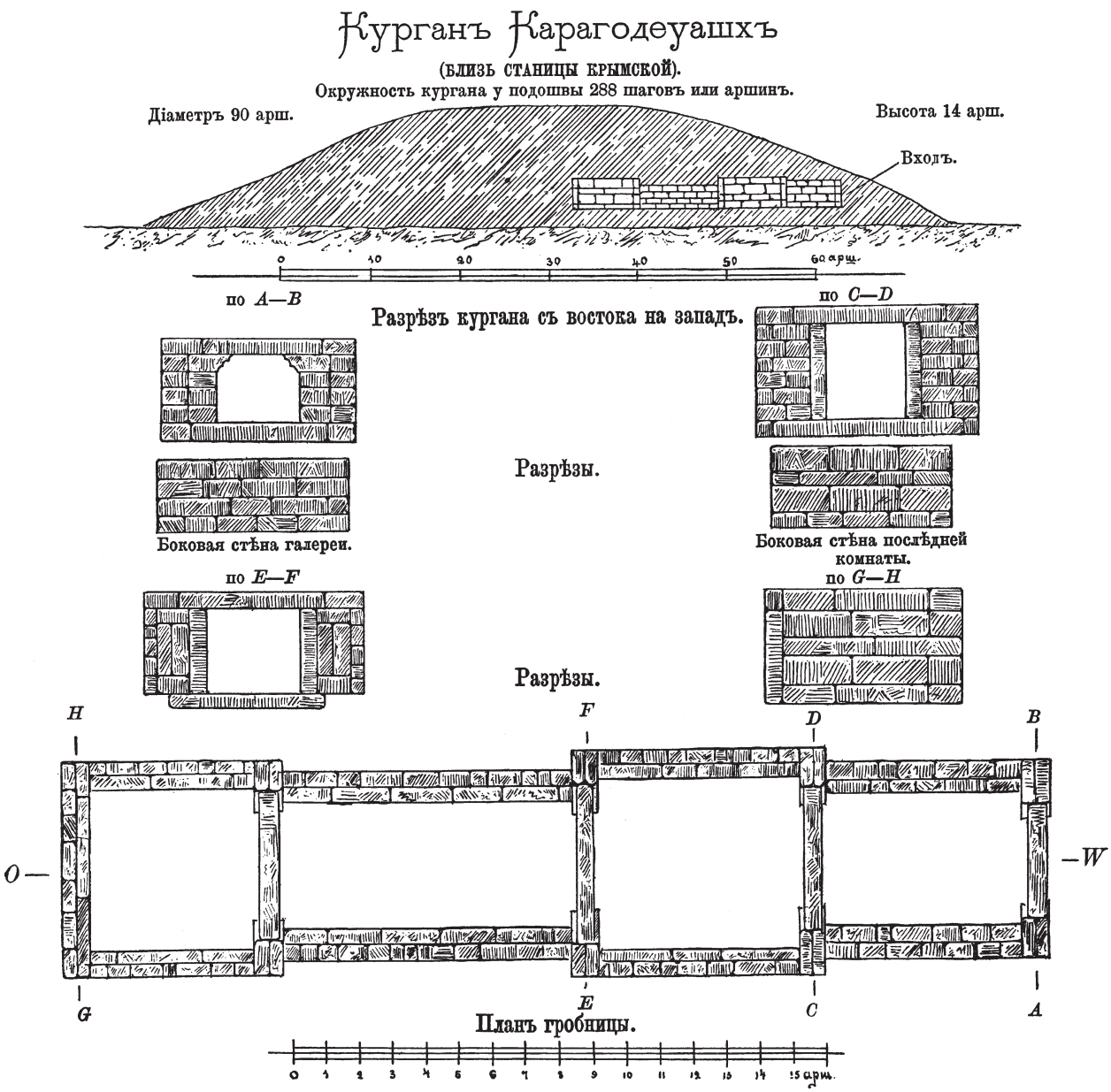


Рис. 1. Курган Карагодеуашх (по Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894)

Боспора IV в. до н. э. такое устройство также в целом не характерно, хотя отдельные случаи погребальных сооружений, где как бы «намечены» дополнительные помещения, здесь зафиксированы. Так, Ю. А. Виноградов отметил возможное присутствие таких помещений в конструкции Золотого кургана в некрополе Юз-Оба (Виноградов 2017, с. 157). Ближайшие параллели гробнице Карагодеуашха можно найти в более западных регионах, прежде всего, на территории древней Фракии. Тип подкурганной гробницы, имевшей сложную планировку, был распространен здесь во второй половине IV—III вв. до н. э. (Rousseva 2000, p. 45—51). По типологии болгарской исследовательницы Ю. Валевой, разработанной для погребальных сооружений фракийской аристократии, гробницу Карагодеуашха, состоящую из соединенных между собой помещений, можно отнести к анфиладному типу; она близка анфиладным гробницам, имевшим прямоугольную форму помещений (тип IABBD-E) (Вълева 2013, с. 39). В качестве наиболее близких параллелей гробнице в кургане Карагодеуашх можно привести, например, гробницы в курганах Маглиж (Вълева 2013, рис. 19), Попова Могила, Большая Косматка (Китов 2005, с. 39, рис. 47; с. 69, рис. 101) на территории современной Болгарии (рис. 2). В IV в. до н. э. стены таких гробниц часто расписывались, как, например, стены гробниц в Калояново и Маглиже (Вълева 1999, с. 70—71). Полагают, что эта черта, как и другие особенности конструкции, планировки, технические приемы, используемые при возведении, сближают гробницы фракийской элиты с аристократическими погребениями Греции (Вълева 1999, с. 71—72; Кисьов 2005, с. 112). Известно, что стены гробницы в Кара-

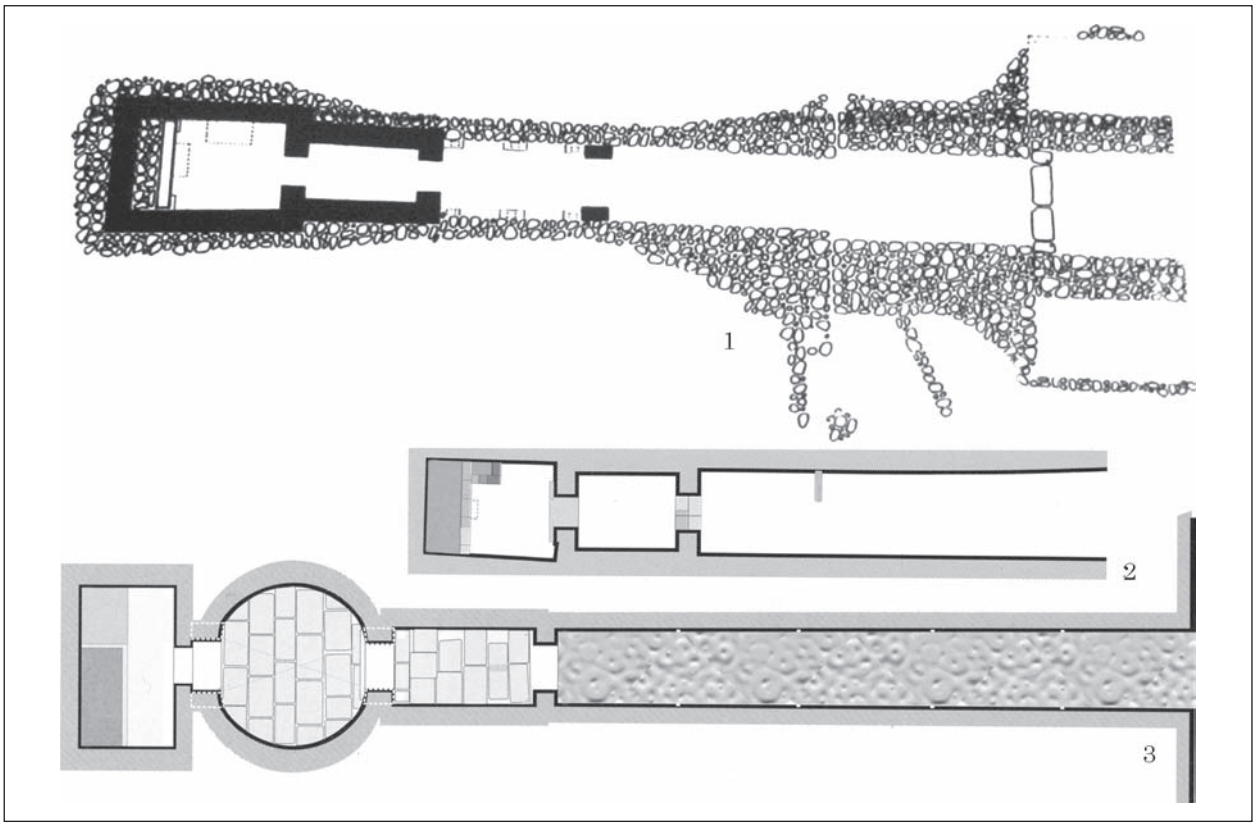


Рис. 2. Схематические планы склепов фракийских гробниц: 1 — Маглиж (по Вълева 2013); 2 — Попова Могила (по Китов 2005); 3 — Большая Косматка (по Китов 2005)

годеуашхе также были оштукатурены и имели роспись. На момент раскопок лучше всего она сохранилась на стенах «галереи» — третьей от входа камеры, где были обнаружены «… следы фрескового орнамента, которым в виде бордюра, полосами от верху до низу, были обведены верхние и нижние края стен и наружные поверхности дверей. На правой стороне, немедленно вслед за производством раскопок, можно было еще увидеть изображение пасущегося оленя с большими ветвистыми рогами и опущенной головой» (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894, с. 9). Есть основания предполагать, что склеп Золотого кургана, упомянутый выше, также был оштукатурен и раскрашен: покрытие стен, вероятно, имело красный цвет, а покрытие купола — синий, имитирующий цвет небесного свода (Виноградов 2017, с. 157).

М. Ю. Трейстер в свое время обратил внимание на ряд вещей из Карагодеуашха, отражающих связи с западным, фрако-македонским миром (Трейстер 2002). К таким предметам он отнес серебряные и бронзовые сосуды и их фрагменты, обнаруженные в мужской и женской погребальных камерах, а также золотые пластинчатые браслеты и подвески «типа Кимы» из женского захоронения (Трейстер 2002, с. 180—183). Конечно, самой выразительной находкой из кургана Карагодеуашх, свидетельствующей о контактах между Северной Грецией и Северным Причерноморьем в IV в. до н. э. остается фрагментированная обкладка горита (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894, табл. IX; Jacobson 1995, p. 228—230) изготовленная в тех же матрицах, что и золотая обкладка горита, найденная в Вергине, в гробнице, предположительно принадлежавшей Филиппу II (Andronicos 1984, p. 180—186, fig. 146—149).Традиционно полагают, что такие обкладки изготавливали в мастерских Боспора. М. Андроникос считает, что обкладка горита была изготовлена на Боспоре и могла попасть в Македонию как военный трофей после поражения, нанесенного в 339 г. до н. э. в Добрудже войском Филиппа II армии скифского царя Атея (1984, p. 186). М. Ю. Трейстер, напротив, предположил, что обкладка горита, найденная в Каагодеуашхе, могла быть изготовлена в македонской мастерской и, «будучи частью дара, включающего металлические сосуды и ювелирные изделия, попала к одному из царей племен, проживавших на границах Боспора, предположительно, царю племени фатеев» (Трейстер 2002, с. 184). Добавим, что, на наш взгляд, вполне возможен и иной вариант развития событий: обкладка парадного горита, обнаруженная в гробнице в Вергине, могла попасть в Македонию и как дипломатический дар правителей Боспорского государства. Упомянутые же выше металлические сосуды и украшения, обнаруженные в Карагодеуашхе, отражающие «фрако-македонский» вектор кон-

тактов Боспора, были доставлены в Причерноморье «независимо» от нее.

Это важнейшее направление культурных связей Боспора последней трети IV в. до н. э. нашло отражение и в памятниках элиты этого уникального государственного образования. Так, например, дворец Спартокидов в Пантикапее, который начал возводиться при Перисаде I (349/348—311/310 гг. до н. э.), принадлежал к типу дворцовых построек, широко распространенному в эллинистическом мире и восходящего к македонской традиции (Толстиков 2017, с. 79—82, рис. 56). Общеизвестно, что культура аристократической верхушки варварских племен Азиатского Боспора во второй половине IV в. до н. э. поддерживала тесную связь с греческими центрами региона. Варварская элита получала от греков не только предметы роскоши (в изобилии представленные как в гробнице Карагодеуашха, так и в других погребальных памятниках региона), но и, вероятно, воспринимала достаточно широкий спектр «античных» импульсов. Основные «векторы контактов» Боспора эллинистического времени, по-видимому, нашли отражение не только в вещевом комплексе, но и в конструкции склепа в кургане Карагодеуашх, для возведения которого, скорее всего, был приглашен боспорский архитектор.

Возвращаясь к планировке этой гробницы, напомним, что она состояла из четырех помещений. Вход в гробницу вел с запада, западная камера содержала женское захоронение. Вторая камера, отличавшаяся «более тщательной архитектурной отделкой, чем первая» (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894, с. 9), была гораздо беднее находками — лишь у входа в нее были обнаружены обломки амфоры. В третьем помещении, которое называют галереей, у левой боковой стены были найдены лошадиные кости, железные и бронзовые детали конской упряжи. Последнее, восточное помещение, содержало погребение мужчины.

Рассматривая планировку гробницы, содержавшей погребения «царя» и «царицы», можно высказать предположение о том, что ее сакральное пространство могло мыслиться состоящим из двух частей или зон. Западная часть (две первые камеры) могли принадлежать «женскому» пространству склепа, а восточная (две последние камеры) — «мужскому». Тогда условная граница между этими двумя зонами может быть проведена по линии E—F на плане (рис. 1). Крайние западное и восточное помещения склепа, содержавшие погребения, были отделены камерами, которые условно можно назвать дромосами («женским» и «мужским»), примыкавшими друг к другу (Шауб 2017, с. 315). О принадлежности помещения перед мужской гробницей к погребению «царя», вероятно, свидетельствует также обнаруженное там захоронение коня (или коней).

Как известно, кости нескольких лошадей и остатки колесницы были найдены в первом, самом западном помещении гробницы, содержавшем женское захоронение. Согласно данным, приведенным в обобщающей работе С. С. Бессоновой, посвященной находками погребальных повозок в курганах Северного Причерноморья скифской эпохи, в большинстве известных случаев повозки были зафиксированы вне погребений, в ямах в насыпи курганов, или же во входных ямах перед входом в дромос (Бессонова 1982, с. 105—106). В Прикубанских курганах остатки повозок были обнаружены на древнем горизонте у края могильной ямы, в дромосе склепа, на уступе могильной ямы (Там же, с. 107). Похоже, помещение колесницы с лошадьми в единое пространство с человеческим захоронением, как это было сделано в кургане Карагодеуашх, является достаточно редким, а, возможно, и единичным случаем. Казалось бы, особенно если мы вспомним о крайне немногочисленном инвентаре следующего, примыкавшего к первому, помещения, представленному обломками амфоры, в гробнице было достаточно места для того, чтобы расположить погребальную повозку. Вероятно, то, что ее поместили непосредственно в помещении, содержавшем захоронение «царицы», диктовалось требованиями сложного погребального ритуала, о котором мы можем судить лишь гипотетически.

Возможно, какие-то элементы этого ритуала отражены в системе декора треугольной пластины, некогда украшавшей головной убор погребенной женщины (рис. 3). В круге изделий т. н. греко-скифской торевтики, в композиции которых присутствуют женские изображения, эта вещь является самой сложной композиционно (и, вероятно, семантически). Наиболее подробный анализ системы декора на пластине из Карагодеуашха был предложен в монографии С. С. Бессоновой (1983, с. 106—111), хотя, конечно, вещь эта неизменно привлекала и продолжает привлекать внимание исследователей [1]. Ученые часто обращали внимание на «дублирование» некоторых элементов, представленных в сценах на пластине, и инвентаре женского погребения. Так, женщина, представленная на нижнем фризе пластины, имеет головной убор, подобный тому, который был на погребенной «царице». Обращают внимание и на колесницу на среднем фризе пластины.

Изображения на ней, как и на многих других предметах греко-скифской торевтики, помещены в трех поясах, очевидно, отражающих представления о трех зонах мироздания, существо-

1. Приведем здесь лишь некоторые работы: Ростовцев 1913, с. 9—16; Артамонов 1961, с. 59—60; Манцевич 1964; Савостина 1995; Ustinova 1999, p. 123—128; Вахтина 2009; Шауб 2007, с. 84—85; 100—101; 2017, с. 312—314.

Рис. 3. Золотая треугольная пластина из женского погребения (с негатива ФО НА ИИМК РАН № 0 1525-38)

вавшие в идеологии скифского мира, которые часто воплощались в троичных структурах (Мачинский 1978 с. 240; Бессонова 1983, с. 108; Раевский 1985, с. 190). Композиция нижнего фриза, вероятно, была самой значимой в системе декора (Бессонова 1983, с. 109). Не ставя перед собой задачу подробного анализа системы изображений, украшавших пластину, отметим, что нам близки представления А. П. Манцевич и Е. А. Савостиной, видевших в фигурах верхнего и среднего фризов изображения женщин. Вполне возможно, что на всех трех фризах пластины изображена одна и та же женщина.

Женщина на нижнем фризе, восседает в центре композиции. Она одета в «скифские» одежды — на голове у нее остроконечный головной убор и покрывало. Венчает этот убор треугольная пластина, аналогичная той, которая была обнаружена в погребении. Вполне вероятно, что на похороненной здесь женщине был наряд, подобный тому, в который облачено женское божество на нижнем фризе. На изображенной пластине можно разглядеть рельефные выступы и полосы; возможно, она также мыслилась покрытой каким-то декором. Женщина неподвижно восседает в центре композиции, в кругу персонажей, явно занимающих по отношению к ней подчиненное положение.

Ритуальный характер сцен, изображенных на пластине, никогда не вызывал сомнения у исследователей. М. И. Ростовцев видел в композиции нижнего фриза сцену адорации или же вручения богиней власти молодому скифскому «царю», державшему в руках ритон (1913, с. 14—15). Эта трактовка позже нашла поддержку и у других ученых (Артамонов 1961, с. 64; Блаватский 1964, с. 29). А. П. Манцевич, сравнивая изображения на пластине с настенной росписью гробницы III в. до н. э. в Казанлыке, пришла к заключению, что сцена на нижнем фризе представляет собой погребальную трапезу умерших, а все изображения соотносятся с идеей апофеоза умершего (1964, с. 135—138). С. С. Бессонова, полагала, что мужские персонажи нижнего фриза сопоставимы с греческими Диоскурами, а всю сцену считала изображением священного брака (1983, с. 109—110).

Е. А. Савостина подошла к анализу системы изображений с точки зрения представлений о переходе человека в другой мир (и иное состояние) после смерти, существовавших в греческом (добавим, и в туземном) мире и нашедших воплощение на некоторых изобразительных памятниках (1995, с. 115—117). Эта гипотеза дает возможность связать в единый «рассказ» сцены, представленные на всех трех фризах. Согласно гипотезе Е. А. Савостиной, на верхнем фризе умершая предстает, как бы, в состоянии готовности для перехода в иной мир, сцена на среднем — отражает сам момент перехода, связанный с движением на колеснице. Нижний фриз соотнесен исследовательницей с хтоническим, загробным миром. Сидящая здесь в спокойной, иератической позе женщина изображает умершую в роли богини, занявшей достойное место в своем новом существовании. Отметим, что ее «движение» в мире смерти и преображение в

«жизни после жизни», возможно, представленные на треугольной пластине, на наш взгляд, логичнее рассматривать не в последовательности «сверху вниз», а «снизу вверх». При таком подходе сцену на нижнем фризе следует трактовать как «предсмертное» изображение, фигуру же верхнего фриза вполне можно рассматривать как апофеоз умершей. Развитие сюжета «снизу вверх» кажется более логичным, исходя из самой формы вещи — пластина резко сужается в верхней части, имеет как бы форму горы. С. С. Бессонова справедливо отметила, что «сама треугольная форма пластины может означать гору (эквивалент мирового дерева). В различных мифологических системах треугольник символизировал, наряду с тремя космическими зонами, также триаду жизнь — смерть — новая жизнь» (1983, с. 108). То, что на головном уборе погребенной женщины она занимала вертикальное положение, подтверждается как положением вещи в могиле, так и изображением аналогичного (или близкого по типу) убора на голове женщины, восседающей на нижнем фризе. Верхняя фигура, стоящая неподвижно на самом верху, представляется завершением всей композиции, которая, сужаясь, как бы «сводится» к этому изображению.

Если женские фигуры на верхних фризах носят греческую одежду, то на нижнем фризе женщина / женское божество облачена в «туземный» наряд. Очевидно, в таком или подобном облачении она и была положена в могилу, откуда, возможно, по представлениям, распространенным в туземном обществе, должна была начать движение в «жизнь после смерти».

С одной стороны, высокая степень эллинизации женского погребального комплекса Карагодеуашха, очевидно, отражала вкусы и обычаи местной аристократии. Возможно, похороненная здесь женщина и при жизни обладала греческими украшениями и предметами роскоши. Однако, окружив ее целым рядом таких предметов и после смерти, погребли ее, вероятнее всего, в «национальной» одежде, в головном уборе, подобном изображенному на пластине, и с золотой гривной на шее, свидетельствующей о ее принадлежности к местной элите. Именно в таком облачении она, очевидно, и должна была «пуститься в путь». Женский образ, представленный на золотой пластине и женщина, погребенная в кургане явно были близко соотнесены, а, возможно, и сливались в глазах заказчиков вещи в единое целое. По справедливому замечанию Ю. А. Виноградова, женский комплекс Карагодеуашха вполне можно рассматривать как повесть о земном и сакральном пути и назначении женщины в местном обществе.

Как отдаленную аналогию системе изображений на золотой треугольной пластине можно рассматривать композицию, представленную на античной стеле Юлии-Гекаты (рис. 4) из

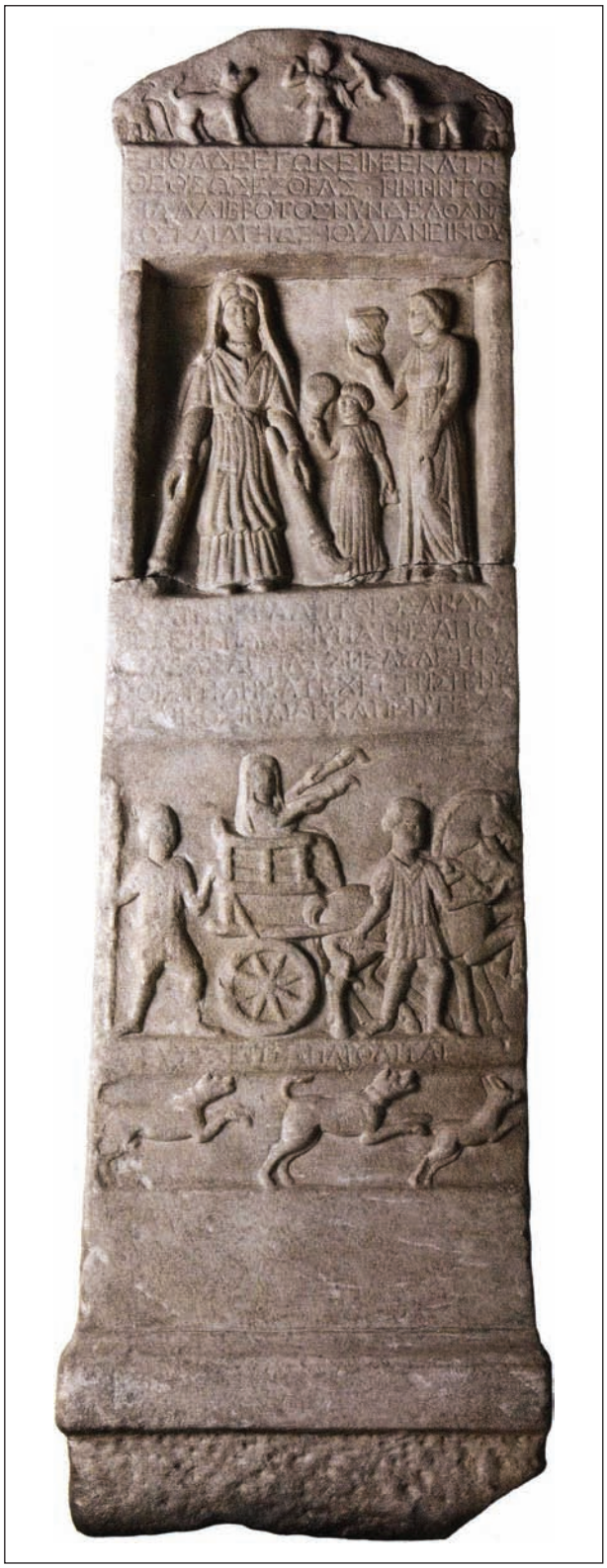


Рис. 4. Надгробие Юлии-Гекаты (по Kiyashkina et al. 2012)

Археологического музея г. Несебр в Болгарии (Kiyashkina et al. 2012, p. 78, no. 41). Памятник относится ко II в. до н. э. Из надписи следует, что стела посвящена Юлии (Гекате в жизни-после-жизни), дочери знатного гражданина Мессамбрии, которая некогда была смертной,

но обрела бессмертие. На одном из фризов она изображена с двумя факелами, очевидно, готовясь к путешествию-переходу в иной мир, а ниже — совершающей это путешествие на колеснице.

Существует достаточно обоснованное предположение, что фракийские гробницы могли неоднократно использоваться и посещаться для совершения ритуальных действий, связанных с идеями обретения власти, бессмертия, жизни после смерти (см. напр.: Rabadjiev 2016, p. 289—291; Маразов 2007, с. 30 сл.). Как мы пытались показать, устройство склепа в кургане Карагодеуашх демонстрирует близость склепам анфиладного типа, достаточно распространенным в погребальных комплексах фракийской элиты, однако, остается совершенно неясным, можно ли предполагать для него нечто подобное. О круге идей и ритуалов, с ним соотнесенных, мы, конечно, можем судить очень предположительно. Можно, например, отметить, что в комплексе кургана, где достаточно отчетливо «читаются» оппозиции «мужское» — «женское», «восток» — «запад», нашли отражение идеи и представления, присущие многим обществам древности, такие как идея «священного брака» (Виноградов 1993), «жизни после жизни» и многие другие. Вещи, обнаруженные в погребениях, на наш взгляд, безусловно, подразумевали идею «движения к вечной жизни». Исходя из расположения гробницы в западной части кургана, наличия входа с западной ее стороны и других соображений, это движение могло мыслиться только в направлении с востока на запад. Если это допущение справедливо, оно, вероятно, могло бы служить одним из объяснений именно такого распределения «транспортных средств»: коня / коней с упряжью поместили в камере, примыкавшей с запада к мужской усыпальнице, а погребальную колесницу — в крайней западной камере, рядом с женским погребением. Помещение колесницы и лошадей, предназначавшихся женщине, в соседнюю камеру, примыкавшую с востока, противоречило бы идее движения в западном направлении.

Комплексы погребений Карагодеуашха, яркие и интересные сами по себе, позволяют приближаться к пониманию целого ряда проблем, связанных с культурой эллинизированной варварской элиты Северного Причерноморья. Материалы эти еще не до конца оценены исследователями и, как и многие памятники из раскопок Императорской Археологической Комиссии, ждут полной и полноценной публикации.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Артамонов, М. И. 1961. Антропоморфные божества в религии скифов. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 2, с. 57-87.

Бессонова, С. С. 1982. О скифских повозках. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Древности степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 102-117.

Бессонова, С. С. 1983. *Религиозные представления скифов*. Киев: Наукова думка.

Блаватский, В. Д. 1964. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (IV в. до н. э. — III в. н. э.). *Советская археология*, 4, с. 25-35.

Вахтина, М. Ю. 2009. О композиции на золотой треугольной пластине из женского погребения кургана Карагодеуашх. В: Марченко, И. И. (ред.) *Материалы V Кубанской археологической конференции*. Тезисы и доклады. Краснодар, с. 39-43.

Вълева, Ю. 2013. *Типология на Тракеиските монументални градени гробници (V—III в. пр. н. е.)*. София: Марс-09.

Виноградов, Ю. А. 1993. О ритонах кургана Карагодеуашх. *Петербургский археологический вестник*, 6, с. 66-71.

Виноградов, Ю. А. 2017. Культура боспорской элиты при Спартокидах. *Боспорские исследования*, 34, с. 112-223.

Кисьов, К. 2005. *Тракия и Гърция в древността*, 1: Могилни гробници от класическата епоха в община Калояново. Пловдив: Автоспектар.

Китов, Г. 2005. *Долината на тракийските владетели*. Варна: Славена.

Лаппо-Данилевский, А. С., Мальмберг, В. К. 1894. *Древности Южной России. Курган Карагодеуашх*. Санкт-Петербург. Материалы по археологии России, 13.

Манцевич, А. П. 1964. О пластине из кургана Карагодеуашх. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 6, с. 128-138.

Маразов, И. 2007. *Между Медузой и Гелиосом*. София: Национальный музей болгарской книги и полиграфии.

Мачинский, Д. А. 1978. Пекторали из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии. В: Луконин, В. Г. (ред.). *Культуры Востока. Древность и средневековье*. Ленинград: Аврора, с. 131-150.

Раевский, Д. С. 1985. *Модель мира скифской культуры*. Москва: Наука.

Савостина, Е. А. 1995. Тема надгробной стелы из Трехбратнего кургана в контексте античного мифа. *Историко-археологический альманах*, 1, с. 110-119.

Толстиков, В. П. 2017. Очерк градостроительной истории центрального района Пантикапея. В: Кузнецов, В. Д., Толстиков, В. П. (ред.). *Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства*. Москва: ГМИИ, с. 69-83.

Трейстер, М. Ю. 2002. Металлические сосуды из Зеленского кургана и некоторые находки из Карагодеуашха (к вопросу о контактах Северной Греции и Боспора во второй половине IV в. до н. э. В: Зуев, В. Ю. (ред.). *Материалы международной научной конференции «Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища»*, 2. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 180-186.

Шауб, И. Ю. 2007. *Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII—IV вв. до н. э.)*. Санкт-Петербург: СПбУ.

Шауб, И. Ю. 2017. Боспорское жречество. *Боспорские исследования*, 34, с. 288-324.

Фелицын, Е. Д. 1886. Отчет о раскопках в Кубанской области. В: *Об археологических раскопках Е. Д.*

Фелицина в Кубанской области. Научный архив ИИМК РАН, ф. 1, 16/1886.

Andronicos, M. 1984. *Vergina. The Royal Tombs and the Ancient City*, Athens: Ekdotike Athenon.

Kiyashkina, P., Bozkova, A., Marvakov, T., Ushev, D., Delev, P., 2012. *A Guide to the Collections of the Archaeological Museum of Nessebar*. Plovdiv: Vessela Publishers.

Jacobson, E. 1995. *The Art of the Scythians*. Leiden, New-York, Köln: E. J. Brill.

Rabadjiev, K. 2016. The Thracian Tomb as Ritual Space of Beyond. In: Henry, Ol., Kelp, Ut. (eds.). *Thumulus as Sema. Space, Politics, Culture and Religion in the First Millennium BC*. Berlin, Boston: De Gruyter, 1, p. 281-312.

Rousseva, M., 2000. *Thracian Cult Architecture in Bulgaria*. Jambol: Ja.

Valeva, Ju. 1999. Les decors Thraces et le style a zones (IVe—IIIe siecle av. J.-C.). *Проблеми на искуството*, 4, p. 69-75.

Ustinova, Ju. 1999. *The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom*. Leiden, Boston, Köln: E. J. Brill.

REFERENCES

Alekseev, A. Ju. 2003. *Khronografia Evropeiskoi Skifii*, Sankt-Peterburg: Gosudartvennij Ermitazh.

Artamonov, M. I. 1961. Antropomorfnye bozhestva v religii skifov. *Arkheologichesky sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 2, s. 57-87.

Bessonova, S. S. 1982. O skifskikh povozkakh. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Drevnosti stepony Skifii*. Kiev: Naukova dumka, s. 102-117.

Bessonova, S. S. 1983. *Religioznye predstavlenia skifov*. Kiev: Naukova dumka.

Blavatsky, V. D. 1964. Vozdeistvie antichnoy kultury na strany Severnogo Prichernomoria (IV v. do n. e. — III v. n. e.). *Sovetskaya arkheologia*, 4, s. 25-35.

Vakhtina, M.Ju. 2009. O kompozicii na zolotoi treugolnoi plastine iz zhenskogo pogrebenya kurgana Karagodeuashkh. In: Marchenko, I. I. (ed.) *Materialy V Kubanskoy arkheologicheskoy konferencii*. Tezisy i doklady. Krasnodar, s. 39-43.

Valeva, Ju. 2013. *Typologia na Trakeiskite monumentalny gradeny grobnitzy (V—III v. pr. n. e.)*. Sofia: Mars-09.

Vinogradov, Ju. A. 1993. O ritonakh kurgana Karagodeuashkh. *Peterburgsky arkheologicheski vestnik*, 6, s. 66-71.

Vinogradov, Ju. A. 2017. Kul'tura bosporskoi elity pri Spartokidakh. *Bosporskie issledovania*, 34, s. 112-223.

Kisiev, K. 2005. *Trakia i Grecia v drevnostata*, 1: Mogil'ni grobnitzi ot klasicheskata epokha v obschina Kalojanovo. Plovdiv: Avtospektar.

Kitov, G. 2005. *Dolinata na trakiskite vladeteli*. Varna: Slavena.

Lappo-Danilevsky, A. S., Mal'mberg, V. K. 1894. *Drevnosti Juzhnoy Rossii. Kurgan Karagodeuashkh*. Sankt-Peterburg. Materialy po arkheologii Rossii, 13.

Mantzevitch, A. P. 1964. O plastine iz kurgana Karagodeuashkh. *Arkheologichesky sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 6, s. 128-138.

Marazov, I. 2007. *Mezhdu Meduzoi I Geliosom*, Sofia: Natzionalnyi muzei bolgarskoi knigi i poligrafii.

Machinsky, D. A. 1978. Pektoral iz Tolstoi Mogily i velikie zhenskie bozhestva Skifii. In: Lukonin, V. G. (ed.). *Kultury Vostoka. Drevnost i srednevekovie*. Leningrad: Avrora, s. 131-150.

Raevsky, D. S. 1985. *Model' mira skifskoi kul'tury*, Moskva: Nauka.

Savostina, E. A. 1995. Tema nadgrobnoi stely iz Trekhbratnego kurgana v kontekste antichnogo mifa. *Istoriko-arkheologicheskiy al'manakh*, 1, s. 110-119.

Tolstikov, V. P. 2017. Ocherk gradostroitelnoi istorii tzentralnogo raiona Pantikapeia. In: Kuznetzov, V. D., Tolstikov, V. P. (ed.). *Pantikapei i Fanagoria. Dve stolitzy Bosporskogo tzarstva*. Moskva: GMII, s. 69-83.

Treister, M. Ju. 2002. Metallicheskie sosudy iz Selenskogo kurgana i nekotorye nakhodki iz Karagodeuashkha (k voprosu o kontaktakh Severnoi Grecii i Bospora vo vtoroi polovine IV v.do.n. e. In: Zuev, V. Ju. (ed.). *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentzii Bosporsky fenomen: pogrebal'nye pamiatniki i sviatilischa*, 2. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennij Ermitazh, s. 180-186.

Shaub, I. Ju. 2007. *Mif, kult i ritual v Severnom Prichernomorie (VII—IV vv. do n. e.)*. Sankt-Peterburg: SPbU.

Shaub, I. Ju. 2017. Bosporskoe zhrechestvo. *Bosporskie issledovania*, 34, s. 288-324.

Felitzin, E. D. 1886. Otchet o raskopkakh v Kubanskoy oblasti. In: *Ob arkheologicheskikh raskopkakh E. D. Felitzina v Kubanskoi oblasti*. Nauchnyi arkhiv IIMK RAN, f. 1, 16/1886.

Andronicos, M. 1984. *Vergina. The Royal Tombs and the Ancient City*, Athens: Ekdotike Athenon.

Kiyashkina, P., Bozkova, A., Marvakov, T., Ushev, D., Delev, P., 2012. *A Guide to the Collections of the Archaeological Museum of Nessebar*. Plovdiv: Vessela Publishers.

Jacobson, E. 1995. *The Art of the Scythians*. Leiden, New-York, Köln: E. J. Brill.

Rabadjiev, K. 2016. The Thracian Tomb as Ritual Space of Beyond. In: Henry, Ol., Kelp, Ut. (eds.). *Thumulus as Sema. Space, Politics, Culture and Religion in the First Millennium BC*. Berlin; Boston: De Gruyter, 1, p. 281-312.

Rousseva, M., 2000. *Thracian Cult Architecture in Bulgaria*. Jambol: Ja.

Valeva, Ju. 1999. Les decors Thraces et le style a zones (IVe—IIIe siecle av. J.-C.). *Problemi na iskustvoto*, 4, s. 69-75.

Ustinova, Ju. 1999. *The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom*. Leiden, Boston, Köln: E. J. Brill.

M. Ju. Vakhtina

ON THE CONSTRUCTION OF THE STONE VAULT OF KARAGODEUASHKH MOUND

The article deals with the planning of the stone vault in Karagodeuashkh mound, excavated by E. F. Felitzin in 1888 in Kuban' area. The mound contained «rich» burials of the representatives of sindae-maeotian aristocracy and dated to 330—315 BC. The construction of Karagodeuashkh vault shows parallels to enfilade crypts which were wide spread during that time at the territory of ancient Thracia. The finds of metal objects in the inventory of the burial complexes testify to contacts with Thracia and Northern Greece. The materials of Karagodeuashkh mound seem to be important for the examining of cultural contacts of Bosporan kingdom and its Hellenized barbarian periphery in the last third of the 4th century BC. The analysis of the burial goods and construction of the mound is also of great importance for the study of the ideology of the local tribes of Kuban region.

Keywords: Karagodeuashkh mound, vault, burial inventory, Greeks, barbarians, cultural contacts.

Одержано 1.02.2018

ВАХТІНА Марина Юріївна, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут історії матеріальної культури РАН, Двірцева наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Росія, *admin@archeo.ru*.
VAKHTINA Marina Jurievna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute for History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, Dvortzovaya nab. 18, Saint-Petersburg, 191186, Russia, *admin@archeo.ru*.

УДК: [355:904.5](4)”6383”-055.2

Е. Е. Фиалко

СКИФСКИЕ АМАЗОНКИ: СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ

В статье рассматриваются три основных направления в исследованиях скифских амазонок, связанных с разноплановыми источниками, раскрывается степень их изученности.

Ключевые слова: *скифские амазонки, археология, нарративные источники, произведения изобразительного искусства, Северное Причерноморье.*

Амазонки вообще, и скифские в частности, давно привлекают к себе внимание и являются объектами многих разноплановых исследований. Характер их зависит от того, какие группы источников положены в основу, и какую задачу поставил перед собой автор. Тема амазонок разрабатывается в трех основных направлениях — литературном, изобразительном и археологическом. При этом если литературный и художественный аспекты разработаны достаточно основательно многими поколениями исследователей, свидетельством чего является представительный корпус монографических изданий и публикаций, то археологический аспект разработан в гораздо меньшей степени, что связано, прежде всего, с необходимыми полевыми работами. Каждое из направлений вполне самостоятельно, но зачастую в работах они сочетаются. Так, разрабатывая тему иконографии амазонок, в ходе интерпретации персонажей, представленных на произведениях изобразительного искусства, как правило, привлекаются нарративные источники, и наоборот. В то же время большая часть предметов прикладного искусства с изображениями амазонок была найдена в ходе археологических раскопок.

Предложенное разграничение аспектов или направлений изучения рассматриваемой темы выглядит, как будто, несколько условным. Поэтому следует оговориться, что под археологическим аспектом в данном контексте подразумевается всесторонний и возможно полный анализ собственно погребальных комплексов воительниц, открытых на территории Европейской Скифии. Поскольку литературный и художественный аспекты исследованы достаточно полно, коротко останавливаясь на них, основной акцент все же следует сделать на археологической составляющей рассматриваемой темы.

© Е. Е. ФИАЛКО, 2018

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АСПЕКТ

Предания о воинственных женщинах уже более 300 лет являются предметом исследования. Особый интерес к этим персонажам связан, прежде всего, с гендерным аспектом в истории. К мифам об амазонках обращались многие авторы, предлагая свои варианты их толкования. При этом ключевым оставался (и остается) вопрос о степени историзма существования женщин-воинов.

Несколько нарушая хронологическую последовательность, принятую для работ историографического плана, прежде всего, вспомню объемный трактат М. О. Косвена «Амазонки. История легенды», опубликованный в 1947 г. В данном контексте он имеет особое значение, поскольку представляет не только историю легенды об амазонках в ее развитии (вплоть до 20 в.), цитируя и комментируя античных и средневековых авторов, но и обширную историографию (Косвен 1947a; 1947b). Его значение трудно переоценить.

К числу первых, специально посвященных амазонкам, работ относится трактат француз-

ского публициста Пьера Пети «Рассуждение об амазонках», вышедший в 1685 г. на латинском языке, и в 1718 г. в переводе на французский, где амазонки рассматривались как действительно существовавшие (Petit 1718; Косвен, 1947b, с. 27). О реальности амазонок древности писали Ж.-Ф. Лафито, Ж.-Ш. ле Жандр, Г.-Ю. Клапорт, Фр. Нагель, Ф.-А. Карус, В. К. Тредьяковский и другие авторы (Lafitau 1724; Le Gendre 1741; Carus 1809; Nagel 1838; Тредьяковский 1849). Определенный вклад в изучение традиции об амазонках внес швейцарский ученый И.-Я. Бахофен. Рассматривая амазонство как переход от гетеризма (самого раннего периода истории) к гинекократии (или матриархату), автор выводит универсальный характер этого явления — так называемую теорию восстания женщин (Bachofen 1861). Близкой точки зрения придерживался и Г. К. Ротери, предполагая появление амазонства вследствие того, что на ранних ступенях общественного развития мужчины в силу необходимости покидали свои селения, оставляя женщин одних (Rothery 1910). Теория восстания женщин И.-Я. Бахофена поддерживалась вплоть до второй половины XIX в. (Косвен 1947b, с. 32). Не угасает интерес к легендам об амазонках и во второй половине XIX в. (Mordtmann 1862; Stricker 1868; Krause 1893; Lacour 1901 и др.). В целом, как в зарубежной, так и в отечественной историографии второй половины XIX — начала XX в. наиболее характерными были работы, представляющие собой компиляции различных (чаще всего — античных) данных об «амазонках» в разных частях света (Богаченко 2011, с. 5).

В последующих работах, касающихся проблем амазонок, по мнению И. Ю. Шауба (1993, с. 80), определенно проступают четыре подхода (или направления): этнографический, религиозно-мифологический, исторический и психологический. *Этнографический подход* предполагает, что в основе мифов лежат либо обычаи реально существовавших народов, либо отголоски определенной стадии развития человеческого общества, в частности матриархата (Граков 1947; Плетнева 1998; Скрипник 1988 и др.). При *психологическом подходе* определяется архетипическая структура мифа, выявляются определенные архетипы, поведенческие стереотипы и реакции, мифы представляются как отражение системы властных отношений мужчин и женщин (Du Bois 1982; Tyrrell 1984; Hardwick 1990; Косматова 2001 и др.). Для *религиозно-мифологического* подхода характерно восприятие амазонок как античный поэтический вымысел или в связи с женским божеством, как служительниц Великой Богини в ее загробном аспекте (Ельницкий 1961, с. 27—36; Шауб 1993, с. 84; 2007; Петрухин 1995, с. 47; Беннет 2004 и др.). Согласно *историческому подходу* амазонки представляются, как правило, варварским народом, который ошибочно принят греками за женщин (Leonhard 1911 и др.); возможность или, напротив, невозможность отождествления с амазонками вооруженных женщин, как это представлено в работе А. Иванчика (Ivantchik 2013).

Обращались к обзору и интерпретации мифов об амазонках и другие исследователи в контексте общей мифологии или отдельных сюжетов (М. С. Альтман, С. И. Радциг, А. Ф. Лосев, Г. Шваб, Н. А. Кун, Р. Грейвз, И. Тренчени-Вальдапфель, А. И. Немировский, Д. П. Каллистов, А. А. Тахо-Годи, Д. Батаклиев и многие др.). К примеру, историю мифа в греческих литературных источниках прослеживала A. Maslowska-Nowak (1990). Отражение мифа в культуре древних греков неоднократно затрагивали М. В. Скржинская (1986; 1991; 1996; 2007; 2010, 2011) и Э. Б. Петрова (1994). Религиозных культов, связанных с амазонками, касались А. С. Русяева (2005) и Ю. Н. Кузьмина (2008). И. Ю. Шауб особое внимание уделил связи мифов об амазонках с регионом Северного Причерноморья и в частности Боспора, «неразрывно связывая воительниц с представлениями о Великом женском божестве, почитавшемся как в Эгеиде, так и у причерноморских варваров» (Шауб 1987; 1993; 1999; 2007; 2011), боспорских амазонок касалась и Л. Л. Селиванова (2009 а). Этнические и исторические черты мифа рассматривали Т. В. Богаченко (1998) и Т. А. Скрипник (1988), историческую подоснову мифа — Е. А. Савостина (1988; 1989), Т. В. Мирошина (1993), Т. В. Богаченко и В. Е. Максименко (1998). В той или иной степени упомянут миф об амазонках в работах В. Ф. Гайдукевича (1949), Д. Соболь (Sobol 1972), Р. Бэль (Bell 1991), Е. А. Молева (2003), В. М. Зубаря и А. С. Русяевой (2004), В. Лиэл (Leal 2010) и многих других. Расширенную историографию можно найти в работах Е. Е. Фиалко (2009 а), Т. В. Богаченко (2011) и А. В. Котиной (2012). Амазонки, как явление безотносительно определенного этноса, рассматривались в работе К. Джонс-Блэй (1997), в рамках гендерного дискурса их интерпретировали T. Taylor (1996) и другие авторы. Интересен в этом отношении и сборник работ «Amazonen zwischen Griechen und Skythen. Gegenbilder in Mythos und Geschichte» под редакцией Ch. Schubert и A. Weiss (2013), посвященный образу амазонок в мифе и истории.

Особенно следует отметить серию специальных работ о появлении и развитии мифов об амазонках. Так, в монографии Т. Богаченко «Женщины-воительницы южнорусских степей: Исторические основы сказаний», вышедшей в 2011 г., рассматриваются генезис и развитие мифа об амазонках на фоне этнографической традиции о воительницах, с привлечением историко-археологических данных с территории Восточной Европы. По мнению исследователь-

ницы, в античном мифо-эпическом материале представлены разные типы воительниц. При этом нет оснований связывать формирование основного ядра греческого мифа об амазонках с номадами Северного Причерноморья. К тому же «этнографические» сведения античных авторов о воительницах народов рассматриваемой территории, восходящие к одному первоначальному кругу источников, сильно преувеличены. Археологические же материалы могут служить «*лишь уточняющим элементом в исследованиях, посвященных выяснению историко-этнографических основ сказаний о воительницах; а выводы, касающиеся археологического материала,… не могут не носить предварительный и частный характер*». В заключение Т. В. Богаченко, среди прочего, отметила два интересных для нас момента. 1. Говорить о широком участии женщин в военных действиях нет оснований ни по данным античных источников, ни по данным археологии, ни по данным этнографии. 2. Античная традиция «*склоняет к мысли о том, что в большинстве случаев перед нами — **исторический, этнографический и историографический миф** (выделено нами — Е. Ф.), элемент социокультурной действительности, сформировавшийся еще в трудах древнегреческих авторов и перешедший оттуда в науку современности*» (Богаченко 2011, с. 156, 188—192).

Амазонкам в античной традиции посвящена серия статей А. В. Котиной (Тюхтиной) (Тюхтина 2008, 2009a, 2009b; Котина 2010, 2011; Котина, Зубарев 2011 и др.) и диссертационное исследование на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Миф об амазонках и его развитие в античной традиции» (Котина 2012), успешно защищенное в 2012 г. В этих работах представлены ход развития мифологического цикла об амазонках — его генезис и эволюция, специфика, территория распространения и художественное воплощение в античной культуре. Этими работами фактически подводится итог многолетнего изучения письменной традиции об отважных воительницах и делается ряд заключений. 1) Анализ данных письменных источников и особенно религиозных культов, связанных с амазонками, подтверждает хтоничность и глубокую древность мифа о женщинах-воинах и их образов, которые уходят корнями в минойскую цивилизацию. 2) Сюжет борьбы греческих героев с амазонками в письменной традиции и произведениях изобразительного искусства олицетворяет извечную борьбу сил космоса и хаоса, жизни и смерти, женского и мужского. 3) В ходе дальнейшего развития, уже в Северном Причерноморье, при знакомстве с местными варварскими народами, этот миф «модернизируется», постепенно насыщаясь реальными обычаями и подробностями. На исторической стадии бытования мифа в нем находят отражение реальные исторические события (чаще баталии), влиявшие и на иконографию амазонок. Воительницы персонифицируются. 4) Удивительная живучесть и популярность мифа об амазонках объясняется сутью феномена образа амазонки. «*Амазонка — это женщина, но совсем не такая, как остальные женщины; это — воин, но существенно отличающийся от воинов-мужчин*». Ключевое в дефиниции этих женщин — участие в войнах (Котина 2012, с. 26—27).

Вновь несколько нарушая хронологический порядок, хочу здесь вспомнить работу иного плана — вышедшую в 1991 г. Энциклопедию амазонок Джессики Аманды Салмонсон — «The Encyclopedia of Amazons. Women Warriors from Antiquity to the Modern Era» (Solmonson 1991). В работе в алфавитном порядке представлены собранные автором имена воительниц, начиная от античности и до современности с короткими «биографическими» данными, датировкой и источником информации (когда это касается античности). В отличие от иных изданий, она состоит только из текста. Эта работа, дополненная библиографическим указателем, широко известна и цитирована во многих специальных исследованиях.

И в заключение стоит упомянуть коллективный труд под редакцией Александра Коха «Амазонки. Таинственные воины» (Koch 2010), приуроченный к одноименной выставке, проходившей в г. Шпейер (Германия).

Часть статей посвящены мифологическим персонажам — Пентесилее (L. Borner), Антиопе (D. Kondratuk), девятому подвигу Геракла и царице Ипполите (A. Rudolph). Разделы сопровождаются библиографией и прекрасными фотографиями.

Как видно из сказанного, большинство исследований сопровождается иллюстрациями, которые привлекаются как вспомогательный материал.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АСПЕКТ

Амазонка, как образ произведений изобразительного искусства, столь же популярна, как и литературный персонаж. Причем фигуры воительниц украшали, кроме прочих предметов, и монументы общегреческого культурного, религиозного и идеологического значения (Суриков 1999, с. 150).

Воспроизведению сюжетов амазонского мифа в искусстве посвящены многие научные исследования и публикации, в которых «расшифровываются» сцены и персонифицируются персонажи, классифицируются по разным признакам (одиночные, парные, групповые изображения; батальные или бытовые сцены; характер костюма и вооружения, иконографические особенности; материал, функциональная принадлежность и проч.) широко известные и вновь открытые артефакты.

На сегодняшний день имеется достаточно большое количество изданий общего характера, посвященных истории монументального и декоративно-прикладного искусства вообще и Древней Греции в частности, в которых в определенной связи упоминаются изображения амазонок. Это труды Ю. Д. Колпинского (1961, 1988), N. L. Bernhard (1970), Б. Р. Виппера (1972), C. M. Robertson (1975), L. Burn (1991), T. H. Carpenter (1991), N. Spivey (2003) и др.

Значимым событием для специалистов явилась монография Дитриха вон Ботмера «Amazons in Greek Art» (Bothmer 1957), где была собрана и интерпретирована большая серия расписных чернофигурных и краснофигурных сосудов с изображениями амазонок, и скульптура. Эта работа как будто задала тон и направление последующим изысканиям, большая часть которых обращена именно к этим артефактам. Так, к изваяниям амазонок обращались многие авторы, в их числе J. H. Stuart (1926), Г. И. Соколов (1965), Л. И. Акимова (1987), B. S. Ridgway (1997; 2002). J. Boardman (1985a, 1985b), R. Smith (2005), E. Makowiecka (2007), М. Русяева (2008, с. 449), S. Dillon (2010) и другие.

Архитектурные фризы храмов рассматривали J. Charbonneaux, R. Martin, F. Villard (1969), Heres, Kästner (1997), И. Бергеман (2001). Стоит особо остановиться на коллективной монографии, посвященной известняковому рельефу, найденному на античном поселении Юбилейное 1 на Таманском полуострове (Савостина 2001). В ней представлено девять статей (И. Бергеман, Э. Кнауэр, В. Ольховского, Д. Гуревич, М. Грмек, Е. Савостиной, О. Тугушевой, Р. Штупперих, М. Трейстера), в которых анализируются сюжет, стилистика, иконография и особенности изображений. Позже его рассматривала и Л. Л. Селиванова (2009b).

Много публикаций посвящено саркофагам, среди их авторов H. V. Rohden, H. Winnefeld (1911), M. Pallottino (1952), M. Santangelo (1963), Н. М. Лосева, Н. А. Сидорова (1988), M. Andronicos (1994), E. Fialko (2010), K. Bunyatyan, E. Fialko (2011) и другие.

Под разными углами (сюжеты, мастера-вазописцы, имена, символика, связь с определенными культами и верованиями и проч.) рассматривались расписные вазы, украшенные изображениями амазонок. Создается впечатление, что многочисленность аналитических работ обусловлена и огромным количеством ваз в разных музеях мира. Упомяну лишь некоторых авторов: G. Richter (1936), М. М. Кобылина (1951), J. Boardman (1981; 1990; 1991), И. Ю. Шауб (1983), И. В. Шталь (2000), О. В. Тугушева (2001), И. И. Вдовиченко (2003; 2008), T. Rasmussen and N. Spivey (2005), Е. Е. Фиалко (2009c), A. Mayor, J. Colarusso, D. Saunders (2014), А. Е. Петракова, О. Ягги (2016), М. В. Скржинская (2017) и другие. В этом же ряду стоят и многочисленные выпуски серии Corpus Vasorum Antiquorum (CVA), где опубликованы в том числе и сосуды с амазонками из разных музейных коллекций.

Исследовались, но в гораздо меньшей степени, мозаичные панно (Кастанаян 1966; 1967), бронзовые статуэтки (Кобылина 1972; Haynes 1965; Лосева, Сидорова 1988; Соколов 1990), свинцовые фигурки (Зайцева 2004), произведения торевтики (Анфимов 1966; Пругло 1974; Шауб 1987; Фол 1988; Marazov 1996. Трейстер 2001; Вахтина 2005; Копылов 2008; Фиалко 2011a, 2013a), терракотовые статуэтки и светильники (Хачатурова 1987), ткани (Артамонов 1966; Герцигер 1973, Grammenos, Prtropoulos 2007); украшения (Boardman 2001) и иные предметы.

Вопросов иконографии образа амазонок касались К. Джонс-Блэй (1997), J. Fornasier (2001), A. Galoin (2016), Д. П. Алексинский (2008); Л. Л. Селиванова (2008), Е. Е. Фиалко (2009b, 2010a) и другие авторы. Здесь уместно вспомнить и восьмитомное энциклопедическое издание Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae (LIMC 1981—1997) с указателями (1999 г.) и дополнениями (2009 г.), в котором собраны представления мифологии в пластическом искусстве, написанные на четырех языках (английском, немецком, французском или итальянском).

Как видим, художественное направление разработано достаточно полно, но в отличие от литературного, комплексного обобщающего исследования об амазонках в искусстве пока нет.

Переходя к археологической составляющей, упомяну еще несколько монографических изданий особого характера, привлекающих внимание благодаря своим «эффектным» названиям. Здесь, как будто, рассматриваются все три направления в исследовании амазонок, в том числе и археологические материалы. Работа Lyn Webster Wilde «On the Trail of the Women Warriors» (По следам женщин-воинов) (1999), подаренная мне автором в благодарность за научные консультации, на поверку оказалась полупублицистической, полу-популярной работой, в общем, компилятивного характера, с заимствованными цитатами без какой-либо библиографии. Такого же плана, в форме вольного пересказа на заданную тему, и книга С. Н. Рослякова с ярким названием «Амазонки в ярости и любви» (2004).

Несколько позднее вышел из печати монументальный фолиант Валерия Войтовича «Амазонка. Богиня—Дiва—Воїн» (2008). Вопреки ожиданиям, порожденным названием и аннотацией, где говорится, что перед нами «захоплююча розповідь про одне з найдавніших у міфології грізних і таємничих племен жінок, зокрема Амазонок-Воїнів, які сміливо воювали зі світом чоловіків», оказалось, что вообще-то это «гімн Жінці» (Войтович 2008, с. 4).

При этом из 924 страниц книги 32 касаются собственно амазонок, на остальных описаны древнегреческие богини, боги (!), герои и их свиты, скифы и славяне на разных территориях, Баба Яга, Василиса Прекрасная, Поляница — Дева-Воин и даже Царевна-лягушка; использованы тексты древнегреческих, римских и средневековых авторов, украинских поэтов и поэтесс, колядок, песен и поговорок. Поражает и размах иллюстративной составляющей — 258 цветных и бессчетное количество черно-белых иллюстраций — от трипольских статуэток до современных фотографий, чертежей, книжных иллюстраций сказок (причем с мужскими персонажами в том числе) и художественных полотен. Проделанная автором работа, безусловно, впечатляет, но при этом не покидает вопрос: «При чем же здесь амазонки?».

Среди недавно вышедших изданий нельзя не вспомнить и широко рекламируемую книгу Адриэн Мээр «The Amazons: Lives and Legends of Warrior Women across the Ancient World» (Mayor 2014). В ней четыре раздела, написанных в несколько игривой манере. В разделе 1 «Кем были амазонки» три параграфа: Древние пазлы и современные мифы; Скифия, Родина амазонок; Сарматы, история любви. Раздел 2, посвященный как будто археологии, назван «Исторические воительницы и классические традиции» и разбит на 11 параграфов: Кости: археология амазонок; Груди: одна или две?; Кожа: татуировки амазонок; Обнаженные амазонки; Секс и любовь; Наркотики, танцы и музыка; Путь амазонок; Кони, собаки и орлы; Кто придумал брюки? Вооруженные и опасные: оружие и война; Язык и имена амазонок. В разделе 3 «Амазонки в греческих и римских мифах, легендах и истории» рассказывается о легендарных парах цариц амазонок и греческих героев и участии амазонок в знаменитых сражениях. В разделе 4 «За пределами греческого мира» в четырех параграфах повествуется о воительницах на территории Кавказа, Евразии, Персии, Египта, Северной Африки, Аравии, Центральной Азии и Китая. Три раздела, как видно, основаны на разнообразных письменных и изобразительных источниках. В данном контексте наиболее интересным кажется второй раздел, однако собственно археологическим комплексам посвящен только первый параграф (20 с.), где рассматривается несколько широко известных погребений Европейской Скифии, опубликованных в том числе и мной. В остальных параграфах привлекаются материалы Пазырыкских курганов, среди них и парное погребение мужчины и женщины из кургана 1 могильника Ак-Алаха 1, изданное Н. В. Полосьмак (1994) (которое по современным определениям генетиков оказалось захоронением двух мужчин); изобразительные и этнографические материалы. Книга содержит большой библиографический раздел и приложение с перечнем имен воительниц. Работа носит скорее популярный характер. Оригинальными и особенно интересными представляются этнографические параллели с привлечением иллюстративного материала. Как будто, перекликается с ней и вышедшая в том же 2014 г. книга Гая Кадогана Ротери «The Amazons (Illustrated)» (Rothery 2014). В ней, в более академичной манере, наряду с античными амазонками автор рассказывает о воительницах на различных территориях Азии, Европы, Кавказа, Африки и Америки, сопровождая текст иллюстративным материалом. Можно отметить, что многие работы, особенно поздние, носят очевидный компилятивный характер.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Археологическая составляющая вопроса, в отличие от двух рассмотренных выше, выглядит наименее разработанной. Такое положение сложилось в силу комплекса причин.

Во-первых, начало собственно скифской археологии в Понтийских степях связано преимущественно со случайными раскопками. Профессиональные исследования скифских древностей начинаются с середины XIX в. с больших курганов представителей знати (Куль-Обы, Александропольского, Гермесова, Краснокутского курганов, Острой Томаковской Могилы, Чертомлыка, Козла, Огуза, Чмыревой Могилы и др.) (Болтрик 2002; Полин 2002), которым тогда и отдавалось предпочтение в надежде обнаружения наборов артефактов из драгоценных металлов. Рядовые могильники не входили в зону интересов исследователей. Методика раскопок курганных памятников только начинала нарабатываться.

Во-вторых, произошедший во второй половине XX в. «артефактный взрыв» намного опередил процесс введения в научный оборот археологических источников. Это вполне объяснимо — количество раскопанных курганов различных эпох в некоторых новостроечных экспедициях исчислялось несколькими десятками, а погребений — сотнями. Раскопочный сезон длился по 6—8 месяцев в году. Далее начинался процесс камеральной обработки полученных материалов и подготовка научного отчета о проведенных раскопках. И наступало время нового полевого сезона.

В-третьих, процесс вычленения захоронений амазонок из общего массива скифских памятников шел чрезвычайно трудно. Большинство погребений, и особенно на заре курганной археологии, были открыты в результате грабительских раскопок местными жителями. Многие скифские захоронения носят следы разновременных ограблений. В любом случае, значительная часть комплексов соотносилась (и соотносится) с женскими или мужскими захоронениями преимущественно на основании

состава инвентаря, когда определенные предметы воспринимаются характерными маркерами половой принадлежности погребенного. Так, для женского комплекса определителями, как правило, выступают зеркала, украшения (прежде всего, бусы, сложносоставные ожерелья и серьги особенно роскошного стиля, бусинные браслеты), веретена с пряслицами, туалетные принадлежности и каменные блюда. Для савромато-сарматских памятников к этому списку добавляются каменные ритуальные столики. Определяющими для мужских комплексов являются оружие и узда. Классическим в этом контексте является мнение Б. Н. Гракова, высказанное им при анализе материалов Никопольского курганного поля: «…*инвентарь никопольских погребений резко различается в зависимости от пола и возраста погребенного. Мужчина здесь — всегда воин. Поскольку в женских погребениях, не затронутых грабителями, оружие почти всегда отсутствует,* ***можно смело сказать, что наличие его свидетельствует о погребении мужчины…*** (*выделено нами — Е. Ф.*). *В погребениях у женщин-скифянок оружие зарегистрировано всего два раза…*» (Граков 1962, с. 86). Сообразно с подобным подходом, могила с оружием автоматически причислялась к разряду мужских. Единичные находки украшений либо вещей из группы женских (в том числе веретено или его детали и / или зеркало) в такой могиле позволяли рассматривать ее как ограбленное парное захоронение или как захоронение энарея. И только участие специалистов-антропологов в работе археологических экспедиций способствовало коррекции сложившейся ситуации. Фактически именно усилиями антропологов выделена серия захоронений скифских амазонок из числа могил, не так давно раскопанных в Подонье В. И. Гуляевым (Гуляев 2010, с. 98—98).

Благодаря сотрудничеству археологов и антропологов, кроме прочего, выяснилось, что могилы рядовых скифских воительниц могли сопровождаться только оружием и вообще не содержать каких-либо иных предметов женского обихода (Фиалко 1991, с. 4). К сожалению, в силу различных причин, антропологические определения имеются лишь для незначительной части погребенных. Соответственно, данные о количестве захоронений амазонок остаются весьма приблизительными и неполными.

В процессе изучения погребальных комплексов воительниц Европейской Скифии можно выделить *три этапа*.

На *первом этапе* (вторая половина XIX в. — конец 1950-х гг.), археологические раскопки скифских курганов, особенно в XIX — первой половине XX в., носили, скорее, эпизодический характер. Опыт курганных раскопок и материалы накапливались довольно медленно. В ходе спорадических раскопок курганных древностей Припонтийских степей были открыты единичные могилы женщин с оружием. На них, как будто, уже обращали внимание, но, скорее, как на исключительное явление.

В этот период была открыта серия могил воительниц в *лесостепном Поднепровье*. Раскопки их в Черкасской области связаны с именем А. А. Бобринского. В 1884—1885 гг. женские могилы с оружием открыты в курганах 19, 20, 26 и 28 могильника Холодный Яр, в 1887 г. — в кургане 236 у с. Шполы; в это же время — в курганах 96 и 98 у с. Константиновка в уроч. Секирне; в 1889 г. — в кургане 254 у с. Старосиллячко; в 1904—1905 гг. — в курганах 406, 423, 447 у с. Журовка и № 462, 463, 468 у с. Турия (Бобринский 1901; 1905a, 1905b). В 1897 г. курган 2 у с. Триполье Киевской обл. раскопал В. В. Хвойка (Бобринский 1905b, с. 29). Приблизительно в это же время Е. А. Зноско-Боровский открыл женскую могилу с оружием в кургане у с. Студенцы Черкасской обл. (Бобринский 1901, с. 126). А в 1946 г. Е. Ф. Покровская раскопала захоронение воительницы в кургане 1 у с. Макеевка Киевской обл. (Покровська 1949, с. 130). Среди оружия в них отмечены преимущественно наконечники стрел, копий и пращевые камни.

В *степном регионе* количество комплексов амазонок значительно меньше и раскопаны они относительно позже. В 1931—1936 гг. работы на Никопольском курганном поле проводил Ф. Н. Киранов. В 53 курганах раскопали 86 скифских погребений. К женским могилам с оружием Б. Н. Граков, опубликовавший эти материалы в 1962 г., отнес одно погребение 1 в кургане 21 (Граков 1962, с. 86). Еще четыре погребения (к. 10/1; 17/2; 20/2; 25/1) с немногочисленным оружием, невзирая на присутствие бусин и пряслиц, исследователь определил как мужские (соответственно своим взглядам на оружие как маркер мужского комплекта инвентаря). В 1951 г. близ с. Ново-Филипповка, на землях совхоза Аккермень 1 (Запорожская обл.), В. А. Ильинская раскопала курган 16 с непотревоженным женским захоронением, в инвентаре которого отмечено и оружие (2 копья и 2 дротика, колчан со стрелами и портупейный пояс) (Вязьмітіна и др. 1960, с. 124—126). В 1951—1952 гг. Д. Т. Березовец исследовал Кутянский могильник (Днепропетровская обл.), где открыто четыре комплекса амазонок — курганы 5/4; 7/1; 21/4; 29/3. Оружие в них представлено двумя мечами, колчанными наборами и единичными стрелами (Березовець 1960).

В *Поднестровье* с 1896 по 1910 гг. И. Я. Стемпковский и Л. П. Стемпковская раскопали более 400 курганов близ нескольких сел Тираспольского уезда (Мелюкова 1962, с. 114). В четырех группах (у сс. Парканы, Чобручи, Терновка и Суклея) открыто девять могил вооруженных женщин.

В *Крыму* в 1892 г. Н. И. Веселовский раскапывал курганную группу Дорт-Оба, в кургане 3 (курган Пастака) открыта основная могила с необычным женским захоронением (в сидячем положении), в вещевом сопровождении которой, кроме прочего, обнаружены бронзовый наконечник копья и колчан с деревянными (?) стрелами (ОАК 1894, с. 10). В 1930 г. Н. Л. Эрнстом у с. Камкалы Джанкойского р-на раскопано два кургана из группы, в одном из которых (№ 1) открыта могила Б с захоронением женщины, в разнообразном инвентаре которой были стрелы с бронзовыми наконечниками (Эрнст 1931, с. 91).

На этом этапе, как правило, констатировался факт наличия погребения с «женским» инвентарем и каким-либо оружием; пол определялся антропологом в редких случаях; чаще погребенная объявлялась воительницей на основании состава вещевого сопровождения (Богаченко 2011, с. 154).

Второй этап (вторая половина XX в.) характеризуется сменой вектора археологических исследований. В середине 1960-х — начале 1990-х гг. началась широкая кампания по орошению земель южных регионов Украины, ситуация изменилась. Во время так называемого курганного бума были исследованы не только большие курганы, но и целые могильники (в том числе и рядового населения), включавшие небольшие насыпи и пятна. Кроме того, теперь применяется новая методика раскопок курганов, при которой насыпь исследовалась параллельными траншеями, впервые введенная С. Н. Братченко, что позволяло открыть не только центральную ее часть, но и периферию с серией впускных захоронений. Все это, в свою очередь, привело к накоплению новых необычайно важных и информативных материалов для изучения истории номадов раннего железного века, обитавших на территории Северного Причерноморья.

Фактически в это время появляются статьи, где обсуждается вопрос этнических интерпретаций амазонской традиции в связи с погребениями вооруженных женщин. Чуть раньше статья Б. Н. Гракова «Пережитки матриархата у сарматов» (1947), затем А. М. Хазанова «Материнский род у сарматов» (1970), К. Ф. Смирнова «Амазонка» IV в. до н. э. на Дону» (1982). В этих работах авторы, опираясь, правда, в основном на сарматские комплексы, обнаруживают связи мифа с сарматским населением причерноморского региона как один из источников развития амазонской традиции (Котина 2012, с. 16).

В Подонье исследуются могильники у сс. Девица, Мастюгино, Колбино, Терновое (Воронежская обл.); Дуровка, Горки (Белгородская обл.) (Либеров 1965; Пузикова 2001; Савченко 2001; Гуляев 2002; 2009a; 2009b, 2010, с. 101; Гуляев, Шевченко 2017). В 1967 г. в западной группе Елизаветовского могильника (и вообще на Нижнем Дону) И. Б. Брашинским открыто первое достоверно интерпретированное погребение амазонки — № 2 в кургане 30, которое относится к серии наиболее ранних в могильнике (Брашинский 1968, с. 89). Из 414 открытых здесь погребений выделено 28 женских с предметами вооружения, что составляет 31,5 % от общего числа женских одиночных захоронений Елизаветовского могильника (Копылов, Янгулов 1992, с. 42; Копылов, Яковенко, Янгулов 2004, с. 54—55).

В этот период раскопаны курганные группы у сел Николаевка (Одесская обл.), Булгаково, Солдатское (Николаевская обл.); Акимовка, Новое, Виноградное, Владимировка, Волчанск, Гайманово поле, могильники Мамай Гора, Носаки, Скельки, Рогачицкое курганное поле (Запорожской обл.), Водославка, Вольная Украина, Зеленое, Любимовка, Львово, Привольное, Сивашовка, Широкое, Шевченко, (Херсонской обл.), В.Тарасовка, Изобильное, Капуловка, Марьевка, г. Орджоникидзе (гр. БОФ), Чертомлыцкое курганное поле, Шолохово (Днепропетровская обл.); Стеблевский могильник (Черкасская обл.); Акташский могильник, Бранное Поле, Братское, Новоозерное, Суворовское, Червоное, (Крым); Балабаны, Буторы, Глиное, Погребя, Суворово, г. Тирасполь (Молдова) и другие. Материалы этих раскопок вводятся в научный оборот — вышла серия выпусков материалов раскопок новостроечных экспедиций Института археологии УССР, появляются периодические выпуски «Старожитності Степового Причорномор'я і Криму» (ЗГУ), «Древности Степного Приднепровья» (ДГУ) и многие другие издания.

На втором этапе изучения погребальных комплексов воительниц появляются издания материалов, которые можно разделить на три группы.

К *первой группе* относятся публикации результатов раскопок скифских памятников, где погребения женщин с оружием приводятся в общем ряду, без какого-либо акцентирования. Среди публикаций монографического характера упомяну работы: А. И. Мелюковой «Скифские курганы Тираспольщины» (1962) и ее же более поздняя работа «Scythians of Southeastern Europe» (Melyukova 1995); коллектива авторов В. И. Бидзили, Б. В. Болтрика, Б. Н. Мозолевского, И. П. Савовского «Курганный могильник в уроч. Носаки» (1977), коллективную монографию С. С. Бессоновой, Е. П. Бунятян, Н. А. Гаврилюк «Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму» (1988), препринтное издание С. В. Полина и А. И. Кубышева «Скифские курганы Утлюкского междуречья» (1997), первый том издания С. И. Андрух и Г. Н. Тощева «Могильник Мамай-Гора» (1999).

Ко *второй группе* можно отнести публикации материалов конкретного могильника

или обобщающие работы, посвященные истории или погребальным традициям Скифии, где уже обращено внимание на группы могил скифских женщин с оружием. Здесь остановлюсь специально на двух работах.

Первая — статья В. А. Ильинской «Скифские курганы около г. Борисполя» (1966), где приводятся материалы раскопок курганов Днепровского Левобережья между Борисполем и Переяславом-Хмельницким, проводившихся в 1961—1963 гг. под руководством А. И. Тереножкина. Описание комплексов сгруппировано по типам погребальных сооружений. В аналитической части В. А. Ильинская обратила внимание на «*своеобразную группу женских погребений, в которых помимо предметов чисто женского инвентаря… встречаются предметы вооружения*». Автором сделано два важных наблюдения: 1) погребения скифянок с оружием (в отличие от прочих женских) являются основными в курганах, т. е. они приравниваются к погребениям воинов-мужчин; 2) антропологические данные свидетельствуют, что эти женщины погребены молодыми. Кроме того, в работе отмечено, что в скифских **степных** курганах 4 в. до н. э. известно не менее 15 женских погребений с оружием (Ильинская 1966, с. 169—170).

Вторая работа — монография В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина «Скифия VII—IV вв. до н. э.» (1983). В обзоре скифских памятников, представленном по территориальному и хронологическому принципам, среди погребений рядовых скифов особо рассматривается и серия женских с оружием. Здесь упомянуто и рассмотрено в целом 12 могил с лесостепной и степной территорий Скифии и отмечено несколько моментов. 1) Дата этих комплексов определяется в пределах VI—IV вв. до н. э. 2) Социальный статус воительниц выше прочих скифянок, что помимо прочего подчеркивают и специально сооруженные насыпи. 3) В скифской среде поощрялось участие женщин в воинских занятиях. 4) По своему положению амазонки приравнивались к легковооруженным воинам и скифскому юношеству. И эта группа женщин «*играла видную роль в скифском обществе*». Авторы отметили, что количество погребений скифских воительниц «*приближается к сотне*» (Ильинская, Тереножкин 1983, 176—182), но какие конкретно комплексы при этом учитывались ими, к сожалению, «осталось за кадром».

Третью группу работ представляют публикации отдельных погребальных комплексов или их серий, чаще ограниченных определенным регионом. Появляются первые аналитические работы, касающиеся и непосредственно амазонок (О. Д. Ганина, Е. П. Бунятян, В. С. Ольховский, Р. Ролле, Е. Е. Фиалко, В. И. Гуляев и другие). Нужно отметить, что именно эти публикации используются и по сей день зарубежными коллегами.

Прежде всего назову здесь работу О. Д. Ганиной «До питання про жіночі поховання зі зброєю скіфського часу» (1958), где впервые были собраны, описаны и проанализированы 23 погребальных комплекса женщин с оружием — 18 с лесостепной территории и пять со степной. Основной упор в статье сделан на лесостепные комплексы, которые презентуются как захоронения представителей местных земледельческих племен, издавна живших в Среднем Поднепровье, где сложился центр самобытной культуры еще до прихода скифов-кочевников в степи Нижнего Поднепровья. Эта работа имеет особое значение, поскольку она стала фактически отправной точкой в исследовании вопроса о реальном существовании женщин-воинов на территории Европейской Скифии. Несколько позже опубликована еще одна статья исследовательницы «О женских захоронениях в парных погребениях скифского времени» (1960). В ней рассматриваются и погребения амазонок с детьми. Впоследствии практически все авторы, в той или иной мере интересующиеся скифскими амазонками, обращались и обращаются и поныне к этим двум статьям О. Д. Ганиной.

В 1978 г. опубликованы краткие тезисы доклада Э. В. Яковенко «Женские погребения Елизаветовского могильника» (1978, с. 64), прочитанного на конференции в Ужгороде. Не уточняя количества таких комплексов в могильнике, автор связывает воительниц со скифским этносом.

Е. П. Бунятян, анализируя сведения о рядовых скифских могильниках, разработала методику социальных реконструкций, изложенную в статье «Методика социальной реконструкции по данным рядовых скифских могильников» (1982) и монографии «Методика социальных реконструкций в археологии» (1985). В этих работах предложен метод археологического определения пола посредством выявления базисного комплекта инвентаря, характерного для мужских и женский погребений для археологической культуре в целом. Для этого сначала анализируются погребения с антропологическими определениями, после чего полученные результаты применяют к погребениям без определений пола, и так определяется пол погребенных и в этих захоронениях. По мнению Т. В. Богаченко, высказанному в монографии «Женщины-воительницы южнорусских степей: Исторические основы сказаний» (2011, с. 155), такой подход правомерен лишь в пределах одного могильника. Существенным моментом в работах Е. П. Бунятян является подсчет количества погребений воительниц в Скифии относительно женских могил и могил воинов. В работе 1982 г., с учетом данных о 82 погребениях взрослых индивидов, 35 из которых определены как женские, погребения воительниц составили 37 % (Бунятян 1982, с. 155—156). В монографии, за счет расширения источниковой

базы (учтено уже 103 женских захоронения, 30 из которых содержали оружие), погребения амазонок составили 29 % от числа женских (Бунятян 1985, с. 70). Благодаря этим подсчетам — 29—37 % от всех женских захоронений, либо 25 % от всех с оружием (воинских), стало очевидным, что в Скифии воительниц не меньше, чем в Сарматии (как предполагалось ранее). Замечу кстати, что количественные показатели, предложенные Е. П. Бунятян, вполне согласуются с полученными мною при анализе комплексов амазонок в составе других могильников.

В 1986 г. вышла статья Р. Ролле «Amazonen in der Archäologischen realität» (Амазонки в археологических реалиях), где рассматриваются 15 могил воительниц. Кроме опубликованных ранее в работах О. Д. Ганиной и В. А. Ильинской, в обзор привлечены несколько комплексов из Чертомлыцкого могильника и с территории Молдовы (Rolle 1986).

1991 г. ознаменовался выходом обобщающей монографии В. С. Ольховского «Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.)». В обзоре погребальных комплексов различных регионов Скифии автор уделил внимание и амазонкам. Из 1357 учтенных им погребений безусловно женскими с оружием являются 14,5 % от общего числа захоронений с оружием. В то же время по локальным группам этот процент получился выше — 22—25 %, за исключением западнокрымской группы, где он составил лишь 8 % (Ольховский 1991, с. 119, 141). Важно отметить и информацию автора о том, что, бесспорно, женскими являются 90—100 погребений с оружием, и еще около 50 — возможно женские (Ольховский 1991, с. 119; Богаченко 2011, с. 165, 172). В этой работе впервые заявлены столь высокие количественные показатели — 90—150 могил скифских воительниц, но, к сожалению, и тут без каких-либо отсылок к конкретным памятникам.

В этом же году вышла статья Е. Е. Фиалко «Погребения женщин с оружием у скифов» (1991), посвященная исключительно погребальным комплексам воительниц степного и лесостепного регионов Скифии. Из 112 известных автору комплексов игнорировались те, где оружие было представлено единичными находками наконечников стрел. В результате всестороннему анализу подверглось 77 погребений (с указанием их «адресов»), 36 из которых (47 % от общего числа) имели антропологические определения (Фиалко 1991, с. 8—9). Обзор сооружений, погребального обряда, состава комплектов сопровождающего инвентаря позволил заключить, что амазонки могли составлять особые легковооруженные отряды скифского войска.

В данном контексте уместно привести замечания К. Джонс-Блэй, изложенные в статье «Женщины и война в Индоевропейском мире». 1) Открытые во второй половине XX в. могилы скифских, савроматских и сарматских женщин, погребенных согласно обычаям воинского сословия, предают новый смысл рассказам об амазонках, поведанным Геродотом и другими античными авторами. 2) Тезис о том, что амазонки являлись неким изолированным «диким племенем», существовавшим вне других этно-социальных объединений, жившим без мужчин, археологически не подтверждается, поскольку их могилы вписаны в контекст могильников номадов раннего железного века с многочисленными мужскими захоронениями. 3) Письменные и иконографические доказательства вкупе с женскими захоронениями определенно воинского характера приводят к бесспорному выводу о том, что некоторые женщины занимали положение воинов (Джонс-Блэй 1997, с. 69—71).

На этом этапе, как видно, из огромного массива вновь открытых памятников исследователи начинают вычленять погребения воительниц, анализируя и рассматривая их на общем фоне. Количество их уже значительно увеличилось — с 23 (по О. Д. Ганиной) до 112 (по Е. Е. Фиалко) и даже 150 (по В. С. Ольховскому).

Третий этап (*конец XX — начало XXI в.*) отмечается вынужденным поворотом от масштабных полевых работ, особенно курганных, к кабинетным. В последние десятилетия XX в. и в начале XXI в. раскопки курганов в целом пошли на спад в силу определенных обстоятельств (приоритетным направлением в скифоведении стало исследование поселенческих структур; финансирование археологических раскопок существенно ограничилось; курганная археология перешла в режим спасательных работ). Соответственно, начался процесс осмысления накопленного материала и постепенное планомерное введение его в научный оборот.

В степном регионе, несмотря на трудности, продолжаются спасательные работы на могильнике Мамай-Гора. Материалы исследования опубликованы в четырех томах продолжающейся серии (Андрух 2001; Андрух, Тощев 1999; 2004; 2009). В 2011 г. издана монография З. Х. Попандопуло «Скифский грунтовой могильник “Скельки”» (2011). Эти материалы особенно ценны, поскольку представляют один из немногих грунтовых некрополей Скифии и к тому же дополнены антропологическими определениями Л. В. Литвиновой (2011).

Интенсивно вводятся в научный оборот материалы исследований крымский древностей. Среди них монографии и статьи В. А. Колотухина «Киммерийцы и скифы Степного Крыма» (2000), В. А. Колотухина и С. Г. Колтухова «Скифский курганный могильник у с. Братское в Степном Крыму» (2007); серия изданий материалов Центрального, Северо-Западного Крыма и Крымского Присивашья (Колтухов 2012a; 2012b; 2014).

Серия новых работ касается погребальных памятников Подонья. Среди них назову публикации А. И. Пузиковой «Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов)» (2001), Е. И. Савченко «Могильник скифского времени «Терновое 1 — Колбино 1» на Среднем Дону (погребальный обряд)» (2001); В. И. Гуляева: «Амазонки» на Среднем Дону (2002), «Скифы на Среднем Дону: новые находки и открытия» (2009 a), «На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов) (2010); В. И. Гуляева и А. А. Шевченко «Новые курганные могильники скифского времени на Среднем Дону: Горки I и Девица V» (2017). Большой интерес представляет так же статья М. В. Добровольской «К антропологии населения Среднего Дона в скифское время» (2004). Появились новые публикации материалов Елизаветовского могильника: В. П. Копылова «Погребальные сооружения Елизаветовского городища на Дону» (2002); В. П. Копылова и А. Н. Коваленко «Комплексы архаического времени в дельте Дона» (2005).

Изданы и новые интересные материалы раскопок в Поднестровье. Это работы: Н. А. Кетрару и И. А. Четверикова «Курганы скифского времени у г. Дубоссары (публикация материалов раскопок 1980—1987 гг.)» (2005); Н. А. Кетрару, В. С. Синики, С. Н. Разумова, Н. П. Тельнова «Дубоссарские курганы» (2014); В. С. Синики «Скифский курганный могильник у пгт Суворово на правобережье Нижнего Днестра» (2007); В. С. Синики, С. Н. Разумова, Н. П. Тельнова «Курганы у с. Буторы» (2013) и монументальная книга Н. П. Тельнова, И. А. Четверикова, В. С. Синики «Скифский могильник III—II вв. до н. э. у с. Глиное» (2016).

И это далеко не полный перечень публикаций новых материалов, среди которых есть и могилы амазонок.

Аналитических работ, посвященных исследованию групп археологических комплексов скифских воительниц в определенных могильниках, относительно немного. Среди них можно упомянуть тезисы совместного доклада В. П. Копылова, Э. В. Яковенко и С. Ю. Янгулова «Погребения «амазонок» в курганах Елизаветовского могильника» (2004); краткие сообщения В. С. Синики и А. Н. Алемши «Женские погребения с оружием позднескифского могильника у с. Глиное» (2000) и Н. П. Тельнова «О скифских женских погребениях с оружием в Молдавии» (2003).

С 2010 г. выходит цикл статей Е. Е. Фиалко о сериях могил амазонок или курганах в скифских могильниках, расположенных на разных территориях Европейской Скифии: «Погребения амазонок из могильника Мамай-Гора» (2010b); «Погребения амазонок Чертомлыкского курганного поля» (2010c); «Поховання скіфської “амазонки” над Великим Лугом» (2010d); «Нові поховання амазонок Дніпровського Лісостепового Лівобережжя» (2011c); «Курган с погребением скифской амазонки у села Виноградное» (2012b); «Поховання дівчат зі зброєю в скіфському кургані на Херсонщині» (2012e); «Серия погребений амазонок из Нижнего Поднепровья» (2013b); «Могилы вооруженных женщин Рогачикского курганного поля» (2014); «Дружинний могильник скіфів на Лівобережній Херсонщині» (2015c); «Погребения амазонок Крыма» (2016); «Серия погребений скифских воительниц в могильнике у с. Глиное (Молдова)» (2017).

Кроме того, в последние годы вышел ряд статей, касающихся отдельных категорий инвентаря: вооружения (Фиалко 2011b; Махортых 2011), костюмного гарнтура (Клочко 2011; Фиалко 2012d), украшений и музыкальных инструментов (Фиалко 2012f; 2012c) амазонок. Отдельно рассматривались вопросы социального ранжирования (Guliaev 2003; Фиалко 2012a), хронологии комплексов, а также участия амазонок в боевых действиях (Фиалко 2015a, 2015b). Определенный интерес представляет и статья И. Лебединского, в которой вновь поднимается вопрос о степени реальности женщин-воинов в среде номадов (Lebedynsky 2009).

Вопрос о том, действительно ли все воины были мужчинами, вынесен в название сборника статей, вышедшего в 2008 г. под редакцией К. М. Линдаф и К. Ф. Рубинсон (Linduff, Rubinson, eds. 2008). В первую его часть «Культура воинов: миф и идентичность» вошли три статьи, посвященные гендерным проблемам в Евразийских степях раннего железного века (Hanks 2008, p. 15—34; Jones-Bley 2008, p. 35—50; Rubinson 2008, p. 51—66). Дополняет их работа Натальи Берсеневой, посвященная захоронениям женщин и детей в Саргатской культуре, вошедшая в третью часть «Брак, семья и смерть в Степи» этого сборника (Berseneva 2008, p. 131—152). В них авторы касаются различных аспектов погребального ритуала с позиций гендерной идентификации, однако информация о захоронениях собственно амазонок западной части степного пояса скифского времени упоминается лишь вскользь в статьях Хэнкс (Hanks 2008, p. 22) и Джонс-Блэй (Jones-Bley 2008, p. 41—42).

Вполне очевидно, что на третьем этапе исследования появились публикации серий могил амазонок в отдельных могильниках, в различных регионах Европейской Скифии (степном и лесостепном Приднепровье, Крыму, Приднестровье, Подонье). Число погребальных комплексов скифских амазонок, по моим подсчетам, возросло до 250. В работах рассматриваются типы погребальных сооружений, отдельные категории погребального инвентаря скифских амазонок, их социальная стратификация, хронология комплексов, поднимается вопрос о реальном участии женщин в сражениях и др. Эти материалы приближают нас к интересным выводам и обобщениям.

Подытоживая, отмечу следующее. Проблема амазонок исконно рассматривалась в трех ракурсах. При этом два из них — литературный и изобразительный, до последнего времени, были разработаны и представлены более полно и объемно. Как справедливо отметила А. Котина (2012, с. 25), «*мифы об амазонках послужили мощным творческим импульсом для искусства античности, они во всем своем многообразии нашли отражение в разнообразных сюжетах, изображавшихся мастерами*». Именно по этой причине в работах, посвященных амазонкам, авторы чаще всего используют оба вида источников как канву или иллюстрацию своих гипотез. Археологический ракурс существенно отставал и «тормозил» процесс понимания сути рассматриваемой проблемы. В последние десятилетия этот дисбаланс постепенно устраняется за счет введения в научный оборот серий погребальных комплексов скифских воительниц Европейской Скифии, появления работ интерпретационного характера. Благодаря этому, археологическая составляющая стала более полновесной, а рассматриваемая проблема в целом получила более полную и объемную «картинку» с выходом на исторические реалии и заключения. Тем не менее, поле для деятельности еще не пройдено до конца, впереди новые научные открытия и заключения.

ЛИТЕРАТУРА

Акимова, Л. И. 1987. *Античная скульптура из собрания Государственного Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина*. Москва: Изобразительное искусство.

Алексинский, Д. П. 2008. Амазонка-Афинянка? *Древнее Причерноморье*, VIII, с. 16-20.

Андрух, С. И. 2001. *Могильник Мамай-Гора*. Запорожье: ЗГУ, II.

Андрух, С. И., Тощев, Г. Н. 1999. *Могильник Мамай-Гора*. Запорожье: ЗГУ, I.

Андрух, С. И., Тощев, Г. Н. 2004. *Могильник Мамай-Гора*. Запорожье: ЗГУ, III.

Андрух, С. И., Тощев, Г. Н. 2009. *Могильник Мамай-Гора*. Запорожье: ЗНУ, IV.

Анфимов, Н. В. 1966. Комплекс бронзовых предметов из кургана близ ст. Темижбекской. В: Болтунов, А. И. (ред.). *Культура античного мира*. Москва: Наука, с. 19-23.

Артамонов, М. И. 1966. *Сокровища скифских курганов*. Прага, Ленинград: Артия, Советский художник.

Беннет, Ф. М. 2004. Религиозные культы, связанные с амазонками. В: Ротери, Г. К., Беннет, Ф. М. *Золотой век амазонок*. Москва: Вече.

Бергеман, И. 2001. «Смешанный» стиль поздней классики или эллинистическая традиция изображения битвы? О стилистике и типологии рельефа со сценой сражения с Таманского полуострова. В: Савостина, Е. А. (ред.). *Боспорский рельеф со сценой сражения (амазономахия?)*. Москва, Санкт-Петербург: ГМИИ им. А.С. Пушкина, с. 118-143.

Березовець, Д. Т. 1960. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут. *Археологічні пам'ятки УРСР*, IX, с. 39-87.

Бессонова, С. С., Бунятян, Е. П., Гаврилюк, Н. А. 1988. *Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму*. Киев: Наукова думка.

Бидзиля, В. И., Болтрик, Ю. В., Мозолевский, Б. Н., Савовский, И. П. 1977. Курганный могильник в уроч. Носаки. В: Бидзиля, В. И. (ред.). *Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки*. Киев: Наукова думка, с. 61-158.

Бобринский, А. А. 1901. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смела*. Санкт-Петербург: Главное Управление Уделов, 3.

Бобринский, А. А. 1905a. Отчет о раскопках близ сел Журовки и Капитановки (Чигиринского уезда Киевской губернии). *Известия археологической комиссии*, 17, с. 17-98.

Бобринский, А. А. 1905b. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии, урочище Горячево. *Известия археологической комиссии*, 14, с. 1-43.

Богаченко, Т. В. 1998. Амазонки — женщины-воительницы. *Донская археология*, 1, с. 13-19.

Богаченко, Т. 2011. *Женщины-воительницы южнорусских степей: Исторические основы сказаний*. Saarbrücken: LAP GmbH & Co.

Богаченко, Т. В., Максименко, В. Е. 1998. Амазонки в Северном Причерноморье (К вопросу об исторических корнях легенды). В: Кияшко, В. Я. (ред.). *Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Тезисы докладов 7 донской археологической конференции*. Ростов-на-Дону, с. 88-89.

Болтрик, Ю. В. 2002. Курганы скифской элиты в междуречье Нижнего Днепра и Дона. В: Мурзин, В. Ю., Тощев, Г. Н. (ред.). *Великая Скифия*. Киев, Запорожье: Днепровский металлург, с. 55-66.

Брашинский, И. Б. 1968. Работы Южнодонской экспедиции. *Археологические открытия 1967 г.*, с. 88-89.

Бунятян, Е. П. 1982. Методика социальной реконструкции по данным рядовых скифских могильников. В: Генинг, В. Ф. (ред.). *Теория и методы археологических исследований*. Киев: Наукова думка, с. 136-184.

Бунятян, Е. П. 1985. *Методика социальных реконструкций в археологии: На материале скифских могильников IV—III вв. до н. э.* Киев: Наукова думка.

Вахтина, М. Ю. 2005. Греческое искусство и искусство Европейской Скифии в 7—4 вв. до н. э. В: Андреев, Ю. В., Марченко, К. К. (ред.). *Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху*. Санкт-Петербург: Алетейя, с. 297-399.

Вдовиченко, И. И. 2003. *Античные расписные вазы из крымских музеев. Каталог*. Симферополь: Сонат.

Вдовиченко, И. И. 2008. *Античные расписные вазы в Северном Причерноморье (VII—IV вв. до н. э.)*. Симферополь: Сонат.

Вязьмітіна, М. І., Іллінська, В. А., Покровська, Є. Ф., Тереножкін, О. І., Ковпаненко. Г. Т. 1960. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень». *Археологічні пам'ятки УРСР*, VIII, с. 22-135.

Виппер, Б. Р. 1972. *Искусство Древней Греции*. Москва: Наука.

Войтович, В. М. 2008. *Амазонка. Богиня—Діва—Воїн*. Рівне: Видавець В. Войтович.

Гайдукевич, В. Ф. 1949. *Боспорское царство*. Москва, Ленинград: АН СССР.

Ганіна, О. Д. 1958. До питання про жіночі поховання зі зброєю скіфського часу. *Праці Київського державного Історичного Музею*, I, с. 175-183.

Ганина, О. Д. 1960. О женских захоронениях в парных погребениях скифского времени. *Записки Одесского археологического общества*, 1 (34), с. 96-104.

Герцигер, Д. С. 1973. Античные ткани в собрании Эрмитажа. В: Горбунова, К. С. *Памятники античного прикладного искусства*. Ленинград: Аврора, с. 71-100.

Граков, Б. Н. 1947. Γυναικοκρατουμενοι: Пережитки матриархата у сарматов. *Вестник древней истории*, 3, с. 100-121.

Граков, Б. Н. 1962. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 115, с. 56-113.

Гуляев, В. И. 2002. «Амазонки» на Среднем Дону. В: Разуваев, Ю. Д. (ред.). *Археологические памятники Восточной Европы*. Воронеж: ВГПУ, с. 125-134.

Гуляев, В. И. 2009a. Скифы на Среднем Дону: новые находки и открытия. В: Макаров, Н. А. (ред.). *Археологические открытия. Европейская Россия*. 1991—2004 гг. Москва: ИА РАН, с. 213-224.

Гуляев, В. И. 2009b. Погребальный обряд как этноисторический источник (по материалам среднедонских курганов скифского времени). В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004—2008 гг.* Москва: ИА РАН, с. 10-25.

Гуляев, В. И. 2010. *На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов)*. Москва: ИА РАН.

Гуляев, В. И., Шевченко. А. А. 2017. *Новые курганные могильники скифского времени на Среднем Дону: Горки I и Девица V*. Москва: ИА РАН.

Джонс-Блэй, К. 1997. Женщины и война в Индоевропейском мире. *Стратум: структуры и катастрофы*. Санкт-Петербург: Нестор, с. 67-72.

Добровольская, М. В. 2004. К антропологии населения Среднего Дона в скифское время. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН 2001—2003 гг.* Москва: ИА РАН, с. 69-106.

Ельницкий, Л. А. 1961. *Знания древних о северных странах*. Москва: Государственное издательство географической литературы.

Зайцева, К. И. 1971. Ольвийские культовые свинцовые изделия. В: Горбунова, К. С. (ред.). *Культура и искусство античного мира*. Ленинград: Аврора, с. 84-106.

Зубарь, В. М., Русяева, А. С. 2004. *На берегах Боспора Киммерийского*. Киев: Стилос.

Ильинская, В. А. 1966. Скифские курганы около г. Борисполя. *Советская археология*, 3, с. 152-171.

Ильинская, В. А., Тереножкин, А. И. 1983. *Скифия VII—IV вв. до н. э.* Киев: Наукова думка.

Кастанаян, Е. Г. 1966. Амазономахия на мозаике Аполлонии Иллирийской. В: Болтунов, А. И. (ред.). *Культура античного мира*. Москва: Наука, с. 83-89.

Кастанаян, Е. Г. 1967. О мозаичных полах Аполлонии Иллирийской. *Советская археология*, 4, с. 248-259.

Кетрару, Н. А., Синика, В. С., Разумов, С. Н., Тельнов, Н. П. 2014. *Дубоссарские курганы*. Тирасполь: Stratum plus.

Кетрару, Н. А., Четвериков, И. А. 2005. Курганы скифского времени у г. Дубоссары (публикация материалов раскопок 1980—1987 гг.). *Stratum plus*, 3, с. 77-197.

Клочко, Л. С. 2011. Костюмы скифских амазонок. В: Березуцкий, В. Д. (ред.). *Восточноевропейские древности скифской эпохи. Сборник научных трудов*. Воронеж: Научная книга, с. 53-64.

Кобылина, М. М. 1951. Поздние боспорские пелики. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 19, с. 137-170.

Кобылина, М. М. 1972. *Античная скульптура Северного Причерноморья*. Москва: Наука.

Колотухин, В. А. 2000. *Киммерийцы и скифы Степного Крыма*. Симферополь: Сонат.

Колотухин, В. А., Колтухов, С. Г. 2007. Скифский курганный могильник у с. Братское в Степном Крыму. *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму*, XIV, с. 94-109.

Колпинский, Ю. Д. 1961. *Искусство Древней Греции*. Москва: Академия художеств СССР.

Колпинский, Ю. Д. 1988. *Великое наследие античной Эллады и его значение для современности*. Москва: Изобразительное искусство.

Колтухов, С. Г. 2012a. *Скифы Крымского Присивашья в VII—IV вв. до н. э. Погребальные памятники. Ландшафтно-историческое районирование археологических памятников Крыма*. Симферополь: Феникс.

Колтухов, С. Г. 2012b. *Скифы Северо-Западного Крыма в VII—IV вв. до н. э. (погребальные памятники)*. Донецк: Донбасс.

Колтухов, С. Г. 2014. Погребения скифского времени в курганах Центрально-Крымской степи. *История и археология Крыма*, 1, с. 45-61.

Копылов, В. П. 2002. Погребальные сооружения Елизаветовского городища на Дону. *Из истории народов Северного Кавказа*, 5, с. 43-59.

Копылов, В. П. 2008. Накладка со сценой амазономахии из Елизаветовского могильника. *Российская археология*, 4, с. 91-96.

Копылов, В. П., Коваленко, А. Н. 2006. Комплексы архаического времени в дельте Дона. *Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник*, 22, с. 181-186.

Копылов, В. П., Яковенко, Э. В., Янгулов, С. Ю. 2004. Погребения «амазонок» в курганах Елизаветовского могильника. В: Лукьяшко, С. И. (ред.). *II Международная конференция «Скифы и сарматы VIII—III вв. до н. э.», посвященная памяти Б. Н. Гракова (тезисы докладов)*. Азов, Ростов-на-Дону, с. 53-57.

Копылов, В. П., Янгулов, С. Ю. 1992. Доспех в погребениях Елизаветовского могильника на Дону. В: Мозолевский, Б. Н. (ред.). *Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной памяти А. И. Тереножкина*. Мелитополь: Мелитопольская типография, с. 41-42.

Косвен, М. О. 1947a. Амазонки. История легенды. *Советская этнография*, 2, с. 33-59.

Косвен, М. О. 1947b. Амазонки. История легенды. *Советская этнография*, 3, с. 3-32.

Косматова, Е. Э. 2001. Амазонки: вечное возвращение. *Смыслы мифа: мифология в истории и культуре*, 8, с. 12-15.

Котина, А. В. 2010. Античная традиция об амазонках: генезис и эволюция. *Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика*, 13 (84), 15, с. 5-10.

Котина, А. В. 2011. Амазонки и великие греческие герои в античной мифологии. В: Болгов, Н. Н. (ред.). *Классическая и византийская традиция*. Белгород: БелГУ, с. 10-13.

Котина, А. В. 2012. *Миф об амазонках и его развитие в античной традиции*. Автореферат … канд. ист. наук. Белгород.

Котина, А. В.; Зубарев, В. Г. 2011. Персонификация амазонок и их имена в классической письменной традиции. *Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика*, 19 (114), 20, с. 5-12.

Кузьмина, Ю. Н. 2008. Культовые изображения Артемиды Эфесии. В: Смыкова, Е. В., Мосолкина, А. В. (ред.). *Antiqvitas Ivventae*. Саратов: Наука, с. 24-30.

Либеров, П. Д. 1965. *Памятники скифского времени на Среднем Дону*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1-31.

Литвинова, Л. В. 2011. Антропологический материал из грунтового могильника «Скельки». В: Попандопуло, З. Х. *Скифский курганный могильник «Скельки»*. Запорожье: ПУВК, с. 91-113.

Лосева, Н. М., Сидорова, Н. А. 1988. *Искусство Этрурии и древней Италии*. Москва: Искусство.

Махортых, С. В. 2011. Вооружение «амазонок» Степной Скифии. В: Березуцкий, В. Д. (ред.). *Восточноевропейские древности скифской эпохи*. Воронеж: Научная книга, с. 37-52.

Мелюкова, А. И. 1962. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И. Я. и Л. П. Стемпковских). *Материалы и исследования по археологии СССР*, 115, с. 114-166.

Мирошина, Т. В. 1993. Историческая подоснова мифа об амазонках. В: Раев, Б. (ред.). *Скифия и Боспор*. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, с. 83-84.

Молев, Е. А. 2003. *Эллины и варвары. На северной окраине античного мира*. Москва: Наука.

ОАК за 1892 год. 1894. Санкт-Петербург: Типография главного управления уделов.

Ольховский, В. С. 1991. *Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.)*. Москва: Наука.

Петракова, А. Е., Ягги, О. 2016. Амазонки на аттических краснофигурных вазах из Северного Причерноморья: к вопросу о понимании изображений. *Боспорские чтения*, XVII, с. 356-366.

Петрова, Э. Б. 1994. *Озябшие в Тавриде боги. Северное Причерноморье в античных мифах и легендах*. Симферополь: Таврида.

Петрухин, В. Я. 1995. *Начало этнокультурной истории Руси IX—XI вв*. Москва: Гнозис.

Плетнёва, С. А. 1998. «Амазонки» как социально-политическое явление. В: Князевская, Т. Б, Макарова, Т. И. (ред.). *Культура славян и Русь*. Москва: Наука, с. 529-537.

Покровська, Є. Ф. 1949. Розкопки коло с. Макіївка. *Археологічні пам'ятки УРСР*, II, с. 130-138.

Полин, С. В. 2002. Курганы скифской знати Степного Правобережья. В: Мурзин, В. Ю., Тощев, Г. Н. (ред.). *Великая Скифия*. Киев, Запорожье: Днепровский металлург, с. 39-55.

Полин, С. В., Кубышев, А. И. 1997. *Скифские курганы Утлюкского междуречья (в Северо-западном Приазовье)*. Препринт. Киев.

Полосьмак, Н. В. 1994. *Стерегущие золото грифы (ак-алахские курганы)*. Новосибирск: Наука.

Попандопуло, З. Х. 2011. *Скифский курганный могильник «Скельки»*. Запорожье: ПУВК.

Пругло, В. И. 1974. К вопросу о дате кургана Большая Близница. *Советская археология*, 3, с. 64-77.

Пузикова, А. И. 2001. *Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов)*. Москва: Индрик.

Росляков, С. Н. 2004. *Амазонки в ярости и любви*. Николаев: Возможности Киммерии.

Русяева, А. С. 2005. *Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев*. Киев: Стилос.

Русяева, М. В. 2008. Образотворче та ужиткове мистецтво. В: Скрипник, Г. (ред.). *Історія Українського мистецтва*. Київ: Інститут мистецтвознавства НАНУ, 1.

Савостина, Е. А. 1988. Миф и культ героя. В: Данилова, И. Е. (ред.). *Жизнь мифа в античности. Материалы научной конференции «Випперовские чтения»*. Москва: Советский художник, с. 98-115.

Савостина, Е. А. 1989. Амазонки в Скифии: к проблеме «исторического мифа». В: Толочко, П. П. (ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья*. Запорожье: Запорожский госуниверситет, с. 139-140.

Савостина, Е. А. (ред.). 2001. *Боспорский рельеф со сценой сражения (амазономахия?)*. Москва, Санкт-Петербург: ГМИИ им. А. С. Пушкина.

Савченко, Е. И. 2001. Могильник скифского времени «Терновое 1 — Колбино 1» на Среднем Дону (погребальный обряд). В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН*. Москва: ИА РАН, с. 53-143.

Селиванова, Л. Л. 2008. Понтийские амазонки: мифология и иконография. *Боспорские чтения*, IX, с. 232-237.

Селиванова, Л. Л. 2009a. Боспорские амазонки: исторические и мифические. *Боспорские чтения*, X, с. 374-379.

Селиванова, Л. Л. 2009b. Боспорский рельеф со сценой сражения: скифы или амазонки? *Проблемы истории, филологии, культуры*, 1 (23), с. 131-150.

Синика, В С. 2007. Скифский курганный могильник у пгт Суворово на правобережье Нижнего Днестра. *Российская археология*, 4, с. 170-179.

Синика, В. С., Алемша, А. Н. 2000. Женские погребения с оружием позднескифского могильника у с. Глиное. В: Яровой, Е. В. (ред.). *Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья (материалы полевого семинара)*. Тирасполь: Приднепровский Государственный Университет, с. 43-46.

Синика, В. С., Разумов, С. Н., Тельнов, Н. П. 2013. *Курганы у с. Буторы*. Тирасполь: Приднестровский Государственный университет им. Т. Г. Шевченко.

Скржинская, М. В. 1986. Герои киммерийских и скифских легенд в греческой поэзии и вазовой живописи VII—VI вв. до н. э. *Вестник древней истории*, с. 84-94.

Скржинская, М. В. 1991. *Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье*. Киев: Наукова думка.

Скржинская, М. В. 1996. Влияние аттической вазописи на сложение мифологических образов населения Боспора IV в. до н. э. В: Крыжицкий, С. Д. (ред.). *Мир Ольвии. Памятник исследователю и исследование памятника*. Киев: ІА НАНУ, с. 185-186.

Скржинская, М. В. 2007. Женщина в сакральной жизни Боспора (V—III вв. до н. э.). В: Зуев, В. Ю. (ред.). *Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 1, с. 22-26.

Скржинская, М. В. 2010. Фантастические существа в культуре, искусстве и религии античных государств Северного Причерноморья. *Боспорские исследования*, XXIV, с. 193-290.

Скржинская, М. В. 2011. Влияние аттической вазописи на знание боспорян о легендарных героях. *Боспорские чтения*, XII, с. 343-346.

Скржинская, М. В. 2017. Иностранцы в Пантикапее и их общение с боспорянами в V—I вв. до н. э. *Древности Боспора*, 21, с. 338-350.

Скрипник, Т. А. 1988. Амазонки в античной традиции. *Известия Ростовского областного музея краеведения*, 5, с. 29-39.

Смирнов, К. Ф. 1982. «Амазонка» IV века до н. э. на Дону. *Советская археология*, 1, с. 120-131.

Соколов, Г. И. 1965. *Античная скульптура. Рим*. Москва: Советский художник.

Соколов, Г. И. 1990. *Искусство этрусков*. Москва: Советский художник.

Суриков, И. Е. 1999. Перикл, Амис и амазонки. *Из истории античного общества*, 6, с. 147-152.

Тельнов, Н. П. 2003. О скифских женских погребениях с оружием в Молдавии. В: Сава, Е. (ред.). *Взаимодействие культур и хронология Северо-Понтийского региона*. Кишинев: АНМ, с. 252-260.

Тельнов, Н. П., Четвериков, И. А., Синика, В. С. 2016. *Скифский могильник III-II вв. до н. э. у с. Глиное*. Тирасполь: Stratum plus.

Тредьяковский, В. К. 1849. *Три рассуждения о трех главнейших древностях российских, а именно: О первенстве славянского языка перед тевтоническим. Сочинения*. Санкт-Петербург: Тип. Военно-учебных заведений, 1.

Трейстер, М. Ю. 2001. Тема амазономахии в торевтике поздней классики и раннего эллинизма (к вопросу о фаларах из кургана Большая Близница). В: Савостина, Е. А. (ред.). *Боспорский рельеф со сценой сражения (амазономахия?)*. Москва, Санкт-Петербург: ГМИИ им. Пушкина, с. 243-284.

Тугушева, О. В. 2001. Сцены амазономахии на боспорских пеликах. В: Савостина, Е. А. (ред.). *Боспорский рельеф со сценой сражения (амазономахия?)*. Москва, Санкт-Петербург: ГМИИ им. Пушкина, с. 216-229.

Тюхтина, (Котина), А. В. 2008. Образы амазонок в художественной литературе. В: Болгов, Н. Н. (ред.). *Классическая и византийская традиция*. Белгород: БелГУ, с. 147-149.

Тюхтина (Котина), А. В. 2009a. Амазонки в античной традиции: этимологический, территориально-географический, религиозный аспекты. *Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика*, 15 (70), 12, с. 5-10.

Тюхтина (Котина), А. В. 2009b К вопросу о вариантах трактовки термина «амазонка». В: Болгов, Н. Н. (ред.). *Классическая и византийская традиция*. Белгород: БелГУ, с. 7-10.

Фиалко, Е. Е. 1991. Погребения женщин с оружием у скифов. В: Болтрик, Ю. В., Бунятян, Е. П. (ред.). *Курганы Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 4-18.

Фиалко, Е. Е. 2009a. Амазонки в литературной и художественной традиции. В: Бессонова, С. С. (ред.). *Эпоха раннего железа*. Киев, Полтава: ИА НАНУ, с. 367-382.

Фиалко, Е. Е. 2009b. Образ амазонки в античном изобразительном искусстве. *Боспорские чтения*, X, с. 459-465.

Фиалко, Е. Е. 2009c. Серия расписных сосудов с изображениями амазонок из собрания Музея искусства и ремесла в Гамбурге. *Старожитності степового Причорномор'я і Криму*, XV, с. 193-200.

Фиалко, Е. Е. 2010a. Иконография образа амазонки в античном искусстве. *Проблемы истории и археологии Украины. Материалы 7 международной научной конференции*, с. 35-36.

Фиалко, Е. Е. 2010b. Погребения амазонок из могильника Мамай-Гора. *Stratum plus*, 3, с. 187-196.

Фиалко, Е. Е. 2010c. Погребения амазонок Чертомлыкского курганного поля. *Боспорские исследования*, 23, с. 166-190.

Фіалко, О. Є. 2010d. Поховання скіфської «амазонки» над Великим Лугом. *Археологічні студії*, 4, с. 39-48.

Фиалко, Е. Е. 2011a. Золотой калаф из кургана Большая Близница: к интерпретации персонажей. В: Строкова, Л. В. (ред.). *Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки»*. Київ: Фенікс, с. 89-96.

Фиалко, Е. Е. 2011b. Паноплия скифских воительниц. *Tyragetia*, s. n., V (XX), 1, с. 265-278.

Фіалко, О. Є. 2011c. Нові поховання амазонок Дніпровського Лісостепового Лівобережжя. *Наукові записки. Серія: історичні науки*, 14, с. 34-46.

Фиалко, Е. Е. 2012a. Вооруженные женщины раннего железного века в Северном Причерноморье: социальный аспект. *Tyragetia. Arheologie. Istorie. Anticǎ*, VI (XXI), 1, с. 27-44.

Фиалко, Е. Е. 2012b. Курган с погребением скифской амазонки у села Виноградное. *Stratum plus*, 3, с. 217-230.

Фиалко, Е. Е. 2012c. Скифские амазонки и музика. *Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья*, IV, с. 155-164.

Фіалко, О. Є. 2012d. Костюмні гарнітури скіфських амазонок. *Наукові записки. Серія: історичні науки*, 16, с. 21-33.

Фіалко, О. Є. 2012e. Поховання дівчат зі зброєю в скіфському кургані на Херсонщині. *Археологія*, 1, с. 82-92.

Фіалко, О. Є. 2012f. Прикраси у вбранні скіфських амазонок. В: Строкова, Л. В. (ред.). *Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки»*. Київ: МІКУ, с. 146-153.

Фиалко, Е. Е. 2013a. К вопросу о функциональной принадлежности бронзовой пластины из Елизаветовского могильника. *Боспорские чтения*, XIV, с. 469-473.

Фиалко. Е. Е. 2013b. Серия погребений амазонок из Нижнего Поднепровья. *Stratum plus*, 3, с. 203-222.

Фиалко, Е. Е. 2014. Могилы вооруженных женщин Рогачикского курганного поля. *Археологія і давня історія України*, 1 (12), с. 25-39.

Фиалко, Е. Е. 2015a. Погребальные комплексы скифских амазонок хронологический аспект. *Археологія і давня історія України*, 2 (15), с. 142-156.

Фиалко, Е. Е. 2015b. *Скифские амазонки — участницы военных конфликтов. Труды Государственного Эрмитажа*, 75, с. 440-456.

Фіалко, О. Є. 2015c. Дружинний могильник скіфів на Лівобережній Херсонщині. *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму*, XVIII, с. 120-156.

Фиалко, Е. Е. 2016. Погребения амазонок Крыма. В: Марина, З. П. (ред.). *Археологія та етнологія півдня Східної Європи*. Дніпро: Ліра, с. 328-345.

Фиалко, Е. Е. 2017. Серия погребений скифских воительниц в могильнике у с. Глиное (Молдова). *Археологія і давня історія України*, 2 (23), с. 208-227.

Фол, А. 1988. *Тракийското съкровище от Рогозен*. София: Българска академия на науките.

Хазанов, А. М. 1970. Материнский род у сарматов. *Вестник древней истории*, 2, с. 138-148.

Хачатурова, Е. А. 1987. Терракотовые статуэтки в собраниях Краснодарского, Таманского и Темрюкского музеев. В: Кругликова, И. Т. (ред.). *Тайны терракоты*. Краснодар: Издательство Краснодар, с. 103-144.

Шауб, И. Ю. 1983. Религиозно-мифологические представления жителей Боспорского царства (некоторые сюжеты «боспорских пелик»). *Concilium Eirene*, XVI, 2, с. 72-75.

Шауб, И. Ю. 1987. Погребения кургана Большая Близница как источник по истории религиозных представлений жителей Боспорского царства. *Краткие сообщения Института археологии*, 191, с. 27-33.

Шауб, И. Ю. 1993. Амазонки на Боспоре. В: Раев, Б. А. (ред.). *Скифия и Боспор. Материалы конференции памяти академика М. И. Ростовцева.* Новочеркасск: Музей истории донского казачества, с. 79-88.

Шауб, И. Ю. 1999. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья. *Stratum plus*, 3, с. 201-223.

Шауб, И. Ю. 2007. *Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII—IV вв. до н. э.* Санкт-Петербург: СПбГУ.

Шауб, И. Ю. 2011. *Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI—IV вв. до н. э.).* Saarbrücken: LAP.

Шевченко, Е. Б. 2014. «Амазонки» Южного Приуралья в савроматское время: миф или реальность (историографический обзор). В: Лукьяшко, С. И. (ред.). *Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы международной научной конференции памяти А. И. Мелюковой.* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, с. 407-416.

Шталь, И. В. 2000. *Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ (пелики, IV в. до н. э., керченский стиль).* Москва: Олма-Пресс.

Эрнст, Н. Л. 1931. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921—1930). *Известия Таврического Общества истории, археологии и этнографии*, 4, с. 72-92.

Яковенко, Э. В. 1978. Женские погребения Елизаветовского могильника. В: Генинг, В. Ф. (ред.). *Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Тезисы докладов XVII конференции ИА АН УССР.* Ужгород: ИА АН УССР,

Andronicos, M. 1994. *Thessalonike Museum*. Athens: Ekdotike Athenon.

Bachofen, J. J. 1861. *Das Mutterrecht*. Stuttgart: Krais & Hoffman.

Bell, R. E. 1991. *Women of Classical Mythology*. New York: Oxford University Press.

Bunyatyan, K., Fialko, E. 2011. A Scythian Burial-Mound with a Sarcophagus Bearing Painted Decoration. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, 17, p. 225-254.

Bernhard, N. L. 1970. *Sztuka Grecka V wieku p. n. e.* Warszawa: Panstwowe wydawnictwo Naukowe.

Bernhard, N. L. 1974. *Sztuka Grecka IV wieku p. n. e.* Warszawa: Panstwowe wydawnictwo Naukowe.

Berseneva, N. 2008. Women and Children in the Sargat Culture. In: Linduff, K. M., Rubinson, K. S. (eds.). *Are All Warriors Male?: Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe*. Lanham: AltaMira Press, p. 131-152.

Boardman, J. 1985a. *Greek Sculpture: The Classical Period*. London: Thames and Hudson.

Boardman, J. 1985b. *The Parthenon and its Sculptures*. London: Thames and Hudson.

Boardman, J. 1981. *Rotfigurige Vasen aus Athen: Die Archaische Zeit*. Mainz am Rhein: von Zabern. Kulturgeschichte der Antiken Welt, 4.

Boardman, J. 1990. Herakles and the Amazons. *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*, 5, p. 71-73.

Boardman, J. 1991. *Rotfigurige Vasen aus Athen: Die Klassische Zeit*. Mainz am Rhein: von Zabern. Kulturgeschichte der Antiken Welt, 48.

Boardman, J. 2001. *Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical*. London: Thames and Hudson Ltd.

Bothmer, D. von. 1957. *Amazons in Greek Art*. Oxford: Clarendon Press.

Bothmer, D. von. 1987. *Greek Vase Painting. Metropolitan Museum of Art*. New York: Metropolitan Museum of Art Publications.

Burn, L. 1991. *The British Museum Book of Greek and Roman Art*. London: Thames and Hudson.

Carpenter, T. H. 1991. *Art and Myth in Ancient Greece: a handbook*. London: Thames and Hudson.

Carus, F. A. 1809. *Ideen zur Geschichte der Menschheit*. Leipzig: Barth und Kummer. Nachgelassene Werke, VI.

Charbonneaux, J., Martin, R., Villard, F. 1969. *Grèce classique (480—330 avant J.-C.).* Gallimard: L'Univers des Formes.

Dillon, S. 2010. *The Female Portrait Statue in the Greek World*. New York: Cambridge University Press.

Du Bois, P. 1982. *Centaurs and amazons: Women and the Prehistory of the Great Chain of being*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Fialko, E. 2010. Wooden Sarcophagus with Polychrome Paintings from Scythian Barrow. In: Cândea, I. (ed.). *The Thracians and Their Neighbours in Antiquity. Studia in Honorem Valerii Sirbu*. Brăila: Istros a Muzeului Brăilei, p. 215-226.

Fornasier, J. 2001. *Jagddarstellungen des 6.—4. Jhr. v. Chr., Eine ikonographische und ikonologische Analyse*. Münster: Ugarit-Verlag.

Galoin, A. 2016. *L'iconographie des Amazones Dans L'art Grec de la Fin de L'epoque Archaique et de la Premiere Epoque Classique (de la fin du VIe siècle a la fin du Ve siècle J.-C.).* Paris: Aix-en-Provence.

Grammenos, D. V., Petropoulos, E. K. 2007. (eds.). *Ancient Greek Colonies in the Black Sea*. Oxford: Archaeopress. British Archaeological Reports International Series, 1675, II.

Guliaev, V. 2003. Amazons in the Scythia: New finds at the Middle Don, Southern Russia. The social commemoration of warfare. *World Archaeology*, 35, 1, p. 112-125.

Hanks, B. 2008. Reconsidering Warfare, Status and Gender in the Eurasian Steppe Iron Age. In: Linduff, K. M., Rubinson, K. S. (eds.). *Are All Warriors Male?: Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe*. Lanham: AltaMira Press, p. 15-34.

Hardwick, L. 1990. Ancient Amazons: heroes, outsiders, or women? *Greece & Rome*, 37, 1, p. 34-54.

Haynes, S. 1965. *Etruscan bronze utensils. The British Museum*. London: Trustees of the British Museum.

Heres, H., Kästner, V. 1997. *The Telephos Frieze. Antikensammlung Pergamonmuseum*. Berlin.

Jones-Bley, K. 2008. Arma Feminamque Cano: Warrior-Women in the Indo-European World. In: Linduff, K. M., Rubinson, K. S. (eds.). *Are All Warriors Male?: Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe*. Lanham: AltaMira Press, p. 35-50.

Ivantchik, A. 2013. Amazonen, Skythen und Sauromaten: Alte und moderne Mythen. In: Schubert, C., Weiß, A. (ed.). *Amazonen zwischen Griechen und Skythen Gegenbilder in Mythos und Geschichte*. Berlin, New York: De Gruyter, S. 73-88.

Koch, A. (Hrsg.). 2010. *Amazonen. Geheimnisvolle Kriegerinnen*. Speyer: Speyer Historisches Museum der Pfalz.

Krause, H. L. 1893. *Die Amazonensage*. Berlin: R. Heinrich.

Lacour, P. 1901. *Les Amazones*. Paris: Librairie Academique Didier.

Lafitau, J. F. 1724. *Moeurs des sauvages amériquains comparées aux moeurs des premiers temps*. Paris: Maspéro, 2 vls.

Leal, W. E. 2010. *The Empire's Muse: Roman Interpretations of the Amazons through Literature and Art*. San Diego: State University.

Lebedynsky, I. 2009. *Les Amazones, mythe et realitu des femmes guerrieres chez les anciens nomades de la steppe*. Paris: Editions Errance.

Le Gendre, G. Ch. (marquis de S. Aubin-sur-Loire). 1741. *Des antiquités de la nationet de la monarchie francaise*. Paris: chez Briasson.

Leonhard, W. 1911. *Hettiter und Amazonen: die griechische Tradition über die Chatti und ein Versuch zu ihrer historischen Verwertung*. Leipzig, Berlin: Teubnet.

Makowiecka, E. 2007. *Sztuka Grecka*. Warszawa: Uniwersytet Warszawskiey.

Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae (LIMC). 1981—1999. Zürich, München, Düsseldorf: Artemis & Winkler Verlag.

Linduff, K. M., Rubinson, K. S. (eds.). 2008. *Are All Warriors Male?: Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe*. Lanham: AltaMira Press.

Marazov, I. 1996. *The Rogozen Treasure*. Sofia: Sekor Publishers.

Maslowska-Nowak, A. 1990. *Amazonki: greskie źlódła literaclie do historii mitu*. Wrocław: Zaklad Narodowy im Ossolinskich. Archiwum filologiczne, XLIV.

Mayor, A. 2014. *The Amazons: Lives and Legends of Warrior Women across the Ancient World*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Mayor, A., Colarusso, J., Saunders, D. 2014. Making sense of nonsense inscriptions associated with Amazons and Scythians on Athenian vases. *Hesperia*, 83, p. 447-493.

Melyukova, A. I. 1995. Scythians of Southeastern Europe. In: Davis-Kimball, J. (ed.). *Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Iron Ege*. Berkeley: Zinat Press, p. 28-61.

Mordtmann, A. D. 1862. *Die Amazonen*. Hannover: Hahn.

Nagel, Fr. 1838. *Geschichte der Amazonen*. Stuttgart, Tübingen: J. G. Cotta'sche Buchhandlung.

Pallottino, M. 1952. *La peinture etrusque (Les grands siecles de la peinture)*. Geneve, Paris, Neu-York: Skira.

Petit, P. 1718. *Traité historique sur les amazons, traduction du latin*. Leyde: Marchand.

Richter, G. 1936. *Red-figured Athenian vases in the Metropolitan Museum of art*. New Hawen: Yale University Press.

Ridgway, B. S. 1997. *Fifth Century Styles in Greek Sculpture*. London: Duckworth.

Ridgway, B. S. 2002. *Hellenistic Sculpture*, III: The Styles of Ca. 100—31 BC. Madison: The University of Wisconsin Press.

Robertson, C. M. 1975. *A history of Greek art*. London: Cambridge University Press.

Rohden, H. V., Winnefeld, H. 1911. *Architektonische römische Tonreliefs der Kaiserzeit*. Berlin.

Rolle, R. 1986. Amazonen in der Archäologischen realität. In: Kreutzer, J. (ed.). *Kleist-Jahrbuch*, Berlin: Erich Schmidt verlag, S. 38-62.

Rothery, G. C. 1910. *The amazons in antiquity and modern times*. London: Francis Griffiths.

Rothery, G. C. 2014. *The Amazons (Illustrated)*. London: Didactic Press.

Rasmussen, T., Spivey, N. (eds.). 2005. *Looking at the Greek Vases*. Cambridge: University Press.

Rubinson, K. S. 2008. Tillya Tepe: Aspects of Gender and Cultural Identity. In: Linduff, K. M., Rubinson, K. S. (eds.). *Are All Warriors Male?: Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe*. Lanham: AltaMira Press, p. 51-66.

Santangelo, M. 1963. *Musées et monuments etrusques*. Novara: Istituto Geografico De Agostini. Musei e monumendi d'Italia, 3.

Schubert, C., Weiß, A. (eds.). 2013. *Amazonen zwischen Griechen und Skythen. Gegenbilder in Mythos und Geschichte*. Berlin, New York: De Gruyter.

Smith, R. R. 2005. *Hellenistic Sculpture*. London: Thames and Hudson.

Sobol, D. J. 1972. *The Amazons of Greek Mythology*. Cranbury, New York: Barnes & Co.

Solmonson, J. A. 1991. *The Encyclopedia of Amazons. Women Warriors from Antiquity to the Modern Era*. New York: Paragon House.

Spivey, N. 2003. *Greek Art*. New York: Phaidon Press Ltd.

Stricker, W. 1868. *Die Amazonen in Sage und Geschichte*. Berlin: C. G. Lüderitz.

Stuart, J. H. 1926. *A Catalogue of the Ancient Sculptures preserved in the Municipal Collections of Rome. The Sculptures of the Palazzo dei Conservatori*. Oxford: Clarendon Press.

Taylor, T. 1996. *The Prehistory of Sex: Four Million Years of Human Sexual Culture*. London: Fourth Estate.

Tyrrell, W. B. 1984. *Amazons: a study in Athenian mythmaking*. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press.

Webster Wilde, L. 1999. *On the Trail of the Women Warriors*. London: Constable.

REFERENCES

Akimova, L. I. 1987. *Antichnaya skulptura iz sobraniya Gosudarstvennogo Muzeya izobrazitelnykh iskusstv im. A. S. Pushkina*. Moskva: Izobrazitelnoye iskusstvo.

Aleksinskiy, D. P. 2008. Amazonka-Afinyanka? *Drevneye Prichernomorye*, VIII, s. 16-20.

Andrukh, S. I. 2001. *Mogilnik Mamay-Gora*. Zaporozhye: ZGU, II.

Andrukh, S. I., Toshchev. G. N. 1999. *Mogilnik Mamay-Gora*. Zaporozhye: ZGU, I.

Andrukh, S. I., Toshchev, G. N. 2004. *Mogilnik Mamay-Gora*. Zaporozhye: ZGU, III.

Andrukh, S. I., Toshchev, G. N. 2009. *Mogilnik Mamay-Gora*. Zaporozhye: ZNU, IV.

Anfimov, N. V. 1966. Kompleks bronzovykh predmetov iz kurgana bliz st. Temizhbekskoy. In: Boltunov, A. I. (ed.). *Kultura antichnogo mira*. Moskva: Nauka, s. 19-23.

Artamonov, M. I. 1966. *Sokrovishcha skifskikh kurganov*. Praga, Leningrad: Artiya, Sovetskiy khudozhnik.

Bennet, F. M. 2004. Religioznyye kulty, svyazannyye s amazonkami. In: Roteri, G. K., Bennet, F. M. *Zolotoy vek amazonok*. Moskva: Veche.

Bergeman, I. 2001. «Smeshannyy» stil pozdney klassiki ili ellinisticheskaya traditsiya izobrazheniya bitvy? O stilistike i tipologii relyefa so stsenoy srazheniya s Tamanskogo poluostrova. In: Savostina, E. A. (ed.). *Bosporskiy relyef so stsenoy srazheniya (amazonomakhiya?)*. Moskva, Sankt-Peterburg: GMII im. A. S. Pushkina, s. 118-143.

Berezovets, D. T. 1960. Rozkopki kurgannogo mogylnyika epokhi bronzi ta skifskogo chasu v s. Kut. *Arkheologichni pamyatki URSR*, IX, s. 39-87.

Bessonova, S. S., Bunyatyan, E. P., Gavrilyuk, N. A. 1988. *Aktashskiy mogilnik skifskogo vremeni v Vostochnom Krymu*. Kiev: Naukova dumka.

Bidzilya, V. I., Boltrik, Yu. V., Mozolevskiy, B. N., Savovskiy, I. P. 1977. Kurgannyy mogilnik v uroch. Nosaki. In: Bidzilya, V. I. (ed.). *Kurgannyye mogilniki Ryasnyye Mogily i Nosaki*. Kiev: Naukova dumka, s. 61-158.

Bobrinskiy, A. A. 1901. *Kurgany i sluchaynyye arkheologicheskiye nakhodki bliz mestechka Smela*. Sankt-Peterburg: Tip. Glavnogo Upravleniya Udelov, 3.

Bobrinskiy, A. A. 1905a. Otchet o raskopkakh bliz sel Zhurovki i Kapitanovki (Chigirinskogo uyezda Kievskoy gubernii). *Izvestiia arheologicheskoi komissii*, 17, s. 17-98.

Bobrinskiy, A. A. 1905b. Otchet o raskopkakh. proizvedennykhv 1903 godu v Chigirinskom uyezde Kievskoy gubernii. Urochishche Goryachevo. *Izvestiia arheologicheskoi komissii*, 14, s. 1-43.

Bogachenko, T. V. 1998. Amazonki — zhenshchiny-voitelnitsy. *Donskaya arkheologiya*, 1, s. 13-19.

Bogachenko, T. 2011. *Zhenshchiny-voitelnitsy yuzhnorusskikh stepey: Istoricheskiye osnovy skazaniy*. Saarbrücken: LAP GmbH & Co.

Bogachenko, T. V., Maksimenko, V. E. 1998. Amazonki v Severnom Prichernomorye (K voprosu ob istoricheskikh kornyakh legendy). In: Kiyashko, V. Ya. (ed.). *Problemy arkheologii Yugo-Vostochnoy Evropy. Tezisy dokladov 7 donskoy arkheologicheskoy konferentsii*. Rostov-na-Donu, s. 88-89.

Boltrik, Yu. V. 2002. Kurgany skifskoy elity v mezhdurechye Nizhnego Dnepra i Dona. In: Murzin, V. Yu., Toshchev, G. N. (ed.). *Velikaya Skifiya*. Kiev, Zaporozhye: Dneprovskiy metallurg, s. 55-66.

Brashinskiy, I. B. 1968. Raboty Yuzhnodonskoy ekspeditsii. *Arkheologicheskie otkrytiia 1967 g*., s. 88-89.

Bunyatyan, E. P. 1982. Metodika sotsialnoy rekonstruktsii po dannym ryadovykh skifskikh mogilnikov. In: Gening, V. F. (ed.). *Teoriya i metody arkheologicheskikh issledovaniy*. Kiev: Naukova dumka, s. 136-184.

Bunyatyan, E. P. 1985. *Metodika sotsialnykh rekonstruktsiy v arkheologii: Na materiale skifskikh mogilnikov IV—III vv. do n. e.* Kiev: Naukova dumka.

Vakhtina, M. Yu. 2005. Grecheskoye iskusstvo i iskusstvo Evropeyskoy Skifii v 7—4 vv. do n. e. In: Andreyev, Yu. V., Marchenko, K. K. (ed.). *Greki i varvary Severnogo Prichernomoria v skifskuyu epokhu*. Sankt-Peterburg: Aleteyya, s. 297-399.

Vdovichenko, I. I. 2003. *Antichnyye raspisnyye vazy iz krymskikh muzeyev. Katalog*. Simferopol: Sonat.

Vdovichenko, I. I. 2008. *Antichnyye raspisnyye vazy v Severnom Prichernomorye (VII—IV vv. do n. e.)*. Simferopol: Sonat.

Vyazmitina, M. I., Illinska, V. A., Pokrovska, Є. F., Terenozhkin, O. I., Kovpanenko, G. T. 1960. Kurgani bilya s. Novo-Pilipivki i radgospu «Akkermen». *Arkheologichni pamyatki URSR*, VIII, s. 22-135.

Vipper, B. R. 1972. *Iskusstvo Drevney Gretsii*. Moskva: Nauka.

Voytovich, V. M. 2008. *Amazonka. Boginya Diva Voïn*. Rivne: Vidavets V. Voytovich.

Gaydukevich, V. F. 1949. *Bosporskoye tsarstvo*. Moskva, Leningrad: AN SSSR.

Ganina, O. D. 1958. Do pitannya pro zhinochi pokhovannya zi zbroyeyu skifskogo chasu. *Pratsi Kiyivskogo derzhavnogo Istorichnogo Muzeyu*, I, s. 175-183.

Ganina, O. D. 1960. O zhenskikh zakhoroneniyakh v parnykh pogrebeniyakh skifskogo vremeni. *Zapiski Odesskogo arkheologicheskogo obshchestva*, 1 (34), s. 96-104.

Gertsiger, D. S. 1973. Antichnyye tkani v sobranii Ermitazha. In: Gorbunova, K. S. *Pamyatniki antichnogo prikladnogo iskusstva*. Leningrad: Avrora, s. 71-100.

Grakov, B. N. 1947. Γυναικοκρατουμενοι: Perezhitki matriarkhata u sarmatov. *Vestnik drevnei istorii*, 3, s. 100-121.

Grakov, B. N. 1962. Skifskiye pogrebeniya na Nikopolskom kurgannom pole. *Materialy i issledovaniia po arheologii SSSR*, 115, s. 56-113.

Gulyayev, V. I. 2002. «Amazonki» na Srednem Donu. In: Razuvayev, Yu. D. (ed.). *Arkheologicheskiye pamyatniki Vostochnoy Evropy*. Voronezh: VGPU, s. 125-134.

Gulyayev, V. I. 2009a. Skify na Srednem Donu: novyye nakhodki i otkrytiya. In: Makarov, N. A. (ed.). *Arkheologicheskiye otkrytiya. Evropeyskaya Rossiya. 1991—2004 gg*. Moskva: IA RAN, s. 213-224.

Gulyayev, V. I. 2009b. Pogrebalnyy obryad kak etnoistoricheskiy istochnik (po materialam srednedonskikh kurganov skifskogo vremeni). In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN 2004—2008 gg*. Moskva: IA RAN, s. 10-25.

Gulyayev, V. I. 2010. *Na vostochnykh rubezhakh Skifii (drevnosti donskikh skifov)*. Moskva: IA RAN.

Gulyayev, V. I., Shevchenko, A. A. 2017. *Novyye kurgannyye mogilniki skifskogo vremeni na Srednem Donu: Gorki I i Devitsa V*. Moskva: IA RAN.

Dzhons-Bley, K. 1997. Zhenshchiny i voyna v Indoyevropeyskom mire. *Stratum: struktury i katastrofy*. Sankt-Peterburg: Nestor, s. 67-72.

Dobrovolskaya, M. V. 2004. K antropologii naseleniya Srednego Dona v skifskoye vremya. In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: trudy Donskoy (b. Potudanskoy) arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN 2001—2003 gg*. Moskva: IA RAN, s. 69-106.

Elnitskiy, L. A. 1961. *Znaniya drevnikh o severnykh stranakh*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatelstvo geograficheskoy literatury.

Zaytseva, K. I. 1971. Olviyskiye kultovyye svintsovyye izdeliya. In: Gorbunova, K. S. (ed.). *Kultura i iskusstvo antichnogo mira*. Leningrad: Avrora, s. 84-106.

Zubar, V. M., Rusyayeva, A. S. 2004. *Na beregakh Bospora Kimmeriyskogo*. Kiev: Stilos.

Ilinskaya, V. A. 1966. Skifskiye kurgany okolo g. Borispolya. *Sovetskaia arheologiia*, 3, s. 152-171.

Ilinskaya, V. A., Terenozhkin, A. I. 1983. *Skifiya VII—IV vv. do n. e.* Kiev: Naukova dumka.

Kastanayan, E. G. 1966. Amazonomakhiya na mozaike Apollonii Illiriyskoy. In: Boltunov, A. I. (ed.). *Kultura antichnogo mira*. Moskva: Nauka, s. 83-89.

Kastanayan, E. G. 1967. O mozaichnykh polakh Apollonii Illiriyskoy. *Sovetskaia arheologiia*, 4, s. 248-259.

Ketraru, N. A., Sinika, V. S., Razumov, S. N., Telnov, N. P. 2014. *Dubossarskiye kurgany*. Tiraspol: Stratum plus.

Ketraru, N. A., Chetverikov, I. A. 2005. Kurgany skifskogo vremeni u g. Dubossary (publikatsiya materialov raskopok 1980—1987 gg.). *Stratum plus*, 3, s. 77-197.

Klochko, L. S. 2011. Kostyumy skifskikh amazonok. In: Berezutskiy, V. D. (ed.). *Vostochnoyevropeyskiye drevnosti skifskoy epokhi. Sbornik nauchnykh trudov*. Voronezh: Nauchnaya kniga, s. 53-64.

Kobylina, M. M. 1951. Pozdniye bosporskiye peliki. Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomoria v antichnuyu epokhu. *Materialy i issledovaniia po arheologii SSSR*, 19, s. 137-170.

Kobylina, M. M. 1972. *Antichnaya skulptura Severnogo Prichernomoria*. Moskva: Nauka.

Kolotukhin, V. A. 2000. *Kimmeriytsy i skify Stepnogo Kryma*. Simferopol: Sonat.

Kolotukhin, V. A., Koltukhov, S. G. 2007. Skifskiy kurgannyy mogilnik u s. Bratskoye v Stepnom Krymu. *Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ya i Krimu*, XIV, s. 94-109.

Kolpinskiy, Yu. D. 1961. *Iskusstvo Drevney Gretsii*. Moskva: Akademiya khudozhestv SSSR.

Kolpinskiy, Yu. D. 1988. *Velikoye naslediye antichnoy Ellady i ego znacheniye dlya sovremennosti*. Moskva: Izobrazitelnoye iskusstvo.

Koltukhov, S. G. 2012a. *Skify Krymskogo Prisivashia v VII—IV vv. do n. e. Pogrebalnyye pamyatniki. Landshaftno-istoricheskoye rayonirovaniye arkheologicheskikh pamyatnikov Kryma*. Simferopol: Feniks.

Koltukhov, S. G. 2012b. *Skify Severo-Zapadnogo Kryma v VII—IV vv. do n. e. (pogrebalnyye pamyatniki)*. Donetsk: Donbass.

Koltukhov, S. G. 2014. Pogrebeniya skifskogo vremeni v kurganakh Tsentralno-Krymskoy stepi. *Istoriya i arkheologiya Kryma*, 1, s. 45-61.

Kopylov, V. P. 2002. Pogrebalnyye sooruzheniya Elizavetovskogo gorodishcha na Donu. *Iz istorii narodov Severnogo Kavkaza*, 5, s. 43-59.

Kopylov, V. P. 2008. Nakladka so stsenoy amazonomakhii iz Elizavetovskogo mogilnika. *Rossiiskaia arkheologiia*, 4, s. 91-96.

Kopylov, V. P., Kovalenko, A. N. 2006. Kompleksy arkhaicheskogo vremeni v delte Dona. *Azovskiy istoriko-arkheologicheskiy i paleontologicheskiy muzey-zapovednik*, 22, s. 181-186.

Kopylov, V. P., Yakovenko, E. V., Yangulov, S. Yu. 2004. Pogrebeniya «amazonok» v kurganakh Elizavetovskogo mogilnika. In: Lukiashko, S. I. (ed.). *II Mezhdunarodnaya konferentsiya «Skify i sarmaty VIII-III vv. do n. e.», posvyashchennaya pamyati B. N. Grakova (tezisy dokladov)*. Azov, Rostov-na-Donu, s. 53-57.

Kopylov, V. P., Yangulov, S. Yu. 1992. Dospekh v pogrebeniyakh Elizavetovskogo mogilnika na Donu. In: Mozolevskiy, B. N. (ed.). *Kimmeriytsy i skify. Tezisy dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati A. I. Terenozhkina*. Melitopol: Melitopolskaya tipografiya, s. 41-42.

Kosven, M. O. 1947a. Amazonki. Istoriya legendy. *Sovetskaya etnografiya*, 2, s. 33-59.

Kosven, M. O. 1947b. Amazonki. Istoriya legendy. *Sovetskaya etnografiya*, 3, s. 3-32.

Kosmatova, E. E. 2001. Amazonki: vechnoye vozvrashcheniye. *Smysly mifa: mifologiya v istorii i kulture*, 8, s. 12-15.

Kotina, A. V. 2010. Antichnaya traditsiya ob amazonkakh: genezis i evolyutsiya. *Nauchnyye vedomosti BelGU. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, 13 (84), 15, s. 5-10.

Kotina, A. V. 2011. Amazonki i velikiye grecheskiye geroi v antichnoy mifologii. In: Bolgov, N. N. (ed.). *Klassicheskaya i vizantiyskaya traditsiya*. Belgorod: BelGU, s. 10-13.

Kotina, A. V. 2012. *Mif ob amazonkakh i ego razvitiye v antichnoy traditsii*. Avtoreferat … kand. ist. nauk. Belgorod.

Kotina, A. V., Zubarev, V. G. 2011. Personifikatsiya amazonok i ikh imena v klassicheskoy pismennoy traditsii. *Nauchnyye vedomosti BelGU. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, 19 (114), 20, s. 5-12.

Kuzmina, Yu. N. 2008. Kultovyye izobrazheniya Artemidy Efesii. In: Smykova, E. V., Mosolkina, A. V. (ed.). *Antiqvitas Ivventae*. Saratov: Nauka, s. 24-30.

Liberov, P. D. 1965. *Pamyatniki skifskogo vremeni na Srednem Donu*. Moskva: Nauka. Svod arheologicheskih istochnikov, D 1-31.

Litvinova, L. V. 2011. Antropologicheskiy material iz gruntovogo mogilnika «Skelki». In: Popandopulo, Z. Kh. *Skifskiy kurgannyy mogilnik «Skelki»*. Zaporozhye: PUVK, s. 91-113.

Loseva, N. M., Sidorova, N. A. 1988. *Iskusstvo Etrurii i drevney Italii*. Moskva: Iskusstvo.

Makhortykh, S. V. 2011. Vooruzheniye «amazonok» Stepnoy Skifii. In: Berezutskiy, V. D. (ed.). *Vostochnoyevropeyskiye drevnosti skifskoy epokhi*. Voronezh: Nauchnaya kniga, s. 37-52.

Melyukova, A. I. 1962. Skifskiye kurgany Tiraspolshchiny (po materialam I. Ya. i L. P. Stempkovskikh). *Materialy i issledovaniia po arheologii SSSR*, 115, s. 114-166.

Miroshina, T. V. 1993. Istoricheskaya podosnova mifa ob amazonkakh. In: Rayev, B. (ed.). *Skifiya i Bospor*. Novocherkassk: Muzey istorii donskogo kazachestva, s. 83-84.

Molev, E. A. 2003. *Elliny i varvary. Na severnoy okraine antichnogo mira*. Moskva: Nauka.

OAK za 1892 god. 1894. Sankt-Peterburg: Tipografiya glavnogo upravleniya udelov.

Olkhovskiy, V. S. 1991. *Pogrebalno-pominalnaya obryadnost naseleniya stepnoy Skifii (VII—III vv. do n. e.)*. Moskva: Nauka.

Petrakova, A. E., Yaggi, O. 2016. Amazonki na atticheskikh krasnofigurnykh vazakh iz Severnogo Prichernomoria: k voprosu o ponimanii izobrazheniy. *Bosporskiye Chteniya*, XVII, s. 356-366.

Petrova, E. B. 1994. *Ozyabshiye v Tavride bogi. Severnoye Prichernomorye v antichnykh mifakh i legendakh*. Simferopol: Tavrida.

Petrukhin, V. Ya. 1995. *Nachalo etnokulturnoy istorii Rusi IX—XI vv*. Moskva: Gnozis.

Pletneva, S. A. 1998. «Amazonki» kak sotsialno-politicheskoye yavleniye. In: Knyazevskaya, T. B., Makarova, T. I. (ed.). *Kultura slavyan i Rus*. Moskva: Nauka, s. 529-537.

Pokrovska, E. F. 1949. Rozkopki kolo s. Makijivka. *Arkheologichni pamyatki URSR*, II, s. 130-138.

Polin, S. V. 2002. Kurgany skifskoy znati Stepnogo Pravoberezhia. In: Murzin, V. Yu., Toshchev, G. N. (ed.). *Velikaya Skifiya*. Kiev, Zaporozhye: Dneprovskiy metallurg, s. 39-55.

Polin, S. V., Kubyshev, A. I. 1997. *Skifskiye kurgany Utlyukskogo mezhdurechia (v Severo-zapadnom Priazovye)*. Preprint. Kiev.

Polosmak, N. V. 1994. *Steregushchiye zoloto grify (ak-alakhskiye kurgany)*. Novosibirsk: Nauka.

Popandopulo, Z. Kh. 2011. *Skifskiy kurgannyy mogilnik «Skelki»*. Zaporozhye: PUVK.

Pruglo, V. I. 1974. K voprosu o date kurgana Bolshaya Bliznitsa. *Sovetskaia arheologiia*, 3, s. 64-77.

Puzikova, A. I. 2001. *Kurgannyye mogilniki skifskogo vremeni Srednego Podonia (Publikatsiya kompleksov)*. Moskva: Indrik.

Roslyakov, S. N. 2004. *Amazonki v yarosti i lyubvi*. Nikolayev: Vozmozhnosti Kimmerii.

Rusyayeva, A. S. 2005. *Religiya pontiyskikh ellinov v antichnuyu epokhu: Mify. Svyatilishcha. Kulty olimpiyskikh bogov i geroyev*. Kiev: Stilos.

Rusyaeva, M. V. 2008. Obrazotvorche ta uzhitkove mistetstvo. In: Skripnik, G. (ed.). *Istoriya Ukraïnskogo mistetstva*. Kyiv: Institut mistetstvoznavstva NANU, 1.

Savostina, E. A. 1988. Mif i kult geroya. In: Danilova, I. E. (ed.). *Zhizn mifa v antichnosti. Materialy nauchnoy konferentsii «Vipperovskiye chteniya»*. Moskva: Sovetskiy khudozhnik, s. 98-115.

Savostina, E. A. 1989. Amazonki v Skifii: k probleme «istoricheskogo mifa». In: Tolochko, P. P. (ed.). *Problemy skifo-sarmatskoy arkheologii Severnogo Prichernomoria*. Zaporozhye: Zaporozhskiy gosuniversitet, s. 139-140.

Savostina, E. A. (ed.). 2001. *Bosporskiy relyef so stsenoy srazheniya (amazonomakhiya?)*. Moskva, Sankt-Peterburg: GMII im. A. S. Pushkina.

Savchenko, E. I. 2001. Mogilnik skifskogo vremeni «Ternovoye 1 — Kolbino 1» na Srednem Donu (pogrebalnyy obryad). In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: trudy Potudanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN*. Moskva: IA RAN, s. 53-143.

Selivanova, L. L. 2008. Pontiyskiye amazonki: mifologiya i ikonografiya. *Bosporskiye chteniya*, IX, s. 232-237.

Selivanova, L. L. 2009a. Bosporskiye amazonki: istoricheskiye i mificheskiye. *Bosporskiye chteniya*, X, s. 374-379.

Selivanova, L. L. 2009 b. Bosporskiy relyef so stsenoy srazheniya: skify ili amazonki? *Problemy istorii, filologii, kultury*, 1 (23), s. 131-150.

Sinika, V. S. 2007. Skifskiy kurgannyy mogilnik u pgt Suvorovo na pravoberezhye Nizhnego Dnestra. *Rossiiskaia arkheologiia*, 4, s. 170-179.

Sinika, V. S., Alemsha, A. N. 2000. Zhenskiye pogrebeniya s oruzhiyem pozdneskifskogo mogilnika u s. Glinoye. In: Yarovoy, E. V. (ed.). *Chobruchskiy arkheologicheskiy kompleks i drevniye kultury Podnestrovia (materialy polevogo seminara)*. Tiraspol: Pridneprovskiy Gosudarstvennyy Universitet, s. 43-46.

Sinika, V. S., Razumov, S. N., Telnov, N. P. 2013. *Kurgany u s. Butory*. Tiraspol: Pridneprovskiy Gosudarstvennyy Universitet im. T. G. Shevchenko.

Skrzhinskaya, M. V. 1986. Geroi kimmeriyskikh i skifskikh legend v grecheskoy poezii i vazovoy zhivopisi VII—VI vv. do n. e. *Vestnik drevnei istorii*, s. 84-94.

Skrzhinskaya, M. V. 1991. *Drevnegrecheskiy folklor i literatura o Severnom Prichernomorye*. Kiev: Naukova dumka.

Skrzhinskaya, M. V. 1996. Vliyaniye atticheskoy vazopisi na slozheniye mifologicheskikh obrazov naseleniya Bospora IV v. do n. e. In: Kryzhitskiy, S. D. (ed.). *Mir Olvii. Pamyatnik issledovatelyu i issledovaniye pamyatnika*. Kiev: IA NANU, s. 185-186.

Skrzhinskaya, M. V. 2007. Zhenshchina v sakralnoy zhizni Bospora (V—III vv. do n. e.). In: Zuyev, V. Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen. Sakralnyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennij Ermitazh, 1, s. 22-26.

Skrzhinskaya, M. V. 2010. Fantasticheskiye sushchestva v kulture, iskusstve i religii antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomoria. *Bosporskiye issledovaniya*. XXIV, s. 193-290.

Skrzhinskaya, M. V. 2011. Vliyaniye atticheskoy vazopisi na znaniye bosporyan o legendarnykh geroyakh. *Bosporskiye chteniya*, XII, s. 343-346.

Skrzhinskaya, M. V. 2017. Inostrantsy v Pantikapeye i ikh obshcheniye s bosporyanami v V—I vv. do n. e. *Drevnosti Bospora*, 21, s. 338-350.

Skripnik, T. A. 1988. Amazonki v antichnoy traditsii. *Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya krayevedeniya*, 5, s. 29-39.

Smirnov, K. F. 1982. «Amazonka» IV veka do n. e. na Donu. *Sovetskaia arheologiia*, 1, s. 120-131.

Sokolov, G. I. 1965. *Antichnaya skulptura. Rim*. Moskva: Sovetskiy khudozhnik.

Sokolov, G. I. 1990. *Iskusstvo etruskov*. Moskva: Sovetskiy khudozhnik.

Surikov, I. E. 1999. Perikl. Amis i amazonki. *Iz istorii antichnogo obshchestva*, 6, s. 147-152.

Telnov, N. P. 2003. O skifskikh zhenskikh pogrebeniyakh s oruzhiyem v Moldavii. In: Sava, E. (ed.). *Vzaimodeystviye kultur i khronologiya Severo-Pontiyskogo regiona.* Kishinev: ANM, s. 252-260.

Telnov, N. P., Chetverikov, I. A., Sinika, V. S. 2016. *Skifskiy mogilnik III—II vv. do n. e. u s. Glinoye*. Tiraspol: Stratum plus.

Trediakovskiy, V. K. 1849. *Tri rassuzhdeniya o trekh glavneyshikh drevnostyakh rossiyskikh, a imenno: O pervenstve slavyanskogo yazyka pered tevtonicheskim. Sochineniya.* Sankt-Peterburg: Tip. Voyenno-uchebnykh zavedeniy, 1.

Treyster, M. Yu. 2001. Tema amazonomakhii v torevtike pozdney klassiki i rannego ellinizma (k voprosu o falarakh iz kurgana Bolshaya Bliznitsa). In: Savostina, E. A. (ed.). *Bosporskiy relyef so stsenoy srazheniya (amazonomakhiya?).* Moskva, Sankt-Peterburg: GMII im. Pushkina, s. 243-284.

Tugusheva, O. V. 2001. Stseny amazonomakhii na bosporskikh pelikakh. In: Savostina, E. A. (ed.). *Bosporskiy relyef so stsenoy srazheniya (amazonomakhiya?).* Moskva, Sankt-Peterburg:GMII im. Pushkina, s. 216-229.

Tyukhtina (Kotina), A. V. 2008. Obrazy amazonok v khudozhestvennoy literature. In: Bolgov, N. N. (ed.). *Klassicheskaya i vizantiyskaya traditsiya.* Belgorod: BelGU, s. 147-149.

Tyukhtina (Kotina), A. V. 2009a. Amazonki v antichnoy traditsii: etimologicheskiy. territorialno-geograficheskiy. religioznyy aspekty. *Nauchnyye vedomosti BelGU. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, 15 (70), 12, s. 5-10.

Tyukhtina (Kotina). A. V. 2009b K voprosu o variantakh traktovki termina «amazonka». In: Bolgov, N. N. (ed.). *Klassicheskaya i vizantiyskaya traditsiya.* Belgorod: BelGU, s. 7-10.

Fialko, E. E. 1991. Pogrebeniya zhenshchin s oruzhiyem u skifov. In: Boltrik, Yu. V., Bunyatyan, E. P. (ed.). *Kurgany Stepnoy Skifii*. Kiev: Naukova dumka, s. 4-18.

Fialko, E. E. 2009a. Amazonki v literaturnoy i khudozhestvennoy traditsii. In: Bessonova, S. S. (ed.). *Epokha rannego zheleza*. Kiev, Poltava: IA NANU, s. 367-382.

Fialko, E. E. 2009b. Obraz amazonki v antichnom izobrazitelnom iskusstve. *Bosporskiye chteniya*, X, s. 459-465.

Fialko, E. E. 2009c. Seriya raspisnykh sosudov s izobrazheniyami amazonok iz sobraniya Muzeya iskusstva i remesla v Gamburge. *Starozhitnosti stepovogo Prichornomorya i Krimu*, XV, s. 193-200.

Fialko, E. E. 2010a. Ikonografiya obraza amazonki v antichnom iskusstve. *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy. Materialy 7 mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, s. 35-36.

Fialko, E. E. 2010b. Pogrebeniya amazonok iz mogilnika Mamay-Gora. *Stratum plus*, 3, s. 187-196.

Fialko, E. E. 2010c. Pogrebeniya amazonok Chertomlykskogo kurgannogo polya. *Bosporskiye issledovaniya*, 23, s. 166-190.

Fialko, O. E. 2010d. Pokhovannya skifskoi «amazonki» nad Velikim Lugom. *Arkheologichni studiyi*, 4, s. 39-48.

Fialko, E. E. 2011a. Zolotoy kalaf iz kurgana Bolshaya Bliznitsa: k interpretatsii personazhey. In: Strokova, L. V. (ed.). *Muzeyni chitannya. Materiali naukovoï konferentsiï «Yuvelirne mistetstvo poglyad kriz viki».* Kyiv: Feniks, s. 89-96.

Fialko, E. E. 2011b. Panopliya skifskikh voitelnits. *Tyragetia*, s. n., V (XX), 1, s. 265-278.

Fialko, O. E. 2011c. Novi pokhovannya amazonok Dniprovskogo Lisostepovogo Livoberezhzhya. *Naukovi zapiski. Seriya: istorichni nauki*, 14, s. 34-46.

Fialko, E. E. 2012a. Vooruzhennyye zhenshchiny rannego zheleznogo veka v Severnom Prichernomorye: sotsialnyy aspekt. *Tyragetia. Arheologie. Istorie. Antica*, VI (XXI), 1, s. 27-44.

Fialko, E. E. 2012b. Kurgan s pogrebeniyem skifskoy amazonki u sela Vinogradnoye. *Stratum plus*, 3, s. 217-230.

Fialko, E. E. 2012c. Skifskiye amazonki i muzika. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Dneprovskogo Levoberezhia*, IV, s. 155-164.

Fialko, O. E. 2012d. Kostyumni garnituri skifskikh amazonok. *Naukovi zapiski. Seriya: istorichni nauki*, 16, s. 21-33.

Fialko, O. E. 2012e. Pokhovannya divchat zi zbroeyu v skifskomu kurgani na Khersonshchini. *Arkheologiya*, 1, s. 82-92.

Fialko, O. E. 2012f. Prikrasyi u vbranni skifskikh amazonok. In: Strokova, L. V. (ed.). *Materiali naukovoï konferentsiï «Yuvelirne mystetstvo poglyad kriz viky».* Kyiv: MIKU, s. 146-153.

Fialko, E. E. 2013a. K voprosu o funktsionalnoy prinadlezhnosti bronzovoy plastiny iz Elizavetovskogo mogilnika. *Bosporskiye chteniya*, XIV, s. 469-473.

Fialko, E. E. 2013b. Seriya pogrebeniy amazonok iz Nizhnego Podneprovia. *Stratum plus*, 3, s. 203-222.

Fialko, E. E. 2014. Mogily vooruzhennykh zhenshchin Rogachikskogo kurgannogo polya. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrajiny*, 1 (12), s. 25-39.

Fialko, E. E. 2015a. Pogrebalnyye kompleksy skifskikh amazonok khronologicheskiy aspekt. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrayini*, 2 (15), s. 142-156.

Fialko, E. E. 2015b. Skifskiye amazonki uchastnitsy voyennykh konfliktov. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 75, s. 440-456.

Fialko, O. E. 2015c. Druzhinniy mogilnik skifiv na Livoberezhniy Khersonshchini. *Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ya i Krimu*, XVIII, s. 120-156.

Fialko, E. E. 2016. Pogrebeniya amazonok Kryma. In: Marina, Z. P. (ed.). *Arkheologiya ta etnologiya pivdnya Skhidnoï Yevropy*. Dnipro: Lira, s. 328-345.

Fialko, E. E. 2017. Seriya pogrebeniy skifskikh voitelnits v mogilnike u s. Glinoye (Moldova). *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrajiny*, 2 (23), s. 208-227.

Fol, A. 1988. *Trakiyskoto skrovishche ot Rogozen*. Sofiya: Blgarska akademiya na naukite.

Khazanov, A. M. 1970. Materinskiy rod u sarmatov. *Vestnik drevnei istorii*, 2, s. 138-148.

Khachaturova, E. A. 1987. Terrakotovyye statuetki v sobraniyakh Krasnodarskogo, Tamanskogo i Temryukskogo muzeyev V: Kruglikova, I. T. (ed.). *Tayny terrakoty*. Krasnodar: Izdatelstvovo Krasnodar, s. 103-144.

Shaub, I. Yu. 1983. Religiozno-mifologicheskiye predstavleniya zhiteley Bosporskogo tsarstva (nekotoryye syuzhety «bosporskikh pelik»). *Concilium Eirene*, XVI, 2, s. 72-75.

Shaub, I. Yu. 1987. Pogrebeniya kurgana Bolshaya Bliznitsa kak istochnik po istorii religioznykh predstavleniy zhiteley Bosporskogo tsarstva. *Kratkie soobsceniia Instituta arheologii*, 191, s. 27-33.

Shaub, I. Yu. 1993. Amazonki na Bospore. In: Rayev, B. A. (ed.). *Skifiya i Bospor. Materialy konferentsii pamyati akademika M. I. Rostovtseva.* Novocherkassk: Muzey istorii donskogo kazachestva, s. 79-88.

Shaub, I. Yu. 1999. Kult Velikoy bogini u mestnogo naseleniya Severnogo Prichernomoria. *Stratum plus*, 3, s. 201-223.

Shaub, I. Yu. 2007. *Mif, kult, ritual v Severnom Prichernomorye VII—IV vv. do n. e.* Sankt-Peterburg: SPbGU.

Shaub, I. Yu. 2011. *Ellinskiye traditsii i varvarskiye vliyaniya v religioznoy zhizni grecheskikh koloniy Severnogo Prichernomoria (VI—IV vv. do n. e.).* Saarbrücken: LAP.

Shevchenko, E. B. 2014. «Amazonki» Yuzhnogo Priuralia v savromatskoye vremya: mif ili realnost (istoriograficheskiy obzor). In: Lukiashko, S. I. (ed.). *Voyna i voyennoye delo v skifo-sarmatskom mire. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii pamyati A. I. Melyukovoy*. Rostov-na-Donu: YuNTs RAN, s. 407-416.

Shtal, I. V. 2000. *Svod mifo-epicheskikh syuzhetov antichnoy vazovoy rospisi po muzeyam Rossiyskoy Federatsii i stran SNG (peliki, IV v. do n. e., kerchenskiy stil).* Moskva: OLMA-Press.

Ernst, N. L. 1931. Letopis arkheologicheskikh raskopok i razvedok v Krymu za 10 let (1921—1930). *Izvestiya Ta-*

vricheskogo Obshchestva istorii, arkheologii i etnografii, 4, s. 72-92.

Yakovenko, E. V. 1978. Zhenskiye pogrebeniya Elizavetovskogo mogilnika. In: Gening, V. F. (ed.). *Arkheologicheskiye issledovaniya na Ukraine v 1976—1977 gg. Tezisy dokladov XVII konferentsii IA AN USSR*. Uzhgorod: IA AN USSR.

Andronicos, M. 1994. *Thessalonike Museum*. Athens: Ekdotike Athenon.

Bachofen, J. J. 1861. *Das Mutterrecht*. Stuttgart: Krais & Hoffman.

Bell, R. E. 1991. *Women of Classical Mythology*. New York: Oxford University Press.

Bunyatyan, K., Fialko, E. 2011. A Scythian Burial-Mound with a Sarcophagus Bearing Painted Decoration. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, 17, p. 225-254.

Bernhard, N. L. 1970. *Sztuka Grecka V wieku p. n. e.* Warszawa: Panstwowe wydawnictwo Naukowe.

Bernhard, N. L. 1974. *Sztuka Grecka IV wieku p. n. e.* Warszawa: Panstwowe wydawnictwo Naukowe.

Berseneva, N. 2008. Women and Children in the Sargat Culture. In: Linduff, K. M., Rubinson, K. S. (eds.). *Are All Warriors Male?: Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe*. Lanham: AltaMira Press, p. 131-152.

Boardman, J. 1985a. *Greek Sculpture: The Classical Period*. London: Thames and Hudson.

Boardman, J. 1985b. *The Parthenon and its Sculptures*. London: Thames and Hudson.

Boardman, J. 1981. *Rotfigurige Vasen aus Athen: Die Archaische Zeit*. Mainz am Rhein: von Zabern. Kulturgeschichte der Antiken Welt, 4.

Boardman, J. 1990. Herakles and the Amazons. *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*, 5, p. 71-73.

Boardman, J. 1991. *Rotfigurige Vasen aus Athen: Die Klassische Zeit*. Mainz am Rhein: von Zabern. Kulturgeschichte der Antiken Welt, 48.

Boardman, J. 2001. *Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical*. London: Thames and Hudson Ltd.

Bothmer, D. von. 1957. *Amazons in Greek Art*. Oxford: Clarendon Press.

Bothmer, D. von. 1987. *Greek Vase Painting. Metropolitan Museum of Art*. New York: Metropolitan Museum of Art Publications.

Burn, L. 1991. *The British Museum Book of Greek and Roman Art*. London: Thames and Hudson.

Carpenter, T. H. 1991. *Art and Myth in Ancient Greece: a handbook*. London: Thames and Hudson.

Carus, F. A. 1809. *Ideen zur Geschichte der Menschheit*. Leipzig: Barth und Kummer. Nachgelassene Werke, VI.

Charbonneaux, J., Martin, R., Villard, F. 1969. *Grèce classique (480—330 avant J.-C.).* Gallimard: L'Univers des Formes.

Dillon, S. 2010. *The Female Portrait Statue in the Greek World*. New York: Cambridge University Press.

Du Bois, P. 1982. *Centaurs and amazons: Women and the Prehistory of the Great Chain of being*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Fialko, E. 2010. Wooden Sarcophagus with Polychrome Paintings from Scythian Barrow. In: Cândea, I. (ed.). *The Thracians and Their Neighbours in Antiquity. Studia in Honorem Valerii Sirbu*. Brăila: Istros a Muzeului Brăilei, p. 215-226.

Fornasier, J. 2001. *Jagddarstellungen des 6.—4. Jhr. v. Chr., Eine ikonographische und ikonologische Analyse*. Münster: UGARIT-Verlag.

Galoin, A. 2016. *L'iconographie des Amazones Dans L'art Grec de la Fin de L'epoque Archaique et de la Premiere Epoque Classique (de la fin du VIe siècle a la fin du Ve siècle J.-C.).* Paris: Aix-en-Provence.

Grammenos, D. V., Petropoulos, E. K. 2007. Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Oxford: Archaeopress. British Archaeological Reports International Series, 1675, II.

Guliaev, V. 2003. Amazons in the Scythia: New finds at the Middle Don, Southern Russia. The social commemoration of warfare. *World Archaeology*, 35, 1, p. 112-125.

Hanks, B. 2008. Reconsidering Warfare, Status and Gender in the Eurasian Steppe Iron Age. In: Linduff, K. M., Rubinson, K. S. (eds.). *Are All Warriors Male?: Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe*. Lanham: AltaMira Press, p. 15-34.

Hardwick, L. 1990. Ancient Amazons: heroes, outsiders, or women? *Greece & Rome*, 37, 1, p. 34-54.

Haynes, S. 1965. *Etruscan bronze utensils. The British Museum*. London: Trustees of the British Museum.

Heres, H., Kästner, V. 1997. *The Telephos Frieze. Antikensammlung Pergamonmuseum*. Berlin.

Jones-Bley, K. 2008. Arma Feminamque Cano: Warrior-Women in the Indo-European World. In: Linduff, K. M., Rubinson, K. S. (eds.). *Are All Warriors Male?: Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe*. Lanham: AltaMira Press, p. 35-50.

Ivantchik, A. 2013. Amazonen, Skythen und Sauromaten: Alte und moderne Mythen. In: Schubert, C., Weiß, A. (ed.). *Amazonen zwischen Griechen und Skythen Gegenbilder in Mythos und Geschichte*. Berlin, New York: De Gruyter, p. 73-88.

Koch, A. (Hrsg.). 2010. *Amazonen. Geheimnisvolle Kriegerinnen*. Speyer: Speyer Historisches Museum der Pfalz.

Krause, H. L. 1893. *Die Amazonensage*. Berlin: R. Heinrich.

Lacour, P. 1901. *Les Amazones*. Paris: Librairie Academique Didier.

Lafitau, J. F. 1724. *Moeurs des sauvages amériquains comparées aux moeurs des premiers temps*. Paris: Maspéro, 2 vls.

Leal, W. E. 2010. *The Empire's Muse: Roman Interpretations of the Amazons through Literature and Art*. San Diego: State University.

Lebedynsky, I. 2009. *Les Amazones, mythe et realitu des femmes guerrieres chez les anciens nomades de la steppe*. Paris: Editions Errance.

Le Gendre, G. Ch. (marquis de S. Aubin-sur-Loire). 1741. *Des antiquités de la nationet de la monarchie francaise*. Paris: chez Briasson.

Leonhard, W. 1911. *Hettiter und Amazonen: die griechische Tradition über die Chatti und ein Versuch zu ihrer historischen Verwertung*. Leipzig, Berlin: Teubnet.

Makowiecka, E. 2007. *Sztuka Grecka*. Warszawa: Uniwersytet Warszawskiey.

Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae (LIMC). 1981—1999. Zürich, München, Düsseldorf: Artemis & Winkler Verlag.

Linduff, K. M., Rubinson, K. S. (eds.). 2008. *Are All Warriors Male?: Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe*. Lanham: AltaMira Press.

Marazov, I. 1996. *The Rogozen Treasure*. Sofia: Sekor Publishers.

Maslowska-Nowak, A. 1990. *Amazonki: greskie źlódła literaclie do historii mitu*. Wrocław: Zaklad Narodowy im Ossolinskich. Archiwum filologiczne, XLIV.

Mayor, A. 2014. *The Amazons: Lives and Legends of Warrior Women across the Ancient World*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Mayor, A., Colarusso, J., Saunders, D. 2014. Making sense of nonsense inscriptions associated with Amazons and Scythians on Athenian vases. *Hesperia*, 83, p. 447-493.

Melyukova, A. I. 1995. Scythians of Southeastern Europe. In: Davis-Kimball, J. (ed.). *Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Iron Ege*. Berkeley: Zinat Press, p. 28-61.

Mordtmann, A. D. 1862. *Die Amazonen*. Hannover: Hahn.

Nagel, Fr. 1838. *Geschichte der Amazonen*. Stuttgart, Tübingen: J. G. Cotta'sche Buchhandlung.

Pallottino, M. 1952. *La peinture etrusque (Les grands siecles de la peinture)*. Geneve, Paris, Neu-York: Skira.

Petit, P. 1718. *Traité historique sur les amazons, traduction du latin*. Leyde: Marchand.

Richter, G. 1936. *Red-figured Athenian vases in the Metropolitan Museum of art*. New Hawen: Yale University Press.

Ridgway, B. S. 1997. *Fifth Century Styles in Greek Sculpture*. London: Duckworth.

Ridgway, B. S. 2002. *Hellenistic Sculpture*, III: The Styles of Ca. 100—31 BC. Madison: The University of Wisconsin Press.

Robertson, C. M. 1975. *A history of Greek art*. London: Cambridge University Press.

Rohden, H. V., Winnefeld, H. 1911. *Architektonische römische Tonreliefs der Kaiserzeit*. Berlin.

Rolle, R. 1986. Amazonen in der Archäologischen realität. In: Kreutzer, J. (ed.). *Kleist-Jahrbuch*, Berlin: Erich Schmidt verlag, S. 38-62.

Rothery, G. C. 1910. *The amazons in antiquity and modern times*. London: Francis Griffiths.

Rothery, G. C. 2014. *The Amazons (Illustrated)*. London: Didactic Press.

Rasmussen, T., Spivey, N. (eds.). 2005. *Looking at the Greek Vases*. Cambridge: University Press.

Rubinson, K. S. 2008. Tillya Tepe: Aspects of Gender and Cultural Identity. In: Linduff, K.M., Rubinson, K. S. (eds.). *Are All Warriors Male?: Gender Roles on the Ancient Eurasian Steppe*. Lanham: AltaMira Press, p. 51-66.

Santangelo, M. 1963. *Musées et monuments etrusques*. Novara: Istituto Geografico De Agostini. Musei e monumendi d'Italia, 3.

Schubert, C., Weiß, A. (eds.). 2013. *Amazonen zwischen Griechen und Skythen. Gegenbilder in Mythos und Geschichte*. Berlin, New York: De Gruyter.

Smith, R. R. 2005. *Hellenistic Sculpture*. London: Thames and Hudson.

Sobol, D. J. 1972. *The Amazons of Greek Mythology*. Cranbury, New York: Barnes & Co.

Solmonson, J. A. 1991. *The Encyclopedia of Amazons. Women Warriors from Antiquity to the Modern Era*. New York: Paragon House.

Spivey, N. 2003. *Greek Art*. New York: Phaidon Press Ltd.

Stricker, W. 1868. *Die Amazonen in Sage und Geschichte*. Berlin: C. G. Lüderitz.

Stuart, J. H. 1926. *A Catalogue of the Ancient Sculptures preserved in the Municipal Collections of Rome. The Sculptures of the Palazzo dei Conservatori*. Oxford: Clarendon Press.

Taylor, T. 1996. *The Prehistory of Sex: Four Million Years of Human Sexual Culture*. London: Fourth Estate.

Tyrrell, W. B. 1984. *Amazons: a study in Athenian mythmaking*. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press.

Webster Wilde, L. 1999. *On the Trail of the Women Warriors*. London: Constable.

E. E. Fialko

SCYTHIAN AMAZONS: LEVEL OF STUDY

Scythian Amazons have attracted the attention of researchers since a long time. The Amazons as the subject is developed in three main directions, conditioned by the choice of a certain group of sources — literary, pictorial and archaeological.

The literary and visual aspects have been developed quite thoroughly by many generations of researchers, as evidenced by the representative corpus of monographs and publications. Both these directions developed in parallel, often intersecting.

Literary aspect implies the study of the image of the Amazon — one of the brightest in classical ancient mythology and culture. Several topics could be seen as key here: the degree of an existence historicism of these warlike women ; the meaning of the term «Amazon»; the origin of the cycle of myths about the Amazons; plot cycles; confrontation / opposition to heroes; and finally, the Amazons and gender issues.

The pictorial aspect is related to the study of a wide range of works of decorative art, in which female warriors appear. Following subjects are developed here: storylines (Amazonomachy as Pan-Hellenic plot, Grifonomachy as the local variant thereof ; an injured Amazon, etc.); the image of an Amazon in art in general (multi-figure compositions, solitary figures) or in its particular forms — architecture, sculpture, plastic, painting, toreutics, vases art, etc.); interpretation of compositions, iconography, detailed analysis of accessories and so on.

Archaeological aspect looks the least developed, since it is connected with the necessary field work. In the process of studying the funerary complexes of Scythian female warriors, three stages can be distinguished. At the first stage (second half of the 19th century — the end of the 1950^{s}), during the occasional excavations of the Kurgan antiquities of the Pripontian steppes, single graves of women with weapons were discovered. They seemed to have already been noticed, but as an exceptional phenomenon. The second stage (the second half of the 20th century) is characterized by a change in the vector of archaeological researches — at this time, not only the large Kurgans begin to be explored, but also the burial grounds of the rank soldiers. Excavation materials are introduced into scientific circulation. The first analytical works appear (O. Ganina, V. Olkhovskiy, V. Ilinskaya and A. Terenozhkin, E. Buniatian, E. Fialko, R. Rolle, V. Guliaev). It should be noted that these publications are used to this day by foreign colleagues. The third stage (the end of the 20th century — the beginning of the 21st century) was marked by a forced turn from fieldwork, especially barrows, to the office investigations. At this time there were publications of a series of graves of Amazons in individual burial grounds, in different regions of European Scythia (steppe and forest-steppe Dnieper, Crimea, Transdnistria and the Don region). Their number reached 250. These works treated different types of the burial structures, certain categories of burial items of Scythian Amazons, their social stratification, complexes chronology, etc. These materials bring us closer to interesting conclusions and generalizations.

Keywords: Scythian Amazons, Archaeology, narrative sources, works of art, Northern Pontic area.

Одержано 21.03.2018

ФІАЛКО Олена Євгенівна, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *ofialka@ukr.net*.

FIALKO Olena, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *ofialka@ukr.net*.

УДК: [355:904.5](477.74)”6383”-055.2

Я. Хохоровски

АРИСТОКРАТКА? АМАЗОНКА? ИЛИ ЖРИЦА? (заметки к дискуссии о статусе женщин в греко-скифских обществах)

Открытая в греко-скифском некрополе в Кошарах, у устья Тилигульского лимана на побережье Черного моря, гробница 111, датируемая концом IV века до н. э., содержала захоронение молодой женщины, уложенной головой на восток. Погребение выделялось среди прочих наличием эффектного комплекта украшений, в который входили серебряные подвески в виде головы Деметры и Персефоны, а также присутствием колчана со стрелами подчёркивающего престиж погребенной. Её общественная позиция была связана с важной ролью, которую, в религиозном сознании населения ольвийской хоры, выполняли культы плодородия вместе с элевсинскими мистериями.

***Ключевые слова**: Хора Ольвии, захоронения женщин, престижные предметы инвентаря, культ Деметры и Персефоны.*

В 1998 г. экспедиция «Кошары» Археологического музея в Одессе и Института археологии Ягеллонского университета в Кракове под руководством Е. Ф. Рединой и Э. Папучи-Владыка, начала исследования ряда объектов: античного поселения, зольника и большого некрополя, расположенных у села Кошары, примерно в 40 км к востоку от Одессы, у устья Тилигульского лимана Черного моря (рис. 1).

Обширный исторический комплекс «Кошары» — объект необычный по многим причинам, в том числе и из-за своей прекрасной сохранности; он оставался незаселенным с античных времен. После открытия кошарского поселения в 1950 г. Буго-Днепровской» экспедицией Л. М. Славина, оно стало известно как «городище». В литературе (Сымонович 1954, с. 146—150) появились тогда попытки идентификации его с древним городом *Ordessus*. В работах античных авторов, в том числе у Плиния Старшего, он упоминался как «порт» (Historia Naturalis, 4; 82—83). Основным элементом кошарского комплекса являются остатки поселения городского типа, с реликтами каменной архитектуры, видимыми даже на поверхности. Поселение занимает вершину высокого мыса приморской террасы, отдаленной от нынешней береговой линии примерно на 900 м и возвышающейся ориентировочно на 25 м над широким устьем лимана — в данный момент заполненного наносами (рис. 2; здесь и далее: кроме рис. 1, 3, 8, 9, 27 — см. вклейку). В древности топографическая ситуация устья Тилигульского лимана (античный *Axiakos*) должна была быть совершенно иной, потому что он был отрезан пересыпью от открытого моря только лишь в 1823 г. (Редина, Папуци-Владыка, Бодзек, Маховски 2008, с. 144). Поселение могло тогда эффективно выполнять портовые функции. На юго-западном краю мыса, ниже плато, расположена видимая на поверхности насыпь так называемого зольника (*eschara*). С северо-западной стороны мыса плато переходит в обширную холмистую гряду, занимаемую некрополем, размер которого определяется в несколько гектаров. Некрополь находится на расстоянии примерно 400 м от застройки поселения и, вероятно, располагался вдоль древней дороги, ведущей к поселению со стороны степи. В 1950-х и 1960-х гг. на поверхности ещё были видны насыпи около 15 курганов, высотой 0,3—0,5 м, а также более 30 светлых глинистых пятен — следов полностью распаханных насыпей (Chochorowski, Papuci-Władyka, Redina 2000, p. 186).

В течении десятилетней работы совместной экспедиции были исследованы крупные участки (более 1200 м^2) укрепленного поселения, об-

© Я. ХОХОРОВСКИ, 2018

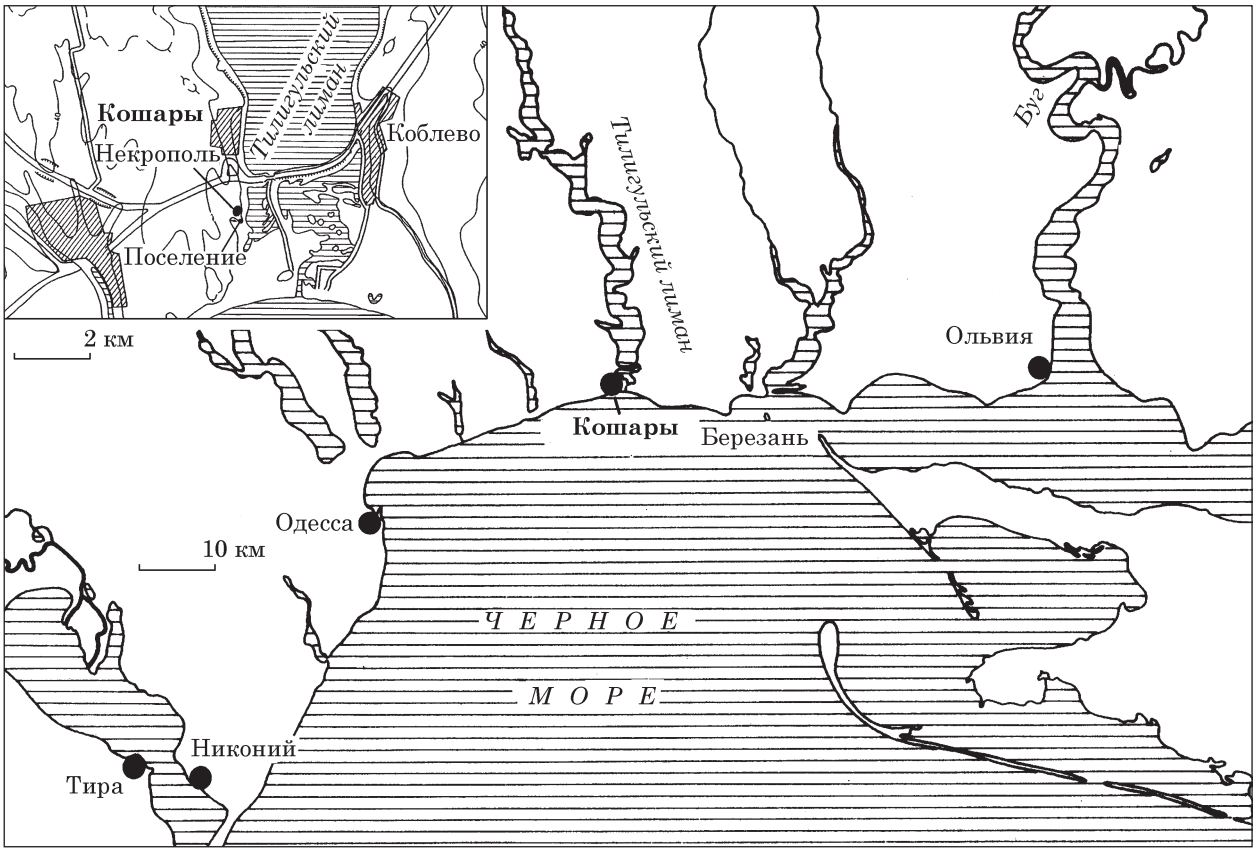


Рис. 1. Расположение комплекса Кошары относительно других греческих колоний на северо-западном побережье Чёрного моря

щая площадь которого оценивается примерно в 6000 м² (Редина, Папуци-Владыка, Бодзек, Маховски 2008, с. 146—149; Papuci-Władyka, Redina 2011, p. 285—287). Среди прочего были открыты остатки каменной стены и примыкающий к ней сухой ров, которые в определенный период функционирования города защищали подходы к нему со стороны степи. Застройка города была разделена на кварталы, отделённые друг от друга улицами (Papuci-Władyka, Redina 2011, fig. 4, 8). С западной стороны к городу примыкало предместье с несколькими усадьбами. Результаты раскопок, и в частности стратиграфических наблюдений, указывают на постепенное развитие инфраструктуры городка. В начальной фазе развития (конец V — первая половина IV вв. до н. э.) поселение было застроено объектами типа землянок; сначала округлых, а затем четырехугольных в плане. Постройки городского типа — каменно-глиняные дома и мощеные улицы — более характерны для младшей фазы функционирования поселения, датируемой второй половиной IV — первой половиной III вв. до н. э. (Редина, Папуци-Владыка, Бодзек, Маховски 2008, с. 146). Датировка младшей фазы подтверждена также и радиоуглеродными анализами (Chochorowski, Papuci-Władyka, Redina 2000, p. 191). Похоже, что в конечной фазе существования, кошарское поселение уже не было усилено оборонительными сооружениями. Множество факторов указывает на то, что оно входило в состав сельскохозяйственной базы (*хоры*) Ольвии (Papuci-Władyka, Redina 2011, p. 283).

В ходе работ экспедиции «Кошары» на некрополе было вскрыто 230 погребений и других сакральных объектов, обнаруженных на площади 8000 м², которая составляет около 15—20 % от общей площади некрополя (Papuci-Władyka, Redina 2011, p. 285). Отличительной чертой некрополя является огромное разнообразие погребальной архитектуры и форм захоронений. Среди всех античных погребальных комплексов преобладают могилы с подбоями. Их характерной особенностью является наличие боковой ниши, выдолбленной в нижней части длинной стены входной ямы. Чаще всего входная яма была ориентирована по оси запад-восток, причём ниши обычно расположены на её северной стороне. Однако встречаются тоже погребения с нишей с южной стороны. Важным фактором является также ориентировка погребённых относительно сторон света. Восточная ориентировка, преобладающая на некрополе Кошары, была типична для греческого некрополя Ольвии архаического периода (Скуднова 1988, с. 8). В то время как западная ориентировка является имманентной особенностью погребального обряда в скифской этни-

ческой среде (Ольховский 1977, с. 122, табл. 2; Скорый 2003, с. 52), выражающей астральный аспект верований в загробную жизнь. Скифский (либо более широкий; степной / кочевой) генезис (Скорый 2003, с. 53), можно проследить в некоторых похоронных обычаях на некрополях Ольвии и её хоры. Например помещение в могилу к усопшему мясной пищи (в Кошарах преобладает баранина), а также уложение тел умерших на ложе из травы (камыша) покрытого войлоком (Парович-Пешикан 1974, с. 59—62). Над некоторыми могилами устанавливались стелы — плиты или блоки, выполненные обычно из известняка. Лишь в очень немногих случаях на некрополе в Кошарах удалось зафиксировать реликты греческого ритуала захоронения; вложение в могилу оболов — монет для Харона.

Наличие в окрестностях греческих причерноморских колоний захоронений с нишами обычно связывается с присутствием здесь колонистов (Козуб 1987, с. 27, 33—34). Следует, однако, подчеркнуть, что такие погребения появляются только во второй половине VI в. до н. э. и редко встречаются в архаический период. С течением времени, в классический и эллинистический периоды, они получают широкое распространение, хотя, например, в некрополе в Ольвии в это время более популярны могилы с нишей, закрытой сырцовыми блоками, образующими заслон (Парович-Пешикан 1974, с. 16, рис. 7, 9). Стенки-заграждения из сырца более характерны для погребальных объектов в греческой этнической среде. В Кошарах заклады, закрывающие вход в нишу, были построены из диагонально уложенных каменных плит, уплотнённых каменными блоками меньшего размера. Повсеместной особенностью подбойных могил в кошарском некрополе является также наличие ступени образованной разницей уровней дна входной ямы и ниши, где последняя располагается ниже. Это особенность более поздних объектов данного типа известна в Ольвии и её окрестностях в IV—III вв. до н. э.

Погребения с нишами-подбоями, наиболее характерные для кошарского некрополя, представлены там в большом разнообразии. Между собой они различаются, как и по размеру, так и по глубине шахты (входной ямы), по размеру и форме ниши, а также по типу конструкции и видом строительного материала, используемого при сооружении заслона, закрывающего вход в нишу. Монументализм этих конструкции заключается в количестве и размере строительных плит / блоков, соответствующий размеру (величине и глубине) погребений и богатству даров. Стандартный состав погребального инвентаря включает, как минимум, амфору и килик (скифос) или канфар, и, кроме того, другие предметы инвентаря, например, бронзовые наконечники стрел для лука.

Обоснованно можно предположить, что все эти признаки, в какой-то мере отражали статус покойных, похороненных в могилах этого типа. Особенно характерны глубокие могилы с шахтами и нишами, монументальным каменным заслоном, обычно с богатым инвентарём, содержащие останки взрослого человека. Эти захоронения обычно имеют восточную (греческую) ориентировку, а богатство даров указывает на связь с высшими слоями общества.

Несмотря на то, что некрополь изучен только частично, можно проследить некоторые закономерности в размещении захоронений. В некоторых районах могилы располагаются почти рядами (вдоль дорожек?). Также чрезвычайно интересно группирование гробниц вокруг более ранних курганов. Одним из первых объектов, исследованных в некрополе во время работы экспедиции «Кошары», был небольшой курган (об. 55), к слову, практически полностью распаханный. Однако контур первоначальной насыпи четко прослеживался по следам рва вокруг кургана, диаметром чуть более 8 м (Chochorowski 2008, Pl. 1:1). Ров прерывался в двух местах, находящихся точно друг напротив друга, и образующих своего рода проходы — перемычки, одна на восточной стороне, другая — на западной (рис. 3). В заполнении рва и поблизости с ним в его соседстве, особенно рядом с западным проходом, были обнаружены остатки поминальной тризны. Такой способ отделения сакрального пространства признан одним из основных детерминантов скифского (также в этническом смысле) культурного поведения (Ольховский 1991, табл. XIX; XX: 2—4; XXI: 1—3; Скорый 2003, с. 53).

В центре кургана находились две гробницы с нишами. К сожалению большая из них, вероятно главная, была полностью ограблена. Изначально вход в нишу был перекрыт каменным заслоном. В большой гробнице найдены останки мужчины молодого возраста (*Iuvenis)*, чей скелет был разрушен грабителями ещё в древности. Факт грабежа гробницы, первоначально накрытой курганной насыпью, по-видимому, свидетельствует об относительном богатстве захоронения. Основываясь на расположении костных останков, можно предположить, что человек, погребенный здесь, был ориентирован головой на запад, что характерно для скифских обществ. Второе захоронение, детское (*Infans I*), было совершенно в похожей, но значительно меньшей, гробнице, также головой на запад. Скромный погребальный инвентарь этой могилы включал в себя только поломанный бронзовый браслет с концами в виде о змеиных голов.

После трёх лет раскопок и изучения пространства вокруг кургана 55, оказалась, что за пределами рва, находилась зона без погребений, шириной около 3—4 м (рис. 3). Немного поодаль были расположены захоронения, слов-

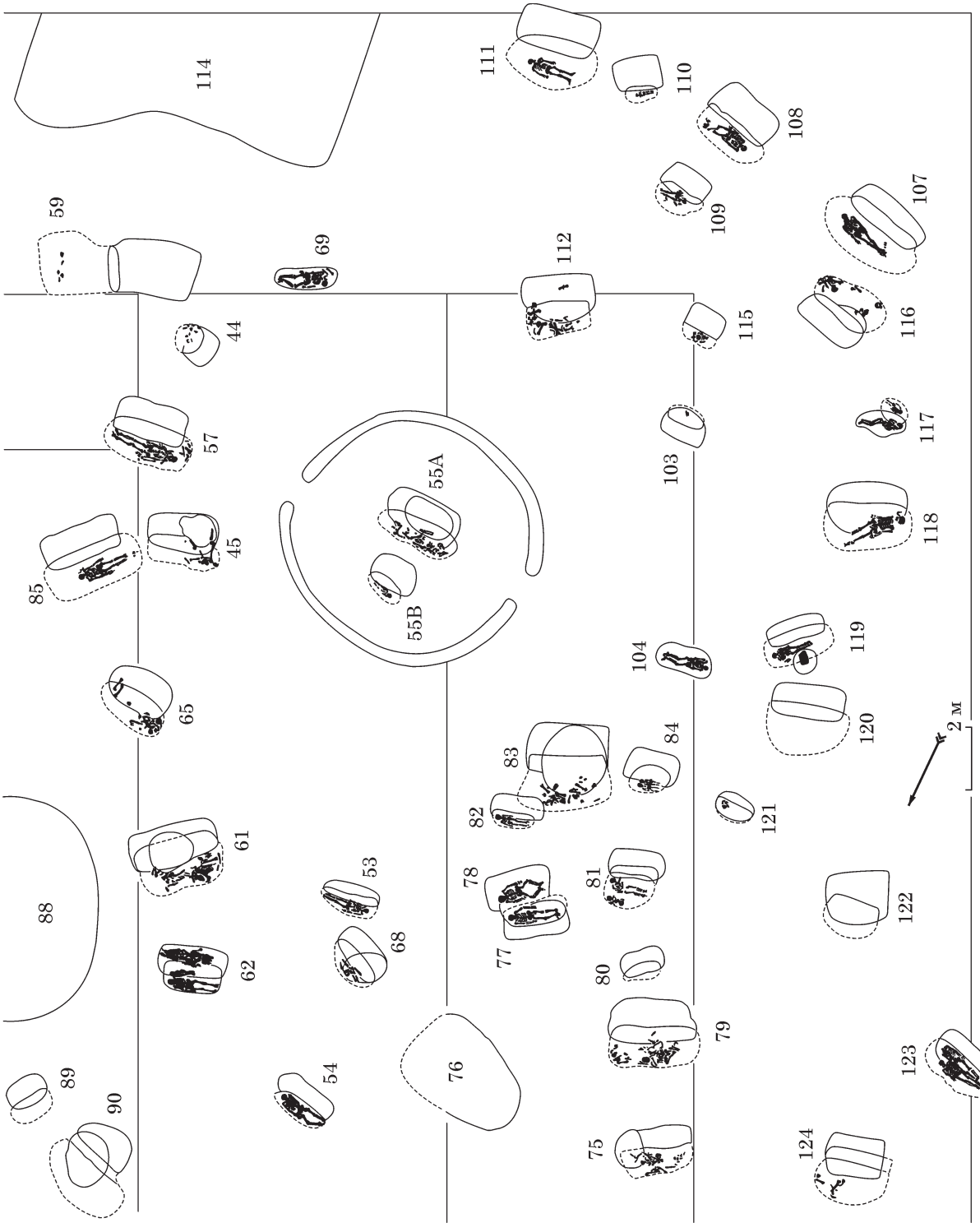


Рис. 3. План расположения погребений вокруг кургана 55

но собранные вокруг некоего центра, которым, несомненно, является курган 55. В таком случае он был бы самым старым объектом в этой группе погребений, вокруг которого происходила вся её последующая внутренняя организация. Несомненно, подобная организация была навязана видимым в ландшафте курганом, требовавшим сохранения дистанции, некоторого расстояния, что продиктовано самой морфологией этого места. С другой стороны, мы имеем дело с определённой дистанцией магического и ритуального характера, инспирированной, по-видимому, социальным статусом умершего, который после смерти перешёл в статус социально-религиозный, соответствующий мифическому предку («герою»). Такой статус погребённого привлекал однако и побуждал некоторых пользователей некрополя, похоронить своих покойных рядом с его могилой сокрытой под курганом 55. В скифской атрибуции этого кургана не может быть никаких сомнений. Большинство могил (27), находящихся поблизости кургана, укладывается в почти регулярную окружность; вероятно они старше остальных в этой группе. Несколько дальше расположены четыре объекта (54, 79, 80 и 122) находящиеся на северо-западной стороне кольца, и еще шесть (107—111, 116) — на его южной стороне (рис. 3).

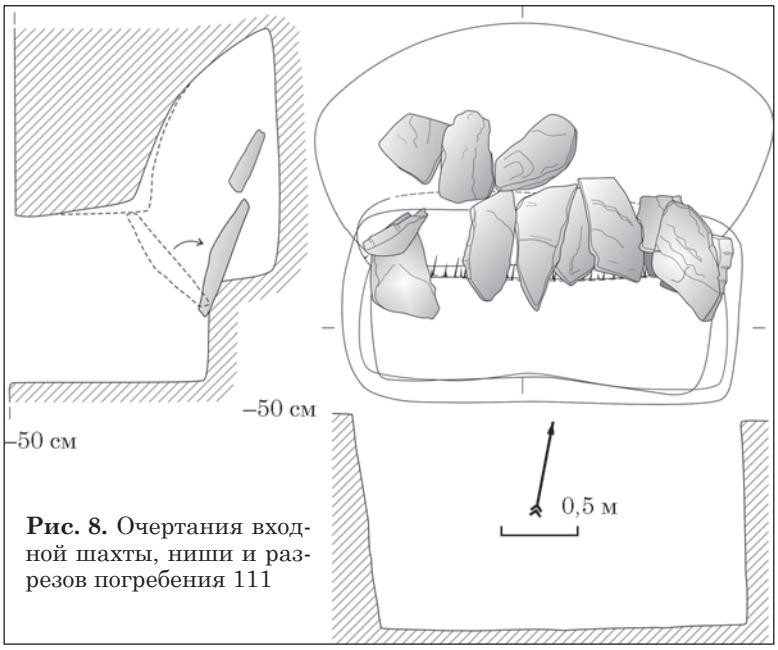


Рис. 8. Очертания входной шахты, ниши и разрезов погребения 111

Среди объектов, образующих кольцо вокруг кургана 55, доминируют погребения с нишами, характерные для кошарского некрополя, расположенными на северной (северо-западной или северо-восточной, в зависимости от ориентировки) стороне входной ямы. Два погребения были совершенны в простых неглубоких ямах (69, 104). Нестандартным также оказалось захоронение 59 — катакомбное (к сожалению разграбленное), с большой камерой и входным коридором. Существенное значение имеет здесь также анализ положения покойных относительно сторон света. Из 19 гробниц с нишами, где определение ориентировки останков было возможно, в 7 мы имеем дело с западной (скифской) ориентировкой, а в 12 — с восточной (греческой). На запад также ориентированны захоронения в ямах. Интерес представляет и антропологический состав захоронений вокруг кургана 55, где были найдены останки 22 взрослых (11 женщин и 11 мужчин) и 15 детей, в основном в возрасте *Infans I* (Chochorowski 2008, spec. 1). В принципе пропорции пола в группе взрослых равны, а доля детских погребений составляет около 40 %. Исследуемая серия слишком мала и не позволяет провести более тщательный анализ возрастной структуры популяции. Однако мы можем смело предположить, что она была приближена к «естественной», соответствующей посредственной живущий популяции; то есть отвечала биологической структуре группы, связанной определенными общественными связями. Характер этих связей трудно назвать, хотя нельзя исключать, что это были отношения, связанные с чувством принадлежности (реальной или — в случае социального усыновления — формальной) к группе родственников, таких как род / клан / линеаж (*lineage*).

В этой группе погребений чрезвычайного внимания заслуживает один объект, выделяющийся среди прочих своим особым статусом. Это погребение 111, расположенное на краю кольца (возможно, он младше остальных?), по его южной стороне (рис. 3—5). Оно читалась на горизонте открытия аккуратной прямоугольным пятном входной ямы (рис. 6). В обширном, тщательно подготовленном подбое была захоронена юная женщина около 14—15 лет (*Infans II* / *Iuvenis*). Каменный заслон, закрывающий вход в нишу, был сложен из больших каменных плит установленных наискось, под углом (рис. 7). С западной стороны он был явно потревоженным. Три большие плиты, извлеченные из заслона, лежали в нише с погребением женщины (рис. 7, 8), на тонком (в центре) слое глины прикрывающей скелет, которая вероятно осыпалась со стенки и потолка ниши. Нарушение заслона произошло по истечении некоторого время после момента погребения (глина, покрывающая костяк успела осыпаться из потолка), когда в нише все ещё сохранялась пустота. Трудно определить, было ли это нарушение одноразовое или же гробница открывалась больше одного раза. На стенах входной ямы видны минимальные нарушения (с север-

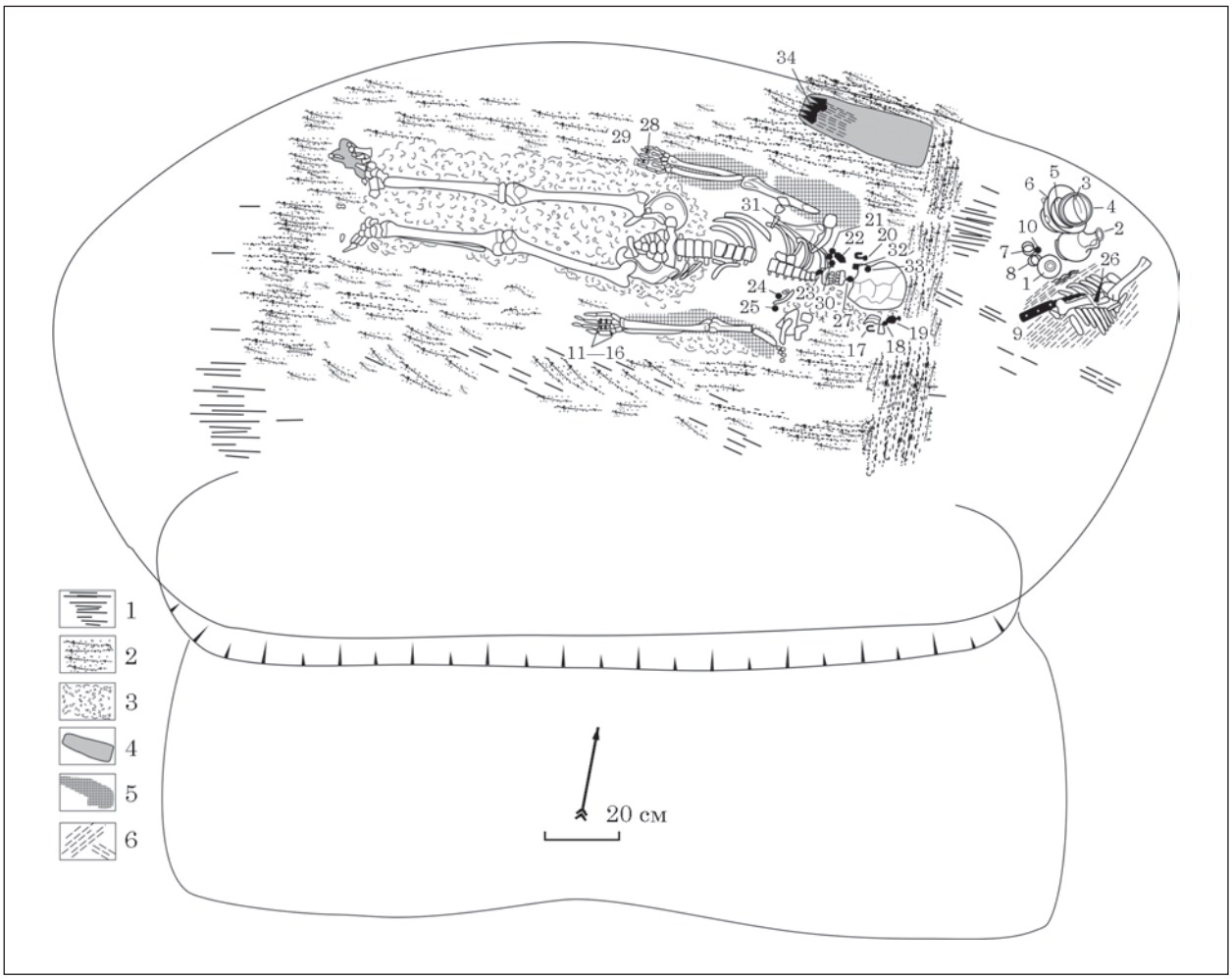


Рис. 9. Расположение останков покойной и погребального инвентаря: 1 — тростник; 2 — трава; 3 — войлок; 4 — кожа; 5 — ткань; 6 — дерево

ной стороны), что указывает на то, что открытие гробницы было, скорее, преднамеренным, а не случайным, например, грабительской ямой. «Виновники» его, к слову, пытались следовать очертаниям входной ямы, и вскрытие было целенаправленным. Однако не ясно, почему каменные плиты не были вставлены обратно в заслон, снова закрыв нишу, а остались лежать, накрывая левую сторону захоронения: ногу, руку и левое предплечье умершей?

Покойницу уложили на спине (рис. 9, 10), с руками вытянутыми вдоль тела, головой на восток с легким отклонением к северу; позиция эта более характерна греческой традиции (рис. 11). Неплотные комки глины, осыпающиеся со стен и потолка, образовали непроницаемый слой, защищающий от вторичных повреждений (например, обрывов свода), благодаря чему останки и сопровождающий инвентарь остались в исходном положении (рис. 12). Удалось также идентифицировать и очистить остатки истлевших органических материалов из первичной подстилки для захоронения на дне подбоя (рис. 13). Дно ниши было первично выложено тростником, а тело покойной лежало на постели из травы накрытой войлоком. Вероятно, женщина была похоронена в парадной одежде (судя по концентрации остатков истлевшей ткани около костей рук), и в кожаной обуви на ногах. Удивителен тот факт, что, несмотря на хорошую общую сохранность, в одном месте на скелете были обнаружены явные следы механических повреждений и дефекты (рис. 14). Череп сохранился лишь частично: теменные кости, небольшие фрагменты нижней челюсти и часть зубов, лежали в положении приближенном к естественному (рис. 15). Видно, что некоторые зубы переместили ближе к левому плечу (рис. 16, 17). Отсутствуют практически почти все кости левого плеча с лопаткой, рёбра с левой стороны, и два позвонка грудного отдела позвоночника (рис. 14). В этом месте четко прослеживаются нарушения целостности дна ниши, в виде крупных нор и срытой поверхности; по-видимому, это результат активности крупных грызунов-землероев.

Кости левой ладони казались слегка сдвинутыми, хоть они и были возвращены на свои прежние местах, но самое интересное заключалось в следующем: четыре кольца, украшавшие

ладонь, были надеты не на фаланги пальцев, а на пястные кости! (рис. 18). Это было возможно сделать только после того, как разложатся мягкие соединительные ткани! Следовательно, гробницу открывали после полного разложения тела. Возможно, что именно тогда случайно были сдвинуты кости левой ладони (следов активности грызунов там не наблюдалось). Затем их пытались вернуть на место, и надели кольца, но только уже не на соответствующие кости. Маловероятно, что кольца добавили тогда в комплект, так как на правой руке, которая оставалась не тронутой, на указательном и безымянном пальцах было ещё два кольца в правильном, естественном положении. Можно предположить, что в это же время, с помощью трёх каменных плит, вынутых из заслона, было накрыто левое предплечье и подстилка вдоль левой ноги. Это могла быть реакция на разрушение скелета с левой стороны туловища и черепа, а также желание защитить от возможных биотурбаций оставшихся останков умершей в будущем. Следует полагать, что правая сторона скелета и «постель», были сокрыты в глубине ниши под слоем глины (и, таким образом, «защищены»). На этой стороне погребения не было зафиксировано существенных нарушений его структуры или дна ниши.

Случаи умышленного вскрытия погребений на некрополе в Кошарах — частое явление. В частности, это относится к детским погребениям, к которым через некоторое время подзахоранивались другие дети (вместе с погребальным инвентарем) — вероятно, братья и сестры (Chochorowski 2008, p. 34, fig. 6). Подобная ситуация наблюдалась, например, в могиле 108 (рис. 19), содержащей погребение женщины в возрасте — *Maturus* (около 40 лет). Покойная лежала на спине, головой на запад, инвентарь был составлен, как обычно, у изголовья: амфора, поднос с мясом и разделочным ножом, чёрнолаковый килик, серый керамический флаконч ик (выполненный на гончарном круге) и два глиняных пряслица (рис. 20). Последние считаются символическим показателем женского пола. Интересно, что каменный заслон в районе ног погребенной проявляет имеет следы повреждения (часть плит была переложена на неповрежденную сторону заслона), а кости ног — вниз от коленей — были перемешаны и разбросаны а частично — извлечены. Однако, это нарушение не типично для грабителей, так как весь инвентарь остался на своём месте, остальная часть скелета тоже была не тронута. Скорее всего, гробницу вскрыли, с какой-либо целью (ритуальной?), а потом снова запечатали. В нарушенной части заполнения входной ямы были обнаружены многочисленные фрагменты амфоры. По мнению антропологов, несмотря на позднейшие смещение, положение костей стоп, находящихся *in situ*, указывает на то, что первоначально ноги были скрещены и связаны. (Chochorowski 2008, p. 33, fig. 5). По какой причине кто-то осмелился здесь нарушить табу погребального пространства? Имели ли к этому отношение перекрещенные и связанные ноги умершей? Ясно лишь то, что поводом для вскрытия гробницы послужило нечто иное, чем в случае могилы 111, где мы отчётливо видим действия, направленные на защиту погребения от дальнейшего разрушения. Возможно, следы нарушения, вследствие деятельности землероев, были заметны в структуре гробницы (покрывающей его насыпи), что и послужило поводом её вскрытия? Или же причины были чисто символического характера, например, необходимость «установить контакт» с покойной, и, при случае, была проявлена забота о дальнейшей сохранности погребения?

Здесь, конечно, возникает вопрос: кто, когда и по какой причине вскрыл гробницу 111, при этом предпринимая детальные усилия для улучшения её сохранности? Кем являлась похороненная здесь юная женщина, память о которой вызывала реакцию, полную сильных эмоций и одновременно пронизанную уважением. Часть ответов на эти вопросы мы найдем, внимательно изучив состав драгоценностей и погребальные дары, вложенные помещённые в могилу. Сопровождавший умершую погребальный инвентарь, по сравнению с другими женскими могилами на некрополе в Кошарах, выделяется эффектным набором украшений (рис. 21; 1—3). Он состоял из серебряных височных подвесок в форме голов, скорее всего, Деметры и Персефоны, с бронзовыми крючочками для их подвешивания; нескольких стеклянных бусинок из ожерелья на шее; шести бронзовых колец: 4 на пальцах левой руки и 2 — на правой, а также двух бронзовых аппликаций на груди (рис. 15—18). В близости каждой из серебряных серёг было найдено ещё по одной бусине, скорее всего, являвшихся их дополнительным декоративным элементом. Наборы: серьга в виде головы + крючочек + бусина, находились по правой (Деметра) и левой (Персефона) сторонах черепа (рис. 15), в положении, приближенному к натуральному (функциональному), но с небольшими смещениями, вызванными, несомненно, биотурбациями. Фрагменты мелких бронзовых бляшек, обнаруженных рядом с поврежденной частью скелета (рис. 17), могут указывать на присутствие других мелких украшений (элементов ожерелья?).

У изголовья из травы лежал деревянный поднос с порцией мяса (рис. 22), в которое был воткнут железный нож с костяной рукояткой (рис. 21; 5); этот обычай известный в кочевой среде, как в степной зоне, так и в Лесостепи (Скорый 2003, с. 46). Рядом с подносом был поставлен набор греческой посуды: лекиф и кувшин, вероятно, изготовленные в Ольвии, афинские чернолаковые сосуды: скифос и мисочка, а также две обычные лепные мисочки (рис. 23,

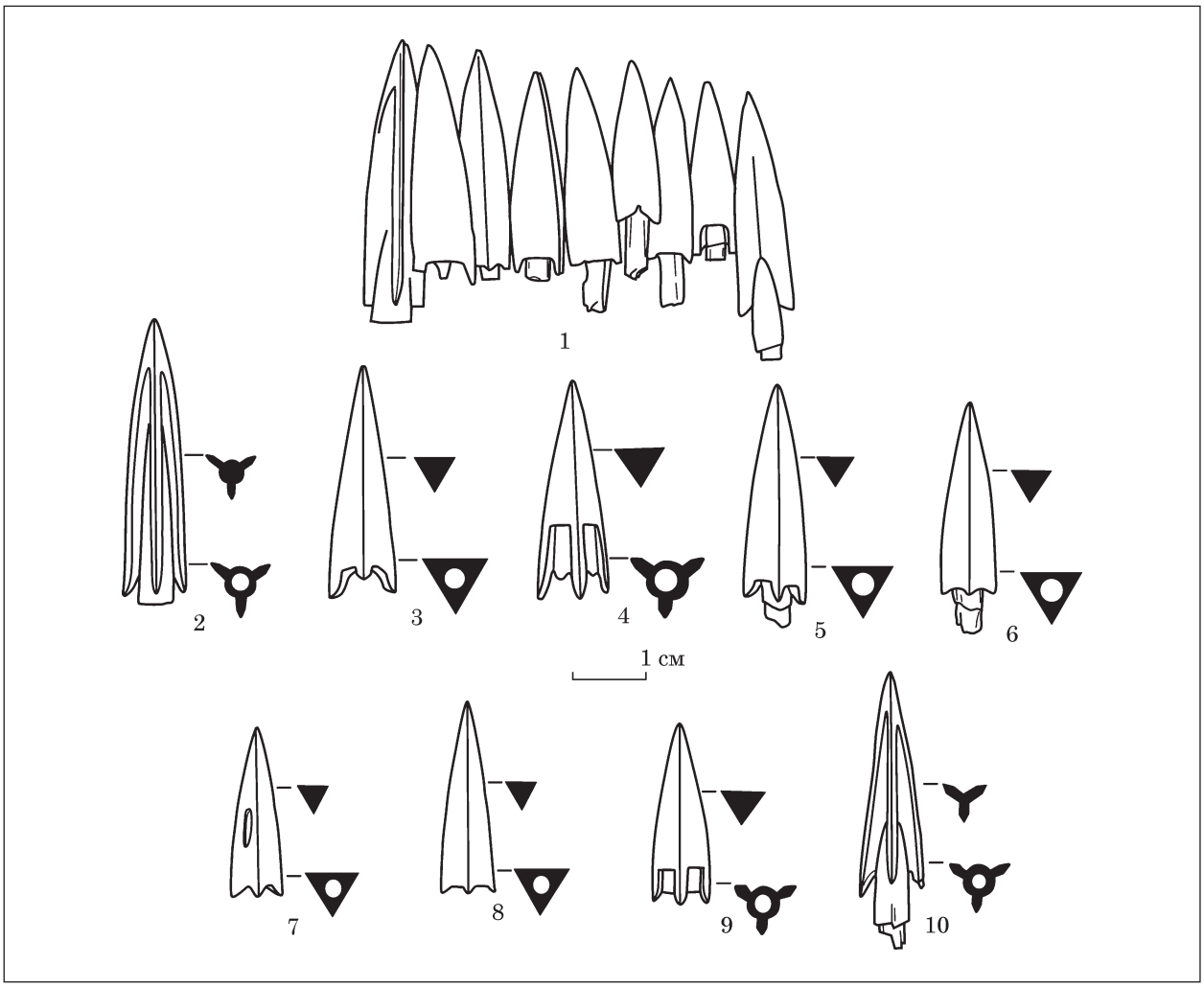


Рис. *27.* Наконечники стрел для лука из гробницы 111

24). Скифос был повреждён (отсутствуют ручки); эти повреждения, скорее всего, наступили еще перед тем, как его вложили в гробницу (если только его не повредили во время её повторного открытия). Факт помещения одного сосуда в другой (по очереди: скифос, чернолакова мисочка и две обычных миски), доказывает (рис. 23), что первоначально они были пустыми. Конечно, существует вероятность, что сосуды переместили, когда наводили «порядок» в гробнице. Создаётся впечатление, что их составили в этом порядке случайно, т. к. такое расположение сосудов не характерно для других, не разграбленных погребений. Кажется, будто бы, их собрали и поместили друг в друга с целью «упорядочить» пространство. Интересно, что в этом наборе нет амфоры, которая является практически обязательным элементом обустройства почти всех «богатых» захоронений. Было ли это каким-то образом связано с общественной ролью покойной? Стоит отметить, что поднос с мясом и сосуды были поставлены за головой погребенной женщины, в глубине ниши; в то время как у входа оставалось много свободного места! (рис. 11). Было ли это место выделенное для амфоры, которую позже забрали?, вместе с вином? Или же её вообще не положили в погребение, хотя, согласно обычаю, она должна была там быть. Свидетельствует ли большое количество черепков амфоры, найденных в подкопе (для повторного открытия) к упомянутой ранее могиле 108, о фундаментальном значение вина в ритуальных процедурах установления посмертного контакта с умершим? Умножая количество вопросов, также необходимо было бы решить; это вино просто оставляли? выливали? или же выпивали?

Рядом с сосудам в гробнице 111 лежали 4 бронзовые кольца (рис. 21: 3; 23) с сужающимися концами (височные кольца?). Возникает вопрос, почему они не находились на своем месте, рядом с подвесными, серебряными серьгами? Были ли они «добавлены» во время вскрытия гробницы? Необычным также является наличие кожаного колчана с девятью стрелами с бронзовыми наконечниками скифского типа (рис. 21: 4; 25; 26). Колчан был уложен справа от плеча и головы покойной на старательно подготовленной дополнительной подстилке из травы (рис. 14). Типологическое разнооб-

разие форм наконечников, указывает на «боевой», а не церемониальный характер депозита (рис. 27), хотя их число выражает скорее символическую мотивацию этого жеста. Невозможно не согласиться с тем, что присутствие колчана (как элемента «мужского» воинского снаряжения) в данном случае должно более рассматриваться как доказательство высокого статуса покойницы, чем черта, присущая так называемым захоронениям «амазонок», то есть женским могилам с оружием, характерным для скифских и савроматских обществ (Смирнов 1964, с. 200—202; Фиалко 1991, с. 4—18; 2017, с. 208—227; Симоненко 1993, с. 105).

Отвечая на вопросы о том, кем была молодая женщина (а согласно современным критериям — девушка), похороненная в гробнице 111, каковы были её роль в обществе и культурная (а может, даже этническая) принадлежность, мы можем точно не сомневаться только в одном факте. Принимая во внимание средниестатистический стандарт убранства могил на некрополе в Кошарах и особенности архитектуры, такие, как величина гробницы, тщательность оформления захоронения, монументальность каменного заслона и т. д., погребенная, несомненно, принадлежала к группе с высоким экономическом статусом, и вероятно, была представительницей местной элиты. На её роль в местном обществе, указывает обнаруженная в форме парадных серёг, символика изображений Деметры и Персефоны: тоскующей Матери и пропавшей Дочери, которую Аид обманом заманил в подземное царство; которых циклические весенне-летние встречи должны были одаривать землю урожаем. Исследования зольника в Кошарах, проведенные также с 1998 г. под руководством Л. В. Носовой (Носова 2003, с. 123—130), привели к показательным открытиям и позволили определить его роль в религиозной жизни местного общества (Редина, Папуци-Владыка, Бодзэк 2007, с. 261—265; Редина, Папуци-Владыка, Бодзек, Маховски 2008, с. 150). Вероятно, он служил храмом — жертвенным местом под открытым небом, где совершались повседневные ритуалы, торжественные богослужения, связанные с культами домашнего очага (*eschara*) или хтоническими верованиями. Именно здесь проводились ритуалы (мистерии), связанные с символикой возрождения и сельскохозяйственными культами великих элевсинских богинь: Деметры и Персефоны (15—22 октября). В какой степени этот символизм влиял на восприятие (в том числе и религиозное) жителей кошарского поселения свидетельствует открытое здесь значительное количество хранилищ для зерна, «промышленного» масштаба (Редина, Папуци-Владыка, Бодзек, Маховски 2008, с. 149). Наблюдения, полученные при помощи аэрофотосъёмки, показывают, что вокруг поселения находились возделываемые территории, поделенные на участки (Бруяко, Назарова, Петренко 1991, с. 37—44). Эти аргументы подтверждают большое значение зернового производства как экспортного товара в экономике кошарского общества. Неудивительно, что люди, участвующие в служении сельскохозяйственным культам (также связанным с идеологией бессмертия и загробной жизни), пользовались высоким авторитетом. Возможно, что одной из них была молодая женщина, похороненная в гробнице 111, в парадных (по местным меркам) ювелирных украшениях, среди которых особенно выделялись серебряные серьги в форме голов Деметры и Персефоны. Наличие рядом с погребённой «скифского» колчана, возможно, должно было подчеркивать её престиж и социальный статус, гарантирующий (как своего рода «защитницы») благополучие живущих близких. Мог он быть тоже посланием, усиливающим скифскую (кочевую) культурную тождественность, выраженную, кроме того, в оформлении погребального ложа и мясных дарах для умершей. Она, скорее всего, была греческого происхождения (восточная ориентировка захоронения), но и возможно была связанна с родом, прародителем которого мог быть погребенный в скифском (судя по внутреннему убранству) кургане 55. Об общем, синкретическом характере этого сообщества свидетельствует наличие захоронений (№ 107 и 108), вокруг кургана 55, связь которых с савроматским (раннесарматским?) архетипом не исключена (Chochorowski 2008, p. 32—33).

В процессе формирования новых синкретичных обществ, возникающих на границах цивилизаций, уровень толерантности и открытия для «чужих» был очень высок. Главными организационными факторами были экономические цели, определяющие стратегию выживания и развития. Для причерноморских территорий такой фактор экономического развития заключался в бытности греческой продовольственной базой (в основном зерновой), что посодействовало включению этого региона в круг средиземноморской цивилизации. Из этого следует, что в качестве важного показателя религиозного самосознания в данном обществе выступал аграрный культ, наряду с элевсинскими мистериями. Однако, в сущности это было мультикультурное, а также полиэтническое сообщество, притирающееся в «котле» повседневной жизни, но в то же время сохраняющее родные, греческие либо «варварские» (скифские), культурные традиции. Всех этих людей, попавших на высокий берег Тилигульского лимана из разных частей тогдашнего мира, объединяло в течении двух столетий, стремление к процветанию, безопасному дому и личному счастью. Стремление к гармонии, в которой даже (или именно) смерть была поводом и для выражения чувств, и близости, и единства, а также уважения различия культурных традиций.

ЛИТЕРАТУРА

Бруяко, И. В., Назарова, Е. П., Петренко, В. Г. 1991. Древние культурные ландшафты на юге Тилигуло-Днестровского междуречья по данным аэрофотосъмки. В: Ванчугов, В .П. (ред.). *Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур*. Киев: Наукова думка, с. 37-44.

Дремсизова, Ц. 1958. Надгробна могила при с. Браничево. В: Бешевлиев, Вл. Г. (ред.). *Изследования в чест на акад. Д. Дечев*. София: БАН, с. 445-456.

Козуб, Ю. И. 1987. Погребальные сооружения некрополей Ольвии и ее округи. В: Крыжицкий, С. Д. (ред.). *Культура населения Ольвии и ее округии в архаическое время*. Киев: Наукова думка, с. 27-34.

Носова, Л. В. 2003. О культовых зольниках античных поселений Северо-Западного Причерноморья (в связи с раскопками Кошарского археологического комплекса). В: Станко, В. Н. (ред.). *Древнее Причерноморье. V чтения памяти проф. П. О. Карышковского*. Одесса: Одесский национальный университет, с. 123-130.

Ольховский, В. С. 1977. Скифские катакомбы в Северном Причерноморье. *Советская археология*, 4, с. 108-128.

Ольховский, В. С. 1991. *Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII—III вв. до н. э.)*. Москва: Наука.

Паровић-Пешикан, М. 1974. *Некрополь Ольвии эллинистического времени*. Киев: Наукова думка.

Петренко, В. Г. 1978. *Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 4-5.

Редина, Е. Ф., Папуци-Владыка, Е., Бодзек, Я. 2007. Сакральное пространство Кошарского святилища. *Боспорские чтения*, VIII, с. 261-265.

Редина, Е. Ф., Папуци-Владыка, Е., Бодзек, Я., Маховски, В. 2008. Археологический комплекс античного времени у села Кошары — итоги исследования. *Pontika 2006*, с. 143-160.

Симоненко, А. В. 1993. *Сарматы Таврии*. Киев: Наукова думка.

Скорый, С. А. 2003. *Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента)*. Киев.

Скуднова, В. М. 1988. *Архаический некрополь Ольвии*. Ленинград: Искусство.

Смирнов, К. Ф. 1964. *Савроматы. Ранняя история и культура сарматов*. Москва: Наука.

Сымонович, Э. А. 1954. О древнем Одессе. *Вестник древней истории*, 4, с. 146-150.

Фиалко, Е. Е. 1991. Погребения женщин с оружием у скифов. В: Болтрик, Ю. В., Бунятян, Е. П. (ред.). *Курганы Степной Скифии*, Киев: Наукова думка, с. 4-18.

Фиалко, Е. Е. 2017. Серия погребений скифских воительниц в могильнике у с. Глиное (Молдова). *Археологія і давня історія України*, 2 (23), с. 208-227.

Chochorowski, J., Papuci-Władyka, E., Redina, E. 2000. Polsko-ukraińskie badania wykopaliskowe zespołu stanowisk z okresu antycznego w miejscowości Košary koło Odessy. *Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego*, XXI, p. 185-202.

Chochorowski, J., Papuci-Władyka, E., Redina, E. 2004. Polnisch-ukrainische Ausgrabungen an dem antiken Fundstellenkomplex von Košary bei Odessa. *Recherches Archéologiques de 1993—1998*, S. 243-265.

Papuci-Władyka, E., Kokorzhitskaia, T. N. 2004. Greek ampforae from the Polish-Ukrainian excavations at Koshary, Odessa District (fourth and third centuries BC) — a first resentation. In: Eiring, J., Lund, J. (ed.). *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Acts of the International Colloquium at the Danish Institute at Athens*. Athens: Aarhus University Press, p. 313-324.

Papuci-Władyka, E., Redina, E. F. 2011. Ten Years of the Polish-Ukrainian Koshary Project (1998—2008). *Pontika 2008*, p. 283-297. British Archaeological Reports International Series, 2240.

Redina, E. F., Chochorowski, J. 2001. Koshary. In: Samoilova, T. D. (ed.). *Ancient Greek Sites on the Northwest Coast of the Black Sea*. Kiev: Mystetstvo, p. 139-154.

Skoryj, S. A. 1993—1994. Die Frage der Beziehungen zwischen der Bevölkerung der Schwarzmeersteppen und der Bevölkerung der Waldsteppen im Dneprgebiet im 5. bis 4. Jh. v. Chr. *Acta Archaeologica Carpathica*, XXXII, S. 151-166.

REFERENCES

Brujako, I. V., Nazarova, E. P., Petrenko, V. G. 1991. Drevnie kul'turnye landshafty na juge Tiligulo-Dnestrovskogo mezhdurech'ja po dannym ajerofotosjemki. In: Vanchugov, V. P. (ed.). *Severo-Zapadnoe Prichernomor'e — kontaktnaja zona drevnih kul'tur*. Kiev: Naukova dumka, s. 37-44.

Dremsizova, C. 1958. Nadgrobna mogila pri s. Branichevo. In: Beshevliev, Vl. G. (ed.). *Izsledovanija v chest na akad. D. Dechev*. Sofija: BAN, s. 445-456.

Kozub, Ju. I. 1987. Pogrebal'nye sooruzhenija nekropolej Ol'vii i ee okrugi. In: Kryzhitsky, S. D. (ed.). *Kul'tura naselenija Ol'vii i ee okrugii v arhaicheskoe vremja*. Kiev: Naukova dumka, s. 27-34.

Nosova, L. V. 2003. O kul'tovyh zol'nikah antichnyh poselenij Severo-Zapadnogo Prichernomor'ja (v svjazi s raskopkami Kosharskogo arheologicheskogo kompleksa). In: Stanko, V. N. (ed.). *Drevnee Prichernomor'e. V chtenija pamjati prof. P. O. Karyshkovskogo*. Odessa: Odessky Natsionalny Universitet, s. 123-130.

Ol'hovskij, V. S. 1977. Skifskie katakomby v Severnom Prichernomor'e. *Sovetskaja arheologija*, 4, s. 108-128.

Ol'hovskij, V. S. 1991. *Pogrebal'no-pominal'naja obrjadnost' naselenija Stepnoj Skifii (VII—III vv. do n. e.)*. Moskva: Nauka.

Parovich-Peshikan, M. 1974. *Nekropol' Ol'vii jellinisticheskogo vremeni*. Kiev: Naukova dumka.

Petrenko, V. G. 1978. *Ukrashenija Skifii VII—III vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Svod arheologicheskih istochnikov, D 4-5.

Redina, E. F., Papuci-Vladyka, E., Bodzek, Ja. 2007. Sakral'noe prostranstvo Kosharskogo svjatilishha. *Bosporskie chtenija*, VIII, s. 261-265.

Redina, E. F., Papuci-Vladyka, E., Bodzek, Ja., Mahovski, V. 2008. Arheologicheskij kompleks antichnogo vremeni u sela Koshary — itogi issledovanija. *Pontika 2006*, s. 143-160.

Simonenko, A. V. 1993. *Sarmaty Tavrii*. Kiev: Naukova dumka.

Skoryj, S. A. 2003. *Skify v Dneprovskoj Pravoberezhnoj Lesostepi (problema vydelenija iranskogo jetnokul'turnogo elementa)*. Kiev.

Skudnova, V. M. 1988. *Arhaicheskij nekropol' Ol'vii*. Leningrad: Iskusstvo.

Smirnov, K. F. 1964. *Savromaty. Rannjaja istorija i kul'tura sarmatov*. Moskva: Nauka.

Symonovich, Je. A. 1954. O drevnem Odesse. *Vestnik drevnej istorii*, 4, s. 146-150.

Fialko, E. E. 1991. Pogrebenija zhenshhin s oruzhiem u skifov. In: Boltrik, Ju. V., Bunjatjan, E. P. (ed.). *Kurgany Stepnoj Skifii*, Kiev: Naukova dumka, s. 4-18.

Fialko, E. E. 2017. Serija pogrebenij skifskih voitel'nic v mogil'nike u s. Glinoe (Moldova). *Arheologija i davnja istorija Ukrajiny*, 2 (23), s. 208-227.

Chochorowski, J., Papuci-Władyka, E., Redina, E. 2000. Polsko-ukraińskie badania wykopaliskowe zespołu stanow-

isk z okresu antycznego w miejscowości Košary koło Odessy. *Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego*, XXI, p. 185-202.

Chochorowski, J., Papuci-Władyka, E., Redina, E. 2004. Polnisch-ukrainische Ausgrabungen an dem antiken Fundstellenkomplex von Košary bei Odessa. *Recherches Archéologiques de 1993—1998*, S. 243-265.

Papuci-Władyka, E., Kokorzhitskaia, T. N. 2004. Greek ampforae from the Polish-Ukrainian excavations at Koshary, Odessa District (fourth and third centuries BC) — a first resentation. In: Eiring, J., Lund, J. (ed.). *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Acts of the International Colloquium at the Danish Institute at Athens*. Athens: Aarhus University Press, p. 313-324.

Papuci-Władyka, E., Redina, E. F. 2011. Ten Years of the Polish-Ukrainian Koshary Project (1998—2008). *Pontika 2008*, p. 283-297. British Archaeological Reports International Series, 2240.

Redina, E. F., Chochorowski, J. 2001. Koshary. In: Samoilova, T. D. (ed.). *Ancient Greek Sites on the Northwest Coast of the Black Sea*. Kiev: Mystetstvo, p. 139-154.

Skoryj, S. A. 1993—1994. Die Frage der Beziehungen zwischen der Bevölkerung der Schwarzmeersteppen und der Bevölkerung der Waldsteppen im Dneprgebiet im 5. bis 4. Jh. v. Chr. *Acta Archaeologica Carpathica*, XXXII, S. 151-166.

Ja. Chochorowski

ARISTOCRAT?, AMAZON?, OR PRIESTESS? (Some Remarks on the Status of Women in Greco-Scythian Communities)

In the year 2000, a joint expedition from the Archaeological Museum in Odessa and the Institute of Archaeology of the Jagiellonian University in Kraków conducted excavations in a Greco-Scythian necropolis at Koshary, near the Tiligul Estuary. In a circle of tombs surrounding a Scythian barrow (no. 55), grave no. 111 (dated to the late 4th century BC) stood out with its noticeably special status. In a large niche tomb meticulously carved in the bedrock, a young woman aged *Infans II* / *Iuvenis* (i. e. 14—15 years old) was buried on a bed made from reeds and grass and covered with felt. The body was placed to grave with the head to the east, and the burial stands out from other female graves in the Koshary necropolis by an impressive set of jewellery. The set was comprised of the following: silver earrings in the shapes of the heads of Demeter and Persephone, with bronze hooks for attachment, glass beads from a string on the neck, 6 bronze finger rings (4 on the left and 2 on the right hand), and 2 round bosses or appliques made of bronze on the chest. In addition, a tray containing a portion of meat and an iron knife provided with a bone handle was placed by the woman's head. Immediately by the tray, a set of Greek vessels was placed, consisting of a thin-walled cup-skyphos, a saltcellar, and two small handmade bowls. Four bronze rings (possibly earrings) were also found near the vessels. A leather quiver with Scythian-type arrowheads, deposited to the right from the body, is a unique element. The deceased most likely had Greek origins (buried with the head to the east), but was connected with the family / lineage whose progenitor had been the man buried in the Scythian (in terms of burial orientation) barrow no. 55. Taking into account the over-standard furnishing, the size of the tomb, careful arrangement of the burial, and the monumental size of the stone barrier closing the niche, one can certainly regard the deceased woman as belonging to a group or class of high economic status and representing local elites. Her social role seems to be hinted at by the symbolism of Demeter and Persephone featuring on the ceremonial earrings, namely that of the longing mother and daughter lured by Hades into the underworld, whose cyclical, spring-summer meetings were supposed to bless the Earth with good harvest. The deposition of a «Scythian» quiver by the body was probably meant to additionally emphasise her prestige and social status, and her role as a guardian of her kinsmen's fortunes. The newly forming, syncretic communities developing at the fringes of civilisations were undoubtedly distinguished by a very high degree of «openness» of their social structures towards «foreign» individuals. Of crucial importance were economic objectives determining the strategy of subsistence. For the Koshary community this was first of all cereal farming, as evidenced by a significant number of grain-storing structures (suggesting an industrial scale) discovered in a settlement adjoining the necropolis. This role of the Black Sea coast as a supplier of food (cereals in particular) for Greece allowed the region to be introduced into civilizational arteries of the Mediterranean world. This is why agricultural cults and Eleusinian Mysteries became important elements of spiritual life in the region. Thus, it comes as no surprise that individuals engaged in agricultural cults (associated with the ideology of immortality and afterlife) enjoyed high prestige in the analysed community. Perhaps, such person was the young women buried in grave no. 111, with the set of exquisite jewellery including impressive silver earrings with the heads of Demeter and Persephone.

Keywords: Chora of Olbia, female burials, prestige behaviours, cult of Demeter and Persephone.

Одержано 15.02.2018

ХОХОРОВСКІ Ян, доктор гуманітарних наук, професор, Інститут археології Ягеллонського університету в Кракові, вул. Ґолембя, 11, Краків, 31007, Польща, *archeo.sekretariat@uj.edu.pl*.

CHOCHOROWSKI Jan, Doctor of the humanities science, State professor, Head of the Department of Bronze Age archaeology at the Jagiellonian University, Gołębia Str. 11, Kraków, 31007, PL, *archeo.sekretariat@uj.edu.pl.*

Рис. 2. Территория греческого укрепленного поселения в Кошарах во время раскопок 2000 г. Вид с западной стороны

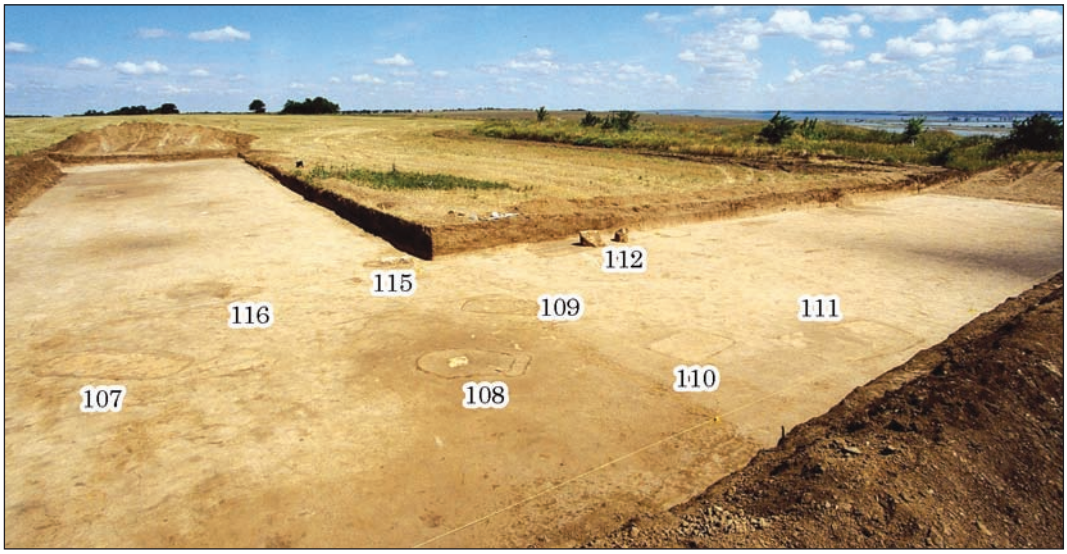


Рис. 4. Раскоп 2000 г. на некрополе. Видны очертания могильных ям, расположенных в южной части кольца вокруг кургана 55

Рис. 5. Расчистка погребений в южной части кольца могил вокруг кургана 55

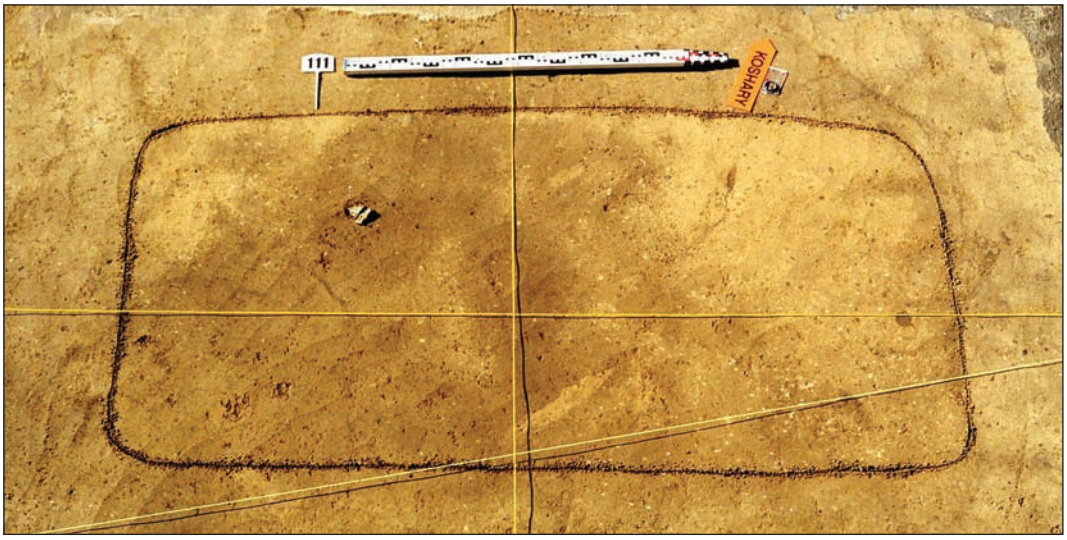


Рис. 6. Очертания входной ямы погребения 111

Рис. 7. Каменный заслон с тремя плитами, перемещёнными в нишу

Рис. 10. Вид на захоронение после ликвидации части свода над нишей и окончания расчистки

Рис. 11. Расположение скелета умершей, погребального инвентаря, очертаний подстилки из тростника, травы и войлока

Рис. 12. Расчистка слоя глины, находящегося непосредственно над захоронением

Рис. 13. Обнаружение остатков истлевших органических материалов, сохранившихся на дне ниши

Рис. 14. Вид на череп и левую сторону туловища погребенной: заметна деятельность грызунов

Рис. 15. Остатки черепа и комплект украшений: серьги + крючочек / подвеска + бусины с левой и правой стороны черепа

Рис. 16. Бронзовая аппликация среди остатков ребер в верхней части грудной клетки

Рис. 17. Перемещенный зуб и элементы ожерелья (?) в области левого плеча погребенной

Рис. 18. Расположение бронзовых колец на костях левой ладони погребённой

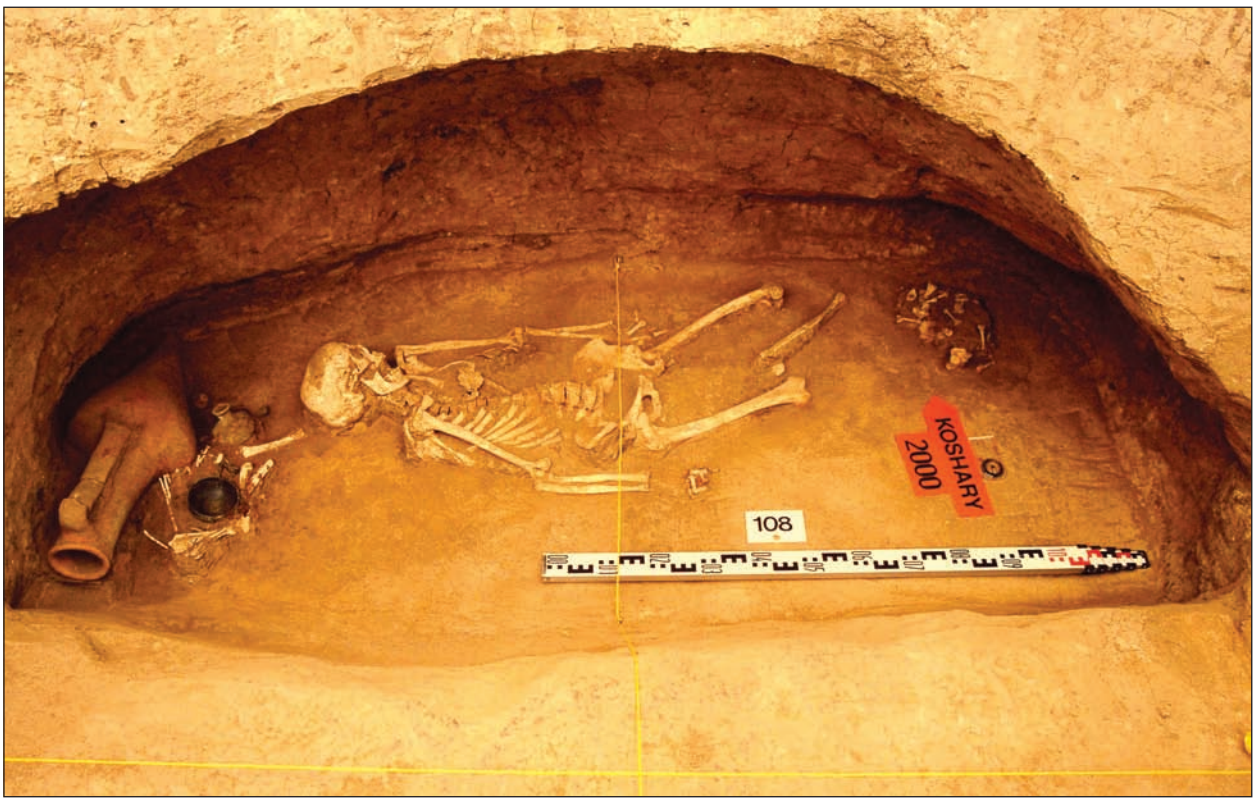


Рис. 19. Погребение женщины и инвентарь из гробницы 108

Рис. 20. Погребальный инвентарь гробницы 108

Рис. 21. Значимые элементы металлического инвентаря из гробницы 111

Рис. 22. Поднос с остатками мясной пищи и ножом, группа сосудов и бронзовые «кольца»

Рис. 23. Комплект сосудов: лекифы, скифос и миски

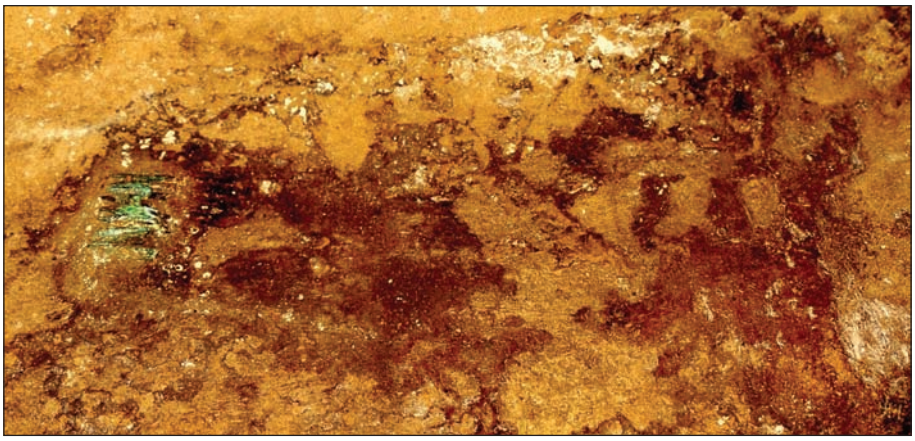


Рис. 25. Очертания кожаного колчана положенного на толстой подстилке из травы

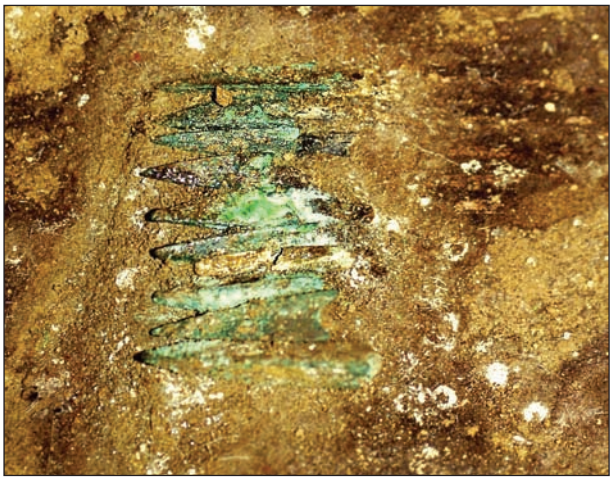


Рис. 26. Расположение наконечников стрел (9 штук) в колчане

Рис. 24. Керамические находки из гробницы 111

УДК: 904.4(282.247.364)”6383”

К. Ю. Пеляшенко

ДРЕВНОСТИ III—I вв. до н. э. ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЦОВЬЯ

В статье рассматриваются артефакты, которые относятся к наименее изученному периоду в лесостепной части бассейна р. Северский Донец — III—I вв. до н. э. Основная часть материалов происходит из раскопок Циркуновского городища, остальные представлены случайными находками, найденными на поверхности.

***Ключевые слова**: Лесостепь, Северский Донец, III—I вв. до н. э., материальная культура.*

Период последних трех столетий до нашей эры можно уверенно относить к т. н. темным периодам древней истории на территории лесостепной зоны восточнее Днепра. Древности III—I вв. до н. э. очень слабо освещены в литературе не только для лесостепных памятников бассейна Северского Донца, но и для всей Днепро-Донецкой Лесостепи, что связано с ограниченным кругом источников, не позволяющих делать какие-либо определенные заключения относительно этнокультурной истории региона рассматриваемого периода. Если в Днепровском Лесостепном Правобережье с III в. до н. э. широко известны памятники зарубинецкой культуры, которые сменяют лесостепную скифскую культуру, то на Левобережье в это же время не фиксируется сколько-нибудь постоянных пунктов оседлой жизни и могильников, а круг источников ограничен, как правило, случайными находками, отдельными артефактами на поселениях и одиночными погребениями [1]. В связи с этим существует ряд вопросов относительно событий финала скифской эпохи и дальнейших судеб местного оседлого населения, довольно плотно заселившего территории между Днепром и Северским Донцом в VI—IV вв. до н. э.

Впервые древности сарматского времени в бассейне р. Северский Донец комплексно были освещены в монографии Б. А. Шрамко «Древности Северского Донца» (1962, с. 237—244). Были собраны данные о всех известных погребальных комплексах, кладах и случайных находках, среди которых исследователь не называет ни одного пункта последних веков до нашей эры в лесостепной полосе. Отсутствуют такие и в «Справочнике по археологии Украины (Харьковская область)», который увидел свет в 1977 г. (Шрамко, Михеев, Грубник 1977). Лишь находки на Циркуновском городище фрагментов сероглиняной гончарной керамики позволили Б. А. Шрамко только предположить ее меото-сарматское происхождение и отнести к III—I вв. до н. э. (Шрамко 1956, с. 108). Только в начале XXI в. в руки исследователей попали единичные античные материалы III—II вв. до н. э., обнаруженные на поверхности поселений скифского времени, что дало возможность наметить перспективу поиска памятников или культурных слоев указанного периода в северскодонецкой Лесостепи (Гречко 2004; Колода 2009).

Неудачная попытка выделить ранние сарматские древности в лесостепной части бассейна р. Северский Донец была сделана в статье

1. Культурный слой зарубинецкой культуры был выделен В. А. Ильинской на Басовском городище в Посулье (Ильинская 1961). Из этого же региона происходят единичные комплексы и отдельные находки предметов зарубинецкой культуры, что свидетельствует о миграции незначительной части населения с правого берега Днепра в Посулье начиная с III в. до н. э. (Кулатова, Супруненко, Терпиловский 2005, с. 25—33).

© К. Ю. ПЕЛЯШЕНКО, 2018

Г. В. Бейдина, М. Н. Григорянца и С. А. Чаговца (2007, с. 167—175). Авторы полагают, что местные племена, проживающие в северскодонецкой Лесостепи первыми в Скифии вошли в контакт с сарматскими военными отрядами в III в. до н. э. В качестве аргументов приводится серия давно известных в литературе погребений и случайные находки, подробности обнаружения которых и место хранения неизвестны. Три погребальных комплекса (курган 3 у с. Раздольное на р. Берека, разрушенное погребение у г. Балаклеи, погребение в песчаной дюне у с. Яремовка) расположены не в лесостепной зоне, а в степи, на значительном удалении от места концентрации памятников оседлого населения. К тому же, относительно погребения у с. Яремовка, С. В. Полиным и А. В. Симоненко высказывались аргументы о его не сарматской, а скифской принадлежности и датировке IV — началом III вв. до н. э. (1990, с. 79—81). Среди случайных находок приводится железный колчанный крючок, найденный у с. Черкасский Бишкин (Змиевской р-н Харьковской обл.) (Бейдин, Григорянц, Чаговец 2007, с. 171, рис. 1). Территориально это также степная зона — пограничье с лесостепной. Подобные железные крючки с перпендикулярно расположенной «перекладиной» известны в древностях IV в. до н. э. скифского времени Среднего Подонья (Савченко 2004, с. 234, рис. 28: 7). На Северском Донце похожий крючок обнаружен в позднесавроматском погребении второй половины IV в. до н. э. у с. Веселое (Шрамко 1992, с. 115). Далее приведены находки двух подвесок в виде миниатюрных наверший, обнаруженные на поверхности поселений скифского времени Шелковая и Ореховая Роща (Бейдин, Григорянц, Чаговец 2007, с. 171, рис. 2—3). Признавая факт отсутствия аналогий, авторы находят параллели этим предметам с подвеской из курганного погребения 1 кургана 5 у с. Грушевка в Днепропетровской области. Смешанный характер опубликованных предметов из Грушевки подчеркивали С. В. Полин и А. В. Симоненко. Часть предметов была ошибочно включена из сарматского погребения 6 кургана 5 у с. Марьинское. Что касается бронзовой височной подвески, упомянутой выше в качестве аналогии, то авторы отмечают, что она не находит параллелей ни в скифских, ни в савромато-сарматских, ни в меотских древностях, а наиболее близкие подвески обнаружены в Вани (Закавказье) в погребении V в. до н. э. По набору предметов комплекс Грушевки датирован в пределах VI—V вв. до н. э. (Полин, Симоненко 1990, с. 83—85). Еще одна находка, приведенная в качестве доказательства присутствия сармат в III—II вв. до н. э. — костяная подвеска, имитирующая кабаний клык с орнаментом и отверстием для подвешивания, найденная на поселении Шелковая (Бейдин, Григоняц, Чаговец 2007, с. 173, рис. 5). Отсутствие информации о месте хранения и вообще принадлежности ее к Музейному фонду Украины лишает нас возможности ознакомиться с этим предметом, чтобы убедится в том, что это действительно имитация, а не сам зуб. Подвески из зубов кабана, как орнаментированные, так и нет, хорошо известны в древностях скифского времени. В частности они найдены на Люботинском городище, к округе которого относится поселение Шелковая (Шрамко 1998, с. 28, рис. 13: 14, 17, 21). Материалы же раскопок Б. А. Шрамко на поселении Шелковая позволяют относить время его существования к концу VI—V вв. до н. э. (Шрамко 1964). Сарматским следом III—II вв. до н. э. на северскодонецких памятниках авторы статьи считают железные втульчатые трехлопастные наконечники стрел, найденные неизвестно кем и в каком количестве на Коломакском городище (Бейдин, Григорянц, Чаговец 2007, с. 173, рис. 7). Данный памятник, расположенный на р. Коломак (левый приток р. Ворскла) относится к ворсклинской группе памятников, а такие типы стрел имеют широкие даты, захватывая поздний период древностей скифской эпохи (Мелюкова 1964, с. 25) и поэтому не могут выступать в качестве этно- и хроноиндикаторов. В конце авторы приводят находку ольвийской монеты II в. до н. э., которая еще будет рассматриваться нами ниже. Здесь можно лишь отметить, что греческая монета не относится к сарматским древностям и не может быть свидетельством экспансии сарматов в северскодонецкую Лесостепь. Таким образом, исторические выводы о проникновении сарматов в Лесостепь в III в. до н. э. и их контактах с местным населением не подтверждаются приведенными находками.

В обобщающей работе, посвященной древностям скифского времени в лесостепной части бассейна Северского Донца, Д. С. Гречко отмечал, что следов жизни в регионе в III—I вв. до н. э. не фиксируется. Однако автор не исключал, что это может быть связано с отсутствием четких хронологических индикаторов (Гречко 2010, с. 112). В ряде работ, посвященных вопросам конца скифской эпохи в бассейне Северского Донца, приводились аргументы относительно того, что данная территория в конце третьей — четвертой четвертях IV в. до н. э. перешла под контроль поздних савроматов (сирматов) или других номадов Подонья-Прикубанья (Гречко 2006, с. 226; 2010, с. 110; Гречко, Карнаух 2011, с. 250).

В целом можно заключить, что до сих пор в литературе практически не появилось информации, освещающей период последних веков до нашей эры в лесостепной части бассейна р. Северский Донец. Задачей данной работы является публикация и анализ материалов относящихся к III—I вв. до н. э., полученных большей частью в результате раскопок автора, с привлечением немногочисленных известных

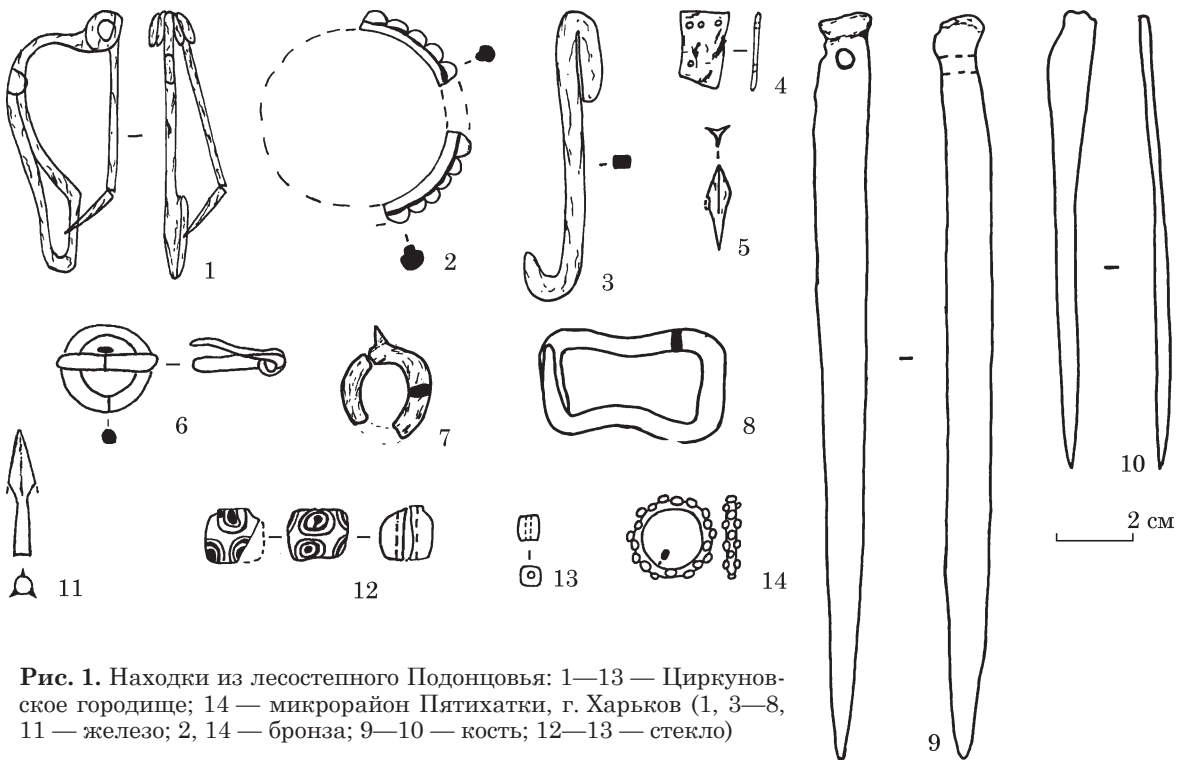


Рис. 1. Находки из лесостепного Подонцовья: 1—13 — Циркуновское городище; 14 — микрорайон Пятихатки, г. Харьков (1, 3—8, 11 — железо; 2, 14 — бронза; 9—10 — кость; 12—13 — стекло)

ранее случайных находок. Основной массив артефактов связанных с рассматриваемым периодом представлен в материалах раскопок Циркуновского городища, которые публикуются здесь впервые.

Перед тем, как перейти непосредственно к рассмотрению самих артефактов, не будет лишним остановиться на характеристике культурного слоя и стратиграфии памятника, из которого происходит основная масса материалов. Основная часть жилой площадки Циркуновского городища имеет слабонасыщенный находками культурный слой чернозема. Его мощность в основном составляет 0,25—0,35 м. Только в южной части, на территории Первого (южного) двора, по краю городищенской площадки зафиксированы отложения мощность которых достигала до 1,6 м. В нижних золистых прослойках были обнаружены материалы времени основания городища — начала V в. до н. э. Культурный слой центральной части Первого и всего Второго (северного) двора имея слабую мощность не отличается по цвету и структуре грунта: оподзоленный чернозем темно-серой окраски, который постепенно переходит в суглинок. Поэтому разделить стратиграфически археологические материалы, найденные в этих раскопах не представляется возможным. Датирующие предметы конца V—IV и III—I вв. до н. э. фиксировались на одной глубине, как на уровне погребенной почвы, так и ближе к современной поверхности (от 0,10 до 0,40 м).

Далее перейдем непосредственно к характеристике археологических материалов относящихся к рассматриваемому периоду из раскопок Циркуновского городища.

1. Железная фибула среднелатенской схемы серии 1 (по В. В. Кропотову) (рис. 1: 1). Проволочная фибула, ножка которой прикреплена к спинке с помощью скрепы-лапки (Кропотов 2010, с. 41). Фибула обнаружена в культурном слое раскопа 13 (кв. 17/Г') на глубине 0,2 м. Имеет длину 7,1 см, 4-витковую пружину, ножка скреплена со спинкой с помощью гладкой лапки, что позволяет отнести ее ко второму варианту, хронологические позиции которого В. В. Кропотов определил второй половиной I в. до н. э. (Кропотов 2010, с. 44—45). В то же время данная форма фибул получила большое распространение на памятниках зарубинецкой культуры (Тип В — Костжевский) в конце III — начале II вв. до н. э. При этом от среднеевропейских, зарубинецкие отличаются креплением ножки к спинке всегда с помощью лапок, образованных расклепкой кончика ножки (как на циркуновской), а не муфтой (Пачкова 2006, с. 77). Данный тип фибул представлен так же наиболее многочисленной серией в могильнике у с. Глиное (33 экземпляра в 32 погребениях, 16 из них имеют 4-витковую пружину) (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, с. 957). В отличие от зарубинецких памятников, здесь большинство (32 экз.) фибул сделаны из железной проволоки. Все погребения с такими фибулами (в т. ч. 4-витковыми) авторы датируют

последней четвертью III — первой четвертью II вв. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, с. 958). Учитывая такое несоответствие в хронологии, датировка фибулы из Циркунов пока определена широкими рамками: конец III—I вв. до н. э.

2. Фрагменты бронзового кольца (браслета?) с одним рядом округлых выступов («шишечек») (рис. 1: 2). Два фрагмента одного предмета обнаружены в культурном слое раскопа 13 (кв. 2/Б' и 8/Б'). Один фрагмент на глубине 0,1 м, другой — 0,25 м. Реконструируемый диаметр 4,5 см с внутренней стороны и 5,5 см с внешней. В литературе существуют различные мнения по поводу назначения данных предметов: амулеты, детали украшений, сбруя и портупейные пряжки (Журавлев 2014, с. 65—69). Несмотря на то, что традиционно данные предметы связывают с древностями латенского круга, Д. В. Журавлев полагает, что кольца с тремя рядами выступов из памятников Северного Причерноморья связаны происхождением с находками из Фракии или Гето-Дакии (2014, с. 80). Фрагменты из Циркуновского городища имеют один ряд округлых выступов, расположенных на внешней стороне кольца. Подобные предметы, возможно, генетически связаны с т. н. браслетами с рубчиками, которые представлены в скифских древностях V—IV вв. до н. э. (Петренко 1978, с. 55, рис. 45). Однако, наиболее близкие по морфологии браслеты с частым расположением округлых выступов (т. н. гусеничные) относятся к ступени Латен B2a, которая в абсолютных датах ограничивается 330/320—280/260 гг. до н. э. (Щукин 1994, с. 49, 65, рис. 11: 9). В.Е. Еременко, поставивший вопрос о пересмотре схемы относительной хронологии древностей восточного латена Й. Буйны, помещает данные браслеты в ступень Латен B2b, что в абсолютных датах соответствует 280—240 гг. до н. э. (Еременко 1999, с. 145, табл. 5, с. 147). Таким образом, фрагменты кольца, найденные на Циркуновском городище, в широких рамках можно датировать концом IV — серединой III вв. до н. э.

3. Железный крючок (рис. 1: 3). Обнаружен в заполнении ямы 21 (раскоп 13) на глубине 0,65 м. Имеет длину 7,7 см и сделан из прямоугольного в сечении железного стержня, который имеет незначительный изгиб. Плавно загнутый конец крючка имеет острое окончание, обратная сторона резко загнута и вплотную прижата к основе для фиксации ремня. Данная группа предметов получила различную интерпретацию в археологической литературе. Часть авторов интерпретирует их как колчанные крюки, в то же время высказывались мнения по поводу использования их в качестве застежек поясного ремня и одежды или же их полифункциональности (Савченко 2004, с. 229; Гуляев 2016, с. 66—68). Если для середины V—IV вв. до н. э. характерны в основном зооморфные крючки, среди которых преобладают бронзовые, то в более позднее время это преимущественно простые неорнаментированные предметы, выполненные из железа. По типологии, разработанной Н. Е. Берлизовым наша находка более всего соответствует типу 5 (S-видные) с креплением варианта B — в виде отверстия соосного крюку (Берлизов 2011, с. 85, табл. 34б). Простые железные крючки в большом количестве (37 шт.) представлены в могильнике III—II вв. до н. э. у с. Глиное, где они использовались как в качестве колчанных, так и поясных застежек (Тельнов, Четвериков, Синика 2017, с. 777—779). Л. С. Воротинская связывает происхождение простых железных поясных крючков без Т-образного перекрестия с кельтскими древностями: ясторфской культурой и группой Поянешти-Лукашевка, а появление их в Причерноморье и Крыму со свидетельствами кельто-скифских взаимодействий или смешений в III—II вв. до н. э. (Воротинская 2013, с. 491—492). Железные крючки довольно часто встречаются в погребениях скифов Крыма (Пуздровский 2007, с. 70). Экземпляры простой конструкции в виде загнутого железного стержня характерны для комплексов периода II в. до н. э. — первой половины I в. н. э. (Пуздровский 2007, рис. 26: II; 28: I—III, IV, 29: III, V, VII, 30: 10).

Помимо крючка, в этой же яме, на глубине 0,55 м обнаружена небольшая (2,0 × 1,3 см) железная панцирная пластина неправильной четырехугольной формы, имеющая острый треугольный нижний конец со срезом слева направо, с четырьмя отверстиями (три в ряд сверху и одна снизу) (рис. 1: 4). Идентичные по форме и размерам пластины составляли основную массу в панцире кургана 1 могильника Дуровка, дата которого устанавливается по греческой амфоре (Савченко 2004, с. 217, рис. 22: 13—15). А. П. Абрамов определил место ее производства примерно — Книд или Кос и датировал первой половиной IV — второй половиной III вв. до н. э. [1] (Пузикова 2001, с. 184). А. Е. Безматерных датировал амфору первой половиной III в. до н. э. (2004, с. 21—22, табл. 1). Однако уже в диссертации дается другая дата — последняя четверть IV в. до н. э. (Безматерных 2006, с. 20—21).

4. Железный черешковый трехлопастный наконечник стрелы (рис. 1: 5). Найден в культурном слое в раскопе 13 (кв. 10/Б') на глубине 0,2 м. Его длина составляет 2,3 см, наибольшая ширина 0,7 см. Из-за сильной коррозии наконечник сложно отнести к какому-либо типу, т. к. типообразующей во многих типологических схемах, как правило, является форма окончания лопастей. Одиночные находки железных

1. Скорее всего, в публикации содержится опечатка и имелась в виду дата: вторая половина IV — первая половина III вв. до н. э.

черешковых наконечников стрел в древностях Заволжья и Приуралья известны еще с конца V — третьей четверти IV в. до н. э. (фаза В2 по Н. Е. Берлизову 2011, с. 173). А. В. Симоненко утверждает, что основная масса черешковых наконечников стрел в сарматских древностях Северного Причерноморья относится к I в. н. э. Наиболее древним комплексом является погребение у с. Виноградное, где в наборе втульчатых стрел обнаружена одна черешковая. Комплекс датируется I в. до н. э. (2015, с. 116, 118). Н. Е. Берлизов наиболее ранние сарматские комплексы междуречья Дона и Днепра с трехлопастными черешковыми стрелами относит к периоду С1 (региональной относительной хронологии), которая в абсолютных датах соответствует концу I в. до н. э. — началу I в. н. э. (Берлизов 2011, табл. 63). В то же время известно несколько датированных скифских погребальных комплексов в Крыму (Беляусский могильник, склеп 40, Неаполь Скифский, Восточный некрополь, склеп 67), которые А. Е. Пуздровский относит к периоду позднескифской культуры А2 (вторая половина II — первая половина I вв. до н. э.) (2007, рис. 17: II; 28: III). При этом автор отмечает в целом, что для периода А (II в. до н. э. — первая половина I в. н. э.) железные черешковые наконечники нигде не составляют значительных серий и морфологически одинаковы как у сарматов, так и у поздних скифов Крыма, населения Прикубанья и Центрального Предкавказья. Появление их в Причерноморье связывают с проникновением населения из Средней Азии (Пуздровский 2007, с. 68). Для наиболее ранних черешковых наконечников характерны небольшие размеры, тенденция к увеличению длины и веса наконечника, связанная с появлением иного типа лука, отмечалась А. М. Хазановым (1971, с. 38).

Несмотря на довольно широкие рамки бытования подобных стрел, учитывая сопутствующие материалы, а также малые размеры наконечника, найденного на Циркуновском городище, логичнее будет предполагать его раннюю дату (II—I вв. до н. э.).

5. Железная круглая пряжка с боковым выступом фиксатором (рис. 1: 7). Два фрагмента пряжки обнаружены в культурном слое раскопа 13 (кв. 11/И'), на глубине 0,3 м. Реконструируемый диаметр 2,5 см, длина неподвижного язычка 0,5 см. Железные круглые пряжки с неподвижным фиксатором в сарматских древностях известны на широкой территории. Согласно хронологии Н. Е. Берлизова наиболее ранние образцы известны на Урале, где они бытуют в конце IV—II вв. до н. э. (фазы В2—В3а региональной относительной хронологии), в конце IV—I вв. до н. э. в Заволжье (фазы В1—С региональной относительной хронологии) (2011, табл. 59, 60, 60А). В Предкавказье такие пряжки находят в комплексах II — начала I в. до н. э. (фазы В1—В2 региональной относительной хронологии) (Берлизов 2011, табл. 62). Они неизвестны в сарматских комплексах междуречья Дона и Днепра, но получили довольно широкое распространение в позднескифских древностях Крыма. Большая часть из них найдена в комплексах периода А2 (по А. Е. Пуздровскому), который имеет абсолютные даты вторая половина II — первая половина I вв. до н. э. (2007, рис. 14: I; 17: II; 22: I; 26: I, II; 27: I, II; 28: III, IV). Пряжка из Циркуновского городища по наиболее близким аналогиям может быть отнесена ко II—I вв. до н. э.

6. Железная пряжка с круглой рамкой и подвижным язычком (рис. 1: 6). Найдена в культурном слое раскопа 12 (кв. 16/Ж) на глубине 0,10 м. Пряжка имеет диаметр 2,4 см, рамка сделана из круглого в сечении стержня. Язычок уплощенный, овальный в сечении, практически не выступает за рамку. Круглорамчатые пряжки с сомкнутыми концами и подвижным язычком небольшого диаметра (1,6—3,9 см) в незначительном количестве известны в древностях позднего периода скифской культуры. Не так давно они были рассмотрены в отдельной публикации А. Д. Могилова, который выделил их во вторую группу типа III (Могилов 2016, с. 46—47). Похожие экземпляры были найдены на Каменском городище, на участке раскопа датирующегося концом IV — первой половины III вв. до н. э., в погребальных комплексах Пукарь, курган 7, погребение 3, Львово курган 13, погребение 3, остальные имеют выступающий за рамку язычок (Могилов 2016, с. 48, рис. 6: 6—8). Однако пряжка из Циркуновского городища отличается не прямым, а изогнутым профилем язычка, что является более поздним признаком. Начало широкого распространения железных круглорамчатых пряжек с подвижным язычком Н. Е. Берлизов относит к концу II — середине I вв. до н. э. (2011, с. 176). В дальнейшем они используются до II—III вв. н. э. Наиболее ранние образцы пряжек маленького диаметра (ХИ (хроноиндикатор) — 604, по Н. Е. Берлизову) известны на Урале в конце V—IV вв. до н. э. (2011, табл. 59). В Заволжье и Подонье они известны позднее, во II в. до н. э. — II в. н. э. (Берлизов 2011, табл. 60, 60А, 61). В сарматских древностях междуречья Днепра и Дона данные пряжки найдены в комплексах фазы С и D (региональной относительной хронологии): I—II вв. н. э. (Берлизов 2011, табл. 63). В небольшом количестве такие пряжки известны в позднескифской культуре Крыма периода А (по А. Е. Пуздровскому): II в. до н. э. — первая половина I в. н. э. (2007, рис. 26: II; 27: II), где становятся более распространенными в последующее время. Железные пряжки с подвижным язычком известны в двух погребениях могильника III—II вв. до н. э. у с. Глиное (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, с. 202, рис. 99; с. 559, рис. 315).

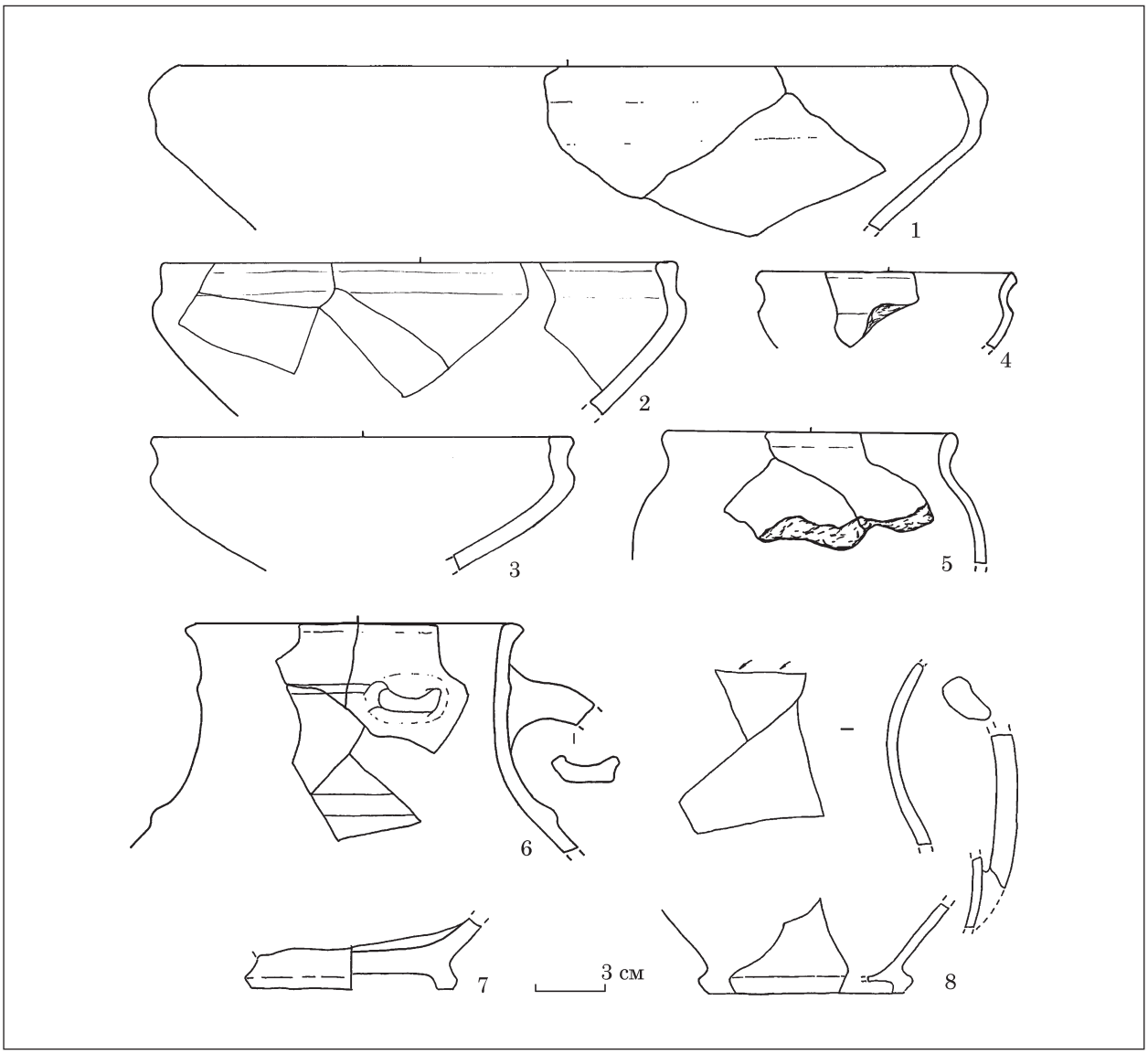


Рис. 2. Фрагменты сероглиняной (1—7) и красноглиняной (8) гончарной керамики из раскопок Циркуновского городища

7. Железная рамка пряжки с подвижным язычком (язычок не сохранился) прямоугольной формы с изогнутыми внутрь длинными сторонами (рис. 1: 8). Обнаружена в кв. 4'/A' раскопа 6, на глубине 0,70 м. Пряжка имеет размеры 4,8 × 3 см, сделана из прямоугольного в сечении стержня, концы пряжки заходят один за другой внахлест и склепаны. Пряжки с прямоугольной и прямоугольной с вогнутыми сторонами рамкой известны в сарматских древностях (ХИ 611 и 612 по Н. Е. Берлизову) и найдены в незначительном количестве в мужских погребениях Подонья и междуречья Дона и Днепра, дата которых определяется в рамках середины II—I вв. до н. э. (Берлизов 2011, табл. 61, 63). Практически идентичные пряжки с заходящими друг за друга концами рамки обнаружены в Золотобалковском могильнике рубежа нашей эры (Вязьмитина 1972, с. 134, рис. 66: 1, 3). В сарматских древностях Днепро-Донского междуречья пряжки с прямоугольной рамкой и подвижным язычком встречаются до позднесарматского времени (Костенко 1983, с. 102, рис. 13: 54; с. 103, рис. 14: 43).

8. Сероглиняная гончарная керамика (рис. 2: 1—7). За все годы раскопок на Циркуновском городище накопилась целая серия фрагментов сероглиняной гончарной керамики. Данные фрагменты обнаружены не локально (в одном или нескольких местах), а встречаются в культурном слое по всей площади памятника, они известны во всех раскопах, исследованных на значительной площади (раскопы 6—8, 10, 12, 13, раскопы I и II (1961—1962 гг.) нумерации Б. А. Шрамко). Подобная ситуация характерна только для Циркуновского городища, на других памятниках раннего железного века лесостепного Подонцовья нам неизвестны случаи обнаружения аналогичной гончарной посу-

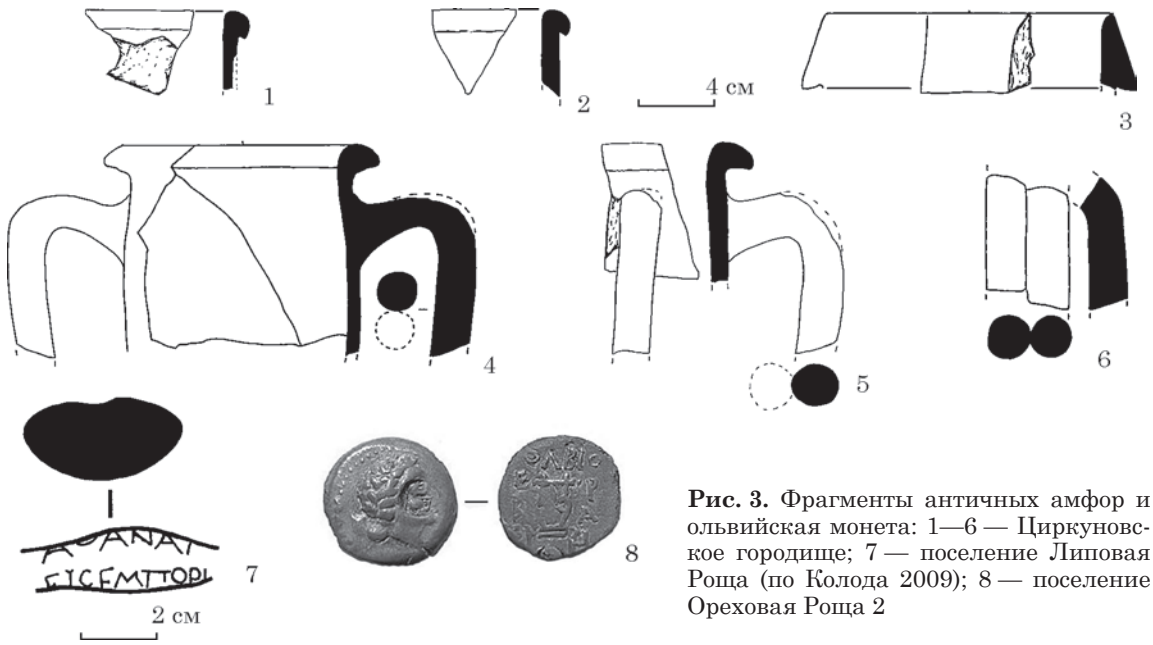


Рис. 3. Фрагменты античных амфор и ольвийская монета: 1—6 — Циркуновское городище; 7 — поселение Липовая Роща (по Колода 2009); 8 — поселение Ореховая Роща 2

ды [1]. Помимо стенок, составляющих большинство, обнаружены определимые фрагменты верхних, нижних частей, ручек, по которым можно получить представление о составе и морфологии этой группы находок. Наиболее распространенными среди них являются фрагменты верхних частей мисок, которые имеют сглаженное ребро, небольшую выделенную шейку и утолщенный венчик (рис. 2: 1—4). Меньшим количеством представлены венчики кувшинов и единичные фрагменты горшков (рис. 2: 5—6) [2]. Морфологические признаки данной керамики находят прямые параллели среди меотской сероглиняной посуды.

Появление гончарной керамики у меотов определяется в рамках второй четверти — середины V в. до н. э. (Марченко 2013, с. 26—28). Аналогичные, найденным на Циркуновском городище фрагментам, кувшины и миски широко известны в комплексах правобережья Кубани начиная с III в. до н. э. (Марченко 1996, с. 337). В то же время, как отметил Н. Е. Берлизов, у сарматов гончарная керамика получила широкое распространение только со II—I вв. до н. э. (2011, с. 77). Аналогии профилированным мискам имеются в сарматских комплексах Предкавказья второй половины II — середины I вв. до н. э. (Берлизов 2011, табл. 62) Меотская гончарная керамика представлена в сарматских погребениях междуречья Дона и Днепра II в. до н. э. — I в. н. э. (Костенко 1979, табл. 6; 1983, с. 49, 50, рис. 9: 14; 12; Берлизов 2011, табл. 63). В Лесостепи аналогичная керамика происходит только из памятников Подонья, где она найдена в погребениях и на городищах, содержащих культурные напластования первых веков нашей эры (Медведев 2008, с. 187, рис. 36; с. 189, рис. 38; с. 190, рис. 39; с. 209, рис. 58). Таким образом, хронологические рамки бытования сероглиняной гончарной керамики довольно широки, а проблема ее разнообразия и сложности датированности уже отмечалась исследователями (Каменецкий 1994, с. 17). Следовательно, данная группа предметов не является датирующей и в нашем случае, а дату поступления этого импорта на Циркуновское городище видимо следует определять по перечисленным выше датирующим артефактам. Стратиграфически фрагменты сероглиняной гончарной керамики фиксируются на разных глубинах культурного слоя от 0,10 до 0,40 м. Только один раз фрагменты стенки и венчика гончарного кувшина были обнаружены в яме 7 раскопа 10 в верхнем заполнении вместе с развалами нескольких лепных горшков. Датирующих предметов в яме не было, однако на самом дне ямы был зафиксирован неполный развал маленького кувшинчика (курильницы?), орнаментированного вертикальными налепными валиками. В датированных комплексах кувшины с налепными валиками были обнаружены на городище вместе с античными материалами конца IV — начала III вв. до н. э., что дает лишь предположительную нижнюю границу

1. Незначительное количество фрагментов фракийской сероглиняной гончарной столовой керамики найдено в слоях среднескифского периода (конца VI—V вв. до н. э.) Люботинского, Караванского городищ и поселения Червоносово 3 (Гречко 2010, с. 70). Данные находки не имеют отношения к рассматриваемому в этой статье периоду.
2. Более детальному анализу сероглиняной гончарной керамики Циркуновского городища будет посвящена отдельная публикация.

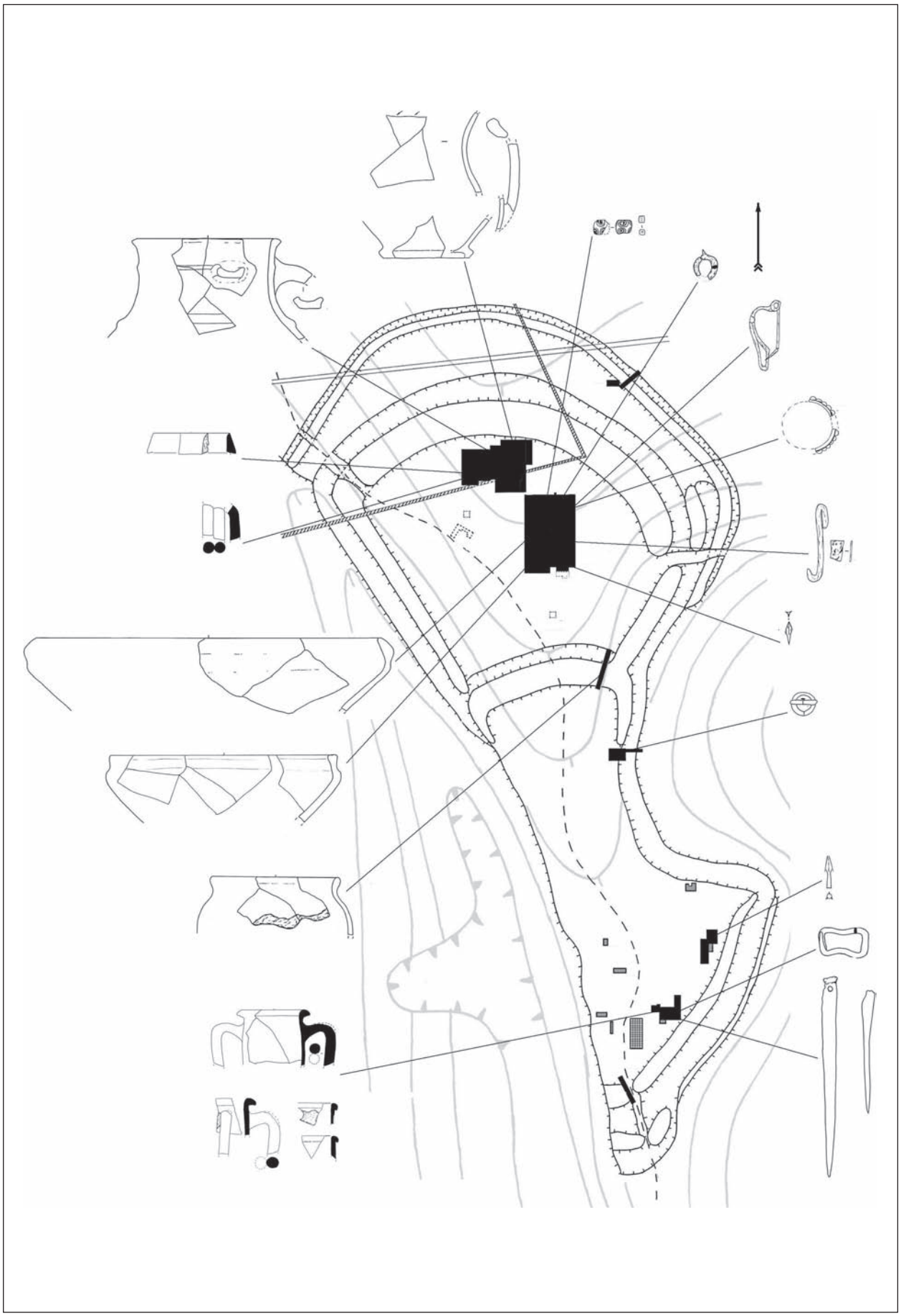


Рис. 4. Пространственное распределение материалов из Циркуновского городища, рассмотренных в статье

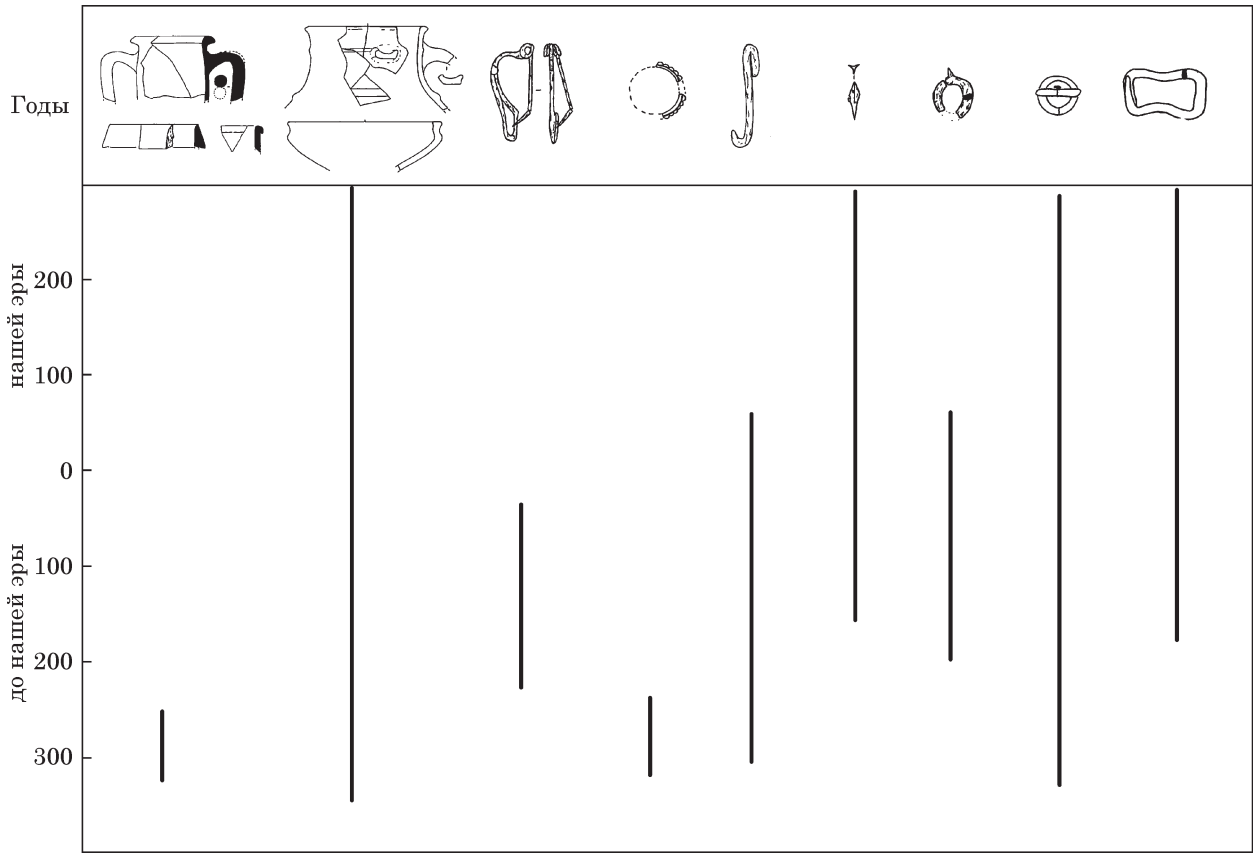


Рис. 5. Корреляционная хронологическая таблица находок из Циркуновского городища

времени поступления сероглиняного гончарного импорта.

9. Античная керамика. Среди коллекции фрагментов греческой привозной керамики, найденной на Циркуновском городище, можно выделить наиболее позднюю группу, которая датируется в пределах конца IV — середины III вв. до н. э. [1] Данная группа представлена несколькими центрами. Фрагменты амфор синопского производства с валикообразным венчиком со свисающим нижним краем (19 фрагментов, все обнаружены в раскопе 6 и, предположительно относятся к одному сосуду) (рис. 3: 1—2). Косские амфоры с грибовидным венчиком и двуствольными ручками (4 фрагмента, найдены в раскопах 6 и 10) (рис. 3: 4—6). Один фрагмент венчика родосской амфоры с широким грибовидным венчиком найден в раскопе 10 (рис. 3: 3).

Небольшим количеством (15 фрагментов) представлена красноглиняная гончарная керамика. Поверхность, цвет обжига, морфологические признаки, а так же факт обнаружения всех фрагментов в одной части раскопа 10 (кв. 3—14/К—Н) позволяют их отнести к частям одного кувшина (рис. 2: 8). Из определимых частей имеется дно с невысоким кольцевым поддоном, овальная в сечении ручка и верхняя часть отбитой горловины со следами шлифовки, что может говорить об использовании этого сосуда после повреждения. Несколько фрагментов обнаружены не в культурном слое, а в ямах 10, 13 и вышеупомянутой ямы 7, в заполнении которой были найдены фрагменты сероглиняной гончарной керамики, что позволяет соотнести их по времени.

Красноглиняная керамика, наряду с меотской сероглиняной, так же представлена в сарматских комплексах. Как отметил Н. Е. Берлизов, красноглиняные кувшины часто встречаются в погребениях II—I вв. до н. э., хотя могут находиться как в более ранних, так и более поздних (2011, с. 78). Обнаружены они как в комплексах Задонья и Предкавказья, так и в междуречье Днепра и Дона (Берлизов 2011, табл. 61, 62А, 63А).

Помимо описанных выше артефактов можно упомянуть еще одну бусину, которая обнаружена в раскопе 13. Бусина размерами 6 × 5 мм, прямоугольной формы с немного выпуклыми боками, сделана из зеленого полупрозрачного стекла, на одной грани имеется тонкая продольная полоса красного цвета (рис. 1: 13). Согласно исследованиям Е. М. Алексеевой такие мелкие бусы, сделанные из тянутых трубочек, получают распространение уже в первые века нашей эры (1978, с. 62). Точных аналогий нашей бусине в каталоге найти не удалось, но по-

1. Определение античной керамики из раскопок Циркуновского городища проводилось С. А. Задниковым, которому я благодарен за труд.

хожие по форме и размерам бусы характерны для II—III вв. н. э. (Алексеева 1978, с. 69—70, табл. 33: 30, 31, 42). По всей видимости, данная бусина выходит за хронологические рамки работы, однако заставляет задуматься о верхнем рубеже существования городища.

Таким образом, часть предметов, рассмотренных выше, имеет довольно широкие хронологические рамки, заходящие в первые века нашей эры (рис. 5). Для более узкого определения даты, как представляется, можно обратить внимание на взаимовстречаемость данных артефактов в погребальных комплексах на сопредельных территориях. Такие комплексы известны в Крыму. Фибулы среднелатенской схемы со скрепкой-лапкой, круглые пряжки с неподвижным язычком и круглорамчатые с подвижным язычком, железные крючки, железные черешковые трехлопастные наконечники стрел взаимовстречаются в погребениях периода А2 (по А. Е. Пуздровскому), который в абсолютных датах соответствует второй половине II — первой половине I вв. до н. э. (2007, с. 79—82, рис. 14; 17; 22; 26—28). Одним из наиболее важных хроноиндикаторов при датировке этих комплексов А. Е. Пуздровский называет фибулы, среди которых среднелатенские типы отнесены им к концу II — первой половине I вв. до н. э. (2007, с. 80). Учитывая тот факт, что по материалам могильника у с. Глиное эти фибулы имеют более раннюю дату, как было указано выше, мы можем допускать датировку перечисленных артефактов Циркуновского городища начиная с конца III в. до н. э. Относительно верхнего рубежа существование Циркуновского городища, мы не исключаем и более позднюю дату, в пределах I в. н. э., однако для точного заключения пока нет серьезных оснований.

Отдельно стоит выделить серию предметов, хронологические рамки бытования которых охватывают как период конца V—IV вв. до н. э. так и более позднее время (в пределах III—II вв. до н. э.). Исходя из этого, их нельзя с точностью отнести к рассматриваемому в этой работе кругу древностей, однако и игнорировать их тоже будет не совсем уместно.

Из раскопа 7 происходит железный втульчатый трехлопастный наконечник стрелы (рис. 1: 11). Такие наконечники получили наибольшее распространение в памятниках конца V—IV вв. до н. э. Нижнего и Среднего Подонья, Прикубанья, Поволжья, в незначительном количестве представлены в Северном Причерноморье (Савченко 2004, с. 201—203). Продолжают использоваться железные втульчатые стрелы и в сарматское время до I в. н. э., как в сарматских так и в скифских погребениях (Симоненко 2015, с. 106—107; Тельнов, Четвериков, Синика 2016, с. 772—773). То же самое можно сказать и о бронзовых трехгранных наконечниках стрел с треугольной головкой и скрытой втулкой (отдел III, 4—8 типы) и трехлопастных с выделенной втулкой (отдел II, тип 4), которые преобладают на Циркуновском городище. Данные типы стрел получили распространение в третьей и четвертой хронологических группах, по А. И. Мелюковой (конец V — начало III вв. до н. э.) (1964, с. 23—25, табл. 8—9). Такие наконечники продолжают использоваться поздними скифами в III—II вв. до н. э., что хорошо проиллюстрировано на материалах могильника у с. Глиное (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, с. 773—774, рис. 405).

Две костяные проколки обнаружены в раскопе 6. Одна из них найдена в кв. 4'/Е на глубине 0,4 м, имеет длину 19 см, сквозное отверстие в верхней части (рис. 1: 9). Другая найдена в яме 5, имеет утолщенный верхний конец без отверстия, общая длина 11,6 см (рис. 1: 10).

По мнению Н. Е. Берлизова, массивные костяные проколки характерны для развитой прохоровской культуры III—I вв. до н. э. (2011, с. 123). В. М. Клепиков данные предметы относит к категории орудий труда, разделяя на две группы. 1) С широким, зачастую необработанным, верхним краем и заостренным нижним концом. 2) В виде круглых в сечении стержней с хорошо заполированной поверхностью, заостренным концом и просверленным отверстием у верхнего края. Первые известны в савроматских комплексах и широко распространены в раннесарматских погребениях, изредка встречаются в среднесарматских. Вторые появляются на рубеже IV—III вв. до н. э., получили распространение в погребениях II—I вв. до н. э., продолжали бытовать в I в. н. э. (Клепиков 2002, с. 73—74). Тем не менее, аналогичные костяные предметы (с отверстиями и без) представлены в поселенческих материалах лесостепных памятников, найдены они на городищах Бельское, Люботинское, Полковая Никитовка в культурных отложениях V—IV вв. до н. э. (Шрамко 1987, рис. 39: 3, 16; 1998, с. 28, рис. 13: 3, 4, 7, 8; Моруженко 1988, с. 43, рис. 8: 9—11, 16).

Из раскопа 13 происходит две половинки одной глазчатой бусины, найденные в культурном слое в нескольких метрах друг от друга (рис. 1: 12). По типологии Е. М. Алексеевой она соответствует варианту б типа 53 — округлые поперечно-сжатые бусы, из глухого бирюзового стекла, украшенные шестью глазками (центральный синий диск в глазках окружен двумя белыми и одним рыжим кольцами) и датируется III—II вв. до н. э. (1975, с. 65, табл. 16: 38). Такие же бусы известны на скифских памятниках, датирующихся более ранним временем, например, Мелитопольский курган, дата сооружения которого определяется третьей четвертью IV в. до н. э. (Тереножкин, Мозолевский 1988, рис. 124; Алексеев 2003, с. 265, 266).

Приведенные выше материалы обнаружены в разных частях городища, что, вероятно,

говорит о заселении всей площади памятника в поздний период его существования. Однако наибольшая их концентрация зафиксирована в раскопе 13, который расположен в центральной части Второго (северного) двора (рис. 4). Из культурного слоя этого раскопа происходят железная фибула, бронзовое кольцо с «шишечками», железный черешковый наконечник стрелы, железная пряжка с неподвижным язычком. Данные предметы, вместе с фрагментами двух сероглиняных гончарных мисок, были обнаружены довольно компактно в западной части раскопа, в пределах нескольких траншей, что может свидетельствовать о размещении в этом месте усадьбы, которая существовала в рассматриваемый период. К сожалению, следов жилой постройки в этой части выявить не удалось, а большинство хозяйственных ям не содержат датирующих материалов.

Помимо находок из Циркуновского городища нам известно небольшое количество находок из лесостепной зоны Северского Донца, которые можно отнести к периоду III—I вв. до н. э. Все они происходят из сборов на поверхности.

В фондах Харьковского исторического музея хранится бронзовое кольцо с округлыми выступами или «шишечками». Внешний диаметр кольца до 3,3 см, внутренний 2,5 см. «Шишечки» расположены тремя рядами: один по центру и два по краям (рис. 1: 14). Кольцо было найдено недалеко от микрорайона Пятихатки (г. Харьков), в нескольких километрах западнее Циркуновского городища, жителем города Александром Ильченко и передано в музей. Подобные изделия известны в памятниках Евразии начиная с III в. до н. э. (Журавлев 2014, с. 61). Более точные известные нам аналогии найдены в могильнике Бельбек IV в Крыму, однако уже датируются первыми веками нашей эры (Журавлев 2014, с. 60, рис. 1). Браслеты с тремя рядами округлых выступов найдены в сарматских погребениях II в. до н. э. — I в. н. э. Предкавказья и междуречья Днепра и Дона (Берлизов 2011, табл. 62А; 63А). Учитывая столь широкие датировки и отсутствие контекста находки, вполне возможно, что данный предмет не входит в хронологические рамки данной работы.

Остальные предметы связаны с античными древностями и уже освещались в научной литературе. Ольвийская бронзовая монета с изображениями Аполлона, лиры и сокращения ΒΑΕΙΡΗ, которая имеет надчекан с клеймом в виде безбородой головы в шлеме (рис. 3: 8). Монета найдена на поверхности поселения Ореховая Роща 2 и датируется первой половиной II в. до н. э. (Гречко 2004, с. 32). Еще одна находка — фрагмент ручки херсонесской амфоры с клеймом, содержащим двухстрочный текст: ΑΘΑΝΑΙ, ΕΙΣΕΜΡΟΡΙ (рис. 3: 7). Обнаружен фрагмент на поверхности поселения Липовая Роща (окраина г. Харьков) и по аналогии с другими клеймами херсонесского магистрата с именем Атанай датируются первой четвертью III в. до н. э. (Колода 2009, с. 292—294).

Довольно бедный круг источников, относящихся к периоду III—I вв. до н. э. из лесостепной зоны бассейна Северского Донца не позволяет сформулировать конкретные выводы относительно этнокультурной ситуации в этот период. И вряд ли это будет возможно до обнаружения погребальных комплексов на этой территории. Тем не менее, представленные выше находки дают возможность осветить некоторые вопросы истории этого «темного» для всей Днепро-Донецкой Лесостепи периода.

На основании материалов раскопок Циркуновского городища, можно сделать предположение относительно дальнейших судеб местного населения. Несмотря на то, что практически все датирующие артефакты происходят из культурного слоя памятника, имеются всего два комплекса позволяющие говорить о проживании здесь автохтонного населения в III—I вв. до н. э. Это яма 21 раскопа 13, в которой, как указывалось выше, были обнаружены железные крючок и панцирная пластина на глубине 0,55 и 0,65 м. Помимо этих предметов, в верхнем заполнении присутствовало значительное количество фрагментов лепной керамики, преимущественно стенки и один венчик, украшенный по краю косыми насечками и сквозными проколами. По структуре глиняного теста и морфологии эта керамика может уверенно быть отнесена к изделиям местного производства. Похожая ситуация была в яме 7 раскопа 10. Верхнее заполнение, до глубины 0,9 м, в котором были найдены фрагменты сероглиняной и красноглиняной гончарной керамики, было довольно плотно забито развалами лепной посуды, из которых впоследствии удалось собрать четыре археологически целых горшка (один из них не орнаментирован и имел желоб для слива жидкости, три других украшены пальцевыми вдавлениями и проколами). Таким образом, находки датирующих предметов III—I вв. до н. э. на Циркуновском городище не только в культурном слое, а и в нескольких комплексах вместе с лепной керамикой, соответствующей гончарным традициям местного населения, позволяют говорить о том, что жизнь на городище продолжалась именно при участии автохтонных племен.

Попытки исторических реконструкций событий конца IV в. до н. э. в лесостепной части бассейна Северского Донца нашли свое отражение в научных публикациях (Гречко 2006; 2010, с. 110—112; 2011; Аксьонов, Бабенко 2008). Выводы относительно проникновения на эту территорию новых групп кочевников с юго-востока (Нижнего Подонья и Прикубанья) подтверждаются археологическими материалами и выглядят убедительными. Возражение вызывает лишь тезис коллег о военном захвате

и пожаре на Циркуновском городище (Гречко 2006, с. 223; Гречко, Карнаух 2011, с. 250). Этот вывод был сделан на основе фиксации следов горения в разрезе вала северной лини укреплений. Дата сожжения, последняя четверть IV в. до н. э., была предложена не по артефактам в самой насыпи вала, а по общему контексту находок в слоях и комплексах городища. Сомнения относительно данного утверждения уже высказывались в литературе (Аксьонов, Бабенко, 2007, с. 16). Можно добавить лишь то, что на вскрытой площади памятника, около 2 тыс. м^2, что составляет почти одну десятую общей жилой площади (общая площадь городища 3,5 га, чисто жилой площадки 2,5 га), не зафиксировано ни одного погребения, в т. ч. и со следами насильственной смерти, а так же мощных следов сгоревших деревянных и глиняных конструкций (отдельные угли и фрагменты обожженной обмазки естественно не принимаются во внимание). Ничего подобного выразительным следам захвата, найденным на Коломакском и Семилукском городищах (коллективные захоронения в хозяйственных ямах и жилищах, многочисленные находки предметов вооружения), здесь не обнаружено (Радзиевская 1992, с. 177—179; Медведев 1999, с. 145—149) [1]. Очевидно, при вероятности военных набегов, Циркуновское городище было сдано без боя, что, возможно, и стало причиной продолжения жизни на этом памятнике автохтонного населения совместно с новыми мигрантами, в отличие от захваченных городищ, на которых жизнь уже не восстанавливалась.

Что касается дальнейших событий и проблемы выделения материалов именно III в. до н. э., то это проблема не только северскодонецкого или лесостепного региона, а значительной части территории Евразии. Попытки ряда исследователей вычленить сарматские комплексы III в. до н. э. (Клепиков 2002; Костенко 1982) подверглись убедительной критике их оппонентов (Полин, Симоненко 1990; Зуев 2000; Полин 2017). Отмечая то, что кризис III в. до н. э. охватывал все Северное Причерноморье, Кавказ, Поволжье, Приуралье, Западную, Южную Сибирь и Алтай, В. Ю. Зуев считает, что «*…"археологическое запустение" целиком соответствует эпохе, когда степное население Евразии, судя по историческим данным, пришло в состояние длительного и весьма активного передвижения. В это время под ударами новых орд кочевников с востока прекратила свое существование на западе скифская культура степного Поднепровья*» (Зуев 2000, с. 96). Под новыми ордами восточных кочевников, которые предположительно в 70-е гг. III в. до н. э. добили остатки скифов в Поднепровье, А. В. Симоненко видит меото-сираков и савроматов, установивших политическое и военное лидерство над скифами и увлекших их на запад, а археологическим отображением этих процессов стали Тираспольские курганы (2005, с. 257—258). О воздействии сармато-меотской традиции Прикубанья на раннем этапе позднескифской культуры говорит и А. Е. Пуздровский, считая, что «*…в Северном Причерноморье происходит движение двух встречных потоков: скифо-фракийского и сармато-меотского*» (2007, с. 77). Временем глубокого упадка для всего степного и лесостепного пояса Евразии считает III в. до н. э. и С. В. Полин. Автор полагает, что «*…проблема выделения раннесарматских памятников III в. до н. э. так и остается нерешенной, хотя существование памятников этого времени сомнения не вызывает*» (2017, с. 226).

В то же время, с отсутствием памятников III в. до н. э. в Северном Причерноморье не согласны авторы недавно увидевшей свет монографии «Скифский могильник III—II вв. до н. э. у с. Глиное». Опираясь, прежде всего, на датировки античных материалов, Н. П. Тельнов, И. А. Четвериков и В. С. Синика перечисляют целую серию погребальных комплексов с запада на восток, которые относятся к III в. до н. э., считая их скифскими (2016, с. 985—996).

Комплекс предметов, представленный в данной статье, происходящий главным образом из Циркуновского городища, не позволяет с точностью установить этническую атрибуцию новых мигрантов на территории лесостепного Подонцовья. Появление сарматов в междуречье Днепра и Дона по письменным и археологическим источникам не ранее середины II в. до н. э. было аргументировано в ряде работ (Полин 1992, с. 73—98; Симоненко 1994). Такие предметы как фибула, железный крючок, кольцо с «шишечками» указывают на латенское влияние. Сложение фибульно-крюкового костюмного комплекса у поздних скифов Нижнего Днестра, под влиянием ясторфской, поянештилукашевской, зарубинецкой культур хорошо видно на материалах могильника у с. Глиное и крымских комплексах (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, с. 977—980; Пуздровский 2007, с. 60—77). Для раннего периода поздескифской культуры Крыма характерны так же круглорамчатые пряжки с неподвижным фиксатором и появление ранних трехлопастных черешковых наконечников стрел (Пуздровский, 2007, с. 67—68, 70—71). Все эти аналогии наводят на мысль о возможном присутствии здесь поздних скифов. С другой стороны, наличие значительной серии фрагментов сероглиняной гончарной керамики, которую можно считать меотским импортом, указывает на юго-восточное происхождение мигрантов (поздних савроматов,

1. Впрочем, существуют и другие интерпретации случаев массовых захоронений на городищах скифского времени, как свидетельств специфических похоронных практик оседлого населения (Разуваев 2016).

сирматов, сираков). Не исключены и многовекторные контакты в регионе на протяжении последних трех веков до нашей эры. В любом случае данных для окончательной этнической атрибуции населения принесшего новый комплекс материальной культуры в лесостепное Подонцовье пока не достаточно, что создает нам почву для размышлений и вдохновляет на новые поиски.

ЛИТЕРАТУРА

Аксьонов, В. С., Бабенко, Л. І. 2008. Катакомбне поховання IV ст. до н. е. поблизу смт Коротич. В: Посохов, С. И. (ред.). *Проблемы археологии Восточной Европы*. Харьков: Курсор, с. 7-17.

Алексеев, А. Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Алексеева, Е. М. 1975. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Г 1-12.

Алексеева, Е. М. 1978. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Г 1-12.

Безматерных, А. Е. 2004. Античные амфоры из курганов скифского времени лесостепного Дона. *Старожитності степового Причорномор'я і Криму*, XI, с. 19-23.

Безматерных, А. Е. 2006. *Античный керамический импорт в курганах скифского времени Днепро-Донского лесостепного междуречья (греческие амфоры)*. Автореферат диссертации … канд. ист. наук. ИА РАН.

Бейдин, Г. В., Григорянц, М. Н., Чаговец, С. А. 2007. Первые сарматы на Северском Донце. *Культурна спадщина Слобожанщини*, 6, с. 167-175.

Берлизов, Н. Е. 2011. *Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н. э. — V в. н. э.* Краснодар: КГУКИ, Парабеллум.

Воротинская, Л. С. 2013. К вопросу о кельто-скифских взаимодействиях в Северном Причерноморье в III—II вв. до н. э. В: Вахтина, М. Ю. (ред.). *Боспорский феномен*. Материалы международной научной конференции, 19—22 ноября 2013 г. Санкт-Петербург: Нестор-История. с. 489-493.

Вязьмитина, М. И. 1972. *Золотобалковский могильник*. Киев: Наукова думка.

Гречко, Д. С. 2004. Нові античні матеріали III—II ст. до н. е. з поселень Харківщини. *Проблемы истории и археологии Украины*. Материалы V международной конференции, 4—6 ноября 2004 года. Харьков, с. 32.

Гречко, Д. С. 2006 Некоторые вопросы этнокультурной истории северскодонецкой Лесостепи конца скифского периода. В: Бессуднов, А. Н. (ред.). *Археологическое изучение Центральной России*. Тезисы Международной конференции, 13—16 ноября 2006 года. Липецк, с. 222-227.

Гречко, Д. С. 2010. *Населення скіфського часу на Сіверському Дінці*. Київ.

Гречко, Д. С., Карнаух, Е. Г. 2011. Некоторые вопросы этнокультурной истории юга Восточной Европы конца скифского периода. *Stratum plus*, 3, с. 245-261.

Гуляев, В. И. 2016. *Зооморфные металлические крючки скифского временив Евразии: Каталог и описание*. Москва: ИА РАН.

Еременко, В. Е. 1999. Пересмотр относительной хронологии восточного латена и позднего предримского времени: постановка проблемы. *Археологія*, 4, с. 140-148.

Журавлев, Д. В. 2014. «Браслеты» и кольца с выступами из позднескифских и сарматских памятников Северного Причерноморья. *Проблемы истории, филологии, культуры*, 1 (43), с. 59-85.

Зуев, В. Ю. 2000. Основные проблемы хронологии «раннесарматской» культуры. В: Мышкин, В. Н. (ред.). *Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология*. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара, 1, с. 85-104.

Ильинская, В. А. 1961. Позднескифский слой Басовского городища. *Краткие сообщения Института археологии АН УССР*, 11, с. 59-63.

Каменецкий, И. С. 1994. Сероглиняные миски Пашковского VI городища. *Боспорский сборник*, 5, с. 5-58.

Клепиков, В. М. 2002. *Сарматы Нижнего Поволжья в IV—III вв. до н. э.* Волгоград: ВолГУ.

Колода, В. В. 2009. Находка двух античных амфорных клейм близ Харькова. *Древности 2009*, с. 292-294.

Костенко, В. И. 1979. Сарматы в междуречье Орели и Самары. В: Ковалева, И. Ф. (ред.). *Курганные древности степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.)*. Днепропетровск: ДГУ, с. 124-139.

Костенко, В. И. 1982. Раннесарматский период в истории Северного Причерноморья. В: Ковалева, И. Ф. (ред.). *Древности степного Поднепровья (II—I тыс. до н. э.)*. Днепропетровск: ДГУ, с. 69-75.

Костенко, В. И. 1983. *Сарматские памятники Днепро-Донского междуречья III в. до н. э. — середины III в. н. э.* Днепропетровск: ДГУ.

Кулатова, І. М., Супруненко, О. Б., Терпиловський, Р. В. 2005. *Пізньоскіфські та пізньозарубинецькі старожитності Полтавщини*. Київ, Полтава: Археологія.

Марченко, И. И. 1996. *Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани)*. Краснодар.

Марченко, И. И. 2013. О времени появления гончарной сероглиняной керамики у меотов Кубани. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 4 (20), с. 26-29.

Медведев, А. П. 1999. *Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э.* Москва: Наука.

Медведев, А. П. 2008. *Сарматы в верховьях Танаиса*. Москва: Таус.

Мелюкова, А. И. 1964. *Вооружение скифов*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1-4.

Могилов, О. Д. 2016. Про один із різновидів пряжок скіфського часу. *Археологія*, 2, с. 40-59.

Моруженко, А. А. 1988. К вопросу о памятниках раннего железного века в бассейне р. Ворслкы. *Советская археология*, 1, с. 33-52.

Пачкова, С. П. 2006. *Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы*. Киев: ИА НАНУ.

Петренко, В. Г. 1978. *Украшения Скифии*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 4-5.

Полин, С. В., Симоненко А. В. 1990. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья. В: Ковалева, И. Ф. (ред.). *Исследования по археологии Поднепровья*. Днепропетровск: ДГУ, с. 76-95.

Полин, С. В. 1992. *От Скифии к Сарматии*. Киев: ИА НАНУ.

Полин, С. В. 2017. Сарматское завоевание Северного Причерноморья (современное состояние проблемы). *Археология евразийских степей*, 3, с. 224-244.

Пуздровский, А. Е. 2007. *Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники*. Симферополь: Бизнес-Информ.

Радзиевская, В. Е. 1992. Основные итоги изучения Коломакского городища. В: Михеев, В. К. (ред.). *История и археология Слободской Украины*. Харьков, с. 177-179.

Разуваев, Ю. Д. 2016. Захоронения и останки людей на поселениях Лесостепной Скифии: состояние источников. *Российская археология*, 3, с. 102-120.

Савченко, Е. И. 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону. В: Гуляев, В. И. (ред.) *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху*. Москва: ИА РАН, с. 151-277.

Симоненко, О. В. 1994. Ранньосарматський період у Північному Причорномор'ї. *Археологія*, 1, с. 32-48.

Симоненко, А. В. 2005. Тираспольские курганы, «странные комплексы» и сираки на Днестре В: Марченко, И. И. (ред.). *Четвертая Кубанская археологическая конференция*. Тезисы и доклады конференции, 5—8 октября 2005. Краснодар, с. 255-260.

Симоненко, А. В. 2015. *Сарматские всадники Северного Причерноморья* (издание 2-е, исправленное и дополненное). Киев: Издатель Олег Филюк.

Тельнов, Н. П., Четвериков, И. А., Синика, В. С. 2016. *Скифский могильник III—II вв. до н. э. у с. Глиное*. Тирасполь: Stratum plus.

Тереножкин, А. И., Мозолевский, Б. Н. 1988. *Мелитопольский курган*. Киев: Наукова думка.

Шрамко, Б. А. 1956. Курган и городище у с. Циркуны. *Краткие сообщения ИИМК*, 63, с. 108.

Шрамко, Б. А. 1962. *Древности Северского Донца*. Харьков: ХГУ.

Шрамко, Б. А. 1964. Поселення скіфського часу біля станції Шовкова. *Археологія*, XVI, с. 181-190.

Шрамко, Б. А., Михеев, В. К., Грубник-Буйнова, Л. П. 1977. *Справочник по археологии Украины. Харьковская область*. Киев: Наукова думка.

Шрамко, Б. А. 1987. *Бельское городище скифской эпохи (город Гелон)*. Киев: Наукова думка.

Шрамко, Б. А. 1998. Люботинское городище. В: Буйнов, Ю. В. (ред.). *Люботинское городище*. Харьков: Регион-иформ, с. 9-140.

Щукин, М. Б. 1994. *На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе*. Санкт-Петербург: Фарн.

REFERENCES

Aksonov, V. S., Babenko, L. I. 2008. Katakombne pokhovannia IV st. do n. e. poblyzu smt Korotych. In: Posokhov, S. Y. (ed.). *Problemy arkheologii Vostochnoy Evropy*. Kharkov: Kursor, s. 7-17.

Alekseyev, A. Yu. 2003. *Khronografiya Evropeyskoy Skifii VII—IV vekov do n. e.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennij Ermitazh.

Alekseyeva, E. M. 1975. *Antichnyye busy Severnogo Prichernomoria*. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, G 1-12.

Alekseyeva, E. M. 1978. *Antichnyye busy Severnogo Prichernomoria*. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, G 1-12.

Bezmaternykh, A. E. 2004. Antichnyye amfory iz kurganov skifskogo vremeni lesostepnogo Dona. *Starozhitnosti stepovogo Prichornomor'ya i Krimu*, XI, s. 19-23.

Bezmaternykh, A. E. 2006 *Antichnyy keramicheskiy import v kurganakh skifskogo vremeni Dnepro-Donskogo lesostepnogo mezhdurechia (grecheskiye amfory)*. Avtoreferat dissertatsii … kand. ist. nauk. IA RAN.

Beydin, G. V., Grigoryants, M. N., Chagovets, S. A. 2007. Pervyye sarmaty na Severskom Dontse. *Kulturna spadshchina Slobozhanshchini*, 6, s. 167-175.

Berlizov, N. E. 2011. *Ritmy Sarmatii. Savromato-sarmatskiye plemena Yuzhnoy Rossii v VII v. do n. e. — V v. n. e.* Krasnodar: KGUKI, Parabellum.

Vorotinskaya, L. S. 2013. K voprosu o kelto-skifskikh vzaimodeystviyakh v Severnom Prichernomorye v III—II vv. do n. e. In: Vakhtina, M. Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen*. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 19—22 noyabrya 2013 g. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, s. 489-493.

Vyazmitina, M. I. 1972. *Zolotobalkovskiy mogilnik*. Kiev: Naukova dumka.

Hrechko, D. S. 2004. Novi antychni materialy III—II st. do n. e. z poselen Kharkivshchyny. *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy*. Materialy V mezhdunarodnoy konferentsii, 4—6 noyabrya 2004 goda. Kharkov, s. 32.

Grechko, D. S. 2006. Nekotoryye voprosy etnokulturnoy istorii severskodonetskoy Lesostepi kontsa skifskogo perioda. In: Bessudnov, A. N. (ed.). *Arkheologicheskoye izucheniye Tsentralnoy Rossii*. Tezisy Mezhdunarodnoy konferentsii, 13—16 noyabrya 2006 goda. Lipetsk, s. 222-227.

Hrechko, D. S. 2010. *Naselennia skifskoho chasu na Siverskomu Dintsi*. Kyiv.

Grechko, D. S., Karnaukh, E. G. 2011. Nekotoryye voprosy etnokulturnoy istorii yuga Vostochnoy Evropy kontsa skifskogo perioda. *Stratum plus*, 3, s. 245-261.

Gulyayev, V. I. 2016. *Zoomorfnyye metallicheskiye kryuchki skifskogo vremeniv Evrazii: Katalog i opisaniye*. Moskva: IA RAN.

Eremenko, V. E. 1999. Peresmotr otnositelnoy khronologii vostochnogo latena i pozdnego predrimskogo vremeni: postanovka problemy. *Arkheolohiia*, 4, s. 140-148.

Zhuravlev, D. V. 2014. «Braslety» i koltsa s vystupami iz pozdneskifskikh i sarmatskikh pamyatnikov Severnogo Prichernomoria. *Problemy istorii, filologii, kultury*, 1 (43), s. 59-85.

Zuyev, V. Yu. 2000. Osnovnyye problemy khronologii «rannesarmatskoy» kultury. In: Mishkin, V. N. (ed.). *Rannesarmatskaya kultura: formirovaniye. razvitiye. khronologiya*. Materialy IV mezhdunarodnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii». Samara, 1, s. 85-104.

Ilinskaya, V. A. 1961. Pozdneskifskiy sloy Basovskogo gorodishcha. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii AN USSR*, 11, s. 59-63.

Kamenetskiy, I. S. 1994. Seroglinyanyye miski Pashkovskogo VI gorodishcha. *Bosporskiy sbornik*, 5, s. 5-58.

Klepikov, V. M. 2002. *Sarmaty Nizhnego Povolzhia v IV—III vv. do n. e.* Volgograd: VolGU.

Koloda, V. V. 2009. Nakhodka dvukh antichnykh amfornykh kleym bliz Kharkova. *Drevnosti 2009*, s. 292-294.

Kostenko, V. I. 1979. Sarmaty v mezhdurechye Oreli i Samary. In: Kovaleva, I. F. (ed.) *Kurgannyye drevnosti stepnogo Podneprovia (III—I tys. do n. e.)*. Dnepropetrovsk: DGU, s. 124-139.

Kostenko, V. I. 1982. Rannesarmatskiy period v istorii Severnogo Prichernomoria. In: Kovaleva, I. F. (ed.). *Drevnosti stepnogo Podneprovia (II—I tys. do n. e.)*. Dnepropetrovsk: DGU, s. 69-75.

Kostenko, V. I. 1983. *Sarmatskiye pamyatniki Dnepro-Donskogo mezhdurechia III v. do n. e. — serediny III v. n. e.* Dnepropetrovsk: DGU.

Kulatova, I. M., Suprunenko, O. B., Terpylovskyi, R. V. 2005. *Piznoskifski ta piznozarubynetski starozhytnosti Poltavshchyny*. Kyiv, Poltava: Arkheolohiia.

Marchenko, I. I. 1996. *Siraki Kubani (po materialam kurgannykh pogrebeniy Nizhney Kubani)*. Krasnodar.

Marchenko, I. I. 2013. O vremeni poyavleniya goncharnoy seroglinyanoy keramiki u meotov Kubani. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatelnaya mysl*, 4 (20), s. 26-29.

Medvedev, A. P. 1999. *Ranniy zheleznyy vek lesostepnogo Podonia. Arkheologiya i etnokulturnaya istoriya I tysyacheletiya do n. e.* Moskva: Nauka.

Medvedev, A. P. 2008. *Sarmaty v verkhoviakh Tanaisa*. Moskva: Taus.

Melyukova, A. I. 1964. *Vooruzheniye skifov*. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1-4.

Mohylov, O. D. 2016. Pro odyn iz riznovydiv priazhok skifskoho chasu. *Arkheolohiia*, 2, s. 40-59.

Moruzhenko, A. A. 1988. K voprosu o pamyatnikakh rannego zheleznogo veka v basseyne r. Vorslky. *Sovetskaya arkheologiya*, 1, s. 33-52.

Pachkova, S. P. 2006. *Zarubinetskaya kultura i latenizirovannyye kultury Evropy*. Kiev: IA NANU.

Petrenko, V. G. 1978. *Ukrasheniya Skifii*. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov. D 4-5.

Polin, S. V., Simonenko, A. V. 1990. «Rannesarmatskiye» pogrebeniya Severnogo Prichernomoria. In: Kovaleva, I. F. (ed.). *Issledovaniya po arkheologii Podneprovia*. Dnepropetrovsk: DGU, s. 76-95.

Polin, S. V. 1992. *Ot Skifii k Sarmatii*. Kiev: IA NANU.

Polin, S. V. 2017. Sarmatskoye zavoyevaniye Severnogo Prichernomoria (sovremennoye sostoyaniye problemy). *Arkheologiya evraziyskikh stepey*, 3, s. 224-244.

Puzdrovskiy, A. E. 2007. *Krymskaya Skifiya II v. do n. e. — III v. n. e. Pogrebalnyye pamyatniki*. Simferopol: Biznes-Inform.

Radziyevskaya, V. E. 1992. Osnovnyye itogi izucheniya Kolomakskogo gorodishcha. In: Miheev, V. K. (ed.). *Istoriya i arkheologiya Slobodskoy Ukrainy*. Kharkov, s. 177-179.

Razuvayev, Yu. D. 2016. Zakhoroneniya i ostanki lyudey na poseleniyakh Lesostepnoy Skifii: sostoyaniye istochnikov. *Rossiyskaya arkheologiya*, 3, s. 102-120.

Savchenko, E. I. 2004. Vooruzheniye i predmety snaryazheniya naseleniya skifskogo vremeni na Srednem Donu. In: Gulyayev, V. I. (ed.) *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu*. Moskva: IA RAN, s. 151-277.

Symonenko, O. V. 1994. Rannosarmatskyi period u Pivnichnomu Prychornomor'i. *Arkheolohiia*, 1, s. 32-48.

Simonenko, A. V. 2005. Tiraspolskiye kurgany. «strannyye kompleksy» i siraki na Dnestre V: Marchenko, I. I. (ed.). *Chetvertaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya*. Tezisy i doklady konferentsii, 5—8 oktyabrya 2005. Krasnodar, s. 255-260.

Simonenko, A. V. 2015. *Sarmatskiye vsadniki Severnogo Prichernomoria* (izdaniye 2-e. ispravlennoye i dopolnennoye). Kiev: Izdatel Oleg Filyuk.

Telnov, N. P., Chetverikov, I. A., Sinika, V. S. 2016. *Skifskiy mogilnik III—II vv. do n. e. u s. Glinoye*. Tiraspol: Stratum plus.

Terenozhkin, A. I., Mozolevskiy, B. N. 1988. *Melitopolskiy kurgan*. Kiev: Naukova dumka.

Shramko, B. A. 1956. Kurgan i gorodishche u s. Tsirkuny. *Kratkiye soobshcheniya IIMK*, 63, s. 108.

Shramko, B. A. 1962. *Drevnosti Severskogo Dontsa*. Kharkov: KhGU.

Shramko, B. A. 1964. Poselennia skifskoho chasu bilia stantsii Shovkova. *Arkheolohiia*, XVI, s. 181-190.

Shramko, B. A., Mikheyev, V. K., Grubnik-Buynova, L. P. 1977. *Spravochnik po arkheologii Ukrainy*. Kharkovskaya oblast. Kiev: Naukova dumka.

Shramko, B. A. 1987. *Belskoye gorodishche skifskoy epokhi (gorod Gelon)*. Kiev: Naukova dumka.

Shramko, B. A. 1998. Lyubotinskoye gorodishche. In: Buynov, Yu. V. (ed.). *Lyubotinskoye gorodishche*. Kharkov: Region-iform, s. 9-140.

Shchukin, M. B. 1994. *Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoy rekonstruktsii politicheskikh sobytiy III v. do n. e. — I v. n. e. v Vostochnoy i Tsentralnoy Evrope*. Sankt-Peterburg: Farn.

K. Yu. Pelyashenko

ANTIQUITIES OF THE III—I CENTURIES BC IN THE FOREST-STEPPE DONETS REGION

For the territory of the forest-steppe part of the river basin. Seversky Donets, as well as for the entire Dnepro-Donets Forest-Steppe as a whole, the period of the last three centuries BC is the least studied. First of all, this is due to a very limited range of archaeological sources. The article gives an analysis of materials relating to the III—I centuries. BC, obtained mostly as a result of the excavations of the author, involving a few previously known random finds. In addition to the single random finds found on the surface, the main array of artifacts associated with the period under consideration is presented in the materials of the excavation of the Tsirkuni settlement. It is still the only monument in the forest-steppe Donets region on which objects are found, which, according to the general context, can be dated to the last centuries BC. Among them are fragments of imported pottery ceramics, iron brooches, a hook, a petioled three-bladed arrowhead, several types of buckles, a bronze ring with rounded protrusions.

These findings allow us to talk about the continuation of life on some forest-steppe monuments of Scythian time in this period and only to suggest the ethnicity of new migrants in the territory, among which could be both late Scythians and Eastern nomads (late Sauromats, Sirmatians, Siraks).

Keywords: Forest steppe, Seversky Donets, III—I cc. BC, material culture.

Одержано 16.02.2018

ПЕЛЯШЕНКО Костянтин Юрійович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Харківський історичний музей ім. М. Ф. Сумцова, вул. Університетська, 5, Харків, 61003, Україна, *kpelasenko@gmail.com*.

PELYASHENKO Kostjantin, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Kharkiv Museum of History, Universitetskaya, 5, Kharkiv, 61003, Ukraine, *kpelasenko@gmail.com*.

ПУБЛІКАЦІЯ АРХЕОЛОГІЧНИХ МАТЕРІАЛІВ

УДК: 904.5(477.54)”6383”

В. Н. Окатенко, С. А. Скорый, Р. В. Зимовец

КУРГАН РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В публикации представлены результаты раскопок кургана 4 Дуншовской группы Люботинско гомогильника Харьковской обл. (северскодонецкая группа памятников).

Своеобразие открытого наземного сооружения и сохранившиеся предметы позволяют трактовать исследованный комплекс в качестве святилища и ориентировочно датировать временем не позже VII в. до н. э.

Ключевые слова: *курган, скифы, святилище, Северский Донец.*

В сентябре 2017 г. Скифская экспедиция «Слобожанской археологической службы» Института археологии НАН Украины (г. Харьков) осуществила раскопки кургана 4 Дуншовской курганной группы [1] (не менее 13 насыпей) масштабного могильника скифской эпохи на южной окраине г. Люботин Харковской обл. Данный пункт находится в бассейне р. Мож, центре северскодонецкой группы памятников скифского времени в Днепровском Лесостепном Левобережье (рис. 1). Курган 4 занимал крайнее, юго-восточное положение в составе курганной группы (рис. 2).

Следует отметить два обстоятельства: 1) ряд курганов, составляющих упомянутую группу, отличается значительными размерами, достигая в настоящее время высоты от 4 до 7 м; 2) ни один из курганов группы ранее не подвергался археологическому исследованию, а, следовательно, отнесение их к скифской поре было в определённой степени условным.

Курган 4 располагался в зоне индивидуальной жилищной застройки, что создавало определённые трудности при использовании землеройной техники (рис. 3; 4: 1; 16: 1). В отличие от упомянутых довольно крупных курганов группы, его насыпь (как, впрочем, и некоторых иных) была частично разрушена жителями частных земельных участков и к моменту исследования имела высоту до 0,90 м, при диаметре около 30 м.

Под чернозёмной насыпью, на уровне древнего горизонта (ДГ), были зафиксированы остатки округлой *площадки* диаметром до 11 м, выложенной, судя по тлену, древесной корой [2] (рис. 5) тлен от которой фиксировался и в профилях кургана (рис. 7; 8), а в двух местах — специальными *помостами* из горизонтально уложенных дубовых брёвен или плах. Наиболее хорошо сохранился помост в виде настила в восточной части подкурганного пространства, выложенного бревнами с севера на юг (рис. 4: 2; 5; 7). Он имел почти прямоугольную в плане форму, размерами 5,5 × 3,6 м, и был сооружён, как минимум, из 8 брёвен или плах, средняя ширина (или диаметр) которых составлял 30 см. Их длина — около 4 м (рис. 5). К северу от этого помоста также располагался аналогичный ряд древесины, некоторые образцы которой достигали длины 1,7 м.

Западнее хорошо сохранившейся части помоста, почти примыкая к нему, в некоем понижении, образовавшемся в процессе подрезки или нивелировки древнего чернозёма, покрытого про-

1. Авторы раскопок выражают сердечную благодарность местному жителю В. В. Нежиду и его семье за всестороннюю помощь экспедиции, работающей в условиях современного города.

2. Тлен от коры хорошо фиксировался во всех профилях кургана, хотя расчистить его по всей площади было невозможно из-за крайне плохой сохранности.

© В. Н. ОКАТЕНКО, С. А. СКОРЫЙ, Р. В. ЗИМОВЕЦ, 2018

Рис. 1. План Люботинского курганного могильника: I — Караванская группа; II — Центральные группы; III — Дуншовская группа (сьёмка ХНМЦОКН, дополненная В. Н. Окатенко)

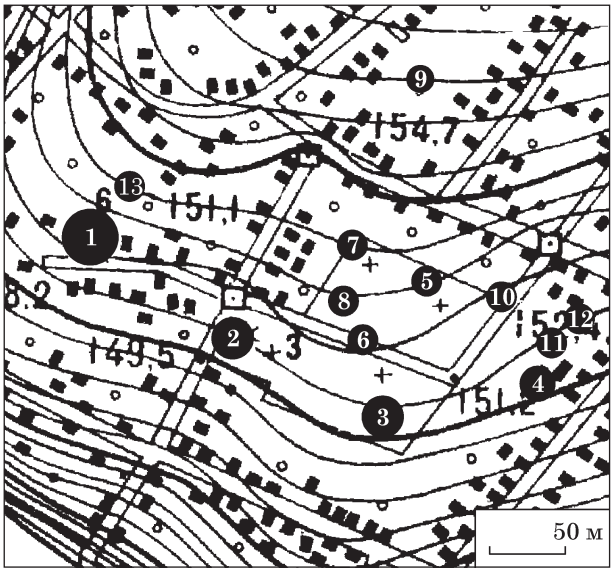


Рис. 2. План Дуншовской группы

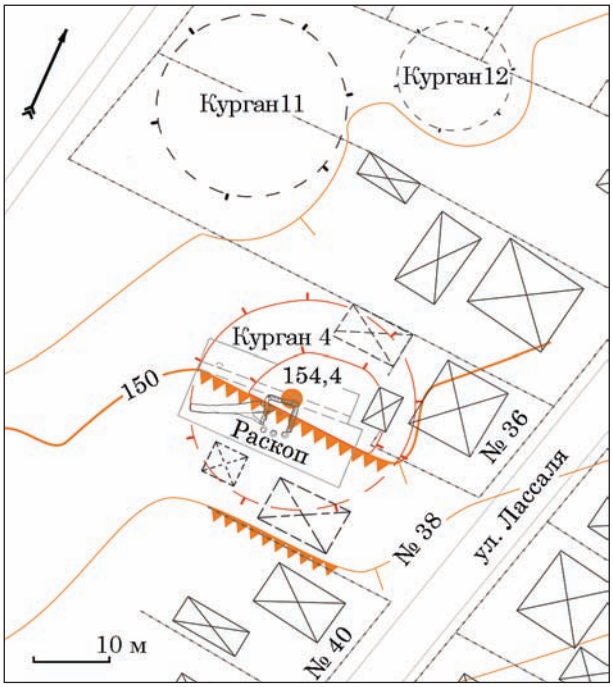


Рис. 3. Ситуативный план расположения кургана 4 Дуншовской группы в зоне городской застройки

слойкой материковой глины, а сверху — корой (рис. 8), зафиксировано *основание весьма крупной наземной конструкции*, квадратной формы, размерами 4,0 × 4,0 м, ориентированное по оси северо-запад — юго-восток (рис. 9). С трёх сторон оно представляло собой довольно широкую (до 0,6 м) и глубокую (до 0,45 м) канавку П-образной формы, на дне которой чётко сохранились отпечатки некогда стоявших вертикальных столбов диаметром 0,15—0,55 м (до 25 шт.), создававших

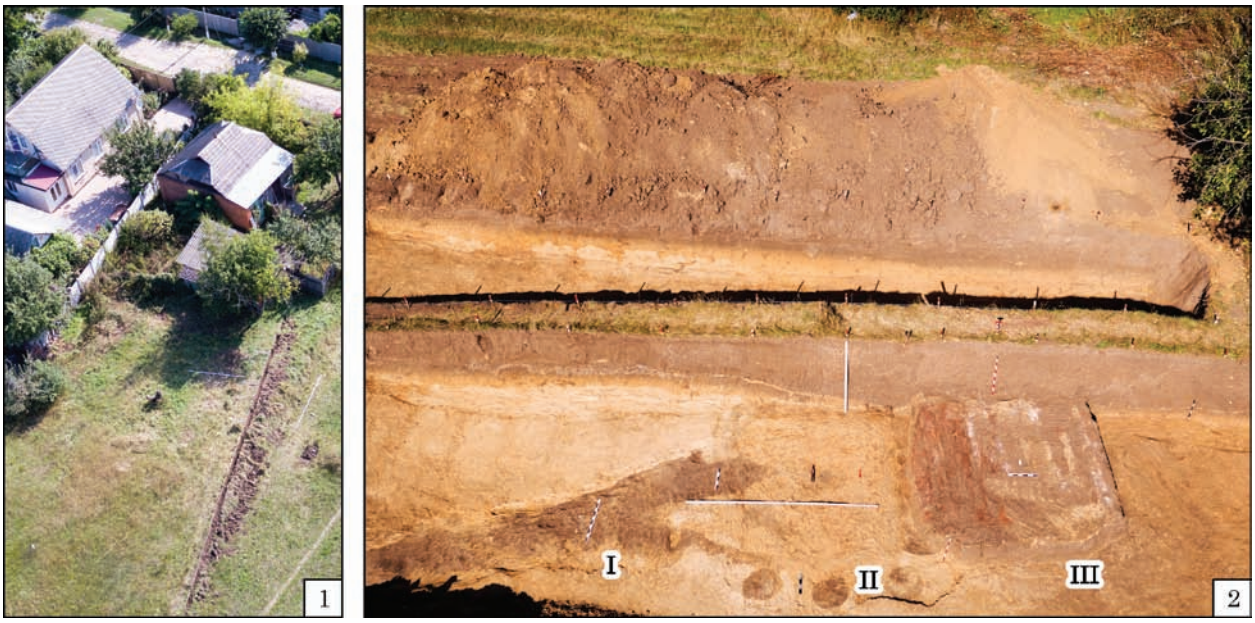


Рис. 4. Курган 4 в окружении жилых усадеб: 1 — размечена бровка; 2 — этап работы на памятнике: профиль В—В' центральной бровки; пятна грабительского хода (I), наземного квадратного сооружения (II) и деревянный помост (III). Фото с БПЛА «Inspire 1»

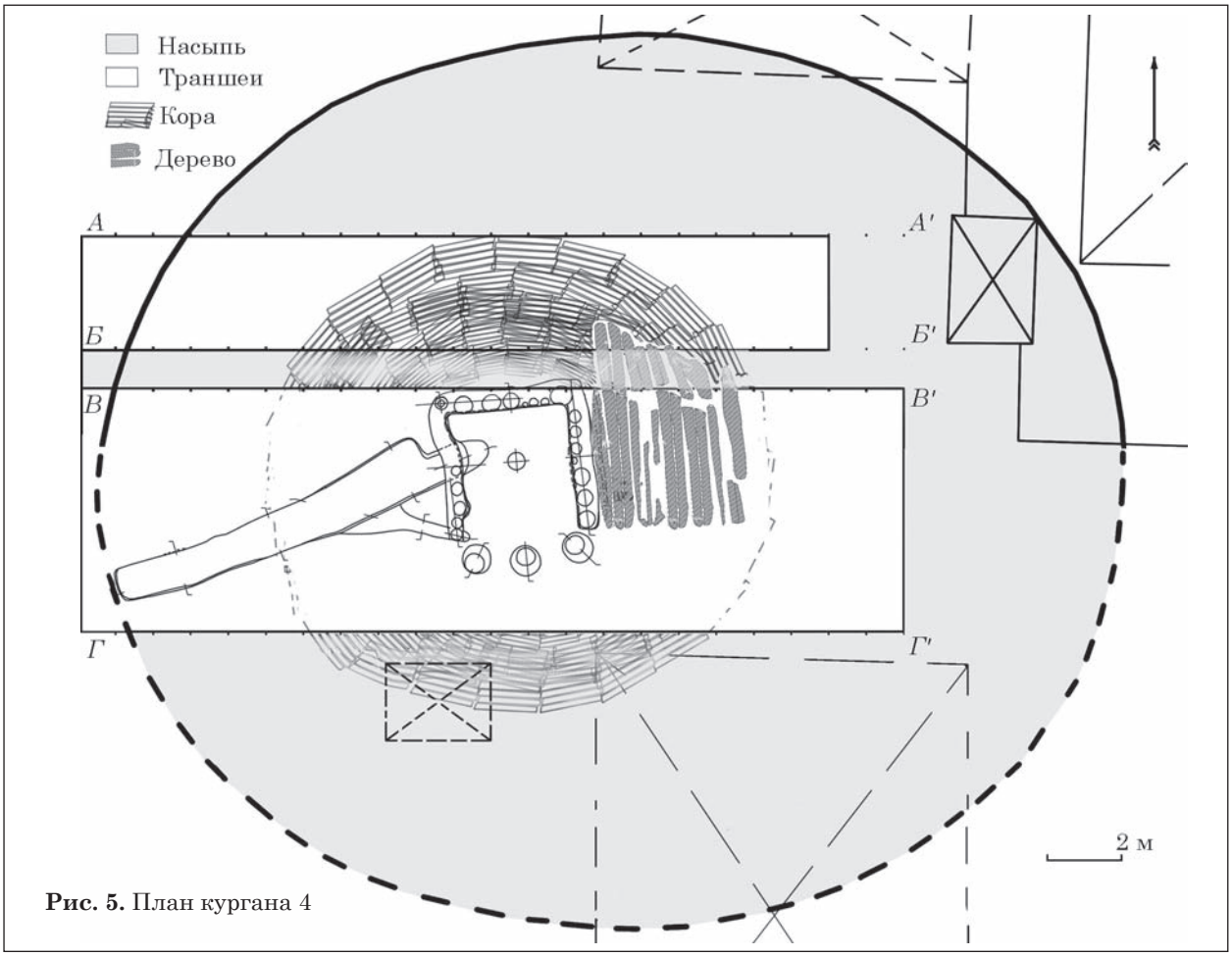


Рис. 5. План кургана 4

3 сплошные частокольные стены. Основания вертикальных столбов размещались в канавке, в то время как вдоль её внутренней стороны фиксировались следы горизонтально уложенных досок или плах шириной около 2—3 см (рис. 9; 10; 14: 1). Очевидно, после установки брёвен в указанную канавку, она была плотно забутована землёй. Высота стен наземной конструкции не ясна.

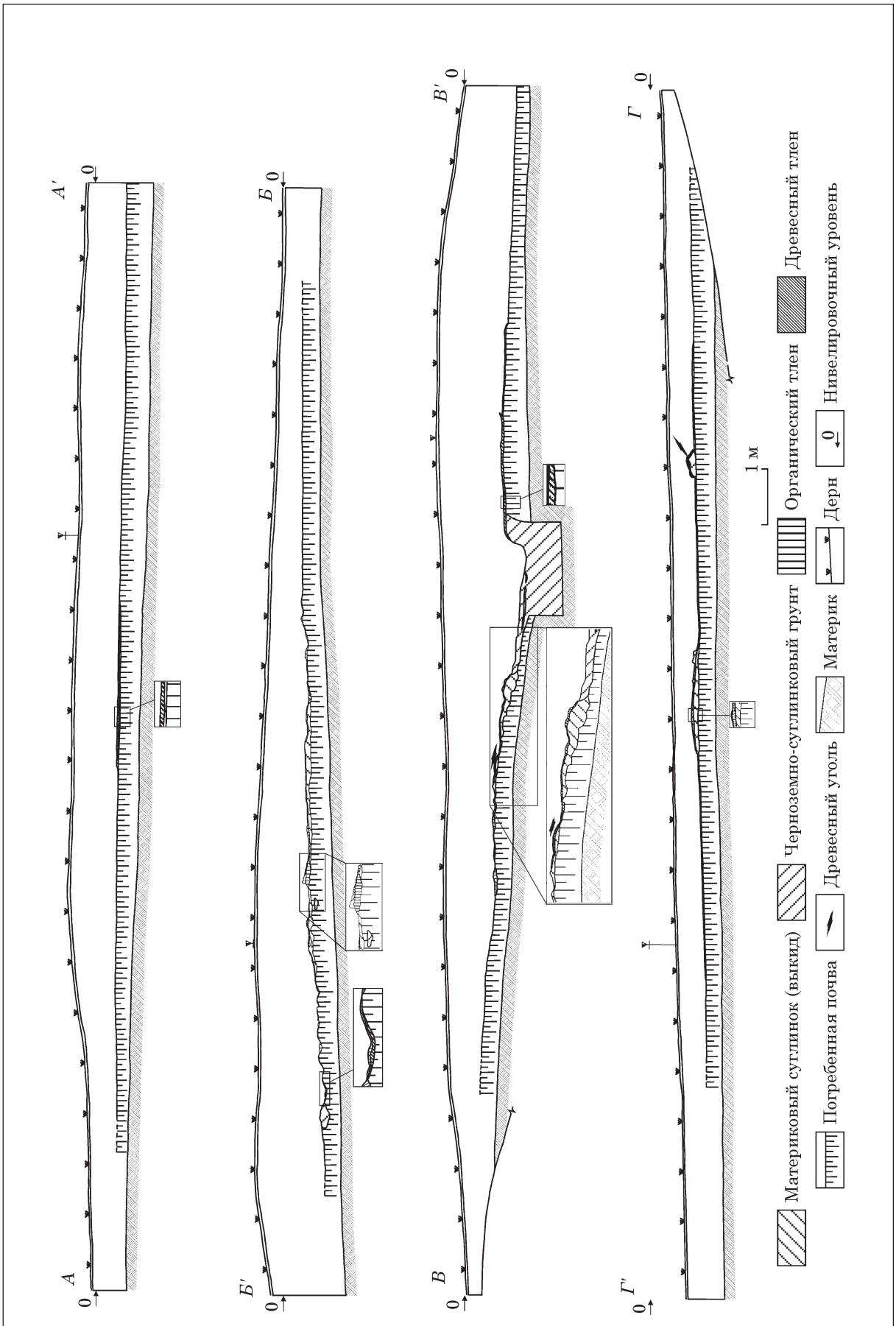


Рис. 6. Профили кургана 4

Рис. 7. Южная траншея кургана 4. На переднем плане — пятна грабительского хода (I), наземной конструкции (II) и деревянный помост (III); на заднем плане — участок профиля В—В'. В профиле бровки — тлен от коры на уровне ДГ; далее, вблизи с основанием наземной конструкции, участок срезанной древней почвы

На уровне верхнего края ям прослежен тлен дерева со следами уменьшения диаметра, что возникает у деревянных столбов в местах резкого перепада влажности. Такой перепад находится у места выхода ствола на дневную поверхность. Непосредственно в забутованных ямах — как в П-образном основании, так и в отдельно расположенных ямах с южной стороны, постройки, дерево прослеживается в виде белесой перепрелой органической массы. Это обстоятельство свидетельствует о пребывании данной постройки какое-то время вполне открытой для воздействия различных факторов природной среды [1].

В центре основания данной конструкции — яма глубиной до 0,4 м, в которой в своё время стоял центральный опорный столб (?) диаметром 0,45 м, с заострённой нижней частью (рис. 9; 10; 11: 2).

Фронтальная часть наземного сооружения с южной стороны (азимут периметра постройки 346°), судя по открытым ямам диаметром 0,75—0,85 м и глубиной до 0,6 м, была оформлена тремя столбами довольно большого диаметра (до 0,5 м), которые в некоторой степени напоминают колонны (рис. 9; 10; 11: 2). Принимая во внимание расстояние столбовых ям от краёв упомянутой П-образной канавки, можно допустить, что столбы-«колонны» были несколько вынесены за основные пределы конструкции.

Между ними располагались проходы внутрь наземного сооружения.

Наиболее сложным является вопрос о характере кровли данной постройки. Обычно центральный столб при прямоугольной планировке свидетельствует о четырехскатной крыше. Однако, учитывая, что на одной линии с центральным столбом П-образного основания находятся столб в северной стенке постройки и центральный столб — «колонна в южной части, можно предполагать, что кровля была двускатной.

Все деревянные части наземной конструкции были выполнены из дуба [2].

1. Данные наблюдения и соображения принадлежат сотруднику Скифской экспедиции Г. Е. Свистуну, которому авторы выражают сердечную благодарность.

2. Определение породы дерева осуществил А. И. Попов, инженер 1-й категории Ботанического сада ХНУ им. В. Н. Каразина.

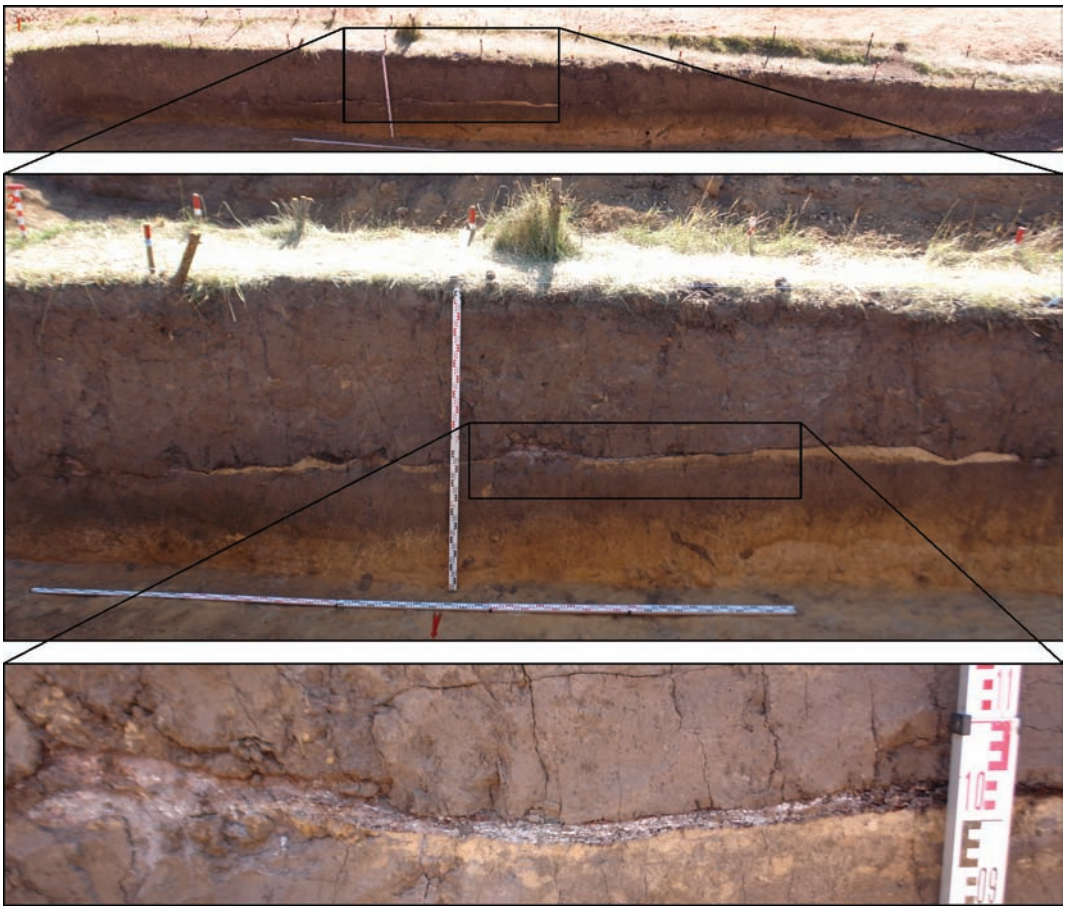


Рис. 8. Профиль Б—Б' центральной бровки кургана с прослойкой материковой глины на уровне ДГ, покрытой тленом древесной коры

Курган ограблен в древности посредством горизонтального хода (длина 10,4 м, максимальная ширина 1,45 м), ведущего от западного — юго-западного края древней насыпи к наземной конструкции в центральной её части (рис. 4; 5; 7; 9). Вероятно, грабители не знали расположения и точного устройства подкурганной конструкции, поскольку попали лазом не на проходы в районе «колонн», а в частокольную стену, что, видимо, и вынудило их скорректировать направление поиска посредством разветвления грабхода.

Следует отметить, что каких-либо человеческих костей ни в районе основания наземной конструкции, ни в грабительском ходу не встречено. Конский зуб (возраст особи 5—7 лет [1]) найден в грабительском ходу, в районе разветвления. Конское же копыто встречено в насыпи, в районе перекрытия.

Несколько невыразительных фрагментов бедренной (?) человеческой кости и лепных горшков — в том числе венчик с проколами (рис. 15: 1—3) — обнаружены в насыпи. Все эти находки зафиксированы за пределами наземной конструкции, и связывать их непосредственно с ней достаточно проблематично.

Вместе с тем, в грабительском лазе, особенно вблизи наземного сооружения, найдены обломки лепной посуды раннескифского времени (горшка, миски, черпака) (рис. 12; 13), фрагменты светлоглиняной амфоры (рис. 14), а также минерала красного цвета — реальгара (?) [2]. Здесь же обнаружены обломки сильно коррозированного бронзового предмета неясного назначения, в том числе тонкие пластинки (рис. 15: 6—9), бронзовая небольшая втулка со следами дерева внутри (рис. 15: 5) и железная панцирная чешуйка (рис. 15: 4).

Важными хроноиндикаторами для определения времени раскопанного кургана являются фрагментированный чернолощёный черпак, украшенный по изгибу плечика косой насечкой, и остатки светлоглиняной амфоры, в частности венчик сосуда (рис. 13; 14).

Аналогичные чернолощённые черпаки грушевидной формы, с округлой чашечкой, име-

1. Определение костей животного и человека произвел канд. биол. наук, с. н. с. Палеонтологического отдела Национального научно-природоведческого музея НАН Украины Л. В. Горобец.

2. Подобный минерал был зафиксирован нами в кургане 1 Караванской группы при доисследовании в 2016 г. Изучение минерала рентгенофлуоресцентным методом, осуществленное инженером 1-й категории кафедры материаловедения НТУ «ХПИ» С. А. Князевым, позволило определить его в качестве реальгара.

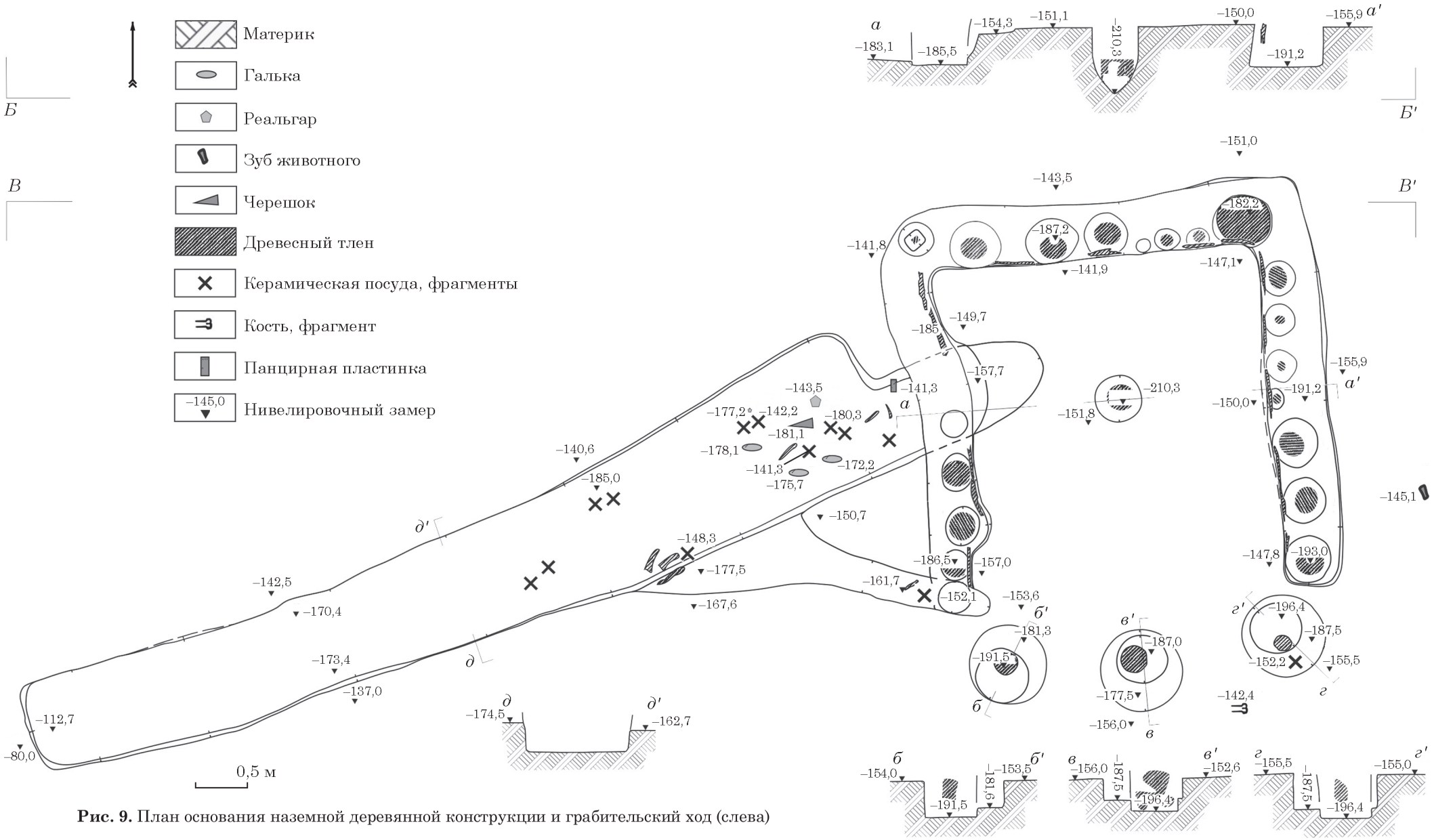


Рис. 9. План основания наземной деревянной конструкции и грабительский ход (слева)

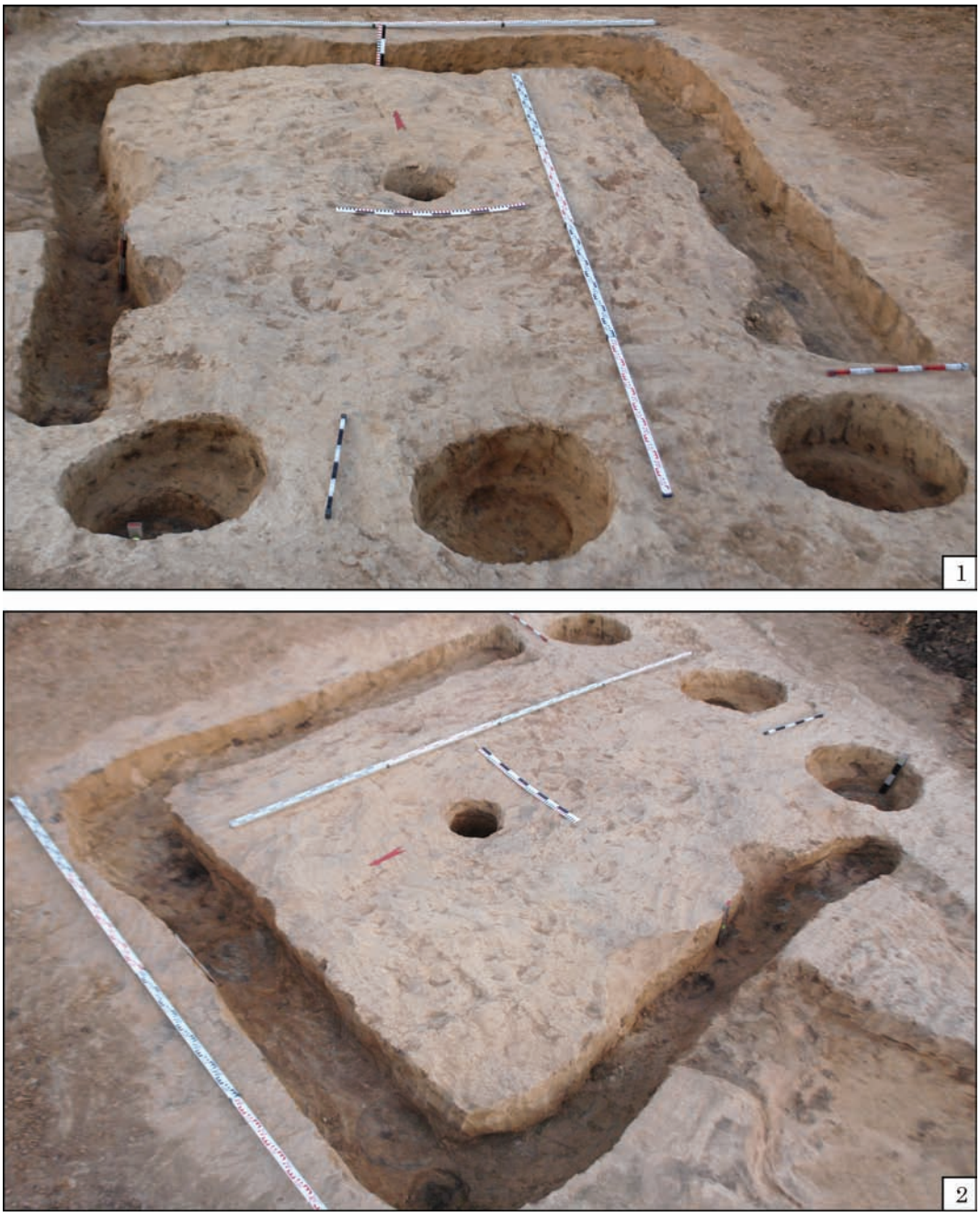


Рис. 10. Основание наземной конструкции со столбовыми ямами: 1 — вид с юга; 2 — вид с северо-запада

ющей в центре дна вмятину, довольно резким ребром в нижней части тулова, украшенным косой насечкой, высокими горлом и петельчатой ручкой, относятся к группе раннескифской столовой посуды. По мнению К. Ю. Пеляшенко, такие глубокие черпаки, названные им (с учётом морфологических особенностей сосудов) «кружовидными черпаками», в керамическом комплексе Восточноевропейской Лесостепи появляются во второй—третьей четвертях VII в. до н. э. (Пеляшенко 2014, с. 56). Подобные сосуды известны в пределах всей Днепровской Лесостепи, но наибольшее распространение получили на Левобережье Днепра, в древностях бассейна р. Ворскла, куда, по-видимому, были принесены, наряду с иными керамическими формами, с Правобережья Днепра. Например, аналогичные фрагментированные черпаки были открыты в архаических слоях зольников на Бельском городище: № 3 на Западном укреплении (Шрамко 1996, с. 36, табл. VI: 1), № 1 в уроч. Царина Могила (Гавриш 2015, с. 42, рис. 2: 6), курганах 8, 22 в могильнике в уроч. Скоробор. Упомянутые курганы, в вещевом комплексе которых присутствовали указанные черпаки, Б. А. Шрамко датировал VII в. до н. э. или его второй половиной (Шрамко 1994, с. 106, рис. 4: 4, с. 109, 119, 124, рис. 1: 4).

Примечательно, что близкие по форме, но более приземистые черпаки, также украшен-

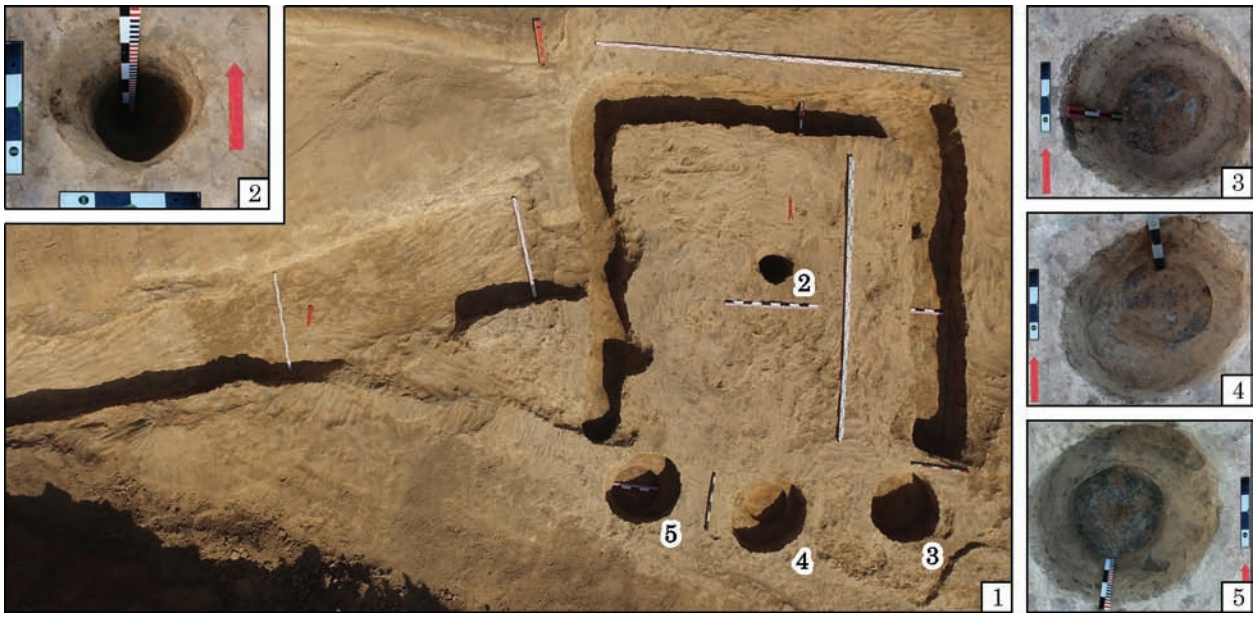


Рис. 11. Основание наземной конструкции (1) и ямы от центрального (2) и фронтальных и столбов (3—5). Фото с БПЛА «Inspire 1»

ные по ребру косой насечкой, но не имеющие характерной вмятины на донце, свойственной для архаических сосудов (черпаки, кубки), известны в Лесостепи Среднего Поднепровья, например, в кургане Червона Могила в бассейне р. Тясмин (Днепровское Правобережье) (Ковпаненко 1984, с. 111, рис. 2: 12). Достаточно определённо они относятся к рубежу VII—VI вв. до н. э. Однако упомянутые более высокие черпаки типа, найденного в кургане 4 Дуншовской группы и приземистые сосуды типа, найденного в Червоной Могиле не встречены пока где-либо в одном закрытом комплексе. Похоже, что первые из них — более ранние по времени. Стоит заметить, что орнамент в виде косой насечки известен, к примеру, и на довольно ранних лощёных кубках типа обнаруженного на Мотронинском городище, в бассейне Тясмина (Бессонова, Скорый 2001, рис. 45: 9).

Таким образом, данный хроноиндикатор, будто бы, свидетельствует в пользу датирования наземной подкурганной конструкции в рамках VII в. до н. э.

Не противоречат этой дате и иные лепные сосуды — горшок с грубой поверхностью, обычной тюльпановидной формы (рис. 12: 1) и чернолощённая миска конической формы на хорошо выделенном поддоне, с плавно загнутым, горизонтально обрезанным краем (рис. 12: 2).

Амфора отличается глиной желтовато-коричневого цвета, с примесями слюды и песка. Учитывая морфологический признак сосуда — широкий и тонкий воротничковый венчик, под которым имеется уступ (валик, ступенька) (рис. 14) — правомерно отнести наш экземпляр к милетской керамической таре — амфорам «пифоидного типа», на низком поддоне, с воронкообразно расширяющимся горлом, с уступами (-ом) на нём, и петлевидными ручками, поставленными к горлу под наклоном.

В. В. Рубан, рассматривая эволюцию профилирующих элементов милетских амфор, относил сосуды с широкими и тонкими венчиками, под которыми имеется от одного до трёх уступов, а переход от горла к плечам подчеркнут рельефным выступом, к I типу (вторая половина VII — первая половина VI вв. до н. э.). Отметим, что в рамках выделяемого типа автор прослеживает несколько вариантов амфор. Самый древний из них представлен горлом с тремя уступами под венчиком (650—600 гг. до н. э.), а в процессе развития форма горла упрощалась, при этом сосуды с венчиками, имеющими один уступ, по мнению автора, свойственны первой половине VI в. до н. э. (Рубан 1991, с. 190—191, рис. 8).

Подобные амфоры (отличаются количеством уступов под венчиком) известны и в других скифских погребальных комплексах. Так, прямая аналогия (горло с одним уступом) происходит из кургана 2 Караванской группы (с переднеазиатскими трофеями) этого же Люботинского могильника (Окатенко 2014, с. 257). Весьма сходные амфоры найдены в кургане 15 Верхнегиевской группы, расположенной также в округе г. Люботина [1] (Бандуровский, Буйнов, Дегтярь 1998, с. 167, рис. 13), гробнице 2 Репяховатой Могилы (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с. 39—54, рис. 27: 1; 28),

1. По имеющимся непроверенным сведениям, она происходит из кургана 1 Караванской группы Люботинского могильника. Не противоречит этому и тот факт, что остальной обнаруженный уже непосредственно в погребальных комплексах Верхнегиевской курганной группы инвентарь датируется в пределах V—IV вв. до н. э., т. е. относится к более позднему времени.

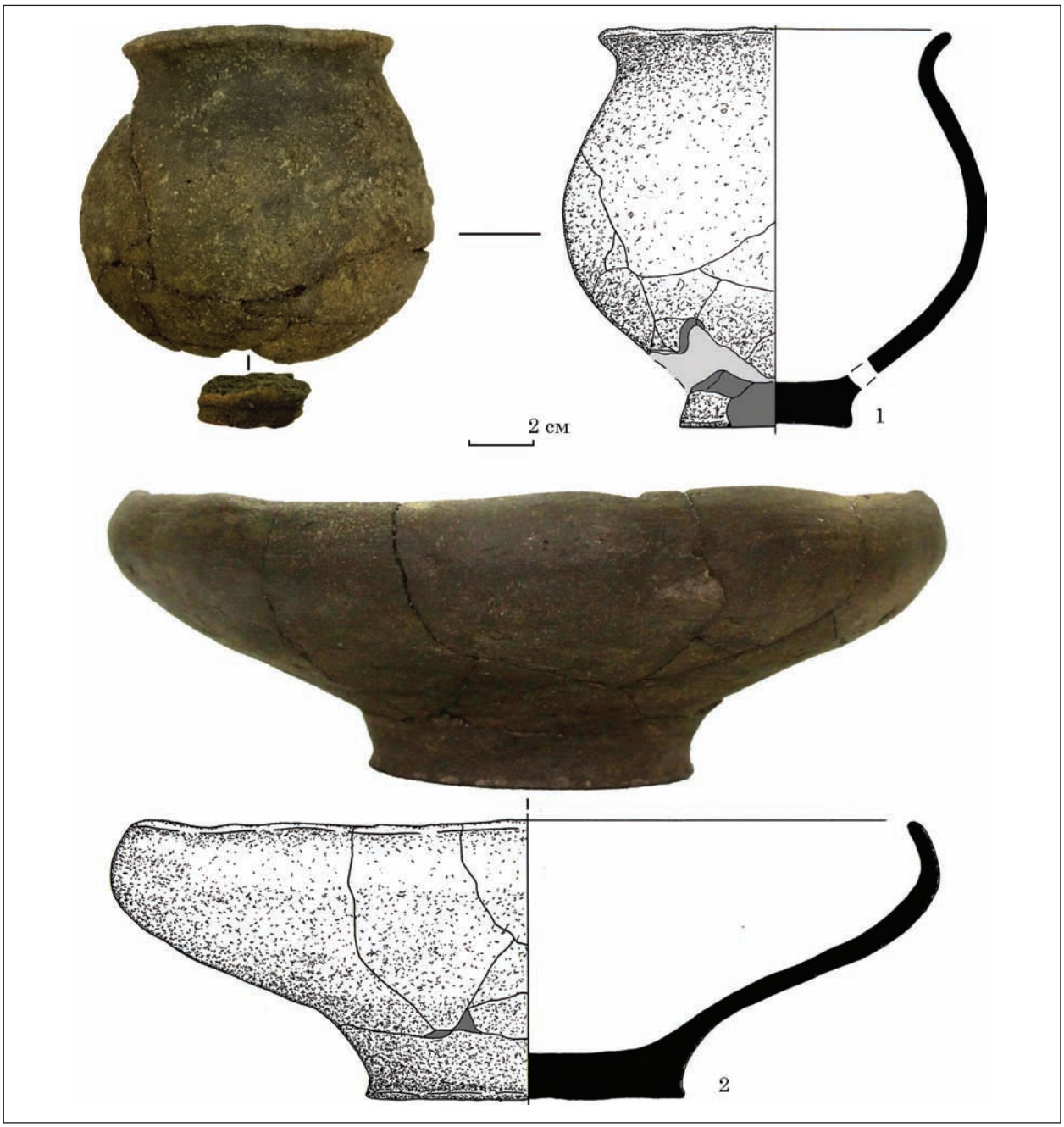


Рис. 12. Лепные горшок (1) и миска (2)

впускном погребении 8 кургана 7 у с. Новоалександровка в Нижнем Подонье (Кореняко, Лукьяшко 1982, с. 157, рис. 8). Известны они также и на поселениях Украинской Лесостепи: в зольниках 5 и 28 Западного укрепления Бельского городища в Поворсклье (Задніков 2006, с. 107, рис. 2: 4). Такие амфоры открыты и на античных памятниках Северного Причерноморья: в Ягорлыке, на Березани (Рубан 1991, с. 182—195) и Таганрогском поселении (Копылов 2002, с. 26—27, рис. 2: 14—17; Копылов, 2011, с. 223—239, рис. 6).

Милетские светлоглинянные амфоры относятся к типу сосудов, датировка которых достаточно проблематична и занимает неоднозначное место в рамках развернувшейся дискуссии о хронологии раннескифской культуры (РСК). Историография данной дискуссии уже не раз рассматривалась исследователями. Мы лишь упомянем по данному вопросу несколько недавно изданных работ.

Так, М. Н. Дараган, детально рассмотрев вопрос о датировке милетских амфор, как в отечественной, так и зарубежной литературе, и приведя всевозможные аналогии, датирует подобную амфору и весь комплекс гробницы 2 Репяховатой Могилы не позднее рубежа VII—VI вв. до н. э.: «…в рамках VI в. до н. э. места для него нет» (Дараган 2010, с. 175—197, рис. 2—3; 2016, с. 71).

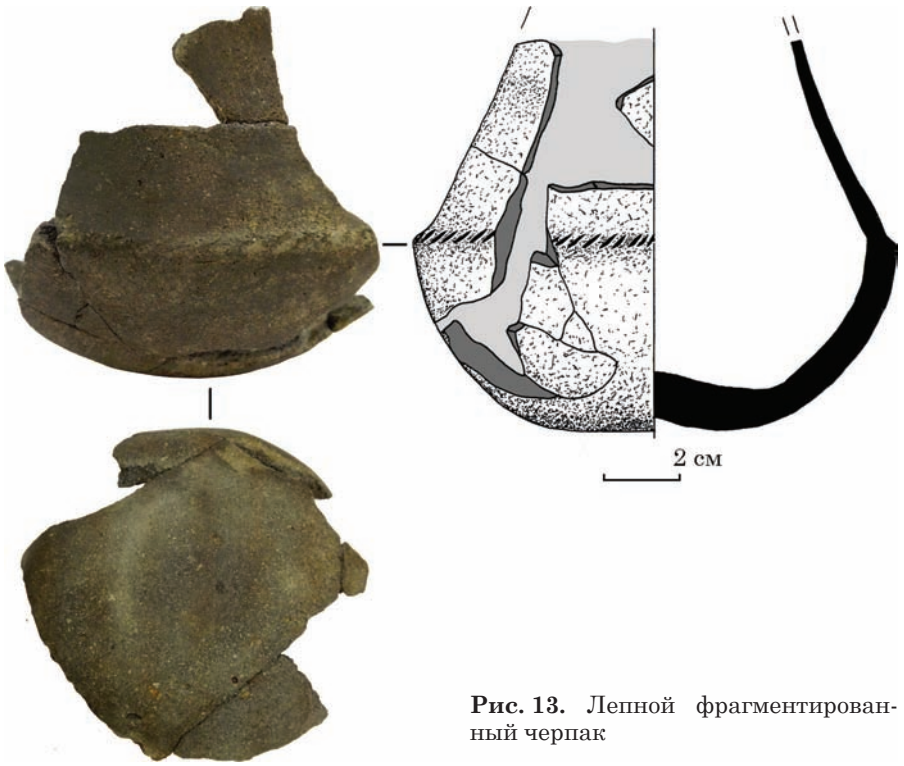


Рис. 13. Лепной фрагментированный черпак

Д. С. Гречко изложил свое видение вопроса и аргументацию относительно датировки данного комплекса. Автор не соглашается с М. Н. Дараган, полагая, что гробницу 2 Репяховатой Могилы следует относить к первым двум десятилетиям VI в. до н. э. (Гречко 2012, с. 77—79, рис. 2).

Пожалуй, стоит упомянуть и мнение румынского исследователя Ю. Бырзеску, который определённо относит милетскую амфору из Репяховатой Могилы и подобные ей сосуды (тип 1, по его классификации), с несколькими уступами под венчиком, к последней четверти VII в. до н. э. (Bîrzescu 2012, p. 328, cat. 1177). Что же касается сосудов типа, найденного нами в кургане 4 Дуншовской группы Люботинского могильника (и добавим — в кургане 2 Караванской группы названного могильника), то, по мнению Ю. Бырзеску, они (тип 4, по его классификации) относятся к первой четверти VI в. до н. э. (Bîrzescu 2012, p. 329, cat. 1194). Здесь налицо следование хронологии ранних милетских амфор, предложенной В.В. Рубаном, с неким сужением временных позиций.

Можно было бы принять подобную датировку для фрагментированной милетской амфоры из кургана 4 Дуншовской группы, однако есть некоторые «но».

Во-первых, смущает всё же архаический облик лепной посуды, особенно черпака, происходящего из вещевого комплекса.

Во-вторых, в Верхнегиевской курганной группе (а, вероятнее всего — в кургане 1 Караванской группы) — как уже отмечалось ранее — была обнаружена целая милетская амфора, имеющая под венчиком, в отличие от упомянутых двух сосудов (курган 2 у с. Караван, курган 4 Дуншовской группы), несколько уступов. По этому признаку данный сосуд вполне близок амфорам из Репяховатой Могилы и погребения у с. Новоалександровка в Нижнем Подонье. Между тем, все погребения с ранними милетскими амфорами, найденные в Люботинском могильнике, на наш взгляд, составляют один, довольно узкий хронологический горизонт.

Иными словами, мы не исключаем, что и при учёте фрагментов милетской амфоры, дату кургана 4 следует ограничить, скорее всего, концом VII в. до н. э.

Оценивая обнаруженное в кургане наземное сооружение, сразу следует отметить следующее. Такие подкурганные памятники в бассейне Северского Донца достоверно пока не фиксировались (рис. 16). С точки зрения конструктивных особенностей оно вполне напоминает выделенные для Днепровского Лесостепного Правобережья деревянные склепы со впущенным в грунт основанием (Ильинская 1975, с. 79). В указанном регионе встречен целый ряд подобных сооружений, в которых прослеживаются те же элементы, что и в люботинской конструкции, прежде всего, канавка, в которой закреплялись частокольные стены. Они известны в пределах всего Днепровского Лесостепного Правобережья, но особенно хорошо представлены в кругу погребальных памятников раннескифской эпохи бассейна р. Тясмин. На-

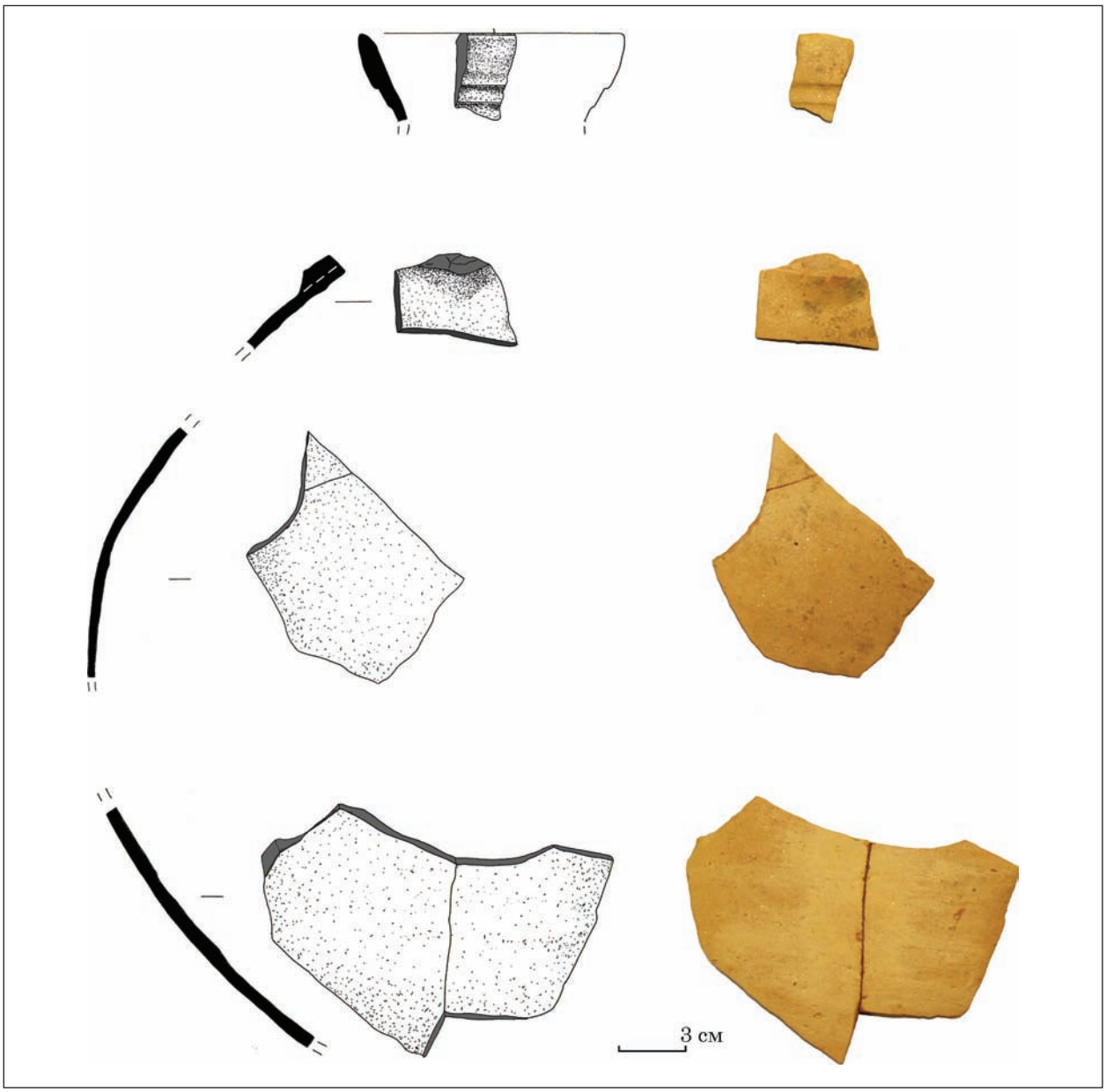


Рис. 14. Фрагменты милетской светлоглиняной амфоры

пример, курганы 395 у с. Грушевка (Бобринской 1902, с. 49; Ильинская 1975, с. 13, 83), 346 у с. Теклино (Бобринской 1901, с. 41; Ильинская 1975, с. 63), 11—12 у с. Оситняжка (Хвойка 1904, с. 10, № 1—2; Ильинская 1975, с. 36, 83). Весьма близок люботинской конструкции и обширный склеп в известном кургане 524 у с. Жаботин (Бобринской 1916, с. 1; Ильинская 1975, с. 20, 53). Большая часть этих склепов относится к VII — началу или первой половине VI вв. до н. э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 155—156), а погребения в «частокольных» склепах из курганов 524 у с. Жаботин, 346 у с. Теклино, похоже, принадлежат ещё более раннему времени — началу или первой четверти VII вв. до н. э. (Скорый 2003, с. 38—39). К сожалению, точных сведений об устройстве свода у этих склепов нет. С точки зрения хронологии все они вполне соотносятся с наземным сооружением из Люботина.

Однако есть существенная конструктивная деталь, отличающая упомянутые погребальные конструкции от люботинского наземного сооружения: их площадь по периметру замкнута частокольными стенами, в то время как в кургане 4 Дуншовской группы фронтальная часть, по сути, открыта и имеет проходы, к тому же была обустроена столбами достаточно большого диаметра, своеобразными колоннами.

Полное отсутсвие человеческих костей в пределах наземного сооружения и в грабительском ходу, его выразительные конструктивные особенности (о чём речь шла уже выше), а также организация подкурганной поверхности позволяют видеть в кургане не только место предполагаемого захоронения, но и допускать версию

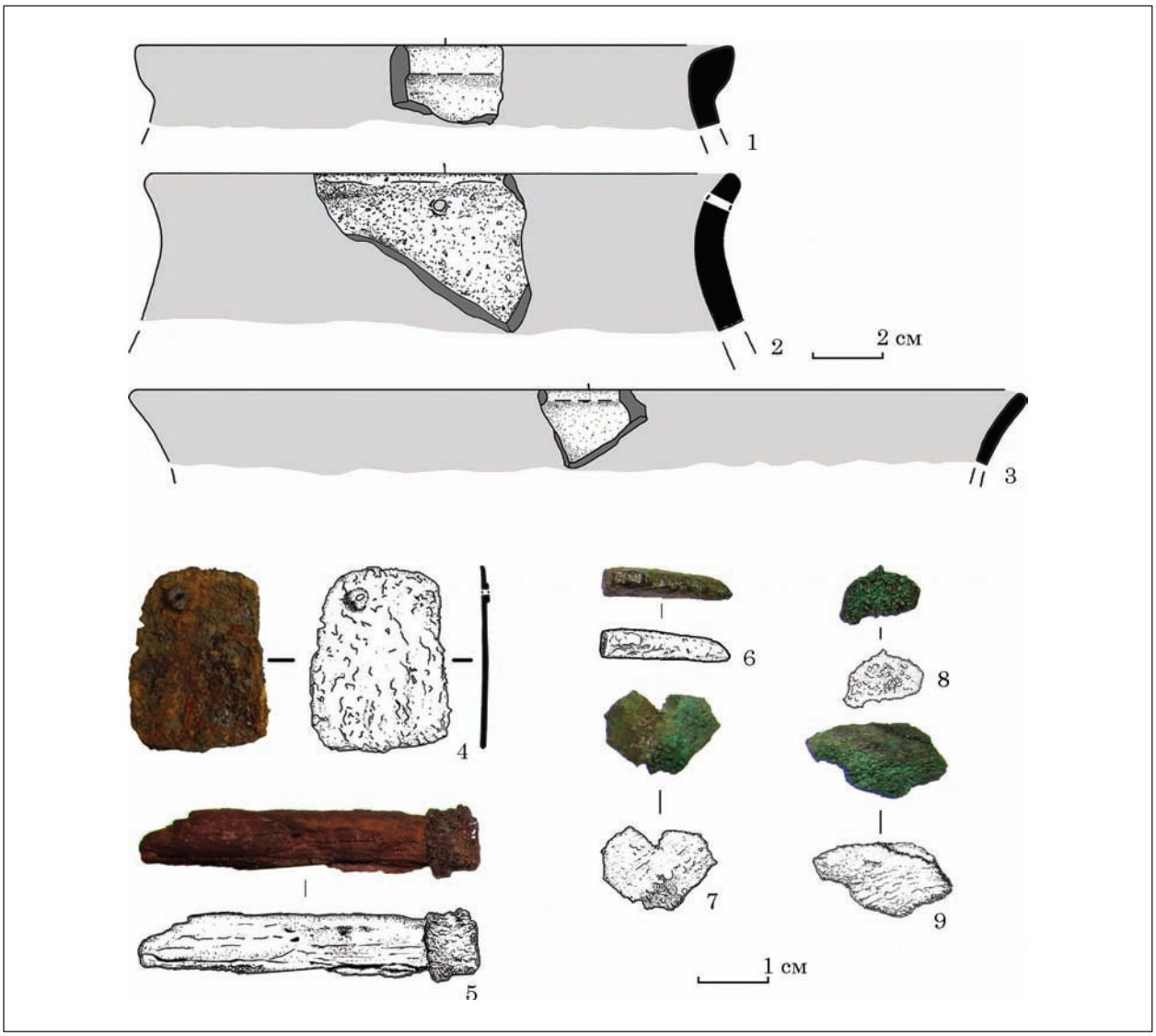


Рис. 15. Иные находки из кургана 4: 1—3 — фрагменты венчиков лепных сосудов (насыпь); 4 — железная панцирная пластинка; 5 — бронзовая втулка с деревянным штырьком; 7—9 — обломки сильно коррозированного бронзового предмета (грабительский ход)

о ритуальном назначении подкурганного комплекса и его связи с погребальным культом.

Следует отметить, что интерпретация ряда подкурганных памятников скифской поры в пределах обширного евразийского пространства, (отличающихся особой конструкцией и лишенных непременных черт, свойственных погребениям), как *культовых сооружений* — отнюдь, не нова.

Есть такие памятники и в пределах украинской Лесостепи. К их числу, например, определённо относится ряд подкурганных сооружений IV в. до н. э. в Лесостепном Побужье: курганы 1—3 у с. Кальник, № 1 (493) у с. Ильинцы (Бессонова 1989; 1994, с. 8—10), а также, по-видимому, некоторые более архаические (VII в. до н.э) подкурганные памятники Среднего Поднестровья: курган 1 у с. Редвинцы, курган 1 у с. Ленковцы (Бессонова 1993, с. 10). Известны подобные культовые сооружения и в Днепровском Лесостепном Правобережье, в Киево-Черкасском регионе в частности.

В свое время С. С. Бессоновой была подготовлена работа «Курганные святилища Лесостепной Скифии», которая, к сожалению, осталась неизданной [1]. Исследовательница предложила рассматривать в качестве святилищ подкурганные памятники указанного региона, отвечающие следующим критериям.

1) *Отсутствие собственно погребений*. Человеческие останки могут присутствовать в качестве жертвоприношений. Этот критерий не всегда надежный, т. к. многие курганы разграблены и разрушены.

1. Раздел «Духовная культура» плановой научной темы Института археологии НАН Украины «Проблемы истории киммерийцев и скифов». Искренне благодарим С. С. Бессонову за разрешение сослаться на данную работу.

Рис. 16. Исследованный курган 4 Дуншовской группы с воздуха: 1 — вид с запада; 2 — вид с юго-запада. Фото с БПЛА «Inspire 1»

2) *Нестандартность подкурганного сооружения и обряда для данной культурной традиции.*

3) *Особое положение кургана* в составе могильника или курганной группы (чаще всего окраинное, особенно характерно восточное и юго-восточное, или обособленное). Размеры насыпи не являются решающим признаком, но все же святилища чаще располагались под высокими насыпями.

4) Наличие таких элементов, как специальные жертвенные ямы, кострища, *столбы*, каменные стелы, специальные жертвенные ритуальные предметы, жертвоприношения людей и животных, подземные ходы. Особо следует выделить такой момент, как сложные деревянные сооружения, составными элементами которых были шатровые перекрытия, столбы *и большие деревянные настилы или помосты.*

Следует подчеркнуть, что, по сути, всем этим критериям отвечает наземное сооружение, открытое под насыпью кургана 4 Дуншовской группы Люботинского могильника: 1) нет следов погребения; 2) нестандартность конструкции и обряда для территории Северского Донца; 3) окраинное положение в составе курганной группы; 4) наличие больших настилов или помостов.

Помимо этого, следует отметить широкое использование здесь *коры* на подкурганной площадке, вокруг наземного сооружения, что также свойственно многим культовым местам: подстилки из органического материала (тростник, кора и пр.) широко употреблялись при жертвоприношениях (Бессонова 1994, с. 9—10).

Любопытно, что и деревянный столб в центре святилища отличается сильно заостренным концом от всех иных бревен, имеющих ровное основание. Он мог не только быть опорным, как и любой центральный столб жилища, могилы, святилища, но и использоваться для неких культовых манипуляций.

Правда, смущает в некоторой степени отсутствие в самом сооружении следов каких-либо ритуальных действий, как-то кострищ, костей животных и пр. Вместе с тем, мы не должны забывать, что оно подверглось ограблению.

С точки зрения конструктивных особенностей сооружению из кургана 4 Дуншовской группы весьма близки следующие наземные святилища, правда, более поздние по времени (IV в. до н. э.), открытые в 1880-х. гг. Н. Е. Бранденбургом в курганах 1 (493) и 2 у с. Ильинцы в Лесостепном Побужье. В первом из них довольно обширный склеп имел почти квадратное в плане основание и частокольные стены, состоящие из 24 столбов. Вход был выделен, и перед ним располагались 2 столба, вынесенные вперёд, своеобразные колонны. Они, скорее всего, не были связаны с перекрытием сооружения (Журнал раскопок Бранденбурга 1908, с. 140). Сходная ситуация фиксировалась и в кургане 2 у названного населённого пункта, в котором был найден знаменитый горит чертомлыкского типа. В центре подкурганной поверхности, «на чистом материке» располагался квадратной формы склеп (Фармаковский 1911, с. 52). По описанию А. А. Спицына, «*площадка* (т. е. основание склепа — *прим. авторов*) *была забрана полубрёвнами, по 16 на каждой сто-*

роне; два отдельных столба стояли впереди на некотором расстоянии» (Спицын 1918, с. 102, ОАК за 1901, с. 106).

Иными словами, в данных святилищах имела место ситуация, весьма сходная с той, что зафиксирована в наземном сооружение кургана 4, что касается расположения столбов-«колонн» с фронтальной стороны наземных конструкций.

Учитывая расположение святилища в кургане 4 на уровне ДГ, наличие в нём входов, выкладки из коры и специальных деревянных настилов, располагающихся поблизости, можно вполне предполагать следующее. Святилище функционировало определённое время в качестве ритуального места, связанного с погребальным культом, и лишь впоследствии было перекрыто курганной насыпью, т. е. «захоронено» согласно культовой практике, существовавшей в культурах скифо-сибирского круга. Данные соображения подкрепляются приведёнными выше наблюдениями о состоянии древесного тлена от столбов внутри столбовых ям и на уровне площадки наземного сооружения.

Сказанное вполне объяснимо, ибо святилища, как специфические сакральные зоны, предполагали периодически совершения стереотипных культовых операций, что обуславливало определённый период их существования и, соответственно, свободный доступ к сооружению (Ольховский, Шилов 1995, с. 108).

Обращает на себя внимание и тот факт, что к западу, северо-западу от кургана 4 расположены крупные курганы, высотой от 4 до 7 м, при этом ближайший находится на расстоянии до 100 м. В связи с этим, нельзя исключать функционирование наземного святилища в тесной связи с совершением различных ритуальных действий и захоронения, вероятно, скифской знати в указанных курганах.

Наконец, в заключение обратим внимание на два, на наш взгляд, заслуживающих внимания факта.

Во-первых, это явный *правобережный* «колорит», присутствующий в конструкции святилища и некоторых обнаруженных в нём артефактов. Данное обстоятельство, несомненно, даёт «пищу» для серьёзных размышлений касательно реальных перемещений скифов-кочевников периода архаики в пределах лесостепного ареала Восточной Европы.

Во-вторых, в конструкции наземного святилища кургана 4 использованы строительные приёмы и элементы (П-образная канавка для основания, частокольная конструкция стен), достаточно хорошо известные в подкурганных наземных сооружениях Днепровской Лесостепи ещё *до скифских переднеазиатских походов*, о чём уже говорилось выше. Между тем, выносные фасадные столбы или колонны ни разу для указанного времени не фиксировались. Засвидетельствованы они достоверно лишь в наземной конструкции кургана 4 Дуншовской группы Люботинского могильника, несомненно, относящегося *ко времени завершения скифских переднеазиатских походов*. Важно отметить, что курган 4 с точки зрения хронологии синхронен курганам 1, 2 Караванской группы Люботинского могильника, в составе инвентаря которых, помимо такой же греческой амфоры (или таких же амфор) присутствуют яркие восточные вещи, маркеры переднеазиатских скифских походов.

И этот факт — также повод для некоторых умозаключений.

ЛИТЕРАТУРА

Бандуровский, А. В., Буйнов, Ю. В., Дегтярь, А. К. 1998. Новые исследования курганов скифского времени в окресностях г. Люботина. В: Буйнов, Ю. В. (ред.). *Люботинское городище*. Харьков: Регион-информ, 1998, с. 143-182.

Бессонова, С. С. 1989. Культовые сооружения скифского времени в Побужье. В: *Тезисы докладов Первой Кубанской археологической конференции*. Краснодар, с. 53-54.

Бессонова, С. С. 1994. Курганы Лесостепного Побужья. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Древности скифов*. Киев: ИА НАНУ, с. 3-33.

Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 2001. *Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988—1996 гг.)*. Киев, Краков.

Бобринской, А. А. 1901. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы*. Санкт-Петербург, III.

Бобринской, А. А. 1902. Отчёт о раскопках в Черкасском и Чигиринском районах Киевской губ. *Известия Археологической Комиссии*, 4, с. 24-50.

Бобринской, А. А. 1916. Отчёт о раскопках в Киевской губернии в 1913 году. *Известия Археологической Комиссии*, 60, с. 1-6.

Гавриш, П. Я. 2015. Матеріали селища Царина у Більському городищі. *Старожитності Лівобережного Подніпров'я — 2014*, с. 39-60.

Гречко, Д. С. 2012. О возможных «просветах» в «тёмное» время (VI в. до н. э.) скифской истории. *Stratum plus*, 3, с. 75-106.

Дараган, М. Н. 2010. О датировке амфоры из погребения № 2 Репяховатой Могилы. *Античный мир и археология*, 14, с. 175-203.

Дараган, М. Н. 2016. О колчанном наборе раннескифского времени из погребения 1 кургана 4 у с. Гладковщина. В: Балахванцев, А. С., Кулланда, С. В. (ред.). *Кавказ и Степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железного века*. Москва: Институт востоковедения РАН, с. 62-75.

Задніков, С. А. 2006. Мілетські тарні амфори в лісостеповому Дніпровському Лівобережжі. В: Черненко, Є. В. (ред.). *Більське городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень)*. Київ: Шлях, с. 105-115.

Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 гг. 1908. Санкт-Петербург.

Ильинская, В. А. 1975. *Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин*. Киев: Наукова думка.

Ильинская, В. А., Мозолевский, Б. Н., Тереножкин, А. И. 1980. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, с. 31-63.

Ковпаненко, Г. Т. 1984. «Червона Могила» у с. Флярковка. В: Мелюкова, А. И., Мошкова, М. Г., Петренко, В. Г. (ред.). *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, с. 107-113.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1989. *Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион)*. Киев: Наукова думка.

Копылов, В. П. 2002. Греческие транспортные амфоры из Таганрогского поселении. В: Копылов, В. П. (ред.). *Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное время*. Ростов-на-Дону, с. 26-29.

Копылов, В. П. 2011. Таганрогское поселение — гавань Кремны? (письменные источники и археологические реалии). *Античный мир и археология*, 15, с. 223-239.

Кореняко, В. А., Лукьяшко, С. И. 1982. Новые материалы раннескифского времени на Левобережье Нижнего Дона. *Советская археология*, 3, с. 149-164.

Ольховский, В. С., Шилов, Ю. А. 1995. Скифский погребально-культовый комплекс кургана Цыганка. *Российская археология*, 4, с. 103-113.

Отчёт Археологической комиссии за 1901 г. 1903. Санкт-Петербург.

Окатенко, В. М. 2014. Додаткові дослідження курганів Караванської групи Люботинського могильник. *Археологічні дослідження в Україні 2013 р.*, с. 257.

Пеляшенко, К. Ю. 2014. Кружковидные черпаки раннескифского времени лесостепной части Среднего Поднепровья. *Stratum plus*, 3, с. 51-64.

Рубан, В. В. 1991. Опыт классификации так называемых милетских амфор из Нижнего Побужья. *Российская археология*, 2, с. 182-195.

Скорый, С. А. 2003. *Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента)*. Киев.

Спицын, А. А. 1918. Курганы скифов-пахарей. *Известия Археологической Комиссии*, 65, с. 87-143.

Фармаковский, Б. В. 1911. Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыкского кургана и из кургана в м. Ильинцах. В: *Сборник археологических статей, поднесённый графу А. А. Бобринскому*. Санкт-Петербург: Типография В. Ф. Киршбаума, с. 45-118.

Хвойка, В. В. 1904. Раскопки курганов при с. Оситняжке Чигиринского уезда Киевской губернии. *Археологическая летопись юга России*, 1—2, с. 7-12.

Шрамко, Б. А. 1994. Новые раскопки курганов в могильнике Скоробор. *Древности 1994*, с. 102-126.

Шрамко, Б. А. 1996. Раскопки В. А. Городцова на Бельском городище в 1906 г. (по материалам коллекции ГИМ). В: Супруненко, О. Б. (ред.). *Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи*. Полтава: Археологія, с. 29-59.

Bîrzescu, I. 2012. *Die archäischen und frühklassischen Transportamphoren*. Bucharest. Histria, XV.

REFERENCES

Bandurovskyi, A. V., Buinov, Iu. V., Dehtiar, A. K. 1998. Novye issledovanyia kurganov skyfskogo vremeny v okresnostiakh g. Liubotyna. In: Buinov, Iu. V. (ed.). *Liubotynskoe gorodyshche*. Kharkov: Region-inform, s. 143-182.

Bessonova, S. S. 1989. Kultovye sooruzhenyia skyfskoho vremeny v Pobuzhe. In: *Tezysy dokladov Pervoi Kubanskoi arkheologycheskoi konferentsii*. Krasnodar, s. 53-54.

Bessonova, S. S. 1994. Kurgany Lesostepnoho Pobuzhia. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Drevnosti skyfov*. Kyev: IA NANU, s. 3-33.

Bessonova, S. S., Skorij, S. A. 2001. *Motronynskoe gorodyshche skyfskoi epokhi (po materyalam raskopok 1988—1996 hh.)*. Kiev, Krakov.

Bobrynskoi, A. A. 1901. *Kurgany i sluchainye arkheologycheskye nakhodki bliz mestechka Smely*. Sankt-Peterburg, III.

Bobrynskoi, A. A. 1902. Otchet o raskopkakh v Cherkasskom y Chygyrynskom raionakh Kyevskoi gub. *Izvestyia Arkheologycheskoi Komissii*, 4, s. 24-50.

Bobrynskoi, A. A. 1916. Otchet o raskopkakh v Kyevskoi gubernii v 1913 godu. *Izvestyia Arkheologycheskoi Komissii*, 60, s. 1-6.

Gavrysh, P. Ia. 2015. Materialy selyshcha Tsaryna u Bilsku. *Starozhytnosti Livoberezhnoho Podniprov'ia — 2014*, s. 39-60.

Grechko, D. S. 2012. O vozmozhnykh «prosvetakh» v «tyemnoe» vremia (VI v. do n. e.) skyfskoi istorii. *Stratum plus*, 3, s. 75-106.

Daragan, M. N. 2010. O datirovke amfory iz pogrebenyia N 2 Repiakhovatoi Mogily. *Antychnij mir i arkheologia*, 14, s. 175-203.

Daragan, M. N. 2016. O kolchannom nabore ranneskyfskogo vremeni iz pogrebenyia 1 kurgana 4 u s. Gladkovshchyna. In: Balahvantsev, A. S., Kullanda, S. V. (ed.). *Kavkaz i Step na rubezhe epokhi pozdnei bronzy i rannego zheleznogo veka*. Moskva: Institut vostokovedeniya RAN, s. 62-75.

Zadnikov, S. A. 2006. Miletski tarni amfory v lisostepovomu Dniprovskomu Livoberezhzhi. In: Chernenko, Ie. V. (ed.). *Bilske gorodyshche ta yogo okruga (do 100-richchia pochatku polovykh doslidzhen)*. Kyiv: Shlyakh, s. 105-115.

Zhurnal raskopok N. E. Brandenburga 1888—1902 gg. 1908. Sankt-Peterburg.

Ilinskaya, V. A. 1975. *Ranneskifskie kurhany basseina r. Tiasmyn*. Kiev: Naukova dumka, 1975.

Ilynskaya, V. A., Mozolevskyi, B. N., Terenozhkyn, A. Y. 1980. Kurgany VI v. do n. e. u s. Matusov. In: Terenozhkin, A. Y. (ed.). *Skifiia i Kavkaz*. Kiev: Naukova dumka, s. 31-63.

Kovpanenko, G. T. 1984. «Chervona Mogila» u s. Flyarkovka. In: Melyukova, A. I., Moshkova, M. G., Petrenko, V. G. (ed.). *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya*. Moskva: Nauka, s. 107-113.

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoryj, S. A. 1989. *Pamiatniki skifskoi epokhi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezhia (Kievo-Cherkasskij region)*. Kyev: Naukova dumka.

Kopylov, V. P. 2002. Grecheskye transportnye amfory iz Taganrohskogo poseleniya. In: Kopylov, V. P. (ed.). *Mezhdunarodnye otnoshenyia v basseine Chernogo moriya v skifo-antichnoe vremya*. Rostov-na-Donu, s. 26-29.

Kopylov, V. P. 2011. Taganrohskoe poselenye — gavan Kremny? (pismennye istochniki i arkheologycheskye realii. *Antychnij mir i arkheologiya*, 15, s. 223-239.

Korenayko, V. A., Lukyashko, S. Y. 1982. Novye materyaly ranneskyfskoho vremeny na Levoberezhe Nyzhneho Dona. *Sovetskaya arkheologiya*, 3, s. 149-164.

Olkhovski, V. S., Shilov, Iu. A. 1995. Skifski pogrebalnokultovyi kompleks kurgana Tsyganka. *Rossijskaya arkheologiya*, 4, s. 103-113.

Otchet Arkheologycheskoi komissii za 1901 g. 1903. Sankt-Peterburg.

Okatenko, V. M. 2014. Dodatkovi doslidzhennya kurganiv Karavanskoi grupi Liubotynskogo mogilnika. *Arkheologichni doslidzhennya v Ukrajini 2013 r.*, s. 257.

Pelyashenko, K. Iu. 2014. Kruzhkovidnye cherpaki ranneskifskogo vremeni lesostepnoi chasti Sredneho Podneprovjya. *Stratum plus*, 3, s. 51-64.

Ruban, V. V. 1991. Opyt klassifikatsii tak nazyvaemykh miletskikh amfor iz Nizhnego Pobuzhia. *Rossijskaya arkheologiya*, 2, s. 182-195.

Skoryj, S. A. 2003. *Skify v Dneprovskoi Pravoberezhnoi Lesostepi (problema vydeleniya iranskogo etnokulturnogo elementa)*. Kyev.

Spitsyn, A. A. 1918. Kurgany skifov-pakharei. *Izvestiya Arkheologycheskoi Komissii*, 65, s. 87-143.

Farmakovskyi, B. V. 1911. Zolotye obivki naluchyi (goritov) iz Chertomlykskogo kurgana i iz kurgana v m. Iljintsakh. In: *Sbornyk arkheologycheskykh statei, podnesyonnykh grafu*

A. A. Bobrynskomu. Sankt-Peterburg: Tipographiya V. F. Kirshbauma, s. 45-118.

Hvoika, V. V. 1904. Raskopki kurganov pry s. Osytniazhke Chygirinskogo uezda Keevskoi gubernii. *Arkheologicheskaya letopis yuzhnoj Rossii*, 1—2, s. 7-12.

Shramko, B. A. 1994. Novye raskopki kurganov v mogilnike Skorobor. *Drevnosti 1994*, s. 102-126.

Shramko, B. A. 1996. Raskopki V. A. Gorodtsova na Belskom gorodishche v 1906 g. (po materyalam kollektsii GIM). In: Suprunenko, O. B. (ed.). *Bilske gorodyshche v konteksti vyvchennya pam'iatok rannyogo zaliznogo viku Evropy*. Poltava: Arheolohija, s. 29-59.

Bîrzescu, I. 2012. *Die archäischen und frühklassischen Transportamphoren*. Bucharest. Histria, XV.

V. N. Okatenko, S. A. Skory, R. V. Zymovets

KURGAN OF EARLY SCYTHIAN AGE IN KHARKIV REGION

The publication presents the results of excavations of the mound 4 of the Dushnovo group of large-scale graveyard of the Scythian time near the city Lyubotin, Kharkiv region (the Seversky Donets basin). It is important to emphasize that no one kurgan in this group was previously investigated by archaeologists.

Part of the embankment was seriously damaged by the local people's economic activity, and before excavation it was a height of up to 0.90 m with a diameter of about 30 m.

In the course of works the remains of a square (4 × 4 m) original ground-based facility, with an in-depth foundation, which once had fence walls, were found under the embankment. The massive column-pillars, which originally frame the front of the building, were leaving the entrance to it free. The area around this object was lined with bark, and in the immediate vicinity there was a fairly large wooden platform.

Several items were preserved in the robbery track, in particular, fragments of stucco dishes of the early Scythian period (a pot, a bowl, a scoop), fragments of the light-loamy Miletus amphora.

The constructive feature of the structure and the preserved things make it possible to interpret this object as a sanctuary and date approximately not later than the end of VII century BC.

Keywords: kurgan, Scythians, sanctuary, Seversky Donets.

Одержано 26.11.2017

ЗИМОВЕЦЬ Роман Віталійович, кандидат філософських наук, науковий співробітник, Інститут філософії ім. Г. С. Сковороди НАН України, вул. Трьохсвятительська, 4, Київ, 02000, Україна, *romanzimovets@gmail.com*.

ZYMOVETS Roman, Ph D on Philosophy, researcher in Philosophy of Culture, Ethics and Aesthetics Department, Grygory Skovoroda Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Ukraine, Tryohsviatytelska str., 4, Kyiv, 02000, Ukraine, *romanzimovets@gmail.com*.

ОКАТЕНКО Віталій Миколайович, заступник директора з наукової роботи ДП ОАСУ «Слобідська археологічна служба» ІА НАН України, вул. Культури, 25-А, Харків, 61058, Україна, *okatenkovitalij@gmail.com*.

OKATENKO Vitalii, Deputy Director for Research, SC CASU «Slobidska Archeological Service», SC SRC «Conservation Archaeological Service of Ukraine», IA NAS of Ukraine, 25-A Kultury str., Kharkiv, 61058, Ukraine, *okatenkovitalij@gmail.com*.

СКОРИЙ Сергій Анатолійович, доктор історичних наук, професор, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграду 12, Київ, 04210, Україна, *idanfirs@ukr.net*.

SKORY Serhiy, Doctor of Historical Sciences, Professor, Shief of Department, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *idanfirs@ukr.net*.

УДК: 904.5(477.53)”6383”

Ю. Ю. Ляшко

ПАМ’ЯТКИ РАННЬОГО ЗАЛІЗНОГО ВІКУ В ОКОЛИЦЯХ МОТРОНИНСЬКОГО ГОРОДИЩА

Статтю присвячено пам’яткам раннього залізного віку, які були виявлені в околицях Мотронинського городища.

Ключові слова: *скіфська доба, поселення, кераміка, наконечники стріл.*

Мотронинське городище по праву відноситься до найбільш визначних пам’яток скіфського часу Дніпровського Лісостепового Правобережжя. Загальна площа пам’ятки становить біля 200 га. (Бессонова, Скорий 2001, с. 2), за матеріалами М. М. Дараган — 106 га (Дараган 2017, с. 408). Його дослідження пов’язані з іменами відомих археологів В. В. Хвойки, О. О. Бобринського, І. В. Фабріціус, О. І. Тереножкіна, М. І. Вязмітіної, Є. Ф. Покровської, інших фахівців. Ґрунтовні та масштабні дослідження на городищі провела у 1988—1996 роках експедиція «Холодний Яр» ІА НАН України під керівництвом С. С. Бессонової (Бессонова, Скорий 2001, с. 1—157). А у 2000 — 2003 рр. — спільна Україно-польська експедиція на чолі зі С. А. Скорим та Я. Хохоровським. З 2017 р. дослідження пам’ятки відновились під керівництвом О. Д. Могилова.

У ході дослідження пам’ятки, археологи висунули версію про те, що населення, яке споруджувало Мотронинське городище, жило не тільки на його площі, а й у радіусі кількох кілометрів за його межами (Бессонова, Скорий 2001, с. 126). Повне розуміння цієї грандіозної пам’ятки можливе в нерозривному зв’язку з системою навколишніх синхронних комплексів. Тому, з кінця 1980-х рр. і дотепер, проводяться археологічні розвідки прилеглої території. Вони не тільки дозволили встановити стан вже відомих пам’яток, але й виявили цілу серію невідомих раніше поселень. В основу даної роботи, ввійшли матеріали із цих селищ [1].

Територія навколо Мотронинського городища покрита лісовим масивом, через що дослідження в більшій мірі проводились на не зяйнятій лісовими насадженнями території, насамперед, в навколо населених пунктів Жаботин, Михайлівка, Грушківка — в західних і південно-західних околицях городища. Роботами обстежено 21 пам’ятку, в радіусі до 8 км від Мотронинського городища, серед яких уже відомі та нововиявлені. Причому було помічено, що практично всі з зазначених об’єктів знаходяться у межах візуального спостереження не лише з городища, а й одне з одного. Тобто, жителі поселень бачили населені пункти один одного, та могли передавати певні сигнали чи повідомлення. Крім того, на території лісового масиву також були виявлені окремі випадкові знахідки скіфського часу: меч, дротик, спис та інші (рис. 1). Можливо вони маркують ще невідомі поселення навколо городища.

Отже, нині в окресленому районі виявлено 21 поселення, які відносяться до доби раннього заліза. Окремі з них вже були опубліковані (Ковпаненко, Бессонова, Скорий 1989, с. 158—159, Ляшко 1992, с. 51—53), інші — досі невідомі широкому колові дослідників. Стаціонарні розкопки проводилися лише на *Тарасовій горі* біля Жаботина (Покровська 1973, с. 169—188; Ильинская, Тереножкин 1983, с. 258—260). Через чисельні публікації матеріалів звідси, від детальної його характеристики я утримаюсь. Приймаючи до уваги, що пам’ятка відома

1. Матеріали зберігаються у фондах Кам’янського державного історико-культурного заповідника.

© Ю. Ю. ЛЯШКО, 2018

фахівцям насамперед як така, що побутувала в доскіфський та ранньоскіфський час, зауважу лише той факт, що по всій території поселення зустрічається й матеріал середньоскіфського часу, зокрема — й наконечники стріл.

Інші поселення раннього залізного віку в околицях Мотронинського городища вельми чисельні. Окремі з них вирізняються значними розмірами.

Жаботин, Кам'янський р-н, Черкаська обл. Селище в ур. Дерчаків на схід від Бочкового яру. На округлому плато, що трохи понижується в південно-східному напрямку, на поверхні трапляються фрагменти ліпної кераміки скіфського часу, уламки амфор, кістки тварин. Нині селище покрите багатолітніми травами та лісовими насадженнями. Обстежив П. М. Третяков у 1946 р. (Ковпаненко, Бессонова, Скорий 1989, с. 159). Підйомний матеріал зібрано у 1998 р.; він представлений фрагментами ліпної кераміки з пальцевими втисненнями по вінчику, ручками світлоглиняних амфор. Вихід культурних нашарувань прослідковано на площі 200 × 300 м.

Жаботин, селище в ур. Бутишене (рис. 2), знаходиться на краю підвищення великого плато, що поволі спускається в напрямку с. Жаботин. З південної, північної та східної сторони воно оточене глибокими ярами. Територія розорюється. Підйомний матеріал прослідковується на площі 250 × 300 м. Він представлений керамікою скіфського часу, зокрема — банкоподібних горщиків з валиком та проколами під вінцями (рис. 2: 1—4), уламками амфор (рис. 2: 5), глиняною обмазкою, кістками тварин, металевими виробами. Серед останніх переважають тригранні наконечники стріл (рис. 2: 6—10), є шпильки (рис. 2: 11,12), свинцеве пряслице (рис. 2: 13) та ворворка (рис. 2: 14), а також фрагменти двох бронзових псаліїв скіфського часу (рис. 2: 15, 16). Один — Г-подібний (рис. 2: 16) середньоскіфського часу (Могилов 2008, с. 34). Інший нагадує «жаботинський» тип. Він має занадто вузьке, для дводирчастих паліїв з 8-подібною формою центра, розширення навколо петлі. Для «жаботинських» паліїв характерна більш розвинута муфта навколо отвору. Окремі з них (Могилов 2008, рис. 57: 5, 10), втім, мають і невеликі потовщення в цьому місці. Вірогідно, саме із таким різновидом можна співставляти й наш псалій.

Матеріали поселення відносяться до ранньоскіфського (кераміка, псалій, дволопатеве вістря), середньоскіфського (базисні стріли, г-подібний псалій), пізньоскіфського (тригранна стріла, свинцеве прясло) часів. Вони свідчать про довгий час існування селища в межах VII—IV ст. до н. е.

Жаботин, селище в ур. Молошне, знаходиться на кінці нешрокого мису, що полого спускається до безіменного струмка, який впадає в р. Жаботинку. На поверхні, на площі 50 × 100 м. Трапляється ліпна кераміка скіфського часу, кістки тварин, фрагменти обмазки. Селище можна датувати V—IV ст. до н. е.

Рис. 1. Знахідки з околиць Мотронинського городища. Стендові фото матеріалів

Жаботин, поселення в ур. Скабове (Скибове) (рис. 3). Розташоване у 2 км. на захід від центру села. Культурній шар зустрічається на плоскому видовженому пагорбі, й прослідковується на відстань біля 1 км по центральній частині пагорба. Зафіксовано кілька плям із скупченням перепаленого ґрунту, кераміки, обмазки, кісток тварин. Посуд представленій, як ліпною місцевою «жаботинською» керамікою з різьбленим геометричним орнаментом, подекуди затертим білою пастою; так і керамікою V—IV ст. до н. е. (рис. 3: 1—5). Крім неї зустрічається велика кількість фрагментів античної кераміки: амфор та чорнолакового посуду, зокрема — фрагменти кіліка (рис. 3: 6). Металеві вироби представлені бронзовими наконечниками стріл, ранньо — та середньоскіфського часу (рис. 3: 7—10), серед яких знайдено, залізний дволопатевий наконечник раннього типу

Рис. 2. Знахідки з селища в ур. Бутишене біля с. Жаботин. Стендові фото матеріалів

Рис. 3. Вироби з поселення в урочищі Скабове (Скибове) біля с. Жаботин. Стендові фото матеріалів

(рис. 3: 11). Виявлено бронзові шпильки (рис. 3: 12, 13), округлу бляшку з отвором (рис. 3: 14), підвіску (рис. 3: 15), свинцеве пряслице (рис. 3: 16), залізні шило (рис. 3: 17) та фрагмент вигнутого серпа (рис. 3: 18).

За ареалом поширення виявлених знахідок, можна зробити припущення, що обстежено частину великого селища (загальною площею біля 40 га), яке в свій час охоплювало підковоподібним кільцем схил великого яру, який

Рис. 4. Знахідки з селища неподалік ур. Сокирне біля с. Жаботин. Стендові фото матеріалів

спускається в долину до джерела, що впадає в р. Жаботинку.

Найранішою з поселення є «жаботинська» кераміка з врізним орнаментом VIII—VII ст. до н. е., що побутує в пізній доскіфський час втім доживає й до ранньоскіфської доби, зустрічаючись в докелермеських та ранніх келермеських комплексах. З такими посудинами іноді зустрічаються й шпильки з потовщенням на стержні (тип 9 за В. Г. Петренко). Листовидні стріли з шипами — вироби келермеського кола. А базові вістря маркують середньоскіфський час. Свинцеві гранені прясла в скіфських пам'ятках хоч зрідка відомі і в V ст. до н. е., та абсолютна більшість датується вже IV ст. до н. е. Отже, поселення могло існувати величезний проміжок часу до півтисячоліття, з VIII по IV ст. до н. е.

Жаботин, селище в ур. Столет. Розташоване на південний захід (через глибокий яр) від поселення в ур. Скабове (Скибове). Матеріал ідентичний попередньому поселенню за виключенням ранньоскіфської орнаментованої кераміки. Культурний шар прослідковується вузькою лінією шириною біля 20 м і тягнеться вздовж западини яру на відстань біля 200 м. Металеві вироби представлені двома наконечниками стріл VI—V ст. до н. е.

Жаботин, селище розташоване в 1,5 км на схід від хут. Сокирне, на продовгуватому пагорбі, що тягнеться в напрямку с. Завадівки. В північній частині яру біля селища, є джерело води «Свята криничка».

На поверхні пагорба на площі біля 50 × 100 м зібрано підйомний матеріал у вигляді ліпної кераміки скіфського часу, кісток тварин, обмазки житла. Серед металевих виробів зустрічаються бронзові тригранні наконечники стріл IV ст. до н. е.

Жаботин, селище знаходиться у 1,5 км на схід від хут. Сокирне, у 300 м від попереднього поселення біля «святої кринички» (рис. 4). На площі 50 × 100 м на рівному плато, що з двох сторін обмежене ярами, зібрано «жаботинську» орнаментовану кераміку (рис. 4: 1—6), обмазку жител, кістки тварин. Зустрічаються уламки античних амфор. Із металевих виробів знайдено уламок бронзового браслета чорноліської культури (рис. 4: 7) та наконечники стріл (рис. 4: 8—11). Селище існувало тривалий час. Найраніша знахідка IX ст. до н. е. — браслет чорноліського типу. VIII, з заходом в VII ст. до н. е. датується посуд з врізним декором. До передскіфської доби можна віднести ромбічне вістря (рис. 4: 8). Листовидний наконечник (рис. 4: 9) відноситься до келермеських зразків, а базисні вістря (рис. 4: 10—11) — до раннього середньоскіфського часу. Отже, поселення могло побутувати в IX — першій половині V ст. до н. е.

Жаботин, селище знаходиться в 2 км від хут. Сокирне, біля дороги, що веде в с. Завадів-

Рис. 5. Вироби з поселення неподалік цегляного заводу в с. Жаботин. Стендові фото матеріалів

Рис. 6. Знахідки з селища неподалік кар'єру біля цегляного заводу в с. Жаботин. Стендові фото матеріалів

Рис. 7. Вироби з поселення біля дороги з с. Жаботина, на с. Флярківка. Стендові фото матеріалів

ка. На поверхні пагорба, що з одного боку обмежений глибоким яром, а з іншого — полого спускається в долину, зібрано підйомний матеріал скіфського часу: ліпна кераміка, обмазка житла, глиняне прясло. Орієнтовна площа розповсюдження культурного шару 50 × 100 м. Селище можна датувати V—IV ст. до н. е.

Жаботин, селище розташоване у 1,5 км. на північ від цегляного заводу (рис. 5), на підвищенні з трьох сторін оточеному глибокими ярами. Знахідки трапляються на площі 200 × 300 м. На ґрунті прослідковуються сліди не менше, як трьох жител із скупченням кераміки, перепаленої глини, кісток тварин. Серед підйомного матеріалу переважає ліпна місцева кераміка скіфського часу (рис. 5: 1—5), фрагменти амфор (рис. 5: 6), знайдено глиняні пряслиця (рис. 6: 7, 8), уламок кістяного псалія раннього типу (рис. 5: 9). Металеві вироби представлені бронзовими наконечниками стріл (рис. 5: 10—16), бронзовою платівкою з отворами (рис. 5: 17), уламком цвяхоподібної залізної шпильки (рис. 5: 18), залізними шилом (рис. 5: 19) та ножем із вигнутою спинкою (рис. 5: 20). Найраніші знахідки — горщики з валиком під вінцями, ручка черпака, фрагмент кістяного псалія ранньоскіфського часу. До середньоскіфського періоду відносяться базисні, баштовидні, та з трикутною голівкою та виступаючою втулкою вістря (рис. 5: 11, 12, 14, 16). До IV ст. до н. е. — тригранна стріла (рис. 5: 13). Отже, пам'ятка могла побутувати весь скіфський час.

Жаботин, селище розташоване на північ від східної околиці села в ур. Лопати на околиці лісу. Культурний шар розміщеній на невеликій площі 50 × 100 м. На поверхні зустрічається невелика кількість ліпної кераміки скіфського часу та кістки тварин. Поселення можна датувати пізньоскіфським часом.

Жаботин, селище виявлено випадково (рис. 6), під час розробки глиняного кар'єру цегельного заводу. У стінках котловану простежено профілі кількох господарчих ям з побутовим сміттям: кераміка, кістки, печина та попіл. Верхній культурний шар повністю знищений, орієнтовна площа пам'ятки 50 × 50 м. Знайдено кістяну проколку (рис. 6: 6). Керамічний комплекс представлений насамперед ранньоскіфською керамікою (рис. 6: 1—5) та фрагментами амфор. Бронзовий тригранний наконечник стріли (рис. 6: 7) свідчить, що життя тут могло тривати й у пізньоскіфський час.

Жаботин, селище розташоване на південний схід від центру села в ур. Ляхівка на терасі, що на 15 м підвищується над заболоченою долиною струмка. На площі 100 × 25 м зібрано підйомний матеріал у вигляді ліпної кераміки скіфського часу, уламків амфор. Знайдено денце посудини з відбитками грубої тканини. Із металевих виробів виявлено свинцеве біконічне пряслице. Пам'ятку можна віднести до пізньоскіфського часу IV ст. до н. е.

Жаботин, селище розташоване в ур. Плоский Яр, в долині між двома пагорбами. Орієнтовна площа 100 × 100 м. На поверхні знайдена

Рис. 8. Речі з поселення біля с. Михайлівка. Стендові фото матеріалів

Рис. 9. Знахідки з селища біля с. Грушківка. Стендові фото матеріалів

невелика кількість ліпної кераміки скіфського часу та кістки тварин.

Жаботин, селище розташоване на плато (рис. 7), що тягнеться вздовж старої дороги в напрямку до с. Фляркіївки. На поверхні площею 100 × 300 м знайдено велику кількість ліпної кераміки скіфського часу (рис. 7: 1—5), фрагменти амфор, кістки тварин, обмазку жител. Прослідковуються сліди двох світлоглинянних плям з перепаленим грунтом і попелом. Металеві речі представлені бронзовими наконечниками стріл (рис. 7: 6—9), двома бронзовими і однією залізною шпильками (рис. 7: 10—12), круглою випуклою бляшкою (рис. 7: 13), уламком залізного дводирчастого псалія (рис. 7: 14), залізним ножем (рис. 7: 15) та трьома залізними проколками чи шилами (рис. 7: 16—18). Горщики з валиком під вінцями — провідна ранньоскіфська форма. Кераміка з врізним орнаментом й миски з наліпками виникли в доскіфську добу, але існували й у ранньоскіфський час. Раннім є й асиметричноромбічний наконечник стріли. Трилопатеве вістря з шипом відноситься до келермеських типів. Базисні стріли й дводирчастий псалій могли існувати вже в середньоскіфський період. Отже населення проживало на пам'ятці досить тривалий час.

Михайлівка, Кам'янський р-н, Черкаська обл. (рис. 8) [1]. Велике поселення, площею біля

1. Матеріали пам'ятки частково опубліковано (Ляшко 2017, с. 399—302), тут подаються нещодавні знахідки.

100 га, розташоване на рівнинному плато, що поступово понижується в західному напрямку. Відкрито у 2004 р. (Ляшко 2017, с. 399—302). На пам'ятці виявлено близько 20 плям насичених попелом, обмазкою жител та керамічним матеріалом. Знахідки представлені великою кількістю фрагментів кераміки ранньоскіфського часу (рис. 8: 1—5), амфорним матеріалом, пряслицем виготовленим із стінки посудини (рис. 8: 6), виробами із каменю (рис. 8: 7). Знайдено прямокутну кістяну пластину з отвором в середині (рис. 8: 8). З металевих речей виявлено наконечники стріл VII—V ст. до н. е., уламки двох цвяхоподібних та однієї з плоскою голівкою шпильок (рис. 8: 9—11), уламок леза бронзового ножа довжиною 8,7 см (рис. 8: 12). Кінська упряж представлена уламками бронзових вудил (рис. 8: 13) та залізного псалія (рис. 8: 14). Від вудил вціліла внутрішня петля та «з'їдене» з боків гризло з «орнаментом» у вигляді двох рядів квадратиків. Цей прояв строгості найчастіше відомий на доскіфських двокільчастих вудилах, але іноді трапляється й на ранньоскіфських стременоподібних вудилах (Могилов 2003, с. 34—37; 2008, рис. 7: 1, 4а; 9: 1).

З металевих речей було знайдено й уламок серпа (рис. 9: 15), невеликий наконечник списа (рис. 9: 16) та заготовку до тесла (рис. 9: 17). Окрім цього, було знайдено досить рідкісну на поселеннях річ — неповністю сформовану заготовку для виготовлення сокири довжиною 16,8 см (рис. 9: 18), що свідчить про розвинуте залізоробне виробництво на поселенні. Існувала пам'ятка протягом всього скіфського часу. А можливо, й протягом жаботинського етапу у VIII ст. до н. е. (посуд з врізним орнаментом, бронзові вудила).

Куликівка, Кам'янський р-н., Черкаська обл. Селище розташоване на північній околиці села на рівнинному плато, що з трьох сторін оточене ярами в одному з яких протікає річка Жаботинка. Кераміка скіфського часу та кістки тварин прослідковуються на площі 100 × 200 м. Селище можна датувати V—IV ст. до н. е.

Грушківка, Кам'янський р-н.,Черкаська обл. (рис. 9). Селище розташоване на рівнинному плато біля яру, що починається на краю лісового масиву. На поверхні на невеликій площі 50 × 100 м зібрано підйомний матеріал: кераміка скіфського часу (рис. 9: 1—4), фрагменти амфор. Знайдено свинцеве пряслице (рис. 9: 5), бронзовий тригранний наконечник стріли (рис. 9: 6), уламок витої, з грибовидною голівкою шпильки (рис. 9: 7). Матеріали можна датувати достатньо широко: VII—IV ст. до н. е.

Грушківка, селище розташоване на краю лісового масиву на відстані 1 км на північний захід від сільського кладовища. На площі 20 × 20 м видно пляму світло-сірого кольору, з виходом кераміки скіфського часу. Знайдено свинцеве конічне пряслице та деталь кінської упряжі у вигляді бронзового кільця, з загнутим гаком з боку. Селище можна датувати V—IV ст. до н. е.

Грушківка, на краю лісового масиву в ур. Маляреве знайдено фрагменти кераміки скіфського часу. У зв'язку зі знаходженням ділянки під сільгоспкультурами, простежити всю площу розповсюдження культурного шару не вдалося. Орієнтовно, поселення можна віднести до середньоскіфського часу.

Грушківка, селище розташоване на невеликому мисоподібному виступі, що починається у лісовому масиві на краю північно-східної околиці села. На площі 100 × 250 м зібрано підйомний матеріал у вигляді ліпної кераміки скіфського часу. Поселення можна датувати V—IV ст. до н. е.

В майбутньому обстеження регіону Мотронинського городища планується продовжити., зокрема необхідно детальніше вивчити північні та південно-східні його околиці, де, свого часу, також були виявлені окремі пам'ятки скіфського часу.

Насиченість пам'ятками свідчить, що регіон Мотронинського городища відігравав значну адміністративну, військово-стратегічну, соціально-економічну та культурну роль в житті населення Притясминського регіону Лісостепового Правобережжя в добу раннього заліза. Поселенська структура тут вирізнялась масштабністю й насиченістю протягом всього періоду VIII—IV ст. до н. е.

ЛІТЕРАТУРА

Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 2001. *Мотронинское городище скифской эпохи*. Киев, Краков.

Дараган, М. Н. 2017. Крупные городища скифской эпохи в Украинской Лесостепи. Особенности расположения. *Археологія і давня історія України*, 2 (23), с. 397-427.

Ильинская, В. А., Тереножкин, А. И. 1983.*Скифия VII—IV вв. до н. э.* Киев: Наукова думка.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1989. *Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья.* Киев: Наукова думка.

Ляшко, Ю. Ю. 1992. Новые поселения скифского врнмени в районе Жаботина. В: Мозолевский, Б. Н. (ред.). *Кимерийцы и Скифы. Тезисы докладов Международной научной конференции посвященной памяти А. И. Тереножкина, 25—28 мая 1992 г.* Мелитополь: Гортипография, с. 51-53.

Ляшко, Ю. Ю. 2017. Нове велике поселення скіфського часу в околицях Мотронинського городища. *Археологія і давня історія України*, 2 (23), с. 299-302.

Могилов, О. Д. 2003. Еволюція «орнаменту» на вудилах передскіфського часу півдня Східної Європи. *Археологія*, 4, с. 32-39.

Могилов, О. Д. 2008. *Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи.* Київ, Кам'янець Подільський: ІА НАНУ.

Покровская, Е. Ф. 1973. Предскифское поселение у с. Жаботин. *Советская археология*, 4, с. 169-188.

REFERENCES

Bessonova, S. S., Skoryy, S. A. 2001. *Motroninskoye gorodishche skifskoy epokhi.* Kiev, Krakov.

Daragan, M. N. 2017. Krupnyye gorodishcha skifskoy epokhi v Ukrainskoy Lesostepi. Osobennosti raspolozheniya. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrajiny*, 2 (23), s. 397-427.

Ilinskaya, V. A., Terenozhkin, A. I. 1983. *Skifiya VII—IV vv. do n. e.* Kiev: Naukova dumka.

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoryy, S. A. 1989. *Pamyatniki skifskoy epokhi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezhia.* Kiev: Naukova dumka.

Lyashko, Yu. Yu. 1992. Novyye poseleniya skifskogo vrnmeni v rayone Zhabotina. In: Mozolevskiy, B. N. (ed.). *Kimerityts y i Skify.Tezisy dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii posvyashchennoy pamyati A. I. Terenozhkina*, 25—28 maya 1992 g. Melitopol: Gortipografiya, s. 51-53.

Lyashko, Yu. Yu. 2017. Nove velyke poselennya skifs'koho chasu v okolytsyakh Motronyns'koho horodyshcha. *Arkheolohiya i davnya istoriya Ukrajiny*, 2 (23), s. 299-302.

Mohylov, O. D. 2003. Evoliutsiia «ornamentu» na vudylakh peredskifskoho chasu pivdnia Skhidnoi Yevropy. *Arkheolohiia*, 4, s. 32-39.

Mohylov, O. D. 2008. *Sporiadzhennia konia skifskoi doby u Lisostepu Skhidnoi Yevropy.* Kyiv, Kam'ianets Podilskyi: IA NANU.

Pokrovskaya, E. F. 1973. Predskifskoye poseleniye u s. Zhabotin. *Sovetskaya arkheologiya*, 4, s. 169-188.

Yu. Yu. Lyashko

MONUMENTS OF THE EARLY IRON AGE THE ENVIRONMENTS OF THE MOTRONIN CITY

Motroninsky ancient settlement belongs to the most famous monuments of the Scythian epoch of the Dnieper Forest-Steppe Right Bank. Since the late 1980[s] and until today, work is underway to study the monuments of this time in the vicinity of the site of the ancient settlement. This work is based on materials that identify the chronological and periodic frames of the surveyed monuments. In total 21 settlements of Scythian time of VII—III centuries BC were surveyed and opened. The results of this work confirm the version of the researchers of the site of ancient settlement that its main population lived outside the fortification in a radius of several kilometers.

Keywords: Scythian time, settlements, ceramics, arrow head.

Одержано 10.02.2018

ЛЯШКО Юрій Юрійович, завідуючий історичним музеєм Кам'янського державного історико-культурного заповідника, вул. Декабристів 5, м. Кам'янка, Черкаська обл., 20801, Україна, *pitim1968@ukr.net*.

LYASHKO Yuriy, direktor of museum, Kamyanka state historical and cultural center, Decembrists street, 5, Kamyanka, Cherkasy region, 20801, Ukraine, *pitim1968@ukr.net*.

УДК: 904.5(477.46)”6383”

О. Д. Могилов, С. В. Руденко

ПОСЕЛЕННЯ РАННЬОГО ЗАЛІЗНОГО ВІКУ БІЛЯ с. ІВАНІВКА В ПОТЯСМИННІ

Стаття присвячена публікацій матеріалів розвідок на поселенні раннього залізного віку біля с. Іванівка Чигиринського р-ну Черкаської обл. в басейні р. Тясмин.

Ключові слова: *поселення, ранній залізний вік, скіфський час, доскіфський період, посуд, наконечники стріл.*

В числі головних наукових інтересів Світлани Сергіївни Бессонової незмінно були старожитності раннього залізного віку Українського Лісостепового Правобережжя. З ім’ям дослідниці пов’язані розкопки та розвідки на багатьох визначних пам’ятках цього регіону, написання узагальнюючих праць, що отримали загальне визнання колег. Однією з пам’яток, де вченій довелось побувати, є поселення раннього залізного віку біля с. Іванівка (колишнє с. Янич) Чигиринського р-ну Черкаської обл.

Околиці Іванівки багаті на старожитності епохи раннього заліза. Тут локалізуються Яницьке чорноліське городище, а також чорноліське селище на південний захід від села (Покровская 1955, с. 4, 8, 9; Тереножкин 1961, с. 13, 17, рис. 14), поселення VII—VI ст. до н. е. на південь від села (Покровская 1955, с. 9—13; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 160), чималий курганний могильник на південному заході (Тереножкин, Ильинская 1970, с. 16—21; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 160).

Серед старожитностей цієї доби — й поселення на захід від села, розташоване на мисі, що височіє над долиною невеликої р. Холодна, де розташована сільська забудова. З півдня та півночі мис додатково обмежується ще й балками. Обстеження пам’ятки проводились у 2009 р. С. С. Бессоновою та В. В. Неродою, а також співробітниками НІКЗ «Чигирин» С. В. Руденко й О. В. Брель. У 2016—2017 рр. огляд проводився С. В. Руденком та чигиринським краєзнавцем С. Ф. Потапенком.

На захід від с. Іванівка, в центрі мису, на площі 300 × 250 м, на супутникових знімках чітко проступають контури 16 попелястих плям [1] (рис. 1). Більшість з них зосереджені компактно, і тільки зольники 1 і 2 виступають на захід і північний захід. Діаметри плям 10—25 м. Контури одних (№ 1—7, 11—15) чіткі, інші — ледве видно.

При візуальному огляді видно попелясті плями найбільших зольників. Добре фіксуються їх насичені центральні частини діаметром 4—10 м, тоді як периферія, що є на супутни-

1. Враховуючи, що частина площі, на момент зйомки, знаходилась під сільгоспкультурами і погано проглядалась, не можна виключати, що зольників тут у дійсності ще більше.

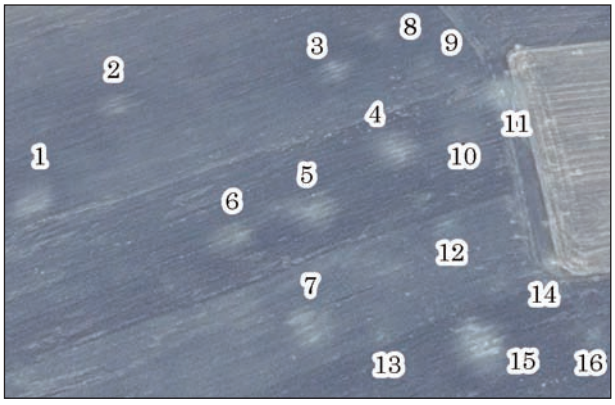


Рис. 1. План зольників біля с. Іванівка (за матеріалами сервісу Google Earth)

© О. Д. МОГИЛОВ, С. В. РУДЕНКО, 2018

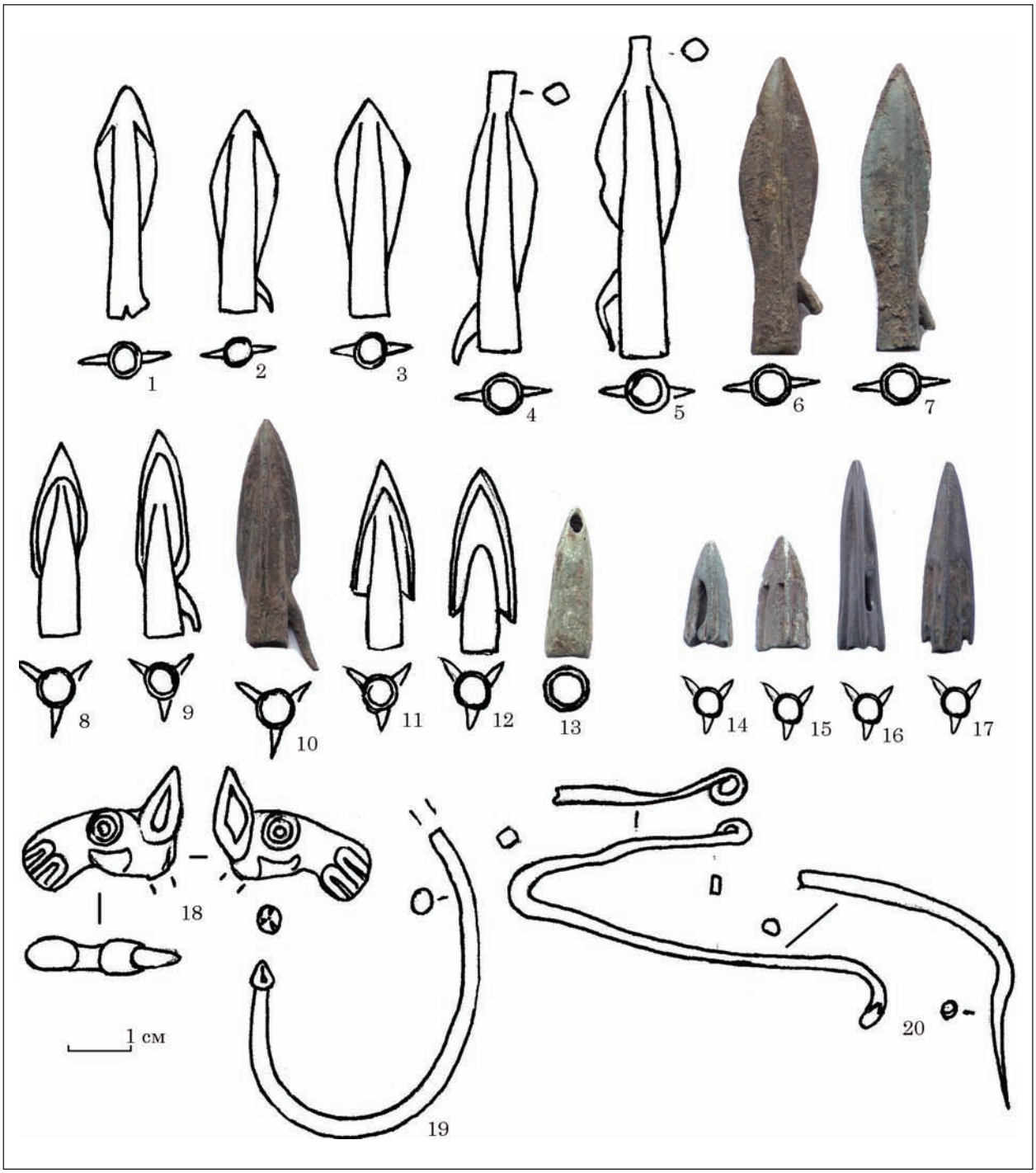


Рис. 2. Бронзові вироби з поселення в Іванівці

кових мапах, з рівня поверхні проглядається слабко. Саме з цих попелястих плям походить більшість знахідок з поселення. Вони насичені кістками тварин, печиною, попелом, деревним вугіллям, а також фрагментами посуду. Трапляються й бронзові вироби.

Бронзові предмети представлені переважно наконечниками стріл. Важлива знахідка двох дволопатевих стріл з литниками, що безперечно свідчить про відливанні їх на поселенні (рис. 2: 4, 5). Найраніше дволопатеве вістря з довгою втулкою (рис. 2: 1) близьке до новочеркаських типів VIII ст. до н. е. (Иессен 1954, с. 8; Тереножкин 1976, рис. 17: 15—18; Скорый 1999, рис. 5: 9). Цікаві ромбічні наконечники, один з яких — з шипом (рис. 2: 2, 3). Подібні знахідки трапляються в курганах пізнього доскіфського періоду (Тереножкин 1976, рис. 9; 16; Ковпаненко, Скорый 2003—2004, рис. 11: 23—28), відомі вони й з Рудковецького городища (Гуцал 2000, рис. 3: 1—8). Такі типи існують і на початку ранньоскіфського часу, в докелермеських пам'ятках (Ильинская 1975, табл. VII: 1—7). До архаїчних ранньоскіфських типів

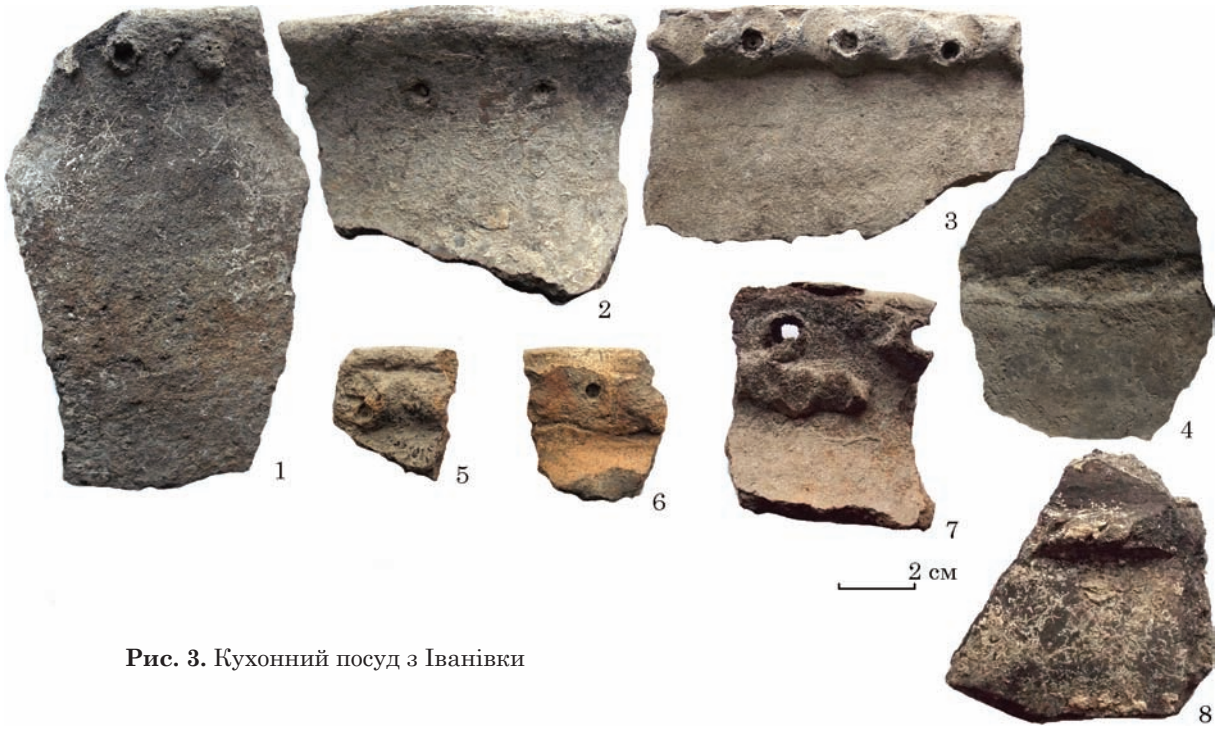


Рис. 3. Кухонний посуд з Іванівки

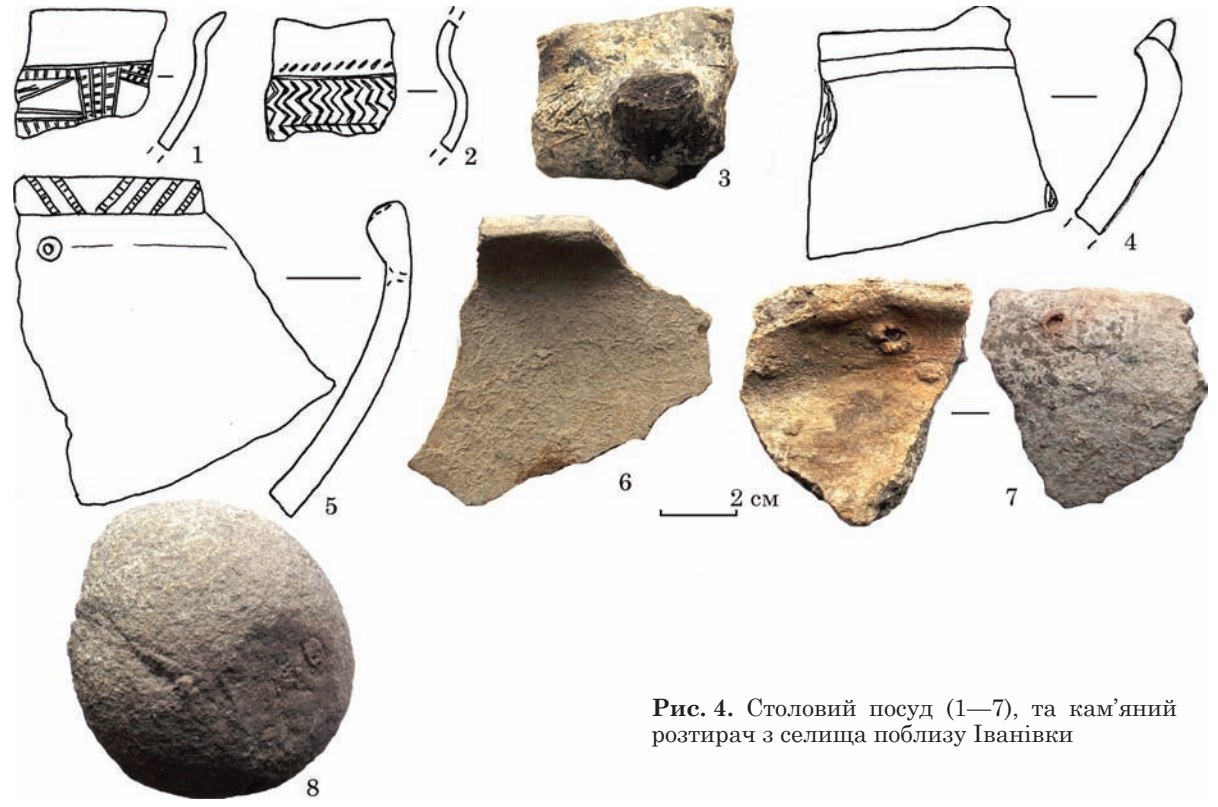


Рис. 4. Столовий посуд (1—7), та кам'яний розтирач з селища поблизу Іванівки

відноситься й дволопатеве овально-ромбічне вістря (рис. 2: 4).

Наступна група наконечників стріл датується келермеським часом (середина VII — перша половина VI ст. до н. е.). Серед них — дволопатеві листовидні стріли з шипом на втулці (рис. 2: 5—7), листовидні й гостролисті трохлопатеві знахідки, іноді — з шипом (рис. 2: 8—10), вістря з трикутною голівкою (рис. 2: 12, 13). Сагайдачні набори з такими типами

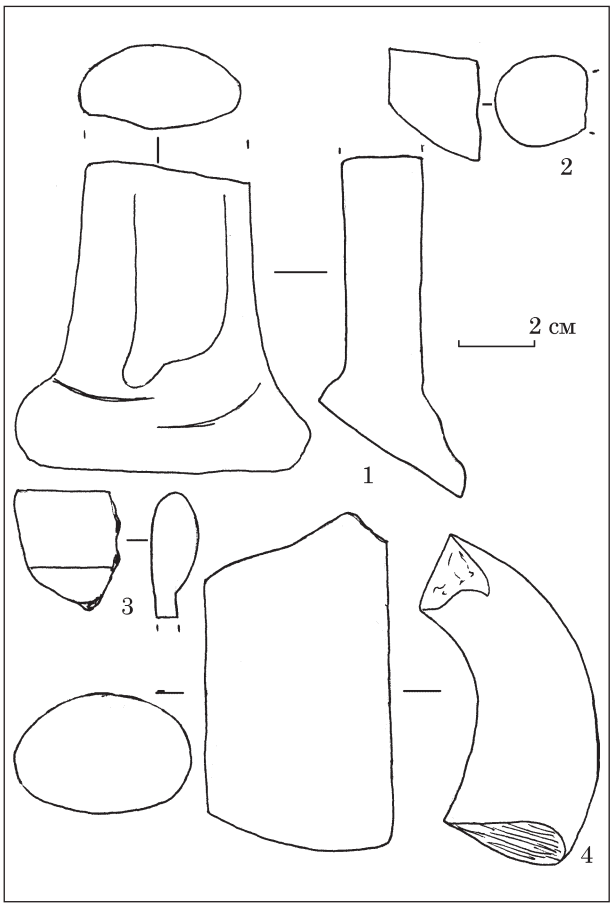


Рис. 5. Фрагменти амфор з Іванівського поселення

добре відомі на Середньому Дністрі (Мелюкова 1953, рис. 28: 1; Смирнова 1979, рис. 8; 10), у Дніпровському Правобережному Лісостепу (Ильинская 1975, табл. XII: 7—9; XXII: 10—15; Ковпаненко 1981, рис. 5: 2—6), в Українському Лісостеповому Лівобережжі (Ильинская 1968, табл. II). Дуже рідким є бронзовий кулеподібний наконечник (рис. 2: 13). Подібна знахідка трапилась під час розкопок 2017 р. на Мотронинському городищі. Інший предмет походить з рову на Жаботинському поселенні (Дараган 2011, рис. II: 20).

Низка наконечників належить до середньоскіфського часу. Серед них —раніші, другої половини VI — першої чверті V ст. до н. е., базисні знахідки з прихованою втулкою, приземистих чи витягнутих пропорцій (рис. 2: 12, 13). А також пізніший наконечник з трикутною голівкою та втулкою, що виступає (рис. 2: 17). Вони частіше трапляються в похованнях другої — четвертої чвертей V ст. до н. е., Всі ці типи добре відомі в різних регіонах Північного Причорномор'я (Галанина 1977, табл. 11; Полін 1987, рис. 4: 6—13; Ильинская 1968, табл. X: 23—25).

Цікава голівка коня з бронзи (рис. 2: 18). Двобічність зображення не дозволяє вбачати в ній частину вуздечної бляхи. Подібна об'ємність характерна для кінців псаліїв та нахрапників. Характер зображення нагадує мотиви кінських голів на ранньоскіфських кістяних трьохдирчастих псаліях (Могилов 2008, рис. 46: 8—12; 48—50). Іноді на ранньоскіфських трьохотворових псаліях трапляються й зооморфні зображення голів (Могилов 2008, рис. 57: 8, 9, 12, 13). Правда, іванівська голівка більш тонка в порівнянні з ними.

З селища в Іванівці походять дві шпильки. Одна — з петельчастою голівкою: тип 21 за В. Г. Петренко, інша — з асиметрично-біконічною голівкою, що має 3 насічки — тип 15. Обидва різновиди мають широкі хронологічні межі (Петренко 1978, с. 18, 15).

Керамічний посуд представлений фрагментами тюльпаноподібних чи з відігнутими вінцями горщиків з проколами під верхом та валиком із защипами по корпусу (рис. 3: 1—4). Це провідний доскіфський тип (Тереножкин 1961, рис. 36: 2), який продовжує побутувати і на початку ранньоскіфської доби (Белозор, Могилов, Скорый 2010, с. 159—161). Інші горщики банкоподібного профілю, з валиком і проколами під вінцями (рис. 3: 3—8) — основна форма келермеських старожитностей середини VII — першої половини VI ст. до н. е. (Смирнова 1977, рис. 3: 4), хоча з'являються вони ще в доскіфський час (Шовкопляс 1952, табл. I: 4; IV: 3; Ковпаненко 1981, рис. 24: 5).

Черпаки з поселення прикрашені врізним геометричним орнаментом, що іноді затертий білою пастою (рис. 4: 1—3). Такий декор характерний для доскіфських лісостепових комплексів VIII ст. до н. е. (Ильинская 1975, табл. XVI: 9, 10; XXII: 7; Скорый 1999, рис. 7: 8, 9; 18: 10). Однак, існував такий посуд й у архаїчних ранньоскіфських пам'ятках (Ильинская 1975, табл. VII: 12, 17).

Миски мають загнутий всередину верх (рис. 4: 4—7). Часто вони декоровані. Виступи над вінцями (рис. 4: 4), з'являються в передскіфський час (Ковпаненко 1981, рис. 15: 5; 28: 4), продовжуючи подекуди існувати в ранньоскіфську добу (Ковпаненко 1981, рис. 31, 15). Один фрагмент має проколи під вінцем (рис. 4: 7). Архаїчно виглядає верх миски з штампованим орнаментом (отвір під її верхом свердлений, і є свідченням ремонтних робіт) (рис. 4: 5). Штампований декор широко розповсюджуються в пізньочорноліських пам'ятках, продовжуючи існувати в жаботинських старожитностях (Тереножкин 1961, с. 64; Смирнова 1984, рис. 7: 1, 2). Пізніше їх знахідки рідкі.

В Іванківцях знайдено й фрагменти античних червоноглиняних амфор (рис. 5). Вони представляють заключний період існування селища в V—IV ст. до н. е. [1] Трапилось 3 фрагменти ручок IV ст. до н. е. (рис. 5: 1, 2, 4). Одна

1. Визначення амфорного матеріалу проведене к. і. н. С. А. Заднiковим, якому ми висловлюємо щиру подяку.

з яких була двохчасною і, вірогідно, належить до продукції Косу (рис. 5: 2). Більш ранніми є вінця червоноглиняної лесбоської амфори V ст. до н. е. (рис. 5: 3).

На поселенні знайдено й гранітний терочник, з одним спрацьованим боком (рис. 4: 8)., поселення існувало досить тривалий час. Доскіфськими знахідками є новочеркаська та ромбічні стріли, фрагменти черпаків з врізним орнаментом. Окремі з цих знахідок продовжують існувати й у ранньоскіфських докелермеських комплексах. Презентабельним є келермеський набір стріл з пам'ятки. Вістря стріл свідчать про існування селища у середньоскіфський час, а окремі фрагменти амфор — й у IV ст. до н. е. Таким чином життя на селищі в Іванівці могло тривати до півтисячоліття, з VIII, по IV ст. до н. е.

ЛІТЕРАТУРА

Белозор, В., Могилов, А., Скорый, С. 2010. Комплексы раннего железного века у с. Козлов на Среднем Днестре. *Tyragetia*, XIX, 1, с. 149-174.

Галанина, Л. К. 1977. Скифские древности Приднепровья, *Свод археологических источников*, Д 1-33, с. 1-68.

Гуцал, А. Ф. 2000. Рудковецьке городище і перший похід скіфів у Придністровський Лісостеп. В: *Давня і середньовічна історія України (історико-археологічний збірник).* Кам'янець-Подільський: Кам'янець-Подільський державний педагогічний університет, с. 69-79.

Дараган, М. Н. 2001. *Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи*. Киев: КНТ.

Иессен, А. А. 1954. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. В: Мерперт, Н. Я. (ред.). *Вопросы скифо-сарматской археологии*. Москва: АН СССР, с. 112-131.

Ильинская, В. А. 1968. *Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья*. Киев: Наукова думка.

Ильинская, В. А. 1975. *Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин*. Киев: Наукова думка.

Ковпаненко, Г. Т. 1981. *Курганы раннескифского времени в басейне р. Рось*. Киев: Наукова думка.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1989. *Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион).* Киев: Наукова думка.

Ковпаненко, Г. Т., Скорый, С. А. 2003—2004. Ольшана: погребение предскифского времени в Днепровской Правобережной Лесостепи. *Stratum plus*, 3, с. 265-288.

Мелюкова, А. И. 1953. Памятники скифского времени на Среднем Днестре. *Краткие сообщения ИИМК*, 51, с. 60-73.

Могилов, О. Д. 2008. *Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи*. Київ, Кам'янець Подільський: ІА НАНУ.

Петренко, В. Г. 1978. *Украшения Скифии VII—III вв. до н. э*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 4-5.

Покровская, Е. Ф. 1955. *Отчет о разведках Среднеднепровской Правобережной экспедиции*. НА ІА-НАНУ, 1955/5в.

Полін, С. В. 1987. Хронологія ранньоскіфських пам'яток. *Археологія*, 59, с. 17-36.

Скорый, С. А. 1999. *Киммерийцы в Украинской Лесостепи*. Киев, Полтава: Археология.

Смирнова, Г. И. 1977. Курганный могильник раннескифского времени у села Долиняны. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 18, с. 229-40.

Смирнова, Г. И. 1979. Курганы у с. Перебыковцы — новый могильник скифской архаики на Среднем Днестре. *Труды Государственного Эрмитажа*, XX, с. 36-67.

Смирнова, Г. И. 1984. О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре по материалам поселения Днестровка-Лука. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 25, с. 43-60.

Тереножкин, А. И. 1961. *Предскифский период на Днепровском Правобережье*. Киев: АН УССР.

Тереножкин, А. И. 1976. *Киммерийцы*. Киев: Наукова думка.

Тереножкин, А. И., Ильинская, В. А. 1970. *Отчет о работе Скифской Среднеднепровской экспедиции ИА АН УССР в 1970 г.* Науковий архів ІА НАНУ, 1970/14.

Шовкопляс, І. Г. 1952. Курганний могильник передскіфського часу на Середньому Дністрі. *Археологічні пам'ятки УРСР*, IV, с. 5-11.

REFERENCES

Belozor, V., Mogylov, A., Skoryy, S. 2010. Kompleksy rannego zheleznogo veka u s. Kozlov na Srednem Dnestre. *Tyragetia*, XIX, 1, s. 149-174.

Galanina, L. K. 1977. Skifskiye drevnosti Pridneprovia. *Svod arheologicheskih istochnikov*, D 1-33, s. 1-68.

Hutsal, A. F. 2000. Rudkovetske horodyshche i pershyi pokhid skifiv u Prydnistrovskyi Lisostep. In: *Davnia i serednovichna istoriia Ukrainy (istoryko-arkheolohichnyi zbirnyk).* Kam'ianets-Podilskyi: Kam'ianets-Podilskyi derzhavnyi pedahohichnyi universytet, s. 69-79.

Daragan, M. N. 2001. *Nachalo rannego zheleznogo veka v Dneprovskoy Pravoberezhnoy Lesostepi*. Kiev: KNT.

Iessen, A. A. 1954. Nekotoryye pamyatniki VIII—VII vv. do n. e. na Severnom Kavkaze. In: Merpert, N. Ya. (ed.). *Voprosy skifo-sarmatskoy arkheologii*. Moskva: AN SSSR, s. 112-131.

Ilinskaya, V. A. 1968. *Skify Dneprovskogo Lesostepnogo Levoberezhia*. Kiev: Naukova dumka.

Ilinskaya, V. A. 1975. *Ranneskifskiye kurgany basseyna r. Tyasmin*. Kiev: Naukova dumka.

Kovpanenko, G. T. 1981. *Kurgany ranneskifskogo vremeni v baseyne r. Ros*. Kiev: Naukova dumka.

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoryy, S. A. 1989. *Pamyatniki skifskoy epokhi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezhia (Kievo-Cherkasskiy region).* Kiev: Naukova dumka.

Kovpanenko, G. T., Skoryy, S. A. 2003—2004. Olshana: pogrebeniye predskifskogo vremeni v Dneprovskoy Pravoberezhnoy Lesostepi. *Stratum plus*, 3, s. 265-288.

Melyukova, A. I. 1953. Pamyatniki skifskogo vremeni na Srednem Dnestre. *Kratkie soobshchenija IIMK*, 51, s. 60-73.

Mogylov, O. D. 2008. *Sporiadzhennia konia skifskoi doby u Lisostepu Skhidnoi Yevropy*. Kyiv, Kam'ianets Podilskyi: IA NANU.

Petrenko, V. G. 1978. *Ukrasheniya Skifii VII—III vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Svod arheologicheskih istochnikov, D 4-5.

Pokrovskaya, E. F. 1955. *Otchet o razvedkakh Srednedneprovskoy Pravoberezhnoy ekspeditsii*. NA IANANU, 1955/5v.

Polin, S. V. 1987. Khronolohiia rannoskifskykh pam'iatok. *Arkheolohiia*, 59, s. 17-36.

Skoryy, S. A. 1999. *Kimmeriytsy v Ukrainskoy Lesostepi*. Kiev. Poltava: Arkheologiya.

Smirnova, G. I. 1977. Kurgannyy mogilnik ranneskifskogo vremeni u sela Dolinyany. *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 18, s. 229-40.

Smirnova, G. I. 1979. Kurgany u s. Perebykovtsy — novyy mogilnik skifskoy arkhaiki na Srednem Dnestre. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, XX, s. 36-67.

Smirnova, G. I. 1984. O formirovanii pozdnechernolesskoy kultury na Srednem Dnestre po materialam poseleniya Dnestrovka-Luka. *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 25, s. 43-60.

Terenozhkin, A. I. 1961. *Predskifskiy period na Dneprovskom Pravoberezhye*. Kiev: AN USSR.

Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmeriytsy*. Kiev: Naukova dumka.

Terenozhkin, A. I., Ilinskaya, V. A. 1970. *Otchet o rabote Skifskoy Srednedneprovskoy ekspeditsii IA AN USSR v 1970 g*. NA IA NANU, 1970/14.

Shovkoplias, I. H. 1952. Kurhannyi mohylnyk peredskifskoho chasu na Serednomu Dnistri. *Arkheolohichni pamjatky URSR*, IV, s. 5-11.

O. D. Mogylov, S. V. Rudenko

THE SETTLEMENT OF THE EARLY IRON AGE NEAR S. IVANIVKA IN TYASMYN REGION

The article is devoted to the publication of the materials of the settlement of the Early Iron Age near Ivanivka in the Tyasmyn river region. Archaeological reconnaissance here revealed the emergence of cultural strata, represented by animal bones, ceramic moldings and imported antique utensils, arrowheads, pins. The materials date back to the pre-Scythian and Scythian period: VIII—IV centuries BC.

Keywords: settlement, early Iron Age, Scythian time, Pre-Scythian period, dishes, arrowheads.

Одержано 21.02.2018

МОГИЛОВ Олександр Дмитрович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *mogilovod@gmail.com*.

MOGYLOV Oleksandr Dmytrovych, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukrayna, *mogilovod@gmail.com*.

РУДЕНКО Сергій Вікторович, завідувач Сектору археологічних досліджень НІКЗ «Чигирин», вул. Першотравнева, 30, м. Чигирин, Черкаська обл., 20901, Україна, *serhii_rudenko@ukr.net*.

RUDENKO Serhiy Viktorovych, head of the Branch of Archeological Researches NIKZ «Chygyryn», Pershotravneva st., 30, Chygyryn, Cherkasy region, 20901, Ukraine, *serhii_rudenko@ukr.net*.

УДК: 904.5(477.41)”6383”

В. В. Романюк, Д. С. Гречко, О. Д. Могилов

ДОСЛІДЖЕННЯ КУРГАНІВ РАННЬОГО ЗАЛІЗНОГО ВІКУ В ПОРОССІ

Стаття присвячена публікації матеріалів курганів раннього залізного віку поблизу м. Тараща в басейні р. Рось.

Ключові слова: *Лісостеп, ранній залізний вік, курган, поховальний обряд, кремація, вторинне поховання, керамічний посуд.*

Світлана Сергіївна Бессонова відома всім не тільки як знаний фахівець з археології раннього залізного віку, що провела масштабні дослідження багатьох пам’яток, але й як наставник, що сприяла науковому росту багатьох археологів. Завжди відкрита до спілкування, вона радо ділиться своїм досвідом, знаннями с колегами, надихаючи їх на нові наукові звершення. Отримувати її цінні поради, настановлення, консультації пощастило й авторам цієї роботи.

Перше знайомство одного з авторів цієї статті — В. В. Романюка зі Світланою Сергіївною відбулося в 1989 р. в Інституті археології АН УРСР. Тоді йому необхідно було отримати консультацію з атрибуції знахідок. За іронією долі, вони відносилися саме до ранньоскіфської доби, що в подальшому і визначило майже 30-річну співпрацю.

Під час спілкування Світлана Сергіївна запропонувала прийняти участь в експедиції «Холодний Яр», і, по закінченню польового сезону на Мотронинському городищі, розпочати дослідження пам’яток в урочищі Лиса Гора поблизу м. Тараща. Пропозиція була підтримана і при Таращанському районному будинку піонерів та школярів був створений археологічний клуб «Неврида», який в подальшому став невід’ємною часткою експедиції протягом багатьох років, а запорукою тому були комфортні умови, простота в спілкуванні з школярами та студентами, високий рівень польових навичок. Холодноярська експедиція стала для них своєрідною «alma mater», адже отриманий досвід переносився на дослідження старожитностей Таращанщини, яка входила в коло історико-культурних процесів Поросся. Відправною точкою систематичних досліджень, починаючи з 1989 р., стали обстеження ділянок з культурним шаром скіфської доби в центральній частині м. Тараща та охоронні розкопки зольника ранньоскіфської доби в урочищі Лиса Гора в якому брали участь співробітники Відділу археології раннього залізного віку ІА АН УРСР С. С. Бессонова, С. А. Скорий, С. В. Махортих. В подальшому, протягом 1990-х рр., археологічним клубом «Неврида» проводилися розвідки, охоронні розкопки та картографування городища ранньоскіфської доби в м. Тараща, дослідження зольників чорноліської культури та ранньожаботинського часу в урочищі Лиса Гора. Найбільша увага приділялася поховальним пам’яткам, більшість з яких знаходилася в лісових масивах. Зокрема, в 1995 р. було досліджено два кургани жаботинського часу на могильнику, який складався із 19 насипів між урочищем Лиса Гора та хут. Новоселиця біля м. Тараща. Світлана Сергіївна, попри зайнятість, завжди знаходила час, приїздити не тільки на розкопки, а й на розвідки поселенських пам’яток скіфської доби Таращанщини, яких на сьогоднішній день нараховується майже півсотні. Результати польових досліджень завжди оперативно вводилися в науковий обіг.

Завдяки клопіткій праці Світлани Сергіївни, що очолювала археологічну експедицію «Холодний Яр», на «Мотронах», отримало життєвий досвід ціле покоління молоді. Дослід-

© В. В. РОМАНЮК, Д. С. ГРЕЧКО, О. Д. МОГИЛОВ, 2018

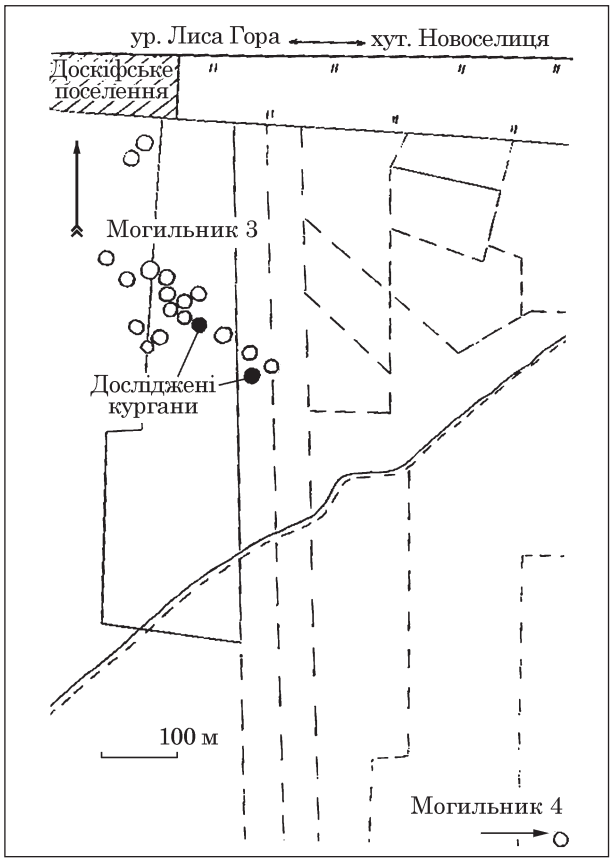


Рис. 1. План курганного могильника III в ур. Лиса Гора Таращанського р-ну Київської обл.

ниця протягом багатьох років була не тільки науковим консультантом археологічного клубу «Неврида», а й незмінним рецензентом в науково-дослідних роботах членів Малої академії наук України.

За вагомий внесок в історико-культурну спадщину Таращанщини, на День міста, 28 вересня 2002 р., рішенням міської ради, Світлані Сергіївні Бессоновій було видане посвідчення почесного громадянина м. Тараща. Результатом наукової співпраці з видатним фахівцем-скіфологом стало відкриття історико-природничого музею «Перлини Поросся» при Таращанському районному ЦТДЮ в 2008 р., в якому Світлана Сергіївна приймала найактивнішу участь. Наказом Міністерства освіти і науки України, за збереження історико-культурної спадщини українського народу та Музейного фонду України, 18.01.2011 р. установі присвоєно звання та видано диплом «Зразковий музей». В жовтні 2018 р. музею виповнюється 10 років.

Як відомо, різним регіонам Північного Причорномор'я епохи раннього заліза властиві свої індивідуальні особливості. Це стосується, зокрема, й Дніпровського Лісостепового Правобережжя. Населене в доскіфський та скіфський часи місцевим осілим населенням, воно піддавалося й проникненню іраномовних номадів з півдня. Цікавим локальним регіоном на цих теренах є басейн річки Рось. Місцеві поховальні пам'ятки виділяються поширенням культу вогню в заупокійному ритуалі. Цікаві данні такої обрядності були простежені в курганах біля м. Тараща Київської області.

У вересні—листопаді 1995 р. проводились дослідження курганів розташованих між урочищем Лиса Гора і хут. Новоселиця поблизу м. Тараща. Роботу вів загін очолюваний В. В. Романюком, що працював в складі експедиції «Холодний Яр» під керівництвом С. С. Бессонової. Могильник, матеріали якого досі знайшли відображення лише у короткій публікації (Романюк, Бессонова 1998, с. 83—85), займав місце на лісовій терасі правого берега р. Котлуй — правого притоку Росі. Він локалізувався в північно-західній частині кварталу 3 таращанської ділянки Богуславського ЛХЗ в зоні вирубки лісу. Некрополь складався з 19 невеликих насипів, що утворювали ланцюжок довжиною близько 300 м, із скупченням курганів у центрі. Два насипи відстояли від цього скупчення на 120 м на північ, при цьому, кургани 11, 26 і 27 розташовувалися у південно-східній частині ланцюжка, а курган 27/3 замикав його [1]. Цікаво, що на північ від курганної групи локалізувалось передскіфське поселення (рис. 1).

У 1995 р. були розкопані два кургани — № 26 і 27/3, що входили до складу могильника III. Насипи розкопувалися вручну «під знос», з залишенням трьох (к. 26) або однієї (к. 27/3) бровок, орієнтованих у меридіональному напрямку. Частково також досліджено міжкурганний простір.

Курган 26 мав круглу в плані форму. Його діаметр 14 м, висота 0,65 м. Насип зверху складався з тонкого (близько 10 см) ґрунтово-рослинного шару темно-сірого кольору. Під ним йшов прошарок супіску жовтуватого кольору товщиною 15—30 см, що переходив нижче в ущільнений супісок світло-сірого кольору. Товщина цього шару в центрі досягала 75 см. Насип був зведений на материковому глиняному ґрунті бурого кольору. Верхній шар цього ґрунту був відсутній. Можна припускати, що його було зрізано перед зведенням насипу. Рівень підкурганної поверхні нижче рівня сучасної — на 40 см (рис. 2).

Під центром курганного насипу виявлено ***могильну яму*** великого розміру, яка орієнтована у меридіональному напрямку. Форма її прямокутна, із закругленими кутами, розмірами 4,7 × 3,4 м, та глибиною 0,75 м від рівня підкурганної поверхні. З південного боку розташовувався невеликий похилий вхід-дромос розмірами 1,35 × 0,40 м, й глибиною 40 см. Він

1. Спочатку тут було помітно лише один курган. Але після вирубки лісу восени 1995 року, виявили ще два насипи. Оскільки кургани некрополя вже мали послідовні порядкові номери, то три насипи отримали № 27/1, 27/2, 27/3.

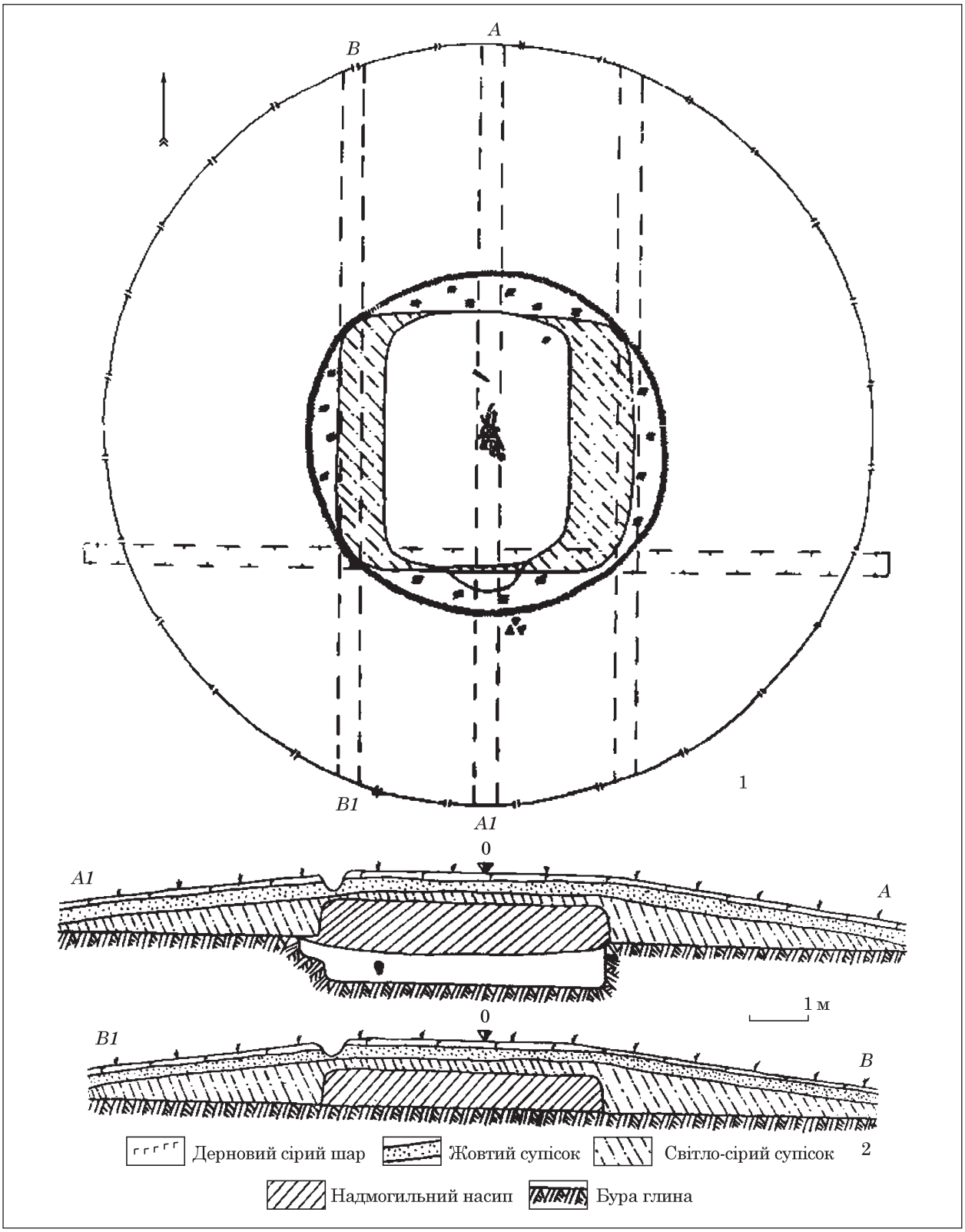


Рис. 2. Лиса Гора, курган 26: 1 — план; 2 — профілі бровок

відокремлений від дна могили сходинкою висотою 35 см (рис. 3: 1). Яма й частково вхід в неї були перекриті *надмогильним майданоподібним насипом* з щільної глини. Форма його підпрямокутна, з закругленими кутами. Розміри 5,45 × 4,8 м, бічні сторони майже вертикальні, вгорі закруглені, верх майданчика рівний. Орієнтований він у широтному напрямку, тобто перпендикулярно могилі, й повністю перекриває її, за винятком частини входу. З заходу та сходу він виходить за межі ями відповідно на 0,9 і 1,15 м. Майданчик споруджений з ущіль-

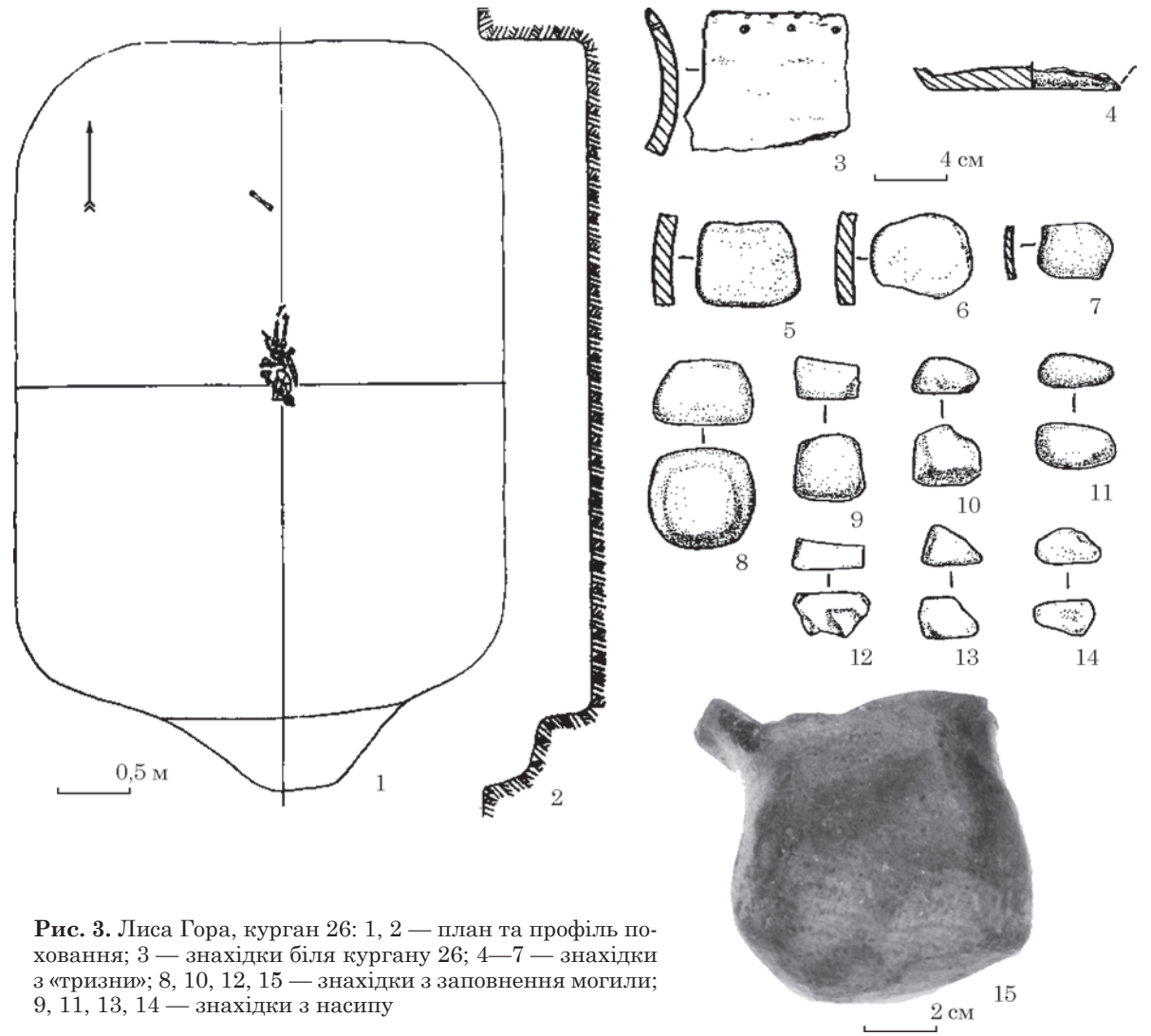


Рис. 3. Лиса Гора, курган 26: 1, 2 — план та профіль поховання; 3 — знахідки біля кургану 26; 4—7 — знахідки з «тризни»; 8, 10, 12, 15 — знахідки з заповнення могили; 9, 11, 13, 14 — знахідки з насипу

неної бурої глини, за текстурою практично не відрізнявся від материка і заповнення могильної ями.

Навколо глиняного майданчика на підкурганній поверхні простежувалася кругла *пляма від вогнища* помаранчевого кольору, з товщиною пропаленого шару до 3—5 см. Її розміри 6,7 × 6,35 м, форма — трохи витягнута у широтному напрямку. По краю вогнища простежувалися фрагменти обвуглених колод товщиною близько 16 см.

Нижній шар майданчика дещо просів в могильну яму, верхній горизонт заповнення якої (товщиною 25 см), що складався також з бурої глини, був її продовженням (рис. 2). Контури могильної ями через це практично не проглядалися на підкурганній поверхні. Оскільки верх майданчика був рівним, він, судячи з усього, був повністю зведений після того, як заповнення могильної ями просіло. Останнім етапом в будівництві кургану було спорудження круглого насипу з супіску.

Заповнення могильної ями складалося з бурої глини з фракціями грудок білого кварцового піску, обпаленого ґрунту, фрагментів глиняних, овальних в перетині вальків, а також включень сажі. Кістки та череп чоловіка 50—55 років [1] були щільно забиті ґрунтом, стінки і дно ями слідів випалу не мали. Вхід в яму був заповнений шаром прожареного ґрунту товщиною 10 см. Дно ями рівне.

На дні, майже в центрі, знайдено обпалену верхню частину людського черепа, який лежав на правому боці, тім'ям на схід, лицьовою частиною на північ. Череп щільно забитий пісковим сірим ґрунтом. Біля лицьової частини лежали залишки лопаток і кілька шийних хребців, за ними — рештки щелепи, два фрагменти ребер і кістки ніг, одна з них розламана. Ще одна гомілкова кістка лежала дещо вище потиличної частини черепа. Вона перерубана навскіс,

1. Визначення антропологічного матеріалу з курганів провела Л. В. Литвинова.

епіфіз відсутній. На відстані 0,35 м на північ від кісток ніг лежала ліктьова кістка. Таким чином, кістки лежали компактною купкою не в анатомічному порядку, багато частин скелета були відсутні. Вони мали слабко обпалену поверхню з нальотом сажі, причому залишки лопаток мали додатково червонуватий наліт. Можливо, це сліди вохри.

Біля потиличної частини черепа знаходився глибокий черпак з відбитою ручкою (1). Навколо кісток знайдено кілька шматочків мінеральної фарби. У заповненні ями зафіксовано велику кількість кварцової гальки, шматків граніту і кремнію, що потрапили сюди, очевидно, разом із глиною. У північно-східному кутку, на глибині 20 см від рівня підкурганної поверхні, було знайдено гранітний розтиральник (2).

На відстані близько 1 м на південний схід від входу в могилу було виявлено скупчення обпалених фрагментів кераміки (23 од.). Вони належать різним посудинам, багато фрагментів мали затерті краї та сліди перебування у вогні. Серед них чотири вінця різних мисок (3—5), один фрагмент вінця горщика (6), 17 стінок ліпних посудин і один фрагмент дна горщика (7).

За межами кургану на глибині 40—50 см знайдено кілька фрагментів кераміки, в тому числі вінця великого горщика, прикрашеного по краю дрібними пальцево-нігтьовими вдавленнями і проколами (8).

1. Глибокий черпак з опуклим тулубом, дещо звуженою шийкою та поволі відігнутими вінцями. Дно плоске. Від вінець відходить вгору відбитий відросток ручки, що звужується на кінці (рис. 1: 15; 5: 9). Висота посудини 6,7—8 см, діаметр вінець — 7 см, тулубу — 7,6 см, дна — 5,5 см. Глина щільна, з домішкою гранітної жорстви, світло-коричневого кольору. Один бік посудини носить сліди перебування у вогні, він обпалений до чорного кольору, на стінках зовні та всередині — наліт сажі. На внутрішній поверхні видно також невелику розмиту пляму червонувато-помаранчевого кольору. Цікаво, що слідів прикріплення другого кінця ручки на тулубі немає. Якщо це не керамічний брак, то маємо дуже рідкий тип черпаків раннього залізного віку, в яких ручка кріпиться до тулубу кінцем тільки в одному місці. Інший же край — «вільний».

2. Гранітний розтиральник в формі низького зрізаного конусу з закругленими гранями (рис. 3: 8). Висота — 3,7 см, діаметр в середній частині — 5,5 см, розміри більшої основи 5,7 × 5,3 см. Обидві основи стерті. Одна з них пофарбована в червонувато-коричневий колір. Можливо предмет використовувався для розтирання природних фарб.

3. Вінця миски з горизонтально зрізаним краєм, по зрізу — косі насічки. З двох боків миска підлощена. Розміри фрагмента 5 × 4,5 см (рис. 5: 14).

4. Два фрагменти вінець миски з горизонтально зрізаним краєм і круглим отвором під ним (рис. 5: 11).

5. Вінця миски, прикрашеної з середини дрібними наколами, що утворюють ззовні «горошини». Розміри 2 × 3,9 см (рис. 5: 13).

6. Вінця горщика, прикрашені під верхнім краєм тонким наліпним валиком з нігтьовими вдавленнями і «горошинами», яким зсередини відповідають наколи. Розміри фрагменту 3,5 × 2,2 см (рис. 5: 15).

7. Фрагмент дна горщика з щільної чорної глини (3: 4).

Серед фрагментів кераміки виділяються кілька стінок зі сточеними з усіх боків краями (рис. 3: 5—7).

Курган 27/3 мав насип круглої в плані форми зі сплощеною вершиною. Діаметр 10 м, висота 0,5 м (рис. 4). З півночі основу насипу прорізано канавою лісової меліорації, глибиною 25 см і шириною 40 см. Зверху насип складався з піскового злегка опідзоленого шару з рослинністю темно-сірого кольору потужністю 10 см. Далі йшло близько 20 см пухкого супіску жовтуватого кольору. Нижче лежали щільні суписки світло-сірого кольору потужністю 30—40 см, що відповідають ґрунтам давньої денної поверхні і передматерикового шару. Перехід між цим і попереднім шарами нечіткий та розпливчастий. Насип зведений на материкових бурих до темно-коричневого кольору глинах, з прошарками білого кварцового піску і залізно-марганцевими домішками потужністю 1 м. Нижче йшов вже шар блідо-зеленуватої глини з іржавими плямами оксидів заліза. У бурих глинах викопана могильна яма, з них же споруджений надмогильний насип — майданчик.

У насипові кургану знайдено кілька фрагментів стінок ліпного посуду з затертими краями і зкол кристалу польового шпату — ортоклазу. За межами кургану на глибині 0,4 м, тобто на рівні давнього горизонту, знайдено 8 фрагментів стінок ліпного посуду.

Під центром кургану виявлено *могильну яму* прямокутної форми з заокругленими краями розмірами 2,30 × 1,66 м, орієнтовану в меридіональному напрямку (рис. 5: 1—3). Її глибина від сучасної поверхні — 1,2 м, від рівня підкурганної поверхні — 0,8 м. Рівень стародавнього горизонту не простежується. З південного боку могильної ями пологий вхід — дромос розмірами 0,64 × 0,38 м і глибиною 0,25—0,8 м., могильна яма, як і в кургані 26, була перекрита *майданоподібним насипом* з ущільненої бурої глини, що мав форму зрізаного низького конуса висотою 0,4 см. Верх майданчика рівний, його діаметр 4 м. Діаметр основи 4,5 м. Вона була зведена на пропеченому материковому ґрунті, після скопування верхнього шару, а також прошарку материкової глини завтовшки близько 20 см. Ця глина згодом пішла на спорудження надмогильного майданчика. Площа, на якій

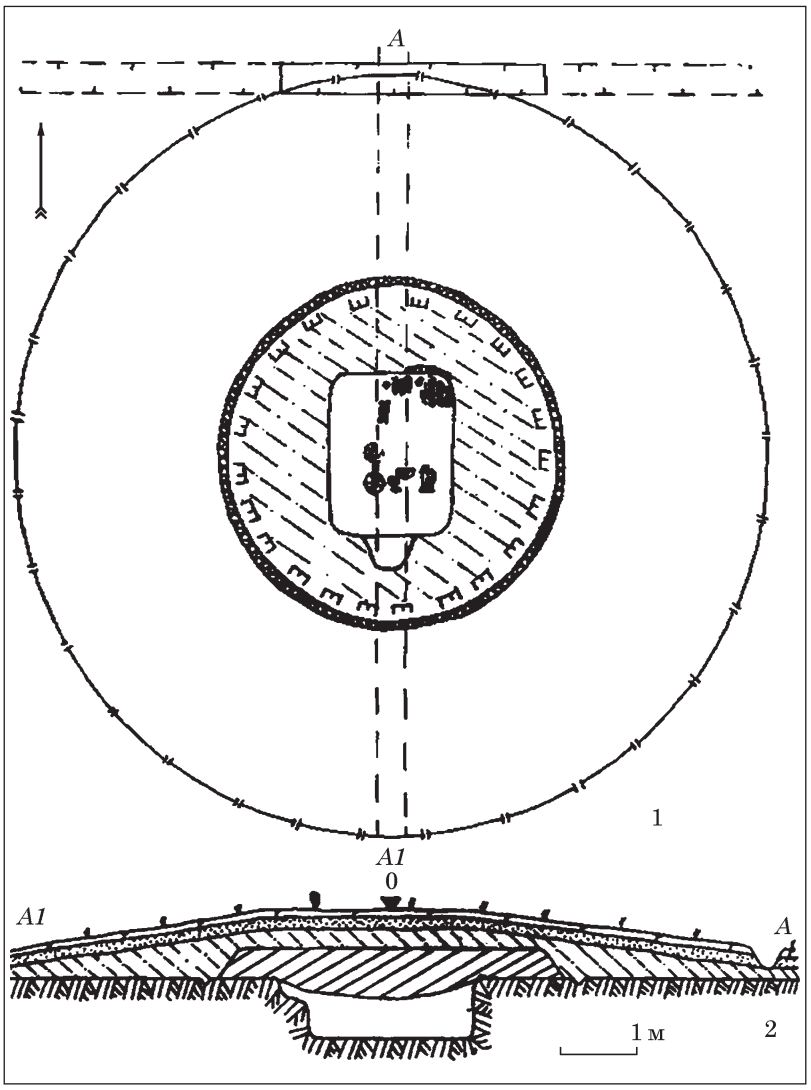


Рис. 4. Лиса Гора, курган 27/3: 1 — план; 2 — профіль бровки

вона була споруджена, — обпечена, ймовірно, перед зведенням майданчика. Материковий ґрунт під нею був прожарений, зустрічалися дрібні деревні вуглинки. Основа глиняного майданчика також була пропечена до помаранчевого кольору на глибину 3 см, особливо — по периметру.

Глиняний майданчик на рівні підкурганної поверхні був обведений на відстані 0,15 м від її краю дрібним, напівкруглим в перетині *рівчаком*, шириною 10—15 см і глибиною 10 см. Рівчак був заповнений прожареним до помаранчевого кольору ґрунтом.

Біля північного краю могильної ями, на рівні підкурганної поверхні, зберігся глиняний валик з загладженої поверхнею світло-жовтого кольору, довжиною 0,5 і шириною 0,1 м, з плавно загнутим одним краєм. Цей глиняний валик ніби оконтурював північно-східний край ями. Фрагменти інших глиняних вальків були знайдені також у верхньому горизонті заповнення могильної ями. Зокрема, біля північної стіни могили знайдені три округлих валька світло-жовтого кольору розмірами 18—20 × 8 см.

Верхня частина могильної ями, на глибину 0,25 м від краю, була заповнена бурою ущільненою глиною, яка була природним продовженням ґрунту надмогильної насипу, який просів в яму. Нижче рівня осідання, до самого дна яма була щільно забита бурими глинами упереміш з білим кварцовим піском, деревними дрібними вуглинками, серед яких зустрічалися і виразні шматки обвугленої деревини, а також фрагменти ґрунту з чорною сажею.

Дно могили рівне. На ньому, в південній половині, поблизу центру було знайдено два людські черепи, а в північній половині — лежали дві ліктьові кістки рук і купка інших кісток, в тому числі — довгі кістки ніг, в північно-східному кутку. Череп 1 знаходився на відстані 0,25 м на південний схід від центру ями. Збереглася лише верхня його частина покладена на правий бік, тім'ям на південь, лицьовою частиною на схід. Череп обпалений, забитий щільним сірим ґрунтом. Під ним простежувалися дрібні деревні вуглинки. Череп 2 знаходився на відстані 25 см на захід від центру ями і 35 см на північний захід від черепа 1. Він виявився розчавлений землею. Череп лежав на правому боці, тім'ям на захід, лицьовою частиною на південь, поруч знайдено й кілька зубів. Ближче до північної стінки ями, на відстані 30 см на північ від черепа 2, знайдені дві ліктьові кістки рук дуже поганому стані. У північно-східній частині могили, біля самого краю, на одному рівні з черепами, знайдені людські кістки, складені купкою без будь-якої системи. Серед них довгі кістки ніг, шматки ребер, частини кісток тазу і кілька дрібних, погано збережених кісток. Кістки в могилі мали слабко обпалену поверхню і наліт сажі. Кістки належали чоловіку 45—50 років та дитині — підлітку 7—(13—14) р.

Біля черепів знайдені чотири глиняні посудини і фрагмент залізного стержня. На схід від черепа 1, на відстані 25 см і на одному рівні з ним, знаходився роздавлений ліпний горщик (1). Він лежав на боці, горловиною на південь. Біля дна було виявлено кілька стінок іншого ліпної посудини. Неподалік потиличної частини черепа знайдено горщик банкоподібної форми (2), забитий доверху сірим ґрунтом, взятим

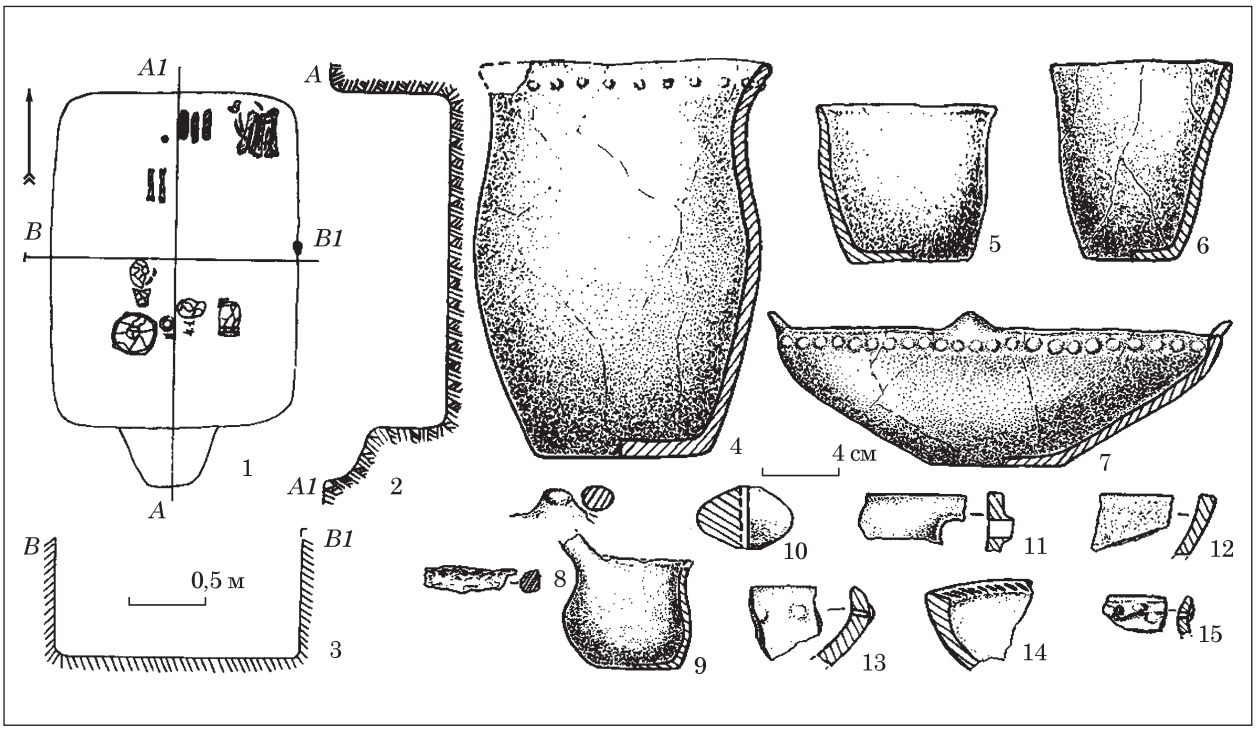


Рис. 5. Лиса Гора, курган 27/3: 1—3 — план та профілі поховання; 4, 8—10 — знахідки з могили; 9 — посудина з могили кургану 26; 11—15 — знахідки з «тризни» кургану 26

з древнього горизонту. До половини горщик був заповнений зотлілою травою. Біля самого його вінця знайдено ошлакований шматочок залізного стержня (3). У 10 см на захід від банкоподібного горщика лежала догори дном розчавлена ліпна миска (4), а поряд з нею, поруч із лицевою частиною черепу 2 — невеликий горщик тюльпаноподібної форми (5).

Біля центру північної стіни знайдено глиняне біконічне пряслице (6) з нальотом сажі і слідами перебування у вогні. На рівні черепів і кісток в ґрунті зустрічалися шматочки рум'ян (?), які представляли собою мінеральну суміш гематиту-кровавика на восковій основі. Крім того, в заповненні ями знайдено лощило (7).

1. Горщик тюльпаноподібного профілю з відігнутими вінцями (рис. 5: 4). З середини він орнаментованиий і наколами (з відповідними дрібними «горошинами» ззовні), і наскрізними проколами. Причому наколів більше, ніж проколів. Висота посудини 21 см, діаметр вінець 16 см, тулубу — 16,5 см, дна — 8,5—9 см. Глина світло-коричнева з домішкою гранітної жорстви, поверхня плямиста, місцями обпалена до яскраво-помаранчевого кольору (вірогідно — це сліди вторинного впливу вогню).

2. Мініатюрний горщик асиметричної форми з відігнутими назовні вінцями. Він зберігся повністю, за виключенням кількох фрагментів вінець Висота посудини 7,5—8,3 см, діаметр вінець — 9,7 см, тулубу — 8,5 см, дна — 6,5—6,7 см. Тісто з великим вмістом гранітної жорстви. Поверхня нерівна, загладжена та злегка підлощена. Дно нерівне, з рідкими відбитками зернівок й інших вигорілих домішок. На внутрішній поверхні — чорна пляма від дії вогню (рис. 5: 5).

3. Ошлакований шматочок залізного стержня з невеликим потовщенням по центру. Довжина 2,7 см, перетин 0,7 см (рис. 5: 8).

4. Миска з плавно загнутим всередину краєм і невеликим денцем. По краю вона орнаментована наколами зсередини, яким зовні відповідають «горошини», і чотирма пелюсткоподібними виступами. Висота 8,5 см, діаметр вінець 27 см, діаметр дна 8,5 см, розмір виступів 2,5—3 × 0,8—1 см. Внутрішня поверхня підлощена, чорна, зовнішня — плямиста червоно-коричневого кольору. Тісто з домішкою гранітної жорстви (рис. 5: 7).

5. Недбало виліплений горщик тюльпаноподібної форми, зі стінками й вінцями, що плавно розширюється вгору. Причому горло виражено лише з одного боку, а з іншого — стінка посудини майже пряма. Висота горщика 10,8 см, діаметр вінець 10,3—10,5 см, тулубу — 8,5—9 см, дна 5,2—5,5 см. Поверхня бурого кольору, плямиста, нерівно загладжена, з великим вмістом річкового грубозернистого піску (рис. 5: 6).

6. Біконічне пряслице цегляного кольору зі слідами перебування у вогні й нальотом сажі. Діаметр предмета — 3 см, висота 1,7 см, діаметр отвору 0,6 см (рис. 5: 10).

Відзначимо, що невеликі горшкоподібні посудини (2 і 4) виготовлені досить недбало, й справляють враження спеціально виготовлених для поховального обряду. Сліди впливу

вогню на поверхні посудин можуть свідчити про їх використання в поховальних обрядах та ритуалах.

7. Лощило з амфіболіту підтрикутної форми, з закругленими краями й однією стертою робочою частиною. Розміри його 3,5 × 3,2 × 3 см, товщина 2 см (рис. 3: 10).

Кургани біля Таращі містили поховання-тілоспалення, що здійснені «на стороні». В даному випадку мова йде про спалення не в могильній ямі, оскільки стінки й дно останніх не мали слідів дії вогню. Натомість біля могили, на поверхні простежені в одному випадку сліди округлого вогнища, а в іншому навколишньої пропаленої поверхні. Вірогідно, саме тут і здійснювалась кремація. Якщо сліди рубання на одній з кісток з-під насипу 26 одночасові похованню, й не є слідами передсмертного поранення, то можемо припускати, що небіжчики могли піддаватися ще й діям з розчленування. Такі дії демембрації останнім часом простежено у низці пам'яток раннього залізного віку в Українському Лісостепу (Гречко 2014—2015, с. 182—193). Не можна виключати і обпалу кісток з інвентарем після первинного поховання.

Цікаво, що у вогні побували й деякі посудини та залізний стержень.

Загалом поховальний обряд курганів можна уявити наступним чином. На місці поховання знімався шар ґрунту. Далі, можливо на навколомогильній поверхні (кругле кострище насипу 26, чи обпалена поверхня під насипом 27/3), здійснювалось спалення, можливо, з елементами попереднього розчленування, кістяка. Сліди дії вогню показують, що в кострищі побували й деякі посудини. Після цього кістки складались, переважно в хаотичному порядку, в могилу. При цьому кістки кінцівок могли викладатись паралельно, в чому можливо варто бачити ознаки наслідування анатомічному розташуванню. Якщо врахувати взаємне розташування кісток черепа і кінцівок, то чи не південно «орієнтованим» могло бути таке наслідування? Небіжчики супроводжувалися й посудом (частково — теж з дією вогню). Інші обпалені фрагменти кераміки клались на підкурганну поверхню.

Сліди дерев'яного перекриття не простежені, натомість глиняний виклад над могилою просів лише частково. Це було б можливим при засипанні ями перед спорудженням згаданих майданчиків. При цьому в кургані 26 для засипання використовувався здебільшого пропалений ґрунт з поховального кострища. Під насипом 27/3 — заповнення переважно глиняно-піскове, хоча й тут були сліди деревного вугілля.

Надалі над могилою споруджували глиняний майдан, й вже потім перекривали все курганним насипом. Певну роль в заупокійному культі грали обпалені глиняні вальки. Судячи з цілісності надмогильних глиняних викладок, поховання уникли пограбування через центр насипу й вціліли.

Згадані майданоподібні викладки над могилами з околиць Лисої гори є вельми оригінальними і рідкими спорудами, що вирізняють їх на тлі інших одночасових комплексів. Тип могили з невеликим дромосом знаходить паралелі насамперед з поховальних споруд Медвенських могильників, також розташованих у Пороссі (Ковпаненко 1977, с. 40—72; 1981, с. 37—45; Левченко, 2012, с. 139—169; Левченко, Левченко, Гречко 2015, с. 202—214). В ранньоскіфський час в Дніпровському Правобережному Лісостепу — це рідкий тип споруд, характерний для Поросся (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 32).

Цікавий невеликий рівчак навколо надмогильного майданчика в кургані 27/3. Він відмінний від навколокурганних ровів скіфського часу, один з яких, у поєднанні з ідентичним типом могили, трапився у вже згаданому Медвинському могильнику, з вельми схожими до таращанських рисами поховального обряду (Ковпаненко 1977, с. 53). Різниця полягає в тому, що лисогірський ровик оточує лише центральну частину підкурганного простору і з самого початку був перекритий насипом. За цими показниками він нагадує радше рівчаки деяких ранньоскіфських подільських курганів зі Спасівки і Колодіївки (Могилов, Гуцал, Гуцал 2016 с. 251), які теж охоплювали лише центральний район поховання, й пізніше були засипані кам'яно-земляним насипом, від якого в цих рівчаках при дослідженні фіксувались брили. Втім, попри відмінність підкурганних і навколокурганних ровів, призначення в них, очевидно, було одним і тим ж: відділення поховальної зони від навколишнього світу живих.

Підкурганний обряд поховання був широко розповсюджений у населення раннього залізного віку Українського Правобережного Лісостепу. При цьому, доскіфські чорноліcько-жаботинські племена одночасно з ним масово ховали й у ґрунтових могильниках. Обидва різновиди добре відомі на Середньому Дністрі: кургани в Луці-Врублівецькій (Шовкопляс 1952, 1954, Шовкопляс, Максимов 1952), Мервинцях (Смирнова 1977а, с. 94—97), Дністровці (Смирнова 1984, с. 55); ґрунтові захоронення Бернашівського могильника (Гуцал 1996, с. 22, 23). У Середньому Побужжі в цей час відомі кургани біля с. Тютьки (Заец 1979). В Лісостеповому Подніпров'ї також відомі два типи поховань. Ґрунтові — з Полудневського городища, околиць Кийлова (Тереножкин 1961, с. 44). В доскіфських курганах ховали не лише в ямах, але й на давньому горизонті та в насипу. Іноді ями тут, як й у курганах біля Таращі мали великі розміри. Так під насипом 52 біля Гуляй Города виявлено величезну яму зі сторонами 7 м, що містила низку витягнутих трупопокла-

день (Ильинская 1975, с. 16). Поховання в кургані 455 поблизу Макіївки, що містилось в ямі розмірами 3,5 × 2,1 м, виявилось пограбованим (Ильинская 1975, с. 33). В курганах 236, 238, 275 коло Кагарлика передскіфські поховання містились в насипу (Ковпаненко 1981, с. 25). Така ж ситуація спостерігалась у захороненні 163 на Тенетинці (Ильинская 1975, с. 47). В другому Рижанівському кургані поховання впускне в більш ранній насип, а комплекс 113 на Тенетинці крив в собі покладення двох жінок: в насипу, та ямі з дерев'яною обшивкою розмірами 2,2 × 1,5 м (Ильинская 1975, с. 38).

В ранньоскіфський час, судячи з відомих на сьогодні пам'яток, відсоток підкурганних комплексів різко збільшується. Беззастережно домінують вони на Західному Поділлі та Буковині, де згадуються лише декілька комплексів без насипу (Sulimirski 1936; Гуцал, Гуцал, Могилов 2012). Абсолютну більшість складають кургани й на Лісостеповому Правобережжі Дніпра (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 27—29). Хоча, судячи з захоронень Пирогівського могильника (Петровська 1970, с. 138—144; Кубишев, Скиба, Скорий 1995, с. 101—110), і ґрунтовий обряд тут теж використовувався.

Культ вогню в заупокійних ритуалах, й звичай спалення небіжчика теж відомі у доскіфського населення Правобережного Лісостепу. В чорноліcько-жаботинських старожитностях Середнього Дністра іноді трапляються кремації в урнах, хоча домінують тут в цей час трупопокладення (скорчені, або прямі). Цікаво, що у сусідніх племен ґава-голіградської культури звичай кремацій в урнах у безкурганних могильниках домінував (Смирнова 1973, с. 7—10). Спалення поховальних могильних конструкцій, на відміну від ранньоскіфської доби, в IX—VIII ст. до н. е. не набуло тут поширення. Як рідкий випадок можна згадати курган 1 біля Бандишівки з підпаленою надмогильною конструкцією, що знаходиться на сході регіону (Могилов 2011а, с. 222, Скорый 1999, с. 79). В Лісостеповому Подніпров'ї відомі ґрунтові поховання з трупоспаленням на стороні й поміщенням праху на дно ями чи в урну: Полудневське городище, Кийлів (Тереножкин 1961, с. 44). В курганах частіше трапляються трупопокладення, поширеніші — «витягнуті», іноді — «скорчені» чи «сидячі»: насипи 85 біля Канева, 236, 238, 275 поблизу Кагарлика (Ковпаненко 1981, с. 25, 27), 2 неподалік Рижанівки, 52 поблизу Гуляй Города, 113 та 163 на Тенетинці (Ильинская 1975, с. 16, 38, 47).

Трупоспалення на стороні, з подальшим підкурганним похованням перепалених кісток (в супроводі інвентарю) на рівні давньої поверхні, зафіксовані в передскіфському кургані 10 біля Стеблева, що теж локалізується в Пороссі (Клочко, Скорый 1993, с. 56). Цікаві для нас й поховання в курганах 8 та 10 біля Оситняжки. Тут під насипами виявлені перепалені глиняні майданчики (В. А. Іллінська, беручи до уваги відбитки дерева на спечених шматках глини, припускала наявність тут спалених, обмащених глиною дерев'яних гробниць). На майданчиках лежали перепалені кістки. В одному випадку поруч були 2 обгорілих «скорчених» кістяки (Ильинская 1975, с. 36). В кургані 321 біля Забари небіжчика спалено на місці. Під невеликим насипом виявлено перепалені кістки, дерево, вугілля (Ковпаненко 1981, с. 23, 24). Черпак з радіальним врізним орнаментом та миска декорована виступами по вінцям звідси, характерні для жаботинського часу, але продовжують зустрічатись і в VII ст. до н. е.

В ранньоскіфський час у Подніпров'ї обряд спалення, хоч і помітно поступається інгумаціям, все ж продовжує активно використовуватись. Він зафіксований у 36 % могил. Причому застосовували і спалення дерев'яних гробниць (коли обгорав і кістяк), і спалення небіжчика на місці, і спалення на стороні з поміщенням праху в урну чи на купку (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 34).

Інвентарний комплекс лисогірських курганів представлений переважно ліпним посудом. Останній (за виключенням згаданого рідкого черпака) вельми характерний для пам'яток Українського Правобережного Лісостепу доби раннього заліза: в доскіфську й ранньоскіфську добу.

Горщики тюльпаноподібного профілю, що часто прикрашені під вінцями проколами, а іноді — й наколами [1] є найпоширенішим типом подібних посудин в пізньочорноліcько-жаботинських старожитностях. Їх знайдено в Лісостеповому Дніпровському Правобережжі: Суботівське городище (Тереножкин 1961, рис. 36: 2), Жаботинське поселення (Дараган 2003, рис. 3: 1—10); в Середньому Побужжі: Немирівське городище (Смирнова 2001, рис. 1: 3), поселення Вишенка 2 (Бойко 2004, рис. 2: 36); на теренах Поворскля в Лівобережжі (Ковпаненко 1961, рис. 2: 1, 2). Массові вони й у доскіфських старожитностях на Середньому Дністрі: Рудковецьке (Гуцал 2000, рис. 2) та Григорівське (Смирнова 1983, рис. 1: 3, 8, 10) городища; селища Ленківці (Мелюкова 1958, рис. 1: 3,4), Нагоряни (Шовкопляс 1954, табл. 1: 5, 8—10], Дністровка-Лука (Смирнова 1984, рис. 4: 13), біля Теремців (Могилов 2011, рис. 1; Могилов, Нечитайло 2016, рис. 1); кургани 4 й 6 в Луці-Врублівецькій (Шовкопляс, Максимов 1952, табл. I: 4; IV: 3).

Варто зазначити, що подібні горщики подекуди продовжували існувати й на початку ранньоскіфського часу, а в Середньому Подністров'ї вони залишаються панівним типом в докелер-

1. Горщик з кургану 27/3 неподалік Тараща цікавий насамперед поєднанням проколів із наколами під вінцями.

меських старожитностях (Белозор, Могилов, Скорый 2010, с. 159—161).

Від згаданих вище, дещо відмінні тюльпановидні горщики в яких слабко виражена шийка. Це теж доскіфський тип виробів, відомий наприклад з кургану 340 на р. Ташлик (Ильинская 1975, табл. XXIV: 3). Іноді вироби такої форми можуть прикрашатись проколами під вінцями та проколами чи наліпками по корпусу: насип 185 на Тенетинці (Ильинская 1975, табл. XXXV: 5), поселення Дністровка (Смирнова 1984, рис. 4: 17). Комплекс кургану 411 біля с. Журовка, де виявлені горщики з защипним валиком під вінцями а також черпак з врізним жаботинським орнаментом (Ильинская 1975, табл. XI: 1), говорить про те, що доживають вони й до ранньоскіфського часу.

Горщики банкоподібної форми, прикрашені під вінцями валиком з защипами чи нігтьовими втисненнями, а часом — й проколами, з'являються ще в доскіфську добу: Лука-Врублівецька (Шовкопляс 1952, табл. I: 4; IV: 3), Велика Слобідка (Гуцал, Мегей 2005, рис. 2: 8), Нагоряни (Шовкопляс 1954, табл. 1: 1, 6). Але панівним типом вони стають вже в ранньоскіфську добу, домінуючи в келермеський період. В Середньому Подніпров'ї їх виявлено під насипами 406 поблизу Журовки (Ильинская 1975, табл. IX: 6), 55 в Ковалях (Ковпаненко 1981, рис. 24: 5). На Середньому Дністрі — в курганах 2 в Івахнівцях, 2 біля Сирватинців (Sulimirski 1936, rys. 11), 2 коло Долинян (Смирнова 1977, рис. 3: 4), 3 і 5 поруч з Перебиківцями (Смирнова 1979, рис. 12: 8; 15: 4, 5) та інших.

Рідким є тип черпака з відламаною ручкою, що відходить від вінець. Слідів кріплення іншого краю ручки нижче на корпусі не видно. Вірогідно, маємо справу з дуже рідким видом подібних виробів в яких ручка кріпиться до чашечки лише одним кінцем, в той час як інший її край вільний. Як аналогію можемо згадати предмет з кургану 46 у Берестнягах (Ковпаненко 1981, рис. 6: 4). Ручка у нього, правда, не зігнута вниз, а підіймається вверх. Глибока ж форма чашечки таращанського черпака — добре відома в правобережних лісостепових доскіфських старожитностях: кургани 238 біля Кагарлика (Ковпаненко 1981, рис. 19, 3), 52 поблизу Гуляй Города, 486 коло Турії, Компанійського некрополя (Ильинская 1975, рис. 11: 7; табл. III: 15; XXXII: 2), Бернашівського могильника (Гуцал 1996, с. 21).

Усі форми мисок, типи і фрагменти яких представлені в Таращанських похованнях (з загнутими всередину, прямими, поволі вигнутими чи потовщеними вінцями) добре відомі в доскіфських і ранньоскіфських комплексах Українського Лісостепу. Є аналогії й насічці по вінцям миски (Тереножкин 1961, рис. 39: 1).

Найцікавішою є миска з пелюсткоподібними виступами по вінцях та наколами зсередини, що формують «перлини» під верхом ззовні. Подібний декор бачимо й на одному з фрагментів посудини. Миски з виступами по вінцях мають витоки в доскіфських лісостепових правобережних комплексах. Сама форма виступів може бути різною: пелюсткоподібна (як у Таращанської миски), прямокутна, подвійна. Згаданий декор може використовуватись окремо, або в поєднанні з наколами зсередини. У доскіфську добу такі предмети відомі з курганів 405 поблизу Гадомки, 4 групи Медвин I (Ковпаненко 1981, рис. 15: 5; 28: 4), 2 коло Рижанівки (Ильинская 1975, табл. XXII: 5, 6), знищеного поховання біля Вільшани (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994, рис. 1: 2). Продовжують побутувати такі речі і в ранньоскіфську добу, трапляючись у комплексах докелермеського та келермеського часу: кургани 23 групи I та 2 групи II близ Медвина (Ковпаненко 1981, рис. 31, 15), 6, поховання 1, неподалік Яснозор'я (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994, рис. 5: 4), Мотронинське городище (Бессонова, Скорый 2001, рис. 38: 1).

Варто зазначити, що не рідкими є й миски прикрашені тільки наколами зсередини. Вони теж відомі й у передскіфський: насип 486 біля Турії (Ильинская 1975, табл. XXXII: 7), й в ранньоскіфський час, коли їх зафіксовано у низці комплексів келермеського періоду: кургани 3 і 22 групи Медвин I (Ковпаненко 1981, рис. 27, 11; Левченко, Левченко, Гречко 1913, рис. 13, 1—3), 244 неподалік Константинівки (Ильинская 1975, табл. XIII: 15), Мотронинське городище (Бессонова, Скорый 2001, рис. 36: 2).

До рідких типів орнаменту мисок відносяться наскрізні круглі отвори нижче вінець. Комплекс кургану 2 групи III біля Медвина, де виявлено орнаментований черпак з високою ручкою жаботинського кола (Ковпаненко 1981, рис. 34), показує що витоки такого декору мають доскіфське коріння. Побутувала ця традиція й у ранньоскіфську добу: насипи 27 в Казарівці, 13 біля Курилівки (Ковпаненко 1981, рис. 20: 7; 24: 7).

Детальна хронологічна атрибуція курганів біля Лисої Гори ускладнюється відсутністю тут таких вузькодатованих речей як предмети озброєння, спорядження коня, прикраси. Кераміка ж, як було показано, часто побутує досить тривалий час, з'являючись в доскіфський період, та існуючи й у скіфську добу. Або ж зароджуючись в чорнолісько-жаботинську, та стаючи панівним типом вже в скіфську епохи. Виразний ж декор столового посуду у вигляді штампованого чи врізного орнаменту, що міг би конкретизувати дату тут відсутній.

Говорячи про дату кургану 26, беручи до уваги глибоку чашечку черпака, вірогіднішим видається все ж доскіфський період. У той час існували і миски з насічкою по вінцях. Миски з отворами, проколами та наколами під вінцями, як говорилось, виникають в доскіфську, та про-

довжують існувати в скіфську добу. Не суперечить такій даті й фрагмент горщика з валиком під вінцями, оскільки такі предмети, хоч і є найпоширенішим типом келермеського етапу, втім з'являються ще в передскіфський час.

Для хронологічної атрибуції кургану 27/3 головне значення мають дві тюльпановидні посудини, одна з яких прикрашена наколами й проколами під вінцями. Як показано, це провідна форма кухонних посудин пізньочорноліських та жаботинських пам'яток, що іноді трапляється на початку ранньоскіфської доби. Миска з виступами по вінцям, та наколами під ними, характерна й для доскіфського, й для ранньоскіфського часу. Приймаючи це до уваги, більш вірогідним видається передскіфський час кургану 27/3 (з вірогідністю самого початку ранньоскіфської доби). Отже, обидва кургани можуть належати до однієї хронологічної епохи, і бути датувані IX—VIII (початком VII) ст. до н. е.

Обряд трупоспалення характерний для чорноліcько-жаботинського правобережного лісостепового населення, тип поховальних споруд, властивий населенню Поросся; характерний лісостеповий набір кераміки, дозволяє припускати що в курганах біля Лисої Гори поховані представники місцевого землеробського населення. Генетична спадковість типів поховальних споруд, продовження традицій розвитку керамічного комплексу на окресленій території, дозволяють говорити про те, що нащадки населення, що залишило кургани біля Таращі, продовжили проживати в цьому регіоні й у скіфську добу.

ЛІТЕРАТУРА

Белозор, В., Могилов, А., Скорый, С. 2010. Комплексы раннего железного века у с. Козлов на Среднем Днестре. *Tyragetia*, XIX, 1, с. 149-174.

Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 2001. *Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988—1996 гг.).* Киев, Краков: ИА НАНУ.

Бойко, Ю. Н. 2004. Вишенка 2 — новый чернолесско-жаботинский памятник в Среднем Побужье. *Древности*, с. 238-259.

Гречко, Д. С. 2014—2015. Об особых видах погребений у населения Восточноевропейской лесостепи VII—IV вв. до н. э. *Древности*, с. 181-200.

Гуцал, А. Ф. 1996. Старожитності початку раннього залізного віку на Могилів-Подільщині. В: *Перша Могилів-Подільська історико-краєзнавча конференція.* Могилів-Подільський, с. 20-55.

Гуцал, А. Ф. 2000. Рудковецьке городище і перший похід скіфів у Придністровський Лісостеп. В: *Давня і середньовічна історія України (історико-археологічний збірник).* Кам'янець-Подільський: Кам'янець-Подільський державний педагогічний університет, с. 69-79.

Гуцал, А. Ф., Гуцал, В. А., Могилов, А. Д. 2012. Новые исследования курганов скифского времени на западе Восточноевропейской Лесостепи. В: Байтанаев, Б. А. (ред.). *Кадырбаевские чтения. Материалы III международной научной конференции.* Актобэ: ИА КН МОН РК, с. 141-153.

Гуцал, В. А., Мегей, В. П. 2005. Поховання ранньоскіфського часу на багатошаровому поселенні Велика Слобідка. *Наукові записки К-ПДУ*, 14, с. 67-74.

Дараган, М. Н. 2003. Периодизация Жаботинского поселения. *Археологічні дослідження в Україні 2001—2002 рр.*, 5, с. 310-317.

Заец, И. И. *1979. Курганный комплекс раннескифского времени* у с. *Тютьки Винницкой области. Советская археология*, *1*, с. 256-260

Ильинская, В. А. 1975. *Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин.* Киев: Наукова думка.

Клочко, В. И. Скорый, С. А. 1993. К исследованию позднечернолесского погребального обряда. *Российская археология*, 4, с. 54-64.

Ковпаненко, Г. Т. 1961. Пам'ятки скіфського часу в басейні р. Ворскли. *Археологія*, XIII, с. 62-79.

Ковпаненко, Г. Т. 1977. Курганы скифского времени у с. Медвин в Поросье. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифы и сарматы.* Киев: Наукова думка, с. 40-72.

Ковпаненко, Г. Т. 1981. *Курганы раннескифского времени в басейне р. Рось.* Киев: Наукова думка.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1989. *Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион).* Киев: Наукова думка.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1994. Новые курганы раннего железного века в Поросье. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Древности скифов.* Киев: ИА НАНУ, с. 41-62.

Кубишев, А. І., Скиба, Л. Є., Скорий, С. А. 1995. Поховання скіфського часу Пирогівського могильника. *Археологія*, 1, с. 100-111.

Левченко, Б. М. 2012. Исследование первой курганной группы у с. Медвин на Богуславщине. В: Гречко, Д. С., Шелехань, А. В. *Гришковский могильник скифов на Харьковщине.* Киев: ИА НАНУ, с. 139-176.

Левченко, Б. М., Левченко, Н. Б., Гречко, Д. С. 2015. Курганы раннескифского времени у с. Медвин в Поросье (по материалам раскопок 1984—1985 гг.). *Археологія і давня історія України*, 2 (15), с. 202-218.

Мелюкова, А. И. 1958. Памятники скифского времени Лесостепного Среднего Поднестровья. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 64, с. 5-102.

Могилов, О. Д. 2011. Теремці — поселення доскіфськго часу на Середньому Дністрі. В: Травінський, В. В. (ред.). *Археологія і фортифікація Середнього Подністров'я.* Кам'янець-Подільський: Медобори-2006, с. 23-31., могилов, А. Д. 2011а. К вопросу о ситуации на западе Восточноевропейской Лесостепи в скифское время. В: Байтанаев, Б. А. (ред.). *Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги перспективы.* Алматы: ИА КН МОН РК, с. 217-227.

Могилов, А. Д., Гуцал, А. Ф., Гуцал, В. А. 2016. Первый Спасовский курган. In: Sirbu, L. (ed.). *Culturi, Procese si Contexte in Arheologia. Volum omagial Oleg Levitski la 60 de ani.* Cisinau: Garamont-Studio, с. 247-267.

Могилов, О., Нечитайло, П. 2016. Археологічні розвідки на поселеннях раннього залізного віку в Середньому Подністров'ї. В: Заремба, О. О. (ред.). *Археологія і фортифікація України.* Кам'янець-Подільський: Буйницький, с. 55-66.

Петровська, Є. О. 1970. Ранньоскіфські пам'ятки на південній околиці Києва. *Археологія*, XXIV, с. 129-145.

Романюк, В. В., Бессонова, С. С. 1998. Нові дослідження курганів жаботинського часу в Пороссі. *Музейні читання*. Київ, с. 83-85.

Скорый, С. А. 1999. *Киммерийцы в Украинской Лесостепи*. Киев, Полтава: Археология.

Смирнова, Г. И. 1973. Позднеголиградский могильник у с. Острица (Магалянская) на Буковине. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 15, с. 7-11.

Смирнова, Г. И. 1977. Курганный могильник раннескифского времени у села Долиняны. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 18, с. 229-40.

Смирнова, Г. И. 1977а. О хронологическом соотношении памятников типа Сахарна-Солончены и Жаботин (по материалам курганов у с. Мервинцы на Днестре). *Советская археология*, 4, с. 94-107.

Смирнова, Г. И. 1979. Курганы у с. Перебыковцы — новый могильник скифской архаики на Среднем Днестре. *Труды Государственного Эрмитажа*, XX, с. 36-67.

Смирнова, Г. И. 1983. Материальная культура Григоровского городища (к вопросу о формировании чернолесско-жаботинских памятников). *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 23, с. 60-72.

Смирнова, Г. И. 1984. О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре по материалам поселения Днестровка-Лука. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 25, с. 43-60.

Смирнова, Г. И. 2001. Гальштатский компонент в раннескифской культуре Лесостепи Северного Причерноморья (по материалам Немировского городища). *Российская археология*, 4, с. 33-43.

Тереножкин, А. И. 1961. *Предскифский период на Днепровском Правобережье*. Киев: АН УССР.

Шовкопляс, І. Г. 1952. Курганний могильник передскіфського часу на Середньому Дністрі. *Археологічні пам'ятки УРСР*, IV, с. 5-11.

Шовкопляс, І. Г. 1954. Поселення ранньоскіфського часу на Середньому Дністрі. *Археологія*, IX, с. 98-104.

Шовкопляс, І. Г. Максимов, Є. В. 1952. Дослідження курганного могильника передскіфського часу на Середньому Дністрі. *Археологія*, VII, с. 89-109.

Sulimirski, T. 1936. *Scytowie na Zahodniem Podolu*. Lwów.

REFERENCES

Belozor, V., Mogylov, A., Skoryy, S. 2010. Kompleksy rannego zheleznogo veka u s. Kozlov na Srednem Dnestre. *Tyragetia*, XIX, 1, s. 149-174.

Bessonova, S. S., Skoryy, S. A. 2001. *Motroninskoye gorodishche skifskoy epokhi (po materialam raskopok 1988—1996 gg.)*. Kiev, Krakov: IA NANU.

Boyko, Yu. N. 2004. Vishenka 2 — novyy chernolessko-zhabotinskiy pamyatnik v Srednem Pobuzhye. *Drevnosti*, s. 238-259.

Grechko, D. S. 2014—2015. Ob osobykh vidakh pogrebeniy u naseleniya Vostochnoyevropeyskoy lesostepi VII—IV vv. do n. e. *Drevnosti*, s. 181-200.

Hutsal, A. F. 1996. Starozhytnosti pochatku rannoho zaliznoho viku na Mohyliv-Podilshchyni. In: *Persha Mohyliv-Podilska istoryko-kraieznavcha konferentsiia*. Mohyliv-Podilskyi, s. 20-55.

Hutsal, A. F. 2000. Rudkovetske horodyshche i pershyi pokhid skifiv u Prydnistrovskyi Lisostep. In: *Davnia i serednovichna istoriia Ukrainy (istoryko-arkheolohichnyi zbirnyk)*. Kam'ianets-Podilskyi: Kam'ianets-Podilskyi derzhavnyi pedahohichnyi universytet, s. 69-79.

Gutsal, A. F. Gutsal, V. A. Mogilov, A. D. 2012. Novyye issledovaniya kurganov skifskogo vremeni na zapade Vostochnoyevropeyskoy Lesostepi. In: Baytanayev, B. A. (ed.). *Kadyrbayevskiye chteniya. Materialy III mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Aktobe: IA KN MON RK, s. 141-153.

Hutsal, V. A., Mehei, V. P. 2005. Pokhovannia rannoskifskoho chasu na bahatosharovomu poselenni Velyka Slobidka. *Naukovi zapysky K-PDU*, 14, s. 67-74.

Daragan, M. N. 2003. Periodizatsiya Zhabotinskogo poseleniya. *Akheologichni doslidzhennya v Ukrajini 2001—2002 rr.*, 5, s. 310-317.

Zayets, I. I. 1979. Kurgannyy kompleks ranneskifskogo vremeni u s. Tyutki Vinnitskoy oblasti. *Sovetskaia arheologiia*, 1, s. 256-260.

Ilinskaya, V. A. 1975. *Ranneskifskiye kurgany basseyna r. Tyasmin*. Kiev: Naukova dumka.

Klochko, V. I. Skoryy, S. A. 1993. K issledovaniyu pozdnechernolesskogo pogrebalnogo obryada. *Rossiiskaia arkheologiia*, 4, s. 54-64.

Kovpanenko, G. T. 1961. Pam'yatki skifskogo chasu v baseyni r. Vorskli. *Arkheologiya*, XIII, s. 62-79.

Kovpanenko, G. T. 1977. Kurgany skifskogo vremeni u s. Medvin v Porosye. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skify i sarmaty*. Kiev: Naukova dumka, s. 40-72.

Kovpanenko, G. T. 1981. *Kurgany ranneskifskogo vremeni v baseyne r. Ros*. Kiev: Naukova dumka.

Kovpanenko, G. T. Bessonova, S. S. Skoryy, S. A. 1989. *Pamyatniki skifskoy epokhi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezhia (Kievo-Cherkasskiy region)*. Kiev: Naukova dumka.

Kovpanenko, G. T. Bessonova, S. S., Skoryy, S. A. 1994. Novyye kurgany rannego zheleznogo veka v Porosye. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Drevnosti skifov*. Kiev: IA NANU, s. 41-62.

Kubyshev, A. I., Skyba, L. Ie., Skoryi, S. A. 1995. Pokhovannia skifskoho chasu pyrohivskoho mohylnyka. *Arkheolohiia*, 1, s. 100-111.

Levchenko, B. M. 2012. Issledovaniye pervoy kurgannoy gruppy u s. Medvin na Boguslavshchine. In: Grechko, D. S. Shelekhan, A. V. *Grishkovskiy mogilnik skifov na Kharkovshchine*. Kiev: IA NANU, s. 139-176.

Levchenko, B. M. Levchenko, N. B. Grechko, D. S. 2015. Kurgany ranneskifskogo vremeni u s. Medvin v Porosye (po materialam raskopo 1984—1985 gg.). *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 15, s. 202-218.

Melyukova, A. I. 1958. Pamyatniki skifskogo vremeni Lesostepnogo Srednego Podnestrovia. *Materialy i issledovaniia po arheologii SSSR*, 64, s. 5-102.

Mohylov, O. D. 2011. Teremtsi — poselennia doskifskho chasu na Serednomu Dnistri. In: Travinskyi, V. V. (ed.). *Arkheolohiia i fortyfikatsiia Serednoho Podnistrovia*. Kamianets-Podilskyi: Medobory-2006, s. 23-31.

Mogylov, A. D. Gutsal, A. F., Gutsal, V. A. Pervyy Spasovskiy kurgan. In: Sirbu, L. (ed.). *Culturi. Procese si Contexte in Arheologia. Volum omagial Oleg Levitski la 60 de ani*. Cisinau: Garamont-Studio, 2016, s. 247-267.

Mogylov, A. D. 2011a. K voprosu o situatsii na zapade Vostochnoyevropeyskoy Lesostepi v skifskoye vremya. In: Baytanayev, B. A. (ed.). *Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi perspektivy*. Almaty: IA KN MON RK, s. 217-227.

Mogylov, O., Nechytailo, P. 2016. Arkheolohichni rozvidky na poselenniakh rannoho zaliznoho viku v Serednomu Podnistrovi. In: Zaremba, O. O. (ed.). *Arkheolohiia i fortyfikatsiia Ukrainy*. Kamianets-Podilskyi: Buinytskyi, s. 55-66.

Petrovska, E. O. 1970. Rannoskifskii pamjatky na pivdennii okolytsi Kyieva. *Arkheolohiia*, XXIV, s. 129-145.

Romaniuk, V. V., Bessonova, S. S. 1998. Novi doslidzhennia kurhaniv zhabotynskoho chasu v Porossi. *Muzeini chytannia*. Kyiv, s. 83-85.

Skoryy, S. A. 1999. *Kimmeriytsy v Ukrainskoy Lesostepi*. Kiev, Poltava: Arkheologiya.

Smirnova, G. I. 1973. Pozdnegoligradskiy mogilnik u s. Ostritsa (Magalyanskaya) na Bukovine. *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 15, s. 7-11.

Smirnova, G. I. 1977. Kurgannyy mogilnik ranneskifskogo vremeni u sela Dolinyany. *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 18, s. 229-40.

Smirnova, G. I. 1977a. O khronologicheskom sootnoshenii pamyatnikov tipa Sakharna-Soloncheny i Zhabotin (po materialam kurganov u s. Mervintsy na Dnestre). *Sovetskaia arheologiia*, 4, s. 94-107.

Smirnova, G. I. 1979. Kurgany u s. Perebykovtsy — novyy mogilnik skifskoy arkhaiki na Srednem Dnestre. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, XX, s. 36-67.

Smirnova, G. I. 1983. Materialnaya kultura Grigorovskogo gorodishcha (K voprosu o formirovanii chernolessko-zhabotinskikh pamyatnikov). *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 23, s. 60-72.

Smirnova, G. I. 2001. Galshtatskiy komponent v ranneskifskoy kulture Lesostepi Severnogo Prichernomoria (po materialam Nemirovskogo gorodishcha). *Rossiiskaia arkheologiia*, 4, s. 33-43.

Smirnova, G. I. 1984. O formirovanii pozdnechernolesskoy kultury na Srednem Dnestre po materialam poseleniya Dnestrovka-Luka. *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 25, s. 43-60.

Terenozhkin, A. I. 1961. *Predskifskiy period na Dneprovskom Pravoberezhye*. Kiev: AN USSR.

Shovkoplias, I. H. 1952. Kurhannyi mohylnyk peredskifskoho chasu na Serednomu Dnistri. *Arkheolohichni pamjatky URSR*, IV, s. 5-11.

Shovkoplias, I. H. 1954. Poselennia rannoskifskoho chasu na Serednomu Dnistri. *Arkheolohiia*, IX, s. 98-104.

Shovkoplias, I. H. Maksymov, E. V. 1952. Doslidzhennia kurhannoho mohylnyka peredskifskoho chasu na Serednomu Dnistri. *Arkheolohiia*, VII, s. 89-109.

Sulimirski, T. 1936. *Scytowie na Zahodniem Podolu*. Lwów.

V. V. Romanyuk, D. S. Grechko, O. D. Mogylov

INVESTIGATION OF THE EARLY IRON AGE MOUNDS IN THE BASIN OF THE ROS RIVER

The paper is devoted to the publication of materials of two early Iron Age burial mounds in Porossya on the territory of the Dnieper Right Bank Forest-Steppe. Monuments were located near the Lysa Gora natural boundary and the village Novoselytsya near Tarascha. Small barrows with a height about 0.5—0.65 m and a diameter near 10—14 m contained burials in rectangular graves with a small entrances. Above on them the special ground areas were constructed, then they were covered with a mound. The burial ceremony could be either incomplete cremation on the site of the mound, or the secondary burial of burned bones. Complexes can be dated by the pre-Scythian time or the beginning of the early Scythian period, and belong to the local settled population.

Keywords: Forest-steppe, early Iron Age, mound, burial rite, cremation, secondary burial, ceramic dishes.

Одержано 2.03.2017

ГРЕЧКО Денис Сергійович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *ukrspadshina@ukr.net*.

GRECHKO Denys Sergiyovych, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *ukrspadshina@ukr.net*.

МОГИЛОВ Олександр Дмитрович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *mogilovod@gmail.com*.

MOGYLOV Oleksandr Dmytrovych, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukrayna, *mogilovod@gmail.com*.

РОМАНЮК Валерій Вікторович, науковий співробітник, Науково-дослідний центр Охоронної археологічної служби України Інституту археології НАН України, м. Тараща, Київська область, 09502, Україна, *ValeriyRomanuik@i.ua*.

ROMANUK Valeriy Viktorovich, researcher, Research Center of the Ukrainian National Archaeological Service ща the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Tarascha, Kyiv region, 09502, Ukrayna, *ValeriyRomanuik@i.ua*.

УДК: 904.5(477.52)”6383”

Д. В. Каравайко

О ТРЕХ ГОРОДИЩАХ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ПУТИВЛЬСКОГО ПОСЕЙМЬЯ

Статья посвящена результатам исследований городищ у сс. Воргол и Ширяево. До сегодняшнего дня только на трех указанных укрепленных поселениях скифского времени в Путивльском Посеймье проводились раскопки. В научный оборот вводятся материалы исследований 1949—1950 гг., осуществленных Д. Т. Березовцом и В. А. Ильинской и не освещенные в полной мере в свое время.

***Ключевые слова**: Путивльское Посеймье, скифское время, городища, материальная культура.*

На сегодняшний день в пределах Путивльского Посеймья насчитывается более 20 укрепленных поселений — городищ раннего железного века. Все они расположены на мысах высокого правого берега Сейма и его притоках. В силу того, что городища хорошо выделяются на местности, благодаря земляным укреплениям, памятники неоднократно привлекали внимание исследователей. В основном работы ограничивались поверхностным осмотром, сбором подъемного материала и шурфовкой. Лишь на трех городищах были проведены небольшие раскопки. В послевоенные годы исследования велись Д. Т. Березовцом на двух городищах у с. Воргол, и городище Ширяево. На последнем в 1950 г. продолжила раскопки В. А. Ильинская. Результаты этих работ в свое время были введены в научный оборот и опубликованы в виде двух небольших статей (Іллінська 1953; Березовець 1955). Вполне очевидно, что для первой половины 1950-х гг. информация, поданная в данных работах, была исчерпывающей. Так же очевидно то, что не все моменты были освещены в достаточной мере, не весь материал опубликован. Частично это можно объяснить ограниченным объемом публикаций в изданиях («АП УРСР» и «Археологія»), невыразительностью и малой информативностью некоторых находок. К тому же, как известно, Д. Т. Березовец не специализировался на изучении древностей раннего железного века. Исходя из сказанного, необходимость повторно обратиться к материалам исследований городищ у сс. Воргол и Ширяево представляется вполне опраданной. Кроме того, степень изученности укрепленных поселений указанного региона весьма незначителен, по сравнению с Курским Посеймьем, где работы носили масштабный характер (Алихова 1962; Пузикова 1981; 1997 и др.), город*ища у с. Воргол*. Зачастую Восточное и Западное укрепления в литературе рассматривались как единый комплекс — одно городище. Единым памятником считал их и автор раскопок Д. Т. Березовец, хотя и отмечал, что «Обидві частини городища настільки відокремлені одна від одної, що фактично можна вважати їх за два городища, які розташовані поруч» (Березовець 1949, с. 36—37). Использование неверного плана привело к тому, что городище (а) Воргол было ошибочно отнесено А. А. Моруженко к 1-му классу, III типа, согласно ее же типологии, а именно к мысовым городищам, состоящих из основного укрепления и предградья (Моруженко 1985, с. 161, рис. 3: 12). Детальный осмотр местности и топосъемка показали отсутствие единой линии укреплений, которая могла бы объединить два мыса (рис. 1).

Оба памятника — многослойные. Так, восточный мыс заселен впервые в эпоху бронзы. Выявлены слои скифского и славяно-русского периодов. То же — на Западном городище.

Наиболее ранние упоминания о памятниках относятся ко второй половине XIX — начале XX вв. и принадлежат перу Д. Я. Самоквасова (1873, прил., с. 7; 1908, с. 112—113), П. В. Голубовского (1908, с. 6—7) и графини П. С. Уваровой (1906, с. 75). Первые профессиональные

© Д. В. КАРАВАЙКО, 2018

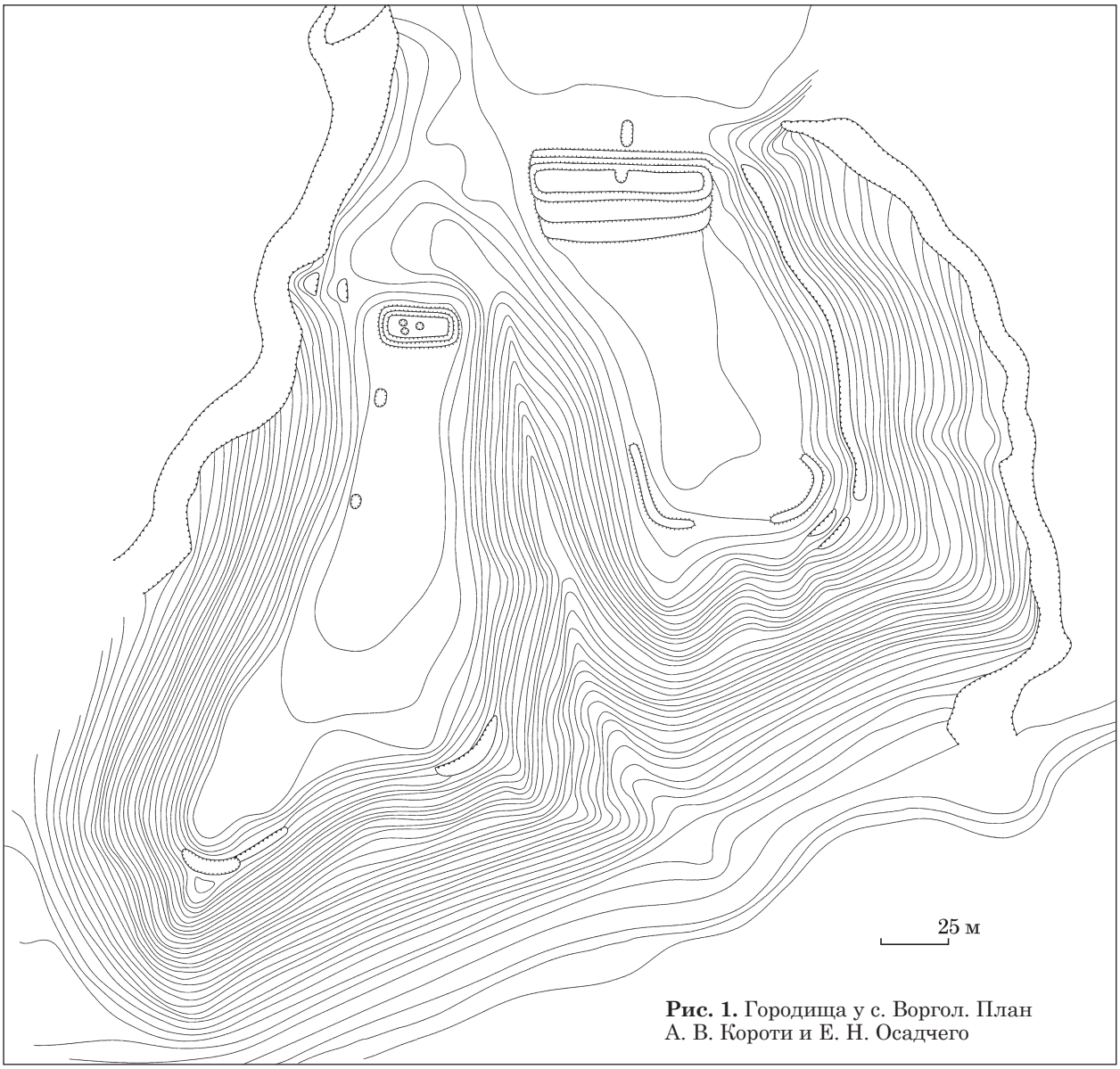


Рис. 1. Городища у с. Воргол. План А. В. Короти и Е. Н. Осадчего

работы на городищах провел И. И. Ляпушкин. Был собран подъемный материал, подробно описаны размеры памятника, характер оборонных сооружений, определены хронологические рамки и культурная принадлежность к позднезольничной культуре скифского времени и роменско-великокняжескому периоду (Ляпушкин 1947, с. 5, уч. карт. № XIX; 1950, с. 49—50; 1961, с. 59—60). Был снят и план, на котором с напольной стороны расположен вал, отделяющий сразу два мыса (рис. 2: 1). Он и был позднее использован в работе А. А. Моруженко.

Небольшие раскопки проведены Д. Т. Березовцом (1949, с. 36—51; 1955, с. 58—61). Им же снят новый план, существенно отличающийся от предыдущего (рис. 2: 2). Никакого общего вала для двух мысов на нем нет. Однако, исследователь утверждает факт наличия единого рва для обоих мысов (Березовец 1955, с. 58).

Неоднократно городища осматривали такие исследователи как О. Н. Мельниковская (1968, с. 3), О. В. Сухобоков (1968, с. 17; 1986, с. 91—92). В 2012 г. на памятниках экспедицией ИА НАНУ и Путивльского Государственного историко-краеведческого заповедника проведены небольшие исследования (Плаксіна, Каравайко 2012; Каравайко 2014), снят новый подробный план (рис. 1), городища занимают мысы правого берега р. Клевень, в 1,7—1,8 км на восток от северной окраины с. Воргол, в урочище Вишневая Гора (Кролевецкий р-н, Сумской обл.). *Восточное городище* расположено на мысу трапециевидной формы, образованным двумя длинными ярами. Высота над уровнем поймы 42 м. Длина по периметру (?) городища — 200, 100, 40 м. Общая площадь — 1 га. С напольной стороны (с севера) поселение укреплено валом шириною 15 м, который возвышается над площадкою на 2 м. Перед валом находится понижение, вероятно, природного происхождения. Южный склон этого понижения эскарпирован, а на вершине устроен вал. По периметру прослеживается эс-

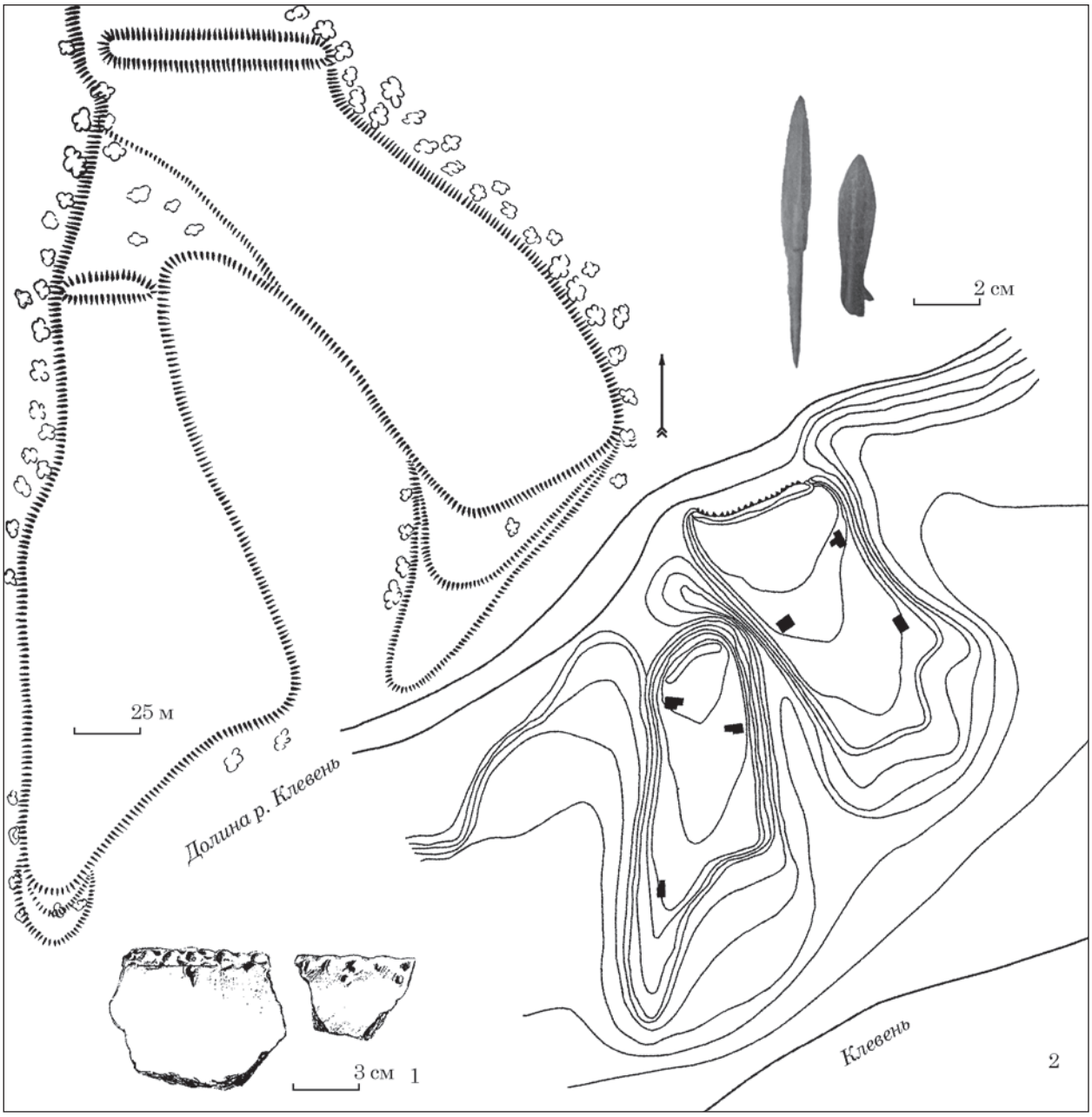


Рис. 2. Городища у с. Воргол: 1 — план и находки И. И. Ляпушкина; 2 — план и находки стрел Д. Т. Березовца

карп шириною 2 м, высотою 5—6 м. Три линии эскарпов расположены на южной стрелке мыса. Их ширина колеблется в пределах 2—4 м. В южной и западной частях городища, на краях мыса, сохранились сильно распаханные валообразные насыпи. Площадка ровная, засажена сосновым лесом. По всей поверхности видны ямы, оставленные при работе с металлодетектором.

Западное городище отделено от Восточного длинным оврагом с практически отвесными склонами. С напольной, северной стороны, городище ограничено ложбиной. Ее южная стенка была приспособлена под укрепления в виде эскарпа и вала. В юго-западной части мыс плавно понижается. Площадка поросла лесом. Городище треугольной формы, размерами 240, 154, 94 м по периметру. Общая площадь памятника — 1,1 га. С напольной стороны укреплено башневидным валом высотою 4—5 м и шириною 12—15 м. В западной его части сделан проезд. Верхушка вала повреждена ямами грабительских раскопок. По периметру городища прослеживается невысокая валообразная насыпь. В южной части мыса склон эскарпирован на высоту от 4 до 6 м. На стрелке мыса эскарп переходит в ров шириною 4 м и глубиною 1,5 м. Площадка городища ровная и только в юго-западной части стрелка мыса несколько повышается. Городище повреждено грабительскими шурфами. Их размеры колеблются от 0,4 × 0,4 м до 2 × 1 м. Глубина от 0,1 до 1 м.

Обратимся к материалам раскопок 1949 г. Д. Т. Березовца. Три небольших раскопа были заложены на Восточном, и три на Западном городище. Еще одна траншея 2 × 18 м прорезала вал

Восточного укрепления. Прежде всего, попытаемся установить общую исследованную площадь для каждого памятника. К сожалению, информация о размерах раскопов крайне неточна и противоречива, полевые же чертежи не сохранились. В печатной части отчета указано, что на Восточном городище заложили 3 траншеи размерами 2 × 10 м, а на Западном — 1 × 10 м (Березовець 1949, с. 38). Более подробная информация содержится в рукописном тексте дневника. На месте каждой из траншей, после обнаружения пятна объекта, был заложен раскоп (траншея 1 — раскоп 8 × 8 м, траншея 2 — раскоп 8 × 8 м и траншея 3 — раскоп 6 × 6 м). Указаны и иные размеры траншеи 3 (2 × 8 м). Путем несложных подсчетов выясняем, что исследованная площадь на площадке Восточного городища должна составить около 176 м^2, а в районе вала 36 м^2.

Для Западного городища в дневнике указаны иные размеры (траншеи 4 и 5—2 × 6 м, а на месте траншеи 6 размерами так же 2 × 6 м был заложен раскоп 8 × 8 м). Таким образом, общая исследованная площадь на этом городище должна составить около 96 м^2.

Ни в одном из раскопов на обоих городищах не было выявлено объектов эпохи раннего железа. Керамика же скифского времени, и некоторые находки, по данным Д. Т. Березовца, найдены исключительно на Восточном городище и только в одном месте (Березовець 1949, с. 48, 50).

Ряд вопросов возникает и касательно изучения оборонительной системы Восточного городища. Сам разрез вала и рва, как следует из текста дневника, не был завершен. Работы прекращены на глубине 4,5 м, материк найден не был. Судя по описанию, тело вала состояло из чередующихся прослоек глины, чернозема и мешаного слоя (Березовець 1949, с. 49—50). Находки отсутствовали. В одном из нижних слоев фиксировались остатки горелого дерева и обожженной глины. По словам автора отчета, «*вугілля в сьомому слої не являло собою залишків якоїсь конструкції, а знаходилося в переміщеному стані. […] Що означають вугіль та обпалені шматки глини, які конструктивно не входять в будову вала, сказати важко. Вірніш всього, вони попали сюди в наслідок руйнування якихось решток існуючих тут можливо з скіфського часу*» (Березовец 1949, с. 50; 1955, с. 61). В тексте того же дневника содержится сообщение о том, что вал все же имел какую-то деревянную конструкцию, засыпанную сверху различными слоями глины и чернозема. Не совсем понятным выглядит и описание рва, полностью не раскопанного по всей ширине. В разрезе он имел корытообразную форму глубиною 3,5 м от современной поверхности, и шириною — 20 м. При этом исследован ров был лишь на 5 м. Абсолютно не понятно, каким образом при незавершенном разрезе была установлена форма рва. Удивительным выглядит и наличие столь широкого рва (20 м!) для относительно небольшого городища. Создание укреплений автор раскопок датировал славянским временем (Березовець 1949, с. 51; 1955, с. 61).

Таким образом, можно констатировать, что исследования проведены не лучшим образом, даже с учетом реалий того времени. Как следует из дневника, раскопки длились две недели, с 16 по 30 июля. За этот период исследована площадь чуть более 300 м^2. Соотношение времени работ и раскопанной площади говорит не в пользу тщательности и скрупулезности. Видимо этим следует объяснять тот факт, что керамика скифского времени была обнаружена исключительно на Восточном городище и только в одном месте (Березовець 1955, с. 61). Тем не менее, в коллекции раскопок 1949 г. есть фрагменты керамики и глиняные пряслица этого периода с западного мыса (Білинський, 2011 с. 91). Как показала шурфовка 2012 года, Западное городище так же было заселено в эпоху раннего железа (Каравайко 2014, с. 167, рис. 5).

Д. Т. Березовец, изучая древности славянской эпохи, естественно не уделял должного внимания материалу более раннего времени, что хорошо заметно по публикации 1955 г. Однако, находки стрел все же были опубликованы (Березовець 1955, рис. 14: 1—2). Учитывая, что для городищ Путивльского Посеймья практически полностью отсутствуют хронологические реперы, а датирующие находки единичны кратко рассмотрим оба наконечника. Костяной наконечник стрелы с длинным цилиндрическим в сечении черешком и трехгранным острием общей длинной 9,4 см найден на Восточном городище вблизи постройки роменской культуры. Автор находки отмечает, что наконечник более ранний, нежели скифская керамика (Березовец 1949, с. 49). Подобные наконечники известны в предскифское время на поселениях бондарихинской культуры, памятниках Првобережной Лесостепи и ананьинской культуры, где их дата определяется в пределах X—VII или VIII—VII вв. до н. э. (Тереножкин 1961, рис. 66: 1; Халиков 1977, с. 206, рис. 76: 28; Буйнов 2003, рис. 2: 7; 2006, с. 42, рис. 3: 9). На восточном укреплении есть немногочисленные находки керамики эпохи бронзы, однако поставить их в один хронологический ряд с наконечником не представляется возможным.

Еще один наконечник бронзовый двулопастный с шипом может быть отнесен к VII в. до н. э. Опираясь на эти две находки, можно предположить, что поселение на восточном мысу возникает в раннескифское время.

Фрагменты посуды с раскопок Восточного городища 1949 г, хранящиеся в фондах Сумского областного краеведческого музея, были проанализированы и введены в научный оборот О. О. Белинским (2011). Это керамика схожа с посудой лесостепных левобережных поселений и представлена горшками, орнаментированными преимущественно проколами под венчиком. Срез последнего, зачастую, украшался разнообразными насечками и ногтевыми вдавлениями.

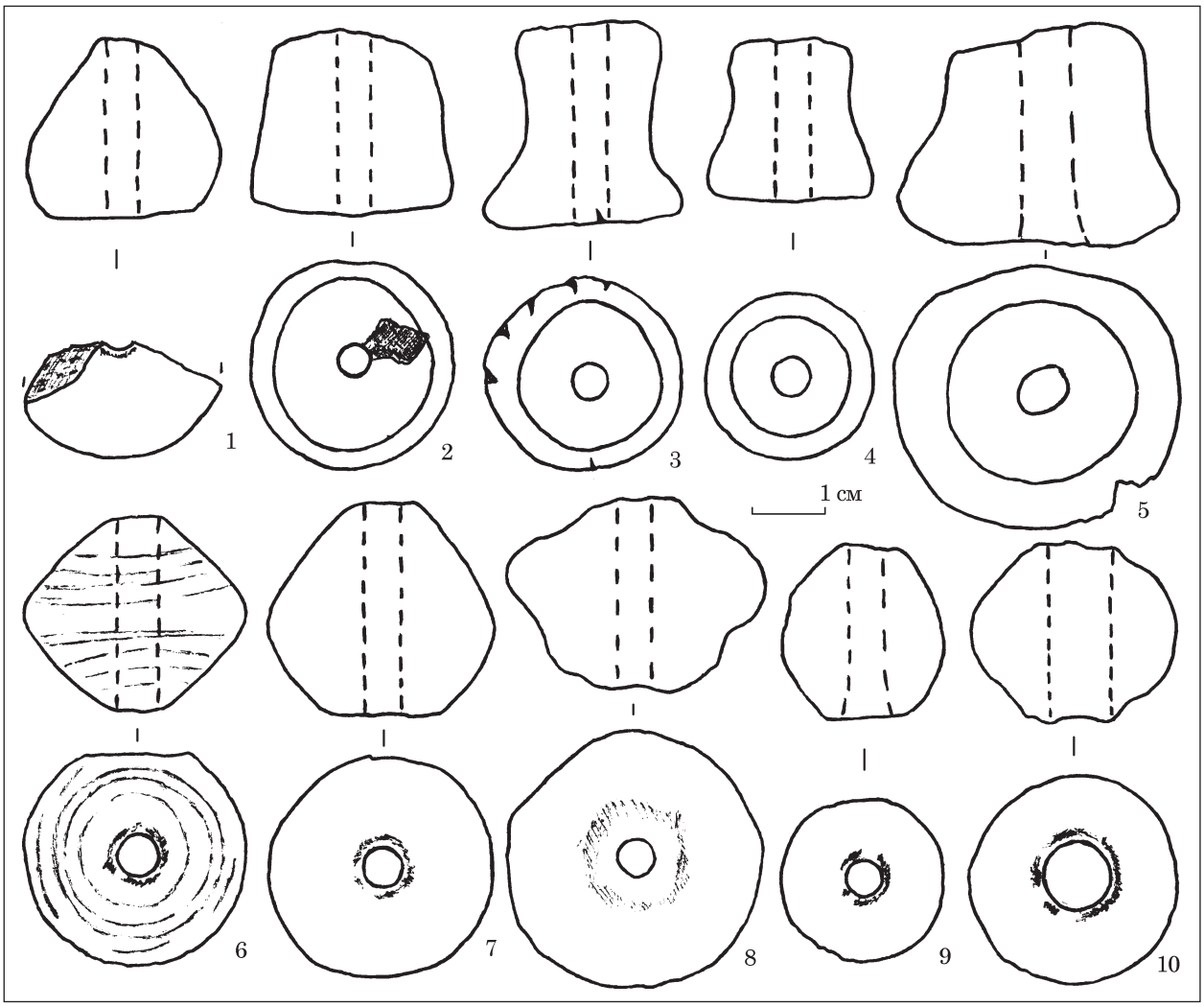


Рис. 3. Глиняные пряслица с раскопок городищ у с. Воргол 1949 г (коллекция НФ ИА НАНУ № 157)

В тесте преобладают примеси шамота. Типологически выделяется несколько форм горшков.

Как показали исследования 2012 г., керамика Западного городища несколько отличалась. Некоторые фрагменты по своей форме и орнаментации идентичны. Вместе с тем, есть находки горшков с практически прямым, слегка отогнутым венчиком без четко выделенных плечиков и шейки. Условно назовем их банковидными. Орнамент на них не наносили (Каравайко 2014, рис. 5). Подобные формы отсутствуют в коллекции Восточного городища. Для более детального сравнения керамики обоих городищ на сегодняшний день, мы не обладаем достаточным количеством фрагментов посуды.

Часть вещей из раскопок 1949 г. хранится в Научных фондах Института археологии НАН Украины [1]. Они представлены железными изделиями роменской культуры или периода Киевской Руси, а также 10 глиняными пряслицами скифского времени (рис. 3). Большинство из них найдено на Восточном городище, три экземпляра происходит из раскопок Западного укрепления (рис. 3: 6, 8, 10).

Пряслица имеют конусовидную (5 шт.), биконическую (3 шт.) и сфероидною формы (2 шт.), соответственно представлены тремя типами, имевшими значительную вариабельность форм в пределах одного типа и подтипа (Щербань 2007, с. 171—175). На изделиях отсутствует орнамент, за исключением одного экземпляра. На нем, по широкой основе, нанесены ногтевые вдавления, расположенные в одной части и не образующие замкнутого круга (рис. 3: 3). Еще одно пряслице имеет небольшие бороздочки, не являющиеся декором, а образованные в результате заглаживания поверхности каким-то предметом (рис. 3: 6). По широкому диаметру отверстия (9 мм) выделяется одно пряслице с Западного городища (рис. 3: 10). Учитывая многослойность памятника, к эпохе раннего железа оно отнесено условно.

Таким образом, раскопки городищ у с. Воргол 1949 г., невзирая на исследованную площадь, являются малоинформативными в плане изучения древностей раннего железного века. Очевидно, что укрепления на обоих мысах возника-

1. Основу коллекции № 157 составляют материалы из раскопок Д. Т. Березовца и В. А. Ильинской на городище Ширяево.

ют в скифское время, однако этот тезис требует подтверждения. Недостаточно материала и для сравнения материальной культуры двух в близи находящихся городищ, выяснения времени их существования. Не располагаем и информацией касательно застройки и каких-либо объектов середины I тысячелетия до н. э., город*ище Ширяево* расположено в 1,1 км на юго-восток от окраины с. Ширяево и к востоку от с. Старые Гончары, слева от дороги Старые Гончары — Линово.

Одно из первых упоминаний о городище содержится в работе Д. Я. Самоквасова, локализовавшего памятник у с. Гончар (1878, с. 229). Впервые обследовал памятник И. И. Ляпушкин в 1947 г (1947, с. 6, уч. карт. XXIII; 1950, с. 52; 1961, с. 134). Собран подъемный материал, проведена зачистка склонов. Было установлено, что с напольной стороны к городищу примыкает поселение с синхронным материалом. Снят план памятника (рис. 4: 1).

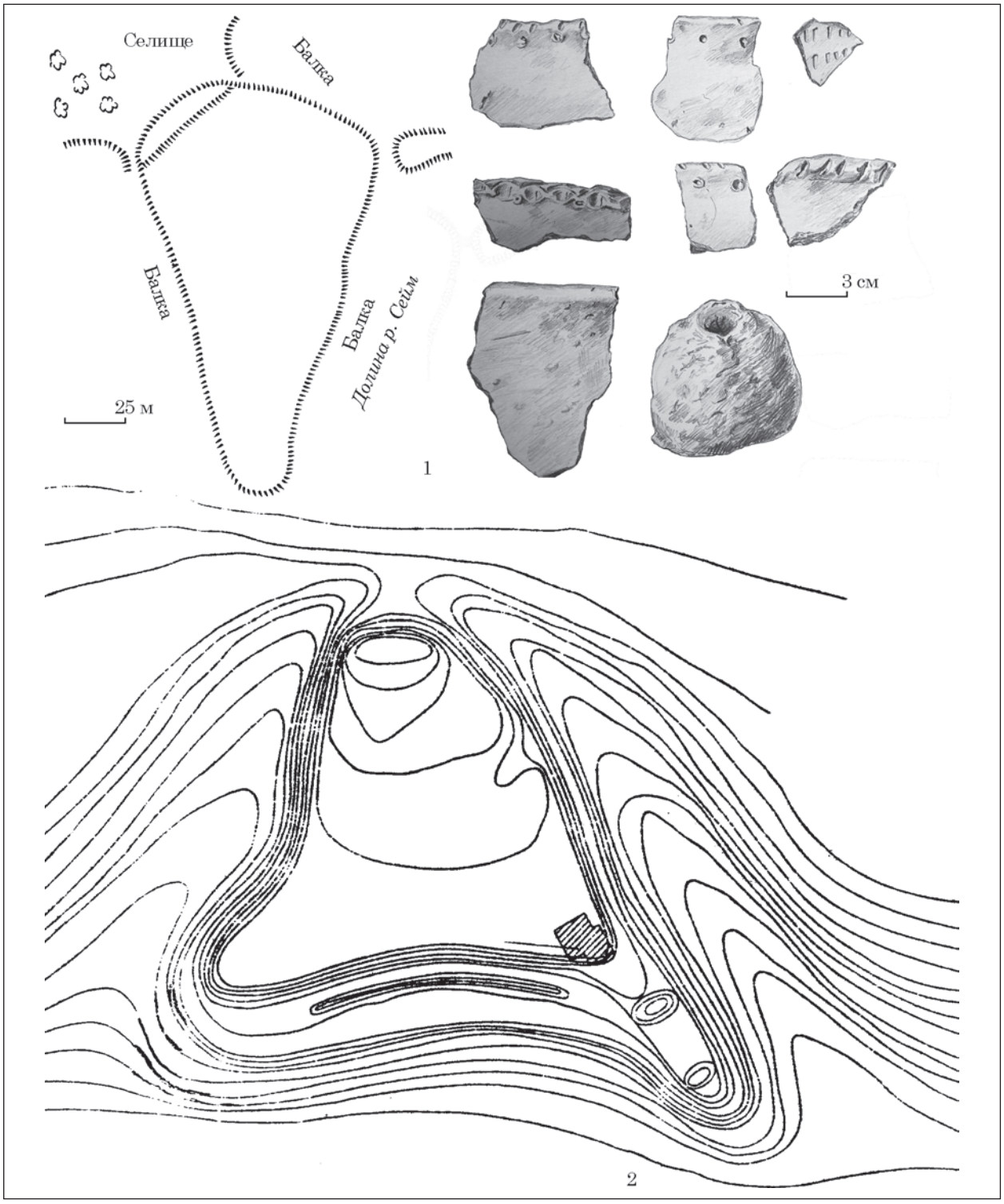


Рис. 4. Городище Ширяево: 1 — план и находки И. И. Ляпушкина 1947 г; 2 — план Д. Т. Березовца 1948 г. (1949 г?)

В 1948 и 49 гг. небольшие раскопки на городище провел Д. Т. Березовец (1948, с. 2—3; 1949; 1952, с. 243). Им же повторно снят план памятника, отличающийся большей детализацией (рис. 4: 2). Археологические исследования продолжила в 1950 г. В. А. Ильинская (1950; 1953). В восточном углу городища она заложила раскоп площадью 160 м^2 (Ильинская 1950, с. 2). Невдалеке, чуть западнее, находился раскоп 2 площадью 16 м^2, информация о котором содержится лишь на страницах дневника. Позднее памятник обследовался О. Н. Мельниковской (1968, с. 3) и О. В. Сухобоковым (1986, с. 83). В 2012 г. был снят новый детальный план городища (рис. 5) (Плаксіна, Каравайко 2012), городище занимает высокий мыс-останец (40—45 м) правого берега Сейма, возвышающийся над заболоченной поймой. Современное русло реки удалено на 7—8 км. С северо-востока и северо-запада площадка ограничена глубокими оврагами с крутыми склонами. Как и многие городища, мыс Ширяевского имеет две стрелки. На южной фиксируется сильно оплывший эскарп, имеющий продолжение по юго-восточному склону. На вершине восточной стрелки в древности мог находиться вал, что подтверждается исследованиями В. А. Ильинской и о чем будет сказано ниже. На плане, на самой стрелке, Д. Т. Березовец отобразил два углубления напоминающие эскарпы или рвы. В целом же, наличие дополнительных укреплений на пологих склонах вполне обусловлено требованиями фортификации., городище имеет форму неправильного треугольника размерами 116 × 65 м. Общая площадь составляет 0,4 га. В северной части площадки расположен вал высотою 2 м и шириною 20 м. От плато городище отделено широкою ложбиною. Склон в этом месте подрезан на высоту 6 м. В юго-восточной части памятника находятся западины, образовавшиеся на месте раскопов 1950 г. С напольной стороны к городищу примыкает поселение с керамикой раннего железного века. Его площадь, по предварительным данным, составляет приблизительно 9,6 га.

Рис. 5. Городище Ширяево, план 2012 г. (съемки А. В. Короти и Е. Н. Осадчего)

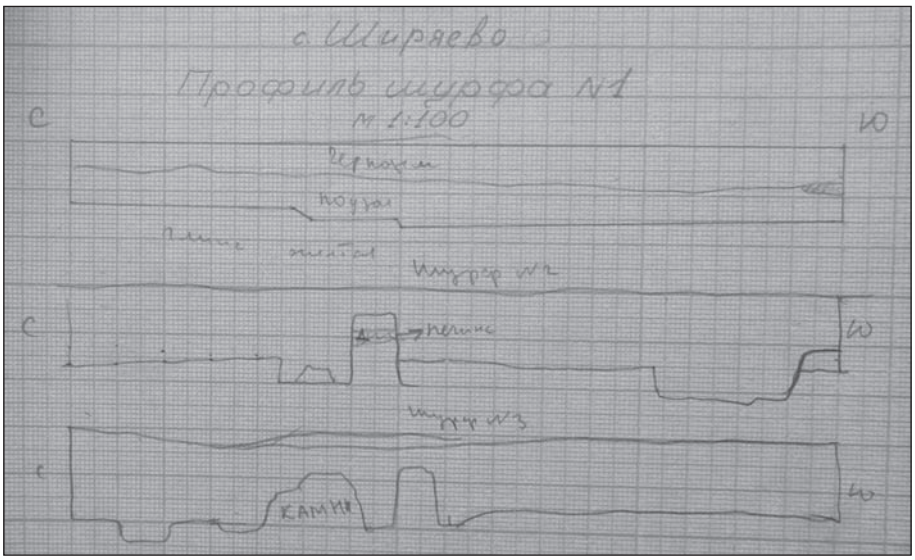


Рис. 6. Чертеж Д. Т. Березовца, городище Ширяево

Мыс впервые был заселен в бронзовом веке. Найденный здесь материал может быть соотнесен с культурой многоваликовой керамики. Основной слой относится к эпохе раннего железа.

Прежде всего, обратимся к результатам раскопок Д. Т. Березовца 1948 и 1949 гг. Информация крайне скудна и содержится преимущественно на страницах полевого дневника.

В 1948 г. планомерных работ на памятнике не проводилось. Во время раскопок городища «Курган» у с. Волынцево, в один из дней, основная часть рабочих по причине религиозного праздника не вышла на раскоп. Тогда Д. Т. Березовец посетил городище Ширяево, где заложил три шурфа (2 × 4; 2 × 4; 3 × 5 м) в центре площадки, на краю северо-западной и в западной частях. Однородный культурный слой достигал мощности 0,8—0,85 м.

В 1949 г. исследования длились всего два дня. В центре площадки было заложено две траншеи размерами 10 × 1 м. Мощность культурного слоя составила 1 и 1,4 м. Во второй траншее выявлены обожженные куски глины со следами прутьев. Третья траншея-шурф находилась в непосредственной близости от вала. Материал в ней отсутствовал. Еще одна траншея заложена в юго-западном углу городища. Здесь «на глубине 0,4 м есть обкладка склона городища, выполненная из разной величины кусков кварцита уложенного в два слоя с земляной прослойкой в 25—30 см толщиной» (Березовец 1949).

Полевые чертежи работ 1949 г. были утеряны в 1950 г. [1] Исключение составляет одни небольшой листик миллиметровки с чертежами профилей трех траншей-шурфов (рис. 6). Исходя из них, на городище заложены еще три траншеи длиною 16 м. Мощность культурного слоя в них достигала в среднем 1,5 м. Эти и ограничивается информация о работе Д. Т. Березовца на памятнике. Исследованная им площадь должна составлять приблизительно 120 м^2.

В 1950 г. работы на памятнике были продолжены В. А. Ильинской. Исследованиями зафиксировано, что пологий восточный склон мыса был дополнительно подсыпан и укреплен обожженной глиняной площадкой. Не исключено, что это остатки основания оплывшего вала, прикрывавшего покатую стрелку мыса. В высоту по центру она достигала 0,6—0,7 м. Края покатые. Рядом находилась наземная постройка размерами не менее 8 × 8 м с глинобитным полом, двумя хозяйственными ямами и множеством ямок от столбов (Іллінська 1953, с. 110—114). Характеристика данных объектов подана в полном объеме, что избавляет нас от повторов. Лишь вкратце остановимся на одном моменте. На площади раскопа в пределах постройки и на вершине глиняной площадки найдено множество камней, порою образующих массивные скопления. Согласно автору раскопок, они относятся к периоду, когда постройка прекратила функционировать, а сами камни заготовлены для оборонительных целей (Ильинская 1950, с. 4; Іллінська 1953, с. 112, 114). Выкладка камней фиксировалась Д. Т. Березовцом и на других участках площадки (рис. 6). Вместе с тем, в процессе исследований было замечено, что на некоторых камнях присутствует вяжущая известковая прослойка, а завал у северо-западной стороны постройки осторожно соотносился с конструкцией жилища (Ильинская 1950, дневник, с. 1, 11). Во время наших работ на городище Викторово Северное в пределах постройки так же обнаружено большое количество камней, принесенных, как и на Ширяево, из отдаленных на несколько километров мест (Каравайко 2017, с. 284—286). Таким образом, вполне можно согласиться с рабочей версией В. А. Ильинской касательно строительной принадлежности камней. Маловероятно их использование в качестве метательного оружия во время обороны. Скопления камней в основе вала прослежено на Мостищенском городище на Дону.

1. В соответствии с внутренней информацией Научного архива ИА НАНУ.

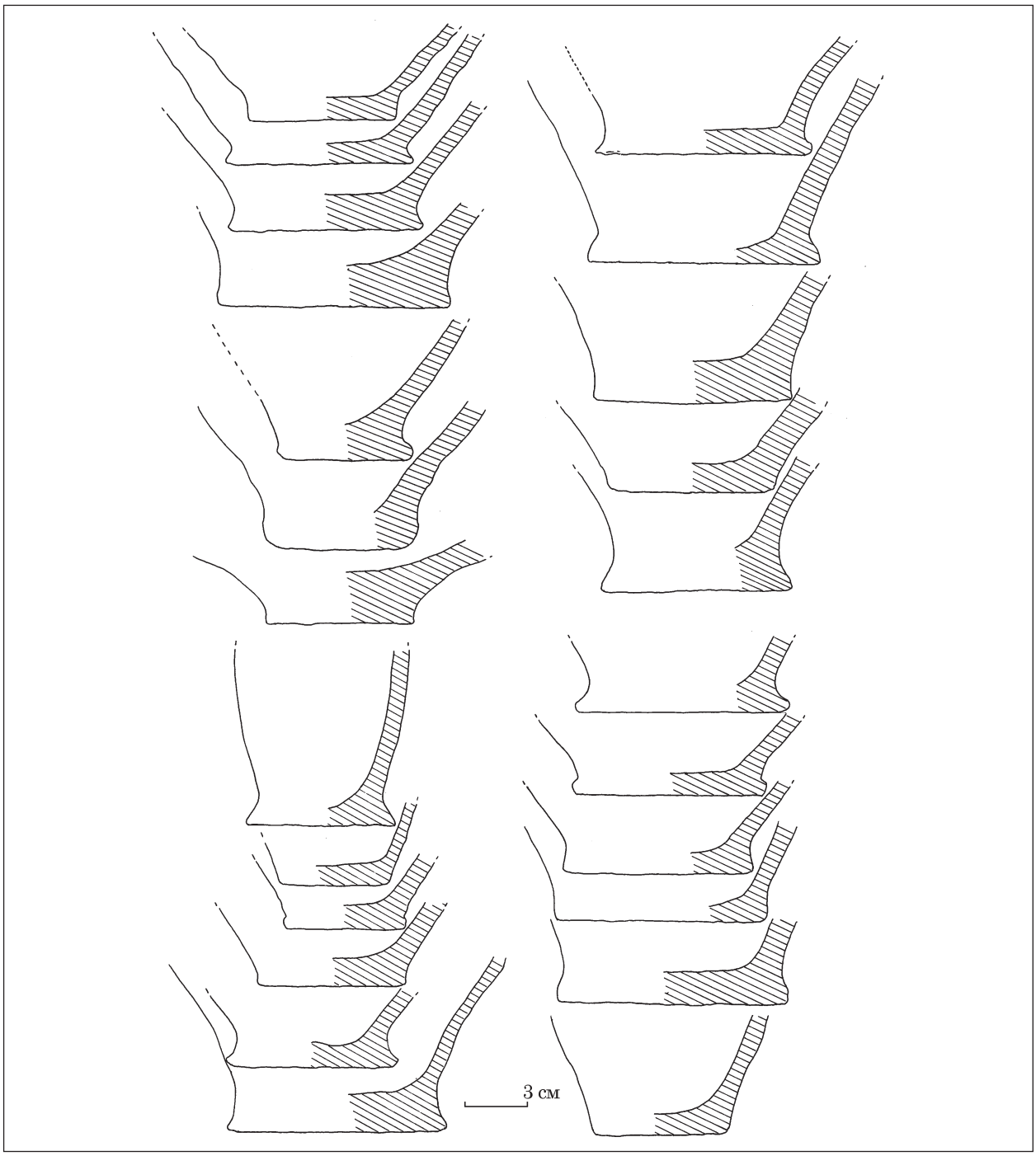


Рис. 7. Донышки горшков с коллекции раскопок городища Ширяево 1949—50 гг.

Вероятно, они представляли собою остатки крепиды либо служили для закрепления деревянных конструкций (Синюк, Березуцкий 2001, с. 98).

Текст публикации 1953 г., фактически, является дубляжем текста отчета 1950 г. Больше информации содержится на страницах дневника и чертежах, что позволяет нам внести некоторые уточнения. Они никоим образом не меняют общую картину и больше представляют историографический интерес. Характерной чертой исследований тех лет является игнорирование подсчетов раскопанной площади, что видно на примере городищ у с. Воргола, приведенного выше. Так, на Ширяевском городище был заложен еще один раскоп 4 × 4 м в 15 м на юго-запад от западного угла раскопа 1. Информация о нем ограничивается его размерами, месторасположением и находками из его слоя. Среди них фрагменты посуды, глиняных блоков-грузил (4 из них найдены в одной кучке), 4 пряслица, каменные песты, железная булавка, обломок бронзового браслета и стеклянная подвеска [1].

1. Согласно текста дневника и полевой описи отчета 1950 г.

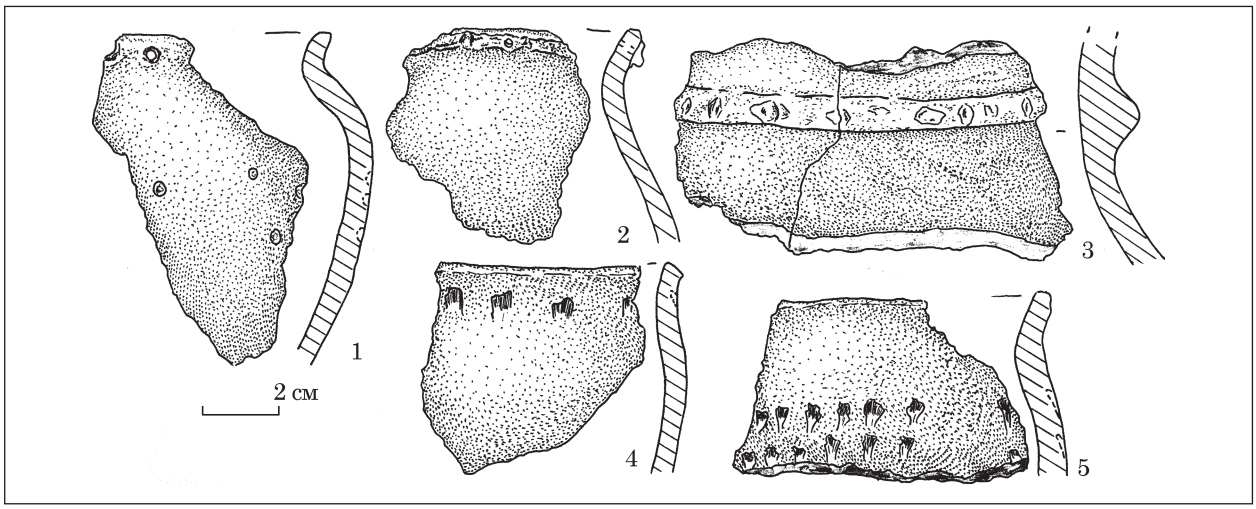


Рис. 8. Редкие типы орнамента на посуде Ширяевского городища

Таким образом, на городище в 1948—1950 гг. была исследована площадь около 300 м^2 (296 м^2), приблизительно такая же, как и на обоих городищах у с. Воргол. Получен достаточно выразительный материал, который, к сожалению, в полной мере не был освещен.

Глиняная посуда Ширяевского городища представлена преимущественно горшками и немногочисленными обломками мисок. Иные виды емкостей единичны. *Горшки* тонкостенны — 0,5—1 см у стенок и венчиков; толщина днищ доходит до 2 см. Согласно фрагментам, поддающимся реконструкции, диаметр венчиков составлял от 9 до 28 см. Высота двух археологически целых сосудов — 9,5 и 13 см. При определении диаметра днищ учтено 93 фрагмента. Так, наибольшее количество горшков имело диаметр дна 8—9 см (30 и 20,4 % соответственно). Реже диаметр составлял 10 и 7 см (15 и 16 %). Максимальный диаметр в 11 см зафиксирован лишь на 4 фрагментах. Немногочисленны и небольшие сосуды с диаметром дна 5 и 6 см (7,5 и 6,4 %). На некоторых донышках зафиксированы отпечатки зерновых. Форма днищ разнообразна: с хорошо выделенной закраиной, слегка намеченной и без нее (рис. 7).

Основной примесью в тесте является песок. Он абсолютно доминирует в сосудах небольших размеров и мисках. Редко добавляли шамот еще реже — дресву. В отдельных случаях присутствовал и песок, и шамот.

Орнамент горшков довольно однообразный. Чуть более половины всех венчиков (53,9 % из 258 учтенных фрагментов) украшены проколами, произведенными с внутренней стороны, в сочетании с декором по краю венчика в виде разнообразных вдавлений и насечек. На 28,2 % (73 фрагмента) нанесены лишь проколы, а срез венчика оставался гладким. В 10,9 % ситуация прямо противоположна. Орнамент присутствовал только по верхнему краю сосуда. Незначителен процент неорнаментированных горшков — 4,2 %. Редкими типами декора являются следующие: жемчужный орнамент в сочетании с насечками по краю венчика (2 фрагмента); округлые вдавления (штамп) по тулубу вместе с проколами под венчиком (1 фрагмент); налепной валик и его имитация под венчиком (2 фрагмента). На двух обломках горшков, по плечикам, присутствовали вдавления, сделанные косо поставленной палочкой-щепкой (рис. 8).

При анализе форм горшков с раскопа 1950 г. В. А. Ильинской было выделено три типа. Горшки, отнесенные к первому, были широко распространены на памятниках Левобережной Лесостепи. Посуда же второго и третьего типов являлась, по ее мнению, местной, характерной для населения бассейна Сейма (Ильинская 1950, с. 9 — 10; Іллінська 1953, с. 115). Долгое время для каждого памятника использовалась своя типология, разработанная его исследователем. Очевидно, что применение единой схемы для широкого круга поселений отдельно взятой территории, на сегодняшний день, не только приемлемо, но и методически обосновано. Опираясь на последние разработки (Пеляшенко 2014, с. 32—41), подробнее рассмотрим типологию керамики Ширяевского городища. Всего было учтено 172 фрагмента венчиков, позволяющих говорить о типе горшков. Подавляющее их большинство (80,8 %) относится к слабопрофилированным горшкам (тип 1 по: Пеляшенко 2014, с. 33—36) [1]. Наибольшее количество венчиков (51,1 %) принадлежат горшкам второго варианта с коротким слабо отогнутым венчиком и короткою шейкой, переходящей в слабопрофилированный бочонковидный корпус (рис. 9: 1—4). Такая посуда найдена на

1. Типология К. Ю. Пеляшенко, к сожалению, не учитывает специфику форм горшков с памятников Посеймья. Часть из них отличается высоко поднятыми плечиками, что сближает их с горшками лесной юхновской культуры. Возможно, их следует выделять в отдельный вариант 1 типа. Более детальный анализ посуды Путивльского Посеймья запланирован в совместной статье автора и К. Ю. Пеляшенко.

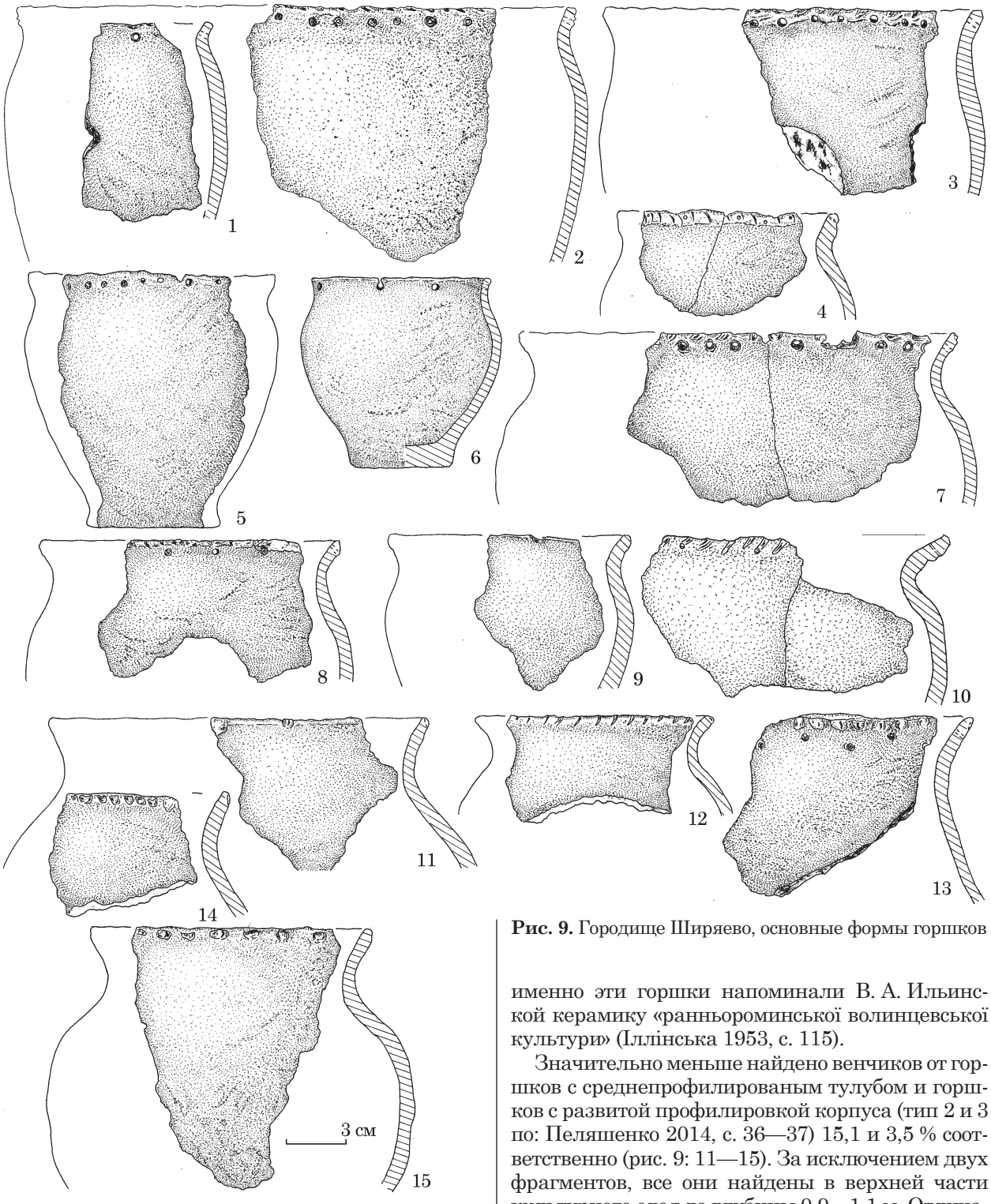


Рис. 9. Городище Ширяево, основные формы горшков

разных глубинах, от самого верха до уровня материка. 28 % или 48 фрагментов венчиков принадлежит к первому варианту — горшки с плавно отогнутым венчиком и выраженною широкою шейкою, преходящей в слабопрофилированный тулуб (рис. 9: 5—9). Также найдены по всей глубине слоя, но основная часть фрагментов таких сосудов концентрировалась в его нижней части. Всего три фрагмента венчиков можно условно отнести к 3 варианту — горшки с широким горлом и сильно отогнутым краем (рис. 9: 10). Видимо именно эти горшки напоминали В. А. Ильинской керамику «ранньороминської волинцевської культури» (Іллінська 1953, с. 115).

Значительно меньше найдено венчиков от горшков с среднепрофилированым тулубом и горшков с развитой профилировкой корпуса (тип 2 и 3 по: Пеляшенко 2014, с. 36—37) 15,1 и 3,5 % соответственно (рис. 9: 11—15). За исключением двух фрагментов, все они найдены в верхней части культурного слоя до глубины 0,9—1,1 м. Отличаются эти горшки и своим декором. Основным типом орнамента на них являются разнообразные вдавления и насечки, выполненные по краю венчика, лишь изредка сочетающиеся с проколами. Последний вид орнамента абсолютно доминирует на горшках первого типа.

Распределение горшков Ширяевского городища по типам с учетом глубины находки полностью подтверждает выводы К. Ю. Пеляшенко, сделанные на материалах памятников Днепро-Донской Лесостепи. Так, керамика 1 типа, где

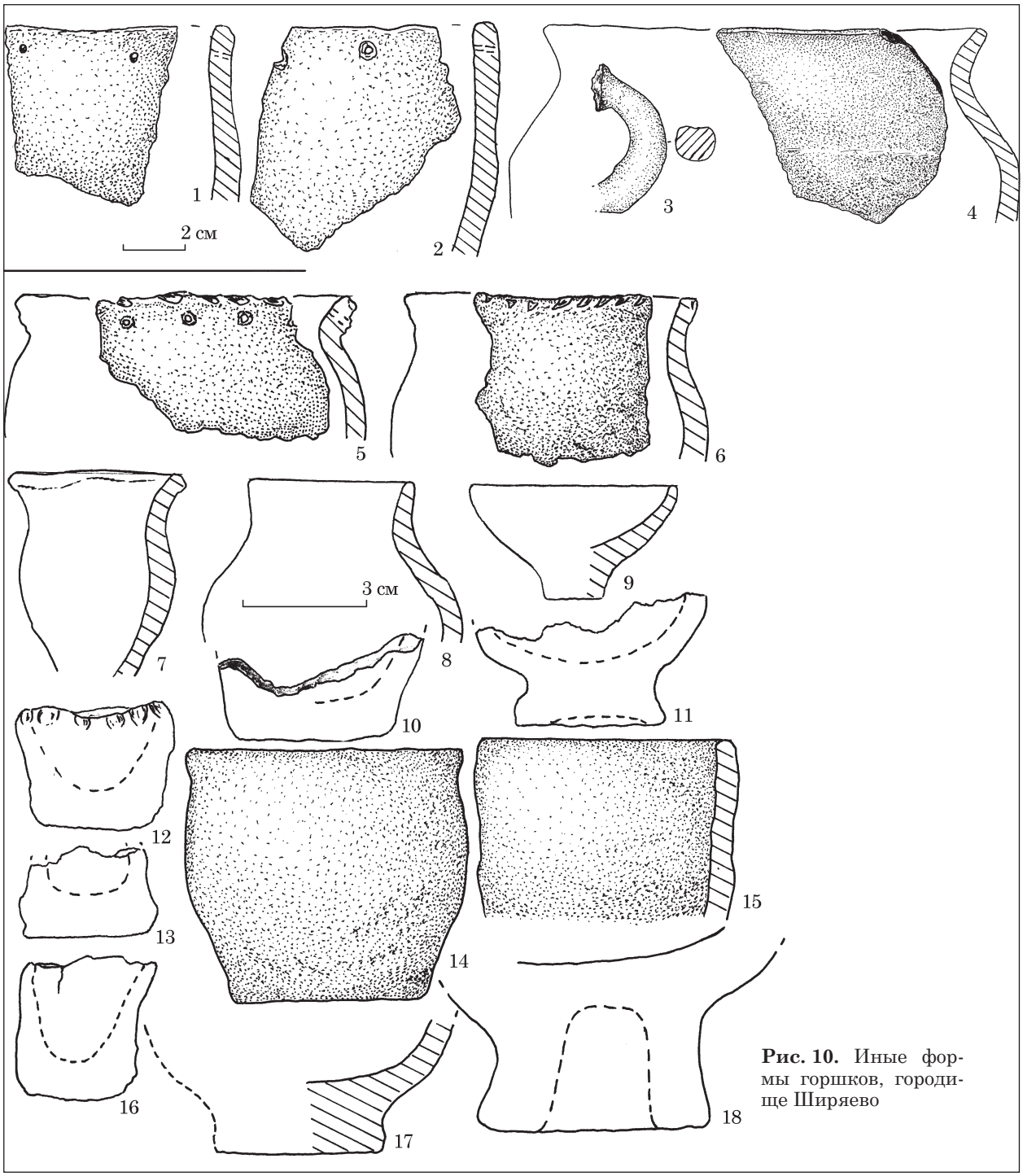


Рис. 10. Иные формы горшков, городище Ширяево

горшки второго варианта является наиболее распространенными, характерна для всего скифского периода. В раннескифское время процент такой посуды наиболее велик, а к IV в. до н. э. он постепенно снижается. Горшки 2 и 3 типов появляются в среднескифское время, и они не характерны для архаичных керамических комплексов (Пеляшенко 2014, с. 33—39). Таким образом, горшки Ширяевского городища с раскопок 1949—50 гг. абсолютно идентичны посуде памятников скифского времени Левобережной Лесостепи, естественно, учитывая локальные особенности последних, о чем сказано выше. Исключение составляют два фрагмента венчиков, украшенных косыми насечками (рис. 8: 4—5). По своей форме и орнаментации они аналогичны керамике юхновской культуры. Короткий венчик слегка отогнут, шейка небольшая, плечики высоко подняты.

Среди прочей керамики — два венчика от сосудов-банок, ручка кружки, фрагмент венчика горшковидного лощеного кубка (рис. 10: 1—4). Миниатюрные посудины и сосуды малых форм представлены как маленькими горшочками, повторяющими по форме и орнаментации бытовую посуду, так и формами, характерными только для мелкой глиняной пластики (рис. 10: 5—18).

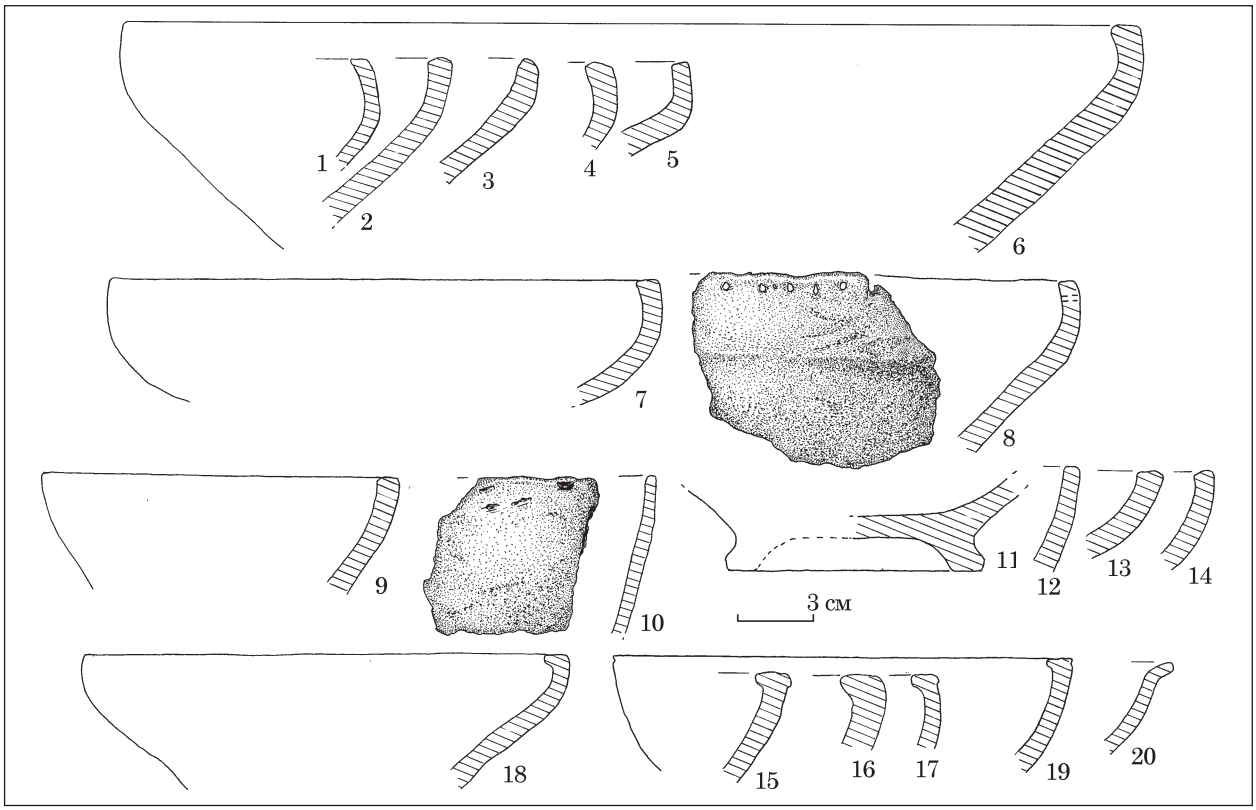


Рис. 11. Находки фрагментов мисок

Рис. 12. Обломки амфор

И. И. Ляпушкин, проведя широкомасштабные разведки на памятниках бассейна р. Сейм, отмечал ряд особенностей местной материальной культуры, в частности, малое количество находок **мисок** (Ляпушкин 1950, с. 60). В результате исследований 1949—50 гг. Ширяевского городища найдено 21 фрагмент мисок 19 из которых — венчики. В большинстве случаев они выявлены в верхней части культурного слоя на глубине до 0,9 м. Диаметр венчиков составлял от 14 до 40 см. Орнамент на мисках Ширяево, как и на остальных памятниках Левобережья, наносили редко. Так один фрагмент украшен проколами, на втором — нанесены небольшие насечки под венчиком (рис. 11: 8, 11).

Миски из коллекции раскопок 1949—50 гг. представлены несколькими типами (по: Пелященко 2014, с. 54—65): с округлым корпусом и вертикально поставленным бортиком (тип 4) — 8 шт.; с прямыми краями и коничным или ок-

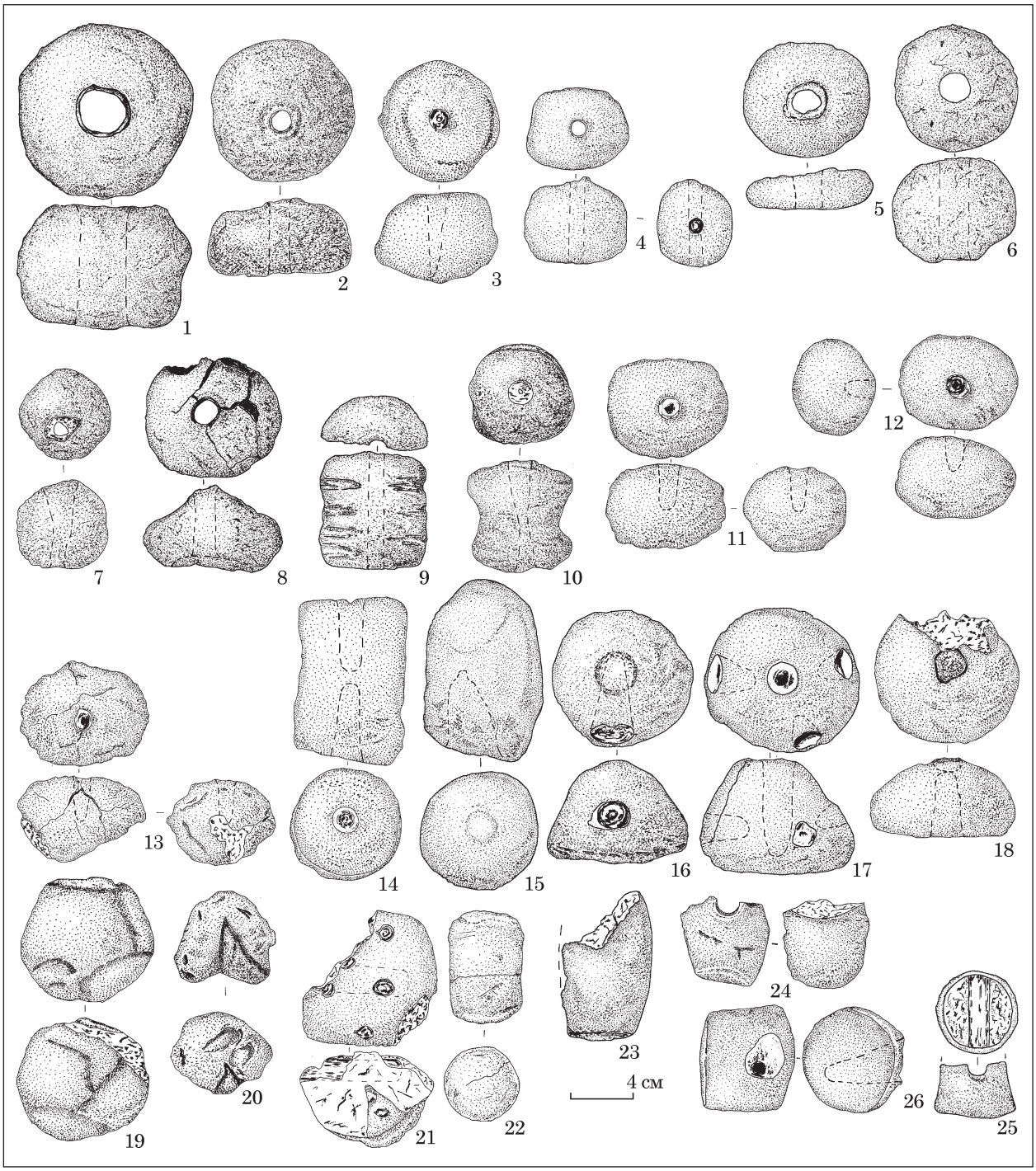


Рис. 13. Глиняные грузила, конусы

ругло-коничным корпусом (тип 5) — 5 шт.; с резко загнутой под прямым углом закраиной (6 тип) — 5 шт. Найден лишь один венчик миски с отогнутым широким краем (тип 7) бытовавшим в предскифское и раннескифское время (рис. 11). Все остальные типы использовались населением Днепро-Донской Лесостепи на протяжении всего скифского времени (Пеляшенко 2014, с. 62—64).

Из раскопок Д. Т. Березовца происходит 9 фрагментов *античных амфор*, три из которых, безусловно, принадлежат одному сосуду (рис. 12). К сожалению, глубины находок не указаны. Отсутствие профилирующих частей крайне снижает информативность данного материала. По характеру глиняного теста можно говорить лишь об их северо-эгейском происхождении. Определение даты и центра производства крайне затруднительно [1]. Среди прочих фрагментов обращает на себя внимание обломок амфоры со следами затёртости по краям. Вероятно, он был использован как лощило или

1. Консультация получена от А. В. Каряки.

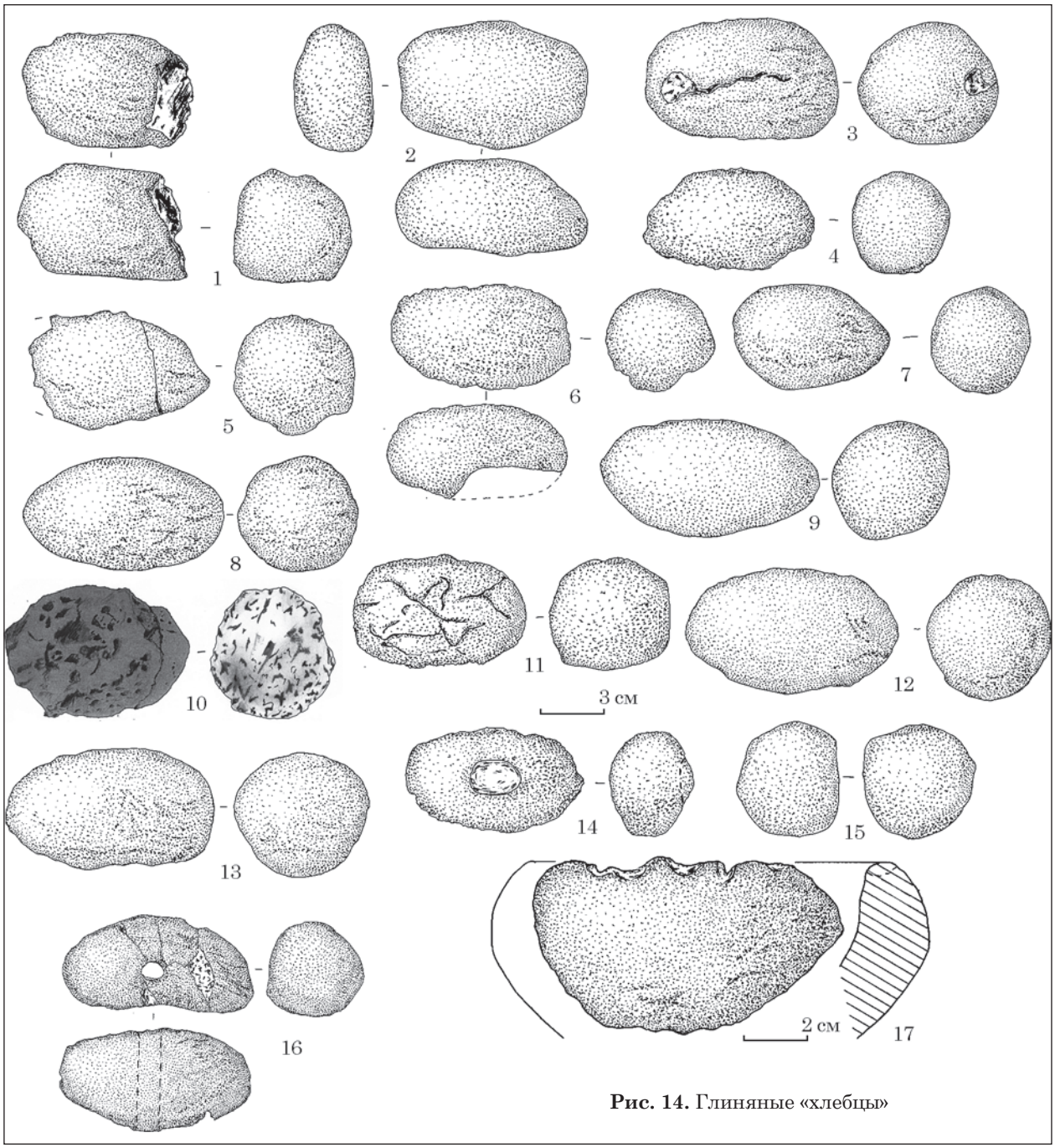


Рис. 14. Глиняные «хлебцы»

же оселок. Аналогичная находка происходит с городища Посеймья «Скиток» у с. Новая Слобода (Каравайко 2015, с. 74, рис. 8: 4). Для памятников скифского времени Посеймья находки античной керамики явление редкое. Так, на полностью исследованных городищах Кузина Гора и Марица они единичны. В частности, на последнем, при общей раскопанной площади в 4000 м^2, их найдено всего 24 фрагмента (Пузикова 1981, с. 41), а на городище Переверзево I античный импорт и вовсе отсутствует (Пузикова 1997, с. 37).

Публикуя результаты исследования городища Ширяево, В. А. Ильинская отмечала большое количество находок изделий из обожженной глины [1]. Вслед за М. В. Воеводским, проводившем раскопки на юхновских городищах Десны, она называла их грузилами. Их предназначение определялось как грузик рыболовных сетей или же для иных целей (Іллінська 1953, с. 117). Подобные находки по своим формам и размерам различаются, что позволяет предположить и их различные функции.

Глиняные грузила с отверстиями в коллекции представлены немного более чем 34 предметами (рис. 13: 1—10). Самое большое из них имеет размеры 11,4 × 8 см, наименьшее — 6,5 ×

1. При подготовке публикации материалов коллекции учтено 70 таких изделий.

5,5—4,9 см. Отверстие выполнено небрежно. Его диаметр составляет 1—2 см. На некоторых экземплярах одна часть прокола имеет стандартный размер, в то время как вторая предельно узка — всего 0,2—0,5 см. Качество обжига грузил или хорошее, или удовлетворительное. Их поверхность, как правило, неровная и шершавая. В тесте изредка видны примеси песка и органики. Формы грузил в сечении разнообразны: прямоугольные или приближенные к квадрату, округлые, конические, цилиндрические и цилиндрические с перехватом по центру. Орнамент отсутствует. На некоторых экземплярах видны следы затирания в виде углубленных линий, небольшие параллельные вдавления.

Аналогичные грузила являются массовой находкой на городищах юхновской культуры. По качеству обработки поверхности, обжигу и контексту находки были выделены отдельно изделия, предназначавшиеся для рыболовных сетей, отдельно для ткацкого станка (Каравайко 2007; Горбаненко, Каравайко 2012, с. 46—47). Для грузил Ширяевского городища сделать подобное распределение пока не представляется возможным. Очевидно, что часть из них использовалась для сетей. О развитом ры-

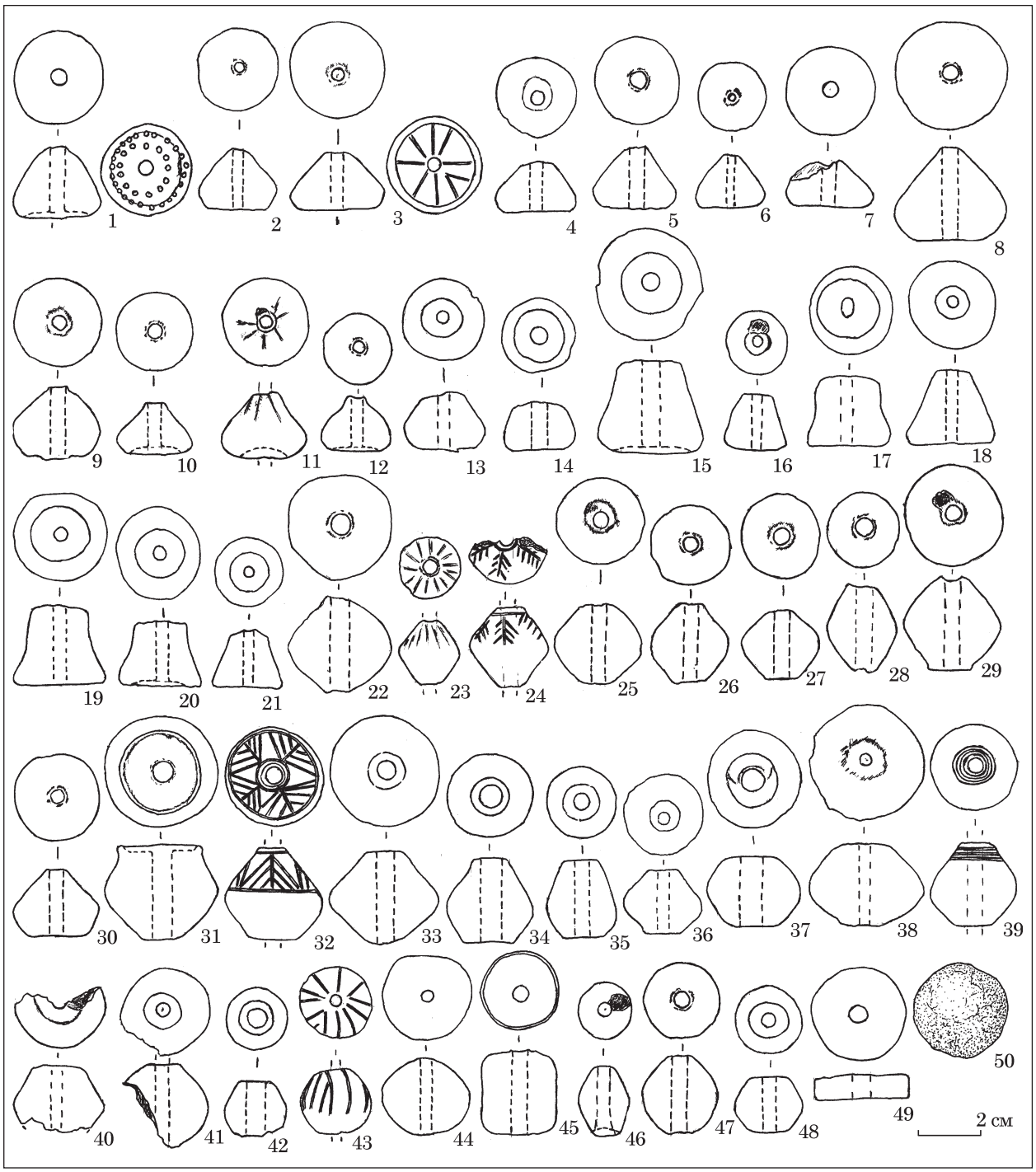


Рис. 15. Глиняные пряслица

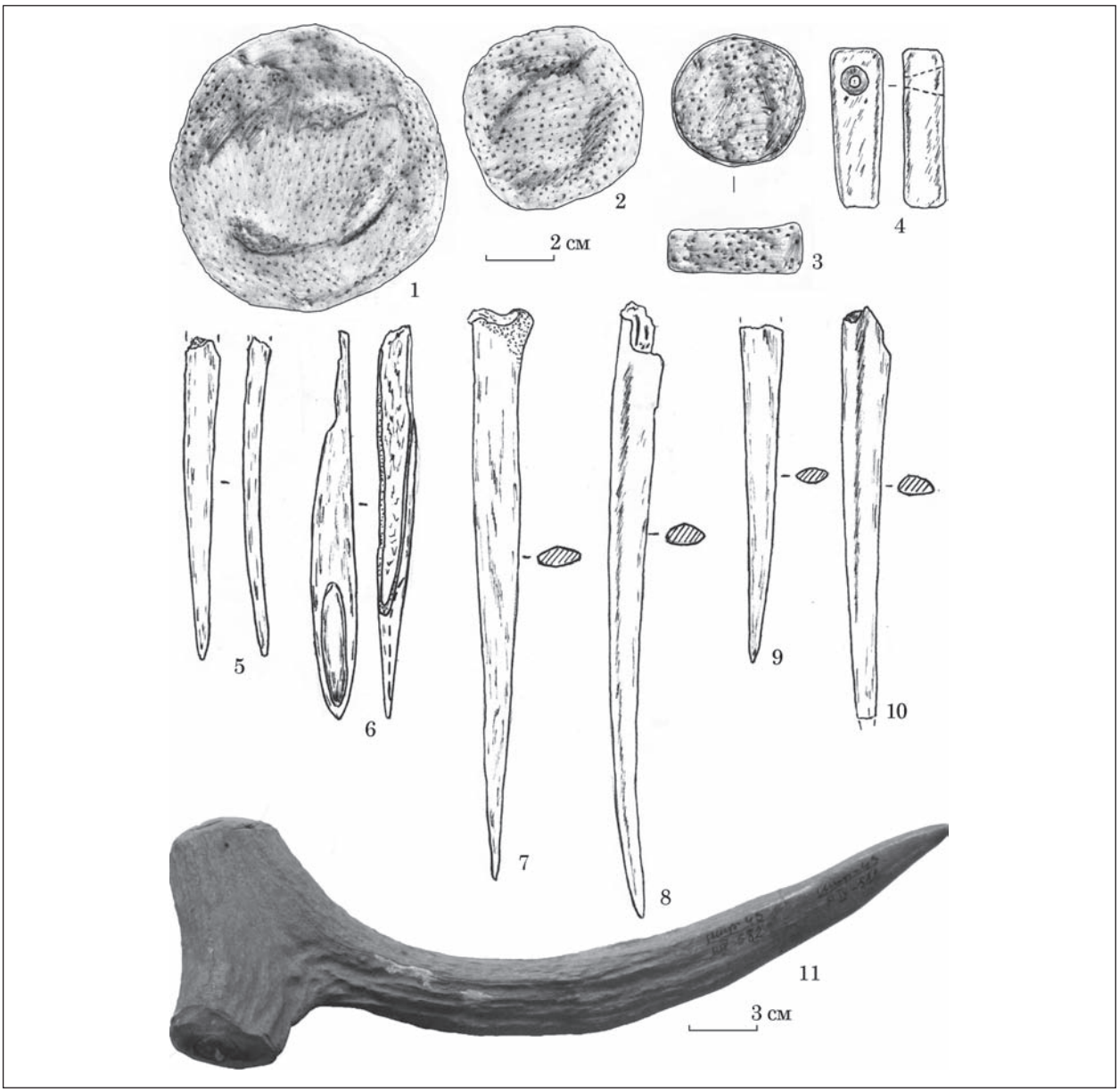


Рис. 16. Находки из камня и кости

боловстве свидетельствуют и находки рыбьей чешуи (Іллінська 1953, с. 119). Безусловно, они могли быть и полифункциональными.

На основании раскопок Жадинского городища, А. И. Пузикова пришла к выводу, что грузила бытуют на памятниках Посеймья лишь в VI в. до н. э. (1997 с. 78). Находки этих изделий по всей толщине культурного слоя городища Ширяево свидетельствуют об их использовании на протяжении всего скифского времени.

Ряд так называемых грузил не имел отверстий. Вместо него нанесено одно или реже несколько глубоких вдавлений (рис. 13: 11—18). Форма таких изделий округлая (овальная), цилиндрическая или коническая. Размеры такие же, как и средние размеры грузил. Обращает на себя внимание коническое «грузильце» в котором изначально получилось сквозное отверстие (рис. 13: 18). Перед обжигом его залепили небольшим кусочком глины, что говорит о том, что для данного изделия принципиально необходимо было именно глубокое вдавление. Соответственно такие предметы не крепились при помощи нити и не использовались для сетей или ткацких станков. В отверстие могла вставляться палка.

Несмотря, что разнообразные глиняные блоки являются не редкой находкой, вопрос о предназначении этих предметов остается открытым, на что не раз указывали исследователи. Б. А. Шрамко, предполагал, что они были полифункциональными и могли использоваться в качестве подставок для лучины или шампура, не исключая функцию грузиков рыболовных сетей (Шрамко 1998, с. 117). По мнению А. Е. Алиховой, блок с небольшой ямочкой являлся подставкой для тигля (1962, с. 109, рис. 13). Интересно, что в коллекции с раскопок Ширяевского городища отсутствуют так назы-

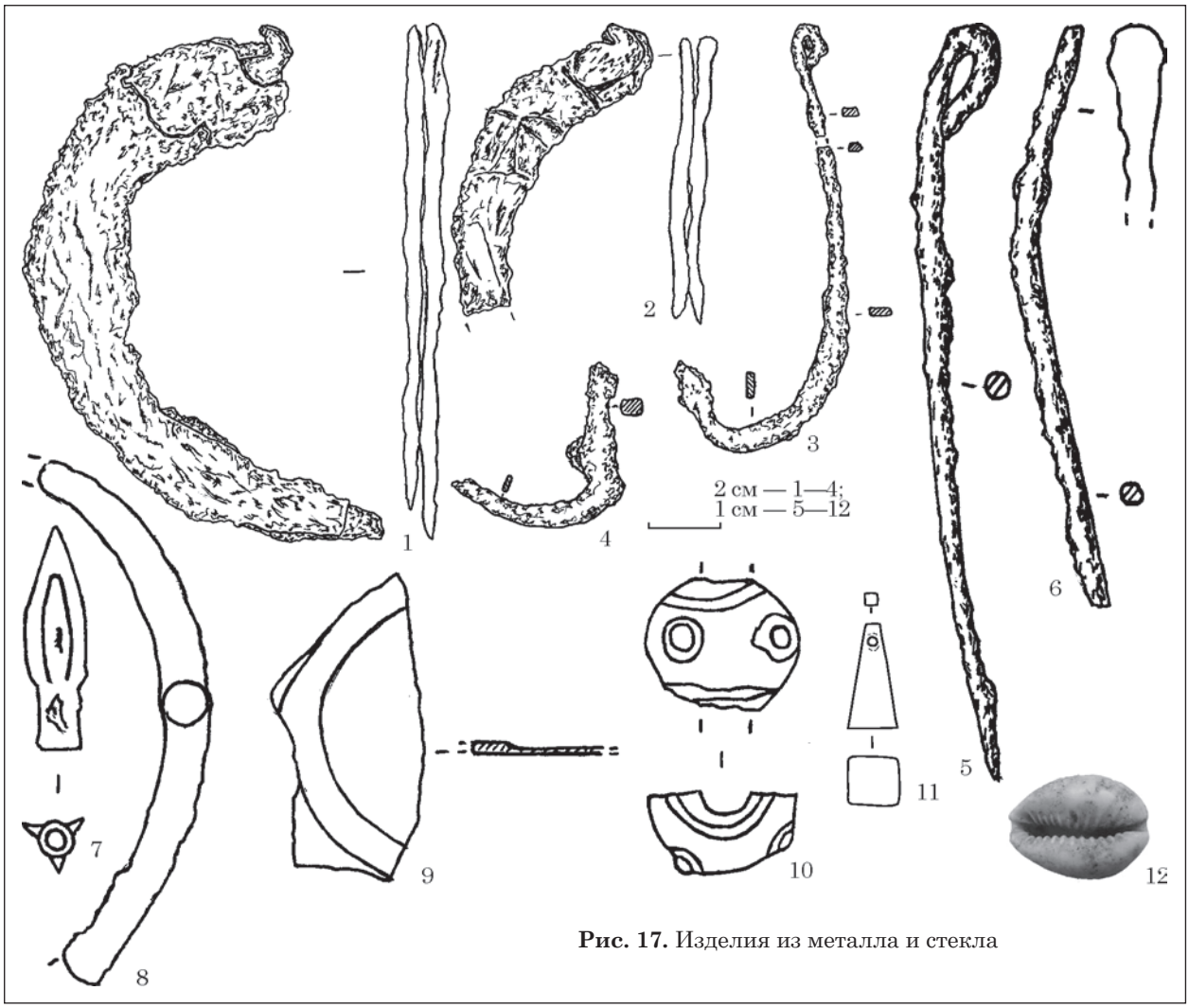


Рис. 17. Изделия из металла и стекла

ваемые конусы, широко распространенные на иных памятниках Лесостепного Левобережья, и в частности на Кнышевском городище (Гавриш 2000, с. 106, рис. XXVI: 15). Именно они, по мнению А. Л. Щербаня, использовались на ткацких станках (Щербань 2007, с. 61—64, рис. 16).

Три глиняных предмета в форме шара, конуса и цилиндра вообще не имели ни отверстий, ни вдавлений (рис. 13: 19, 20, 22). При этом, конус вылеплен особо небрежно. Другие же изделия фрагментированы (рис. 13: 21—26). Некоторые из них отличаются особо тщательно заглаженной поверхностью. Орнамент в виде неровных вдавлений присутствовал лишь на одном предмете. Можем лишь предположить, что описанные грузила-блоки, по крайней мере часть из них, могли быть орудиями для работы гончара с глиною. Так, в археологических культурах Непала середины I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э. известны глиняные конусы с несквозным отверстием, схожие на описанные выше. Древние гончары, одевая их на палочку, обрабатывали внутреннюю нижнюю часть сформированного сосуда (Кашкин 1981, с. 242, 246).

Нельзя не отметить довольно большое количество находок грузил и грузил-блоков на городище Ширяево. Подобные изделия в большом количестве найдены на памятниках юхновской культурой и наряду с некоторыми иными вещами определяют специфику материального комплекса этого лесного населения (Каравайко 2012, с. 100). Массовое употребление грузил на Сейме может объясняться не столько влиянием со стороны соседей, сколько схожим хозяйственно-культурным типом.

Еще одной категорией глиняных вещей являются так называемые *хлебцы*. Их в коллекции насчитывается 15 целых экземпляров (рис. 14). Длинна таких изделий в среднем 8—10 см, ширина (высота) — 5—6 см. Поверхность некоторых хлебцов хорошо заглажена, а некоторых — крайне неровная, шершавая и вся в трещинках (рис. 14: 10). Обжиг хороший. Часть таких предметов имеет «площадку», благодаря которой они находятся на поверхности в устойчивом положении. Одно изделие имеет сквозное отверстие и несколько выгнутую форму (рис. 14: 16).

Глиняные хлебцы являются довольно частой находкой на городищах юхновской культуры, памятниках лесостепной зоны и на тех же поселениях Посеймья. Они выявлены поодиночке или же в скоплениях. Вопрос же об их предназначе-

нии, как и в ситуации с разнообразными глиняными блоками, остается открытым. Как правило, их соотносят с культовой сферой (Пузикова 1997, с. 78). Не исключено, что что они являются моделью хлеба, выпекаемого древними жителями поселения (Каравайко 2017, с. 286). Интересна находка глиняного бортика жаровни (?) с того же городища Ширяево. Толщина стенки — 2—2,2 см, диаметр по верху — 11 см. По краю украшен пальцевым вдавлениями. В тесте примеси мелкой дресвы и шамота (рис. 14: 17). Такое блюдо вполне могло использоваться для выпекания хлеба той формы, которую имеют глиняные хлебцы. Правомерным будет замечание о проблематичности выпечки такого хлеба без использования дрожжей. И все же она возможна, хоть тесто по своим вкусовым качествам не будет соответствовать современным стандартам.

В пользу культового предназначения хлебцов говорит их находка в тризне погребения юхновской культуры на городище Киселевка II (Каравайко 2010, с. 254, рис. 14; 2012, с. 103). Здесь их можно рассматривать в качестве приношения покойнику, как заупокойную трапезу. Как предположение, в данных хлебцах можно увидеть и увеличенную копию зерен злаковых и трактовать их как символ новой жизни или возрождения. Возможность сакрального использования не исключает и бытовую функцию хлебцов. В противном случае сложно объяснить большое количество таких находок на относительно небольшой раскопанной площади.

Еще одной категорией технической керамики являются *пряслица*. В коллекции раскопок 1949— 50 гг. они представлены 49 экземплярами (рис. 15). Наибольшее их количество, по типологии А. Л. Щербаня (2007, с. 37—39, додаток В1), имеет форму конуса (21 шт.) или же биконические (21 шт.). Пряслица разных подтипов для каждого типа составляют приблизительно одинаковое число. Иные формы представлены единичными экземплярами (сфера — 4 шт.; цилиндр — 1 шт.). Два пряслица изготовлены из фрагментов сосудов (рис. 15: 48—49). Одно из них, биконической формы, выполнено из ручки (?) амфоры. Предназначение еще одного предмета, в виде обожженного глиняного шарика диаметром 3 см, не ясно (рис. 15: 50).

Орнаментированных пряслиц немного, всего 7 штук (рис. 15: 1, 3, 23, 24, 32). Декор представляет собою прочерченные линии, расходящиеся в разные стороны от отверстия. В одном случае они дополнены маленькими штришками, что образует так называемый елочный орнамент. Одно изделие украшено заштрихованными треугольниками, другое — двумя кругами округлых вдавлений. Анализируя орнаментацию пряслиц с поселений Левобережной Лесостепи скифского времени, А. Л. Щербань считает, что его нанесение было связано с культом плодородия (2007, с. 124).

Орудия из камня немногочисленны. Преимущественно это терочники округлой формы диаметром от 6 до 11 см (рис. 16: 1—2). Возможно именно для растирания не столь крупного как зерно материала, предназначен был округлый диск диаметром 4 см и высотою 1,2—1,5 см (рис. 16: 3). Среди прочих находок — небольшой оселок размерами 4,7 × 1,2 × 1,5 см с круглым отверстием для подвешивания (рис. 16: 4).

Культурный слой городища насыщен костями как домашних, так и диких животных. Материал, полученный в ходе раскопок 1950 г незначителен (442 кости домашних и 63 диких животных). В стаде домашних животных преобладали крупный рогатый скот и свинья. На втором месте — конь и мелкий рогатый скот. Объектами охоты преимущественно были лось, олень и дикая свинья (Ильинская 1950, с. 13—14; Іллінська 1953, с. 119). Находки *изделий из кости* немногочисленны. В основном это проколки, выполненные из ребер и трубчатых костей (рис. 16: 5—10). Из рога оленя изготовлено орудие труда, напоминающее мотыгу (рис. 16: 11).

Среди *железных предметов находки* двух булавок с петлевидными головками. Верх одной из них сильно коррозирован, что позволяет лишь предполагать наличие здесь петли (рис. 17: 5—6). Подобные украшения относятся к 21 типу 2 варианту (по В. Г. Петренко) и были широко распространены прежде всего, у населения Правобережной Лесостепи и ворсклинской группы (Петренко 1978, с. 18, табл. 12: 16—28; Шрамко 1987, рис. 12: 11; 14: 6; 20: 1), а также на других памятниках Левобережья (Гречко 2010, рис. 77: 1—5). Схожая булавка найдена и на городище Викторово, так же расположенном в Путивльском Посеймье (Каравайко 2017, с. 284, рис. 5: 2). А вот на полностью исследованных городищах Курского Посеймья (Марица, Кузина Гора и Переверзево I) находки данного типа булавок отсутствуют (Алихова 1962, с. 105—106; Пузикова 1981, с. 79—81; 1997, с. 62—63).

В одной из ямок жилища найдены четыре железных предмета: два серпа, один из которых сохранился полностью, рыболовный крючок и орудие труда, предназначение которого, из-за его фрагментарности, не ясно (рис. 17: 1—4). Оба серпа состояли из двух спаянных пластин (рис. 17: 1—2). Их подробное описание подано в статье В. А. Ильинской (1953, с. 117), что избавляет нас от повтора. Они относятся к 3 типу, по Ю. А. Краснову, немногочисленной находкой на памятниках скифского времени Лесостепи (к тому же отличаются изгибом лезвия) и находят прототипы в серпах срубной культуры (Краснов 1971, с. 73; Либеров 1962, с. 40, рис. 9: 1; Гречко 2010, рис. 90: 1, 8—9). В Посеймье схожий серп происходит с городища Марица (Пузикова 1981, с. 65, рис. 37: 28). Для юхновских городищ этого микрорегиона характерен иной тип серпа — с перпендикулярным к лезвию черенком (Алихова 1962, рис. 5: 10—12; Мельниковська, Симонович

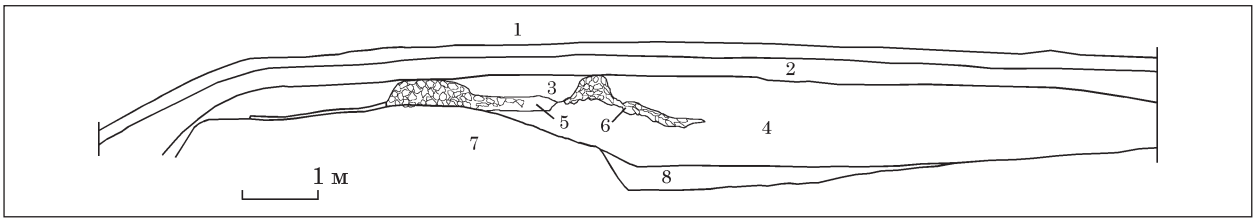


Рис. 18. Разрез раскопа В. А. Ильинской 1950 г.: 1 — дерновый слой; 2 — гумусный чернозем с большим количеством камней; 3 — чернозем; 4 — серый золистый слой: 5 — желтая глина; 6 — камни; 7 — обожженная площадка; 8 — коричневый слой, пол жилища

1975, с. 80). Такие формы найдены и на городище Переверзево I (Пузикова 1997, рис. 22: 22).

Условие находки данных изделий, а также их различная функция, позволяют сделать предположение, что они, как наиболее ценное имущество, были спрятаны во время угрозы грабежа.

Находки из бронзы немногочисленны. Среди них скифский трехлопастный наконечник стрелы с удлиненной втулкой и обломок круглого в сечении браслета или гривны (рис. 17: 7—8). Еще один предмет из коллекции, вероятно, происходит с раскопок Д. Т. Березовца. Это обломок округлой пластина с небольшим бортиком (рис. 17: 9). Не исключено, что найден он на городищах у с. Воргол, да и датировка скифским временем под вопросом.

Украшения представлены двумя фрагментами пастовых бусин, один из которых голубого цвета не сохранился. Второй имел темно синий практически черный цвет, с зеленым глазком, белыми полосками и кружками у глазка (рис. 17: 10). Размеры — 2,2 × 1,8 см. Прямой аналогии данной бусине в сводах Е. М. Алексеевой нет. Наиболее близкий, но не аналогичный по орнаменту экземпляр относиться к типу 363 и датируется первыми веками нашей эры (Алексеева 1978, с. 54, табл. 32: 13).

Еще одна бусина-привеска, выполненная из светло голубого, стекла имела пирамидальную форму (рис. 17: 11). Абсолютно аналогичная находка происходит с Кнышевского городища (Гавриш 2000, с. 111, рис. XXXII: 31) и многих других памятников Лесостепи скифского времени (Гречко, 2010, рис. 78: 16; 80: 8). На дне постройки (по тексту статьи В. А. Ильинской) или на глубине 0,9 м (судя по инвентарной описи материала) найдена раковина каури (рис. 17: 12).

Еще одна категория находок о которых информация есть в отчете и отсутствует в статье 1953 г. — это *разрозненные человеческие кости* (Илинская 1950, с. 15). Найдены он по всей толщине культурного слоя. Среди костей обломки нижней челюсти и черепной коробки, плечевая, малая и большая берцовые кости. Отмечая факт наличия отдельных костей на Ширяевском городище и ряде других памятников левобережной Лесостепи, В. А. Ильинская считала, что это не дает оснований для отождествления давнего населения с андрофагами, упомянутыми Геродотом, а «питання про знахідки людських кісток в культурних шарах різних поселень мабуть знайде собі якесь інше, буденне пояснення» (Іллінська 1970, с. 35). Кроме того, анализ показал, что кости не были сварены и не находились в огне (Илинская 1950, с. 15). На многих дьяковских городищах найдены разрозненные кости скелета человека. Их вполне можно рассматривать как переотложенные остатки первичных захоронений, а соответственно предполагать многоступенчатый обряд погребения (ингумация, до полного или частичного разложения мягких тканей, с последующей эксгумацией и кремацией на стороне) (Кренке 2011, с. 211—214). Не исключено, что наличие людских костей в слое Ширяевского городища следует объяснять именно так.

Несколько слов о *хронологии памятника*. Дата Ширяевского городища определялась В. А. Ильинской на основе находки наконечника стрелы, время бытования которого ограничивалось временем не позднее конца VI — начала V вв. до н. э. Обнаружен он непосредственно на глиняной площадке вала. Исходя из этого сделан вывод, что «культурные остатки ниже площадки принадлежат к более раннему времени, собственно VI в. до н. э., а жилище и вышележащие слои к V в. до н. э. и последующим периодам скифского времени» (Ильинская 1950, с. 7). Вопрос датировки городища, по мнению исследовательницы, нуждался в дополнительных разработках, на основе большего количества фактов (Іллінська 1953, с. 114). Исходя из этого, еще раз обратимся к материалам раскопок и прежде всего керамике. Как было сказано выше, только в верхней части культурного слоя на глубине до 0,9—1,1 м найдены фрагменты профилированных горшков, украшенных преимущественно разнообразными пальцево-ногтевыми вдавлениями. Повторимся, что такие формы характерны для среденескифского и более позднего периодов и не свойственны времени архаики.

На этом же уровне найдена и стеклянная пирамидальная подвеска. Время бытования таких украшений, ограничено V—IV вв. до н. э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 132, рис. 41: 38), концом V — началом IV вв. до н. э. (Болтрик, Фиалко 2009, с. 79), последней четвертью V — первой половиной IV вв. до н. э. (Гречко, Шелехань 2012, с. 75—77). На античных памятниках Северного Причерноморья

такие бусины найдены в комплексах IV—III вв. до н. э. (Алексеева 1978, с. 69, табл. 33: 35).

Исходя из глубин находок, к данному хронологическому срезу можно относить обломок бронзового браслета или гривны и, вероятно, половинку пастовой бусинки.

В нижней части культурного слоя абсолютно преобладает керамика 1 типа. Здесь же найдены два железных серпа, рыболовный крючок, железное орудие труда, две булавки с петлевидной головкой. Бронзовый наконечник стрелы, датируемый на сегодняшний день рубежом VII—VI вв. до н. э., вероятнее всего синхронен указанным вещам.

Таким образом, широкая датировка городища Ширяево в пределах VI—IV вв. до н. э. вполне оправдана. Не противоречит этому и мощность культурных напластований. Предварительно можем выделить два хронологических среза (периода) для данного памятника. Первый относится к VI (возможно концу VII в до н. е.)— началу V вв. до н. э., второй — ко второй половине V—IV вв. до н. э. [1] Два горизонта фиксируются и на чертеже профиля раскопа В. А. Ильинской (рис. 18). Нижний маркируется полом постройки, верхний — упавшими камнями у вершины обожженной части вала.

Следует повториться, и тем самым сделать ударение на том факте, что на сегодняшний день городища Воргол и Ширяево единственные укрепленные поселения скифского времени Путивльского Посеймья на которых проводились археологические раскопки. К сожалению, информативность исследований первых двух минимальна. А вот городище Ширяево предоставило богатый материал, и вполне заслуживает стать опорным памятником эпохи раннего железа в данном микрорегионе. В силу того, что культурный слой достаточно велик, оно минимально пострадало от грабительских раскопок, чего нельзя сказать об абсолютном большинстве городищ Посеймья. Площадка городища никогда не распахивалась и свободна от лесных насаждений. Учитывая перечисленные факты, а также широкий хронологический диапазон, охватывающий практически весь скифский период, памятник представляется весьма перспективным для археологических исследований. В 2017 г. силами Путивльского историко-культурного заповедника и Института археологии НАН Украины раскопки были возобновлены. Проведение работ рассчитано на несколько лет, что безусловно, даст не только новый и яркий материал, а и позволит уточнить ряд моментов, выйти на уровень общеисторических реконструкций, касающихся древнего населения бассейна р. Сейм.

1. Последними исследованиями автора в 2017 г. на городище выявлено два жилых горизонта. Верхний надежно датируется находкой фрагмента амфоры с грибовидным венчиком 3—2 четвертью IV в. до н. э. Датирующих вещей в нижнем слое не выявлено. Материал готовиться к публикации.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева, Е. М. 1978. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Г 1-12.

Алихова, А. Е. 1962. Древние городища Курского Посеймья. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 113, с. 86-129.

Березовец, Д. Т. 1948. *Отчет о раскопках раннеславянского поселения и могильника около с. Волынцево, Путивльского района, Сумской области*. Науковий архів ІА НАНУ, 1948/10.

Березовець, Д. Т. 1949. *Звіт про роботу Сеймсько-Слов'янської експедиції 1949 р.* Науковий архів ІА НАНУ, 1949/9.

Березовец, Д. Т. 1952. Археологічні дослідження в Путивльському районі, Сумської обл. *Археологічні пам'ятки УРСР*, ІІІ, с. 242-250.

Березовець, Д. Т. 1955. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр. *Археологічні пам'ятки УРСР*, V, с. 49-66.

Білинський, О. О. 2011. Матеріали скіфського часу з городища біля с. Воргол. *Археологія: спадок віків*, Біла Церква, с. 89-94.

Болтрик, Ю. В., Фиалко, Е. Е. 2009. Оружие из скифского кургана Огуз. *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы*, Х, Керчь, с. 39-45.

Буйнов, Ю. В. 2003. Поселення бондарихінської культури біля с. Червоний Шлях на Харківщині. *Вісник ХНУ*, 35, с. 4-13.

Буйнов, Ю. В. 2006. К вопросу об исторических судьбах племен бондарихинской культуры. *Российская археология*, 2, с. 39-50.

Гавриш, П. Я. 2002. *Племена скіфського часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Припсілля)*. Полтава: Археологія.

Гречко, Д. С. 2010. *Населення скіфського часу на Сіверському Дінці*. Київ.

Гречко, Д. С., Шелехань, А. В. 2012. *Гришковский могильник скифов на Харьковщине*. Киев.

Горбаненко, С. А., Каравайко, Д. В. 2012. Рыболовный промысел населения юхновской культуры. *Revista arheologică*, VIII, 1—2, с. 37-49.

Голубовский, П. В. 1908. Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. *Труды XIII Археологического съезда*, 2, Москва, с. 1-50.

Ильинская, В. А. 1950. *Отчет о работе Путивльского отряда Сеймско-Деснинской экспедиции 1950 г.* Науковий архів ІА НАНУ, 1950/2б.

Іллінська, В. А. 1953. Городище скіфського часу на р. Сеймі. *Археологія*, VIII, с. 109-122.

Іллінська, В. А. 1970. Андрофаги, меланхлени, будини або скіфи? *Археологія*, ХХІІІ, с. 23-39.

Каравайко, Д. В. 2007. Глиняные грузила юхновской культуры. В: Скорий, С. А. (ред.). *Ранній залізний вік Євразії:* Тези доповідей Міжнародної наукової конференції «До 100-річчя від дня народження О. І. Тереножкіна, 16—19 травня 2007 р. Київ, Чигирин, с. 78-81.

Каравайко, Д. В. 2010. Проблема погребального обряда юхновской культуры. *Stratum plus*, 3, с. 237-259.

Каравайко, Д. В. 2012. *Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья*. Киев.

Каравайко, Д. В. 2014. Городища раннього залізного віку в Путивльському Посейм'ї. *Актуальні проблеми археології та історії раннього залізного віку*, 21, Кіровоград, с. 163-173.

Каравайко, Д. В. 2015. Городища раннього залізного віку на Сеймі. *Старожитності раннього за-*

лізного віку. Археологія і давня історія України, 2 (15), с. 65-76.

Каравайко, Д. В. 2017. Исследования городищ Путивльского Посеймья: итоги и перспективы. *Старожитності раннього залізного віку*. Археологія і давня історія України, 2 (23), с. 279-291.

Кашкин, А. В. 1981. О гончарстве в Непале. *Советская археология*, 4, с. 238-246.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1989. *Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья*, Киев: Наукова думка.

Краснов, Ю. А. 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 174, Москва: Наука.

Кренке, Н. А. 2011. *Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.* Москва: ИА РАН.

Либеров, П. Д. 1962. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 113, с. 5-85.

Ляпушкин, И. И. 1947. *Памятники эпохи железа Левобережной Украины (по материалам полевых изысканий 1947 г.)*. Науковий архів ІА НАНУ, 1947/29.

Ляпушкин, И. И. 1950. Поселения культуры скифов-пахарей. *Советская археология*, XII, с. 41-65.

Ляпушкин, И. И. 1961. *Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. Археологические разыскания о времени заселения Левобережья славянами*. Москва: Наука. Материалы и исследования по археологии СССР, 104.

Мельниковская, О. Н. 1968. *Отчет о работах Деснинского отряда ИА АН СССР в 1968 г.* Науковий архів ІА НАНУ, 1968/85.

Мельниковська, О. М., Симонович, Е. О. 1975. Розкопки в Комарівці на Посеймʼї. *Археологія*, 15, с. 75-87.

Моруженко, А. А. 1985. Городища лесостепных племён Днепро-Донского междуречья VII—III вв. до н. э. *Советская археология*, 1, с. 160-178.

Пеляшенко, К. Ю. 2014. *Ліпний посуд населення скіфського часу Дніпро-Донецького Лісостепу*. Дисертація … канд. іст. наук. ІА НАНУ.

Петренко, В. Г. 1978. *Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 4-5.

Плаксіна, О. В., Каравайко, Д. В. 2013. Дослідження городищ раннього залізного віку на Сумщині. *Археологічні дослідження в Україні 2012 р.*, с. 323-324.

Пузикова, А. И. 1981. *Марицкое городище в Посеймье*. Москва: Наука.

Пузикова, А. И. 1997. *Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье)*. Москва.

Самоквасов, Д. Я. 1873. *Древние города России*. Санкт-Петербург.

Самоквасов, Д. Я. 1878. Историческое значение городищ. *Труды третьего Археологического съезда*, 1, с. 225-235.

Самоквасов, Д. Я. 1908. *Северянская земля и Северяне по городищам и могилам*. Москва: Синодальная Типография.

Синюк, А. Т., Березуцкий, В. Д. 2001. *Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы — ранний железный век)*. Воронеж.

Сухобоков, О. В. 1968. *Отчет о разведках Левобережной группы Раннеславянской экспедиции ИА НАН УССР в Сумской области в 1968 г.* Науковий архів ІА НАНУ, 1968/13в.

Сухобоков, О. В. 1986. *Отчет о работах Левобережной славяно-русской экспедиции ИА АН УССР в 1986 г.* Науковий архів ІА НАНУ, ф. е. 1986/31.

Тереножкин, А. И. 1961. *Предскифский период на Днепровском Правобережье*. Киев: Наукова думка.

Уварова, П. С. 1906. Выборка из дел Черниговского Статистического Комитета Исторического Общества Нестора Летописца и Архива граф. П. С. Уваровой. Городища и курганы. *Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV археологического съезда*, I. Москва, с. 73-93.

Халиков, А. Х. 1977. *Волго-Камье в начале эпохи раннего железа.* Москва: Наука.

Щербань, А. Л. 2007. *Прядіння і ткацтво у населення Лівобережного Лісостепу України VII — початку III століття до н. е. (за глиняними виробами)*. Київ: Молодь.

Шрамко, Б. А. 1987. *Бельское городище скифской эпохи (город Гелон).* Киев: Наукова думка.

Шрамко, Б. А. 1998. Люботинское городище. В: Буйнов, Ю. В. (ред.). *Люботинское городище*, Харьков, с. 9-131.

REFERENCES

Alekseyeva, E. M. 1978. *Antichnyye busy Severnogo Prichernomoria.* Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, G 1-12.

Alikhova, A. E. 1962. Drevniye gorodishcha Kurskogo Poseymia. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 113, s. 86-129.

Berezovets, D. T. 1948. *Otchet o raskopkakh ranneslavyanskogo poseleniya i mogilnika okolo s. Volyntsevo, Putivlskogo rayona, Sumskoy oblasti*. Naukoviy arkhiv IA NANU, 1948/10.

Berezovets, D. T. 1949. *Zvit pro robotu Seimsko-Slov'ianskoi ekspedytsii 1949 r*. Naukoviy arhiv IA NANU, 1949/9.

Berezovets, D. T. 1952. Arkheolohichni doslidzhennia v Putyvlskomu raioni, Sumskoi obl. *Arkheolohichni pamjatky URSR*, III, s. 242-250.

Berezovets, D. T. 1955. Doslidzhennia slov'ianskykh pam'iatok na Seimi v 1949—1950 rr. *Arkheolohichni pamjatky URSR*, V, s. 49-66.

Bilynskyi, O. O. 2011. Materialy skifskoho chasu z horodyshcha bilia s. Vorhol. *Arkheolohiia: spadok vikiv*. Bila Tserkva, s. 89-94.

Boltrik, Yu. V., Fialko, E. E. 2009. Oruzhiye iz skifskogo kurgana Oguz. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovia. Aktualnyye problemy*, X, Kerch, s. 39-45.

Buinov, Iu. V. 2003. Poselennia bondarykhinskoi kultury bilia s. Chervonyi Shliakh na Kharkivshchyni. *Visnyk KhNU*, 35, s. 4-13.

Buynov, Yu. V. 2006. K voprosu ob istoricheskikh sudbakh plemen bondarikhinskoy kultury. *Rossiyskaya arkheologiya*, 2, s. 39-50.

Havrysh, P. Ia. 2002. *Plemena skifskoho chasu v lisostepu Dniprovskoho Livoberezhzhia (za materialamy Prypsillia)*. Poltava: Arkheolohiia.

Hrechko, D. S. 2010. *Naselennia skifskoho chasu na Siverskomu Dintsi*. Kyiv.

Grechko, D. S., Shelekhan, A. V. 2012. *Grishkovskiy mogilnik skifov na Kharkovshchine*. Kiev.

Gorbanenko, S. A., Karavayko, D. V. 2012. Rybolovnyy promysel naseleniya yukhnovskoy kultury. *Revista arheologică*, VIII, 1—2, s. 37-49.

Golubovskiy, P. V. 1908. Istoricheskaya karta Chernigovskoy gubernii do 1300 g. *Trudy XIII Arkheologicheskogo syezda*, 2, Moskva, s. 1-50.

Ilinskaya, V. A. 1950. *Otchet o rabote Putivlskogo otryada Seymsko-Desninskoy ekspeditsii 1950 g.* Naukoviy arkhiv IA NANU, 1950/2b.

Illinska, V. A. 1953. Horodyshche skifskoho chasu na r. Seimi. *Arkheolohiia*, VIII, s. 109-122.

Illinska, V. A. 1970. Androfahy, melankhleny, budyny abo skify? *Arkheolohiia*, XXIII, s. 23-39.

Karavayko, D. V. 2007. Glinyanyye gruzila yukhnovskoy kultury. In: Skoryi, S. A. (ed.). *Rannii zaliznyi vik Yevrazii*:

Tezy dopovidei Mizhnarodnoi naukovoi konferentsii «Do 100-richchia vid dnia narodzhennia O. I. Terenozhkina, 16—19 travnia 2007 r. Kyiv, Chyhyryn, s. 78-81.

Karavayko, D. V. 2010. Problema pogrebalnogo obryada yukhnovskoy kultury. *Stratum plus*, 3, s. 237-259.

Karavayko, D. V. 2012. *Pamyatniki yukhnovskoy kultury Novgorod-Severskogo Polesia*. Kiev.

Karavaiko, D. V. 2014. Horodyshcha rannoho zaliznoho viku v Putyvlskomu Poseim'i. Aktualni problemy arkheolohii ta istorii rannoho zaliznoho viku, 21, Kirovohrad, s. 163-173.

Karavaiko, D. V. 2015. Horodyshcha rannoho zaliznoho viku na Seimi. *Starozhytnosti rannoho zaliznoho viku*. Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy, 2 (15), s. 65-76.

Karavayko D. V. 2017. Issledovaniya gorodishch Putivlskogo Poseymia: itogi i perspektivy. *Starozhytnosti rannoho zaliznoho viku*. Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy, 2 (23), s. 279-291.

Kashkin, A. V. 1981. O goncharstve v Nepale. *Sovetskaya arkheologiya*, 4., s. 238-246.

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoryy, S. A. 1989. *Pamyatniki skifskoy epokhi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezhia*. Kiev: Naukova dumka.

Krasnov, Yu. A. 1971. Ranneye zemledeliye i zhivotnovodstvo v lesnoy polose Vostochnoy Evropy. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 174.

Krenke, N. A. 2011. *Diakovo gorodishche. Kultura naseleniya basseyna Moskvy-reki v I tys. do n. e. — I tys. n. e.*, Moskva: IA RAN.

Liberov, P. D. 1962. Pamyatniki skifskogo vremeni basseyna Severnogo Dontsa. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 113, s. 5-85.

Lyapushkin, I. I. 1947. *Pamyatniki epokhi zheleza Levoberezhnoy Ukrainy (po materialam polevykh izyskaniy 1947 g.)*. Naukoviy arkhiv IA NANU, 1947/29.

Lyapushkin, I. I. 1950. Poseleniya kultury skifov-pakharey. *Sovetskaya arkheologiya*, XII, s. 41-65.

Lyapushkin, I. I. 1961. *Dneprovskoye lesostepnoye Levoberezhye v epokhu zheleza. Arkheologicheskiye razyskaniya o vremeni zaseleniya Levoberezhia slavyanami*. Moskva: Nauka. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 104.

Melnikovskaya, O. N. 1968. *Otchet o rabotakh Desninskogo otryada IA AN SSSR v 1968 g*. Naukoviy arkhiv IA NANU, 1968/85.

Melnykovska, O. M., Symonovych, E. O. 1975. Rozkopky v Komarivtsi na Poseim'i. *Arkheolohiia*, 15, s. 75-87.

Moruzhenko, A. A. 1985. Gorodishcha lesostepnykh plemen Dnepro-Donskogo mezhdurechia VII—III vv. do n. e. *Sovetskaya arkheologiya*, 1, s. 160-178.

Peliashenko, K. Iu. 2014. *Lipnyi posud naselennia skifskoho chasu Dnipro-Donetskoho Lisostepu*. Dysertacija … kand. ist. nauk. IA NANU.

Petrenko, V. G. 1978. *Ukrasheniya Skifii VII—III vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 4-5.

Plaksina, O. V., Karavaiko, D. V. 2013. Doslidzhennia horodyshch rannoho zaliznoho viku na Sumshchyni. *Arkheolohichni doslidzhennia v Ukrajini 2012 r.*, s. 323-324.

Puzikova, A. I. 1981. *Maritskoye gorodishche v Poseymye*. Moskva: Nauka.

Puzikova, A. I. 1997. *Pamyatniki skifskogo vremeni basseyna r. Tuskar (Poseymye)*. Moskva.

Samokvasov, D. Ya. 1873. *Drevniye goroda Rossii*. Sankt-Peterburg.

Samokvasov, D. Ya. 1878. Istoricheskoye znacheniye gorodishch. *Trudy tretyego Arkheologicheskogo syezda*, 1, s. 225-235.

Samokvasov, D. Ya. 1908. *Severyanskaya zemlya i Severyane po gorodishcham i mogilam*. Moskva: Sinodalnaya Tipografiya.

Sinyuk, A. T., Berezutskiy, V. D. 2001. *Mostishchenskiy kompleks drevnikh pamyatnikov (epokha bronzy — ranniy zheleznyy vek)*. Voronezh.

Sukhobokov, O. V. 1968. *Otchet o razvedkakh Levoberezhnoy gruppy Ranneslavyanskoy ekspeditsii IA NAN USSR v Sumskoy oblasti v 1968 g*. Naukoviy arkhiv IA NANU, 1968/13v.

Sukhobokov, O. V. 1986. *Otchet o rabotakh Levoberezhnoy slavyano-russkoy ekspeditsii IA AN USSR v 1986 g*. Naukoviy arkhiv IA NANU, 1986/31.

Terenozhkin, A. I. 1961. *Predskifskiy period na Dneprovskom Pravoberezhye*, Kiev: Naukova dumka.

Uvarova, P. S. 1906. Vyborka iz del Chernigovskogo Statisticheskogo Komiteta Istoricheskogo Obshchestva Nestora Letopistsa i Arkhiva graf. P. S. Uvarovoy. Gorodishcha i kurgany. *Trudy Moskovskogo predvaritelnogo komiteta po ustroystvu XIV arkheologicheskogo syezda*, I. Moskva, s. 73-93.

Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kamye v nachale epokhi rannego zheleza*, Moskva: Nauka.

Shcherban, A. L. 2007. *Priadinnia i tkatstvo u naselennia Livoberezhnoho Lisostepu Ukrainy VII — pochatku III stolittia do n. e. (za hlynianymy vyrobamy)*, Kyiv: Molod.

Shramko, B. A. 1987. *Belskoye gorodishche skifskoy epokhi (gorod Gelon)*, Kyiv: Naukova dumka.

Shramko, B. A. 1998. Lyubotinskoye gorodishche. In: Buynov. Yu. V. (ed.). *Lyubotinskoye gorodishche*, Kharkov. s. 9-131.

D. V. Karavaiko

ABOUT THE THREE HILLFORTS OF SCYTHIAN TIME AT PUTYVL'S AM SEYM REGION

Nowadays, the archaeological excavations conducted on the three hillforts — two of them are situated near Vorgol village and one of them near Shiryaevo, at Putyvl's am Seym region. Vorgol hillfort was explored by D. T. Berezovets. The fortified settlements are located on the surrounding capes of the high right riverside of the Kleven. About 300 square meters were investigated and conducted the transverse section of a shaft on the Eastern hillfort, in 1949. The researcher was a specialist of antiquities of the Slavic-Rus period, and therefore the materials of Scythian time were beyond his control. There are only clay sparrows of Early Iron Age, in the collection, which is partially stored in the funds of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine.

D. T. Berezovets conducted excavations on the Shiryaevo hillfort, in 1948—1949. Unfortunately, the results of that works have not been published, and some information of that excavations are published in this article for the first time. The researches on the hillfort was continued by V. A. Ilyinskaya, in 1950. This archaeology site is dated VI—IV centuries BC. The results of archaeological researches were publicated on the «Archeology» journal. It was not possible to cover all the material at that time, regarding to objective reasons. At least the two horizons were extract on the Shiryaevo hillfort, as result of analysis of the collection of excavations in 1949—1950. The first, oldest of them, is dated VI, maybe the beginning of V century BC. The second, according to the material, is dated the second half of the V—IV centuries BC. The total investigated area, during the years 1948—1950, is about 300 square meters.

Keywords: Putyvl's am Seym region, Scythian time, hillfort, material culture.

Одержано 15.11.2017

КАРАВАЙКО Дмитро Володимирович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *dmytro.karavaiko@gmail.com*.

KARAVAIKO Dmytro V., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *dmytro.karavaiko@gmail.com*.

УДК: 904.5(477.63/.65)”6383”

О. Д. Могилов

СКІФСЬКІ ПОХОВАННЯ З ВУЗДОЮ З ДНІПРОВСЬКОГО ПРИПОРІЖЖЯ

Стаття присвячена публікації поховань середньоскіфського часу з могильників поблизу Гадючої балки, Дніпрозаводбуду, Кічкасу, Кушугуму в Дніпровському Припоріжжі.

Ключові слова: *скіфи, поховання, могильник, курган, спорядження коня, зброя.*

Вже чверть тисячоліття продовжуються дослідження скіфських пам’яток, початок яким поклали розкопки Мельгуновського кургану у 1763 р. За цей час накопичена величезна джерельна база. У Степовій Скіфії основу її складають матеріали поховань. Левова їх доля — матеріали IV ст. до н. е. Останнім часом суттєво зросла й база комплексів ранньоскіфського та середньоскіфського періодів. Значна їх частина пов’язана з роботами радянських експедицій кінця 1960-х — 1980-х рр. Окремі — досліджені вже в часи української незалежності. На цьому колоритному фоні залишились малопомітними деякі матеріали з міжвоєнних досліджень в Степовому Подніпров’ї. В цій роботі хотілося б звернути увагу на окремі з цих поховань, що містили одну зі знакових для скіфської культури категорію матеріальної культури — кінську вузду.

Кінець — 1920-х — початок 1930-х рр. в УРСР ознаменувались величезним будівництвом Дніпровської гідроелектростанції та низки інших підприємств, розташованих сьогодні в м. Запоріжжя. В зону затоплення попадала значна частина археологічних пам’яток. Для їх виявлення й дослідження була сформована новобудовна археологічна експедиція. В звітній документації вона називається то Науково-археологічною, то Історико-археологічно. експедицією по дослідженню території Дніпрельстану. Інколи — Дніпрельстанівською експедицією. Очолював її академік Д. Я. Яворницький. Основні дослідження були проведені в 1927—1933 рр., хоча відомо, що окремі її учасники продовжили тут роботи й у 1933 р. Досліджено було велику кількість пам’яток різних епох, починаючи з доби каменю, завершуючи новим часом (Яворницький 1927—1929; 1930; 1931; 1932; Курінний 1990, с. 100—103). Серед них — й старожитності скіфського часу. На жаль, лише частину з них було опубліковано (Рудинський 1929; Добровольський 1929; Смолічев 1929). Комплексам із могильників скіфського часу з робіт міжвоєнних років й присвячено цю роботу.

Одна з таких пам’яток, знаходилась біля **Гадючої балки** на правому березі Дніпра. Сьогодні значна частина цієї території затоплена Дніпровським водосховищем, більшість площі, що залишилась, займає північ Дніпровського району м. Запоріжжя. В дореволюційний час найближчим населеним пунктом була колонія Кронсвейд (Новицький 1991, с. 23). В літературі некрополь іноді пов’язується з с. Привільне (Черненко и др. 1986, с. 49), що розташоване на півночі. В звітній польовій археологічній документації пам’ятка найчастіше прив’язана до *Гадючої балки*. З цією колоритною назвою подається некрополь і в даній роботі. До цих пір пам’ятка була відома широкому колу спеціалістів лише за загальними згадками (Добровольський 1952, с. 86; Черненко и др. 1986, с. 49). Між тим, вона заслуговує на детальну увагу фахівців, оскільки являє собою рідкий для Степової Скіфії «змішаний» могильник, що включав як курганні насипи, так й поховання без них. Останні чисельно домінували й виділялись на поверхні тільки каменями закладу.

© О. Д. МОГИЛОВ, 2018

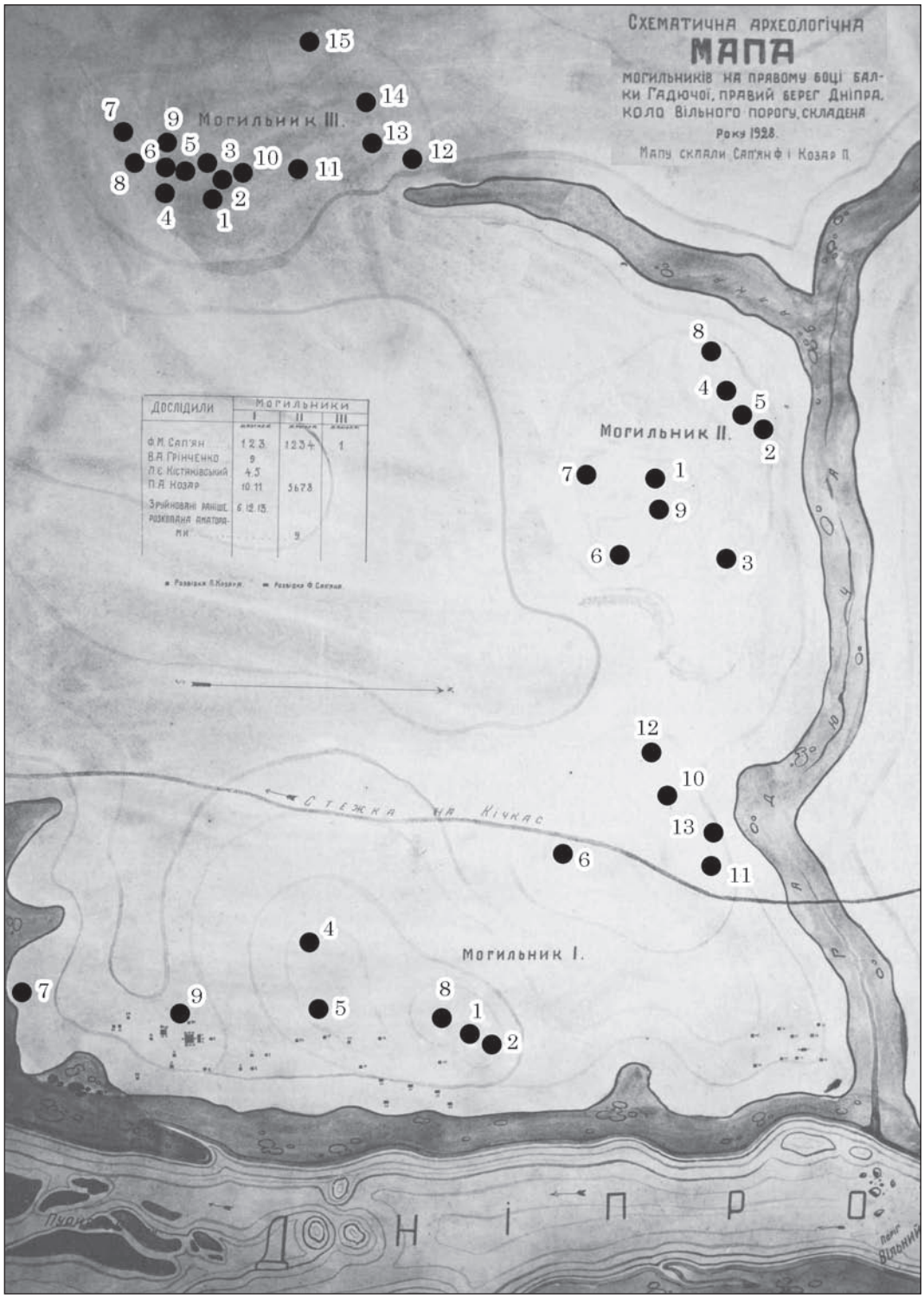


Рис. 1. План могильників біля Гадючої Балки

Залишається сподіватись, що в майбутньому, незважаючи на пережите воєнне лихоліття, фахівцям все ж вдасться виявити знахідки з цього некрополю (чи принаймні їх частину) в музейних фондах. Це дозволило б найбільш повно охарактеризувати могильник. Поки що ж доводиться користуватись звітними документами, що супроводжуються ілюстративним матеріалом лише частково. За ними, поховання некрополя були розташовані в околицях Гадючої балки декількома групами (рис. 1). Перша з яких була локалізувала на мисі при впадінні Гадючої балки до Дніпра. При цьому, в ній одне скупчення могил (1—6, 8, 9) займало другу та третю надрічкові тераси. Інше (комплекси 7, 10—13) — розташоване вище на правому схилі балки [1]. Друга група (могиль-

1. Окрім цього, у звіті є згадка могили 14, що залишилась не дослідженою й не була нанесена на план (Сап'ян 1928, с. 16).

ник) локалізувалась на миску, що утворюється при впадінні до балки з правого боку яру (всього тут нанесено на план 9 комплексів). У верхів'ях яру зафіксовано й третій могильник, де згадуються вже кургани (могили 1—15). Втім єдиний насип, розкопаний тут Ф. М. Сап'яном, насипано в епоху бронзи, а ніяких інших даних про наявність тут поховань скіфського часу наразі немає. Схоже, що могильник продовжувався і на лівому березі балки. Тут, за 200 м від її впадіння в Дніпро, Т. Т. Киранівим розкопано могилу, що отримала № 3. Вірогідно, вона була не єдиною: О. В. Добровольський на лівому березі гирла Гадючої балки згадує «окремі простягнуті поховання під камінними закладками» біля яких знайдено бронзові наконечники стріл (Добровольський 1952, с. 86) Але детальніша інформація про них не відома.

Перші відомості про пам'ятку відносяться ще до кінця XIX ст. Так, Я. П. Новицький приводить відомості місцевого жителя Ф. Горянця, записані 10 серпня 1886 р, де той згадував біля колонії Кронсвейд невеличкі могилки, обкладені камінням. Ще малим, після сильних дощу чи вітру, йому доводилось підбирати тут «мідні наконечники». Далі Я. П. Новицький додає, вже від себе, що згадані поховання розкидані на піщаному схилі Дніпра, а деякі з них розміщувались попарно (Новицький 1991, с. 23, 24).

Є дані, що до археологічних досліджень могильника низка комплексів (6, 12, 13 першого могильника, та 9 — другого) були розкопані аматорами. Окрім цього, комплекс 7 першого некрополя зруйновано зсувом ґрунту, а могили 8 і 14 залишились не дослідженими (Сап'ян 1928, с. 16, 23).

Основні роботи на некрополі проводились у 1928 р. Ф. М. Сап'ян розкопав могили 1—3 у першому некрополі, 1—4 у другому, а також курган 3 в могильнику 3, однак поховання під останнім насипом відносились до доби бронзи (Сап'ян 1928). В. А. Грінченко дослідив гробницю 9 в групі I (Грінченко 1928 с. 7; 1928а, с. 37—41). П. А. Козар — комплекси 10 і 11 могильника I та 5—8 некрополя II (Козар 1928). Т. Т. Киранів — могилу 3 на лівому березі Гадючої балки (Киранів 1928). Л. Є. Кістяківський проводив роботи на захороненнях 4 і 5 групи I. На жаль, звіт останнього дослідника виявити не вдалося. В звітній документації Т. Т. Кираніва зберігся тільки список підписів до фотографій (чи його частина?). З них можна зрозуміти, що в могилі 4 кам'яна закладка мала 3 шари каменю, отже — могла являти собою невеликий насип. Під нею виявлено ромбоподібну кам'яну споруду, всередині якої було розчищено рештки скелетів. Гробницю 5 перекривав заклад з одного шару брил, під яким зафіксовано пляму (вірогідно — могильну — *О. М.*), теж заповнену каменями. Час цих споруд не ясний. Курган 9 в цьому ж могильнику, розкопаний В. А. Грінченком, містив 3 поховання. Комплекси «А» і «С», ймовірно, датуються добою бронзи. Захоронення «В» було пограбоване. В заповненні, окрім кісток і фрагментів кераміки, трапились крем'яні вироби, зокрема вістря стріл та скребачки, що властиве скоріше епосі бронзи. Втім, тут був й точильний брусок з отвором для підвішування, широко розповсюджений у ранньому залізному віці. Окрім цього, В. А. Грінченко у наступному 1929 р. біля Гадючої балки розкопав могилу за 10, на жаль, не прив'язавши її до одного з могильників (Грінченко 1929, с. 5—11; 1929а, с. 3, 4). Судячи, з ряду крем'яних знарядь та ескізу горщика з цього комплексу, він не пізніший епохи бронзи.

Вивчення звітів, за наявною неповною інформацією, дозволяє з різною ступінню ймовірності припускати належність до скіфського часу 16 захоронень з околиць Гадючої балки (додаток 1) [1]. З них 2 комплекси були під невеликими курганами висотою 0,25 — 0,3 м та діаметром 5 — 6,7 м. Решта 14 — без насипів і виділялись на поверхні виходом каменів викладки [2].

Некрополь скіфського часу виник на місці, де вже ховали небіжчиків в добу бронзи. Для всіх його поховань була обов'язковою кам'яна викладка на поверхні. У всіх встановлених випадках вона була круглою. Звичайно під її центром була одна могила скіфського часу. Тільки в закладці 3 групи I досліджено 2 комплекси [3]. Тризна у вигляді скупчення битого посуду та кісток простежена в 3 могилах і 1 кургані (25 % комплексів). Небіжчиків ховали в доволі глибоких ямах (середня глибина — 1,52 м, в підкурганних комплексах цей показник трохи більший — 1,55 м). У встановлених випадках могили мали овальну у плані форму. Орієнтація поховальних споруд встановлюється у 7 випадках. Переважало широтне розташування (захід—схід): 5 могил (71,4 %). Ще по 1 разу (14,3 %) комплекси витягнуті з північного заходу на південний схід, та з півдня на північ. У всіх достовірно-встановлених випадках (всього їх 3) кістяки лежали прямо, на спині. Орієнтовані вони в сектор захід — північний захід. Поховання одиночні. Судячи з інвентарю, у

1. Вірогідно, безкурганних могил скіфської доби було більше. Втім, через пограбованість, загальний опис та відсутність малюнків в звіті атрибутувати деякі захоронення важко. Це стосується, наприклад, поховань в згаданих могилах 4 і 5, досліджених Л. Є. Кістяківським.
2. Різні дані є про могили 11 першої групи та 7 могильника II. У тексті зазначено, що насипу вони не мали, й виділялись на поверхні тільки виходом каменю. На рисунках — невеликий насип все ж подано. Сьогодні вже важко пояснити це протиріччя. Можливо перерізи споруди на зображеннях подавались схематично?
3. Окрім цього, в могилі 3 на лівому березі балки виявлено низку пізніх захоронень.

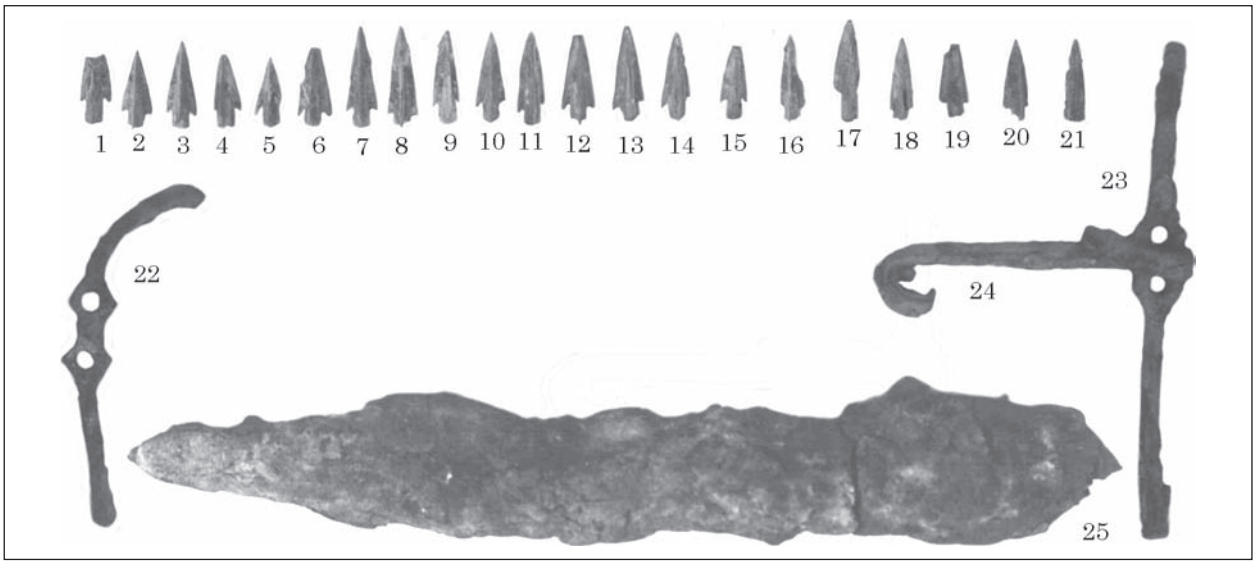


Рис. 2. Інвентар кам'яної вимостки 3 з могильника біля Гадючої Балки

вцілілих гробницях, чоловічі поховання помітно переважали над жіночими (7 : 1). Заупокійна їжа трапилась у 4 комплексах (25 %). По одному випадку — кістки вівці, корови, коня й вівці. Похованих супроводжував достатньо виразний, як для безкурганних комплексів, інвентар. Особливо багато зброї. Вона виявлена у 10 могилах (62,5 %). Зокрема, стріли — 9 могил (56,2 %), списи і дротики — 4 комплекси (25 %), меч — 2 захоронення (12,5 %), захисний пояс — 1 гробниця (6,2 %). Цікаво, що в некрополі 2, в курганах 1 і 2 стріли були виявлені в підтоках списів, де фіксували древко. А у могилі 3 спис, меч та підтік *вбиті в дно поховання*.

У Гадючій балці — один з найвищих показників наявності зброї (62,5 %) як для всіх безкурганних, так і для змішаних курганно-грунтових могильників скіфського часу Північного Причорномор'я. Так, в Світловодську могильнику цей показник становить — 46,6 %, в Кічкаських некрополях — 45 % (за домінування тут підкурганних захоронень — див. нижче), в Михайлівському — 33 % (Лагодовская, Сымановіч 1973), в Миколаївському — 20 % (Мелюкова 1976), в Прирічному — 19,4 % (Гаврилов, Колотухин, Колтухов 2002). Такий відсоток може вважатись дуже високим навіть для підкурганних захоронень. Так, за підрахунками В. С. Ольховського, у Степовій Скіфії IV ст. до н. е. зброя трапилась у 50,7 % поховань, в тому числі в Нижньодніпровській групі — в 52,4 % (Ольховский, 1991 с. 107). Не частим для безкурганних й курганно-грунтових могильників є й покладання вузди, виявлене в могилі 3 першої групи в Гадючій балці. З рідких паралелей можна назвати подібні одиничні випадки в I Благовіщенському могильнику (Бодянський 1977, с. 26, 27), некрополі біля Кічкаської залізничної станції (Смолічев 1931, с. 12—15) та, вірогідно, в Грищенцях (Петренко 1962, с. 148). У рядових підкурганних комплексах IV ст. до н. е. з Нижнього Подніпров'я, що у ввійшли в добірку К. П. Бунятян, такий показник складає всього 1,5 % (Бунятян 1985, с. 46, 47).

Прикраси (буси) відомі з 3 поховань біля Гадючої балки (18,7 %). Посуд знайдений в 7 комплексах (43,8 %). Причому й античний (амфори) й ліпний — по 4 рази (25 %). Ножі відомі з 2 могил (12,5 %), точильний брусок — з 1 (6,2 %).

Матеріали могильника показують, що почав він функціонувати принаймні з V ст. до н. е. (південне поховання під закладкою 3 некрополя I). Однак, більшість комплексів, судячи зі згаданих в текстах звітів «тригранчастих» стріл з них, вірогідно, належать вже до IV ст. до н. е.: група II, закладки 4—6, 8; поховання на лівому схилі балки. Цікаво, що на правому мисі Гадючої балки було скіфське поселення (Телегін, Бодянський 1991, с. 30). Вірогідно, саме це населення й залишило згаданий некрополь (додаток 1).

Особливий інтерес серед поховань некрополя становить кам'яний заклад 3 у першій групі, що містив вуздечці предмети (рис. 2). Могила 3 не мала насипу, й виділялась на поверхні виходом чотирьох каменів. Комплекс досліджувався округлим розкопом діаметром 10,2 м. Виявлено кам'яну округлу викладку діаметром 9 м. Її периметр складали більші брили, в той час як в центрі накидано менші камені. Потужність цієї викладки — до 0,85 м. Під її каменями, знайдені фрагменти кісток тварини та 4 кінських зуби. А на глибині 0,6 м в центральній частині — фрагменти залізних вудил та 2-х дводирчастих паліїв. Вони, вірогідно, були пов'язані з розташованим нижче поховально-поминальним комплексом.

Після зняття цієї вимостки, на ґрунті виявились два окремих скупчення каменя, що маркували собою ями поховальних комплексів. Перший — центральний заклад видовженої

форми, розмірами 2,5 × 1,3 м, був складений з невеликих каменів. Лише в західній його частині лежала велика брила розмірами 0,7 × 1,1 м. Північний заклад, розташований на 0,6 м від центрального, мав помітно менші габарити: 1 × 0,5 м.

В центрі під каменями викладки виявлено пляму прямокутної могили розмірами 2,35 × 1,25 м. Дно, ймовірно, маркував глиняний прошарок на глибині 2,45 м. Тут виявлено частину залізного ножа, в південно-західному куті — наконечник списа з рештками дерева у втулці, в північно-східній частині ями — купку бронзових наконечників стріл (38 екземплярів), а поруч — уламок оленячого рогу. У різних місцях могили зібрано 8 «бронзових малюсіньких листочків». Решток кістяка не простежено.

Під північною викладкою, після зняття каменів, вимальовувалась пляма розмірами 1 × 0,55 м. Заповнення до глибини 0,47 м складав гумус (очевидно — цим заповненням і маркувалась фактична глибина поховання). Глибше чорнозем чергувався з глиною, а на глибині 3 м йшла скеля. Ніяких решток поховання, чи речових знахідок в комплексі не виявлено.

І північна, і центральна ями складали один поховально-поминальний і хронологічний комплекс, на що вказує перекриття їх однією спільною круглою кам'яною викладкою. У центральній могилі, попри наявність чималої кількості знахідок, кістяка не виявлено. Можливо вона являла собою кенотаф. Схожим символічним могло бути і значення північної могили, де не було ні кісток, ні речей.

Найчисельніші знахідки з комплексу — бронзові втульчасті наконечники стріл. Із 38 екземплярів на фото звіту є 21 (рис. 2: 1—21). Домінують вироби з втулкою, що виступає, та трикутною голівкою, гострі кінці лопатей якої утворюють шипи — 15 штук (рис. 2: 1—15). П'ять предметів належать до схожого типу, однак краї лопатей у них зрізані під прямим чи гострим кутом (рис. 2: 16—20). Одне вістря — видовжено базисних пропорцій з прихованою втулкою (рис: 2, 21).

Від залізних петельчастих вудил збереглась одна ланка (рис. 2: 24). Подібний різновид — найбільш поширений в скіфський час і має широкі територіальні межі (середина VII — IV ст. до н. е.). Він з'являється на келермеському етапі, й у ранньоскіфський час побутує разом з бронзовими й залізними стременоподібними та, рідше, залізними двохкільчастими вудилами. В середньоскіфську та пізньоскіфську добу — це єдиний тип вудил в Скіфії (Могилов 2008, с. 19—22).

Залізні псалії — дводирчасті, з чотиригранними кінцями та характерним вісімкоподібним розширенням в центрі, що має 2 круглих отвори, призначених для кріплення ременів оголів'я (рис. 2: 22, 23). Між отворами — звуження, на якому кріпиться зовнішня петля вудил. Розширення навпроти отворів не дають її зісковзнути вверх чи вниз. Один з вказаних предметів — прямий, з невеликим потовщенням на кінцях. Схожі вироби побутують в середньоскіфський та пізньоскіфський часи (друга половина VI — IV ст. до н. е.) (Могилов 2008, с. 38—39). У іншого — коротшого псалія, кінець зігнуто. За фото важко сказати, чи спочатку він був прямий, а загнуто його пізніше, чи це різновид Г-подібних дводирчастих паліїв з поволі вигнутим кінцем.

Від списа вціліло лезо (рис. 2: 25), судячи з якого він мав листовидну форму та лінзовидний перетин.

Привертає увагу знахідка частини рогу оленя у могилі. У Скіфії такі покладання не часті. Цікаві їх знахідки в Дніпровському Надпоріжжі, у розташованих дещо південніше Кічкаських могильниках: кургани 4 (1927 р.) некрополя IV та 1 (1930 р) біля залізничної станції. Знахідка під насипом 33 згаданого некрополя (Добровольський 1929, с. 86—88), вказує, що традиція покладання рогів оленя в могилу в цьому регіоні сягає корінням доби бронзи.

Хронологія комплексу визначається за типами наконечників стріл, що характерні для другої — четвертої чвертей V ст. до н. е. Наявність серед них вістря витягнутих базисних пропорцій, що характерний для раннього середньоскіфського часу, може вказувати на більш ранній відрізок у рамках вказаної дати: можливо друга — третья чверті V ст. до н. е. Тип вузди не суперечить такій даті.

Ще одним маловідомим скіфським могильником Надпоріжжя є курганно-безкурганний некрополь на теренах **Дніпрозаводбуду** в сучасному м. Запоріжжя. На момент розкопок в 1930 р., ця територія розташовувалась в степовій ділянці лівого берега Дніпра на північний схід і північ від с. Вознесенка (рис. 3). Кургани розташовувались на великому мисоподібному виступі. З заходу та північного й південного заходу він омивався водами Дніпра. З півночі обмежувався Кічкаською, а з півдня і південного заходу — Капустяною балками. Під дослідження потрапляла східна частина могильника, де було розбито майданчик «А» Дніпрозаводбуду. Тут планувалась побудова чотирьох великих заводів: металургійного, хімічного, алюмінієвого та коксового.

Під час попереднього огляду на цій території вдалось нарахувати до 30 насипів. Однак, фактично комплексів виявилось більше за рахунок безкурганних поховань під кам'яними вимостками. Кургани розташовувалися двома групами. Південно-західна група зосереджувалась навколо Довгої Могили. У цій групі на план було нанесено 16 могил. Східна група, що була розташована на підвищені, нараховувала 16 курганів. Розкопки проводили члени Дніпробудівської експедиції М. О. Міллер, В. А. Грінченко, П. І. Смолічев, Г. Г. Мартенс

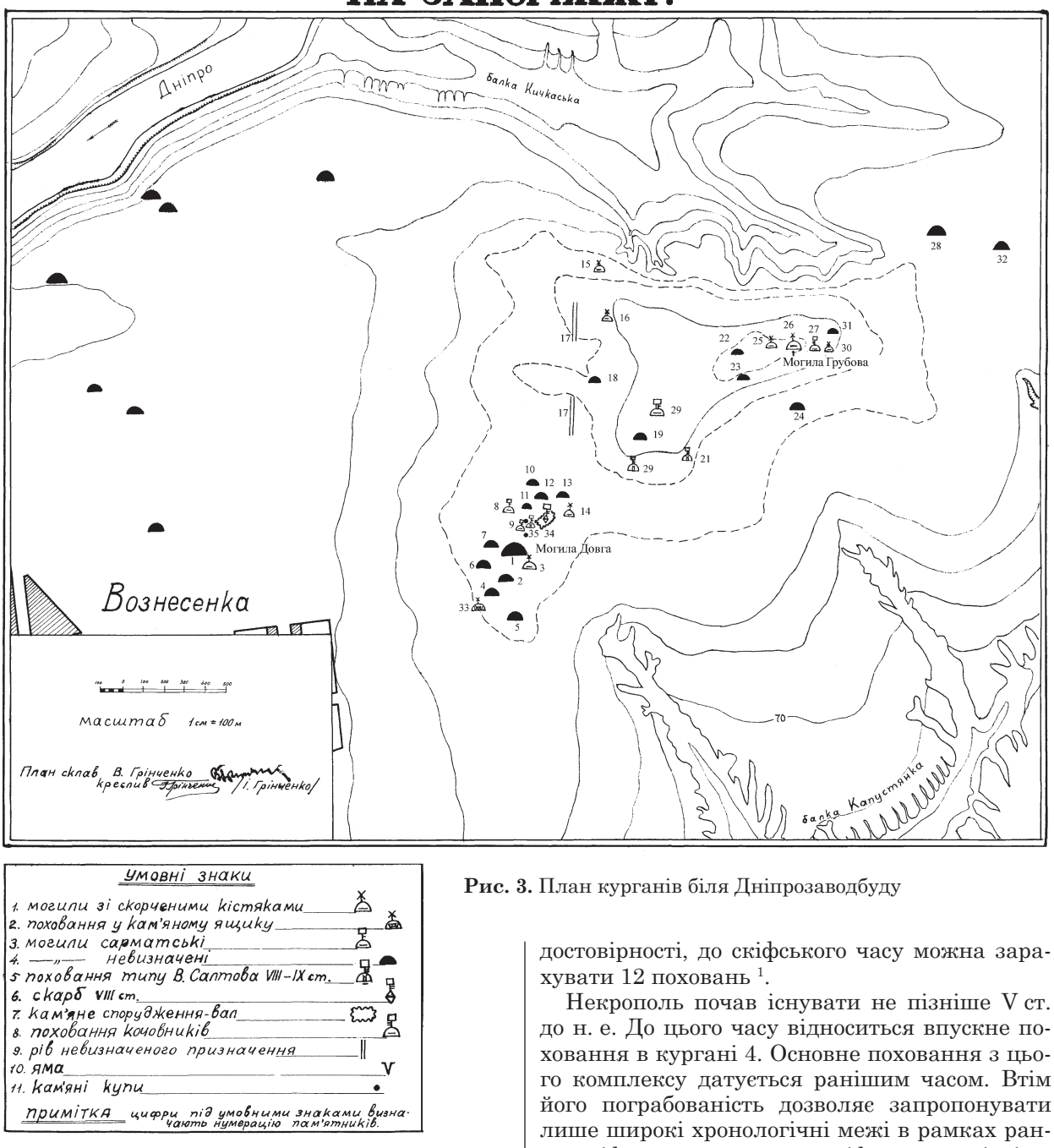


Рис. 3. План курганів біля Дніпрозаводбуду

(Міллер 1930; 1930a; Смолічев 1930; 1930a; Грінченко 1930; 1930a; 1930b; 1930c; Мартенс 1930).

Аналіз звітної документації дав змогу встановити, що могильник існував ще в добу бронзи, причому і в той час поряд з підкурганними, іноді траплялися й ґрунтові захоронення. Продовжували ховати на ньому і в скіфський час. Функціонував некрополь і в сарматську добу. За звітними даними, з різною ступінню достовірності, до скіфського часу можна зарахувати 12 поховань [1].

Некрополь почав існувати не пізніше V ст. до н. е. До цього часу відноситься впускне поховання в кургані 4. Основне поховання з цього комплексу датується ранішим часом. Втім його пограбованість дозволяє запропонувати лише широкі хронологічні межі в рамках ранньоскіфського — середньоскіфського періодів.

1. Поховань скіфської доби можливо було ще більше, втім точну дату, за скромним інвентарем, часто-густо без ілюстрацій, не завжди можна визначити. Це стосується, зокрема, ґрунтових поховань на боці з підібганими ногами на «городищі», що супроводжувались пастовим намистом, керамікою, мушлями, пряслом фрагментами залізної речі (Грінченко 1930, с. 20; 1930b, с. 23—25). За браком зображень, попередньо їх можна широко датувати раннім залізним віком.

До V ст. до н. е. можуть належати безкурганні поховання «А» і «Б», здійснені в орієнованих широтно, напівовальних ямах, які об'єднанні автором звіту (можливо, через те, що розташовані поруч) в «могилу 36». Судячи з інвентарю, в першому випадку покладено чоловіка а в іншому — жінку. Небіжчики лежали витягнуто на спині, головою на захід, та супроводжувались заупокійною їжею (кістками вівці) та ножем. А чоловік — ще окремо й кістками в ліпному горщику. У воїна був набір бронзових втульчастих стріл з трикутними голівками, кінці лопатей яких утворюють шипи, що відноситься до другої — четвертої чвертей V ст. до н. е. (рис. 4: 1—7). Жінку покладено зі скляним намистом (рис. 4: 8—12) й бронзовим дзеркалом (рис. 4: 13) в берестяному футлярі. Люстерко може датуватись V—IV ст. до н. е. (Кузнецова 2002, с. 120) (додаток 2).

Основна частина поховань, зокрема й тих, де в текстах звітів згадано тригранні («тригранчасті») бронзові стріли, здійснена, вірогідно, вже в IV ст. до. н. е.: насипи 7, 39, 40, кам'яна вимостка 4(10).

З 12 скіфських поховань на Дніпрозаводбуді, 8 (66,6 %) — підкурганні, а 4 (33,3 %) — безкурганні (додаток 2). У тому числі в 5 випадках — скіфське поховання центральне та єдине під насипом. Один раз в кургані було 2 могили. Ще одне поховання — впускне в курган доби бронзи висотою 2,4 м й за діаметром 35 м. Скіфські кургани нижчі: висота 0,12—1,9 м, діаметр 5,75—24 м. У 2 курганах (40 %) зафіксовано кільцевий рів. Кам'яна викладка трапилась в 6 комплексах (50 %). Для безкурганних могил вона обов'язкова. У тому числі зафіксовано 2 захоронення під окремими закладами, та ще 2 комплекси під спільною викладкою. Серед курганів вона трапилась двічі (25 %). Тризна описана в 3 курганах. Вона являла собою фрагменти кісток тварин, та іноді кераміки у насипі чи рові., могильні споруди представлені ямами: 7 комплексів (70 %) (4 підкурганних, 3 під вимосткою). Вони вирізняються чималою глибиною: в середньому 2,02 м. Під курганами могили глибше — в середньому — 2,32 м, в той час як під вимостками — 1,63 м. Переважають ями овальних і напівовальних пропорцій. В одному випадку важко встановити, чи це яма з заплічиками, а чи вона пробита пізнішою ямою. Катакомб виявлено 3 (30 %) (2 підкурганних, 1 під вимосткою). Вони відносяться до 1, 2, 4 типів, за класифікацією В. С. Ольховського. Завжди вхід до підбою в них прикривав заслон. Два рази — з каменів, раз — дерев'яний.

Рис. 4. Знахідки з поховань на Дніпрозаводбуді: 1—7 — захоронення «А»; 8—13 — захоронення «Б» могили 36; 14 — курган 4 (1—7, 13, 14 — бронза; 8—12 — скло)

Переважає широтне орієнтування могил (захід—схід) — 7 споруд (87,5 %), північний захід—південний схід — 1 комплекс (12,5 %). Положення кістяків встановлюється у 5 випадках. Воно завжди пряме, на спині. Всі небіжчики орієнтовані головою в сектор заходу — північного заходу. В тому числі, на захід — 4 (66,7 %); на північний захід — 2 (23,3 %). Кожного разу (7 випадків) поховання одиночні. Антропологічні визначення відсутні. Втім, судячи за інвентарем, число чоловіків і жінок приблизно рівне: 3 на 3 випадки. Цікавим є поховання в кургані 40. Тут, у катакомбі, кістяк з типово жіночим інвентарем (прясла, буси, сережка) супроводжувався і наконечником стріли. Очевидно, тут поховану скіфську жінку — воїна.

Заупокійна їжа трапилась у 7 могилах (58,3 %), окрім цього, в комплексі 1 (10) розчищено фрагмент кінської щелепи. Найчастіше з небіжчиком клали кістки коня: 3 випадки (42,7 %) та вівці: 5 могил (57,1 %), у тому числі 1 раз — разом з м'ясом корови. В одному випадку кістки тварини лежали у ліпному горщику.

Інвентар краще зберігся в безкурганних могилах. Останні ймовірно привертали менше уваги грабіжників, а у низці випадків могли й зовсім не виділятись на поверхні. Зброя трапилась в 4 могилах, чи їх третині. Найчастіше — стріли — 3 комплекси (25 %); спис та панцир були в 1 захороненні (8,3 %). Тільки раз (8,3 %) виявлений і предмет вузди. Прикраси характерні для половини поховань. Як завжди, найбільш чисельні буси: 4 комплекси (41,7 %), в тому числі одного разу вони формували браслети. Сережки трапились в 1 захороненні (8,3 %). Стільки ж раз виявлене дзеркало та золота пластина. Посуд покладений у 5 комплексах (41,7 %). Найчастіше він керамічний: 3 випадки (25 %). В тому числі фрагменти античних амфор в 2 захороненнях (16,7 %), та ліпна в 1 могилі (8,3 %). По разу (8,3 %) виявлено дерев'яний піднос чи кам'яне блюдо. Ніж був у половині могил. Прясла — в 1 (8,3 %).

Привертає увагу курган 4 на майданчику «А» Дніпрозоводбуду (Смолічев 1930, с. 59, 60). Він мав «великий та високий» насип. Однак, його було знято в ході будівельних робіт ще до розкопок, й точні розміри залишились не відомими. Під час знесення та вивезення ґрунту робітниками, було виявлено впускне поховання. Відзначено наявність людського кістяка та фрагментованого бронзового псалія завдовжки 11 см, завширшки — до 1 см (рис. 4: 14). У псалія втрачено один кінець, інший прямий — отже за типом він може належати до прямого, чи Г-подібного типів. Більш точно визначити різновид допомагають деталі. Так, на малюнку, на відламаному кінці предмета видно потоншення у порівнянні з іншим краєм. Це не властиве прямим паліям, для яких характерна симетричність. Натомість, низка виробів, що мають загнутий кінець (часто — зооморфний) містять згадане потовщення (див. Могилов 2008, рис. 65: 16; 66: 1, 7). Отже, псалій з кургану 4 був, вірогідно, Г-подібним. Це дозволяє уточнити хронологію комплексу, адже подібні вироби використовувались у середньоскіфський час, найчастіше зустрічаючись у V ст. до н. е. (Могилов 2008, с. 33—34).

Основне поховання цього кургану, вірогідно, теж було споруджене в скіфську добу. Впускне поховання обмежує його час ранньоскіфським та середньоскіфським періодами. Комплекс виявився пограбованим. На глибині 0,8 м від рівня сучасної поверхні вдалось виявити пляму могили овальної форми, зорієнтованої з заходу, на схід. Довжина плями 2,8 м, ширина 2,1 м. Глибина 1,7 м. Рештки поховання розтрощені грабіжниками. В заповнені ями в зміщеному стані виявлено рештки людини (ребра, частина хребта, гомілкові та фалангові кістки) та ребро великої тварини (коня?) від заупокійної їжі. Від супровідного інвентарю вціліли лише невеликі уламки заліза та бронзи.

На Дніпрозаводбуді виявлено і низку інших цікавих скіфських поховань. Два з них, на відстані 2 м один від одного, умовно поєднані авторами розкопок в «могилу 36». В обох випадках поховання зафіксовані нижче рівня ґрунту під кам'яним закладом. Небіжчики лежали випростано на спині, головою на захід. Захоронення «А», судячи з інвентарю, належало чоловікові. Небіжчика супроводжувала жертовна їжа, що лежала праворуч черепа: кістки барана з залізним ножем. Окремо кістки тварини були покладені й у ліпний горщик, що мав насічки по верхньому краю вінець. З покійним покладено 28 стріл з бронзовими наконечниками (рис. 4: 1—7), що лежали компактно біля лівого коліна — там де було покладено сагайдак. Типи вістер характерні для комплексів другої половини V ст. до н. е.

Поховання «Б» належало жінці, яку було покладено на підстилку з грубої вовняної тканини. Поруч із черепом — жертовне м'ясо — кістки теляти та вівці з рештками залізного ножа. Ліворуч голови — бронзове дзеркало V—IV ст. до н. е., покладене в берестяний чохол (рис. 4: 13). В районі шиї — скляне різнокольорове намисто (рис. 4: 8—12).

Кічкаські могильники — найвідоміші серед скіфознавців некрополі з досліджених Дніпробудівською експедицією. Неабияк сприяла цьому публікація комплексів з робіт 1927 р., коли тут було розкопано більшу частину поховань. В збірник Дніпропетровського краєвого історико-археологічного музею, виданий 1929 р., увійшли статті М. Я. Рудинського, А. В. Добровольського, П. І. Смолічева, частково супроводжені малюнками (Рудинський 1929; Добровольський 1929; Смолічев 1929). В. С. Ольховський, характеризуючи поховальний обряд населення Степової Скіфії у своїй монографії (Ольховский 1991, с. 190), що й досі є одним із двох найповніших зводів пам'яток цього регіону (іншу велику добірку див. Черненко та ін. 1986), спирався саме на ці дані. У Кічкасі він виокремив 22 поховання скіфського часу (19 підкурганних та 3 грунтових). Втім, роботи на Кічкаському мисі продовжувались і в наступні роки. Неопубліковані матеріали цих робіт дозволяють вести мову про значно більшу кількість захоронень скіфської доби — близько чотирьох десятків.

Кічкаський півострів розташовувався на правому березі Дніпра, вище від північного краю о. Хортиця. Річка доволі різко вигиналась, омиваючи цей мис з північного — та південного сходу. Навпроти — на лівому березі Дніпра в нього впадала балка з однойменною назвою — Кічкаська. Сьогодні більша частина мису затоплена Дніпровським водосховищем. Вцілили лише край мису, що став островом Сагайдачного (раніше — Леніна) посеред річища; а також західний напільний край півострова. Територіально вони входять до м. Запоріжжя.

На території мису було багато курганних груп, серед яких виднілись й кам'яні вимостки,

що не виступали над поверхнею. В публікаціях, та звітній документації вони названі могильниками. Одну з могил було розкопано ще 1907 р. Я. П. Новицьким. Основні роботи проведені 1927 р. Розкопками окремих комплексів керували А. В. Добровольський, М. Я. Рудинський, П. І. Смолічев, Я. П. Новицький «за допомоги Д. І. Яворницького» (Рудинський 1929; Добровольський 1929; Смолічев 1929). У 1928 р. дослідження на пам'ятці продовжують В. А. Грінченко (Грінченко 1928, с. 1—7; 1928a, с. 1—36; 1928b, с. 1—21), Ф. М. Сап'ян (Сап'ян 1928, с. 1—15) та С. С. Гамченко (Гамченко 1928, с. 37—42). У 1930 р. — Г. Г. Мартенс (Мартенс 1930, с. 16—19), а наступного, 1931 р., — П. І. Смолічев (Смолічев 1931, с. 14—22).

Звітна документація з розкопок не завжди повна, лише частково ілюстрована. За її даними до скіфського часу з різною ступінню вірогідності можуть бути віднесені 40 захоронень біля Кічкаса (додаток 3). Серед досліджених комплексів переважають підкурганні 30 (75 %) тоді як безкурганних — 10 (25 %) [1]. При цьому, якщо в І групі переважають підкурганні поховання (17 проти 3 ґрунтових), то в могильнику біля залізничної станції домінують вже безкурганні поховання (7, при 4 в курганах).

Скіфський могильник виник на території некрополя бронзової доби. Причому, вже тоді була традиція захоронень як в курганах, так і під пласкими кам'яними закладами. Найбільш раннє з досліджених поховань (могила 6 біля залізничної станції), за набором вузди та базисною стрілою, може відноситись до другої половини VI — першої чверті V ст. до н. е. Продовжували тут ховати і в V ст. до н. е.: могильник І, курган 25, могила 2 поблизу залізничної станції. Втім, більшість могил відносяться все ж до IV ст. до н. е.: група І, кургани 1—3, 5, 12 (південно-східне поховання), 15, 44, 46; некрополь 4, насип 6; залізнична станція кургани 3 та 4, могила 12.

Як згадувалось, під курганами виявлено 30 поховань скіфського часу (додаток 3). Окрім цього в одному насипі доби бронзи справлено тризну скіфського періоду, хоча одночасове їй поховання не виявлене. В комплекси епохи бронзи впущені 4 захоронення (в тому числі раз — в безкурганну вимостку доби бронзи). Скіфських курганів виявлено 22. Їх висота — 0,1—1,3 м, діаметр — 4,5—19 м. З них 18 містили по 1 могилі, ще під 4 комплексами було по 2 захоронення. Безкурганних поховань 10. Для 9 (90 %) з них характерна кам'яна викладка на поверхні, ще для 2 (20 %) — кромлех.

Серед поховальних споруд в Кічкаських могильниках домінують ями — 30 споруд (88,2 %).

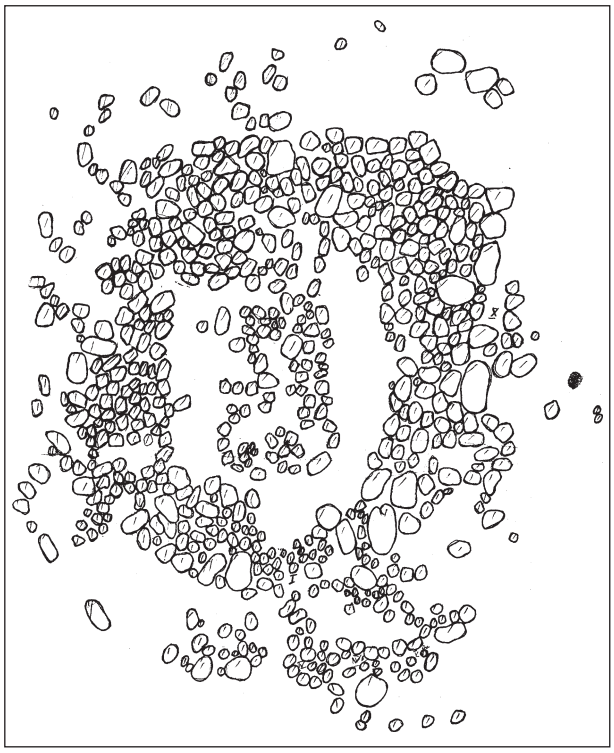


Рис. 5. План кам'яної вимостки могили 6 біля Кічкаської залізничної станції

Зафіксоване 1 захоронення (3 %) на давньому горизонті. У 2 випадках (5,9 %) розчищено кам'яний ящик чи обкладку могили каменями. Раз (3 %) небіжчика покладено у зрубі (додаток 3). Середня глибина ям — 1,65 м, при цьому, під курганами могили в середньому дещо глибші за ґрунтові: 1,74 м, проти 1,32 м. У 5 випадках (12,5 %) зафіксовані сліди дерев'яного перекриття, в 1 могилі (2,5 %) — кам'яного. Підстилка була відзначена у 2 комплексах (5 %).

Характерною ознакою кічкаських поховань є кам'яна вимостка над ними. Її виявлено в 26 комплексах (74 %). Кромлех оточував 4 захоронення (11,4 %). Тризна зафіксована в 11 похованнях (27,5 %). Судячи з відсутності кісток, кенотафами чи культово-поминальними комплексами могли бути 3 могили (7,5 %). Всі вони не мали насипів. В кургані 1 могильника І, серед каменів закладу, виявлено менгір.

Заупокійна їжа виявлена в 15 захороненнях (37,5 %). В усіх 7 випадках, коли приведене визначення, це були кістки вівці. По одному разу вони доповнювались ще й м'ясом корови та свині (додаток 3), могили орієновані широтно. За лінією захід—схід (з деякими відхиленнями) — 19 комплексів (82,6 %). З північного заходу, на південний схід — 3 (13 %). Ще одна (4,3 %) — з північного сходу, на південний захід (додаток 3).

У некрополі скіфського часу зафіксовано поховання не менше як 32 індивідів. Усі з 21 встановлених поховань одиночні. Домінує пряме (іноді з підігнутими чи піднятими коліна-

1. Вірогідно, відсоток безкурганних поховань міг бути вищим. М. Я. Рудинський згадує значну кількість кам'яних закладок поміж курганами (Рудинський 1929, с. 48).

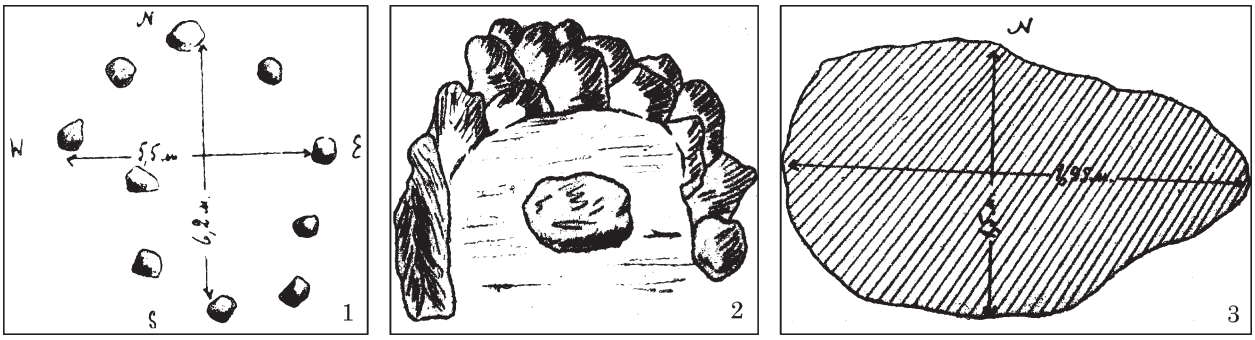


Рис. 6. Кічкаська залізнична станція, могила 6: 1 — вихід каменів на поверхні ґрунту; 2 — напівкругла кам'яна конструкція; 3 — пляма могильної ями

ми) покладення небіжчиків — 13 індивідів (86,7 %). Ще 2 рази (13,3 %) поховано черепи. Кістяки покладено переважно головою на захід — 13 осіб (85,7 %). Ще по 1 разу (7,1 %) вони орієнтовані на схід, або північний схід (додаток 3). Антропологічні визначення вказані дуже рідко. Якщо застосувати до небіжчиків метод статевого поділу за наявним інвентарем, то отримаємо рівне співвідношення чоловіків і жінок (по 7 осіб). У 2 випадках, можливо, було покладено скіфських жінок зі зброєю (з ними наявні як прикраси та прясло, так і озброєння), одна з яких (курган 3, некрополь I), судячи з наявності стріли в грудях, була нею вбита.

Для поховального інвентарю в Кічкасі, як і в Гадючій балці, характерний високий відсоток захоронень зі зброєю — 18 (45 %). При цьому стріли зафіксовано в 17 могилах (42,5 %), спис чи дротик — в 9 (22,5 %), сокирку-скіпетр — в 1 (2,5 %). Один раз зафіксовано вбивання стріли в підток списа, для кріплення древка там. У кургані 12 цієї групи спис було вбито в дно могили. Ворворки виявлено в 6 могилах (15 %): по 2 рази зі зброєю, чи в вузді. Предмети кінського спорядження походять з 3 комплексів (7,5 %). В тому числі вудила, псалії та ворворки — з 2 (5 %), бляшки — з 1 (2,5 %).

Прикраси трапились в 17 похованнях (42,5 %). Найчастіше це буси та підвіски: 14 випадків (35 %). Сережки були у 7 могилах (17,5 %). Металеві браслети — в 2 (5 %). Кільця й булавки — по 1 разу (2,5 %). Лише раз зафіксоване покладання дзеркала та реальгару а також бляшок-аплікацій.

Керамічний посуд виявлено в майже третині поховань — 13 (32,5 %). Помітно переважає ліпний посуд — 11 комплексів (27,5 %). Антична кераміка була лише у 2 випадках (5 %).

Зі знарядь праці найчастіше клали ножі: 13 могил (32,5 %). Рідше прясла — 4 комплекси (10 %). У 2 випадках (5 %) — шило.

Цікаве покладення до могили рогу оленя, що як згадувалось, є властивим для пам'яток Надпоріжжя, де цей звичай має коріння в старожитностях доби бронзи.

Особливий інтерес серед поховань скіфського часу біля с. Кічкас становить поховання 6 біля залізничної станції, досліджене П. І. Смолічевим 1931 р. (Смолічев 1931, с. 12—15). Речі з цього комплексу хоч і передані у звіті схематичними малюнками, все ж дають уявлення про типи знахідок та дозволяють датувати комплекс. Могила №6 не мала насипу. Розташовувалась вона на скелястому березі Дніпра на площі, що дещо понижувалась до балки, що мала у місцевого населення назву «Чотири тирла».

Комплекс виділявся на поверхні виходом 10 каменів, викладених в формі овалу розмірами 6,2 × 5,5 м, витягнутого з півночі, на південь (рис. 6: 1). Після зняття першого шару, на глибині 0,1—0,2 м, стало видно кам'яну викладку, що вкривала поховання. Каміння складені на площі 13 (захід—схід) на 11,5 (північ—південь) м (рис. 5). В основі цієї конструкції була фігура близька до кола, трохи витягнутого з заходу, на схід. Її розміри 8 × 7 м. Навколо кола виступали окремі камені. Втім, на північний та південний захід, схід та південь вони все ж формували ніби кам'яні обкладки навколо порожніх місць. Під південно-східним скупченням каменів, за межами великого кола викладки знайдено кістки, зуби та щелепи коня. Під східним — фрагмент кременя та кварцитову овальну плитку зі слідами потертості. Нижче видно округлу пляму, що маркувала собою ямку діаметром та глибиною 0,5 м. В заповнені трапились фрагменти деревного вугілля. Під іншими скупченнями ніяких знахідок не було.

Під каменями східної частини кола було виявлено бронзовий ніж (1), *встромлений гострим кінцем в землю*. На схід від нього розчищено залізні вудила (2) та дві пари паліїв (3, 4) за 10 см на схід від них.

У центрі кам'яного кола — прямокутна кам'яна вимостка розмірами 3 × 1,55 м, покладена над похованням (рис. 5). Між нею та зовнішнім колом утворювався розрив, майже не заповнений брилами. В західному кінці центральної кладки, під верхнім її шаром, виявлено кам'яну напівкруглу конструкцію, повернену відкритим боком на захід, та складену з 16 пласких каменів, покладених сторчма (рис. 6:

2). Розміри каменів 0,3—0,65 × 0,2—0,25 × 0,3—0,4 м. Розміри фігури 1,2 м (північ—південь) на 1,5 м (захід—схід). В її центрі лежить плаский камінь розмірами 0,4 × 0,3 × 0,2 м.

Після зняття каменів, на глибині 0,7 м нижче рівня поля, вималювалась могильна пляма темного кольору, орієнтована довгою віссю за лінією захід—схід (рис. 6: 3). Форма близька до овалу, втім, з одного боку звужена. Завдовжки вона 1,95 м, завширшки — 1,5 м, завглибшки — 1,15 м. На глибині 1,05 м яма набирає правильної овальної форми, а ще за 0,05 м в її центральній частині виявлено бронзовий наконечник стріли (5) й ще 2 уламки таких виробів, а також бронзова платівка (6). Поруч був уламок залізного предмету з відбитком тканини (7). Тут розчищено й фрагменти людських зубів та декілька дрібних черепків керамічного посуду з грубого тіста.

1. Ніж бронзовий цільнолитий з однобічним, сильно сточеним лезом. Довжина — 29,3 см, зокрема, ручки — 9 см. Ширина леза — 2,2 см, ручки — 2 см. Товщина предмета 0,3 см (рис. 7: 5).

Типологічно цей ніж може бути співставлений з низкою подібних масивних бронзових предметів, що трапляються в похованнях попарно і вважаються культовими (Петренко 1967, с. 27; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 87). Це доволі рідкі знахідки, що з'являються ще в ранньоскіфський час. На цьому етапі вони відомі з Східноєвропейського Лісостепу: кургани 2 в Перебиківцях на Середньому Дністрі (Смирнова 1979, рис. 9: 5, 6); Реп'яхувата Могила, поховання 2 (тут руків'я однієї з двох пар ножів вкриті оригінальним орнаментом) (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, рис. 23), та біля Мошен (Ильинская 1975, табл. XX: 1, 2) в Потясминні в Дніпровському Правобережжі; Старша Могила в Посуллі на Лівобережжі (Іллінська 1951, табл. IV: 1, 2). Такі вироби продовжують існувати і в V ст. до н. е., на що вказують парні знахідки в курганах 5 біля Берестняг у Пороссі (Могилов, Диденко 2008, рис. 3: 1, 2), 8 групи Частих в Середньому Подонні (Замятин 1946, рис. 22). У всіх випадках такі поховання супроводжувались багатим інвентарем. А в Берестнягах — похованням коня. В інших випадках — покладено тільки вузду, що могла символізувати принесення всієї тварини (втім, відсутність коня тут може частково пояснюватись й не надто розповсюдженим звичаєм його поховання в Північному Причорномор'ї в ранньоскіфський час — можна пригадати хіба що курган 35 біля Бобриці в Пороссі (Ковпаненко 1981, с. 13)). З усіх згаданих виділяється розміром насипу Старша Могила — найвищій курган епохи скіфської архаїки, що вірогідно, належав одному з правителів населення Посулля скіфської доби. Інші комплекси суттєво поступаються їй, втім за розміром поховальних споруд та багатством інвентарю все одно вони можуть бути визнані такими, що належать лісостеповій знаті, однак — нижчого рангу.

Ніж з Кічкасу різниться зі згаданими вище однотипними предметами насамперед тим, що він знайдений один в поховальному комплексі. Це не може бути пояснено пограбуванням могили, адже лежав він під каменями вимостки. Звертає увагу і зточеність його леза. Таке ж явище спостерігалось свого часу в Берестнягах, Судячи з зображень, сточені леза великих ножів з Реп'яхуватої Могили. Таким чином, попри гіпотезу про культове призначення, такі вироби активно експлуатувались й за прямим призначенням — у якості ріжучого знаряддя.

2. Вудила залізні петельчасті, складаються з двох ланок, що мають квадратний перетин 8 × 8 мм. Довжина цих сегментів 10,5 та 11,5 см. У одній з зовнішніх петель — кільце діаметром 5 см. Такий тип вудил з'являється в Скіфії в келермеську добу, а в середньоскіфський та пізньоскіфський період, за рідкими виключеннями, є єдиним типом вживаних вудил (Могилов 2008, с. 19—22).

3. Залізні S-подібні дводирчасті псалії, з пласким розширенням в центральній частині, що має перехват для петлі вудил та 2 отвори для кріплення ременів оголів'я. Довжина виробів 14 см. Їх кінці стержнеподібні товщиною 8 мм (рис. 7: 1). Це один з найбільш поширеніших типів дводирчастих паліїв на півдні Східної Європи, який датується 2-ю половиною VI — IV ст. до н. е. (Могилов 2008, с. 37). Аналогії добре відомі з Подніпровської України (Скорый 1997, рис. 30: 6; Супруненко 1996, рис. 16:

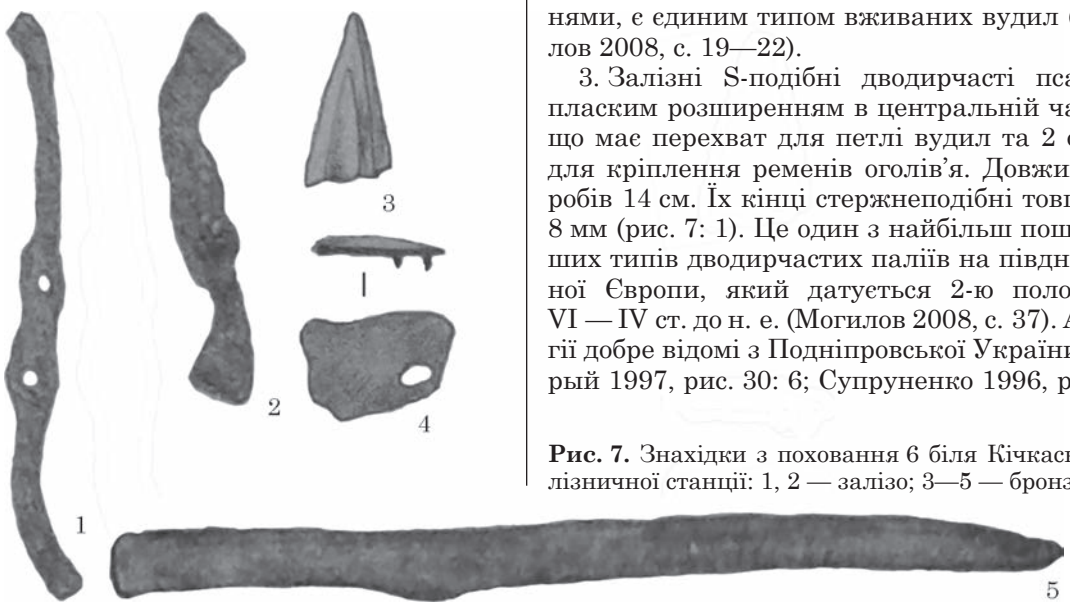


Рис. 7. Знахідки з поховання 6 біля Кічкаської залізничної станції: 1, 2 — залізо; 3—5 — бронза

2, 3), Сіверського Дінця (Бандуровский, Буйнов 2000, рис. 33: 12), Середнього Подоння (Пузикова 2001, рис. 32: 2; Савченко 2001, рис. 25: 11). Не рідкі вони й для Степової Скіфії (Ковалева, Мухопад 1979, рис. 1: 11), Північного Кавказу (Мошинский 1997, рис. 1: 2). Трапляються в савроматських старожитностях (Граков 1999, с. 3: 12).

4. Залізні S-подібні дводирчасті псалії, з пласким розширенням в центральній частині, що має перехват для петлі вудил та 2 отвори для кріплення ременів оголів'я. Кінці розклепані (рис. 7: 2). Стан збереження поганий. Це більш рідкий різновид S-подібних псаліїв. Частина таких знахідок відома з Українського Лісостепового Подніпров'я, де вони походять з Посулля: кургани 1 (1886 р.) під Вовківцями (Ильинская 1968, табл. XXXII: 9), 425 біля Кулешівки (Галанина 1977, табл. 17: 4); Поворскля: насип 24 Перещепинського могильника (Ролле и др., 2003, рис. 5: 10); басейну Тясмину: кургани 10 групи Показове I (Бокий 1971, рис. 2: 14), 522 під Смілою (Петренко 1967, табл. 26: 12) тощо. Паралелі знаходимо й серед речей з пам'яток Північного Кавказу: насипи 15, поховання 8, поблизу Уляпа (Беглова 1989, рис. 3: 1; Лесков, Беглова, Ксенофонтова, Эрлих 2005, рис. 172: 15), 1 біля Брута (Габуев, Эрлих 2001, рис. 7: 17); Степу Причорномор'я: Медерово (Бокий 1974, рис. 7).

Ці вироби характерні для середньоскіфської доби. І хоча окремі знахідки могли існувати й пізніше, та більша їх частина може бути віднесена до другої половини VI ст. до н. е. — першої половини V ст. до н. е. (Могилов 2008, с. 38).

5. Наконечник стріли бронзовий базисний з трикутною голівкою та прихованою втулкою. Довжина 2 см (рис. 7: 3). Це типова знахідка, характерна для ранніх середньоскіфських комплексів (Полін 1987, рис. 10—13).

6. Платівка бронзова, неправильної прямокутної форми, з отвором на одному кінці та двома виступами-штифтиками на звороті. Довжина 18 мм, ширина 10—13 мм, товщина — 1 мм (рис. 7: 4).

7. Фрагмент залізного предмету з відбитком тканини. Вціліла довжина — 4 см, ширина — 2,5 см, товщина — 0,2 см.

Датування комплексу з Кічкасу може бути проведене виходячи з типу вузди та озброєння. Базисний наконечник стріли характерний для курганів другої половини VI — першої чверті V ст. до н. е. Набір вузди середньоскіфського часу не суперечить цій даті, а дводирчасті S-подібні псалії з пласкими кінцями характерні якраз для раніших середньоскіфських старожитностей. Підтверджує таку дату і бронзовий ніж, що має аналогії в ранньоскіфський період та в V ст. до н. е.

При соціальній атрибуції захоронення з Кічкасу ми зіштовхуємося з деякою суперечністю. З одного боку похованого супроводжували вузда та ніж, характерні для комплексів знаті. А з іншого — небіжчика покладено у скромному безкурганному похованні, в невеликій ямі. При цьому, поруч наявні інші скіфські поховання вже під насипами. Враховуючи досвід соціального поділу небагатих скіфських степових поховань IV ст. до н. е. (Бунятян 1985), видається вірогідним припущення про належність небіжчика до небагатого прошарку знаті або до заможних верств рядового вершництва одного з місцевих дніпровських надпорозьких родів.

Перелік скіфських могильників Надпоріжжя, досліджених Дніпробудівською експедицією, згаданими некрополями, далеко не вичерпуються. Відома з її робіт і низка окремих цікавих знахідок скіфського часу. Серед них — залізний кинджал (див. далі — рис. 12), що походить з неолітичного поселення на правому березі Дніпра, навпроти Вовнигзького порогу, з досліджень А. В. Добровольського (Добровольський 1931, с. 87, 88). Навершя меча — брускоподібне, перехрестя — метеликоподібне, сплощене з боку руків'я. Лезо має паралельні краї, що звужуються в останній третині. За класифікацією Г. І. Мелюкової, предмет може бути зарахований до 1 відділу, 1 типу (Мелюкова 1964, с. 49, 50). Обрисами він схожий до предметів з Грушківки та кургану 425 поблизу Кулешівки (Мелюкова 1964, табл. 16: 4, 8; Галанина 1977, табл. 17: 1). Останній з комплексів, за набором базисних наконечників стріл, може бути віднесений до ранніх середньоскіфських пам'яток другої половини VI — першої чверті V ст. до н. е.

Ще одним маловідомим скіфознавцям комплексом з предметами вузди з Лівобережного Припоріжжя є курган 9 біля с. **Кушугум** на південь від м. Запоріжжя (Магура 1930; Латуха, Саєнко 2003), досліджений С. С. Магурою в 1930 р. [1] Тут, на полі на схід від села, в урочищі Чайки, між Дубовою і Сухою Балками, дослідником було зафіксовано насипи, висотою 0,6—2 м, та діаметром 16—43 м (таблиця), які розташовувалися двома смугами, що тягнулись з південного заходу, на північний схід (рис. 8). Всього зафіксовано 10 курганів, однак за переказами місцевих жителів їх було більше, але частина вже розорана. Ці насипи є частиною великих курганних масивів, що тягнуться, вздовж лівого берега Дніпра (таблиця).

1. Попри існуючі згадки про те, що С. С. Магура розкопав кургани біля Кушугуму, працюючи в складі Дніпрогесівської експедиції (Шовклпляс 1992, с. 110), у списку членів експедиції чи спеціалістів, що приймали в ній участь, складеному П. І. Смолічевим (Смолічев 1932, титульний лист), його не має. Ймовірно, він вів все ж окремі роботи. Хоча не можна виключати, що вибір їх місця, мабуть, був обумовлений тогочасним високим інтересом до пам'яток Надпоріжжя, пов'язаним з роботами Дніпрогесівської експедиції.

Розміри курганів біля с. Кушугум

Номер	Висота з заходу, м	Діаметр (захід—схід), м
1	0,7	20,5
2	1,4	28
3	2	43
4	1,55	32
5	1,64	24,3
6	0,8	22
7	0,6	18
8	0,6	16
9	до 0,79	до 24
10	0,9	21

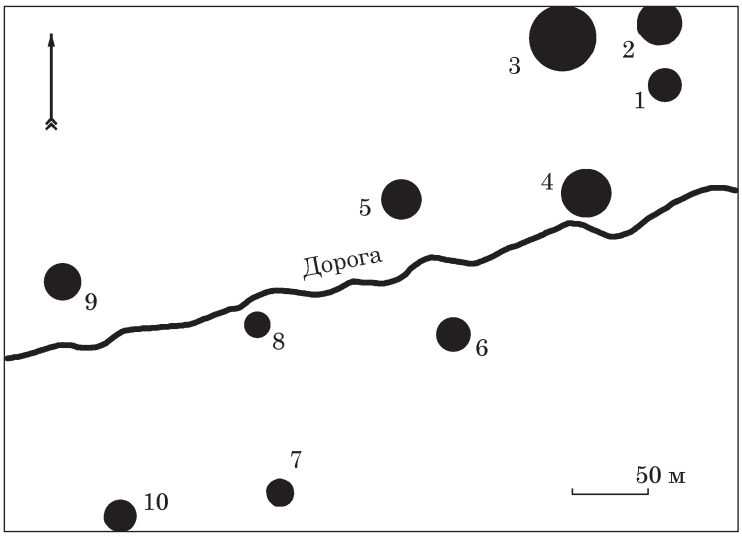


Рис. 8. План курганів біля с. Кушугум

Дослідник обрав для розкопок два невеликих насипи, яким загрожувало нівелювання через сільськогосподарські роботи. Насип 1, споруджений в добу бронзи, містив ще й пізньокочівницьке поховання (Магура 1930, с. 1—7; Латуха, Саєнко 2003, с. 41—42). Курган 9 виявився скіфським. Коротка інформація про нього міститься лише в статті Т. І. Латухи та В. М. Саєнка, що супроводжується зведеним планом комплексу (Латуха, Саєнко 2003, с. 42). Речові знахідки досі були невідомі широкому колу спеціалістів.

Курган 9 біля Кушугума досліджувався в кінці серпня — вересні 1930 р. Висота насипу може бути визначена виходячи з креслень профілів насипу. С. С. Магура подав 2 їх варіанти, що дещо різняться за показниками висоти. Сьогодні цю різницю вже важко пояснити. Судячи з вказаних даних, курган стояв в місцевості, що дещо понижувалася до заходу, в бік дніпровської долини. Відповідно, підвищення над оточуючим полем з цього боку найбільше: 73 чи 79 см. Зі сходу курган височів тільки на 24—29 см. Над північними околицями він здіймався на 37—39 см, а над південними на 54—55 см. Діаметр кургану, судячи зі згаданих профілів — 22—24 м [1].

Насип, судячи з креслень та фото щоденника, досліджувався квадратним розкопом розмірами 16 × 16 м, з залишенням хрестоподібних бровок через центр. Насипаний з ґрунту, він був оточений кільцеподібною кам'яною крепідою, брили якої лежали на периферії схилів (рис. 9: I, II). В насипу знайдено декілька фрагментів кераміки та кістка тварини, що, вірогідно являють собою рештки тризни, або викинуті сюди з поховання при пограбуванні. В верхній частині західного сектору — частина залізної речі (за припущенням С. С. Магури — частина шаблі). В декількох місцях насипу згадуються глиняні скупчення, що, можливо, являли собою викид з могили. В південно-західному секторі насипу розчищено бронзові предмети вузди: пряжку та бляхи у вигляді голови лося та кисті лапи тварини. Судячи зі знаходженнях на значних глибинах (0,97, 1,13 та 1,37 м від «центрального рівня»), частково — в районі крепіди, їх доцільніше пов'язувати все ж з покладанням вуздечних предметів в насип чи на підкурганну поверхню при заупокійному культі, що відоме в скіфській поховальній традиції (Мозолевський 1979, с. 23; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, с. 68, 69; Бидзиля, Полин 2012, с. 64—76), аніж з переміщенням їх сюди при пограбуванні. Подібним чином, очевидно, варто розглядати й аналогічні знахідки серед каменів викладки з описаних вище поховань в Гадючій балці та на Дніпрозаводбуді. В центрі кушугумського кургану виявлено єдине поховання. Зверху над його східною половиною вціліли камені закладу (рис. 9: III). Під ними виявлена пляма могили овальної форми (рис. 9: IV). Довжина ями, орієнтованої з заходу — на схід, 2,3 м (а з врахуванням виступу на сході — 2,7 м). Ширина — 1 м. Глибину в 2,5 м від «центрального рівня» визначають кістки небіжчика. Нижня її частина вкопана в материкову глину. Заповнення чорноземне з окремими каменями. Поховання пограбоване. In situ збереглась ділянка грудей та кістки правої руки, судячи з яких

1. В кресленнях профілів кургану С. С. Магури, його верхівка позначена чомусь не нульовою точкою, а позначкою +0,3 м, ніби за центральний репер чомусь взято точку на 30 см над насипом. В подальшому це створює певне непорозуміння для читачів, адже не ясно на якій висоті визначено «центральний рівень», від якого подано всі глибини у щоденнику досліджень. Так глибини деяких каменів крепіди подано на глибині 0,69—1,1 м від «центрального рівня»; це фактично вже рівень підкурганного ґрунту, якщо брати від поверхні насипу.

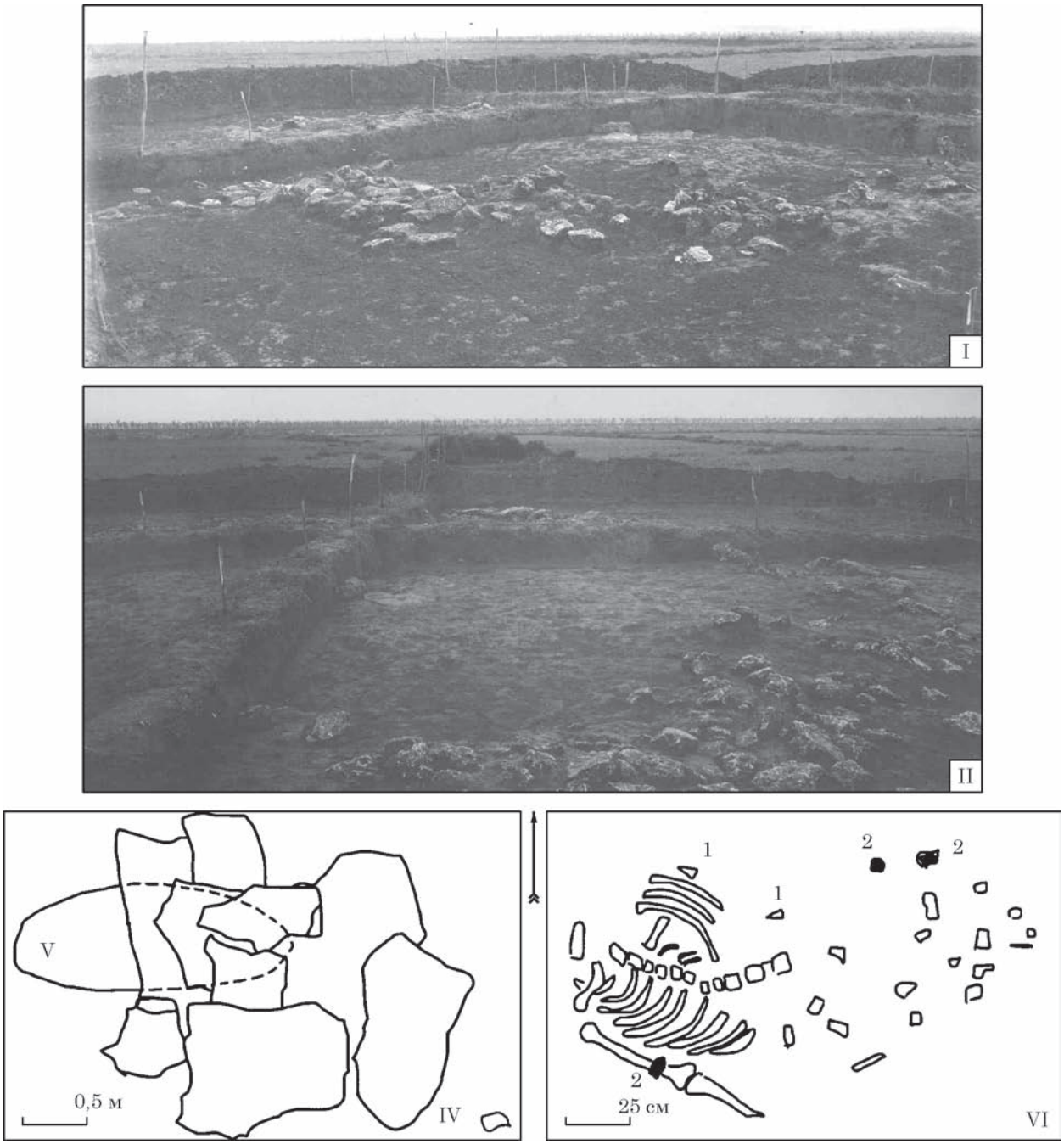


Рис. 9. Курган 9 поблизу с. Кушугум: I, II — камені крепіди кургану в процесі досліджень; III — кам'яний заклад над могилою; IV — могила; V — поховання. 1 — наконечники стріл; 2 — фрагменти залізних виробів

покійний лежав витягнуто на спині, головою на захід (рис. 9: V). Решта кісток розкидані. Зліва біля грудей виявлено 2 бронзових наконечники стріл (рис. 9: V, 1). На кістці правої руки — частина залізної речі (рис. 9: V, 2), що, за припущенням С. С. Магури, могла бути частиною меча. В могилі часто траплялись фрагменти залізних виробів, окремі — зі слідами дерева (рис. 9: V, 2). Зафіксовано також шматки деревини з залізними окислами.

Стать небіжчика з поховання не визначалась, втім, беручи до уваги наявність в комплексі стріл та вузди, можна припускати, що це — чоловік. Вузда з насипу дещо контрастує з його відносно невеликим розміром. Враховуючи розробки К. П. Бунятян для більш пізніх степових пам'яток IV ст. до н. е. (Бунятян 1985), можна припускати, що тут був похований заможний представник рядового населення, один з вершників-воїнів, що складали основу скіфського війська того часу.

У кінці 1930 р. С. С. Магура на засіданні Всеукраїнського археологічного комітету зробив доповідь за результатами своїх робіт. Відомо, що за матеріалами досліджень була підготовлена і стаття (Шовкопляс 1992, с. 110, 111). Деякий час речі з комплексу зберігались в Археологічному музеї ВУАН в Києві, співробітником

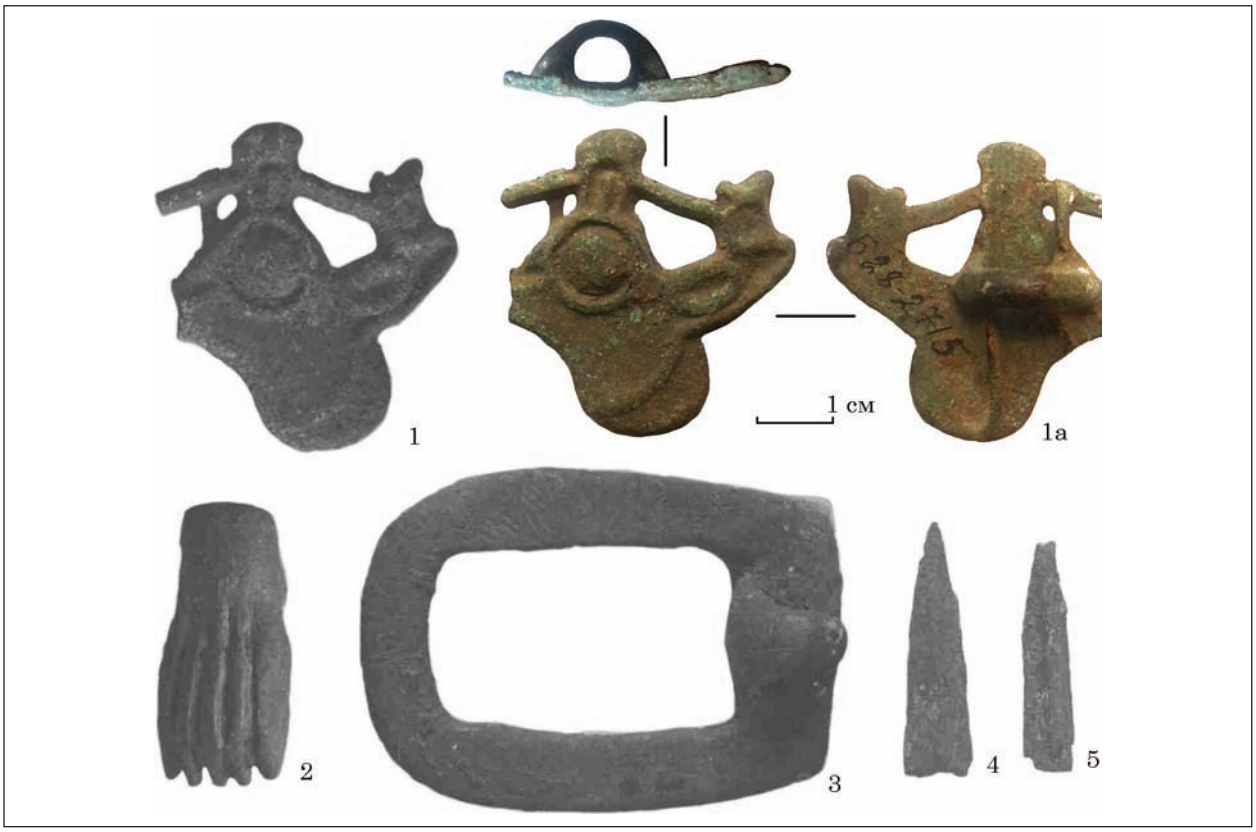


Рис. 10. Бронзові знахідки з кургану 9 біля с. Кушугум: 1, 2—5 — фото зі звіту С. С. Магури; 2а — сучасний стан

якого був С. С. Магура (Козловська, арк. 48). Можна припускати, що в 1936 р., разом з іншими археологічними колекціями, вони були передані в Центральний історичний музей УРСР (сучасний НМІУ) в Києві [1]. Виявити дані про них у міжвоєнних музейних інвентарних книгах поки не вдалося. Можливо, що на тлі тогочасного масштабного реформування історичних та археологічних музейних установ Києва, що супроводжувалося значним переміщенням експонатів фондів (Радієвська, Сорокіна, Завальна 2016, с. 183—199), їх просто не встигли занести в інвентарну книгу; а в подальшому цьому завадила війна. Вірогідно, в ході війни комплекс речей з Кушугуму був депаспортизований та частково втрачений. Бляха у вигляді голови лося в повоєнний час зберігалась серед експонатів невідомого походження. Доля інших артефактів невідома.

Найпоказовішими знахідками з Кушугуму є предмети кінського спорядження.

Бронзова бляха у вигляді голови лося передана в характерній манері скіфського звіриного стилю (рис. 10: 1). В центрі композиції округле око. Наверху роги, в місці з'єднання яких позначено розетку. Позаду вухо. Передня частина бляхи відсутня. В процесі підготовки статті, вказану знахідку вдалось ідентифікувати із безпаспортною бляхою, що зберігається у фондах НМІУ (Могилов, Диденко 2005—2009, с. 210).

Такі бляхи найбільш часто використовувалися у вузді (Могилов 2008. с. 47, 48, рис. 96: 97). Втім іноді вони прикрашали горит й сагайдак (Шапошникова 1970, с. 212, рис. 5), захисний панцир (Черненко 1970А. с. 194, 195, рис. 3), а може — й піхви меча (Ольховский, Храпунов 1990, с. 41).

Подібні знахідки добре відомі на широких просторах Європейської Скіфії. В Степу вони походять з курганів 1 поблизу Новорозанівки (Шапошникова 1970, рис. 5), 7 коло Колосків (Ольховский. Храпунов 1990, с. 42), 7 біля Жданова (Черненко 1970, рис. 2: 4), 7 Акташського могильника (Бессонова, Бунятян, Гаврилюк 1988, рис. 7: 3), Ак-Мечеть (Яковенко 1976, рис. 7: 2). Знайдені вони у Малому Семибратньому кургані на Тамани (Ильинская 1965, рис. 3: 6), й у насипі 32 и в одній з гробниць 1868 г. Німфейского некрополя (Силантьева 1959, рис. 37: 9; Черненко 1970а, рис. 3).

Чимало таких знахідок і в Лісостеповій Скіфії. Так в Дніпровському Правобережжі вони були в курганах 198 на Тенетинці (Бобринской 1894, табл. 4: 5), 401 біля Журовки (Бобринской 1905, рис. 33), Скіфська Могила (Скорый, Хохоровски 2008, рис. 2: 1) в Потясминні. А також поблизу Кошоватого (Петренко 1967, табл. 31: 1), та в Грищенцах (Галанина 1977, рис. 31: 6) в Пороссі. У

1. Щиро вдячний С. В. Діденку, О. В. Пукліній, Т. В. Радієвській, С. А. Сорокіній за цінну допомогу та консультації при роботі з фондами Національного музею історії України.

Лівобережному Лісостепу їх виявлено в Посуллі: Вововківці, курган 4 (Ильинская 1954, рис. 13: 7—10); Посейм'ї: Борзна, курган 2 (Ильинская 1968, табл. XXXI: 11); Поворсклі (Ролле, Черненко, Махортых 2004, рис. 1; Ролле, Махортих, Чередниченко 2006, рис. 1: 1—4); на Дніпровській Терасі: Жовнино (Ильинская, Горишний 1975, рис. 1). В Середньому Подонні такий артефакт був в кургані 4 (розкопки ВУАК) групи Частих (Замятин 1946, рис. 14: 6).

Поширення вказаних виробів в Середній Європі: Крайова (Pbrvan 1967, rys. 50), Оргам (Simion 2003, fig. 12, c), пов'язується зі скіфськими впливами (Скорый 2006, с. 158 — 159). Відомі вони і в савроматів (Očir-Gorjaeva 2005, s. 157, 159).

Вказані бляхи відносяться до середньоскіфського періоду (друга половина VI — V ст. до н. е.) (Могилов 2008, с. 48).

Бронзова бляха у вигляді п'ятипальчастої лапи тварини (рис. 10: 2) також знаходить численні аналогії у комплексах середньоскіфського часу. В Правобережному Лісостепу вони знайдені в курганах 398 біля Журовки (Бобринской 1905, рис. 7), 5 поблизу Берестняг (Бобринской 1901, с. 99), в Прусах (ДП 1899, № 328) в Подніпров'ї; під насипом 26 поблизу Новосілки у Східноподільській групі (Majewski 1905, rys. 67, 68). В Лісостеповому Лівобережжі — походять з курганів 1, 8 (поховання 1), 18 (гробниця 1), 21 Перещепинського могильника в Поворсклі (Шрамко 1994, рис. 4: 6; Мурзін, Ролле, Білозор 1996, мал. 3; Мурзин и др. 2000, рис. 34: 10; 2002, рис. 46: 12); насипу 3 поблизу Протопопівки у Сіверськодонецькій групі (Бандуровский, Буйнов, 2000, рис. 55: 9);

У Степовій Скіфії вони відомі з поховання в Стилі (Привалова 1993, рис. 83: 70). Знайдено їх у некрополі Ольвії (Папанова 1993, рис. 28). Зафіксовано й у Середній Європі та Карпато-Подунав'ї: Бича Скеля (Bukowski 1977, fig. 14: 8), Чілік-Дере (Simion 2000, fig. 10: 5; 2003a, fig. 6). Трапляються такі знахідки і в ареалі савроматської культури (Смирнов 1976, рис. 1: 25).

Вказані вироби типологічно різняться зі схожими предметами з виокремленим великим пальцем, що нагадують руку людини, та можуть бути віднесені до середньоскіфського часу (Могилов 2008, с. 51, 52).

Прямокутна бронзова пряжка має Г-подібний фіксатор (рис. 10: 3). Аналогії відомі з Українського Лівобережного Лісостепу: кургани 2, групи I біля Малої Рогозянки (Бандуровский, Буйнов 2000, рис. 39: 2) та 10 коло Черемушного на Сіверському Дінці (Буйнов, Бандуровский, Окатенко 2005, рис. 1: 6); 7 Перещепинського могильника (Мурзін, Ролле, Скорий 1995, мал. 10: 7) й 5 в уроч. Осняги коло Більського городища (Шрамко 1987, рис. 72: 17) в Поворсклі. В Степовій Скіфії схожий предмет виявлено під насипом 4 групи I в Первомаївці (Евдокимов, Фридман 1991, рис. 3: 5). Такі вироби побутують в V—IV ст. до н. е., найчастіше трапляючись у второй половині V — первой половині IV ст. до н. е. (Могилов 2008, с. 65, рис. 124: 18—21).

Бронзові наконечники стріл з поховання відносяться до базисного, витягнутих пропорцій (рис. 10: 4), та баштоподібного, з виступаючою втулкою (рис. 10: 5) типів. Перший різновид найбільш характерний для ранніх середньоскіфських комплексів другої половини VI — першої чверті V ст. до н. е. Другий — для дещо пізніших пам'яток другої — четвертої чвертей V ст. до н. е. (Полін 1987, рис. 10—13). Дата комплексу визначається за більш пізнім вістрям, однак базисний наконечник може вказувати на раніший відрізок в рамках зазначеної дати: можливо друга чверть — середина V ст. до н. е.

Особливий інтерес при розгляді поховального обряду згаданих могильників становлять безкурганні захоронення, перекриті переважно округлою кам'яною викладкою, під якою іноді менший кам'яний заклад мала ще й сама могила.

За кількістю відомих на сьогодні пам'яток, безкурганні могильники в Скіфії поступаються курганам. Та їх число з плином досліджень все зростає. Вони відомі протягом всього скіфського часу у кожному з великих регіонів Скіфії: в Лісостепу, Степу, на Північному Кавказі. Традиція кам'яних викладок над похованням, без облаштування насипу характерна переважно для пам'яток Степової Скіфії. Найбільше таких комплексів досліджено в Степовому Подніпров'ї: Михайлівка (Лагодовская, Сымановичь 1973, с. 235—240), Хортиця (Остапенко 2007, с. 150—152), острів Дубовий (Яценко 1959, с. 64, Остапенко 2007, с 148, 149) та інші. Але відомі вони й на Донбасі: Макіївка (Полідович 1998, с. 103—111), Стила (Привалова 1993, с. 161—167). Трапляються в Миколаївському могильнику в Причорномор'ї (Мелюкова 1975, рис. 28—31). Відомі в Каратаєвському некрополі в Нижньому Подонні (Ильюков 2002, рис. 4: 6—8).

Яка ж ґенеза безкурганних поховань під кам'яними закладами в Дніпровському Надпоріжжі? Подібні споруди дуже добре відомі в епоху бронзи на цій території (Добровольський 1952, с. 53—55; Лагодовська 1949, с. 158—179). Цікаво, що іноді цей тип споруд доби бронзи трапляється в могильниках паралельно з однотипними скіфськими. Часом вони розташовані буквально одна біля одної. Дуже заманливим було б встановлення їхньої генеалогії. Адже поховальна споруда як етнічний індикатор є більш надійною ознакою ніж різні категорії матеріальної культури. Останні, як більш передові, функціональні, гарні могли запозичуватись різними народами, утворюючи іноді надетнічну картину поширення різноманітних виробів. Так було, зокрема, й у скіфський час, коли вироби «скіфської тріади», себто озброєння, спорядження коня, та предмети, виконані у традиціях мистецтва звіриного стилю, активно переймались у скіфів їх сусідами.

Якщо б вдалось довести генетичний зв'язок кам'яних вимосток доби бронзи та скіфського часу в Надпоріжжі, можна було б висувати припущення про мешкання тут протягом тривалого часу автохтонного населення. Попадаючи під культурний вплив багатьох «домінантних» етносів вони переймали їхні предмети матеріальної культури, подекуди, вірогідно, змішуючись з ними (на таке явище може вказувати, зокрема, наявність під кам'яними вимостками катакомб, поховальних споруд, що вважають притаманними власне кочовим скіфам). Втім, якась частина аборигенів пронесла протягом століть і тисячоліть традицію спорудження безкурганних гробниць з кам'яними вимостками на поверхні. Вірогідно, це були осілі а не кочові жителі. На це, окрім сталості території поширення подібних могильників, вказує й наявність поселень згаданих часів в ареалі. І якщо для доби бронзи це звучить достатньо звично, то чи підтверджується це для скіфського періоду, з його притаманним для населення степу кочовим способом життя? Сьогодні для Нижнього Подніпров'я відома вже ціла низка скіфських поселень, виникнення яких пов'язується переважно з осіданням кочових скіфів (Гаврилюк, Пашкевич 1991, с. 51—62; Гаврилюк, Оленковський 1992, с. 5—36; Гаврилюк, Кравченко 1995, с. 93—95; Гаврилюк, 1997, с. 37—41). Видається, що така картина може бути доповнена за рахунок мешканців, які здавна проживали на цій території. Перейнявши багато типів предметів матеріальної культури, й, вірогідно етнічно змішуючись з пришлими номадами, вони продовжували ховати своїх небіжчиків під кам'яними закладами.

Важливим доказом такої гіпотези може бути існування неподалік безкурганних могильників поселень скіфського часу. Вже згадувалось про наявність такого селища неподалік Гадючої Балки. Біля Михайлівського некрополя згадується селище IV—III ст. до н. е. (Лагодовская, Сымановіч 1973, с. 240). Одночасно з курганними і ґрунтовими похованнями існували поселення на Хортиці (Остапенко 2001). Поблизу із найкраще дослідженим на Нижньому Дніпрі ґрунтовим некрополем Скельки (Попандопуло 2011) зафіксоване селище скіфського часу (Шапошникова, Бодянський, Щепинський 1957, с. 38; Бодянський 1977, с. 24). Біля величезного розмитого грунтово-курганного І Благовіщенського могильника оглянуто поселення з землянками, що руйнувались (Бодянський 1977, с. 26, 27). Неподалік Вищетарасівки, де розкопано ґрунтове поховання, зафіксоване і чимале поселення, що розмивалось водосховищем (Бодянський 1962, с. 273; 1972, с. 24;). Поруч зі знищеними ґрунтовими похованнями в Іллінці, наявне селище скіфського часу. Подібна ситуація спостерігалась і в Іванівці та Карай Дубині (Шапошникова, Бодянський, Щепинський 1957, с. 31, 32, 41, 42; Бодянський 1972, с. 19; 1977, с. 27). Така ж картина згадується й біля Біленького (Шапошникова, Бодянський, Щепинський 1957, с. 33; Бодянський 1977, с. 18; Гаврилюк, Оленковский 1992, с. 17; Остапенко 2007, с. 152).

Якщо вказане припущення вірне, то етнічна картина Степової Скіфії доповнилась б новими барвами. Втім, чи можна генетично пов'язувати безкурганні могильники з викладками доби бронзи та скіфського часу? Чи була безперервною ця традиція, чи є такі споруди у доскіфський період? Огляд джерел показує, що безкурганні поховання з кам'яними закладами в кіммерійську добу у степовому Подніпров'ї відомі. Такий комплекс було розкопано О.В. Бодянським в урочищі Круглик біля с. Федорівка (Бодянський 1949, с. 1—4; 1949а, с. 47—53), могильник займав лівий мис в гирлі балки Круглик, що переходив в плато, а з іншого боку височів над долиною Дніпра. Поховання не мали насипів окрім однієї невисокої могили (0,6м), дослідженої Музеєм Дніпробуду в 1935 р. Результати цих робіт наразі невідомі, втім О. В. Бодянському пізніше доводилось бачити тут невеликий кромлех. В 1941 р. фіксувалось розмивання безкурганних поховань з закладками й у кам'яних ящиках. У 1947—1948 рр. відзначено руйнування водами могил доби бронзи. Поховання доскіфського часу було досліджене 1949 р. Впущена в лес овальна яма, була перекрита кам'яною закладкою розмірами 2,1 × 1 м (рис. 11: 1). Верхні її камені зафіксовані на глибині 0,3 м. Під вимосткою виявлено пошкоджене поховання (№ 1). На глибині 1,1м збереглись тільки підігнуті ноги. Кістяк лежав головою до заходу — південного заходу. Можливо — у скорченому стані. В районі, де могла бути його голова розчищено округлотілий кубок (рис. 11: 3). Висота посудини — 13,5 см, діаметр боків — 14,5 см, отвору горла — 9,5 см, дна — 3,5 см. Товщина стінок — 0,4 см. На дні — ввігнутість всередину. Тулуб округлий. Поверхня місцями підлощена. Колір ззовні — рудуватий, на зламі — чорнуватий. Посудина була розбита в давнину. Для кріплення її частин під вінцями обабіч зламу зроблено 2 отвори для стягування шнурком. Тулуб кубку прикрашено орнаментом. Він складається з горизонтальної смуги, що передана 2 врізними лініями, поле між якими заповнено смугою кутоподібних значків. Від горизонтального поясу вниз відходять заштриховані трикутники.

Нижче, на глибині 1,9 м виявлено поховання 2. Підліток віком до 12 р лежав прямо, на правому боці, головою до заходу-південного заходу. Ліва рука дещо зігнута в лікті. Гомілки ніг обвалені розмивом (рис. 11: 2). Речей не виявлено.

О. В. Бодянський зарахував комплекс до пізньої бронзи чи епохи раннього заліза (Бодянський 1949, с. 3; 1949а, с. 51). О. І. Тереножкін співставляв його з білозерськими захороненнями (Тереножкин 1976, рис. 97: 15). Втім, аналогії мотивам орнаменту на кераміці

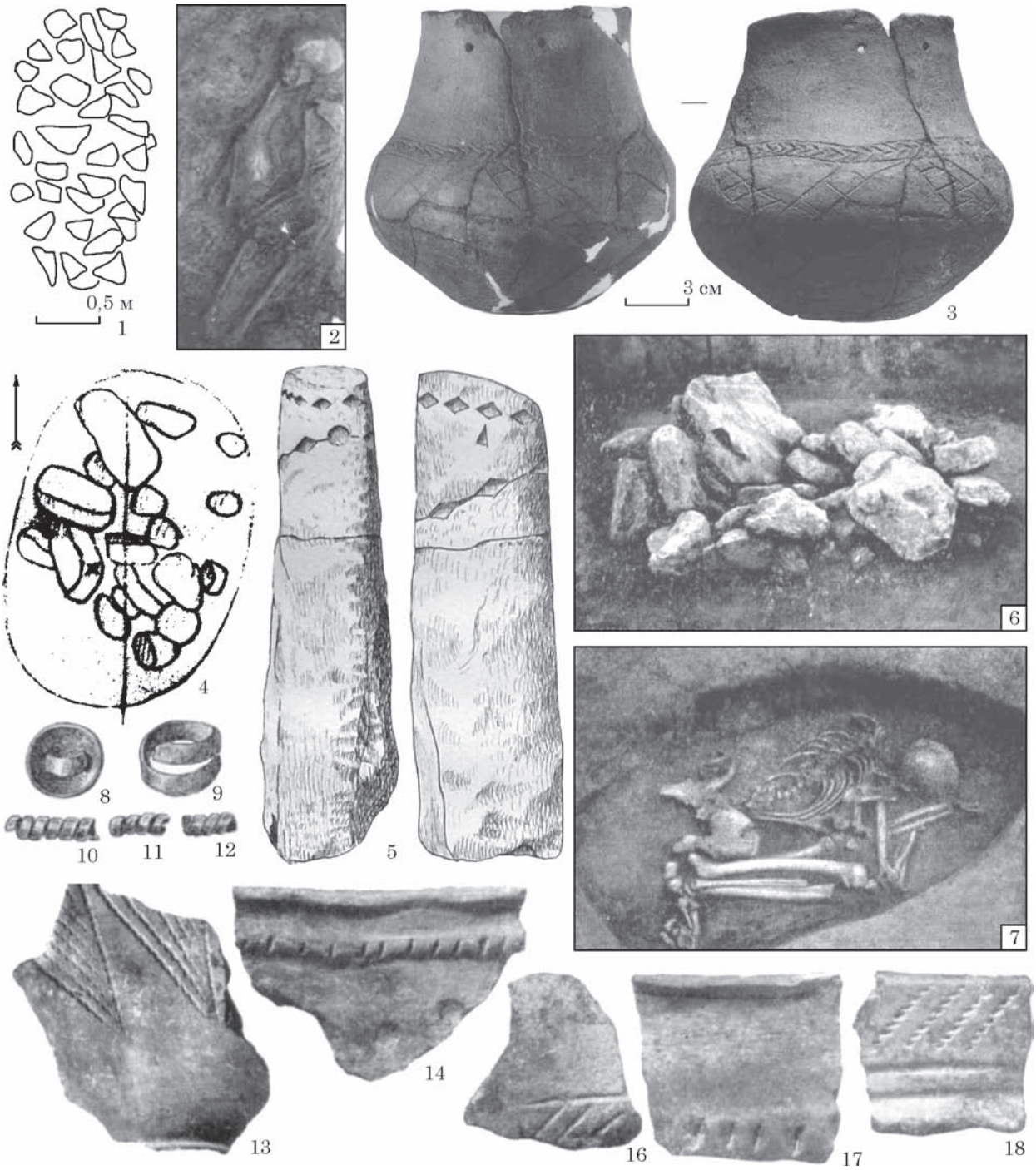


Рис. 11. Передскіфські поховання з кам'яними закладами з Нижнього Подніпров'я: 1—3 — Федорівка, Круглик; 4, 5 — Дніпрозаводбуд, курган 25, поховання 6; 6—15 — Золота Балка, поховання 3 (3, 11—15 — кераміка; 5 — камінь; 8—10 — бронза)

з передскіфських комплексів (Махортых 2005, рис. 33: 3; 68: 11; 81: 8), дозволяють датувати його кіммерійським періодом. Нижнє поховання більш раннє, на жаль, ніяких датуючих речей не містило. Якщо припустити, що має місце допоховання небіжчика (вірогідно — родича) ярусом вище, аналогії чому відомі у ґрунтових могильниках скіфського часу (Лагодовская, Сымановіч 1973, с. 236—239; Мелюкова 1975, с. 69, 70, 75, 76), нижнє захоронення також може відноситись до передскіфського періоду.

Некрополь в урочищі Круглик, беручи до уваги наявність розкопаних тут безкурганних могил з кам'яними викладками доби бронзи, передскіфського та скіфського часу (Добровольський 1949, с. 186—189), яскраво демонструє безперервність спорудження кам'яних закладок в Надпоріжжі протягом тривалого хронологічного діапазону.

Безкурганне скорчене поховання 3 біля Золотої Балки (рис. 11: 6—15) теж перекривалось кам'яним завалом (Добровольський

1960, с. 164, 165). Комплекс віднесено до передскіфської доби (Тереножкин 1976, с. 44, рис. 2: 37) С. В. Махортих датує цим часом і поховання 4 під кам'яною закладкою в с. Вовниги біля балки Башмачка (Лагодовська 1949, с. 176, 177; Махортых 2005, с. 333).

У Надпоріжжі відомі й окремі ґрунтові доскіфські поховання без кам'яної викладки. Одне з них було досліджене 1951 р. О. В. Бодянським біля с. Волоське (Бодянський 1951, с. 15, 16; 1951а, с. 53—55; Тереножкин 1976, с. 39, табл. VI).

Використання каменя в поховальних спорудах взагалі вельми характерне для доскіфських пам'яток Степової України (Махортых 2005, с. 53, 96). Показово, що кам'яні заклади над похованнями притаманні не тільки ґрунтовим, але й підкурганним захороненням. Одне з них, що містило кіммерійську стелу, було впускним в курган 25 на Дніпрозаводбуді в м. Запоріжжя (Міллер 1930, с. 3—5; 1930а, с. 3, 4) [1]. Насип висотою 0,97 м і діаметром 32 м було споруджено в добу бронзи. Доскіфське захоронення 6 впущене трохи північніше центру насипу. Пізніше тут здійснене й сарматське захоронення. Кіммерійський комплекс виявився порушеним, грабіжницька яма добре простежувалась Окремі каміння над ним почали траплятися вже в верхній частині насипу. На глибині 2,3 м вималювалась чорна могильна пляма розмірами 2,3 × 1,8 м, орієнтована довгою віссю з півночі, на південь. На цьому рівні виявлено кам'яний заклад, з поміж брил якого вирізнялась передскіфська стела (рис. 11: 4). Вона стояла похило, входячи нижнім кінцем в шар каменя.

Довжина статуї 1 м, товщина 23—28 см, у верхній частині — 16 см. Вирізьблена вона з граніту, боки підтесані. Зверху позначено два ряди «намиста». Верхня смуга передана квадратними намистинами, з обох боків яких позначено ще й трикутні привіски. Намистини нижнього ряду — ромбічні. Центральне місце серед них займає кругла фігура (рис. 11: 5). Контури ями нижче погано простежувались. На глибині 3,1 м її ознаки вже не фіксувались. Від знищеного поховання вціліла лише стегнова кістка.

Найбільшої уваги в похованні заслуговує, безперечно, стела. Незвичайне її місце в комплексі: серед каменів закладу. Це незвичайне для доскіфських статуй місце. Найчастіше, коли вони були прив'язані до поховального комплексу, їх знаходили в насипі кургану (Тереножкин 1978, с. 13—20). В дуже рідких випадках стели збереглись в місці початкового встановлення й у скіфських комплексах (Ольховский, Евдокимов 1994, с. 7). Постає питання: чи була запорізька кам'яна баба з самого початку встановлена в закладі доскіфського комплексу, чи її повторно використали тут у якості звичайного каменю завалу більш пізнього захоронення? Адже саме поховання зруйноване, і єдиний індикатор культурної належності тут — сама статуя. Похиле положення кам'яної брили, та те, що нижнім кінцем вона входила в шар кам'яної вимостки, свідчить на користь першого припущення. Очевидно, ми маємо дуже рідкий випадок встановлення статуї прямо в ямі захоронення. В якості аналогії раннього залізного віку можна привести ґрунтову могилу-катакомбу 155 з Світловодського могильника скіфського часу в Центральній Україні. В дно її вхідної ями була вкопана кам'яна плита, біля якої залишена жертовна їжа. Комплекс датується IV ст. до н. е. (Панченко 2014, с. 105—108).

Рис. 12. Залізний кинджал з Вовнигзького поселення

Як бачимо, в Дніпровському Надпоріжжі протягом тривалого часу простежується поховальна традиція спорудження кам'яних вимосток над безкурганними похованнями. Вона бере початок ще з доби бронзи, існує в передскіфську добу, поширена в скіфський період. Видається вірогідним припущення про проживання в окреслений період тут автохтонного населення. У той час воно активно взаємодіє з домінуючим тут власне скіфським іранським компонентом. Причому це проявляється не лише в запозиченні ними виробів скіфських типів. Схоже, що мало місце й етнічне змішування з номадами. Про це говорить наявність в згаданих безкурганних некрополях катакомб, а також звичаю встромлення зброї в дно поховальних споруд — ознак, які спеціалісти вважають властивими власне кочовим скіфам (Скорый 2003, с. 47, 49). Та, незважаючи на це, припоріжське населення все ж пронесло через тисячоліття специфічні традиції свого поховального обряду.

1. О. І. Тереножкін, публікуючи передскіфську статую з цього комплексу, помилково пише про її виявлення в кургані на правому березі Дніпра в районі будівництва Дніпрогесу в Верхньохортицькому районі Запорізької обл. (Тереножкин 1978, с. 18, 19).

Додаток 1

ПОХОВАЛЬНИЙ ОБРЯД МОГИЛЬНИКА ГАДЮЧА БАЛКА [1]

МОГИЛЬНИК 1

Могила 1, південна. Має викладку. *Тип могили*: яма, кругла. *Розміри*: 1,3 × 1,3 × 1,4 м. ***Інвентар***: *посуд*: фр. ліпного.

Могила 1, північна. Має викладку. *Тип могили*: яма, овальна. *Розміри*: 1,6 × 0,95 × 1,45 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. *Похований*: є кістки. ***Інвентар***: *посуд*: фр. античних амфор, фр. ліпного — 1 горщик; *зброя*: 1 стріла. *Примітки*: скребачка. *Датування*: V—IV ст. до н. е.

Могила 2. Має викладку. *Тип*: яма, кругла. *Заупокійна їжа*: кінь, вівця. ***Інвентар***: *посуд*: фр. ліпного. *Примітки*: скребачка.

Могила 3. Тризна: кістки тварин під викладкою. Викладка кругла. *Тип могили*: яма. *Північна, розміри*: 1 × 0,55 × 0,47 м. *Тип*: яма. *Південна, розміри*: 2,35 × 1,25 × 2,45 м. *Похований*: кістки відсутні. ***Інвентар***: *зброя*: 38 стріл, 1 спис; *вузда*: 1 вудила, 2 псалія; *предмети побуту*: 1 ніж. *Примітки*: фр. рогу оленя, 8 бронзових «листочків». *Датування*: друга—четверта чверті V ст. до н. е.

Могила 10. Має викладку. *Тип могили*: яма, кругла.

Могила 11. Має викладку. *Тип могили*: яма. ***Інвентар***: *посуд*: фр. 1 античної амфори.

МОГИЛЬНИК 2

Курган 1, висота — 0,25, діаметр — 5 м. Має викладку. *Тип могили*: яма, кругла. *Розміри*: 2,4 × 0,9—1,4 × 1,25 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. *Похований*: кістки 1 людини. ***Інвентар***: *зброя*: 1 підток = 1 стріла.

Курган 2, висота — 0,3, діаметр — 6,7 м. *Тризна*: фр. амфор, кістки тварин в насипу. Має викладку. *Тип могили*: яма, кругла. *Розміри*: 1,8 × 1,33 × 1,85 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З-Пн-З—С-Пд-С. *Похований*: кістки 1 людини. *Положення небіжчика*: випростаний, Пн-З. ***Інвентар***: *зброя*: 1 підток = 1 стріла; *предмети побуту*: 1 ніж.

Могила 3. Тризна: кістки тварин у викладці. Має викладку. *Тип могили*: яма, кругла. *Розміри*: 1,8 × 1,1 × 2 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. *Похований*: кістки 1 (?) людини. ***Інвентар***: *зброя*: 1 меч, 1 спис, 1 підток, 1 ворворка. *Примітки*: спис, меч і підток вбиті в землю.

Могила 4. Тризна: кістки тварин у викладці. Має викладку. *Тип могили*: яма, кругла. *Розміри*: 2,15 × 0,95—1 × 2 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. *Похований*: кістки 1 людини. *Положення небіжчика*: випростаний, З. *Заупокійна їжа*: корова. ***Інвентар***: *зброя*: 1 меч, 73 стріли, 1 пояс. *Датування*: IV ст. до н. е.

Могила 5. Має викладку. *Тип могили*: яма. *Розміри*: 1,7 × 1,2—1,4 × ? м. *Похований*: є кістки. *Заупокійна їжа*: вівця. ***Інвентар***: *зброя*: 1 стріла, 1 ворворка; *прикраси, предмети туалету*: 1 намистина. *Примітки*: фр. заліза. *Датування*: IV ст. до н. е.

Могила 6. Має викладку. *Тип могили*: яма, овальна. *Орієнтування поховальної споруди*: Пн—Пд. *Похований*: кістки 1 (?) людини. ***Інвентар***: *посуд*: 1 фр. 1 ліпного горщика; *зброя*: 11 стріл; *прикраси, предмети туалету*: 13 намистин.

Могила 7. Має викладку. *Тип могили*: яма. *Розміри*: 1,5 × 1,3 × ? м. *Похований*: кістки 1 (?) людини. ***Інвентар***: *прикраси, предмети туалету*: 1 намистина; *предмети побуту*: 1 брусок.

Могила 8. Має викладку. *Тип могили*: яма, кругла. ***Інвентар***: *посуд*: фр. античних амфор; *зброя*: 1 стріла. *Датування*: IV ст. до н. е.

ЛІВИЙ СХИЛ ГАДЮЧОЇ БАЛКИ

Могила 3, поховання 9. Має викладку. *Тип могили*: яма, кругла. *Розміри*: 1,95 × 0,85 × 0,83 м. *Орієнтування поховальної споруди*: Пн-З—Пд-С. *Похований*: кістки 1 людини. *Положення небіжчика*: випростаний, Пн-З. ***Інвентар***: *посуд*: фр. античних амфор; *зброя*: 1 стріла. *Датування*: IV ст. до н. е.

Додаток 2

ПОХОВАЛЬНИЙ ОБРЯД МОГИЛЬНИКА НА ДНІПРОЗАВОДБУДІ (РСП — ранньоскіфський період, ССП — середньоскіфський період)

Курган 4, насип «високий», *поховання* центральне. *Тип могили*: яма, овальна. *Розміри*: 2,7 × 1—1,8 × 1,7 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. *Похований*: є кістки. *Заупокійна їжа*: кінь. *Датування*: РСП, ССП.

Курган 4, поховання впускне. ***Інвентар***: *вузда*: 1 пслалій. *Датування*: ССП.

Курган 7, висота — 2,4, діаметр — 35 м. *Поховання* «Б». Має викладку. *Тип могили*: яма, прямокутна. *Розміри*: ? × ? × 1 м. *Похований*: кістки 1 людини. *Положення небіжчика*: випростаний, Пн-З. ***Інвентар***: *зброя*: 3 стріли; *предмети побуту*: 1 ніж. *Датування*: IV ст. до н. е.

Курган 8, висота — 1,5, діаметр — 28 м; має рів. *Тризна*: кістки у рові; фр. амфор і кістки у викладці. Має викладку, крепіду. *Тип могили*: яма, прямокутна. *Розміри*: 2,55—2,85 × 2,2 × 2,8 м. *Похований*: кістки 1 (?) людини. *Заупокійна їжа*: кінь. ***Інвентар***: *посуд*: фр. ліпного, фр. амфор; *зброя*: 1 спис, 1 панцир; *прикраси, предмети туалету*: 1 пластина золота; *предмети побуту*: 1 ніж. *Примітки*: спис і панцир у насипу.

Курган 9, висота — 1,9, діаметр — 24 м. *Тризна*: кераміка в насипу, людські кістки у крепіді. Має крепіду. *Тип могили*: яма, овальна. *Розміри*: 2,7 × 1,2 × 3,8 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С.

Курган 9 (11) 1930, «маленьке підвищення»; має рів. *Тип могили*: яма.

Курган 39, висота — 0,12, діаметр — 6 м. *Тип могили*: катакомба, тип 2. Має кам'яний заслон. *Розміри*: вхідна яма — 1,75 × 1 × >2 м, катакомба — ? × 0,8 × >2 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. *Похований*: кістки 1 жінки (?). *Заупокійна їжа*: вівця. ***Інвентар***: *посуд*: фр. античного червонолакового; *прикраси, предмети туалету*: 2 намистини. *Датування*: IV ст. до н. е.

1. Через технічну неможливість наведення інформації у табличному форматі, її дано в описовому вигляді. Інформація у додатках 1—3 структурована таким чином. Курган / могила, номер, параметри. Тризна, опис. Могила, опис. Розміри: довжина, ширина, глибина. Орієнтування поховальної споруди. Поховані, опис. Заупокійна їжа. Інвентар: посуд; зброя; прикраси і предмети туалету; предмети побуту. Примітки. Датування.

Курган 40, висота — 0,15, діаметр — 5,75 м. *Тризна*: кістки коня в насипу. Має дерев'яний заслон. *Тип могили*: катакомба, тип 4. *Розміри*: вхідна яма — 1,6 × 0,7—1,1 × 2,1 м, катакомба — 2,4 × 2,08—2,27 × 2,3 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. *Похований*: кістки 1 людини. *Положення небіжчика*: З (?). *Заупокійна їжа*: вівця. ***Інвентар***: *посуд*: фр. кам'яного блюда; *зброя*: 1 стріла; *прикраси, предмети туалету*: 5 намистин, 1 сережка; *предмети побуту*: ніж (?), 2 прясла. *Примітки*: в могилі деревне вугілля. *Датування*: IV ст. до н. е.

Могила 1 (12). Має круглу викладку. *Тип могили*: яма, прямокутна. *Розміри*: 2,2 × 1,15 × 1,25 м. *Орієнтування поховальної споруди*: Пн-З—Пд-С. *Похований*: кістки 1 людини. *Положення небіжчика*: випростане, Пн-З. *Заупокійна їжа*: кінь, фр. людських кісток. ***Інвентар***: *прикраси, предмети туалету*: 1 намистина.

Могила 4 (10). Має кам'яний заслон, викладку. *Тип могили*: катакомба, тип 1. *Розміри*: вхідна яма — 1,21 × 0,9—1,5 × 1,3 м, катакомба — 1,54 × 1,05 × 1,35 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. *Похований*: кістки 1 людини. *Положення небіжчика*: випростане, З-Пн-З. *Заупокійна їжа*: кінь. ***Інвентар***: *посуд*: 1 дерев'яне блюдо = 1 скоба; *прикраси, предмети туалету*: 2 браслети = 7 + 8 намистин, 2 сережки = 1 підвіска, 44 намистини; *предмети побуту*: 1 ніж. *Датування*: IV ст. до н. е.

«Могила 36» 1930, поховання «А». Має викладку. *Тип могили*: яма (?), напівовальна. *Розміри*: 1,6 × 0,9 × 1,79 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. *Похований*: кістки 1 людини. *Положення небіжчика*: випростане, З. *Заупокійна їжа*: вівця (кістки в горщику). ***Інвентар***: *посуд*: 1 ліпний горщик; *зброя*: 28 стріл; *предмети побуту*: 1 ніж. *Примітки*: фр. бронзи. *Датування*: середина — друга половина V ст. до н. е.

«Могила 36» 1930, поховання «Б». Має викладку, підстилку. *Тип могили*: яма (?), напівовальна. *Розміри*: 2,65 × 2,2 × 1,9 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. *Похований*: 1 жінка. *Положення небіжчика*: випростане, З. *Заупокійна їжа*: вівця, корова. ***Інвентар***: *прикраси, предмети туалету*: 1 дзеркало, >10 намистин; *предмети побуту*: 1 ніж. *Примітки*: дзеркало у берестяному футлярі. *Датування*: V—IV ст. до н. е.

Додаток 3

ПОХОВАЛЬНИЙ ОБРЯД КІЧКАСЬКИХ МОГИЛЬНИКІВ (ССП — середньоскіфський період, ПСП — пізньоскіфський період)

КІЧКАС I

Курган 1 1927, висота — 1, діаметр — 19 м. *Тризна*: кістки коня на насипу. Має дерев'яне перекриття, викладку. *Тип могили*: яма, зруб. *Розміри*: 3,7 × 2,3 × 1,95 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З-Пд-З—С-Пн-С. *Похований*: кістки 1 людини. *Положення небіжчика*: З. *Заупокійна їжа*: вівця. ***Інвентар***: *зброя*: 7 стріл. *Примітки*: спалене дерево в ямі, менгір в закладі. *Датування*: IV ст. до н. е.

Курган 2 1927, висота — 1, діаметр — 13,7 м. Має дерев'яне перекриття, викладку. *Тип могили*: яма. *Розміри*: 2,65 × 1,4—1,55 × 1,8 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З-Пн-З—С-Пд-С. *Похований*: кістки 1 людини 40 років. *Положення небіжчика*: випростане, З. *Заупокійна їжа*: присутня. ***Інвентар***: *зброя*: 2 стріли, 2 вток; *прикраси, предмети туалету*: 2 намистини, реальгар; *предмети побуту*: 1 прясло. *Примітки*: дерев'яні предмети з цвяшками, бронзовий астрагал. *Датування*: IV ст. до н. е.

Курган 3 1927, висота — 0,55, діаметр — 6,5 м. *Тризна*: кістки тварин (коня), фр. амфор на насипу. Має викладку. *Тип могили*: яма, овальна. *Розміри*: 2,1 × 0,97—1,1 × 1,7 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З-Пн-З—С-Пд-С. *Похований*: кістки 1 людини 30 років. *Положення небіжчика*: випростане, С-Пд-С. *Заупокійна їжа*: корова, вівця. ***Інвентар***: *посуд*: 1 ліпний горщик; *зброя*: 2 підтока = 3 стріли; *вузда*: 1 ворворка; *прикраси, предмети туалету*: 1 бляха золота, 21 намистина металева, 9 скляних, 1 булавка, реальгар; *предмети побуту*: 1 прясло. *Примітки*: 1 стріла в грудях. *Датування*: перша чверть IV ст. до н. е.

Курган 5 1927, висота — 0,3, діаметр — 5,2 м. *Тризна*: фр. амфор в насипу. Має дерев'яне (?) перекриття, кромлех, викладку. *Тип могили*: яма, прямокутна. *Розміри*: 1,8 × 0,65—0,7 × 2 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. *Похований*: кістки 1 людини. *Положення небіжчика*: випростане, З-Пн-З. ***Інвентар***: *прикраси, предмети туалету*: 1 кільце, 1 сережка (?); *предмети побуту*: 1 шило (?). *Датування*: IV (?) ст. до н. е.

Курган 6 1927. ***Інвентар***: *прикраси, предмети туалету*: намисто.

Курган 12 1928, діаметр — 5—7 м, *поховання* центральне. Має перекриття на давньому горизонті, кромлех, викладку. *Заупокійна їжа*: вівця. ***Інвентар***: *зброя*: 1 спис; *прикраси, предмети туалету*: 2 сережки; *предмети побуту*: 1 ніж.

Курган 12 1928, поховання Пд-С. *Розміри*: 2,6 × 1,25—1,4 × 1,85 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. *Похований*: кістки 1 людини. *Положення небіжчика*: випростане, З. ***Інвентар***: *зброя*: ≥42 стріли, 1 спис. *Примітки*: спис вбито в дно, фр. заліза. *Датування*: IV ст. до н. е.

Курган 15 1927, висота — 0,5, діаметр — 5—7 м. Має дерев'яне (?) перекриття, викладку. *Тип могили*: яма, овальна. *Розміри*: 1,7 × 0,8 × 1,4 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. *Похований*: кістки 1 чоловіка. *Заупокійна їжа*: присутня. ***Інвентар***: *прикраси, предмети туалету*: 1 сережка (?), 1 намистина. *Датування*: IV (?) ст. до н. е.

Курган 16 1927, висота — 0,5, діаметр — 5—7 м. Порушене впускне поховання в курган доби бронзи. ***Інвентар***: *прикраси, предмети туалету*: 1 дзеркало, 1 намистина.

Курган 17 1927, висота — 0,5, діаметр — 8,5—10 м. Має дерев'яне (?) перекриття, викладку, підстилку. *Тип могили*: яма. *Розміри*: ? × ? × 3,2 м. *Орієнтування поховальної споруди*: Пн-З—Пд-С. *Похований*: кістки 1 людини. *Положення небіжчика*: випростане, Пн-С. *Заупокійна їжа*: вівця. ***Інвентар***: *зброя*: 40 стріл; *предмети побуту*: 1 ніж. *Датування*: V—IV (?) ст. до н. е.

Курган 19 1927, висота — 0,5, діаметр — 8—12 м. Має викладку, підстилку. *Тип могили*: яма, овальна. *Розміри*: 1,8 × 1 × 1 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. *Похований*: кістки 1 людини. *Положення небіжчика*: випростане, З. *Заупокійна їжа*: присутня. ***Інвентар***: *прикраси, предмети туалету*: 8 намистин; *предмети побуту*: 1 ніж.

Курган 19 1927, поховання 2. *Тип могили*: яма, овальна. *Розміри*: 2 × 1 × 1,15 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. *Похований*: кістки 1 людини. *Положення небіжчика*: випростане, З. *Заупокійна їжа*: присутня. ***Інвентар***: *посуд*: фр. ліпного; *прикраси, предмети туалету*: 4 намистини скляні, 4 срібні. *Примітки*: фр. бронзи і заліза.

Курган 21 1928, висота — 0,18, діаметр — 10 м. *Поховання* центральне. Має викладку. *Тип могили*: яма. *Розміри*: 1,85 × 0,67—0,75 × 0,92 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. *Похований*: присутні кістки людини. ***Інвентар***: *посуд*: 1 ліпний горщик. *Примітки*: фр. заліза. *Датування*: ССП — ПСП.

Курган 21 1928. Поховання бокове. Має викладку. *Тип могили*: яма. *Розміри*: ? × 7 × 0,95 м. *Похований*: присутні кістки людини. ***Інвентар***: *посуд*: 1 ліпний горщик.

Курган 25 1927, висота — 0,7, діаметр — 10 м. *Тризна*: фр. амфор в насипу. *Тип могили*: яма, витягнуто-трапецієподібна. *Розміри*: 2,2—2,5 × 1,2 × 1,6 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. *Похований*: кістки 1 чоловіка. *Положення небіжчика*: випростане, З. ***Інвентар***: *зброя*: 1 молоточок-скипетр, 7 стріл, 1 підток; *вузда*: 2 ворворки, 1 бляха. *Примітки*: фр. заліза. *Датування*: V ст. до н. е.

Курган 29 1927, висота — 1,2, діаметр — 7—10 м. Має крепіду, викладку. *Тип могили*: яма, овальна. *Розміри*: 2,3 × 1 × 1,6 м. *Орієнтування поховальної споруди*: Пн-З—Пд-С. *Похований*: присутні кістки людини. *Заупокійна їжа*: присутня. ***Інвентар***: *посуд*: фр. античні; *зброя*: 1 стріла. *Датування*: V—IV ст. до н. е.

Курган 35 1927, висота — 3, діаметр — 40—45 м. *Тризна*: фр. амфор, горілі фр. на насипу. Курган доби бронзи використано для здійснення тризни в скіфський час.

Курган 36 1927, висота — 1,2, діаметр — 12 м. *Тризна*: фр. амфор в насипу. *Тип могили*: яма, овальна. *Розміри*: 2,4 × 1,2 × 1,7 м. *Орієнтування поховальної споруди*: Пд-З—Пн-С. *Похований*: присутні кістки людини. *Заупокійна їжа*: присутня.

Курган 44 1927, висота — 1,3 м. Має викладку. *Тип могили*: яма. *Розміри*: ? × ? × 1,69 м. *Похований*: кістки 1 людини. *Положення небіжчика*: випростане, З. *Заупокійна їжа*: присутня. ***Інвентар***: *посуд*: 1 кілік; *зброя*: 78 стріл, 1 спис, 1 підток; *предмети побуту*: 1 ніж. *Датування*: перша чверть IV ст. до н. е.

Курган 46 1927. Має викладку. *Тип могили*: яма. *Розміри*: ? × ? × 2,27 м. *Похований*: кістки 1 людини. *Положення небіжчика*: випростане, З. *Заупокійна їжа*: вівця. ***Інвентар***: *посуд*: 2 ліпних горщики; *зброя*: 4 стріли; *прикраси, предмети туалету*: 2 (?) сережки, 3 намистини; *предмети побуту*: 1 ніж. *Примітки*: впускне в курган доби бронзи. *Датування*: IV ст. до н. е.

Могила 4 1927. Має викладку. *Тип могили*: яма, овальна. *Розміри*: 1,7 × 1,2 × 1,65 м. *Орієнтування поховальної споруди*: Пн-З—Пд-С. *Похований*: кістки 1 дорослої людини. ***Інвентар***: *предмети побуту*: 1 ніж.

Могила 10 1927. Має викладку. *Примітки*: поховання не виявлено.

Могила 11 1927. Має викладку. *Тип могили*: яма. *Розміри*: ? × ? × 0,95 м. *Похований*: 1 череп. ***Інвентар***: *посуд*: 1 ліпний горщик.

КІЧКАС IV

Курган 2 1927, висота — 0,5—0,7, діаметр — 12 м. *Поховання* «А». *Положення небіжчика*: випростане, коліна підняті, З. *Заупокійна їжа*: вівця. ***Інвентар***: *предмети побуту*: 1 ніж. *Примітки*: впускне в курган доби бронзи.

Курган 3 1927, висота — 0,8, діаметр — 8 м. Має викладку. *Тип могили*: яма. *Розміри*: ? × ? × 2,5 м. *Положення небіжчика*: випростане, З-Пн-З. *Заупокійна їжа*: вівця, свиня (?). ***Інвентар***: *зброя*: 1 стріла.

Курган 4 1927, висота — 0,5, діаметр — 18 м. Має викладку. *Тип могили*: яма. *Розміри*: ? × ? × 2 м. *Похований*: кістки 1 людини. ***Інвентар***: *прикраси, предмети туалету*: 12 намистин; *предмети побуту*: 1 ніж, 2 прясла. *Примітки*: ріг оленя.

Курган 6 1927, висота — 1,8, діаметр — 18 м. *Тип могили*: яма. *Розміри*: ? × ? × 1,6 м. *Похований*: кістки 1 людини. *Положення небіжчика*: випростане, З. ***Інвентар***: *зброя*: тлін списа, 1 стріла. *Примітки*: впускне в курган доби бронзи.. *Датування*: IV ст. до н. е.

Курган Гамченка 1928. Має викладку, 2 кромлехи. *Тип могили*: яма, овальна. *Розміри*: 2,5 × 0,82 × 1,48 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. *Похований*: кістки 1 чоловіка. *Заупокійна їжа*: вівця. ***Інвентар***: *зброя*: 1 стріла; 1 кинджал; *прикраси, предмети туалету*: 1 намистина. *Примітки*: стегнові кістки вкриті вохрою, фр. заліза.

КІЧКАС X

Курган 1927, висота — 0,5, діаметр — 4,5—6,5 м. Насип кам'яний. *Похований*: кістки 1 людини. ***Інвентар***: *предмети побуту*: 1 ніж.

КІЧКАС, ЗАЛІЗНИЧНА СТАНЦІЯ

Курган 1 1930, висота — 0,3, діаметр — 13 м. *Тризна*: горщик в насипу. *Розміри могили*: 0,8 × 0,7 × 0,8 м. *Похований*: 1 череп. *Заупокійна їжа*: присутня. ***Інвентар***: *прикраси, предмети туалету*: 1 намистина, 2 сережки, 1 підвіска-белемніт. *Примітки*: фр. рогу оленя.

Могила 2 1930. Має круглу викладку, кам'яну перегородку. *Тип могили*: яма. *Розміри*: ? × ? × 1,6 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. *Похований*: кістки не знайдено. ***Інвентар***: *зброя*: 25 стріл; *предмети побуту*: 1 ніж. *Примітки*: кенотаф? *Датування*: середина — друга половина V ст. до н. е.

Курган 3 1931, висота — 0,3, діаметр — 8 м, насип кам'яний. *Тризна*: фр. амфори, точильний камінь в насипу. *Тип могили*: ящик кам'яний. ***Інвентар***: *посуд*: 1 ліпний горщик. *Примітки*: культово-поминальн комплекс. *Тип могили*: яма, прямокутна. *Розміри могили*: 2,8 × 0,65 × 1,65 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. *Похований*: кістки відсутні. ***Інвентар***: *зброя*: 45 стріл, 1 спис, 1 підток, 3 ворворки. *прикраси, предмети туалету*: 1 сережка, 5 намистин, фарба. *Примітки*: кенотаф (?); керамічні конусоподібні предмети. *Датування*: IV ст. до н. е.

Курган 4 1931, висота — 0,1, діаметр — 9 м, насип кам'яний. Має кам'яне перекриття. *Тип могили*: яма, овальна. *Розміри*: 1,8 × 1 × 1,5 м. *Орієнтування поховальної споруди*: Пн-С—Пд-З. *Похований*: присутні кістки. ***Інвентар***: *посуд*: 1 ліпний горщик; *зброя*: 110 стріл, 1 кинджал, 3 ворворки. *прикраси, предмети туалету*: >10 намистин, 1 підвіска, 1 браслет. *Датування*: IV ст. до н. е.

Курган 5 1931, висота — 0,15, діаметр — 8 м. *Тип могили*: яма, прямокутна. *Розміри*: 2,1 × 1,4 × 1,8 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. ***Інвентар***: *посуд*: фр. ліпного.

Могила 6 1931. Тризна: кінські кістки, ліпний посуд, вудила під викладкою. Має напівкруглий кромлех. *Тип могили*: яма, овальна. *Розміри*: 1,95 × 1,5 × 1,15 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. *Похований*: присутні кістки. ***Інвентар***: *посуд*: фр.

ліпного; *зброя*: ≥2 стріли; *вузда*: 1 вудило, 4 псалія; *предмети побуту*: 1 ніж. *Примітки*: бронзова пластина. *Датування*: друга половина VI — перша чверть V ст. до н. е.

Могила 7 1931. Тризна: фр. амфор, ліпного посуду, скребачка в викладці. Має круглу викладку.

Могила 8 1931. Тризна: кінські кістки в викладці. Має круглу викладку. *Тип могили*: яма, овальна. *Розміри*: 2,1 × 1,3 × 1,35 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. *Похований*: присутні кістки. ***Інвентар***: *посуд*: фр. ліпного; *прикраси, предмети туалету*: ≥1 сережка, фарба; *предмети побуту*: 1 прясло (?), 1 шило (?).

Могила 10 1931, поховання 1. Має круглу викладку, кромлех. *Тип могили*: яма. *Розміри*: 1,8 × 1,1 × 1,4 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. *Похований*: присутні кістки. ***Інвентар***: *посуд*: фр. ліпного; *вузда*: 1 вудило, 1 псалій, 1 ворворка; *прикраси, предмети туалету*: 2 намистини.

Могила 10 1931, поховання 2. Тризна: фр. ліпного посуду в викладці. *Тип могили*: кам'яний ящик. *Розміри*: зовнішні 1,35 × 0,8 × ? м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. *Похований*: кістки відсутні. ***Інвентар***: *посуд*: 1 ліпний горщик. *Примітки*: кенотаф. *Датування*: доба бронзи.

Могила 10 1931, поховання 3. Тип могили: кам'яний ящик. *Розміри*: зовнішні 1,2 × 0,8 × ? м. *Орієнтування поховальної споруди*: Пн-З—Пд-С. *Похований*: кістки відсутні. ***Інвентар***: *посуд*: 1 ліпний горщик. *Примітки*: кенотаф. *Датування*: доба бронзи.

Могила 11 1931. Має круглу викладку.

Могила 12 1931. Має круглу викладку. *Тип могили*: яма (?). ***Інвентар***: *зброя*: 2 стріли. *Датування*: IV ст. до н. е.

Могила 13 1931. Тризна: фр. амфор, ліпного посуду, брусок у викладці. Має 3 викладки (2 круглі, 1 прямокутна). *Тип могили*: яма, витягнуто-трапеціеподібна. *Розміри*: 2 × 0,3—1 × 1,2 м. *Орієнтування поховальної споруди*: З—С. *Похований*: присутні кістки.

ЛІТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю., Мурзин, В. Ю., Ролле, Р. 1991. *Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н. э.).* Киев: Наукова думка.

Бандуровский, А. В., Буйнов, Ю. В. 2000. *Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант).* Киев: ИА НАНУ.

Беглова, Е. А. 1989. Погребальный обряд Уляпских грунтовых могильников в Красногвардейском районе. В: Анфимов, Н. Ф. (ред.). *Меоты — предки Адыгов.* Майкоп: Адыгейский НИИ экономики, языка и литературы, с. 140-157.

Бессонова, С. С., Бунятян, Е. П., Гаврилюк, Н. А. 1988. *Акташский могильник скифского времени в Крыму.* Киев: Наукова думка.

Бидзиля, В. И., Полин, С. В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила.* Киев: Скиф.

Бобринской, А. А. 1894. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы.* Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева, II.

Бобринской, А. А. 1901. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы.* Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, III.

Бобринской, А. А. 1905. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Черкасском уезде Киевской губернии. *Известия археологической комиссии*, 14, с. 1-43.

Бодянський, О. 1949. *Могильник пізньобронзової доби в Надпоріжжі.* Науковий архів ІА НАНУ, 1949/36.

Бодянський, О. 1949а. *Щоденник археологічних розвідок в порожистій частині Дніпра в 1949 р.* Науковий архів ІА НАНУ, 1949/36.

Бодянський, О. 1951. *Коротке повідомлення за археологічні досліди в 1951 році на території Нижнього Дніпра та Дніпрових порогів.* Науковий архів ІА НАНУ, 1951/12.

Бодянський, О. 1951а. *Відчити за археологічні досліди 1951 року.* Науковий архів ІА НАНУ, 1951/12.

Бодянский, А. В. 1962. Скифское погребение с латенским мечом в Среднем Поднепровье. *Советская археология*, 1, с. 272-276.

Бодянський, О. 1972. *Інформація за роботу осіннього періоду 1972 року.* Науковий архів ІА НАНУ, 1972/55.

Бодянський, О. 1977. *Археологічні пам'ятки Запорізької та Дніпропетровської областей, які зруйновані, або руйнуються водами озера ім. В. І. Леніна та Каховського водосховища.* Науковий архів ІА НАНУ, 1977/89.

Бокий, Н. М. 1971. Археологические работы на Кировоградщине в 1968 году. *Археологические исследования на Украине в 1968 г.*, 3, с. 154-159.

Бокий, Н. М. 1974. Скифский курган у с. Медерово. *Советская археология*, 4, с. 262-271.

Буйнов, Ю. В., Бандуровский, А. В., Окатенко В. Н. 2005. Исследование курганов скифского времени в Харьковской области. *Археологічні дослідження в Україні 2003—2004 рр.*, 7, с. 9-13.

Бунятян, Е. П. 1985. *Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV—III вв. до н. э.).* Киев: Наукова думка.

Габуев, Т. А., Эрлих, В. Р. 2001. Два погребения V в. до н. э. из Предкавказья (из материалов Государственного музея Востока). *Материалы и исследования по археологии России*, 3, с. 112-125.

Гаврилов, А. В., Колотухин, В. А., Колтухов, С. Г. 2002. Курган эпохи бронзы и скифский могильник V—III вв. до н. э. у села Приречное в Крыму. *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму*, X, с. 94-110.

Гаврилюк, Н. О. 1997. Еколого-економічний аспект історії Степової Скіфії. *Археологія*, 1, с. 37-45.

Гаврилюк, Н. А., Пашкевич, Г. А. 1991. Земледельческий компонент в экономике степных скифов конца V — IV в. до н. э. *Советская археология*, 2, с. 51-63.

Гаврилюк, Н. О., Кравченко, С. М. 1995. Початок осілості степових скіфів (за матеріалами поселення Лиса Гора). *Археологія*, 3, с. 85-97.

Гаврилюк, Н. О., Оленковський, М. П. 1992. Пам'ятки скіфів. *Археологічна карта Нижньодніпровського регіону*, 5, с. 1-56.

Галанина, Л. К. 1977. Скифские древности Приднепровья. *Свод археологических источников*, Д 1-33, с. 1-68.

Гамченко, С. С. 1928. *Мої археологічні досліди року 1928 на Дніпрельстані.* Науковий архів ІА НАНУ, ф. А. Г. спр. 88, арк. 1-51.

Граков, Б. Н. 1999. Памятники скифской культуры между Волгой и Уральскими Горами. В: Мелюкова, А. И., Мошкова, М. Г. Башилов, В. А. (ред.). *Евразийские древности.* Москва: ИА РАН, с. 7-33.

Грінченко, В. А. 1928. *Коротке звідомлення за археологічні роботи обабіч Дніпра від Кічкасу до Вільного порогу на Запоріжжі.* Науковий архів ІА НАНУ, ф. 18, спр. 30, арк. 1-21.

Грінченко, В. А. 1928а. *Щоденник розкопок на правому березі Дніпра, від с. Кічкас, до порога Віль-*

ного (балки Гадюча, Вільна, Кринична) 1928 р. Науковий архів ІА НАНУ, ф. 18, спр. 29, арк. 1-69.

Грінченко, В. А. 1928b. *Щоденник могил 7 та 7а, розкопаних у липні місяці 1928 року. С. Кічкас на Запоріжжі.* Науковий архів ІА НАНУ, ф. Г, спр. 6, арк. 1-21.

Грінченко, В. А. 1929. *Ново-Кічкас. Гадюча Балка. с. Привільне. Щоденники археологічних дослідів. V—XI.1929 р.* Науковий архів ІА НАНУ, ф. 18, спр. 53, арк. 1-58.

Грінченко, В. А. 1929а. *Реєстр речей, знайдених випадково та при розкопках могил. Квітень 1929 р.* Науковий архів ІА НАНУ, ф. 18, спр. 58, арк. 1-58.

Грінченко, В. А. 1930. *Щоденник розкопок могил №№ 1, 2, 4, 8, 9 на Дніпрозаводі 1930 р.* Науковий архів ІА НАНУ, ф. 18, спр. 73, арк. 1-23.

Грінченко, В. А. 1930а. *Щоденник розкопів на Дніпрозаводбуді 1930 р. Могила № 3.* Науковий архів ІА НАНУ, ф. 18, спр. 74, арк. 2-5.

Грінченко, В. А. 1930b. *Щоденник розкопів кам'яного спорудження на площадці «А» Дніпрозаводбуду 1930 р.* Науковий архів ІА НАНУ, ф. 18, спр. 69, арк. 1-25.

Грінченко, В. А. 1930с. *Звіт короткий за розкопки 1930 р. на Дніпрозаводбуді.* Науковий архів ІА НАНУ, ф. 18, спр. 74а, арк. 1-2.

Добровольський, А. 1929. Звіт за археологічні досліди на території Дніпрельстану р. 1927. (Околиці с. Кічкасу Запорізької округи) (матеріали). В: Яворницький, Д. І. (ред.). *Дніпропетровський краевий історично-археологічний музей.* Дніпропетровське, І, с. 61-160.

Добровольський, А. В. 1931. *Розкопки правобережної неолітичної станції на Вовнигському порозі 1931 року.* Науковий архів ІА НАНУ, ф. 18, спр. 83, арк. 1-74.

Добровольський, А. 1949. Кам'яні закладки в околицях Тавілжаного острова. *Археологічні пам'ятки УРСР*, ІІ, с. 180-190.

Добровольський, А. В. 1952. Матеріали до археологічної карти Дніпровського Надпоріжжя в межах Запорізької області (За матеріалами Дніпрогесівської експедиції). *Археологія*, VII, с. 75-88.

Добровольський, А. В. 1960. Розкопки ділянок А і Г та могильника Золотобалківського поселення рубежу нашої ери в 1951 і 1952 роках. *Археологічні пам'ятки УРСР*, IX, с. 141-165.

Древности Приднепровья. 1899. Киев: Типография С. В. Кульженко, 2, с. 1-44.

Евдокимов, Г. Л., Фридман, М. И. 1991. Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине. В: Болтрик, Ю. В., Бунятян, Е. П. (ред). *Курганы Степной Скифии.* Киев: Наукова думка, с. 72-97.

Замятин, С. Н. 1946. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем (раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910—1915 гг.). *Советская археология*, VIII, с. 9-50.

Іллінська, В. А. 1951. Курган Старша Могила — пам'ятка архаїчної Скіфії. *Археологія*, V, с. 196-212.

Ильинская, В. А. 1954. Курганы скифского времени в бассейне р. Сулы. *Краткие сообщения ИИМК*, 54, с. 24-41.

Ильинская, В. А. 1965. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. *Советская археология*, 1, с. 86-107.

Ильинская, В. А. 1968. *Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья*. Киев: Наукова думка.

Ильинская, В. А. 1975. *Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин*. Киев: Наукова думка.

Ильинская, В. А., Горишний, П. А. 1975. Бронзовая бляха из кургана у с. Жовнино. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифский мир*. Киев: Наукова думка, с. 207-209.

Ильинская, В. А., Мозолевский, Б. Н., Тереножкин, А. И. 1980. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, с. 31-64.

Ильюков, Л. С. 2002. Каратаевский могильник. *Археологические записки*, 2, с. 168-202.

Киранів, Т. Т. 1928. *Поріг «Вільний». «Гадюча Балка».* Науковий архів ІА НАНУ, ф. 18, спр. 20, арк. 10-15.

Ковалева, И. Ф., Мухопад, С. Е. 1979. Скифские памятники Орельско-Самарского междуречья. В: Ковалева, И. Ф. (ред.). *Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. е.* Днепропетровск: ДГУ, 3, с. 111-123.

Ковпаненко, Г. Т. 1981. *Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось.* Киев: Наукова думка.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1989. *Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион).* Киев: Наукова думка.

Козар, П. А. 1928. *Звіт про науково-археологічні досліди на території Дніпрельстану й порожистої частини Дніпра влітку 1928 року.* Науковий архів ІА НАНУ, ф. 18, спр. 19, арк. 1-37.

Козловська, В. Є. *Короткі відомості про основні комплекси експонатів бувшого Археологічного Музею ВУАН та кол. Кабінету Антропології ВУАН з документальним матеріалом.* НА НМІУ, ф. р-1260, оп. 1-доп, арк. 1-28.

Кузнецова, Т. М. 2002. *Зеркала Скифии VI—III вв. до н. э.* Москва: Индирик.

Курінний, П. 1994. *Історія археологічного знання про Україну*. Полтава.

Лагодовська, О. 1949. Кам'яні заклади Надпоріжжя (За матеріалами досліджень 1945—1946 рр.) *.Археологічні пам'ятки УРСР*, ІІ, с. 159-179.

Лагодовская, Е. Ф., Сымонович, Э. А. 1973. Скифский могильник у с. Михайловка на Нижнем Днепре. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифские древности.* Киев: Наукова думка, с. 235-242.

Латуха, Т. І., Саєнко, В. М. 2003. Розкопки Сільвестра Магури в межиріччі Кушугуму і Конки. *Музейний вісник*, 3, с. 40-47.

Лесков, А. М., Беглова, Е. А., Ксенофонтова, И. В., Эрлих, В. Р. 2005. *Меоты Закубанья в средине VI — начале III века до н. э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы.* Москва: Наука.

Магура, С. С. *Звіт про археологічні розкопки коло с. Кушугума Запорізького району р. 1930 (рукописний щоденник).* Науковий архів ІА НАНУ, ф. 12, спр. 11, арк. 1-135.

Мартенс, Г. Г. 1930. *Археологические находки в среднем протоке Днепра на Днепрострое. 25.XI.1930 г.* Науковий архів ІА НАНУ, ф. 6, спр. 65, арк. 1-23.

Махортых, С. В. 2005. *Киммерийцы Северного Причерноморья.* Киев: Шлях.

Мелюкова, А. И. 1964. Вооружение скифов. *Свод археологических источников*, Д 1-4, с. 1-88.

Мелюкова, А. И. 1975. *Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка.* Москва: Наука.

Міллер, М. О. 1930. *Щоденник та журнали розкопів та дослідів на терені Дніпрозаводбуду 1930 року.* Науковий архів ІА НАНУ, ф. 18, спр. 76, арк. 1-28.

Міллер, М. О. 1930А. *Короткий попередній звіт за археологічні досліди та розкопки на терені Дніпрозаводбуду в липні — серпні 1930 р.* Науковий архів ІА НАНУ, ф. 18, спр. 77, арк. 1-9.

Могилов, О. Д. 2008. *Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи*. Київ, Кам'янець-Подільський: ІА НАНУ.

Могилов, А. Д., Диденко, С. В. 2005—2009. Принадлежности конского снаряжения скифского типа одной из коллекций Национального музея истории Украины. *Stratum plus*, 3, с. 195-216.

Могилов, А. Д., Диденко, С. В. 2008. Курган 5 у с. Берестняги — памятник среднескифского времени в Поросье. *Российская археология*, 4, с. 84-90.

Мозолевський, Б. М. 1979. *Товста Могила*. Київ: Наукова думка.

Мошинский, А. П. 1997. Взаимосвязь населения горных районов Северного Кавказа со скифами (по диагорским материалам). *Российская археология*, 3, с. 33-45.

Мурзін, В. Ю., Ролле, Р., Білозір, В. П. 1996. Про подальші дослідження Перещепинського могильника. *Археологія*, 4, с. 141-149.

Мурзін, В. Ю., Ролле, Р., Скорий, С. А. 1995. Дослідження Перещепинського курганного могильника. *Археологія*, 2, с. 63-72.

Мурзин, В. Ю., Ролле, Р., Херц, В., Скорый, С. А., Махортых, С. В., Белозор, В. П. 2000. *Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1999 г.* Киев: ИА НАНУ.

Мурзин, В. Ю., Ролле, Р., Херц, В., Скорый, С. А., Махортых, С. В., Белозор, В. П. 2002. *Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2001 г.* Киев: ИА НАНУ.

Новицький, Я. 1991. Народна пам'ять про Запоріжжя. Перекази та оповідання, зібрані на Катеринославщині (1875—1905 рр.). В: Гайдай, О. І., Лиходід, М. Х. (ред.). *Народна пам'ять про козацтво*. Запоріжжя: Інтербук, с. 11-99.

Ольховский, В. С. 1991. *Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII—III вв. до н. э.)*. Москва: Наука.

Ольховский, В. С. Евдокимов, Г. Л. 1994. *Скифские изваяния VII—III вв. до н. э.* Москва: ИА РАН.

Ольховский, В. С., Храпунов, И. Н. 1990. *Крымская Скифия*. Симферополь: Таврия.

Остапенко, М. А. 2001. Пам'ятки осілості скіфського часу на острові Хортиця. *Археологія*, 1, с. 51-67.

Остапенко, М. А. 2007. Скифские бескурганные могильники Степного Поднепровья. В: Масленников, А. А., Гаврилюк, Н. А. (ред.). *Античный мир и варвары на юге России*. Москва, Киев, Запорожье: Дике поле, с. 143-179.

Панченко, К. І. 2014. Поховання 155 Світловодського могильника на Кіровоградщині. В: Супруненко, О. Б. (ред.). *Феномен Більського городища*. Київ, Полтава: Центр пам'яткознавства НАНУ і УТОПІК, с. 105-108.

Папанова, В. А. 1993. Раскопки некрополя Ольвии конца V—IV в. до н. э. В: Крапивина, В. В. (ред.). *Некрополь Ольвии (история исследования, итоги раскопок)*. Бердянск: Гортипография, с. 26-91.

Петренко, В. Г. 1962. Могильник скифского времени у с. Грищенцы. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 13, с. 142-151.

Петренко, В. Г. 1967. *Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1-4.

Полін, С. В. 1987. Хронологія ранньоскіфських пам'яток. *Археологія*, 59, с. 17-36.

Полідович, Ю. Б. 1998. Нове скіфське поховання з гривною у Донецькій області. *Археологический альманах*, 7, с. 103-112.

Попандопуло, З. Х. 2011. *Скифский грунтовый могильник Скельки*. Запорожье: ЗОКМ.

Привалова, О. Я. 1993. Скифское погребение у Стылы. *Археологический альманах*, 2, с. 161-166.

Пузикова, А. И. 2001. *Курганы скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов)*. Москва: Индирик.

Радієвськ,а Т. М., Сорокіна, С. А., Завальн,а О. М. 2016. Мандри археологічних колекцій Національного музею історії України в 1930-ті роки. *Праці Центру пам'яткознавства*, 29, с. 183-200.

Ролле, Р., Герц, В., Махортых, С. В., Белозор, В. П. 2003. *Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2002 г.* Киев: ИА НАНУ.

Ролле, Р., Махортих, С.В., Черненко, Є. В. 2006. Комплекс кінського спорядження середини 1 тис. до н. е. з басейну Ворскли. В: Супруненко, О. Б. (ред.). *Більське городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень)*. Київ: Шлях, с. 101-104.

Ролле, Р., Черненко, Е., Махортых, С. 2004. Комплекс уздечных принадлежностей середины 1 тыс. до н. э. из бассейна Ворсклы. В: Скорый, С. А. (ред.). *Від Кіммерії до Сарматії*. Київ: Корвин-прес, с. 71-72.

Рудинський, М. 1929. Археологічна розвідка на Дніпрельстані. В: Яворницький, Д. Я. (ред.). *Дніпропетровський краєвий історично-археологічний музей*. Дніпропетровське, І, с. 45-60.

Савченко, Е. И. 2001. Могильник скифского времени «Терновое I — Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд). В: Гуляев, В. И. (ред). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993—2000 гг.* Москва: ИА РАН, с. 53-143.

Сап'ян, Ф. М. 1928. *Привільне: могильник I, могили 1, 2, 3; могильник II, могили 1, 2, 3, 4, 9; могильник III, могила 1. Кічкас II, могила 9. Звіт про розкопки 1928 р.* Науковий архів ІА НАНУ, ф. 18, № 21, арк. 16-38.

Силантьева, Л. Ф. 1959. Некрополь Нимфея. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 69, с. 5-107.

Скорый, С. А. 1997. *Стеблев: скифский могильник в Поросье*. Киев: ИА НАНУ.

Скорый, С. А. 2003. *Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи*. Киев: ИА НАНУ.

Скорый, С. А. 2006. Ранние скифы в Добрудже: историография проблемы и археологические реалии. В: Мунчаев, Р. М. (ред.). *Древности скифской эпохи*. Москва: ИА РАН, с. 140-171.

Скорый, С., Хохоровски, Я. 2008. Конское снаряжение из кургана Скифская Могила. *Проблемы археологии Восточной Европы*, с. 132-141.

Смирнов, К. Ф. 1976. Савромато-сарматский звериный стиль. В: Мелюкова, А. И., Мошкова, М. Г. (ред.). *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. Москва: Наука, с. 74-89.

Смирнова, Г. И. 1979. Курганы у с. Перебыковцы — новый могильник скифской архаики на Среднем Днестре. *Труды Государственного Эрмитажа*, XX, с. 36-67.

Смолічев, П. 1929. Археологічні розкопки на терені Дніпрельстану, в с. Кічкасі, Запорізької округи, у вересні—жовтні р. 1927. В: Яворницький, Д. Я. (ред.). *Дніпропетровський краєвий історично-археологічний музей*. Дніпропетровське, І, с. 161-234.

Смолічев, П. І. 1930. *Наукові дослідження території Дніпрозаводбуду в році 1930 (Щоденники та журнали розкопів)*. Науковий архів ІА НАНУ, ф. 18, спр. 79а, арк. 1-70.

Смолічев, П. І. 1930а. *Короткий звіт за роботу в науково-археологічній експедиції в 1930 році*. Науковий архів ІА НАНУ, ф. 18, спр. 79, арк. 1-2.

Смолічев, П. І. 1931. *Археологічні дослідження території Дніпрельстану в Кічкасі. Червень—вересень р. 1931.* Науковий архів ІА НАНУ, ф. 6, спр. 71, арк. 1-48.

Смолічев, П. І. 1932. *Звіт за роботу експедиції по дослідженню території Дніпробуду та смуги підтоплення 1927—1932 рр.* Науковий архів ІА НАНУ, ф. 18, спр. 73, арк. 1-23.

Супруненко, О. Б. Розкопки Більського курганного некрополю Б. В: Супруненко, О. Б. (ред.). *Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи.* Полтава: Археологія, с. 88-120.

Телегін, Д. Я., Бодянський, А. В. 1990. *Список археологічних пам'яток Дніпровського Надпоріжжя (Дніпропетровська і Запорізька області).* Київ.

Тереножкин, А. И. 1976. *Киммерийцы.* Киев: Наукова думка.

Тереножкін, О. І. 1978. Кіммерійські стели. *Археологія*, 27, с. 12-22.

Черненко, Є. В. 1970. Скіфські кургани V ст. до н. е. поблизу м. Жданова. *Археологія*, XXIII, с. 176-181.

Черненко, Е. В. 1970А. Погребения с оружием из некрополя Нимфея. В: Лесков, А. М. (ред.). *Древности Восточного Крыма*. Киев: Наукова думка, с. 190-198.

Черненко, Е. В., Бессонова, С. С., Болтрик, Ю. В., Полин, С. В., Скорый, С. А., Бокий, Н. М., Гребенников, Ю. С. 1986. *Скифские погребальные памятники Степей Северного Причерноморья.* Киев: Наукова думка.

Шапошникова, О. Г. 1970. Погребение скифского воина на р. Ингул (предварительная публикация). *Советская археология*, 3, с. 208-212.

Шапошникова, О. Г., Бодянський, О. В., Щепинський, А. О. 1957. *Звіт про роботу Дніпровського загону Дніпровської експедиції за 1957 рік.* Науковий архів ІА НАНУ, 1957/10б.

Шовкопляс, Г. М. 1995. Сильвестр Сильвестрович Магура (1987—1937). *Археологія*, 1, с. 109-116.

Шрамко, Б. А. 1987. *Бельское городище скифской эпохи (город Гелон).* Киев: Наукова думка.

Шрамко, Б. А. 1994. Розкопки курганів VII—IV ст. до н. е. поблизу Більська. *Археологія*, 4, с. 117-133.

Яворницький, Д. І. 1927—1929. *Археологічні досліди на порогах Дніпра 1927—1929 рр.* Науковий архів ІА НАНУ, ф. 18, спр. 59, арк. 1-13.

Яворницький, Д. І. 1930. *Короткий звіт Науково-Археологічної експедиції по дослідженню території Дніпрельстану (Дніпрозаводбуду й порожистої ланки Дніпра) за її роботу протягом року 1930-го.* Науковий архів ІА НАНУ, ф. 18, спр. 80, арк. 1-12.

Яворницький, Д. І. 1931. *Коротке звідомлення академіка Д. І. Яворницького за археологічні праці в 1931 році.* Науковий архів ІА НАНУ, ф. 18, спр. 127, арк. 1-3.

Яворницький, Д. І. 1932. *Звіт про роботу експедиції по дослідженню території Дніпрельстану і порожистої частини Дніпра 1932 року.* Науковий архів ІА НАНУ, ф. 18, спр. 155, арк. 1-12.

Яковенко, Э. В. 1976. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма. В: Мелюкова, А. И., Мошкова, М. Г. (ред.). *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии.* Москва: Наука, с. 128-137.

Яценко, И. В. 1959. Скифия VII—V вв. до н. э. *Труды ГИМ*, 36, с. 1-118.

Bukowski, Z. 1977. *The scythian influence in the area of lusatian culture.* Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.

Majewski, E. O. 1905. Charakterze starzych kurhanow. *Swiatowit*, VI, s. 47-72.

Očir-Gorjaeva, M. A. 2005. Pferdegeschirr aus Chošeutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga. *Archäologie in Eurasien*, 19, s. 1-184

Pârvan, V. 1967. Dacia. Civilizaţile antice din tarile Carpato-Danubiene. Bucureşti: Ştiinţifică.

Simion, G. 2000. Tombes tumulaires dans la nécropole de Celic-Déré. In: Lungu, V. (ed.). *Tombes tumulaires de l'Age du Fer dans le Sub-Est de l'Europe.* Tulchea: Institut de Recherches Eco-Muséologiques de Tulcea, p. 68-82.

Simion, G. 2003. Geţii la Dunărea de Jos şi civilizaţia lor. In: Simion, G. (ed.). *Culturi antice in zona gurilor Dunării.* Cluj-Napoca: Nereamia Napocae, I, p. 161-174.

Simion, G. 2003a. Gétes et Scythes aux Bouches du Danube. In: Simion, G. (ed.). *Culturi antice in zona gurilor Dunării.* Cluj-Napoca: Nereamia Napocae, I, p. 247-258.

REFERENCES

Alekseyev, A. Yu., Murzin, V. Yu., Rolle, R. 1991. *Chertomlyk (skifskiy tsarskiy kurgan IV v. do n. e.).* Kiev: Naukova dumka.

Bandurovskiy, A. V. Buynov, Yu. V. 2000. *Kurgany skifskogo vremeni (severskodonetskiy variant).* Kiev: IA NANU.

Beglova, E. A. 1989. Pogrebalnyy obryad Ulyapskikh gruntovykh mogilnikov v Krasnogvardeyskom rayone. In: Anfimov, N. F. (ed.). *Meoty — predki Adygov.* Maykop: Adygeyskiy NII ekonomiki, yazyka i literatury, s. 140-157.

Bessonova, S. S., Bunyatyan, E. P., Gavrilyuk, N. A. 1988. *Aktashskiy mogilnik skifskogo vremeni v Krymu.* Kiev: Naukova dumka.

Bidzilya, V. I. Polin, S. V. 2012. *Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova Mogila.* Kiev: Skif.

Bobrinskoy, A. A. 1894. *Kurgany i sluchaynyye arkheologicheskiye nakhodki bliz mestechka Smely.* Sankt-Peterburg: Tipografiya V. S. Balasheva, II.

Bobrinskoy, A. A. 1901. *Kurgany i sluchaynyye arkheologicheskiye nakhodki bliz mestechka Smely.* Sankt-Peterburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, III.

Bobrinskoy, A. A. 1905. Otchet o raskopkakh. proizvedennykh v 1903 godu v Cherkasskom uyezde Kievskoy gubernii. *Izvestiia arheologicheskoi komissii*, 14, s. 1-43.

Bodianskyi, O. 1949. *Mohylnyk piznobronzovoi doby v Nadporizhzhi.* Naukoviy arhiv IA NANU, 1949/36.

Bodianskyi, O. 1949a. *Shchodennyk arkheolohichnykh rozvidok v porozhystii chastyni Dnipra v 1949 r.* Naukoviy arhiv IA NANU, 1949/36.

Bodianskyi, O. 1951. *Korotke povidomlennia za arkheolohichni doslidy v 1951 rotsi na terytorii Nyzhnoho Dnipra ta Dniprovykh porohiv.* Naukoviy arhiv IA NANU, 1951/12.

Bodianskyi, O. 1951a. *Vidchyty za arkheolohichni doslidy 1951 roku.* Naukoviy arhiv IA NANU, 1951/12.

Bodyanskiy, A. V. 1962. Skifskoye pogrebeniye s latenskim mechom v Srednem Podneprovye. *Sovetskaia arheologiia*, 1, s. 272-276.

Bodianskyi, O. 1972. *Informatsiia za robotu osinnoho periodu 1972 roku.* Naukoviy arhiv IA NANU, 1972/55.

Bodianskyi, O. 1977. *Arkheolohichni pamjatky Zaporizkoi ta Dnipropetrovskoi oblastei, yaki zruinovani, abo ruinuiutsia vodamy ozera im. V. I. Lenina ta Kakhovskoho vodoskhovyshcha.* Naukoviy arhiv IA NANU, 1977/89.

Bokiy, N. M. 1971. Arkheologicheskiye raboty na Kirovogradshchine v 1968 godu. *Arkheologicheskie issledovanija na Ukraine 1968 g.*, 3, s. 154-159.

Bokiy, N. M. 1974. Skifskiy kurgan u s. Mederovo. *Sovetskaia arheologiia*, 4, s. 262-271.

Buynov, Yu. V. Bandurovskiy, A. V. Okatenko, V. N. 2005. Issledovaniye kurganov skifskogo vremeni v Kharkovskoy oblasti. *Akheologichni doslidzhennya v Ukrajini 2003—2004 rr.*, 7, s. 9-13.

Bunyatyan, E. P. 1985. *Metodika sotsialnykh rekonstruktsiy v arkheologii (na materiale skifskikh mogilnikov IV—III vv. do n. e.).* Kiev: Naukova dumka.

Gabuyev, T. A., Erlikh, V. R. 2001. Dva pogrebeniya V v. do n. e. iz Predkavkazia (Iz materialov Gosudarstvennogo muzeya Vostoka). *Materialy i issledovaniia po arheologii Rossii*, 3, s. 112-125.

Gavrilov, A. V., Kolotukhin, V. A., Koltukhov, S. G. 2002. Kurgan epokhi bronzy i skifskiy mogilnik V—III vv. do n. e. u sela Prirechnoye v Krymu. *Starozhytnosti stepovoho Podniprovja i Krymu*, X, s. 94-110.

Havryliuk, N. O. 1997. Ekoloho-ekonomichnyi aspekt istorii Stepovoi Skifii. *Arkheolohiia*, 1, s. 37-45.

Havryliuk, N. O., Kravchenko, S. M. 1995. Pochatok osilosti stepovykh skifiv (za materialamy poselennia Lysa Hora). *Arkheolohiia*, 3, s. 85-97.

Gavrilyuk, N. A., Pashkevich, G. A. 1991. Zemledelcheskiy komponent v ekonomike stepnykh skifov kontsa V — IV v. do n. e. *Sovetskaia arheologiia*, 2, s. 51-63.

Havryliuk, N. O., Olenkovskyi, M. P. 1992. Pam'iatky skifiv. *Arkheolohichna karta Nyzhnodniprovskoho rehionu*, 5, s. 1-56.

Galanina, L. K. 1977. Skifskiye drevnosti Pridneprovia. *Svod arheologicheskih istochnikov*, D 1-33, s. 1-68.

Hamchenko, S. S. 1928. *Moji arkheolohichni doslidy roku 1928 na Dniprelstani.* Naukoviy arhiv IA NANU, f. A. H, spr. 88, ark. 1-51.

Grakov, B. N. 1999. Pamyatniki skifskoy kultury mezhdu Volgoy i Uralskimi Gorami. In: Melyukova, A. I., Moshkova, M. G. Bashilov, V. A. (ed.). *Evraziyskiye drevnosti.* Moskva: IA RAN, s. 7-33.

Hrinchenko, V. A. 1928. *Korotke zvidomlennia za arkheolohichni roboty obabich Dnipra vid Kichkasu do Vilnoho porohu na Zaporizhzhi.* Naukoviy arhiv IA NANU, f. 18, spr. 30, ark. 1-21.

Hrinchenko, V. A. 1928a. *Shchodennyk rozkopok na pravomu berezi Dnipra, vid s. Kichkas, do poroha Vilnoho (balky Hadiucha, Vilna, Krynychna) 1928 r.* Naukoviy arhiv IA NANU, f. 18, spr. 29, ark. 1-69.

Hrinchenko, V. A. 1928b. *Shchodennyk mohyl 7 ta 7a, rozkopanykh u lypni misiatsi 1928 roku. S. Kichkas na Zaporizhzhi.* Naukoviy arhiv IA NANU, f. H, spr. 6, ark. 1-21.

Hrinchenko, V. A. 1929. *Novo-Kichkas. Hadiucha Balka. s. Pryvilne. Shchodennyky arkheolohichnykh doslidiv. V—XI.1929 r.* Naukoviy arhiv IA NANU, f. 18, spr. 53, ark. 1-58.

Hrinchenko, V. A. 1929a. *Reiestr rechei, znaidenykh vypadkovo ta pry rozkopkakh mohyl. Kviten 1929 r.* Naukoviy arhiv IA NANU, f. 18, spr. 58, ark. 1-58.

Hrinchenko, V. A. 1930. *Shchodennyk rozkopok mohyl NN 1, 2, 4, 8, 9 na Dniprozavodi 1930 r.* Naukoviy arhiv IA NANU, f. 18, spr. 73, ark. 1-23

Hrinchenko, V. A. 1930A. *Shchodennyk rozkopiv na Dniprozavodbudi 1930 r. Mohyla N 3.* Naukoviy arhiv IA NANU, f. 18, spr. 74, ark. 2-5.

Hrinchenko, V. A. 1930b. *Shchodennyk rozkopiv kamianoho sporudzhennia na ploshchadtsi «A» Dniprozavodbudu 1930 r.* Naukoviy arhiv IA NANU, f. 18, spr. 69, ark. 1-25.

Hrinchenko, V. A. 1930c. *Zvit korotkyi za rozkopky 1930 r. na Dniprozavodbudi.* Naukoviy arhiv IA NANU, f. 18, spr. 74a, ark. 1-2.

Dobrovolskyi, A. Zvit za arkheolohichni doslidy na terytorii Dniprelstanu r. 1927. (Okolytsi s. Kichkasu Zaporizkoi okruhy) (materialy). In: Yavornytskyi, D. I. (ed.). *Dniprope-trovskyi kraievyi istorychno-arkheolohichnyi muzei.* Dniprope-trovske, 1929, I, s. 61-160.

Dobrovolskyi, A. V. 1931. *Rozkopky pravoberezhnoi neolitychnoi stantsii na Vovnyhskomu porozi 1931 roku.* Naukoviy arhiv IA NANU, f. 18, spr. 83, ark. 1-74.

Dobrovolskyi, A. 1949. Kam'iani zakladky v okolytsiakh Tavilzhanoho ostrova. *Arkheolohichni pamjatky URSR*, II, s. 180-190.

Dobrovolskyi, A. V. 1952. Materialy do arkheolohichnoi karty Dniprovskoho Nadporizhzhia v mezhakh Zaporizkoi oblasti (za materialamy Dniprohesivskoi ekspedytsii). *Arkheolohiia*, VII, s. 75-88.

Dobrovolskyi, A. V. 1960. Rozkopky dilianok A i H ta mohylnyka Zolotobalkivskoho poselennia rubezhu nashoi ery v 1951 i 1952 rokakh. *Arkheolohichni pamjatky URSR*, IX, s. 141-165.

Drevnosti Pridneprovia. 1899. Kiev: Tipografiya S. V. Kulzhenko, 2, s. 1-44.

Evdokimov, G. L., Fridman, M. I. 1991. Kurgany skifskogo vremeni u s. Pervomayevka na Khersonshchine. In: Boltrik, Yu. V., Bunyatyan, E. P. (ed.). *Kurgany Stepnoy Skifii.* Kiev: Naukova dumka, s. 72-97.

Zamyatin, S. N. 1946. Skifskiy mogilnik «Chastyye kurgany» pod Voronezhem (raskopki Voronezhskoy uchenoy arkhivnoy komissii 1910—1915 gg.). *Sovetskaia arheologiia*, VIII, s. 9-50.

Illinska, V. A. 1951. Kurhan Starsha Mohyla — pam'iatka arkhaichnoi Skifii. *Arkheolohiia*, V, s. 196-212.

Ilinskaya, V. A. 1954. Kurgany skifskogo vremeni v basseyne r. Suly. *Kratkie soobshchenija IIMK*, 54, s. 24-41.

Ilinskaya, V. A. 1965. Nekotoryye motivy ranneskifskogo zverinogo stilya. *Sovetskaia arheologiia*, 1, s. 86-107.

Ilinskaya, V. A. 1968. *Skify Dneprovskogo Lesostepnogo Levoberezhia.* Kiev: Naukova dumka.

Ilinskaya, V. A. 1975. *Ranneskifskiye kurgany basseyna r. Tyasmin.* Kiev: Naukova dumka.

Ilinskaya, V. A., Gorishniy, P. A. 1975. Bronzovaya blyakha iz kurgana u s. Zhovnino. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskiy mir.* Kiev: Naukova dumka, s. 207-209.

Ilinskaya, V. A., Mozolevskiy, B. N., Terenozhkin, A. I. 1980. Kurgany VI v. do n. e. u s. Matusov. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifiya i Kavkaz.* Kiev: Naukova dumka, s. 31-64.

Ilyukov, L. S. 2002. Karatayevskiy mogilnik. *Arkheologicheskiye zapiski*, 2, s. 168-202.

Kyraniv, T. T. 1928. *Porih «Vilnyi». «Hadiucha Balka».* Naukoviy arhiv IA NANU, f. 18, spr. 20, ark. 10-15.

Kovaleva, I. F., Mukhopad, S. E. 1979. Skifskiye pamyatniki Orelsko-Samarskogo mezhdurechia. In: Kovaleva, I. F. (ed.). *Kurgannyye drevnosti Stepnogo Podneprovia III—I tys. do n. e.* Dnepropetrovsk: DGU, 3, s. 111-123.

Kovpanenko, G. T. 1981. *Kurgany ranneskifskogo vremeni v baseyne r. Ros.* Kiev: Naukova dumka.

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoryy, S. A. 1989. *Pamyatniki skifskoy epokhi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezhia (Kievo-Cherkasskiy region).* Kiev: Naukova dumka.

Kozar, P. A. 1928. *Zvit pro naukovo-arkheolohichni doslidy na terytorii Dniprelstanu i porozhystoi chastyny Dnipra vlitku 1928 roku.* Naukoviy arhiv IA NANU, f. 18, spr. 19, ark. 1-37.

Kozlovska, V. Ie. *Korotki vidomosti pro osnovni kompleksy eksponativ buvshoho Arkheolohichnoho Muzeiu VUAN ta kol. Kabinetu Antropolohii VUAN z dokumentalnym materialom.* NA NMIU, f. r-1260, op. 1-dop, ark. 1-28.

Kuznetsova, T. M. 2002. *Zerkala Skifii VI—III vv. do n. e.* Moskva: Indirik.

Kurinnyi, P. 1994. *Istoriia arkheolohichnoho znannia pro Ukrainu.* Poltava.

Lahodovska, O. 1949. Kamiani zaklady Nadporizhzhia (Za materialamy doslidzhen 1945—1946 rr.). *Arkheolohichni pamjatky URSR*, II, s. 159-179.

Lagodovskaya, E. F., Symonovich, E. A. 1973. Skifskiy mogilnik u s. Mikhaylovka na Nizhnem Dnepre. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskiye drevnosti.* Kiev: Naukova dumka, s. 235-242.

Latukha, T. I., Saienko, V. M. 2003. Rozkopky Silvestra Mahury v mezhyrichchi Kushuhumu i Konky. *Muzeinyi visnyk*, 3, s. 40-47.

Leskov, A. M. Beglova, E. A., Ksenofontova, I. V. Erlikh, V. R. 2005. *Meoty Zakubania v sredine VI — nachale III veka do n. e. Nekropoli u aula Ulyap. Pogrebalnyye kompleksy.* Moskva: Nauka.

Mahura, S. S. *Zvit pro arkheolohichni rozkopky kolo s. Kushuhuma Zaporizkoho raionu r. 1930 (rukopysnyi shchodennyk).* Naukoviy arhiv IA NANU, f. 12, spr. 11, ark. 1-135.

Martens, G. G. 1930. *Arkheologicheskiye nakhodki v srednem protoke Dnepra na Dneprostroye. 25.XI.1930 g.* NA IA NANU, f. 6, spr. 65, ark. 1-23.

Makhortykh, S. V. 2005. *Kimmeriytsy Severnogo Prichernomoria.* Kiev: Shlyakh.

Melyukova, A. I. 1964. Vooruzheniye skifov. *Svod arheologicheskih istochnikov*, D 1-4, s. 1-88.

Melyukova, A. I. 1975. *Poseleniye i mogilnik skifskogo vremeni u s. Nikolayevka.* Moskva: Nauka.

Miller, M. O. 1930. *Shchodennyk ta zhurnaly rozkopiv ta doslidiv na tereni Dniprozavodbudu 1930 roku.* Naukoviy arhiv IA NANU, f. 18, spr. 76, ark. 1-28.

Miller, M. O. 1930A. *Korotkyi poperednii zvit za arkheolohichni doslidy ta rozkopky na tereni Dniprozavodbudu v lypni—serpni 1930 r.* Naukoviy arhiv IA NANU, f. 18, spr. 77, ark. 1-9.

Mogylov, O. D. 2008. *Sporiadzhennia konia skifskoi doby u Lisostepu Skhidnoi Yevropy*. Kyiv, Kamianets-Podilskyi: IA NANU.

Mogylov, A. D., Didenko, S. V. 2005—2009. Prinadlezhnosti konskogo snaryazheniya skifskogo tipa odnoy iz kollektsiy Natsionalnogo muzeya istorii Ukrainy. *Stratum plus*, 3, s. 195-216.

Mogylov, A. D., Dydenko, S. V. 2008. Kurhan 5 u s. Berestniahy — pamiatnyk sredneskyfskoho vremeny v Porose. *Rossiiskaia arkheologiia.* 4, s. 84-90.

Mozolevskyi, B. M. 1979. *Tovsta Mohyla.* Kyiv: Naukova dumka.

Moshinskiy, A. P. 1997. Vzaimosvyaz naseleniya gornykh rayonov Severnogo Kavkaza so skifami (po diagorskim materialam). *Rossiiskaia arkheologiia*, 3, s. 33-45.

Murzin, V. Iu., Rolle, R., Skoryi, S. A. 1995. Doslidzhennia Pereshchepynskoho kurhannoho mohylnyka. *Arkheolohiia*, 2, s. 63-72.

Murzin, V. Iu., Rolle, R., Bilozir, V. P. 1996. Pro podalshi doslidzhennia Pereshchepynskoho mohylnyka. *Arkheolohiia*, 4, s. 141-149.

Murzin, V. Yu. Rolle, R. Kherts, V., Skoryy, S. A., Makhortykh, S. V., Belozor, V. P. 2000. *Issledovaniya sovmestnoy Ukrainsko-Nemetskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1999 g.* Kiev: IA NANU.

Murzin, V. Yu., Rolle, R. Kherts, V. Skoryy, S. A. Makhortykh, S. V., Belozor, V. P. 2002. *Issledovaniya sovmestnoy Ukrainsko-Nemetskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 2001 g.* Kiev: IA NANU.

Novytskyi, Ia. 1991. Narodna pamiat pro Zaporizhzhia. Perekazy ta opovidannia, zibrani na Katerynoslavshchyni (1875—1905 rr.). In: Haidai, O. I., Lykhodid, M. Kh. (ed.). *Narodna pamiat pro kozatstvo.* Zaporizhzhia: Interbuk, s. 11-99.

Olkhovskiy, V. S. 1991. *Pogrebalno-pominalnaya obryadnost naseleniya Stepnoy Skifii (VII—III vv. do n. e.).* Moskva: Nauka.

Olkhovskiy, V. S. Evdokimov, G. L. 1994. *Skifskiye izvayaniya VII—III vv. do n. e.* Moskva: IA RAN.

Olkhovskiy, V. S., Khrapunov, I. N. 1990. *Krymskaya Skifiya.* Simferopol: Tavriya.

Ostapenko, M. A. 2001. Pamiatky osilosti skifskoho chasu na ostrovi Khortytsia. *Arkheolohiia*, 1, s. 51-67.

Ostapenko, M. A. 2007. Skifskiye beskurgannyye mogilniki Stepnogo Podneprovia. In: Maslennikov, A. A., Gavrilyuk, N. A. (ed.). *Antichnyy mir i varvary na yuge Rossii.* Moskva, Kiev, Zaporozhye: Dike pole, s. 143-179.

Panchenko, K. I. 2014. Pokhovannia 155 Svitlovodskoho mohylnyka na Kirovohradshchyni. In: Suprunenko, O. B. (ed.). *Fenomen Bilskoho horodyshcha.* Kyiv, Poltava: Tsentr pam'iatkoznavstva NANUi UTOPIK., s. 105-108.

Papanova, V. A. 1993. Raskopki nekropolya Olvii kontsa V — IV v. do n. e. In: Krapivina, V. V. (ed.). *Nekropol Olvii (istoriya issledovaniya. itogi raskopok).* Berdyansk: Gortipografiya, s. 26-91.

Petrenko, V. G. 1962. Mogilnik skifskogo vremeni u s. Grishchentsy. *Materialy i issledovaniia po arheologii SSSR*, 13, s. 142-151.

Petrenko, V. G. 1967. *Pravoberezhye Srednego Pridneprovia v V—III vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Svod arheologicheskih istochnikov, D 1-4.

Polin, S. V. 1987. Khronolohiia rannoskifskykh pam'iatok. *Arkheolohiia*, 59, s. 17-36.

Polidovych, Iu. B. 1998. Nove skifske pokhovannia z hryvnoiu u Donetskii oblasti. *Arkheolohycheskyi almanakh*, 7, s. 103-112.

Popandopulo, Z. Kh. 2011. *Skifskiy gruntovyy mogilnik Skelki.* Zaporozhye: ZOKM.

Privalova, O. Ya. 1993. Skifskoye pogrebeniye u Styly. *Arkheologicheskiy almanakh*, 2, s. 161-166.

Puzikova, A. I. 2001. *Kurgany skifskogo vremeni Srednego Podonia (publikatsiya kompleksov).* Moskva: Indirik.

Radiievska, T. M., Sorokina, S. A., Zavalna, O. M. 2016. Mandry arkheolohichnykh kolektsii Natsionalnoho muzeiu istorii Ukrainy v 1930-ti roky. *Pratsi Tsentru pam'iatkoznavstva*, 29, s. 183-200.

Rolle, R., Gerts, V., Makhortykh, S. V., Belozor, V. P. 2003. *Issledovaniya sovmestnoy Ukrainsko-Nemetskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 2002 g.* Kiev: IA NANU.

Rolle, R., Makhortykh, S. V., Chernenko, Ie. V. 2006. Kompleks kinskoho sporiadzhennia seredyny 1 tys. do n. e. z baseinu Vorskly. In: Suprunenko, O. B. (ed.). *Bilske horodyshche ta yoho okruha (do 100-richchia pochatku polovykh doslidzhen).* Kyiv: Shliakh, s. 101-104.

Rolle, R., Chernenko, E., Makhortykh, S. 2004. Kompleks uzdechnykh prinadlezhnostey serediny 1 tys. do n. e. iz basseyna Vorskly. In: Skoryy, S. A. (ed.). *Vid Kimmeriji do Sarmatiji.* Kyiv: Korvin-pres, s. 71-72.

Rudynskyi, M. 1929. Arkheolohichna rozvidka na Dniprelstani. In: Yavornytskyi, D. Ia. (ed.). *Dnipropetrovskyi kraievyi istorychno-arkheolohichnyi muzei. Zbirnyk.* Dnipropetrovske, I, s. 45-60.

Savchenko, E. I. 2001. Mogilnik skifskogo vremeni «Ternovoye I — Kolbino I» na Srednem Donu (pogrebalnyy obryad). In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Potudanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN. 1993—2000 gg.* Moskva: IA RAN, s. 53-143.

Sap'ian, F. M. 1928. *Pryvilne: mohylnyk I, mohyly 1, 2, 3; mohylnyk II, mohyly 1, 2, 3, 4, 9; mohylnyk III, mohyla 1. Kichkas II, mohyla 9. Zvit pro rozkopky 1928 r.* Naukoviy arhiv IA NANU, f. 18, spr. 21, ark. 16-38.

Silantyeva, L. F. 1959. Nekropol Nimfeya. *Materialy i issledovaniia po arheologii SSSR*, 69, s. 5-107.

Skoryy, S. A. 1997. *Steblev: skifskiy mogilnik v Porosye.* Kiev: IA NANU.

Skoryy, S. A. 2003. *Skify v Dneprovskoy Pravoberezhnoy Lesostepi.* Kiev: IA NANU.

Skoryy, S. A. 2006. Ranniye skify v Dobrudzhe: istoriografiya problemy i arkheologicheskiye realii. In: Munchayev, R. M. (ed.). *Drevnosti skifskoy epokhi.* Moskva: IA RAN, s. 140-171.

Skoryy, S., Khokhorovski, Ya. 2008. Konskoye snaryazheniye iz kurgana Skifskaya Mogila. *Problemy arkheologii Vostochnoy Evropy*, s. 132-141.

Smirnov, K. F. 1976. Savromato-sarmatskiy zverinyy stil. In: Melyukova, A. I., Moshkova, M. G. (ed.). *Skifo-sibirskiy zverinyy stil v iskusstve narodov Evrazii.* Moskva: Nauka, s. 74-89.

Smirnova, G. I. 1979. Kurgany u s. Perebykovtsy — novyy mogilnik skifskoy arkhaiki na Srednem Dnestre. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, XX, s. 36-67.

Smolichev, P. 1929. Arkheolohichni rozkopky na tereni Dniprelstanu, v s. Kichkasi, Zaporizkoi okruhy, u veresni—zhovtni r. 1927. In: Yavornytskyi, D. I. (ed.). *Dnipropetrovskyi kraievyi istorychno-arkheolohichnyi muzei. Zbirnyk.* Dnipropetrovske, I, s. 161-234.

Smolichev, P. I. 1930. *Naukovi doslidzhennia terytorii Dniprozavodbudu v rotsi 1930 (Shchodennyky ta zhurnaly rozkopiv).* Naukoviy arhiv IA NANU, f. 18, spr. 79a, ark. 1-70.

Smolichev, P. I. 1930a. *Korotkyi zvit za robotu v naukovo-arkheolohichnii ekspedytsii v 1930 rotsi.* Naukoviy arhiv IA NANU, f. 18, spr. 79, ark. 1-2.

Smolichev, P. I. 1931. *Arkheolohichni doslidzhennia terytorii Dniprelstanu v Kichkasi. Cherven—veresen r. 1931.* Naukoviy arhiv IA NANU, f. 6, spr. 71, ark. 1-48.

Smolichev, P. I. 1932. *Zvit za robotu ekspedytsii po doslidzhenniu terytorii Dniprobudu ta smuhy pidtoplennia 1927—1932 rr.* Naukoviy arhiv IA NANU, f. 18, spr. 73, ark. 1-23.

Suprunenko, O. B. Rozkopky Bilskoho kurhannoho nekropoliu B. In: Suprunenko, O. B. (ed.). *Bilske horodyshche v konteksti vyvchennia pam'iatok rannoho zaliznoho viku Yevropy.* Poltava: Arkheolohiia, s. 88-120.

Telehin, D. Ia., Bodianskyi, A. V. 1990. *Spysok arkheolohichnykh pam'iatok Dniprovskoho Nadporizhzhia (Dnipropetrovska i Zaporizka oblasti).* Kyiv.

Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmeriytsy.* Kiev: Naukova dumka.

Terenozhkin, O. I. 1978. Kimmeriiski stely. *Arkheolohiia*, 27, s. 12-22.

Chernenko, Ie. V. 1970a. Skifski kurhany V st. do n. e. poblyzu m. Zhdanova. *Arkheolohiia*, XXIII, s. 176-181.

Chernenko, E. V. 1970b. Pogrebeniya s oruzhiyem iz nekropolya Nimfeya. In: Leskov, A. M. (ed.). *Drevnosti Vostochnogo Kryma.* Kiev: Naukova dumka, s. 190-198.

Chernenko, E. V., Bessonova, S. S., Boltrik, Yu. V., Polin, S. V., Skoryy, S. A., Bokiy, N. M., Grebennikov, Yu. S. 1986. *Skifskiye pogrebalnyye pamyatniki Stepey Severnogo Prichernomoria.* Kiev: Naukova dumka.

Shaposhnikova, O. G. 1970. Pogrebeniye skifskogo voina na r. Ingul (predvaritelnaya publikatsiya). *Sovetskaia arheologiia*, 3, s. 208-212.

Shaposhnykova, O. H., Bodianskyi, O. V., Shchepynskyi, A. O. 1957. *Zvit pro robotu Dniprovskoho zahonu Dniprovskoi ekspedytsii za 1957 rik.* Naukoviy arhiv IA NANU, 1957/10b.

Shovkoplias, H. M. 1995. Sylvestr Sylvestrovych Mahura (1987—1937). *Arkheolohiia*, 1, s. 109-116.

Shramko, B. A. 1987. *Belskoye gorodishche skifskoy epokhi (gorod Gelon).* Kiev: Naukova dumka.

Shramko, B. A. 1994. Rozkopky kurhaniv VII—IV st. do n. e. poblyzu Bilska. *Arkheolohiia*, 4, s. 117-133.

Yavornytskyi, D. I. 1927—1929. *Arkheolohichni doslidy na porohakh Dnipra 1927—1929 rr.* Naukoviy arhiv IA NANU, f. 18, spr. 59, ark. 1-13.

Yavornytskyi, D. I. *Korotkyi zvit Naukovo-Arkheolohichnoi ekspedytsii po doslidzhenniu terytorii Dniprelstanu (Dniprozavodbudu i porozhystoi lanky Dnipra) za yii robotu protiahom roku 1930-ho.* Naukoviy arhiv IA NANU, f. 18, spr. 80, ark. 1-12.

Yavornytskyi, D. I. 1931. *Korotke zvidomlennia akademika D.I. Yavornytskoho za arkheolohichni pratsi v 1931 rotsi.* Naukoviy arhiv IA NANU, f. 18, spr. 127, ark. 1-3.

Yavornytskyi, D. I. 1932. *Zvit pro robotu ekspedytsii po doslidzhenniu terytorii Dniprelstanu i porozhystoi chastyny Dnipra 1932 roku.* Naukoviy arhiv IA NANU, f. 18, spr. 155, ark. 1-12.

Yakovenko, E. V. 1976. Predmety zverinogo stilya v ranneskifskikh pamyatnikakh Kryma. In: Melyukova, A. I., Moshkova, M. G. (ed.). *Skifo-sibirskiy zverinyy stil v iskusstve narodov Evrazii.* Moskva: Nauka, s. 128-137.

Yatsenko, I. V. 1959. Skifiya VII—V vv. do n. e. *Trudy GIM*, 36, s. 1-118.

Bukowski, Z. 1977. *The scythian influence in the area of lusatian culture.* Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.

Majewski, E. O. 1905. charakterze starzych kurhanow. *Swiatowit*, VI, s. 47-72.

Očir-Gorjaeva, M. A. 2005. Pferdegeschirr aus Chošeutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga. *Archäologie in Eurasien*, 19, s. 1-184

Pârvan, V. 1967. Dacia. Civilizaţile antice din tarile Carpato-Danubiene. Bucureşti: Ştiinţifică.

Simion, G. 2000. Tombes tumulaires dans la nécropole de Celic-Déré. In: Lungu, V. (ed.). *Tombes tumulaires de l'Age du Fer dans le Sub-Est de l'Europe.* Tulchea: Institut de Recherches Eco-Muséologiques de Tulcea, p. 68-82.

Simion, G. 2003. Geţii la Dunărea de Jos şi civilizaţia lor. In: Simion, G. (ed.). *Culturi antice in zona gurilor Dunării.* Cluj-Napoca: Nereamia Napocae, 2003, I, p. 161-174.

Simion, G. 2003a. Gétes et Scythes aux Bouches du Danube. In: Simion, G. (ed.). *Culturi antice in zona gurilor Dunării.* Cluj-Napoca: Nereamia Napocae, 2003, I, p. 247-258.

O. D. Mogylov

THE SCYTHIAN BURIALS WITH A BRIDLE FROM THE DNIPRO PRYPORIZHYA

The article is devoted to the publication of materials of several Scythian burials on the Dnipro Pryporyzhya territory in 1927—1932. An archeological expedition was founded under the direction of Academician D. Ya. Yavornytsky, in connection with the construction of the Dnieper Hydroelectric Power Plant. Many Scythian antiquities had been explored in the archaeological sites of other epochs. Its members were actively working well-known archaeologists, beginning specialists and local historians: A. V. Dobrovolskyj, M. Ya. Rudynskyj, S. S. Gamchenko, P. I. Smolichev, M. O. Miller, T. T. Kyraniv, G. G. Martens, V. A. Grinchenko, P. A. Kozar, F. M. Sapyan, L. E. Kistyakivskyj and other. Almost S. Magura conducts his researches in this region.

The cemetery at the Gadiucha Balka on the northern right bank of Dnipro river in Zaporoizhya included both barrows and prevailing burials without embankments, and stone laying on the surface. Necropolis was founded in the Vth century BC, and was used in the IVth BC. There is a high percentage of burials with weapons comparing with similar monuments. The most interesting is the burial 3 in group 1. There are two pits without bones under the stone pavement. A set of bronze arrowheads, an iron spear, bits with cheeck-peaces, and also a part of the horn of a deer was founded in this cenotaph.

Mound grave predominated over burials without a mound in the necropolis near Dniprozavodbud. Necropolis functioned in the V—IV centuries. BC. Two burials from the grave 36 survived. They belonged to a woman, accompanied by a mirror and a necklace, as well as a warrior with a quiver set. Barrow 4 contained a ruined burial. The skeleton was accompanied by a bronze cheeck-peace.

Mound grave burials dominated in the burial groups of the Kichkas while stone pavements were only a quarter. In the grave 6 at the Kichkas railway station, the burial was performed in the pit, where the arrowhead was found. Details of the bridle and bronze knife were founded at the periphery of the complex. The archaeological site refers to the early middlescythian time.

Barrow 9 in the village Kushugum was girded with a stone fastener and had 0.79 m height and a diameter — 24 m. Objects of bridle (zoomorphic plates, buckles) was founded in its burial mound. A burial in an oval pit was inside. The skeleton lay stretched out on its back, its head to the west. Arrowheads was in a grave. The burial can be dated the 2nd quarter — the middle of the 5th century BC.

It is established that the tradition of the construction of stone piles in the non-kurgan cemeteries on the Lower Dnieper goes back to the Bronze Age and the pre-Scythian period. Perhaps this indicates the residence of a part of the sedentary autochthonous population here for such a long time, which has carried this tradition through the ages.

Keywords: Scythians, burial, burial ground, burial mound, equipment of a horse, weapons.

Одержано 8.03.2018

МОГИЛОВ Олександр Дмитрович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *mogilovod@gmail.com*.

MOGYLOV Oleksandr Dmytrovych, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukrayna, *mogilovod@gmail.com*.

УДК: 904.4/.5(477.75)”6383”

Е. А. Молев

СКИФЫ В КИТЕЕ

Статья посвящена результатам исследований скифских памятников городища и некрополя Китея. В научный оборот вводятся материалы исследований 1970—2012 гг., осуществленных С. С. Бессоновой и Е. А. Молевым и не освещенные в полной мере в свое время.

***Ключевые слова**: Китей, скифы, скифское время, материальная культура, погребение.*

Роль варварского окружения в жизни эллинских городов на периферии античного мира всегда была достаточно велика. Из сообщения Анонимного автора V в. н. э. (Псевдо-Скимна) мы знаем, что в древности «от Афиниона (совр. Судак) до Китея жили скифы» (Anon. PPE, 76). Скимн при этом сообщает, что раньше город назывался «Кидеака». Суффикс «-ака» свидетельствует об иранском (в нашем случае скифском) происхождении этого названия (Грантовский 1970, с. 266). Это могло быть связано с названием скифского поселка, на месте которого или невдалеке от которого впоследствии была основана греческая колония «Китей». Следовательно, ближайшими соседями-варварами греческих колонистов Китея были именно скифы.

Говоря о скифо-боспорских отношениях в целом, мы можем констатировать их дружественный характер на протяжении всего периода истории от основания боспорских городов до государственного переворота, осуществленного «скифами во главе с Савмаком» (Молев 2009, с. 165). Хотя в последние годы в городах Боспора и, прежде всего, в его столице Пантикапее, обнаруживается все больше и больше следов военных столкновений, особенно в ранний период с середины VI в. до н. э. (Шелов-Коведяев, Толстиков 2014, с. 452—504). В какой мере они связаны с нападениями именно скифов — вопрос остается пока открытым, но в любом случае очень маловероятно видеть в них целенаправленное наступление всей Скифии на греческие колонии — слишком уж несопоставимы были силы. Это отмечал в свое время Ю. А. Виноградов, заметивший, что «*вожди номадов, подчинивших себе Предкавказье… без особого труда могли установить контроль над проливом*» и «*этот пусть даже не очень жесткий контроль… был, во-первых, легко достижим, и, во-вторых, достаточно эффективен*» (Виноградов 2005, с. 213).

Что же касается Китея, то присутствие здесь скифов и характер отношений их с греками может быть охарактеризован по находкам лепной керамики, памятников эпиграфики, а также по материалам некрополя и некоторым объектам на городище. Начнем с первой.

Сразу заметим, что «лепная керамика из раскопок античных памятников Боспора — явление весьма обычное» (Гаврилюк, Молев 2013, с. 65). В Китее она составляет не более 20 % находок из общего числа керамической посуды и 21,3 % из числа керамических светильников (Молев 2010, с. 208). Находки из раскопок 1970—2009 годов, датированные с V в. до н. э. по II в. н. э. обработаны и опубликованы (Гаврилюк, Молев 2013). Находки III—VI вв. н. э. также обработаны теми же авторами, но еще ждут своей публикации. Новые находки из раскопок 2005—2012 и 2016—2017 гг. немногочисленны и не меняют картины как в общем соотношении роли лепной керамики в керамическом комплексе Китея, так и в распределении ее по типам и хронологическим периодам истории города.

© Е. А. МОЛЕВ, 2018

Основные генетические группы лепной керамики Китея, %

Группы лепной керамики	Время						Всего
	VI—V	IV—III	Вторая половина III — первая половина II	II—I	I—II	III—IV	
Предскифская	2	—	—	—	—	—	2,06
Кизил-кобинская	2	—	—	—	—	—	2,06
Греческая	—	57 / 73	8	66 / 67	39 / 44	12 / 22	53,4
Боспорская (скифская)	—	21 / 27	8	33 / 33	31 / 35	34 / 62	37,2
Северо-кавказская (сармато-аланская)	—	—	—	—	19 / 21	9 / 16	8,2
Количество форм	4	78	16	99	89	55	341

В ходе изучения лепной керамики Китея нами выделены образцы греческой, предскифской, кизил-кобинской, боспорской (вероятнее всего, скифской) и северо-кавказской продукции. Наибольшее количество лепной (в %) керамики включают слои IV—III вв. до н. э. и II—I вв. до н. э. (Гаврилюк, Молев 2013, с. 103, табл. 2). При этом в классический период в Китее преобладала «греческая» группа керамики, составляющая 73 % (таблица). Интересующие нас скифские изделия (боспорская группа) составляют всего около 27 %. Важно отметить, что в ее состав входят сосуды, характерные и для других боспорских городов и поселений, как Восточного Крыма, так и Таманского полуострова. Среди них горшки-кувшины, котлы, миски с отогнутым широким венчиком, необычные цилиндрической формы курильницы, чашка на невысокой ножке. Это позволяет говорить о наличии местного, вероятнее всего, скифского этнического компонента в составе обитателей города. Численность его, судя по небольшому количеству данной керамики, была невелика. И не исключено, что она была представлена, преимущественно, скифскими женами греческих колонистов.

Во второй половине III — первой половине II в. н. э. представлены обе группы керамики, но при этом сохраняется преобладание горшковидных форм с ручками, на базе которых формируется новый тип керамики — лепные кувшины.

В керамике II—I вв. до н. э. количество греческой сокращается до 67 %, в то время как число сосудов скифской посуды возрастает до 33 % (табл. 1). То есть, фиксируется некоторое (небольшое) увеличение процента скифского населения в составе жителей города. И этот процесс характерен для последующих периодов истории города. Так, в I—II вв. н. э. процент «греческой» керамики падает до 44, а «боспорской» группы посуды возрастает — до 35 %. Рост совсем уж небольшой, но вероятно это связано с появлением в этот период в Китее лепной керамики, имеющей аналогии в северокавказских памятниках. В материалах Китея она составляет 21 %. В. П. Власов связывает это явление с проникновением на Боспор сарматских племен, а позднее — алан (Власов, 2006, с. 109).

Зато в III—VI вв. лепная керамика «боспорской» (скифской) группы становится преобладающей и составляет уже 62 %, в то время как число керамики «греческой» группы падает до 22 %, а северокавказской — до 16 %.

Таким образом, исследование лепной керамики Китея позволяет предполагать проникновение в состав его населения представителей скифского этноса с IV в. до н. э., постепенное увеличение его в эллинистический и раннеримский периоды и резкое возрастание в позднеантичный период.

Число эпиграфических памятников из Китея (граффити, надгробные и посвятительные надписи) невелико (Марти 193, с. 60—64, 72—73; Гайдукевич 1959, с. 228; КБН № 942—944; Молев 1985, с. 51—52; 2001, с. 97—103). Они дают следующие имена китейцев: для IV в. до н. э. — Деметрий, Агафон, Дий, Ханак и Сакас; для I в. до н. э. — I в. н. э. — Деметрий; для I—II вв. н. э. Мэниос, Айносидэм, Забаг, Тасий; для III в. н. э. — Стратоник, Юлий Симмах и Юлий Психарион. Большинство из этих имен греческие. Негреческие единичны и среди них к скифским можно причислить только имена «Ханак и Сакас». Оба они имеют иранское (вероятнее всего, скифское) происхождение, хотя носителями их также вполне могли быть греки. Отец Ханака, например, носил греческое имя «Деметрий». Имя же «Сакас» (Скиф) представлено на граффити с застольной надписью. Обычай делать такие надписи — чисто греческий. Но, с другой стороны, это имя (Скиф) не встречается на Боспоре в таком варианте. Саками греки и персы называли среднеазиатских скифов. Поэтому, не исключено, что герой нашей надписи был скифом среднеазиатского происхождения.

Рассмотрим теперь материалы некрополя. Погребальный обряд в некрополе Китея, судя по опубликованным материалам (Молев, Шес-

таков 1991, с. 74—101; Молев 2014, с. 162—171; Хршановский 1998, с. 102—105; 1999, с. 83—85), преимущественно греческий. Однако, ряд погребений уже с V в. до н. э. имеет варварские черты. В ранний период это черты, свойственные скифам. Так, к скифским можно отнести разрушенное погребение 1, судя, прежде всего, по конструкции могилы (прямоугольная яма, покрытая двумя каменными плитами, ориентированная по линии запад-восток) и небольшой курганной насыпи над ней. Конструкция кургана находит наиболее близкие аналогии среди скифских погребальных сооружений Восточного Крыма (Яковенко, Черненко, Корпусова 1970, с. 136). Дата погребения II—IV вв. н. э.

Условно, по наличию ножа в составе инвентаря, к числу скифских можно отнести и разрушенные грунтовые погребения 5, 8 и 45. Кроме того, в погребении 5 были найдены 5 железных стерженьков неопределенного назначения и бронзовая серьга. Последняя свидетельствует о принадлежности погребения женщине. Погребение датируется I в. до н. э. С большей уверенностью, к скифским можно отнести погребения 8 и 45, где были похоронены взрослые мужчины. Дата погребения 8 — I в. н. э., № 45 — III в. н. э.

Столь же условно отнесение к числу варварских, скорее всего, скифских, разрушенных безинвентарных погребений 14 и 37 по западной ориентировке костяка, более свойственной скифам Керченского полуострова. На том же основании к ним примыкают и разрушенные безинвентарные погребения 40 и 43 с северо-западной и юго-западной ориентировкой соответственно.

К скифским же по наличию подсыпки из морского песка и гальки на дне могильной ямы могут быть отнесены безинвентарное женское погребения 30 и 31, рядом с которым, кроме того, открыто захоронение боевого коня. Остатки узды и наконечник копья у черепа коня позволили датировать последнее погребение V в. до н. э. К тому же времени, вероятно, относится и расположенное рядом с ним погребение 30.

В одном случае (разрушенное погр. 50) могильная яма заложена бутовым камнем, что характерно для скифских могил V—III вв. до н. э. в том числе и на территории европейского Боспора (Яковенко 1975, с. 34; Ольховский 1979, с. 12). Костяк умершей женщины лежал в скорченном положении на правом боку головой на северо-восток. У костей рук находились остатки бронзовых браслетов, у кисти левой руки небольшое каменное пряслице. Дата погребения неясна. Вероятность принадлежности данного погребения представительнице варварского (скорее всего, скифского) населения Китея почти не вызывает сомнений. Аналогичное погребение — могила-кенотаф 255, забутованная щебнем с самого верха и до дна, открыта и в раскопках В. А. Хршановского (Хршановский 2004, с. 386).

Черты скифских погребальных обычаев присутствуют еще по крайней мере в 6 погребениях (№ 4, 7, 15, 22, 51, 65). Во-первых, это каменные подкурганные склепы (4, 7, 51) с многочисленными повторными захоронениями. Повторное использование могил и их многослойность отмечаются как в скифских погребениях Восточного Крыма (Ильинская, Тереножкин 1983, с. 207—208) так и в центрах античного мира (Blegen, Palmer, Young 1964, p. 76—77). Это позволяет говорить о вероятности смешанных браков эллинов с представителями местного скифского населения. О том же свидетельствует грунтовое погребение 15, в котором помимо черт, свойственных эллинским погребениям (форма могильной ямы, в ногах амфора, килик, лекиф, северо-восточная ориентировка) есть нож под правым плечом и бронзовый черпак с лебединой головкой — характерный элемент скифских погребений Приднепровья (Ростовцев 1925, с. 284—285). В погребении 65 о вероятности скифского происхождения умершего свидетельствуют следы красной краски (охры) на костяке. Красная охра, как известно, применялась в погребальном обряде скифов (Артамонов 1974, с. 103).

Отметим еще раз, что все отмеченные черты погребального обряда характерны именно для крымских скифов (Ильинская, Тереножкин 1983, с. 207—208), что и позволяет рассматривать их, при отсутствии других более надежных индикаторов, аргументами в пользу скифской принадлежности умерших, захороненных в перечисленных погребениях.

Таким образом, из 74 исследованных нами погребений [1] к скифским можно с наибольшей долей уверенности отнести только пять (6,7 %). Еще в 12 погребениях (16,2 %) присутствуют скифские черты, но полной уверенности в их принадлежности именно скифам у нас нет. Все это позволяет говорить о смешанном составе населения города, но с абсолютным преобладанием греческих традиций.

О силе влияния скифских традиций в Китее в определенной степени позволяет судить характер городского культового центра. Это огромный зольный холм-эсхара. Зольники-эсхары восходят в греческой традиции, но они есть и почти на всех скифских городищах и поселениях. Наиболее типичный скифский зольник открыт на скифском поселении у с. Николаевка Одесской области (Мелюкова 1975, с. 13—14). На Боспоре же подобные холмы, помимо Китея, открыты в Мирмекии, Илурате, на мысе Такиль. На всей этой территории жили и скифы. В азиатской части Боспора таких памятников

1. Для статистики мы использовали только материалы наших раскопок некрополя и для сравнения опубликованные материалы В. А. Хршановского.

нет, и это дает основание говорить о поддержке угасающей эллинской традиции сооружения подобных алтарей традицией сооружения таких памятников скифами (Молева 1995, с. 21).

Следов значительных разрушений, которые можно было бы связать со скифами, на территории городища нет. Находка в закладе дверного проема в помещении А на раскопе V наконечника скифской стрелы (Молев 2010, с. 54) в слое I в. до н. э. единственное свидетельство возможности враждебных отношений со скифами. Но скифскими наконечниками стрел пользовались и боспоряне, что, при отсутствии других, делает данный аргумент недостаточным.

В целом, все приведенные материалы позволяют говорить о присутствии скифов в составе населения Китея, что в определенной мере отразилось и на материальной, и на духовной культуре города.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов, М. И. 1974. *Киммерийцы и скифы*. Ленинград: Наука.

Виноградов, Ю. А. 2005. Боспор Киммерийский. В: Марченко, К. К. (ред.). *Греки и варвары Северного Причерноморья в Скифскую эпоху*. Санкт-Петербург: Алетейя, с. 211-296.

Власов, В. П. 2006. О позднескифских миграциях на Боспор. *Боспорские исследования*, XI, с. 163-176.

Гаврилюк, Н. А., Молев, Е. А. 2013. Лепная керамика Китея. *Древности Боспора*, 17, с. 65-109.

Грантовский, Э. А. 1970. *Ранняя история иранских племен Передней Азии*. Москва: Наука.

Ильинская, В. А., Тереножкин, А. И. 1983. *Скифия VII—IV вв. до н. э.* Киев: Наукова думка.

Марти, Ю. Ю. 1934. Новые эпиграфические памятники Боспора. *Известия ГАИМК*, 104, с. 57-89.

Мелюкова, А. И. 1975. *Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка*. Москва: Наука.

Молев, Е. А. 1985. Археологические исследования Китея в 1970—1983 гг. В: Дворецкий, Е. В. (ред.). *Археологические памятники юго-восточной Европы*. Курск, с. 40-67.

Молев, Е. А. 2001. Эпиграфические памятники из раскопок Китея. *Проблемы истории, филологии и культуры*, 10, с. 97-103.

Молев, Е. А. 2009. Скифы в политической истории Боспора VI—II вв. до н. э. *Вестник древней истории*, 3, с. 155-165.

Молев, Е. А. 2010. *Боспорский город Китей*. Симферополь, Керчь. Боспорские исследования, Suppl. 6.

Молев, Е. А. 2014. Грунтовые погребения некрополя Китея (по материалам раскопок 1986—1988 гг.). В: Зуев, В. Ю., Хршановский, В. А. (ред.). *Погребальная культура Боспорского царства*. Санкт-Петербург: Нестор-История, с. 162-171.

Молев, Е. А., Шестаков, С. А. 1991. Некрополь Китея (по материалам раскопок 1972—1985 гг.). В: Молев, Е. А. (ред.). *Вопросы истории и археологии Боспора*. Воронеж, Белгород, с. 74-101.

Молева, Н. В. 1995. Греческое и варварское в религиозном мировоззрении городской общины Китея. В: Чернышов, Ю. Г. (ред.). *Идеология и политика в античной и средневековой истории*. Барнаул: Алтайский университет, с. 3-26.

Ольховский, В. С. 1979. *Погребальные обряды населения степной Скифии*. Автореферат … диссертации канд. ист. наук. Москва.

Ростовцев, М. И. 1925. *Скифия и Боспор*. Ленинград.

Хршановский, В. А. 1998. Некрополи Илурата и Китея. Археологическая экспедиция ГМИР 1968—1998. В: Хршановский, В. А. (ред.). *Боспорское царство как историко-культурный феномен*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 102-105.

Хршановский, В. А. 1999. Погребальный комплекс с трупосожжением I в. н. э. на некрополе Китея. В: Борисковская, С. П. и др. (ред.). *Боспорский город Нимфей*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 83-85.

Хршановский, В. А. 2004. Новые погребальные комплексы V—IV вв. до н. э. на некрополе Китея. *Боспорские чтения*, V, с. 384-390.

Шелов-Коведяев, Ф. В., Толстиков, В. П. 2014. Боспор в первой четверти V в. до Р. Х. (из истории Пантикапея начала эпохи классики). *Древности Боспора*, 18, с. 452-504.

Яковенко, Э. В., Черненко, Е. В., Корпусова, В. Н. 1970. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма. В: Лесков, А. М. (ред.). *Древности Восточного Крыма*. Киев: Наукова думка, с. 136-179.

Яковенко, Э. В. 1975. *Скіфи Східного Криму*. Київ: Наукова думка.

Blegen, C. W., Palmer, H., Young, R. S. 1964. *The North Cemetry*. Princeton, New Jersey: Gluckstadt, 13, 3: Corinth.

REFERENCES

Artamonov, M. I. 1974. *Kimmeriytsy i skify*. Leningrad: Nauka.

Vinogradov, Yu. A. 2005. Bospor Kimmeriyskiy. In: Marchenko, K. K. (ed.). *Greki i varvary Severnogo Prichernomoria v Skifskuyu epokhu*. Sankt-Peterburg: Aleteyya, s. 211-296.

Vlasov, V. P. 2006. O pozdneskifskikh migratsiyakh na Bospor. *Bosporskiye issledovaniya*, XI, s. 163-176.

Gavrilyuk, N. A., Molev, E. A. 2013. Lepnaya keramika Kiteya. *Drevnosti Bospora*, 17, s. 65-109.

Grantovskiy, E. A. 1970. *Rannyaya istoriya iranskikh plemen Peredney Azii*. Moskva: Nauka.

Ilinskaya, V. A., Terenozhkin, A. I. 1983. *Skifiya VII—IV vv. do n. e.* Kiev: Naukova dumka.

Marti, Yu. Yu. 1934. Novyye epigraficheskiye pamyatniki Bospora. *Izvestiya GAIMK*, 104, s. 57-89.

Melyukova, A. I. 1975. *Poseleniye i mogilnik skifskogo vremeni u s. Nikolayevka*. Moskva: Nauka.

Molev, E. A. 1985. Arkheologicheskiye issledovaniya Kiteya v 1970—1983 gg. In: Dvoretskiy, E. V. (ed.). *Arkheologicheskiye pamyatniki yugo-vostochnoy Evropy*. Kursk, s. 40-67.

Molev, E. A. 2001. Epigraficheskiye pamyatniki iz raskopok Kiteya. *Problemy istorii, filologii i kultury*, 10, s. 97-103.

Molev, E. A. 2009. Skify v politicheskoy istorii Bospora VI—II vv. do n. e. *Vestnik drevney istorii*, 3, s. 155-165.

Molev, E. A. 2010. *Bosporskiy gorod Kitey*. Simferopol, Kerch. Bosporskiye issledovaniya, Suppl. 6.

Molev, E. A. 2014. Gruntovyye pogrebeniya nekropolya Kiteya (po materialam raskopok 1986—1988 gg.). In: Zuyev, V. Yu., Khrshanovskiy, V. A. (ed.). *Pogrebalnaya kultura Bosporskogo tsarstva*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriia, s. 162-171.

Molev, E. A., Shestakov, S. A. 1991. Nekropol Kiteya (po materialam raskopok 1972—1985 gg.). In: Molev, E. A. (ed.). *Voprosy istorii i arkheologii Bospora*. Voronezh, Belgorod, s. 74-101.

Moleva, N. V. 1995. Grecheskoye i varvarskoye v religioznom mirovozzrenii gorodskoy obshchiny Kiteya. In: Chernyshov, Yu. G. (ed.). *Ideologiya i politika v antichnoy i srednevekovoy istorii*. Barnaul: Altayskj universitet, s. 3-26.

Olkhovskiy, V. S. 1979. *Pogrebalnyye obryady naseleniya stepnoy Skifii*. Avtoreferat dissertacii … kand. ist. nauk. Moskva.

Rostovtsev, M. I. 1925. *Skifiya i Bospor*. Leningrad.

Khrshanovskiy, V. A. 1998. Nekropoli Ilurata i Kiteya. Arkheologicheskaya ekspeditsiya GMIR 1968—1998. In: Khrshanovskiy, V. A. (ed.). *Bosporskoye tsarstvo kak istoriko-kulturnyy fenomen*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennij Ermitazh, s. 102-105.

Khrshanovskiy, V. A. 1999. Pogrebalnyy kompleks s truposozhzheniyem I v. n. e. na nekropole Kiteya. In: Borisovskaya, S. P., i dr. (ed.). *Bosporskiy gorod Nimfey*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennij Ermitazh, s. 83-85.

Khrshanovskiy, V. A. 2004. Novyye pogrebalnyye kompleksy V—IV vv. do n. e. na nekropole Kiteya. *Bosporskiye chteniya*, V, s. 384-390.

Shelov-Kovedyayev, F. V., Tolstikov, V. P. 2014. Bospor v pervoy chetverti V v. do R. Kh. (iz istorii Pantikapeya nachala epokhi klassiki). *Drevnosti Bospora*, 18, s. 452-504.

Yakovenko, E. V., Chernenko, E. V., Korpusova, V. N. 1970. Opisaniye skifskikh pogrebeniy v kurganakh Vostochnogo Kryma. In: Leskov, A. M. (ed.). *Drevnosti Vostochnogo Kryma*. Kiev: Naukova dumka, s. 136-179.

Yakovenko, E. V. 1975. *Skify Skhidnoho Krymu*. Kyev: Naukova dumka.

Blegen, C. W., Palmer, H., Young, R. S. 1964. *The North Cemetry*. Princeton, New Jersey: Gluckstadt, 13, 3: Corinth.

E. A. Molev

SCYTHIANS IN KYTA

The article is devoted to the results of studies of Scythian monuments of ancient settlement and necropolis of Kytaia. In the scientific revolution, the materials of the 1970—2012 research carried out by S. S. Bessonova and E. A. Molev and not illuminated in full in due time.

Keywords: Kytaia, Scythians, Scythian time, material culture, burial.

Одержано 9.01.2018

МОЛЕВ Євген Олександрович, доктор історичних наук, професор, Нижегородський науково-дослідний університет ім. Н. І. Лобачевського, пр. Гагаріна, 23, Нижній Новгород, 603950, Росія, *rector@unn.ru*.

MOLEV Eugeny Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nizhny Novgorod Research University. N. I. Lobachevsky, Gagarin Avenue 23, Nizhny Novgorod, 603950, Russia, *rector@unn.ru*.

УДК: 904.5(477.52)”6383”(091)

Е. Ю. Логинова

ПРИЗРАЧНЫЙ КУРГАН СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У г. СУМЫ

В 1926 г. в Государственный Эрмитаж со склада древностей ГАИМК была передана коллекция предметов, якобы происходящих из кургана у г. Сумы Харьковской губ. Судя по записи в инвентарной книге музея, производством этих раскопок занимался Н. Е. Макаренко в 1915 г. Однако никаких документов, подтверждающих эти исследования, найти не удалось. Особый интерес в эрмитажной коллекции представляют многочисленные железные детали от двух повозок скифского типа. Автор рассматривает альтернативную версию происхождения вещей.

Ключевые слова: *скифская повозка, курган у г. Сумы, Н. Е. Макаренко, Елизаветинские курганы, Н. И. Веселовский.*

В истории формирования археологических фондов Государственного Эрмитажа немало головоломок и запутанных обстоятельств. Это справедливо прежде всего для коллекций, передававшихся в музей в 1920-х гг. со склада древностей Государственной Академии истории материальной культуры. Работа с такими материалами имеет свою специфику, как например, отсутствие достоверных сведений о месте происхождения вещей или об авторстве раскопок. Но иногда изучение таких коллекций помогает дополнить картину исследования широко известных археологических памятников.

В 1926 г. в Эрмитаж в числе прочего была передана коллекция, насчитывающая более тридцати предметов. Она была внесена в инвентарь под шифром Дн 1915-2/1—21 как коллекция из раскопок Николая Емельяновича Макаренко в 1915 г. кургана близ г. Сумы Харьковской губ. Состав ее неоднороден: наряду с фрагментами меотской керамики (Дн 1915-2/15—20) и мечами синдо-меотского типа (Дн 1915-2/1—3), значатся и железное средневековое стремя (Дн 1915-2/9), и обожженные глиняные комки наподобие ядер для пращи (Дн 1915-2/21), а также многочисленные железные детали повозки (Дн 1915-2/4, 6—8, 10, 12—14).

© Е. Ю. ЛОГИНОВА, 2018

Архивные материалы. В рукописном архиве ИИМК РАН хранится дело Археологической Комиссии № 94 о раскопках Н. Е. Макаренко в 1915 г. Согласно документам, исследователь получил Открытый лист на производство археологических раскопок в Полтавской, Харьковской и Черниговской губ., однако, в указанный год работал только в пределах Сумского уезда Харьковской губ. (НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1915, д. 94). Вместе с тем, отчет о якобы проведенных работах в деле отсутствует, нет его и в ОАК за 1913—1915 гг. Привязку к пункту Сумы дают лишь документы, приложенные к делу, а именно двухмесячная переписка начальника станции Сумы Южных железных дорог, представителей Императорской Археологической Комиссии и их посредника в лице владелицы местного мебельного магазина Зинаиды Хариной. В письмах речь идет об отправке со станции ящика «*с древней посудой массой 2 пуда 13 фунтов*» (НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1915, д. 94, л. 4). Детали повозки или другие предметы из эрмитажной коллекции в деле не упоминаются. Харина уведомляла представителей Комиссии, что ящик, хранящийся на станции Сумы, вследствие «существующего запрещения» не может быть отправлен напрямую в Петроград: «*Посылаю Вам уведомление, которое я получила от начальника ст. Сумы. Отправленный мною груз как видно не может быть отправлен в Петроград. И потому прошу выслать дубликат, т. к. без него я не могу получить багажа, а иначе он будет про-*

дан с аукциона». Харина просила предоставить ей письменное распоряжение о переотправке груза «*на другую станцию в свободном направлении*», и, судя по прикрепленному к делу уведомлению от 2.XII.1915 г., ящик был-таки отправлен в Петроград.

Хочется отметить еще один нюанс, а именно указанный в переписке масса груза — 2 пуда 13 фунтов (38,67 кг). Эта цифра кажется чрезмерно большой для ящика с керамикой. Можно было бы предположить наличие в нем и других предметов, но, во всяком случае, не железных деталей повозки из эрмитажной коллекции. Совокупный вес фрагментов колесных шин составляет около 30 кг. Учитывая вес остальных деталей повозки и других предметов коллекции, а также предполагаемый вес деревянного ящика (по опыту современной упаковки, подобные ящики весят не менее 6 кг) можно утверждать, что указанная цифра скорее меньше, чем могла бы быть, если бы в ящиках находились колёса.

Вместе с вышеупомянутым делом были просмотрены другие материалы в рукописном и в фотоархиве ИИМК РАН, относящиеся к исследованиям Н. Е. Макаренко, проведенным в период с 1914 по 1917 гг., но никакой информации о его работах в Сумском уезде найти не удалось. Таким образом, если «курган у города Сумы» [1] и существовал, то подробности о его устройстве и погребальном сооружении, а также обстоятельства обнаружения вещей из эрмитажной коллекции, остаются неизвестны.

Между тем, название «курган у города Сумы» вошло в археологическую литературу. Впервые оно фигурирует в публикации А. И. Мелюковой, посвященной Краснокутскому кургану. Автор сравнивает детали повозки из двух памятников и на этом основании предлагает реконструкцию колес из Краснокутского кургана (1981, с. 22). Вслед за А. И. Мелюковой «курган у города Сумы» упоминают в своих трудах Ф.Р. Балонов — в диссертационном исследовании «Культ коня и колесницы в скифо-сарматскую эпоху у народов Евразийских степей и предгорий» (1996, с. 14), а также В. И. Бидзиля и С. В. Полин — в монографии «Скифский царский курган Гайманова Могила» (2012, с. 279). Ф. Р. Балонов сообщает, правда, об отсутствии достоверных сведений о памятнике и ссылается на мнение А. Ю. Алексеева о возможной ошибке в атрибуции эрмитажной коллекции. Но никто из перечисленных авторов к архивным источникам не обращался и, соответственно, не ставил под сомнение данные из инвентарной книги музея.

Наиболее полную сводку скифских курганов, в которых были зафиксированы остатки повозок, сделала, в свое время, С. С. Бессонова (1982, табл. 1: 2). Она рассмотрела 10 курганов с территории Нижнего Поднепровья и 5 с территории Северного Кавказа. Среди них «курган у города Сумы» не упоминается, вероятно, потому, что информация о нем появилась в литературе только в 1981 году. Тем не менее, этот памятник заслуживает внимания, в первую очередь, из-за наличия в коллекции многочисленных железных деталей повозки, которые в сочетании с мечами синдо-меотского типа и меотской керамикой заставляют усомниться в приднепровском происхождении этой коллекции.

Описание деталей повозки. Из 21 инвентарного номера коллекции Дн 1915-2 к деталям повозки относятся 7 записей: «обломки железных скреп» (Дн 1915-2/6 — 9 ед.), «полосы железные с отверстием в плоском конце» (Дн 1915-2/7 — 2 ед.), «скрепы железные с отверстием в плоском конце» (Дн 1915-2/8 — 4 ед.), «стержни железные с пластинками на концах» (Дн 1915-2/10 — 7 ед.), «шины железные с остатками гвоздей» (Дн 1915-2/12), «колеса железные с остатками спиц» (Дн 1915-2/13 — 42 ед.), «ступицы от колес железные с остатками дерева внутри и снаружи» (Дн 1915-2/14 — 16 ед.). Инвентарные данные несколько отличаются от нынешнего количества и сохранности. Все железные фрагменты сильно корродированы. Бо**л**ьшая часть предметов уверенно определяется как детали колес, другие могут быть невыразительными частями кузова. Сохранившиеся фрагменты позволяют предположить реконструкцию колес (рис. 1: 2). Основу колеса составлял неширокий деревянный обод диаметром около 83—87 см. К внешней его стороне гвоздями крепилась составная шина в виде кованой железной полосы толщиной 1,2—1,5 см. В нескольких местах по окружности колеса размещались пластины-скрепы, соединявшие, по всей видимости, отдельные части обода. В центре конструкции находилась деревянная ступица. Между ступицей и осью помещалась цилиндрическая втулка, свернутая из железной полосы. Трудно определить, были ли у колес спицы, и если да, то в каком количестве.

Шины. К шинам относится 32 фрагмента дуговидных железных полос с обломками гвоздей (Дн 1915-2/4, 7, 12—13). Вероятно, они были составными: на одно деревянное колесо набивалось четыре полосы длиной 66—68 см, шириной 2—2,2 см, толщиной 1,2—1,5 см (рис. 1: 1).

Из сохранившихся частей складывается 7 целых и одна неполная шина с внешним диаметром 83—87 см (табл. 1). С внутренней стороны полос присутствуют следы ожелезненного дерева. Обломки гвоздей, скреплявших шины с деревянным ободом, расположены по окружности колес через каждые 10—15 см. Судя по

1. Оборот «курган у города Сумы» используется в тексте статьи как удобная дефиниция для документальной версии происхождения эрмитажной коллекции.

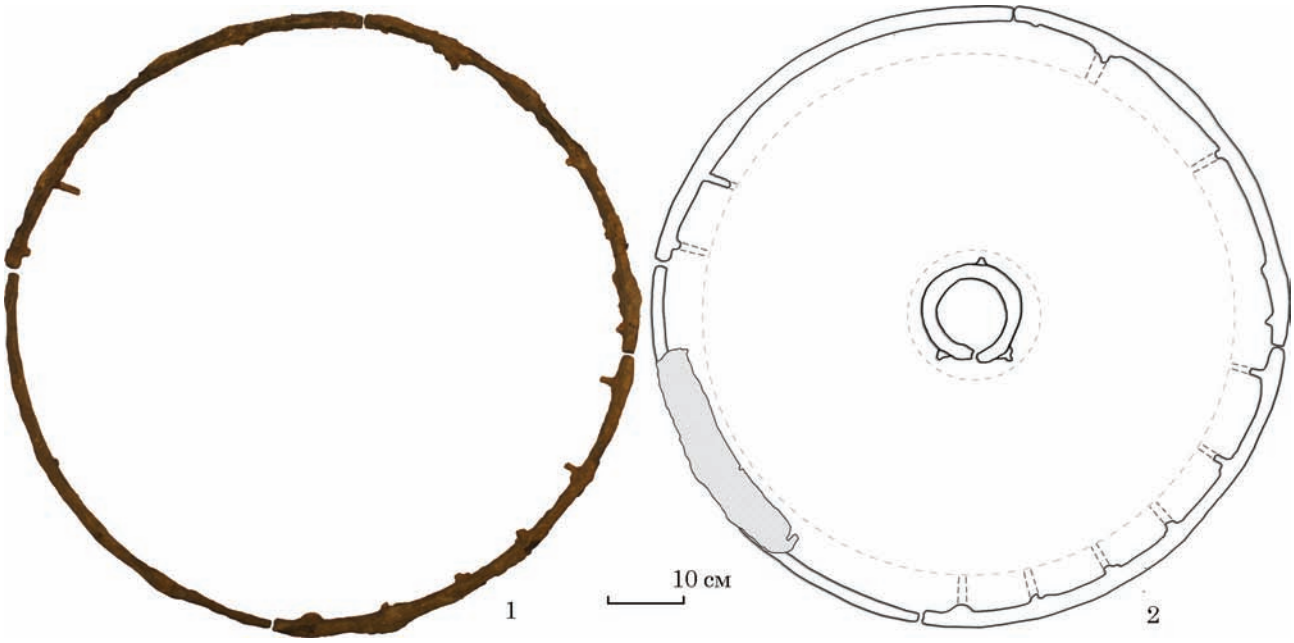


Рис. 1. Фрагменты шин из коллекции Государственного Эрмитажа (1), реконструкция колеса повозки из «кургана у города Сумы» (2)

Таблица 1. Параметры колес, см

Колесо, №	D внутр.	D внеш.	Толщина полос	Толщина гвоздей
1	81,5	85	1,3—2,8	0,5—2
2	79,5	83	1,2—2,1	1—2,5
3	83	86,5	1,2—2,1	0,6—1,6
4	83,7	87	1,4—2,6	0,6—1,5
5	80,5	85	1,8—2,2	0,5—1,8
6	81,5	85	1,6—2,7	0,6—1,6
7	82,5	85	1,6—2,3	0,8—1
8, неполное	≈80	≈80	1,3—2,4	0,7—1,9

зафиксированной частоте, общее их количество составляет не менее 20 в каждом колесе. Гвозди в сечении прямоугольные с толщиной стержня 0,5—2 см. Максимальная длина сохранившегося обломка 5 см. Соответственно, ширина деревянного обода должна была быть не менее 6 см. У повозки из Краснокутского кургана колеса так же имели составные шины, сложенные из двух частей (Мелюкова 1981, с. 22).

Скрепы. Мощные дуговидные железные скрепы (Дн 1915-2/6, 8) служили для фиксации деревянных частей ободьев колес из «кургана у города Сумы». Трудно определить, из скольких частей состоял каждый обод, но аналогичные по конструкции колеса из кургана № 15 Золотобалковского могильника (Полин 2014, с. 102, рис. 58), кургана Толстая Могила (Мозолевский 1972, с. 297) и кургана Гайманова Могила (Бидзиля, Полин 2012, с. 86, рис. 110) были четырехчастными. В отличие от этих находок, скрепы из эрмитажной коллекции располагались не в центральной части обода, а по самому его краю. Если приложить скрепы к фрагментам шин, то изгибы их будут в точности совпадать. В эрмитажной коллекции насчитывается как минимум 13 скреп, целых и фрагментированных (рис. 2: 6). Каждая из них состоит из двух изогнутых в сечении пластин шириной 4,5—6 см, толщиной 0,6—1,1 см. Пластины расположены друг над другом на расстоянии 3—6 см, что указывает на приблизительную толщину деревянного обода, и соединены двумя толстыми болтами. Аналогичные по типу скрепы были зафиксированы при раскопках входной ямы 1 Северной гробницы 1 и Центральной гробницы 2 Гайгановой Могилы (Бидзиля, Полин 2012, с. 275—277).

В центральной части колес располагались *втулки* (Дн 1915-2/14). Они предназначались для уменьшения трения между деревянными ступицами и неподвижной осью повозки. 6 целых и 10 фрагментов втулок (записанных в инвентаре как ступицы) из эрмитажной коллекции представляют собой массивные железные полосы, свернутые в слегка конические цилиндры с несомкнутыми концами (рис. 2: 1). Толщина края каждого цилиндра на сужающейся стороне составляет 0,2 см, на расширяющейся — 1,5 см. Последний параметр увеличен за счет сильной коррозии. Длина сохранившихся целых экземпляров 5,5—5,9 см, диаметр отверстий от 5,7 до 9 см (табл. 2). Учитывая количество фрагментированных и целых экземпляров, можно утверждать, что в коллекции из «кургана у города Сумы» хранится не менее 10 втулок. Похожие по форме втулки происходят из кургана у ст. Марьевской (ГЭ инв. № 2550-1) и

Рис. 2. Детали повозок из коллекции Государственного Эрмитажа: 1 — втулка; 2 — стержень с квадратными шляпками на обоих концах; 3 — стержневидное изделие с расплющенным концом и небольшим отверстием в центре; 4 — пластина с крюкообразным завершением на одном конце; 5 — фрагмент втулки с петлями по краю; 6 — скрепа

Таблица 2. Параметры втулок, см

Втулка, №	Расширяющийся конец		Сужающийся конец		Толщина стенки	Длина
	D внеш.	D внутр.	D внеш.	D внутр.		
1	8—9	5,7—6	7,5	6,7	0,4—1	5,7
2	7,8—8,3	6	8—8,5	6,5—7	0,4—1,3	5,5
3	7,8—8	6	7,2—7,4	6,7	0,4—1,2	5,7
4	8	6	7,4—7,3	6,7	0,5—1,4	5,9
5	7,3—8,1	5,7—6	7,1—8,1	6,7—7	0,2—1,5	5,5
6	7,1—8	5,7—5,9	7,3	6,7	0,3—1,2	5,7

кургана Карагодеуашх (ГЭ инв. № 2492-19) в Прикубанье.

На внешней поверхности эрмитажных втулок имеется по три шипообразных выступа. Можно предположить, что это сильно корродированные обломки гвоздей, служивших для более прочного скрепления поверхностей втулки и ступицы. На похожих втулках из Краснокутского кургана (Дн 1860—1/6), таким же образом свернутых из железных полос, на внешней поверхности расположены не три шипа, а три отверстия. Параллелей этой конструкции среди археологического или этнографического материала найти не удалось.

Примечателен фрагмент железной втулки (8,5 × 6 см), по краю которого на внутренней стороне центрального отверстия расположен ряд петель (рис. 2: 5). Видимо, они размещались по всей окружности, но от былого количества сохранились только две целые петли диаметром около 1,8 см. В контексте рассматриваемой эрмитажной коллекции этот фрагмент выглядит инородным и плохо объяснимым.

Снаружи втулок видны следы ожелезненного дерева, оставшегося от *ступиц*. Восстановить внешний вид ступиц невозможно, но для скифских повозок известно два варианта формы: цилиндрическая и боченковидная (Бидзиля, Полин 2012, с. 288). Длина таких деталей может варьироваться от 16 до 52 см, диаметр — от 16 до 38 см, диаметр отверстий — от 6 до 15 см.

Другие детали повозки. В коллекции из «кургана у города Сумы» хранится еще несколько предметов, которые с определенной долей сомнений можно отнести к деталям повозки. Это 3 целых и 4 фрагментированных железных стержня с квадратными шляпками на обоих концах (Дн 1915-2/10). Длина целых экземпляров 11,5—13,3 см, фрагментированных — 5,1—7,5 см (рис. 2: 2). Толщина стержней от 0,5 до 1,2 см, размер шляпок от 1,9 × 2,7 до 3,5 × 6,3 см. Помимо этого, в коллекции есть 7 фрагментированных железных пластин с крюкообразным завершением на одном конце (Дн 1915-2/16). Длина от 13,2 до 22 см, ширина от 1,7 до 2,2 см, толщина от 0,6 до 0,9 см (рис. 2: 4). Последняя категория условных деталей повозки — 4 стержневидных изделия наподобие гвоздей (Дн 1915-2/8), конец которых расплющен и имеет небольшое отверстие в центре. Длина 13,6—16,1 см, ширина плоских концов от 2,4 × 2,7 до 3,3 × 4,1 см, толщина стержня от 1,2—2,2 см (рис. 2: 3).

Таким образом, в коллекции предметов из «кургана у города Сумы» хранятся детали, как минимум, двух четырехколесных повозок (по числу втулок и колес). Отдельные элементы конструкции находят аналогии и в приднеп-

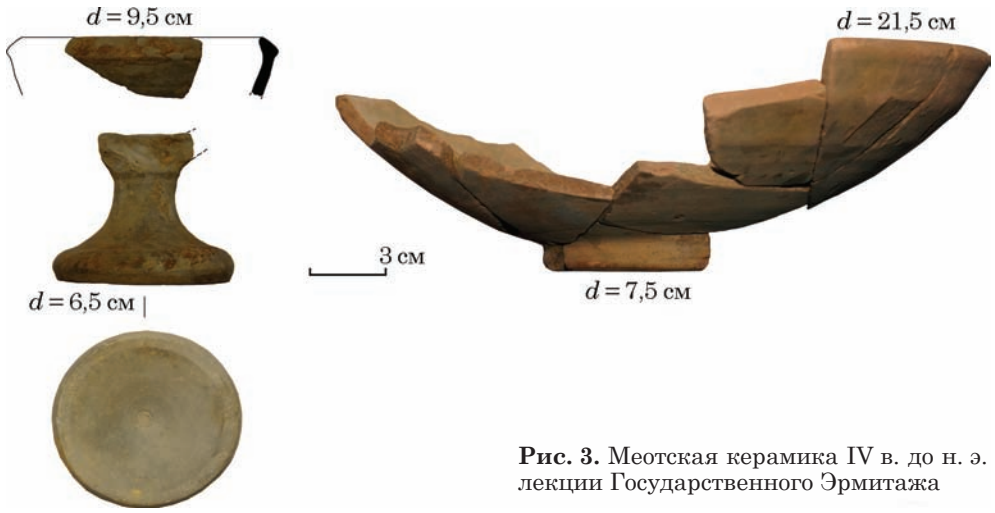


Рис. 3. Меотская керамика IV в. до н. э. из коллекции Государственного Эрмитажа

ровских памятниках скифского времени, и в прикубанских. Важным обстоятельством является наличие в коллекции меотской керамики IV в. до н. э.: красноглиняной открытой миски с диаметром 21,5 см и сероглиняной вазочки на ножке с диаметром венчика 9,5 см (рис. 3), а также трех мечей елизаветинской группы IV в. до н. э. [1] длиной 55—63 см и шириной лезвия 1,2—6,7 см (рис. 4), широко распространенных на Северо-Западном Кавказе в V—III вв. до н. э. (Эрлих 1991). Учитывая этот факт, стоит проверить версию о происхождении деталей повозок из памятников с этой территории.

Альтернативные версии происхождения деталей повозок. Из всех раскопанных до революции курганов скифского времени на Северном Кавказе только в четырех случаях зафиксированы детали, относящиеся к колесам или к кузову повозок: в кургане у Васюринской горы, кургане у ст. Марьевская, кургане Карагодеуашх и курганной группе у ст. Елизаветинской (Бессонова 1982, с. 104, табл. 2).

В *Васюринском кургане* детали повозки находились в отдельной могильной яме вместе с останками упряжных лошадей. По замечанию М. И. Ростовцева, погребальная колесница и конский убор были изготовлены и орнаментированы на греческий манер (Ростовцев 1913, табл. XII: 1; 1925, с. 373). Фрагментов колес среди зафиксированных находок не было.

В кургане *Карагодеуашх* от повозки сохранились неопределимые железные фрагменты кузова, гвозди и втулка одного колеса (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894, с. 50). О типе колесного транспорта авторы судят по изображению на треугольной пластине, найденной в этом же кургане (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894, табл. III: 1). На этом основании они

Рис. 4. Мечи синодо-меотского типа из коллекции Государственного Эрмитажа

1. Выражаю искреннюю признательность И. И. Марченко и Н. Ю. Лимберис за консультации по атрибуции и датировке вещей из эрмитажной коллекции.

предположили, что повозка из кургана Карагодеуашх так же была изготовлена на греческий манер — двухколесной и двуконной. Кроме того, в насыпи были обнаружены фрагменты меча неизвестного типа, но только одного, а не трех, как в «кургане у города Сумы». Втулка колеса от повозки из Карагодеуашха хранится в фонде Государственного Эрмитажа (ГЭ инв. № 2492-19). Она представляет собой свернутый из массивной железной полосы цилиндр длиной 6 см, с диаметром 9 см. По типу она близка к втулкам из «кургана у города Сумы».

Вотчете о раскопках*Марьевского кургана* фигурируют железные ступицы колес (ОАК за 1912, с. 51). Они лежали на последнем из уступов, сделанных в южной стене входной могильной ямы. О других деталях повозки автор раскопок, Н. И. Веселовский, не упоминал. В фонде Государственного Эрмитажа среди предметов, происходящих из Марьевского кургана, хранятся два фрагмента двух железных втулок с остатками деревянных ступиц снаружи (ГЭ инв. № 2550-1). Втулки свернуты в цилиндр из железных массивных полос. Толщина края каждого цилиндра на сужающейся стороне составляет 0,3—0,4 см, на расширяющейся — 1,6—1,9 см. Длина первой втулки 5,9—6,6 см, диаметр около 9 см; длина второй, более массивной, — 6,5 см, диаметр 8,3—9,2 см. На внешней стороне первой втулки есть железный шип длиной 1,5 см как у втулок из «кургана у города Сумы».

В *Елизаветинском могильнике* повозки были обнаружены в двух курганах, раскопанных в 1914 и 1915 гг. Н.И. Веселовским. В обоих курганах погребальная камера была сооружена в виде склепа, помещенного в большую могильную яму, в которую вел длинный дромос (ОАК за 1913—1915 гг., с. 153—157). В кургане 1914 г. детали повозок были зафиксированы в дромосе. Н.И. Веселовский в отчете пишет о шести колесах от двух «колесниц», лежавших позади трех пар упряжных лошадей. К повозке также относилось дышло в виде деревянного шеста с железной обивкой на конце. В кургане 1915 г. на восточном крае могильной ямы были зафиксированы железные шины от четырех колес (ОАК за 1913—1915, с. 156, рис. 236). Рядом находилось дышло наподобие описанного выше. Таким образом, в Елизаветинских курганах были обнаружены десять колес от трех повозок. При этом в фондах Государственного Эрмитажа в коллекции предметов, происходящих из Елизаветинского могильника, нет ни одной детали повозки. Это обстоятельство кажется странным, учитывая, что в музей были переданы даже небольшие и неопределимые фрагменты железных изделий. Пренебречь такими значительными находками колес Н. И. Веселовский не мог. Подтверждение тому — фрагменты ступиц из Марьевского кургана, которые были описаны, сфотографированы и переданы на хранение. Надо отметить, что вещи из Елизаветинских курганов передавались из ГАИМК в 1926 году, то есть вместе с коллекцией из «кургана у города Сумы». Возможно, что в процессе передачи предметы из разных коллекций были перепутаны и при инвентаризации получили неправильную атрибуцию. И если эта версия верна, тогда она объясняет и такое большое количество колес, и мечи елизаветинской группы в неизвестном приднепровском кургане.

Елизаветинские курганы. Елизаветинский могильник состоит из примерно тридцати насыпей, расположенных на юго-восточной окраине станицы Елизаветинской Краснодарского края (бывшей Кубанской области). Группа из пяти наиболее крупных курганов была раскопана Н. И. Веселовским в период с 1912 по 1917 гг. (с перерывом на один сезон в 1916 г.). Все они оказались ограблены еще в древности, вскоре после сооружения.

Погребальный обряд во всех курганах одинаков. В центре насыпи в большой могильной яме, вырытой в материке, сооружался каменный склеп для основного захоронения. В яму вел длинный дромос, содержавший иногда сопроводительные погребения. Сверху вся конструкция перестилалась бревенчатым навесом, покоившимся на столбах (ОАК за 1913—1915, с. 153—157). Части повозок были зафиксированы в двух курганах, раскопанных Н. И. Веселовским в 1914 и 1915 гг.

В кургане 1914 г.повозки находились в дромосе, спускающемся к центру кургана. В отчете Н. И. Веселовского фигурируют две четырехколесные «колесницы» с деревянными раскрашенными кузовами (ОАК за 1913—1915, 1918, с. 153, рис. 235). По словам автора, установить их форму не представляется возможным «так как дерево истлело и смешалось с тем, которое упало с потолка» (НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, д. 64, 1914, л. 11—12). В дромосе было зафиксировано шесть колес диаметром 75 см. Они имели по 12 деревянных спиц и были обиты железными шинами с «внутренними шипами», под которыми Н. И. Веселовский понимает обломки гвоздей. К первой повозке относилось 4 колеса, при этом переднее правое было поставлено вертикально. Н. И. Веселовский высчитал, что расстояние между передними и задними колесами повозки составляло 70 см. На этом основании А. И. Мелюкова предположила, что общая длина кузова могла быть не менее 220 см (Мелюкова 1981, с. 23). От второй повозки, «зарытой в противоположном направлении, т. е. задом к заду первой», сохранилось два колеса (ОАК за 1913—1915, с. 153, рис. 235). Непосредственно перед ними, на расстоянии 3 м от входа в дромос, были зафиксированы три пары взнузданных лошадей, лежавшие спинами друг к другу, головами на юг. Между лошадьми в последней паре находился «сильно сгнивший деревянный

Рис. 5. Фотография из архива ИИМК РАН, на которой запечатлены колеса из Елизаветинского кургана 1915 г. (раскопки Н. И. Веселовского)

шест — очевидно, дышло, обитое на конце листовым железом» (ОАК за 1913—1915, с. 153). Два других колеса повозки были разломаны грабителями и брошены ими в яме, вырытой при ограблении памятника.

В кургане 1915 г., несмотря на идентичность погребальной ситуации, детали повозки были обнаружены не в дромосе, а на восточном краю большой могильной ямы (ОАК за 1913—1915, с. 156, рис. 236). Деревянные части кузова и колес не сохранились. Удалось зафиксировать лишь 4 лежащие в ряд железные шины, которые, по словам Н.И. Веселовского, «не походили на найденные в предыдущем кургане: они состояли из отдельных кусков железа, скреплявшихся с деревом при помощи двух железных гвоздей» (ОАК за 1913—1915, с. 157), то есть были составными, как и шины из эрмитажной коллекции. Диаметр колес составлял 110 см. Относящееся к повозке дышло с железными гвоздями и остатками железной обивки, было зафиксировано недалеко от колес, на южном краю ямы. Кроме того, в центре каждого колеса были расчищены железные ступицы диаметром 14,4 см. С. В. Полин упоминал среди находок из кургана 1915 г. и железные наружные обручи для ступиц, использовавшиеся для усиления прочности конструкции. Такие обручи встречаются вместе с находками ступиц из кургана Гайманова Могила, Мелитопольского, Краснокутского и Александропольского курганов (Бидзиля, Полин 2012, с. 288). Однако ни в рукописном, ни в печатном отчетах о раскопках Елизаветинского могильника, подобные предметы не фигурируют.

В фотоархиве ИИМК РАН в деле об исследованиях Н. И. Веселовского в станице Елизаветинской, есть фотография колес (рис. 5), сделанная в процессе раскопок кургана 1915 г. (НА ИИМК РАН, ФА, II 90028). На ней отчетливо видны контуры железных шин, а также втулок в центре каждого колеса. Если обратить внимание на крайнее правое колесо, то в центре его, в том месте, где должны быть деревянные спицы, видны расчищенные массивные железные стержни с квадратными шляпками на обоих концах, напоминающие стержни из эрмитажной коллекции (Дн 1915-2/10). Кроме того, по краю обода каждого колеса есть широкие участки, на которых отчетливо видны шляпки гвоздей. По всей видимости, это скрепы, которые так же как и в конструкции колес из «кургана у города Сумы», крепились у самого края, а не в центральной части обода.

Традиция помещать в гробницы погребальные повозки свидетельствует о том, что в курганах 1914 и 1915 гг., как и в других больших курганах Елизаветинского могильника, захоронены высокопоставленные представители общества. На основании находок греческого импорта, период последовательного сооружения погребальных насыпей определяется с конца V до середины IV в. до н. э. В. А. Городцов, на основании находки знаменитой панафинейс-

кой амфоры в кургане 1913 г., сделал вывод о том, что в нем погребен не варвар, а грек, выигравший состязание в Панафинейских играх. А соответственно, и другие курганы могильника принадлежат представителям греческой колонии Северного Причерноморья, вероятно, Пантикапея (Городцов 1936, с. 182—183). В свою очередь Н. В. Анфимов утверждал, что Елизаветинские курганы напрямую связаны с расположенным рядом крупным Елизаветинским городищем, и погребены в них представители местной родовой аристократии и социально зависимые от них люди (Анфимов 2011, с. 136).

Заключение. Существовал ли «курган у города Сумы» и если да, то относятся ли к нему детали повозок из эрмитажной коллекции — уверенно ответить на эти вопросы пока не представляется возможным. Дальнейшие архивные поиски помогут определить, занимался ли Николай Емельянович Макаренко исследованиями курганов скифского времени в Харьковской губернии в 1915 г. Но на данный момент, отсутствие каких-либо надежных сведений о кургане и необычное сочетание вещей, якобы происходящих из него, наводит на мысль о неправильной атрибуции коллекции.

По ряду косвенных признаков, можно предположить, что детали повозок из «кургана у города Сумы» в действительности относятся к Елизаветинскому кургану 1915 г. В пользу этой версии говорит сопоставление предметов с архивными материалами раскопок Н. И. Веселовского, и в частности с фотографией колес, сделанной в процессе исследования. Подробный анализ помог найти пересечения в конструктивных элементах повозок из обоих курганов, например, в составных шинах, втулках и скрепах, использовавшихся для фиксации деревянных частей обода. В то же время, количество колес из эрмитажной коллекции в два раза превышает упомянутое в отчете о раскопках Елизаветинского кургана — восемь вместо четырех. И если бы не замечание Н. И. Веселовского о том, что шины в кургане 1915 г. составные и отличаются от тех, что были обнаружены в кургане 1914 г., то есть от несоставных, можно было бы предположить, что эрмитажная коллекция включает предметы из обоих памятников.

Еще одной существенной причиной для поиска альтернативного варианта происхождения коллекции из «кургана у города Сумы», является наличие в ней меотской керамики IV в. до н. э. и трех «синдо-меотских» мечей елизаветинской группы. Крайне сомнительно, что мечи такого типа могли быть найдены в приднепровском памятнике. Они широко распространены на территории Северо-Западного Кавказа в V—III вв. до н. э. В частности, в Елизаветинских курганах 1914 и 1915 гг. были зафиксированы два и один меч, соответственно. В коллекции Государственного Эрмитажа за этими двумя курганами также числится три меча. Один из них, тот, что относится к кургану 1915 г., находится в сильно фрагментированном состоянии. Поэтому нельзя уверенно предполагать, что мечи из «кургана у города Сумы» происходят из Елизаветинского могильника.

Разрешить все эти вопросы и неувязки поможет лишь тщательный анализ всех коллекций, которые относятся к Елизаветинскому могильнику. Таких в фондах Государственного Эрмитажа восемь, и все они отличаются высокой степенью неопределенности в вопросе распределения предметов между курганами. Однако по совокупному набору признаков, из всех курганов, раскопанных в дореволюционное время на территории Северного Кавказа, только с Елизаветинскими могут быть соотнесены предметы из призрачного «кургана у города Сумы».

ЛИТЕРАТУРА

Анфимов, Н. В. 2011. *Древнее золото Кубани*. Краснодар: Традиция.

Балонов, Ф. Р. 1996. *Культ коня и колесницы в скифо-сарматскую эпоху у народов Евразийских степей и предгорий*. Автореферат диссертации … канд. ист. наук в форме научного доклада. Санкт-Петербург.

Бессонова, С. С. 1982. О скифских повозках. В: Тереножкин, А. И., Мозолевский, Б. М., Черненко, Е. В. (ред.). *Древности степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 102-117.

Бидзиля, В. И., Полин, С. В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила*. Киев: Скиф.

Городцов, В. А. 1936. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. *Советская археология*, 1, с. 171-187.

Лаппо-Данилевский, А., Мальмберг, В. 1894. *Древности Южной России. Курган Карагодеуаших*. Санкт-Петербург. Материалы по археологии России, 13.

Мелюкова, А. И. 1981. *Краснокутский курган*. Москва: Наука.

Мозолевский, Б. Н. 1972. Курган Толстая Могила близ Орджоникидзе на Украине. *Советская археология*, 3, с. 268-309.

Отчет Археологической Комиссии за 1912 г. 1916. Санкт-Петербург.

Отчет Археологической Комиссии за 1913—1915 гг. 1918. Санкт-Петербург.

Полин, С. В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н. э. на Херсонщине*. Киев.

Ростовцев, М. И. 1913. *Античная декоративная живопись на юге России*. 2: Атлас иллюстраций к монографии. Санкт-Петербург.

Ростовцев, М. И. 1925. *Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических*. Ленинград.

Эрлих, В. Р. 1991. Меотские мечи из Закубанья. *Древности Северного Кавказа и Причерноморья*. Москва.

Ф. 1, д. 94, 1915. *Дело о раскопках Николая Емельяновича Макаренко в Полтавской, Харьковской и Черниговской губ.* Научный архив ИИМК РАН.

Ф. 1, д. 64, 1914. *Дело о раскопках проф. Н.И. Веселовского в Таврической губ. и Кубанской обл.* Научный архив ИИМК РАН.

Д. II 90028. Фотоархив ИИМК РАН.

REFERENCES

Anfimov, N. V. 2011. *DrevneezolotoKubani*. Krasnodar: Tradiciya.

Balonov, F. R. 1996. *Kul't konya I kolesnicy v skifo-sarmatskuyu ehpohu u narodov Evrazijskih stepej I predgorij*. Avtoreferat dissertacii … kand. ist. nauk v forme nauchnogo doklada. Sankt-Peterburg.

Bessonova, S. S. 1982. O skifskih povozkah. In: Terenozhkin, A. I., Mozolevskij, B. M., CHernenko, E. V. (ed.). *Drevnosti stepnoj Skifii*. Kiev: Naukova dumka, s. 102-117.

Bidzilya, V. I., Polin, S. V. 2012. *Skifskij carskij kurgan Gajmanova Mogila*. Kiev: Skif.

Gorodcov, V. A. 1936. Elizavetinskoe gorodishche I soprovozhdayushchie ego mogil'niki po raskopkam 1935 g. *Sovetskaya arheologiya*, 1, s. 171-187.

Lappo-Danilevskij, A., Mal'mberg, V. 1894. *Drevnosti Yuzhnoj Rossii. Kurgan Karagodeuashkh*. Sankt-Peterburg. MaterialypoarheologiiRossii, 13.

Melyukova, A. I. 1981. *Krasnokutskij kurgan*. Moskva: Nauka.

Mozolevskij, B. N. 1972. Kurgan TolstayaMogilabliz Ordzhonikidze na Ukraine. *Sovetskaya arheologiya*, 3, s. 268-309.

Otchet Arheologicheskoj Komissii za 1912 g. 1916. Sankt-Peterburg.

Otchet Arheologicheskoj Komissii za 1913—1915 gg. 1918. Sankt-Peterburg.

Polin, S. V. 2014. *Skifskij Zolotobalkovskij kurgannyj mogil'nik V—IV vv. do n. e. na Hersonshchine*. Kiev.

Rostovcev, M. I. 1913. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na yuge Rossii*. 2: Atlas illyustracij k monografii. Sankt-Peterburg.

Rostovcev, M. I. 1925. *Skifiya i Bospor. Kriticheskoe obozrenie pamyatnikov literaturnyh I arheologicheskih*. Leningrad.

Erlih, V. R. 1991. *Meotskie mechi iz Zakuban'ya. Drevnosti Severnogo Kavkaza i Prichernomor'ya*. Moskva.

F. 1, d. 94, 1915. *Delo o raskopkah Nikolaya Emel'yanovicha Makarenko v Poltavskoj, Har'kovskoj i Chernigovskoj gub*. Nauchnyj arhiv IIMK RAN.

F. 1, d. 64, 1914. *Delo o raskopkah prof. N. I. Veselovskogo v Tavricheskoj gub. i Kubanskoj obl*. Nauchnyj arhiv IIMK RAN.

D. II 90028. Fotoarhiv IIMK RAN.

E. Ju. Loginova

PHANTOM SCYTHIANS MOUND NEAR THE SUMY CITY

In 1926 collection of items that allegedly were founded in a mound near the Sumy city of Kharkov province was transferred to the State Hermitage museum from the storehouse of antiquities of the State Academy for the History of Material Culture. According to the information given in the museums inventory book, this mound was excavated by N. E. Makarenko in 1915. However we couldn't find any documents confirming this research. Even if the mound near the Sumy city existed, details of its structure as well as circumstances of the items discovery are still unknown. The most of peculiar interest items in the Hermitage collection are numerous iron parts of two Scythian-type wagons. In this article we have proposed the reconstruction of the wheels of these wagons that based in the analysis of the items. For some parts of wagons we have found analogies in the Scythian mounds in the Dnieper and the Kuban areas. At the same time, in the Hermitage collection there are Sindo-Meotian type swords and Meotian pottery of the IV century BC. Considering this fact, we have reviewed an alternative version of the origin of wagons parts. Some indirect signs allow us to correlate items from a mound near the Sumy city with the famous Elizabethan burial mounds. This fact is confirmed also by the comparison items from Hermitage collection with archive documents of excavations of the Elizabethan burial ground, in particular, with the photo of the wheels that were founded in the mound, excavated in 1915.

Keywords: Scythian-type wagon, mound near Sumy city, N. E. Makarenko, Elizabethan burial ground, N. E. Veselovsky.

Одержано 17.12.2018

ЛОГІНОВА Катерина Юріївна, лаборант, Державний Ермітаж, Дворцова набережна, 38, Санкт-Петербург, 191186, Росія, *loginova213@gmail.com*.
LOGINOVA Ekaterina, assistant, State Hermitage Museum, Dvortsovaya emb., 38, Saint-Petersburg, 191186, Russia, *loginova213@gmail.com*.

УДК: 904.5(477.65)”6383”

К. І. Панченко

ПОХОВАННЯ 82 З ҐРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА БІЛЯ с. ЗАЛОМИ НА КІРОВОГРАДЩИНІ

Стаття присвячена публікації поховання 82 з ґрунтового могильника біля с. Заломи на Кіровоградщині. Могила належить до скіфського часу. В захороненні серед супровідного інвентарю виявлені прикраси з золота, коралів та бурштину.

Ключові слова: *скіфи, ґрунтовий могильник, поховальний обряд, супровідний інвентар, коралові прикраси.*

Ґрунтовий могильник біля с. Заломи Знам’янського р-ну Кіровоградської обл. відкритий у 1985 р. (Бокий 1987, с. 22). Пам’ятка розташована в межиріччі річок Ірклеї та Цибульника, що належать до басейну Тясмина — на порубіжжі Правобережного лісостепу та степу. У 1986 р. поряд з некрополем також було відкрите селище скіфського часу (Бокий 1986, с. 1). На сьогодні відомо, що протягом VI—IV ст. до н. е. поселення та могильник складали цілісний комплекс (Бокий 1987, с. 24; Панченко 2017).

Стаціонарні розкопки могильника проводилися протягом 1986—1989 рр. археологічною експедицією Кіровоградського державного педагогічного інституту на чолі з Н. М. Бокій. Всього було розкопано 98 могил, більша частина яких належить до скіфського часу. Також на некрополі були досліджені поховання білогрудівсько-чорноліського часу. Захоронення скіфського часу з могильника попередньо віднесені до VI—IV ст. до н. е. (Бокій 1987, с. 24; Пачненко 2017, с. 338). Поховальні споруди цього періоду представлені ґрунтовими ямами прямокутної форми, виняток становить лише поховання 49, здійснене в катакомбі. На жаль, більшість могил були пограбовані в давнину, а тому — поховальний інвентар скіфського часу з некрополя нечисельний. Він представлений бронзовими та кількома залізними наконечниками стріл, двома залізними наконечниками від списів, залізними ножами, залізним фаларом, пастовим та скляним намистом, бронзовими сережками, керамічними пряслами, кількома раковинами cauri, дрібними фрагментами чорнолакового посуду тощо.

Досить цікавим є супровідний інвентар з могили 82, що містить доволі різноманітний, як для даного некрополю, інвентар. Захоронення було здійснене у ґрунтовій ямі прямокутної форми із заокругленими кутами, орієнтованій довгими стінками за віссю захід — північний захід—схід — південний схід. Залишків від перекриття не виявлено. Довжина ями становила 2 м, ширина — 0,8 м, глибина — 1,95 м.

Кістяк небіжчика лежав у випростаному стані на спині, головою на захід — північний захід (рис. 1). Руки покладені прямо. Слідів від підстилки не зафіксовано. Поряд із західною стінкою могили лежала перевернута до гори дном мініатюрна ліпна мисочка. Справа біля голови лежала бронзова сережка. На шиї знайдені коралові та золоті прикраси. Біля кісток передпліччя правої руки виявлено намистини бісеру, а поряд з лівою рукою — скляна та бурштинова намистини.

Розглянемо інвентар з поховання.

1. Набір намиста, знайдений на шиї складався з коралових та золотих підвісок, кількох бронзових ворворок та бронзового кільця. Поряд з ними знайдені деформовані уламки пластин, виготовлених з тонкого золотого листа. Склад намиста такий.

А. Підвіски, виготовлені з цільних гілочок коралів різної форми (9 екземплярів) (рис. 2: 10). Довжина виробів, що збереглася — 1—

© К. І. ПАНЧЕНКО, 2018

3 см, діаметр — 0,3—0,7 см. На одній зі сторін підвісок, перпендикулярно до волокон стволів коралів прорізані отвори для нанизування. Також на одній з коралових гілочок збереглося золоте окуття, до кінця якого було припаяне кільце або гачок (рис. 2: 7).

Б. Пронизки, виготовлені з гілочок коралів (3 екземпляри) (рис. 2:2). Довжина — 0,5—0,6 см, діаметр — 0,3—0,4 см. Отвори для нанизування прорізані вздовж волокон стволів коралів. Ці пронизки належать до типу 9 за К. М. Алєксєєвою (1982, с. 30).

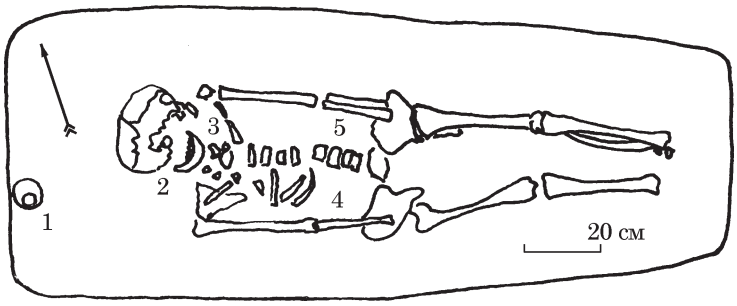


Рис. 1. План поховання 82 ґрунтового могильника біля с. Заломи: 1 — керамічна посудина; 2 — бронзова сережка; 3 — намисто; 4 — бісер; 5 — намисто

Колір поверхні коралових прикрас з часом побілів. Проте на кількох підвісках проступає рожевий відтінок. Подібні речі рідко зустрічаються в поховальних комплексах скіфського часу. Найчастіше вони виготовлені з рожевих чи помаранчево-рожевих коралів. За дослідженнями К. М. Алєксєєвої, у Північному Причорномор'ї найбільш ранні прикраси з цього матеріалу з'являються лише в IVст. до н. е. (1982, с. 27).

В. Золота підвіска амфороподібної форми (1 екземпляр) (рис. 2: 8). Вона виготовлена з двох симетричних частин, у верхній частині до неї припаяне кільце для підвішування. Висота — 1,3 см, діаметр тулубу — 0,6 см. Такі прикраси добре відомі в похованнях представників скіфської еліти зі степових курганів середини — другої половини IV ст. до н. е. Зокрема схожі підвіски оздоблювали головні убори, що походять з поховання північно-східної камери центральної катакомби Чортомлика (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, кат. 122, с. 202; Онайко 1970, табл. XXXV: а, л), Мелітопольського кургану (Онайко 1970, табл. XXXIV: г), насипу 2 біля с. Вільна Україна Червоноперекопської групи (Лєсков 1974, рис. 79—80). На Лісостеповому Правобережжі схожі вироби знайдені в похованні другої половини IV ст. до н. е. кургану 1 біля с. Рижанівки (Петренко 1967, табл. 18: 5).

Г. Золоті підвіски амфороподібної форми (2 екземпляри). Виготовлені з тонкого золота. Збереглися в поганому стані, а тому встановити їх точну форму неможливо.

Д. Бронзові ворворки (фрагменти 3 екземплярів) (рис. 2: 6). Вцілілі висота — 0,7 см, діаметр — 0,8 см. Всі вони належать до зрізаноконічних ворворок широких пропорцій за О. Д. Могиловим (2008, с. 76). Подібні предмети з'являються у середньоскіфський час, проте широкого побутування вони набувають протягом IV ст. до н. е. (Могилов 2008, с. 77).

Е. Бронзове кільце (рис. 2: 5). Діаметр — 0,6 см, перетин — 0,25 см. Кільце виготовлене з підпрямокутної в перетині пластини. Предмет зберігся в поганому стані.

2. Бронзова сережка, округлої форми, виготовлена з витого, круглого в перетині дроту (рис. 2: 9). Краї прямі та потоншені, ледь заходять один за одного. Діаметр сережки — 2,6 см, перетин дроту — 0,1 см. Прикраса належить до варіанту 5 типу 27 за класифікацією В. Г. Петренко (1978, с. 36). З V ст. до н. е. цей тип сережок стає одним з домінуючих серед прикрас рядового населення Степової Скіфії. Схожі сережки походять з курганів 313 біля Гуляй-Города, 1 поблизу с. Мастюгіно (Петренко 1978, с. 36).

3. Скляна синя намистина округлої форми (рис. 2: 1). Поверхня сильно пошкоджена. Відновити її первинний вигляд неможливо. Розміри, що збереглися: діаметр — 0,9 см, перетин — 0,4 см.

4. Бурштинова намистина округло-сплощеної форми (рис. 2: 4). Діаметр — 1 см, перетин — 0,4 см. Вона належить до намистин типу 5 за класифікацією К. М. Алєксєєвої. Окремі їх знахідки в Північному Причорномор'ї датуються другою половиною IV—II ст. до н. е. (1978, с. 24). В Лісостепу, на Правобережжі різні бурштинові прикраси зустрічаються в поховальних комплексах протягом усього скіфського часу (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989). Проте, до IV ст. до н. е. вони майже виходять з ужитку (Степи 1989, с. 107).

5. Скляний бісер синього кольору (4 екземпляри) (рис. 2: 3). Діаметр — 0,25—0,3 см, перетин — 0,3 см. Бісер є досить поширеним типом прикрас протягом усього скіфського часу. Відомо, що в античні часи цей тип намиста широко використовували для декору вбрання (Алексеева 1975, с. 10).

Скляне, бурштинове намисто та бісер з поховання 82 були знайдені біля кісток передпліччя, ймовірно, вони прикрашали одяг небіжчика, чи належали браслетам.

6. Мініатюрна мисочка на ніжці, що імітує кільцевий піддон (рис. 2: 11). Вінця посудини потоншені та загнуті всередину. З однієї сторони на корпусі наявні два круглих отвори. Тріщина на корпусі відсутня: отже це не ремонтні отвори, для кріплення двох частин. Вірогідно, ці отвори могли використовуватись для підвішування посудинки. Колір поверхні мисочки — сірий з брунатними плямами. Зовнішня поверхня стінок пролощенна. На внут-

Рис. 2. Інвентар поховання 82 ґрунтового могильника біля с. Заломи: 1, 3 — скло; 2, 7, 10 — корал; 4 — бурштин; 5, 6, 9 — бронза; 7—8 — золото; 11 — кераміка

рішній поверхні — збереглися відбитки від зерен злаків. Висота посудини — 3,4 см, діаметр вінець — 5,2 см, діаметр дна ніжки — 3,5 см. Найбільш близька аналогія походить з поховання V—IV ст. до н. е. кургану 395 біля с. Ковалі в Правобережному Лісостепу (Галанина 1977, табл. 5: 7; Петренко 1967, табл. 8: 9). Відомі схожі вироби і на поселеннях. Зокрема, виявлені вони у ранньоскіфських нашаруваннях Більського городища. На думку Б. А. Шрамка, їх могли використовувати в якості світильників, а отвори на корпусі призначені для підвішування (2016, с. 190). Подібні посудини зустрічаються на пам'ятках скіфського часу майже в усіх регіонах (Петренко 1967, с. 22).

Аналізуючи поховальний обряд, можна зауважити, що ями без додаткових конструкцій фіксуються в поховальному обряді протягом всього скіфського часу. Ці споруди не є хронологічною чи етнографічною ознаками (Скорый 2003, с. 51). Положення небіжчика у випростаному стані, на спині є теж переважаючим в похованнях цього часу в Правобережному Лісостепу (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, с. 47), Степу (Ольховский 1991) та інших регіонах. Хронологічна атрибуція можлива лише за супровідним інвентарем з поховання. Найширше датування з могили має бісер. Його використання було поширеним у скіфських племен протягом VII—IV ст. до н. е. Знайдені в похованні ворворки та бронзова сережка з'являються ще у середньоскіфський час, проте масового вжитку набувають протягом IV ст. до н. е. Більш пізніми є золоті підвіски амфороподібної форми, які мають аналогії в курганах середини — другої половини IV ст. до н. е. До IV ст. до н. е. належать коралові прикраси та, очевидно, бурштинова намистина. Таким чином проаналізований нами супровідний інвентар дозволяє віднести поховання 82 з Заломів до IV ст. до н. е., можливо, до середини — другої половини цього століття.

Анатомічне положення кістяка та знайдений поховальний інвентар дає підстави стверджувати, що могила вціліла від пограбування. Набір речей вказує на те, що поховання належало жінці. Визначити етнічну приналежність похованого без залучення даних антропологічного аналізу важко. Щодо соціальних реконструкцій, то знахідки прикрас із золота, бурштину та коралів дозволяють припускати, що похована особа могла належати до заможної верстви общини, що залишила могильник в Заломах.

ЛІТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. Мурзин, В. Ю., Ролле, Р. 1991. *Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н. э.)*. Киев: Наукова думка.

Алексеева, Е. М. 1978. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Г 1-12.

Алексеева, Е. М. 1982. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Г 1-12.

Бокий, Н. М. 1986. *Отчет Кировоградского государственного педагогического института имени А. С. Пушкина об археологических раскопках в Знаменском, Петровском, Светловодском и Долинском районах*. Науковий архів ІА НАНУ, 1986/112.

Бокий, Н. М. 1987. Грунтовый могильник у с. Заломы. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Киммерийцы и скифы*. Кировоград, 1. с. 22-24.

Галанина, Л. К. 1977. *Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга)*. Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1-33.

Ильинская, В. А. 1968. *Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья)*. Киев: Наукова думка.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1989. *Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион)*. Киев: Наукова думка.

Лєсков, О. 1974. *Скарби курганів Херсонщини*. Київ: Мистецтво.

Могилов, О. Д. 2008. *Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи*. Київ, Кам'янець-Подільський: ІА НАНУ.

Панченко, К. І. 2017. Дослідження пам'ятки скіфського часу біля с. Заломи на Кіровоградщині. *Археологія і давня історія України*, 2, с. 335-339.

Петренко, В. Г. 1967. *Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1-4.

Петренко, В. Г. 1978. *Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 4-5.

Ольховский, В. С. 1991. *Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII—III вв. до н. э.)*. Москва: Наука.

Онайко, Н. А. 1970. *Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—III вв. до н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1-27.

Скорый, С. А. 2003. *Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи*. Киев.

Степи европейской части СССР с скифо-сарматское время. 1989. Мелюкова, А. И. (ред.). Москва: Наука.

Тереножкин, А. И., Ильинская, В. А., Черненко, Е. В., Мозолевский, Б. Н. 1973. Скифские курганы Никопольщины. В: Тереножкин, А. И., Черненко, Е. В. (ред.). *Скифские древности*. Киев: Наукова думка. с. 113-186.

Шрамко, Б. А. 1987. *Бельское городище скифской эпохи (город Гелон)*. Киев: Наукова думка.

Шрамко, Б. А. 2016. Архаическая керамика восточного укрепления Бельского городища и проблемы происхождения его обитателей. В: Корост, І. І. (ред.). *Більське городище в наукових працях Б. А. Шрамка*. Котельва, Харків, с. 179-195.

REFERENCES

Alekseyev, A. Yu., Murzin. V. Yu., Rolle. R. 1991. *Chertomlyk (Skifskiy tsarskiy kurgan IV v. do n. e.)*. Kiev: Naukova dumka.

Alekseyeva, E. M. 1978. *Antichnyye busy Severnogo Prichernomoria*. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, G 1-12.

Alekseyeva, E. M. 1982. *Antichnyye busy Severnogo Prichernomoria*. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, G 1-12.

Bokiy, N. M. 1986. *Otchet Kirovogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni A. S. Pushkina ob arkheologicheskikh raskopkakh v Znamenskom. Petrovskom. Svetlovodskom i Dolinskom rayonakh*. Naukoviy arkhiv IA NANU, 1986/112.

Bokiy, N. M. 1987. Gruntovyy mogilnik u s. Zalomy. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Kimmeriytsy i skify*. Kirovograd, 1, s. 22-24.

Galanina, L. K. 1977. *Skifskiye drevnosti Podneprovia (Ermitazhnaya kollektsiya N. E. Brandenburga)*. Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1-33.

Ilinskaya, V. A. 1968. *Skify Dneprovskogo Lesostepnogo Levoberezhia (kurgany Posulia)*. Kiev: Naukova dumka.

Leskov, O. 1974. *Skarbi kurganiv Khersonshchini*. Kyiv: Mystetstvo.

Mogylov, O. D. 2008. *Sporiadzhennia konia skifskoi doby u Lisostepu Skhidnoi Yevropy*. Kyiv, Kam'ianets Podilskyi: IA NANU.

Panchenko, K. I. 2017. Doslidzhennia pamjatky skifskoho chasu bilia s. Zalomy na Kirovohradshchyni. *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 2, s. 335-339.

Petrenko, V. G. 1967. *Pravoberezhye Srednego Pridneprovia v V—III vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1-4.

Petrenko, V. G. 1978. *Ukrasheniya Skifii VII—III vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 4-5.

Ol'khovskiy, V. S. 1991. *Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' naseleniya Stepnoy Skifii (VII—III vv. do n. e.)*. Moskva: Nauka.

Onayko, N. A. 1970. *Antichnyy import v Pridneprovye i Pobuzhye v IV—III vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D 1-27.

Skoryy, S. A. 2003. *Skify v Dneprovskoy Pravoberezhnoy Lesostepi*. Kiev.

Stepi evropeyskoy chasti SSSR s skifo-sarmatskoye vremya. 1989. Melyukova, A. I. (ed.). Moskva: Nauka.

Terenozhkin, A. I., Ilinskaya, V. A., Chernenko, E. V., Mozolevskiy, B. N. 1973. Skifskiye kurgany Nikopolshchiny. In: Terenozhkin, A. I., Chernenko, E. V. (ed.). *Skifskiye drevnosti*. Kiev: Naukova dumka, s. 113-186.

Shramko, B. A. 1987. *Belskoye gorodishche skifskoy epokhi (gorod Gelon)*. Kiev: Naukova dumka.

Shramko, B. A. 2016. Arkhaicheskaya keramika vostochnogo ukrepleniya Belskogo gorodishcha i problemy proiskhozhdeniya ego obitateley. In: Korost, I. I. (ed.). *Bilske gorodishche v naukovikh pratsyakh B. A. Shramka*. Kotelva, Kharkiv, s. 179-195.

K. I. Panchenko

THE BURIAL 82 FROM THE EARTH BURIAL GROUND NEAR THE VILLAGE ZALOMI IN KIROVOHRAD REGION

Burial ground near Zalomy Znamensky district of the Kirovograd region was discovered in 1985. The place is located in the area between the rivers Irkley and Tsybulnik, belonging to the basin of Tiasmin — in the borderland of the Right-bank forest-steppe and steppe. In 1986, along with burial ground the simul-

taneous Scythian settlement was discovered. During 1986—1989, burial excavations were conducted by archaeological expedition of then Kirovograd State Pedagogical Institute. There were 98 excavated burials from the necropolis. The investigated Scythian burial belong to the VI—IV century BC. Thus, a burial ground and settlement constitutes the integral archaeological complex.

Unfortunately, most of the Scythian burials were robbed in antiquity, and therefore — the burial inventory of the necropolis is not numerous.

Burial No. 82 was carried out in a common ground pit and was not plundered. Among the discovered things of farewell inventory of special interest is a rare set of decorations from corals. Next to them were also found gold amphor-shaped pendants and bronze clasps. Most likely in ancient times, decorations were part of one necklace. In addition, in the burial were found beads, amber and glass beads, miniature molded vessel. The materials of the burial allow one to date his IV century BC. It should be assumed that the person buried here had a special social status among the local population in Scythian times.

Keywords: Scythians, soil burial ground, burial ritual, burial equipment, coral decorations.

Одержано 20.02.2018

ПАНЧЕНКО Кирило Ігорович, викладач, Центральноукраїнський державний педагогічний університет імені Володимира Винниченка, вул. Шевченка, 1, м. Кропивницький, 25006, Україна, *pankir90@gmail.com*.

PANCHENKO Kyrylo, Lecturer of the Department of History of Ukraine, Volodymyr Vynnychenko Central Ukrainian State Pedagogical University, Shevchenko street, 1, Kropivnitsky, 25006, Ukraine, *pankir90@gmail.com*.

УДК: 904.5(477.63)”6383”

С. В. Полин, М. Н. Дараган

ДОИССЛЕДОВАНИЕ СКИФСКОГО ЦАРСКОГО АЛЕКСАНДРОПОЛЬСКОГО КУРГАНА В 2004—2009 гг.

В статье кратко изложены основные результаты доисследования скифского царского Александропольского кургана, проведенного в 2004—2009 гг. После раскопок этого кургана в 1852—1856 гг. остался целый ряд неясных вопросов, разрешению которых и были посвящены новые раскопки.

***Ключевые слова**: скифский царский курган, амфоры, амфорные клейма, Скифия, Северное Причерноморье.*

Скифский царский Александропольский курган (у с. Петриковка Солонянского р-на Днепропетровской обл.) входил в четверку крупнейших степных скифских царских курганов-гигантов Северного Причерноморья, наряду с курганами Солоха, Чертомлык и Огуз. Все они были исследованы во второй половине XIX — начале XX вв. Александропольский курган был первым скифским царским курганом, специально раскопанным с научными целями (рис. 1). На протяжении 1852—1855 гг. М. Бухтеев, А. В. Терещенко и А. Е. Люценко полностью раскопали громадную насыпь, а в 1855—1856 гг. А. Е. Люценко обнаружил и исследовал многочисленные подземные сооружения кургана — гробницы и различные подземные ходы (рис. 2; ДГС I, с. 1—25; ДГС I, атлас, табл. А: I—XXI; Лазаревский, 1894).

Александропольский курган, благодаря его громадным размерам, многочисленности и сложности подземных погребальных сооружений и разветвленной системе подземных ходов, множеству различных находок, подчас весьма своеобразных, из всех известных в скифское время металлов и материалов играет важнейшую роль в скифоведении в качестве памятника, фиксирующего и иллюстрирующего финальный этап истории степной Скифии Северного Причерноморья. От его датировки зависит определение даты завершения существования Причерноморской Скифии. Понимание важности значения Александропольского кургана для дальнейшего развития скифоведения привело нас к его повторному исследованию, осуществленному в 2004—2009 гг. Первоначально в 2004 и 2006 гг. его раскопки осуществлялись в рамках украинско-американского проекта совместно с университетом штата Флорида (руководитель с американской стороны профессор классической археологии Н.Т. Де Граммонд) под руководством С. В. Полина, а в 2005 и в 2007—2009 гг. уже самостоятельно силами Скифской Степной экспедиции ИА НАНУ (рис. 3). В процессе новых раскопок были получены чрезвычайно важные новые данные, позволяющие достоверно определить структуру кургана и окончательно уточнить его датировку.

К началу раскопок в 2004 г. Александропольский курган представлял собой круглую в плане площадку диаметром около 100 м, изрытую большими и малыми ямами. Ее окружало кольцо отвалов грунта, вывезенного с кургана при раскопках 1852—1856 гг., высотой до 5 м (рис. 4). В первый год работ были определены границы кургана — найден кольцевой ров, окружавший курган по основанию, и определен его диаметр в 110 м. С западной и восточной сторон во рву имелись проходы шириной 3,6—4,1 м. В заполнении рва были обнаружены большое количество мелких камней, оплывших в ров из крепиды кургана вместе с грунтом насыпи, и в небольшом количестве остатки поминальной тризны — обломки амфор и кости животных. Все находки и камни находились

© С. В. ПОЛИН, М. Н. ДАРАГАН, 2018

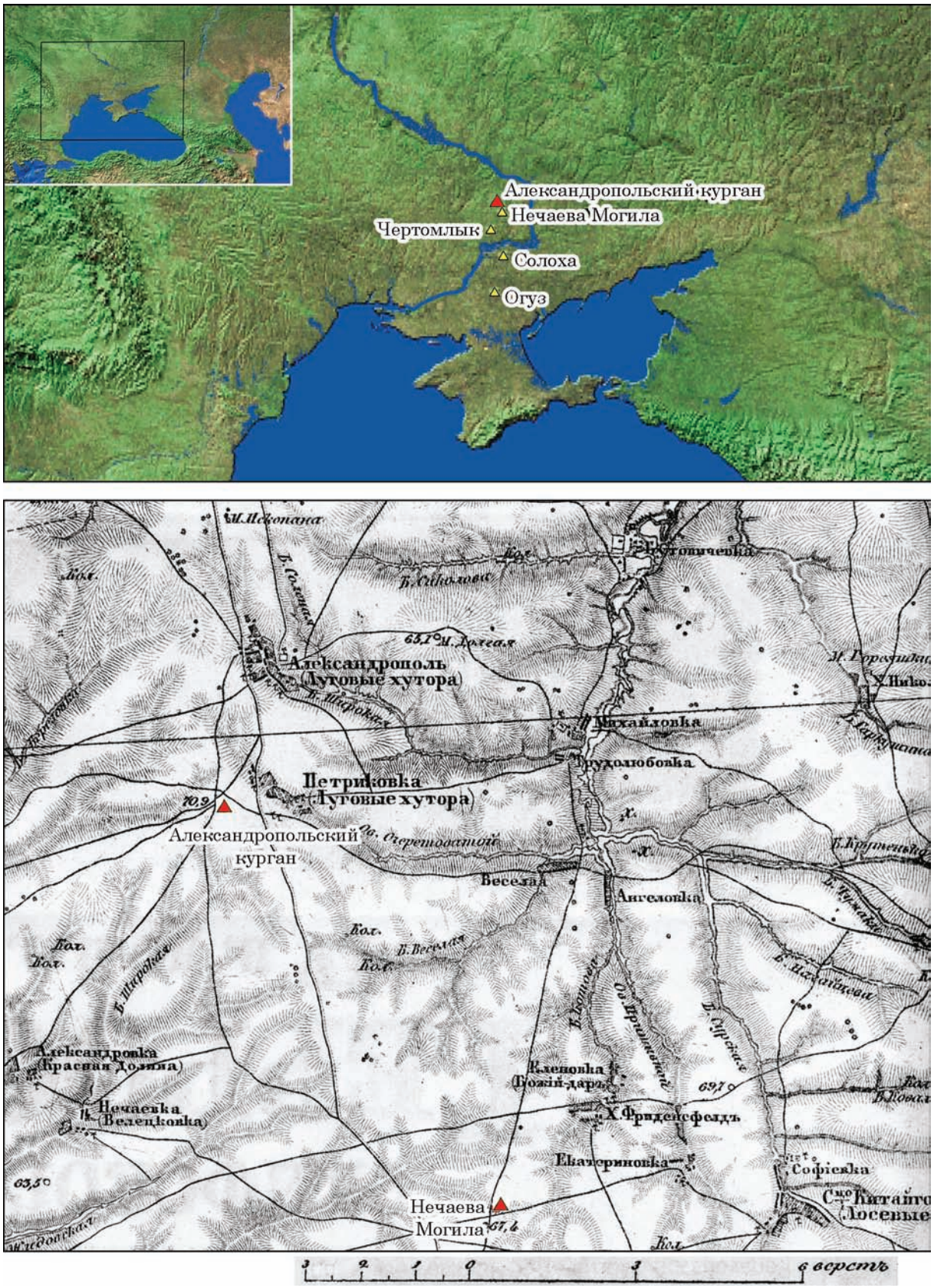


Рис. 1. Александропольский курган на современной и трехверстной («Военно-топографическая карта России» 1868 г., ряд XXVII, л. 13) картах

на середине глубины рва, как и в подавляющем большинстве скифских курганов. Нижняя половина рва была заполнена стерильным затеком из чередующихся прослоек чернозема и глины. В большинстве скифских курганов остатки тризны обычно укладываются в ров. Но в

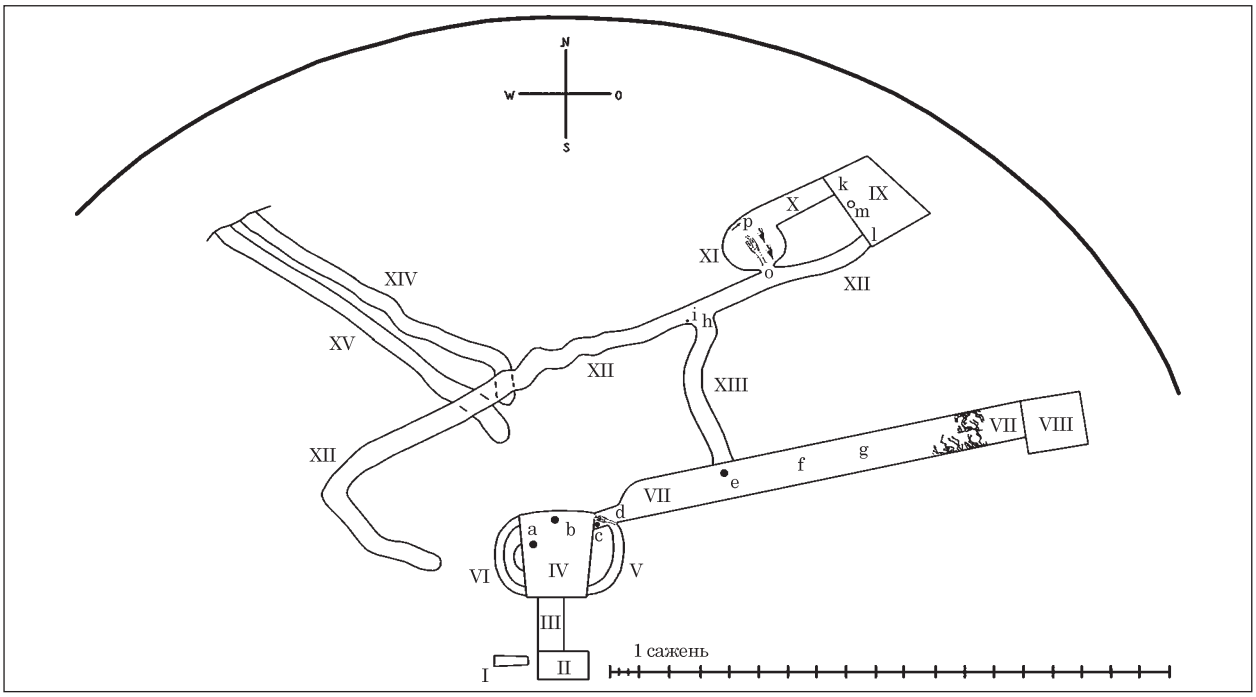


Рис. 2. Общий план Александропольского кургана по И. Е. Забелину (ДГС I, табл. А). *Обозначения*: *погребальные сооружения кургана*: I — захоронение коня возле Центральной гробницы кургана; II — входная яма Центральной гробницы; III — дромос, соединявший входную яму с катакомбой Центральной гробницы; IV — катакомба Центральной гробницы кургана; VII — Восточный дромос подзахоронения в Центральную гробницу с восточного края кургана («подземная конюшня» по А. Е. Люценко); VIII — входная яма Восточного дромоса подзахоронения в Центральную гробницу; IX — входная яма боковой Северо-восточной гробницы; X — дромос, соединявший входную яму и катакомбу боковой Северо-восточной гробницы; XI — катакомба боковой Северо-восточной гробницы

Александропольском кургане это правило нарушено — ров содержал очень незначительное количество остатков тризны.

На внешнем склоне рва в северо-западном секторе были найдены средневековые железные наконечник стрелы и псалии, связанные с жертвоприношениями средневековых кочевников каменной статуе, некогда стоявшей на вершине Александропольского кургана.

За пределами рва с западной стороны кургана на большой площади были открыты остатки околокурганной поминальной тризны, произведенной после завершения похорон скифских царя и царицы в Александропольском кургане (рис. 3). Это было очень важное открытие для скифоведения в целом и скифской курганной археологии в частности. В других курганах Скифии, которые располагаются на пахотных полях, такие площадки разрушены постоянной распашкой территорий, окружающих курганы (Полин 2011, с. 214). В Александропольском кургане сложились уникальные условия. Здесь прилегающая к кургану территория со всех сторон была засыпана 4—5-метровыми отвалами грунта, вывезенными с кургана при раскопках 1852—1856 гг. В результате этого под отвалами сохранился окружавший курган земляной вал и под ним полностью сохранилась вся огромная площадка, где совершалась поминальная тризна. Впервые в истории скифской археологии появилась возможность исследования околокурганной тризны скифского царского кургана. Поэтому все шесть лет повторных раскопок 2004—2009 гг. Александропольского кургана были посвящены, прежде всего, исследованию этой тризны (Де Груммонд, Полин, Черных, Глеба, Дараган 2005; Полин, Де Граммонд, Глеба, Черных, Дараган 2005; Полин, Дараган 2007; 2008; 2010; Полин 2010а). В результате вдоль западной стороны кургана за пределами рва была полностью исследована площадка тризны размерами около 120 × 15 м общей площадью около 1800 м^2. В тризне и гробницах кургана были выявлены обломки 457 древнегреческих амфор [1] с 52 клеймами, произведенных в 9 центрах — Гераклея Понтийская (рис. 5: 1—4), Икос (рис. 5: 5—6), Херсонес Таврический (рис. 5: 7—8), Фасос (рис. 5: 12—15), Хиос (рис. 5: 9—11), Менда (рис. 5: 17), Синопа (рис. 5: 16), в одном из центров Восточного Средиземноморья (рис. 6: 2—3), других трех пока еще нелокализованных греческих центрах (рис. 6: 4—10), амфоры типа Муригиоль (рис. 6: 11—12) и Солоха I (рис. 6: 1) [2]. Найдены также кости животных, которые были съедены во время отправления тризны. В

1. По последним окончательным подсчетам. В предварительной публикации указывалось 389 амфор [Полин 2010, с. 273].
2. Подробную характеристику амфор и клейм из Александропольского кургана см. Полин 2010.

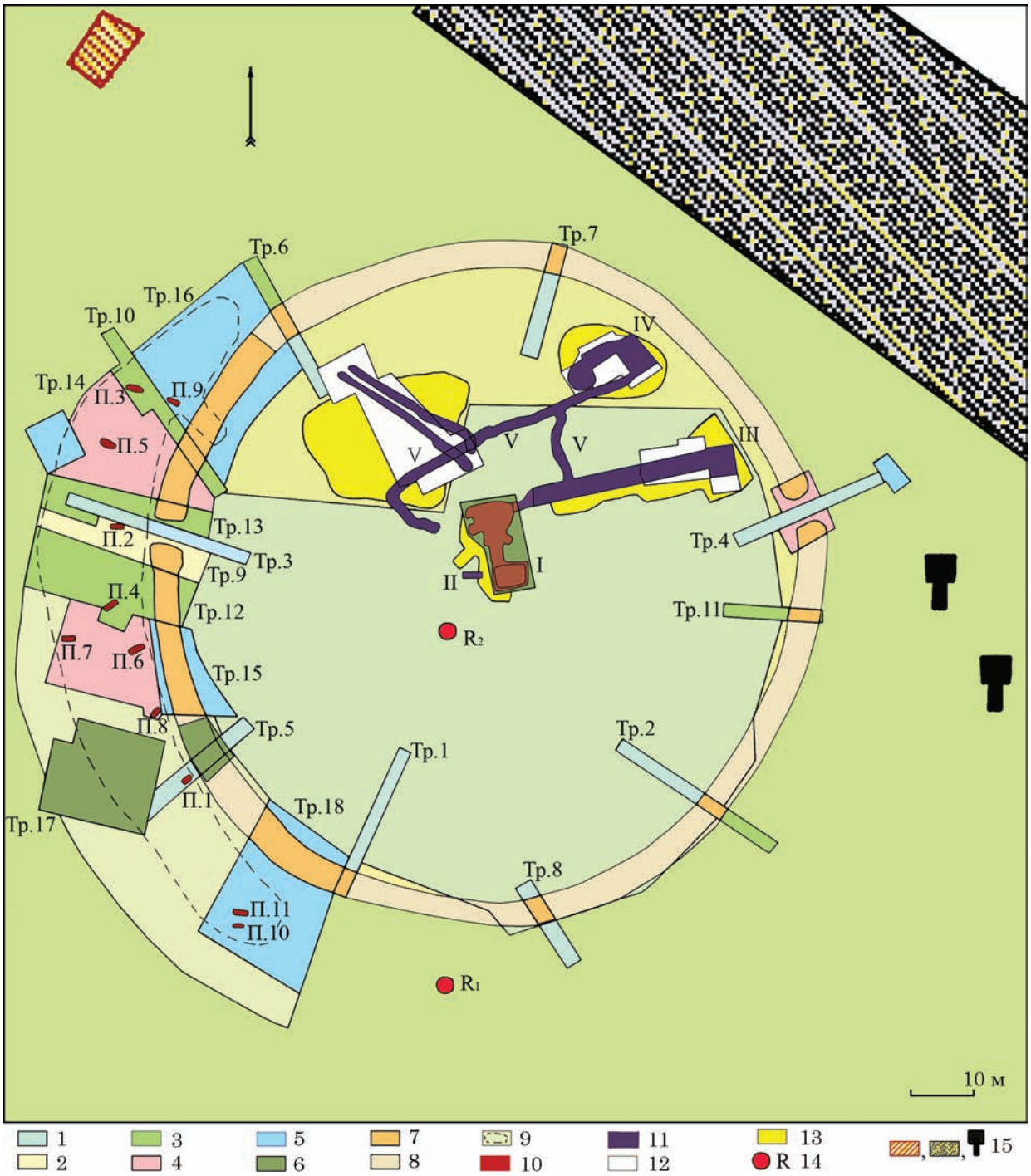


Рис. 3. Общий план раскопок Александропольского кургана: 1 — 2004 г.; 2 — 2005 г.; 3 — 2006 г.; 4 — 2007 г.; 5 — 2008 г.; 6 — 2009 г.; 7 — раскопанные участки рва; 8 — нераскопанная часть рва; 9 — пределы распространения околокурганной тризны; 10 — жертвенные погребения 1—11 в околокурганной тризне; 11 — гробницы и подземные ходы, исследованные А. Е. Люценко в 1855—1856 гг. (I — Центральная гробница; II — захоронение лошади; III — Восточный дромос подзахоронения в Центральную гробницу; IV — боковая Северо-восточная гробница; V — подземные ходы); 12 — контуры раскопов А. Е. Люценко 1855—1856 гг.; 13 — современные контуры раскопов А. Е. Люценко; 14 — наши реперы; 15 — современные строения (скотобойня, бетонированная силосная траншея, водонапорные башни)

целом в составе тризны были обнаружены кости 99 особей, преимущественно домашних животных: быков, коней, овец, коз, собак, свиней, и в незначительной степени диких: зайца и оленя [1]. Также были найдены фрагменты скифских лепных сосудов, бронзовые и железные наконечники стрел, фрагменты чешуйчатого панциря (рис. 10, кат. 33), детали конской узды, личные украшения (бусы, серьга), железные гвозди и скобы, орудия труда и скопление золотых нашивных бляшек, украшавших женскую одежду (рис. 9, кат. 51—54).

1. Определения О. П. Журавлева (ИА НАНУ).

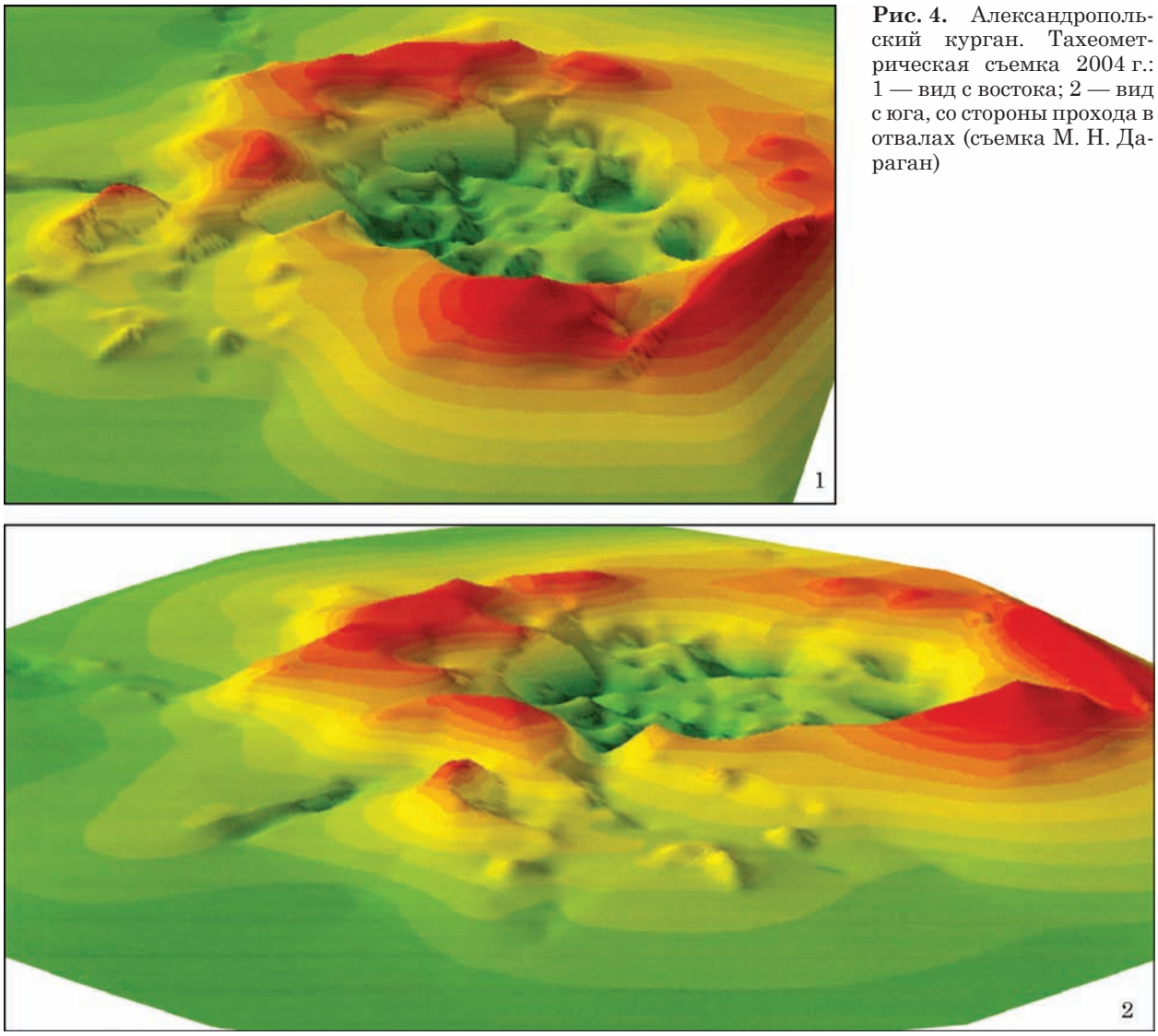


Рис. 4. Александропольский курган. Тахеометрическая съемка 2004 г.: 1 — вид с востока; 2 — вид с юга, со стороны прохода в отвалах (съемка М. Н. Дараган)

Среди остатков тризны также были найдены несколько обломков человеческих костей, что, возможно, может свидетельствовать о существовании ритуального каннибализма у скифов. Кроме того, в пределах площадки тризны были открыты 11 сопровождающих захоронений людей разного пола и возраста (рис. 3): № 1 — мужчина 20—30 лет, № 2 — мужчина 35—45 лет, № 3 — мужчина (20) 25—30 лет, № 4 — мужчина 18—20 (25) лет, № 5 — молодой / взрослый мужчина, № 6 — мужчина 20—25 лет, № 7 — ребенок 10—14 лет, № 8 — зрелый мужчина 45—55 лет, № 9 — мужчина 30—40 лет, № 10 — ребенок 3—5 лет, № 11 — женщина 25—30 (35) лет [1]. Эти захоронения открывают страшную сторону скифского погребального ритуала. Все эти люди, — мужчины и женщины разного возраста, а также подростки и дети, — были убиты в процессе отправления поминок и здесь же были похоронены.

При исследовании околокурганной тризны и рва были собраны образцы камней, из которых была построена грандиозная крепида кургана, — всего 11 разновидностей камней. Их исследование и определение показало, что они происходят из различных месторождений, расположенных на расстоянии от 40 до 80 км по прямой от Александропольского кургана. С учетом необходимости объездов через броды через мелкие степные речки, а также необходимости выбора объездных дорог с наименьшей крутизной подъемов / спусков для удобного переезда степных балок повозками, тяжело нагруженными камнями, эти расстояния как минимум нужно удвоить, что составляет от 80 до 170 км. Для двух образцов предполагается происхождение из Приазовья и Крыма [2]. Для строительства крепиды вовсе не требовалось 11 видов камня. Такое разнообразие было вызвано совсем другими причинами. Необходимо рассматривать камни из крепиды не только

1. Определения А. Д. Козак (ИА НАНУ).

2. Определения И. С. Никитенко (Днепропетровский горный университет).

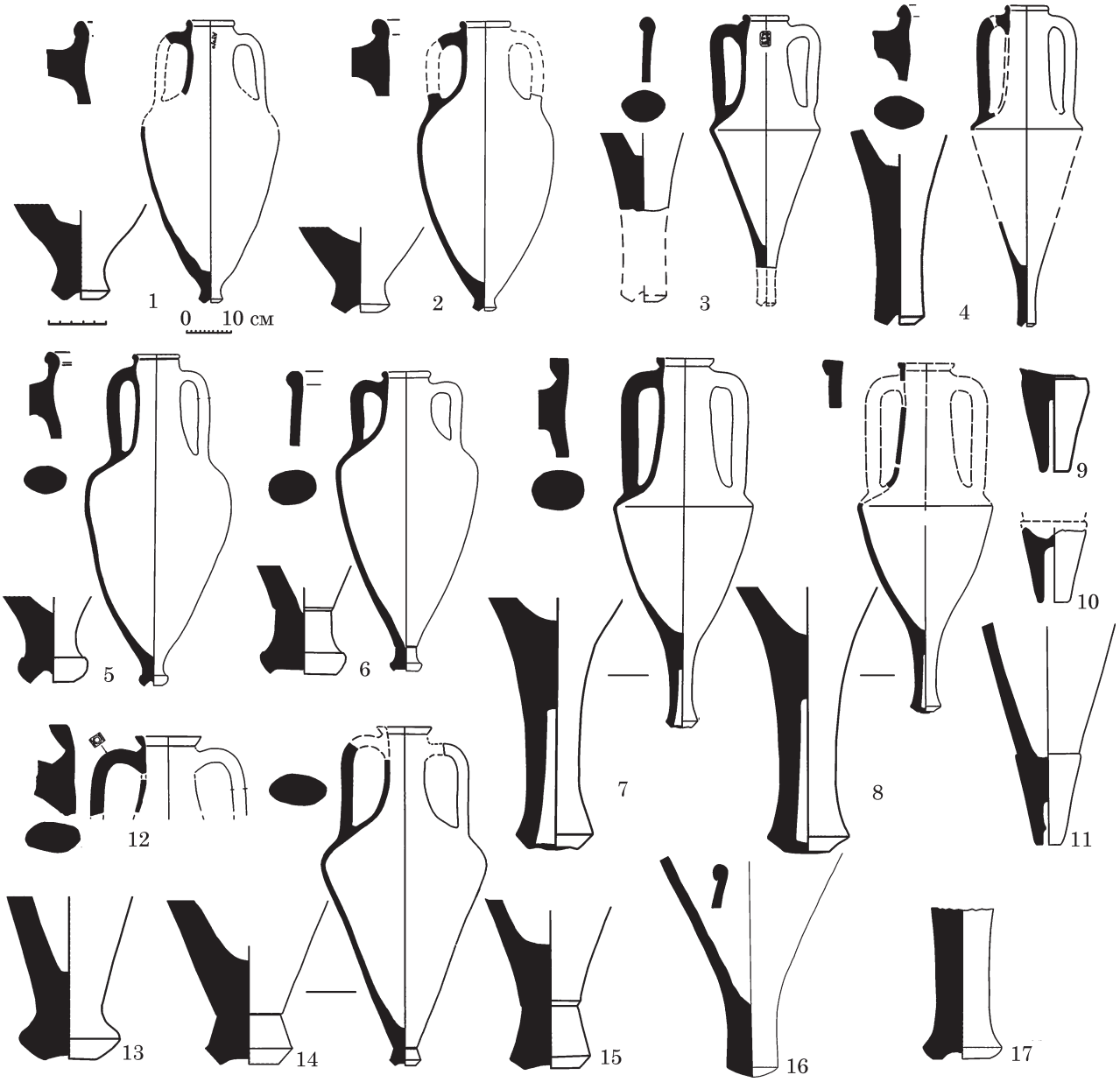


Рис. 5. Амфоры из Александропольского кургана: 1, 2 — Гераклея пифоидного типа; 3, 4 — Гераклея конического типа; 5, 6 — Икос красноглиняный; 7, 8 — Херсонес Таврический; 9—11 — Хиос; 12—15 — Фасос; 16 — Синопа; 17 — Менда

как строительный материал, но и своего рода приношения от подвластного населения с различных территорий.

В 2004 г. также предполагалось повторное исследование всех гробниц кургана и подземных ходов, открытых при раскопках 1855—1856 гг. Но, после получения информации о захоронениях на протяжении второй половины XIX — первой половины XX ст. в большинстве подземелий кургана животных, погибших от различных эпидемических болезней вплоть до сибирской язвы, мы ограничились зачисткой подкурганной поверхности для проверки возможного наличия или отсутствия других гробниц, кроме обнаруженных в 1855—1856 гг., и повторным исследованием только Центральной гробницы кургана. От исследования остальных гробниц и многочисленных подземных ходов Александропольского кургана по вышеуказанным причинам пришлось отказаться. При зачистке подкурганной поверхности также были получены стратиграфические данные об одновременности сооружения Центральной гробницы кургана и Восточного дромоса подзахоронения в нее — на середине расстояния между входными ямами Центральной гробницы и Восточного дромоса подзахоронения была обнаружена часть сохранившегося после раскопок 1855—1856 гг. материкового выкида из Восточного дромоса, лежавшая на уровне древнего горизонта. Абсолютная синхронность всех погребальных сооружений Александропольского кургана устанавливается также и по составу находок, прежде всего амфор и амфор-

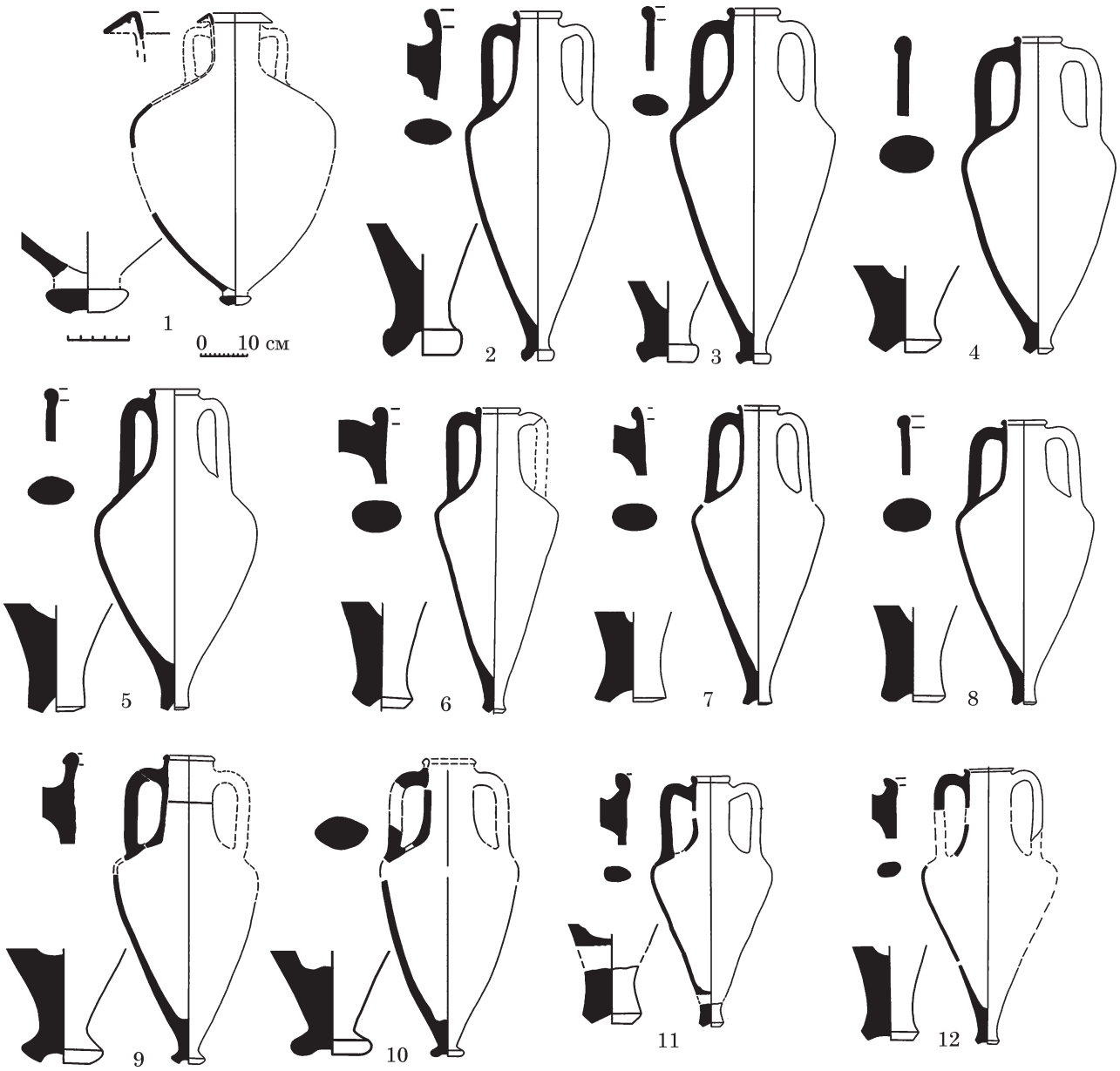


Рис. 6. Амфоры из Александропольского кургана: 1 — типа Солоха I; 2, 3 — Восточное Средиземноморье, неустановленный центр; 4, 5 — круг Гераклеи, «оранжевая серия»; 6—8 — круг Гераклеи, «коричневая серия»; 9—10 — Икос 2, коричневоглиняный; 11, 12 — типа Муригиоль

ных клейм, единых для всех сооружений и объектов кургана — в гробницах и тризне.

В 2009 г. за два месяца непрерывной упорной работы вручную были повторно открыты и расчищены входная яма, дромос и катакомба Центральной гробницы Александропольского кургана (рис. 7—8). Наши находки не были щедрыми. При самой тщательной расчистке с применением металлоискателя в Центральной гробнице было обнаружено около 60 золотых штампованных бляшек, бусин и пронизей разных типов, в том числе несколько новых типов, неизвестных по раскопкам 1855—1856 гг., покрытые золотом панцирные пластинки, (рис. 9, кат. 55—62; 11; Polin, Daragan 2011b; Полин 2016), обломки железных панцирных пластинок (?), фрагмент железного псалия (?), обтянутого золотым листом, серебряная ворварка, серебряная пуговица, мелкие обломки серебряных изделий, фрагмент знаменитой чернолаковой Александропольской пиксиды, бронзовый шарик, железные гвозди, множество мельчайших обломков тонкой листовой бронзы, фрагменты железных скоб, мелкие обломки бронзовых изделий, два обломка бронзовых наконечников стрел, фрагмент скифского лепного сосуда, фрагмент лутерия (?), около 60 фрагментов амфор семи типов — Гераклея, Икос, Икос 2, типа Муригиоль, Хиос, Восточное Средиземноморье, тех же типов, что были обнаружены в околокурганной тризне.

Повторные раскопки Центральной гробницы кургана позволили уточнить ее конструкцию и размеры, несколько иную конфигурацию каме-

Рис. 7. Александропольский курган. Раскопки Центральной гробницы. Поиски границ. Вид с востока

ры, наличие двух новых ниш в боковых стенках камеры (котловой — здесь обнаружен отпечаток ножки гигантского котла, и второй неизвестного назначения), отсутствие боковых обходных дуговидных грабительских ходов. Таких ходов никогда не существовало и они не были открыты и не были исследованы в 1855 г. (рис. 12).

В результате повторных исследований Александропольского кургана в 2004—2009 гг. были получены серьезные научные результаты, позволившие по новому понять этот фундаментальный памятник Причерноморской Скифии. Все имеющиеся данные о конструкции кургана, однотипность золотых бляшек, амфор и амфорных клейм из всех гробниц кургана, его насыпи, рва и околокурганной тризны свидетельствует о полной синхронности всех гробниц и конструктивных элементов Александропольского кургана. Синхронизация всех типов амфор, найденных в гробницах, насыпи, во рву и в околокурганной тризне наиболее вероятна в пределах третьей четверти IV в. до н. э. около 340—330 гг. до н. э. (Полин 2010; Монахов 2016).

В результате новых раскопок Александропольского кургана в 2004—2009 гг. была получена новая информация, позволяющая понять и уточнить некоторые данные по раскопкам 1852—1856 гг. По данным раскопок 1852—1856 гг. и 2004—2009 гг. Александропольский курган выглядит следующим образом.

Наиболее вероятная высота Александропольского кургана составляла 23—24 м при диаметре крепиды около 80 м и диаметре рва 110 м. Такой высоте кургана соответствует объем грунта в отвалах, вывезенных при раскопках насыпи кургана в 1852—1856 гг. — около 130000 м^3 [1]. Александропольский курган представлял собой усеченный конус с широкой плоской вершиной диаметром около 19 м. Наиболее точно форма насыпи Александропольского кургана запечатлена на эскизном рисунке князя А. А. Сибирского 1852 г., сделанном в самом начале раскопок кургана (рис. 13).

Поверхность кургана была полностью покрыта каменным панцирем.

На вершине Александропольского кургана некогда стояла каменная баба неизвестной принадлежности, скифская или половецкая, с которой связаны находки серии средневековых изделий в 1852 и 2009 гг.

Курган окружал земляной вал высотой 0,9—1,1 м. Ширина вала различная — от 6,5 до 18—20 м. Через вал и ров существовали проходы шириной 3,6 м с западной и 4,1 м с восточной сторон. Вал был сооружен после проведения поминальной тризны и своей толщей перекрыл слой околокурганной тризны. Благодаря этому обстоятельству околокурганную тризну можно рассматривать как единый закрытый комплекс.

Между валом и курганом находился кольцевой ров диаметром 110 м, шириной на уровне материка на разных участках 4,0—5,7 м, глубиной 1,7—3,2 м от уровня материка или от уровня древнего горизонта не менее 2,2—3,3 м. Как показывают раскопки скифских курганов в Северном Причерноморье, сооружение кургана начиналось с выкапывания рва. Таким образом выделялась подкурганная площадка, — территорию мертвых ров отделял от мира живых. Только после этого начиналось выкапывание гробниц. Следует отметить весьма незначительное количество находок остатков тризны во рву для кургана такого уровня, как Александропольский. Только на участках рва возле западного прохода с обеих сторон их концентрация была относительно высокой. В

1. Тахеометрические съемка, обмеры и подсчеты М. Н. Дараган.

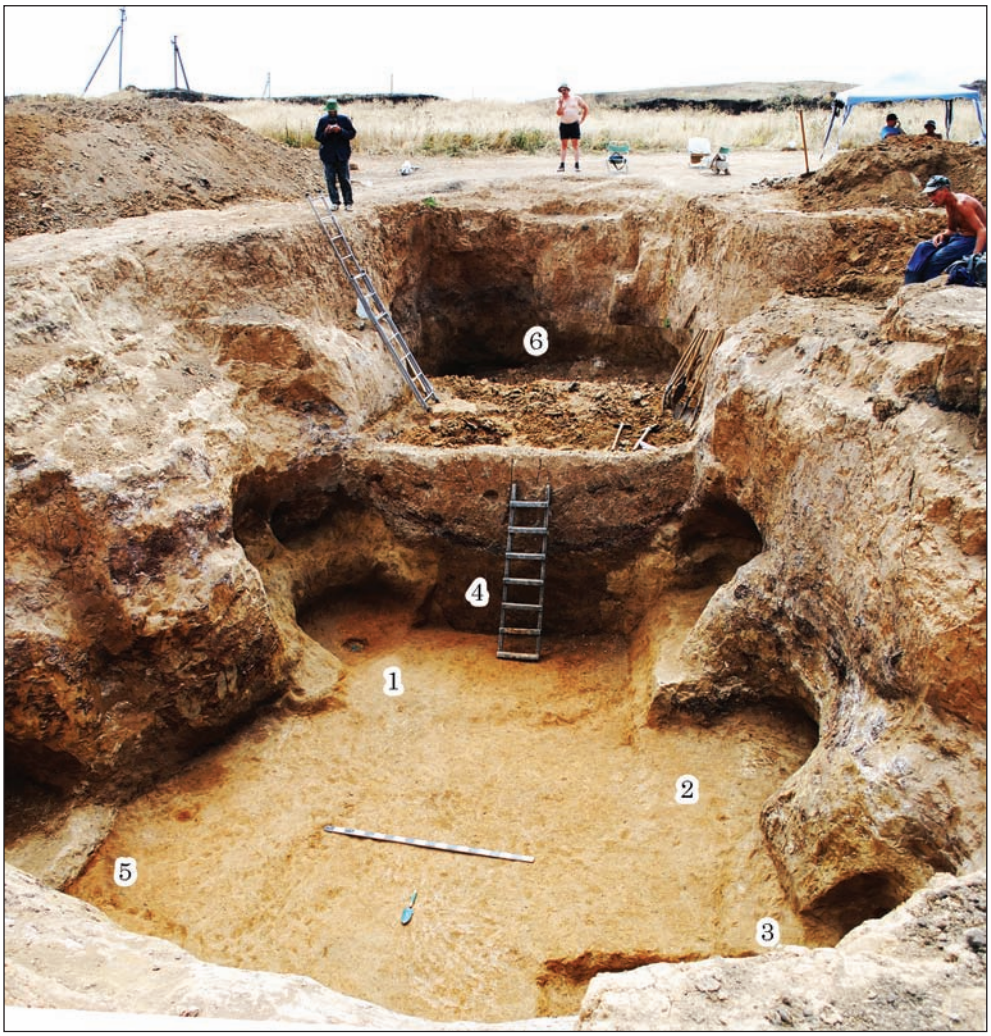


Рис. 8. Александропольский курган. Центральная гробница. Общий вид гробницы с расчищенной катакомбой. Вид с севера

скифских курганах значительно меньших размеров высотой 2—5 м и менее во рвах нередко обнаруживаются настоящие завалы остатков тризны из обломков амфор и костей животных. В Александропольском кургане основная часть тризны находилась за пределами его рва, с западной стороны кургана.

Каменная крепида, окружавшая Александропольский курган по основанию, имела весьма грандиозные размеры и, по-видимому, представляла собой вертикальную кольцевую стену высотой более 4 м и диаметром около 80 м, сложенную из огромных каменных плит, которые по словам А. В. Терещенко то ли 5 человек, то ли 8, то ли 12, или даже 15 человек, не могли сдвинуть с места. Данное свидетельство, безусловно относящееся к разряду эмоциональных, тем не менее, отражает циклопический характер камней, из которых была сложена крепида Александропольского кургана. Для строительства крепиды были использованы 11 пород камня из различных месторождений, расположенных от 40 до 80 км от кургана по прямой или от 80 до 160 км реальных расстояний по дорогам.

После завершения похорон царских особ, возведения насыпи Александропольского кургана, строительства крепиды вокруг нее и каменного панциря, покрывшего всю поверхность кургана, была проведена поминальная тризна с западной стороны кургана. Находки обломков амфор были отмечены и среди камней крепиды при раскопках 1852—1856 гг., кроме того именно среди камней крепиды были найдены крестьянами в 1851 г. многочисленные золотые, серебряные и бронзовые вещи скифского типа. Часть остатков тризны находилась и между рвом и крепидой кургана. Незначительные остатки тризны были обнаружены и во рву кургана при раскопках 2004—2009 гг.

Основные остатки тризны были открыты вдоль западной стороны кургана за пределами рва на площади около 120 × 15 м общей площадью около 1800 м^2. Как уже упоминалось выше, здесь были найдены обломки 457 древнегреческих амфор с 52 клеймами, произведенных в 9 установленных центрах — Гераклея Понтийская, Икос, Херсонес Таврический, Фасос, Хиос, Синопа, Менда, в одном из центров Восточного

Рис. 9. Золотые бляшки из раскопок околокурганной тризны 2006—2008 гг. (кат. 51—54) и Центральной гробницы в 2009 г.

Средиземноморья и других, пока еще нелокализованных, греческих центрах [1], амфоры типа Муригиоль и Солоха I. Найдены также кости животных, которые были съедены во время тризны — 99 особей, преимущественно домашних: быков, коней, овец, коз, собак, свиней, и в незначительной степени диких: зайца и оленя. Также были найдены фрагменты скифских лепных сосудов, бронзовые и железные наконечники стрел, фрагменты чешуйчатого панциря, детали конской узды, личные украшения, железные гвозди и скобы, орудия труда и скопление золотых нашивных бляшек, украшавших женскую одежду. Также были найдены несколько обломков человеческих костей, что может свидетельствовать о существовании ритуального каннибализма у скифов. В пределах площадки тризны были открыты 11 сопровождающих захоронений мужчин, женщины и детей разного возраста, умерщвленных насильственно.

Повторное исследование Центральной гробницы кургана подтвердило ее смещение к северу от геометрического центра кургана, что нехарактерно для скифских курганов, в которых первичные погребения располагаются в

1. Условные названия — Икос 2 коричневоглиняный, круг Гераклеи «оранжевая серия», круг Гераклеи «коричневая серия» (Полин 2010).

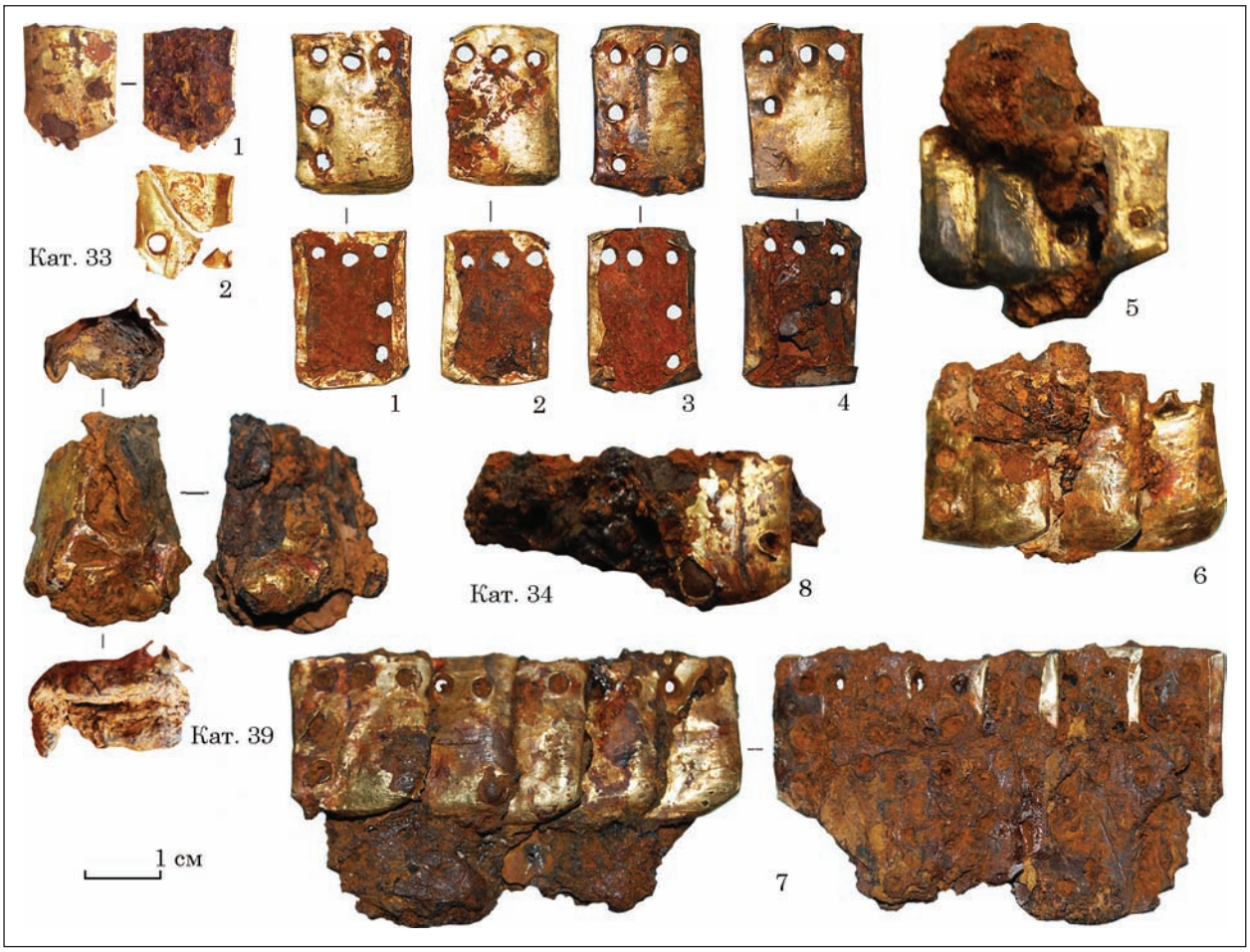


Рис. 10. Обломки чешуйчатого панциря из тризны и Центральной гробницы (кат. 33, 34), а также фрагмент псалия (?), плакированного золотом из Центральной гробницы (кат. 39)

геометрическом центре кургана. Причины этого неизвестны. Повторные раскопки позволили уточнить ее размеры и детали конструкции (рис. 12). Входная яма, дромос и катакомбы имели несколько иные размеры и конфигурацию. Из главных отличий нужно указать более вытянутую форму катакомбы, отсутствие боковых грабительских ходов вдоль продольных стенок катакомбы и наличие еще двух ниш в стенках камеры, сверх одной, открытой в 1855 г. Кроме того, при зачистке подкурганной поверхности были получены стратиграфические свидетельства синхронности сооружения Центральной гробницы и Восточного дромоса подзахоронения в нее.

Определение достоверных достаточно скромных размеров и истинной конфигурации катакомбы Центральной гробницы Александропольского кургана, состав вещей, найденных в ней, позволяют утверждать, что в камере Центральной гробницы было захоронено не более двух человек, а именно — мужчина и женщина [1] (рис. 14). Существуют старые антропологические определения К. Бэра двух черепов, найденных в катакомбе Центральной гробницы в 1855 г. Согласно этим определениям черепа принадлежали мужчине до 40 лет и весьма пожилому мужчине в возрасте за 60—70 лет. Но состав вещей настойчиво указывает на захоронение здесь мужчины и женщины. Согласно новейшим антропологическим определениям черепов из Центральной гробницы В. Г. Моисеева и А. Г. Козинцева [2] черепа, найденные здесь, принадлежат женщине 20—35 лет и мужчине в возрасте более 50 лет. Таким обра-

1. Для реконструкции захоронений в Центральной гробнице Александропольского кургана использованы планы неграбленых мужского воинского захоронения в кургане Соболева Могила (Мозолевский, Полин 2005, рис. 91) и женского захоронения в Толстой Могиле (Мозолевський 1979, рис. 30). Безусловно, эти захоронения более низкого социального уровня, чем в Александропольском кургане, и в Центральной гробнице Александрополя было значительно больше сопровождающих вещей, соответствующих высочайшему царскому уровню, что только подчеркивает невозможность размещения более 2 погребенных в камере Центральной гробницы.
2. Искренне признательны за определения В. Г. Моисееву и А. Г. Козинцеву (Музей антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого, Петербург), откликнувшихся на нашу просьбу.

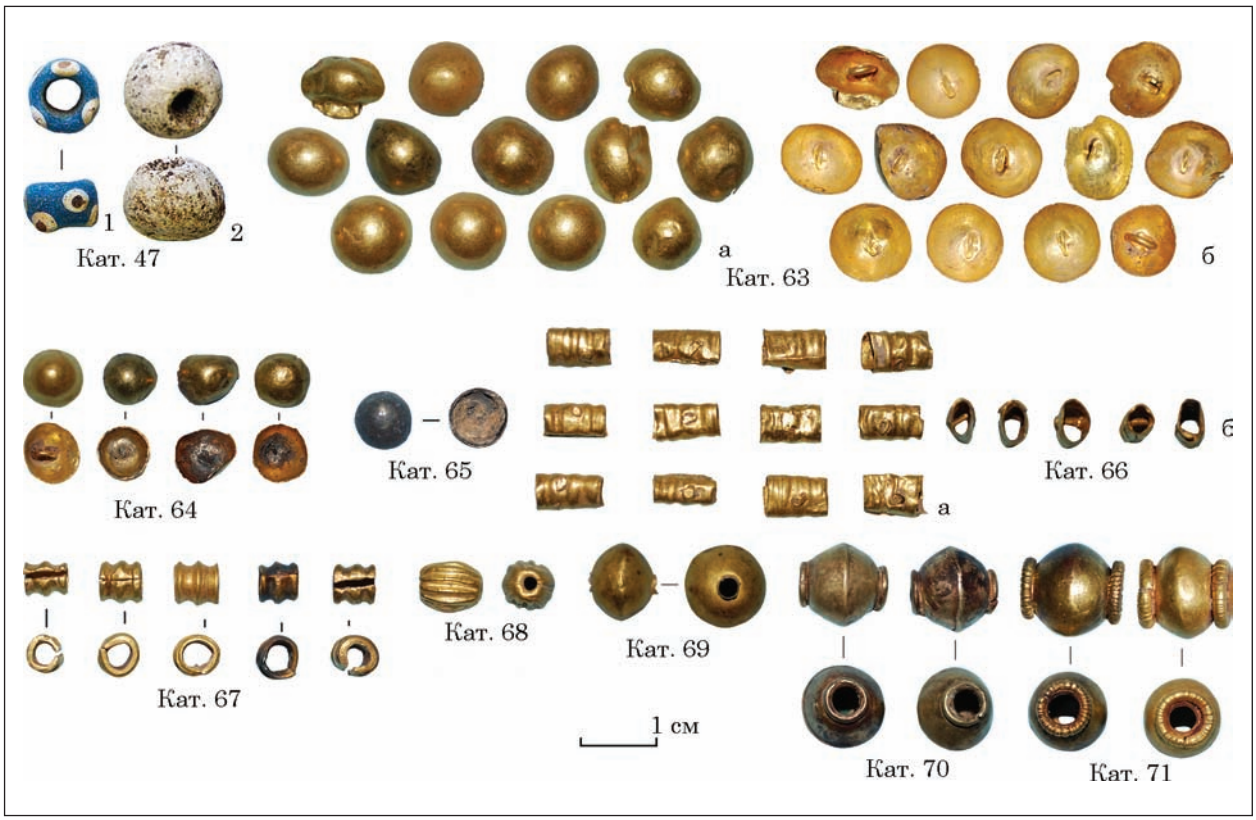


Рис. 11. Золотые бляшки и бусы из раскопок Центральной гробницы в 2009 г. (кат. 63—71) и бусы из погребения 4/2006 г. в околокурганной тризне (кат. 47)

зом, состав сопровождающих вещей полностью соответствует половому составу погребенных. Также на современном уровне было подтверждено определение черепа из боковой Северо-восточной гробницы — мужчина в возрасте около 30 лет.

Накопление информации об ограблении скифских курганов в Северном Причерноморье за прошедшие 150 лет их раскопок позволяют иначе оценить подземные ходы, открытые в Александропольском кургане. Из их числа необходимо исключить «обходные грабительские мины» вдоль продольных стен катакомбы Центральной гробницы (рис. 2: V; VI), которые, как установлено при повторных раскопках в 2009 г., никогда не существовали, никем и никогда не исследовались. За них ошибочно были приняты норы животных в стенках камеры, которые не являются творением человеческих рук и, следовательно, не могут иметь ни малейшего отношения, ни к гробнице, ни к ее ограблению. Другие абсолютно достоверные ходы, которые были полностью исследованы А. Е. Люценко в 1855—1856 гг., ходы XII, XIII (рис. 2) традиционно принято считать грабительскими. Безусловно, эти ходы впоследствии могли и частично использовались грабителями, о чем свидетельствуют находки утерянных мелких вещей, единого характера с найденными в гробницах кургана. Но их изначальное создание было продиктовано ритуальными целями. Об этом свидетельствуют каменный заклад входа в ход XII из входной ямы боковой Северо-восточной гробницы, а также то обстоятельство, что дыра, пробитая в стенке катакомбы боковой Северо-восточной гробницы из хода XII, после посещения катакомбы была тщательно забита глиной. Такие действия не имеют ничего общего с обычной практикой грабежа скифских курганов. Это также справедливо и для загадочных подземных ходов XIV и XV в северо-западном секторе кургана (рис. 2), которые не имеют ни малейшего отношения к грабителям и носят исключительно ритуальный характер.

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что на протяжении существования Александропольского кургана произошло два проникновения в его гробницы. Первое проникновение с ритуальными целями произошло вскоре после завершения строительства кургана и было совершено через подземный ход XII, вырытый из входной ямы боковой Северо-восточной гробницы (рис. 2: IX, l). Из этого хода было пробито отверстие, через которое первые посетители проникли в камеру боковой Северо-восточной гробницы. После этого посещения отверстие было тщательно замазано глиной (рис. 2: XII, o). Если судить по описанию гробницы И. Е. Забелина, видимых последствий это посещение для Северо-восточной гробницы как будто не имело (ДГС I, с. 21—24). Однако, согласно Эрмитажным описям находок из катакомбы боко-

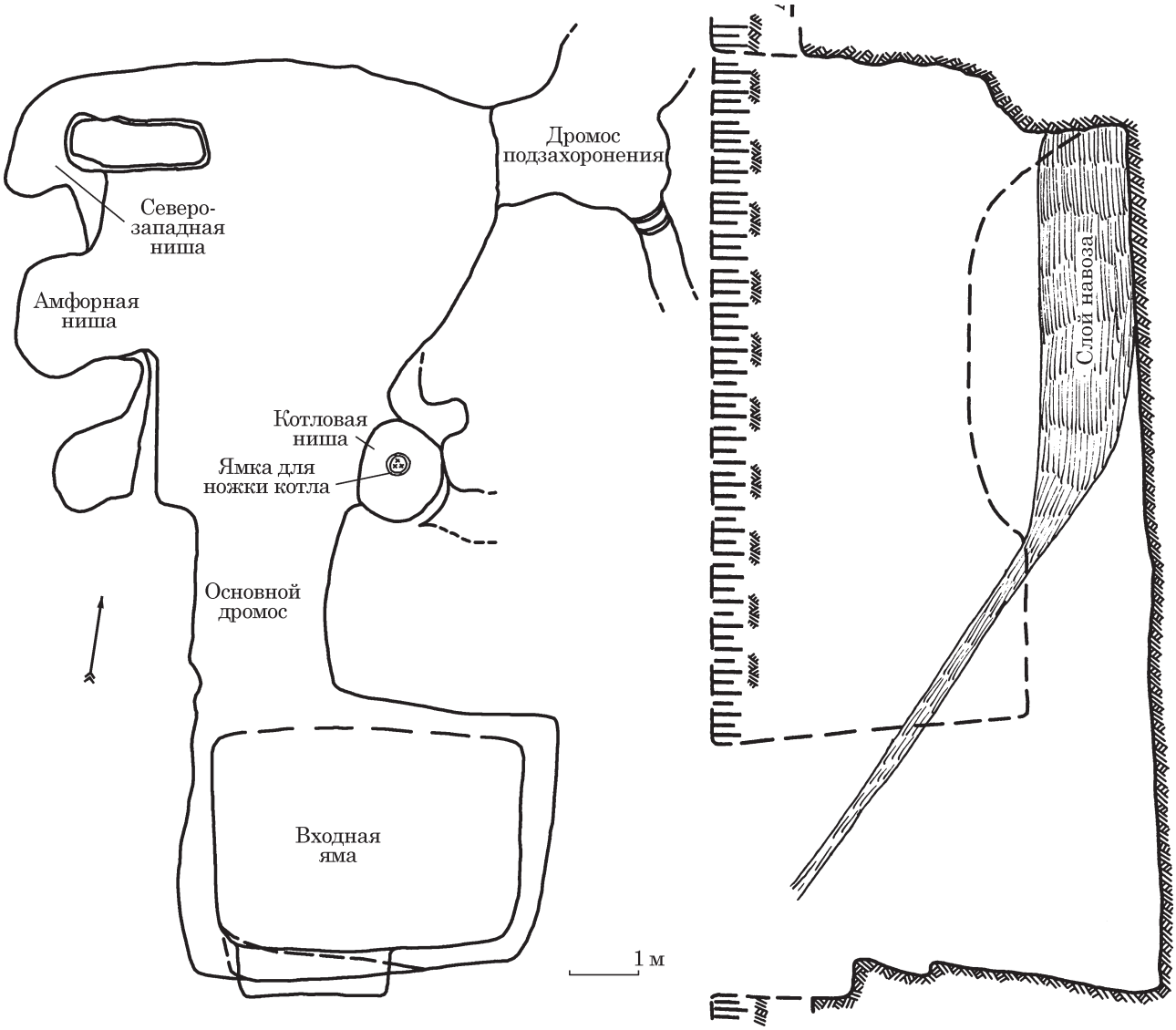


Рис. 12. Александропольский курган. Центральная гробница. Общий план и разрез

вой Северо-восточной гробницы, здесь найдены обломки железного панциря с плакированными золотом пластинками, фрагменты двух боевых поясов из железных и бронзовых пластинок, а также фрагмент железного меча (Полин, Алексеев 2018: с. 271, 519, № 461—466). Эти находки свидетельствует о весьма серьезных нарушениях захоронения. И поэтому весьма скромный характер сохранившегося набора вещей в боковой Северо-восточной гробнице царского уровня дает основания предполагать, что при первом посещении наиболее крупные ценные вещи были аккуратно изъяты отсюда без разрушения скелета.

В процессе первого посещения гробниц кургана через ходы XII и XIII также имело место проникновение в западную часть Восточного дромоса и через неё в катакомбу Центральной гробницы. Однако, судить о последствиях этого первичного посещения мы не можем, поскольку при втором более позднем грабительском посещении захоронения в камере Центральной гробницы были полностью разрушены. Второе посещение с целью ограбления было совершено через вертикальный колодец, вырытый с вершины кургана через входную яму Центральной гробницы. Такой тип ограбления наиболее характерен для XIX—XX вв., но изредка применялся и в древности. Имеющиеся данные по Александропольскому кургану ограничивают вероятный период второго ограбления Центральной гробницы от скифского времени до средневековья, поскольку это ограбление предшествовало установке на вершине кургана антропоморфной стелы, перекрывшей место грабительского колодца. К этому времени свод камеры Центральной гробницы давно обвалился, и грабителям пришлось механически перекапывать огромные завалы материковой глины. По-видимому, им все же удалось извлечь наиболее крупные золотые вещи, но при этом тысячи самых разнообразных мелких предметов остались в грунте заполнения камеры. Поздние грабители также вышли в

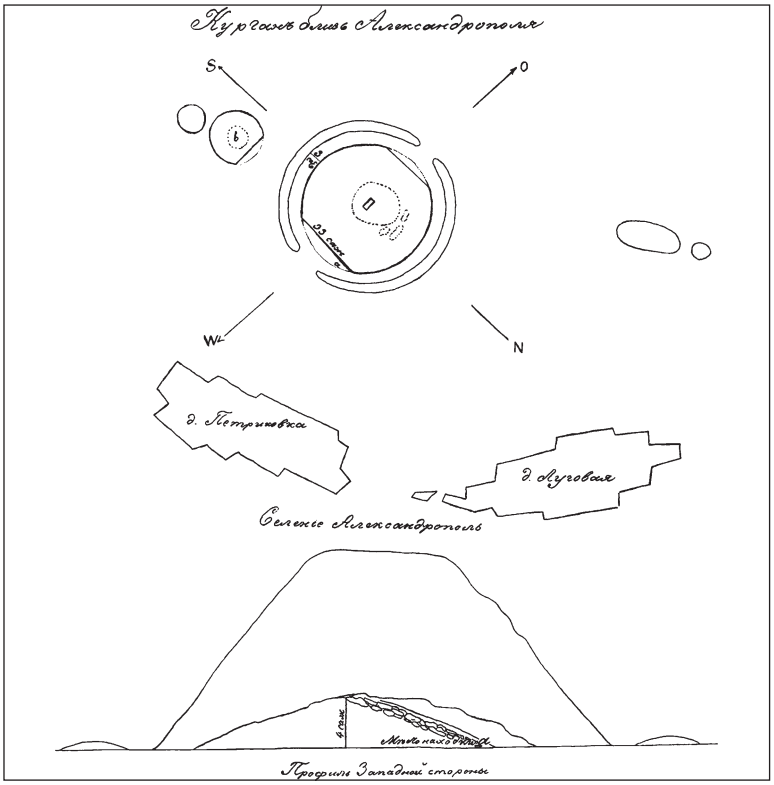


Рис. 13. Александропольский курган и его ближняя курганная свита на схематическом рисунке князя А. А. Сибирского (10 сентября 1852 г.)

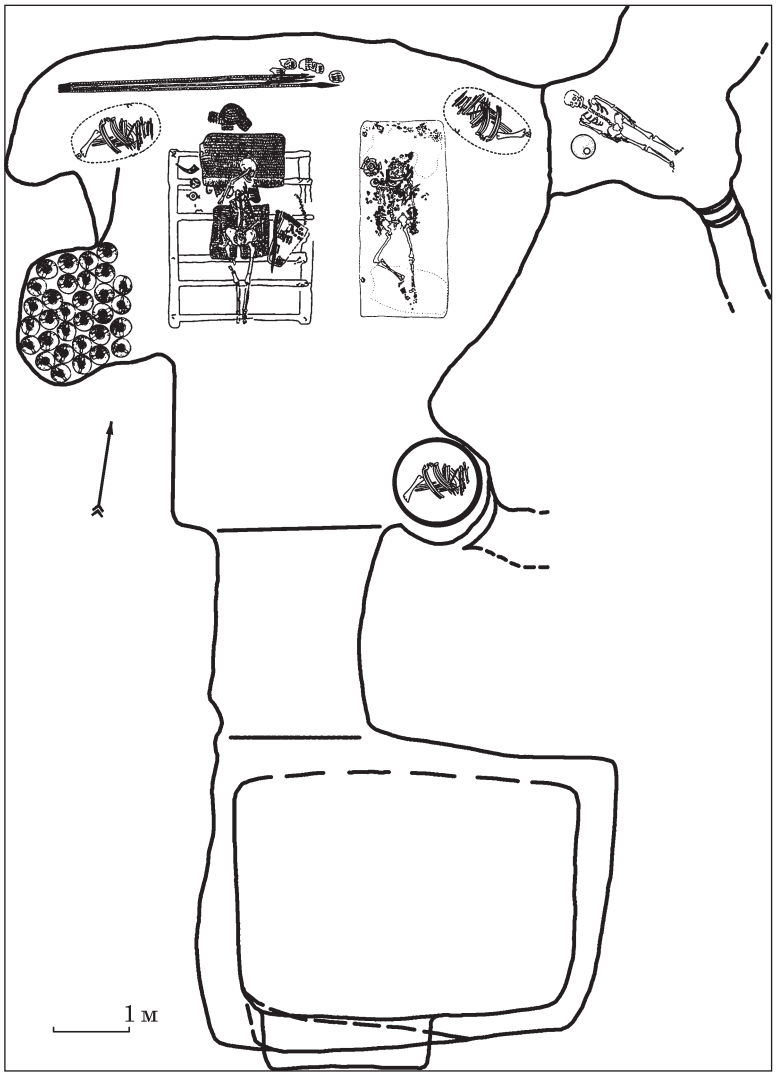


Рис. 14. Александропольский курган, Центральная гробница. Реконструкция захоронений в гробнице по данным раскопок 2009 г.

Восточный дромос и ограбили западную половину захоронений лошадей на участке, прилегающем к камере Центральной гробницы (рис. 3: VII, d—e). Вторая, дальняя половина Восточного дромоса, восточная, примыкающая к входной яме Восточного дромоса, осталась не потревоженной. Ко времени ограбления в этой части произошел обвал потолка и восточная часть дромоса, скрытая мощными обвалами грунта, оказалась недоступной для грабителей. Поздние грабители также вышли в подземные ходы XIII и XII, о чем свидетельствует вынесенный сюда грунт вместе с мелкими находками, аналогичными найденным в Центральной гробнице и Восточном дромосе подзахоронения. Однако, при втором посещении гробниц кургана, грабительском, боковая Северо-восточная гробница осталась незамеченной и таким образом погребение в ней избежало разрушения.

Таким образом, доисследование Александропольского кургана в 2004—2009 гг. позволило установить точную датировку кургана, его структуру, уточнить конструкцию и истинные параметры Центральной гробницы кургана, провести метрические замеры рва и вала, окружавших курган. Но самое главное, это открытие мощной околокурганной тризны Александропольского кургана, меняющее концепцию скифского кургана и его периферии, а также предъявляющее новые требования к методике исследования скифских курганов.

Все наши представления о погребальной обрядности и о многих других сферах жизни скифов напрямую зависят от качества и характера исследования собственно курганов. Это касается как исследования подкурганных захоронений и собственно насыпи кургана,

так и окружающего его пространства — курганной периферии. И в первую очередь это относится к курганам скифской знати, представляющих собой сложные погребально-поминальные комплексы и являющиеся своеобразным отражением мировоззрения оставившего их общества.

За последние 50 лет интенсивных раскопок скифских курганов в Северном Причерноморье была получена огромная информация, дающая представление о структуре кургана, строительных материалах, из которых он построен, и собственно о его конструкции. На этих материалах основываются построения, касающиеся политического устройства, социальной структуры и идеологии скифского социума. Однако, при раскопках курганов долгое время не считались нужными раскопки кольцевых рвов в курганах, не уделялось внимания изучению тризн. Только постепенно утвердилось представление о высокой информативной ценности всех элементов скифского кургана и необходимости тщательнейшего исследования не только насыпи и погребений, но рва и тризны.

Совершенно новое представление о структуре погребального обряда получено после исследования тризны Александропольского кургана.

Исследование околокурганной тризны скифского царского Александропольского кургана впервые в истории раскопок скифских курганов было проведено в полном объеме. Остатки околокурганной тризны были обнаружены вдоль западной стороны кургана за пределами рва на уровне древней околокурганной поверхности в полосе шириной до 15 м на протяжении около 120, до 40 м к северу от западного прохода и около 80 м к югу от него. О существовании околокурганных тризн возле больших скифских курганов, в общем-то, было известно и ранее. Они были зафиксированы возле курганов Бабина, Водяна, Гайманова и Желтокаменская Толстая могилы. Однако, тризны возле всех этих курганов были разрушены распашкой, фиксировались только по рассеянным находкам обломков амфор и костей животных на дневной поверхности и ни в одном случае не были исследованы (Полин 2011, с. 206—222).

Тем самым после открытия в Александропольском кургане приходится сделать печальный вывод о том, что ни один скифский царский курган или высшей знати в Северном Причерноморье не исследован в полном объеме, поскольку нигде исследование кургана не выходило за пределы рва, а иногда и рвы оставались неисследованными.

Таким образом, периферия скифских курганов в Северном Причерноморье остается для нас практически неизвестной. С большим сожалением приходится констатировать, что и сейчас при раскопках скифских курганов, как правило, изучается только пространство в пределах рва кургана. Примыкающая к кургану территория, содержащая культурные остатки, связанные как со строительством кургана, так и с поминальными ритуальными действиями, не исследуется и тем самым утрачивается для науки. Все эти свидетельства не всегда видны на поверхности, но исключить их присутствие заведомо нельзя, особенно в случае больших курганов. Это приводит к необходимости пересмотра методических подходов к исследованию скифских курганов, к обязательному включению в программу раскопок кургана исследование его курганной периферии.

Благодаря результатам крупномасштабных раскопок и обследований курганов скифского времени, проведенных по совместным проектам экспедициями Евроазиатского отдела Германского археологического Института, Северо-Казахстанского университета, Хакасского Государственного Университета, Государственного Эрмитажа и Института археологии Казахстана на территории Казахстана, Сибири и Тувы на протяжении последних двадцати лет интерпретация кургана как разрушенного архитектурного сооружения, предложенная в свое время М. П. Грязновым (Грязнов 1961, с. 22—25), получает дальнейшее развитие и значительно более насыщенное содержание. А. Наглер на основе этих данных, а также с учетом информации по курганам Северного Причерноморья, Северного Кавказа и Южного Приуралья, предложил следующую характеристику кургана, как археологического памятника: «*Курган является поминально-погребальным комплексом, состоящим из связанных в единое целое трех частей: 1 — захоронений, кладов, жертвенных комплексов; 2 — построенных над ними сооружений, порой сложных и монументальных, являющихся памятниками своеобразной архитектуры. Намечаются три строительных традиции их возведения — каменные платформы, сооружения из кусков дерна, глинобитные сооружения. Все они существовали уже в раннесакское время и, возможно, складывались и получили свое развитие в разных регионах Азии; 3 — территория, прилегающая к сооружению, или курганная периферия. Она содержит культурные остатки, связанные как со строительством комплекса, так и с проводившимися здесь ритуальными действами, артефакты и даже могилы. При исследовании подобных памятников необходимо изучать их полностью и начинать именно с этой территории, с проведения там геофизической разведки. В противном случае огромное количество информации, содержащейся в объекте, будет безвозвратно утеряно*» (Nagler 2013, S. 609—620; Наглер 2015, с. 79—85).

ЛИТЕРАТУРА

Грязнов, М. П. 1961. Курган, как архитектурный памятник. *Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г.* Москва: Наука, с. 22-25.

ДГС I. 18966. *Древности Геродотовой Скифии. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях.* Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, I.

Де Груммонд, Н., Полин, С. В., Черных, Л. А., Глеба, М., Дараган, М. Н. 2005. Первый год доисследования Александропольского кургана. В: Зуев, В. Ю. (ред.). *Боспорский феномен: проблемы соотношения письменных и археологических источников.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 272-282.

Лазаревский, Я. 1894. Александропольский курган. Могила скифского царя. *Записки РАО*, 7, 1—2, с. 24-46.

Мозолевський, Б. М., 1979. *Товста Могила.* Київ: Наукова думка.

Мозолевский, Б. Н., Полин, С. В. 2005. *Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы).* Киев: Стилос.

Монахов, С. Ю., 2016. Еще раз о гераклейских амфорах с клеймами «многострадального» фабриканта Этима. *Stratum plus*, 6, с. 357-370.

Наглер, А. 2015. Курганы Большой степи как архитектурное сооружение. *Археология, этнография и антропология Евразии*, 4 (64), с. 70-85.

Полин, С. В. 2010a. Исследования скифского царского Александропольского кургана в 2009 г. *Археологічні дослідження в Україні 2009 р.*, с. 332-334.

Полин, С. В. 2010b. Амфоры Александропольского кургана (по материалам раскопок 2004—2009 гг.). *Античный мир и археология*, 14, с. 262-307.

Полин, С. В. 2011. К истории развития методики раскопок больших скифских курганов. Методика полевых археологических исследований, 4: Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований, с. 206-222.

Полин, С. В. 2016. Александропольский дракон. В: Маріна, З. П. (ред.). *Археологія та етнологія півдня Східної Європи.* Дніпро: Ліра, с. 278-286.

Полин, С. В., Алексеев, А. Ю. 2018. *Скифский царский Алекандропольский курган IV в. до н. э. в Нижнем Поднепровье.* Киев, Берлин. В печати.

Полин, С. В., Дараган, М. Н. 2007. Продолжение исследований Александропольского кургана в 2005 г. *Археологічні дослідження в Україні 2005—2007 рр.*, с. 45-59.

Полин, С., Дараган, М. 2008. Проблемы датировки скифского царского кургана Александрополь. *Revista Arheologica, serie noua*, IV, 2, с. 146-163.

Полин, С. В., Дараган, М. Н. 2010. Работы на Александропольском кургане в 2008 г. *Συμβολα*, 1: Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия, с. 191-209.

Полин, С. В., Де Граммонд, Н., Глеба, М., Черных, Л. А., Дараган, М. Н. 2005. Украинско-американский скифский курганный проект. Первый год работы. *Археологічні дослідження в Україні 2003—2004 р.*, с. 252-256.

Nagler, A. 2013. Grabanlagen der frühen Nomaden in der eurasischen Steppe im 1. Jt. v. Chr. *Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Eurasiens. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbaumuseums Bochum*, 2, S. 609-620.

Polin, S., Daragan, M. 2011. Das Prunkgrab Alexandropol-kurgan. Verbericht uber die Untersuchungen in den Jahren 2004—2009. *Eurasia Antiqua*, 17, S. 189-214.

Polin, S., Daragan, M. 2011b. New type of gold application with the image of a dragon from a Scythian royal Aleksandropol'sky kurgan. In: Sava, E., Govedarica, B., Hansel, B. (Hrsg.). *Der Schwarzmeerraum vom aneolithikum bis in die fruheisenzeit (500—500 V. chr.).* Rahden: Marie Leidorf, 2: Globale entwicklung versus Lokalgeschehen, p. 273-278.

REFERENCES

Grjaznov, M. P. 1961. Kurgan, kak arhitekturnyj pamjatnik. *Tezisy dokladov na zasedanijah, posvjaschennyh itogam polevyh issledovanij v 1960 g.* Moskva: Nauka, s. 22-25.

DGS I. 1866. *Drevnosti Gerodotovoj Skifii. Sbornik opisanij arheologicheskih raskopok i nahodok v Chernomorskih stepjah.* Sankt-Peterburg: Imperatorskaja Akademija nauk, I.

De Grummond, N., Polin, S. V., Chernyh, L. A., Gleba, M., Daragan, M. N. 2005. Pervyj god doissledovanija Aleksandropol'skogo kurgana. In: Zuev, V. Yu. (ed.). *Bosporskij fenomen: problemy sootnoshenija pis'mennyh i arheologicheskih istochnikov.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, s. 272-282.

Lazarevskij, Ja. 1894. Aleksandropol'skij kurgan. Mogila skifskogo carja. *Zapiski RAO*, 7, 1—2, s. 24-46.

Mozolevs'kij, B. M., 1979. *Tovsta Mogila.* Kyiv: Naukova dumka.

Mozolevskij, B. N., Polin, S. V., 2005. *Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n. e. (Babina, Vodjana i Soboleva mogily).* Kiev: Stilos.

Monahov, S. Ju., 2016. Esche raz o geraklejskih amforah s klejmami «mnogostradal'nogo» fabrikanta Etima. *Stratum plus*, 6, s. 357-370.

Nagler, A. 2015. Kurgany Bol'shoj stepi kak arhitekturnoe sooruzhenie. *Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii*, 4 (64), s. 70-85.

Polin, S. V. 2010a. Issledovanija skifskogo carskogo Aleksandropol'skogo kurgana v 2009 g. *Arheologichni doslidzhennja v Ukrajini 2009 r.*, s. 332-334.

Polin, S. V. 2010b. Amfory Aleksandropol'skogo kurgana (po materialam raskopok 2004—2009 gg.). *Antichnyi mir i arkheologiia*, 14, s. 262-307.

Polin, S. V. 2011. K istorii razvitija metodiki raskopok bol'shih skifskih kurganov. *Metodika polevyh arheologicheskih issledovanij*, 4: Grecheskie i varvarskie pamjatniki Severnogo Prichernomor'ja. Opyt metodiki rossijskih i ukrainskih polevyh issledovanij. Moskva: IA RAN, s. 206-222.

Polin, S.V. 2016. Aleksandropol'skij drakon. In: Marina, Z. P. (ed.). *Arheologija ta etnologija pivdnja Shidnoi Evropi.* Dnipro: Lira, s. 278-286.

Polin, S. V., Alekseev, A. Ju. 2018. *Skifskij carskij Alekandropol'skij kurgan IV v. do n. e. v Nizhnem Podneprov'e.* Kiev, Berlin. V pechati.

Polin, S. V., Daragan, M. N. 2007. Prodolzhenie issledovanij Aleksandropol'skogo kurgana v 2005 g. *Akheologichni doslidzhennya v Ukrajini 2005—2007 rr.*, s. 45-59.

Polin, S., Daragan, M. 2008. Problemy datirovki skifskogo carskogo kurgana Aleksandropol'. *Revista Arheologica, serie noua*, IV, 2, s. 146-163.

Polin, S.V., Daragan, M.N. 2010. Raboty na Aleksandropol'skom kurgane v 2008 g. *Συμβολα*, 1: Antichnyj mir Severnogo Prichernomor'ja. Novejshie nahodki i otkrytija, s. 191-209.

Polin, S. V., De Grammond, N., Gleba, M., Chernyh, L. A., Daragan, M. N. 2005. Ukrainsko-amerikanskij skifskij kurgannyj proekt. Pervyj god raboty. *Arheologichni doslidzhennja v Ukrajini 2003—2004 r.*, s. 252-256.

Nagler, A. 2013. Grabanlagen der frühen Nomaden in der eurasischen Steppe im 1. Jt. v. Chr. *Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Eurasiens. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbaumuseums Bochum*, 2, S. 609-620.

Polin, S., Daragan, M. 2011. Das Prunkgrab Alexandropol-kurgan. Verbericht uber die Untersuchungen in den Jahren 2004—2009. *Eurasia Antiqua*,17, S. 189-214.

Polin, S., Daragan, M. 2011b. New type of gold application with the image of a dragon from a Scythian royal Aleksandropol'sky kurgan. In: Sava, E., Govedarica, B., Hansel, B. (Hrsg.). Der Schwarzmeerraum vom aneolithikum bis in die fruheisenzeit (500—500 V. chr.). Rahden: Marie Leidorf, 2: Globale entwicklung versus Lokalgeschehen, p. 273-278.

S. V. Polin, M. N. Daragan

REPEATED RESEARCH OF THE SCYTHIAN ROYAL ALEKSANDROPOLSKY KURGAN IN 2004—2009

After excavation of the Aleksandropolsky kurgan in 1852—1856 there was variety of questions on the kurgan design, lo-age structure buried in it, on possible presence in the kurgan of unknown tombs and funeral feasts. The special attention was deserved by a question on kurgan dating at modern level. According to excavation 1852—1856 and 2004—2009 the Aleksandropolsky kurgan looks as follows.

Proceeding from volume of the remained sailings from excavation of the kurgan about 130000 m^3, most probable height of Aleksandropolsky kurgan made 23—24 m, at diameter of the revetment about 80 m and diameter of a ditch of 110 m. The kurgan surface has been covered by a stone armour. At top of Aleksandropolsky kurgan there was Scythian or Polovcian a stone statue with which finds of a series of medieval products in 1852 and 2009 are connected. The kurgan surrounded an eartwork in height of 0.9—1.1 m, wich has passes from the western and east parties in width of 3.6—4.1 m. The eartwork had width from 6,5 m to 18—20 m. The eartwork has been built after carrying out of funeral feasts and blocked the layer of funeral feasts. Between eartwork and kurgan there was a ring ditch in diameter of 110 m, in the width 4.0—5.7 m and depth of 2.2—3.3 m. Stone revetment of Aleksandropolsky kurgan represented a vertical wall in height more than 4 m and diameter about 80 m, combined of huge stone plates. For building of the revetment 11 breeds of a stone have been used from the various deposits located 40—80 km from the kurgan on a straight line or from 80 to 160 km of real distances on roads. After end of funeral of royal persons, building of the embankment of Aleksandropolsky kurgan, building of the revetment around of it and the stone armour which has covered all surface of the kurgan, funeral feast near West side of the kurgan has been spent. On the area nearby 120 × 15 m (nearby 1800 $м^2$) are found fragments of 457 Ancient Greek amphoras with 52 stamps, made in Gerakleja, Ikos, Chersonese, Fasos, Chios, Sinop, Menda and seven others for the present non-local Greek centers dated of 340—330 BC. Also bones of 99 animals eaten during funeral feast (bulls, horses, sheep, goats, dogs, pigs, a hare and a deer), fragments of Scythian modelled vessels, subjects of arms, a horse bridle, personal ornaments etc. are found. Some fragments of human bones that can testify to existence ritual cannibalism at Scythians. Among the funeral feast rests 11 burials of men, the woman and children of different age, which have been killed during funeral feast have been opened. Repeated excavation of Central tomb of the kurgan has allowed to specify its sizes and details of a design which had a bit different sizes and a configuration. Absence of lateral extortionate courses along longitudinal walls of the catacomb of Central tomb is reliably established. Also two more niches within the precincts of chamber, except one, opened in 1855 have been found. Modest enough sizes of the catacomb of Central tomb of Aleksandropolsky kurgan, structure of the things found here, defines possibility of funeral in the catacomb of the Central tomb of the man and the woman only. According to the newest anthropological definitions of skulls from the Central tomb belong to the woman of 20—35 years and the man at the age of more than 50 years. Proofs of full synchronism of all tombs and other objects of Aleksandropolsky kurgan (embankment, the revetment, ditch, nearkurgan funeral feast, subways) are received. Mysterious subways of Aleksandropolsky kurgan had ritual appointment. The kurgan has been plundered through a vertical well from kurgan top in an entrance hole of the Central tomb. At this robbery robbers used also subways.

Keywords: Scythian royal kurgan, amphoras, amphoras stamps, Skythia, Northern Black Sea Coast.

Одержано 15.12.2017

ДАРАГАН Марина Миколаївна, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *darmar@ukr.net*.

DAARAGAN Marina, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *darmar@ukr.net*.

ПОЛІН Сергій Васильович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *polin-arheo@ukr.net*.

POLIN Sergij, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *polin-arheo@ukr.net*.

УДК: 904.5(477.65)”6383”

С. А. Скорый, А. П. Орлик, Р. В. Зимовец

ИССЛЕДОВАНИЕ СКИФСКОГО КУРГАНА НА ЮГЕ КИРОВОГРАДЩИНЫ

Статья посвящена публикации материалов двух погребений скифского кургана IV в. до н. э., входившего в состав небольшой группы вблизи с. Богдановка Бобринецкого р-на Кировоградской обл. Особенность данного памятника — наличие надмогильной конструкции в виде сплошного панциря из рванных гранитных камней. Оба погребения — женские, при этом основное, в довольно глубокой катакомбе, сопровождалось оружием.

***Ключевые слова**: Скифы, курган, женские захоронения, юг Кировоградщины.*

В июне 2017 г. Кировоградская археологическая экспедиция Института археологии НАН Украины осуществила исследование небольшого кургана (№ 16), входившего в состав группы насыпей различного размера: от 0,25—0,30, до 8 м (рис. 1). Группа располагается на возвышенности, над долиной речки Сугоклея — правого притока Ингула, вблизи с. Богдановка (бывшее Фрунзе) Бобринецкого р-на Кировоградской обл.

Необходимость раскопок диктовалась различными факторами: 1) активным разрушением памятника в ходе сельскохозяйственных работ; 2) современным ограблением некоторых курганов данной группы: например, в одном из них было разрушено впускное киммерийское захоронение (Скорый, Орлик, 2017); 3) малой изученностью этой, по сути, степной части Кировоградской обл.

Курган оказался скифским. Он вообще не содержал грунтовой насыпи, как таковой: надмогильная конструкция на уровне древнего горизонта (ДГ) представляла собой панцирь, сооружённый из нескольких слоёв рванного гранитного камня различных размеров. Панцирь имел форму овала (слегка вытянут по оси С—Ю) с размерами 10,5 (С—Ю) × 8,5 (В—З) м, при максимальной высоте 025—0,30 м от уровня ДГ. Он основательно поврежден распашкой. Наиболее хорошо каменная наброска сохранилась в южной части (рис. 2). По всей площади, между камней, фиксировались крайне невыразительные, мелкие обломки античных амфор, видимо, связанные с тризной.

В кургане выявлено 2 погребения: основное, выполненное в довольно глубокой катакомбе, и впускное — в обычной яме. Обе могилы ограблены в древности.

Катакомба — продольного типа с довольно узкой входной ямой, очень коротким дромосом

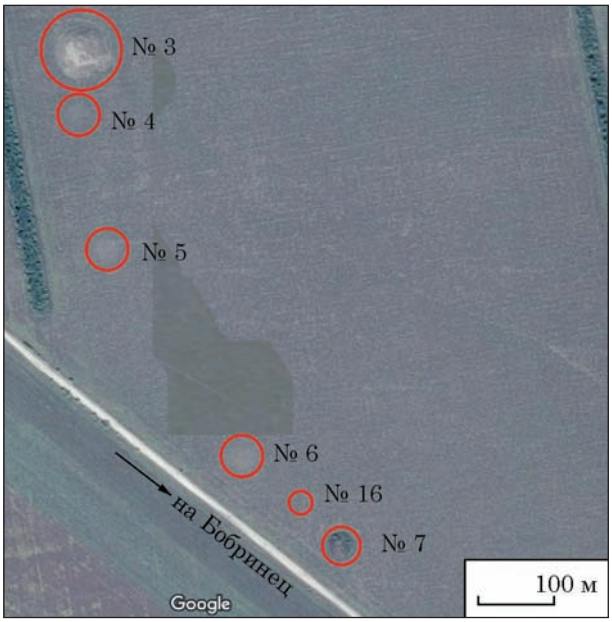


Рис. 1. Курганная группа у с. Богдановка

© С. А. СКОРЫЙ, А. П. ОРЛИК, Р. В. ЗИМОВЕЦ, 2018

Рис. 2. Каменный панцирь скифского кургана. Вид с юга

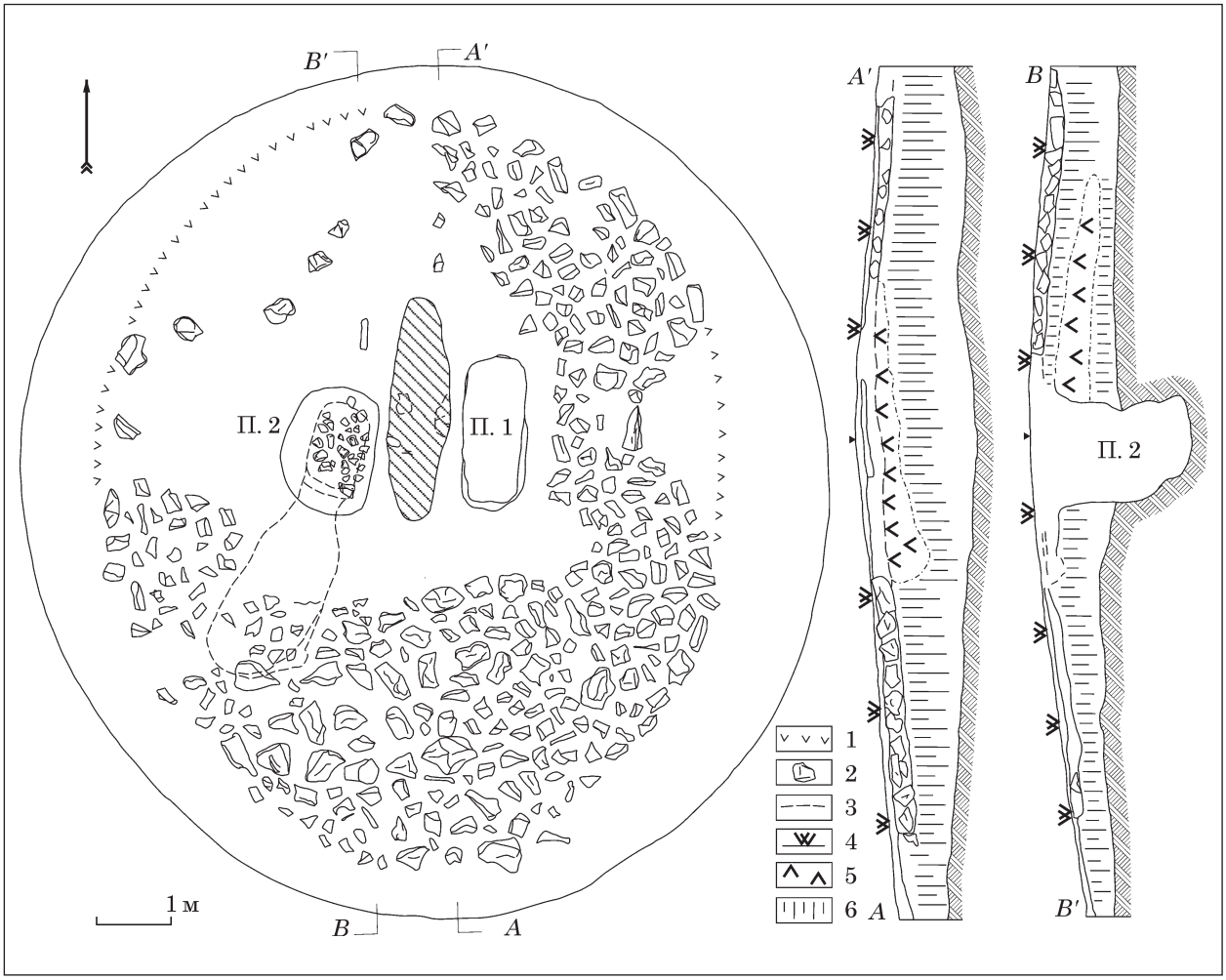


Рис. 3. Общий план и профили кургана 16: 1 — реконструируемые участки панциря; 2 — камни; 3 — невидимая часть катакомбы; 4 — пахотный слой; 5 — слой с белой органикой; 6 — древний чернозем

и невысокой ступенькой. Ориентирована она по оси СВ—ЮЗ (рис. 3). Свод погребальной камеры сохранился полностью. Общая длина могилы (с входной ямой) — 4,0 м. Максимальная высота свода погребальной камеры — 1,20 м. Ее пол — на глубине 3,40 м от уровня ДГ.

Кости весьма плохой сохранности, принадлежащие молодой, хрупкой женщине (возраст 22—25 лет) [1] располагались в крайнем беспорядке, чередуясь с довольно значительным количеством костей животных (домашний бык, дикий кабан) [2] от жертвенной пищи. Некая их концентрация (особенно рёбер) имела место у входа в погребальную камеру.

Среди костей погребённой, в переотложенном состоянии, найдены немногочисленные сохранившиеся предметы погребального инвентаря: 2 бронзовых трёхгранных наконечника стрел со скрытой втулкой (рис. 4: 1—2); 2 серебряные кольцевидные серьги различных размеров (рис. 4: 3, 5); маленькая бусина синего цвета (рис. 4: 4) и железный нож с «горбатой спинкой», со следами деревянной ручки, крепившейся с помощью заклёпок (рис. 4: 6). В полу погребальной камеры, недалеко от входа, обнаружен тайник округлой формы, глубиной до 30 см, оказавшейся пустым.

Сохранившийся инвентарь и тип погребального сооружения позволяет датировать основную могилу IV в. до н. э., скорее всего (судя по наконечникам), его второй половиной.

1. Определение Л. В. Литвиновой, см. приложение 1.
2. Определение Е. Ю. Яниш, см. приложение 2.

Рис. 4. Входная яма основной могилы — катакомбы (погребение 2)

Захоронение женщины в основной могиле кургана, значительная глубина катакомбы, наличие в полу тайника — всё это позволяет допускать, что погребённая особа, скорее всего,

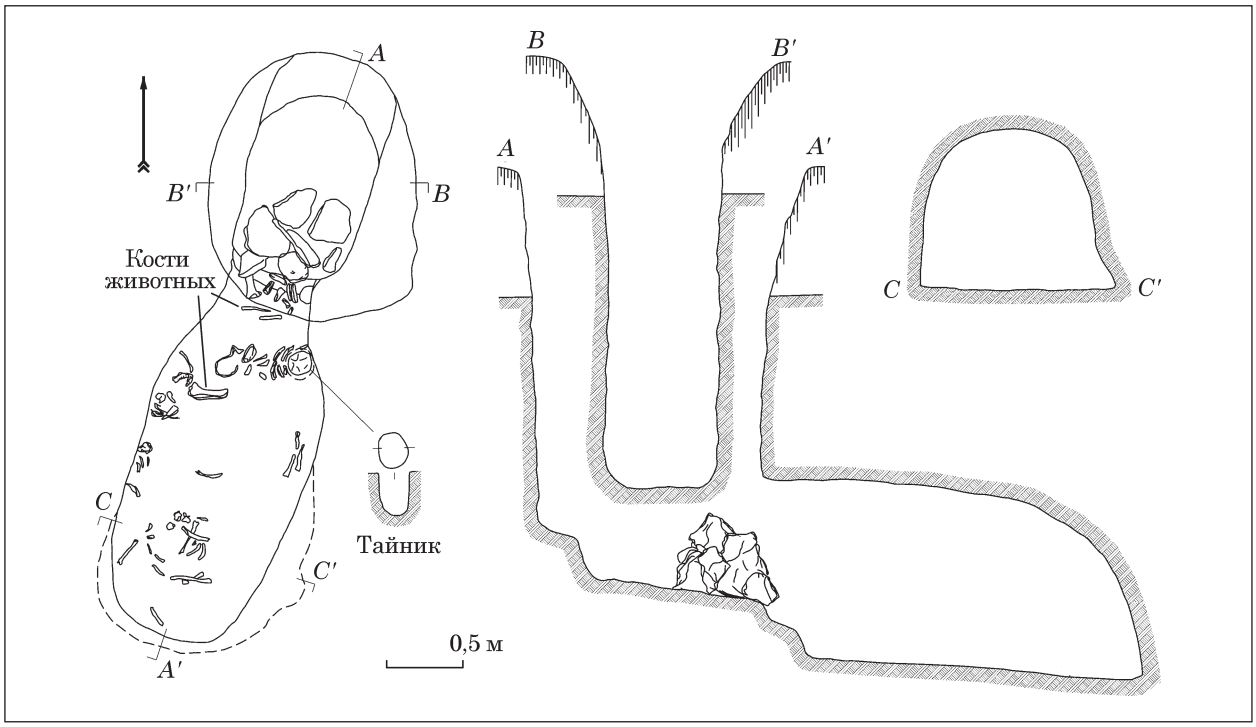


Рис. 5. План и разрезы катакомбы

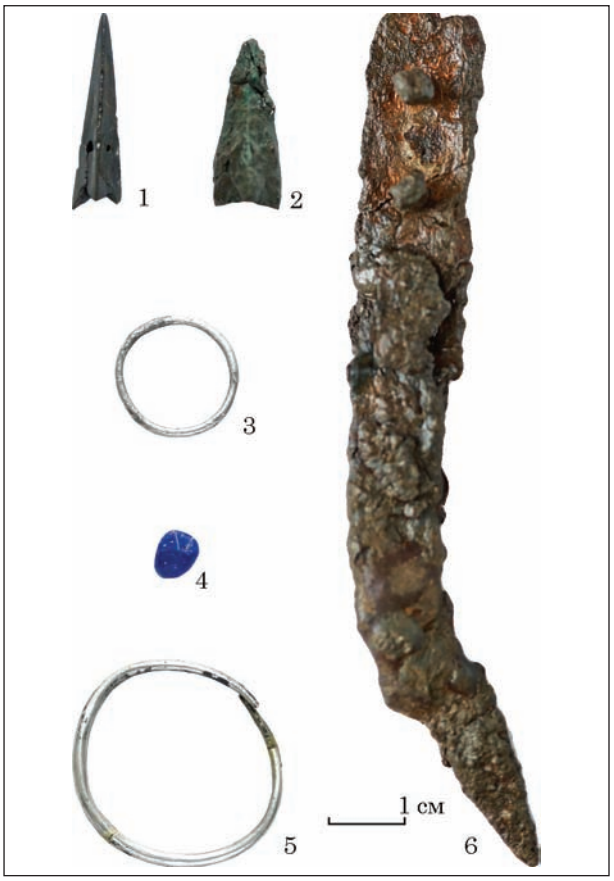


Рис. 6. Находки из женского погребения в катакомбе: 1—2 — бронзовые наконечники стрел; 3, 5 — серебряные серьги; 4 — пастовая бусина; 6 — железный нож

Рис. 7. Впускная могила (погребение 1). Вид с севера

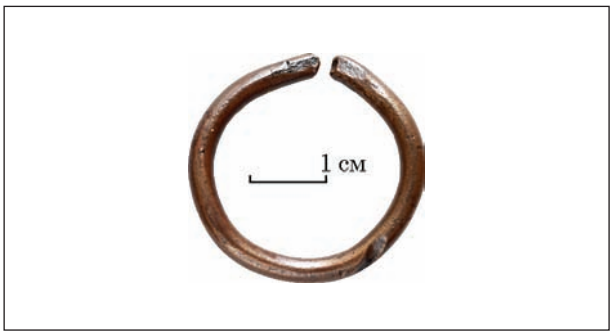


Рис. 8. Бронзовая серьга (или височная подвеска) из впускного погребения

не являлась представительницей рядового населения скифского общества.

Любопытной особенностью данного погребального памятника является то, что после совершения ограбления, входная яма катакомбы была вновь заполнена грунтом, чередующимся с большими камнями. Похоже, что для этого была разобрана часть каменного панциря, особенно в западной части. Цель данной манипуляции, требующей определённых трудозатрат, аналогии которой нам не известны, не совсем ясна. Можно лишь осторожно предположить, что в числе грабителей могли быть люди, принимавшие участие в похоронах, стремившиеся после ограбления, по какой-то причине, «запечатать» могилу.

Вызывает удивление и полное отсутствие вблизи катакомбы материкового выкида, а он, между тем, с учётом глубины погребального сооружения, должен был быть выразительным.

Впускное захоронение было выполнено в *яме* небольших размеров (по верху: 2,0 × 1,0 × 0,94 м), ориентируемой строго по оси С—Ю (рис. 7). Глиняный могильный выкид из этой могилы перекрывал несколько камней первичного панциря кургана (рис. 3). При этом следует отметить, что в целом участок каменного панциря в районе впускного погребения был разобран, хотя неизвестно, связано ли это с захоронением или последующим ограблением. Какие-либо следы деревянного перекрытия могилы отсутствовали, как, впрочем, и кости покойника. Последнее обстоятельство позволяет предположить, что ограбление могилы было осуществлено через небольшой промежуток времени после захоронения. В заполнении ямы, почти у дна, на глубине 0,80 м, найдена бронзовая кольцевидная серьга или, скорее, височная подвеска. Металл в хорошем состоянии, покрыт благородной патиной (рис. 8). Данная находка свидетельствует в пользу женской принадлежности погребения и ориентировочной дате его также в рамках IV в. до н. э.

В заключение отметим следующее обстоятельство. Среди исследованных ранее на Кировоградщине не столь многочисленных

скифских курганов (прежде всего относящихся к V—IV вв. до н. э., в том числе содержащих захоронения в катакомбах) практически не известны надмогильные каменные панцири. Чаще всего у них либо обычные грунтовые насыпи (Бокий 1971, с. 155; Бокій 1977, с. 70—72; Бокий 1977а; Полин, Тупчиенко, Николова 1994, с. 15), либо иногда насыпи, имеющие каменную крепиду (Махортих, Тупчиєнко 1998, с. 487, 493).

Пожалуй, известное нам исключение составляют 3 кургана, входящие в группу из 6 насыпей, вблизи с. Алексеевка Бобринецкого района, каждый из которых, по свидетельству В.Н. Ястребова (1887 г.), «имеет ту особенность, что поверхность их обложена кусками камня» (Ястребов 1889, с. 105). Один курган был раскопан указанным исследователем и содержал 3 могилы. Две из них оказались скифскими катакомбами, причём в одной были обнаружены 2 кольцевидные серьги и бусы (Ястребов 1889, с. 104—106). Дата данных могил, скорее всего, также IV в. до н. э.

Следует отметить, что при обследовании упомянутой курганной группы (6 насыпей), помимо раскопанного кургана, ещё вблизи 4-х насыпей фиксировались следы тризны в виде амфорного боя, позволяющей вполне допускать, что в упомянутых курганах содержатся скифские захоронения.

По классификации скифских погребальных памятников V — начала III вв. до н. э. в степном Северном Причерноморье, осуществлённой В. С. Ольховским, территория, на которой расположены упомянутые курганы, относится к Северостепной локальной группе (1991, с. 96—97, рис. 11, с. 168), где преобладают могилы в виде ям, хотя нередки и катакомбы. Как уже отмечалось ранее, надмогильные конструкции в виде панциря здесь редкость. Впрочем, не получили они широкого распространения и в иных районах северопричерноморской Степи, хотя встречаются повсеместно, особенно в местах, где есть естественные выходы камня (Ольховский 1991, с. 85, 91,121, 145, 162, табл. 21; 29; Мозолевский, Полин 2005, с. 276—278). Наиболее часто подобные каменные панцири фиксируются в Нижнем Поднепровье и Крыму (Ольховский 1991, с. 121, табл. 21, с. 145, табл. 29).

Нельзя исключать, что курган, исследованный у с. Богдановка, также, как и курганы у с. Алексеевка, оставлены какой-то группой скифского населения, продвинувшегося в северную Степь из более южных пределов, в погребальных традициях которой практиковалось сооружение каменных надмогильных конструкций. Наконец, отметим, что захоронение в катакомбе пополняет уже довольно значительный перечень *достоверных захоронений женщин-скифянок*, сопровождаемых предметами вооружения.

ЛИТЕРАТУРА

Бокий, Н. М. 1971. Археологические работы на Кировоградщине в 1968 году. *Археологические исследования на Украине в 1968 г.*, III, с. 154-159.

Бокій, Н. М. 1977. Розкопки курганів в верхів'ях басейну р. Тясмин. *Археологія*, 22, с. 65-73.

Бокий, Н. М. 1977а. Скифские курганы в бассейне р. Большая Высь на Кировоградщине. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифы и сарматы*, Киев: Наукова думка, с. 200-207.

Махортих, С., Тупчиєнко, М. 1998. Скіфські кургани біля с. Молодки на Кіровоградщині. *Записки наукового товариства імені Шевченка*, CCXXXV, с. 487-503.

Мозолевский, Б. Н., Полин, С. В. 2005. *Курганы скифского Герроса IV в. до н. э.* Киев: Стилос.

Ольховский, В. С. 1991. *Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII—III вв. до н. э.).* Москва: Наука.

Полин, С. В., Тупчиенко, Н. П., Николова, А. В. 1994. *Курганы верховьев Ингульца.* Кировоград, 3: 1992—1994.

Скорый, С. А., Орлик, А. П. 2017. Захоронение воина предскифского времени на юге Кировоградщины. *Археологія і давня історія України*, 2 (23), с. 354-364.

Ястребов, В. Н. 1889. Раскопки в Херсонской губернии в 1887 году. *Древности. Труды Московского археологического общества*, XIII, 1, с. 104-119.

REFERENCES

Bokij, N. M. 1971. Arheologicheskie raboty na Kirovogradshchine v 1968 godu. *Arheologicheskie issledovanyia na Ukraine v 1968 g.*, III, s. 154-159.

Bokji, N. M. 1977. Rozkopki kurganiv v verhiv'iakh baseinu r. Tyasmin. *Arheologiia*, 22, s. 65-73.

Bokij, N. M. 1977a. Skifskie kurgany v basseine r. Bolshaia Vys na Kirovohradshchene.V: Terenozhkin, A. Y. (ed.). *Skify i sarmaty*, Kiev: Naukova dumka, s. 200-207.

Makhortykh, S., Tupchienko, M. 1998. Skifski kurhany bilya s. Molodky na Kirovogradshchini. *Zapiski naukovoho tovarystva imeni Shevchenka*, CCXXXV, s. 487-503.

Mozolevskyi, B. N., Polyn, S. V. 2005. *Kurgany skifskogo Herrosa IV v. do n. e.* Kiev: Stylos.

Olkhovskyi, V. S. 1991. *Pogrebalno-pomynalnaya obryadnost naseleniya Stepnoi Skifii (VII—III vv. do n. e.*). Moskva: Nauka.

Polin, S. V., Tupchienko, N. P., Nikolova, A. V. 1994. *Kurgany verkhovev Ingultsa.* Kirovograd, 3: 1992—1994.

Skory, S. A., Orlik, A. P. 2017. Zakhoronenye voina predskifskoho vremeni na yuge Kirovohradshchyny. *Arheologiia i davnya istoriya Ukrainy*, 2 (23), s. 354-364.

Yastrebov, V. N. 1889. Raskopki v Khersonskoi gubernii v 1887 godu. *Drevnosty. Trudy Moskovskoho arheologycheskoho obshchestva*, XIII, 1, s. 104-119.

S. A. Skory, A. P. Orlik, R. V. Zimovets

THE INVERSTIGATION OF SCYTHIAN BURIAL MOUND ON SOUTH OF KIROVOGRAD-DISTRICT

The scythian kurgan is Investigational near the Bogdanivka entered in the complement of burial mound group from 7 embankments. He had small sizes (a height a 0.25—0.30 m is from the level of old horizon) and, instead of the ground embankment, lithoidal armour as a oval (10.5 × 8.5 m). Kurgan contained two woman graves: basic — as an enough deep catacomb and inlet — as the ordinary ground pit. Both of burial place were very

robbed yet in antiquity. The bones of young woman (22—25 years old) that was accompanied by some things burial place to the inventory are found in a central grave, in particular, by silver earrings, by the bronze arrow-heads, by the ferrous knife and by numerous bits and pieces of meat oblatory food (bones of cow and wild wild boar).

The lateral grave did not contain bones in general, only one bronze earring. Uncalculated inventory that was saved, type of building of burial place give an opportunity to date a burial mound the second half of IV century BC. Presence in a burial mound lithoidal to the armour, to our opinion, about appearance here of scythian population from more south regions of Steppe.

Keywords: Scythians, burial mound, woman burial places, south of Kirovograd-district.

Одержано 22.03.2018

ЗИМОВЕЦЬ Роман Віталійович, кандидат філософських наук, науковий співробітник, Інститут філософії ім. Г. С. Сковороди НАН України, вул. Трьохсвятительська, 4, Київ, 02000, Україна, *romanzimovets@gmail.com*.

ZYMOVETS Roman, Ph D on Philosophy, researcher in Philosophy of Culture, Ethics and Aesthetics Department, Grygory Skovoroda Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Ukraine, Tryohsviatytelska str., 4, Kyiv, 02000, Ukraine, *romanzimovets@gmail.com*.

ОРЛИК Олексій Пантелейович, науковий співробітник, редколегія тому «Звіт пам'яток історії та культури України» по Кіровоградській області, вул. Велика Перспективна, 60, м. Кропивницький, 25006, Україна, *orlidema@ukr.net*.

ORLYK Olexey, scientific researcher, editorial board of the volume «The Collection of Monuments of History and Culture of Ukraine» in the Kirovograd region, Velyka Perspektyvna st., 18, Kropyvnytskiy, 25006, Ukraine, *orlidema@ukr.net*.

СКОРИЙ Сергій Анатолійович, доктор історичних наук, професор, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграду 12, Київ, 04210, Україна, *idanfirs@ukr.net*.

SKORY Serhiy, Doctor of Historical Sciences, Professor, Shief of Department, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *idanfirs@ukr.net*.

Приложение 1

Л. В. Литвинова

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ СКИФСКОГО КУРГАНА У с. БОГДАНОВКА

В 2017 г. Кировоградская археологическая экспедиция под руководством С. А. Скорого у с. Богдановка Кировоградской области исследовала курган 16, и в погребении 2 был обнаружен один скелет, относящийся к скифской культуре. Погребение было ограблено в древности.

Антропологический материал очень плохой сохранности, измерения на черепе и длинных костях невозможны.

Определение пола и возраста проведены по традиционной методике с учетом особенностей строения черепа, костей верхних и нижних конечностей, костей таза, а также состояния черепных швов и зубной системы (Martin, Saller 1959; Алексеев, Дебец 1964; Алексеев 1966; Ubelaker 1984).

Далее следует подробное описание скелета. Сохранились очень мелкие фрагменты свода черепа, правая сторона верхней челюсти, нижняя челюсть сохранилась почти полностью. Обнаружены: ключица, локтевая кость, фрагмент лучевой кости, малая берцовая кость, обломки позвонков (шейные и грудные), очень мелкие обломки костей таза, частично сохранились кости стопы и кисти рук.

Скелет, в общем, грацильный, кости, визуально, небольшого размера, слабо развит мышечный рельеф.

Череп грацильный, рельеф не выражен, сосцевидный отросток — 1 балл, нижний край грушевидного отверстия имеет инфантильную форму, глубина клыковой ямки, визуально, небольшая. Нижняя челюсть грацильная, мышечный рельеф сглажен, угол ветви нижней челюсти тупой, подбородочный выступ не выражен. Из-за плохой сохранности черепа, черепные швы прослежены частично. Венечный, сагитальный и затылочный швы открыты, края швов острые. Состояние зубной системы следующее: стёртость зубов на резцах минимальная и составляет 1—2 балла, на остальных зубах практически отсутствуют следы стёртости. Диагностируется начальная стадия пародонтоза, отмечено наличие зубного камня.

Длинные кости грацильные, мышечный рельеф сглажен. На локтевой кости видны следы сращения эпифизов.

Скелет принадлежал женщине, возраст определен в узком интервале 22—25 лет.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, В. П. 1966. *Остеометрия. Методика антропологических исследований*. Москва: Наука.

Алексеев, В. П., Дебец, Г. Ф. 1964. *Краниометрия. Методика антропологических исследований*. Москва: Наука.

Martin, R., Saller, K. 1956—1959. *Lerbuch der Anthropologie in systematitisher Darstellung bergnudet von Rudolf Martin. Dritte volling umglarbeitete und erweiterte Auflage von Karl Saller*. Stuttgart.

Ubelaker, D. H. 1984. *Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation*. Taraxacum.

REFERENCES

Alekseyev, V. P. 1966. *Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy*. Moskva: Nauka.

Alekseyev, V. P., Debets, G. F. 1964. *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy*. Moskva: Nauka.

Martin, R., Saller, K. 1956—1959. *Lerbuch der Anthropologie in systematitisher Darstellung bergnudet von Rudolf Martin. Dritte volling umglarbeitete und erweiterte Auflage von Karl Saller*. Stuttgart.

Ubelaker, D. H. 1984. *Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation*. Taraxacum.

ЛІТВИНОВА Людмила Володимирівна, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *litvinovalv@ukr.net*.

LITVINOVA Lyudmila, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *litvinovalv@ukr.net*.

Приложение 2

Е. Ю. Яниш

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОСТЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ СКИФСКОГО КУРГАНА 16 У с. БОГДАНОВКА

Остеологический материал был получен в результате раскопок в 2017 г. скифского кургана, расположенного возле с. Богдановка. Объем выборки — 45 костей млекопитающих. Сохранность материала в среднем составляет 4 балла по пятибалльной шкале (Антипина 2003). В данном случае 3 фрагмента костей (6,8 % от общего количества) составили неопределимые остатки, в связи со значительной их фрагментарностью.

Остатки млекопитающих определены путем сравнения костных фрагментов с экземплярами современных и субфоссильных видов из коллекции Национального научно-природоведческого музея НАН Украины.

Для вычисления размеров субфоссильные кости измерялись штангенциркулем с точностью до 0,1 мм, по методике von Drisch (1976). Статистическая обработка выполнена в программе PAST. Общая характеристика коллекции по объектам представлена в таблтце.

Изучение видового состава показало, что в материале присутствуют 4 вида млекопитающих, относящихся к отряду парнокопытные (Artiodactyla) — семейство Полорогие (Bovidae) и семейство Свиньи (Suidae).

Видовой состав млекопитающих,
абсолютное число определимых костей

Анатомический состав	Бык домашний	МРС	Кабан	Не определены	Всего
Погребение 2					
Плечевая	2	—	—	—	2
Ребра	15	—	7	—	22
Позвонки	3	—	—	—	3
Лопатка	2	—	—	—	2
Лучевая	1	—	—	—	1
Суставная	2	—	—	—	2
Не определено	—	—	—	2	2
Всего	25	—	7	2	34
Количество особей	1	—	1	2	—
Погребение 2, входная яма, тризна					
Ребра	2	—	—	—	2
Позвонки	1	—	—	—	1
Плечевая	1	—	—	—	1
Локтевая	1	—	—	—	1
Большая берцовая	1	—	—	—	1
Таз	—	1	—	—	1
Не определено	—	—	—	1	1
Всего	6	1	—	1	8
Количество особей	1	1	—	1	—

Для достоверных выводов о видовом и половозрастном соотношениях в материалах из разных памятников выборка недостаточна. В материале присутствуют как кости домашних животных, так и диких. Из диких животных выявлены остатки только одного вида — кабана (*Sus scrofa*).

Все кости принадлежат к категории «кухонные остатки», в данном случае, это остатки тризны, о чём косвенно свидетельствуют анатомический состав коллекции и следы от режущих и рубящих инструментов на ребрах коровы.

Выводы.

1. Анатомический и видовой спектр, следы искусственного воздействия и контекст позволяют отнести все изученные остатки животных к категории «кухонных» (тризна).

2. Сохранность материала составляет 4 балла по 5-бальной шкале. Объем выборки очень невелик — 45 фрагментов, из них неопределимых до вида 6,8 %.

3. В материале присутствуют остатки 4 видов млекопитающих, при этом дикий вид один — *кабан*, преобладают домашние животные.

4. Видовой состав млекопитающих указывает на лесостепной ландшафт в той местности, откуда происходят кости животных.

5. Важный момент, что для тризны были использованы *быки домашние* (2 особи, одна — взрослая, вторая — полувзрослая), а не лошади.

6. Для достоверных выводов необходимы дальнейшие исследования данных памятников.

ЛИТЕРАТУРА

Антипина, Е. Е. 2003. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты. В: Антипина, Е. Е., Черных, Е. Н. (ред.). *Новые археозоологические исследования в России : к столетию со дня рождения В. И. Цалкина.* Москва: Языки славянской культуры, с. 7-33.

Driesh, A. von den. 1976. A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites. *Peabody Museum Bulletin*, I, p. 1-148.

REFERENCES

Antipina, E. E. 2003. Arkheozoologicheskiye issledovaniya: zadachi. potentsialnyye vozmozhnosti i realnyye rezultaty. In: Antipina, E. E., Chernykh, E. N. (ed.). *Noveyshiyye arkheozoologicheskiye issledovaniya v Rossii: k stoletiyu so dnya rozhdeniya V. I. Tsalkina*. Moskva: Yazyki slaviyanskoj kultury, s. 7-33.

Driesh, A. von den. 1976. A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites. *Peabody Museum Bulletin*, I, p. 1-148.

ЯНІШ Євгенія Юріївна, кандидат біологичних наук, молодший науковий співробітник, Інститут зоології ім. І. І. Шмальгаузена НАН України, вул. Б. Хмельницького 15, Київ, 01030, Україна, *tinel@ukr.net*.

YANISH Yevheniya, Candidate of Biological Sciences, Yang researcher, Institute of Zoology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Bogdan Hmelnitski st. 15, Kiev, 01030, Ukraine, *tinel@ukr.net*.

УДК: 904.25(477.72)”6383”

Е. С. Дзнеладзе, Д. Н. Сикоза, А. В. Симоненко

ФИБУЛЫ МОГИЛЬНИКА КРАСНЫЙ МАЯК

Статья посвящена публикации фибул из позднескифского могильника Красный Маяк на Нижнем Днепре. Анализ типов и распространения фибул позволяет наметить хронологические периоды существования памятника, реконструировать контакты поздних скифов с восточными и западными соседями, установить особенности древнего костюма и погребального обряда.

Ключевые слова: *позднескифская культура, фибулы, Красный Маяк, Нижний Днепр.*

Фибулы из позднескифского могильника Красный Маяк не были предметом отдельного исследования, хотя часть их опубликована (Кропотов 2010; Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2015) и использована в работах по костюму поздних скифов (Dzneladze, Sikoza, Symonenko 2015; Дзнеладзе, Сикоза, Симоненко 2017; Дзнеладзе, Сікоза 2017).

Исследованиями 1976—77, 1986—88, 2011—2017 гг. на могильнике Красный Маяк найдено 113 фибул различных типов. Большинство из них происходит из погребальных комплексов II в. до н. э. — III в. н. э., есть несколько случайных находок.

Для определений и хронологических построений в работе применена типология В. В. Кропотова (Кропотов 2010). Работы других исследователей использовались в тех случаях, когда в своде В. В. Кропотова фибулы некоторых типов отсутствовали либо было необходимо уточнение датировки.

Отдельную группу представляют фибулы черняховского периода. Они требуют специального изучения и в данной работе не рассматриваются. Вероятнее всего, население, жившее в это время на Красном Маяке, уже не может считаться позднескифским (Гей 1985, с. 34), однако судить об этом сложно без широкомасштабных раскопок всего памятника.

Всего в работе рассматривается 13 групп фибул, бытовавших со второй половины II в. до н. э. по первую половину III в. н. э. Этот диапазон отражает время функционирования Красномаяцкого могильника, и скорее всего, соответствует позднескифскому периоду жизни Красномаяцкого городища. Таким образом, анализ фибул несколько расширяет предложенную ранее дату — I в. до н. э. — II в. н. э. (Былкова 2007, с. 96).

1. ФИБУЛЫ СРЕДНЕЛАТЕНСКОЙ СХЕМЫ

Серия I, вариант 1. *Крупные приземистые образцы, чуть угловатых очертаний, с 4—6 витковой пружиной и передней или верхней тетивой. Свободный конец ножки прикреплен к спинке с помощью гофрированной скрепы или муфты.*

1. Могила 44, п. 3 [1] (рис. 1: 1). У западной стенки камеры, длина 7,8 см (раскопки О. А. Гей 1986 г.). Опубликована (Кропотов 2010, с. 45, № 20).

2. Могила 47, п. 2 (рис. 1: 2). К востоку от скелета на обломке лопатки, длина 5,8 см (рас-

1. В отчетах и публикациях Э. А. Сымоновича и О. А. Гей принята следующая номенклатура: погребальное сооружение обозначено как «могила», а скелеты коллективного захоронения названы «погребениями» (п.) и нумеруются отдельно. Начиная с 2011 г., каждое погребальное сооружение названо «погребение», а в коллективном захоронении отдельные скелеты обозначены как «скелет 1» (ск. 1) и т. д.

© Е. С. ДЗНЕЛАДЗЕ, Д. Н. СИКОЗА, А. В. СИМОНЕНКО, 2018

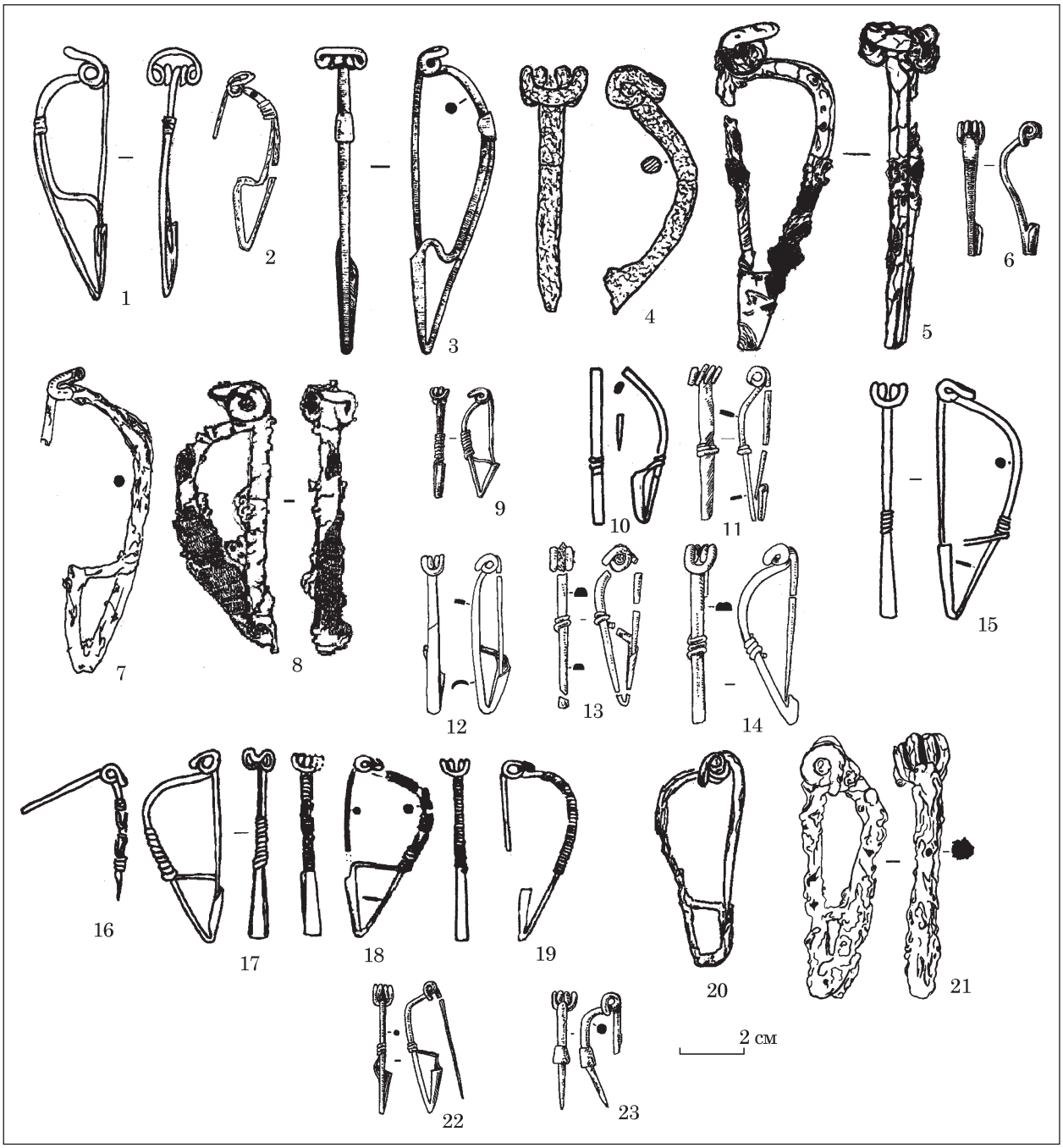


Рис. 1. Фибулы, ***среднелатенской схемы***, *серия I вариант 1*: 1 — мог. 44, п. 3; 2 — мог. 47, п. 2; *серия I вариант 2*: 3 — мог. 34; ***воинские***: 4 — мог. 23, п. 3; 5 — погр. 120; 6 — мог. 103, п. 1; ***лучковые подвязные***: *серия I вариант 1*: 7 — мог. 47, п. 2; 8 — погр. 128, ск. 1; *серия I вариант 2*: 9 — мог. 103, п. 2; 10 — мог. 1, п. 3; 11 — мог. 96, п. 3; 12 — мог. 83, п. 3; 13 — мог. 78, п. 5; 14 — мог. 78, п. 6; *серия I вариант 3*: 15 — мог. 35, п. 1; *серия I вариант 4 форма 1*: 16 — мог. 25; 17 — мог. 48, п. 1; 18 — случ. нах. 1977 г.; 19 — случ. нах 1977 г.; *серия II вариант 1*: 20 — мог. 44, п. 1; 21 — погр. 132; *серия II вариант 2 форма 1*: 22 — мог. 74; 23 — мог. 77

копки О. А. Гей 1986 г.) (Кропотов 2010, с. 45, № 21).

Подобные изделия бытуют во второй половине II в до н. э. — начале I в. до н. э. и широко распространены во всех латенизированных культурах, на юге Восточной Европы сконцентрированы в Нижнем Поднепровье, часто встречаясь только в Западном Крыму (Кропотов 2010, с. 44—45).

Серия I, вариант 2. *Изделия с высокой плавно изогнутой дужкой, 4-витковой пружиной с верхней тетивой. Прямая или прогнутая ножка скреплена со спинкой с помощью гладкой лапки.*

3. Могила 34 (рис. 1: 3). Ниже левой ключицы, на ребрах. Длина 9,7 см (раскопки Э. А. Сымоновича 1977 г.). Отнесена В. В. Кропотовым к 1 варианту, однако, кроме размера, имеет

все признаки 2 варианта: 4-витковая пружина, верхняя тетива, скреплена с помощью гладкой лапки (Кропотов 2010, с. 45, № 19).

Распространены в сарматских памятниках степи в середине — второй половине I в. до н. э. (Кропотов 2010, с. 44—45).

2. ВОИНСКИЕ ФИБУЛЫ

Одночленные фибулы со сплошным приемником, гладким корпусом и короткой пружиной с верхней или нижней тетивой.

4. Могила 23, п. 3 (рис. 1: 4) (раскопки Э. А. Сымоновича 1977 г.). У правого локтя обломки массивной железной фибулы длиной 7,8 см. Имеет сплошной приемник и короткую пружину с верхней тетивой. Датирована концом I в. до н. э. (Кропотов 2010, с. 60).

5. Погребение 120 (рис. 1: 5). Железная фибула с проволочной спинкой, 4-витковой пружиной с верхней тетивой и сплошным приемником, длина 11 см (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2015, с. 127, рис. 36: 4). Подобные крупные железные образцы датированы концом I в. до н. э. — началом I в. н. э. Застежки с с нижней тетивой распространены на Нижнем Днепре, с верхней — в Крыму (Кропотов 2010, с. 62).

6. Могила 103, п. 1 (рис. 1: 6) (раскопки О. А. Гей 1988 г.). Женщина. На груди бронзовая фибула с 4-витковой пружиной, нижней тетивой, пластинчатой спинкой и сплошным приемником. Длина 4 см. Датирована концом I в. до н. э. — началом I в. н. э. (Кропотов 2010, с. 62). Часто встречаются в могильнике Золотая Балка.

3. ЛУЧКОВЫЕ ПОДВЯЗНЫЕ ФИБУЛЫ

Серия I вариант 1. *Застежки крупных размеров, обычно имеют низкий и чуть угловатый корпус, 4-витковую пружину, проволочную ножку, иногда сужающуюся к приемнику, и завязку в несколько витков.*

7. Могила 47, п. 2 (рис. 1: 7). На левом плече находилась большая железная одночленная фибула I серии 1 варианта длиной 9,4 см (раскопки О. А. Гей 1986 г.). Рядом с ней обнаружена головка еще одной железной фибулы 109 (Кропотов 2010, с. 81, № 14).

8. Погребение 128, ск. 1 (женщина) (рис. 1: 8). Железная фибула с 4-витковой пружиной и проволочной спинкой, длина 7,5 см (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2015, с. 154 рис. 63: 4).

Такие застежки (группа 4, серия I, вариант 1) массово представлены в позднескифских комплексах Крыма. Датированы второй половиной или последней четвертью I в. до н. э. — серединой I в. н. э. (Кропотов 2006, с. 69—70).

Серия I вариант 2. *Имеют небольшие размеры, плавно изогнутый корпус, проволочную или уплощенную спинку и ножку, завязку в несколько витков. Пружина только 4-витковая.*

9. Могила 103, п. 2 (рис. 1: 9) (раскопки О. А. Гей 1988 г.). Женщина. На груди лежала бронзовая фибула I серии варианта 2, длина 3,5 см.

10. Могила 1, п. 3 (рис. 1: 10) (раскопки Э. А. Сымоновича 1976 г.). Обломки бронзовой фибулы длиной 4,6 см. Датирована серединой I — началом II в. н. э. Аналогичная фибула найдена в могиле 5 сарматского Калантаевского могильника (Кропотов 2010, с. 74).

11. Могила 96, п. 3 (рис. 1: 11) (раскопки О. А. Гей 1988 г.). Среди ребер бронзовая фибула с плоской, плавно изогнутой спинкой, ножкой, равной по толщине корпусу, завязкой в несколько витков и приемником лодочкой. Пружина 4-витковая с верхней тетивой. Длина около 5 см.

12. Могила 83, п. 3 (рис. 1: 12) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). Девочка. На груди фибула, аналогичная № 11, длиной около 5 см. Найдена вместе с № 28, 29, 36.

13. Могила 78, п. 5 (рис. 1: 13) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). Мужчина. Обнаружены фрагменты бронзовой фибулы, аналогичной № 11, 12. Длина около 5 см.

14. Могила 78, п. 6 (рис. 1.14) (раскопки О. А. Гей 1987 г.) Мужчина. На груди бронзовая фибула такого же типа, длина 6,1 см (Кропотов 2010, с. 72).

Такие фибулы характерны для могильников Юго-Западного Крыма типа Бельбек IV и Боспорского царства. Датированы серединой I — началом II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 72).

Серия I вариант 3. *Изделия длиной не мене 4—5 см, с высокой плавно изогнутой дужкой, пластинчатой расширяющейся к низу ножкой, имеет приемник лодочку, завязку в несколько витков и исключительно 4-витковую пружину.*

15. Могила 35, п. 1 (рис. 1: 15) (раскопки Э. А. Сымоновича 1977 г.). Бронзовая фибула длиной 7,4 см, с проволочной спинкой и 4-витковой пружиной с верхней тетивой. Найдена вместе с № 66, 73.

Фибулы этого типа характерны для оседлого населения восточной части Северного Причерноморья. Датирована II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 74—75).

Серия I вариант 4 форма 1. *Большинство экземпляров имеют размеры от 5 до 8 см, высокую коленчато изогнутую дужку, расширяющуюся к низу ножку, приемник лодочку.*

16. Могила 25 (рис. 1: 16). Обломок бронзовой фибулы с фигурной обмоткой спинки, длина около 5 см (Сымонович 1977, с. 12, табл. 18: 18).

17. Мог. 48, п. 1 (рис. 1: 17) (раскопки О. А. Гей 1986 г.; Гей, Бажан 1993, с. 54). У нижней челюсти одного из скелетов находи-

лась бронзовая фибула с коленчатой спинкой длиной 6 см.

18. Случайная находка 1977 г. (рис. 1; 18) Спинка фибулы коленчато изогнута, декорирована фигурной обмоткой из проволоки. Длина 5,8 см (Кропотов 2010, с. 110, № 13).

19. Случайная находка 1977 г. (рис. 1: 19) Спинка фибулы коленчато изогнута, декорирована обмоткой из проволоки. Длина 6,5 см (Кропотов 2010, с. 110, № 14).

Такие фибулы были широко распространены у населения Крыма и Боспорского царства. Датированы заключительной частью II — первой половиной III века н. э. (Кропотов 2010, с. 80).

Серия II вариант 1. *Лучковые одночленные подвязные фибулы с нижней тетивой имеют круглопроволочную или узкопластинчатую спинку, завязку в несколько витков. Этот вариант часто имеет крупные размеры и выполнен из железа.*

20. Могила 44, п. 1 (рис. 1: 20) (раскопки О. А. Гей 1986 г.). Мужчина. Между левым плечом и грудной клеткой обнаружена круглопроволочная бронзовая фибула длиной 6,8 см (Кропотов 2010, с. 136, № 4).

21. Погребение 132 (женщина) (рис. 1: 21). Фибула с 4-витковой пружиной с нижней тетивой, проволочной спинкой и приемником с завязкой в несколько витков (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2017, с. 20, рис. 24: 14).

Время бытования таких фибул — конец I в. до н. э. — середина I в. н. э. Большинство находок сделано в регионе Нижнего Днепра в позднескифских памятниках (Кропотов 2010, с. 130).

Серия II вариант 2 форма 1. *Изделия имеют небольшие размеры, проволочную дужку, иногда украшены сплошной или фигурной обмоткой, узкую или чуть расширенную к низу ножку, 4-витковую пружину с нижней тетивой.*

22. Могила 74 (рис. 1: 22) (раскопки О. А. Гей 1987 г.) Дети. Бронзовая фибула длиной 4 см, с проволочной спинкой, завязкой в несколько витков, 4-витковой пружиной с нижней тетивой.

23. Могила 77 (рис. 1: 23) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). Фрагмент бронзовой фибулы II серии 1 варианта длиной около 4 см, с проволочной спинкой, завязкой в несколько витков, 4-витковой пружиной с нижней тетивой. Найден вместе с № 39, 104.

Подобные фибулы наиболее распространены на варварских памятниках Нижнего Днепра. Датированы второй половиной I — началом II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 131).

Серия II вариант 2 форма 2. *Характеризуются крупными размерами, длина 4—7 см, плавно изогнутой дужкой, узкой пластинчатой ножкой, короткой завязкой и 4-витковой пружиной с деревянной, костяной или бронзовой осью.*

24. Могила 78, п. 1 (рис. 2: 24) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). Женщина. Одночастная фибула с пластинчатой спинкой, длина 5,7 см.

25. Могила 82, п. 1 (рис. 2: 25) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). Мужчина. На груди находилась бронзовая фибула длиной 6 см, с плавно изогнутой дужкой, узкой пластинчатой ножкой, короткой завязкой и 4-витковой пружиной с нижней тетивой.

26. Могила 82, п. 3 (рис. 2: 26) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). Женщина (?). Под спиной аналогичная № 25 бронзовая фибула длиной 5,5 см.

27. Могила 83, п. 1 (рис. 2: 27) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). На левой стороне таза лежала бронзовая фибула длиной 4,8 см. Найдена вместе с № 35, 100.

28. Могила 83, п. 3 (рис. 2: 28) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). Девочка-подросток. На груди лежала аналогичная № 25—24 бронзовая фибула. Найдена вместе с № 12, 29, 36, 63, 64.

29. Могила 83, п. 3 (рис. 2: 29) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). На тазу лежала спинка с пружинным аппаратом, а под тазом — приемник с иглой бронзовой фибулы с полукруглой в сечении спинкой, длина 4,3 см. Найдена вместе с № 12, 28, 36.

30. Могила 103, п. 4 (рис. 2: 30) (раскопки О. А. Гей 1988 г.). Ребёнок. На груди бронзовая фибула того же типа, длина 4,7 см. Найдена вместе с гибридной фибулой № 103.

Такие фибулы типичны для нижнеднепровских позднескифских и сарматских памятников, более половины происходят из могильника Усть-Каменка, многочисленны на синхронных могильниках Крыма. Датированы второй половиной I — началом II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 131).

Серия IV вариант 2. *Украшения с овально расширенной спинкой и узкой ножкой, длиной 2,6—7 см, с короткой 4-витковой пружиной и завязкой у основания ножки.*

31. Могила 74 (рис. 2: 31) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). Бронзовая фибула с овально расширенной уплощенной спинкой и узкой ножкой, 4-витковой пружиной с верхней тетивой, длина 4,4 см.

32. Могила 78, п. 1 (рис. 2: 32) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). Между бедер аналогичная бронзовая фибула, согнутая вдвое, длина около 5 см.

33. Могила 78, п. 1 (рис. 2: 33) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). На груди аналогичная бронзовая фибула длиной 4,5 см.

34. Могила 78, п. 4 (рис. 2: 34) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). Между ребер аналогичная бронзовая фибула длиной 4,2 см.

35. Могила 83, п. 1 (рис. 2: 35) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). Женщина. На груди аналогичная бронзовая фибула длиной 4,0 см. Найдена вместе с № 27, 100.

36. Могила 83, п. 3 (рис. 2: 36) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). Девочка-подросток. На груди

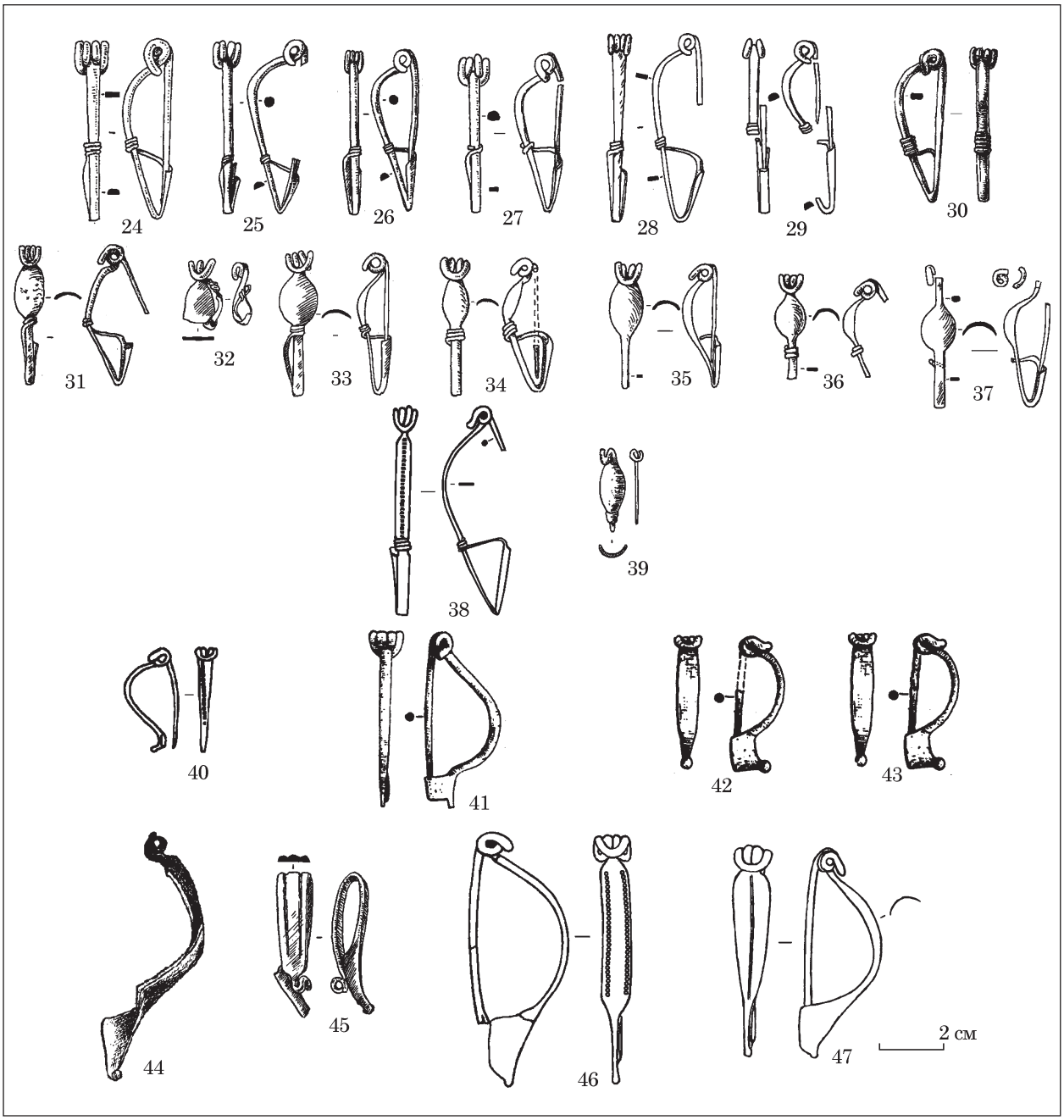


Рис. 2. Фибулы, ***лучковые подвязные***: *серия II вариант 2 форма 2*: 24 — мог. 78, п. 1; 25 — мог. 82, п. 1; 26 — мог. 82, п. 3; 27 — мог. 83, п. 1; 28 — мог. 83, п. 3; 29 — мог. 83, п. 3; 30 — мог. 103, п. 4; *серия IV вариант 2*: 31 — мог. 74; 32 — мог. 78, п. 1; 33 — мог. 78, п. 1; 34 — мог. 78, п. 4; 35 — мог. 83, п. 1; 36 — мог. 83, п. 3; 37 — мог. 83, п. 4; 38 — погр. 116, ск. 2; 39 — мог. 77; ***с завитком на конце приемника***: *серия I форма 3*: 40 — мог. 48, п. 1; *серия II форма 1*: 41 — мог. 30, п. 1; ***с кнопкой на конце приемника***: *вариант 1*: 42 — мог 17, п. 1; 43 — мог. 17, п. 1; *вариант 2*: 44 — случ. нах. Гошкевича; 45 — мог. 74; 46 — погр. 119, ск. 2; 47 — погр. 131, ск. 2

аналогичная бронзовая фибула длиной 4,5 см. Найдена вместе с № 12, 28, 29.

37. Могила 83, п. 4 (рис. 2: 37) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). Младенец. У правой бедренной кости аналогичная бронзовая фибула длиной 3,8 см.

38. Погребение 116, ск. 2 (женщина) (рис. 2: 38). На уровне середины правой плечевой кости аналогичная бронзовая фибула. Спинка орнаментирована по центру пуансонным орнаментом. Длина 6,5 см, ширина спинки 0,5 см (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2015, с. 108, рис. 17; Кропотов 2010, с. 161).

39. Могила 77 (рис. 2: 39) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). В заполнении — обломки аналогичной бронзовой фибулы длиной около 5 см. Найдена вместе с № 23, 104.

Следует отметить широкое распространение этих застежек на крымских могильниках типа Бельбек IV и в Усть-Альминском могильнике.

Датированы второй половиной I — началом II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 161—163). Встречены также в грунтовых могильниках нижнедонских и кубанских городищ и среди находок сарматского могильника Усть-Каменка на Нижнем Днепре (Костенко 1993 рис. 8; 15; 19; 21; 28).

4. ФИБУЛЫ С ЗАВИТКОМ НА КОНЦЕ ПРИЕМНИКА

Серия I форма 3. *Фибулы длиной 2—5 см, с плавно изогнутым корпусом, спиральным завитком на конце приемника и с ленточной или выпуклой спинкой. Иногда украшены пуансонным орнаментом.*

40. Мог. 48, п. 1 (рис. 2: 40) (раскопки О. А. Гей 1986 г.). Ребенок. Несколько в стороне от скелета, у северо-восточной стенки могилы, бронзовая фибула с пластинчатым корпусом подтреугольной формы и завитком на конце приемника. Длина 3,2 см (Гей, Бажан 1993, с. 54). Найдена вместе с № 17.

Один из наиболее распространенных на памятниках оседлого населения восточной части Северного Причерноморья видов застежек. Датирован второй половиной I в. н. э. — первой половиной II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 185—186, № 7).

Серия II форма 1. *Крупные фибулы длиной 4—8 см, с высоким плавно изогнутым корпусом, гладкой спинкой, 4-витковой пружиной, преимущественно с верхней тетивой, нижняя тетива встречается у отдельных экземпляров.*

41. Могила 30, п. 1 (рис. 2: 41) (раскопки Э. А. Сымоновича 1977 г.). Бронзовая фибула с проволочной спинкой и завитком на конце сплошного приемника II серии. Длина 5,7 см.

Такие фибулы происходят, в основном, из сарматских подкурганных захоронений волго-донских и приуральских степей, на памятниках оседлого населения известны единичные экземпляры. Датирована концом II — первой половиной III в. н. э. (Кропотов 2010, с. 204, № 5).

5. ФИБУЛЫ С КНОПКОЙ НА КОНЦЕ ПРИЕМНИКА

Вариант 1. *Образцы как небольших, так и довольно крупных размеров длиной 2,5—6,5 см, с низким плавно или резко изогнутым корпусом, узкой ленточной спинкой и крупной кнопкой на конце сплошного приемника.*

42. Могила 17, п. 1 (рис. 2: 42) (раскопки Э. А. Сымоновича 1977 г.). Бронзовая фибула с плоской овальной спинкой и кнопкой на конце сплошного приемника, длина 4,2 см. Найдена вместе с № 43.

43. Могила 17, п. 1 (рис. 2: 43). Аналогичная бронзовая фибула.

Такие находки датированы второй половиной I — началом II в. н. э. Наиболее распространены в некрополях нижнедонских городищ (Кропотов 2010, с. 209).

Вариант 2. *Застежки больших размеров длиной 4—8 см, с высоко и плавно изогнутым корпусом, широкой пластинчатой спинкой, различной по форме — ленточной, сужающейся к ножке или выпуклой, обычно с пуансонным орнаментом.*

44. Случайная находка В. И. Гошкевича (рис. 2: 44). Бронзовая фибула с кнопкой на конце приемника, со сломанной 4-витковой пружиной, широкой пластинчатой спинкой и сплошным приемником со сглаженной кнопкой, длина 4,5 см (Гошкевич 1913, рис. 41).

45. Могила 74 (рис. 2: 45) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). Бронзовая фибула, согнутая вдвое, со сломанной 4-витковой пружиной, широкой пластинчатой спинкой, покрытой пуансонным орнаментом и сплошным приемником со сглаженной кнопкой. Найдена в заполнении южной части могилы. Длина 4,5 см.

46. Погребение 119, ск. 2 (женщина) (рис. 2: 46). Возле левого локтя аналогичная бронзовая фибула. Длина 8,2 см, ширина спинки 0,8 см. Найдена вместе с № 56, 77, 105 (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2015, с. 121, рис. 30: 9).

47. Погребение 131, ск. 2 (женщина) (рис. 2: 47). Бронзовая фибула того же типа, пластинчатая спинка декорирована рельефной вертикальной полосой, длина 6,5 см. Найдена вместе с № 60, 63. (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2017, с. 15, рис. 22).

Датированы последней четвертью I — первой половиной II в. н. э. Большинство фибул рассматриваемой группы происходят из некрополей нижнедонских городищ (Кропотов 2010, с. 211).

6. СИЛЬНО ПРОФИЛИРОВАННЫЕ ФИБУЛЫ С БУСИНАМИ НА ДУЖКЕ

Серия I вариант 1. *Фибулы небольших размеров длиной 2,2—3 см с близко посаженными бусинами, сплошным приемником, кнопка на конце приемника крупная, хорошо проработана.*

48. Погребение 119, ск. 1 (женщина) (рис. 3: 48). Между правым плечом и грудью. Бронзовая фибула с длинной 12-витковой пружиной с нижней тетивой, бусинами у основания и посередине дужки, прогнутой ножкой с круглой кнопкой на конце, коротким приемником. Длина 2,7 см. Найдена вместе с № 49, 53, 59, 76, 86. (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2015, с. 121, рис. 30: 2).

49. Погребение 119, ск. 1 (женщина) (рис. 3: 49). У поясницы. Бронзовая фибула с 8-витковой пружиной с нижней тетивой, бусинами на дужке, высоким приемником и круглой кнопкой на конце ножки. Длина 3 см. Найдена

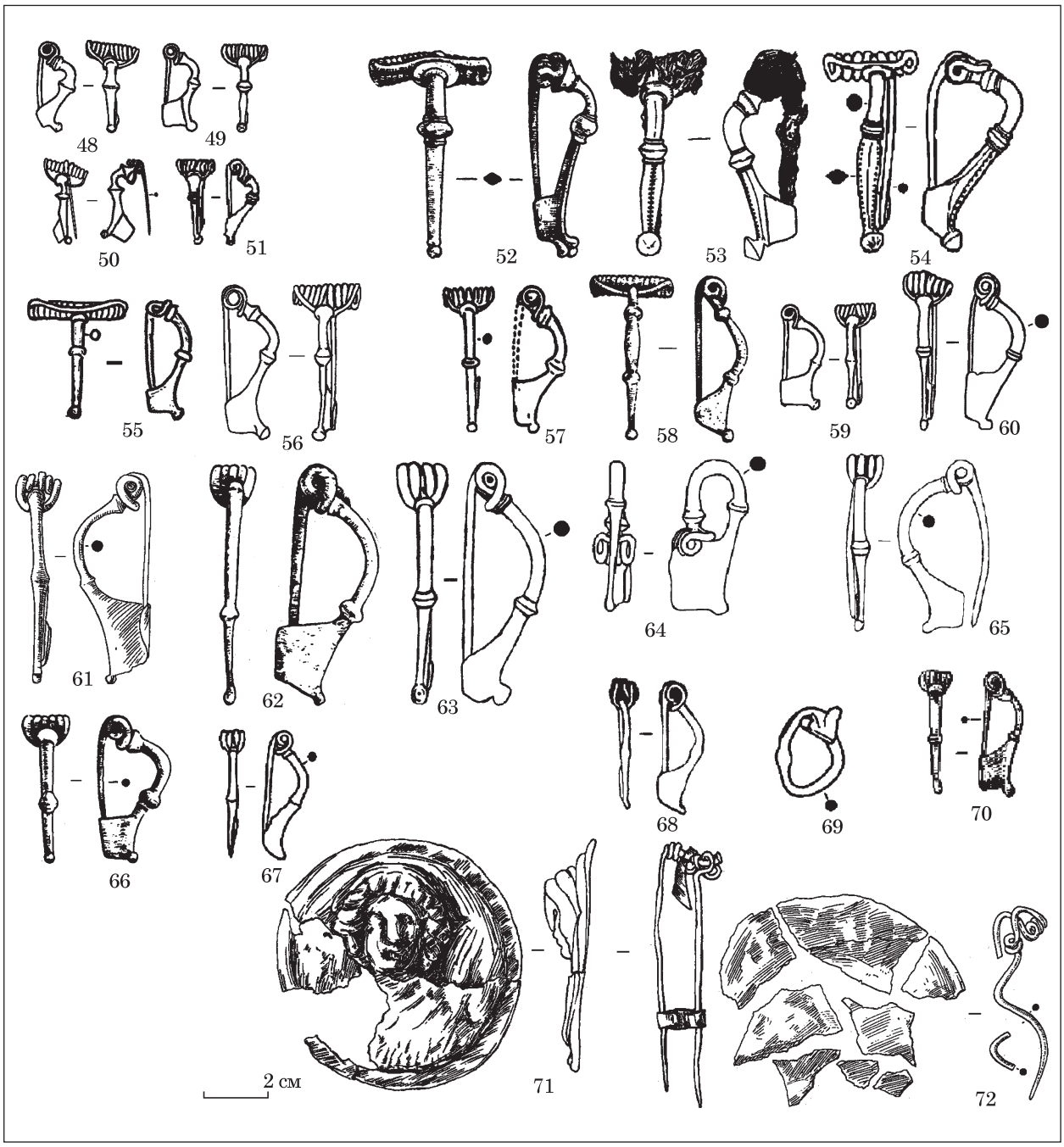


Рис. 3. Фибулы ***сильно профилированные с бусинами на дужке***: *серия I вариант 1*: 48 — погр. 119, ск. 1; 49 — погр. 119, ск. 1; 50 — погр. 116, ск. 1; 51 — погр. 121, ск. 2; *серия I вариант 2*: 52 — мог. 29; 53 — погр. 119, ск. 1; 54 — погр. 121, ск. 3; *серия II форма 1*: 55 — мог. 25; 56 — погр. 119, ск. 2; *серия II форма 2*: 57 — мог. 10; 58 — мог. 38; 59 — погр. 119, ск. 1; 60 — погр. 131, ск. 2; *серия III*: 61 — мог. 92, п. 2; 62 — мог. 29; 63 — погр. 131, ск. 2; 64 — погр. 131, ск. 2; 65 — погр. 131, ск. 1; 66 — мог. 35, п. 1; 67 — погр. 121, ск. 1; 68 — погр. 141; 69 — погр. 121, ск. 1; 70 — мог. 5 О. А. Гей; ***броши с двумя иглами***: *серия II*: 71 — мог. 76, п. 2; 72 — мог. 80

вместе с № 48, 53, 59, 76, 86. (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2015, с. 121, рис. 30: 3).

50. Погребение 116, ск. 1 (мужчина) (рис. 3: 50). На груди. Бронзовая фибула с бусинами на дужке, длинной 10-витковой пружиной с верхней тетивой, высоким приемником, прогнутой ножкой с круглой кнопкой на конце. Длина 2,5 см (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2015, с. 108, рис. 17).

51. Погребение 121, ск. 2 (мальчик-подросток) (рис. 3: 51). На груди. Бронзовая фибула с бусинами на дужке, длинной 8-витковой пружиной с нижней тетивой, коротким приемником и круглой кнопкой на конце ножки. Длина 2,8 см (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2015, с. 121, рис. 41,6).

Такие застежки известны во всех дунайских провинциях Римской империи. Наибольшее

количество экземпляров происходит из Дакии, где они составляют одну из самых многочисленных групп. Все северопричерноморские находки концентрируются вблизи римских границ, все реже встречаясь далее к востоку (Симоненко, 2011, с. 24), исключение составляет Юго-Западный Крым. Датированы второй половиной I — началом II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 225).

Серия I вариант 2. *Фибулы более крупных размеров длиной от 3 до 7 см, бусины несколько отдалены друг от друга, спинка круглая или овальная в сечении, корпус часто украшен пуансонным орнаментом. Приемник сплошной, кнопка крупная биконическая.*

52. Могила 29 (рис. 3: 52) (раскопки Э. А. Сымоновича 1977 г.). Бронзовая литая фибула с бусинами на дужке, длинной многовитковой пружиной с верхней тетивой, профилированными бусинами и декоративной кнопкой на конце сплошного приемника. Длина 6,5 см. Найдена вместе с № 62 (Кропотов 2010, с. 228; № 15).

53. Погребение 119, ск. 1 (женщина) (рис. 3: 53). Возле правой кисти. Бронзовая литая фибула с бусинами на дужке, длинной многовитковой пружиной с нижней тетивой, профилированными бусинами. Бронзовый пружинный аппарат был заменен железным. Корпус украшен пуансонным орнаментом и биконической кнопкой на конце сплошного приемника. Длина 6,3 см. Найдена вместе с № 48, 49, 59, 76, 86 (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2015, с. 121, рис. 30: 6). Аналогичная фибула найдена в Тире (Савельєв 2013, с. 106).

54. Погребение 121, ск. 3 (мужчина) (рис. 3: 54). Бронзовая литая фибула с бусинами на дужке, длинной 10-витковой пружиной с железной осью и верхней тетивой, профилированными бусинами. Корпус украшен пуансонным орнаментом и биконической кнопкой на конце сплошного приемника. Длина 6 см (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2015, с. 134, рис. 43: 4).

Такие фибулы распространены в Дакии, зафиксированы в Юго-Западном Крыму, единичные находки происходят из Тиры, Танаиса и о. Змеиный (Амброз 1966, табл. 8,2). Датированы II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 227).

Серия II форма 1. *Характерная черта — изделия с близко посаженными бусинами.*

55. Могила 25 (рис. 3: 55) (раскопки Э. А. Сымоновича 1977 г.). Бронзовая литая фибула с бусинами на дужке, многовитковой пружиной и верхней тетивой, прогнутой ножкой с заглаженной кнопкой. Длина 3,7 см.

56. Погребение 119, ск. 2 (женщина) (рис. 3: 56). На правой части грудной клетки. Бронзовая литая фибула с бусинами на дужке, прогнутой ножкой, украшенной на конце кнопкой, высоким приемником, с длинной 12-витковой пружиной с нижней тетивой. Длина 4,5 см. Найдена вместе с № 46, 77, 105 (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2015, с. 121, рис. 30: 10).

Серия II форма 2. *Характерная черта — дистанция между бусинами равна расстоянию от задней бусины до кнопки на конце приемника.*

57. Могила 10 (рис. 3: 57) (раскопки Э. А. Сымоновича 1976 г.). Бронзовая фибула с бусинами на дужке, прогнутой ножкой, украшенной на конце кнопкой, и высоким приемником. Длина 4,6 см. У В. В. Кропотова определена как фибула III серии (Кропотов 2010, с. 217, № 8), однако имеет 8-витковую пружину и проработанные бусины, чем отличается от основных изделий серии.

58. Могила 38 (рис. 3: 58) (раскопки Э. А. Сымоновича 1977 г.). Детская. На левой стороне груди бронзовая фибула с бусинами на дужке, длина 5,2 см (Кропотов 2010, с. 233, № 3).

59. Погребение 119, ск. 1 (женщина) (рис. 3: 59). У левого локтя бронзовая одночленная фибула с бусинами на дужке, дугообразной спинкой с кнопкой на конце ножки, высоким приемником, с 10-витковой пружиной и нижней тетивой. Длина 3,5 см. Найдена вместе с № 48, 49, 53, 76, 86 (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2015, с. 121, рис. 30: 4).

60. Погребение 131, ск. 2 (женщина) (рис. 3: 60). Под левой ключицей бронзовая фибула с бусинами на дужке. Имеет 8-витковую пружину с нижней тетивой, проволочную дужку с заглаженными бусинами и сплошной приемник с намеченной бусиной. Длина 3,6 см. Найдена вместе с № 47, 63 (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2017, с. 15, рис. 22).

Распространены преимущественно в восточной части Северного Причерноморья и на Северном Кавказе, при наибольшей концентрации в низовьях Дона (Кропотов 2010, с. 230). Датированы II — первой половиной III в. н. э. (Кропотов 2010, с. 231).

Серия III. *Отличительные признаки: нижняя тетива, короткая 4—6-витковая пружина, сильно заглаженные бусины, исключительно проволочная дужка и едва намеченное окончание на конце сплошного приемника.*

61. Могила 92, п. 2 (рис. 3: 61) (раскопки О. А. Гей 1988 г.). Подросток. В области таза бронзовая фибула с бусинами на дужке. Имеет 4-витковую пружину с нижней тетивой, проволочную дужку с заглаженными бусинами и сплошной приемник с проработанной круглой кнопкой (длина 6,5 см).

62. Могила 29 (рис. 3: 62) (раскопки Э. А. Сымоновича 1977 г.). Аналогичная бронзовая фибула длиной 7,4 см. Найдена вместе с № 52 (Кропотов 2010, с. 249, № 9).

63. Погребение 131, ск. 2 (женщина) (рис. 3: 63). Аналогичная бронзовая фибула длиной 6 см. Найдена вместе с № 47, 60 (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2017, с. 15, рис. 22).

64. Погребение 131, ск. 2 (женщина) (рис. 3: 64). Подвеска из бронзовой фибулы с бусинами на дужке. Фибула была сломана и согнута для

вторичного использования в качестве подвески. Имеет 4-витковую пружину с нижней тетивой, проволочную дужку с заглаженными бусинами и сплошной высокий приемник с едва намеченной кнопкой. Длина 4 см (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2017, с. 15, рис. 22).

65. Погребение 131, ск. 1 (мужчина) (рис. 3: 65). В нижней части грудной клетки, справа. Бронзовая фибула такого же типа. Длина 6 см (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2017, с. 13, рис. 20: 2).

66. Могила 35, п. 1 (рис. 3: 66) (раскопки Э. А. Сымоновича 1977 г.). Аналогичная бронзовая фибула длиной 4,6 см. Найдена вместе с № 15, 73 (Кропотов 2010, с. 249, № 10).

67. Погребение 121, ск. 1 (мальчик-подросток) (рис. 3: 67). Аналогичная бронзовая фибула длиной 3,8 см (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2015, с. 132, рис. 41: 1).

68. Погребение 141 (рис. 3: 68). В заполнении камеры. Бронзовая фибула аналогичного типа длиной 4 см (раскопки 2017 г.).

69. Погребение 121, ск. 1 (мальчик-подросток) (рис. 3: 69). Подвеска из сломанной бронзовой фибулы III серии. Длина 2,9 см (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2015, с. 132, рис. 41: 2).

70. Могила 5 (рис. 3: 70). В публикации О. А. Гей отмечено, что из этого комплекса происходит сильнопрофилированная фибула с бусинами на дужке III серии, длиной 4,7 см (Гей 1987, рис. 6; 14; Кропотов 2010, с. 249, № 7). Однако в отчете Э. А. Сымоновича в могиле 5 нет фибулы вообще. Поскольку материалы в данный момент недоступны, проверить наличие фибулы нельзя.

Распространены преимущественно в западной части Северного Причерноморья при наибольшей концентрации в низовьях Днепра и Южного Буга. Вполне возможно их производство в этом районе по образцу привозных «дунайских» экземпляров (Кропотов 2010, с. 248). Датированы II в. н. э.

7. ФИБУЛЫ-БРОШИ С ДВУМЯ ИГЛАМИ

Серия II. *Серебряные или бронзовые застежки с основой, состоящей из бляхи с рельефным изображением, и пружинного аппарата с двумя иглами.*

71. Могила 76, п. 2 (рис. 3: 71) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). Фибула-брошь из белого металла с 2 иглами и рельефным погрудным изображением греческой богини. Диаметр 7,7 см.

72. Могила 80 (рис. 3: 72) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). Фрагменты аналогичной фибулы-броши.

Фибула данного типа обнаружена в могиле 38 могильника Николаевка (Сымонович 1967, табл. 2, 26). Находки таких фибул сосредоточены в Центральном и Северо-Западном Крыму (Кропотов 2010, с. 291—292). Датированы второй половиной II — I в. до н. э.

8. ПРУЖИННЫЕ ФИБУЛЫ-БРОШИ

Конструктивно состоят из фигурного щитка, прикрепленного к спинке смычковой фибулы.

73. Могила 35, п. 1 (рис. 4: 73) (раскопки Э. А. Сымоновича 1977 г.). Фрагменты тонкой металлической пластинки — остатки щитка. Застежка — бронзовая смычковая фибула длиной 3 см (Кропотов 2010, с. 293, 295, № 3). Найдена вместе с № 15, 66.

74. Могила 35, п. 2 (рис. 4: 74). Бронзовая одночленная смычковая фибула с узким пластинчатым приемником и 4-витковой пружиной с нижней тетивой. Возможно, от фибулы-броши. Найдена вместе с № 85.

75. Могила 73, п. 3 (рис. 4: 75) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). Аналогичная фибула длиной 3,1 см.

76. Погребение 119, ск. 1 (женщина) (рис. 4: 76). На левом плече бронзовая фибула-брошь. Круглый щиток с изображением конного охотника с собакой, фрагментирован. Застежка — смычковая фибула, аналогичная предыдущим, длиной 3 см. Найдена вместе с № 48, 49, 53, 59, 86 (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2015, с. 121, рис. 30: 1).

77. Погребение 119, ск. 2 (женщина) (рис. 4: 77). На левом плече бронзовая фибула-брошь. Щиток истлел, сохранилась застежка в виде смычковой фибулы аналогичного предыдущим типа, длиной 3,5 см. Найдена вместе с № 46, 56, 105 (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2015, с. 121, рис. 30: 7).

78. Случайная находка В. И. Гошкевича (рис. 4: 78). Бронзовая смычковая фибула. Возможно, от фибулы-броши (Гошкевич 1913, рис. 41).

Фибулы-броши, аналогичные нашим, происходят из позднескифских комплексов Крыма последней четверти I — начала II в. н. э. (Пуздровский 2007, с. 470, рис. 196). Территория распространения подобных застежек — памятники оседлого населения восточной части Северного Причерноморья. Наиболее многочисленны они в могильниках Юго-Западного Крыма, а также некрополях нижнедонских и кубанских городищ. Основной диапазон бытования этих украшений — вторая половина I — первая половина III в. н. э. (Кропотов 2010, с. 294—295).

9. ФИБУЛЫ-БРОШИ С ШАРНИРОМ ИЗ ДВУХ СТОЕК

Форма 3.

79. Могила 73, п. 2 (рис. 4: 79) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). С ромбовидным бронзовым

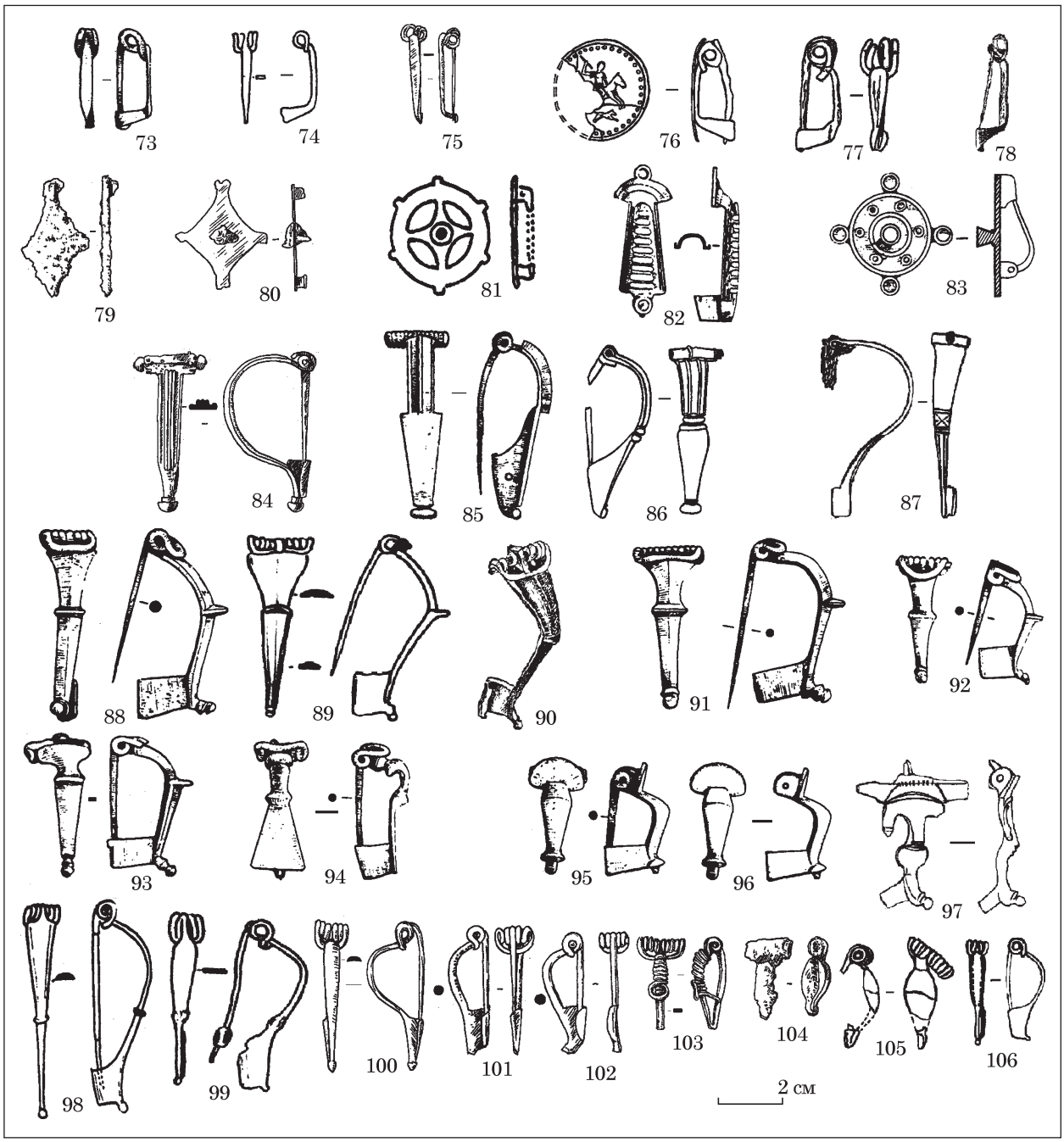


Рис. 4. ***Пружинные фибулы-броши***: 73 — мог. 35, п. 1; 74 — мог. 35, п. 2; 75 — мог. 73, п. 3; 76 — погр. 119, ск. 1; 77 — погр. 119, ск. 2; 78 — случ. нах. Гошкевича; ***броши с шарниром из двух стоек***: *форма 3*: 79 — мог. 73, п. 2; 80 — мог. 96, п. 4; *форма 8*: 81 — мог. 10; *форма 59*: 82 — мог. 30, п. 3; *форма 64*: 83 — мог. 30, п. 3; ***шарнирные дуговидные фибулы***: *форма 2*: 84 — мог. 78, п. 1; *форма 9*: 85 — мог. 35, п. 2; 86 — погр. 119, ск. 1; *форма 30*: 87 — случ. нах., раскоп 11; ***сильно профилированные фибулы с расширенной головкой***: *форма 5*: 88 — мог. 30, п. 2; 89 — случ. нах. 1977 г.; 90 — случ. нах. Гошкевича; 91 — мог. 30, п. 3; 92 — мог. 30, п. 3; 93 — мог. 30, п. 7; *форма 10*: 94 — мог. 30, п. 3; ***фибулы редких западных типов***: *форма 4*: 95 — мог. 30, п. 1; 96 — случ. нах. могильник; ***«якорная»***: 97 — случ. нах. 2013 г.; ***гибридные фибулы***: 98 — мог. 4, п. 2; 99 — случ. нах. 1977 г.; 100 — мог. 83, п. 1; 101 — мог. 73, п. 1; 102 — мог. 73, п. 1; 103 — мог. 103, п. 4; 104 — мог. 77; 105 — погр. 119, ск. 2; 106 — погр. 142

щитком без эмали, украшенным на двух углах завитками, в центре щитка отверстие с железным стержнем. Размеры 3,7 × 2,1 см.

80. Могила 96, п. 4 (рис. 4: 80) (раскопки О. А. Гей 1988 г.). На груди, аналогичная № 79. Размеры около 3,7 × 2,1 см.

Аналоги из римских провинций датированы в пределах второй—третьей четверти I в. н. э. (Кропотов 2010, с. 304) Могилы с подобными брошами в некрополе Золотое датированы I в. н. э. (Корпусова 1983, с. 104; 110).

Форма 8.

81. Могила 10 (рис. 4: 81) (раскопки Э. А. Сымоновича 1976 г.). Брошь с шарниром из двух

стоек, круглым щитком с четырьмя прорезями без эмали, края украшены равномерно расположенными выступами. В центре отверстие для навершия, окружено врезной линией. Диаметр 3,4 см.

Датированы второй—третьей четвертью I в. н. э., на нашей территории запаздывают. Пользовались популярностью в Западных провинциях Римской империи, а также в провинциях Дакия и Нижняя Мезия (Кропотов 2010, с. 302; 306). Аналогичные броши найдены в Горгиппии и могиле № 107 некрополя Золотое (Корпусова 1983, с. 115).

Форма 59.

82. Могила 30, п. 3 (рис. 4: 82) (раскопки Э. А. Сымоновича 1977 г.). Бронзовый щиток трапециевидной формы с полукруглым выступом над шарниром, дуговидный в сечении, дополнен на противоположных концах маленьким кольцом и небольшим диском. Украшен поперечными вставками эмали. Длина 4,8 см. Близкие по форме образцы из римских провинций датированы концом I — первой половиной II в. н. э. (Riha 1979, Taf. 64: 1679—1681).

Форма 64.

83. Могила 30, п. 3 (рис. 4: 83) (раскопки Э. А. Сымоновича 1977 г.). Бронзовый круглый щиток с четырьмя симметрично расположенными малыми дисками по краю, диаметр 2,6 см. Тип 27 b1 по классификации М. Фужера (Feugere 1985, pl. 153: 1921). Датирована второй половиной II в. н. э.

10. ШАРНИРНЫЕ ДУГОВИДНЫЕ ФИБУЛЫ

В данную группу объединены различные дужковые фибулы, снабженные трубчатым шарниром.

Форма 2.

84. Могила 78, п. 1 (рис. 4: 84) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). На груди бронзовая фибула типа «Ауцисса», длина 5,5 см.

Были широко распространены в Римской империи, особенно в Галлии, где датированы концом I в. до н. э. — первой половиной I в. н. э. (Кропотов 2010, с. 265). У сарматов Северного Причерноморья несколько «запаздывали» и бытовали во второй половине I в. н. э. (Симоненко, 2011, с. 21).

Форма 9.

85. Могила 35, п. 2 (рис. 4: 85) (раскопки Э. А. Сымоновича 1977 г.). Бронзовая фибула с пластинчатой спинкой, украшенной по продольной оси рельефным гребнем, широкая, сужающаяся книзу ножка дополнена на конце подпрямоугольной кнопкой и круглым отверстием на пластинчатом приемнике. Длина 5,8 см.

Имеет многочисленные аналоги в римских провинциях. Датирована серединой I — началом II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 268; 280 форма 9). Найдена вместе с № 74.

86. Погребение 119, ск. 1 (женщина) (рис. 4: 86). У поясницы найдена бронзовая фибула с железной осью шарнира. Спинка плоская, с загнутыми краями, украшена двумя продольными валиками. Широкая, сужающаяся книзу ножка дополнена на конце подпрямоугольной кнопкой. Приемник треугольный. Длина 5,5 см, ширина спинки 1 см. Найдена вместе с № 48, 49, 53, 59, 76. (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2015, с. 121, рис. 30: 5). Датирована серединой I — началом II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 268).

Форма 30.

87. Раскоп 11. Случайная находка в культурном слое могильника (рис. 4: 87). Имеет гладкую ленточную спинку, украшенную гравировкой, и сплошной приемник (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2015, с. 109, рис. 18).

Аналогичная фибула найдена на Юго-Восточном некрополе Неаполя Скифского, могила № 16 (Кропотов 2010, с. 272, рис. 82: 2). Аналогов в римских провинциях нет. Самая поздняя разновидность восточноевропейских шарнирных фибул. Датирована заключительной частью II — первой половиной III в. н. э. (Кропотов 2010, с. 275).

11. СИЛЬНО ПРОФИЛИРОВАННЫЕ ФИБУЛЫ С РАСШИРЕННОЙ ГОЛОВКОЙ

Форма 5. *Отличительные черты формы — высокий сплошной приемник с кнопкой на конце, гладкий, сужающийся к ножке корпус и прямой поперечный гребень на спинке.*

88. Могила 30, п. 2 (рис. 4: 88) (раскопки Э. А. Сымоновича 1977 г.). Бронзовая литая фибула с высоким приемником с кнопкой на конце и прямым поперечным гребнем на спинке, длина 6 см. Форма Альмгрен 84 (Almgren 1897, Taf. 84; Кропотов 2010, с. 263, форма 5, №15—18).

89. Аналогичная фибула, случайная находка 1977 г. (рис. 4: 89).

90. Аналогичная фибула, случайная находка В. И. Гошкевича (рис. 4: 90). Длина 6 см (Гошкевич 1913, рис. 41; Кропотов 2010, с. 263, № 14).

91. Могила 30, п. 3 (рис. 4: 91) (раскопки Э. А. Сымоновича 1977 г.). У правой головки бедра аналогичная фибула длиной 5,0 см. Найдена вместе с № 92.

92. Могила 30, п. 3 (рис. 4: 92) (раскопки Э. А. Сымоновича 1977 г.). Под левой ключицей аналогичная фибула длиной 4,1 см. Найдена вместе с № 91.

93. Могила 30, п. 7 (рис. 4: 93). У левого плеча аналогичная фибула длиной 4,2 см.

Фибулы этого типа были распространены в дунайских провинциях и популярны среди варварского населения за пределами Империи (Савельєв 2013, с. 106). Время бытования

в Европе II в. н. э. Восточноевропейские находки датируются концом II — первой половиной III в. н. э. (Кропотов 2010, с. 260).

Форма 10. *Изделия с широкой треугольной в плане ножкой, невысоким поперечным гребнем на корпусе и трубовидно расширенной головкой.*

94. Могила 30, п. 3 (рис. 4: 94) (раскопки Э. А. Сымоновича 1977 г.). Бронзовая фибула с треугольной ножкой, невысоким поперечным гребнем на корпусе и трубовидно расширенной головкой с опорной пластиной над пружиной. Характерны для Верхнего и Среднего Подунавья. Датируются концом I — первой половиной II в. н. э. В Северном Причерноморье единственная хорошо датированная находка — Усть-Альминский некрополь, могила 424а, датирована заключительной частью II — первой половиной III в. н. э. (Кропотов 2010, с. 261, форма 10).

12. ФИБУЛЫ РЕДКИХ ЗАПАДНЫХ ТИПОВ

Форма 4. *Литые бронзовые коленчатые фибулы с высоким сплошным приемником и широкой полукруглой пластиной над пружиной. Форма Альмгрен 247 (группа 17).*

95. Могила 30, п. 1 (рис. 4: 95) (раскопки Э. А. Сымоновича 1977 г.). У левого плеча. Длина 3,5 см (Кропотов 2010, с. 330—331, форма 4, № 1).

96. Могильник, отвал грабительского шурфа. Случайная находка (рис. 4: 96). Длина 3,5 см.

Типичны для дунайских провинций Римской империи. Датированы заключительной частью II — первой половиной III в. н. э. (Peškar 1972, Taf. 18, S. 172).

97. Случайная находка 2013 г. на городище (рис. 4: 97). Литая бронзовая фибула «якорного» типа.

Характерны для Паннонии, Далмации и Мёзии. Датированы второй половиной II — началом III в. н. э. (Генчева 2004, табл. VII, № 12, с. 102). На нашей территории неизвестны.

13. ГИБРИДНЫЕ ФИБУЛЫ

В данную группу объединены застежки, совмещающие в себе признаки сразу нескольких фибульных групп, но самостоятельно не создающие заметных серий находок.

98. Могила 4, п. 2 (рис. 4: 98) (раскопки Э. А. Сымоновича 1976 г.). На груди бронзовая фибула гибридного типа с нижней тетивой, пластинчатой спинкой, заглаженной бусиной на переходе к сплошному пластинчатому приемнику с кнопкой на конце. Длина 6,5 см.

Совмещает в себе черты лучковых подвязных I серии варианта 2 и сильно профилированных с бусиной на дужке III серии. Датирована II в. н. э. Большинство лучковых подвязных фибул происходит из некрополей нижнедонских городищ, в то время как сильно профилированные фибулы с бусиной на дужке III серии наиболее распространены в памятниках низовья Днепра и Южного Буга (Кропотов 2006, с. 211; 248). Можно предположить, что подобные изделия были продуктом местных мастерских. В. В. Кропотовым была отнесена к сильнопрофилированным фибулам с бусинами на дужке III серии (Кропотов 2010, с. 249, № 6), однако, в отличие от изделий этой серии, данный экземпляр имеет пластинчатую спинку.

99. Случайная находка 1977 г. (рис. 4: 99). Аналогичная фибула гибридного типа. Датирована II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 211, 248).

100. Могила 83, п. 1 (рис. 4: 100) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). Женщина. На груди бронзовая фибула, сочетающая признаки лучковых подвязных фибул II серии с нижней тетивой и фибул с кнопкой на конце сплошного приемника. Длина 5,2 см. Может быть датирована концом I — началом II в. н. э. Найдена вместе с № 27, 35.

101. Могила 73, п. 1 (рис. 4: 101) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). Женщина. Справа от черепа бронзовая одночленная фибула с 4-витковой пружиной с нижней тетивой, проволочной спинкой и сплошным приемником с утраченной кнопкой. Гибрид лучковых подвязных фибул II серии варианта 2 и фибул с кнопкой на конце приемника. Период использования подобных застежек по совокупности признаков и сопутствующему материалу — вторая половина I — первая половина II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 131; 213).

102. Могила 73, п. 1 (рис. 4: 102). На правой стороне таза аналогичная фибула.

В публикации Э. Рихи есть похожая фибула, которую автор отнесла к воинским, однако, в отличие от наших образцов, она имеет угловатый изгиб спинки и небольшой по размерам приемник (Riha 1979, S. 61, Taf. 3, N 127).

103. Могила 103, п. 4 (рис. 4: 103) (раскопки О. А. Гей 1988 г.). Ребенок. На груди бронзовая фибула. Имеет плавно изогнутую дужку и фигурную обмотку, узкую ножку и нижнюю тетиву, длина 3 см. Найдена вместе с № 30. Отличается от подобной фибулы, найденной в сарматском погребении в кургане 7 близ Владимировки, многовитковой пружиной (Кропотов 2010, с. 130). Датирована второй половиной I — началом II в. н. э.

104. Могила 77 (рис. 4: 104) (раскопки О. А. Гей 1987 г.). Миниатюрная фибула с овальной выпуклой спинкой. В отличие от выборки В. В. Кропотова имеет многовитковую пружину (Кропотов 2010, с. 166). Найдена вместе с № 39 и 23.

105. Погребение 119, ск. 2 (женщина) (рис. 4: 105). Возле правой кисти, миниатюрная серебряная фибула с овальной выпуклой спинкой, 10-витковой пружиной с нижней тетивой и ко-

ротким сплошным приемником. Фрагментирована, длина 4 см. Найдена вместе с № 46, 56, 77 (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе 2015, с. 121, рис. 30: 8).

Застежка ближе всего миниатюрным фибулам с выпуклой спинкой, которые сконцентрированы на могильниках Юго-Западного Крыма и некрополях сельской хоры Боспора (Кропотов 2010, с. 167).

106. Погребение 142 (кенотаф) (рис. 4: 106). Бронзовая фибула с кнопкой на конце приемника, подобная I серии варианта 2, с 4-витковой пружиной с нижней тетивой, пластинчатой, сужающейся к ножке спинкой, покрытой двумя рядами пуансонного орнамента, и сплошным приемником со сглаженной кнопкой.

Датирована II в. н. э. Большинство фибул рассматриваемой группы происходят из некрополей нижнедонских городищ (Кропотов 2010, с. 212). Однако маленький размер (длина 3,5 см) и нижняя тетива противоречат признакам группы и позволяют отнести изделие к гибридным фибулам.

Следует отметить также находки мелких фрагментов фибул, которые из-за плохой сохранности невозможно отнести к той или иной группе:

107. Могила 28 (раскопки Э. А. Сымоновича 1977 г.). Обломок бронзовой фибулы.

108. Могила 40, п. 2 (раскопки Э. А. Сымоновича 1977 г.). Фрагмент фибулы с 4-витковой пружиной с нижней тетивой и проволочной спинкой.

109. Могила 47, п. 2 (раскопки О. А. Гей 1986 г.). Головка железной фибулы с 4-витковой пружиной с верхней тетивой, найдена вместе с № 7.

110. Могила 48, п. 2 (раскопки О. А. Гей 1986 г.). Бронзовая пружина от фибулы.

111. Могила 76, п. 2 (раскопки О. А. Гей 1987 г.). Фрагмент пружины бронзовой фибулы, найден вместе с № 71.

112. Могила 84 (раскопки О. А. Гей 1988 г.). Кремация. Четыре фрагмента железной фибулы с рамчатым приемником, длина 4 см.

113. Погребение 123 (Симоненко, Сікоза, Дзнеладзе, 2015, с. 48). Фрагменты лучковой подвязной фибулы: основа спинки с двумя витками пружины, часть иглы и приемник. Возможно, серия I, вариант 3. Первая половина — середина II в. н. э. (Кропотов 2010, с. 74).

* * *

Погребения с фибулами можно сгруппировать в четыре хронологических периода.

1. *Первый период*: вторая половина II в. до н. э. — первая половина I в. до н. э. Ранний этап функционирования могильника. Первые погребения (мог. 44, п. 3; мог. 47, п. 2; мог. 34; мог. 76, п. 2; мог. 80) совершены на могильнике не ранее второй половины II до н. э. Все они сконцентрированы в дальней северо-западной части могильника. Хронологию этой группы определяют фибулы среднелатенской схемы серии I варианта 1 и фибулы-броши с двумя иглами. Среднелатенские скрепленные фибулы серии I варианта 1 хорошо представлены в могильнике Беляус (Дашевская, 2014). Вместе с брошами с двумя иглами, доминирующими в это время в Центральном и Северо-Западном Крыму, они могут указывать на связи с позднескифским населением Крыма.

Среди ранних комплексов могильника найдена всего одна фибула среднелатенской схемы серии I варианта 2. Такие фибулы обычны в сарматских погребениях Северного Причерноморья (Симоненко 1993, с. 27). Возможно, это служит еще одним подтверждением теории о том, что на раннем этапе сарматы еще не контактировали с поздними скифами, и их культурный компонент не прослеживается на позднескифских памятниках.

2. *Второй период* датируется второй половиной I в. до н. э. — первой половиной I в. н. э., к нему относятся мог. 10, мог. 23, п. 3, мог. 44, п. 1, мог. 47, п. 2, мог. 73, п. 2, мог. 78, п. 1, мог. 96, п. 4, мог. 103, п. 1, погр. 120, 128, 132. Эту группу диагностируют воинские и лучковые подвязные фибулы серии I варианта 1 и серии II варианта 1.

Начиная со второй—третьей четверти I века н. э., на могильнике появляются первые римские импорты — фибулы типа «Ауцисса» и броши с шарниром из двух стоек форм 3 и 8. Первые были римскими солдатскими застежками и широко распространены в западных римских провинциях, Дакии и Нижней Мёзии. На нашу территорию проникают, скорее всего, из Крыма, где отмечена их высокая концентрация в некрополях Боспорского царства и у поздних скифов Юго-Западного и Центрального Крыма.

Также крымскими по происхождению можно считать две воинские фибулы с верхней тетивой и две лучковые подвязные фибулы I серии варианта 1, в то время как воинская фибула с нижней тетивой и две лучковые подвязные фибулы II серии варианта 1 характерны для нижнеднепровских памятников.

3. *Третий период* (вторая половина I в. н. э. — первая половина II в. н. э.) — время расцвета жизни на Красномаяцком городище. Этим временем датирована значительная группа погребений — мог. 1, п. 3, мог. 17, п. 1, мог. 30, п. 3, мог. 35, п. 1, 2, мог. 48, п. 1, мог. 73, п. 3, мог. 74, 77, мог. 78, п. 1, 4; мог. 78, п. 5, 6, мог. 82, п. 1, 3, мог. 83, п. 1, 3, 4, мог. 96, п. 3, мог. 103, п. 2, 4, погр. 116, 119, 121, 131, а также две фибулы из случайных находок В. И. Гошкевича.

Очевидно, в это время увеличивается численность нижнеднепровского населения за счет переселения части поздних скифов из

Крыма. Не исключено, что причиной их миграции на Нижний Днепр послужила нестабильная политическая обстановка во второй половине I — начале II в. н. э. в Крыму, связанная не в последнюю очередь с прибытием в Северное Причерноморье «восточной волны» мигрантов — носителей среднесарматской культуры (Симоненко 2000, с. 137). Эти события хорошо отражают находки фибул. В погребениях этого периода найдены лучковые подвязные фибулы I серии варианта 2, фибулы с завитком на конце приемника I серии формы 3 и пружинные фибулы-броши. Эта группа указывает на присутствие в Красном Маяке какой-то группы крымского населения. Лучковые подвязные IV серии варианта 2 и фибулы с кнопкой на конце сплошного приемника 1 и 2 вариантов широко распространены на территории Нижнего Дона и Кубани и, возможно, могут выступать маркером «восточной волны» среднесарматской культуры, в то время как лучковые подвязные фибулы форм 1 и 2 II серии 2 варианта типичны как для местных позднескифских, так и сарматских памятников Нижнего Днепра. Римские импорты представлены сильно профилированными фибулами с бусинами на дужке I серии 1 варианта, брошами с шарниром из двух стоек формы 59 и шарнирными дуговидными фибулами формы 9.

Ряд фибул датирован широко II в. н. э.: это лучковые подвязные фибулы I серии 3 варианта, сильно профилированные с бусинами на дужке I серии 2 варианта и III серии. Все они найдены в комплексах с фибулами, имеющими более точную датировку, и не противоречат выделенным хронологическим группам.

4. *Четвертый период*: вторая половина II в. н. э. — первая половина III в. н. э. К этому времени относятся погребения в мог. 25, 30, п. 1—3, 7, мог. 48, п. 1, мог. 10, 38, п. 131, случайные находки В. И. Гошкевича, 1977 г. и две случайные находки 2013 г. — на раскопе 11 и в районе городища.

В погребениях этой группы найдены лучковые подвязные фибулы формы 1 I серии 4 варианта, фибулы с завитком на конце приемника формы 1 II серии, сильно профилированные фибулы с бусинами на дужке форм 1 и 2 серии II, броши с шарниром из двух стоек формы 64, шарнирные дуговидные фибулы формы 30. Регионы поступления этих фибул — те же, что и в третьем периоде, однако к ним добавляются фибулы редких западных типов и сильно профилированные застежки с расширенной головкой. Помимо наиболее вероятных торговых путей поступления, они могут свидетельствовать об участии позднескифского населения в Маркоманских войнах и других походах на запад, в римские провинции.

Пока не найдены фибулы, датирующиеся позже середины III в. н. э. К этому времени относятся последние позднескифские погребальные комплексы. Находки более поздних фибул связаны с черняховским этапом жизни в Красном Маяке.

Интересна также группа гибридных фибул. Все они появляются в Красном Маяке со второй половины I в. н. э. и существуют весь II в. н. э. Они сочетают в себе черты распространенных в то время римских провинциальных застежек и фибул из восточной части Северного Причерноморья, возможно, производившихся в Танаисе. Полных аналогов такие находки не имеют. Ареал их прототипов указывает на их местное (боспорское? приднепровское?) производство мастерами, которым должны были быть хорошо знакомы исходные типы.

Сопоставление количества фибул с полом погребенных, а также их расположение на скелете позволяет судить о некоторых особенностях позднескифского костюма. В мужских погребениях в районе груди фиксируются 1—2 фибулы, в то время как в женских погребениях может быть одновременно 4, 6 и даже 8 фибул, найденных на груди, животе, у плеч и локтей. На наш взгляд, это связано с фиксацией верхней женской одежды, возможно, плаща или накидки, которая закреплялась таким способом. Мужчины же носили куртки, которые застегивались одной или двумя фибулами.

Нанесение находок фибул на общий план могильника не демонстрирует какой-либо корреляции с его формированием. Хотя на могильнике исследовано 11 участков в разных его частях, общая площадь раскопок вряд ли превышает 1 % всей площади. Однако уже видно, что одни и те же участки могильника использовались в разные хронологические периоды. При этом ранние катакомбы могли повреждаться при сооружении новых, в то время как синхронные могилы отмечались, скорее всего, надмогильными знаками. Таким образом, сооружая новый земляной склеп, люди видели соседнюю могилу и новую встраивали с ней в ряд.

Интересным, на наш взгляд, является тот факт, что большинство фибул происходит из погребений в катакомбах, т. е. условно «позднескифских» могил. В подбоях (условно «сарматских») фибул не найдено. Всего они найдены в 33 погребальных комплексах у 53 погребенных. Хронология фибул указывает, что одна катакомба могла использоваться для коллективных захоронений не более 50 лет (два поколения).

ЛИТЕРАТУРА

Амброз, А. К. 1966. *Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э.* Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 1-30.

Былкова, В. П. 2007. Позднескифские городища Нижнего Днепра: Проблемы хронологии и атрибуции. *Tyragetia, s. n.*, I (XVI), 1 с. 89-114.

Гей, О. А. 1987. Погребальный обряд поздних скифов на Нижнем Днепре. *Советская археология*, 3, с. 53-67.

Гей, О. А., Бажан, И. А. 1993. Захоронение с комплексом вещей круга эмалей на Нижнем Днепре. *Петербургский археологический вестник*, 3, с. 52-59.

Гей, О. О., 1985. Скіфо-сарматські елементи в могильниках черняхівської культури в межиріччі Дніпра та Дністра. *Археологія*, 50, с. 27-34.

Генчева, Е. 2004. *Римските фибули от България от края на I в. пр. н. е. до края на VI в. н. е.* Велико Търново.

Гошкевич, В. И. 1913. Древние городища по берегам низового Днепра. *Известия ИАК*, 47, с. 117-145.

Дашевская, О. Д. 2014. *Некрополь Беляуса.* Симферополь: Феникс.

Дзнеладзе, О. С, Сикоза, Д. Н., Симоненко, А. В. 2017. Воинское погребение в могильнике Красный Маяк на Нижнем Днепре. *Археологія і давня історія України*, 2 (23), с. 255-270.

Дзнеладзе О., Сікоза, Д. 2017. Вбрання дівчинки з могильника Червоний Маяк. В: Корохіна, А. (ред.). *Інтерпретація археологічних джерел.* Матеріали наукової конференції молодих вчених «Інтерпретація археологічних джерел: здобутки та виклики», Київ, 16—17 листопада 2017 р. Київ: Стародавній світ, с. 64-70.

Корпусова, В. Н. 1983. *Некрополь Золотое.* Киев: Наукова думка.

Костенко, В. И. 1993. *Сарматы в Нижнем Поднепровье (по материалам Усть-Каменского могильника).* Днепропетровск: ДДУ.

Кропотов, В. В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи.* Киев: АДЕФ-Украина.

Пуздровский, А. Е. 2007. *Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники.* Симферополь: Бизнес-Информ.

Савельев, О. К. 2013. Фібули з Тіри (знахідки 1996—2010 рр.). *Археологія*, 2, с. 100-115.

Симоненко, А. В. 1993. *Сарматы Таврии.* Киев: Наукова думка.

Симоненко, А. В., 2000. Могильник Днепрозаводстрой и сарматские памятники «восточной волны» в Северном Причерноморье. *Нижневолжский археологический вестник*, 3, с. 133-144.

Симоненко, А. В. 2011. *Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Симоненко, О. В., Сікоза, Д. М., Дзнеладзе, О. С. 2015. *Пізньоскіфський могильник Червоний Маяк. Дослідження 2011—2015 років*. Херсон: Сівак О. В.

Симоненко, О. В., Сікоза Д. М., Дзнеладзе, О. С. 2017. *Звіт Пізньоскіфської археологічної експедиції про розкопки могильника Червоний Маяк 2016 р.* Науковий архів ІА НАНУ, 2017.

Сымонович, Э. А. 1967. *Отчет о работах Николаевского отряда ИА АН СССР и Института антропологи Московского государственного университета в 1967 г.* Науковий архів ІА НАНУ, 1967/74.

Сымонович, Э. А. 1976. *Отчет о работах Черняховской экспедиции ИА АН УССР в 1976 г.* Науковий архів ІА НАНУ, 1976/44.

Сымонович, Э.А. 1977. *Отчет о раскопках Черняховской экспедиции ИА АН СССР на Украине в 1977 г.* Науковий архів ІА НАНУ, 1977/114.

Almgren, O. 1897. *Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchrislichen Jahrhunderte mit Berücksicktigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen.* Stockholm: Ivar Hæggström.

Dzneladze, O., Sikoza, D., Symonenko, O. 2015. The Aristocratic Tomb on the Late Scythian Cemetery Chervony Mayak in Lower Dnieper Region. *Istros*, XXI, P. 299-326.

Feugère, M. 1985. *Les Fibules en Gaule Mèridionale de la conquête a la fin du Ve siècle aprè J.-C.* Paris: Centre National de la Recherche Scientifique. Revue Arhèologique de Narbonnaise, Supp. 12.

Peškar, I. 1972. *Fibeln aus der römischen Kaiserzeit in Mähren.* Praha: Academia.

Riha, E. 1979. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst*. Augst: Hochuli A G., Muttenz. Forschungen in Augst, 3.

REFERENCES

Ambroz, A. K. 1966. *Fibulyi yuga Evropeyskoy chasti SSSR II v. do n. e. — IV v. n. e.* Moskva: Nauka. Svod arheologicheskih istochnikov, D 1-30.

Bylkova, V. P. 2007. Pozdneskifskie gorodischa Nizhnego Dnepra: Problemyi hronologii i atributsii. *Tyragetia, s. n.*, I (XVI), 1, s. 89-114.

Gencheva, E. 2004. *Rimskite fibuli ot Bulgaria ot kraya na I v. pr. n. e. do kraya na VI v. n. e.* Veliko Tarnovo.

Gey, O. A. 1987. Pogrebalnyiy obryad pozdnih skifov na Nizhnem Dnepre. *Sovetskaya arheologiya*, 3, s. 53-67.

Gey, O. A., Bazhan, I. A. 1993. Zahoronenie s kompleksom veschey kruga emaley na Nizhnem Dnepre. *Peterburgskiy arheologicheskiy vestnik*, 3, s. 52-59.

Hei, O. O., 1985. Skifo-sarmatski elementy v mohylnykakh cherniakhivskoi kultury v mezhyrichchi Dnipra ta Dnistra. *Arkheolohiia*, 50, s. 27-34.

Goshkevich, V. I. 1913. Drevnie gorodischa po beregam nizovogo Dnepra. *Izvestiya IAK*, 47, s. 117-145.

Dashevskaya, O. D. 2014. *Nekropol Belyausa.* Simferopol: Feniks.

Dzneladze, O. S, Sikoza, D. N., Simonenko, A. V. 2017. Voinskoe pogrebenie v mogilnike Krasnyiy Mayak na Nizhnem Dnepre. *Arheologija I davn'a istorija Ukrajiny*, 2 (23), s. 255-270.

Dzneladze O., Sikoza, D. 2017. Vbrannia divchynky z mohylnyka Chervonyi Maiak. In: Korokhina, A. (ed.). *Interpretatsiia arkheolohichnykh dzherel.* Materialy naukovoi konferentsii molodykh vchenykh «Interpretatsiia arkheolohichnykh dzherel: zdobutky ta vyklyky», Kyiv, 16—17 lystopada 2017 r. Kyiv: Starodavnii svit, s. 64-70.

Korpusova, V. N. 1983. *Nekropol Zolotoe.* Kiev: Naukova dumka.

Kostenko, V. I. 1993. *Sarmatyi v Nizhnem Podneprove (po materialam Ust-Kamenskogo mogilnika).* Dnepropetrovsk: DDU.

Kropotov, V. V. 2006. *Fibulyi sarmatskoy epohi.* Kiev: ADEF-Ukraina.

Puzdrovskiy, A. E. 2007. *Kryimskaya Skifiya II v. do n. e. — III v. n. e. Pogrebalnyie pamyatniki.* Simferopol: Biznes-Inform.

Saveliev, O. K. Fibuly z Tiry (znakhidky 1996—2010 rr.). *Arkheolohiia*, 2, s. 100-115.

Simonenko, A. V. 1993. *Sarmatyi Tavrii.* Kiev: Naukova dumka.

Simonenko A. V. 2011. *Rimskyi import u sarmatov Severnogo Prichernomoria.* Sankt-Petersburg: Nestor-Istoria.

Symonenko, O. V., Sikoza, D. M., Dzneladze, O. S. 2015. *Piznioskifskyi mohylnyk Chervonyi Maiak. Doslidzhennia 2011—2015 rokiv*. Kherson: Sivak O. V.

Symonenko, O. V., Sikoza D. M., Dzneladze, O. S. 2017. *Zvit Piznoskifskoi arkheolohichnoi ekspedytsii pro rozkopky mohylnyka Chervonyi Maiak* 2016 r. Naukoviy arhiv IA NANU, 2017.

Symonovich, E. A. 1967. *Otchet o rabotah Nikolaevskogo otryada IA AN SSSR i Instituta antropologi Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta v 1967 g.* Naukoviy arhiv IA NANU, 1967/74.

Symonovich, E. A. 1976. *Otchet o rabotah Chernyahovskoy ekspeditsii IA AN USSR v 1976 g.* Naukoviy arhiv IA NANU, 1976/44.

Symonovich, E. A. 1977. *Otchet o raskopkah Chernyahovskoy ekspeditsii IA AN SSSR na Ukraine v 1977 g.* Naukoviy arhiv IA NANU, 1977/114.

Almgren, O. 1897. *Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchrislichen Jahrhunderte mit Berücksicktigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen.* Stockholm: Ivar Hæggström.

Dzneladze, O., Sikoza, D., Symonenko, O. 2015. The Aristocratic Tomb on the Late Scythian Cemetery Chervony Mayak in Lower Dnieper Region. *Istros*, XXI, P. 299-326.

Feugère, M. 1985. *Les Fibules en Gaule Mèridionale de la conquête a la fin du Ve siècle aprè J.-C.* Paris: Centre National de la Recherche Scientifique. Revue Arhèologique de Narbonnaise, Supp. 12.

Peškar, I. 1972. *Fibeln aus der römischen Kaiserzeit in Mähren.* Praha: Academia.

Riha, E. 1979. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst*. Augst: Hochuli A G, Muttenz. Forschungen in Augst, 3.

O. S. Dzneladze, D. N. Sikoza, O. V. Symonenko

FIBULAE OF CHERVONYY MAYAK BURIAL GROUND

Having analyzed of fibulae four chronological periods in the usage of the burial ground Chervony Mayak can be distinguished: the early stage (the second half of the 2nd century BC — the first half of the 1st century BC); the second stage (the second half of the 1st century BC — the first half of the 1st century AD) which is the time of appearance of the first Roman imports; the third «stage of heyday» (the second half of the 1st — the first half of the 2nd century AD) — the time of increase of population at the settlement, the emergence of the «Eastern wave» of Sarmatian migration and the Sarmatization of the Late Scythian culture; the final stage (the second half of 2nd century — the first half of the 3rd century AD), the time of the last Late Scythian funerals on the Chervony Mayak necropolis. The comparison of the number of fibulae with gender of the buried allows to research some patterns of the Late Scythian costume. The chronology of fibulae shows that one catacomb could be used for collective funeral no more than 50 years.

Keywords: Late Scythians, fibulae, Chervony Mayak, Lower Dnieper Region.

Одержано 28.02.2018

ДЗНЕЛАДЗЕ Олена Сергоївна, кандидат історичних наук, науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *dzynya@gmail.com*.

DZNELADZE Olena, Ph D in History, Research Officer, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Prospect Heroiv Stalingrada 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *dzynya@gmail.com*.

СИМОНЕНКО Олександр Володимирович, доктор історичних наук, провідний науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *simonal@ukr.net*.

SYMONENKO Oleksandr, Doctor habilitatis in History, Chief Research Fellow, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Prospect Heroiv Stalingrada 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *simonal@ukr.net*.

СІКОЗА Денис Миколайович, заступник начальника, Обласна інспекція по охороні пам'яток історії та культури Департаменту культури, туризму та курортів Херсонської обласної державної адміністрації, Ушакова, 16, Херсон, 73000, Україна, *arheolog111@gmail.com*.

SIKOZA Denys, Associated Director, Regional Inspectorate for the Protection of Historical and Cultural Sites of the Department of Culture, Tourism and Resorts of the Kherson Regional State Administration, Ushakova, 16, Kherson, 73000, Ukraine, *arheolog111@gmail.com*.

АРХЕОЛОГІЯ І ПРИРОДНИЧІ НАУКИ

УДК: 902.6-033.6

В. И. Молодин, Л. Н. Мыльникова

МЕТОДЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ (переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Юг Западносибирской равнины) [1]

Публикуются результаты изучения формовочных масс и качества обжига керамических сосудов поселения Линево 1. Исследования проведены с привлечением методов естественных наук. В керамическом комплексе выделены пять групп керамики.

Ключевые слова: *методы естественных наук, переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку, керамические сосуды.*

Приглашение принять участие в юбилейном сборнике, посвященном Светлане Сергеевне Бессоновой, мы восприняли как большую честь. С. С. Бессонова — великолепный ученый, блестящий скифолог, без учета трудов которой невозможно представить научное обоснование сложнейших процессов, происходивших в Восточной Европе в скифское время. Ее монография «Религиозные представления скифов» (1983) является настольной книгой для всех, кто занимается проблемами иррациональной деятельности человечества вообще.

Уместно напомнить, что Светлана Сергеевна прошла школу Московского государственного университета, где ее первым учителем была выдающийся ученый и педагог И. В. Яценко. В аспирантуре Института археологии АН УССР научным руководителем стал выдающийся скифолог, профессор А. И. Тереножкин (Скорый 2013). Перед нами яркий пример результата эффективно действующей в стране продуманной системы организации науки и образования, подготовки молодых талантов, очень быстро вливающихся в ряды ученых мирового класса. Именно такой является С. С. Бессонова, которая пронесла этот высокий рейтинг через всю творческую жизнь.

В настоящей науке не существует границ. И в советские, и в постсоветские годы ученые-сибиряки всегда сотрудничали с украинскими коллегами. Еще совсем недавно авторы этих строк и другие исследователи из России и Сибири участвовали в международных семинарах, которые организовывал уникальный центр по изучению древней керамики в Опишне (Молодин, Мыльникова 2012; Мыльникова, Пошивайло, Татаурова 2013). Хотелось бы, чтобы и научные, и человеческие связи и контакты между братскими украинским и русским народами не были бы утрачены. И приглашение участвовать в юбилейном сборнике в честь проф. С. С. Бессоновой мы восприняли как понимание этой проблемы организаторами.

Круг научных интересов Светланы Сергеевны весьма широк — это и религия скифов, и этнокультурная и этнополитическая история населения эпохи раннего железа Восточной Европы и еще многие другие. Полагаем, что юбиляру будут небезынтересны и проблемы методического характера, актуальные для археологии в целом: применение методов естественных наук в изучении древней керамики. Эти сюжеты мы не раз разбирали с нашими украинскими коллегами. Особенно остро данная проблематика обсуждалась на двух последних международных симпозиумах, проходивших в Академгородке г. Новосибирска (Россия) (Мыльникова, Дураков, Мыльников, Бородовский 2017) и в г. Штральзунде (Германия) (Mylnikova в печ.), организаторами которых выступили Институт археологии и этнографии СО РАН и Германский археологический инсти-

1. Исследование проведено в рамках программы НИР XII.186.2. Проект № 0329—2018—0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

© В. И. МОЛОДИН, Л. Н. МЫЛЬНИКОВА, 2018

Рис. 1. Местонахождение поселения Линево 1 на карте Западной Сибири

тут (Мультидисциплинарные… 2017). К тому же и эпоха, о которой пойдет речь (ее еще называют раннескифской), без сомнения — любимая тема для нашего юбиляра.

Привлечение методов естественных наук для исследования гончарной технологии носителей археологических культур в России началось активно развиваться примерно с середины XX в. и разрабатывается до настоящего времени (Глушков 1996; Глушков, Гребенщиков, Жущиховская 1999; Гражданкина 1965; Гребенщиков, Деревянко 2001; Жущиховская 2004; Жущиховская, Залищак 1986; Круг 1963; 1965; Ламина, Лотова, Добрецов 1995; Мыльникова 1999; 2015; Мыльникова, Дребущак, Дребущак 2006; Сайко 1960; 1965; 1971; 1972; 1982; Сайко, Жущиховская 1990; Цетлин, Волкова 2010; и др.). Как в начале своего развития, так и сегодня, это направление испытывает серьезные трудности. В мировой практике стандартный (или хотя бы унифицированный) подход к изучению образцов древней керамики с применением методов естественных наук также отсутствует. Однако мультидисциплинарные исследования наглядно демонстрируют увеличение объема получаемой объективной информации, способствующей влиять на выводы историко-культурного порядка (Традиции … 2016; Мыльникова 2015; Мыльникова, Деревянко, Алкин, Нестеров 2008; Мыльникова, Чемякина 2002; Современные… 2013; 2015; Такеучи, Мыльникова, Нестеров и др. 2009; Дребущак, Дребущак, Мыльникова и др. 2004; Дребущак, Мыльникова, Дребущак 2007; Материалы … 2010; Чича 2001; 2004; 2009).

Коллектив археологов и химиков Новосибирского научного центра предложили научному сообществу блок методов естественных наук — петрография, рентгено-фазовый и термический анализы — адаптировав их методику проведения и расшифровки результатов для исследования технологии изготовления древней керамики (Дребущак и др. 2006). Эффективность комбинации этих методов заключается в том, что они не конкурируют, а дополняют друг друга, снижая стоимость аналитических работ и повышая информативность данных для археологической интерпретации. Методика проведения петрографического анализа для древней керамики разработана археологом И. С. Жущиховской и геологом Б. Л. Залищаком (1986). **Петрографический анализ** — один из методов, представляющий объективные результаты по характеристике количественных и качественных данных любого керамического материала. **Рентгенофазовый анализ** позволяет зарегистрировать наличие всех кристаллических фаз в образце. Результаты **термоаналитических исследований** древней керамики в мировой практике употреблялись для реконструкции температуры и атмосферы обжига. Новосибирскими исследователями был предложен подход, при котором значение имеет сравнительный анализ сохранности гли-

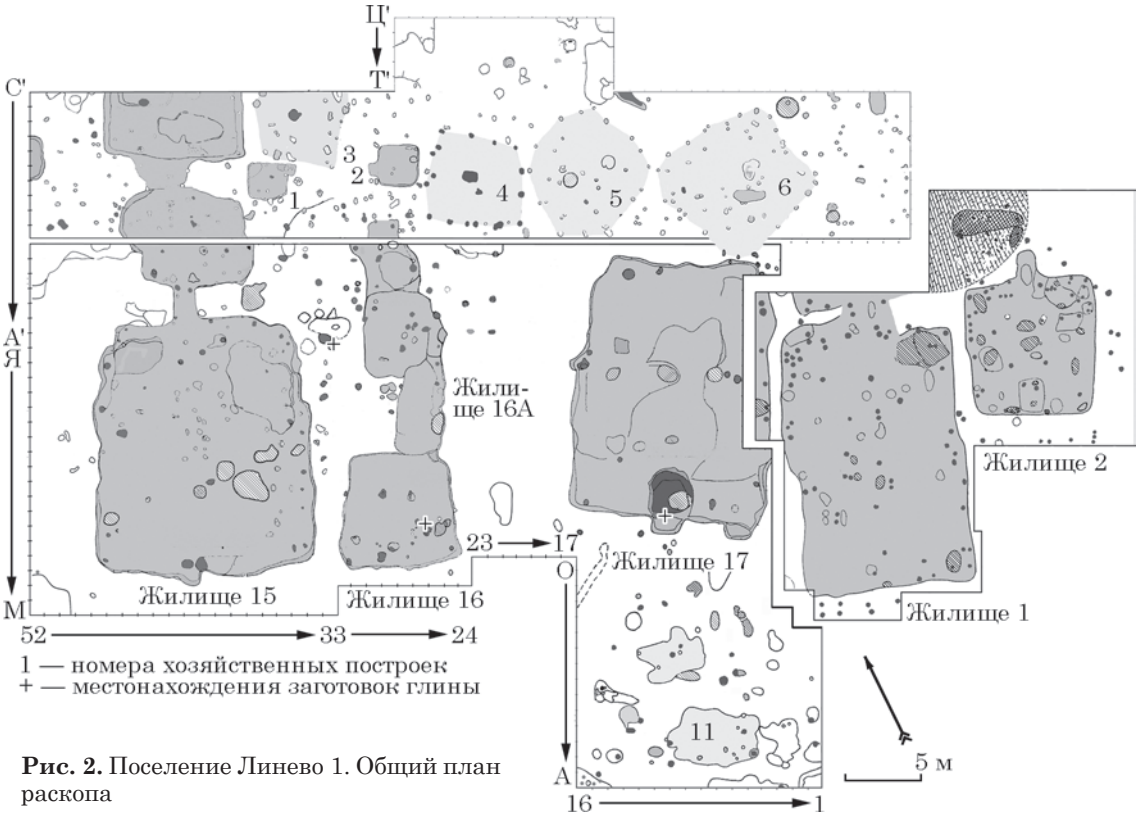


Рис. 2. Поселение Линево 1. Общий план раскопа

нистых компонентов в формовочных массах для определения качества обжига сосудов, подробно обоснованный в специальных работах (Дребущак и др. 2006; Drebushchak, Mylnikova, Drebushchak, Boldyrev 2005; Drebushchak, Drebushchak, Mylnikova 2011). Пионерские разработки использованы и для изучения морфологии изделий (Molodin, Mylnikova, Ivanova 2014; Mylnikova 2014; Мыльникова, Селин 2015).

Некоторые итоги (исследование формовочных масс и качества обжига) применения методов продемонстрируем на керамических материалах поселения переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку Линево 1. Результаты получены по всей программе изучения коллекций: технология изготовления, морфология, орнамент.

Памятник расположен в 2 км к северо-востоку от с. Заречное Тогучинского р-на Новосибирской обл. (рис. 1). Раскопками 1984, 2003—2005 гг. вскрыто 5 жилищ, 6 хозяйственных строений и производственная площадка. Общая исследованная площадь составляет 2954 м^2 (рис. 2). Анализ инвентаря (рис. 3), стратиграфии, планиграфии и радиоуглеродных дат памятника позволяют датировать его IX—VII вв. до н. э. Коллекция керамики насчитывает 35678 фрагментов и 42 целых сосуда.

По мнению А. А. Бобринского (1978), добыча исходного сырья пока для археологов не поддается определению. Отбор и обработка сырья также достаточно сложны для изучения. В большинстве случаев археолог имеет дело с сосудами (или фрагментами сосудов), которые были обожжены → эксплуатировались → утилизированы → пролежали определенное время в грунте. Таким образом, имеется возможность изучать сырье только в составе формовочной массы сосуда. Находки же на поселениях «глинищ» — случаи редкие (Мыльникова 1999). При исследовании поселения Линево 1 было зафиксировано три местоположения подготовленной для изготовления керамики формовочной массы. Найдены они в разных местах: одно — в жилище 17 на краю большой хозяйственной ямы, в керамическом сосуде. Второе — в жилище 16, также в сосуде, у которого отсутствовала верхняя часть. Третье — в межжилищном пространстве, на краю ямы у котлована 16а (см. рис. 2). Находки глины, заготовленной древними гончарами, на поселении Линево 1 позволили впервые сравнить сырье, из которого производились сосуды, и сырье готовых сосудов (рис. 4) и провести достоверное сравнение качества исходного материала и изделий из различных жилищ. Одними методами — микрозондовым, рентгенофазовым и термическим, были изучены эти глины и керамика. Причем, ситуация дала возможность эксперимента: изучить глины в до обжиговом состоянии, затем — обжечь и еще раз провести анализы. Качество глины как породы определяется составом и количеством глинистых минералов. Чем больше глинистых минералов (т. е. чем жирнее глина), тем больше потеря

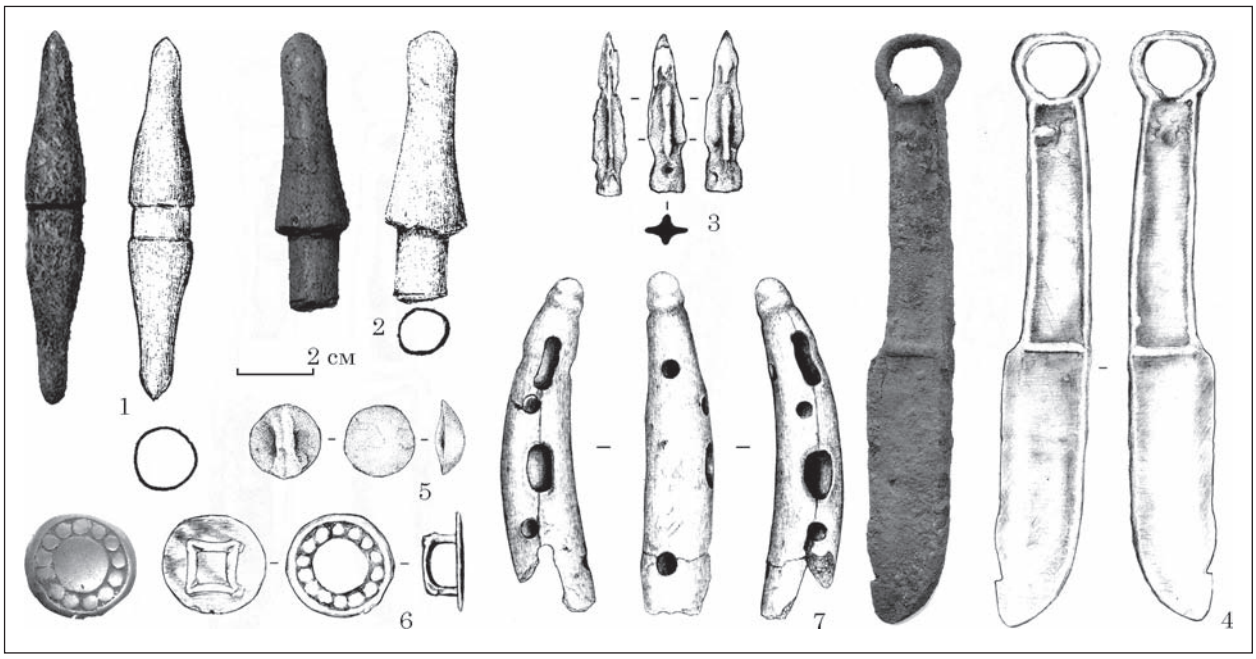


Рис. 3. Поселение Линево 1. Датирующие материалы: 1—2 — костяные застежки для пут; 3 — бронзовый наконечник стрелы; 4 — бронзовый нож; 5 — бронзовая бляшка-пуговица; 6 — бронзовая — бляха-переходник; 7 — роговой трехдырчатый псалий

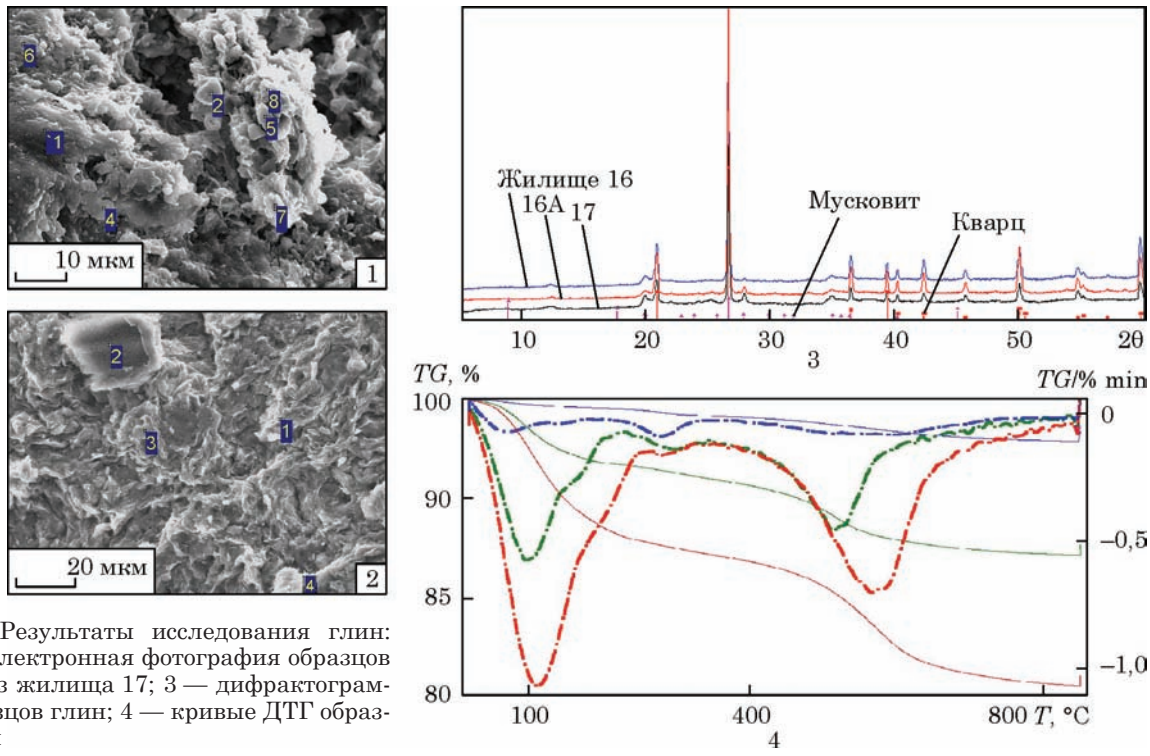


Рис. 4. Результаты исследования глин: 1—2 — электронная фотография образцов глины из жилища 17; 3 — дифрактограммы образцов глин; 4 — кривые ДТГ образцов глин

массы при нагревании. Образец с наибольшим содержанием глинистых минералов найден в жилище 17 (потеря массы — 14 %) (рис. 4: 1), с наименьшим — в жилище 16 (2 %) (рис. 4: 2), в глине из жилища 16А потеря массы составляет 8 %. Рентгенография показывает, что состав всех трёх образцов глины (породы) идентичен (рис. 4: 3). Основные компоненты, регистрируемые рентгенографией, — кварц и мусковит, во всех трёх образцах глин находятся в одинаковой пропорции, что свидетельствует об одинаковом происхождении глин. Результаты термогравиметрического анализа также подтверждают присутствие в образцах глинистых минералов сходного состава (рис. 4: 4). То есть глины, подготовленные древними мастерами, имели местное происхождение, но из них были составлены разные формовочные массы: в пер-

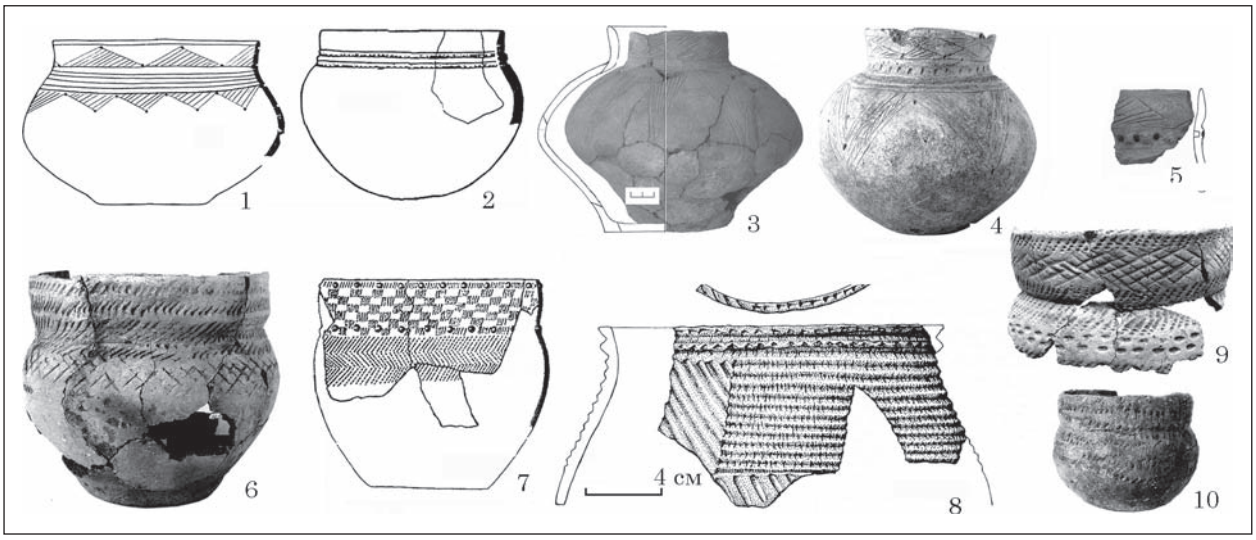


Рис. 5. Керамика поселения Линево 1: 1—4 — группа 1; 5 — группа 2; 6, 9 — керамика смешанного ирменско-молчановского типа; 7, 10 — группа 3; 8 — группа 5

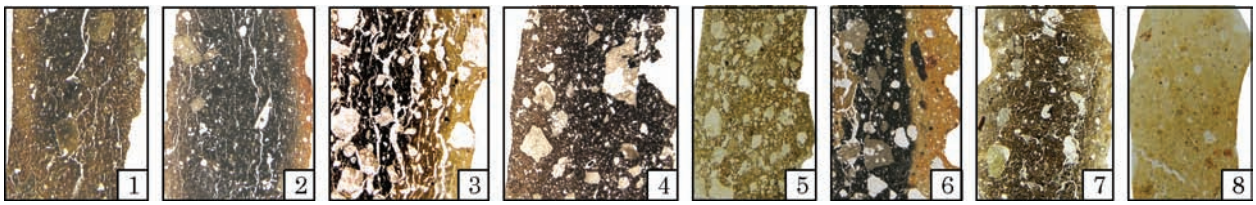


Рис. 6. Фотографии участков шлифов образцов керамики: 1, 6 — рецепт глина + шамот + породные обломки + органика; 2 — глина + шамот + песок + органика; 3, 5 — глина + породные обломки + органика; 4, 7 — глина + породные обломки

вом случае — с шамотом, во втором — с породными обломками, в последнем — с шамотом и породными обломками.

На основе визуального осмотра, изучения при помощи бинокулярной и петрографической микроскопии, исследования орнамента коллекция керамики разделена на группы.

Группа керамики ирменского облика (рис. 5: 1—4) составляет половину коллекции. По данным петрографии сырьем для производства посуды служили суглинки с монтмориллонит-гидрослюдистой или гидрослюдистой глинистой частью, в последнем случае возможна примесь хлорита. Цемент (глинистая часть образца) (названия глинистых и неглинистых составных частей предложены: Жущиховская, Залищак 1986) составляет 63—76 % площади шлифа. Для этой группы выявлены следующие рецепты формовочных масс:

- глина;
- глина + шамот;
- глина + шамот + органика;
- глина + шамот + песок + органика (рис. 6: 2);
- глина + шамот + породные обломки + органика (рис. 6: 1).

Шамот различного цвета — от светлого до черного встречается в виде обломков таблитчатой, удлиненной, неправильной формы. Размер обломков шамота 0,2—1,9 мм, преобладают обломки размера 0,6—1,9 мм. Эта примесь составляет 12—23 % площади шлифа. Состав шамота в большинстве случаев подобен составу черепка, то есть сосуды изготавливали представители одной и той же традиции, иногда в шамоте песок более крупных размеров, чем в основном черепке.

Песок составляет 10—15 %, распределен слабо гнездовидно. Обломки полуугловатые, полуокатанные. Размер обломков 0,05—0,6 мм. Преобладают: 0,05—0,15; 0,1—0,3 и 0,4—0,5 мм. Состав обломков: больше обломков основной массы кислых эффузивов, реже фиксируются обломки кварца, полевых шпатов, кремнистые, единично — слюда.

Породные обломки составляют 20—23 % площади шлифа, размеры 0,05—1,5 мм, преобладают 0,2—0,5 (1,0) мм. Представлены полевыми шпатами, меньше — кварцем, иногда встречаются сростки полевого шпата и кварца, обломки основной массы кислых эффузивов, слюда. Крупные обломки могут состоять из кремнистых пород, халцедонов, обломков основной массы кислых эффузивов.

Сосуды данной группы имеют горшковидную форму разных размеров (диаметр венчика от 6 до 40 см), они плоскодонные и круглодонные, с типичным орнаментом. Прямые аналогии

посуде данной группы можно видеть в материалах памятников ирменской культуры эпохи поздней бронзы, в том числе — Изылинского археологического микрорайона, куда входит исследуемое поселение (Зах 1997, с. 57—85).

С описанной выше связана **вторая группа** керамики — **позднеирменская** (рис. 5: 5). Сосуды горшковидной формы с высокой дугообразной (молчановской) горловиной и плоским дном, высокими плечиками. Редко отмечается высокая прямая горловина с венчиком, срезанным наружу и оформленным площадкой, которая чаще всего — орнаментирована. Аналогии этой керамике известны в материалах памятников переходного времени юга Кузнецкой котловины, например, городище Маяк (Бобров 1992). Подчеркнем особенность комплексов переходного времени: ирменский компонент всегда является составляющим для позднеирменской посуды переходного от бронзы к железу времени, а для некоторых локальных регионов, например, предгорной зоны, куда входит памятник Линево 1, преобладающей (Молодин, Мыльникова 2004; 2005; 2011), что и демонстрируют материалы рассматриваемого поселения.

Зафиксированы следующие рецепты формовочных масс:
- глина;
- глина + шамот;
- глина + шамот + органика;
- глина + шамот + песок + органика;
- глина + шамот + породные обломки + органика (рис. 6: 6).

Можно особо подчеркнуть, что позднеирменская традиция составления формовочных масс полностью продолжает традицию ирменскую.

Третья группа представлена посудой с дугообразными (молчановскими) горловинами, с крестовым и струйчатым орнаментом (рис. 5: 7, 10). В. А. Зах данный тип керамики относил к линевскому этапу завьяловской культуры (Зах 1997, с. 89, рис. 33). По-нашему мнению, его (комплекс) можно определить как керамику, связанную с посудой молчановской культуры переходного от бронзы к железу времени (Косарев 1987, с. 300—304; 398, рис. 119), скорее всего — позднего этапа. В этой группе в керамическом комплексе Линево 1 выделены следующие рецепты формовочных масс:
- глина + породные обломки (рис. 6: 4, 7);
- глина + породные обломки + органика (рис. 6: 3, 5);
- глина + породные обломки + органика + шамот (рис. 6: 6).

Породные обломки представлены обломками полевых шпатов (часто трещиноватых, пелитизированных, хлоритизированных); встречаются сростки полевого шпата с полевым шпатом, полевого шпата и кварца; меньше обломков кварца (часто катаклазированных, с мозаичным угасанием); реже фиксируются сростки полевых шпатов и кварца, иногда со слюдой, обломки микропегматитов; кремнистые обломки; единично — эпидот, анатаз, слюда и измененные слюды.

Четвертая группа — изделия с чертами посуды раннего железного века. Это — банки закрытой формы, больших размеров. Орнаментированы по плечикам рядами «жемчужин» с разрядкой. Выявлена обработка поверхности зубчатым инструментом. Аналогии данной посуде имеются в материалах памятников раннего железного века южных регионов Сибири.

Для керамики с чертами посуды раннего железного века зафиксированы 2 рецепта формовочных масс:
- глина (рис. 6: 8);
- глина + шамот + органика.

Несомненный интерес представляет **пятая группа керамики** (рис. 5: 8), в настоящий момент атрибутированная как самоделкинский тип, имеющий происхождение из южнотаежного Приобья (Молодин, Мыльникова 2005; Мандрыка 2008), носители которого доходили до лесостепной зоны Западной Сибири. Это сосуды с высокой прямой или воронкообразной горловиной, высокими плечиками, а также изделия баночной формы. В отличие от названных выше групп, данные изделия отличаются и по технико-технологическим характеристикам. Зафиксирован один рецепт формовочных масс:
- глина + породные обломки.

Рецепт схож с тестом изделий третьей группы, но, как показывает петрография, отличается концентрацией, размерами и качеством породных обломков: это продукты дезинтеграции биотит-амфиболовых гранитов.

Сосуды разных групп встречены во всех жилищах и зольнике, заполняющем межжилищное пространство. Нередко они находятся в одних объектах, это характерно для жилищ 15 и 17, где отмечены все названные группы. Их связывает между собой взаимовстречаемость на разных формах сосудов культурнодиагностируемых элементов орнамента — черта, вообще типичная для посуды переходного от бронзы к железному времени. В целом же, все выделенные группы керамики сосуществовали в одно время, что, во-первых, типично для переходных комплексов Западной Сибири, и, во-вторых, они демонстрируют влияние северных таежных племен, проявившееся в наличии рецептов формовочных масс с породными обломками и смешанных рецептов (рис. 5: 6, 9). Пятая группа посуды найдена в комплексе с изделиями ирменско-позднеирменской и молчановской групп, что позволяет эту керамику относить к переходному от бронзы к железу времени и считать привозной.

Анализ качества обжига посуды всех групп показывает большую «размытость» коллекции: есть изделия «очень хорошего» качества, преоб-

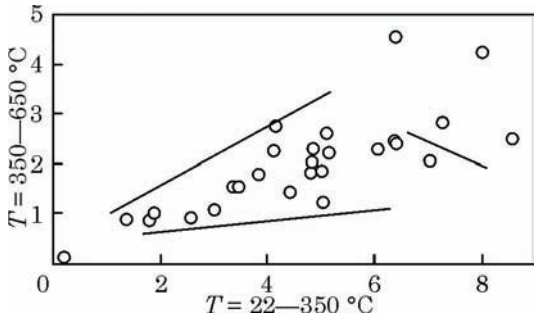


Рис. 7. График потери массы образцами керамики поселения Линево 1

Потеря массы образцами керамики поселения Линево 1 на разных температурных интервалах, %

№ образца	Температурный интервал, °C			Сумма
	22—350	350—600	600—850	
Li-11-01	4,87	2,28	1,67	8,82
Li-12-01	7,04	2,04	0,60	9,68
Li-13-01	6,39	2,45	1,12	9,96
Li-14-01	5,02	1,86	1,07	7,95
Li-15-01	8,59	2,50	0,82	11,91
Li-16-01	0,21	0,12	0,04	0,37
Li-17-01	5,15	2,20	1,04	8,39
Li-18-01	1,88	1,00	3,28	6,16
Li-19-01	3,83	1,80	0,78	6,41
Li-20-01	2,58	0,90	0,20	3,68
Li-21-01	3,38	1,54	0,59	5,51
Li-22-01	5,05	1,23	0,14	6,42
Li-23-01	4,13	2,77	1,61	8,51
Li-24-01	4,83	2,03	0,94	7,80
Li-25-01	7,27	2,83	1,37	11,47
Li-26-01	8,02	4,24	1,45	13,71
Li-27-01	4,12	2,29	1,13	7,54
Li-28-01	6,42	2,41	0,35	9,18
Li-29-01	3,02	1,05	0,14	4,21
Li-30-01.	6,38	4,56	1,71	12,65
Li-31-01	5,11	2,63	0,75	8,49
Li-32-01	1,79	0,86	–0,03	2,62
Li-33-01	1,36	0,88	–0,03	2,21
Li-34-01	3,46	1,54	0,44	5,44
Li-35-01	4,82	1,83	0,56	7,21
Li-36-01	4,44	1,42	0,40	6,26
Li-37-01	6,09	2,29	1,01	9,39

ладают — «среднего», но присутствуют и «плохого» (рис. 7, таблица).

Таким образом, в рамках одного памятника — поселение Линево 1 — зарегистрировано существование двух традиций составления формовочных масс: шамотной и гранитоидной. Вторая традиция выделена как для керамики молчановской группы, так и самоделкинской, но они отличаются составом породных обломков. Местные ирменско-позднеирменские традиции, и пришлые — молчановские также

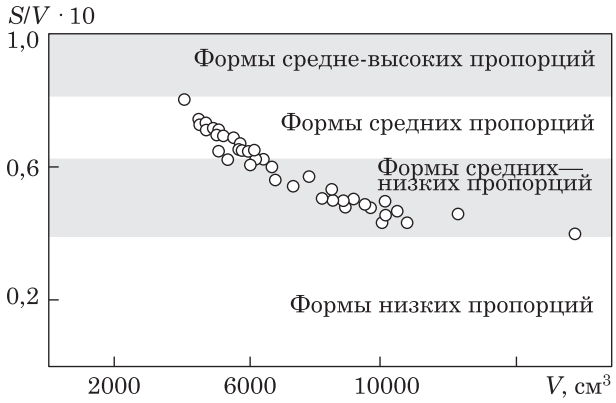


Рис. 8. График общей пропорциональности форм сосудов поселения Линево 1

довольно синкретичны. Смешана рецептура формовочных масс: в обоих комплексах есть рецепты и с шамотом (характерная черта керамики ирменской культуры), и с породными обломками гранитоидного состава. Сосуды, морфология которых близка молчановской (выпуклая горловина, высокие профилированные плечики, приплюснутое тулово) — орнаментированы в рамках ирменско-позднеирменской традиции резной техникой. При этом есть изделия ирменского типа, на которых жемчужины и разрядка между ними выполнены крестовым штампом (характерный орнамент таежной посуды).

Результаты рентгеновских исследований отделяют образцы группы пять, как от местной — позднеирменской, так и молчановской. Этот итог позволяет сделать важный исторический вывод о совместном проживании на памятнике автохтонного населения и мигрантов из разных регионов севера.

Выделение классов форм по общей пропорциональности (Бобринский 1999; Цетлин 2012) показало, что определенная часть посуды относится к формам средних пропорций. Их можно назвать «привычными», отражающими автохтонные традиции форм изделий. Однако основная масса сосудов разных групп занимает позиции «средних-высоких» и «средних-низких» пропорций (рис. 8). Соответственно, большую часть коллекций составляют «переходные» формы, «формы-подражания». В коллекции памятника нет одинаковых или близко похожих по морфологическим особенностям изделий. Это обстоятельство дает основание говорить об активных процессах смешения гончарных традиций.

Синкретизм рассматриваемого комплекса является ярким свидетельством сложного этнокультурного состава обитателей древнего поселка. Отчетливо прослеживаются как местный автохтонный компонент, вырастающий на ирменской основе, так и северный таежный, пришлый в лесостепь, скорее всего, из южнотаежного Приобья, а также традиции южных

регионов. Что же касается линевского поселенческого комплекса, то он в целом подтверждает уже отмеченную для культур переходного времени западносибирской лесостепи тенденцию совместного бытования различных керамических традиций лесостепного, степного и таежного круга культур при преобладании ирменско-позднеирменского компонента.

Из выше сказанного можно сделать вывод, что использование физико-химических методов для изучения древней керамики, несомненно, может существенно расширить возможности исследования материала по сравнению с традиционными методами и увеличить уровень доказательности и объективности выдвигаемых историко-культурных положений. Но мы понимаем, что их широкое применение требует современной приборной оснащенности и участия в исследовательском процессе профессионалов-естественников.

ЛИТЕРАТУРА

Бессонова, С. С. 1983. *Религиозные представления скифов*. Киев: Наукова думка.

Бобринский, А. А. 1978. *Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения*. Москва: Наука.

Бобринский, А. А. 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения. В: Бобринский, А. А. (ред.). *Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография)*. Самара: СамГПУ, с. 5-109.

Бобров, В. В. 1992. *Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы*. Новосибирск.

Глушков, И. Г. 1996. *Керамика как археологический источник*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН.

Глушков, И. Г., Гребенщиков, А. В., Жущиховская, И. С. 1999. Петрография археологической керамики: Проблемы, возможности, перспективы. В: Бобринский, А. А. (ред.). *Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография)*. Самара: СамГПУ, с. 150-166.

Гражданкина, Н. С. 1965. Методика химико-технологического исследования древней керамики. В: Колчин, Б. А. (ред.). *Археология и естественные науки*. Москва: Наука, с. 152-160.

Гребенщиков, А. В., Деревянко, Е. И. 2001. *Гончарство древних племен Приамурья (начало эпохи раннего железа)*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН.

Дребущак, В. А., Дребущак, Т. Н., Мыльникова, Л. Н., Хон Хен, У., Болдырев, В. В., Деревянко, Е. И. 2004. Результаты термогравиметрических и рентгенографических исследований древней керамики Российского Дальнего Востока. В: Деревянко, А. П., Молодин, В. И. (ред.). *Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии ИАЭт СО РАН 2004 г.)*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, с. 215-217.

Дребущак, В. А., Мыльникова, Л. Н., Дребущак, Т. Н. 2007. Комплекс методов для исследования древней керамики. В: Медведев, Г. И. (ред.). *Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: Материалы всероссийской конференции с международным участием, посвященной 100-летию М. М. Грязнова*. Иркутск: Оттиск, с. 25-30.

Дребущак, В. А., Мыльникова, Л. Н., Дребущак, Т. Н., Болдырев, В. В., Молодин, В. И., Деревянко, Е. И., Мыльников, В. П., Нартова, А. В. 2006. *Физико-химическое исследование древней керамики* (*на примере изделий переходного времени от бронзового к железному веку)*. Новосибирск: СО РАН.

Жущиховская, И. С. 2004. *Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России*. Владивосток: ДВО РАН.

Жущиховская, И. С., Залищак, Б. Л. 1986. Петрографический метод в изучении древней керамики Приморья. В: Леньков, В. Д. (ред.). *Методы естественных наук в археологическом изучении древних производств на Дальнем Востоке*. Владивосток: ИИАЭ народов Дальнего Востока, с. 55-67.

Зах, В. А. 1997. *Эпоха бронзы Присалаирья*. Новосибирск: Наука.

Косарев, М. Ф. 1987. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железному. 2: Переходное время от бронзового века к железному. В: Бадер, О. Н., Крайнов, Д. А., Косарев, М. Ф. (ред.). *Эпоха бронзы лесной полосы СССР*. Москва: Наука, с. 289-304.

Круг, О. Ю. 1963. Применение петрографических методов для исследования силикатов (технических материалов) в археологии. *Методы естественных и технических наук в археологии*. Москва, с. 42-43.

Круг, О. Ю. 1965. Применение петрографии в археологии. В: Колчин, Б. А. (ред.). *Археология и естественные науки*. Москва: Наука, с. 146-151.

Ламина, Е. В., Лотова, Э. В., Добрецов, Н. Н. 1995. *Минералогия древней керамики Барабы*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН.

Мандрыка, П. В. 2008. Самоделкинский тип керамики финального периода бронзового века на берегах Енисея. *Археология, этнография и антропология Евразии*, 1 (33), с. 79-84.

Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. 2010. Деревянко, А. П., Ким, Ё. В., Нестеров, С. П., и др. Тэджон, III: Раскопки раннесредневекового поселения Осиновое Озеро в 2009 году.

Молодин, В. И., Мыльникова, Л. Н. 2004. Керамика городища Чича 1 как источник по истории переходного времени от бронзового к железному веку. В: Зверев, В. А. (ред.). *История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве (к юбилею проф. Е. И. Соловьевой)*. Новосибирск: НГПУ, с. 101-106.

Молодин, В. И., Мыльникова, Л. Н. 2005. Керамика поселения Линево 1 переходного времени от бронзового к железному веку предгорной зоны южной Сибири. В: Деревянко, А. П., Молодин, В. И. (ред.). *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии ИАЭт СО РАН 2005 г.)*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, XI, 1, с. 400-405.

Молодин, В. И., Мыльникова, Л. Н. 2011. Северные традиции в керамическом производстве культур переходного от бронзы к железу времени лесостепного пояса Западной Сибири (как показатель миграционных потоков). *Экология древних и традиционных обществ*, 4, с. 191-200.

Молодин, В. И., Мыльникова, Л. Н. 2012. Древняя керамика и методы естественных наук. *Українська керамологія*, IV, I, с. 231-236.

Мультидисциплинарные методы в археологии. 2017. Молодин, В. И., Хансен, С. (ред.). Новосибирск: ИАЭт СО РАН.

Мыльникова, Л. Н. 1999. *Гончарство неолитических племен Нижнего Амура (по материалам неолитического поселения Кондон-Почта).* Новосибирск: ИАЭт СО РАН.

Мыльникова, Л. Н. 2015. *Керамика переходного времени от бронзового к железному веку лесостепной зоны Западной Сибири: диалог культур*. Автореферат диссертации … д-ра ист. наук. Новосибирск.

Мыльникова, Л. Н., Деревянко, Е. И., Алкин, С. В., Нестеров, С. П. 2008. Физико-химическое исследование керамики Троицкого могильника. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*, XIV, с. 224-228.

Мыльникова, Л. Н., Дребущак, В. А., Дребущак, Т. Н. 2006. Комплексное исследование древней керамики: некоторые вопросы методики интерпретации результатов. *Annual Review in Cultural Heritage Studies*, December, 39, с. 316-350.

Мыльникова, Л. Н., Дураков, И. А., Мыльников, В. П., Бородовский, А. П. 2017. Междисциплинарное изучение древних производств. В: Молодин, В. И., Хансен, С. (ред.). *Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, с. 169-191.

Мыльникова, Л. Н., Пошивайло, А. Н., Татаурова, Л. В. 2013. Международный керамологический симпозиум «Глиняная посуда в культуре питания народов мира». *Археология, этнография и антропология Евразии*, 3 (55), с. 151-154.

Мыльникова, Л. Н., Селин, Д. В. 2015. Комплекс андроновской культуры Еловского II могильника: морфологический анализ (возможности методики В. Ф. Генинга). *Вестник Кемеровского государственного университета*, 2, с. 114-122.

Мыльникова, Л. Н., Чемякина, М. А. 2002. *Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь 1).* Новосибирск: ИАЭт СО РАН.

Сайко, Э. В. 1960. Из опыта применения микроскопического метода исследования к изучению средневековой среднеазиатской керамики. *Известия АН Таджикской ССР*, 2, с. 41-66.

Сайко, Э. В. 1965. Технология керамики средневековых мастеров. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 129, с. 161-166.

Сайко, Э. В. 1971. *К истории гончарного круга и развития форм керамики*. Москва: Наука.

Сайко, Э. В. 1972. Технологическая характеристика керамики развитой бронзы из Алтын-депе. *Каракарумские древности*, IV, с. 143-148.

Сайко, Э. В. 1982. *Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии*. Москва: Наука.

Сайко, Э. В., Жущиховская, И. С. 1990. *Методы микроскопии в исследовании древней керамики (методические аспекты и практика).* Владивосток: ДВО АН СССР.

Скорий, С. А. 2013. До ювілею Світлани Сергіївни Бессонової. *Arxeологія*, 1, с. 141-142.

Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. 2013. Москва: ИА РАН.

Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. 2015. Москва: ИА РАН.

Такеучи, Т., Мыльникова, Л. Н., Нестеров, С. П., Кулик, Н. А., Деревянко, Е. И., Алкин, С. В., Кадзуюки, Н. 2009. Электронно-микрозондовый анализ формовочных масс керамики с памятников Дальнего Востока. *Археология, этнография и антропология Евразии*, 1 (37), с. 39-51.

Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. 2016. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.

Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (первые результаты исследования). 2001. Молодин, В. И., Парцингер, Г., Гаркуша Ю. Н., и др. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 1. Материалы по археологии Сибири, 1.

Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. 2004. Молодин, В. И., Парцингер, Г., Гаркуша, Ю. Н., и др. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2. Материалы по археологии Сибири, 4.

Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. 2009. Молодин, В. И., Парцингер, Г., Кривоногов, С. К. и др. Новосибирск: ИАэт СО РАН, 3.

Цетлин, Ю. Б. 2012. *Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода.* Москва: ИА РАН.

Цетлин, Ю. Б., Волкова, Е. В. 2010. Роль естественно-научных методов в изучении древней керамики как источника исторической информации. *Археология, этнография и антропология Евразии*, 4 (44), с. 52-59.

Drebushchak, V. A., Mylnikova, L. N., Drebushchak, T. N., Boldyrev, V. V. 2005. The Investigation of Ancient Pottery: Application of thermal analysis. *Journal of Thermal Analysis and Calorimetry*, 82, 3, s. 617-626.

Drebushchak, V. A., Drebushchak, T. N., Mylnikova, L. N. 2011. The mass-loss diagram for the ancient ceramics. *Journal of thermal analysis and calorimetry*, 104, 2, s. 459-466.

Molodin, V. I., Mylnikova, L. N., Ivanova, D. P. 2014. A morphological Analysis of Vessels from middle bronze Age (Early 2nd Millennium BC) Burials at Vengerovo, in the Irtysh Forest-Steppe. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 42, 2, s. 4-66.

Mylnikova, L. N. In print. *The technology of manufacturing ceramics of the neolithic period Baraby (Western Siberia).*

Mylnikova, L. N. 2014. Studying the Forms of Ancient Ware: theoretical and practical Aspects. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2, 42, s. 31-43.

REFERENCES

Bessonova, S. S. 1983. *Religioznye predstavleniya skifov*. Kiev: Naukova dumka.

Bobrinskij, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoj Evropy. Istochniki i metody izucheniya.* Moskva: Nauka.

Bobrinskij, A. A. 1999. Goncharnaya tekhnologiya kak objekt istoriko-kul'turnogo izucheniya. In: Bobrinskij, A. A. (ed.). *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva*. Samara: SamGPU, s. 5-109.

Bobrov, V. V. 1992. *Kuznecko-Salairskaya gornaya oblast' v ehpohu bronzy*. Novosibirsk.

Glushkov, I. G. 1996. *Keramika kak arheologicheskij istochnik*. Novosibirsk: IAEt SO RAN.

Glushkov, I. G., Grebenshchikov, A. V., Zhushchihovskaya, I. S. 1999. Petrografiya arheologicheskoj keramiki: Problemy, vozmozhnosti, perspektivy. In: Bobrinskij, A. A. (ed.). *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva (collectivnaja monographija).* Samara: SamGPU, s. 150-166.

Grazhdankina, N. S. 1965. Metodika himiko-tekhnologicheskogo issledovaniya drevnej keramiki. In: Kolchin, B. A. (ed.). *Arheologiya i estestvennye nauki*. Moskva: Nauka, s. 152-160.

Grebenshchikov, A. V., Derevyanko, E. I. 2001. *Goncharstvo drevnih plemen Priamur'ya (nachalo ehpohi rannego zheleza).* Novosibirsk: IAEt SO RAN.

Drebushchak, V. A., Drebushchak, T. N., Myl'nikova, L. N., Hon Hen, U., Boldyrev, V. V., Derevyanko, E. I. 2004. Rezul'taty termogravimetricheskih i rentgenograficheskih issledovanij drevnej keramiki Rossijskogo Dal'nego Vostoka. In: Derevyanko, A. P., Molodin, V. I. (ed.). *Problemy arheologii, ehtnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* (Materialy Godovoj sessii IAEt SO RAN 2004 g.). Novosibirsk: IAEt SO RAN, s. 215-217.

Drebushchak, V. A., Myl'nikova, L. N., Drebushchak, T. N. 2007. Kompleks metodov dlya issledovaniya drevnej keramiki. In: Medvedev, G. I. (ed.). *Severnaya Evraziya v antropogene: chelovek, paleotekhnologii, geoehkologiya, ehtnologiya i antropologiya: Materialy vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashchennoj 100-letiyu M. M. Gryaznova*. Irkutsk: Ottisk, s. 25-30.

Drebushchak, V. A., Myl'nikova, L. N., Drebushchak, T. N., Boldyrev, V. V., Molodin, V. I., Derevyanko, E. I., Myl'nikov, V. P., Nartova, A. V. 2006. *Fiziko-himicheskoe issledovanie drevnej keramiki (na primere izdelij perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu veku*). Novosibirsk: SO RAN.

Zhushchihovskaya, I. S. 2004. *Ocherki istorii drevnego goncharstva Dal'nego Vostoka Rossii*. Vladivostok: DVO RAN.

Zhushchihovskaya, I. S., Zalishchak, B. L. 1986. Petrograficheskij metod v izuchenii drevnej keramiki Primor'ya. In: Len'kov, V. D. (ed.). *Metody estestvennyh nauk v arheologicheskom izuchenii drevnih proizvodstv na Dal'nem Vostoke*. Vladivostok: IIAE narodov Dal'nego Vostoka, s. 55-67.

Zah, V. A. 1997. *Ehpoha bronzy Prisalair'ya*. Novosibirsk: Nauka.

Kosarev, M. F. 1987. Ehpoha pozdnej bronzy i perekhodnoe vremya ot bronzovogo veka k zheleznomu. 2: Perekhodnoe vremya ot bronzovogo veka k zheleznomu. In: Bader, O. N., Krajnov, D. A., Kosarev, M. F. (ed.). *Ehpoha bronzy lesnoj polosy SSSR*. Moskva: Nauka, s. 289-304.

Krug, O. Yu. 1963. Primenenie petrograficheskih metodov dlya issledovaniya silikatov (tekhnicheskih materialov) v arheologii. *Metody estestvennyh i tekhnicheskih nauk v arheologii*. Moskva, s. 42-43.

Krug, O. Yu. 1965. Primenenie petrografii v arheologii. In: Kolchin, B. A. (ed.). *Arheologiya i estestvennye nauki*. Moskva: Nauka, s. 146-151.

Lamina, E. V., Lotova, E. V., Dobrecov, N. N. 1995. *Mineralogiya drevnej keramiki Baraby*. Novosibirsk: IAEt SO RAN.

Mandryka, P. V. 2008. Samodelkinskij tip keramiki final'nogo perioda bronzovogo veka na beregah Eniseya. *Arheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii*, 1 (33), s. 79-84.

Materialy i issledovaniya Rossijsko-Korejskoj arheologicheskoj ehkspedicii v Zapadnom Priamur'e. 2010. Derevyanko, A. P., Kim, Yo.V., Nesterov, S. P. i dr. Tehdzhon, III: Raskopki rannesrednevekovogo poseleniya Osinovoe Ozero v 2009 godu.

Molodin, V. I., Myl'nikova, L. N. 2004. Keramika gorodishcha Chicha 1 kak istochnik po istorii perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu veku. In: Zverev? V. A. (ed.). *Istoriya i kul'tura Sibiri v issledovatel'skom i obrazovatel'nom prostranstve* (k yubileyu prof. E. I. Solov'evoj). Novosibirsk: NGPU, s. 101-106.

Molodin, V. I., Myl'nikova, L. N. 2005. Keramika poseleniya Linevo 1 perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu veku predgornoj zony yuzhnoj Sibiri. In: Derevyanko? A. P., Molodin, V. I. (ed.). *Problemy arheologii, ehtnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij (Materialy Godovoj sessii IAEt SO RAN 2005 g.)*. Novosibirsk: IAEt SO RAN, XI, 1, s. 400-405.

Molodin, V. I., Myl'nikova, L. N. 2011. Severnye tradicii v keramicheskom proizvodstve kul'tur perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni lesostepnogo poyasa Zapadnoj Sibiri (kak pokazatel' migracionnyh potokov). *Ekologiya drevnih i tradicionnyh obshchestv*, 4, s. 191-200.

Molodin, V. I., Myl'nikova, L. N. 2012. Drevnyaya keramika i metody estestvennyh nauk. *Ukrajin'ska keramologiya*, IV, I, s. 231-236.

Mul'tidisciplinarnye metody v arheologii. 2017. Molodin, V. I., Hansen, S. (ed.). Novosibirsk: IAEt SO RAN.

Myl'nikova, L. N. 1999. *Goncharstvo neoliticheskih plemen Nizhnego Amura (po materialam neoliticheskogo poseleniya Kondon-Pochta)*. Novosibirsk: IAEt SO RAN.

Myl'nikova, L. N. 2015. *Keramika perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu veku lesostepnoj zony Zapadnoj Sibiri: dialog kul'tur*. Avtoreferat dissertacii … d-ra ist. nauk. Novosibirsk.

Myl'nikova, L. N., Derevyanko, E. I., Alkin, S. V., Nesterov, S. P. 2008. Fiziko-himicheskoe issledovanie keramiki Troickogo mogil'nika. *Problemy arheologii, ehtnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij,* XIV, s. 224-228.

Myl'nikova, L. N., Drebushchak, V. A., Drebushchak, T. N. 2006. Kompleksnoe issledovanie drevnej keramiki: nekotorye voprosy metodiki interpretacii rezul'tatov. *Annual Review in Cultural Heritage Studies*, December, 39, s. 316-350.

Myl'nikova, L. N., Durakov, I. A., Myl'nikov, V. P., Borodovskij, A. P. 2017. Mezhdisciplinarnoe izuchenie drevnih proizvodstv. In: Molodin, V. I., Xansen, S. (ed.). *Mul'tidisciplinarnye metody v arheologii: novejshie itogi i perspektivy*. Novosibirsk: IAEt SO RAN, s. 169-191.

Myl'nikova, L. N., Poshivajlo, A. N., Tataurova, L. V. 2013. Mezhdunarodnyj keramologicheskij simpozium «Glinyanaya posuda v kul'ture pitaniya narodov mira». *Arheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii*, 3 (55), s. 151-154.

Myl'nikova, L. N., Selin, D. V. 2015. Kompleks andronovskoj kul'tury Elovskogo II mogil'nika: morfologicheskij analiz (vozmozhnosti metodiki V. F. Geninga). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2, s. 114-122.

Myl'nikova, L. N., Chemyakina, M. A. 2002. *Tradicii i novacii v goncharstve drevnih plemen Baraby (po materialam poselencheskogo kompleksa Om' 1)*. Novosibirsk: IAEt SO RAN.

Sajko, E. V. 1960. Iz opyta primeneniya mikroskopicheskogo metoda issledovaniya k izucheniyu srednevekovoj sredneaziatskoj keramiki. *Izvestija AN Tadzhikskoj SSR*, № 2, s. 41-66.

Sajko, E. V. 1965. Tekhnologiya keramiki srednevekovyh masterov. *Materialy i issledovanija po arkheologii SSSR*, 129, s. 161-166.

Sajko, E. V. 1971. *K istorii goncharnogo kruga i razvitiya form keramiki*. Moskva: Nauka.

Sajko, E. V. 1972. Tekhnologicheskaya harakteristika keramiki razvitoj bronzy iz Altyn-depe. *Karakarumskie drevnosti*, IV, s. 143-148.

Sajko, E. V. 1982. *Tekhnika i tekhnologiya keramicheskogo proizvodstva Srednej Azii v istoricheskom razvitii*. Moskva: Nauka.

Sajko, E. V., Zhushchihovskaya, I. S. 1990. *Metody mikroskopii v issledovanii drevnej keramiki (metodicheskie aspekty i praktika)*. Vladivostok: DVO AN SSSR.

Skoryj, S. A. 2013. Do yuvileyu Svitlani Sergiivni Bessonovoji. *Arheologiya*, 1, s. 141-142.

Sovremennye podhody k izucheniyu drevnej keramiki v arheologii. 2013. Moskva: IA RAN.

Sovremennye podhody k izucheniyu drevnej keramiki v arheologii. 2015. Moskva: IA RAN.

Takeuchi, T., Myl'nikova, L. N., Nesterov, S. P., Kulik, N. A., Derevyanko, E. I., Alkin, S. V., Kadzuyuki, N. 2009. Elektronno-mikrozondovyj analiz formovochnyh mass keramiki s pamyatnikov Dal'nego Vostoka. *Arheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii*, 1 (37), s. 39-51.

Tradicii i innovacii v izuchenii drevnejshej keramiki. 2016. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Sankt-Peterburg: IIMK RAN.

Cetlin, Yu. B. 2012. *Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podhoda*. Moskva: IA RAN.

Cetlin, Yu. B., Volkova, E. V. 2010. Rol' estestvenno-nauchnyh metodov v izuchenii drevnej keramiki kak istochnika istoricheskoj informacii. *Arheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii*, 4 (44), s. 52-59.

Chicha — gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoj lesostepi. 2001. Molodin, V. I., Parcinger, G., Garkusha, Yu. N., i dr. Novosibirsk: IAEt SO RAN, 1. Materialy po arheologii Sibiri, 1.

Chicha — gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoj lesostepi. Molodin, V. I., Parcinger, G., Garkusha, Yu. N., i dr. 2004. Novosibirsk: IAEt SO RAN, 2. Materialy po arheologii Sibiri, 4.

Chicha — gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoj lesostepi. 2009. Molodin, V. I., Parcinger, G., Krivonogov, S. K. i dr. Novosibirsk: IAEt SO RAN, 3.

Drebushchak, V. A., Mylnikova, L. N., Drebushchak, T. N., Boldyrev, V. V. 2005. The Investigation of Ancient Pottery: Application of thermal analysis. *Journal of Thermal Analysis and Calorimetry*, 82, 3, s. 617-626.

Drebushchak, V. A., Drebushchak, T. N., Mylnikova, L. N. 2011. The mass-loss diagram for the ancient ceramics. *Journal of thermal analysis and calorimetry*, 104, 2, s. 459-466.

Molodin, V. I., Mylnikova, L. N., Ivanova, D. P. 2014. A morphological Analysis of Vessels from middle bronze Age (Early 2nd Millennium BC) Burials at Vengerovo, in the Irtysh Forest-Steppe. *Archaeology*, *Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 42, 2, s. 4-66.

Mylnikova, L. N. In print. *The technology of manufacturing ceramics of the neolithic period Baraby (Western Siberia).*

Mylnikova, L. N. 2014. Studying the Forms of Ancient Ware: theoretical and practical Aspects. *Archaeology*, *Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2, 42, s. 31-43.

V. I. Molodin, L. N. Mylnikova

METHODS OF NATURAL SCIENCES IN THE STUDY OF ANCIENT CERAMICS (Transition Time from the Bronze Epoch to the Early Age. South Western Siberian Plain)

The article publishes the results of studying the molding masses and the quality of firing ceramic vessels of the Linevo 1 site (transition time from the Bronze Age to the Early Iron Age). The research was carried out using the methods of natural sciences: petrographic, X-ray phase and thermal. Five groups of ceramics were identified in the ceramic complex of the site. The second — Late Irmenskaya culture is a continuation development of the autochthonous — Irmenskaya. Three others: Molchanovskaya, Samodelkinskaya and with features of the early Iron Age — are imported. Within the framework of one site Linevo 1, there were recorded the existence of two traditions of making molding masses: chamotte and granitoid. The second tradition has been singled out both for the Molchanovskaya ceramic group and for the Samodelkino group but they differ in the composition of rock fragments. It was calculated that most of the collection is made up of «transitional» forms, «forms of imitation». There are no identical or closely related products in terms of morphological features in the collection. Syncretism of the complex under consideration is evidence of the complex ethno-cultural composition of the inhabitants of the ancient settlement. It can be clearly traced as a local autochthonous component that grows on the Irmenskaya culture basis and the northern taiga, coming to the forest-steppe most likely from the southern taiga of the Ob River. Obviously the fifth group of ceramics is foreign. As for the Linevo settlement complex it generally confirms the tendency of the joint existence of various ceramic traditions of the forest-steppe, steppe and taiga circle of cultures already noted for the cultures of the transitional time of the West Siberian forest-steppe with the predominance of the Irmenskaya culture — Late Irmenskaya culture component. All the results obtained are objective in nature, since they are based not on visual definitions, but on petrographic, X-ray phase, thermal methods and mathematical miscalculations.

Keywords: methods of natural sciences, transition time from the Bronze Age to the Early Iron Age, ceramic vessels.

Одержано 03.02.2018

МИЛЬНІКОВА Людмила Миколаївна, доктор історичних наук, провідний науковий співробітник, Інститут археології і етнографії Сибірського відділу РАН, пр-кт акад. Лаврентьєва, 17, Новосибірськ, 630090, Росія, *L.Mylnikova@yandex.ru*.

MYLNIKOVA Lyudmila Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of archaeology and Ethnography SB RAS, Pr-kt akad. Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russia, *L.Mylnikova@yandex.ru*.

МОЛОДІН В'ячеслав Іванович, доктор історичних наук, академік РАН, заступник директора по науці, Інститут археології і етнографії Сибірського відділу РАН, пр-кт акад. Лаврентьєва, 17, Новосибірськ, 630090, Росія, *Molodin@archaeology.nsc.ru*.

MOLODIN Vyacheslav Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, academician of RAS, Deputy Director for science, Institute of archaeology and Ethnography SB RAS, Pr-kt akad. Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russia, *Molodin@archaeology.nsc.ru*.

УДК: 904.5(574.3)”6383”

А. З. Бейсенов

ТАСМОЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА В ИССЛЕДОВАНИЯХ НАЧАЛА XXI века

Современный этап изучения тасмолинской культуры характеризуется получением новейших данных, в том числе и из ранее неизвестных видов памятников, также реализацией задач, направленных на проведение мультидисплинарных изысканий. В настоящем сообщении впервые на русском языке публикуется серия радиоуглеродных дат по погребальным памятникам и поселениям тасмолинской культуры, а также по погребениям коргантасского периода. Автор делает оговорку, что все данные, имеющиеся в настоящее время в корпусе источников по тасмоле, находятся в процессе исследований и какие-либо основные выводы будут впереди.

Ключевые слова: *Тасмолинская культура, Центральный Казахстан, Коргантасский период, радиоуглеродные анализы, погребение, поселение, периодизация.*

Первая в истории изучения тасмолинской культуры серия радиоуглеродных дат была получена в Киевской радиоуглеродной лаборатории Н. Н. Ковалюхом летом 2006 г. Если быть точнее, подписанная его рукой таблица на фирменном бланке лаборатории датирована 15 июня 2006 г. К настоящему времени по памятникам Центрального Казахстана автором получены свыше 70 дат, относящихся к разным памятникам эпох бронзы и раннего железа. Основная масса дат (свыше 60) относится к эпохе раннего железа, включая и курганы с «усами» (свыше 10 дат). Тема о курганах с «усами», о 14С и иных датах относительно их настолько специфична, что требует совсем особого и отдельного рассмотрения. Здесь в приведенный перечень включены только те даты из курганов с «усами», которые получены из западного, содержащего могильную яму, кургана комплекса (тип 2, подробнее см.: Бейсенов 2017а).

© А. З. БЕЙСЕНОВ, 2018

После получения в Киевской лаборатории первой серии 14С дат, в течении последующих 10—12 лет большое внимание уделялось автором проведению мультидисциплинарных изысканий. Специалистами А. О. Исмагуловой (Алматы) и Е. П. Китовым (Москва) был систематизирован и пронализирован полный объем имеющихся антропологических материалов по тасмолинской культуре и коргантасскому периоду. Источниковую базу этого исследования (Бейсенов, Исмагулова и др. 2015) составили данные около 70 индивидов. Специалисты из Эрмитажа С. В. Хаврин, Р. С. Минасян и Е. А. Шаблавина провели анализы на определение состава тасмолинского металла (бронза) и технологии изготовления группы изделий (Бейсенов, Минасян 2015; Бейсенов, Шаблавина 2015; Бейсенов, Хаврин 2015). Группой специалистов из г. Челябинска, под руководством А. Д. Таирова, выполнено исследование состава тасмолинского золота (Бейсенов, Таиров и др. 2015). С. В. Святко (Белфаст, Великобритания), выполнившая основную массу 14С анализов, провела первое исследование диеты населения тасмолинской культуры. Его результаты позволили сделать вывод об использовании тасмолинцами в пищу проса (Святко, Бейсенов 2017). Первая группа 14С анализов была опубликована на английском языке в США (Beisenov et all. 2016). С участием С. В. Святко и М. А. Кульковой (Санкт-Петербург) были опубликованы также даты отдельных комплексов в изданиях Казахстана и России. С. С. Тур, А. А. Тишкин (Барнаул) и С. В. Святко провели специальное исследование спинного позвонка мужчины, погребенного в кургане 1 могильника Койтас, в котором полностью застрял бронзовый черешковый наконечник раннесакского времени (Tur

et all. 2016). В Тюменском научном центре РАН специалисты Н. Е. Рябогина и А. С. Афонин провели анализ растительных остатков из культурного слоя тасмолинского поселения Абылай, взятых методом флотации. Впервые для тасмолинского памятника были обнаружены зерна проса и ячменя (материал готовится к печати).

Не будет преувеличением сказать, что в мультидисциплинарном подходе к сакским культурам восточного ареала Евразии особое место принадлежит радиоуглеродным датам. Это, в особенности, связано с фактом того, что в исследованиях сакских культур, где нет возможности привлечь материалы и данные античного мира, Северного Кавказа, относительно надежных европейских реперов, 14С данные в большей степени, чем в западной скифологии, позволяют решать и существенно корректировать вопросы датировки комплексов.

В этом отношении показательна замечательная работа большой группы специалистов, где опубликованы даты многочисленных памятников скифо-сакского времени Евразии (Алексеев и др. 2005), в том числе Саяно-Алтая, Казахстана, Южного Урала. В серии опубликованных дат интересны данные могильника Бесшатыр. Интервалы дат Шестого Бесшатырского кургана находятся в пределах конца IX — первой половины VI вв. до н. э. Вместе с тем, высока вероятность того, что курган сооружен в период конца IX — первой половины VIII вв. до н. э. (Алексеев и др. 2005, с. 182, рис. 3: 121). Возможно, Шестой Бесшатырский — один из самых ранних курганов саков Казахстана.

В настоящем сообщении приведены результаты 47 анализов, выполненных в лабораториях Киева, Белфаста (Великобритания) и Санкт-Петербурга. Из них 41 анализ (табл. 1, 2) выполнен по памятникам тасмолинской культуры (тасмолинская серия) и 6 анализов по памятникам коргантасского периода (табл. 3). В тасмолинской серии 33 даты получены из 31 погребения (табл. 1), 8 дат получены из 6 поселений (табл. 2).

Таблица 1. AMS 14C даты проанализированных образцов из погребений тасмолинской культуры (Центральный Казахстан)

№	Шифр	Погребение	^{14}C BP	Калибровка σ 1 (1 σ, 68,3), Cal BC	Калибровка σ 2, (2 σ, 95,4), Cal BC
1	UBA-23672	Акбеит, к. 1	2583 ± 44	812—754 (0,867); 680—670 (0,059); 608—595 (0,074)	829—735 (0,684); 689—662 (0,074); 648—546 (0,241)
2	UBA-23670	Акбеит, к. 2	2494 ± 30	763—737 (0,169); 688—663 (0,160); 647—548 (0,671)	781—517 (1,000)
3	UBA-28351	Акбеит, к. 7	2584 ± 2	801—777 (1,000)	815—753 (0,958); 681—669 (0,019); 611—593 (0,023)
4	UBA-23666	Бакыбулак, к. 15	2567 ± 30	801—763 (1,000)	807—748 (0,785); 684—667 (0,059); 640—588 (0,125); 580—558 (0,031)
5	UBA-28344	Бакыбулак, к. 14	2505 ± 34	809—783 (1,000)	835—756 (0,989); 679—671 (0,007); 603—599 (0,004)
6	UBA-28366	Бакыбулак, к. 2	2432 ± 28	727—719 (0,043); 704—695 (0,061); 541—414 (0,896)	749—684 (0,211); 667—639 (0,068); 589—577 (0,014); 569—406 (0,707)
7	UBA-25473	Бегазы, к. 7	2559 ± 40	802—751 (0,670); 683—668 (0,105); 636—624 (0,065); 615—591 (0,160)	809—731 (0,530); 691—659 (0,112); 651—543 (0,358)
8	UBA-28345	Бектауата, к. 1	2493 ± 32	763—735 (0,174); 688—663 (0,165); 647—547 (0,660)	787—509 (1,000)
9	UBA-31142	Бирлик, к. 12	2577 ± 30	800—773 (1,000)	811—750 (0,889); 683—668 (0,036); 637—619 (0,021); 616—590 (0,049); 576—571 (0,006)
10	UBA-28352	Бирлик, к. 15	2545 ± 32	796—751 (0,630); 683—668 (0,123); 636—626 (0,067); 614—591 (0,179)	800—736 (0,495); 688—663 (0,119); 647—547 (0,386)
11	UBA-28353	Бирлик, к. 29	2562 ± 35	752—682 (0,373); 669—633 (0,179); 629—613 (0,064); 592—510 (0,384)	761—428 (1,000)
12	UBA-23674	Карашокы, к. 1	2515 ± 27	774—748 (0,246); 684—667 (0,165); 641—587 (0,447); 580—559 (0,143)	791—728 (0,282); 713—710 (0,002); 693—658 (0,163); 653—542 (0,553)
13	UBA-23671	Карашокы, к. 8	2649 ± 31	826—799 (1,000)	894—869 (0,062); 850—790 (0,938)
14	UBA-23668	Карашокы 6, к. 1	2462 ± 28	750—668 (0,414); 668—637 (0,177); 622—616 (0,024); 591—512 (0,386)	760—677 (0,327); 674—471 (0,619); 466—430 (0,054)
15	UBA-31140	Карашокы 6, к. 1	2470 ± 49	755—680 0,366; 670—607 (0,297); 596—533 (0,293); 529—518 (0,045)	768—428 (1,000)

Окончание табл. 1

№	Шифр	Погребение	^{14}C BP	Калибровка σ 1 (1 σ, 68,3), Cal BC	Калибровка σ 2, (2 σ, 95,4), Cal BC
16	UBA-23664	Койтас, к. 1	2506 ± 33	770—744 (0,190); 686—665 (0,159); 644—551 (0,650)	791—556 (1,000)
17	UBA-24918	Комплекс «Курган 37 воинов», к. 11	2451 ± 32	747—685 (0,352); 666—642 (0,132); 586—584 (0,007); 555—474 (0,411); 463—454 (0,038); 445—431 (0,060)	CalBC 755—680 (0,277); 670—608 (0,171); 596—411 (0,552)
18	UBA-24917	Кособа, к. 2	2477 ± 31	754—726 (0,163); 720—703 (0,087); 695—680 (0,085); 670—608 (0,350); 595—541 (0,314)	772—478 (0,986); 461—460 (0,001); 444—431 (0,013)
19	Ki-12991	Кыдырбек, к. 1	2310 ± 60	410—350	550—150
20	UBA-25474	Кызыл, к. 3, левый скелет	2491 ± 33	763—734 (0,176); 689—662 (0,171); 649—546 (0,653)	786—507 (0,991); 500—490 (0,009)
21	UBA-28346	Кызылкой, к. 1	2525 ± 34	788—748 (0,343); 684—667 (0,149); 640—588 (0,393); 579—562 (0,110)	763—735 (0,174); 688—663 (0,165); 647—547 (0,660)
22	UBA-24916	Кызылшилик, к. 2	2421 ± 29	536—412 (1,000)	747—685 (0,161); 666—642 (0,047); 586—584 (0,001); 556—403 (0,791)
23	UBA-28350	Кызылшилик, к. 8	2530 ± 29	791—750 (0,457); 683—668 (0,154); 638—590 (0,389)	796—732 (0,380); 690—661 (0,143); 649—545 (0,477)
24	UBA-28349	Курган Жамантас	2471 ± 32	752—682 (0,393); 669—611 (0,308); 593—538 (0,300)	768—475 (0,965); 464—452 (0,015); 445—431 (0,020)
25	UBA-23665	Назар 2, к. 1	2507 ± 30	770—746 (0,178); 686—665 (0,157); 643—553 (0,665)	788—707 (0,281); 696—540 (0,719)
26	Beta-290784	Назар 2, к. 1	2460 ± 30	(68 % probability); 750—690; 660—640; 590—510	(95 % probability); 720; 700; 540
27	UBA-23669	Назар 2, к. 2	2548 ± 30	756—728 (0,168); 716—708 (0,040); 694—679 (0,083); 671—605 (0,371); 598—542 (0,339)	773—482 (0,996); 440—435 (0,004)
28	UBA-28343	Нуркен 2, к. 1, нижний скелет	2504 ± 27	768—747 (0,167); 685—666 (0,161); 642—555 (0,672)	785—726 (0,230); 721—702 (0,029); 695—540 (0,741)
29	Spb-931	Нуркен 2, к. 2	2235 ± 50	(68,2 % probability); 795—746 (23,6 %); 686—666 (8,7 %); 643—553 (35,8 %)	(95,4 % probability); 806—509 (95,4 %)
30	UBA-23673	Тайсойган, к. 3	2348 ± 29	427—384 (1,000)	509—497 (0,024); 495—377 (0,976)
31	UBA-28347	Тандайлы, к. 2	2468 ± 28	752—682 (0,414); 669—633 (0,207); 629—613 (0,075); 592—536 (0,304)	766—476 (0,972); 463—454 (0,010); 445—431 (0,018)
32	UBA-23667	Талды 2, к. 2	2503 ± 29	768—745 (0,165); 686—665 (0,160); 643—553 (0,675);	784—699 (0,273); 696—540 (0,727);
33	Beta-290785	Талды 2, к. 5	2540 ± 40	(68 % probability); 790—750; 680—670; 610—600	(95 % probability); 800—720; 700—540

Здесь и в табл. 2, 3. Анализы проведены в лабораториях Королевского Университета Белфаста (UBA), Северная Ирландия, Великобритания, исполнитель — С. В. Святко; Университета Майами (Beta), США, при содействии А. Наглера из Германского археологического института (Берлин); Российского государственного педагогического университета им. Герцена (Spb), Санкт-Петербург, РФ, исполнитель — М. А. Кулькова; в Киевской радиоуглеродной лаборотории, исполнитель — Н. Н. Ковалюх, июнь 2006 г. Материал: Бирлик, к. 12; Карашокы 6, к. 1 (UBA-23668) — зуб человека; Нуркен 2, к. 2 — дерево от перекрытия дромоса; все остальные — кость человека.

Приводимая серия из Центрального Казахстана на русском языке публикуется впервые. Все без исключения памятники, данные которых приводятся в таблицах, находятся в восточной части Центрального Казахстана. Основная масса памятников исследована на территории одного административного района — Каркаралинского р-на Карагандинской обл. Остальные расположены на территории соседних с ним районов (Актогайский, Абайский, Баянаульский).

Для детального анализа этих данных требуется обширное и специальное рассмотрение, что невозможно без полной публикации материалов раскопок. Здесь могут быть приведены лишь представления самого общего характера. Тасмолинские курганы сильно ограблены. Учитывается немаловажный для 14C анализов эффект потревоженных захоронений, который будто бы дает те или иные погрешности. Но представительность серии, т. е., количественный показа-

Таблица 2. AMS 14C даты проанализированных образцов из поселений тасмолинской культуры (Центральный Казахстан)

№	Шифр	Поселение	^{14}C BP	Калибровка σ 1 (1 σ, 68,3), Cal BC, * Cal AD	Калибровка σ 2, (2 σ, 95,4), Cal BC, * Cal AD
1	UBA-24075	Тагыбайбулак, жил. 2	2461 ± 30	751—683 (0,399); 668—637 (0,177); 624—615 (0,031); 591—510 (0,392)	759—678 (0,313); 673—429 (0,687);
2	UBA-25472	Сарыбуйрат, р. 2.	2421 ± 30	537—411 (1,000);	747—685 (0,166); 666—641 (0,050); 587—580 (0,005); 558—403 (0,780)
3	Ki-12994	Едирей 1	1690 ± 70	* 250—430 Cal AD	* 210—540 Cal AD
4	Ki-12995	Едирей 2	2510 ± 60	720—520	800—480
5	Ki-12993	Едирей 3, р. 1	2110 ± 70	210—40	* 360—30 Cal AD
6	Ki-12999	Едирей 3, р. 1	2710 ± 70	920—800	1020—760
7	Ki-12998	Сенкибай, ш. 1	3010 ± 70	1320—1120	1420—1020
8	Ki-13000	Сенкибай, ш. 2	2480 ± 50	770—510	790—410

Примечание. Материал — кости животных.

Таблица 3. AMS 14C даты проанализированных образцов из погребений коргантаского периода (Центральный Казахстан)

№	Шифр	Погребение	^{14}C BP	Калибровка σ 1 (1 σ, 68,3), Cal BC, * Cal AD	Калибровка σ 2, (2 σ, 95,4), Cal BC, * Cal AD
1	UBA-23678	Бидаик, к. 1	2269 ± 35	395—357 (0,573); 284—254 (0,315); 247—235 (0,112)	400—349 (0,459); 313—209 (0,541)
2	UBA-23679	Бидаик, к. 3	2137±27	327—329 (0,056); 204—150 (0,697); 139—112 (0,247)	351—301 (0,155); 226—205 (0,001); 210—88 (0,812); 77—57 (0,032)
3	UBA-23680	Бирлик, к. 2	2245 ± 27	380—354 (0,307); 290—232 (0,693)	390—348 (0,293); 317—207 (0,707)
4	UBA-23681	Бирлик, к. 19	2216 ± 27	359—349 (0,099); 312—273 (0,380); 261—209 (0,521)	367—203 (1,000)
5	Spb-1233	Серекты 1, к. 14	2055 ± 50	(68,2 % probability); 158—154 (10,3 %); 116 BC — * 1 Cal AD (57,9)	(95,4 % probability); 196 BC — * 53 Cal AD (95,4)
6	Spb-1440	Серекты 1, к. 15	2064 ± 55	(68,2 % probability); 164—128 (15,5 %); 122—21 (48,8 %); 11—2 (3,9 %)	(95,4 % probability); 336—330 (0,5 %); 204 BC — * 60 Cal AD (94,9 %)

Примечание. Материал — кости человека.

тель, в какой-то степени смягчает остроту этого момента. В предлагаемом сообщении рассмотреть многие вопросы не удастся, но, как полагает автор, сама публикация имеющихся углеродных данных по тасмолинской культуре может быть полезной для скифологов Украины.

Если учесть все интервалы дат по Сигма 1 (σ 1) и Сигма 2 (σ 2), то можно заметить следующие моменты в общей хронологии объектов.

Имеются 33 результата, полученных из 31 кургана. Из них в условной группе 1 находятся 31 дата из 29 курганов. Нижняя граница калибровочных значений этих курганов лежит в пределах конца IX — VIII вв. до н. э., а верхняя граница доходит до середины — второй половины V в. до н. э. В том числе внутри этой же группы можно заметить, что верхняя граница 20 дат (19 курганов) не выходит за пределы середины и второй половины VI в. до н. э. (группа 1а). Соответственно, остальные 11 дат из 10 курганов составляют группу 1б, их калибровочные значения доходит до середины —второй половины V в. до н. э.

Из всех 33 дат всего 2 (группа 2) показали интервалы в пределах второй половины VI — II вв. до н. э. В ограбленном кургане 1 могильника Кыдырбек (табл. 1, № 19), диаметром 7 м и высотой 0,45 м, в грунтовой яме, ориентированной по линии ЗЮЗ—ВСВ, найдены берцовые кости человека и небольшой плоский каменный жертвенник. В рамках указанного интервала памятник может быть датирован периодом не ранее второй половины VI в. до н. э. В кургане 3 могильника Тайсойган (диаметр 7 м, высота 0,35 м), в ограбленной грунтовой

яме (ориентировка З—В), находились разбросанные кости человека, инвентарь — небольшой бронзовый нож с кольцевым навершием и плоский каменный жертвенник. Полученная дата (№ 30) указывает на период V—IV вв. до н. э.

Таким образом, по верхней границе Группа 1 не выходит за пределы V в. до н. э., лишь 2 даты из 2 курганов (группа 2) выходят за эту черту. Нижняя граница группы 1 охватывает период конца IX — VIII вв. до н. э., а группы 2 — не выходят за пределы второй половины VI — начала V вв. до н. э. Впрочем, оба этих кургана группы 2, имеющие схожий погребальный обряд, параметры, могут быть датированы в рамках V—IV вв. до н. э. (см. № 30).

Вышеуказанное позволяет сделать следующие формальные умозаключения. Интервалы значений двух групп связаны с общей датой тасмолинской культуры, которая по углеродным анализам (изученной серии курганов) укладывается в период конца IX — V вв. до н. э. Этот интервал может быть принят как формальная дата культуры.

Для определения более или менее относительно реальной даты, разумеется, необходимо значительное усилие. Должна уточняться нижняя граница культуры, которая определенно может сузиться. Относительно курганов IV в. до н. э., вопрос остается открытым, хотя шансы заполнить этот век каким-либо значительным числом конкретных памятников, по-видимому, невелики. По верхней же дате, в самой группе 1 основная масса (20 из 31 дат) данных углеродного анализа не выходит за пределы середины — второй половины VI в. до н. э., т. е. времени завершения раннесакской эпохи.

В целом, явно наблюдается тенденция уменьшения числа памятников к позднему этапу культуры. К позднему этапу меняются также параметры, конструктивные и архитектурные особенности в оформлении курганов. Оба указанные курганы группы 2 представлены небольшими и простыми насыпями. С одной стороны, все исследования последних 15 лет были ориентированы на относительно средние и крупные насыпи диаметром свыше 15—20 м. Небольшие насыпи массово не копались. Но вряд ли это положение снимает вопрос о явном уменьшении числа более поздних курганов. По яркости всего облика памятников, по инвентарю, тасмолинская культура в большем смысле слова является культурой раннесакского времени.

Целый ряд курганов показал очень раннюю дату. Особое положение занимает могильник Бакыбулак, откуда происходят всего три даты: курганы 2, 14, 15. В цепочке насыпей (Бейсенов 2017б, рис. 9) тасмолинские курганы занимают северную половину, южнее кургана 8 расположены насыпи более поздних периодов, а также курганы эпохи бронзы. Нумерация объектов произведена с юга на север, таким образом, курганы 8—15 относятся к тасмолинскому времени. Особняком стоит курган 2. В южной оконечности цепочки, в ящике кургана 2 эпохи бронзы был вскрыт неполный скелет человека, могила потревожена. Углеродный анализ показал принадлежность погребения к тасмолинскому времени. По 14С (№ 6) имеется общий интервал в пределах VIII—V вв. до н. э., но наибольшие калибровочные значения падают на конец VI — V вв. до н. э. Впускной характер погребения усиливает вероятность отнесения его к позднему этапу — для ранней тасмолы это не характерно. Это позднее погребение тасмолы, впущенное в ящик эпохи бронзы.

Дата курганов 14 и 15 в северной оконечности цепочки (№ 4, 5) по σ 1 полностью лежит в рамках конца IX — VIII в. до н. э., наибольшие значения калибровки (0,785 и 0,989) по σ 2 также указывают на этот период.

Среди инвентаря тасмолинских курганов Бакыбулака раннюю дату памятников могут подтвердить 42 бронзовых наконечника стрелы (рис. 1: 1—42) в кургане 9, а также предметы конской узды из жертвенников 4 и 5 (Бейсенов, Джумабекова и др. 2017, рис. 4). Бакыбулакские стрелы, имеющие в своем составе экземпляры так называемого жаботинского типа (Рябкова 2014; Дараган 2015), датируются временем не позже VIII в. до н. э. Ближайшей аналогией наконечников из кургана 9 являются стрелы из колчана в кургане 5ж тасмолинского могильника Карамурун 1 (Кадырбаев 1966а, рис. 58).

Е. А. Шаблавиной, на основании трасологического анализа, было сделано заключение, согласно которому предметы из жертвенников Бакыбулака выполнены ранним, аржано-черногоровским, методом литья (Бейсенов, Шаблавина 2015). С. В. Хаврин, изучив состав свыше 50 бронзовых изделий тасмолинской культуры, выделил небольшую группу мышьяковистых бронз. Среди них оказались и эти же предметы из жертвенников Бакыбулака (Бейсенов, Хаврин 2015). Из других находок, из курганов Бакыбулака происходят каменный жертвенник, фрагменты золотых серег, бронзовое зеркало (рис. 1: 48, 49, 51; 2: 1). По-видимому, дате Бакыбулака близка хронологическая позиция кургана 2 могильника Тандайлы 2, где найдены 3 бронзовых наконечника стрел: 2 втульчатых двуперых, в том числе 1 с шипом, и 1 черешковый трехперый (рис. 1:43—45).

Раннюю дату, близкую Бакыбулаку, дают курганы могильника Акбеит (№ 1—3), курганы 12 и 15 могильника Бирлик (№ 9, 10), курганы 1, 8 могильника Карашокы (№ 12, 13).

По калибровочным значениям σ 1 и σ 2,следующий целый ряд курганов как будто занимают по отношению к указанным памятникам более позднюю шкалу — VII—VI вв. до н. э. Это курганы Бектауата (рис. 1: 50), Жамантас (рис. 2: 2), Кособа (рис. 1: 47; 2: 12), Кызыл (рис. 2: 3), Кызылкой, Кызылшилик, Назар 2

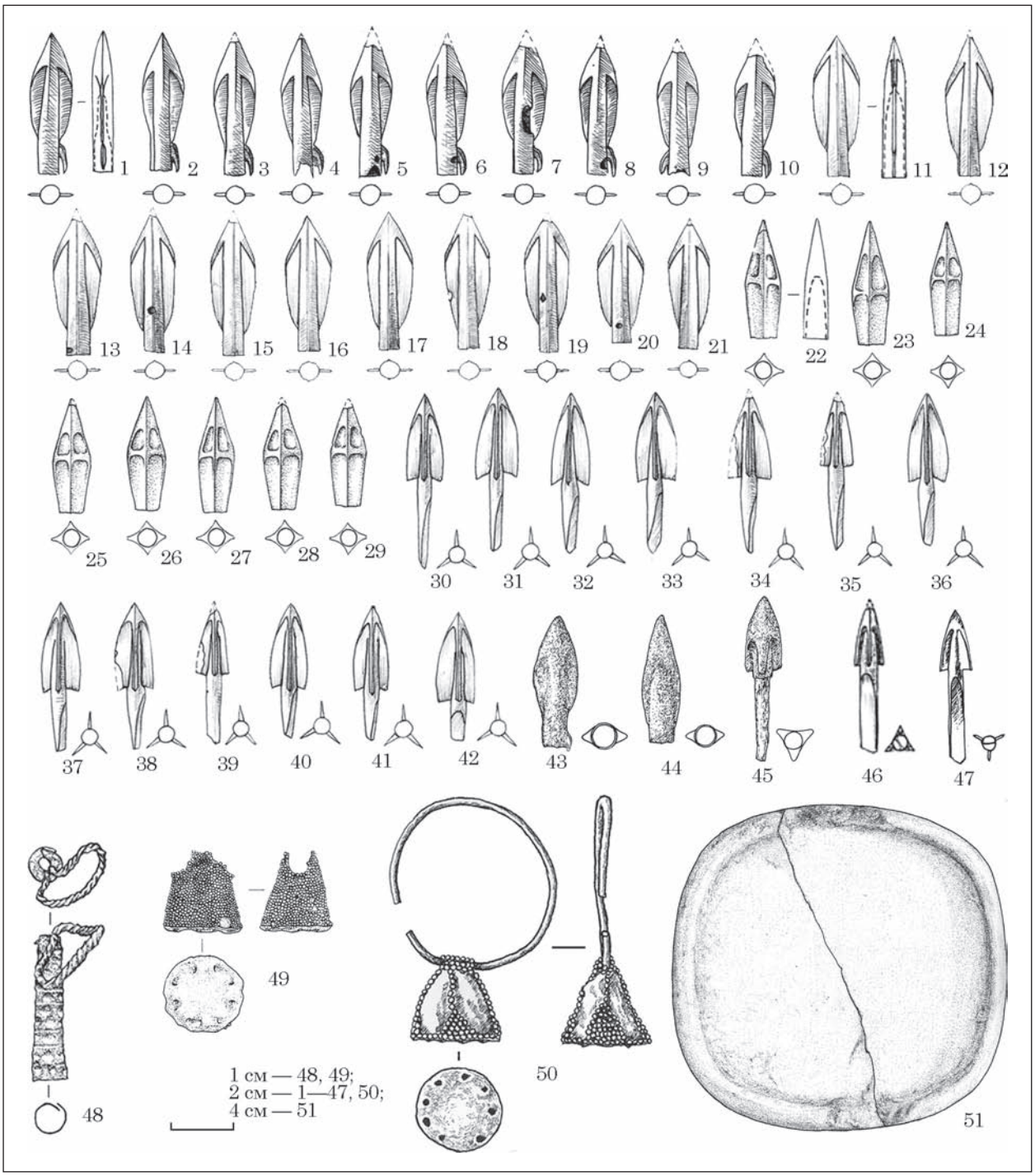


Рис. 1. Предметы из курганов тасмолинской культуры: *наконечники стрел*: 1—42 — к. 9 мог. Бакыбулак; 43—45 — к. 2 мог. Тандайлы 2; 46 — к. 2 мог. Назар 2; 47 — к. 2 мог. Кособа; *серьги*: 48 — фрагмент из к. 10 мог. Бакыбулак; 49 — фрагмент из к. 15 мог. Бакыбулак; 50 — к. 1 мог. Бектауата; 51 — *жертвенник* из к. 15 могильника Бакыбулак (48—50 — золото, 51 — камень, остальное — бронза)

(рис. 1: 46), Нуркен 2, Талды 2 (рис. 2: 6, 10) и др. Надо отметить, это в целом неплохо коррелируется и находками вещей в этих курганах. Курганов этого ряда больше, чем первых, что, в целом, не противоречит логике.

Основная масса курганов сильно ограблена, в них мало датирующих предметов, что создает проблему в более или менее полной корректировке дат памятников. Особенно это характерно для ранней группы. Курганы 1 и 8 могильника Карашокы по углеродному анализу явно очень ранние. Дата их совпадает с датой Бакыбулака. Если дата последнего корректируется находками предметов вооружения, а также конской узды, выполненной редким для Центрального Казахстана аржано-черногоровским методом, из мышьяковистой бронзы, также не характерной для тасмолинского металла VII—VI вв. до н. э. (оловянистая бронза), то, этого нельзя сказать по отношению памятников Карашокы.

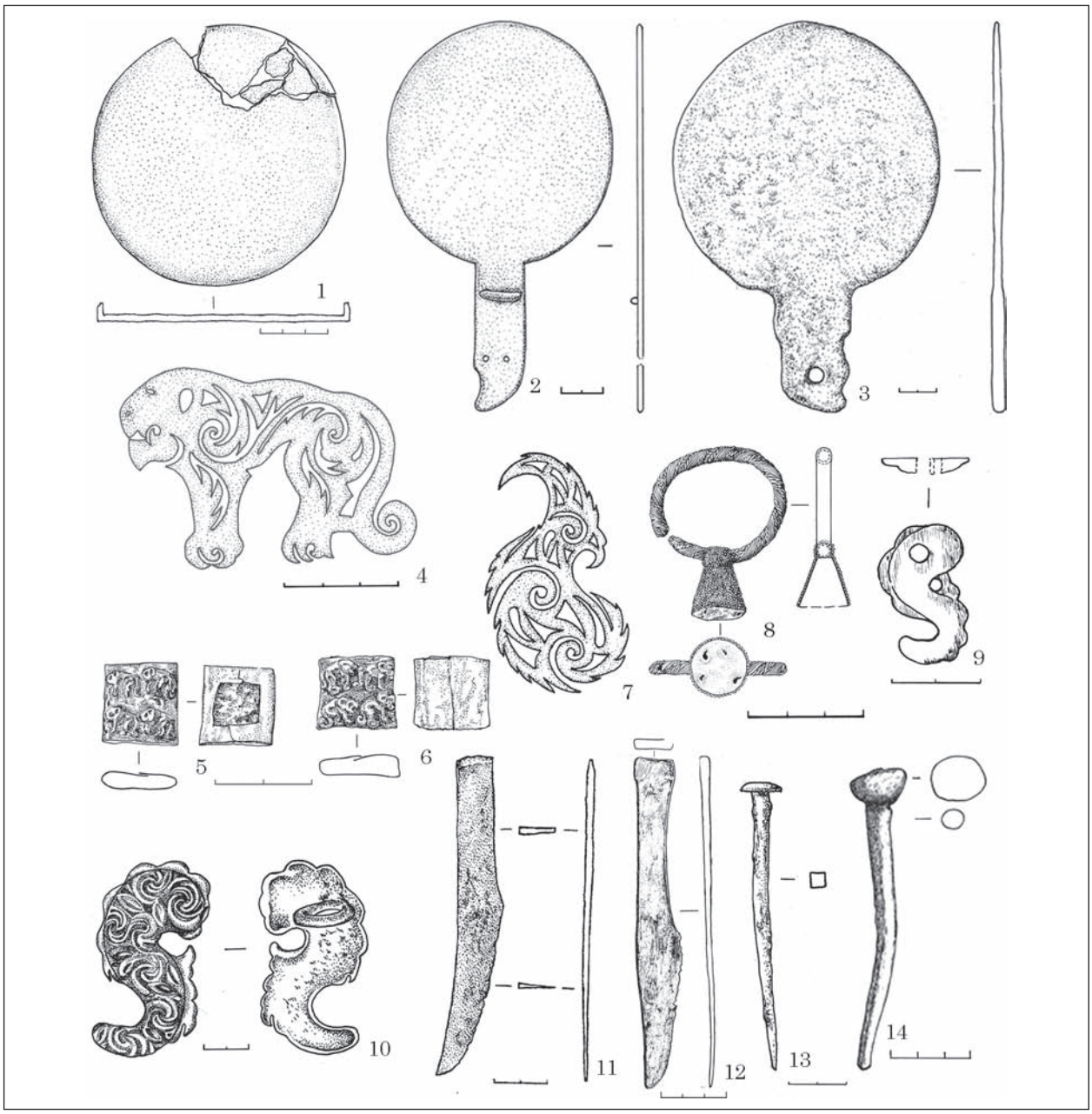


Рис. 2. Предметы из курганов тасмолинской культуры: *зеркала*: 1 — к. 8 мог. Бакыбулак; 2 — к. Жамантас; 3 — к. 3 мог. Кызыл; *украшения*: 4 — к. 1 мог. Карашокы; 5, 6 — портупейные обоймы из к. 1 мог Акбеит и к. 5 мог. Талды 2; 7 — к. 1 мог. Шерубай; 8 — серьга из к. 8 мог. Карашокы; 9 — застежка из к. 9 мог. Карашокы; 10 — застежка из к. 5 мог. Талды 2; *другие предметы*: 11, 12 — ножи из к. 2 мог. Кособа и к. 3 мог. Едирей 3; 13, 14 — пробойники из к. 1 мог. Карашокы и к. 4 мог. Акбеит 2 (4—8, 10 — золото, 9 — кость, остальное — бронза)

Выполненные из золота ажурное украшение в виде тигра, по стилю исполнения близки к которому украшения из кургана 1 могильника Шерубай (рис. 2: 4, 7), а также уникальная массивная золотая серьга (рис. 2: 8) не дают точной даты. Мало того, такие завершенные, колоритные формы изделий как будто удерживают исследователя от ранней даты, или же это происходит в силу неподготовленности относить такого рода находки к ранним периодам.

Исследованные курганы не только по углеродным датам, но и по обряду и инвентарю связаны между собой. Во многих случаях обнаружены типологически очень близкие предметы. В их числе — золотые конические серьги, являющиеся одной из устойчивых категорий тасмолинской культуры (Бейсенов 2014), зеркала не только с петелькой на обороте, но и тип с боковой прямой ручкой, гладкой или с фигурным очертанием краев. Указанные ажурные украшения из Карашокы и Шерубая будто бы указывают на некоторые особенности сложения пазырыкского стиля. Костяная застежка из Карашокы типологически близка к золотой застежке колчана из более позднего кургана 5 могильника Талды 2 (рис. 2: 9, 10). Очень близки по стилю выполнения золотые портупейные обоймы с четырьмя кошачьими хищниками из Акбеит, к. 1 и Тал-

Рис. 3. Жилище на поселении Тагыбайбулак (фото)

ды 2, к. 5 (рис. 2: 5, 6), близки бронзовые ножи из Кособы и Едирей 3 (рис. 2: 11, 12), пробойники из Карашокы и Акбеит (рис. 2: 13, 14).

Рассмотренные углеродные даты в целом вполне сопоставимы с археологическими материалами. Намечаемые сейчас реальные результаты корреляции двух методов датирования, надо полагать, в будущем примут более точные очертания. Особенно это касается вопросов «внутренних» датировок, периодизации культуры. Общая хронология культуры кажется более ясной. Согласно имеющимся в настоящее время данным, тасмолинская культура, по всей видимости, сложилась в период не позже середины VIII в. до н. э.

Как свидетельствует А. С. Ермолаева, первооткрыватель тасмолы М. К. Кадырбаев в 1982 г., незадолго до своей смерти, говорил о своих планах передатировать культуру, удревнив ее нижнюю границу (Ермолаева 2015, с. 121, прим. 1). Вместе с тем, судя по публикации М. К. Кадырбаева 1966 г., он это решение вынашивал по меньшей мере с середины 1960-х гг., видимо, еще с момента работы над материалом. Он в небольшой публикации, посвященной рецензии книги С. С. Черникова, уже тогда отмечал, что «середина VIII в. до н. э. была временем сложения раннесакской культуры», ссылаясь на памятники типа Карамурун 1, к. 5ж, Уйгарак и др. (Кадырбаев 1966b, с. 81). По мнению ученого, принять это положение мешает «нерешительность» исследователей. Среди немногочисленных иследователей, заметивших данное высказывание М. К. Кадырбаева и ссылающихся на его мнение, следует отметить И. В. Бруяко (Бруяко 2005, с. 120). Но вот своеобразный парадокс в том, что в этом же 1966 г. выходит монографическая работа М. К. Кадырбаева, где автор начало тасмолы датирует не серединой VIII в. до н. э., в чем он, кажется, был вовсе уверен, а VII в. до н. э. Это были последствия ряда обсуждений всесоюзного уровня, согласований с коллегами из центральных учреждений.

Даты из поселений (табл. 2) тасмолинской культуры в целом не противоречат курганным данным. В настоящее время известны в восточных районах Центрального Казахстана свыше 50 небольших поселений (рис. 3), свыше 10 из них изучены раскопками. Ранее, по керамическим комплексам, эти поселения были датированы в рамках VII—V вв. до н. э. Полученные углеродные данные нижнюю дату поселений позволяют гипотетически определить с VIII в. до н. э. Показательны в этом отношении данные лаборатории Великобритании, полученные из поселений Тагыбайбулак и Сарыбуйрат (№ 1 и 2). Здесь калибровочные значения по σ 1 и σ 2 совпадают с данными по курганам — VIII—V вв. до н. э. В ряде поселений получены даты, относящиеся как к переходному этапу от эпохи бронзы к раннему железному веку, так и коргантасскому времени (IV—II вв. до н. э.) и гуннской эпохе (начало—середина I тыс. до н. э.). Это вполне объяснимо. На поселение легко могут попасть кости из его ближайшего окружения, например, из слоя более древнего поселения. На заброшенных поселениях могут пребывать и более поздние группы кочевников. В трех случаях (поселения Кызылсуир 2, Шидертинское 2, Абылай) во время раскопок обнаружены погребения коргантасского периода, совершенные в развалах сооружений сакского времени. Это, в свою очередь, может дополнительно конкретизировать верхнюю границу существования сакских поселений. По-видимому, к IV в. до н. э., ко времени появления нового населения (коргантас), тасмолинские поселения уже были заброшены.

Пробы, взятые на поселениях Тагыбайбулак, Сарыбуйрат и из шурфа 2 поселения Сенкибай однозначно датируют памятники указанным

выше периодом. О поселении Едирей 2 нужно сказать особо. Его материалы показали принадлежность памятника к донгальско-раннесакскому периоду (Бейсенов, Ломан 2009). Нижняя граница углеродной даты (№ 4) лежит в VIII в. до н. э., что в целом согласуется с ранее сделанными предположениями. Возможно, самые ранние поселения тасмолы будут связаны с поздним этапом донгала. Это актуальный вопрос, так как генетическая связь керамики тасмолинских поселений с керамическим комплексом донгальского периода уже отмечена (Бейсенов, Шульга, Ломан 2017). Поселения сакского времени — тема специфическая. Основу и причину этой специфичности образует черезвычайная малоисследованность этого вида памятников на территории Казахстана, вплоть до игнорирования их. Между тем, в поселениях сокрыт огромнейший научный потенциал для сакской проблематики. Малоизученные поселения тасмолинской культуры, открытые на востоке Центрального Казахстана, автор трактует как поселения-зимники (Бейсенов 2017b; Бейсенов, Шульга, Ломан 2017).

Коргантасские погребения (IV—II вв. до н. э.) на востоке Центрального Казахстана открыты в небольшом количестве, всего их свыше 40. Как отмечалось ранее, основными новыми чертами обряда являются два признака: восточная ориентировка умерших (В, СВ), устройство за изголовьем умершего особого жертвенника для помещения голов и ног домашних животных. Эти особенности не могут быть связаны с тасмолинской культурой, а равно и другими сакскими культурами Казахстана. Ряд других деталей в обряде, вместе с тем, могут быть трактованы как сакские. Это положение каменного жертвенника в насыпи или же в могиле, наличие у конского черепа деталей узды, основная масса предметов инвентаря также связана с казахстанско-алтайским ареалом.

Углеродные даты (табл. 3) не отрицают археологическую дату памятников. Данные антропологии (А. О. Исмагулова, Е. П. Китов) показали метисный, смешанный облик населения. Коргантасские погребения связываются с восточными районами Центральной Азии, — Ордосом, Байкальским регионом. В Центральный Казахстан эта группа населения могла прибыть через Алтай, где эти погребения отмечены и в более ранний период, в конце VI —V вв. до н. э. В вопросе происхождения коргантасской традиции наиболее оптимальным является точка зрения видного сибирского исследователя П. И. Шульги, связавшего ее с «Восточной историко-культурной областью», где обычай устройства головных жертвенников уходит в глубокую древность (см.: Бейсенов 2017c).

Для столь немногочисленной серии раскопанных памятников коргантасского времени период IV—II вв. до н. э. является широкой датой. Одним из важных моментов является то, что нижняя граница коргантасских памятников объективно поддерживают верхнюю границу в хронологии тасмолинской культуры. И по материалам археологии, и по данным углеродных анализов, смена культуры в Центральном Казахстане, по крайней мере в его восточных районах, происходит к IV в. до н. э. Немногочисленные группы поздних тасмолинцев, вероятно, вошли в состав нового населения.

В последние годы на юго-восточной периферии Центрального Казахстана открыты немногочисленные памятники, датирующиеся позднесакским временем, не имеющие отношения к коргантасским погребениям. Обряд их также несколько отличен от тасмолы. Эти курганные захоронения условно названы «памятниками карамолинского типа». Помимо одноименного могильника, в эту группу, видимо, входят и курганы, изученные в группах могильников Тасарал (Бейсенов, Исмагулова и др. 2015, с. 23, 25).

Углеродные даты, вместе с археологическими материалами, позволяют считать началом существования тасмолинской культуры, сложившейся в степях Казахского мелкосопочника, временную черту не позже середины VIII в. до н. э. Специалисты рассматривают хронологию Скифии в рамках трех основных этапов: ранне-, средне- и позднескифский (см., в частности: Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989; Алексеев 2003; Скорый 2003; Гречко 2016). В тасмолинской культуре позднего этапа не наблюдается, V в. до н. э., по-видимому, является временем завершения основной линии динамики культуры. В тасмолинской хронологии много вопросов будет связано с поздними ее этапами. Данная особенность напрямую связана с таким отдельным положением, как особенности развития тасмолинской культуры в аридных условиях Казахского мелкосопчника. Степные скотоводы тасмолинцы в своем ближайшем окружении не имели районов с оседлым населением. Необходимость особой адаптации к природной нише, в том числе в условиях холодной, снежной и ветреной, зимы, вероятно, изначально была присуща образу жизни этого народа. Много таит в себе тип жилищ с мощным каменным основанием, открытый на поселениях-зимовках, укрытых в склонах каменистых возвышений.

За нашим кратким обзором, посвященным рассмотрению новых углеродных дат по Центральному Казахстану, остались очень многие вопросы, в том числе важные данные погребального обряда тасмолинской культуры. Они основываются на материалах свыше 210 курганов и способствуют, наряду с предметными комплексами, уточнению вопросов датировки. Особняком в том числе стоит проблема дромосных курганов тасмолинской культуры, абсолютно неизвестных в ранних материалах, поэтому, не попавших в поле зрения специалистов по скифо-сакской эпохе. Открытие к настоящему времени свыше 30 дромосных могил тасмолинской культуры, поя-

вившихся еще на самом раннем, начальном, ее этапе, могут быть сравнены со скифскими дромосными погребениями Днепровской лесостепи (Гладковщина, Медвин, Яснозорье, Репяховатая могила, Перещепино и др.), Среднего Дона (Мастюгино, Дуровка, Старожитное, Колбино 1), не говоря об аналогичной особенности памятников сакского типа района реки Илек (Елек) на западе Казахстана, устойчиво и надолго названных в литературе савроматскими.

Украинская скифология, в лице школы А. И. Тереножкина, одного из крупнейших исследователей XX в., имеет блестящие и общепризнанные достижения мирового уровня. Помимо накопленного к сегодняшнему дню колоссального объема археологических источников по скифской культуре, по части самой методики раскопок и изучения крупных земляных курганов, исследования городищ, работы украинских скифологов остаются примером и образцом для археологов многих регионов необъятной Степной Евразии, в том числе и Казахстана. Всё сказанное напрямую касается и творчества замечательной исследовательницы, участницы многочисленных экспедиций, автора многочисленных трудов, книг и статей, выдающегося скифолога Светланы Сергеевны Бессоновой, чей прекрасный юбилей сегодня отмечают ее друзья и коллеги.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 2003. *Хронография Европейской СкифииVII—IV вв. до н. э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Алексеев, А. Ю, Боковенко, Н. А., Васильев, С. С., Дергачев, В. А., Зайцева, Г. И., Ковалюх, Н. Н., Кук, Г., ван дер Плихт, Й., Посснерт, Г., Семенцов, А. А., Скотт, Е. М., Чугунов, К. В. 2005. *Евразия в скифскую эпоху: археологическая и радиоуглеродная хронология*. Санкт-Петербург: Теза.

Бейсенов, А. З. 2014. Серьги сакской эпохи. *Вестник ТомГУ*, 6 (32), с. 121-128.

Бейсенов, А. З. 2017a. Курганы с «усами» Центрального Казахстана. В: Бейсенов, А. З., Ломан, В. Г. (ред.). *Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сбоник статей, посвященный 70-летию Центрально-Казахстанской археологической экспедиции.* Алматы: НИЦ истории и археологии Бегазы-Тасмола, 2, с. 31-37.

Бейсенов, А. З. 2017b. Тасмолинская культура Сарыарки. *Казахстан в сакскую эпоху. Коллективная монография.* Алматы: Институт археологии, с. 59-100.

Бейсенов, А. З. 2017c. Коргантасские погребения в Центральном Казахстане. В: Базаров, Б. В., Крадин, Н. Н. (ред.). *Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: материалы II международной научной конференции, посвященной 80-летию д. и. н., проф. П. Б. Коновалова, г. Улан-Удэ, 4—6 декабря 2017 г.* Улан-Удэ, с. 103-108.

Бейсенов, А. З., Исмагулова, А. О., Китов, Е. П., Китова, А. О. 2015. *Население Центрального Казахстана в I тыс. до н. э.* Алматы: Институт археологии.

Бейсенов, А. З., Джумабекова, Г. С., Базарбаева, Г. С., Дуйсенбай, Д. Б., Ахияров, И. К. 2017. Вихревые композиции в искусстве саков Казахстана. *Археологія і давня історія України*, 2, с. 40-58.

Бейсенов, А. З., Ломан, В. Г. 2009. К проблеме сложения раннесакских поселенческих комплексов Центрального Казахстана. *Вестник Университета Кайнар*, 4, 2, с. 12-15.

Бейсенов, А. З., Минасян, Р. С. 2015. Зеркало из тасмолинского могильника Бирлик. *Вестник ДагНЦ РАН*, 58, с. 58-62.

Бейсенов, А. З., Шульга, П. И., Ломан, В. Г. 2017. *Поселения сакской эпохи.* Алматы: НИЦ истории и археологии Бегазы-Тасмола.

Бейсенов, А. З., Таиров, А. Д., Зайков, В. В., Блинов, И. А. 2011. Состав золотых изделий из могильника Талды 2. *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: тезисы докладов*. Караганды, с. 21-25.

Бейсенов, А. З., Шаблавина, Е. А. 2015. Особенности литья предметов конского снаряжения тасмолинской культуры. *Вестник ТомГУ, История*, 4 (36), с. 105-112.

Бейсенов, А. З., Хаврин, С. В. 2015. Металлические изделия тасмолинских памятников Центрального Казахстана. *Известия СамНЦ РАН*, 17, 3 (2), с. 526-531.

Бруяко, И. В. 2005. *Ранние кочевники в Европе (X—V вв. до Р. Х.).* Кишинев: Высшая антропологическая школа.

Гречко, Д. С. 2016. От архаической Скифии к классической. *Археологія і давняя історія України*, 2, с. 33-60.

Дараган, М. Н. 2015. Наконечники стрел предскифского и раннескифского времени: технология изготовления, метрология и маркировка. *Труды Государственного Эрмитажа*, 77, с. 127-170.

Ермолаева, А. С. 2015. *Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы — раннее железо*). Алматы: Институт археологии.

Кадырбаев, М. К. 1966a. Памятники тасмолинской культуры. В: Маргулан, А. Х., Акишев, К. А., Кадырбаев, М. К., Оразбаев, А. М. *Древняя культура Центрального Казахстана.* Алма-Ата: Наука, с. 303-433.

Кадырбаев, М. К. 1966b. С. С. Черников. Загадка золотого кургана. Москва, 1965. *Известия АН КазССР. Серия общественная*, 3, с. 79-82.

Ковпаненко, Г. Т., Бессонова, С. С., Скорый, С. А. 1989. *Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион).* Киев: Наукова думка.

Рябкова, Т. В. 2014. Курган 524 у с. Жаботин в системе памятников периода скифской архаики. *Археологический ежегодник*, 4, с. 372-413.

Святко, С. В., Бейсенов, А. З. 2017. Первые изотопные данные о диете населения тасмолинской культуры. *Самарский научный вестник*, 6, 3 (20), с. 223-227.

Скорый, С. А. 2003. *Скифы в Днепровской Правобережной лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента).* Киев: ИА НАНУ.

Beisenov, A. Z., Svyatko, S. V., Kassenalin, A. E., Zhambulatov, K. A., Duisenbai, D., Reimer, P. J. 2016. First Radiocarbon Chronology for the Early Iron Age Sites of Central Kazakhstan (Tasmola Culture and Korgantas Period). *Radiocarbon*, 58, p. 179-191.

Tur, S. S., Svyatko, S. V., Beisenov, A. Z., Tishkin, A. A., 2016. An Exceptional Case of Healed Vertebral Wound with Trapped Bronze Arrowhead: Analysis of a 7th—6th c. BC Individual from Central Kazakhstan. *International Journal of Osteoarchaeology*, 26, p. 740-746.

REFERENCES

Alekseyev, A. Y. 2003. *Choronografiya Evropeiskoi Skifii VII—VI vv. do n. e.* Sankt-Peterburg: Gosudarvstenniy Ermitazh.

Alekseyev, A. Y., Bokovenko, N. A., Vasileyev, S. S., Dergachev, V. A., Zayeceva, G. I., Kovalyh, N. N., Kuk, G., van der Pliht, I., Possnert, G., Semencov, A. A., Scott, E. M., Chugunov, K. V. 2005. *Evraziya v skifskyyepohy: arheologicheskaya i radioyglerodnaya chronologiya.* Sankt-Peterburg: Teza.

Beisenov, A. Z. 2014. Ser'gi sakskoi epohi. *Vestnik TomGU*, 6(32), s. 121-128.

Beisenov, A. Z. 2017a. Kurgani s «usami» Tsentral'nogo Kazahstana. In: Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (ed.). *Arheologicheskoe nasledie Tsentral'nogo Kazahstana: izychenie i soxranenie. Sbornikstatei, posvyachennii 70-letiy Tsentral'no-Kazahstanaskoi arheologicheskoi ekspedicii.* Almati: NITs istorii i arheologii Begazi-Tasmola, 2, s. 31-37.

Beisenov, A. Z. 2017b. Tasmolinskaya kul'tura Saryarki. *Kazahstan v sakskyyepohy. Kollektivnaya monografiya.* Almati: Institutarheologii, s. 59-100.

Beisenov, A. Z. 2017c. Korgantasskie pogrebeniya v Tsentral'nom Kazahstane. In: Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (ed.). *Aktualnie voprosi arheologii i etnologii Tsentral'noi Azii: materiali II mezdunarodnoi nauchnoi konferencii, posvyachennoi 80-letiy d. i. n., prof. P. B. Konovalova, g. Ulan-Ude, 4—6 dekabrya 2017 g.* Ulan-Ude, s. 103-108.

Beisenov, A. Z., Ismagulova, A. O., Kitov, E. P., Kitova, A. O. 2015. *Naselenie Tsentralnogo Kazahstana v I tys. do n. e.* Almati: Institut arheologii.

Beisenov, A. Z., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A., Duisenbai, D. B., Akhiyarov, I. K. 2017. Vihreviekompozii v iskusstve sakov Kazahstana. *Arheologiya i davnya istoriya Ukraini*, 2, s. 40-58.

Beisenov, A. Z., Loman, V. G. 2009. K problem slojeniya rannesakskih poselencheskih kompleksov Tsentral'nogo Kazahstana. *Vestnik Universiteta Kainar*, 4, 2, s. 12-15.

Beisenov, A. Z., Minasyan, R. S. 2015. Zerkalo is tasmolinskogo mogil'nika Birlik. *Vestnik DagNTs RAN*, 58, s. 58-62.

Beisenov, A. Z., Shulga, P. I., Loman, V. G. 2017. *Poseleniya sakskoi epohi.* Almati: NITs istorii i arheologii Begazi-Tasmola.

Beisenov, A. Z., Tairov, A. D., Zaikov, V. V., Blinov, I. A. 2011. Sostav zolotih izdeliy iz mogil'nika Taldi 2. *Sakskaya kultura Sariarki v kontekste izycheniya etnosociokul'turniy processov stepnoi Evrazii: tezisi dokladov*, Karagandi, s. 21-25.

Beisenov, A. Z., Shablavina, E. A. 2015. Osobennosti lit'ya predmetov konskogo snyarajeniya tasmolinskoy kul'turi. *Vestnik TomGU, Istoriya*, 4 (36), s. 105-112.

Beisenov, A. Z., Havrin, S. V. 2015. Metallicheskie izdeliya tasmolinskih pyamatnikov Tsentral'nogo Kazahstana. *Izvestiya SamNTs RAN*, 17, 3 (2), s. 526-531.

Bryako, I. V. 2005. *Rannie kochevniki v Evrope (X—V vv. do R. H.).* Kishinev: Vishaya antropologicehskaya shkola.

Grechko, D. S. 2016. Ot arhaicheskoy Skifii k klassicheskoi. *Arheologiya i davnya istoriya Ukraini*, 2, s. 33-60.

Daragan, M. N. 2015. Nakonechniki strel predskifskogo i ranneskifskogo vremeni: tehnologiya izgotovleniya, metrologiya i markirovka. *Trudi Gosudarstvennogo Ermitazha*, 77, s. 127-170.

Ermolayeva, A. S. 2015. *Pamyatniki predgornoi zoni Kazahskogo Altaya (epoha bronzi-rannee zhelezo).* Almati: Institut arheologii.

Kadyrbayev, M. K. 1966a. Pamyatniki tasmolinskoi kul'turi. In: Margulan, A. H., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. *Drevnaya kul'tura Tsentral'nogo Kazahstana*, Alma-Ata: Nauka, s. 303-433.

Kadyrbayev, M. K. 1966b. S. S. Chernikov. Zagadka zolotogo kurgana. Moskva, 1965. *Izvestiya AN KazSSR. Seriya obchestvennaya*, 3, s. 79-82.

Kovpanenko, G. T., Bessonova, S. S., Skoriy, S. A. 1989. *Pamyatniki skifskoy epohi Dneprovskogo lesostepnogo Pravoberezh'ya (Kievo-Cherkasskii region).* Kiev: Naukova dumka.

Ryabkova, T. V. 2014. Kurgan 524 u s. Zhabotin v sisteme pamyatnikov perioda skifskoi arhaiki. *Arheologicheskii ezhegodnik*, 4, s. 372-413.

Svyatko, S. V., Beisenov, A. Z. 2017. Pervie izotopnie dannie o diete naseleniya tasmolinskoi kul'turi. *Samarskii naychnii vestnik*, 6, 3 (20), s. 223-227.

Skoriy, S. A. 2003. *Skifi v Dneprovskoi Pravoberezhnoi lesostepi (problema videleniya iranskogo etnokul'turnogo elementa).* Kiev: IA NANU.

Beisenov, A. Z., Svyatko, S. V., Kassenalin, A. E., Zhambulatov, K. A., Duisenbai, D., Reimer, P. J. 2016. First Radiocarbon Chronology for the Early Iron Age Sites of Central Kazakhstan (Tasmola Culture and Korgantas Period). *Radiocarbon*, 58, p. 179-191.

Tur, S. S., Svyatko, S. V., Beisenov, A. Z., Tishkin, A. A., 2016. An Exceptional Case of Healed Vertebral Wound with Trapped Bronze Arrowhead: Analysis of a 7th—6th c. BC Individual from Central Kazakhstan. *International Journal of Osteoarchaeology*, 26, p. 740-746.

A. Z. Beisenov

TASMOLA MONUMENTS OF CENTRAL KAZAKHSTAN IN THE STUDIES OF THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

According to archaeological researches, in the early Saka period the steppe areasof Central, Northern Kazakhstan and the Southern Trans-Urals were inhabited by the tribes of the great Tasmola historical and cultural community. The tribes of Central Kazakhstan constitute the core of this community. For the first time, Tasmola archaeological culture was discovered and described by M. K. Kadyrbaevin 1966. Today a significant amount of new data has been gathered, which allows us to expand our understanding of the peculiarities of that culture. The article presents an overview of the main content of new studies and publishes data on radiocarbon analyses, first obtained from the monuments of Tasmola culture. More than 60 analyses from the monuments of the Early Iron Age of Central Kazakhstan were made by A. Z. Beisenov in the Kiev radiocarbon laboratory (Kiev, Ukraine), in the laboratories of the Royal University of Belfast, (Northern Ireland, Great Britain), the Russian State Pedagogical University (Sankt-Peterburg, Russia). The article contains data from 41 analyses on Tasmola culture and 6 analyses on the monuments of the Korgantass period. In Tasmolaseries 33 dates were obtained from 31 burials, 8 dates were obtained from 6 settlements. At the present stage of the research the origins of Tasmola culture can be attributed to the middle of the 8th century BC. During the late V — early IV centuries BC there is a change of cultures, there are few burial places of the Korgantass periodin the region. The author believes that further studies are needed for more detailed internal periodization of Tasmola culture. Now we can say that numerous and most vivid monuments are common for the early stage of culture. All present researches are carried out in the eastern part of Central Kazakhstan.

Keywords: Tasmola culture, Central Kazakhstan, Korgantass period, radiocarbon analyses, burial, settlement, periodization.

Одержано 14.02.2018

БЕЙСЕНОВ Арман Зіяденович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології ім. А. Х. Маргулана, пр. Достик, 44, м. Алмати, 050010, Казахстан, *azbeisenov@mail.ru*.

BEISENOV Arman Z., candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Archaeology named after A. H. Margulan, 44, Dostyk ave., Almaty, 050010, Kazakhstan, *azbeisenov@mail.ru*.

УДК: [904’16:63](282.247.36-197.4)”6383”

С. А. Горбаненко, А. Н. Меркулов

ЗЕРНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО СРЕДНЕДОНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ [1]

Для реконструкции систем земледелия древних обществ большое значение имеет информация о зерновом хозяйстве. Эта статья является обобщением данных о сельскохозяйственных культурах, возделываемых среднедонским населением в скифскую эпоху. Материалы получены путем флотации и анализа отпечатков растений на изделиях из глины. Коллекции происходят как с поселенческих памятников, так из погребальных и культовых. Они охватывают весь ареал среднедонской культуры и полностью отражают ее хронологию.[1]

Установлен состав злаков, выращиваемых племенами Среднего Дона. В палеоэтноботанический спектр входили типичные для раннего железного века культуры: просо, пшеница двузернянка, ячмень, а также рожь. Обнаружены и зернобобовые: горох и вика. Удалось зафиксировать и свидетельства собирательства: отпечатки косточек сливы и терна на днищах глиняных сосудов, а также фрагменты скорлупы ореха лещины в образцах флотации.

Среди отпечатков на керамике встречены негативы сорняков, произрастающих на яровых и озимых хлебах. Такое сочетание сорных растений в материалах памятников позволило авторам высказать предположение о наличии разновременных посевов и достаточно сложной системе земледелия (двух-, трехполья).

***Ключевые слова**: Средний Дон, скифское время, флотация, городища, поселения, курганы, святилища, земледелие, хозяйство.*

Введение. Среднедонская культура скифского времени (VI — начало III вв. до н. э.) известна по материалам курганных могильников и поселений. В ее составе принято выделять два хозяйственно-культурных типа — оседлых земледельцев и скотоводов, а также кочевых или полукочевых скотоводов (Либеров 1969, с. 16—17; Медведев 1999, с. 125, 127). В свою очередь, относительно этнокультурной структуры среднедонских племен бытует несколько точек зрения. Согласно одной из них население, оставившее городища и курганные могильники, рассматривается как единое этнокультурное образование (Либеров 1969, с. 16; Пузикова 1969, с. 80; 2000; Гуляев 2010, с. 135). В рамках другой концепции различные хозяйственно-культурные уклады соотносятся с двумя разноэтничными группами. Первый ХКТ нашел отражение в материальной культуре обитателей городищ, второй связан с погребениями аристократической верхушки, совершенными под курганами (Медведев 1999, с. 125, 127).

Одним из важнейших источников для изучения земледелия у среднедонского населения скифского времени является информация о возделываемых культурах. По объективным причинам круг таких данных ограничен, в связи с чем большое значение имеют любые сведения о зерновом хозяйстве этих племен. Впервые таковые появились в послевоенный период благодаря развитию поселенческой археологии. Новая источниковая база позволила исследователям приступить к характеристике хозяйства среднедонских племен, в том числе и системы земледелия (Меркулов 2015). А. Н. Москаленко первой обратила внимание на отпечатки семян злаковых культур на керамике Архангельского городища: негативы ячменя, проса, ржи, пшеницы (Москаленко 1955, с. 43). Отпечатки зерновок проса и ячменя обнаружены А. В. Кирьяновым на керамике с поселений Среднего Дона, исследуемых Воронежской лесостепной скифской экспедицией Института археологии АН СССР (ИА АН СССР; с 1991 г. — ИА РАН) (Пузикова 1969, с. 66). Одна-

1. Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ проект № 15-01-00103.

© С. А. ГОРБАНЕНКО, А. Н. МЕРКУЛОВ, 2018

ко в обоих случаях авторы ограничились лишь перечислением основных культур. Иных работ по изучению зернового хозяйства среднедонской культуры тогда предпринято не было.

Сбор такой информации стал целенаправленно проводиться с начала 1990-х гг. На памятниках, исследуемых Потуданской (с 2001 г. Донской) археологической экспедицией ИА РАН под руководством В. И. Гуляева, стали применять методику выборочной флотации культурного слоя. Впервые такие исследования провела Е. Ю. Лебедева на городищах Мостище и Архангельское, затем — на городище Россошки. Исследовательница просмотрела керамические коллекции двух последних памятников, а также лепные сосуды могильника Терновое-Колбино на наличие на них отпечатков культурных растений (Лебедева 2000; 2001; 2004; Лебедева, Антипина 2009).

В результате проведенных работ, Е. Ю. Лебедева пришла к выводу, что состав сельскохозяйственных культур, возделываемых на Среднем Дону, соответствует типичному палеоэтноботаническому комплексу [1] не только лесостепной, но и степной Скифии. Кроме того, она обратила внимание и на факт практически полного отсутствия свидетельств земледелия в среднедонских курганных могильниках, ставя вопрос об относительно невысоком значении данной отрасли в хозяйстве оставившего их населения (Лебедева 2000, с. 94; 2001, с. 194).

Палеоэтноботанические исследования в лесостепном Подонье были продолжены в последние годы авторами публикации (Горбаненко 2013; Горбаненко, Меркулов 2015). В настоящей работе обобщена известная информация о зерновом хозяйстве среднедонского населения скифского времени.

Материалы и методы. Сведения о палеоэтноботанических материалах можно получить в виде прямого свидетельства — при случайном обнаружении либо целенаправленном поиске (обгоревшие макроостатки), либо косвенного (отпечатки на изделиях из глины) (Лебедева 2008; Горбаненко 2012). На памятниках среднедонской культуры материал получен путем флотации, а также в ходе осмотра изделий из глины на предмет наличия отпечатков растений. Номера в каталоге памятников приведены по категориям в алфавитном порядке (рис. 1) [2].

Снятие отпечатков проводилось по общеупотребительной методике, в СССР впервые использованной молдавским ботаником З. В. Янушевич (Янушевич, Маркевич 1970). Затем материал, собранный нами, был определен благодаря его сравнению с ранее определенными

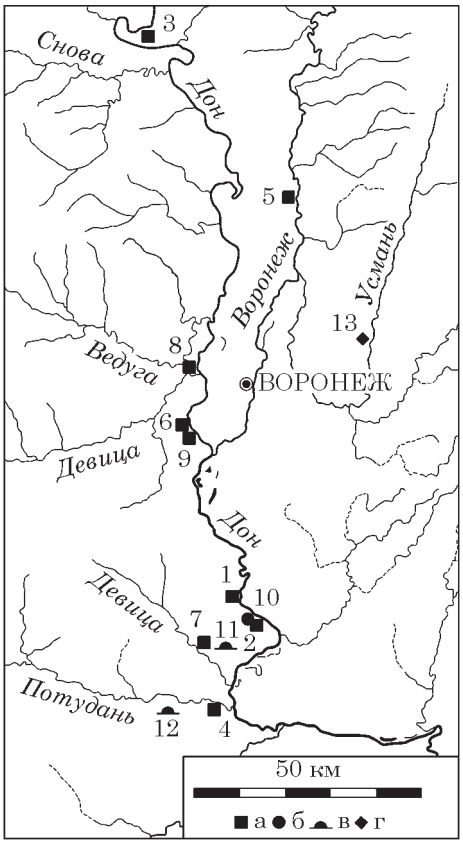


Рис. 1. Карта памятников среднедонской культуры скифского времени с определенными палеоэтноботаническими материалами. *Условные обозначения*: а — городище; б — стоянка; в — курганный могильник; г — святилище; памятники: 1 — Архангельское; 2 — Большое Сторожевое; 3 — Верхнее Казачье; 4 — Мостище; 5 — Пекшево; 6 — Петино; 7 — Россошки; 8 — Семилуки; 9 — Устье; 10 — Нижнесторожевская; 11 — Дубовой; 12 — Терновое-Колбино; 13 — Орлово

аналогичными образцами, а также широкому кругу публикаций на эту тему; зерновки и семена сорняков определены по атласу-определителю сорняков (Веселовський, Лисенко, Манько 1988). Сводная информация результатов идентификационного анализа дана в табл. 1.

На этапе сбора информации важной является также фиксация условий обнаружения информации (подробнее см.: Лебедева 2008; Горбаненко 2012) [3]. Это помогает сформировать

1. Приблизительно с середины 2000-х гг. Е. Ю. Лебедева употребляет термин «археоботаника», соответственно «археоботанический спектр (АБС)» (Лебедева 2008, с. 97).
2. Нумерация по статье сквозная.
3. В публикациях по отпечаткам палеоэтноботанических материалов на изделиях из глины принято указывать количество просмотренных фрагментов керамики. Однако, очевидно, что такие данные мало информативны, поскольку фрагменты могут существенно различаться в размерах, и чем мельче они будут, тем больше отпечатков можно обнаружить. В данной статье мы не стремимся приводить бесполезные данные о количестве фрагментов керамики. Конечно, какой-то учет данных необходим. С нашей точки зрения, таковым могло бы стать приведение массы просмотренных материалов. В таком случае, можно было бы вывести действительно показательный коэффициент встречаемости: *n* зерновок / 1 кг, к примеру. Однако зачастую это невозможно в силу банальных причин.

Таблица 1. Сводные данные палеоэтноботанических материалов по памятникам среднедонского населения скифского времени

№	Памятник: Название	Культурные растения: Зерновые								Бобовые		Сорные					*N*
		P. m.	*H. v.*	*T. d.*	*T. m.*	*T. a.*	*T.* sp.	*S. c.*	Cer.	*P. s.*	*V.* sp.	*A.* sp.	*Br.* sp.	*G.* sp.	E. r.	*Set.* sp.	
1	Архангельское	*, 11, **4**	*	*				*	—	—	—	—	—	2	—	—	*, 11, **6**
2	Б. Сторожевое	45	7	8	—	—	—	4	—	2	2	1	3	—	—	5	77
3	В. Казачье	181	5	4	—	1	3	4	25	1	—	—	—	12	—	—	236
4а	Мостище	82	23	27	—	—	—	11	—	4	3	—	5	—	4	10	169
4б	Мостище	119	36	40	—	1	8	—	12	1	*?	1049					1266
5а	Пекшево, VI—V	41	12	10	1	—	—	6	—	2	3	3	2	—	—	2	82
5б	Пекшево, IV—III	47	14	12	—	—	—	10	—	3	5	2	3	—	—	4	100
6	Петино	5	2, **1**	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7, **1**
7а	Россошки	853	22	49	—	—	—	—	—	—	—	13					937
7б	Россошки	101	4	14	—	—	4	—	—	7	—	537					667
8	Семилуки	56	9	12	—	1	—	—	—	2	2	—	3	—	—	3	88
9	Устье	19	3	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	24
10	Нижнесторожевская	2	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
11	Дубовой	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12	Терновое-Колбино	601	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	601
13	Орлово	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2

Примечания. **Полужирным** шрифтом выделены обгоревшие материалы, обычным — отпечатки на керамике, * — упомянуто в литературе без приведения количества. *Сокращения*: *P. m.* — *Panicum miliaceum* (просо), *H. v.* — *Hordeum vulgare* (ячмень), *T. d.* — *Triticum dicoccon* (пшеница двузернянка), *T. m.* — *Tr. monococcum* (пшеница однозернянка), *T. a.* — *Tr. austivum* s. l. (пшеницы мягкие голозерные), *T.* sp. — *Tr.* sp. (пшеницы, до вида не определено), *S. c.* — *Secale cereale* (рожь), Cer. — Cerealia (культурные злаковые, не определено); *P. s.* — *Pisum sativum* (горох), *V.* sp. — *Vicia* sp. (вика); *A.* sp. — *Avena* sp. (овес / овсюг), *Br.* sp. — *Bromus* sp. (костер), *G.* sp. — *Galium* sp. (подмаренник), *E. r.* — *Elytrigia repens* (пырей ползучий), *Set.* sp. — *Setaria* sp. (щетинник, до вида не определен).

блок данных, которые можно корректно сравнивать между собой. В основу такого сравнения положен такой «рабочий инструмент» как палеоэтноботанический спектр (ПБС) по количеству (подробнее см.: Кравченко, Пашкевич 1985). Однако, уже на этом этапе исследования в первоначальную идею ПБС нами внесены некоторые коррективы.

В $ПБС_К$ (и далее в ПБС по массе — $ПБС_М$) включены только «массовые» культурные зерновые: в данном случае — без пшеницы однозернянки и пшениц мягких голозерных; не включены также бобовые и сорняки. В трех случаях (№ 3, 4б и 7б), когда несколько зерновок пшеницы не были определены до вида, однако в определениях для памятников (да и в целом, для всего раннего железного века территории юга Восточной Европы) преобладает пшеница двузернянка, они также зачислены к последней.

В $ПБС_К$ (и далее в $ПБС_М$) не включены массовые отпечатки зерновок культурных растений на небольшом расстоянии друг от друга; в подавляющем большинстве случаев, это отпечатки проса на днищах, поскольку доказано, что такая подсыпка проводилась целенаправленно (Бобринский 1978, с. 39) [1].

За статистически минимальный показатель нами принято число в 20 ед. [2] В таком виде — $ПБС_К$ культурных зерновых — материал представлен на рис. 2.

1. *Архангельское*, городище (V—IV вв. до н. э.). Изучено более 1000 м² площади. Большинство находок относятся к скифскому времени и боршевской культуре (Москаленко 1956). Материалы хранятся в Воронежском областном краеведческом музее.

Кроме данных, приведенных А. Н. Москаленко (см. выше), палеоэтноботанический материал получен Е. Ю. Лебедевой в результате флотации 19 проб из 3 шурфов культурного слоя в 2000 г. и осмотра происходящей из них керамики. На последней также обнаружены колосовые фрагменты (2 пшеницы двузернянки, 1 ячменя) (Лебедева 2001, с. 189—192).

2. *Большое Сторожевое*, городище (V—IV вв. до н. э.). Исследовано 1118 м²; обнаружены материалы эпохи бронзы и раннего железного века, а также XVIII—XIX вв. (Белая 2011, с. 196).

1. Также в подавляющем большинстве случаев не имеют статистической ценности и случайно обнаруженные скопления обгоревших макроостатков (подробнее см.: Лебедева 2008; Горбаненко 2012).

2. Мы не нашли устоявшегося единого мнения по этому поводу; чаще всего, в рекомендациях присутствует показатель в 30—33 ед., что, очевидно связано с принятой погрешностью в 3 %. Учитывая то, что самые «грубые» расчеты предполагают погрешность до 5 %, пока мы остановились на показателе 20 ед.

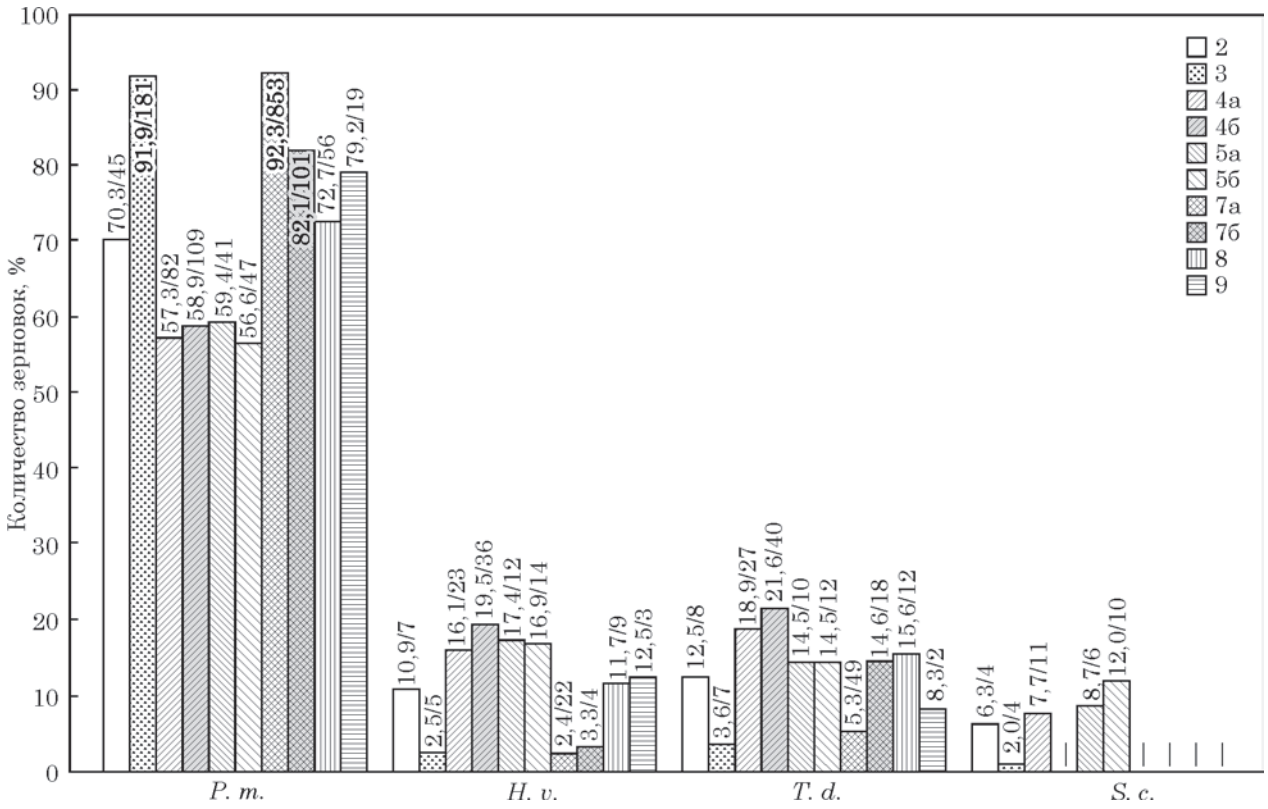


Рис. 2. Палеоэтноботанические спектры памятников среднедонской культуры скифского времени по количеству (ПБС$_к$). *Сокращения* и *нумерацию* см. в табл. 1; над столбцами даны % / ед.

Просмотрена керамическая коллекция скифского времени из раскопок В. И. Погорелова (4106 фр.). Материалы хранятся в Археологическом музее гуманитарного факультета Воронежского государственного педагогического университета (АМ ГФ ВГПУ). Идентифицировано 66 зерновок культурных растений и 11 сорняков. Фрагменты керамики с многочисленными отпечатками проса — 5 шт.

3. *Верхнее Казачье*, городище (VII—III вв. до н. э.). Ныне исследовано 759 м^2. В напластованиях памятника встречены материалы от энеолита до древнерусского времени (Разуваев, Козмирчук 2016). Материал хранится в Задонском краеведческом музее.

В поле вала зафиксированы остатки сгоревшей жилой постройки с очагом, датируемой IV—III вв. до н. э. (Разуваев, Козмирчук 2016, с. 120). Из ее заполнения для флотации отобрано четыре пробы грунта по 10 дм^3. Встречаемость палеоботанических макроостатков составляет 100 %. Насыщенность проб колебалась в пределах 50—70 ед. (средняя — 61 ед.); общее количество — 245 единиц. По естественной сохранности материал делится на две категории: просо — 5 баллов, другие культурные злаковые — 2 балла (по предложенной стандартизации: см. Лебедева 2008). Также обнаружено три спекшихся комочка пленок (отходов) от проса, четыре фрагмента скорлупы ореха лещины (*Corylus* sp.) и два фрагмента сочленений стеблей (отходы, солома). Все зерновки проса были без пленок, то есть — подготовленное к приготовлению пищи пшено. В подавляющем большинстве случаев зародыши не сохранились (рис. 3).

4. *Мостище*, городище (V—IV вв. до н. э.). Вскрыто 3736 м^2; получена богатая коллекция материалов эпохи бронзы и раннего железного века (Синюк, Березуцкий 2001).

Палеоэтноботанические материалы неоднократно становились объектом исследований. В 1990, 1993, 1994, 2000 гг. Е. Ю. Лебедева провела исследования обгоревших макроостатков из ям городища, полученных посредством флотации. Кроме материалов, приведенных нами в табл. 1 (№ 4б), определены 34 колосовых фрагмента пшеницы двузернянки (данные о сорнополевой растительности см. в статьях: Лебедева 2000; 2001). В монографии при характеристике керамического комплекса отмечено, что «Иногда на днищах встречаются отпечатки половы, зерен злаковых культур (проса, ячменя), листьев клена, косточек плодов (терна, сливы), а также ткани» (Синюк, Березуцкий 2001, с. 129; автор определений не указан).

Коллекция изделий из глины значительна. Материал хранится в АМ ГФ ВГПУ. Идентифицированы 147 зерновок культурных растений и 19 семян сорняков (рис. 4). Также обнаружены днища с многочисленными (не подсчитывалось) отпечатками проса, пшена, чешуй — 90 шт. и 3 фрагмента керамики с отпечатками проса на небольшом расстоянии (Горбаненко 2013).

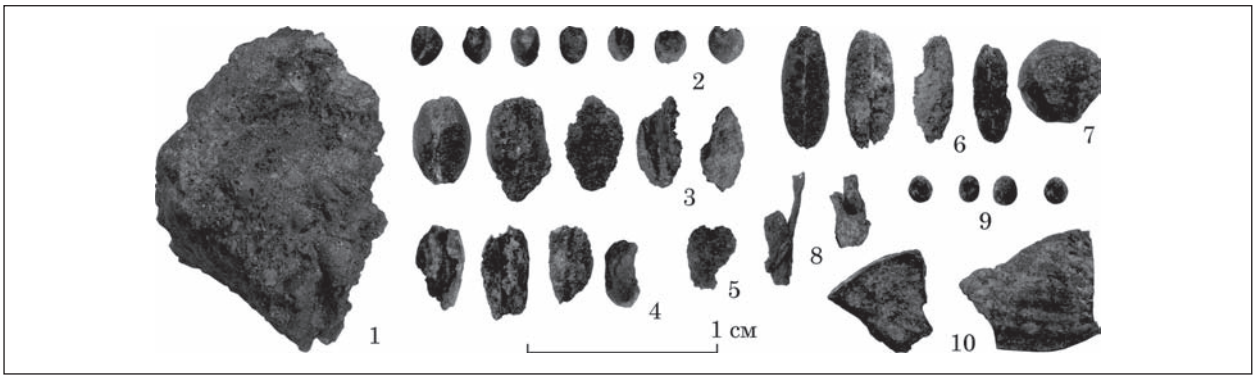


Рис. 3. Палеоэтноботанические материалы памятников среднедонской культуры скифского времени; Верхнее Казачье, фото обгоревших материалов: 1 — пленки проса, спекшиеся в комок; 2 — просо; 3 — ячмень; 4 — пшеница двузернянка; 5 — пшеницы мягкие голозерные; 6 — рожь; 7 — горох; 8 — подмаренник цепкий; 9 — фрагменты соломы; 10 — фрагменты скорлупы ореха лещины

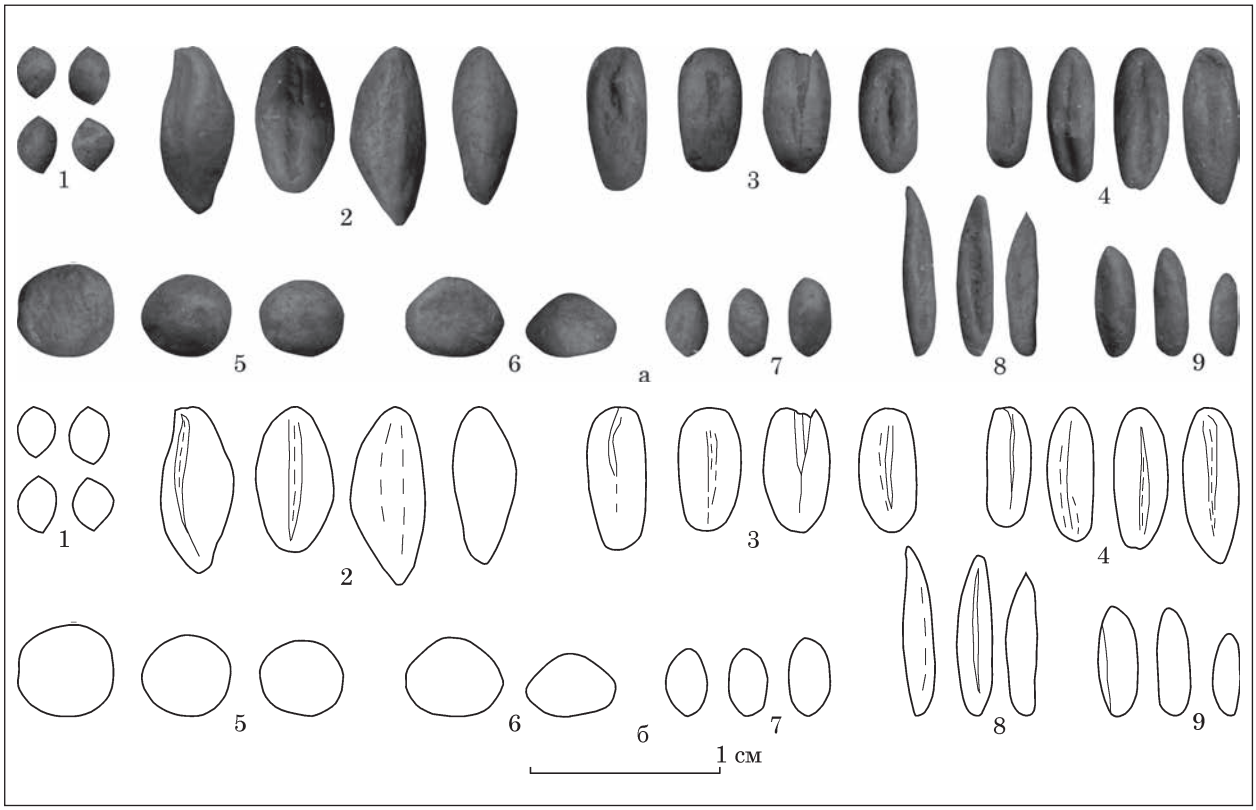


Рис. 4. Палеоэтноботанические материалы памятников среднедонской культуры скифского времени; Мостище, фото (а) и прорисовка (б) отпечатков на изделиях из глины: 1 — просо; 2 — ячмень пленчатый; 3 — пшеница двузернянка; 4 — рожь; 5 — горох; 6 — вика; 7 — щетинник; 8 — пырей; 9 — костер

5. *Пекшево*, городище (VII—III вв. до н. э.). Раскопано 2696 м^2, выделено три слоя, датированных: VII — начало VI, начало VI—V и IV—III вв. до н. э. (Медведев 1999, с. 31—32). В данной работе рассмотрены материалы из двух верхних слоев, со скифоидной керамикой. Коллекция хранится в Археологическом музее Воронежского государственного университета (АМ ВГУ).

Обнаружено 196 диагностированных отпечатков. Из них 14 относятся к материалам из нижнего слоя (не включены в данную статью), 82 — среднего, 100 — верхнего. Массовые отпечатки зерновок проса и полова на днищах: средний — 7; верхний — 39. Также обнаружены: верхний — 4 днища с отпечатками посеченной растительности; средний — 2 «рогатых» кирпича с массовыми отпечатками проса, 1 венчик с отпечатками проса (Горбаненко, Меркулов 2015).

6. *Петино*, городище (V в. до н. э.). Раскопано 276 м^2, обнаружены единичные материалы эпохи бронзы, основная масса находок принадлежит к скифскому времени (Разуваев 2016а, с. 82).

Проанализированная коллекция незначительных размеров, хранится в АМ ГФ ВГПУ. Выявлено 7 отпечатков зерновок культурных растений. Кроме того, днища с многочисленны-

ми отпечатками проса (не подсчитывалось) — 2, фрагменты керамики с несколькими отпечатками проса — 2.

По результатам флотации культурного слоя (четыре пробы по 10 дм^3) обнаружена одна зерновка ячменя пленчатого.

7. *Россошки*, городище (V—IV вв. до н. э.). На памятнике исследовано более 550 м^2, обнаружены материалы исключительно скифского времени (Белая, Шевченко 2016). Коллекция хранится в Острогожском историко-художественном музее им. И.Н. Крамского.

Палеоэтноботанический материал получен с помощью флотации и осмотра изделий из глины Е. Ю. Лебедевой. Взято 68 проб грунта из культурного слоя, рва, ямы 1 в шурфе 2, а также из заполнения жилища 1 и ям 2—6 (информацию о сорняках см. в указанной статье: Лебедева, Антипина 2009, с. 203—207, табл. 5—9).

8. *Семилуки*, городище (IV—III вв. до н. э.). На памятнике вскрыто 3774 м^2, получены данные от бронзового века до эпохи средневековья. Материалы скифской эпохи опубликованы практически полностью (Пряхин, Разуваев 1994; 1995; Разуваев 2012; 2013; 2015). Просмотрена большая коллекция керамических изделий из раскопок А. Д. Пряхина и М. В. Цыбина. В настоящее время коллекция хранится в АМ ВГУ.

Из обнаруженных отпечатков удалось идентифицировать 82 зерновок культурных растений (78 зерновых злаковых, 4 зернобобовых) и 6 зерновок сорняков. Днища с многочисленными (не подсчитывалось) отпечатками проса, пшена, чешуй — 8.

9. *Устье*, городище (V—IV вв. до н. э.). На памятнике исследовано 252 м^2, получена небольшая коллекция эпохи бронзы, основная масса находок датируется скифским временем (Меркулов 2014; Меркулов, Родионов 2015). Коллекция небольшая, хранится в АМ ГФ ВГПУ.

Отпечатки достаточно многочисленны. Выявлено 22 негатива зерновок культурных растений. Кроме того, обнаружены 4 днища с многочисленными отпечатками проса и фрагмент керамики с отпечатками проса.

10. *Нижнесторожевская*, стоянка (V—IV вв. до н. э.). Исследованная площадь составила 240 м^2. В небольшом количестве встречены материалы скифского времени, основная часть находок относится к воронежской культуре эпохи бронзы (Синюк 2016).

Просмотренная коллекция незначительных размеров, хранится в АМ ГФ ВГПУ. Выявлены отпечатки 4 зерновок культурных растений. Кроме того, в коллекции находится 1 днище с отпечатками проса (до 10) и 1 фрагмент крышки с отпечатками проса.

11. *Дубовой*, курганный могильник (V—IV вв. до н. э.). Исследовано 22 насыпи, из которых 21 была сооружена в скифское время, а одна в эпоху бронзы (Березуцкий 2009). Материал хранится в АМ ГФ ВГПУ.

Осмотрен лепной сосуд из кургана 9. Погребение, откуда происходил горшок, было сильно разграблено, узко датирующие находки в могиле отсутствовали, ввиду чего более или менее точная хронологическая атрибуция захоронения невозможна. Отпечатки растений на сосуде не выявлены.

12. *Терновое-Колбино*, курганный могильник (V—IV вв. до н. э.). В могильнике изучено более 50 насыпей, большая часть из которых содержала материалы скифского времени (Савченко 2004, с. 259; Шевченко 2009). Материал хранится в Острогожском историко-художественном музее им. И. Н. Крамского.

Е. Ю. Лебедева провела флотацию грунта из сосудов и заполнения погребений, не давшую результатов, а также просмотрела коллекцию керамики. Обнаружен 601 отпечаток зерновок и чешуй проса (даны совместно) и отходы: 5 пшеницы двузернянки, 1 ячменя, а также 13 сорняков (информацию о сорняках см. в указанных статьях: Лебедева 2001, с. 192; 2004, с. 121—124).

13. *Орлово*, святилище (V—IV вв. до н. э.). Вскрытая площадь составила 800 м^2; памятник интерпретирован как культовое сооружение номадов степи (Разуваев 2005).

Коллекция незначительна, хранится в АМ ГФ ВГПУ. Выявлены 2 отпечатка проса. Кроме того, обнаружен 1 фрагмент керамики с несколькими отпечатками проса.

Результаты и их обсуждение. Основным инструментом для преобразования количественных показателей в «качественные» (зерновое хозяйство — вероятное соотношение выращивания / употребления в пищу) является их пересчет по массе. Где за минимальную единицу принята наименьшая зерновка — проса, а остальные выражены через коэффициент: 1 зерновка … зерновой культуры = n зерновкам проса (Горбаненко 2012): просо — 1; пшеница двузернянка — 6,2; ячмень пленчатый — 5,5; рожь — 4,8.

Дальнейший анализ проведен после пересчета указанных данных (см. рис. 5; табл. 2).

Следует вкратце остановиться на характеристике отдельных комплексов, поскольку сведение материалов в общую таблицу не полностью отображает все нюансы полученных материалов.

3. Материалы с Верхнего Казачьего демонстрируют непропорционально большой показатель доли проса (рис. 5: II). Судя по состоянию материала, можем предположить, что отображение зернового хозяйства по заполнению жилища представлено не вполне корректно. Разный уровень сохранности зерновок (отличный — проса, и неудовлетворительный — остальных) может свидетельствовать о разном периоде и интенсивности накопления материалов. Не исключено, что интенсивная работа с просом происходила в последний период сущес-

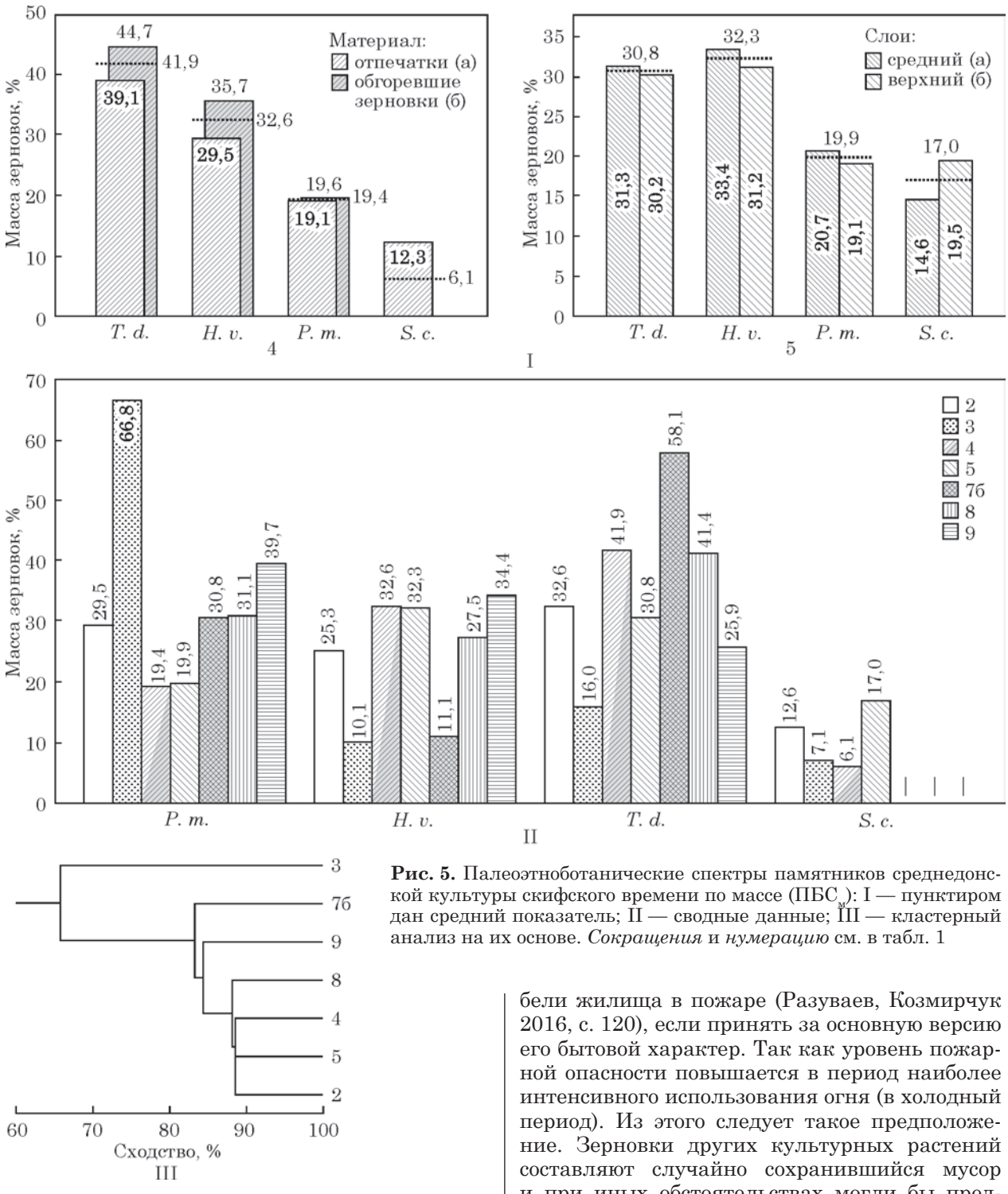


Рис. 5. Палеоэтноботанические спектры памятников среднедонской культуры скифского времени по массе ($ПБС_м$): I — пунктиром дан средний показатель; II — сводные данные; III — кластерный анализ на их основе. *Сокращения* и *нумерацию* см. в табл. 1

твования объекта, что привело к максимальному накоплению этих зерновок. Косвенным подтверждением этому выступают и находки трех спекшихся комочков пленок (отходов) от проса на фоне многочисленных находок пшена (проса без пленок). Сопоставление этих данных приводит к выводу, что в объекте, в том числе происходила очистка проса от пленок. Такие данные могут косвенно указывать и на период года, неблагоприятный для подобных работ на улице (поздняя осень — ранняя весна?). Это также хорошо сочетается и с наблюдением о гибели жилища в пожаре (Разуваев, Козмирчук 2016, с. 120), если принять за основную версию его бытовой характер. Так как уровень пожарной опасности повышается в период наиболее интенсивного использования огня (в холодный период). Из этого следует такое предположение. Зерновки других культурных растений составляют случайно сохранившийся мусор и при иных обстоятельствах могли бы представлять собой полноценную статистическую выборку (ср. общую тенденцию аналогичных показателей с других памятников). Тогда как зерновки проса попали непосредственно перед гибелью жилища и, вероятнее всего, до какой-либо уборки. Тем же объясняется и разница в сохранности материалов: зерновки проса могли иметь одно соприкосновение с огнем (пожар), тогда как остальные — более одного (бытовые действия и пожар).

4. Мостище. Наиболее сложным вопросом, с нашей точки зрения, является расхождение

Таблица 2. Матрица подобия (значения указаны в %)

№	2	3	4	5	7б	8	9
2	—	62,7	83,4	88,6	73,2	87,4	80,7
3	62,7	—	51,6	53,1	56,9	57,2	65,8
4	83,4	51,6	—	88,6	72,4	88,3	77,9
5	88,6	53,1	88,6	—	61,8	78,2	78,1
7б	73,2	56,9	72,4	61,8	—	83,3	67,8
8	87,4	57,2	88,3	78,2	83,3	—	84,5
9	80,7	65,8	77,9	78,1	67,8	84,5	—

данных, полученных Е. Ю. Лебедевой в результате флотации, и нами по отпечаткам на керамике (рис. 5: I). Здесь следует подчеркнуть, что по трем основным зерновым культурам различия в целом незначительны. Однако, принципиально важным является вопрос об отсутствии ржи в материалах из промывки и ее наличии среди отпечатков. Единственно логичным пояснением считаем возможные хронологические различия между исследованными материалами. Данные флотации получены в основном из пяти ям; видимо, эти объекты дали ранний материал, соответственно, отображают начальную стадию существования городища. В то время, как керамический комплекс является отображением всего периода существования жизни на городище. Исходя из этого, можно предположить, что в начальный период древние жители Мостищенского городища не сеяли рожь; она могла появиться несколько позднее, «потеснив» при этом значение ячменя пленчатого и пшеницы двузернянки. Отметим также, что если данное предположение верно, то реальная доля ржи среди других зерновых культур во время ее выращивания должна была быть несколько выше показателей, усредненных для всего периода существования городища.

5. По материалам из городища Пекшево фактически получены два ПБС, характеризующие средний и верхний слои (рис. 5: I). Для материалов получены подобные показатели долей ячменя пленчатого: практически по 1 / 3 доле; несущественно ниже показатели характеризуют и долю пшеницы пленчатой; показатели проса — около 1 / 5 доли. Последнее место принадлежит ржи: 1 / 7; 1 / 5 доли (разница 4,9 %). Материал представлен характерной «триадой» неприхотливых культурных зерновых с относительным преобладанием ячменя пленчатого и пшеницы двузернянки над просом. А также рожью. Есть искушение имеющиеся незначительные различия в массе ржи рассматривать как тенденцию в развитии зернового хозяйства. Однако, небольшое количество материала, а также минимальные расхождения показателей (на грани статистической погрешности) не дают права утверждать неоспоримость этого тезиса. Для общей характеристики зернового хозяйства среднедонского населения скифского времени эти данные сведены к среднестатистическим показателям.

7. Материал из Россошек (Лебедева, Антипина 2009) также нуждается в дополнительном рассмотрении. По отпечаткам на керамике складывается впечатление о тотальном преобладании проса над другими видами зерновых. Однако, материал дан без указания массовых отпечатков на отдельных формах. Е. Ю. Лебедева делает замечание, что «Обилие отпечатков … является свидетельством того, что отходы обмолота злаков активно использовались в керамическом производстве». То есть, речь идет о приеме изготовления посуды, при котором зерновки добавляли специально. Такие данные не дают целостного представления о зерновом хозяйстве. Е. Ю. Лебедева также не использует показатели по отпечаткам для характеристики земледелия.

Благодаря тщательной фиксации материалов флотации, их можно рассмотреть с точки зрения статистики. Подавляющее большинство проб дали незначительное количество зерновок. Наибольшее их количество обнаружено в яме 2; оттуда происходит 4 зерновки пшеницы двузернянки, 1 ячменя и 55 проса. Показатель последнего пиковый и явно свидетельствует о концентрации проса в этом объекте. Тогда как другие пробы не дают пиков какой-либо из культур. Следовательно, показатели данного объекта можно приравнять к скоплению одной культуры и соответственно принять за редуцированный (см.: Лебедева 2008, с. 86—87; рис. 1). Таким образом, для дальнейшего анализа по массе привлечены такие данные о зерновках: 46 проса, 14 пшеницы (10 двузернянки и 4 не определенных), 3 ячменя.

Отметим также, что как по отпечаткам, так и по материалам флотации заметна тенденция преобладания пшеницы над ячменем.

* * *

В научной литературе уже существуют обзоры палеоэтноботанических материалов раннего железного века на территории Восточной Европы (см., напр.: Шрамко, Янушевич 1985; Лебедева 2000; Pashkevich 2001; Кирьянова 2005; Горбаненко 2015 и др.), что избавляет нас от необходимости приведения этих данных в полном объеме. Краткие выводы по составу зернового хозяйства таковы: в лесной зоне господствует «триада» наименее прихотливых и проверенных временем культурных растений: ячменя, пшеницы двузернянки и проса. В лесостепи и степи на ряде памятников также зафиксирована рожь. Если отличия между

лесом и лесостепью—степью очевидны, то зависимость спорадической встречаемости ржи не вполне ясна. Не исключено, что это является отображением процесса распространения ржи именно в период раннего железного века на юге Восточной Европе, а «инновация» не приобрела массовый характер.

Для средневековья увеличение ее удельной массы в посевах считается показателем повышения уровня развития земледелия, улучшения агротехнических возможностей (см., напр.: Lange 1975) — одновременно с широким распространением железных деталей на орудия для обработки почвы по палеоэтноботаническим материалам наблюдается и увеличение доли ржи, так как для хорошей урожайности она требует более высокой агрокультуры (Культурная… 1989, с. 276). Вообще рожь — культура, препятствующая нормальному росту других растений. Она может «заглушить» и однолетние, и многолетние сорняки (Зінченко, Салатенко, Білоножко 2001, § 2.1.2.2), в связи с чем, практически не требует к себе никакого внимания от земледельца. Таким образом, кроме урожая, полезные действия от выращивания ржи заключаются еще и в очистке полей от сорной растительности, а также накоплении некоторых полезных элементов.

Традиционно невозможно оценить значение бобовых, поскольку неизвестно, принадлежали ли они к полевым, или огородным культурам. Тем не менее, находка на двух памятниках обгоревших остатков семян гороха больших размеров (а также — отпечатки на изделиях из глины с других памятников) свидетельствует о его культурной принадлежности. Вопрос же о принадлежности вики к культурным или сорным формам считаем открытым.

Добавим также, что ныне по палеоэтноботаническим данным зафиксированы даже редкие доказательства существования собирательства: фрагменты скорлупы ореха лещины из городища Верхнее Казачье, а также отпечатки косточек терна и сливы на керамике из городища Мостище. Отметим также, что лещина является подлеском широколиственных, реже — мешанных лесов. То есть, также выступает показателем палеоэкологии микрорегиона городища Верхнее Казачье, по результатам определения антракологических материалов которого (результат флотации) обнаружены исключительно типичные представители широколиственных пород: ясень, дуб, тополь, ильмовые (см. приложение).

Заключение. Таким образом, основу зернового хозяйства населения Среднего Дона в скифскую эпоху составляли типичные для раннего железного века сельскохозяйственные культуры — просо, пшеница двузернянка, ячмень. Примечательно, что в основном статистические показатели этих культур при подсчете $ПБС_{м}$ демонстрируют достаточно близкие значения, что может свидетельствовать об их подобной доли в составе урожаев. Небольшое преобладание над остальными злаками отмечается лишь для пшеницы двузернянки. Последнее место в этом спектре занимает рожь. Зафиксировать ее присутствие удалось не на каждом памятнике, однако важно заметить, что возделывали ее на протяжении всего периода существования среднедонской культуры. Кроме того, рожь была обнаружена не только на городищах, находящихся в центре ареала среднедонских племен, но и в материалах памятников, граничащих с лесным населением. Также выращивали и зернобобовые — горох и вику, однако являлись ли они полевыми или огородными культурами по имеющимся материалам установить невозможно.

Результаты кластерного анализа (рис. 5: III; табл. 2) демонстрируют высокую степень сходства палеоэтноботанических материалов городищ Большое Сторожевое, Пекшево и Мостище. Через Мостище с этой группой также связано и Семилукское городище, хотя здесь имеется и принципиальное отличие — в его материалах отсутствует рожь.

В рамках отдельной группы можно рассматривать показатели городищ Россошки и Устье, но и здесь сходство с предыдущими памятниками достаточно велико.

Существенное отличие от остальных материалов имеет лишь коллекция с самого северного городища среднедонской культуры — Верхнее Казачье. Хотя и в данном случае такое радикальное различие мы считаем в значительной степени случайностью, о чем говорилось выше.

Вслед за Е. Ю. Лебедевой (Лебедева 2000, с. 94; 2001, с. 194), хотелось бы еще раз обратить внимание на незначительное количество свидетельств земледелия в среднедонских курганных могильниках, а, следовательно, относительно невысокое значение этой отрасли в хозяйстве оставившего их населения. Так же дело обстоит и с материалами, происходящими со святилища. Необходимо отметить, что данные погребальные и культовые памятники оставлены кочевниками, ввиду чего такая ситуация не кажется странной.

Полученные данные позволяют высказать некоторые предположения относительно системы земледелия и способа обработки земли. Данный вопрос является дискуссионным, и к настоящему моменту во взглядах на него существуют две диаметрально противоположные точки зрения. В рамках первой концепции уровень агрокультуры всего лесостепного населения Восточной Европы рассматривается в едином комплексе, как ареал переложной системы земледелия. Другие исследователи считают, что уровень развития земледелия на Среднем Дону отличался от агротехники Поднепровья, полагая, что среднедонские племена стояли на пути перехода от мотыженного к пахотно-

му способу землеобработки (Меркулов 2013, с. 180).

Говорить о системе земледелия опираясь исключительно на палеоботанические материалы довольно сложно. Однако можно предположить, что население Среднего Дона не использовало подсеку, поскольку в анализируемых материалах имеется достаточно большое количество сорняков. Наличие сорных растений показывает, что поля подвергались длительной распашке.

Важным показателем для реконструкции системы земледелия являются находки отпечатков сорняков. Оба вида костра (*Bromus* L.): ржаной — *Bromus secalinus*, и полевой — *Bromus arvensis*, ныне являются засорителями озимых хлебов — в основном озимой ржи (Веселовський, Манько, Лисенко 1988, с. 24).

Интересную информацию к размышлению дают встреченные отпечатки семян щетинника. Один из его видов, щетинник итальянский (*Setaria italica*), может принадлежать к культурным растениям; остальные (щетинник сизый — *S. glauca*; зеленый — *S. viridis*) относятся к сегетальным сорнякам. Учитывая то обстоятельство, что по отпечаткам такие зерновки трудно определить до вида (*S.* sp.), а количество обнаруженных негативов незначительно, скорее всего, в данном случае щетинник принадлежит к сорнякам, сопутствующим посевам, либо просто антропохорным видам.

Для степной и лесостепной зоны наиболее характерным является щетинник зеленый (*S. viridis*). Он является засорителем поздних посевов яровых хлебов (Котт 1969, с. 15). Чаще всего, последние являются сорняками посевов проса и появляются на полях при их длительном использовании (Рева, Рева 1976, с. 86).

На яровых посевах произрастает и пырей ползучий (*E. repens*), причем важно заметить, что данное растение является светлолюбивым и не переносит затенения озимыми хлебами (Котт 1969, с. 27—28).

Наличие сорняков, несовместимых либо с яровыми, либо с озимыми посевами в материалах одного памятника, в свою очередь может косвенно свидетельствовать о применении среднедонским населением сложной системы земледелия, выражающейся в двух- или трехпольном севообороте.

ЛИТЕРАТУРА

Белая, Н. Н. 2011. Новые исследования городища Большое Сторожевое на Среднем Дону. *Археологические памятники Восточной Европы*, 14, с. 196-201.

Белая, Н. Н., Шевченко, А. А. 2016. Городище Россошки I на Среднем Дону. *Краткие сообщения Института археологии*, 242, с. 81-95.

Березуцкий, В. Д. 2009. Исследование курганов у хут. Дубовой на Среднем Дону в 2008 г. *Археологические памятники Восточной Европы*, 13, с. 152-163.

Бобринский, А. А. 1978. *Гончарство Восточной Европы*. Москва: Наука.

Веселовський, І. В., Лисенко, А. К., Манько, Ю. П. 1988. *Атлас-визначник бур'янів*. Київ: Урожай.

Горбаненко, С. А. 2012. Палеоэтноботанические материалы боршевской культуры. *Восточноевропейские древности. Вестник Острогожского историко-художественного музея им. И. Н. Крамского*, 2, с. 230-244.

Горбаненко, С. А. 2013. Новые палеоботанические данные с Мостищенского городища скифской эпохи. *Восточноевропейские древности. Вестник Острогожского историко-художественного музея им. И. Н. Крамского*, 3, с. 63-68.

Горбаненко, С. А. 2015. Палеоэтноботанические материалы Знаменского городища и зерновое хозяйство дьяковской культуры. *Старожитності раннього залізного віку. Археологія і давня історія України*, 2 (15), с. 232-239.

Горбаненко, С. А., Меркулов, А. Н. 2015. Свидетельства земледелия с городища скифского времени у с. Пекшево на р. Воронеж. *Известия ВГПУ*, 9—10 (104), с. 219-224.

Гуляев, В. И. 2010. *На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов)*. Москва: ИА РАН.

Зінченко, О. І., Салатенко, В. Н., Білоножко, М. А. 2001. *Рослинництво: підручник*. Київ: Аграрна освіта.

Кирьянова, Н. А. 2005. О находках зерен культурных растений I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э. на территории лесной зоны Восточной Европы. *II Городцовские чтения: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ. Труды ГИМ*, 145, с. 226-230.

Котт, С. А. 1969. *Сорные растения и борьба с ними*. Москва: Колос.

Культурная флора СССР. 1989. Т. 2, ч. 1. Рожь. Ленинград: Агропромиздат.

Лебедева, Е. Ю. 2000. Палеоэтноботанические материалы по земледелию скифской эпохи: проблемы интерпретации. В: Гуляев, В. И., Ольховский, В. С. (ред.). *Скифы и сарматы в VII—III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология*. Москва: ИА РАН, с. 91-100.

Лебедева, Е. Ю. 2001. Новые данные о земледелии на Среднем Дону в скифское время. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской экспедиции ИА РАН, 1993—2000 гг.* Москва: ИА РАН, с. 188-195.

Лебедева, Е. Ю. 2004. Итоги археоботанических исследований на Среднем и Нижнем Дону в 2001—2003 гг. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской экспедиции ИА РАН, 2001—2003 гг.* Москва: ИА РАН, с. 119-126.

Лебедева, Е. Ю. 2008. Археоботаническая реконструкция древнего земледелия (методические критерии). *Opus: междисциплинарные исследования в археологии*, 6, с. 86-109.

Лебедева, Е. Ю., Антипина, Е. Е. 2009. Городище Россошки I — «постоянный адрес или временная прописка?». В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004—2008 гг.* Москва: ИА РАН, с. 198-220.

Либеров, П. Д. 1969. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 151, с. 5-26.

Медведев, А. П. 1999. *Ранний железный век лесостепного Подонья: Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э.* Москва: Наука.

Меркулов, А. Н. 2013. О системе земледелия у населения Лесостепной Скифии: историографический аспект. *Восточноевропейские древности. Вестник Острогожского историко-художественного музея им. И. Н. Крамского*, 3, с. 177-182.

Меркулов, А. Н. 2014. Городище скифского времени у с. Устье на Верхнем Дону (исследования 2013 г.). *Верхнедонской археологический сборник*, 6, с. 359-364.

Меркулов, А. Н. 2015. История исследования хозяйства скифоидного населения Лесостепного Подонья. *Научные ведомости БелГУ*, 1 (198), 33: История. Политология. Экономика. Информатика, с. 138-145.

Меркулов, А. Н., Родионов, А. М. 2015. Городище скифского времени у с. Устье на Верхнем Дону (исследования 2014 г.). *Известия ВГПУ*, 3 (268), с. 80-83.

Москаленко, А. Н. 1955. *Памятники древнейшего прошлого Верхнего и Среднего Дона*. Воронеж: Воронежское книжное издательство.

Москаленко, А. Н. 1956. Раскопки на Архангельском городище 1952—1953 гг. *Краткие сообщения ИИМК*, 62, с. 84-94.

Пряхин, А. Д., Разуваев, Ю. Д. 1994. Клад скифского времени с Семилукского городища на реке Дон. *Российская археология*, 4, с. 185-190.

Пряхин, А. Д., Разуваев, Ю. Д. 1995. Семилукское городище позднескифского времени на р. Дон (основные результаты раскопок 1984—1993 г.). *Археологические памятники Среднего Поочья*, 4, с. 43-68.

Пузикова, А. И. 1969. Поселения Среднего Дона. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 151, с. 41-81.

Пузикова, А. И. 2000. Городища и курганные могильники Среднего Подонья: к вопросу об их этнокультурном единстве. В: Гуляев, В. И., Ольховский, В. С. (ред.). *Скифы и сарматы в VII—III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология*. Москва: ИА РАН, с. 258-267.

Разуваев, Ю. Д. 2005. Культовое сооружение скифского времени у с. Орлово в левобережье Верхнего Дона. *Археологические памятники Восточной Европы*, 11, с. 154-159.

Разуваев, Ю. Д. 2012. Керамика из бытовых и погребальных комплексов Семилукского городища скифского времени. *Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А. И. Пузиковой) Материалы и исследования археологии Днепровского Левобережья*, 4, с. 142-154.

Разуваев, Ю. Д. 2013. Результаты исследований оборонительных сооружений Семилукского городища в 2012 г. *Восточноевропейские древности. Вестник Острогожского историко-художественного музея им. И. Н. Крамского*, 3, с. 196-211.

Разуваев, Ю. Д. 2015. Могильник на Семилукском городище скифского времени в свете новых исследований. *Вестник ВГУ*. Серия: История. Политология. Социология, 2, с. 98-107.

Разуваев, Ю. Д. 2016. Городище V века до н. э. у с. Петино на Верхнем Дону. *Вестник ВГУ*. Серия: История, политология, социология, 1, с. 77-82.

Разуваев, Ю. Д., Козмирчук, И. А. 2016. Раскопки городищ в Верхнем Подонье. В: Чалых, Н. Е. (ред.). *Археологические исследования в Центральном Черноземье 2015*. Липецк, с. 117-121.

Рева, М. Л., Рева, Н. Н. 1976. *Дикі їстівні рослини України*. Київ: Наукова думка.

Савченко, Е. И. 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской экспедиции ИА РАН, 2001—2003 гг.* Москва: ИА РАН, с. 151-277.

Синюк, А. Т. 2016. Нижнесторожевская стоянка и некоторые вопросы изучения воронежской культуры. *Избранные труды*. Воронеж: ВГПУ, с. 419-434.

Синюк, А. Т., Березуцкий, В. Д. 2001. *Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы — ранний железный век)*. Воронеж: ВГПУ.

Шевченко, А. А. 2009. Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино I на Среднем Дону. В: Гуляев, В. И. (ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004—2008 гг.* Москва: ИА РАН, с. 26-111.

Шрамко, Б. А., Янушевич, З. В. 1985. Культурные растения Скифии. *Советская археология*, 2, с. 47-64.

Янушевич, З. В., Маркевич, В. И. 1970. Археологические находки культурных злаков на первобытных поселениях Пруто-Днестровского междуречья. В.: Янушевич, З. В. (ред.). *Интродукция культурных растений*. Кишинев: Штиинца, с. 83-110.

Lange, E. 1975. The development of agriculture during the first millennium AD. *Geologiska Föreningens i Stockholm Förhandlingar*, 97, p. 115-124.

Pashkevich, G. A. 2001. Archaeobotanical studies on the northern coast of the Black Sea. *Eurasia antiqua*, 7, p. 511-567.

REFERENCES

Belaya, N. N. 2011. Novyye issledovaniya gorodishcha Bolshoye Storozhevoye na Srednem Donu. *Arkheologicheskiye pamyatniki Vostochnoy Evropy*, 14, s. 196-201.

Belaya, N. N., Shevchenko, A. A. 2016. Gorodishche Rossoshki I na Srednem Donu. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*, 242, s. 81-95.

Berezutskiy, V. D. 2009. Issledovaniye kurganov u khut. Dubovoy na Srednem Donu v 2008 g. *Arkheologicheskiye pamyatniki Vostochnoy Evropy*, 13, s. 152-163.

Bobrinskiy, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoy Evropy*. Moskva: Nauka.

Veselovskyi, I. V., Lysenko, A. K., Manko, Iu. P. 1988. *Atlas-vyznachnyk bur'ianiv*. Kyiv: Urozhai.

Gorbanenko, S. A. 2012. Paleoetnobotanicheskiye materialy borshev-skoy kultury. *Vostochnoyevropeyskiye drevnosti. Vestnik Ostrogozhskogo istoriko-khudozhestvennogo muzeya im. I. N. Kramskogo*, 2, s. 230-244.

Gorbanenko, S. A. 2013. Novyye paleobotanicheskiye dannyye s Mosti-shchenskogo gorodishcha skifskoy epokhi. *Vostochnoyevropeyskiye drevnosti. Vestnik Ostrogozhskogo istoriko-khudozhestvennogo muzeya im. I. N. Kramskogo*, 3, s. 63-68.

Gorbanenko, S. A. 2015. Paleoetnobotanicheskiye materialy Znamenskogo gorodishcha i zernovoye khozyaystvo diakovskoy kultury. *Starozhytnosti rannoho zaliznoho viku. Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy*, 2 (15), s. 232-239.

Gorbanenko, S. A., Merkulov, A. N. 2015. Svidetelstva zemledeliya s gorodishcha skifskogo vremeni u s. Pekshevo na r. Voronezh. *Izvestiya VGPU*, 9—10 (104), s. 219-224.

Gulyayev, V. I. 2010. *Na vostochnykh rubezhakh Skifii (drevnosti donskikh skifov)*. Moskva: IA RAN.

Zinchenko, O. I., Salatenko, V. N., Bilonozhko, M. A. 2001. *Roslynnytstvo: pidruchnyk*. Kyiv: Ahrarna osvita.

Kirianova, N. A. 2005. O nakhodkakh zeren kulturnykh rasteniy I tysyacheletiya do n. e. — I tysyacheletiya n. e. na territorii lesnoy zony Vostochnoy Evropy. *II Gorodtsovskiye chteniya: Materialy nauchnoy konferentsii. posvyashchennoy 100-letiyu deyatelnosti V. A. Gorodtsova v GIM. Trudy GIM*, 145, s. 226-230.

Kott, S. A. 1969. *Sornyye rasteniya i borba s nimi*. Moskva: Kolos.

Kulturnaya flora SSSR. 1989. T. 2, ch. 1. Rozh. Leningrad: Agropromizdat.

Lebedeva, E. Yu. 2000. Paleoetnobotanicheskiye materialy po zemledeliyu skifskoy epokhi: problemy interpretatsii. In: Gulyayev, V. I., Olkhovskiy, V. S. (ed.). *Skify i sarmaty v VII—III vv. do n. e.: paleoekologiya. antropologiya i arkheologiya*. Moskva: IA RAN, s. 91-100.

Lebedeva, E. Yu. 2001. Novyye dannyye o zemledelii na Srednem Donu v skifskoye vremya. In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Potudanskoy ekspeditsii IA RAN, 1993—2000 gg*. Moskva: IA RAN, s. 188-195.

Lebedeva, E. Yu. 2004. Itogi arkheobotanicheskikh issledovaniy na Srednem i Nizhnem Donu v 2001—2003 gg. In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheolo-giya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Potudanskoy ekspeditsii IA RAN, 2001—2003 gg*. Moskva: IA RAN, s. 119-126.

Lebedeva, E. Yu. 2008. Arkheobotanicheskaya rekonstruktsiya drevnego zemledeliya (metodicheskiye kriterii). *Opus: mezhdistsiplinarnyye issledovaniya v arkheologii*, 6, s. 86-109.

Lebedeva, E. Yu., Antipina, E. E. 2009. Gorodishche Rossoshki I — «po-stoyannyy adres ili vremennaya propiska?». In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2004—2008 gg*. Moskva: IA RAN, s. 198-220.

Liberov, P. D. 1969. Problema budinov i gelonov v svete novykh arkheologicheskikh dannykh. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 151, s. 5-26.

Medvedev, A. P. 1999. *Ranniy zheleznyy vek lesostepnogo Podonia: Arkheologiya i etnokulturnaya istoriya I tysyacheletiya do n. e.* Moskva: Nauka.

Merkulov, A. N. 2013. O sisteme zemledeliya u naseleniya Lesostepnoy Skifii: istoriograficheskiy aspekt. *Vostochnoyevropeyskiye drevnosti. Vestnik Ostrogozhskogo istoriko-khudozhestvennogo muzeya im. I. N. Kramskogo*, 3, s. 177-182.

Merkulov, A. N. 2014. Gorodishche skifskogo vremeni u s. Ustye na Verkhnem Donu (issledovaniya 2013 g.). *Verkhnedonskoy arkheologicheskiy sbornik*, 6, s. 359-364.

Merkulov, A. N. 2015. Istoriya issledovaniya khozyaystva skifoidnogo naseleniya Lesostepnogo Podonia. *Nauchnyye vedomosti BelGU*, 1 (198), 33: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika, s. 138-145.

Merkulov, A. N., Rodionov, A. M. 2015. Gorodishche skifskogo vremeni u s. Ustye na Verkhnem Donu (issledovaniya 2014 g.). *Izvestiya VGPU*, 3 (268), s. 80-83.

Moskalenko, A. N. 1955. *Pamyatniki drevneyshego proshlogo Verkhnego i Srednego Dona*. Voronezh: Voronezhskoye knizhnoye izdatelstvo.

Moskalenko, A. N. 1956. Raskopki na Arkhangelskom gorodishche 1952—1953 gg. *Kratkiye soobshcheniya IIMK*, 62, s. 84—94.

Pryakhin, A. D., Razuvayev, Yu. D. 1994. Klad skifskogo vremeni s Semilukskogo gorodishcha na reke Don. *Rossiyskaya arkheologiya*, 4, s. 185-190.

Pryakhin, A. D., Razuvayev, Yu. D. 1995. Semilukskoye gorodishche pozdneskifskogo vremeni na r. Don (osnovnyye rezultaty raskopok 1984—1993 g.). *Arkheologicheskiye pamyatniki Srednego Poochia*, 4, s. 43-68.

Puzikova, A. I. 1969. Poseleniya Srednego Dona. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 151, s. 41-81.

Puzikova, A. I. 2000. Gorodishcha i kurgannyye mogilniki Srednego Podonia: k voprosu ob ikh etnokulturnom edinstve. In: Gulyayev, V. I., Olkhovskiy, V. S. (ed.). *Skify i sarmaty v VII—III vv. do n. e.: paleoekologiya. antropologiya i arkheologiya*. Moskva: IA RAN, s. 258-267.

Razuvayev, Yu. D. 2005. Kultovoye sooruzheniye skifskogo vremeni u s. Orlovo v levoberezhye Verkhnego Dona. *Arkheologicheskiye pamyatniki Vostochnoy Evropy*, 11, s. 154-159.

Razuvayev, Yu. D. 2012. Keramika iz bytovykh i pogrebalnykh kompleksov Semilukskogo gorodishcha skifskogo vremeni. *Drevnosti Dneprovskogo Levoberezhia ot kamennogo veka do pozdnego srednevekovia (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya A. I. Puzikovoy) Materialy i issledovaniya arkheologii Dneprovskogo Levoberezhia*, 4, s. 142-154.

Razuvayev, Yu. D. 2013. Rezultaty issledovaniy oboronitelnykh sooruzheniy Semilukskogo gorodishcha v 2012 g. *Vostochnoyevropeyskiye drevnosti. Vestnik Ostrogozhskogo istoriko-khudozhestvennogo muzeya im. I. N. Kramskogo*, 3, s. 196-211.

Razuvayev, Yu. D. 2015. Mogilnik na Semilukskom gorodishche skifskogo vremeni v svete novykh issledovaniy. *Vestnik VGU*. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya, 2, s. 98-107.

Razuvayev, Yu. D. 2016. Gorodishche V veka do n. e. u s. Petino na Verkhnem Donu. *Vestnik VGU*. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya, 1, s. 77-82.

Razuvayev, Yu. D., Kozmirchuk, I. A. 2016. Raskopki gorodishch v Verkhnem Podonye. In: Chalykh, N. E. (ed.). *Arkheologicheskiye issledovaniya v Tsentralnom Chernozemye 2015*. Lipetsk, s. 117-121.

Reva, M. L., Reva, N. N. 1976. *Dyki yistivni roslyny Ukrainy*. Kyiv: Naukova dumka.

Savchenko, E. I. 2004. Vooruzheniye i predmety snaryazheniya naseleniya skifskogo vremeni na Srednem Donu. In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Potudanskoy ekspeditsii IA RAN, 2001—2003 gg*. Moskva: IA RAN, s. 151-277.

Sinyuk, A. T. 2016. Nizhnestorozhevskaya stoyanka i nekotoryye voprosy izucheniya voronezhskoy kultury. *Izbrannyye trudy*. Voronezh: VGPU, s. 419-434.

Sinyuk, A. T., Berezutskiy, V. D. 2001. *Mostishchenskiy kompleks drevnikh pamyatnikov (epokha bronzy — ranniy zheleznyy vek)*. Voronezh: VGPU.

Shevchenko, A. A. 2009. Novyye materialy k izucheniyu kurgannogo mogilnika skifskogo vremeni Kolbino I na Srednem Donu. In: Gulyayev, V. I. (ed.). *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu: Trudy Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN, 2004—2008 gg*. Moskva: IA RAN, s. 26-111.

Shramko, B. A., Yanushevich, Z. V. 1985. Kulturnyye rasteniya Skifii. *Sovetskaya arkheologiya*, 2, s. 47-64.

Yanushevich, Z. V., Markevich, V. I. 1970. Arkheologicheskiye nakhodki kulturnykh zlakov na pervobytnykh poseleniyakh Pruto-Dnestrovskogo mezhdurechia. In: Yanushevich, Z. V. (ed.). *Introduktsiya kulturnykh rasteniy*. Kishinev: Shtiintsa, s. 83-110.

Lange, E. 1975. The development of agriculture during the first millennium AD. *Geologiska Föreningens i Stockholm Förhandlingar*, 97, p. 115-124.

Pashkevich, G. A. 2001. Archaeobotanical studies on the northern coast of the Black Sea. *Eurasia antiqua*, 7, p. 511-567.

S. A. Gorbanenko, A. N. Merkulov

GRAIN FARMING OF THE MIDDLE DON POPULATION AT THE SCYTHIAN TIME

For the reconstruction of ancient societiesґ farming systems it is very important to have information about their grains farming. This article is a summary of the data from the Middle Don population during the Scythian period. The materials were obtained from floating plants and fingerprint analysis of clay products, all the collections are from settlement, burial and religion monuments. The materials comprise all areas of the Middle Don and fully reflect its chronology and culture.

The typical established compounds of cereals cultivated by tribes from the Middle Don during the early Iron Age culture in palaeoethnobotany spectrum are: millet, emmer wheat, barley and rye. The detected legumes were: peas and vetch. The statements and gathered evidences are: prints plum and blackthorn on the bottom from different pottery and fragments of hazel nut shell from the flotation samples.

Among the prints on ceramics there are negatives of weeds growing in spring and winter crops. This combination of weed in the materials of monuments allowed the authors to suggest the presence of multi-crop farm-

ing and rather complex cropping system (two-, three-field).

Keywords: Middle Don, Scythian time, agriculture, farm.

Одержано 16.02.2018

ГОРБАНЕНКО Сергій Анатолійович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда 12, Київ, 04210, Україна, *gorbanenko@gmail.com*.

GORBANENKO Serhiy A., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, *gorbanenko@gmail.com*.

МЕРКУЛОВ Олександр Миколайович, асистент кафедри історії Росії, Воронезький державний педагогічний університет, вул. Леніна, 86, Воронеж, 394043, Росія, *aleksandrmerkulov@mail.ru*.

MERKULOV Alexandr N., assistant of the History of Russia Department, Voronezh State Pedagogical University, Lenina st., 86, Voronezh, 394043, Russia, *aleksandrmerkulov@mail.ru*.

Приложение

М. С. Сергеева

РЕЗУЛЬТАТЫ АНТРАКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

На анализ для определения пород дерева поступил 31 фрагмент древесного угля из постройки скифского времени в поле вала городища Верхнее Казачье, исследованной в 2015 г. Материалы были отобраны путем флотации. Все образцы представлены мелкими угольками. Их сохранность и размеры позволили определить породы дерева до рода или семейства только для 14 исследованных экземпляров. 17 экз. угля представлены лиственными деревьями неопределимых пород, два из них относятся к лиственным рассеянно-сосудистым. Хвойные породы отсутствуют.

Породы дерева определялись по трем разрезам по характерным особенностям микроструктуры. Полученные результаты сравнивались с данными определителей пород древесины (Сукачев 1940; Гаммерман и др. 1946; Вихров 1959). При удовлетворительной сохранности угля породы могут определяться до рода, в отдельных случаях до семейства (напр., ильмовые).

Исследование обугленной древесины из городища Верхнее Казачье дало следующие результаты:

ясень (*Fraxinus* sp.) — 7 экз.;

тополь (тополь / осина) (*Populus* sp.) — 3 экз.;

ильмовые (ильм, вяз, берест) (Ulmaceae) — 3 экз.;

дуб (*Quercus* sp.) — 1 экз.

Все проанализированные образцы представлены местными породами, характерными для широколиственных лесов данного региона.

Ввиду немногочисленности и незначительных размеров, материалы не поддаются точной интерпретации. Одним из вариантов интерпретации может быть предположительная связь обнаруженного угля с остатками топлива. Аргументом в пользу такого предположения служит наличие очага. Этому не противоречит также преобладание среди угольков таких древесных пород, как ясень, тополь (осина) и дуб. Использование этих видов древесины как топлива подтверждают более поздние данные. Они засвидетельствованы для нового времени, а в последнее время и для средневековья (Глинский археологический комплекс, кузница; Пуголовок и др. 2016, с. 115—117).

В целом изучение ископаемого угля на городищах раннего железного века Восточной Европы только начинается и находится на начальной стадии накопления материала. В этой связи следует указать на важность полученных результатов для расширения базы данных по археологическому дереву, что на следующем этапе, по мере накопления информации, позволит перейти к ее использованию в рамках исследования как палеоэкологии, так и хозяйственной деятельности населения в рассматриваемый период.

ЛИТЕРАТУРА

Вихров, В. Е. 1959. *Диагностические признаки древесины главнейших лесохозяйственных и лесопромышленных пород СССР*. Москва: АН СССР.

Гаммерман, А. Ф., Никитин, А. А., Николаева, Т. Л. 1946. *Определитель древесин по микроскопическим признакам с альбомом микрофотографий*. Москва; Ленинград: АН СССР.

Пуголовок, Ю. О., Володарець-Урбанович, Я. В., Горбаненко, С. А., Сергєєва, М. С., Яніш, Є. Ю. 2016. Міждисциплінарні дослідження Глинського археологічного комплексу в 2015 році. *Археологічні дослідження Більського городища*, 2015, с. 103-127

Сукачев, В. Н. 1940. *Определитель древесных пород*. Москва: Гослестехиздат.

REFERENCES

Vikhrov, V. E. 1959. *Diagnosticheskiye priznaki drevesiny glavneyshikh lesokhozyaystvennykh i lesopromyshlennykh porod SSSR*. Moskva: AN SSSR.

Gammerman, A. F., Nikitin, A. A., Nikolayeva, T. L. 1946. *Opredelitel drevesin po mikroskopicheskim priznakam s albomom mikrofotografiy*. Moskva; Leningrad: AN SSSR.

Puholovok, Iu. O., Volodarets-Urbanovych, Ia. V., Gorbanenko, S. A., Serhieieva, M. S., Yanish, Ie. Iu. 2016. Mizhdystsyplinarni doslidzhennia Hlynskoho arkheolohichnoho kompleksu v 2015 rotsi. *Arkheolohichni doslidzhennia Bilskoho horodyshcha*, 2015, s. 103-127

Sukachev, V. N. 1940. *Opredelitel drevesnykh porod*. Moskva: Goslestekhizdat.

СЕРГЄЄВА Марина Сергіївна, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології НАН України, вул. Г. Сковороди, 9б, Київ, 04070, Україна, *mar.sergeyeva@gmail.com*.

SERGEEVA Marina S., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, G. Skovorody Str., 9b, Kyiv, 04070, Ukraine, *mar.sergeyeva@gmail.com*.

АРХЕОЛОГІЯ І ПИСЕМНІ ДЖЕРЕЛА

УДК: [904:80]”6383”

А. П. Медведев

О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ НАЧАЛА СКИФСКОЙ ИСТОРИИ

В статье речь идет о проблеме соотнесения литературных античных источников и данных археологии для воссоздания истории и культуры ранних скифов. Сразу оговорюсь, что проблему я понимаю не как задачу, вопрос, поставленный исследователем, а в изначальном значении этого греческого слова — как «препятствие», «преграду», «затруднение», выступающее на пути познания истины.

Ключевые слова: *Северное Причерноморье, киммерийцы, скифы, раннескифская история, античная литературная традиция, Геродот.*

Взгляды автора на гносеологический потенциал разных видов источников излагались ранее (Медведев 2002, с. 154—167). Они во многом сложились не только в результате моей университетской подготовки в студенческие годы под руководством проф. А. И. Немировского, и не только под влиянием работ авторитетных отечественных археологов, занимавшихся этой проблемой (Л. С. Клейна, Д. С. Раевского и др.), но и как результат научной практики.

Древняя литературная традиция о Северном Причерноморье, несмотря иногда на ее эпическую, а то и мифологическую оболочку, содержит определенную информацию по событийной истории скифов и этногеографии Скифии. Появление письменных свидетельств качественно меняет ситуацию с источниками по истории Юга Восточной Европы, неизмеримо расширяет познавательные возможности скифологии по сравнению с археологией, например, предшествующей эпохи бронзы. Несмотря на то, что эти нарративы принадлежат к иной, нескифской традиции (ближневосточной, античной), они задают определенную систему имен, понятий, образов, более соответствующую культуре и языку самих скифов. Поэтому благодаря им история скифов становится не такой «молчаливой», как прошлое многих их современников. Античная литературная традиция вкупе с богатыми и весьма реалистичным греко-скифским антропоморфным искусством давно сформировала те ставшие уже хрестоматийными образы скифов, которые нам запомнились со школьной скамьи. Не будь античной традиции, картина расселения племен в Скифии, воссоздаваемая только средствами современной археологии, выглядела бы иначе. А, скорее всего, её и вовсе не было бы, как нет, например, этногеографии срубной культурно-исторической общности эпохи поздней бронзы, археологически изученной не хуже скифской культуры раннего железного века. Поэтому мне не понятен скептический настрой некоторых современных скифологов и призыв отказаться от античной традиции, в том числе, от свидетельств Геродота, на том основании, что реалии раннескифской истории в чем-то не соответствуют его рассказу. Они настолько прочно вошли в фонд современной скифологии, что «скифскую» терминологию («скифы», «скифская архаика», «раннескифский период», «скифские памятники» и пр.) вынуждены употреблять даже сторонники радикального подхода к античным нарративным источникам (Маслов 2016, с. 162—163).

В то же время, не следует абсолютизировать информативный потенциал античной традиции о скифах. Время ее безусловной презумпции в скифологии давно прошло. Многие свидетельства Геродота и других греческих авторов о скифах воспринимались и воспринимаются до сих пор за исторический или этнографический факт, хотя на деле являются фактами *историографическими*.

Почти 40 лет назад Франсуа Артог написал любопытную книгу «Зеркало Геродота», в котором Скифия предстает чуть ли не как продукт чисто литературного творчества «отца истории» (Hartog

© А. П. МЕДВЕДЕВ, 2018

1980). Если принимать на веру подход французского историка, то даже вполне внятно описанные Геродотом скифские реалии являются не более чем репрезентацией «Другого»: то ли чисто литературной авторской фикцией, необходимой для обрамления основного сюжета «Истории» — борьбы эллинов с персами, — то ли смутными отголосками этнографической скифской действительности, которую, по мнению французского исследователя, невозможно верифицировать. Надо признать, что если исходить только из анализа текста «Истории» Геродота, то это заключение имеет право на существование. Но, ведь известно, что помимо него Скифию описывали и другие авторы, в том числе младший современник «отца истории», известный как Псевдо-Гиппократ (De aere: 20—30). Для нашей темы существенно то, что его скифы интересовали не как историка, а просто как медика.

Хорошо известно, что «отец истории» писал не научное сочинение в современном смысле этого слова. Он был сыном своего времени, носителем еще «донаучного» мировоззрения, которое во многом обуславливало иное отношение к историческим памятниками, историческим источникам, нежели у современных ученых. Зачастую сама по себе научная точность его мало занимала. Хрестоматийные примеры — его описания Вавилона (Hdt.: I, 178), или города Гелона в земле будинов (Hdt.: IV, 108), указание на их невероятные размеры (Медведев 2002а, с. 131—140). У «отца истории», как и у большинства его преемников, не было цели дать подробное, связанное изложение истории скифов. Поэтому античная литературная традиция, включая и «Историю» Геродота, содержит лишь *определенную выборку* информации о скифах, востребованную современниками-греками. К тому же, большая часть нарративной традиции о скифах оказалась утраченной или сохранилась фрагментарно. Например, нам доступны только жалкие отрывки сочинения Гелланика Митиленского «Скифика».

Одна этнографическая универсалия гласит: *«Человек видим тогда, когда к его телу прилегают вещи»* (Чеснов 1998, с. 192). В прошлом они выполняли не только чисто утилитарные функции, но и служили знаком человека, знаком его этнической принадлежности и социального статуса. А окружающий людей мир вещей составляет уже систему, в известной мере, подобную тексту и поэтому подлежащую более или менее однозначному прочтению всеми специалистами (Клейн 1991, с. 285). Правда, сейчас многие его страницы вырваны, строки стерты, а отдельные слова не понятны или даже не читаются. Тем не менее, сам набор артефактов в составе археологического комплекса, как правило, далеко не случаен, что наглядно подтверждает его многократная повторяемость, например, в качестве сопровождающего погребального инвентаря одной и той же археологической культуры. Как известно, со времени И. Канта именно повторяемость явлений считается одним из условий познания научной истины. Независимая от исторического нарратива археология, опирающаяся на анализ массовых источников, вместе со смежными дисциплинами, служит своего рода зеркалом доистории и ранней истории.

По истории и культуре Скифии сейчас накоплен огромный фонд археологических источников — выборка только погребальных курганных комплексов по подсчетам разных ученых колеблется в пределах нескольких тысяч. Археологические материалы дают картину жизни скифов, в чем-то подтверждающую сообщения «Скифского логоса» Геродота, в чем-то весьма существенно ее корректирующую, а в чем-то ей противоречащую. Вещественные источники иногда позволяют проникнуть в такие сферы жизни скифов, которые совсем не нашли отражения в сочинениях античных авторов. Для нашей темы весьма существенно еще одно обстоятельство. К началу XXI в. информационный потенциал классических нарративов, например, о той же Скифии, во многом уже исчерпан, по крайней мере, для нынешнего поколения скифологов, тогда как фонд археологических источников пополняется ежегодно на десятки и сотни комплексов. А значит, неуклонно повышается плотность информационного поля скифской культуры.

Разумеется, в скифской археологии мы не найдем конкретных исторических персонажей, она оперирует датами-сроками, археологам почти недоступна скифская история на событийном уровне (исключения единичны). Более того, сами по себе археологические реконструкции часто выглядят весьма абстрактными, так как в известной мере являются результатом приложения к скифскому археологическому материалу подходов, понятий, концепций, заимствованных из этнологии, антропологии, культурологи и других социальных дисциплин.

Но в скифологии есть уникальная возможность взаимной перекрестной проверки (верификации) достоверности традиционных письменных свидетельств и ежегодно умножающихся данных археологии. Скифологам постоянно приходится заниматься вопросами согласования информации различных по своей природе источников. И здесь они сталкивается с непростой проблемой: кому из специалистов верить в случае кардинального расхождения интерпретаций различных видов исторических источников.

Попытаюсь это продемонстрировать на хорошо известном примере из совсем недавней истории отечественной скифологии — дискуссии об археологических культурах исторических киммерийцев и ранних скифов. Как известно, еще три десятилетия назад большинство российских и украинских ученых принимали за весьма достоверный третий «исторический» рассказ Геродота о происхождении скифов и о вытеснении ими киммерийцев из Причерноморья. Он хорошо коррелировал с данными археологии — сменой на Юге Восточной Европы где-то около середины VII в. до н. э. (или

еще в первой половине этого века) позднейшей предскифской культуры типа Новочеркасского клада культурой раннескифской (Тереножкин 1976, с. 209, 215). С другой стороны, переданная Геродотом история появления скифов в Северном Причерноморье в результате вынужденной миграции «из Азии» из-за нападения воинственных соседних народов — массагетов (Hdt.: IV, 11), или со ссылкой на Аристея — исседонов (IV, 13), соответствовала закону «пульсации кочевой степи», в результате которого в Европе регулярно появлялись восточные по происхождению номады (Мачинский 1989, с. 21). И в том, и в другом случае киммерийцы оказывались коренными обитателями страны, жившими у южного (то есть Черного) моря (Доватур и др. 1982, с. 221), которую они вынуждены были покинуть под натиском скифов. Весомые аргументы этой гипотезе придавали определенные центрально-азиатские истоки ядра раннескифской культуры, ставшие очевидными к концу XX в. В результате многие археологи склонялись к миграционной гипотезе происхождения скифов и их культуры.

Однако с начала 1990-х гг. практически одновременно выходит в свет совместное исследование трех петербургских ученых А. Ю. Алексеева, Н. К. Качаловой, С. Р. Тохтасьева (1993), также статьи (1994), а затем солидные монографии А. И. Иванчика (1996, 2001, 2005), где предлагается опираться не на третий, «исторический» рассказ Геродота о происхождении скифов (IV, 11), жившего спустя пару веков после описываемых им событий, а на источники времени утверждения в Причерноморье скифской гегемонии (VIII—VII вв. до н. э.). На основании полного отсутствия каких-либо аутентичных свидетельств о киммерийцах в понтийском регионе названными исследователями сделан однозначный вывод о фиктивности их северопонтийской локализации, хотя им, конечно, известно, что античная традиция об этом регионе сложилась значительно позже (Грантовский и др. 1997, с. 71). По их мнению, киммерийцы «появились» здесь лишь в результате позднейшей рационалистической интерпретации мифического образа *«людей киммерийских»* в «Одиссее» Гомера [1]. При этом для создания оригинальной гипотезы сделан ряд допущений и оговорок, которые не всегда находят достаточные основания в проанализированных ими источниках.

С. Р. Тохтасьев полностью отвергает «киммерийскую» топонимию, использованная Геродотом для доказательства обитания этого народа в Северном Причерноморье (Hdt.: 12), отвергается на том основании, что киммерийцы не дожили здесь до времени основания первых греческих апойкий. Для ее опровержения приводится внеисточниковая информация — известный обычай приписывать «не свои» сооружения другому легендарному народу вроде чуди (Тохтасьев 1993, с. 33—35). Но, по большому счету, в такой народной топонимии всегда содержится и некое рациональное зерно, если не о народе — реальном создателе этих древних объектов, то о народе-предшественнике или народе-завоевателе: в «татарских», «калмыцких» и прочих могилах — некая память об обитавших (или воевавших) здесь некогда народах, в «турецких валах» на Перекопе и в Азове — память о турецких укреплениях, в «панских могила» — о поляках Смутного времени, во «французских курганах» («могилах») — о вторжении Наполеона в Россию в 1812 г. и т. п. Такую память о народе-предшественнике русских сохраняют и «чудские» топонимы в северной части Европейской России: «чудские городки», «чудские могилы», служившие для обозначения «чужих», дорусских древностей. При этом в Новгородской земле такие топонимы изначально могли быть на самом деле исторически связаны с летописной чудью, бывшей общим русским название различных финно-угорских племен.

Взамен старой «автохтонной» гипотезы с историческими киммерийцами были увязаны открытые в 1980-е гг. в Восточной Анатолии погребения раннескифского облика в Имирлере, Норшунтепе и близ Амасьи, а также находки наконечников стрел раннескифских типов. При этом утверждалось, что на Ближнем Востоке не известны памятники или отдельные находки, имеющие аналогии в предскифских древностях на Юге Восточной Европы [2].

В результате такой операции киммерийцы VII в. до н. э. в Передней Азии стали носителями раннескифской культуры, а сотни памятников предскифского периода на Юге Восточной Европы в этническом плане оказались неопределенными — в какой-либо связи с историческими киммерийцами им было отказано. При этом авторы исходили из непреложного постулата, что скифы в клинописных и иных текстах ко времени совершения указанных погребений с раннескифским инвентарем к западу от Евфрата неизвестны, так как они занимали исключительно более восточные районы.

Однако само по себе отсутствие актуальных клинописных сообщений о скифах в Малой Азии еще отнюдь не свидетельствует о том, что таковых не могло быть в реальной истории, как и то, что скифские походы в этот регион начались не раньше

1. Напомню, что в древнейших греческих источниках киммерийцы в принципе не могли быть локализованы в Северном Причерноморье хотя бы потому, что греки не подозревали о существовании северного побережья этого моря, оно еще воспринималось ими как Океан (Иванчик, 2005, с. 67—107). Но и в этом случае само упоминание киммерийцев «у пределов глубокотекущего Океана» в «Одиссее» (XI, 14—15), кажется, дает основание к их поиску именно где-то на противоположном его побережье.

2. К концу XX в. появились археологические свидетельства походов носителей классического новочеркасского комплекса в Переднюю Азию в виде ряда заимствований в сфере военного дела, отложившихся в северокавказских древностях (Эрлих 2007, с. 190—191).

ше конца третьей четверти VII в. до н. э. Трудно поверить в то, что в течение почти полувека, с 70-х и до начала 20-х гг. VII в. до н. э. киммерийцы и враждебные им скифы тактично придерживались границ своих «доменов», при этом скифы не могли вторгнуться на территорию Восточной Анатолии, особенно если учесть исключительную их подвижность как воинственных гиппотоксотов. Здесь уместно вспомнить почти 35-летнюю лакуну в клинописных источниках о киммерийцах на Ближнем Востоке после первого их упоминания в письме Саргону II ок. 714 г. до н. э., которая вряд ли может рассматриваться как свидетельство их отсутствия (Грантовский и др. 1997, с. 77). С другой стороны, раннескифская культура келермесского этапа, элементы которой обнаружены в анатолийских погребениях, кажется, пока не обладает столь узкими хроноиндикаторами (об этом свидетельствуют материалы двух дискуссий в «Российской археологии» 1992—1994-х гг. и «Вестнике древней истории» в 1993—1999 гг.), чтобы полностью исключить возможность их датировки не только серединой VII в., а на четверть века позднее, когда скифы уже известны в Малой Азии.

На мой взгляд, в вышеописанном историографическом феномене мы наблюдаем в современной отечественной скифологии пример возврата, разумеется, на новом уровне к традициям западноевропейского гиперкритицизма второй половины XIX в., когда германские ученые на основании анализа *только литературной традиции* полностью исключали киммерийцев как реальный народ из истории Северного Причерноморья. Хорошо известен вердикт такого авторитетного антиковеда как Карл Мюлленгофф: *«Вне Малой Азии народ с этим именем исторически неизвестен нигде»* (Müllenhoff 1896, S. 20). Тот же вывод мы находим в статье о киммерийцах в энциклопедии Паули-Виссова (Lemman-Haupt 1921, coll. 397—434) и других ученых конца XIX в. — первой четверти XX в.

Но проведем своего рода научный эксперимент — примем за данность изложенное выше заключение А. Ю. Алексеева, Н. К. Качаловой, С. Р. Тохтасьева и А. И. Иванчика о фиктивности северопонтийской локализации киммерийцев в третьем геродотовом рассказе о происхождении скифов и попытаемся применить такой же критический подход к источникам о появлении в Причерноморье другого народа — скифов, опираясь только на античную литературную традицию [1]. Поскольку все эти источники хорошо известны скифологам, ограничимся их перечислением с краткими комментариями.

Наиболее ранним свидетельством о скифах в Северном Причерноморье считается упоминание поэтом Алкеем (ок. 630—570 гг.) *«Ахилла — владыки Скифской земли»* (frg. 354 Lobel — Page = 14 Diehl). Обычно его датируют концом VII — первой третью VI в. до н. э. Мнения антиковедов в оценке достоверности этого уникального сообщения не единодушны. Если С. Р. Тохтасьев уверен, что свидетельство Алкея едва ли допускает какую-либо локализацию скифов кроме Северного Причерноморья (Тохтасьев 1993, с. 19), в этом с ним солидарен А. И. Иванчик (Иванчик 2005, с. 79—80), то И. В. Куклина полагает, что это свидетельство не может быть использовано для доказательства давнего обитания скифов в северопричерноморских степях (Куклина 1985, с. 58—59). Скифы в нем прямо не упоминаются, поэт называет лишь «Скифскую землю» — ὸ γᾶς Σκυθίκας. Это свидетельство сохранилось в рукописи поздней схолии, когда Скифия была страной, хорошо известной эллинам, и когда Ахилл давно слыл «Понтархом» — владыкой Северо-Западного Причерноморья. Его культ с VI в. до н. э. подтверждается многочисленными находками граффити (о. Левка, Березань, Ольвия, Бейкуш и др.).

Если принять новую датировку поэмы «Аримаспейя» Аристея из Проконнеса (Иванчик 1989, с. 29—49), по мнению ряда специалистов, далеко не бесспорную (Пьянков 2005, с. 15; Щеглов 2001, с. 30), то скифы могли стать персонажами этой, не дошедшей до нас поэмы не ранее времени его жизни, то есть от середины VI до начала V в. до н. э. К этому добавим, что в сохраненном у византийского эрудита Цеца фрагменте «Аримаспейи» (fr. 2—4), скифы не упоминаются, уцелели лишь строки, посвященные исседонам, *«гордящимся длинными волосами»* (Tzetz, Chil.: VII, 686 sq.). Их участие в аристеевой цепочке мигрирующих северных варваров лишь воссоздается по более поздней ссылке Геродота (Hdt.: IV, 13). Но, если принять геродотову дату жизни Аристея в пределах VII до н. э., в пользу которой недавно приведены новые аргументы (Мусбахова 2012, с. 27—28), то получается, что «отец истории» изложил содержание источника, близкого по времени великому переселению народов начала железного века, в результате которого скифы оказались в Европе и вытеснили оттуда киммерийцев.

В «Каталоге женщин», приписываемом Гесиоду, но явно более позднем [2], сохранился фрагмент, где впервые достоверно упоминается греческий этноним «скифы». Там перечисляется ряд мифических и реальных народов, живущих на краю ойкумены: *«И эфиопов, и ливийцев, и скифов* (Σκύθας), *доителей кобылиц; [Скиф] (их) породил, сын мощнейшего Кронида»* (frg. 150 Merkelbach — West) [3]. Обосновав датировку гесиодического «Каталога», скорее всего, между 540 и 520 гг. до н. э., А. И. Иванчик допускает, что указанное свидетельство относится к скифам

1. В итоговой монографии А. Ю. Алексеев (2003, с. 63—65) признает важность геродотовой исторической версии для реконструкций ранней скифской истории.

2. В последней известной мне книге о северных народах в античной литературной традиции Свен Рауш без особых аргументов относит это сочинение к творчеству самого Гесиода, см.: Rausch 2013, S. 36.

3. Перевод А. И. Иванчика.

Северного Причерноморья на том основании, что греки к этому времени имели достаточно интенсивные контакты с ними в этом регионе уже около ста лет (Иванчик 2005, с. 27). Может быть это и так. Но это допущение никак не проистекает из анализа самого литературного свидетельства, а является результатом использования сведений других источников, прежде всего, археологических о греческой колонизации Северного Причерноморья, то есть является продуктом «смешанной аргументации». В самом же гесиодическом трактате нет никаких конкретных географических привязок, указывающих на то, что скифы живут именно в Северном Причерноморье, где греки к тому времени уже основали свои апойкии. Скифы упоминаются лишь среди народов, обитавших по краям ойкумены, но где именно — установить на основании анализа этого фрагмента невозможно, с чем в другом месте согласен и А. И. Иванчик (2005, с. 81).

Если мы обратимся к такому весьма информативному источнику, как «Землеописание» Гекатея Милетского, то здесь нас ждет разочарование. Его отрывки сохранил лексикограф Стефан Византийский в этногеографическом словаре «Этника». В дошедших до нас фрагментах Гекатея один раз упоминается Скифия как страна: *«Кардесс — город Скифии»* (F. Gr. Hist. [1], frg. 188). Но что это за Скифия, в которой расположен никому из древних авторов больше неизвестный город Кардесс, из этого свидетельства не ясно. У современных исследователей нет уверенности, что фрагменты Гекатея, сохраненные спустя тысячу лет Стефаном Византийским, не содержат анахронизмов (Кулланда 2016, с. 30).

Для нашей темы существеннее другое. Как это ни покажется странным, в «Землеописании» Гекатея мы не найдем ни одного прямого упоминания *собственно скифов* в Северном Причерноморье. В сохранившихся фрагментах описания Европы есть только племена, которые иногда сопровождаются пояснением ‘ἔθνος Σκυθικόν. Но, как известно, точно такие же пояснения сопровождают здесь названия не этнического, а географического характера, например, *«Каркинитис — город скифский»* (frg. 184). Для нашей темы весьма показательно, что спустя полвека, Геродот перечисленные Гекатеем народы — меланхленов (frg. 185) и исседонов (frg. 193) — не причислял к скифам! Более того, где можно, «отец истории» всегда подчеркивал их особость (Hdt.: IV, 20). Итак, у Гекатея мы встречаем имена народов, позднее в той или иной степени связанных со скифами. Однако в дошедших до нас отрывах из его «Землеописании» нет упоминания *скифов* как таковых.

Впервые скифы как вполне конкретный этнос надежно локализуются в Северо-Восточном Причерноморье лишь у Эсхила в трагедии «Прометей Прикованный», написанной около сер.V в. до н. э. им самим или драматургом его круга. Не смотря на удивительную путаницу его географических представлений (Мусбахова, 2015, с. 68—69), в этой трагедии прямо упоминаются «*…скифские кочевья*, *На далеком краю Земли*, *возле вод Меотийских»* (Aesch., Prometh. vinct.: 415—419). А вскоре появляется знаменитый «Скифский логос» Геродота, согласно которому скифы прочно занимают причерноморские степи от Истра-Дуная до Танаиса-Дона (Herod.: IV, 47).

Таким образом, если также строго критически придерживаться методики анализа дошедших до нас ранних античных литературных источников о скифах с точки зрения их аутеничности, хронологии и надежности, как это недавно проделано с эллинской традицией о киммерийцах (*«ни один заслуживающий внимания античный источник не говорит о киммерийцах на севере Понта в историческое время»* (Тохтасьев 1993, с. 18), то следует сделать неутешительный вывод, что не только киммерийцы, но и собственно скифы ранее середины V в. до н. э. в Северном Причерноморье греческими авторам не упоминаются (упоминается лишь Скифия). Поэтому, строго говоря, нет надежных нарративов, чтобы отождествлять носителей раннескифского комплекса с собственно скифами в до- и послепоходное время, так как в эпоху архаики мы практически не находим аутентичных свидетельств знакомства греков со скифами VII—VI вв. до н. э. на Юге Восточной Европы. Этот вывод не оригинален, к нему и ранее приходили некоторые исследователи античной литературной традиции, в частности, И. В. Куклина. Проведенный ею анализ ранних известий о скифах и киммерийцах не дал оснований судить о давности их обитания в северопричероморских степях (Куклина 1985, с. 63). В тоже время для археологов такое заключение выглядит более чем абсурдно на фоне многочисленных памятников раннескифской культуры на Северном Кавказе и в Восточноевропейской Лесостепи, включавшей некое ядро инноваций центральноазиатского происхождения, а также ближневосточные «импорты», захваченные номадами во время переднеазиатских походов VII в. до н. э.

Что стоит за этим «молчанием» древнейших античных источников о скифах VII—VI вв. до н. э. — реальное их отсутствие в Степном Причерноморье до конца архаической эпохи, или же неполнота и фрагментарность дошедших до нас источников, — однозначно сказать трудно. В пользу первого предположения как будто бы свидетельствуют и данные археологии — в Степной Скифии практически нет памятников скифской архаики VII—VI вв. до н. э., за исключением пограничных районов (Северный Кавказ, Украинская Лесостепь, Нижний Дон, Крым). Это хорошо видно на карте, составленной в свое время В. Ю. Мурзиным (Мурзин, 1990, рис. 1), если с нее убрать курганы конца VI — начала V в. до н. э. Для этого времени в археологии Северного Причерноморья

1. F. Gr. Hist. — Jacoby, F. Die Fragmente der griechischen Historiker.

мы по существу имеем дело со «Скифией без скифов», точнее с практически полным отсутствием их археологических следов в сердцевине будущей Геродотовой Скифии. Косвенно это подтверждают весьма распространенные у эллинов представления о причерноморском регионе как изначально пустынной, ненаселенной людьми стране (Aesch., Prometh. vinct.: 1—2; Hdt.: IV, 5. 8; Ps.-Hypp., De aere.: 25) или земле, опустевшей после бегства киммерийцев (Hdt.: IV, 11). Только к середине V в. до н. э. сведения о скифах Причерноморье в греческой литературной традиции начинают приобретать большую этнографическую и историческую конкретность. У Эсхила, Геродота и Псевдо-Гиппократа «Скифская пустыня» уже заселена скифами, их уклад жизни и обычаи подробно описали эти и другие авторы.

Но значит ли вышесказанное, что скифов как реального народа до времени Геродота в Северном Причерноморье вообще не было, поскольку о них нет надежных свидетельств в более ранних источниках. Разумеется, нет. Тот же Геродот описывает вторжение скифов в восточноевропейские степи, их победу над киммерийцами, возвращение скифов из переднеазиатских походов и борьбу с потомством «слепых рабов», подробно рассказывает о войне персидского царя Дария против скифов, побудившей Галикарнассца к написанию «Скифского логоса». Вряд ли кто согласится признать эту информацию, восходящую к различным источникам, плодом его искусственных конструкций (или предшествующей «ионийской традиции»), тем более, что пребывание скифов в Передней Азии многократно зафиксировано в клинописных текстах и других восточных источниках, а война скифов с сыновьями «слепых рабов» — в греко-скифской торевтике IV в. до н. э. (Передериева Могила на Донеччине, курган 2013 г. на Ставрополье и др.). Геродот упоминал некоторые важные события из прошлого нескифских народов: об основании города Гелона (Hdt.: IV, 108), переселении невров, которые по его рассказу за одно поколение до похода Дария покинули свою страну и обосновались в земле будинов (IV, 105), происхождении савроматов от амазонок и юношей из племени свободных скифов (IV, 110—116) и др. Со слов ольвийского информатора Тимна, Геродот приводит генеалогию скифских царей (IV, 76). Он знает имя скифского царя Прототия, возглавившего скифское войско во время переднеазиатского похода (I, 103), он надежно идентифицируется с царем Партатуа ассирийских клинописных текстов. В тоже время, нет сомнения, что многие важные события скифского прошлого не нашли отражения ни в греческой исторической памяти, ни в скифской эпической традиции (Раевский 1985, с. 53—76). В силу каких-то причин, они не заинтересовали Геродота и других греческих авторов или были утрачены.

Данные археологии во многом компенсируют дефицит нарративных источников о скифах. Они могут быть подчас даже более информативными в этом отношении, чем имеющиеся письменные свидетельства (Погребова, Раевский 1992, с. 182). Массовые археологические источники однозначно свидетельствуют о смене археологических культур на Юге Восточной Европы не позже первой половины VII в. до н. э., об исчезновении своеобразной предскифской культуры типа Новочеркасского клада, носителем которой мог быть народ, обитавший здесь до скифов согласно третьему геродотову рассказу — киммерийцы. Именно с этого времени на Северном Кавказе и в Украинской Лесостепи распространяются характерные элементы новой археологической культуры (РСК), которую ретроспективно не с кем связать кроме как со скифами, в том числе их своего рода визитная карточка — искусство звериного стиля, не имеющее местных причерноморских корней. Именно археологические источники вполне определенно ставят точку над і в вопросе о времени появления первых скифов на Юге Восточной Европы. Более того, независимо от литературной традиции, они в целом подтверждают достоверность третьего рассказа Геродота о смене этносов в Северном Причерноморье в результате прихода скифов «из Азии» и изгнании ими киммерийцев (носителей культуры новочеркасского типа).

Как известно, новая исследовательская парадигма имеет право на существование тогда, когда она увязывает в единое непротиворечивое целое все известные факты, а главное — по своим эвристическим возможностям превосходит старую. В этом смысле подход к киммерийской проблеме, предложенный А. Ю. Алексеевым, С. Р. Тохтасьевым, А. И. Иванчиком, оставляет больше вопросов, чем дает ответов, а главное — он отодвигает на неопределенное время решение вопроса об этносе доскифского населения Северного Причерноморья. На мой взгляд, как раз «старая гипотеза» появления скифов в Причерноморье и смены позднейшей предскифской культуры раннескифской, связывала в более непротиворечивую концепцию практически все известные литературные и археологические свидетельства. Поэтому здесь уместно вспомнить знаменитое правило «бритвы Оккама», предостерегающее исследователей от умножения числа сущностей без надобности. Тогда не придется одевать на киммерийцев ту же «археологическую» маску носителей РСК, что и скифам.

Я убежден, что для преодоления кризисных явлений современной скифологии многое может дать последовательное сопоставление «мира текстов» и «мира вещей». И здесь мы иногда сталкиваемся с удивительным феноменом: *сопоставление данных нарративных и вещественных источников позволяет получить принципиально новое знание, которое невозможно было бы извлечь из тех же источников при самом углубленном их анализе порознь.* Таков результат правильно проведенных междисциплинарных исследований (Haidle 1998, S. 11—12). Ведь «*никакое создание культуры и искусства не исчерпывается содержанием, вложенным в него автором, в нем обнаруживается гораздо больше,*

чем мы думали и знали» (Кнабе 2006, с. 154). В самой возможности сопоставления многочисленных, но многозначных данных археологии, имеющих надежную пространственно-временную привязку, и результатов анализа нарративной традиции, несущей некоторую историческую информацию, но зачастую менее определенную в географическом и хронологическом отношении, я вижу перспективу придать нашим реконструкциям историческую конкретность.

Именно такой эффект в свое время дал подход к киммерийской проблеме, обоснованный А. И. Тереножкиным [1], но этого, как представляется, не получилось у авторов «новой» переднеазиатской гипотезы, не смотря на их высочайший профессионализм как историков и археологов. На рубеже веков смены научных парадигм в скифологии не произошло. Судя по рецензиям и публикациям, за прошедшую четверть века «новая» гипотеза не получила поддержки со стороны ведущих российских и украинских исследователей предскифских и раннескифских древностей [2]. Тем не менее, ее постановка заставила не только авторов, но и критиков вновь обратиться к литературным и археологическим источникам по киммерийско-скифской проблематике и выявить слабые стороны, казалось бы, устоявшихся представлений об историко-культурных процессах на Юге Восточной Европы в начале железного века.

1. Он оказался наиболее продуктивным — за последнюю четверть века увидели свет новые фундаментальные исследования по киммерийско-скифской тематике Украинской Лесостепи (Скорый 1997), Причерноморью (Махортых 2010), Северо-Западному Кавказу (Эрлих 2007), снаряжению коня (Вальчак 2009) и др.
2. Об этом свидетельствует и статья А. И. Иванчика, которая должна была подвести итоги дискуссии, но фактически свелась к продолжению дискуссии с оппонентами (Иванчик 1999).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 2003. *Хронография Европейской Скифии*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Алексеев, А. Ю., Качалова, Н. К. Тохтасьев, С. Р. 1993. *Киммерийцы: этнокультурная принадлежность*. Санкт-Петербург: Ермаков.

Вальчак, С. Б. 2009. *Конское снаряжение в первой трети I тыс. до н. э. на юге Восточной Европы*. Москва: Таус.

Доватур, А. И., Каллистов, Д. П. Шишова, И. А. 1982. *Народы нашей страны в «Истории» Геродота*. Москва: Наука.

Иванчик, А. И. 1989. О датировке поэмы «Аримаспея» Аристея Проконнесского. *Вестник древней истории*, 2, с. 29-49.

Иванчик, А. И. 1994. К вопросу об этнической принадлежности и археологической культуре киммерийцев. 1: Киммерийские памятники в Передней Азии. *Вестник древней истории*, 3, с. 148-167.

Иванчик, А. И. 1999. Современное состояние скифской проблемы. Итоги дискуссии. *Вестник древней истории*, 2, с. 77-97.

Иванчик, А. И. 2001. *Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени*. Москва: Палеограф.

Иванчик, А. И. 2005. *Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII—VII вв. до н. э. в античной литературной традиции. Фольклор, литература и история*. Москва, Берлин: Палеограф.

Клейн, Л. С. 1991. *Археологическая типология*. Ленинград: АН СССР.

Кнабе, Г. 2006. *Избранные труды: теория и история культуры*. Москва: Росспэн.

Куклина, И. В. 1985. *Этногеография Скифии по античным источникам*. Ленинград: Наука.

Кулланда, С. В. 2016. *Скифы: язык и этногенез*. Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2016.

Маслов, В. Е. 2016. Раннескифская история и Геродот. В: Балахванцев, А. С., Кулланда, С. В. (ред.). *Кавказ и степь на рубеже поздней бронзы и раннего железа: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти М. Н. Погребовой*. Москва: Институт востоковедения РАН, с. 162-170.

Махортых, С. В. 2005. *Киммерийцы Северного Причерноморья*. Киев: Шлях.

Мачинский, Д. А. 1989. Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья. В: Раев, Б. А. (ред.). *Кочевники евразийских степей и античный мир*. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, с. 7-30.

Медведев, А. П. 2002 Античная традиция и археологические реалии скифского времени на Среднем и Верхнем Дону: проблемы этнокультурной интерпретации. *Вестник древней истории*, 3, с. 154-167.

Медведев, А. П. 2002а. Гелон Геродота: к проблеме соотношения античного нарратива и историко-археологических реалий. *Античный мир и археология*, 11, с. 131-140.

Мусбахова, В. Т. 2015. Образ Скифии в трилогии о Прометее. Истоки и влияние. В: Джаксон, Т. Н., Коновалова, И. Г., Подосинов, А. В. (ред.). *Скифия: Образ и историко-культурное наследие. Материалы конференции* Москва: Институт всеобщей истории РАН, с. 68-72.

Мусбахова, В. Т. 2012. К вопросу о достоверности свидетельства Геродота о времени жизни Аристея из Проконнеса и времени создания «Аримаспеи». *Аристей: Вестник классической филологии и античной истории*, 5, с. 21-52.

Пьянков, И. В. 2005. Аристей: путешествие к исседонам. *Исседон: альманах по древней истории и культуре*, 3, с. 15-35.

Раевский, Д. С. 1985. *Модель мира скифской культуры*. Москва: Наука.

Скорый, С. А. 1999. *Киммерийцы в Украинской Лесостепи*. Киев, Полтава: Археологія.

Тереножкин, А. И. 1976. *Киммерийцы*. Киев: Наукова думка.

Тохтасьев, С. Р. 1993. Античная литературная традиция о киммерийцах. В: Алексеев, А. Ю., Качалова, Н. К., Тохтасьев, С. Р. *Киммерийцы: этнокультурная принадлежность*. Санкт-Петербург: Ермаков, с. 9-50.

Чеснов, Я. В. 1998. *Лекции по исторической этнологии*. Москва: Гардарика.

Щеглов, Д. А. 2010. Аристей из Проконнесса: факты и интерпретации. *Аристей: Вестник классической филологии и античной истории*, 1, с. 9-34.

Эрлих, В. Р. 2007. *Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников*. Москва: Наука.

Haidle, M. N. 1998. Interdisziplinarität in der Archäologie: eine Notwendigkeit? *Archäologische Informationen*, 21, 1, S. 9-20.

Hartog, F. 1980. *Le miroir d'Hérodote. Essai sur la représentation de l'autre*. Paris: Gallimard.

Lemman-Haupt, C. F. 1921. Kimmerier. *Pauli's-Wissowa Real-Encyclopddie der classischen Altertumswissenschaft,* XI, 1, coll. 397-434.

Müllenhoff, K. 1896. *Deutsche Altertumskunde*. III². Berlin: Weidmannische Buchhandlung.

Rausch, S. 2013. *Bilder des Nordes. Vorstellungen vom Norden in der griechischen Literatur von Homer bis zum Ende des Hellinismus*. Berlin: Philipp von Zabern.

REFERENCES

Alekseev, A. Yu. 2003. *Hronografiya Evropejskoj Skifii*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh.

Alekseev, A. Yu., Kachalova, N. K. Tohtas'ev, S. R. 1993. *Kimmerijcy: ehtnokul'turnaya prinadlezhnost'*. Sankt-Peterburg: Ermakov.

Val'chak, S. B. 2009. *Konskoe snaryazhenie v pervoj treti I tys. do n. e. na yuge Vostochnoj Evropy*. Moskva: Taus.

Dovatur, A. I., Kallistov, D. P. Shishova, I. A. 1982. *Narody nashej strany v «Istorii» Gerodota*. Moskva: Nauka.

Ivanchik, A. I. 1989. O datirovke poehmy «Arimaspeya» Aristeya Prokonnesskogo. *Vestnik drevnej istorii*, 2, s. 29-49.

Ivanchik, A. I. 1994. K voprosu ob ehtnicheskoj prinadlezhnosti i arheologicheskoj kul'ture kimmerijcev. 1: Kimmerijskie pamyatniki v Perednej Azii. *Vestnik drevnej istorii*, 3, s. 148-167.

Ivanchik, A. I. 1999. Sovremennoe sostoyanie skifskoj problemy. Itogi diskussii. *Vestnik drevnej isto*rii, 2, s. 77-97.

Ivanchik, A. I. 2001. *Kimmerijcy i skify. Kul'turno-istoricheskie i hronologicheskie problemy arheologii vostochnoevropejskih stepej i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni*. Moskva: Paleograf.

Ivanchik, A. I. 2005. *Nakanune kolonizacii. Severnoe Prichernomor'e i stepnye kochevniki VIII—VII vv. do n. e. v antichnoj literaturnoj tradicii. Fol'klor, literatura i istoriya*. Moskva, Berlin: Paleograf.

Klejn, L. S. 1991. *Arheologicheskaya tipologiya*. Leningrad: AN SSSR.

Knabe, G. 2006. *Izbrannye trudy: teoriya i istoriya kul'tury*. Moskva: Rosspehn.

Kuklina, I. V. 1985. *Ehtnogeografiya Skifii po antichnym istochnikam*. Leningrad: Nauka.

Kullanda, S. V. 2016. *Skify: yazyk i ehtnog*enez. Moskva: Universitet Dmitriya Pozharskogo.

Maslov, V. E. 2016. Ranneskifskaya istoriya i Gerodot. In: Balakhvantsev, A. S., Kullanda, S. V. (ed.). *Kavkaz i step' na rubezhe pozdnej bronzy i rannego zheleza: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati M. N. Pogrebovoj*. Moskva: Institut vostokovedeniya RAN, s. 162-170.

Mahortyh, S. V. 2005. *Kimmerijcy Severnogo Prichernomor'ya*. Kiev: Shlyah.

Machinskij, D. A. 1989. Bospor Kimmerijskij i Tanais v istorii Skifii i Sredizemnomor'ya. In: Raev, B. A. (ed.). *Kochevniki evrazijskih stepej i antichnyj mir*. Novocherkassk: Muzej istorii donskogo kazachestva, s. 7-30.

Medvedev, A. P. 2002 Antichnaya tradiciya i arheologicheskie realii skifskogo vremeni na Srednem i Verhnem Donu: problemy ehtnokul'turnoj interpretacii. *Vestnik drevnej istorii*, 3, s. 154-167.

Medvedev, A. P. 2002a. Gelon Gerodota: k probleme sootnosheniya antichnogo narrativa i istoriko-arheologicheskih realij. *Antichnyj mir i arheologiya*, 11, s. 131-140.

Musbahova, V. T. 2015. Obraz Skifii v trilogii o Prometee. Istoki i vliyanie. In: Jaxon, T. N., Konovalova, I. G., Podisinov, A. V. (ed.). *Skifiya: Obraz i istoriko-kul'turnoe nasledie. Materialy konferencii*. Moskva: Institut vseobshchej istorii RAN, s. 68-72.

Musbahova, V. T. 2012. K voprosu o dostovernosti svidetel'stva Gerodota o vremeni zhizni Aristeya iz Prokonnesa i vremeni sozdaniya «Arimaspei». *Aristej: Vestnik klassicheskoj filologii i antichnoj istorii*, 5, s. 21-52.

P'yankov, I. V. 2005. Aristej: puteshestvie k issedonam. *Issedon: al'manah po drevnej istorii i kul'ture*, 3, s. 15-35.

Raevskij, D. S. 1985. *Model' mira skifskoj kul'tury*. Moskva: Nauka.

Skoryj, S. A. 1999. *Kimmerijcy v Ukrainskoj Lesostepi*. Kiev, Poltava: Arheologiya.

Terenozhkin, A. I. 1976. *Kimmerijcy*. Kiev: Naukova dumka.

Tohtas'ev, S. R. 1993. Antichnaya literaturnaya tradiciya o kimmerijcah. In: Alekseev, A. Yu., Kachalova, N. K. Tohtas'ev, S. R. *Kimmerijcy: ehtnokul'turnaya prinadlezhnost'*. Sankt-Peterburg: Ermakov, s. 9-50.

Chesnov, Ya. V. 1998. *Lekcii po istoricheskoj ehtnologii*. Moskva: Gardarika.

Shcheglov, D. A. 2010. Aristej iz Prokonnessa: fakty i interpretacii. *Aristej: Vestnik klassicheskoj filologii i antichnoj istorii*, 1, s. 9-34.

Ehrlih, V. R. 2007. *Severo-Zapadnyj Kavkaz v nachale zheleznogo veka: protomeotskaya gruppa pamyatnikov*. Moskva: Nauka.

Haidle, M. N. 1998. Interdisziplinarität in der Archäologie: eine Notwendigkeit? *Archäologische Informationen*, 21, 1, S. 9-20.

Hartog, F. 1980. *Le miroir d'Hérodote. Essai sur la représentation de l'autre*. Paris: Gallimard.

Lemman-Haupt, C. F. 1921. Kimmerier. *Pauli's-Wissowa Real-Encyclopòdie der classischen Altertumswissenschaft,* XI, 1, coll. 397-434.

Müllenhoff, K. 1896. *Deutsche Altertumskunde*. IIII. Berlin: Weidmannische Buchhandlung.

Rausch, S. 2013. *Bilder des Nordes. Vorstellungen vom Norden in der griechischen Literatur von Homer bis zum Ende des Hellinismus*. Berlin: Verlag Philipp von Zabern.

A. P. Medvedev

ON SOME PROBLEMS CONNECTED WITH SOURCES ON THE BEGINNINGS OF THE SCYTHIAN HISTORY

The subject of this article is the problem of correlation and verification of ancient literary sources and archaeological evidence with a view to reconstruct the history and culture of the early Scythians. The author analyzes the current state of affairs in cultural identification of the Cimmerians and the Scythians in Russian archaeological and historical science and shows drawbacks of the hypercritical approach to ancient literary sources on the basis of the early Greek tradition on the Cimmerians and the Scythians in the Northern Black Sea region. If we use the methods that have been recently used to analyze the Greek tradition on the Cimmerians, we will have to make a disappointing conclusion that not only the Cimmerians but also the Scythians in the Northern Black Sea region are virtually not mentioned for a period before the middle of the 5th century BC. The archaeological evidence can largely make up for the shortage of narrative sources on the Scythians. The author makes a conclusion that the «old» hypothesis about the arrival of the Scythians in the Black Sea region (based on the third Herodotus' story) and replacement of the late pre-Scythian culture by the early Scythian one combines almost all known literary and archaeological evidence into a more consistent theory than the «new» approach offered in the 1990s and stating that the Cimmerians were bearers of the Early Scythian culture known only to the west of the Euphrates.

Keywords: Northern Black Sea region, Cimmerians, Scythians, early Scythian history, ancient literary tradition, Herodotus.

Одержано 2.02.2018

МЄДВЄДЄВ Олександр Павлович, доктор історичних наук, завідувач кафедрою археології та історії давнього світу, Воронезький державний університет, Московський проспект, 88, Воронеж, 394052, Росія, *APM1950@yandex.ru*.

MEDVEDEV Aleksandr P., Doctor of Historical Sciences, Head of the Archaeology and Ancient History Departament, Voronezh State University, Moskovskij prospect 88, Voronezh, 394052, Russian Federation, *APM1950@yandex.ru*.

УДК: [904.2:7]”6383”

Г. В. Вертієнко

«НАД РОГАМИ — СИЛА ДОСКОНАЛОЇ ЗОВНІШНОСТІ» (до образу оленя у скіфському мистецтві)

У статті розглянуто проблему зображення гіпертрофованих рогів в оленів на витворах скіфського мистецтва через призму іранських уявлень щодо візуалізації воїнської категорії сили-ата, притаманної давньоіранському воїнському божеству Веретрагні.

Ключові слова: *олень, бик, Яшти, скіфи, скіфське мистецтво.*

Образ оленя в скіфському мистецтві неодноразово досліджували та інтерпретували скіфологи [1]. Однак, поза увагою залишався сам давньоіранський термін ****gau̯aźna***, яким ця дика тварина була позначена на мовному рівні. Спробуємо надолужити прогалину зупинившись на аналізі цього терміну та приділити окрему увагу такій характерній рисі скіфського оленя, як гіпертрофовані роги.

За етимологічним словником іранських мов В. С. Расторгуєвої та Д. І. Едельман, що ввібрав в себе відомі до 2000-х років етимології, **‘олень, лань’** в дав.-іран. **gau̯aźna-*, **gau̯aśna-* або **gau̯asna-* є двоскладовим словом, що утворилося об’єднанням ****gau-*** «бик» та основи ****aźna-*** від дієслівного кореня **[1]**aź-*** — «гнати, поганяти; вести», в похідних також «полювати» (ЭСИЯ I, с. 288—289; III, с. 207—208; Эдельман 2009, с. 49). Від першої основи *gau-* в давньоіранських діалектах утворилася не лише назва оленя, а й буйвола та вівці (Эдельман 2009, с. 46; ЭСИЯ III, с. 207—208).

При з’ясуванні семантики образів скіфського мистецтва спеціалісти нерідко звертаються до побудов В. І. Абаєва. Його історико-етимологічний словник осетинської мови зафіксував однозначність в розумінні першої частини слова *gau̯aźna-*, як «корова, бик», тоді як друга частина трактується не від дієслівного кореня [1]*aź-* — «гнати», а від основи ****aźa-*** — «коза, козел» (ИЭСОЯ II, с. 320; ЭСИЯ I, с. 292), що в подальшому викликало низку лінгвістичних зауважень (ЭСИЯ III, с. 208). Т. В. Гамкрелідзе та В. В. Іванов, приймаючи етимологію В. І. Абаєва, вважали, що форма «бик-козел» є наслідком табуювання назви цієї тварини, похідної від і.-є. лексем ****el-***, ****ol-***, через її велике культово-ритуальне значення (Гамкрелидзе, Иванов 1984 с. 518—519). Водночас, дослідники вказують, що в частині іранських мов це слово зазнало повторного табуювання у вигляді форми скіф. *sāka-* (осет. *sag-*) — «сохатий, рогатий» [2] (ИЭСОЯ II, с. 320; III, с. 11—16; Гамкрелидзе, Иванов 1984, с. 519). Однак, факт подвійного табуювання назви цієї тварини навряд чи можливий. Найімовірніше, **gau̯aźna* не є продуктом табуювання більш ранньої назви.

Постає питання чи є основа *aźa-* другою частиною лише слова **gau̯aźna*? Виявилося, що ні, і вона також присутня в найменуванні вепра [3] — праіран. **u̯arāźa-* «дикий кабан, вепр»

1. Неодноразово до цього образу зверталася С. С. Бессонова (напр.: Бессонова 2009, с. 33—36; Кубышев, Бессонова, Ковалев 2009 с. 84—87; Бессонова, Сиволап, Сиволап 2014, с. 66—67).

© Г. В. ВЕРТІЄНКО, 2018

2. Характерно, що схожий евфемізм в осетинській мові застосовано для «вепра» (*(wæraz)* — *tusk’a* — «ікластий» (ИЭСИЯ III, с. 13).

3. Щодо образів оленя та вепра слід також згадати відомий сюжет про полювання юного царя Кіра з «Кіропедії» Ксенофонта (Xen. Cyrop. I, IV, 7—9). Вдале полювання на оленя виступило своєрідною воїнською ініціацією Кіра, тоді як вбивство вепра вивело його у вищий ранг очільника воїнів (Михайлин 2005, с. 99—108; Вертиенко 2014, с. 277—278).

Рис. 1. Сцена полювання на золотій гюнівській пластині, IV ст. до н. е., МІКУ, інв. № АЗС-2926, за (Reeder 2001, p. 255 (123))

Рис. 2. «Костромський олень», золота пластина горита, кінець VII ст. до н. е., Ермітаж, інв. № 2498/1, за (Алексеев 2012, с. 64)

ав. *varāza-*. Цей факт вказує, що другу частину назв оленя та вепра слід виводити не від основи **aźa-* «коза, козел», а від дієслівного кореня *[1]*aź-* «гнати, поганяти» [1].

Різниця в двох етимологіях полягає в тому, що за В. І. Абаєвим и вченими, що прийняли його трактовку, олень сприймається, як «бик» з ознаками козла, а за словником Расторгуєвої-Едельман, ця тварина набуває рис особливого «бика», на якого полюють у загінний спосіб. Таке полювання могло мати місце серед іраномовних кочівників, чому свідченням є зображення на гюнівській пластині [2] (рис. 1). С. С. Бессонова трактує сюжет цієї сцени як полювання на чарівного оленя біля світового древа. При цьому, допускається можливість відображення в семантиці розглянутої сцени міфологічного циклу про божественного лучника та мисливця Аполлона-Гойтосира (Бессонова 1983, с. 117—118).

1. Іншими похідними словами від цієї основи є **aźana-* — «удар; хлист, пліть; палка для ударів», **-āźa-* — «знаряддя, яким поганяють», **āźa-* — «той, що поганяє, погонич» (ЭСИЯ I, с. 289—290).
2. Див також: Бессонова 1983, с. 117, рис. 34.

Якщо звернутися до корпусу Авести, то термін *gauuasna* — «олень» (AirWb, Kol. 510) вживаний лише в *Яшті* 10, *128.1* [3] в контексті опису дистанційної зброї (лука):

… hazaŋrəm θanuuarəitinąm [4] *asti yō* ***gauuasnahe*** *snāuiia jiia…*
… тисяча «струн» для лука, цебто з жил ***оленя*** *тятиви…*

Показово, що якщо за схожим пасажем в Ріґведі (VI, 75, *11*) при описі тятиви лука вживані коров'ячі сухожилля [5], то за Молодшою Авестою вони вже з жил оленя.

При згадуванні «скіфського оленя» найбільш відомим та тиражованим зображенням є т. зв. костромський олень (кінець VII ст. до н. е.), який має виразні гіпертрофовані роги [6] (рис. 2) (Алексеев 2012, с. 64). Деякі дослідники й досі вважають, що подібні пластини прикрашали щити (Раевский, Кулланда, Погребова 2016, с. 59) або ж припускають такий варіант імовірним (Канторович 2015, с. 72; 2015а, с. 90, прим. 12). Однак переконливою є точка зору А. Ю. Алексєєва, що в декорі скіфського військового обладунку, судячи із зображень на монументальній скульптурі та специфіки кріплення до шкіряної поверхні, такі бляхи прикрашали саме горити (Алексеев 1996, с. 130—134; 2014, с. 69—74). Базуючись на висновках А. Ю. Алексєєва, М. Л. Подольський запропонував реконструкцію розміщення подібних блях на горитах (Подольский 2010, с. 110—114; пор.: Алексеев 2014, с. 73). Отже, зв'язок оленя саме з луком та лучним обладунком виглядає обґрунтованим як з позицій археологічних (зображення на стелах), практичних (специфіка кріплення), так і має лінгвістичне підтвердження у *Яшті* 10, *128* (жили оленя — матеріал для виготовлення тятиви) [7].

Втім, ці факти не пояснюють гіпертрофованості рогів оленя в мистецтві скіфів [8] (Раевский, Кулланда, Погребова 2016, табл. I—VII) (рис. 3) (Раевский, Кулланда, Погребова 2016, табл. II). Для інтерпретації їхньої семантики, можливо, слід звернутися до когнітивних і лінгвістичних даних щодо образу оленя в іраномовних народів. Відомо, що в осетинській

3. Тут і далі переклади Яштів надані за рукописом E1 (Kotwal, Hintze 2008).
4. Щодо цього терміну див.: Вертиенко 2016, с. 50.
5. В перекладі Т. Я. Єлізаренкової: «Она одевается у орла. Антилопа — её зуб. Подпоясанная коровьими (сухожилиями) летит она, когда (её) выпускают» (Елизаренкова 1999, с. 176).
6. Добірку аналогій див.: Раевский, Кулланда, Погребова 2016, табл. I.
7. Див. також: Вертиенко 2016, с. 50.
8. В цьому ж контексті є показовими епітети оленя в осетинському: «сторогий» та «вісімнадцятирогий» (ИЭСОЯ III, с. 11—12). В. І. Абаєв звертає увагу, що саме стільки відростків (9 пар) мають роги оленів на низці скіфських зображень (ИЭСОЯ III, с. 11).

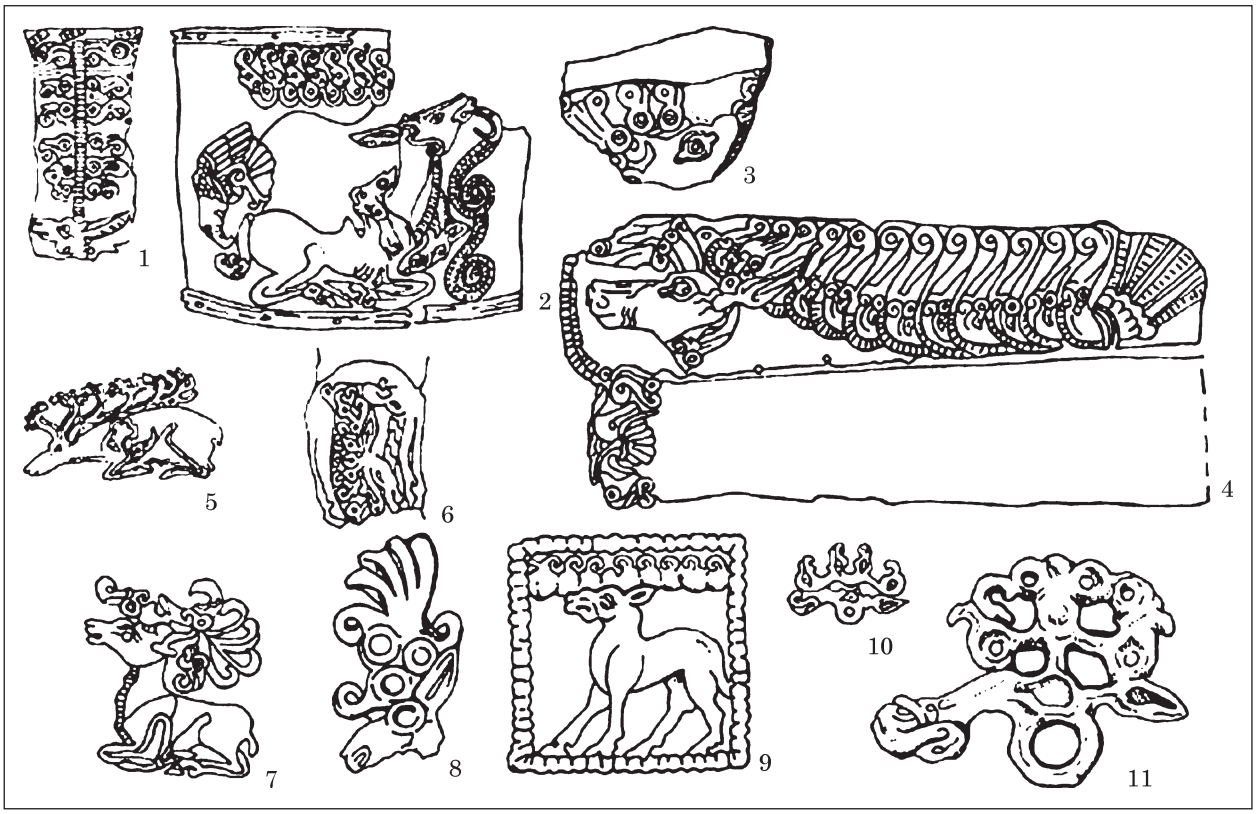


Рис. 3. Зразки гіпертрофованих зображень рогів оленя в мистецтві скіфів, за (Раевский, Кулланда, Погребова 2016, табл. II): 1 — Журовка, курган 401, обкладка посудини, золото; 2 — Іллічево, обкладка посудини, золото; 3 — Більське городище, ливарна форма; 4 — Єлізаветинський курган 1, обкладка піхов, золото; 5 — Аксютинці, пластина, золото; 6 — Новопривільне, зруйнований курган, ікло кабана; 7 — Ак-Мечеть, обкладка посудини, золото; 8 — Семибратній, курган 4, вуздечкова бляха, бронза; 9 — Уляп, курган 5, ритуальний комплекс, бляха, золото; 10 — Шалушка, вуздечкова низка, бронза; 11 — Уляп, курган 8, підвіска, бронза

культурі олень має дві базові конотації. З одного боку, олень — високопрестижна тварина для полювання (ИЭСОЯ III, с. 11—12), а з іншого, різноманітні традиційні порівняння людини (чоловіка) з оленем вказують на наявність в цього індивіда **сили**, **відваги**, **хвацькості**, **доброї вдачі** тощо (ИЭСОЯ III, с. 11) [1].

Ймовірно, що такі порівняння мають більш глибоке коріння і сягають давньоіранського пласту, пов'язаного з воїнськими культами, що зафіксовані лише в молодоавестійських текстах. Уже доведено, що ці тексти містять в собі архаїчні елементи, кристалізація яких припадає на першу половину I тис. до н. е. тобто цей процес є синхронним часу формування скіфського звіриного стилю. У мистецтві осілих іраномовних народів цього часу образ військового божества не отримав виразної візуалізації (Вертієнко 2017, с. 8—9). Саме військове середовище формувало естетичні та семантичні принципи скіфського мистецтва (Мелюкова 1989, с. 101), а зооморфні сюжети здебільшого прикрашали предмети озброєння та кінського спорядження (Кантарович 2014, с. 50), відповідно, закодованість в його сюжетах образу військового божества [2] є закономірним явищем [3].

Звертає на себе увагу давньоіранське поняття *ama-* ('Kraft, Stärke, Macht' — «сила, міцність, міць») (AirWb, Kol. 140—141), що наскрізно проходить через 14-й *Яшт*, який присвячено давньоіранському воїнському божеству Веретрагні. Ця «сила» з'являється з першими трьома його інкарнаціями (Вітром, Биком та Конем) та концентрується над головами тварин.

В *Яшті* 14, *2* [4], при перерахуванні абстрактних сутностей, що з'являються з першою іпостассю воїнського божества, третьою після *хварени* (*xᵛarəna-*) та зцілення (*baēšaza-*) наводиться *сила* (*ama-*):

... vātahe kəhrpa daršiiōiš srīrahe mazdaδātahe vōhu xᵛarənō mazdaδātəm

1. Варто згадати, що у схожих контекстах у слов'янській традиції для підкреслення міцного здоров'я та сили людини використовувалося порівняння з «биком» (наприклад: «здоров, як бик», «сильний, як бик»).

2. Див.: Бессонова 1983, с. 48—49.
3. Так, С. С. Бессонова припускає, що меч з Великої Білозерки міг бути жертвоприношенням богу війни, оскільки має на піхвах зображення кабана — однієї з іпостасей іранського бога війни (Бессонова 1984, с. 9, 10).
4. Див. також: Вертієнко 2015а, с. 49—50.

Варіанти перекладу *Яшту* 14, *7.1*

Джерело	Переклад
Kotwal, Hintze 2008, p. 414 (fol. 351v)	…*Yim upaire sruiie saṅaṯ* ***amō hutaštō huraoδō***…
Spiegel 1864, p. 104	…above whom by his hoofs floated **Strength the well-created, beautiful**…
Darmesteter 1883, p. 233	…upon whose horns floated **the well-shapen Strength, and Victory, beautiful of form**…
Harlez 1881, p. 508	…sur les sabots duquel reposait **la force bien constituée, à la belle taille**…
Wolff 1910, S. 259	…über dessen beiden Hörnern der schöngebaute schöngewachsene Ama sichtbar…
Соколова 2005, с. 361	…Над его обоими рогами был виден **Ама прекрасный, прекрасноликий**…
Malandra 1983, p. 83	…on whose horns was mounted **well-built, handsome Strength**…
Рак 1997, с. 343	…Таким, что над рогами Вздымались **Мощь и Сила**…
Pirart 2006, p. 163	…au-dessus des cornes d'or duquel montait la **force offensive, bien forgee et bien developpee**…

baraṯ ***xᵛarənō*** *mazdaδātəm* ***baēšazəm*** *uta* ***atəmca*** [1]…
… *в подобі Вітру потужного, гарного, Маздою створеного, благу хварену, Маздою створену, приніс* ***хварену***, *Маздою створену,* ***зцілення*** *і також* ***силу*** **…**

Можливо, лише ця інкарнація, що сама по собі є уособленням атмосферного явища і не матеріалізована, на відміну від інших втілень Веретрагни, має властивість переносити такі абстрактні сутності як ***хварена***, **зцілення** та **сила**.

В *Яшті* 14, *3* показовим є заміна імені божества епітетом «Найсильніший» (*amauuastəma-*) і далі Веретрагна звертаючись до Заратуштри мовить про шість якостей (сила, відважність, благодать, милість, користь, цілющість), в яких він найуспішніший. Першою називається сила-*ama*:

… āaṯ ahmāi [2] *amauuastəmō* [3]
ama aṃi [4] *amauuastəmō* [5] *vərəθra* [6] *aṃi vərəθrauuastəmō*
xᵛarəna aṃi xᵛarənaŋuhastəmō
Yāna [7] *aṃi Yānauuastəmō saoka* [8] *aṃi saokauuastəmō baēšaza aṃi baēšaziiōtəmō…*
… так цьому [9] Найсильніший (мовив):
силою є найсильніший, **відважністю** є найвідважніший,
благодаттю є найблагодатніший, **милістю** є наймилостивіший,
користю є найкорисніший, **цілющістю** є найбільш цілющий…

При описі другої інкарнації — Бика в *Яшті* 14, *7.1* [10], який виступає носієм сили-*ama*, при чому ця сила розміщується над його рогами та характеризується сталими епітетами *hutaštō huraoδō*:

… gāuš kəhrpa aršānahe srīrahe zarańiiō Yim upaire sruiie sańaṯ
amō hutaštō huraoδō *…*
… в подобі Бика гарного, золоторогого, над рогами якого бовваніла
Сила досконалої зовнішності …

Наведемо деякі варіанти перекладу цього місця в *Яшті* 14 у таблиці.

Той факт, що в осілих іранців бик — найшанованіша тварина, а в середовищі кочовиків скіфського часу культ бика не отримав відповідної сакралізації в мистецтві, можливо, свідчить, що саме олень перейняв на себе сакральні функції бика [11]. Відсутність образу оленя серед втілень воїнського іранського божества Веретрагни за Молодшою Авестою пояснюється тим, що цей текст був сформульований в середовищі саме осілих іранців. Той факт, що сила-*ama* за текстом 14-го *Яшта* має «досконалу зовнішність» (*hutaštō huraoδō*), наводить на думку, що традиція зображення оленів з гіпертрофованими рогами в скіфському

1. Термін *ama-* тут використаний з енклітичним сполучником (AirWb, Kol. 563, 570; Соколов 1964, с. 10; Эдельман 2009, с. 77).
2. *ahmāi* — «цей» (одн. ч. р. дав. в.), вказівний займенник ближнього ряду (Чунакова 2008, с. 94, 168).
3. *amauuastəmō* — найвищий ступінь прикметників, що утворюється додаванням закінчення *təma-* (Skjærvø 2007, p. 113).
4. *aḥ* — «бути» (Чунакова 2008, с. 95; Соколов 1964, с. 217—218).
5. *ama aṃi amauuastəmō* — ці три слова в тексті були випадково (?) пропущенні, а потім дописані у вертикальній приписці на полях (див.: Kotwal, Hintze 2008, p. 413 (fol. 350v); Вертієнко 2013, с. 35, мал. 1).
6. AirWb, Kol. 1420; Skjærvø 2003, p. 113.
7. AirWb, Kol. 1285.
8. AirWb, Kol. 1549.
9. Тобто, Заратуштрі.
10. Див. також: Вертієнко 2015а, с. 50.
11. Зазначимо, що зображення тварин-еквівалентів (бик / олень) не мало статусу взаємовиключення у скіфському мистецтві. Зокрема, у Братолюбівському кургані (МІКУ, інв. № З-4116: Золото… 1991, с. 318, 366—369, кат. 120d) було знайдено золотий конус, на якому у сценах шматування, поміж інших зооморфних персонажів, фігурують олень і бик (Кубышев, Бессонова, Ковалев 2009, с. 32 і наст.; с. 48—49, рис. 10; с. 52, рис. 10а; фото 1—13). Аналогії до доволі рідкісної сцени шматування бика хижаком див.: Кубышев, Бессонова, Ковалев 2009, с. 59—60; Кантарович 2015а, с. 518—521.

мистецтві може бути рефлексом уявлень щодо візуалізації воїнської категорії сили-*ata*.

Окрім Бика і наступне втілення воїнського божества в *Яшті* 14, *9.1* [1]. Кінь схожим чином є носієм сили-*ata*, в якого вона розміщується над чолом:

... aspahe kəhrpa aourušahe srīrahe zairigaošahe zaraniiō aiβiδānahe Yim upairi ainikəm sanaŋ ***atō hutaštō huraodō****...*
... в подобі Коня білого, гарного, жовтовухого, золото-вуздечного, над чолом якого бовваніла **Сила досконалої зовнішності**...

Оскільки кінь, на відміну від бика, рогів не має, то в нього сила-*ata* знаходиться безпосередньо над чолом [2]. Але при цьому зазначимо, що алтайські кочівники скіфського часу зближали образи коня та оленя (Черемисин 2008, с. 68 і наст.) [3]. Перш за все, привертає увагу знахідка у Першому Пазирицькому кургані шкіряного декоративного вбрання (маски) для голови коня у вигляді рогів оленя (морала) (Грязнов 1950, с. 38, рис. 16; с. 84, рис. 38; табл. XXIII; Черемисин 2008, с. 112, табл. XXI). Д. В. Черемисін вбачає у подібних діях бажання надати жертвенним тваринам більше сакральне значення, оскільки в і.-є. мовах вихідним значенням слова «дикий» було «божий» (Черемисин 2008, с. 74). У тюркських народів Саяно-Алтаю жертовні або присвячені божеству тварини, а також тварини, задіяні в космологічних уявленнях (кінь, бик, баран і козел) позначалися одним терміном *идик* (Потапов 1977, с. 169, 174; 1978, с. 32). Ми не можемо бути впевненими, що тотожність *кінь / олень* мала універсальний характер, втім зазначимо, що у культовій практиці тюркських народів Саяно-Алтаю *бура*, небесний кінь шаманів, вбачався як дика рогата тварина (марал або дикий козел), а надання коню рис дикого оленя зафіксоване в етнографії та фольклорі й інших тюркомовних народів (Черемисин 2008, с. 69; див. також: Потапов 1977, с. 164—178).

Після демонстрації божественних втілень в тексті *Яшту* в 14, *29.1* (=14, *31.1*; 14, *33.1*) надається опис якостей, які отримав від Веретрагни Заратуштра:

... ahmāi daθaŋ vərəθraγnō ahuraδātō ərəzōiš xå bāzuiå aojō tanuiō vīspaiiå druuatātəm tanuiō vīspaiiå vazduuarə aoт ca sukəm...
... Цьому [4] *надав Веретрагна, Ахурою створений: мошонці* [5] *джерела* [6], *рукам* [7] *міцності* [8], *тілу* [9] *всьому здоров'я* [10], *тілу всьому витривалість* [11] *та зір* [12]...

Рис. 4. Реконструкція головного вбрання, прикрашеного золотими бляшками у формі оленів з кургану 100 біля с. Синявка, кінець VII — початок VI ст. до н. е., МІКУ, інв. № 238—239, за (Reeder 2001, p. 150 (43))

Показово, що всі ці якості є складовими частинами повноцінного чоловічого здоров'я. Зазначимо, що у сучасному зороастризмі текст 14-го *Яшту* (*Бахрам-Яшту*) рецитується при ритуалі *Тандорості* (*tandorostī*) — «Здоров'я тіла» (Boyce 1977, p. 209—210; Choksy, Kotwal 2005, p. 238), а також здебільшого використовується при молитвах задля зцілення від хвороб або невдач (Boyce 1977, p. 259). Звертає увагу, що, по-перше, опис отримання якостей у наведеному фрагменті (14, *29.1*) починаються знизу і доходить до рівня очей, але не піднімається до чола і зони над ним, де, як зазначалося, на прикладі зооморфних втілень Веретрагни, концентрується сила-*ata*. Це можна пояснити тим, що Заратуштра жрець, і не може отримати суто воїнську якість (*ata*-), яка не личить йому за саном. Водночас *ata*- — це не тільки абстрактна категорія і божественна сутність, а й «рушійна сила» та «енергія», яка є невід'ємною якістю воїна.

Згадаємо, що, як зазначалося, полювання на оленя в іранській традиції виступало частиною воїнської ініціації [13], тобто символічно

1. Див. також: Вертієнко 2015а, с. 50—51.
2. Слід зазначити, що чоло вважається сакральною частиною в уявленнях багатьох кочових народів (Терлецкий 2009, с. 141).
3. Ми вдячні С. С. Бессоновій, яка звернула нашу увагу на цей матеріал і відповідну бібліографію.
4. Тобто, Заратуштрі.
5. AirWb, Kol. 352; пор., однак: Pirart 2006, p. 168, fn. 46.
6. AirWb, Kol. 531.
7. AirWb, Kol. 955.
8. AirWb, Kol. 39.
9. AirWb, Kol. 633.
10. AirWb, Kol. 782.
11. AirWb, Kol. 1391.
12. AirWb, Kol. 1582.
13. Див. прим. 3.

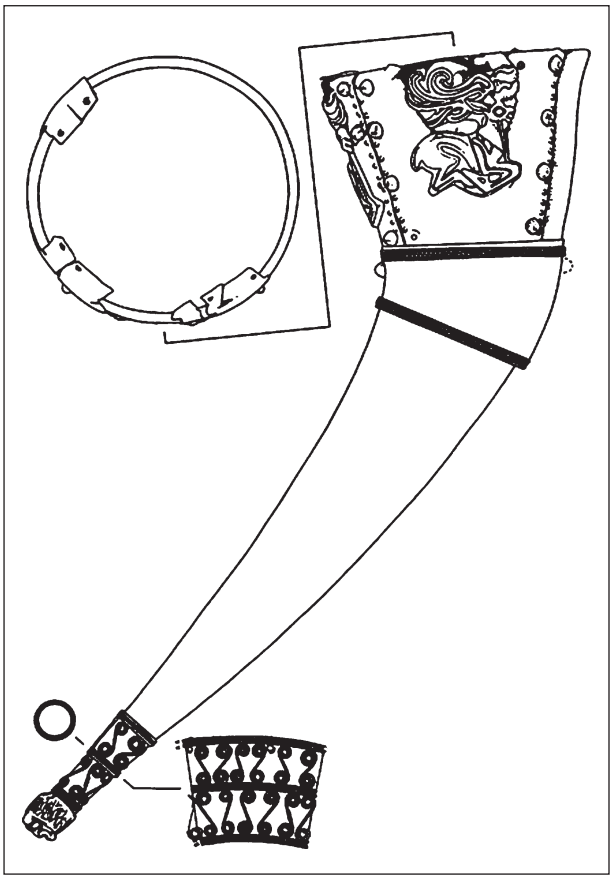


Рис. 5. Ритон з Братолюбівського кургану, друга чверть IV ст. до н. е., МІКУ, за (Кубышев, Бессонова, Ковалев 2009, с. 83, рис. 13)

ця тварина була максимально наближеною до воїнського страту. Взаємопов'язаність оленя з силою-*ата*, можливо, знайшла матеріальне відтворення також у тих місцях, де розміщувалися його зображення на скіфських витворах. Зокрема, звертає на себе увагу головне вбрання [1], прикрашене золотими бляшками у формі оленів з кургану 100 біля с. Синявка на Черкащині (рис. 4) (Reeder 2001, p. 150 (43)). Зображення тварини, що уособлювали силу-*ата*, у цьому випадку буквально розміщуються *над чолом*.

Пластини із зображеннями оленя також нерідко прикрашали дерев'яні чаші [2], подібні золоті пластини були оздобою двох ритонів: з Братолюбівського кургану [3] (рис. 5) (Кубышев, Бессонова, Ковалев 2009, с. 83, рис. 13; Бессонова 2009, с. 31, рис. 1) та кургану 13 біля с. Велика Знам'янка (Золото степу 1991, с. 318; 383 (кат. 120с); Reeder 2001, p. 243—244 (116)). Можна припустити, що (ритуальний?) напій, який пили с посуду, прикрашеного такими зображеннями, мав на меті наділення воїна силою-*ата*.

Резюмуючи вищесказане, стисло окреслимо наші спостереження.

Іранська назва «оленя» **gaṷaźna-* є компаундом і поєднує основу **gau* — «бик» і основу **aźna-*, утворену від дієслівного кореня *[1]*aź-* — «гнати, поганяти; вести». Це вказує на належність оленя і бика до одного класу тварин у картині світу іранських народів. Відповідно, у скіфському мистецтві, як і у мові, візуальний образ оленя, ймовірно, виступав семантичним еквівалентом образу бика, враховуючи незначну поширеність зображень останнього. За 14-м *Яштом* Молодшої Авести бик виступає як одне із втілень воїнського божества Веретрагни, при чому за текстом над його рогами локалізується сила-*ата* (*Яшт* 14, 7). Аналіз застосування терміну *ата* — в 14-му *Яшті* показує, що ця «сила» є якістю, притаманною воїнському божеству та воїнам. Інтерполяція цих даних на скіфські зображення (формування цього тексту і мистецтва звіриного стилю відбувалися синхронно) може пояснювати причину зображення гіпертрофованих рогів в оленів, що можуть в цьому випадку символізувати силу-*ата*, яка розташовується над чолом. Відповідно, витвори і предмети з такими зображеннями могли мати на меті наділення їхніх власників цієї силою і залучення їх до воїнського божества.

ЛІТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 1996. О так называемых «нащитных эмблемах» скифской эпохи. В: Пиотровский, Ю. Ю. (ред.). *Между Азией и Европой. Кавказ в IV—I тыс. до н. э.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 130-134.

Алексеев, А. Ю. 2012. *Золото скифских царей в собрании Эрмитажа*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Алексеев, А. Ю. 2014. Большие бляхи в виде животных — украшения скифских горитов. *История оружия. Альманах*, 10, с. 69-74.

Бессонова, С. С. 1983. *Религиозные представления скифов*. Киев: Наукова думка.

Бессонова, С. С. 1984. О культе оружия у скифов. В: Черненко, Е. В. (ред.). *Вооружение скифов и сарматов*. Киев: Наукова думка, с. 3-21.

Бессонова, С. С. 2009. Ритон из Братолюбовского кургана (к вопросу о датировке центрального захоронения). В: Бессонова, С. С. (ред.). *Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С. А. Скорого*. Киев, Полтава: Археолоія, с. 30-38.

Бессонова, С. С., Сиволап, М. П., Сиволап, Л. Г. 2014. Налобная золотая пластина IV в. до н. э. из Поросья. *Музейні Читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво: погляд крізь віки», Київ, Музей історичних коштовностей України, 18—20 листопада 2013 р.* Київ, с. 63-85.

Вертієнко, Г. В. 2013. Священні втілення Веретрагни в *Яшті* 14. В: Петрова, Ю. І., Приймаченко,

1. Реконструкція Л. С. Клочко.
2. На їхнє ритуальне призначення неодноразово вказували дослідники (Манцевич 1966, с. 23—38; Korolkova 2000, p. 61—64; Королькова 2003, с. 28—59; Бессонова 2009, с. 33—36; див. також: Вертієнко 2015, с. 99—100).
3. Див. докладніше: (Кубышев, Бессонова, Ковалев 2009, с. 84 і наст.; фото 24—26; Бессонова 2009, с. 30—38).

В. В. (ред.). *Polyphonia Orientis: мова, література, історія, релігія. До ювілею В. С. Рибалкіна*. Київ: Інститут сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України, с. 33-51.

Вертиенко, А. В. 2014. Образ вепря в иранской традиции — нарратив и визуализация. *Stratum plus*, 3, с. 271-280.

Вертієнко, Г. В. 2015. *Іконографія скіфської есхатології*. Київ: Інститут сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАНУ.

Вертієнко, Г. В. 2015а. «Хто серед безтілесних божеств найбільш озброєний?» (втілення Веретрагни за 14-м *Яштом*). *Археологія і давня історія України*, 2 (15): Старожитності раннього залізного віку, с. 48-54.

Вертиенко, А. В. 2016. «Лук Митры»: информативность авестийских источников для археологических исследований. В: Балахванцев, А. С., Кулланда, С. В. (ред.). *Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой, Москва, 25—27 апреля 2016 г.* Москва: Институт востоковедения РАН, с. 49-54.

Вертієнко, Г. В. 2017. Візуалізація образу воїнського божества в іранському світі. *XXI Сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції, м. Київ, 17—18 листопада 2017 р.* Київ, с. 8-9.

Гамкрелидзе, Т. В., Иванов, В. В. 1984. *Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры*. Тбилиси: ТбГУ, 1—2.

Грязнов, М. П. 1950. *Первый Пазырыкский курган*. Ленинград: Наука.

Елизаренкова, Т. Я. (пер., ред. и сост.). 1999. *Ригведа. Мандалы V—VIII*. Москва: Наука.

Золото степу. 1991. Київ, Шлезвіг: ІА НАНУ, Археологічний музей.

Канторович, А. Р. 2014. Скифский звериный стиль Восточной Европы и категории украшаемых зверей. *Феномен Більського городища — 2014*, с. 49-52.

Канторович, А. Р. 2015. Восточноевропейский скифский звериный стиль и предметы скифского вооружения. В: Лукьяшко, С. И. (ред.). *Война и военное дело в скифо-сарматском мире: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти А. И. Мелюковой, Кагальник, 26—29 апреля 2014 г.)*. Ростов-на-Дону, с. 69-73.

Канторович, А. Р. 2015а. *Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция*. Диссертация д-ра ист. наук. Москва.

Королькова, Е. Ф. 2003. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 36, с. 28-59.

Кубышев, А. И., Бессонова, С. С., Ковалев, Н. В. 2009. *Братолюбовский курган*. Киев: ИА НАНУ.

Манцевич, А. П. 1966. Деревянные сосуды скифской епохи. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 8, с. 23-38.

Мелюкова, А. И. 1989. Скифское искусство звериного стиля. В: Рыбаков, Б. А. (ред.). *Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, с. 100-103.

Михайлин, В. Ю. 2005. *Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции*. Москва: Новое литературное обозрение.

Подольский, М. Л. 2010. *Зверь, который был сам по себе, или Феноменология скифского звериного стиля*. Санкт-Петербург: ЭлекСис.

Потапов, Л. П. 1977. Конь в верованиях и эпосе Саяно-Алтая. В: Путилов, Б. Н. (ред.). *Фольклор и этнография: связь фольклора с древними представлениями и обрядами*. Ленинград: Наука, с. 164-178.

Потапов, Л. П. 1978. К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманизма. В: Окладников, А. П. (ред.). *Этнография народов Алтая и Западной Сибири*. Новосибирск: Наука, с. 3-36.

Раевский, Д. С., Кулланда, С. В., Погребова, М. Н. 2016. *Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля*. Москва: Институт востоковедения РАН.

Рак, И. В. (сост., ред., прим., справ.). 1997. *Авеста в русских переводах (1861—1996)*. Санкт-Петербург: Нева, РХГИ.

Соколов, С. Н. 1964. *Язык Авесты (учебное пособие)*. Ленинград: ЛГУ.

Соколова, В. С. 2005. *Авеста. Опыт морфологической транскрипции и перевод*. Санкт-Петербург: Наука.

Терлецкий, Н. С. 2009. Некоторые атрибуты мусульманских мест паломничества и поклонения (к вопросу о функциях и символизме туга). *Центральная Азия: Традиция в условиях перемен*, II, с. 112-149.

Черемисин, Д. В. 2008. *Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения Пазырыкской культуры: семантика звериных образов в контексте погребального обряда*. Новосибирск: ИАЭ СО РАН.

Чунакова, О. М. 2008. *Хрестоматия по авестийскому языку*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

Эдельман, Д. И. 2009. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Лексика*. Москва: Наука.

Boyce, M. 1977. *A Persian Stronghold of Zoroastrianism*. Oxford: Clarendon Press.

Choksy, J. K., Kotwal, F. M. 2005. Praise and Piety: Niyāyišns and yašts in the History of Zoroastrian Praxis. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*, 68, 2. p. 215-252.

Darmesteter, J. 1883. *The Zend-Avesta*, II: The Sîrôzahs, Yasts, and Nyâyis. Oxford: Clarendon Press. Sacred Books of the East, 23.

de Harlez, C. 1881. *Avesta. Livre* Secré *du Zoroastrisme*. Paris: Maisonneuve. Bibliothèque Orientale, V.

Kotwal, F. K., Hintze, A. 2008. *The Khorda Avesta and Yašt Codex E1. Facsimile Edition*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Korolkova, E. 2000. Ritual Vessels of the Nomads. In: Aruz, E. (ed.). *The Golden Deer of Eurasia. Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Stepps. The State Hermitage, Saint-Petersburg, and the Archaeological Museum, Ufa*. New York: Metropolitan Museum of Art, p. 61-64.

Malandra, W. W. 1983. *An Introduction to Ancient Iranian Religion. Readings from the Avesta and Achaemenid Inscriptions*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Pirart, É. 2006. *Guerriers d'Iran. Traductions annotées des textes avestiques du culte zoroastrien rendu aux dieux Tistriya, Miθra et Vrθragna*. Paris: L'Harmattan.

Reeder, E. D. (ed.). 2001. *L'Or des Rois Scythes*. Paris: Réunion des Musées Nationaux.

Skjærvø, P. O. 2003. *An Introduction to Young Avestan*. Harvard.

Spiegel, Fr. 1864. *Avesta. The Religious Books of the Parsees*. Hertford: Stephen Austin, I—III.

Wolff, Fr. 1910. *Avesta. Die Heiligen Bücher der Parsen*. Strassburg: Karl J. Trübner.

REFERENCES

Alekseyev, A. Yu. 1996. O tak nazyvayemykh «nashchitnykh emblemakh» skifskoy epokhi. In: Piotrovskiy, Yu. Yu. (ed.). *Mezhdu Aziyey i Evropoy. Kavkaz v IV—I tys. do n. e.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvenyy Ermitazh, s. 130-134.

Alekseyev, A. Yu. 2012. *Zoloto skifskikh tsarey v sobranii Ermitazha*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyy Ermitag.

Alekseyev, A. Yu. 2014. Bolshiye blyakhi v vide zhivotnykh — ukrasheniya skifskikh goritov. *Istoriya oruzhiya. Almanakh*, 10, s. 69-74.

Bessonova, S. S. 1983. *Religioznyye predstavleniya skifov*. Kiev: Naukova dumka.

Bessonova, S. S. 1984. O kul'te oruzhiya u skifov. In: Chernenko, E. V. (ed.). *Vooruzhenie skifov i sarmatov*. Kiev: Naukova dumka, s. 3-21.

Bessonova, S. S. 2009. Riton iz Bratolyubovskogo kurgana (k voprosu o datirovke tsentral'nogo zakhoroneniya). In: Bessonova, S. S. (ed.). *Epokha rannego zheleza. Sbornik nauchnykh trudov k 60-letiyu S. A. Skorogo*. Kiev, Poltava: Arheologija, s. 30-38.

Bessonova, S. S., Sivolap, M. P., Sivolap, L. G. 2014. Nalobnaya zolotaya plastina IV v. do n. e. iz Poros'ya. *Muzeyni Chitannya. Materialy naukovoyi konferentsii «Yuvelirne mistetstvo: poglyad kriz viky», Kyiv, Muzey istorichnikh koshtovnostey Ukrainy, 18—20 lystopada 2013 r*. Kyiv, s. 63-85.

Vertiienko, H. V. 2013. Svyashchenni vtilennya Veretragni v *Yashti* 14. In: Petrova, Yu. I., Priymachenko, V. V. (ed.). *Polyphonia Orientis: mova*, *literatura*, *istoriya*, *religiya. Do yuvileyu V. S. Ribalkina*. Kyiv: Institut skhodoznavstva im. A. Yu. Krims'kogo NAN Ukrainy, s. 33-51.

Vertiienko, A. V. 2014. Obraz veprya v iranskoy traditsii — narrativ i vizualizatsiya. *Stratum plus*, 3, s. 271-280.

Vertiienko, H. V. 2015. *Ikonografiya skifskoyi eskhatologyi*. Kyiv: Institut skhodoznavstva im. A. Yu. Krimskogo NAN Ukrajiny.

Vertiienko, H. V. 2015a. «Khto sered beztilesnikh bozhestv naybilsh ozbroyenyi?» (vtilennya Veretragny za 14-m *Yashtom*). *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrayiny*, 2 (15): Starozhitnosti rannogo zaliznogo viku, s. 48-54.

Vertiienko, A. V. 2016. «Luk Mitry»: informativnost avestiyskikh istochnikov dlya arkheologicheskikh issledovaniy. In: Balakhvantsev, A. S., Kullanda, S. V. (ed.). *Kavkaz i step na rubezhe epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati M. N. Pogrebovoy, Moskva, 25—27 aprelya 2016 g*. Moskva: Institut vostokovedenia RAN, s. 49-54.

Vertiienko, H. V. 2017. Vizualizatsiya obrazu voinskogo bozhestva v iranskomu sviti. *XXII Skhodoznavchi chitannya A. Krimskogo. Tezi dopovidey mizhnarodnoi naukovoi konferentsii, m. Kyiv, 17—18 lystopada 2017 r*. Kyiv, s. 8-9.

Gamkrelidze, T. V., Ivanov, V. V. 1984. *Indoyevropeyskiy yazyk i indoyevropeytsy. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskiy analiz prayazyka i protokultury*. Tbilisi: TbGU, 1—2.

Gryaznov, M. P. 1950. *Pervyy Pazyrykskiy kurgan*. Leningrad: Nauka.

Elizarenkova, T. Ya. (per., red. i sost.). 1999. *Rigveda. Mandaly V—VIII*. Moskva: Nauka.

Zoloto stepu. 1991. Kyiv, Schlezvig: IA NANU, Arkheologichniy muzey.

Kantorovich, A. R. 2014. Skifskiy zverinyy stil Vostochnoy Evropy i kategorii ukrashayemykh verey. *Fenomen Bilskogo gorodishcha — 2014*, s. 49-52.

Kantorovich, A. R. 2015. Vostochnoyevropeyskiy skifskiy zverinyy stil i predmety skifskogo vooruzheniya. In: Luk'yashko, S. I. (ed.). *Voyna i voyennoye delo v skifo-sarmatskom mire: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati A. I. Melyukovoy (Kagalnyk, 26—29 aprelya 2014 g.)*. Rostov-na-Donu, s. 69-73.

Kantorovich, A. R. 2015a. Skifskiy zverinyy stil Vostochnoy Evropy: klassifikatsiya, tipologiya, khronologiya, evolyutsiya. Dissertatsiya d-ra ist. nauk. Moskva.

Korolkova, E. F. 2003. Ritualnyye chashi s zoomorfnym dekorom v kulture rannikh kochevnikov. *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 36. s. 28-59.

Kubyshev, A. I., Bessonova, S. S., Kovalev N. V. 2009. *Bratolyubovskyi kurgan*. Kiev: IA NANU.

Mantsevich, A. P. 1966. Derevyannyye sosudy skifskoy epokhi. *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 8, s. 23-38.

Melyukova, A. I. 1989. Skifskoye iskusstvo zverinogo stilya. In: Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologiya SSSR. Stepi Evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya*. Moskva: Nauka, s. 100-103.

Mikhaylin, V. Yu. 2005. *Tropa zverinykh slov: Prostranstvenno oriyentirovannyye kul'turnyye kody v indoyevropeyskoy traditsii*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye.

Podolskiy, M. L. 2010. *Zver, kotoryy byl sam po sebe, ili Fenomenologiya skifskogo zverinogo stilya*. Sankt-Peterburg: ElekSis.

Potapov, L. P. 1977. Kon v verovaniyakh i epose Sayano-Altaya. In: Putilov, B. N. (ed.). *Folklor i etnografiya: svyaz folklora s drevnimi predstavleniyami i obryadami*. Leningrad: Nauka, s. 164-178.

Potapov, L. P. 1978. K voprosu o drevnetyurkskoy osnove i datirovke altayskogo shamanizma. In: Okladnikov, A. P. (ed.). *Etnografiya narodov Altaya i Zapadnoy Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, s. 3-36.

Rayevskiy, D. S., Kullanda, S. V., Pogrebova, M. N. 2016. *Vizualnyy folklor. Poetika skifskogo zverinogo stilya*. Moskva: Institut vostokovedeniya RAN.

Rak, I. V. (sost., red., prim., sprav. razd.). 1997. *Avesta v russkikh perevodakh (1861—1996)*. Sankt-Peterburg: Neva, RHGI.

Sokolov, S. N. 1964. *Yazyk Avesty (uchebnoye posobiye)*. Leningrad: LGU.

Sokolova, V. S. 2005. *Avesta. Opyt morfologicheskoy transkriptsii i perevod*. Sankt-Peterburg: Nauka.

Terletskiy, N. S. 2009. Nekotoryye atributy musulmanskikh mest palomnichestva i pokloneniya (k voprosu o funktsiyakh i simvolizme tuga). *Tsentralnaya Aziya: Traditsiya v usloviyakh peremen*, II, s. 112-149.

Cheremisin, D. V. 2008. *Iskusstvo zverinogo stilya v pogrebalnykh kompleksakh ryadovogo naseleniya Pazyrykskoy kultury: semantika zverinykh obrazov v kontekste pogrebalnogo obryada*. Novosibirsk: IAE SO RAN.

Cpunakova, O. M. 2008. *Khrestomatiya po avestiyskomu yazyku*. Sankt-Peterburg: SPbGU.

Edel'man, D. I. 2009. *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov. Leksika*. Moskva: Nauka.

Boyce, M. 1977. *A Persian Stronghold of Zoroastrianism*. Oxford: Clarendon Press.

Choksy, J. K., Kotwal, F. M. 2005. Praise and Piety: Niyāyišns and yašts in the History of Zoroastrian Praxis. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, *University of London*, 68, 2. p. 215-252.

Darmesteter, J. 1883. *The Zend-Avesta*, II: The Sîrôzahs, Yasts, and Nyâyis. Oxford: Clarendon Press. Sacred Books of the East, 23.

de Harlez, C. 1881. *Avesta. Livre* Secré *du Zoroastrisme*. Paris: Maisonneuve. Bibliothèque Orientale, V.

Kotwal, F. K., Hintze, A. 2008. *The Khorda Avesta and Yašt Codex E1. Facsimile Edition*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Korolkova, E. 2000. Ritual Vessels of the Nomads. In: Aruz, E. (ed.). *The Golden Deer of Eurasia. Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Stepps. The State Hermitage*, *Saint-Petersburg*, *and the Archaeological Museum*, *Ufa*. New York: Metropolitan Museum of Art, p. 61-64.

Malandra, W. W. 1983. *An Introduction to Ancient Iranian Religion. Readings from the Avesta and Achaemenid Inscriptions*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Pirart, É. 2006. *Guerriers d'Iran. Traductions annotées des textes avestiques du culte zoroastrien rendu aux dieux Tistriya*, *Miθra et Vrθragna*. Paris: L'Harmattan.

Reeder, E. D. (ed.). 2001. *L'Or des Rois Scythes*. Paris: Réunion des Musées Nationaux.

Skjærvø, P. O. 2003. *An Introduction to Young Avestan*. Harvard.

Spiegel, Fr. 1864. *Avesta. The Religious Books of the Parsees*. Hertford: Stephen Austin, I—III.

Wolff, Fr. 1910. *Avesta. Die Heiligen Bücher der Parsen*. Strassburg: Karl J. Trübner.

H. V. Vertiienko

«ABOVE THE HORNS IS THE POWER OF PERFECT APPEARANCE» (to the Image of Deer in Scythian Art)

The article deals with the problem of depicting hypertrophied horns of deer in the works of Scythian art through the prism of Iranian representations of visualization of the military category of *ama*-power inherent in the Ancient Iranian military deity Verethragna. The Iranian name of a «deer» **gaṷaźna* — is a compound and combines the stem **gau*- «bull» and the stem **aźna*-, formed from the verbal root * ^{1}*aź*- «to drive, lead». This indicates the belonging of a deer and a bull to one class of animals in the world view of the Iranian peoples. Accordingly, in Scythian art, as in a language, the visual image of a deer probably served as the semantic equivalent of the image of a bull, given the insignificant prevalence of the latter's images. According to the *Yasht* 14 of the Young Avesta, the bull acts as one of the embodiments of the military deity Verethragna and in the text above the horns the *ama*-power is localized (*Yt* 14, *7*). The analysis of the use of the term *ama*- in the *Yasht* 14 shows that this «power» is a feature inherent exclusively to the military deity and the worriers. The interpolation of these data to Scythian art (the formation of this text and the art of the animal style occurred synchronously) can explain the reason for the image of hypertrophied horns of a deer, which can in this case symbolize the *ama*-power that is located above the brow. Accordingly, works and objects with such images could have as their goal the allotment of their owners with this power and familiarization with the military deity.

Keywords: deer, bull, *Yashts*, Scythians, Scythian art.

Одержано 22.01.2018

ВЕРТІЄНКО Ганна Володимирівна, кандидат історичних наук, науковий співробітник відділу Євразійського степу Інституту сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України, вул. М. Грушевського 4, Київ, 01001, Україна, *vertana77@gmail.com*.

VERTIIENKO Hanna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, A. Yu. Krymskyi Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of Ukraine, M. Hrushevskogo str. 4, Kyiv, 01001, Ukraine, *vertana77@gmail.com*.

УДК: [904:80]”6383”

D. Braund

ANALOGY, POLARITY AND MORALITY IN SCYTHIAN *HIPPAKE*: REFLECTIONS ON HERODOTUS, (*HISTORIES* 4. 2)

This paper has two principal purposes. First, in section 1, I offer some very general points about how we may best understand Greek treatments of Scythian themes. It is argued that the tendency to stress the difference (even polarity) between Greeks and Scythians should be balanced and at least contextualised by consideration of similarities and analogies too. In the second part, it is argued in detail that the milking of horses was by no means strange to Greeks, even though Greeks made much less use of horse milk, and preferred to consume it in liquid form and not as cheese (hippake).

Keywords: *Northern Black Sea region, Scythia, Greek, hippake, auloi Herodotus.*

1. GENERAL REMARKS

In the study of Scythia and Scythians the usual gap or «poor fit» between archaeological data and written evidence is especially troublesome. For, while archaeology concerns the peoples of the northern Black Sea region in a very direct way, our written sources come from a very different environment. The authors of these texts were not only Greeks themselves, but (perhaps more important) were also writing for Greeks. Furthermore, and perhaps most important of all, they and their intended audiences were part of a culture that was far removed from the Black Sea, except in a very few cases. Only rarely did they have or claim to have any direct experience of Scythia or even of the Greek settlements around the Black Sea. This matters enormously, especially because these writers were therefore engaged in a creative (and not just descriptive) process which looked, Janus-like, in two different directions. On the one hand, such writers sought to understand the Scythian world and show it to their audiences and readers, in whatever spirit. On the other hand, however, they had also to create their works in a (broadly Greek and Mediterranean) cultural tradition in which Scythia and Scythians already had a reputation (further, Skrzhinskaya 1998). And that reputation (which might be simple or complex) had been forged and established within their Mediterranean culture (s), often with little or no knowledge or even concern for Scythian «realities». The Greek creation of Anacharsis is a fine example of that process (e. g. Kindstrand 1981; Ungefehr-Kortus 1996; Schubert 2010). The striking fact is that when we begin to have written texts from Greek culture in the archaic period (Homer, Hesiod etc.), we find Scythia and Scythians already embedded in that culture, whether or not the term Scythia or the like is used.

All this is not doubt very inconvenient, especially for those who are not willing or prepared to tackle the many-sided problems of Greek culture. It would certainly be much easier for scholars if they could simply cut bits of information, statements and short sentences from our Greek texts, and then apply them to Scythia and its archaeology. In fact, that has often been the method used by archaeologists in all regions of the ancient world, but there is something obviously and profoundly unsatisfactory about such a method, in which enormous care is taken properly to handle archaeological data, on the one hand, but little or no such care is devoted to understanding the texts which are used to explain its significance and more (my disagreements with Müller 2010 mostly arise from this issue). At the same time, we must be very clear that our ethnic terminology is only helpful and applicable to a limited extent. A familiar problem in Scythian studies is that the term «Scythian» is applied to an extraordinary range of different cultures, across an enormous geographical expanse. Nomadism is often taken to be characteristic of Scythians, but of course there are many kinds and degrees of pastoralist activity that may be termed «nomadism»,

© D. BRAUND, 2018

while the inhabitants of the huge settlements, for example, of the wooded steppe (Bel'sk and the rest) were hardly nomads, but are routinely called «Scythians», nevertheless. Geographically, we can hardly be comfortable with a terminology which makes Scythians of peoples who stretch from Centra Europe almost to Japan, and across Central Asia into the Indian subcontinent. This terminology is at root the creation of Greek culture, extended by subsequent scholarship. Already in the fifth century BC, of course, Herodotus showed the weakness of this crude terminology and tried to do better, stressing for example that this was Greek terminology and that Scythian ethnicity was something to be tested and contested in the region itself (Herod., 4. 6 is especially clear). His direct experience of at least a small corner of the region at Olbia helps to explain his attempt to create more nuance in Greek perceptions of Scythia and Scythians. At the same time, he also knew full well, as we too should remember, that Greek ethnicity was also a many-sided and complex issue. Athenians, Spartans and many more constituted a range of very different ways of being Greek. Although Herodotus is not much interested in Greeks of the Black Sea (except insofar as they connect with Scythains, his primary concern in Book Four of his *Histories*), he is careful to indicate when the views and beliefs of Black Sea Greeks differ substantially from those of Greeks elsewhere, as notably in their treatment of Heracles (esp. Herod., 4. 8—10). It is worth stressing that Greeks not only differed among themselves in very many ways, but were also prone to mutual disdain and outright hostility, both in the Greek mainland and beyond, as in the Black Sea itself.

Much of this may seem obvious, but the truth is that a great deal of scholarship goes about its business in complete neglect of these fundamentals. Complexity may be unwelcome and inconvenient, but any study of the ancient world that seeks a depth of understanding must embrace and work with its reality. The habit of contrasting Greek and Scythian is almost a founding principle of ancient studies, often enshrined in institutional and departmental divisions. There are good reasons for this, but we must also be aware that we are reproducing in this simple, polarised contrast the broadly Greek perception that was already unsatisfactory (if also inescapable) for Herodotus, who observes the interplay between Greeks and Scythians in a range of ways, including the existence of Greek Scythians (Herod., 4. 17, the Callippidae) and the gone-native Greeks of Gelonus (Herod., 4. 108—110). He shows us a world in which the polarity of Greek and Scythian may be useful for interpretation and discussion, but which is in reality an environment of interaction and exchange, even if that might entail friction (further, Braund 2008). Famously he shows Scythian hostility to the adoption of the cults of Dionysus and Cybele, apparently to illustrate a broader Scythian resistance to Greek culture (Herod., 4. 76). However, it is worth stressing that these were also cults known among Greeks too (Munn 2006) as dangerous arrivals from outside (as Herodotus knew). As, for example, Euripides shows in his *Bacchae*, resistance to Dionysiac cult was key to its very identity: this was a god whose arrival was met with a mixture of suspicion, hostility and prurience among Greeks, not least because of the nature of his rites. Here and elsewhere, the god uses his overwhelming power (which includes much more than simple force) to undermine, ridicule and punish the human powers that fail to embrace him. At Athens, the fact that this and similar tales (notably about Thracian Lycurgus: Braund 2001; Shaub 2007) were celebrated at the very festivals of Dionysus, shows clearly enough how these notions of human resistance and divine conquest were integral to Dionysiac cult in the city. At Olbia, this tale of Scythian resistance was no doubt part of the civic treatment of Dionysus, as it was in Athens and elsewhere across Greek culture (further Braund 2008). In one sense, therefore, Dionysus' cult marks a gulf between Scythians and Greeks, especially as understood at Olbia, but in a way that might be imagined entirely amomg Greeks (as at Euripidean Thebes), while, at the same time, the examples of Scyles and Anacharsis (on Cybele) show how ethnicity need not be a conclusive factor in human-divine interactions. Clearly, these very Olbian stories show the importance (not least for the Olbiopolitans) of the contrast and distinction between Greeks and Scythians, but even while they do that they also illustrate the limited importance of that same distinction. There was also the considerable extent to which a neglect of Dionysus might be much less problematic among non-Ionian Greeks. The awkward fact is that much-bruited polarity between Scythian and Ionian (whether Olbia or Athens) was accompanied by a good deal of analogy between Scythian and Dorian (as Herodotus saw: Braund 2004).

2. MORALITY, THE AULOS AND *HIPPAKE*

With these broad problems very much in mind, we may proceed to the much-discussed phenomenon of *hippake*. It is not my concern here to repeat all that we know about the term and the substance. Instead, I wish to make a single point about the tendency (ancient and modern) to identify *hippake* as a key feature of the polarity of Scythians and Greeks. In doing so, it is my intention also to illustrate by this example the limited value of such polarised thinking as well as the relevance of what has been called the «Scythian mirage» (Lévy 1981; Ivanchik 1999).

The Scythians' special relationship with horses appears everywhere in Greek ideas and statements about them. Herodotus, for example, affirms that Scythian (men) are all mounted archers. There can be no doubt about his Greek: he specifies that they are *all* archers on horseback (Herod., 4. 46). The claim is a little strange, not only because Scythian art seems to show us Scythians fighting on foot (as the famous comb from Solokha, for one example),

but also because his own account seems to suggest more than mounted archers, as when he describes the Scythians fighting the slaves' sons (4. 3) or drawn up for battle against Darius (Herod., 4. 134). Therefore, there is no reason to suppose that Herodotus is simply mistaken in seeing all Scythians as mounted archers. The more likely explanation is that he means that Scythians in general have the ability and potential to fight as mounted archers, even though (as archaeology demonstrates) they may fight in other ways too. It is perhaps unreasonable to press our author too hard about his use of «all», either here or at 4. 2, when his statement that Scythians blind all their slaves must be understood with obvious exceptions made, e. g. for slaves to be sold on to Greeks and others.

It is also likely that Herodotus' possibly-misleading statement about equestrianism arises from the more fundamental contrast between the role of the horse (and also the archer: Chernenko 1981; Lissarrague 1990) in Greek and Scythian society. While the horse was a central and widespread feature of Scythian society and economy, in Greek society it was the characteristic possession of the most wealthy and powerful. In short, while every Scythian might have a horse (at least in principle), every Greek certainly did not and could hardly dream of it. For Greeks (including Herodotus and his readers) it was a profoundly strange feature of Scythian society that horses were commonplace and not the markers of privilege, except in the sense that wealthy and powerful Scythians might have more and better horses than their poorer counterparts. Greeks understood the economics of keeping horses, so that Herodotus does not quite take the trouble to explain that horse-keeping too was part of what he presents as the Scythian development of a lifestyle that was peculiarly appropriate to the steppe environment, where horses were also of course key to the mobility that he does trouble to stress (Herod., 4. 46). It was obvious enough to any Greek (and need not be said) that the difference between Greeks and Scythians in the matter of horse-keeping was a consequence of the different availability of grass in the places where these two peoples tended to live. The Hippocratic *Airs*, *Waters*, *Places* expands at leg on these matters precisely because of its environment-centred agenda and its tendency to compare north (Scythia) and south (Libya) with Greece, on which more below. On the Greek mainland, good grass — and so food for horses — was in limited supply and so the preserve of the wealthy (further, Xenophon, *Art of horsemanship*), but in Scythia grass was everywhere. In broad terms (for we are dealing in generalities), the different social significance and presence of horses among Greeks and Scythians was part of a more fundamental difference in environment (such as stressed in the *Airs*, *Waters*, *Places*) and in the nature of land-use and ownership, about which Greeks have little in detail to say on Scythian practice (though generalities were not rare: e. g. Strabo, 7.3.7).

In Scythia (probably even more than among Greeks) it was also the decoration of horses that set individuals apart. This included forms of decoration that were by no means normal to Greek culture, most strikingly the suspension of human scalps and even the conveyance of reconstructed bodies of enemies (Herod., 4. 7 etc.). We may see such ghastly dйcor as the display of conquest and power that would be expressed differently among Greeks, not least in the public buildings and art which were alien to Scythian culture. One suspects that the display of victory (and the status that came with it; cf. Herod., 4. 66) was all the more striking when the vehicle of display (the horse) was also the means of victory. At the same time, however, the important point for the present discussion is that Greeks were also in the habit of decorating their horses so as to display their wealth and status (Moore 2004; Griffith 2006; Mrva-Montoya 2013). In short, Greeks shared in broad tendencies in Scythian society, even though the ways in which these tendencies manifested themselves were different, and sometimes very strikingly so. We see this again in sacrifice, for Herodotus reports that the horse was the animal most frequent offered for sacrifice among Scythians (Hdt. 4. 61), while among Greeks horse sacrifice was also to be found, but far less commonly (Burkert 1983). We may wonder how many of the horses sacrificed by Scythians were for the deity whom the Scythians, it seems, equated with Poseidon (Hdt. 4. 59). A Greek view of the horse's importance among Scythians might very well include thoughts and interpretation of Scythian belief in terms of Poseidon. For in the Greek context Poseidon was exceptional as the only one of the principal gods to be imagined and depicted on horseback (among lesser deities, one may consider the Dioscuri, for example). However, his associations with horses in Greek culture are much more extensive than that (Eaverly 1995, s. 56—59). Presumably the Scythian elite became aware of the Greeks linkage of Poseidon to the horse, as well as other aspects of nature, including earthquakes and of course the sea. We are left to reflect upon the Greek-Scythian interactions that may lie behind the decision of rich Scythians to decorate horses and other key possessions with fish (as with the famous frontal from Solokha; cf, the shield (?) that bore the fish found in the treasure at Vettersfelde). Are we indeed seeing here such interaction (clearer with Achilles, for example), or did Scythians have their own, independent conceptions of the appropriateness of a fish to a horse, with or without a deity that looked in some sense like Poseidon? We may ask the question, but this is not the place to go further into Scythians beliefs (further, Bessonova 1983; 2004).

These are enormous questions and uncertainties, within which we must try to understand Scythian culture in its many aspects, as well as Greek perceptions of it. However, even a superficial glance at these issues provides a useful context for the matter of *hippake* not only in Greek perceptions of Scythians, but also in Greek medical theory and practice.

At the same time, all this tends to explain the apparently strange way in which Herodotus chooses to approach the Scythians and Darius' failed attempt to conquer them. For, after briefly reminding his audience of earlier events that he had described in his first book (the short Scythian conquest of Asia), Herodotus immediately raises the matter of *hippake*. We are now in a position to understand that he does this (at least in substantial part) because the Scythians were known in Greek culture for their milking of horses, and all that attended that process. Already in Homer and Hesiod, they are horse-milkers (Homer does not call them Scythians: further Ivanchik 1999). By introducing in this way Scythian culture as a whole (not simply the specific tale of conquest in his first book), Herodotus began his lengthy disquisition from a point with which his Greek audience was broadly familiar, before launching into a mass of much less familiar and sometimes appalling detail. Here at 4. 2 Herodotus has brought together the familiar Scythian horse-milking and his earlier conquest-narrative by setting slaves at the centre of his picture, and the reported Scythian habit of blinding all slaves «because of the milk». Immediately we recall the cruelty of Scythian rule in Asia, and the mutilation of slaves may prepare us also for the dissection to come. Meanwhile we may (like many scholars) initially be puzzled by the connection between slave-blinding and milk. As the text unfolds, however, we find that Herodotus has quietly opened one of his main themes in his account of Scythia, namely that Scythians are pastoralists (not agriculturalists) and, by extension, that pastoralism has different requirements. In this pastoral world blind slaves are useful in a way that was hard to predict for an agriculturalist.

To milk a horse is far more difficult than to milk a cow, sheep or goat, for the animal does not release its milk easily. Different cultures have developed their own methods to meet this problem, among which the use of bone pipes, as described by Herodotus is hard to parallel (West 1999, who rightly observes that discoveries of bone pipes need have no link to milking). It seems an awkward method. Stephanie West has drawn important attention to the fact that other nomads find it sufficient simply to blow into the mare, without the use of such a pipe (West 1999). In Mongolia I have witnessed another simple method, which entails bringing the foal close to the horse and letting it feed a little before collecting the bulk of the milk in a bucket, unknown to the mother. Had Herodotus witnessed the use of a pipe? Or had he been told of it, perhaps orally in Olbia, for example, or by some written account. We can never know, but two considerations may lead us to doubt that Herodotus had seen the process. First, the simple fact that, although he had conversations with Scythians and those who knew of Scythians, and had also read about the region and its cultures, he does little to suggest that he had spent much time among Scythians themselves. There is only any hint of that in his treatment of Exampaeus, not so far from Olbia. Second, it may very well be important that the pipe is compared with an *aulos*. Especially so, since the comparison is rather otiose: there is only one shape that a bone pipe can really take, so that menton of the aulos is unnecessary. Moralism may be the key to grasping its inclusion here. For this musical pipe was the most characteristic instrument of the Greek symposium. For that very reason there was a moralistic tendency among Greeks to reject the aulos as one of the inappropriate aspects of symposium culture (further, Wilson 1999). Scythians were brought into that discourse, both as examples of a different symposium culture and as individuals (most often Anacharsis) who explicitly reject Greek forms of the symposium. We may recall the tale of the Scythian king Ateas who preferred the neighing of his horse to the best aulos melodies (Gardiner-Garden 1989, s. 33). At the same time, all this may also be understood as part of the complex Scythian relationship with Dionysus and wine, which should be understood as more a matter of sobriety than of drunkenness (Braund 2008). Again these are enormous matters, but the key point for the present discussion is that Herodotus' dubious report of the Scythian use of pipes for milking might have arisen out of the quite common notion that they rejected Greek symposium culture, very possibly a (doubtless Greek) claim that Scythians used their pipes not for entertainment at symposia, but for milking their horses.

A further matters of importance arises from this opening of Book Four: the use of blind slaves. Both close attention to Herodotus' Greek (well expressed in Russian at *SC* 1. 10) and a moment's reflection on practicalities show that he does *not* mean — as many have thought (even Thomas 2000, p. 57—9; but not West 1999, p. 78) — that blind slaves were used to insert bone pipes into mares, nor to collect the milk. To do these jobs the ability to see was surely crucial: while a congenitally blind person might manage well, a blinded slave was unlikely to be sufficiently dexterous to insert a pipe into even the most docile of horses. Moreover, Herodotus is explicit: the blind slaves are given the job that follows, which involves no great skill and a great deal of mundane and repetitive labour. The Scythians themselves extract the milk and then place (their new blindness made movement difficult) the blind slaves — as if they were machines — in positions where they can agitate it. It is only these wretched individuals whom our author describes as blind, while the Scythians are the milkers. The second matter of importance is the explanation which Herodotus seems to attribute to the Scythians. It has been noticed that their reported explanation of how inflation helps milking accords with contemporary Greek medical science (Thomas 2000, p. 59). That should not surprise us overmuch. In Herodotus' view the Scythian engagement with nature that has produced the Scythian pastoral lifestyle, is a matter of intellectual discovery (Herod., 4. 46), as are particular aspects of that lifestyle, notanly

the way in which Scythians can make an ox «cook itself» (Herod., 4. 61). While Scythians may well be considered «untaught» (as by Herodotus at 4. 46), it does not follow that they are stupid or intellectually weak. The point is that through experience they have developed a strong understanding of nature, especially in the aspects of nature that matter to them, which include the processing of milk. Anacharsis himself is nowhere said to have been taught his wisdom: his is a wisdom that derives from his Scythian culture, which has itself been developed through intelligent experience of the natural world of Scythia.

We should also observe that Herodotus does not talk of *hippake*. His main concern is not the processing of the milk into *hippake*, but rather the way in which blinded slaves can contribute to the Scythian economy. We should not infer that the name *hippake* was unknown or strange to Greeks: thanks to an Aeschylean fragment (fr. 198 N) preserved by Strabo (7.3.7), we know that the word *hippake* was used on the Athenian stage in the Prometheus trilogy that is now plausibly dated around 440 BC on literary and historical grounds. Strabo gives no indication that the word was explained on stage, so that with some caution (for we have scant context for the fragment, and *Airs* 18 explains the term; cf. *De morbis* 4. 51) we may infer provisionally that the word *hippake* was well enough known in Athens of the mid-fifth century. Of course, Athens was an exceptionally international city, and around 460, some two decades before the play, there was no doubt a new interest and debate about Scythians when the democracy decided to establish a corps of Scythian slaves to enforce public order under the direction of the appointed magistrates (further, Braund 2006). In that context it is especially interesting that the Aeschylean fragment — «eaters of *hippake*, well-ordered Scythians» — brings together the Scythian consumption of *hippake* and their *eunomia*, which had already been brought into a tragedy of Aeschylus in 458 (*Eumenides*, 703—706; cf. Bäbler 2005). Strabo was writing many years later, and clearly took into account much that had intervened since the fifth century, but we should at least observe that he builds this fragment into a highly moralistic model, in which the Scythians' consumption of *hippake* seems to be part of a larger notion of the Scythians as an attractively simple people (further, Lévy 1981). Herodotus makes very clear his rejection of attempts to idealize the Scythians (esp. 4. 46), so that, if *hippake* might evoke such notions for Greek readers, we may well understand his decision not to use the word: there is nothing very ideal about this blinding of slaves. However, there is also the more simple point that even after the labours of these slaves (his subject) there was presumably at least a removal and drying process (by others than the blind slaves) before the sediment in the milk might properly be called *hippake* (as *De morbis* specifies: quoted below).

Accordingly, because Herodotus had only a passing concern with the separation process at the heart of *hippake*-production, we find the most detailed account of that process elsewhere in Greek literature, in the medical tradition of the Hippocratic school. Here too, however, the processing of the milk is not the central concern. It is very much a means by which the author seeks to explain what he considers a similar process in the human body. The fact that Scythian milk-processing is introduced to give a better access and understanding to the Greek reader can only confirm our suggestion that Greeks were broadly familiar (no doubt to varying extents) with the Scythian working of milk that created *hippake*. The key text is Hippocrates, *De morbis* 4. 51:

It is like what the Scythians make from horse milk. For they pour the milk into wooden vessels and agitate it. The disturbed milk froths and separates, and the fat — which they call butter (literally, *bouturon* = «cow-cheese») — stands apart at the surface as it is lighter. The heavy and thick part lies beneath: they take that away and dry it. When it has formed a solid and dried, they call it *hippake*. The whey of the cheese is in the middle. Thus also in a human, when all the humour in the body is disturbed…

Scholars have been as agitated as the milk about the possible linkage between Herodotus and this passage. We may be sure at least that they are independent on the principal matter of *hippake*, for Herodotus envisions two kinds of product from the milk, while the more detailed medical account shows three. The problem is, of course, that the two texts have very different concerns: while Herodotus seeks to explain how blinded slaves may be useful, the medical text seeks to explain the workings of the human body by reference to Scythian treatment of milk. Of course the Hippocratic reference to Scythian practice is idiosyncratic in any event, but it would be wholly remarkable but for the fact that (as we have begun to see) Scythian horse-husbandry and its products were broadly familiar in Greek culture. Moreover, among Greeks inclined to the study and practice of medicine, Scythians had a very special importance. It was their geographical position that mattered above all. Another Hippocratic text shows us a geographical model of the world which had three key locations, namely Scythia in the north, Libya in the south and (where Delphi might have had a claim) in the centre Delos (Hip. *Prognost*. 25). A glance at the *Airs* shows the Hippocratic concern not only with the medical issues over climate in Scytia, but also the counterpointing of Scythia and Libya, with Greece as a medium position. We should not be surprised to find there both brief mention of *hippake* and a broader interest in the medical consequeces of the horse-riding that was key to Scythian society. For the medic interested

in different lifestyles and environments and the relationships between man and nature therein, Scythians were of prime interest.

Crucially, however, we must also understand that the milking of horses and the consumption of such milk was not alien to Greek culture. The Scythians were not the only users of horse milk. Nor was it outside Greek medical practice. As was stressed in the first part of this discussion, the difference between Scythian culture and the cultures of Greeks (whether Athenian, Spartan or otherwise) was not the simple polarity that has often been claimed (notably by Hartog 1988), whereby Scythian culture and practice were the opposite of Greek counterparts (usually Athenian in Hartog 1988). Rather the difference may be more a difference of degree and extent than one of polarityas was stressed in the first part of this discussion. As we saw, Greeks knew all about horses in their own way, while the social significance etc of horses was different for them than for Scythians. We should not be surprised that Greeks might milk horses, for they did — but not in the way reported of Scythians by Herodotus (where explanation suggests an alien method). The Greek medical tradition mentions the use of horse milk as a curative, while it also suggests direct knowledge of *hippake*, notably by Dioscorides (2. 71—2), who notes its nutritious qualities and sets it beside the cheese made from the milk of cows, sheep and goats. Dioscorides also shows some interest in the separation process that occurs with those other milks, wherein intensive agitation was not usual (ibid.). Meanwhile, Aristotle includes horse-milk in his exploration of different kinds of milk, with the isolated detail that horse milk was added to Phrygian cheese, presumably before it had formed as cheese (Arist. *NA* 522a). Horse milk is recommended for treatment of the womb (Hippocrates *De mulierum affectibus* 1—3. 222). The Hipocratics knew that horse and donkey milk pass through the body quite easily (*On diet* 1—4. 41) and they recommend it for internal problems (*de affectionibus interioribus* passim). Most interesting, however, is the Hippocratic recommendation to drink about a litre of «agitated horse milk» each morning (*de affectionibus interioribus*, 3). The terminology repeats the agitation of horse milk in *De morbis*, quoted above. However, there is no suggestion that the agitation-process goes so far as to create *hippake* and the rest. The Scythian process was labour intensive and was not wanted: the agitated milk was to be drunk, probably under the name *oxygala* (Hesychius s.v. *hippake*, quoting Theopompus, perhaps with regard to Ateas: Gardiner-Garden 1989). However, this agitated horse milk among Greeks takes us strikingly close to the Scythian practice, even so. The recommendation suggests that a large quantity of horse milk might be available to the patient, and agitation of the milk was at least a step in the direction of the Scythian process that created *hippake*. This text, perhaps above all others, illustrates how difference between Greek and Scythian cultures might entail analogy as well as polarity: again, the distinction is a matter of degree. Greeks shared with Scythians an awareness of the nutritional and curative benefits of horse milk. Indeed, there is evidence that Greeks might regard Scythians as especially wise in matters of digestion and purging (e. g. Plutarch, *Mor.* 148c—e). At the same time, however, *hippake* was nevertheless a Scythian foodstuff. It may be that some Greeks made cheese from horse milk, with all the labour that the Scythians deployed in the persons of their blind slaves, but there is no real evidence of that. It was Scythian culture, we are told, that took the large final step from agitating horse milk to producing *hippake*, which is regularly characterised as a Scythian cheese (*Airs* 18; Theophrastus, *HP* 9. 13; Hesychius s.v. *hippake*). Of course, the word *hippake* is unquestionably Greek. But that shows us nothing more than the regular Greek habit of preferring to use Greek terms wherever possible. After all, the very name «Scythians» seems to have been a Greek preference: Herodotus tells us that the Scythians themselves did not use the term (Hdt., 4. 6). It is unlikely that Scythians used the term *hippake* either, except perhaps in their dealings with Greeks. It is a pity that we are not told what the Scythians called their cheese, though Hesychius' lexicon lists a word — *bormos* — which we might take to be of Scythian origin and which some (he says) understood to mean *hippake*. Nor are we told of any trade in cheese between Scythians and the Greeks of the Black Sea, nor yet trade in horse milk. Given the medical benefits of these foodstuffs, some exchange is entirely possible.

ЛІТЕРАТУРА

Бессонова, С. С. 1983. *Религиозные представления скифов*. Киев: Наукова думка.

Бессонова, С. С. 2004. Крылатый конь — гиппокамп — морской конек и скифский Посейдон. *Старожитності степового Причорномор'я і Криму*, 11, с. 25-30.

Иванчик, А. И. 1999. Млекоеды и Абии Иллиады. Гомеровский пассаж в античной литературе и проблемы возникновения идеализации скифов. В: Подосинов, А. В. (ред.). *Северное Причерноморье в античности: вопросы источниковедения*. Москва, с. 7-45.

Скржинская, М. В. 1998. *Скифия глазами эллинов*. Санкт-Петербург.

Черненко, Е. В. 1981. *Скифские лучники*. Киев: Наукова думка.

Шауб, И. Ю. 2007. *Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII—IV вв.* Санкт Петербург.

Bäbler, B. 2005. Bobbies or boobies? The Scythian police force in classical Athens. In: Braund, D. (ed.). *Scythians and Greeks*. Exeter.

Braund, D. 2001. Palace and polis: Dionysus, Scythia and Plutarch's Alexander. In: Nielsen, I. (ed.). *The royal palace institution in the first millennium BC*. Danish School at Athens, p. 15-31.

Braund, D. 2004. Herodotus' Spartan Scythians. In: Tuplin, C. (ed.). *Pontus and the outside world*. Leiden, p. 25-41.

Braund, D. 2006. In search of the creator of Athens' Scythian archer-police: Speusis and the Eurymedon Vase. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 156, p. 109-113.

Braund, D. 2008 Scythian laughter: conversations in the northern Black Sea region in the fifth century BC. In: Guldager, P. (ed.). *Cultural interactions in the Black Sea region in antiquity*. Aarhus, p. 347-368.

Burkert, W. 1983. *Homo necans*. Berkeley.

Eaverly, M. 1995. *Archaic Greek equestrian sculpture*, Michigan.

Gardiner-Garden, J. 1989. Ateas and Theopompus. *Journal of Hellenic Studies*, 109, p. 29-40.

Griffith, M. 2006. Horsepower and Donkeywork: equids and the ancient Greek imagination. Part Two. *Classical Philology*, 101, p. 307-358.

Hartog, F. 1988 *The mirror of Herodotus*. Berkeley.

Lévy, E. 1981. Les origins du mirage scythe, *Ktema* 6, p. 57-68.

Lissarrague, F. 1990. *L'autre guerrier*, Paris.

Moore, M. B. 2004. Horse care as depicted on Greek vases before 400 BC. *Metropolitan Museum Journal*, 39, p. 35-67.

Mrva-Montoya, A. 2013. Learning from dead animals: horse sacrifice in ancient Salamis and the Hellenisation of Cyprus. In: Johnston, J., Probyn-Rapsey, F. (eds.). *Animal Death*. Sydney, p. 114-122.

Munn, M. H. 2006. *The Mother of the Gods*, *Athens*, *and the tyranny of Asia*. Berkeley.

Schubert, C. 2010. *Anacharsis der Weise*. Tübingen.

Ungefehr-Kortus, C. 1996. *Anacharsis*, *der Typus des edlen*, *weisen Barbaren*. Frankfurt am Main.

West, S. 1999. Introducing the Scythians: Herodotus on Koumiss (4.2). *Museum Helveticum*, 56, p. 76-86.

Wilson, P. 1999. The aulos in Athens. In: Goldhill, S., Osborne, R. (eds.). *Performance culture and Athenian democracy*. Cambridge, p. 58-95.

REFERENCES

Bessonova, S. S. 1983. *Religioznye predstavleniya skifov*, Kiev: Naukova dumka.

Bessonova, S. S. 2004. Krylatyy kon' — gippokamp — morskoy konek i ckifskiy Posejdon. *Starozhitnosti stepovo Prichornomor'ya i Krimu*, 11, s. 25-30.

Ivanchik, A. I. 1999. Mlekoyedy i Abii Iliady. Gomerovskiy passazh v antichnoy literaturye i problemy vozniknoveniya idealizatsii skifov. In: Podosinov, A. V. (ed.), *Severnoye Prichernomor'ye v antichnosti: voprosy istochnikovedeniya*. Moskva, s. 7-45

Skrzhinskaya, M. V. 1998. *Skifiya glazami ellinov*. Sankt-Peterburg.

Chernenko, E. V. 1981. *Skifskiye luchniki*. Kiev: Naukova dumka.

Shaub, I. Yu. 2007. *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomorye VII—IV vv*. Sankt-Peterburg.

Bäbler, B. 2005. Bobbies or boobies? The Scythian police force in classical Athens. In: Braund, D. (ed.). *Scythians and Greeks*. Exeter.

Braund, D. 2001. Palace and polis: Dionysus, Scythia and Plutarch's Alexander. In: Nielsen, I. (ed.). *The royal palace institution in the first millennium BC*. Danish School at Athens, p. 15-31.

Braund, D. 2004. Herodotus' Spartan Scythians. In: Tuplin, C. (ed.). *Pontus and the outside world*. Leiden, p. 25-41.

Braund, D. 2006. In search of the creator of Athens' Scythian archer-police: Speusis and the Eurymedon Vase. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 156, p. 109-113.

Braund, D. 2008 Scythian laughter: conversations in the northern Black Sea region in the fifth century BC. In: Guldager, P. (ed.). *Cultural interactions in the Black Sea region in antiquity*. Aarhus, p. 347-368.

Burkert, W. 1983. *Homo necans*. Berkeley.

Eaverly, M. 1995. *Archaic Greek equestrian sculpture*. Michigan.

Gardiner-Garden, J. 1989. Ateas and Theopompus. *Journal of Hellenic Studies*, 109, p. 29-40.

Griffith, M. 2006. Horsepower and Donkeywork: equids and the ancient Greek imagination. Part Two. *Classical Philology*, 101, p. 307-358.

Hartog, F. 1988 *The mirror of Herodotus*. Berkeley.

Lévy, E. 1981. Les origins du mirage scythe. *Ktema* 6, p. 57-68.

Lissarrague, F. 1990. *L'autre guerrier*. Paris.

Moore, M. B. 2004. Horse care as depicted on Greek vases before 400 BC. *Metropolitan Museum Journal*, 39, p. 35-67.

Mrva-Montoya, A. 2013. Learning from dead animals: horse sacrifice in ancient Salamis and the Hellenisation of Cyprus. In: Johnston, J., Probyn-Rapsey, F. (eds.). *Animal Death*. Sydney, p. 114-122.

Munn, M. H. 2006. *The Mother of the Gods*, *Athens*, *and the tyranny of Asia*. Berkeley.

Schubert, C. 2010. *Anacharsis der Weise*. Tübingen.

Ungefehr-Kortus, C. 1996. *Anacharsis*, *der Typus des edlen*, *weisen Barbaren*. Frankfurt am Main.

West, S. 1999. Introducing the Scythians: Herodotus on Koumiss (4.2). *Museum Helveticum*, 56, p. 76-86.

Wilson, P. 1999. The aulos in Athens. In: Goldhill, S., Osborne, R. (eds.). *Performance culture and Athenian democracy*. Cambridge, p. 58-95.

Д. Браунд

АНАЛОГІЇ, ПОЛЯРНІСТЬ І МОРАЛЬ У СКІФСЬКОМУ СЮЖЕТІ ПРО ІППАКУ: ВІДОБРАЖЕННЯ У ГЕРОДОТА, ІСТОРІЯ, 4.2

Ця стаття переслідує дві основні мети. По-перше, в розділі 1, я пропоную кілька загальних зауважень про те, як найкраще зрозуміти античні джерела, що стосуються скіфських тем. Стверджується, що тенденція підкреслювати різницю (навіть полярність) між греками і скіфами повинна бути збалансованою і, на крайній випадок, контекстуалізована шляхом розгляду подібностей і аналогій. У другій частині детально розглядається той факт, що доїння коней аж ніяк не було дивним для греків, хоча греки набагато менше використовували кінське молоко і вважали за краще споживати його в рідкій формі, а не як сир (іппаку). З'ясовується, що дуже майстерний опис Геродота в його повідомленні про Скіфію (Herod., 4. 2) за допомогою виробництва іппаки був направлений на воскресіння традиційних грецьких знань (ніби непотрібних) скіфів і, більш конкретно, пов'язаний з моралізуванням і ідеалізуванням частин цього «знання». Порівняння трубочок, які використовуються скіфами (а не осліпленими рабами), щоб змусити коней давати молоко, з авлосами можна зрозуміти як ключ до цього моралізаторського підходу, в який сам Геродот заклав подвійність (особливо Herod., 4. 46).

Ключові слова: Північно-Причорноморський регіон; Скіфія, греки, іппака, авлос, Геродот.

Одержано 15.03.2018

БРАУНД Давид, доктор, професор університету Ексетера (Великобританія), *d.c.braund@exeter.ac.uk*.
BRAUND David, Doctor, Professor at the University of Exeter (UK), *d.c.braund@exeter.ac.uk*.

ДИСКУСІЇ

УДК: 904.5(4/5)”6383”

А. Наглер

КУРГАНЫ ЕВРАЗИИ — НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПАМЯТНИКИ И НОВЫЕ ЗАДАЧИ ИХ ИССЛЕДОВАНИЯ [1]

В статье предложен новый подход к раскопкам курганов, опробированный в ходе исследований целого ряда больших курганов Евразии (Казахстан, Южная Сибирь, Тува, Северный Кавказ). В результате этих исследований удалось достоверно установить, что курганы являются архитектурными сооружениями, возведенными из различных строительных материалов. Автор предлагает дефиницию кургана, приходит к выводу о неверности самого термина «насыпь», а также ставит под сомнение традиционные методы раскопок курганов.

***Ключевые слова**: Евразия, ранние кочевники, курган, архитектура.*

На протяжении всей человеческой истории степи Евразии были заселены многочисленными племенами и народами, оставившими после себя яркие и нередко единственные свидетельства их самобытной культуры — погребальные памятники в виде курганов. Они являются самыми многочисленными памятниками археологии континента, расположены обычно группами (в археологической литературе их называют курганными могильниками) и на протяжении тысячелетий стали естественной, неотъемлемой частью степного ландшафта. Количество курганов в каждом из регионов степи было велико. Вот как описывает его в начале XX вв. в степях Среднего Енисея известный археолог Геро фон Мерхарт: «*…ein Hügel, ein zweiter, dann eine langgezogene Reihe, ein weiteres Feld, übersët, überschauert mit schwarzen Hagelkörnen. …Dann wieder… noch immer Gräber, ein neues Feld, Friedhof an Friedhof auf viele Kilometer hin…*» (перевод автора): «*…один курган, второй, затем их длинный ряд, еще одно поле усеянное, покрытое черными градинами… потом еще одно… еще и еще могилы, новое поле, могильник за могильником на протяжении многих километров…*» (Merhart 2008, S. 112—113). Подобная картина была свойственна практически всей Большой степи, как в ее азиатской, так и в европейской части.

После вхождения степного пояса в состав Российской имерии здесь начинается активная хозяйственная деятельность, в ходе которой происходило повсеместное разрушение курганных памятников.

Достаточно просмотреть спутниковые снимки степных регионов, чтобы воочию увидеть, что сохранившиеся на сегодняшний день курганы — лишь жалкие остатки былой массы этих памятников. Такая ситуация фиксируется специалистами и в степных районах Украины. Здесь процесс разрушение курганов прослеживается с конца XIX в. Так, уже в 1876 г. Д. Я. Самоквасов зафиксировал, что у с. Яблоновка после многолетней распашки из более чем 100 курганов сохранилось лишь 11; у г. Василькова в середине XIX в. насчитывалось около 400 курганов, а к 1950 г. осталось только

1. Основные положения данной работы были представлены автором в докладе на Международном симпозиуме «Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы» (22—26 июня 2015 г., Новосибирск), опубликованном в сборнике материалов симпозиума (Наглер 2017). В настоящую статью внесены некоторые изменения и дополнения. Автор искренне надеется, что изложенное здесь будет по-деловому и позитивно воспринято украинскими коллегами и послужит началом дискуссии об известной всем археологам и, бесспорно, катастрофической ситуации, сложившейся с курганами Евразии.

© А. НАГЛЕР, 2018

4 больших и несколько распаханных мелких (Мозолевский, Полин 2005, с. 196—197).

Во второй половине XX в. разрушение курганов приняло огромные масштабы, когда десятки тысяч их снесли, сравняли с землей и распахали. Это происходило в Сибири, Казахстане, на Северном Кавказе, в Украине, Молдове и других регионах в процессе так называемого освоения целинных земель или гигантских мелиоративных строек. Всюду сносились курганы при строительстве больших и малых водохранилищ, дорог, а также и в ходе повседневной хозяйственной деятельности. В результате самоотверженного труда археологам удалось предотвратить утрату большого количества бесценных свидетельств человеческой культуры, иногда это были яркие, выразительные комплексы, находки из которых являются гордостью многих музеев. Но нужно честно признать, что масштабы спасенного и навсегда утраченного, к сожалению, несопоставимы.

Таким образом, существующую на сегодняшний день ситуацию с сохранностью курганов иначе как катастрофической не назовешь.

Научное изучение курганов было начато Д. Г. Мессершмидтом в 1722 г. в Минусинской котловине (Средний Енисей), где он раскопал несколько курганов на левобережье реки Абакан. За прошедшие с тех пор три века археологами в степях Евразии было раскопано огромное количество курганов, находки из которых являются основным, часто единственным материалом для изучения различных эпох.

Основная часть их была раскопана в XIX и XX вв. К сожалению, документация ранних раскопок (если она вообще имеется) оставляет желать лучшего. Конструкции курганных сооружений, как зачастую и конструкции могил, практически не изучались. Сами методы раскопок археологов мало чем отличались от методов грабителей. Главной целью также было получение дорогих, эффектных вещей, а «рядовой» материал часто просто выбрасывался.

К середине XX в. методики полевых работ становятся более совершенными, уровень полевой документации значительно повысился, а так называемые «курганные насыпи» фиксируются более тщательно. И все же представление о самом кургане, как о некой «насыпи» над могилой («насыпями» и «досыпками» над могилами) господствует в археологии и на сегодняшний день.

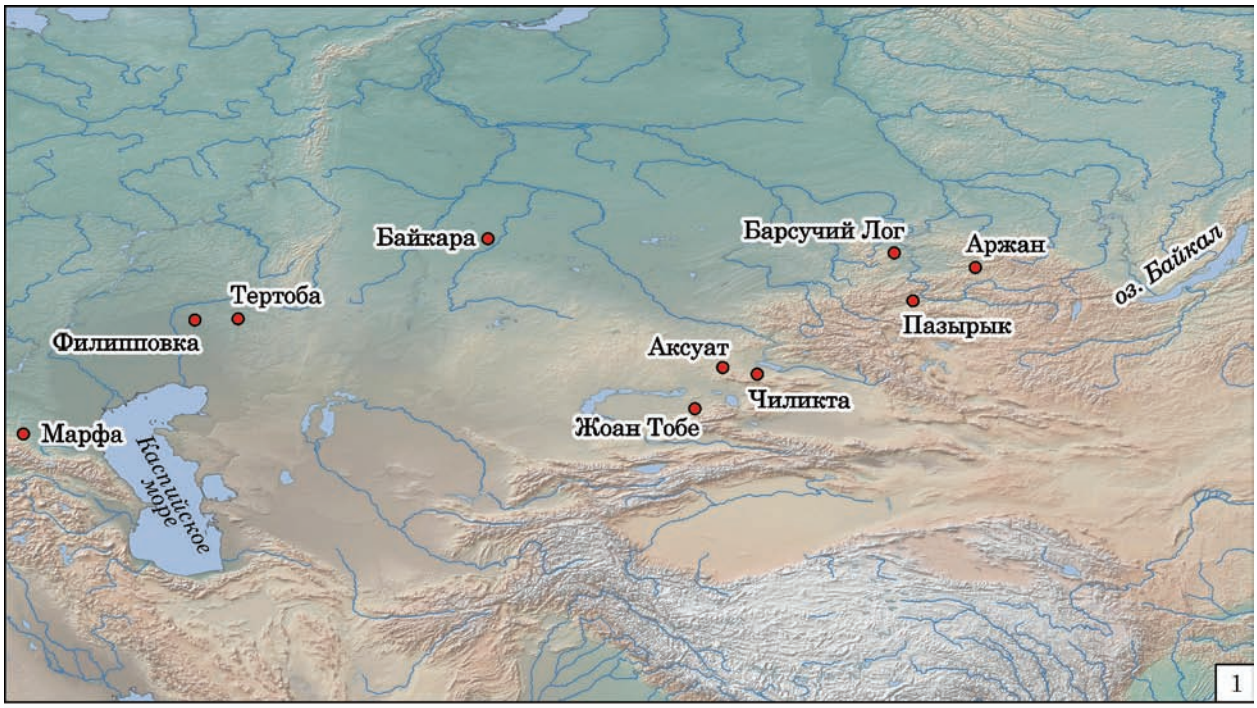
Тем не менее, в результате накопления научных наблюдений понимание курганных памятников постепенно менялось. Качественное изменение произошло в 1961 г. когда М. П. Грязновым была сформулирована идея о том, что курган — это не насыпь, а утратившее свой первоначальный облик древнее архитектурное сооружение, оплывшее и принявшее форму округлого холма (Грязнов 1961, с. 22—25). Идея эта, к сожалению, была только сформулирована, высказана в тезисном варианте и автором в дальнейшем не развивалась. Несмотря на всю свою перспективность, в курганной археологии она была поддержана лишь отдельными исследователями, пришедшими к пониманию целостности всего памятника — не только могил и содержащегося в них инвентаря, но и возведенного над ними архитектурного сооружения (напр., Чернопицкий 1980, с. 176—186) и, к сожалению, так и не получила практического развития. Большинство курганов Евразии раскапывалось без уделения должного внимания «насыпи» кургана, а исследователи концентрировали свое основное внимание на находках. Отдельные исключения, как, например, серьезное исследование и анализ сооружения кургана Чертомлык, являются, увы, всего лишь исключениями. Здесь необходимо отметить, что строительные материалы данного кургана были исследованы специалистами-почвоведами, чего ранее никогда не делалось. Тем не менее, и в публикациях Чертомлыка авторы исследования от понятия «насыпь» так и не отошли (Rolle u. a. 1998, S. 34—64).

Это усугубляется и тем, что подавляющее большинство раскопок курганов являлись спасательными (т. н. новостроечными) и проводились обычно в спешке, в связи с чем очень много информации, особенно относящейся к конструкции самих курганов, не фиксировалось должным образом. В качестве примеров достаточно вспомнить курганы Иссык (Южный Казахстан), где описанию курганного сооружения отведено всего четыре строки (Акишев 1978, с. 15) или Толстая Могила (Украина), где «насыпи» не было уделено должного внимания, и очень много информации, относящейся к конструкции погребального сооружения, не было зафиксировано (Мозолевський 1979; 1980). Наши знания об архитектуре курганов, о ее региональных особенностях, остаются и сегодня весьма и весьма ограниченными.

В настоящее время ситуация начинает меняться, прежде всего, в Центрально-Азиатском регионе, где в последние годы российскими, казахстанскими и германскими специалистами совместно были изучены несколько больших курганов раннего железного века: Байкара, Аржан 2, Барсучий Лог, Жоан Тобе, Аксуат, Жиренкопа (рис. 1: 1).

Именно большие курганы (в литературе их обычно называют «элитными» или «царскими») представляют особый интерес, поскольку в них сосредоточено максимальное количество научной информации о культурах. Они являлись не только погребениями элиты, но и местом проведения сложных, порой драматических погребальных и поминальных обрядов, оставивших следы в этих памятниках.

Совместные исследования велись мультидисциплинарно и в изучении курганов, помимо археологов, уже во время полевых работ



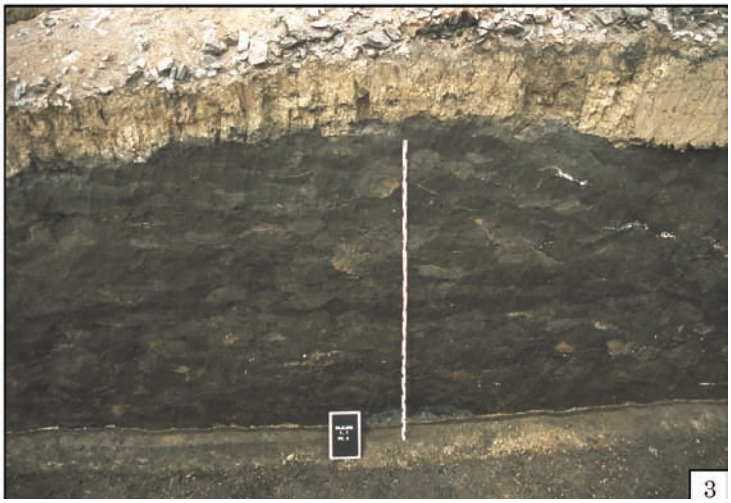


Рис. 1. Большие курганы Евразии в мультидисциплинарном исследовании: 1 — карта расположения исследованных курганов Евразии (картооснова: DAI 2015); 2 — большой курган Байкара (Северный Казахстан); 3 — построенное из кусков дерна курганное сооружение кургана Байкара

принимали участие геофизики, почвоведы, палеоботаники, палеозоологи, антропологи, генетики и представители других наук. Объем получаемой информации неизмеримо возрос количественно и качественно.

Одним из первых больших курганов, при исследовании которого наиболее полно применялись возможности современной науки, а во время раскопок само курганное сооружение тщательно изучалось во всех его деталях, был Большой курган Байкара в Северном Казахстане диаметром 85 м и высотой 7 м (рис. 1: 2).

В результате раскопок было установлено, что Большой курган Байкара являлся сложным архитектурным сооружением, построенным в V в. до н. э. из камня, дерева, глины, но основным строительным материалом служили куски дерна (рис. 1: 3). Они использовались для строительства по всей степи. Из них были построены большие курганы Украины, Северного Кавказа, Филипповские курганы на Южном Урале, Чиликты в Казахстане и многие другие.

Исследования кургана Байкара позволили выявить четыре этапа его строительства, наличие в его центральной части внутреннего помещения и трех ходов, ведущих в это помещение. Размеры кургана, сложность и тщательность сооружения конструкций свидетельствуют о том, что его строительство потребовало не только огромных затрат материала и труда, но и продуманного планирования, а также руководства строительством, за которыми стоят традиции и большой опыт возведения подобных сооружений (Parzinger u. a. 2003).

Подобным памятником являлся и большой курган Барсучий Лог в Минусинской котловине (Средний Енисей). Он представлял собой пирамиду высотой около 9 м с почти квадратным основанием 55 × 52 м, обрамленным массивной каменной оградой (рис. 2: 1). До начала раско-

Рис. 2. Большой курган Барсучий Лог, Хакассия, Средний Енисей: 1 — вид до раскопок; 2 — процесс раскопок кургана

пок были проведены геофизические исследования. Курган раскапывался по той же методике, что и Большой курган Байкара, параллельными траншеями, с оставлением семи стратиграфических бровок (рис. 2: 2). Это позволило детально проследить конструкции сооружения, выявить на его площади следы ритуальных действий, сопровождавших этапы строительства. Их, как и на кургане Байкара, было четыре. Курган был построен из кусков дерна, причем внутреннее его ядро, представлявшее собой прямоугольную платформу (рис. 3: 1), было сложено с применением раствора из голубовато-серой глины, хорошо промятой, содержащей большое количество речного ила (рис. 3: 2, 3). В курганах раннего железного века Евразии подобный факт был зафиксирован впервые, и это заставляет по-новому оценить уровень развития строительного дела у ранних кочевников. В западной части кургана из крупных бревен лиственницы был сооружен деревянный склеп (Parzinger u. a. 2010, S. 169—282).

Курганы Байкара и Барсучий Лог были построены в одно время, в V в. до н. э. Внешне они сильно отличались друг от друга. Барсучий Лог — пирамида с прямоугольной каменной оградой (рис. 3: 4) — это архитектурная традиция, характерная только для Среднего Енисея и имеющая свои корни в местных культурах эпохи бронзы. Большой курган Байкара был круглым, окруженным рвом, имел каменный панцирь. Но оба, несмотря на различия, были построены из кусков дерна по общей древней традиции — три крутых и один пологий склоны, плоская вершина. Оба кургана имели сходство в деталях, их строительство осуществлялось в несколько этапов, каждый из которых сопровождался ритуальными церемониями. Все это совершенно очевидно свидетельствует о сходных религиозных воззрениях, традициях и общем культурном комплексе, истоки которых следует искать в Центральной Азии. Именно там были изучены древнейшие из ныне известных курганов ранних кочевников — Чиликты (Восточный Казахстан) и Аржан (Тува).

Здесь, в долине реки Уюк, расположен грандиозный курганный некрополь, в который входит цепь из четырех больших круглых каменных платформ. Самая западная из них — курган Аржан — была раскопана в 1970-е гг. Она представляла собой сложную деревянную конструкцию из радиально расположенных погребальных камер с человеческими и конскими захоронениями, перекрытую массивной кладкой из каменных плит (рис. 4: 1). Курган Аржан датируется концом IX — началом VIII в. до н. э. и является самым древним памятником скифо-сакского времени.

Крайняя с востока каменная платформа диаметром до 80 м и высотой до 2 м (рис. 4: 2) — курган Аржан 2 — была раскопана совместной экспедицией Германского Археологического Института (Берлин) и Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург), при активном участии специалистов Института археологии и этнографии СО РАН. До начала раскопок на кургане были проведены геодезические и геофизические работы, результаты которых показали, что каменная платформа является центральной частью сложного комплекса (рис. 5: 1). К северу, западу и востоку от нее были выявлены многочисленные каменные кольца различного размера, внутри которых находились кусочки древесного угля, пепел, оплавленные

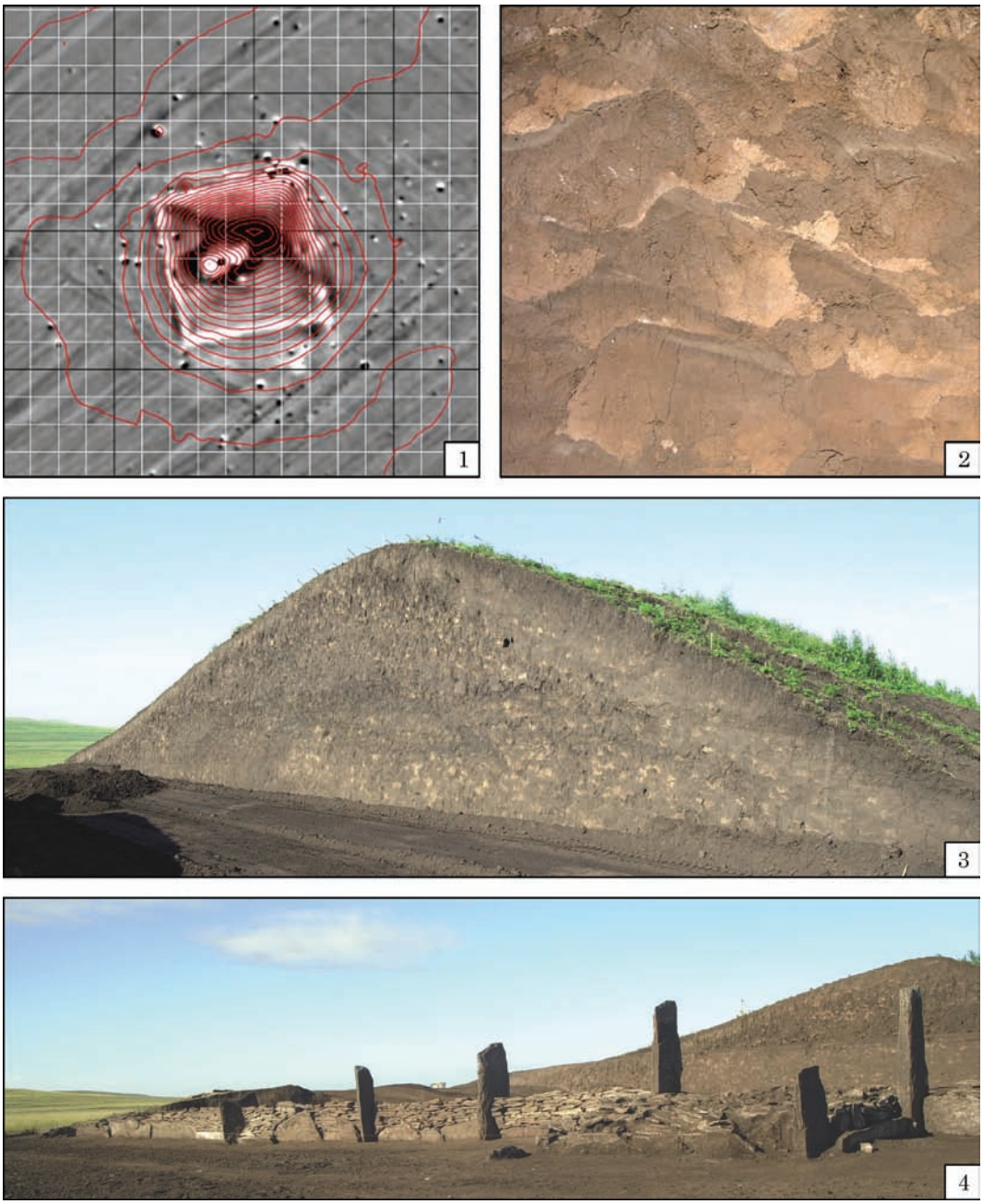


Рис. 3. Большой курган Барсучий Лог: 1 — результаты геофизической разведки; 2 — куски дерна, уложенные на глинистом растворе; 3 — профиль построенного из кусков дерна курганного сооружения; 4 — каменная ограда кургана

металлические детали конской сбруи, фрагменты сожженых костей лошадей, крупного и мелкого рогатого скота (рис. 5: 2). В южной части комплекса были расчищены круглые каменные конструкции различных размеров. На них и вокруг их было найдено большое количество фрагментов костей крупного и мелкого рогатого скота со следами расколов и порезов. Здесь же был найден обломок бронзового ножа. Видимо, здесь неоднократно производились тризны. Можно с уверенностью говорить о длительном культовом функционировании комплекса.

Каменная платформа была построена из плит песчаника и укреплена по краям массивным каменным валом. В центральной могиле находилось парное захоронение (мужчина и женщина) представителей высшего социального слоя ранних кочевников (рис. 6: 1). Помимо «царской», курган содержал еще сопроводительные могилы — мужские, женские и детские. Большая часть погребенных в этих могилах была убита, скорее всего, в ходе кровавого ритуала. Кроме того, в кургане были погребены 14 коней (рис. 6: 2), а также клады, содержащие конское снаряжение и предметы вооружения (Čugunov u. a. 2010; Чугунов и др. 2017).

В результате раскопок Аржана 2 стало окончательно ясно, что в состав кургана входят не только могилы и построенное над ними соору-

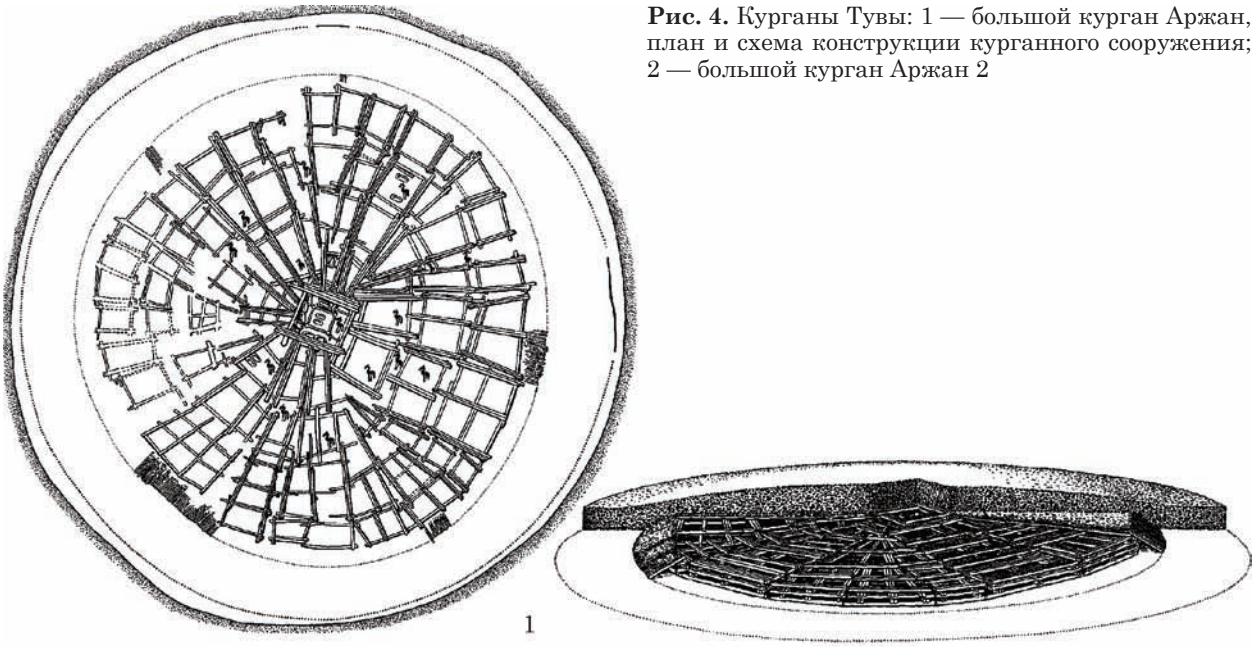


Рис. 4. Курганы Тувы: 1 — большой курган Аржан, план и схема конструкции курганного сооружения; 2 — большой курган Аржан 2

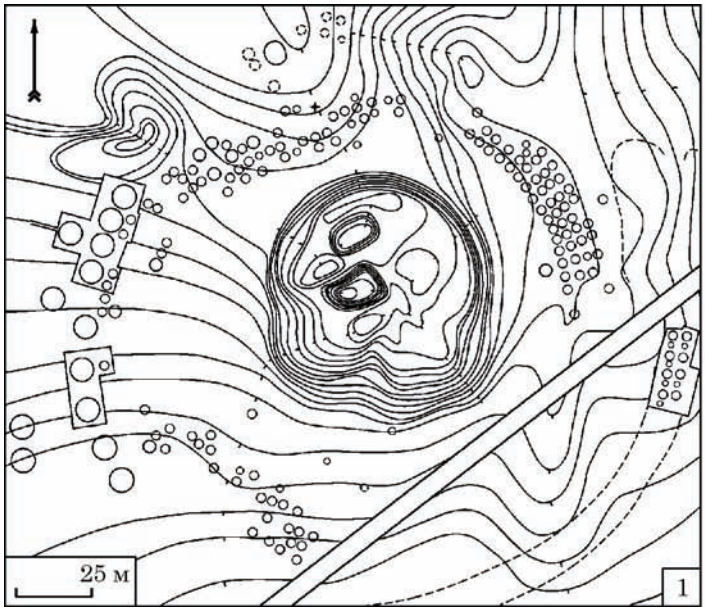


Рис. 5. Большой курган Аржан 2: 1 — план комплекса; 2 — одно из ритуальных каменных колец с остатками кремации

жение, но и третий элемент — примыкающая к ним территория, периферия кургана, содержащая культурные остатки, связанные как со строительством самого объекта, так и с проводившимися здесь ритуальными действиями. Эти остатки не всегда видны на поверхности, но исключить их наличие, особенно в больших курганах, нельзя. В этом плане весьма показателен случай с Александропольским курганом. Он был первым большим курганом европейской части степей Евразии (высота более 20 м), полностью раскопанным в 1852—1856 гг. с на-

Рис. 6. Большой курган Аржан 2: 1 — центральная могила; 2 — конское захоронение

учной целью. В последние годы были проведены раскопки его периферии. За рвом (диаметр более 110 м, глубина 1,7—3,3 м, ширина до 5,0 м), с западной стороны, были обнаружены остатки нескольких тризн. Одна из них охватывала курган полосой шириной до 15 м на протяжении около 110 м. В тризне были найдены фрагменты многочисленных сосудов, в том числе около 200 амфор, большое количество бронзовых, железных и золотых изделий. К ней относились и 10 мужских могил, содержавших оружие и детали конского снаряжения, а также одна женская могила. Погребенные, как и кургане Аржан 2, были насильственно умерщвлены (Полин 2010, с. 262—307). Тризны были найдены и на периферии ряда других скифских курганов Украины (Мозолевский, Полин 2005, с. 287—294).

Не имеющая никаких внешних признаков насыщенная периферия была выявлена в 2011 г. в результате геомагнитной разведки курганного могильника Тёртоба (Западный Казахстан). В результате ее раскопок было установлено, что здесь мы также имеем дело с жертвенными комплексами, содержавшими захоронения коней, бронзовый котел, керамику, а также захоронения людей (Fassbinder at all. 2013, p. 50—57). В этой связи нельзя не вспомнить раскопки больших курганов у села Филипповка, давшие уникальные находки. Несмотря на то, что там рядом с курганными сооружениями были найдены фрагменты бронзовых котлов и другие предметы, курганная периферия, к сожалению, не была исследована. Поскольку Тёртоба находится близко от Филипповки и является одним из курганных могильников данного региона, наличие подобной периферии на других могильниках, в том числе и Филипповском, более чем вероятно. Кроме того, несмотря на довольно большое количество публикаций, в том числе и монографий, о раскопках этого могильника (напр. Яблонский 2013; Treister, Yablonsky 2013), мы ничего до сих пор не знаем о конструкции курганных сооружений.

Совершенно необычной является периферия курганов Семиречья (Южный Казахстан). Она была исследована на одном из них, могильнике Жоан Тобе. Проведенные до раскопок геофизические исследования выявили большое количество каменных округлых сооружений вокруг кургана. Раскопки показали, что под ними находились могилы. Весь этот комплекс был окружен мощеной камнем кольцевой дорогой, построенной, скорее всего, в ритуальных целях (рис. 7: 1). Это первое свидетельство о наличие в Евразии дорожного строительства в столь раннее время. Техника его была достаточно высокоразвитой: трасса дороги была выравнена, утрамбована и вымощена камнями средней величины. Это был фундамент будущей дороги, ограниченный по краям крупными продолговатыми камнями. Затем в образованное каменное ложе был уложен и утрамбован слой глины, перемешанной с мелким щебнем. Причем это дорожное покрытие слегка возвышалось к середине, что обеспечивало сток с него дождевой воды (рис. 7: 2). Аналогов такой высокоразвитой строительной техники в V в.

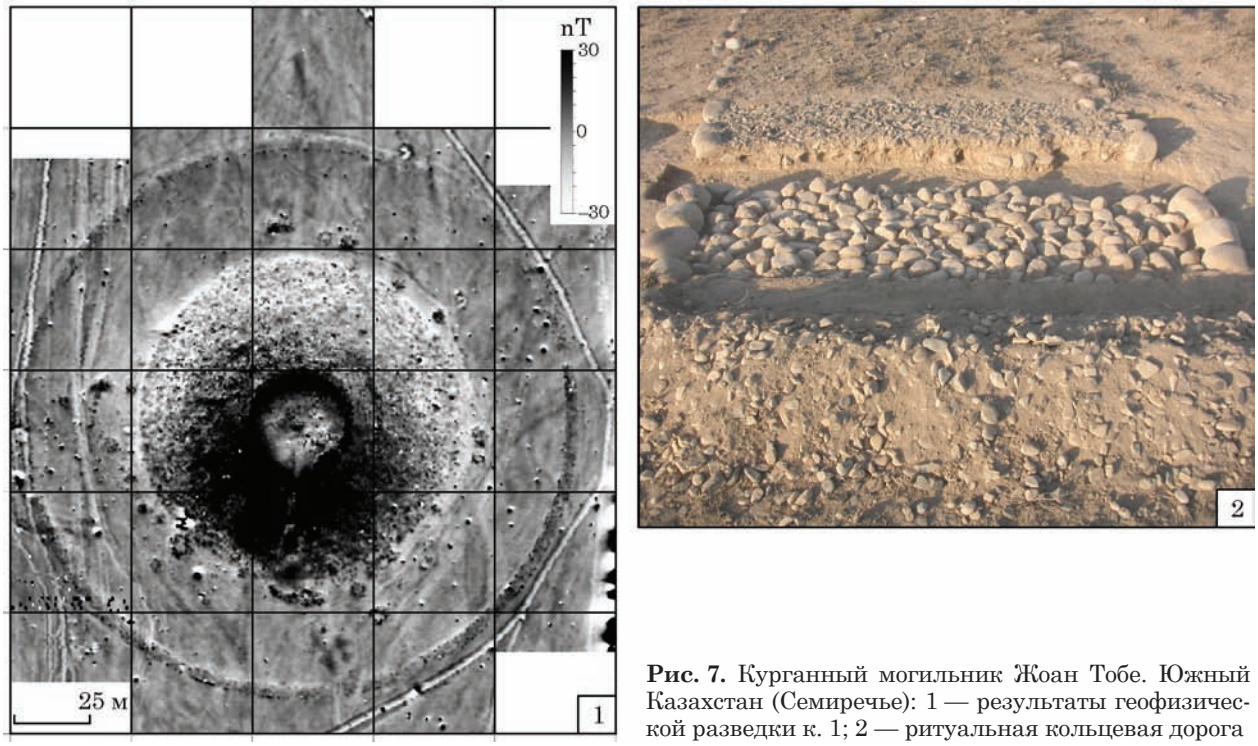


Рис. 7. Курганный могильник Жоан Тобе. Южный Казахстан (Семиречье): 1 — результаты геофизической разведки к. 1; 2 — ритуальная кольцевая дорога

до н. э. пока не известно. Трудно представить, что такая техника дорожного строительства применялась только в курганных памятниках (Nagler u. a. 2010, S. 49—54).

Раскопки могильника Жоан Тобе показали, что здесь, в Семиречье, не только курганная периферия имела свои особенности. Курганные сооружения строились не из кусков дерна, а из плотной утрамбованной глины. После возведения кургана вся его поверхность тщательно обмазывалась жидкой глиной, на которую «наклеивался» каменный панцирь, облицовывавший все сооружение. В такой же технике была построена и внутренняя, еще более плотная надмогильная конструкция. С глинобитной строительной техникой мы столкнулись и при раскопках курганов гунно-сарматского времени в Аксуате, Восточный Казахстан. Здесь курганы имели свою особенность. Они стояли на глинобитных платформах (Nagler, Samasev, 2010, S. 47—48; Самашев и др. 2010, с. 94—105). Глинобитные курганные сооружения известны уже в раннесакское время. Такими были раскопанные в Чиликтинской долине курганы, датируемые VII в. до н. э. (Черников 1965).

На сегодняшний день можно говорить о том, что намечаются три строительных традиции возведения курганных сооружений — каменные, сооружения из кусков дерна, глинобитные сооружения. Все они существовали уже в раннесакское время и, возможно, складывались и получили свое развитие в разных регионах Евразии.

Глинобитные сооружения, а не т. н. «насыпи», возводились над могилами уже в эпоху ранней бронзы. Это подтвердили совместные российско-германские раскопки большого кургана Марфа (Nagler 2014, S. 58—59) (IV тыс. до н. э., майкопская культура) в Центральном Предкавказье (рис 8: 1). Сооружение кургана было возведено из глиняных блоков, а также глинобитных слоев (рис. 8: 2, 3). В периферии кургана были раскопаны погребения, жертвенные комплексы, а также необычайно интересные архитектурные остатки. Они представляют собой вымощенные глиняными блоками площадки, на одной из которых находилась кольцевая постройка, сложенная из глиняных блоков, аналогичных блокам кургана.

Сложное глинобитное сооружение представлял собой раскопанный в 2015 г. курган 6 (майкопская культура) у станицы Георгиевской Ставропольского края. Над его центральной могилой была возведена глинобитная постройка из темной глины, содержащей большое количество речного ила. Она была перекрыта сооружением из ленточного глинобита (т. н. пахса) (рис. 9: 1). Из глиняных блоков был построен курган эпохи бронзы у станицы Лысогорской Ставропольского края (рис. 9: 2, 3) [1].

Итак, исследования последнего времени серьезно изменили наши знания о курганах. Мультидисциплинарный подход к их изучению позволил дать дефиницию этого вида памятников, которой до сих пор в науке не существовало:

1. Выражаю искреннюю благодарность коллегам С. Мячину и Я. Березину за любезно предоставленный ими материал для публикации.

Рис. 8. Большой курган Марфа в Ставропольском крае: 1 — до раскопок; 2 — овальная глинобитная ступенчатая постройка на вершине; 3 — глиняные блоки курганного сооружения

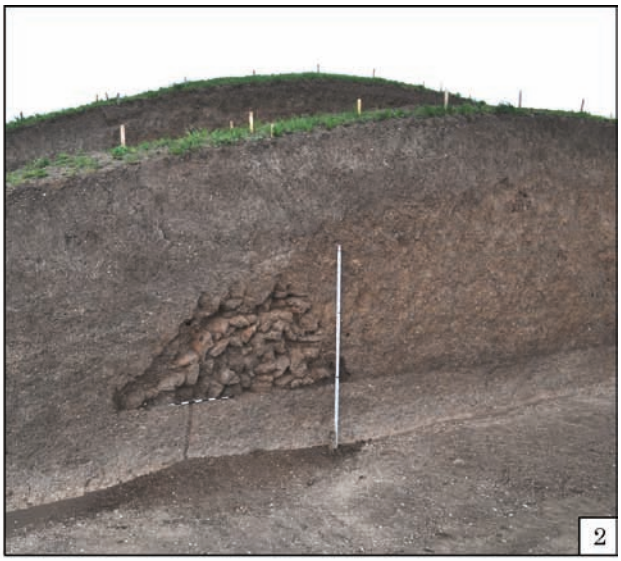


Рис. 9. Большие курганы Ставрополья: 1 — курган у ст. Георгиевской, построенное из глинобитных сегментов надмогильное сооружение; 2 — курган у ст. Лысогорской, курганное глинобитное сооружение; 3 — глиняные блоки курганного сооружения у ст. Лысогорской

Курган является погребально-ритуальным комплексом, состоящим из связанных в единое целое трех частей:

1 — захоронений, кладов, жертвенных комплексов;

2 — построенных над ними сооружений, порой сложных и монументальных, являющихся памятниками своеобразной архитектуры.

3 — территории, прилегающей к сооружению или курганной периферии. Она содержит рвы,

поминальные комплексы, могилы, артефакты, культурные остатки, связанные как со строительством комплекса, так и с проводившимися здесь ритуальными действами (Nagler 2013; Наглер 2013, с. 222—232).

Данное определение кургана приводит к необходимости изменить многое в их изучении. Участие в исследованиях большого количества представителей других наук заставляет во время раскопок максимально учитывать специфику их работы, облегчить им отбор проб для лабораторных исследований, принимать во внимание их рекомендации и т. д. Все это значительно повышает ответственность археологов за проведение полевых работ и, естественно, должно отразиться в их методике.

Сегодня археологи РФ руководствуются методикой раскопок курганов, изданной Институтом археологии РАН в 2011 г. Она, бесспорно, содержит много положительного в своей технической части, но касается только курганов Предкавказья (Кореневский 2011). По данной методике основными элементами кургана являются: *«насыпь»; «погребенная почва», … т. е., поверностный слой земли с растительностью, на которой насыпался курган; «материк» — слой земли ниже уровня погребенной почвы».*

О мультидисциплинарных исследованиях на кургане в данной методике вопрос не ставится, а о курганной периферии нет ни слова.

В «Положении о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчётной документации» от 2013 г. уже предписывается производить исследование прилегающей к кургану «*…территории, на которой могут быть обнаружены ровики, присыпки, тризны, остатки древних пашен и тому подобное*». Но, тем не менее, и здесь о курганах, как и в Методике, говорится как о насыпях над могилами, а не как об остатках архитектурных сооружений, и этот старый подход к памятникам уже в значительной мере предопределяет их судьбу. Иными словами, ежегодно раскапывается большое количество курганов не комплексно; один из основных их элементов — архитектурное сооружение — продолжает изучаться на уровне прошлого века как «насыпь», другой — периферия — как правило, не изучается вообще.

Следует с сожалением констатировать, что материалы из практически всех на сегодняшний день раскопанных курганов курганов Евразии реально не имеют археологического контекста, а полученная из них информация ущербна и фрагментарна. В принципе, исходя из вышеизложенного, копающие по-старому и руководствующиеся старыми представлениями о курганах археологи (а их, к сожалению, большинство) практически представляют в данное время для курганов большую опасность, чем грабители. Грабители не уничтожают периферию, не уничтожают полностью сооружение кургана и даже в ограбленных ими могилах остается немало для науки — антропология, часть инвентаря и т. д. Видимо, стоит, наконец, подумать и о том, что в последние два десятилетия отношение к курганам в археологической среде сильно, если не сказать, радикально изменилось. Первоочередной задачей у большинства археологов стала не их охрана, а, увы, «использование», то есть их раскопки стали в большинстве случаев чисто коммерческим предприятием. Новостроечные раскопки доминируют по-прежнему, а археологи заинтересованы в увеличении их числа. Серьезные академические исследования курганов практически не проводятся. Все это является немалым вкладом в пугающую ситуацию, сложившуюся на сегодняшний день с сохранностью курганов Евразии.

Нашей науке необходимо разработать новые технические и методические нормы для раскопок курганов, причем не региональные, а общие. Эти нормы не могут носить просто рекомендательный характер, а должны быть узаконены и, в связи с этим, обязательны для всех. Уже на стадии планирования работ необходимо учитывать то обстоятельство, что при исследовании курганов, особенно больших, следует изучать их полностью, комплексно, с привлечением представителей естественных наук, что, естественно, существенно изменяет и уровень затрат на раскопки. Начинать раскопки курганов следует с проведения на них геофизической разведки и, по ее результатам, с изучения периферии. В противном случае значительное количество информации, содержащейся в объекте, будет безвозвратно утеряно, как это уже случилось с тысячами курганов — исчезающей на наших глазах части мирового культурного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

Акишев, К. А. 1978. *Курган Иссык*. Москва: Искусство.

Галанина, Л. К. 1997. *Келермесские курганы*. Москва.

Грязнов, М. П. 1961. Курган как архитектурный памятник. В: *Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г.* Москва: Наука, с. 22-25.

Кореневский, С. Н. 2011. *Раскопки курганов Предкавказья*. Москва: ИА РАН. Методика полевых археологических исследований, 3.

Мозолевський, Б. М. 1979. *Товста Могила*. Кипв: Наукова думка.

Мозолевский, Б. Н. 1980. *Толстая Могила*. Автореферат диссертации канд. ист. наук. ИА АН УССР. Киев.

Мозолевский, Б. Н., Полин, С. В. 2005. *Курганы скифского Герроса IV в. до н. э.* Киев: Видавець Олег Фiлюк.

Наглер, А. 2013. Погребальные сооружения раннего железного века степей Еврази. *Научное обозрение Саяно-Алтая*, 1 (5), с. 222-232.

Наглер, А. 2017. Курганы Евразии — новый взгляд на памятники и новые задачи их исследова-

ния. В: Молодин, В. И., Хансен, С. (ред). *Мультидисциплинарные методы в археологии. Новейшие итоги и перспективы*. Новосибирск, с. 192-215.

Полин, С. В. 2010. Амфоры Александропольского кургана (по материалам раскопок 2004—2009 гг.). *Античный мир и археология*, 14, с. 262-307.

Самашев, З., Наглер, А., Оралбай, Е., Виеланд, Р., Толегенов, Е., Кариев, Е., Бесетаев, Б. 2010. *Аксуат коргандары (казак-немиц церттойлеринин алгашкы корытындылары*. Актобе.

Черников, С. С. 1965. *Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось скифское искусство*. Москва: Наука.

Чернопицкий, М. П. 1980. Курганная группа как архитектурный ансамбль (опыт композиционно-художественного подхода). В: Мартынов, А. И. (ред.). *Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы I Всесоюзной археологической конференции*. Кемерово, с. 176-186.

Чмыхов, Н. А., Шилов, Ю. А., Корниенко, П. Л. 1986. *Методические рекомендации по исследованию курганных памятников для студентов исторического факультета*. Киев: КГУ.

Чугунов, К. В., Парцингер, Г., Наглер, А. 2017. *Царский курган скифского времени Аржан 2 в Туве*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН.

Яблонский, Л. Т. 2013. *Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004—2009 гг.). Каталог коллекции*. Москва: ИА РАН, 1.

Čugunov, K. V., Parzinger, H., Nagler, A. 2010. *Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva*. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern.

Fassbinder, J. W. E., Gorka, T., Chemyakina, M., Molodin, V., Parzinger, H., Nagler, A. 2013. Prospeting of Kurgans by magnetometry: Case studes from Kazakhstan, Siberia and the Northern Caucasus. In: Hookk, D. Yu. (ed.). *Virtual Archaeology (nondestructive methods of prospections, modeling, reconstructions). Proceedings of the First International Conference held at the State Hermitage Museum, 4—6 June 2012*. Sankt-Peterburg, p. 50-57.

Merhart, G. von 2008. *Daljoko. Bilder aus sibirischen Arbeitstagen*. Wien, Köln, Weimar: Böhlau.

Nagler, A., Samasev, Z., Parzinger, H., Nawroth, M. 2010. Sud-Kazachstan: Kurgane Asy Zaga, Kegen und Zoan Tobe. In: Boroffka, N., Hansen, S. (eds.). *Archäologische Forschungen in Kazachstan, Tadschikistan, Turkmenistan und Usbekistan*. Berlin: DAI, Eurasien-Abteilung, S. 49-54.

Nagler, A., Samasev, Z. 2010. Skythenzeitliche Kurgane in Ostkazachstan: Kurgan-Nekropole Aksuat. In: Boroffka, N., Hansen, S. (eds.). *Archäologische Forschungen in Kazachstan, Tadschikistan, Turkmenistan und Usbekistan*. Berlin: DAI, Eurasien-Abteilung, S. 47-48.

Nagler, A. 2013. Grabanlagen der frühen Nomaden in der eurasischen Steppe im 1. Jahrtausend v. Chr. Unbekanntes Kazachstan. *Archäologie im Herzen Asiens*, 2, S. 609-620.

Nagler, A. 2014. Ausgrabungen am Maikop-zeitlichen Grabhügel «Marfa» im Nordkaukasus. In:Hansen, S. (ed.). *Aktuelle Forschungen in Eurasien*. Berlin: s. n., S. 58-59.

Nagler, A. 2015. Neue interdisziplinäre archäologische Untersuchungen eines Großkurgans in zentralem Kaukasusvorland. In: Kašuba, M., Reinhold, S., Alekšin, V. (eds.). *Der Kaukasus im Spannungsfeld zwischen Osteuropa und Vorderem Orient: Dialog der Kulturen, Kultur des Dialoges (im Gedenken an den 140. Geburtstag von Alexander A. Miller). Internationale Fachtagung für die Archäologie und Hunboldt-Kolleg*. Sankt-Petersburg: IGMK RAW, Eurasien-Abteilung DAI, Nevskaja Kniĥnaja Tipografija, S. 110-112.

Parzinger, H., Zajbert, V., Nagler, A., Plešakov, A. 2003. *Der große Kurgan von Bajkara. Studien zu einem skythischen Heiligtum*. Mainz: Philipp von Zabern. Archäologie in Eurasien, 16.

Parzinger, H., Nagler, A., Gotlib, A. 2010. Der tagarzeitliche Großkurgan von Barsučij Log in Chakassien. Ergebnisse der deutsch-russischen Ausgrabungen 2004—2006. *Eurasia Antiqua*, 16, S. 169-282.

Rolle, R., Mursin, V. Ju., Alekseev, A. Ju. 1998. *Königskurgan Čertomlyk. Ein skythischer Grabhügel des 4. vorchristlichen Jahrhunderts*. Mainz: Philipp von Zabern, I.

Treister, M., Yablonsky, L. (eds.). 2013. *Enflüsse der achämenidischen Kultur im südlichen Uralvorland*. Wien, 2 Bde. Ancient Toreutics and Jewellery in Eastern Europe, 5.

REFERENCES

Akishev, K. A. 1978. *Kurgan Issyk*. Moskva: Iskusstvo.

Galanina, L. K. 1997. *Kelermesskie kurgany*. Moskva: b. i.

Gryaznov, M. P. 1961. Kurgan kak arhitekturnyj pamjatnik. In: *Tezisy dokladov na zasedanijah, posvjashhennyh itogam polevyh issledovanij v 1960 g*. Moskva: Nauka, s. 22-25.

Korenevski, S. N. 2011. *Raskopki kurganov Predkavkazia*. Moskva: IA RAN. Metodika polevyh arheologicheskih issledovanij, 3.

Mozolevski, B. M. 1979. *Tovsta Mohyla*. Kyiv: Naukova dumka.

Mozolevski, B. N. 1980. *Tolstaja Mogila*. Avtoreferat dissertacii kand. ist. nauk. IA AN USSR. Kiev.

Mozolevski, B. N., Polin, S. V. 2005. *Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n. e.* Kiev: Vydavec Oleh Filjuk.

Nagler, A. 2013. Pogrebalnye sooruzhenija rannego zheleznogo veka stepej Evrazii. *Nauchnoe obozrenie Sajano-Altaja*, 1 (5), s. 222-232.

Nagler, A. 2017. Kurgany Evrazii — novyj vzgljad na pamjatniki i novye zadachi ih issledovanija. In: Molodin, V. I., Hansen, S. (ed.). *Multidisciplinarnye metody v arheologii. Novejshie itogi i perspektivy*. Novosibirsk, s. 192-215.

Polin, S. V. 2010. Amfory Aleksandropolskogo kurgana (po materialam raskopok 2004—2009 gg.). *Antichnyj mir i arheologija*, 14, s. 262-307.

Samashev, Z., Nagler, A., Oralbaj, E., Vieland, R., Tolegenov, E., Kariev, E., Besetaev, B. 2010. *Aksuat korgandary (kazak-nemic certtojlerinin algashky korytyndylary*. Aktobe.

Chernikov, S. S. 1965. *Zagadka zolotogo kurgana. Gde i kogda zarodilos' skifskoe iskusstvo*. Moskva: Nauka.

Chernopickij, M. P. 1980. Kurgannaja gruppa kak arhitekturnyj ansambl' (Opyt kompozicionno-hudozhestvennogo podhoda). In: Martynov, A. I. (ed.). *Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo. Materialy I Vsesojuznoj arheologicheskoj konferencii*. Kemerovo, s. 176-186.

Chmyhov, N. A., Shilov, Ju. A., Kornienko, P. L. 1986. *Metodicheskie rekomendacii po issledovaniju kurgannyh pamjatnikov dlja studentov istoricheskogo fakul'teta*. Kiev: KGU.

Chugunov, K. V., Parcinger, G., Nagler, A. 2017. *Carskij kurgan skifskogo vremeni Arzhan 2 v Tuve*. Novosibirsk: IAEt SO RAN.

Yablonski, L. T., 2013. *Zoloto sarmatskih vozhdej. Jelitnyj nekropol Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004—2009 gg.). Katalog kollekcii*. Moskva: IA RAN, 1.

Čugunov, K. V., Parzinger, H., Nagler, A. 2010. *Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva*. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern.

Fassbinder, J. W. E., Gorka, T., Chemyakina, M., Molodin, V., Parzinger, H., Nagler, A. 2013. Prospeting of Kurgans by magnetometry: Case studes from Kazakhstan, Siberia and the Northern Caucasus. In: Hookk, D. Yu. (ed.). *Virtual Archaeology (nondestructive methods of prospections, modeling,*

reconstructions). Proceedings of the First International Conference held at the State Hermitage Museum, 4—6 June 2012. Sankt-Peterburg, p. 50-57.

Merhart, G. von 2008. *Daljoko. Bilder aus sibirischen Arbeitstagen*. Wien, Köln, Weimar: Böhlau.

Nagler, A., Samasev, Z., Parzinger, H., Nawroth, M. 2010. Sud-Kazachstan: Kurgane Asy Zaga, Kegen und Zoan Tobe. In: Boroffka, N., Hansen, S. (eds.). *Archäologische Forschungen in Kazachstan, Tadschikistan, Turkmenistan und Usbekistan*. Berlin: DAI, Eurasien-Abteilung, S. 49-54.

Nagler, A., Samasev, Z. 2010. Skythenzeitliche Kurgane in Ostkazachstan: Kurgan-Nekropole Aksuat. In: Boroffka, N., Hansen, S. (eds.). *Archäologische Forschungen in Kazachstan*, *Tadschikistan*, *Turkmenistan und Usbekistan*. Berlin: DAI, Eurasien-Abteilung, S. 47-48.

Nagler, A. 2013. Grabanlagen der frühen Nomaden in der eurasischen Steppe im 1. Jahrtausend v. Chr. Unbekanntes Kazachstan. *Archäologie im Herzen Asiens*, 2, S. 609-620.

Nagler, A. 2014. Ausgrabungen am Maikop-zeitlichen Grabhügel «Marfa» im Nordkaukasus. In:Hansen, S. (ed.). *Aktuelle Forschungen in Eurasien*. Berlin: s. n., S. 58-59.

Nagler, A. 2015. Neue interdisziplinäre Archäologische Untersuchungen eines Großkurgans in zentralem Kaukasusvorland. In: Kašuba, M., Reinhold, S., Alekšin, V. (eds.). *Der Kaukasus im Spannungsfeld zwischen Osteuropa und Vorderem Orient: Dialog der Kulturen*, *Kultur des Dialoges (im Gedenken an den 140. Geburtstag von Alexander A. Miller). Internationale Fachtagung für die Archäologie und Hunboldt-Kolleg*. Sankt-Petersburg: IGMK RAW, Eurasien-Abteilung DAI, Nevskaja Kniђnaja Tipografija, S. 110-112.

Parzinger, H., Zajbert, V., Nagler, A., Plešakov, A. 2003. *Der große Kurgan von Bajkara. Studien zu einem skythischen Heiligtum*. Mainz: Philipp von Zabern. Archäologie in Eurasien, 16.

Parzinger, H., Nagler, A., Gotlib, A. 2010. Der tagarzeitliche Großkurgan von Barsučij Log in Chakassien. Ergebnisse der deutsch-russischen Ausgrabungen 2004—2006. *Eurasia Antiqua*, 16, S. 169-282.

Rolle, R., Mursin, V. Ju., Alekseev, A. Ju. 1998. *Königskurgan Čertomlyk. Ein skythischer Grabhügel des 4. vorchristlichen Jahrhunderts*. Mainz: Philipp von Zabern, I.

Treister, M., Yablonsky, L. (eds.). 2013. *Enflüsse der Achämenidischen Kultur im südlichen Uralvorland*. Wien, 2 Bde. Ancient Toreutics and Jewellery in Eastern Europe, 5.

A. Nagler

BARROWS OF EURASIA — THE NEW LOOK TO THE SITES AND NEW TASKS OF THEIR RESEARCH

The new method of the excavation and fixation of barrow mounds approved at the excavation of large barrows in Kazakhstan, Stavropol, and Tuva is described in the paper. As a result of research on this method the author obtained the undeniable evidence that the mound of a barrow was built in several steps from various soils using the clay mortar and turf «bricks». The author questions the accuracy and reliability of fixing the structure of the barrow mounds excavated by traditional methods and doubts the correctness of the term «the mound» since it was not filled but was built as an architectural structure.

Keywords: barrow, mound, mortar, stratigraphy, krepida, elite, Eurasia, early nomads.

Одержано 18.01.2018

НАГЛЕР Анатолій, доктор, науковий співробітник Євразійського відділу Германського археологічного інституту, Ім Дол, 2—6, II, Берлін, 14195, Німеччина, *anatoli.nagler@dainst.de*.

NAGLER Anatoly, Doctor, Research Fellow, Eurasian Department of Deutsches Archaeologisches Institut, Im Dol 2—6, II, Berlin, 14195, Germany, *anatoli.nagler@dainst.de*.

УДК: 904.5(051)”6383”

Т. М. Кузнецова

ОТ КУРГАНА «РЕПЯХОВАТАЯ МОГИЛА» К КУРГАНУ 407 У с. ЖУРОВКА / ЖУРАВКА (ХРОНОЛОГИЯ)

Статья продолжает работу, связанную с построением по археологическим данным хронологической системы для периода скифской архаики (от одного хроноиндикатора). Устанавливается сходство материалов из гробниц кургана «Репяховатая Могила», кургана 407 у с. Журовка / Журавка и Келермесского могильника, позволяющее датировать памятники в пределах от последнего десятилетия первой четверти (Северный Кавказ) до второй четверти VI в. до н. э. (Правобережье Приднепровской лесостепи).

Ключевые слова: *скифы, хронология, курган, Передня Азия, Северный Кавказ, Приднепровская лесостепь.*

Основой хронологических определений периода скифской архаики, являются, как правило, археологические данные Келермесского могильника, в результате чего он приобрёл значение системообразующего памятника для этого времени.

После изучения могильника у хут. Красное Знамя на Северном Кавказе, который исследователи связали со скифами, произошло изменение хронологической системы для всего архаического периода.

В результате этого возникли многочисленные варианты при датировании Келермеса, что не позволяет теперь рассматривать его в качестве основы для хронологической системы периода скифской архаики (Кузнецова 2016, с. 126), учитывая, что у исследователей нет единого мнения относительно происхождения и датировки хронологических маркеров, по которым устанавливаются ранние даты могильника (ср.: меч — Пиотровский 1959, с. 248; Тереножкин 1975, с. 28; Черненко 1980, с. 25; Metdepenninghen 1997, p. 109—36; Иванчик 2001, с. 282; Кисель 2003, с. 30; узда — Галанина 1983, с. 32—55; Медведская 1992, с. 89; наконечники стрел — Полін 1987, с. 28—32; Галанина 1997, с. 104—110; Мелюкова 1998, с. 108—111; Рябкова 2009, с. 330—331; серебряное «зеркало?» — Максимова 1954, с. 281—305; Кисель 1993, с. 125; Копейкина 1981; Кисель 2003, с. 99; Вахтина 2010, с. 103).

Даты античной керамики, используемые в качестве хронологического репера для скифского архаического периода, также недостаточно стабильны, так как подвергаются постоянной корректировке (см.: Копейкина 1970; Cook, Dupont 1998; Kerschner, Schlotzhauer 2005; Маслов 2010; Вахтина, Кашуба 2014).

Исходя из этого представилось необходимым найти в археологическом материале хроноиндикаторы, имеющие стабильную дату, и провести построение хронологической шкалы для скифской архаики от одного репера.

Предметы, показавшие статичные даты, были выявлены при изучении кургана «Репяховатая Могила», сооруженного в лесостепной зоне Днепровского Правобережья, где в гробнице 2 находились зеркала с боковой ручкой, датирующиеся не ранее второй четверти или второй трети VI в. до н. э. (Кузнецова 2002, с. 79—80; Кузнецова 2010, с. 238; 2016, с. 127, рис. 2, 4: 1—2; 2017а, рис. 4: 1—2, 4—6), поскольку они подражают античным формам зеркал, появившимся в Греции в пределах указанного времени и атрибутированным исследователями как «коринфские» (Oberlander 1967, s. 5, 17—20; Билимович 1976, с. 33).

Состав сопроводительного инвентаря кургана «Репяховатая Могила», включающего вещи со статичными датами, таким образом, позво-

© Т. М. КУЗНЕЦОВА, 2018

«Репяховатая Могила»		Келермес	
Гробница 2	Гробница 1		
	—	К. 31 = К. 2/В	К. 27 = К. 1/В
	—	К. 31 = К. 2/В	К. 29 = К. 4/Ш?
	—	К. 27 = К. 1/В	К. 2/Ш—4/Ш
	—	К. 31 = К. 2/В	К. 29 = К. 4/Ш?

Рис. 1. Сопоставление сопроводительного инвентаря курганов «Репяховатая Могила» и Келермесского могильника

лил рассматривать его в качестве хроноиндикатора для памятников раннескифского периода (Кузнецова 2017а).

Возведение кургана «Репяховатая Могила», как показало изучение его материалов, не выходит за рамки второй четверти — середины VI в. до н. э. (Кузнецова 2017а), несмотря на желание исследователей удревнить его дату (Полін 1987; Медведская 1992; Дараган 2010).

В соответствии с выделенными хронологическими маркерами «Репяховатая Могила» связывается по времени с возвращением скифов из похода в Переднюю Азию, что соответствует и данным письменных источников, по которым это событие в скифской истории произошло не ранее 585 г. до н. э. (Кузнецова 2009, с. 308—328). Такая позиция кургана поддерживается присутствием в гробнице 1 урартийских (закавказских) бусин-розеток (Рябкова 2010а, с. 179), а в гробнице 2 — бронзового кратера закавказского (урартийского) происхождения (Ольговський 1987, с. 78—83).

Проведенное сравнение сопроводительного инвентаря из кургана «Репяховатая Могила» и материалов Келермеса по десяти категориям предметов (рис. 1, 2), показало, что Келермесский могильник также относится к «послепоходному» периоду и датируется не ранее последнего десятилетия первой четверти VI в. до н. э., оставаясь самым ранним для скифской архаики этого времени (Кузнецова 2016, с. 127—130).

Результат проведенного сопоставления не противоречит методу археологического датирования, поскольку, как отмечают исследователи, дата памятника должна определяться по наиболее поздним вещам (Алексеев 1987, с. 28; Фиалко 2006, с. 366). Исходя из этого, пред-

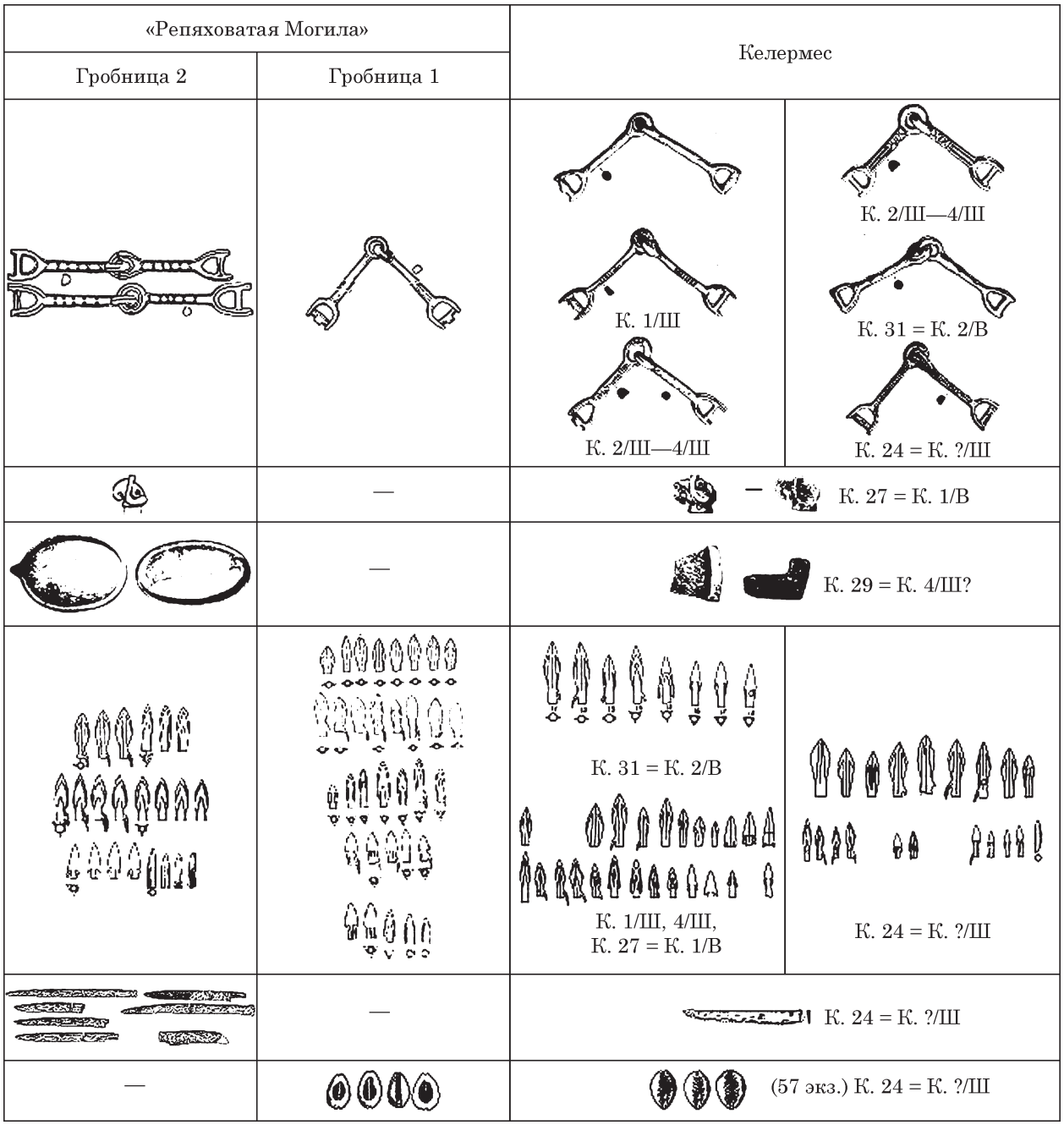


Рис. 2. Сопоставление сопроводительного инвентаря курганов «Репяховатая Могила» и Келермесского могильника

меты в архаических скифских памятниках, обязанные своему происхождению деятельности древневосточных и греческих мастеров, несмотря на определение для них ранних датировок, должны включаться в хронологический диапазон, «допоходный» этап которого связан с последними десятилетиями VII в. до н. э., а «послепоходное» время ограничено рубежом первой — второй четверти VI в. до н. э. и его последним десятилетием.

Вещи, обнаруженные в «Литом» (Мельгуновском) кургане: меч в золотых ножнах (близок по форме и оформлению мечу из Келермеса) и бронзовые наконечники стрел, позволили датировать это захоронение (кенотаф) началом второй четверти VI в. до н. э. в силу его территориальной удаленности от Прикубанья и близости (граница степной и лесостепной зон Северного Причерноморья) к кургану «Репяховатая Могила» (Кузнецова 2017а, с. 108).

При сравнении гробницы 2 кургана «Репяховатая Могила» и кургана «Червона Могила» (с. Флярковка) сходство сопроводительного инвентаря устанавливается по восьми категориям предметов, что дало основание предположить близость последнего памятника и Келермесским курганам. Сопоставление вещевого комплекса Келермеса и материалов кургана «Чер-

Рис. 3. Сопроводительный инвентарь кургана 407 у с. Журовка / Журавка

вона Могила» показало сходство в категориях конского снаряжения, в наличии каменных блюд, раковин каури и бус (Кузнецова 2017б).

Предметы, аналогичные сопоставлявшимся в курганах «Репяховатая Могила», «Червона Могила» и могильнике Келермес, присутствуют и в иных лесостепных памятниках как на правом (с. Журовка / Журавка, к. 407), так и на левом (с. Волковцы, к. 477; с. Поповка, к. 3) берегу Днепра.

Отмеченные памятники выделяют из общего числа и объединяют между собой близкие по форме железные навершия. Это дает возможность продолжить работу, связанную с построением хронологической системы по археологическим данным, основанную на хроноиндикаторах, присутствующих в кургане «Репяховатая Могила», и рассмотреть в этой системе позицию кургана 407 у с. Журовка / Журавка, возведенного в лесостепной зоне Днепровского Правобережья (рис. 3; 4: г).

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Курган «Репяховатая Могила» (Черкасская область, Шполянський район) был возведен в лесостепной зоне Днепровского Правобережья в 5 км к юго-востоку от с. Матусов и входил в группу, состоявшую из 8 (или более?) курганов. Под насыпью кургана (высота — 2 м, диаметр — 44 м) обнаружены две могилы (основная № 1 и впускная № 2), которые в плане имели вид прямоугольных ям (рис. 4: а—в), обложенных деревом и обмазанных глиной. Гробницы с дромосом, идущим от середины южной стены в южном направлении, были ориентированы по сторонам света. (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с. 31—34, 39—40).

Курган 407 у с. Журовка / Журавка (Черкасская обл., Шполянский р-н) также был сооружен в лесостепной зоне Днепровского Правобережья и находился на расстоянии ≈20 км к югу от «Репяховатой Могилы».

Курган 407 входил в могильник урочища Горячево, расположенный к западу от построек Журовской экономии над долиной реки Турьи. Он состоял из одного большого кургана (№ 406), окруженного несколькими сотнями маленьких курганов, включая едва заметные насыпи (Бобринский 1905, с. 32—35; Ильинская 1975, с. 21).

Под насыпью кургана 407 у с. Журовка / Журавка (высота — 3 м, диаметр — 124 м) находилась одна гробница (рис. 4: г). Могила (ориентирована С—Ю) в плане имела вид прямоугольной ямы с дромосом, идущим от южной стены в южном направлении. В яме обнаружено сооружение, имевшее деревянную облицовку по стенам и девять столбов: четыре — по углам, три — по серединам сторон, два — в центре. Столбы по уг-

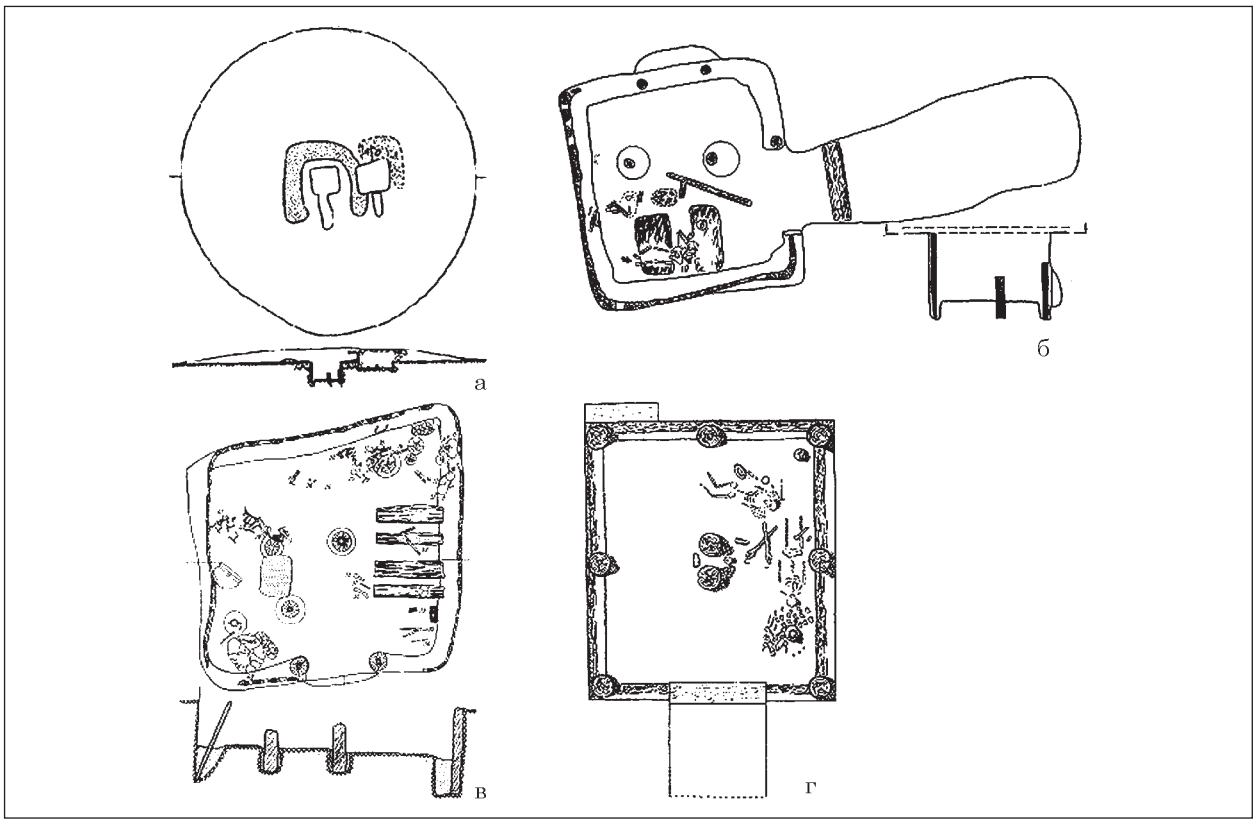


Рис. 4. Погребальные сооружения в курганах: а, б (гробница 1) и а, в (гробница 2) — «Репяховатая Могила»; г — № 407 у с. Журовка / Журавка

лам и вдоль стен не были вкопаны в землю, а стояли «в виде пилястров». Очень неглубоко были вкопаны и центральные столбы. Дромос — «мало покатый», дно его было значительно выше дна могильной ямы. Для спуска в могилу в материке была сделана ступенька (Бобринский 1905, с. 32—33; Ильинская 1975, с. 21).

СОСТОЯНИЕ И СОСТАВ ЗАХОРОНЕНИЙ

В кургане «Репяховатая Могила» одно из захоронений гробницы 1, вероятно, находилось в ее восточной части, опустошенной грабителями (найдены несколько мелких фрагментов чернолощеного суда). В западной (сохранной) половине гробницы обнаружены захоронения женщины и подростка. Женщина покоилась вдоль западной стены ямы в вытянутом положении головой на юг, руки раздвинуты ромбом, правая нога подогнута. От ложа, на котором находилась умершая, сохранились две широкие доски (одна — под головой и спиной, другая — под ногами). Подросток лежал против середины северной стены (сохранился не полностью — отсутствовали череп и большая часть костей грудной клетки) в скорченном положении на левом боку головой на юг (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с. 35—36).

В гробнице 2 «Репяховатой Могилы» выявлены два захоронения: мужское (?) и детское. Взрослый человек лежал вдоль восточной стены на широком деревянном помосте или носилках (сохранились четыре полуистлевшие доски), вытянуто на спине (?), головой на юг (на первоначальном месте остались почти совсем распавшийся чееп и кости голени одной ноги).

Погребенный ребенок находился в северо-западной части гробницы (не потревожен), лежал скорченно на правом боку (правая нога вытянута, левая согнута; руки согнуты, кисти — перед лицом, ориентирован головой на юго-восток. Вещей при нем не было (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с. 40).

В могилу кургана 407 у с. Журовка / Журавка было совершено парное погребение мужчины и женщины. Мужчина лежал вдоль восточной стенки, вытянуто на спине (?), головой на юг (ноги, по предположению автора раскопок, при погребении были подняты коленями вверх, впоследствии распались в разные стороны). Молодая женщина (≈15 лет) покоилась у северной стенки, головой на юго-восток, в скорченном положении, коленями вверх. Голова женщины находилась в ногах мужчины. По мнению А. А. Бобринского, могила была частично ограблена, причем ученый отметил, что ограблено было и женское захоронение, «грабитель взял золотые вещи и волочил женское одеяние» (1905, с. 35). Однако описание расположения и соханности скелетов, а также местоположение булавки, видимо служившей

«застежкой» одежды (у верхней части тела женщины), позволяет предполагать, что ограблению подвегся лишь мужчина, т. к., в отличие от женщины, точно определить его положение А. А. Бобринскому не удалось из-за плохой сохранности костей.

СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

Близкие по форме предметы в сопоставляемых курганах представлены железными навершиями, железными удилами, костяными псалиями, каменными блюдами, черпаками, железными ножами, височными кольцами (серьгами), бронзовыми «гвоздевидными» булавками и бусами.

Железные «стержневидные навершия» (с четырехгранным в сечении стержнем и небольшой петлей в его средней части) имеют овальные бубенцы (верхняя часть бубенца в виде «загнутого клюва») с высокими линзовидными прорезями (тип V по классификации Е. В. Переводчиковой (Переводчикова 1980, с. 26, 30, рис. 4: 1—5).

В гробнице 2 кургана «Репяховатая Могила» два навершия (рис. 5: 1—2) были обнаружены среди сосудов (между и внутри) в юго-западном углу могилы (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с. 38—41, рис. 9; 13: 2—3; 17: 9—10).

В кургане 407 у с. Журовка / Журавка пара железных наверший (рис. 5: 17) находилась (перпендикулярно друг другу) между мужским скелетом (слева у пояса) и черепом женщины, располагаясь крестообразно (Бобринский 1905, с. 33—34, рис. 78).

В гробнице 2 «Репяховатой Могилы» открыто два вида железных удил. Одни из них — со стремечковидными концами (рис. 5: 3) находились в скоплении у северной стены (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980 с. 46, рис. 16: 1).

Другой вид железных удил (6 экз.) — с петельчатыми концами (рис. 5: 4) также находился в скоплении у северной стены гробницы 2 «Репяховатой Могилы» (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с. 46, рис. 16: 2—3) и еще 6 пар лежали у западной стены (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с. 47, рис. 18).

В кургане 407 у с. Журовка / Журавка три пары железных удил (форма не определяется) и четыре костяных псалия, один конец которых оформлен в виде головы грифо-барана (барано-птицы), другой — в виде копыта (рис. 5: 18), располагались за головой мужчины (Бобринский 1905, с. 33). В типологии А. Д. Могилова (1.1.1.2.), где эти псалии рассмотрены, показано, что они представлены 12 экземплярами, происходящими из семи памятников (Могилов 2008, с. 26).

В обеих гробницах «Репяховатой Могилы» составные псалии, от которых сохранились только костяные наконечники (рис. 5: 5, 11), сопровождали бронзовые удила. Один конец псалиев оформлен в виде головы грифо-барана (барано-птицы), другой — в виде копыта (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с. 35, рис. 4: 13—14; с. 46—47, рис. 17: 3).

Каменные блюда находились в северо-восточном углу гробницы 2 «Репяховатой Могилы» рядом с лепными сосудами. Одно (блюдо с «носиком») было перевернуто и лежало в канавке у восточной стены (рис. 5: 6), другое (овальное со следами красной краски) — стояло лицевой стороной вверх (рис. 5: 7), «на нем располагались зеркала бронзовое с железной ручкой и цельнобронзовое» [1] (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с. 40, 48, рис. 21).

В кургане 407 у с. Журовка / Журавка песчаниковое овальное блюдо с кусками красной краски и серы находиось справа у руки женщины (Бобринский 1905, с. 34).

В разных местах гробницы 2 «Репяховатой Могилы» найдены **7** железных ножей (рис. 5: 8), из которых 6 опрелелены исследователями как «охотничьи или боевые» и один как «кухонный». Охотничьи ножи «цельножелезные с пластинчатой рукоятью и длинным клинком со слегка изогнутой спинкой и почти прямым лезвием». Один обнаружен в юго-восточном углу (имеет слегка обособленную рукоять), второй — в ножнах с кинжалом при поясе погребенного воина (рукоять не отделена от клинка). Другие ножи — одинаковые по форме и отличающиеся размерами (клинки с почти прямым лезвием, широкой спинкой, слегка загибающейся к острию и короткими плоскими черешками). «Кухонный» нож (клинок с горбатой спинкой и несколько вогнутым лезвием и коротким плоским черешком) лежал между колчанами у северной стены (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с. 44—45, рис. 15: 1—7).

В кургане 407 у с. Журовка / Журавка фрагмент железного ножа был обнаружен у колена мужчины рядом с костями животных. Части второго ножа находиось справа от руки женщины (Бобринский 1905, с. 34).

В юго-западном углу гробницы 2 «Репяховатой Могилы» рядом с античными и лепными сосудами находился большой черпак (рис. 5: 9) «грушевидной формы» (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с. 41, 52—53, рис. 24: 5; 25: 6).

В кургане 407 у с. Журовка / Журавка аналогичный «грушевидный черпак» (рис. 5: 20) обнаружен в восточном углу могилы (Бобринский 1905, с. 32—33; Ильинская 1975, с. 25, табл. X: 19).

По классификации К. Ю. Пеляшенко (третий вариант) подобные «высокие черпаки с вы-

1. Предметы, показавшие статичные даты.

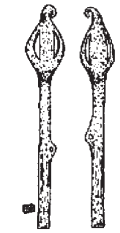
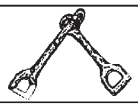
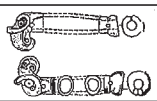
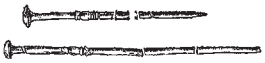
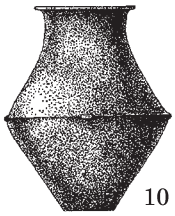
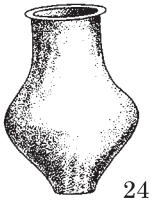
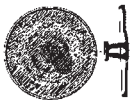
«Репяховатая Могила»		Журовка, к. 407
Гробница 2	Гробница 1	
 1, 2	—	17
 3	—	+ (форма?)
4	—	+ (форма?)
5	 11	18
6 7	—	19
8	—	+ (форма?)
9	—	20
—	12 13	21
—	 14	22
—	15	23
Янтарные бусы	Янтарные бусы	Янтарные бусы
Стеклянные бусы и бисер	Стеклянные бусы и бисер	Стеклянные бусы и бисер
 10	—	 24
—	 16	25

Рис. 5. Сопоставление сопроводительного инвентаря курганов «Репяховатая Могила» и № 407 у с. Журовка / Журавка

деленным ребром посередине или ниже середины корпуса» отличаются конической формой и, нередко, большими размерами, приближающими их к кувшинам (Пеляшенко 2014, с. 55).

В гробнице 1 «Репяховатой Могилы» (справа и слева от черепа женщины) находились два золотых височных кольца (рис. 5: 13), имеющих вид изогнутого стержня с большой грибовидной бляшкой на одном конце и маленькой — на другом (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с. 35—39; рис. 5: 4—5; 8). Такие предметы определяются и как серьги (Петренко 1978, с. 21—25).

Около северного опорного столба гробницы, приблизительно там, где могла лежать голова подростка, найдено бронзовое височное кольцо (рис. 5: 12), по форме близкое золотым височным кольцам женщины (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с. 35—36; рис. 4: 12).

В кургане 407 у с. Журовка / Журавка у черепа женщины обнаружены две бронзовые гвоздевидные серьги (Бобринский 1905, с. 34; Ильинская 1975, с. 24, табл. X: 12—13), по форме аналогичные золотым височным кольцам женщины из гробницы 1 «Репяховатой Могилы» (рис. 5: 21).

В гробнице 1 «Репяховатой Могилы» — под черепом и слева от него находились две бронзовые парные булавки, с небольшой гвоздевидной выпуклой шляпкой и двумя рядами рубчиков на стержне (рис. 5: 14). Размещение булавок у черепа позволило исследователям предположить их использование в качестве заколок головного убора (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с. 35—37, 39, рис. 4: 18—19).

В кургане 407 у с. Журовка / Журавка гвоздевидная булавка (рис. 5: 22) обнаружена у верхней части тела женщины (Бобринский 1905, с. 34; Ильинская 1975, с. 24, табл. X: 2).

В гробнице 1 «Репяховатой Могилы», у северной стены, встречены 5 бусин (конических розеток) голубовато-белого цвета (рис. 5: 15) вместе с бисером и пастовыми бусинами в виде «кольцевых нарезок» (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с. 36—37, рис. 5: 1—3).

В кургане 407 у с. Журовка / Журавка в состав ожерелья женщины входили две (?) бусины в виде конических пастовых розеток (рис. 5: 23), бусины из янтаря (Рябкова 2010a, рис. 6; 2010b, рис. 9), маленькая золотая бусинка, мелкие пастовые и стеклянные бусы, около 400 пастовых бисеринок (Бобринский 1905, с. 34; Ильинская 1975, с. 24, табл. X: 16, 17). Т. В. Рябкова полагает, что бусы-розетки «вероятнее всего являются предметами закавказского производства» (2010a, с. 186).

Янтарные круглые бусы обнаружены на черепе женщины из гробницы 1 «Репяховатой Могилы». Они, видимо, украшали повязку вместе с цилиндрическими бусинами из голубоватой пасты (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с. 39, рис. 5: 6, 7; 7).

Бусы из янтаря встечены и в гробнице 2 «Репяховатой Могилы»: три круглые, большая рубчатая, большая и маленькая биконические, семь небольших рубчатых. Они собраны вдоль восточной стены могилы вместе с другими бусинами и бисером из стекла и «пасты» (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с. 49, рис. 20: 5—17).

По составу сопроводительного инвентаря наибольшая близость прослеживается между гробницей 2 кургана «Репяховатая Могила» и гробницей в кургане 407 у с. Журовка / Журавка. Однако сохранность некоторых предметов в последнем памятнике не позволяет провети полный сравнительный анализ. Безусловное сходство демонстрируют железные навершия, каменные блюда и высокие черпаки «грушевидной формы» (рис. 5: 1—2 и 17, 7 и 19, 9 и 20). Наличие в гробнице 2 «Репяховатой Могилы» двух типов железных удил (рис. 5: 3—4) позволяет отнести плохо сохранившиеся формы из кургана 407 у с. Журовка / Журавка как к одному из типов, так и к обоим. Тоже можно сказать и о формах железных ножей (рис. 5: 8).

Сходство в составе сопроводительного инвентаря между гробницей 1 «Репяховатой Могилы» и гробницей в кургане 407 у с. Журовка / Журавка устанавливается по трем категориям предметов: височные кольца (серьги), «гвоздевидные» булавки и бусины-розетки (рис. 5: 12—13 и 21, 14 и 22, 15 и 23).

В обеих гробницах «Репяховатой Могилы» присутствовали янтарные бусы, стеклянные бусы и бисер, костяные детали псалиев, один конец которых оформлен в виде головы грифобарана (барано-птицы), другой — в виде копыта (рис. 5: 5, 11). По оформлению последние близки, но не идентичны, обнаруженным в кургане 407 у с. Журовка / Журавка (рис. 5: 18). Сами псалии из «Репяховатой Могилы» и кургана 407 у с. Журовка / Журавка различны по конструкции.

Помимо рассмотренных предметов в сопоставляемых памятниках обнаружены крупногабаритные сосуды (корчаги) и бронзовые «зеркала», различающиеся по форме, но близкие, как полагают исследователи, по функции.

В гробнице 2 «Репяховатой Могилы» чернолощеная корчага (высота — 70 см) биконической формы (рис. 5: 10) с вогнутыми вверху стенками и резко отогнутыми наружу краями (на перегибе корпуса расположены четыре маленьких продолговатых налепа) обнаружена в юго-западном углу (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, с. 53, рис. 26; 27: 2).

В кургане 407 у с. Журовка / Журавка чернолощеная корчага (высота — 50 см) с округлым туловом (рис. 5: 24) находилась за головой мужчины в юго-восточном углу могилы (Бобринский 1905, с. 35; Ильинская 1975, с. 25, табл. X: 18).

Такие корчаги, по мнению исследователей, могли использоваться для хранения запасов воды или продуктов (Ильинская 1975, с. 133).

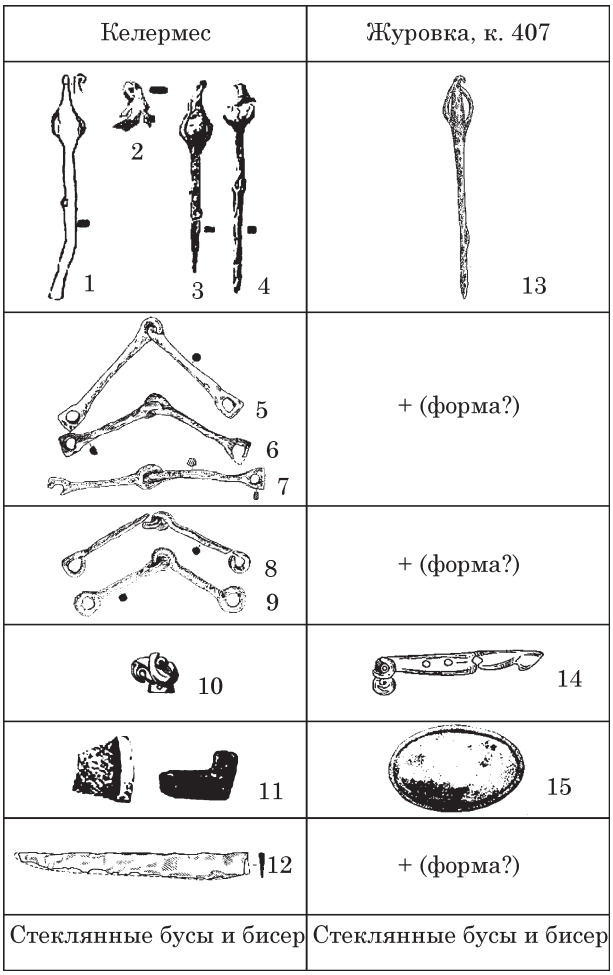


Рис. 6. Сопоставление сопроводительного инвентаря курганов «Репяховатая Могила» и № 407 у с. Журовка / Журавка

Зеркало-«фиала»? в гробнице 1 «Репяховатой Могилы» находилось справа от головы женщины (рис. 5: 16). Предмет представляет собой диск с бортиком и центральной ручкой, состоящей из двух столбиков, перекрытых бляшкой. Бляшка-кружок с бортиком и изображением рельефной многолепестковой (6 лепестков) розетки (Кузнецова 2002, с. 62). Форма розетки на бляшке имеет аналогии в изобразительной традиции Древней Греции (Alhberg-Cornell 1992, fig. 116, 165).

В кургане 407 у с. Журовка / Журавка зеркало (рис. 5: 25) обнаружено у верхней части тела женщины. Лежало в деревянном футляре, окрашенном красной краской (Бобринский 1905, с. 34; Ильинская 1975, с. 24—25; табл. X: 3). Представляет собой диск с бортиком и центральной (высокой) треугольной ручкой-петелькой.

Зеркало-«фиала»? из гробницы 1 «Репяховатой Могилы» и зеркало из кургана 407 у с. Журовка / Журавка — это разные формы. Первая восходит, видимо, к античной традиции (Кузнецова 2002, с. 76), другая — связана своим происхождением с востоком Евразии, где встречены и образцы с треугольной петелькой (Тишкин, Серегин 2011, с. 26, табл. 1).

Однако, Т. В. Рябкова, опираясь на визуальное исследование зеркала из кургана 407 у с. Журовка / Журавка, пришла к выводу о том, что появление центральной ручки-петельки у этого экземпляра могло быть результатом переделки ручки в виде столбиков, перекрытых бляшкой, которая была произведена «после слома или литейного брака бляшки», когда «два столбика были согнуты и спаяны так, что получилась петелька» (2010а, с. 180—182, рис. 2: 3), поэтому ему стоит уделить некоторое внимание.

При первом знакомстве с материалом мной было сделано точно такое же определение, какое сделала и Т. В. Рябкова. Высота петли (8 мм) у этого зеркала, действительно, на первый взгляд, производит впечатление такой ее починки. Исходя из этого, для уточнения, пришлось обращаться за консультацией к специалистам по технике и технологии цветной металлообработки, которые такое предположение не подтвердили. В верхней части петли виден след, оставшийся в материале, из которого изготавливалась модель для отливки зеркала (возможно, там есть и след от литника), что указывает на первоначальную форму ручки в виде треугольной петельки. В этой связи и предположение Т. В. Рябковой не имеет основания.

Поскольку корчаги, как и «зеркала», представлены различными формами, они при сравнении сопроводительного инвентаря гробницы 2 «Репяховатой Могилы» и кургана 407 у с. Журовка / Журавка, не учитываются.

Проведенное ранее сопоставление сходных по форме предметов (навершия, железные и бронзовые удила, железные и костяные псалии, каменные блюда, бронзовые наконечники стрел, железные ножи и раковины каури), входивших в число сопроводительного инвентаря кургана «Репяховатая Могила» и курганов Келермеса показало, что оба эти памятника были оставлены, видимо, близкими группами скифов (Кузнецова 2016, с. 130).

При сравнении материалов из гробниц кургана «Репяховатая Могила» и кургана 407 у с. Журовка / Журавка сходство сопроводительного инвентаря устанавливается по наличию железных наверший, конского снаряжения, каменных блюд, ножей, черпаков, височных колец и бус, что дает основание предположить близость последнего памятника к Келермесским курганам (рис. 6). Сопоставление вещевого комплекса Келермеса и материалов кургана 407 у с. Журовка / Журавка показывает сходство в наличии железных наверший (рис. 6: 1—4 и 13), категорий конского снаряжения, каменных блюд (рис. 6: 11 и 15), железных ножей, бусин и бисера.

Использование бусин и бисера в рассмотренных памятниках различно. В «Репяховатой Могиле» и кургане 407 у с. Журовка / Журавка

они входят в состав женских украшений, а в Келермесе относятся и к конскому снаряжению.

* * *

Время возведения кургана «Репяховатая Могила»: гробница 1 — первое десятилетие второй четверти VI в. до н. э. (≈575—565 гг. до н. э.); гробница 2 — ближе к последнему десятилетию второй четверти VI в. до н. э. (≈565—555 гг. до н. э.), как уже отмечалось, не выходит за рамки второй четверти — середины VI в. до н. э. (Кузнецова 2017, с. 100—114).

Сопоставление сходных по форме предметов, входивших в число сопроводительного инвентаря кургана «Репяховатая Могила» и курганов Келермеса показало, что оба эти памятника были оставлены, как уже отмечалось, видимо, близкими группами скифов. При этом, наибольшая близость устанавливается между материалами гробницы 2 «Репяховатой Могилы» и курганами, раскопанными Н. И. Веселовским, т. е. так называемыми «старшими» курганами могильника Келермес, которые могут быть датированы временем не ранее последнего десятилетия первой четверти VI в. до н. э. (585—575 гг. до н. э.), учитывая территориальную удаленность Прикубанских и Приднепровских памятников друг от друга.

Сравнение данных по составу сопроводительного инвентаря дает основание датировать курган 407 у с. Журовка / Журавка в пределах второй четверти VI в. до н. э. и предположить, что этот памятник, гробница 2 «Репяховатой Могилы», и курганы Келермеса, раскопанные Н. И. Веселовским, были связаны с представителями одной из воинских группировок скифов, быстро продвинувшейся на рубеже первой и второй четвертей VI в. до н. э. с территории Северного Кавказа в западном направлении.

Сопоставление рассмотренных памятников позволяет предположить следующую последовательность их сооружения: Келермес — 585—575 гг. до н. э.; «Литой» (Мельгуновский) — 575—570 гг. до н. э.; «Репяховатая Могила» (гробница 1 — 575—565 гг. до н. э.; гробница 2 — 565—555 гг. до н. э.); курган 407 у с. Журовка / Журавка — 560—550 гг. до н. э., но пока только предварительно. Даты курганов, как и некоторые особенности в погребальном обряде, послужившие основанием для предлагаемого распределения, будут уточняться по мере включения в систему данных о других памятниках скифской архаики.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А. Ю. 1987. Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н. э. *Советская археология*, 3, с. 28-39.

Билимович, З. А. 1976. Греческие бронзовые зеркала Эрмитажного собрания. *Труды Государственного Эрмитажа*, XVII, с. 32-66.

Бобринский, А. 1905. Отчет, произведенный в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии. *Известия ИАК*, 14, с. 1-43.

Вахтина, М. Ю. 2010. Ось запад-восток и изобразительная система серебряной обкладки келермесского зеркала. В: Джаксон, Т. Н. (ред.). *Gaudeamus Igitur. Сборник статей к 60-летию А. В. Подосинова*. Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, с. 102-112.

Вахтина, М. Ю., Кашуба, М. Т. 2014. Находки ранней греческой керамики в варварских памятниках Северного Причерноморья и время появления постоянных античных поселений в регионе. *Боспорские чтения*, 15, с. 69-81.

Галанина, Л. К. 1983. Раннескифские уздечные наборы (по материалам келермесских курганов). *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 24, с. 32-55.

Галанина, Л. К. 1997. *Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи*. Москва: Палеограф. Степные народы Евразии, 1.

Дараган, М. Н. 2010. О датировке амфоры из погребения 2 Репяховатой Могилы. *Античный мир и археология*, 14, с. 175-202.

Иванчик, А. И. 2001. *Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени*. Москва: Палеограф. Степные народы Евразии, 2.

Ильинская, В. А. 1975. *Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин*. Киев: Наукова думка.

Ильинская, В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин, А. И. 1980. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, с. 31-63.

Кисель, В. А. 1993. Стилистическая и хронологическая атрибуция серебряного зеркала из Келермеса. *Вестник древней истории*, 1, с. 111-125.

Кисель, В. А. 2003. *Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

Копейкина, Л. В. 1970. Особенности развития родосско-ионийской керамики в первой половине VI в. до н. э. и вопросы локализации некоторых ее групп. *Вестник древней истории*, 1, с. 93-106.

Копейкина, Л. В. 1981. *Келермесское зеркало (к вопросу о датировке и месте его изготовления)*. Архив отдела Античного мира Государственного Эрмитажа. Без номера.

Кузнецова, Т. М. 2002. *Зеркала Скифии VI—III вв. до н. э.* Москва: Индрик, I.

Кузнецова, Т. М. 2009. Хронология скифского присутствия на Ближнем Востоке (по следам Геродота). *Stratum plus*, 3, с. 308-328.

Кузнецова, Т. М. 2016. Келермесский могильник и система скифской хронологии архаического периода. В: Кулланда, С. В., Балахванцев, А. С. (ред.). *Материалы международной научной конференции памяти М. Н. Погребовой «Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа»*. Москва: ИВ РАН, с. 124-134.

Кузнецова, Т. М. 2017a. О времени сооружения кургана «Репяховатая Могила». *Российская археология*, 2, с. 103-117.

Кузнецова, Т. М. 2017b. Курганы «Репяховатая Могила», «Червона Могила» и Келермес. *Тезисы международной научной онференции «Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики», 13—14 ноября 2017*: http://scythia-sarmatia.ru/publish/.

Максимова, М. И. 1954. Серебряное зеркало из Келермеса. *Советская археология*, 21, с. 281-305.

Маслов, В. Е. 2010. Фрагменты ионийских сосудов из кургана № 16 могильника Новозаведенное II. *Материалы и исследования по археологии России*, 13: Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельныхтерриторий, с. 51-62.

Медведская, И. Н. 1992. Периодизация скифской архаики и Древний Восток. *Российская археология*, 3, с. 86-107.

Мелюкова, А. И. 1998. К вопросу о датировке раннескифских стрел. *Музейні читання. Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 90-літтю О. І. Тереножкіна.* Київ, с. 108-112.

Могилов, О. Д. 2008. *Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи.* Київ, Кам'янець-Подільський.

Ольговський, С. Я. 1987. Бронзовий казан з Реп'яховатої могили з Черкащини. *Археологія*, 58, с. 78-83

Пеляшенко, К. Ю. 2014. Кружковидные черпаки раннескифского времени лесостепной части Среднего Поднепровья. *Stratum plus*, 3, с. 51-63.

Переводчикова, Е. В. 1980. Типология и эволюция скифских наверший. *Советская археология*, 2, с. 23-44.

Петренко, В. Г. 1978. *Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.*Москва: Наука. Свод археологических источников, Д 4-5.

Пиотровский, Б. Б. 1959. *Ванское царство (Урарту).* Москва: Издательство Восточной литературы.

Полін, С. В. 1987. Хронологія раннескіфських пам'яток. *Археологія*, 59, с. 17-36.

Рябкова, Т. В. 2009. Наконечники стрел скифского типа из Тейшебаини. В: Марченко, И. И. (ред.). *Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции.* Краснодар: Кубанский государственный университет, с. 328-335.

Рябкова, Т. В. 2010a. К вопросу о «скифских» бусах в Тейшебаини. Изобразительное искусство в археологическом наследии. *Археологический альманах*, 21, с. 178-188.

Рябкова, Т. В. 2010b. Украшения из янтаря в раннескифской культуре. *Янтарь в древних культурах. Художественные произведения из собрания Эрмитажа. Каталог выставки*. Санкт-Петербург: Славия, с. 35-46.

Тереножкин, А. И. 1975. Киммерийские мечи и кинжалы. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифский мир.* Киев: Наукова думка, с. 3-34.

Тишкин, А. А., Серегин, Н. Н. 2011. *Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета).* Барнаул: Азбука.

Фиалко, Е. Е. 2006. Посуда с лаковым покрытием в погребальном обряде скифов. *Материалы и исследования по археологии России*, 7: Древности скифской эпохи, с. 351-387.

Черненко, Е. В. 1980. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес). В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифия и Кавказ.* Киев: Наукова думка, с. 7-30.

Ahlberg-Cornel, G. 1992. *Myth and Epos in Early Greek Art. Representation and Interpretation.* Jonsered: Paul Estrɑms Forlag. Studies in Mediterranean Archaeology, 100.

Cook, R. M., Dupont, P. 1998. *East Greek Pottery.* London, New York: Routledg.

Kerschner, M., Schlotzhauer, U. 2005. A Nev Classifikation System for East Greek Potteri. *East & West*, 4, 1, p. 1-56.

Metdepenninghen, C. 1997. La relation entre l'art urartéen au temps du roi Rusa II et les épées-akinakes de Kelermus et de Melgounov. *Iranica Antiqua*, 32, p. 109-136.

Oberländer, P. 1967. *Griechische Handspiegel.* Hamburg.

REFERENCES

Alekseyev, A. Yu. 1987. Zametki po khronologii skifskikh stepnykh drevnostey IV v. do n. e. *Sovetskaya arkheologiya*, 3, s. 28-39.

Bilimovich, Z. A. 1976. Grecheskiye bronzovyye zerkala Ermitazhnogo sobraniya. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, XVII, s. 32-66.

Bobrinskiy, A. 1905. Otchet, proizvedennyy v 1903 godu v Chigirinskom uyezde Kievskoy gubernii. *Izvestiya IAK*, 14, s. 1-43.

Vakhtina, M. Yu. 2010. Os zapad-vostok i izobrazitelnaya sistema serebryanoy obkladki kelermesskogo zerkala. In: Dzhakson, T. N. (ed.). *Gaudeamus Igitur. Sbornik statey k 60-letiyu A. V. Podosinova.* Moskva: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke, s. 102-112.

Vakhtina, M. Yu., Kashuba, M. T. 2014. Nakhodki ranney grecheskoy keramiki v varvarskikh pamyatnikakh Severnogo Prichernomoria i vremya poyavleniya postoyannykh antichnykh poseleniy v regione. *Bosporskiye chteniya*, 15, s. 69-81.

Daragan, M. N. 2010. O datirovke amfory iz pogrebeniya N 2 Repyakhovatoy Mogily. *Antichnyy mir i arkheologiya*, 14, s. 175-202.

Galanina, L. K. 1983. Ranneskifskiye uzdechnyye nabory (po materialam kelermesskikh kurganov). *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 24, s. 32-55.

Galanina, L. K. 1997. *Kelermesskiye kurgany. «Tsarskiye» pogrebeniya ranneskifskoy epokhi.* Moskva: Paleograf. Stepnyye narody Evrazii, 1.

Ivanchik, A. I. 2001. *Kimmeriytsy i skify. Kulturno-istoricheskiye i khronologicheskiye problemy arkheologii vostochnoyevropeyskikh stepey i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni.* Moskva: Paleograf. Stepnyye narody Evrazii, 2.

Ilinskaya, V. A. 1975. *Ranneskifskiye kurgany basseyna r. Tyasmin.* Kiev: Naukova dumka.

Ilinskaya, V. A., Mozolevskiy, B. N., Terenozhkin, A. I. 1980. Kurgany VI v. do n. e. u s. Matusov. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifiya i Kavkaz.* Kiev: Naukova dumka, s. 31-63.

Kisel, V. A. 1993. Stilisticheskaya i khronologicheskaya atributsiya serebryanogo zerkala iz Kelermesa. *Vestnik drevney istorii*, 1, s. 111-125.

Kisel, V. A. 2003. *Shedevry yuvelirov Drevnego Vostoka iz skifskikh kurganov.* Sankt-Peterburg: Peterburgskoye vostokovedeniye.

Kopeykina, L. V. 1970. Osobennosti razvitiya rodosskoioniyskoy keramiki v pervoy polovine VI v. do n. e. i voprosy lokalizatsii nekotorykh eye grup. *Vestnik drevney istorii*, 1, s. 93-106.

Kopeykina, L. V. 1981. *Kelermesskoye zerkalo (k voprosu o datirovke i meste ego izgotovleniya).* Arkhiv otdela Antichnogo mira Gosudarstvennogo Ermitazha. Bez nomera.

Kuznetsova, T. M. 2002. *Zerkala Skifii VI—III vv. do n. e.* Moskva: Indrik, I.

Kuznetsova, T. M. 2009. Khronologiya skifskogo prisutstviya na Blizhnem Vostoke (po sledam Gerodota). *Stratum plus*, 3, s. 308-328.

Kuznetsova, T. M. 2016. Kelermesskiy mogilnik i sistema skifskoy khronologii arkhaicheskogo perioda. In: Kullanda, S. V., Balakhvantsev, A. S. (ed.). *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii pamyati M. N. Pogrebovoy «Kavkaz i step na rubezhe epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza».* Moskva: IV RAN, s. 124-134.

Kuznetsova, T. M. 2017a. O vremeni sooruzheniya kurgana «Repyakhovataya Mogila». *Rossiyskaya arkheologiya*, 2, s. 103-117.

Kuznetsova, T. M. 2017b. Kurgany «Repyakhovataya Mogila». «Chervona Mogila» i Kelermes. *Tezisy mezhdunarodnoy nauchnoy onferentsii «Novoye v issledovaniyakh rannego zheleznogo veka Evrazii: problemy. otkrytiya. metodiki»: 13—14 noyabrya 2017*: http://scythia-sarmatia.ru/publish/.

Maksimova, M. I. 1954. Serebryanoye zerkalo iz Kelermesa. *Sovetskaya arkheologiya*, 21, s. 281-305.

Maslov, V. E. 2010. Fragmenty ioniyskikh sosudov iz kurgana № 16 mogilnika Novozavedennoye II. In: Gerasimova, M. M., Malashev, V. Yu., Moshkova, M. G. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii*, 13: Arkheologiya i paleoantropologiya Evraziyskikh stepey i sopredelnykhterritoriy, s. 51-62.

Medvedskaya, I. N. 1992. Periodizatsiya skifskoy arkhaiki i Drevniy Vostok. *Rossiyskaya arkheologiya*, 3, s. 86-107.

Melyukova, A. I. 1998. K voprosu o datirovke ranneskifskikh strel. *Muzeini chytannia. Materialy Mizhnarodnoi naukovoi konferentsii, prysviachenoi 90-littiu O. I Terenozhkina.* Kyiv: Muzei istorychnykh koshtovnostei Ukrainy, s. 108-112.

Mohylov, O. D. 2008. *Sporiadzhennia konia skifskoi doby u Lisostepu Skhidnoi Yevropy*. Kyiv, Kam'ianets-Podilskyi.

Olhovskyi, S. Ia. 1987. Bronzovyi kazan z Rep'iakhovatoi mohyly z Cherkashchyny. *Arkheolohiia*, 58, s. 78-83.

Pelyashenko, K. Yu. 2014. Kruzhkovidnyye cherpaki ranneskifskogo vremeni lesostepnoy chasti Srednego Podneprovia. *Stratum plus*, 3, s. 51-63.

Perevodchikova, E. V. 1980. Tipologiya i evolyutsiya skifskikh navershiy. *Sovetskaya arkheologiya*, 2, s. 23-44.

Petrenko, V. G. 1978. *Ukrasheniya Skifii VII—III vv. do n. e.* Moskva: Nauka. Svod arheologicheskih istochnikov, D 4-5.

Piotrovskiy, B. B. 1959. *Vanskoye tsarstvo (Urartu)*. Moskva: Izdatelstvo Vostochnoy literatury.

Polin, S. V. 1987. Khronolohiia ranneskifskykh pam'iatok. *Arkheolohiia*, 59, s. 17-36.

Ryabkova, T. V. 2009. Nakonechniki strel skifskogo tipa iz Teyshebaini. In: Marchenko, I. I. (ed.). *Pyataya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya. Materialy konferentsii*. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, s. 328-335.

Ryabkova, T. V. 2010a. K voprosu o «skifskikh» busakh v Teyshebaini. Izobrazitelnoye iskusstvo v arkheologicheskom nasledii. *Arkheologicheskiy almanakh*, 21, s. 178-188.

Ryabkova, T. V. 2010b. Ukrasheniya iz yantarya v ranneskifskoy culture. *Yantar v drevnikh kulturakh. Khudozhestvennyye proizvedeniya iz sobraniya Ermitazha. Katalog vystavki*. Sankt-Peterburg: Slaviya, s. 35-46.

Terenozhkin, A. I. 1975. Kimmeriyskiye mechi i kinzhaly. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskiy mir*. Kiev: Naukova dumka, s. 3-34.

Tishkin, A. A., Seregin, N. N. 2011. *Metallicheskiye zerkala kak istochnik po drevney i srednevekovoy istorii Altaya (po materialam Muzeya arkheologii i etnografii Altaya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta).* Barnaul: Azbuka.

Fialko, E. E. 2006. Posuda s lakovym pokrytiyem v pogrebalnom obryade skifov. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii*, 7: Drevnosti skifskoy epokhi, s. 351-387.

Chernenko, E. V. 1980. Drevneyshiye skifskiye paradnyye mechi (Melgunov i Kelermes). In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifiya i Kavkaz*. Kiev: Naukova dumka, s. 7-30.

Ahlberg-Cornel, G. 1992. *Myth and Epos in Early Greek Art. Representation and Interpretation.* Jonsered: Paul Estrцms Forlag. Studies in Mediterranean Archaeology, 100.

Cook, R. M., Dupont, P. 1998. *East Greek Pottery*. London, New York: Routledg.

Kerschner, M., Schlotzhauer, U. 2005. A Nev Classifikation System for East Greek Potteri. *East & West*, 4, 1, p. 1-56.

Metdepenninghen, C. 1997. La relation entre l'art urartéen au temps du roi Rusa II et les épées-akinakes de Kelermиs et de Melgounov. *Iranica Antiqua*, 32, p. 109-136.

Oberländer, P. 1967. *Griechische Handspiegel*. Hamburg.

T. M. Kuznetsova

FROM THE BARROW «REPYAHOVATAYA GRAVE» TO THE BARROW 407 NEAR THE VILLAGE HUROVKA / ZHURAVKA (CHRONOLOGY)

The article continues the work connected with the construction (restoration) of the chronological system of the Scythian archaic period according to archaeological data.

The composition of the accompanying equipment of the barrow «Repyahovataya Grave», which includes items with static dates (mirrors with a side handle, dating no earlier than the second quarter of the 6th century BC — imitation of «Corinthian» forms that appeared in Greece within the specified time), allowed considering it as a chronoindicator for the monuments of the early Scythian period.

The erection of the barrow «Repyahovataya Grave» does not go beyond the second quarter — the middle of the 6th century BC, which connects it with the return of Scythian army of King Madia from the campaign to the Near East.

The similarity of the accompanying equipment of the «Repyahovatoy Graves» and Kelermes (nine categories) showed that Kelermes also refers to «post-campaign» time and dates not earlier than the last decade of the first quarter of the 6th century BC taking to account the distance of the monuments from each other.

The proximity of materials from the tombs of the barrow «Repyahovataya Mogila» and the mound 407 near the village of Zhurovka / Zhuravka is established by the presence of horse equipment, stone dishes, scoops, knives, temple rings and beads. Comparison of the data allows us to date the mound 407 in the village of Zhurovka / Zhuravka within the second quarter of the 6th century BC and assume that these monuments, considering Kelermes too, were abandoned by representatives of the Scythian community, which quickly advanced from the North Caucasus in a western direction at the turn of the first and second quarters of the 6th century BC.

Keywords: chronological system, Scythian archaic, Dnieper forest-steppe, Northern Caucasus.

Одержано 26. 01.2018

КУЗНЄЦОВА Тетяна Михайлівна, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Інститут археології РАН, вул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Росія, *mamulya-kuznecova@yandex.ru*.

KUZNETSOVA Tatiana Mikhaylovna, Candidate of historical Sciences, Senior researcher, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, st. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russia, *mamulya-kuznecova@yandex.ru*.

УДК: 903'16(478)"6383"(091)

О. Г. Левицкий, Л. В. Сырбу

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ КАННЕЛИРОВАННОГО ГАЛЬШТАТА ТИПА КИШИНЭУ—КОРЛЭТЕНЬ КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКОГО РЕГИОНА (XII—X вв. до н. э.)

В статье представлен краткий экскурс в историю исследования культуры каннелированного гальштата типа Кишинэу—Корлэтень Карпато-Днестровского региона, анализируется современное состояние изученности ведущих характерных компонентов культуры, особое внимание уделяется достижениям в области разработки проблематики эпохи раннего галльштатта в Карпато-Днестровском регионе в целом. В финальной части работы, исходя из имеющихся в настоящее время дискуссионных проблем в изучении культуры Кишинэу-Корлэтень, намечены необходимые конкретные направления исследования в этой области, основные из которых относятся к вопросам генезиса, эволюции и исторической судьбы носителей рассматриваемой культуры.

***Ключевые слова**: каннелированный гальштат, культура Кишинэу—Корлэтень, Карпато-Днестровский регион, генезис, эволюция, историческая судьба.*

Введение. Исследования памятников каннелированного гальштата в Карпато-Днестровском регионе, как известно, начались в конце 1940-х гг., одновременно с проведением раскопок поселений у с. Корлэтень (Nestor 1951, p. 68—73), соответственно, около Кишинева (Мелюкова 1956, с. 39—45; 1961, с. 5—52). Тем не менее, до середины 1980-х гг., находки и исследования памятников схожего типа керамики носят, по сути, случайный характер. Таким образом, в Пруто-Днестровском междуречье, горизонты с материалами типа Кишинэу были исследованы и на многослойных поселениях Лукашеука (Г. Б. Федоров, 1954—1957), Бэлэбэнешть, Зэйкана (Е. А. Рикман, 1956, 1958), Петруха (И. Г. Хынку, 1961—1963), поселении и грунтовом могильнике у с. Мындрешть (В. Л. Лапушнян, 1969—1970). В 1956 был обнаружен бронзовый клад у Валя Русулуй, и также был собран ряд бронзовых предметов, найденных случайно. В начале 1970-х гг. появились и первые археологические карты памятников Кишинэу—Корлэтень (далее К-К). В то же время, в Попрутье и Восточном Прикарпатье были выявлены горизонты с керамикой типа Корлэтень на поселениях Трушешть, Валя Лупулуй, Ларга Жижией, Андриешень, Зэподень, Сэбэоань, Пояна-Дулчешть, Дэнешть, Прэжешть, а также исследованы погребальные памятники у сс. Трифешть и Кукорэнь (Levițki 1994a, p. 33—34).

Вопросы ранней гальштатской культуры изучались параллельно. Пруто-Днестровским междуречьем занимались А. Мелюкова (1972, с. 57—72; 1979, с. 14—36; 1984, с. 224—234), В. Лапушнян (1979) и В. Дергачев (1975), а Пруто-Карпатским регионом — М. Петреску-Дымбовица (1953a, p. 443—481; 1960a, с. 151—170; 1960b, с. 139—159; 1964, p. 251—271; 1977a, 107—117) и А. Ласло (1976, p. 89—98). Благодаря усилиям специалистов, удалось отделить материалы, принадлежащие эпохе поздней бронзы — культуре Ноуа (XIII—XII вв. до н. э.), от ранних гальштатских (X—IX вв. до н. э.). Памятники Кишинэу и памятники Корлэтень были отнесены к самому восточному варианту фракийского гальштата и указано его родство и отличие от другого варианта этой культуры — Голиград, которая тоже считается фракийской. Было доказано отсутствие генетических связей между культурой Ноуа и ранней гальштатской культурой и высказаны предположения, что последняя сформировалась за пределами территорий, занимаемых культурой Ноуа и т. д.

© О. Г. ЛЕВИЦКИЙ, Л. В. СЫРБУ, 2018

Со второй половины 1970-х гг., исследования памятников К-К приобретают систематический характер. Памятники исследуются большими площадями. Были изучены поселения Костешть VII, Суручень, Дэнчень, Иванча II, Тринка, Петрушень, Вэратик V, Петруха и курган возле села Браниште. В западной части ареала проведены раскопки на поселениях Лозна, Негрешть, Тырпешть, Кындешть и грунтовых могильниках Васлуй—Курциле Домнешть, Коту Морий, Штефэнешть и Яшь (Leviţki 1994a, p. 41).

Накопленный материал типа К-К, требовал его систематизации и изучения особенно в отношении генезиса гальштатской культуры, что и было предпринято в работах С. Моринца (1970; 1974; 1977; 1978), Б. Хензеля (1976) и М. Петреску-Дымбовица (1977b) для территории среднего и нижнего Дуная, и Г. Смирновой (1969; 1976), Л. Крущельницкой (1985; 1990) для Карпатской и Закарпатской Украины. Также была проведена систематизация результатов исследований синхронных культур Северного Причерноморья, выполненная С. Березанской (1982), И. Черняковым (1985), В. Ванчуговым (1983; 1990) и др. Это обстоятельство позволило более углубленно изучить материалы раннего гальштата Восточно-Карпатского региона, а также определить некоторые местные культурные варианты, характерные обоим культурным гальштатским комплексам с каннелированной и прочерченной керамикой. На данном этапе было установлено отличие памятников типа К-К от родственной группы Грэничешть на северо-западе Молдовы (László 1980; 1984), также, как памятников раннего гальштатского комплекса с прочерченной керамикой типа Тэмэоань и Холеркань—Ханска (László 1986; Левицкий 1990; Leviţki 1994b). Была установлена зона формирования культуры каннелированного гальштата Карпато-Днестровского региона и определена её хронология (Смирнова 1985; 1989; 1990; László 1980; Левицкий, Демченко 1991). Это нашло отражение в обобщающих монографиях А. Ласло (1994) и О. Левицкого (1994a).

Указанные монографические исследования по вопросам раннего гальштата Восточно-Карпатского региона, содержат также и важные уточнения, связанные с генезисом, эволюцией, распространением, хронологией и связями культур в контексте Юго-Восточной Европы. Разработки, относительно уровня развития металлургии бронзы и распространения бронзовых изделий, В. Дергачева, вносят существенный вклад в более точное определение областей формирования и связей местных общин с металлургическими центрами Центральной и Юго-Восточной Европы и Северного Причерноморья (Дергачев 1997; 2010; 2011).

Пополнение информационного фонда, относящегося к ранним фракийским племенам, продолжается как путем систематических исследований памятников Тринка, Сахарна Микэ, Картал—Орловка и др., так и путем открытия новых памятников и находок бронзовых изделий, которые наряду с уже известными, составляют богатый и разнообразный материал особенно важный для уточнения назревших вопросов по проблематике гальштатских культур ранних фракийцев.

На сегодняшний день известны около 250 поселений (из которых 40 были исследованы), 11 погребальных памятников, 11 бронзовых кладов и 50 единичных бронзовых изделий. Из них почти половина были обнаружены в Пруто-Днестровском регионе. (Leviţki, Sîrbu 2012, p. 59)., посел**ения** являются основной категорией памятников. На современном уровне исследований известны два типа поселений: неукрепленные и укрепленные. *Неукрепленные поселения* представляют собой основной тип поселений. Они размещались в низменностях, неподалеку от водных источников. Также известны поселения, которые не были искусственно укреплены, но располагались на высоких мысах или склонах холмов, обеспечивающих затрудненный доступ. Из *укрепленных поселений* известно всего одно — Кындешть (Румыния), чьи оборонительные сооружения состоят из вала и рва. Почти все поселения были малых (до 1 га) и средних размеров (2—5 га), но существовали и крупные (до 40 га).

Жилища подразделяются на два типа: наземные и углубленные в землю. Количественно преобладают наземные. Они однокамерные, прямоугольной формы. Представляли собой легкие постройки с плетневой конструкцией стен, с двух сторон обмазанных толстым слоем глины. Ровный пол иногда также обмазан тонким слоем глины. В качестве отопительных сооружений использовались открытые очаги, купольные печи и переносные жаровни. Второй тип жилищ представлен несколькими вариантами: трапециевидной формы с основанием, углубленным в землю на 0,15—0,5 м; полуземлянки прямоугольной формы, углубленные в землю до 0,8 м; землянки круглой формы, углубленные в землю до 1,7 м. Отопительные сооружения также представлены открытыми очагами, купольными печами и переносными жаровнями.

На многих поселениях были обнаружены разнообразные **ямы**. Они располагались либо внутри жилых помещений, либо рядом с ними. В основном они имели округлую или овальную в плане форму и были колоколовидные и цилиндрические в сечении. Ямы использовались для различных хозяйственных надобностей.

Погребальные памятники культуры Кишинэу-Корлэтень представлены грунтовыми могильниками, одиночными погребениями на поселениях и курганами. *Грунтовые могильники* располагались на возвышенных местах

и в окрестностях поселений. Все погребения совершены по обряду трупосожжения с захоронением остатков кремации в урнах или без урн. Урновые погребения подразделяются на два типа: с крышкой и без крышки. Некоторые погребения сопровождались жертвенными сосудами и разными маленькими украшениями. *Погребения на поселениях* являются редкими, они совершались по тому же погребальному обряду, что и на грунтовых могильниках. *Курганы* также редки, некоторая информация имеется только на основе кургана Браниште, но из-за разрушений, произошедших в древности, свидетельств об обряде захоронений не сохранилось.

Бронзовые клады характеризируются небольшим количеством предметов и в основном состоят из целых вещей, среди которых были найдены орудия труда, оружие и украшения.

Основным критерием для отнесения **единичных бронзовых предметов** к раннегальштатской культуре с каннелированной керамикой служит их нахождение в ареале рассматриваемой культуры и наличие аналогий в достоверных комплексах.

Инвентарь культуры каннелированного гальштата включает в себя широкую группу предметов, изготовленных из глины, металла, кремня, камня и кости, которые, в свою очередь, могут быть подразделены на несколько категорий: орудия труда, производственно-бытовые изделия, оружие, предметы культа, украшения и детали одежды.

Орудия труда представлены изделиями из различных материалов: *кремня*: пластины — вкладыши от серпов; *камня*: литейные формы, топоры, отбойники; *кости и рога:* долота, мотыги, лощила; *бронзы*: кельты, серпы, ножи, тесла. *Производственно-бытовые* изделия представлены предметами, изготовленными из *глины*: пряслица, грузила, глиняные ложки; из *камня*: зернотерки, растиральники, ступки и песты; из *кости:* проколки, рукояти, псалии; из *бронзы*: проколки и иглы. Для *оружия* характерны наконечники стрел из кости и бронзы, булавы и топоры-молоты из камня, наконечники копий, кинжалы и мечи из бронзы. *Украшения* представлены браслетами, кольцами, серьгами. К категории «*детали одежды*» относятся булавки, бляшки, пуговицы и цепь из бронзы. *Предметы культа* включают антропоморфные и зооморфные статуэтки из глины и подвески из клыков кабана.

Как известно, **керамика** представляет собой самую многочисленную категорию находок на памятниках Кишинэу-Корлэтень. Поэтому ее изучение позволило получить полную картину относительно типов, вариантов и декоративных элементов, которые являются определяющими элементами в культурно-хронологической идентификации. Керамика, с точки зрения технологии изготовления, подразделяется на две основные категории: столовая и кухонная. Первая категория включает в себя изделия с лощеной поверхностью из хорошо отмученного теста с примесью мелкого шамота. Во вторую категорию входит керамика из более грубого теста с примесью крупнозернистого шамота, поверхность обработана менее тщательно. В результате полного и подробного исследования О. Левицким была разработана классификация керамики, подразделенная на две группы. Первая включает в себя основные типы (I—XI), а вторая — специфические формы, встречавшиеся в небольшом количестве или в единичных случаях (типы XII—XXXV) (Leviţki 1994a, p. 79—108). Для столовой керамики были определены три основные категории, которые были обнаружены на всех изученных памятниках: большие усечено-биконические сосуды (корчаги), конические миски с загнутым вовнутрь краем и низкие черпаки с полусферическим профилем и сильно возвышающейся ручкой. Орнаментация представлена горизонтальными и вертикальными каннелюрами, поясами из горизонтальных узких каннелюр и выступов-упоров. Для категории кухонной керамики характерны сосуды с выделенной шейкой и сосуды без выделенной шейки. Они обычно украшены ручками-упорами, налепными расчлененными валиками и, реже, — ушковидными ручками или оттянутыми простыми валиками, в различных сочетаниях (Sîrbu 2013, p. 89).

Анализ всех вышеуказанных элементов, как по отдельности, так и в комплексе, позволил выявить основные параметры новой самостоятельной культуры раннегальштатской общности с каннелированной керамикой Карпато-Подунавья.

Происхождение и эволюция культуры К-К Карпато-Днестровского региона еще не полностью выяснены, различные мнения исследователей по конкретным аспектам культурно-генетического процесса продолжают обсуждаться в литературе.

Вместе с тем, анализ материалов и наблюдения, которыми мы располагаем в настоящее время, в отношении раннегальштатского комплекса с каннелированной керамикой, дают основание полагать, что принадлежащие ему культура и культурные группы, сложились на западе Карпато-Дунайского региона (за пределами комплекса Ноуа—Сабатиновка—Косложень) на территории Юго-Западной Румынии, северо-востока Сербии и северо-запада Болгарии (Банат, Воеводина, Срем, Олтения), на фоне культур эпохи поздней бронзы (Кручень—Белегиш, Жуто Брдо—Гырла Маре, Балта Сэратэ и т. д.), к которым присоединяются влияния центрально-европейского культурного комплекса *Hügelgräberkultur* и контакты с восточными группами *Urnenfelderkultur*, существовавшей одновременно с ранней гальштатской цивилизацией Юго-Восточной Евро-

пы (Gumă 1993, p. 150; 1995, p. 99, p. 103; László 2001, p. 325). Культурные синтезы, сформированные здесь в конце бронзового века и раннего гальштата в последние века II тыс. до н. э. (в начале / середине этапа HaA1, XII в. до н. э.), представляют основные культурные проявления периода перехода от эпохи бронзы к началу железного века (Gumă 1993, p. 168; 1995, p. 103—104), которые, распространяясь к востоку, привели к гальштатизации всего Карпато-Балканского региона (Morintz 1987, p. 61—62) и к смене культурного комплекса Ноуа—Сабатиновка—Косложень в Карпато-Днестровском регионе (Levițki 1994a, p. 149—152).

Происхождение ранней гальштатской культуры с каннелированной керамикой от культурного комплекса периода поздней бронзы юго-запада Карпатско-Дунайского региона (культура Белегиш II—Кручнь II), и особенно, культурных групп переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку (Сусань, Бобда II, Тикваниул Маре-Карабурма III, Хинова—Мала Врбица), проявляется в основных компонентах материальной культуры, в первую очередь в керамике — использование определенной общей технологии моделирования керамики, в особенности столовой, в рамках которой представлен такой же ассортимент сосудов (большие усечено-биконические сосуды (корчаги), конические миски с загнутым внутрь краем и низкие черпаки с полусферическим профилем и сильно возвышающейся ручкой) и в погребальных ритуалах (кремации с помещением остатков сожжения в урны (с крышкой или без крышки) и реже, в простые ямы, в грунтовых могильниках) (Смирнова 1990, p. 20—33; Levițki, 1994a, p. 154).

Об этом же, как показывают последние исследования, свидетельствуют и наиболее распространенные в Восточно-Карпатском регионе типы бронзовых изделий, особенно кельты и серпы, происходящие в основном из западной части Среднего Дуная (комплексов металлов типа Курд и Гиермели, пренадлежащих фазам HaA1 и HaA2, расположенных на юго-восточной окраине ареала ранней *Urnenfelderkultur*, и северо-западной окраине территории распространения культуры Белегиш-Кручень) (Дергачев 1997, с. 38—42).

Если же было единогласно признано, что территорией формирования ранней гальштатской культуры с каннелированой керамикой К-К является юго-западная Карпато-Дунайская зона, то процесс галльштатизации пространства к востоку от Олта, в том числе Восточных Карпат, на современном этапе исследований представлен специалистами по-разному. Некоторые считают, что формирование культуры К-К является результатом фактического проникновения носителей культур типа Белегиш II или Бобда II-Сусань-Белегиш II в Восточно-Карпатские пространства через территорию, граничащую с левым берегом Дуная (то есть Олтения и Мунтения), что и остановило развитие культуры Ноуа, когда-то в период HaA1 (Смирнова 1990, с. 32; Levițki 1994b, p. 161), другие обсуждают только культурные элементы (керамика с каннелированым декором), характерных для группы Тикваниул-Маре—Карабурма III (Gumă 1993, p. 176; Laszlo, 1994, p. 157—158), которые, вероятно, распространяясь вдоль Дуная, достигли Восточно-Карпатского региона, заселённого общностями культуры К-К.

Очевидно, что на современном этапе исследований, трудно ответить однозначно на вопрос о том, каким образом происходил процесс гальштатизации в Восточно-Карпатском пространстве, и как сложилась культура К-К. Радикальная культурная трансформация, которая произошла в эпоху поздней бронзы — раннего гальштата, привела к исчезновению культуры Ноуа и возникновению раннегальштатской культуры с каннелированой керамикой, облик которой не свидетельствует об эволюции местного, предшествующего культурного фонда в гальштатском стиле, что, по нашему мнению, представляет доказательство в пользу гипотезы о перемещении в регион носителей этой культуры.

Маршрут продвижения общин раннего гальштата с каннелированной керамикой к востоку, включая Восточное Прикарпатье (гальштатизация Карпато-Дунайских пространств), теперь, похоже, отмечен ранними гальштатскими памятниками с каннелированной керамикой на промежуточных территориях: северной части Олтении — Кэлугэрень, Рыурень, Брезой, Окнеле Марь, Кэзэнешть, Бырсешть и т. д. и Мунтении—Кэтуну, Сэрата Монтеору, Кырломэнешть (Petre-Govora 1983, p. 85—95; Motzoi-Chicideanu 1999—2001, Abb. 16; László 2001, p. 318; Lazăr 2005, pl. LV), бронзовыми кладами, которые содержат традиционные для Среднего Дуная изделия — Соку, Сакоць, Дражна де Жос (Petrescu-Dombovița 1977), и случайными открытиями бронзовых предметов — мечами (Bader 1991; Călătoiu 2002, p. 36—62), поселением у села Кындешть (Florescu, Florescu 1983, p. 112—121), представляющим связующее звено с территориями памятников культуры К-К. Совершенно иным представляется маршрут распространения носителей традиций Средне — Дунайского региона на основе анализа и локализации металлических изделий (кельты и серпы). В соответствии с ними, начинался с дунайского Баната и шел вверх, по Мурешу, в центр Трансильвании, и дальше к р. Олт и через перевал Брецку к Сирето-Днестровскому междуречью (Дергачев 1997, p. 54).

Процесс культурной трансформации Карпато-Днестровского региона и формирования культуры К-К, по мнению специалистов, начался еще в период HaA1 или XII в. до н. э. (László 1994, p. 129; 2001, p. 320; Levițki 1994a, p. 146—

147; 2010a, p. 337). Местные жители культуры Ноуа, были частично замещены носителями раннего гальштата, частично вытеснены под их давлением на другие территории Северного Причерноморья и Нижнего Дуная, которые были населенны представителями культурного комплекса Ноуа—Сабатиновка—Косложень, что иллюстрируется составом бронзовых кладов (Антоновка, Никополь, Ново-Трояны, Райгородка), характерных поздним общинам этого комплекса и ранним общинам типа Белозерка (Дергачев 1997, с. 49—50), погребальным обрядом — появлением грунтовых могильников, с ориентацией умершего в южном направлении, а также и единым антропологическим типом населения культуры Ноуа и Белозерка (Ванчугов 1990, с. 129; Levițki 2003, p. 70—71).

Гомогенный характер материальной культуры и специфика погребального обряда, практиковавшиеся носителями раннего гальштата в Западных и Восточных Карпато-Дунайских пространствах, в основном свидетельствуют о том, что в исторической эволюции этих областей, даже если и имелись некоторые различия, то они, по сути, были незначительными. Отношения между ранними гальштатскими общинами Баната и Олта и общинами Восточных Карпат продолжают свое существование и в период после первой волны населении, двигающейся на восток-северо-восток в течение периода HaA1, в середине или второй половине XII в. до н. э. Керамика, бронзовые изделия и особенно возрождение / появление у ранних гальштатских общин из Восточно-Карпатских земель металлургии бронзы, предоставляют важные доказательства в пользу новых импульсов из этих областей в направления Восточно-Карпатского региона, один из которых произошел уже в период HaA2 — XI в. до н. э. (Дергачев 1997, с. 58), что привело к окончательной консолидации процесса гальштатизации и обеспечению параллельной эволюции этих двух зон раннего гальштатского мира и в последующий период — гальштата HAB1 — X века до н. э.

Существование культуры К-К, таким образом, не было лишь кратким эпизодом в истории Восточно-Карпатского региона, как считает B. Hansel (1976, 105—113). Ее эволюция прослеживается еще с начала раннего гальштатского периода, HaA1 (середина / вторая половина XII в. до н. э.), и до середины или конца HAB1 (X в. до н. э.), когда территории, населенные носителями этой культуры, заселяются носителями культуры Козия-Сахарна-Солончень (Смирнова 1985, с. 48; Levițki 1994a, p. 146—147). В то же время, поскольку верхний рубеж культуры К-К еще не определен, некоторые исследователи считают, что культура Козия—Сахарна—Солончень заняла лишь незначительную часть ареала культуры К-К и что они сосуществовали на соседних территориях на протяжении X—IX (VIII?) веков до н. э. (László 1994, p. 129—130; Iconomu, Tănăsachi 1992, p. 23—44).

В настоящее время, несмотря на то, что попрежнему недостаточно точных хроноиндикаторов для создания периодизации культуры К-К, с указанием содержания каждого этапа развития, все-таки, в зависимости от происхождения и хронологических рамок бронзовых изделий из кладов, найденных на поселениях или случайно, и их ассоциированием с определенными технологическими категориями керамики, с морфологическими типами и спецификой стиля орнаментации, типами похоронных памятников, погребальными обрядами и их инвентарём, соотносимые с реалиями, характерными для общин позднего бронзового века — перехода от бронзового века к первой эпохе железа Среднего Дуная и соответственно Северо-Понтийского пространства, мы считаем, что в ее эволюции можно выделить три этапа, даже если они еще не были строго определены. Первым является старший / ранний этап середины-второй половины фазы HaA1 (XII в. до н. э.); второй — средний / основной или «классический», конца фазы HaA1 — второй половины / конца фазы HaA2 (конца XII в. — второй половины / конца XI в. до н. э.) и финальный / поздний конца фазы HaA2—HAB1 (конца XI — X вв. до н. э.) (Levițki 2010a, p. 337).

Три фазы в эволюции культуры К-К обозначил и А. Ласло, но в соответствии с его видением верхней хронологической границы (включительно в период HaB, соответственно IX (VIII) в. до н. э.) и привлечением некоторых устарелых дат определенных хроноиндикаторов (в основном с памятников расположенных в Пруто-Днестровской части ареала), они обозначены следующим образом: старший этап, начиная с первой половины периода HaA (середина — вторая половина XII в. до н. э.); развитый этап, датированный в основном HaB1—2 (X—IX вв. до н. э.), и заключительный этап, проиллюстрированный материалами из второго гальштатского уровня поселения у с. Корлэтень (László 1994, p. 129, 157—159; 2001, p. 320).

На современном этапе исследований, прерывание эволюции горизонта, характерного культуре К-К, можно с уверенностью проследить только на многослойном поселении Тринка, посредством материалов выявленного здесь второго раннегальштатского культурного горизонта со смешанным характером. Столовая керамика не орнаментирована канелюрами (характерными для предыдущего уровня), редко встречается прочерченный декор, а кухонная керамика представлена в основном только тюльпановидными сосудами, орнаментированными расчлененными валиками, размещенными на плече и ряде отверстий под венчиком, признаки, которые в рамках культуры Черный Лес зоны Среднего Днестра, знаменуют нача-

ло второго-позднего этапа эволюции этой культуры, середина X в. до н. э. (Тереножкин 1965, с. 62—63; Смирнова 1985, рис. 4). Это керамика, сочетается со стержневидными псалиями с тремя овальными отверстиями в одном плане, аналогичными псалиям с поселения Кишинэу, городища Суботово (культура Черный Лес из Украинской лесостепи) и поселения Усатово (культура Белозерка из степной зоны Северного Причерноморья), верхняя хронологическая граница которых помещается на рубеже X—IX вв. до н. э.

Мнение, что прекращение существования культуры К-К имело место во второй половине — конце фазы HAB1 (X в. до н. э.), после появления в Восточно-Карпатском регионе носителей культуры Козия-Сахарна-Солончень или Козия—Сахарна, составной части раннего гальштатского комплекса с прочерченной и штампованной керамикой Нижне и Средне Дунайского происхождения, которые не ограничились только Центральным Молдавским плато и междуречьем Раут—Днестр, но вскоре колонизировали и всю территорию, населенную носителями культуры К-К, на современном этапе исследований достаточно убедительно поддерживается рядом аргументов. Определяющими, в этой связи, наряду с хроноиндикаторами, на основании которых устанавливаются пределы эволюции рассматриваемых культур, являются и стратиграфические ситуации из некоторых памятников, например, последовательность культурно-хронлогических горизонтов на поселении Кындешть (Florescu, Florescu 1983, p. 72—93; László 1986, p. 65—91) и горизонтальная стратиграфия поселения Тринка, в западной части Северо- Молдавского плато (Levițki 1994a, p. 143—144), наличие и более или менее компактное расположение памятников типа Козия—Сахарна, особенно поселений и бронзовых изделий, характерных для этой культуры и специфических для традиций Врбица и Дичево, Нижнедунайского происхождения (Северо-Восточная и соответственно Северо-Западная Болгария), распространенные в фазы HaA2—HAB1, и на территориях к северу от Дуная, в том числе и на территории культуры Бабадаг, в зоне с наибольшей концентрацией памятников культуры К-К (Levițki 1994a, fig. 77; Кашуба 2000, с. 255—260; Uşurelu 2003, p. 211—219), и полное отсутствие элементов, которые свидетельствуют о взаимном влиянии между исследованными культурными общностями в керамике, ритуалы и погребальном обряде.

Немногочисленные артефакты, которые могли бы использоваться в качестве доказательства сосуществования культуры К-К и культуры Козия-Сахарна, представлены некоторыми бронзовыми предметами (пластинчатыми браслетами, определенными типами кельтов) и уздечными принадлежностями из рога / костей (псалий) из поселения Тринка «Изворул луй Лука», которые указывают на сосуществование этих культурных образований только во второй половине — конце фазы HAB1 — X в. до н. э. (Levițki, Uşurelu, Coban 2003, p. 171—182). Они рассматриваются специалистами как свойственные, в особенности, раннему гальштатскому комплексу с прочерченной и штампованной керамикой Бабадаг II—Козия—Сахарна (Смирнова 1985, с. 39; Uşurelu 2003, p. 211—219; Дергачев 1997, с. 58—59; Дергачев 2010, с. 84—88; Кашуба 2000, с. 325; Jugănaru 2005, p. 65).

Другой важный аспект для культуры К-К, органически связанный с представлениями о хронологических рамках её эволюции (особенно верхней границы), не менее обсужденный, и по-разному решённый специалистами, это — проблема *исторической судьбы* носителей этой культуры.

Дестабилизация культурно-исторической ситуации в Восточно-Карпатском регионе, особенно в Пруто-Днестровском ареале культуры К-К в середине — второй половине X в. до н. э., была вызвана не только движением в это пространство общин раннего гальштатского комплекса с прочерченной и штампованной керамикой с Нижнего и Среднего Дуная, представленная культурой Козия-Сахарна, которая вскоре заняла южную часть ареала К-К, но и проникновением в северную зону, Пруто-Днестровского междуречья, некоторых восточных групп населения, в основном из лесостепи с востока от Днестра, включая и левое побережье Днепра, происходящие из культур Черный Лес II — поздняя Бондариха (Levițki 1992, p. 119—121; 2003, p. 220) и из степи Северного Причерноморья, предполагаемо традиций культур поздней Белозерки или киммерийской (этап Черногоровка). Спорадическое проникновение последних было выявлено на Северном Молдавском плато, и представлено в курганных захоронениях предыдущих эпох из Бэдражий Векь (Единец) и Коржеуць (Бричень) и долины Среднего Прута — курган и впускное захоронение с трупоположением у с. Петрешть (Унгень) (Levițki 2003, p. 128—129).

Новое население, носителей культуры Черный Лес II, в Северном Молдавском плато, накладывавшуюся на местный культурный фон, представленный здесь первым гальштатским горизонтом со смешанным характером типа Тринка (К-К—Белогрудовка—Черный Лес I), стимулировало формирование новой культурной общности, которая будет развиваться уже в стиле культуры Черный Лес II, параллельно и в ритме подобных культур из бассейна Среднего Днестра. Другая группа, со смешанным культурным аспектом (Черный Лес II — поздняя Бондариха), распространяется в направлении долины среднего Прута, перекрывает ранний гальштатский культурный фон с канелирован-

ной керамикой, и способствует появлению еще одного культурного образования, пост К-К, в которой преобладающим становится аллогенный компонент, сейчас представленный новым типом погребального памятника — кургана с каменной насыпью Браниште (Рышкань), имеющего прямые аналогии с курганными памятниками, позднего этапа культуры Черный Лес, а в качестве инвентаря столовой керамики, орнаментированной каннелюрами, и кухонными сосудами, которые с точки зрения морфологии относятся к типам К-К, но украшены определенными элементами, характерными культуре Бондариха, с левого берега Днепра (Левицкий 1989, с. 137—149). Для Северного Молдавского Плато, благодаря исследованиям памятника с несколькими уровнями жизни — Тринка, в настоящее время известно, что ассимилированое население культуры К-К продолжает свою эволюцию до конца гальштатской эпохи (Levițki 1992, p. 121), представленном на этой территории Западной Подольской группой (Levițki 2006, p. 104—113; 2010a, p. 69—114). О том, как развивалось и какая была дальнейшая судьба населения из долины Среднего Прута и, соответственно, с остальных территорий культуры К-К, которые попали под влияние носителей культуры Козия-Сахарна, есть мнение, что оно частично было ассимилировано, и частично переселилось на другую территорию, еще неустановленную (Смирнова 1989, с. 31; Levițki 1994a, p. 154—156). В этом контексте мы считаем, что не может быть полностью исключена версия переселения определенной части населения К-К, к северо-западу, в область культуры Гава-Голиград—Грэничешть в конце его ранней стадии развития — Магала III, или возможного промежуточного этапа Магала, между фазами III и IV, что соответствует X в. до н. э. Керамический комплекс типа Магала IV датирован IX—VIII вв. до н. э. и, по сравнению с предыдущим этапом, характеризуется преобладанием сосудов-банок, украшенных расчлененными валиками, присутствием корчаг, и распространенностью мисок с вогнутыми вовнутрь венчиками (László 1994, p. 93—94), что и является одним из аргументов для указанной датировки.

Основные компоненты материальной культуры памятников типа К-К, в первую очередь керамика, технология её моделирования, в частности столовой керамики (в ассортименте которой присутствуют большие усечено-биконические сосуды-корчаги, конические миски с загнутым вовнутрь краем и низкие черпаки с полусферическим профилем и сильно возвышающейся ручкой со специфическими морфологическими и декоративными элементами), а также погребальный обряд (кремация в урнах, с крышками или без крышек, и редко в простых ямах, в грунтовых могильниках), демонстрируют близкое сходство с культурными группами Сусань, Бобда II, Тикваниул Маре—Карабурма III, Хинова—Мала Врбица, что и послужило основанием для их отнесения к Карпато-Дунайскому раннему гальштату Карпато-Балканского региона или Фракийскому блоку, а их носителей к фракийскому этносу, в частности северным фракийцам. Тем не менее, проблема этнической принадлежности археологических культур настолько широка, что ее решение требует комплексного исследования всех имеющихся источников, в первую очередь языка (Alexianu 1996, p. 222—223; László 2001, p. 326—327; Levițki 2010a, p. 329—330).

Имеющиеся археологические источники позволяют также сделать определенные выводы о жизни, экономической деятельности, социальной и духовной жизни, межкультурных отношений, и т. д. Таким образом, мы можем сказать, что население культуры К-К вело оседлый образ жизни, имея смешанную экономику, основанную на скотоводстве — разведение крупного рогатого скота, овец, коз, свиней, лошадей и выращивании зерновых культур — ячменя и другого зерна. Оно также практиковало некоторые специализированные промыслы (металлургию бронзы и изготовление керамики) и различные бытовые ремесла, такие как — ткачество, обработка кожи, кремня, камня, дерева, занималось охотой, собирательством и рыболовством. С точки зрения социального уровня, население К-К были в процессе разложения племенных отношений и утверждения военной демократии. Религиозные верования и культовые обряды были подчинены жизненным потребностям — увеличению стада домашних животных и использованию даров земли, таким образом, они почитали культ плодородия и поклонения солнцу. Межкультурные отношения и торговля, в основном, были ориентированы на гальштатский мир и в меньшей степени на соседей с Северного Причерноморья, а через последних, на культурные общности Центрального и соответственно Северного Кавказа (Levițki 2010a, p. 344—356).

Обобщая все аспекты проблемы на современном этапе исследований о культуре К-К, мы находим, что, несмотря на увеличение объема информации и того, что изучение раннего гальштатского периода пользуется в последнее время особым вниманием со стороны специалистов, следует отметить что ряд вопросов все еще остается мало изученным и, безусловно, требует дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Березанская, С. С. 1982. *Северная Украина в эпоху бронзы*. Киев: Наукова думка.

Ванчугов, В. П. 1983. Балтская группа памятников эпохи поздней бронзы. В: Дзис-Райко, Г. А. (ред) Материалы *по археологии Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, с. 88-101.

Ванчугов, В. П. 1990. *Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье.* Киев: Наукова думка.

Дергачев, В. А. 1975. *Бронзовые предметы XIII—VIII вв. до н. э. из Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинёв: Штиинца.

Дергачев, В. А. 1997. *Металлические изделия: к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Нордпонтийского региона.* Кишинэу: Типография Академии Наук.

Дергачев, В. А. 2010. *Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья, 1: Одноушковые кельты с арковидными фасками*. Кишинэу: Централная Типография.

Дергачев, В. А. 2011. *Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья, 2: Кельты и серпы Нижнего Подунавья*. Кишинэу: Централная Типография.

Кашуба, М. Т. 2000. *Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия—Сахарна). Stratum plus*, 3, с. 241-488.

Крушельницька, Л.А. 1985. *Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східної і Центральної Європи (рубіж епох бронзи і заліза).* Київ: Наукова думка.

Крушельницкая, Л. А., Малеев, Ю. Н. 1990. Племена культуры фракийского гальштата (Гава-Голиграды). В: В: Черныш, А. П. (ред.). *Археология Прикарпатья*, *Волыни и Закарпатья*. Киев: Наукова думка, с. 123-132.

Лапушнян, В. Л. 1979. *Ранние фракийцы X — начала IV в. до н. э. в лесостепной Молдавии.* Кишинев: Штиинца.

Левицкий, В. Л. 1989. Курган у с. Бранешты и некоторые вопросы погребального обряда раннегальштатской культуры лесостепной Молдавии, *Археологические исследования в Молдавии в 1984 г.*, с. 137-149.

Левицкий, О. Г. 1990. К вопросу о раннегальштаттском горизонте с прочерченной керамикой в Днестровско-Прутском междуречье. В: Абикулова, М. И. (ред). *Проблемы археологии Северного Причерноморья.* Херсон, с. 6-8.

Левицкий, О. Г. 1991. *Культура Днестровско-Сиретского междуречья на рубеже II — I тыс. до н. э.* Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Ленинград.

Левицкий, О. Г. Демченко, Т. Н. 1991. К вопросу о финальных рубежах раннегальштаттской культуры Кишинев—Корлэтень Днестровско-Сиретского междуречья. В: Яровой, Е. В. (ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.).* Киев, с. 147-149.

Мелюкова, А. И. 1956. Памятники VIII в. до н. э. на территории лесостепной Молдавии. *Известия МФ АН СССР*, 4 (31), с. 39-45.

Мелюкова, А. И. 1972. О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии. *Советская археология*, 1, с. 57-72

Мелюкова, А. И. 1979. *Скифия и фракийский мир*. Москва: Наука.

Мелюкова, А. И. 1984. Археологические данные о фракийцах на территории СССР в 1 тысячелетии до н. э. В: Бернштейн, С. Б, Гиндин, Л. А. (ред.). *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология.* Москва: Наука, с. 224-234.

Петреску-Дымбовица, М. 1960a. К вопросу о гальштатской культуре в Молдове. *Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР*. Кишинев, с. 151-170.

Петреску-Дымбовица, М. 1960b. Конец бронзового и начало раннежелезного века в Молдове в свете последних археологических раскопок. *Dacia, n. s.*, IV, с. 139-159.

Смирнова, Г. И. 1985. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР. *Советская археология*, 4, с, 33-53.

Смирнова, Г. И. 1989. Культурно-исторические процессы в Прикарпатье в конце II — первой половине I тыс. до н. э. По материалам Западно-Украинской экспедиции. В: Смирнова, Г. И. (ред.). *Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа.* Ленинград, с. 19-32.

Смирнова, Г. И. 1990. Памятники типа Кишинев—Корлэтень в Днестровско-Сиретском междуречье и группа Белегиш в югославском Подунавье. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*, 30, с. 20-33.

Тереножкин, А. И. 1961. *Предскифский период на Днепровском Правобережье.* Киев: АН УССР.

Тереножкин, А. И. 1965. Основы хронологии предскифского периода. *Советская археология*, 1, с. 63-85.

Черняков, И. Т. 1985. *Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н. э.* Киев: Наукова думка.

Alexianu, M. 1996. La culture Corlăteni-Chişinău — thrace ou illirienne? In: Roman, P. (ed.). *The Thracian World at the Crossroads of Civilisations*. Bucarest, p. 222-223.

Bader, T. 1991. *Die Schwerter in Rumänien*. Stutgart: Franz Steiner. Prähistorische Bronzefunde, IV, 8.

Călătoiu, Gh. 2002. *Prima epocă a fierului în nordul Olteniei (Traco-geţii din nordul Olteniei în sec. XII—IV a. Chr.).* Târgu Jiu.

Florescu, M., Florescu, A. 1983. Cercetările arheologice de la Cîndeşti — Coasta Banului, comuna Dumbrăveni (jud. Vrancea) în perioada 1976—1980 (necropola aparţinând purtătorilor culturii Monteoru, aşezarea de la sfîrşitul epocii bronzului — cultura Noua şi resturi de locuire hallstattiană). *Materiale şi Cercetări Arheologice*, XV, p. 112-123.

Gumă, M. 1993. *Civilizaţia primei epoci a fierului în sud-vestul României.* Bucureşti. Biblioteca Thracologica, IV.

Gumă, M. 1995. The End of the Bronze Age and the Beginning of the Early Iron Age in South-Western Romania, Western Serbia and North-Western Bulgaria. A Short Review. *Thraco-Dacica*, XVI, 1—2, p. 99-137.

Hänsel, B. 1976. *Beiträge zur regionalen und Chronologhischen gliederung der älteren Hallstatlzeit an der Unteren Donau*. Bonn.

Jugănaru, G. 2002. *Cultura Babadag I.* Constanţa.

Iconomu, C., Tănăsachi, M. 1992. Descoperiri arheologice din necropola hallstattiană timpurie de la Cotu Morii-Iaşi. *Arheologia Moldovei*, XV, p. 23-44.

László, A. 1976. Über den Ursprung und die Entwicklung der frühhallstattzeitlichen Kulturen in der Moldau. *Thraco-Dacica*, I, S. 89-98.

László, A. 1980. La région extracarpathique orientale á la fin du II-e millénaire et dans la première moitie du I-en millénaire. In: Vulpe, R. (ed.). *Actes du II-e Congrès International de Thracologie*, V, I. Bucureşti, p. 181-197.

László, A. 1986. Zu den Beziehungen zwischen der oberen Theissgegend dem nord-östlichen Ausserkarpatischen Raum in der älteren Hallstattzeit. Eine neue Gruppe der Gáva-Holigrady Kultur in der Suceava-Hochebene. *Hallstattkolloqium Veszprém 1984*, S. 149-163.

László, A. 1986. Grupul Tămăoani. Asupra «orizontului» hallstattian timpuriu cu ceramica incizată din Sudul Moldovei. *Memoria Antiquitatis*, XII—XIV, p. 65-91.

László, A. 1989. Les groupes régionaux anciens du Hallstatt a l'est des Carpates. La Moldavie aux XIIe—VIIe siècles av. n. e. «La civilisations de Hallstatt». *Etudes et Recherches Archéologiques de l'Uniersité de Liége*, 36, p. 111-129.

László, A. 1994. *Începuturile epocii fierului la Est de Carpați*. Bucureşti. Biblioteca Thracologica, VI.

László, A. 2001. Prima epocă a fierului. In: Petrescu-Dîmboviţa, V., Vulpe, Al. (ed.). *Istoria românilor*. Bucureşti, I: Moştenirea timpurilor îndepărtate, p. 294-339.

Lazăr, S. 2005. *Cultura Vârtop on Oltenia*. Craiova.

Levițki, O. 1992. La situation culturelle et historique dans l'espace Carpato-Dniestrien a l'epoque du Hallstatt. *Symposia Thracologica*, 11, p. 119-121.

Levițki, O. 1994a. *Cultura Hallstatului canelat la Răsărit de Carpați*. Bucureşti. Biblioteca Thracologica, VII.

Levițki, O. 1994b. Grupul Holercani-Hansca. Aspectul Pruto-Nistrean al complexului Hallştattian timpuriu cu cermică incizată In: Roman, P., Alexianu, M. (ed.). *Relation Thraco-Illyro-Hellénigues*. Bucarest, p. 219-256.

Levițki, O. 2003. *Lumea tracică şi masivul cultural nord-pontic în perioada hallstattiană timpurie (secolele XII—X î. e. n.*). Bucureşti. Biblioteca Thracologica, XL.

Levițki, O. 2010a. Prima epocă a fierului (sec. XII—VIII / VII î. Hr.). Începuturile relațiilor de clasă, Zona de silvostepă. Tracii timpurii. In: Dergaciov, V. (ed.). *Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi antică*. Chişinău: Tipografia Centrală, p. 329-357.

Levițki, O., Uşurelu, E., Coban, Gh. 2003. Piese de metal din aşezarea Trinca «Izvorul lui Luca». In: Sava, E. (ed.). *Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic*. Chişinău: Centrul Ed.-poligr. Al USM, p. 171-182.

Morintz, S. 1970. Autour de l'origine et de l'évolution de Hallstatt ancien en Roumanie. In: *Actes du VIIe Congrès International de Sciences prehistoriqueset protohistoriques*. Prague, I, p. 729-732.

Morintz, S. 1974. Sfîrşitul epocii bronzului şi începutul epocii fierului în spațiul carpato-balcanic. *Revista de Istorie*,V, 27, 6, p. 897-906.

Morintz, S. 1977. Probleme privind originea tracilor în lumina cercetărilor arheologice. *Revista de Istorie*, V, 30, 8, p. 1465-1488.

Morintz, S. 1978. *Contribuții arheologice la istoria tracilor timpuri*. Bucureşti.

Morintz, S. 1987. Noi date şi probleme privind perioadele hallstattiană timpurie şi mijlocie în zona istropontică (Cercetările de la Babadag). *Thraco-Dacica*, VIII, 1—2, p. 39-71.

Motzoi-Ciugudeanu, I. 1999—2001. Ein neuer fund vom beginn der Hallstattzeit aus der Kleinen Walachei. *Dacia n. s.*, XLIII—XLV, p. 197-229.

Nestor, I. şi colab 1951. Săpăturile de pe şantierul Valea Jijiei (Iaşi-Botoşani-Dorohoi) în anul 1950. *Studii şi Cercetări de Istorie Veche*, II, 1, p. 68-73.

Petrescu-Dîmboviţa, M. 1953a. Contribuții la problema sfîrşitului epocii bronzului şi începutul epocii fierului tn Moldova. *Studii şi Cercetări de Istorie Veche*, IV, 3—4, p. 443-481.

Petrescu-Dîmboviţa, M. 1953b. Cercetări arheologice în aşezarea din prima epocă a fierului de la Tămăoani. *Studii şi Cercetări de Istorie Veche*, 4, 3—4, p. 765-778.

Petrescu-Dîmboviţa, M. 1964. Date noi relative la descoperirile de obiecte de bronz de la sfârşitul epocii bronzului şl începutul Hallstattului din Moldova. *Arheologia Moldovei*, II—III, p. 251-271.

Petrescu-Dîmboviţa, M. 1977a. Quelques considérations concernant la fin de l'âge du Bronze et le début du Hallstatt dans l'espace carpato-balcanique. *Studia Balcanica*, 5: L'etnogenиse des peuples Balcaniques, p. 107-117.

Petrescu-Dîmboviţa, M. 1977b. *Depozitele de bronzuri din România*. Bucureşti.

Petre-Govora, Gh. 1983. Un orizont Hallstattian timpuriu on nord-estul Olteniei. *Thraco-Dacica*, IV, 1—2, p. 85-95.

Uşurelu, E. 2003. Considerații cu privire la celturile de tip Coia-Saharna. In: Sava, E. (ed.). *Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic*. Chişinău, p. 211-219.

REFERENCES

Berezanskaia, S. S. 1982. *Severnaia Ukraina v epohu bronzi*. Kiev: Naukova dumka.

Vanchugov, V. P. 1983. Baltskaia grupa pamiatnikov epohi pozdnei bronzi. In: Dzis-Raiko, G. A. (ed.). *Materialy po arheologii Severnogo Prichernomorya*. Kiev: Naukova dumka, s. 88-101.

Vanchugov, V. P. 1990. *Belozerskie pamiatniki v Severo-Zapadnom Prichernomorie*. Kiev: Naukova dumka.

Dergachev, V. A. 1975. *Bronzovye predmety XIII—VIII vv. do n. e. iz Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurechia*. Kishinev: Shtiintsa.

Dergachev, V. A. 1997. *Metallicheskie izdeliia: k probleme genezisa kultur rannego galshtata Karpato-Danubio-Nordpontiiskogo regiona*. Kishineu: Shtiintsa.

Dergachev, V. A. 2010. *Topory-kelty pozdnei bronzy Karpato-Podunavia, 1: Odnoushkovye kelty s arkovidnymi faskami*. Kishineu: Tsentralnaia Tipografiia.

Dergachev, V. A. 2011. *Toporyi-keltyi pozdney bronzyi Karpato-Podunavya, 2: Keltyi i serpyi Nizhnego Podunavya*. Kishineu: Tsentralnaia Tipografiia.

Kashuba, M. T. 2000. Rannee zhelezo v lesostepi mezhdu Dnestrom i Siretom (kultura Koziia—Saharna). *Stratum plus*, 3, s. 241-488.

Krushelnitska, L.A. 1985. *Vzaemozviazky naselennia Prikarpattya i Volini z plemennami Skhidnoi i Tsentralnoi Evropi (rubizh epokh bronzi i zaliza)*. Kyiv: Naukova dumka.

Krushelnitskaya, L. A., Maleev, Yu. N. 1990. Plemena kultury frakiiskogo galshtata (Gava-Goligrady). In: Chernysh, A. P. (ed.). *Arkheologiya Prikarpatia, Volyni i Zakarpatia*. Kiev: Naukova dumka, s. 123-132.

Lapushnian, V. L. 1979. *Rannie frakiitsy X — nachala IV v. do n. e. v lesostepnoi Moldavii*. Kishinev: Shtiintsa.

Levitskii, O. G. 1989. Kurgan u s. Braneshty i nekotorye voprosy pogrebalnogo obriada rannegalshtatskoi kultury lesostepnoi Moldavii. *Arkheologicheskie Issledovaniia v Moldavii v 1984 g*. Kishinev: Shtiintsa. s. 137-149.

Levitskii, O. G. 1990. K voprosu o rannegalshtattskom gorizonte s procherchennoi keramikoi v Dnestrovsko-Prutskom mezhdureche. In: Abikulova, M. I. (ed.). *Problemy arkheologii Severnogo Prichernomoria*. Kiev: Naukova dumka, s. 6-8.

Levitskii, O. G. 1991. *Kultura Dnestrovsko-Siretskogo mezhdurechia na rubezhe II — I tys. do n. e.* Dissertaciia … kand. ist. nauk. Leningrad.

Levitskii, O. G. Demchenko, T. N. 1991. K voprosu o finalnykh rubezhakh rannegalshtattskoi kultury Kishinev—Korleten Dnestrovsko-Siretskogo mezhdurechia. In: Yarovoy, E. V. (ed.). *Drevneyshie obshchnosti zemledeltsev i skotovodov Severnogo Prichernomoria (V tys. do n. e. — V v. n. e.)*. Kiev, s. 147-149.

Meliukova, A. I. 1956. Pamiatniki VIII v. do n. e. na territorii lesostepnoj Moldavii. *Izvestiia MF AN SSSR*, 4 (31), s. 39-45.

Meliukova, A. I. 1972. O datirovke i sootnoshenii pamiatnikov nachala zheleznogo veka v lesostepnoi Moldavii. *Sovetskaia arheologiia*, 1, s. 57-72

Meliukova, A. I. 1979. *Skifiia i frakiiskii mir*. Moskva: Nauka.

Meliukova, A. I. 1984. Arheologicheskie dannye o frakiicah na territorii SSSR v 1 tysiacheletii do n. e. In: Bernshtejn, S. B, Gindin, L. A. (ed.). *Etnogenez narodov Balkan i Severnogo Prichernomoria. Lingvistika, istoriia, arheologiia*. Moskva: Nauka, s. 224-234.

Petresku-Dymbovitsa, M. 1960a. K voprosu o gal'shtatskoi kul'ture v Moldove. *Materialy i issledovaniia po arheologii Yugo-Zapada SSSR i RNR*. Kishinev, s. 151-170.

Petresku-Dymbovitsa, M. 1960b. Konets bronzovogo i nachalo rannezheleznogo veka v Moldove v svete poslednih arheologicheskih raskopok. *Dacia, n. s.*, IV, s. 139-159.

Smirnova, G. I. 1985. Osnovy hronologii predskifskih pamiatnikov Yugo-Zapada SSSR. *Sovetskaia arheologiia*, 4, s. 33-53.

Smirnova, G. I. 1989. Kul'turno-istoricheskie protsessy v Prikarpat'e v kontse II — pervoi polovine I tys. do n. e. Po materialam Zapadno-Ukrainskoi ehkspeditsii. In: Smirnova, G. I. (ed.). *Itogi rabot arheologicheskih ehkspedicij Gosudarstvennogo Ermitazha*. Leningrad, s. 19-32.

Smirnova, G. I. 1990. Pamiatniki tipa Kishinev—Korlehten' v Dnestrovsko-Siretskom mezhdurech'e i gruppa Belegish v yugoslavskom Podunav'e. *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 30, s. 20-33.

Terenozhkin, A. I. 1961. *Predskifskii period na Dneprovskom Pravoberezh'e*. Kiev: AN USSR.

Terenozhkin, A. I. 1965. Osnovy hronologii predskifskogo perioda. *Sovetskaia arkheologiia*, 1, s. 63-85.

Cherniakov, I. T. 1985. *Severo-Zapadnoe Prichernomor'e vo vtoroi polovine II tys. do n. e.* Kiev: Naukova dumka.

Alexianu, M. 1996. La culture Corlăteni-Chişinău — thrace ou illirienne? In: Roman, P. (ed.). *The Thracian World at the Crossroads of Civilisations*. Bucarest, p. 222-223.

Bader, T. 1991. *Die Schwerter in Rumänien*. Stutgart: Franz Steiner. Prähistorische Bronzefunde, IV, 8.

Călătoiu, Gh. 2002. *Prima epocă a fierului în nordul Olteniei (Traco-geţii din nordul Olteniei în sec. XII—IV a. Chr.).* Târgu Jiu.

Florescu, M., Florescu, A. 1983. Cercetările arheologice de la Cîndeşti — Coasta Banului, comuna Dumbrăveni (jud. Vrancea) în perioada 1976—1980 (necropola aparţinând purtătorilor culturii Monteoru, aşezarea de la sfîrşitul epocii bronzului — cultura Noua şi resturi de locuire hallstattiană). *Materiale şi Cercetări Arheologice*, XV, p. 112-123.

Gumă, M. 1993. *Civilizaţia primei epoci a fierului în sud-vestul României*. Bucureşti. Biblioteca Thracologica, IV.

Gumă, M. 1995. The End of the Bronze Age and the Beginning of the Early Iron Age in South-Western Romania, Western Serbia and North-Western Bulgaria. A Short Review. *Thraco-Dacica*, XVI, 1—2, p. 99-137.

Hänsel, B. 1976. *Beiträge zur regionalen und Chronologhischen gliederung der älteren Hallstatlzeit an der Unteren Donau*. Bonn.

Jugănaru, G. 2002. *Cultura Babadag I.* Constanţa.

Iconomu, C., Tănăsachi, M. 1992. Descoperiri arheologice din necropola hallstattiană timpurie de la Cotu Morii-Iaşi. *Arheologia Moldovei*, XV, p. 23-44.

László, A. 1976. Über den Ursprung und die Entwicklung der frühhallstattzeitlichen Kulturen in der Moldau. *Thraco-Dacica*, I, S. 89-98.

László, A. 1980. La région extracarpathique orientale a la fin du IIe millénaire et dans la premiére moitie du I-en millénaire. In: Vulpe, R. (ed.). *Actes du II-e Congrès International de Thracologie*, V, I. Bucureşti, p. 181-197.

László, A. 1986. Zu den Beziehungen zwischen der oberen Theissgegend dem nord-östlichen Ausserkarpatischen Raum in der älteren Hallstattzeit. Eine neue Gruppe der Gáva-Holigrady Kultur in der Suceava-Hochebene. *Hallstattkolloqium Veszprém 1984*, S. 149-163.

László, A. 1986. Grupul Tămăoani. Asupra «orizontului» hallstattian timpuriu cu ceramica incizată din Sudul Moldovei. *Memoria Antiquitatis*, XII—XIV, p. 65-91.

László, A. 1989. Les groupes régionaux anciens du Hallstatt a l'est des Carpates. La Moldavie aux XIIe—VIIe siècles av. n. e. «La civilisations de Hallstatt». *Etudes et Recherches Archéologiques de l'Uniersité de Liége*, 36, p. 111-129.

László, A. 1994. *Începuturile epocii fierului la Est de Carpaţi*. Bucureşti. Biblioteca Thracologica, VI.

László, A. 2001. Prima epocă a fierului. In: Petrescu-Dîmboviţa, M., Vulpe, Al. (ed.). *Istoria românilor*, *I: Moştenirea timpurilor îndepărtate*. Bucureşti, p. 294-339.

Lazăr, S. 2005. *Cultura Vârtop on Oltenia*. Craiova.

Leviţki, O. 1992. La situation culturelle et historique dans l'espace Carpato-Dniestrien a l'epoque du Hallstatt. *Symposia Thracologica*, 11, p. 119-121.

Leviţki, O. 1994a. *Cultura Hallstatului canelat la Răsărit de Carpaţi*. Bucureşti.

Leviţki, O. 1994b. Grupul Holercani-Hansca. Aspectul Pruto-Nistrean al complexului Hallştattian timpuriu cu cermică incizată In: Roman, P., Alexianu, M. (ed.). *Relation Thraco-Illyro-Hellénigues*. Bucarest, p. 219-256.

Leviţki, O. 2003. *Lumea tracică şi masivul cultural nord-pontic în perioada hallstattiană timpurie (secolele XII—X î. e. n.)*. Bucureşti. Biblioteca Thracologica, XL.

Leviţki, O. 2010a. Prima epocă a fierului (sec. XII—VIII / VII î. Hr.). Începuturile relaţiilor de clasă, Zona de silvostepă. Tracii timpurii. In: Dergaciov, V. (ed.). *Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi antică*. Chişinău: Tipografia Centrală, p. 329-357.

Leviţki, O., Uşurelu, E., Coban, Gh. 2003. Piese de metal din aşezarea Trinca «Izvorul lui Luca». In: Sava, E. (ed.). *Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic*. Chişinău: Centrul Ed.-poligr. Al USM, p. 171-182.

Morintz, S. 1970. Autour de l'origine et de l'évolution de Hallstatt ancien en Roumanie. In: (ed.). *Actes du VII-e Congrès International de Sciences prehistoriques et protohistoriques*. Prague, p. 729-732.

Morintz, S. 1974. Sfîrşitul epocii bronzului şi începutul epocii fierului în spaţiul carpato-balcanic. *Revista de Istorie*, V, 27, 6, p. 897-906.

Morintz, S. 1977. Probleme privind originea tracilor în lumina cercetărilor arheologice. *Revista de Istorie*, V, 30, 8, p. 1465-1488.

Morintz, S. 1978. *Contribuţii arheologice la istoria tracilor timpuri*. Bucureşti.

Morintz, S. 1987. Noi date şi probleme privind perioadele hallstattiană timpurie şi mijlocie în zona istro-pontică (Cercetările de la Babadag). *Thraco-Dacica*, VIII, 1—2, p. 39-71.

Motzoi-Ciugudeanu, I. 1999—2001. Ein neuer fund vom beginn der Hallstattzeit aus der Kleinen Walachei. *Dacia n. s.*, XLIII—XLV, p. 197-229.

Nestor, I. şi colab 1951. Săpăturile de pe şantierul Valea Jijiei (Iaşi-Botoşani-Dorohoi) în anul 1950. *Studii şi Cercetări de Istorie Veche*, II, 1, p. 68-73.

Petrescu-Dîmboviţa, M. 1953a. Contribuţii la problema sfîrşitului epocii bronzului şi începutul epocii fierului în Moldova. *Studii şi Cercetări de Istorie Veche*, IV, 3—4, p. 443-481.

Petrescu-Dîmboviţa, M. 1953b. Cercetări arheologice în aşezarea din prima epocă a fierului de la Tămăoani. *Studii şi Cercetări de Istorie Veche.*, 4, 3—4, p. 765-778.

Petrescu-Dîmboviţa, M. 1964. Date noi relative la descoperirile de obiecte de bronz de la sfîrşitul epocii bronzului şi începutul Hallstattului din Moldova. *Arheologia Moldovei*, II—III, p. 251-271.

Petrescu-Dîmboviţa, M. 1977a. Quelques considérations concernant la fin de l'âge du Bronze et le début du Hallstatt dans l'espace carpato-balcanique. L'etnogenèse des peuples Balcaniques. *Studia Balcanica*, 5, p. 107-117.

Petrescu-Dîmboviţa, M. 1977b. *Depozitele de bronzuri din Romънia*. Bucureşti.

Petre-Govora, Gh. 1983. Un orizont Hallstattian timpuriu on nord-estul Olteniei. *Thraco-Dacica*, IV, 1—2, p. 85-95.

Uşurelu, E. 2003. Consideraţii cu privire la celturile de tip Coia-Saharna. In: Sava, E. (ed.). *Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic*. Chişinău: Centrul Ed.-poligr. Al USM, p. 211-219.

O. G. Levitski, L. V. Sîrbu

CONSIDERATIONS ON THE CURRENT STATE OF ART AND PRIORITIES IN THE STUDY OF THE CHIŞINĂU—CORLĂTENI CULTURE OF THE CARPATHIAN-DNIESTER AREA (the 12th—10th Centuries BC)

The study gives a brief presentation of the history of research of grooved Hallstatt culture of the Carpathian-Dniester area represented by a local variant called Chişinău—Corlăteni, and the current state of art of knowledge of the main cultural. A special attention is paid to the achievements in studying of general issues of the Early Hallstatt period in the Carpathian-Dniester region. The final part of the study proposes more specified directions of research in the present domain taking in consideration the actual debated questions on Chişinău—Corlăteni culture, among which problems of genesis, evolution, and historical destiny of the culture bearers could be mentioned.

Keywords: grooved Hallstatt, Chişinău-Corlăteni culture, Carpathian-Dniester region, genesis, evolution, historical destiny.

Одержано 4.11.2017

ЛЕВИЦЬКИЙ Олег Георгійович, доктор історичних наук, директор Центру археології, Інститут культурної спадщини АН РМ, бул. Штефан чел Маре, 1, Кишинів, МД-2001, Молдова, *levitkioleg_ipc@yaho.com*.

LEVIŢKI Oleg, Habilitated Doctor of Historical Sciences, Director of the Center of Archaeology, Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of the Republic of Moldova, bd. Ştefan cel Mare 1, Chişinău, MD-2001, Republica Moldova, *levitkioleg_ipc@yaho.com*.

СИРБУ Лівія Володимирівна, науковий співробітник, Центр археології, Інститут культурної спадщини АН РМ, бул. Штефан чел Маре, 1, Кишинів, МД-2001, Молдова, *livermur@yahoo.com*.

SÎRBU Livia, scientific researcher, Center of Archaeology, Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of the Republic of Moldova, bd. Ştefan cel Mare 1, MD-2001, Chişinău, Republica Moldova, *livermur@yahoo.com*.

УДК: 904(.574)”6383”

Г. С. Джумабекова, Г. А. Базарбаева

О РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ ЖЕТЫСУ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ДАННЫХ [1]

В статье рассматриваются памятники раннего железного века обширного региона Казахстана — Жетысу. Концентрация погребально-поминальных объектов сакской эпохи в регионе позволяет выделить его в качестве территории, принадлежавшей определенной конфедерации племен. Судя по наличию большого количества «царских» курганов, в обществе существовала стройная система иерархии.

Ключевые слова: *Жетысу, ранний железный век, памятники, исследования.*

Жетысу («Семь рек» в буквальном переводе с каз. «жеты» — «семь», «су» — «вода») подразумевает обширный в историко-культурном отношении регион, расположенный на юго-востоке Казахстана. По современному административному делению он включает в себя территорию Алматинской обл. и восточные районы Жамбылской обл. Название региона отражает особенности тополандшафтной ситуации, а именно обозначение края семи рек, в число которых различные авторы включают свои варианты или сочетание рек. Жетысу обрамляют степи и предгорья Сарыарки, Казахского Алтая, Средней Азии и Восточного Туркестана (Жандаев 1978; Ожерельев 2012; Рогожинский 2016). Изначально эта область называлась Семиречье, географически охватывавшая пространство между цепью озер Балхаш, Сасыколь и Алаколь на севере, хребтами Северного Тянь-Шаня на юге, Джунгарским / Жетысуским Алатау на востоке и Шу-Илейскими горами на западе, включая также верховья долины Шу / Чу на территории Кыргызстана. Наиболее крупная река Жетысу — Иле / Или — делит область на левобережную и правобережную части, на Западное и Восточное Семиречье, в составе которого и выделяется собственно историческая область — Жетысу, известная под этим названием со второй половины XVIII в. (Историко-культурный… 2011, с. 12).

Система расположения могильников и поселений позволяет предположить, что сакские племена Жетысу занимались полукочевым скотоводством, совершая короткие перекочевки по склонам гор, долинам рек и предгорным степям с зимних пастбищ на летние. Если судить по конструкциям подкурганных гробниц Бесшатыра (долина р. Иле), они могли строить большие и сложные для того времени сооружения из дерева, камыша, камня. Весенне-осенние пастбища располагались на равнинах и предгорьях, летние — в средне- и высокогорье, где продолжительность их использования достигала 1,5—4 месяца в году. Во внутригорных котловинах, на склонах с южной экспозицией располагались зимние пастбища. Подходящими для зимнего выпаса скота являлись также возвышенности, подветренные склоны, лощины, подошвы гор — в зависимости от рельефа зимние пастбища использовали в определенной последовательности. О возможности расположения зимовок в горах писали известные исследователи (Акишев 1972, с. 38; Краснов 1987, с. 439, 452). В принципе система вертикального кочевания сохранялась и позже, например, у казахов Старшего жуза (территория Жетысу — бассейн реки Иле и ее притоков, предгорья Жетысуского и Иле Алатау, Киргизского хребта и Каратау, междуречья Шу и Таласа, районы верхнего и среднего течения Сырдарьи):

1. Работа выполнена при финансовой поддержке КН МОН РК, ИРН проекта BR05236565.

© Г. С. ДЖУМАБЕКОВА, Г. А. БАЗАРБАЕВА, 2018

зимние пастбища в основном располагались в равнинной части региона в песках, предгорных и речных долинах, низкогорных районах с пересеченным рельефом местности. Летние пастбища при вертикальном кочевании располагались в горных и высокогорных районах Жетысуского Алатау и западных отрогов Тянь-Шаня (Масанов 1995, с. 56).

Несмотря на многолетнюю историю изучения древностей сакского времени Жетысу, до сих пор остаются слабо разработанными **вопросы хронологии и периодизации памятников ранних кочевников**. При характеристике древностей раннего железного века региона исследователи оперируют терминами «раннесакский», «среднесакский», «позднесакский».

В настоящее время по Жетысу существует 36 дат памятников эпохи ранних кочевников (табл. 1). К числу наиболее ранних объектов относится погребально-поминальный комплекс Бесшатыр (Dolukhanov, Romanova, Semyontsov 1970; Евразия… 2005, с. 181—182; Panyushkina et al. 2013, p. 1300). По мнению И. П. Панюшкиной, третья дата, являющаяся самой ранней, может оказаться не точной. В то же время исследователь допускает, что эта дата может отражать «нижнюю временную границу строительства некрополя» (Панюшкина, Григорьев, Лейндж 2015, с. 203) (таблица).

Наиболее близкую к Бесшатыру хронологическую позицию занимают данные, полученные по материалам из могильника Каспан 6. На столетие моложе Каспана 6 курган 2 могильника, расположенного на высокогорном плато Кеген. Далее следуют материалы из поселения Цыганка 8 и кургана 3 могильника Турген 2, предметы из разряда культовых бронз Жетысу. Близкую позицию к последним занимают материалы из курганов 7, 10 могильника Турген 2; курганов 49, 59 Каратумы. Наиболее поздними среди дат, полученных из могильников, являются данные по курганам 8, 9 Жуантобе. Разброс в датах поселений Цыганка 8 и Тузусай, очевидно, свидетельствует о неоднократном обживании памятника группами населения в разные исторические периоды.

Для Жетысу имеющиеся 36 дат недостаточны на фоне колоссального количества памятников раннего железного века. В масштабах всего региона полностью раскопанных могильников насчитываются единицы. Эти и другие обстоятельства делают пока невозможным фундаментальную разработку вопросов хронологии и периодизации. Поселения раннего железного века. В Жетысу в настоящее время известны десятки поселений сакской и усуньской эпох.

По наблюдению археологов, следы поселений раннего железного века зафиксированы в каждом отдельном ущелье Иле Алатау, где имеется какой-либо источник воды (родник, ручей). Следы древних поселений выявлены специалистами вдоль берегов речек, стекающих с гор, на расстоянии до 15—20 км (Горячев, Сараев 2015, с. 7). На выходе из ущелий поселения раннего железного века смещаются к основанию предгорных подошв. Крупными являются поселения Рахат и Алмаарасан (Байпаков 2008, с. 71—72). Наиболее исследованными памятниками предгорных равнин у северных склонов Иле Алатау являются поселения Тузусай, Талдыбулак 2 (Цыганка 2) и Цыганка 8, датируются позднесакским периодом IV—I вв. до н. э. (Горячев, Мотов 2012; Байпаков 2008). Характерно, что поселения функционировали и в следующий, усуньский, период. Одним из примеров изученного археологического комплекса является Бутакты, расположенный в предгорной части и в устьях горных ущелий Иле Алатау.

В результате исследований выявлено, что для поселений эпохи ранних кочевников характерны наземные каркасные юртообразные жилища, полуземлянки (Горячев, Егорова 2015), жилища земляночного типа, заглубленные полуземлянки, врезанные в склоны гор с южной экспозицией. Жилища раннего железного века устроены на поселении эпохи бронзы. Для защиты жилищ поселений от схода снега были предусмотрены валы и водоотводные каналы, зафиксированы арыки для подвода питьевой воды. Наиболее близкие аналогии конструкциям турлучного типа, по мнению авторов исследования, видятся в материалах поселений Горного Алтая. Аналогии выявленной на поселениях комплекса Бутакты керамике известны на обширной территории Центральной Азии, начиная с середины I тыс. до н. э., в погребальных памятниках Жетысу III—I вв. до н. э. Формы керамики сакского поселения археологического комплекса Турген 2 обнаруживают некоторое сходство с материалами раннесакских поселений Центрального Казахстана и Алтая, вместе с тем, по особенностям декора ее можно сравнить и с керамическими комплексами из погребений Приаралья, Средней Азии (Горячев 2011). На основании анализа материалов полевых исследований удалось заключить, что основным занятием было скотоводство (Бутакты 3), поливное земледелие (Бутакты 1). В целом, для населения северных склонов Иле Алатау было характерно полукочевое скотоводство, на лето население поднималось на высокогорные пастбища, на летовки (Горячев, Сараев 2017).

Таким образом, в период раннего железного века на предгорной равнине у северных склонов Иле Алатау в долинах рек существовали небольшие семейно-родовые поселки, которые входили в округу крупных стационарных поселков, отделяясь от них полями. Крупные поселения состояли из 12—15 хозяйственно-жилых конструкций. Жилые помещения, в свою очередь, состояли из одно-трехкомнатных секций. Встречаются многокомнатные двухэтаж-

14С даты по памятникам раннего железного века Жетысу

№	Лабораторный индекс	Памятник, материал	Возраст, BP	Калиброванный интервал, 2 σ
1	LE-603	Бесшатыр, к. 1, дерево	2550 ± 65	820—490 BC
2	LE-590	Бесшатыр, к. 3, дерево	1850 ± 70	340 BC — 5 AD
3	LE-5643	Бесшатыр, к. 6, дерево	2570 ± 35	820—750 BC
4	AA № 97421	Бесшатыр, к. 3, дерево	2465 ± 37	—
5	AA № 97420	Бесшатыр, к. 3, дерево	2504 ± 43	—
6	AA № 97419	Бесшатыр, к. 3, дерево	2527 ± 38	—
7	AA № 97418	Бесшатыр, к. 3, дерево	2464 ± 39	—
8	UBA-24075	Каспан 6, к. 4	2466 ± 33	95,4 %; BC; 765—471 (0,946); 466—430 (0.054)
9	SPb-1445	Каспан 6, к. 1	2500 ± 45	95,4 %; BC; 794—477 (94,3 %); 444—432 (1,1 %)
10	ГИН8863	Горный гигант, нагар с котла	2270 ± 160	784 BC — 4 AD
11	Beta-270147	Кеген, к. 2, кость животного	2340 ± 40	95,4 %; BC; 720—690 (1,4 %); 540—350 (89,5 %); 290—230 (4,5 %)
12	Hd-28054	Жуантобе, к. 8, древесина	2140 ± 44	95,4 %; BC; 360—270 (23,5 %); 260—40 (71,9 %)
13	Hd-28019	Жуантобе, к. 9, ботанический материал	2046 ± 37	95,4 %; 170 BC — 30 AD (94,3 %); 40—50 AD (1,1 %)
14	Poz-37301	Турген 2, к. 7, м. я. 1, п. 1, кость человека	2275 ± 30	95,4 %; BC; 400—340 (51,1 %); 300—200 (44,3 %)
15	Poz-37300	Турген 2, к. 7, м. я. 1, п. 2, древесина	2190 ± 35	95,4 %; BC; 380—160 (95,4 %)
16	Poz-37303	Турген 2, к. 10, м. я. 1, п. 1, кость человека	2225 ± 30	95,4 %; BC; 390—200 (95,4 %)
17	Poz-37336	Турген 2, к. 10, м. я. 1, п. 2, кость человека	2285 ± 35	95,4 %; BC; 410—340 (54,0 %); 310—200 (41,4 %)
18	KIA 42816	Турген, жертв. стол, сажа / нагар	2194 ± 20	95,4 %; BC; 370—190 (95,4 %)
19	KIA 42815	Турген, жертв. стол, сажа / нагар	2234 ± 20	95,4 %; BC; 390—340 (23,1 %); 320—200 (72,3 %)
20	Poz-37296	Улжан, к. 2, древесина	2170 ± 35	95,4 %; BC; 370—110 (95,4 %)
21	Le-5635	Турген 2, к. 3, древесина	2300 ± 50	95,4 %; BC; 510—430 (5,1 %); 420—200 (90,3 %)
22	Beta-129589	Цыганка 8, слой I, яма-хранилище 98	2300 ± 80	95,4 %; BC; 750—100 (95,4 %)
23	Beta-153900	Цыганка 8, слой II, землянка 3, уровень пола 4	2120 ± 40	95,4 %; BC; 360—290 (10,9 %); 230—40 (84,5 %)
24	Beta-133612	Цыганка 8, слой III, землянка 3, уровень пола 3a/b	2390 ± 70	95,4 %; BC; 770—360 (95,4 %)
25	Beta-133611a	Цыганка 8, землянка 2, уровень пола 2	2130 ± 40	95,4 %; BC; 360—290 (16,1 %); 240—40 (79,3 %)
26	Beta-133611	Цыганка 8, яма-хранилище 13	2130 ± 40	95,4 %; BC; 360—290 (16,1 %); 240—40 (79,3 %)
27	Beta-133614	Цыганка 8, слой IVa, кв. V/10	2190 ± 80	95,4 %; BC; 400—40 (95,4 %)
28	Beta-098385	Тузусай, яма 8	2320 ± 40	95,4 %; BC; 520—350 (78,3 %); 300—210 (17,1 %)
29	Beta-86750	Тузусай, слой IV, яма 22	2310 ± 50	95,4 %; BC; 520—340 (61,6 %); 330—200 (33,8 %)
30	Beta-98381	Тузусай, кв. V/13, концентрация золы	2170 ± 60	95,4 %; BC; 390—50 (95,4 %)
31	Beta-098383	Тузусай, яма 29	2230 ± 30	95,4 %; BC; 390—340 (23,0 %); 330—200 (72,4 %)
32	Beta-098384	Тузусай, слой V, яма 30Б	2170 ± 30	95,4 %; BC; 370—150 (92,6 %); 140—110 (2,8 %)
33	Beta-86749	Тузусай, слой VI, яма 17	2070 ± 40	95,4 %; 200 BC — 20 AD (95,4 %)
34	Beta-86747	Тузусай, слой VI, яма 24	2020 ± 40	95,4 %; 160—130 BC (4,3 %); 120 BC — 70 AD (91,1 %)
35	UBA-22937	Каратума, к. 59	2233 ± 33	95,4 %; BC; 384—204
36	UBA-22936	Каратума, к. 49	2210 ± 33	95,4 %; BC; 381—198

Примечание. Для калибровки радиокарбонного возраста образцов с шифрами AA, ГИН использована калибровочная кривая для северного полушария (Reimer et al 2009) и программа CALIB 6.0 (Stuiver et al 2005) (по: Панюшкина, Григорьев, Лейндж 2015, с. 204; Джумабекова, Базарбаева 2013). *Публикации*, по: 1, 2 — Dolukhanov, Romanova, Semyontsov 1970; 3 — Евразия… 2005, с. 181—182; 4—7 — Панюшкина, Григорьев, Лейндж 2015, с. 204; 8, 9 — Бейсенов и др. 2015, с. 64; 10 — Джумабекова, Базарбаева 2013, с. 72; 11—20 — Гасс 2015, с. 86; 21 — Горячев 2007, с. 13; 22—34 — Chang et al. 2003, p. 303; 35, 36 — Мотузайте Матузевичус 2016, с. 625

ные жилые строения. Рядом располагались хозяйственные постройки. Жители таких селений занимались ирригационным земледелием (Горячев 2011; Горячев, Егорова 2015). В высокогорной зоне поселения устроены в верховьях крупных ущелий и на высокогорных плато. Они представлены как крупными компактными поселениями до 24 дворов, так и небольшими усадьбами.

Анализ всех данных — конструктивных особенностей строений, устройства поселений, их местоположения в ландшафте, предметного комплекса позволил авторам исследований прийти к выводу о том, что население поселений раннего железного века занималось придомным скотоводством. На позднем этапе раннего железного века в системе расположения древних поселений Иле Алатау наблюдается изменение мест их устройства — жилища фиксируются на склонах гор. Такая же ситуация прослеживается в других районах Жетысу, где проявляются единые требования к установлению поселений. Это продиктовано природно-климатическими и ландшафтными условиями горно-долинной зоны Жетысу. Курганы, как правило, располагаются несколько ниже поселений (Горячев 2011; Горячев, Егорова 2015).

В целом, на основе анализа материала поселений становится ясно, что предгорная полоса имела особую роль в хозяйственно-экономической системе древнего населения с поселениями, выполнявшими роль как хозяйственно-ремесленных, так и административных центров северных склонов Иле Алатау (Горячев, Сараев 2017). Поселения раннего железного века Жетысу демонстрируют преемственность с памятниками горной зоны эпохи бронзы, процесс формирования новых форм хозяйствования.

Предположения о хозяйственной стороне населения северных склонов хребта подтверждают материалы других поселений, в том числе в черте города Алматы. Б. Н. Нурмуханбетов и Ю. И. Трифонов отмечали, что поселения раннего железного века обычно располагаются не далеко друг от друга. Топография памятников Тузусай, Кызылту, Коккайнар, по их мнению, позволяет предположить о локализации родственных групп населения, обитавших на данной территории (Нурмуханбетов, Трифонов 2016).

Во многих районах Жетысу найдены поселения, как устроенные на новом месте, так расположенные на площадях более ранних поселков. В Жетысуском Алатау древние поселения Буйен, Тасбас, Калакай (Карабаспакова 2011; Марьяшев 2002) содержат слои как эпохи бронзы, так и сако-усуньского времени. На поселении Тасбас 1, открытом и исследованном А. Н. Марьяшевым в горах Баянжурек, найдены фрагменты керамики с жемчужным орнаментом (Марьяшев 2002, рис. 7), что связано, по мнению А. З. Бейсенова, с наличием слоя раннесакского времени (Бейсенов 2015). Другая часть керамики поселения связана с посудой периода финальной бронзы. Такой же случай выявлен неподалеку на поселении Музбулак (Марьяшев 2003). Известны многочисленные поселения в районе Шу-Илейских гор — в урочищах Тамгалы, Серектас, Киндыктас и др. Могильники раннего железного века. Погребальные памятники древних кочевников Жетысу представлены такими объектами, как Бесшатыр, Беркара, Жетытобе, Жуантобе, Иссык, Тенлик, Турген, Улжан, Каркара, Катарторбе, Шанырак, Каспан 6 и др. Комплексы относятся к различным этапам культуры сакского времени.

К. А. Акишев в свое время отметил, что огромное количество элитарных курганов на территории Семиречья (Жетысу) свидетельствуют о высоком развитии социума, строго организованной военно-политической системе, массовой приверженности религиозно-идеологическим догмам (Акишев 2013, с. 50).

Относительно погребений в Бесшатырских курганах К. А. Акишев пришел к выводу о том, что их можно интерпретировать как могилы представителей трех социальных слоев — аристократии и знати, дружинников и рядовых общинников. Курганы, крупнейшие из которых достигают в высоту 16—18 и имеют 90—100 м в диаметре, тянутся цепочками вдоль речных террас и по краям сухих русел. Такие курганные насыпи нужно воспринимать как своего рода инсигнии власти (Акишев 2013, с. 56).

Курганный могильник **Бесшатыр** относится к числу наиболее ярких и ранних памятников (Акишев, Кушаев 1963) степной Евразии, сохранившимся в первоначальном природном и историческом ландшафте (Панюшкина, Григорьев, Лейндж 2015). В момент обнаружения на могильнике насчитывался 31 курган (Акишев, Кушаев 1963, с. 26). Илийской и Семиреченской археологическими экспедициями под руководством К. А. Акишева в 1957, 1959—1961 гг. на Бесшатыре было раскопано 18 курганов.

Курганы представляют собой конструкции, сочетающие наземные и подземные сооружения, образующие грандиозные и сложные палеоархитектурные ансамбли, которые были названы К. А. Акишевым «сакскими пирамидами» (Акишев 1977 с. 265). Часть их имеет вид усеченного конуса. При сооружении погребально-поминальных комплексов использовалась четырехугольная и круглая планировки, техника каменной кладки, технологии деревообработки. В качестве вспомогательного материала также прослеживается использование камыша, кустарника, войлока, щебня, земли (Акишев, Кушаев 1963, с. 26—27, 77).

Элементы организации околокурганного пространства представлены менгирами, кромлехами, выкладками, валом из камня в

виде ограждения. Характерной особенностью бесшатырских курганов являются ограды, состоящие из кольцевых сооружений, образованных менгирами, и крупных валунов. Примечательно, что они располагались по спирали, начало которой находилось с восточной стороны кургана.

Бесшатыр входит в ряд элитарных погребально-поминальных комплексов степной части Евразии, таких как Бегазы-Дандыбай, Шиликты, Кенес, Аржан, основные элементы погребального обряда их схожие. Специалисты объясняют это общим наследием культурного субстрата, либо распространением аржанской культурной традиции. Конструкция бревенчатых «усыпальниц» Бесшатыра не имеет аналогов в древней деревянной архитектуре, выделяясь среди других элитарных памятников. Возможно, сооружения из бревен в виде усеченной пирамиды над погребением уходят корнями в памятники эпохи бронзы (Бегазы-Дандыбай).

В целом, вероятно, Бесшатыр это некрополь кочевой элиты I тыс. до н. э., сакральный центр раннесакского времени Северо-Восточного Жетысу. Сложность и монументальность погребальных сооружений, дифференциация по размерам свидетельствуют о высоком уровне политической организации, социальной стратификации, уровне строительного дела, развитых религиозно-мифологических представлениях, идеологии (Акишев, Кушаев 1963, с. 26—27, 77).

«Царские» курганы Восточного Семиречья имели первоначальный архитектурный замысел, согласно которому возводились с плоской вершиной и прямыми боковыми скатами, т. е. «имели форму усеченного конуса». Масштабность погребально-поминальных комплексов впечатляет. Так, объем насыпи Большого Бесшатырского кургана составляет 67,5 тыс. м^3. Каменный вал вокруг него и 94 кольцевые ограды возведены из более чем 650 менгиров и валунов. На возведение погребальной камеры из трехметровых бревен тянь-шанских елей в Третьем кургане использовали более 300 бревен. По подсчетам, только на строительство Большого Бесшатырского кургана потребовалось около 40—45 тысяч человеко-дней (Акишев 2013, с. 58).

Таким образом, курганы Бесшатыра сопоставимы по масштабам с известными курганами скифского времени — Огуз, Солоха, Чертомлык, Гайманова Могила, Толстая Могила и др., которые сосредоточены в Приднепровье, где, по одной из версий, и находились Герры.

Курганы представляют собой информативные объекты в плане изучения социальной стратификации общества саков. Не случайно, по-видимому, именно могильники раннего железного века, содержащие курганы сакской элиты, выбираются в качестве объектов изучения. Так, в ходе совместных работ с исследователями из ФРГ в качестве курганов элиты Жетысу были выбраны курганы высотой 2 м и более, диаметром от 30—40 м. Выявлено, что некрополи ранних кочевников располагаются на берегах рек — на второй или третьей надпойменной террасе, вдоль предгорий Иле Алатау (Гасс 2011). В топографическом отношении местность представляет собой стык аллювиальных отложений и равнины. Обращает на себя внимание, что элитарные курганы располагаются в наиболее благоприятных условиях, соответствующих социальному привилегированному слою. Цепочки курганов (в количестве 1—7) вытянуты по линии север—юг, находятся на расстоянии 0,5—3,0 км от предгорий. Анализ планиграфии курганных могильников Семиречья позволил К.А. Акишеву выделить два типа пространственной организации могильного пространства — центрический и линейный (Акишев 2013, с. 62).

Высокая концентрация могильников с большими курганами выявлена на плато Кеген и в высокогорных долинах Иле и Кунгей Алатау. Большинство могильников возведено на западном берегу рек. В большинстве курганы представляют собой усеченный конус с крутыми склонами (Гасс 2011, с. 59). В составе этих могильников зафиксированы курганы подквадратной формы с пирамидальной насыпью, курганы с ритуальными дорогами, курганы с каменными кольцами (Гасс 2011, с. 60).

Сходные конструктивные элементы, в целом образующие погребально-поминальный комплекс, выявлены на других, известных раннесакских памятниках Евразии. Так, каменные оградки, расположенные полосой в два-три ряда вокруг кургана Аржан 1, описаны М. П. Грязновым (Грязнов 1980, с. 44—45).

К числу комплексов, также датируемых раннесакским временем, относится **Жалаулинский клад**, найденный в 1988 г. школьниками в 170 км восточнее г. Алматы. В войлочном мешке находились более 600 золотых украшений весом почти в 1,5 кг. Среди многочисленных изделий клада находились украшения, выполненные в скифо-сибирском «зверином» стиле, художественные изделия раннесакского времени (Тасмагамбетов 2003; Самашев, Григорьев, Джумабекова 2005). Вероятно, они происходят из разграбленных курганов. Относительно функциональной принадлежности предметов единого мнения нет. Вероятно, они представляют собой детали наборного пояса, украшения одежды и головного убора, нагрудное украшение (пектораль). Есть также предположение, что это изделие могло быть нагривником в составе ритуального убранства коня (Алтынбеков 2014).

В составе клада есть штампованные бляхи с изображением барса, терзающего козла; горные козлы, вырезанные из листового золота.

Особенно великолепны бляхи в виде двух оленей, слившихся в единую композицию, являющиеся важным датирующим материалом. Аналогии встречаются в пределах VIII—VI вв. до н. э. Анализ предметов раннесакского времени показал связи регионов: Тыва, Восточный Казахстан, Сарыарка, Семиречье и Приаралье (Акишев, Акишев 1978; Бейсенов 2013).

К раннему этапу эпохи железа относятся предметы из клада **Биже**. К. А. и А.К. Акишевы датировали находки второй половиной VIII — началом VII в. до н. э. Этот клад привязывается к двум группам курганов (Акишев, Акишев 1978). На аэрофотоснимке район находки просматривается как долина реки, зажатая между двумя рядами хребтов на севере и на юге. Южнее на полях читаются распаханные курганы. Всего выявлены три курганные группы, насчитывающие по 5—10 сооружений. Клад был обнаружен случайно на глубине 0,7 м, в 90 м восточнее кургана 1 группы Биже 1. Несколько из исследованных курганов, видимо, сочетали особенности как погребений эпохи поздней бронзы, так и времени ранних кочевников (Акишев 1965).

Комплекс включает четыре неполных набора конской узды, зооморфных наверший, обойм в виде колечек (174 экз.), распределителей ременной узды (10), петельчатой бляхи, двух подвесок (Акишев, Акишев 1978). В состав сбруйного набора входят бронзовые навершия, украшенные головками горных козлов. Они имеют втулки в виде усеченного конуса. В этом же районе также случайно был найден бронзовый кинжал длиной 39 см с прямым перекрестием и овальной в сечении рукоятью с грибовидным навершием. Кинжал датируется VIII в. до н. э.

Выразительные материалы из Биже позволяют произвести корректировку хронологической позиции некоторых раннесакских комплексов на основе развития образа таутеке: Тамды (Памирская I)/10, Уйгарак/66—Биже—Байгетобе—Тасмола V/2, Ерзовка. Комплекс кург. 10 мог. Тамды (Памирская I) конца VIII — начала VII в. до н. э. до кургана Аржан 2 середины VII в. до н. э., тенденция развития образа таутеке укладывается в период как минимум 50 лет (Полидович 2011).

В Жетысу известны и другие клады раннесакского времени с предметами конского снаряжения и вооружения. Один из них обнаружен недалеко от г. Алматы, на берегу р. **Шамалган**. Ранее в окрестностях были выявлены курганы (Археологическая… 1966, № 4279, 4318, 4319, 4419). Клад состоит из пяти предметов: втульчатые наконечники стрел и копья; две бляшки округлые, выпуклые, с петлей; деталь конской сбруи — представляет собой уплощенную втулку, верхний конец которой оформлен в виде кольца (Джумабекова, Базарбаева 2013).

Курган Иссык — это одно из редких сооружений, уцелевшее от разграбления. Диаметр кургана Иссык достигал 60 м, высота — 6 м, крутизна склонов составляла 45—50° (Акишев 1978). Теоретически вычисленный объем кургана равен 8600 м^3. При возведении данного сооружения понадобилось примерно 3000—4000 человеко-дней (Акишев, Акишев 1982, с. 92). Насыпь, по мнению исследователей, представляла собой сложное сооружение в виде правильного конуса. Изучение стратиграфии наземного сооружения показало, что насыпь была многослойная. При зачистке основания кургана были выявлены два захоронения: центральное и боковое. В центральной могиле зафиксированы следы хищнического ограбления. В могильной яме, где было совершено боковое захоронение, был установлен пятивенцовый сруб из обработанных бревен тянь-шанской ели (Акишев 1978, с. 15; Акишев, Акишев 1982, с. 92). Здесь были обнаружены останки погребенного (18—25 лет), облаченного в декорированный штампованными золотыми пластинами костюм, в сопровождении предметов вооружения (меч и кинжал), посуды, туалета. Южную и западную части камеры занимала посуда, установленная в определенном порядке — 16 глиняных сосудов, три металлических чаши (две серебряных и одна — бронзовая), два деревянных блюда, серебряная ложка и деревянный черпак. Всего в погребальной камере было найдено свыше 4000 золотых предметов, 26 бусин из сердолика и пасты. Надпись на серебряной чаше до сих пор не расшифрована.

Иссыкский вождь носил высокий остроконечный кулах, декорированный тремя фризами (Акишев 1978). «Золотой» костюм свидетельствует о высоком социальном статусе погребенного, что подчеркивалось красной («огненной») и золотой (солнечной) окраской, сакральными орнаментами и атрибутами (гривна, перстни, пояс, оружие, ритуальная посуда и т. д.). Находка из Иссыка свидетельствует о том, что утилитарная одежда (катафракта) превращалась постепенно в ритуальную, а первоначальные функции (защита тела при вооруженной борьбе) приобретали символическую окраску. Иссыкский костюм символизирует соединение военной и жреческой функций в лице сакского вождя (Акишев 1984; Нурмуханбетов, Загородний 1984). Датировка — V—III вв. до н. э.

Параллели с материалами кургана Иссык демонстрирует курган **Тасарык** с женским погребением IV—III в. до н. э. в Уржарском районе Восточно-Казахстанской области (Байтанаев, Китов 2016). В результате исследований выяснено, что возраст женщины 40—45 лет, головной убор был сделан из красного шелка, а одежда — из шерсти. Головной убор перекликается с таковым известного иссыкского погребения («золотого человека») и Локоть 4а (Шульга 2003). Птица, украшавшая головной убор женщины из Уржара, очень похожа на птицу в сцене со сфинксом на ковре из Пятого

Пазырыкского кургана (Руденко 1960, рис. 152: а, б, л).

В 1985—1986 гг. в 40 км к западу от Алматы, на окраине с. Шамалган (Чемолган) Алма-Атинской археологической экспедицией ИИАЭ им. Ч. Ч. Валиханова проводились раскопки двух могильников **Молалы и Шубарат**. В общей сложности было изучено 52 кургана. Полученный материал позволил Б. Н. Нурмуханбетову и Ю. И. Трифонову датировать памятники V—IV вв. до н. э., могильник Молалы 1 состоял из 30 курганов, организованных в две цепочки. Первая образована из наиболее крупных курганов, насчитывающая 17 объектов. По величине и топографии они подразделяются на три группы: северную, южную и центральную. Здесь выделены две группы объектов, принадлежащие, как полагают археологи, двум ранжированным слоям населения, различающегося по социальному статусу и имущественной составляющей. Всего на памятнике раскопками изучено 20 курганов.

Признаком, объединяющим объекты, являются устойчивые элементы погребального обряда: западная ориентировка; положение погребенных вытянутое, на спине. В центральных могилах фиксировались сопроводительные захоронения собак. Б. Н. Нурмуханбетов и Ю. И. Трифонов сделали вывод о непрерывной линии развития культуры населения, обитавшего в данной местности. Позднее на основе находки наконечника стрелы (черешковый со сводчатой трехгранной боевой головкой) из кургана 21 мог. Молалы памятник был продатирован VI — началом V в. до н. э. (Иванов, Тулегенов 2016, с. 78).

Исследования могильника были продолжены в 2005 г. Могильник Молалы 1 продатирован авторами VI—III вв. до н. э. Могильник **Шубарат** находится в низине одноименного урочища, образован более чем 200 курганными объектами. Б. Н. Нурмуханбетов и Ю. И. Трифонов обратили внимание на строительные принципы, использовавшиеся при возведении погребальных сооружений. Насыпь шубаратских курганов была образована четырьмя слоями: двумя земляными и перемежающихся с ними двумя каменными. Дальнейший анализ позволил выделить три условных типа сооружений, с двумя вариантами в каждом. На одном из курганов могильника Шубарат зафиксирован длинный коридор, который исследователями толкуется двояко — либо это древний грабительский лаз, либо дромос.

Несмотря на то, что исследование могильников Молалы и Шубарат проводилось в аварийном порядке, получен объем информации, обогащающий имеющиеся представления об облике культуры населения, обитавшего в Жетысу синхронно с создателями иссыкских усыпальниц (Нурмуханбетов, Трифонов 2016).

В настоящее время в районе Алматы имеется лишь один памятник ранних кочевников, хорошо сохранивший свою топографию и элементы исторического ландшафта, это — некрополь **Боролдай**, расположенный на северной окраине Алматы и насчитывающий около 52 курганов (Самашев и др. 2006). Среди них выделяются исполины диаметром 83 м и высотой 9 м.

Одним из крупных могильников эпохи раннего железного века является **Беркара**. Памятник расположен в местности у выхода из одноименного ущелья. Здесь сконцентрировано множество объектов погребально-поминального характера, в общей сложности насчитывающее порядка 457 курганов и каменных выкладок (Бабанская 1956; Байпаков, Воякин 2014). Памятник образован 31 группами объектов, в каждой из которых насчитывается от 5 до 20 курганов, организованных в одну или несколько цепочек. Обряд погребения, зафиксированный на памятнике, — ингумация: умершего укладывали на спину, головой на запад. В качестве элементов сопроводительного комплекса отмечаются мечи, стрелы, колчанные крюки, сосуды, украшения. В общем время — IV—III вв. до н. э. Могильник **Жетытобе** находится в юго-западной оконечности Жетысу, неподалеку от г. Тараз, в предгорной равнине. На памятнике зафиксировано 25 насыпей, организованных в виде двух параллельных цепочек, ориентированных по линии ССВ—ЮЮЗ. Одна цепочка состояла из семи курганов диаметром от 50 до 73 м, высотой от 4 до 7 м и одной небольшой. Вторая цепочка находилась к западу от первой и включала в себя 17 курганов и несколько десятков набросов камней. Диаметр насыпей варьирует от 8 до 40 м, высота — от 0,1 до 3 м. В 1986 г. на могильнике было раскопано 13 объектов западной цепочки. Все погребения группы были подвергнуты в древности полному разграблению (Сейткалиев 2014). Спустя 26 лет к изучению могильника вернулась группа археологов под руководством К. М. Байпакова (Байпаков, Воякин 2014).

Раскопками были исследованы два «царских» кургана (№ 1 и 2). Они представляют собой сложные многокомпонентные архитектурные объекты, сооруженные с использованием земли, камня, дерева и тростника. Погребенные мужчины сопровождались захоронением коней, собак и ловчих птиц. Из находок были встречены разрозненные бляшки, выполненные из листового золота и некогда декорировавшие одежду, в кургане 1 выявлено около 20 глиняных сосудов, а в кургане 2 их более 50. Также были встречены фрагменты каменных жертвенников. Полученные находки позволяют датировать изученные курганы 1 и 2 VI—III вв. до н. э. (Байпаков, Воякин 2014, с. 158).

В Жетысу, на одном из крупнейших конусов выноса, образуемым р. Шелек у крайних восточных отрогов хребта, сосредоточено большое количество курганных могильников (Амиров 2016). По обоим берегам реки выявлены цар-

ские курганы, включая Чиликский могильник с усеченно-коническими и пирамидальными курганами. При этом практически вся периферия конуса выноса реки Шелек занята погребальными полями рядового или близкого к нему по статусу населения. Северо-восточная подошва конуса выноса занята могильником **Каратума** (Амиров 2016; Байпаков, Воякин, Захаров 2016). Отличительной чертой данного могильника являются его размеры — он насчитывает 1070 курганных насыпей из земли и мелкого щебня. Высота курганов варьирует от 0,1 до 1,3 м, диаметр от 4 до 14 м. В планиграфии могильника можно выделить четыре группы, вытянутые по линии ЗСЗ—ВЮВ, в которых объекты располагаются беспорядочно относительно друг друга. Курганы содержат от одной до четырех могильных ям, ориентированных в широтном направлении. В некоторых погребениях фиксируются остатки деревянного перекрытия. В могилах выявлены захоронения от одного до трех индивидов. Предметы сопроводительного комплекса аскетичны и однообразны. По своим характеристикам материалы могильника Каратума демонстрируют сходство с чильпекским типом памятников, датированы интервалом от VI в. до н. э. до III в. до н. э. (Амиров 2015, с. 165).

Особенностью могильников такого рода является отсутствие в погребениях предметов конского снаряжения и совершенно незначительное количество предметов вооружения. Это существенное отличие погребальной обрядности сако-усуньского населения Жетысу от других культур сакского круга, проявляемое на этнографическом уровне, что отражает его культурную специфику. Могильник **Улжан** находится на территории одноименного микрорайона в г. Алматы, на левом берегу р. Б. Алматинка (Амиров 2008; Нурпеисов и др. 2008; Байпаков, Воякин 2014). Памятник образуют пять курганов с насыпью из земли и камня, вытянутых в виде цепочки направлением С—Ю. Южнее могильника Улжан находится еще один памятник, обозначенный как Улжан 2. Он также состоит из пяти курганов меньших размеров и вытянут по линии СВ—ЮЗ. Раскопками исследовалось несколько курганов. Один из них (№ 4) имел диаметр 55—60 м и высоту 5 м, представлял собой сложное архитектурное сооружение. В стратиграфии прослежено четыре слоя. Археологи считают, что между насыпкой слоев интервал мог быть довольно продолжительным и мог исчисляться количеством проведенных тризн, в процессе которых и выполнялись эти действия (Байпаков, Воякин 2014, с. 124—125). По находкам курган 4 могильника Улжан датирован V—IV вв. до н. э. В ходе раскопок кургана 3 в насыпи был выявлен бронзовый котел. Сравнительно-типологический анализ металлического сосуда укладывается в интервал между IV и III веками до н. э.

Богатое захоронение III—II вв. до н. э. выявлено в одном из курганов могильника **Тенлик** в долине р. Каратал в Восточном Жетысу. Одежда знатного кочевника была украшена сотнями золотых художественных бляшек, в том числе с изображением всадника в плаще. Здесь же найдены жезловидные заколки или булавки, обтянутые золотым листом и богато орнаментированные розетками. Кроме того, выявлены бронзовое зеркало, деревянная шкатулка, украшенная полосками золота (Акишев 1977; 1983). Изображения на бляхах из Тенлика дают представление об облике представителя элиты древнекочевнического населения и породе местных лошадей. Они близки изображениям усуньских лошадей, представленным на ханьской черепице последних веков до н. э. (Заднепровский, 1962)., могильник **Катартобе** расположен на предгорной площадке в долине р. Шалкоде, состоит из более чем 50 разновременных погребально-поминальных сооружений. Вытянут цепочкой с севера на юг. Образован четырьмя группами курганов, среднего и крупного размеров. Конструкция курганов типична для Жетысу: присутствует панцирь из окатанных камней, рвы вокруг крупных курганов. Фиксируются каменные дорожки. Могильные ямы грунтовые, стенки центральной ямы были облицованы окатанными камнями, дно выстлано плитами. Боковое захоронение с бревенчатым перекрытием, меньших размеров (к. 2) (Чотбаев и др. 2012; Чотбаев, Онгар 2014). Наконечники стрел из памятника продатированы IV — началом III в. до н. э. (Иванов, Тулегенов 2016, с. 77).

О сохранении региона Жетысу как одного из политарных центров свидетельствуют такие памятники, как погребально-поминальный комплекс **Каркара**, расположенный в Райымбекском р-не Алматинской обл. В предгорной долине Каркара выявлены 4—5 групп курганов. Восточная цепочка состоит из восьми больших курганов. Курган 1 стоит отдельно на юго-восточной окраине группы. Погребально-поминальный комплекс состоит из наземного сооружения (курган), околокурганного пространства (курганы-ограды, ограды и каменная «дорожка»), рва и внекурганных сооружений. Комплекс имеет значительные размеры: 125 × 127 м. Курган традиционно покрыт каменным панцирем. Окружен крепидой из крупных валунов, перекрытых сверху мелкими камнями. В результате исследования только одного юго-западного сектора между подошвой кургана и рвом выявлено 32 объекта: ограды; курганы-ограды. По мнению авторов раскопок, они были сооружены намного позже, чем сам курган, в гунно-сарматское время. На основе комплекса признаков авторы определили датировку комплекса, состоящего из основного кургана, каменного кольца, рва, VI—V вв. до н. э. Привлекает внимание архитектурно-стро-

ительный элемент в виде кольца, делящего пространство между насыпью кургана и рвом надвое. Аналогии прослеживаются в больших курганах Жетысу — Большой Бесшатырский курган, курган 1 могильника Жуантобе, Ассы Сага, курган 2 некрополя Катартобе (Онгар и др. 2014).

На территории г. Алматы известен могильник **Шанырак.** В нем зафиксированы три крупных сохранившихся кургана, каждый из которых представляет собой земляную насыпь высотой до 3 м, диаметром до 40 м. Предположительно изначально высота курганов составляла около 4—5 м. В юго-западной части рядом с курганом выявлена каменная выкладка, диаметром 1 м, вероятно, ритуальное сооружение. Погребения в курганах были совершены в прямоугольных ямах (запад—восток), выявлены дромосы в двух курганах с северной и северо-восточной сторон. Глубина ям небольшая — 0,67; 0,85 м. Выявлены некоторые конструктивные особенности кургана — фрагменты надмогильного сооружения из глины. Сам курган состоял из грунтовой насыпи с каменным панцирем. В кургане 2 перекрытие могильной ямы, судя по остаткам тлена, было деревянным. Под курганом 3 глубина могильной ямы достигала 1,5 м, пол был выложен речной галькой, стены обложены деревом. В потревоженных грабителями курганах сохранились немногочисленные находки. Курганы продатированы III—II вв. до. н. э. (Байпаков, Таймагамбетов 2006, с. 161).

Для решения вопроса о сложении раннесакского культурного комплекса имеют значение материалы таких памятников, как могильник **Каспан 6.** Он представляет собой курганную группу, образованную шестью крупными объектами, вытянутыми по линии С—Ю. Более мелкие, видимо, уничтожены в результате хозяйственной деятельности. Наиболее крупный — курган 1 (южный). В целом рассматриваемый участок относится к юго-восточной части Жетысу, здесь распложено несколько могильников, они состоят из параллельных цепочек курганов, вытянутых по линии С—Ю. Исследованные курганы 1 и 4 имеют явное принципиальное сходство в конструкции. Выявленные отличия могут объясняться как разницей во времени сооружения объектов, так и другими причинами.

В результате раскопок выявлены конструкции сакского времени, продемонстрировавшие новые для Жетысу черты погребального обряда. К ним относятся применение жидкой глины, возведение надмогильного сооружения в виде купола из стерильной глины, строительство вала вокруг могильной ямы, соединение в одной конструкции глины, дерева, камня, коллективное захоронение людей, захоронение собаки (Бейсенов и др. 2015; Beisenov et al., 2017). Некоторые выявленные черты позволяют предположить сложный погребальный обряд, при совершении которого могильная яма некоторое время стояла открытой, возведение погребально-поминального сооружения представляло собой поэтапный длительный процесс. Возникает вопрос о ритуальном характере ограбления. Аналогии погребально-поминальному циклу выявлены в Туве (Белое Озеро 3, Догээ-Баары 2 и др.). Поиски аналогий выявленному погребальному обряду приводят нас также в районы Приаралья.

Обсуждение материалов. Такой элемент как дромосы зафиксированы в погребениях сакской эпохи Жетысу, Приаралья, а также в Восточном и Центральном Казахстане. Это общая черта погребального обряда раннесакского населения востока степной Евразии, уходящая корнями в эпоху поздней бронзы. Стелы в конструкции курганов — один из характерных признаков раннесакских курганов Жетысу, Восточного и Центрального Казахстана. Они определяют направления контактов населения районов Горного Алтая, предгорий Алтая, Центрального Казахстана, Жетысу и Приаралья в раннескифское время.

Близость элементов погребальных конструкций можно объяснить тем, что племена сакского типа в Приаралье и Жетысу были вовлечены в бурные этногенетические процессы в азиатской степи, особенно в период становления культур (Яблонский 1996, с. 73—74). Характерные конструктивные элементы выявлены и в Южном Приуралье (Лебедевка, Кырык-Оба II). Причиной проявления в курганах Южного Приуралья рубежа VI—V вв. до н. э. сакских культурных параллелей позволило исследователям предположить, что в конце VI в. до н. э. в южно-уральский союз была инкорпорирована большая группа кочевников Приаралья. Стоит обратить внимание на элитарный характер курганов, в которых прослеживаются приаральские параллели (Гуцалов 2007, с. 91).

Ряд раннесакских памятников с дромосами в последние годы пополнился курганами тасмолинской культуры из Центрального Казахстана, исследованных А. З. Бейсеновым. К настоящему времени вскрыты 26 курганов, содержавших дромосные могилы. Дата определена в пределах VIII — первой половины VI в. до н. э. на основе анализа археологического комплекса и подтверждена результатами радиоуглеродного анализа. По мнению А. З. Бейсенова, традиция сооружения дромосных могил в начале раннего железного века на территории Казахстана появляется повсеместно вследствие, вероятно, сложения нового мировоззрения у воинственного кочевого населения, основа которых была заложена на завершающем этапе бронзового века (Бейсенов 2016).

Анализ погребальных памятников саков Сарыарки в контексте формирования раннесакского культурного комплекса позволил А. З. Бейсенову включить в круг древностей начального

периода сакской эпохи памятники бийкенской и майемерской культур Алтая, тасмолинской культуры Центрального, Северного Казахстана и Южного Зауралья, тагарские курганы подгорновского этапа, памятники Бесшатыра, генетически связанные с бегазы-дандыбаевской культурой. Близки к ним также мавзолеи предсакского времени Северного Тагискена (Бейсенов 2014). В этом ряду стоит элитарный крупный курган Салбык середины VIII—V вв. до н. э. (Евразия… 2005, с. 174—175).

Можно добавить ряд недавних открытий — памятников, пополнивших этот ряд: Елеке Сазы в Тарбагатайском районе ВКО (Оралбай, Кариев 2016). Курган 7 (диаметр 31 × 33 м, высота — 2,2 м) мог. Елеке Сазы II содержит характерные раннесакские признаки: двойная ограда и широкий ров (2,5—3,5 м); панцирь и дромос с восточной стороны; погребальное сооружение — наземное, в виде подпрямоугольной конструкции из камней, ориентировано длинной осью по линии З—В. Особый интерес в разграбленном погребении представляют золотые рифленые пронизи от наконечников стрел, бляшки в виде профильного изображения ланей, двухлопастные втульчатые наконечники стрел.

В ряду раннесакских памятников Жетысу и Восточного Казахстана занял свое место могильник Кырыкунгир, вероятно показывающий существующие связи между регионами, а также общую основу сложения раннесакского культурного комплекса — бегазы-дандыбаевской культуры (БДК). Он расположен на стыке Горного Алтая и Сарыарки. Объект 25 представляет собой ровную кладку из камней прямоугольной в плане формы (Умиткалиев, Айтбаев, Адельчанов 2016). В могильной яме выявлен каменный ящик. Материалы кургана 15 обнаруживают параллели с курганами Тасмолы (Талды—2), Аржана 2, раннесакскими памятниками Восточного Казахстана (Майемер, Шиликты).

Эти памятники, возможно, дополняют источниковую базу предположения К.В. Чугунова о появлении некрополей Шиликты в связи с миграциями носителей БДК из Казахстана на Средний Енисей через северные отроги Алтая, Салаирский кряж и Кузнецкий Алатау. В связи с этим упоминается памятник, обследованный А. В. Адриановым во время его поездки в Семипалатинскую область (Чугунов 2015, с. 474), по описанию близкий Кырыкунгиру. Изображения ланей, типы наконечников стрел позволяют датировать курган VIII—VII вв. до н. э. Ряд признаков раннесакских погребальных памятников (Аржан) могут быть отнесены к предшествующему периоду, среди которых — наземный способ захоронения (Чугунов 2006). Если принять тезис К.В. Чугунова о том, что под БДК надо понимать культуру не только Центрального Казахстана, но шире, то логичным выглядит сопоставление конструкций Бесшатыра с плиточными оградами Бегазы конца II — начала I тыс. до н. э.

Направления контактов населения районов Горного Алтая, предгорий Алтая, Центрального Казахстана, Жетысу и Приаралья в раннескифское время, близость памятников Шиликты и Майемера демонстрируют новые материалы могильника Майемер (Джумабекова, Базарбаева 2011). Для Северного Казахстана также в рамках VIII—VII вв. до н. э. выделены погребальные сооружения с надмогильной конструкцией под земляными курганами, сложенные из дерева (клети, срубы, на древнем горизонте или материке, дромос (мог. Явленка, Берлик, Кара-Оба, Кенес) (Хабдулина 1994, с. 20—21).

Исследователи выделяют общие элементы погребально-поминальных конструкций раннескифского времени, истоки которых видят в предшествующих культурах эпохи бронзы: традиция возведения херексуров оказала влияние на возникновение аржанского погребального обряда и на формирование бегазы-дандыбаевского культурного комплекса (Чугунов 2006); ряд семантически значимых элементов погребально-поминальных конструкций раннескифского времени объясняется «общим наследием того культурного субстрата, развитие которого в Туве представляет Аржан, или распространением аржанской культурной традиции» (Савинов 2002, с. 70).

А. З. Бейсенов выстроил хронологический ряд значимых, ключевых памятников раннесакского времени: Аржан 1 (рубеж IX — VIII вв. до н. э.), Шиликты, курган 5 (VIII — начало VII в. до н. э.), Шиликты / Байгетобе, Тагискен (VII в. до н. э.), Талды 2, курган 2 (середина — вторая половина VII в. до н. э.), Аржан 2, Жалаулы (конец VII в. до н. э.), Талды 2, курган 5, Карашокы, курган 1 (рубеж VII — VI в. до н. э.). Говоря о связующих факторах вдоль степной зоны и миграционных путях, справедливо указывается на формирование на общей основе единой в целом раннесакской культуры. Не отрицая тезис о близости раннесакских культур Казахстана, Саяно-Алтая, вероятно, Монголии, и значительном отличии их от культурного образования в Северном Причерноморье (Бейсенов 2011, с. 19), отметим, тем не менее, проявляющуюся определенную связь или близость и раннескифских памятников.

Сегодня можно говорить об определенной близости культур раннескифского-раннесакского времени на всей территории Степи, включая ее западные регионы. Они проявляются в сходных элементах погребального обряда, близких предметах. Возможно, близость объясняется не только миграциями населения, но и общей основой для них, предшествующей эпохи. Некоторая параллель прослеживается с возникшей общностью культур степной зоны в эпоху бронзы от Восточной Европы, проявив-

шейся, например, в распространении кладов металлических изделий. До настоящего времени не решен вопрос о причинах депонирования кладов эпохи поздней бронзы, включающих одни и те же категории предметов, на огромной территории Степи, очевидно, он подчинялся какой-то общей закономерности. В. С. Бочкарев считает, что она отчасти проявлялась в цикличном характере самого этого феномена (Бочкарев 2010, с. 164).

Для раннескифского периода сходные принципы строительства погребальных сооружений выявлены на таких удаленных памятниках, как курганы Новозаведенского могильника на Северном Кавказе и могильников Уйгарак, Южный Тагискен и Сакар-Чага 6. Это позволило предположить, что «распространение шатрообразных конструкций на Северном Кавказе могло быть инновацией, не связанной непосредственно с местными, степными ритуалами предскифского времени». Предполагаются восточные (в широком смысле) истоки этого обряда (Маслов 2011, с. 51—52).

Реконструируется протоскифский исход из причерноморского региона в Карпатскую котловину с участием кочевнической этнокультурной среды Центральной Азии. Он обусловлен экологическим «стрессом» в Западной Сибири в середине X в. до н. э., откуда предполагаются миграции через открытый на запад степной коридор (Хохоровски 2011).

В этом аспекте — поиска общекочевнических элементов культуры раннескифского времени и причины их распространения — С. А. Скорым зафиксированы единые элементы погребального ритуала степной части Северного Причерноморья, которые присущи похоронному ритуалу кочевников евразийской степи VII—III вв. до н. э. Авторы статьи согласны с объяснением близостью идеологических представлений номадов и сходными формами их материального выражения. Среди них: подкурганный обряд погребения, захоронения в ямах и на горизонте, наличие деревянных конструкций в ямах, постройка деревянных гробниц на поверхности, в том числе шатровых конструкций, вал, кромлех в основании кургана, использование в насыпи дерновых плиток или вальков, деревянные настилы, ложа, колоды и др. Захоронение зависимых лиц в дромосах — в курганах скифской знати (Скорый 2003, с. 46, 49). Эти элементы зафиксированы в курганах азиатской части пояса степей, например, Майемер, Шиликты (Черников 1965; Толеубаев 2011).

Относительно происхождения такого элемента, как сооружение в яме или на горизонте деревянных гробниц в Лесостепи и на Правобережье существуют две точки зрения: местные и генетически связанные с сооружениями чернолесской культуры или распространились в результате скифского степного влияния. С. А. Скорый считает, что распространение деревянных погребальных конструкций в Лесостепи в скифское время определено слиянием двух традиций — общеевразийской и местной лесостепной. При этом появление в Лесостепи носителей древнейшей скифской культуры можно отнести к концу IX — началу VIII в. до н. э. (Скорый 2003).

Свое мнение о гипотезе считать отдельные области Центральной Азии ареалом первоначального формирования скифского культурного комплекса, о центрально-азиатской прародине скифской культуре высказала М. Н. Погребова. Исследователь обосновывает необходимость более тщательного аргументирования это точки зрения, не отрицая общего среднеазиатско-казахстанского региона как источника культурных импульсов в Причерноморье (Погребова 2006).

Вывод. Жетысу — регион, в древности являвшийся одним из политических, административных и религиозных центров раннегосударственного образования скифо-сакского времени. Об этом ярко свидетельствуют многочисленные курганные могильники.

Удивительное сходство ряда элементов элитных погребений степного пояса Евразии I тыс. до н. э., видимо, объясняется тем, что элитарный характер погребений наиболее ярко отражает основные черты мифо-ритуального комплекса, который в погребально-поминальной обрядности находит явное выражение.

Таким образом, актуальным представляется дальнейшее изучение раннекочевнических памятников Жетысу — важнейшего региона, без археологических материалов которого невозможно решить задачи сложения культур скифского времени.

ЛИТЕРАТУРА

Акишев, А. К. 1984. *Искусство и мифология саков*. Алма-Ата: Наука.

Акишев, К. А. 1965. *Дневник САЭ 1965 г. Продолжение работ Ащысай I, замка-усадьбы Луговое А и Б. Раскопки на объектах: могильник Кызыл-Тоган, город-крепость Барсыхан, могильник Мойынтас; разведочный маршрут по рекам Биже, Аксу, Саркан, Баскан и Лепсы*. Архив ИА КН МОН РК, д. 967.

Акишев, К. А. 1972. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана. В: Акишев, К. А. (ред.). *Поиски и раскопки в Казахстане*. Алма-Ата: Наука, с. 31-46.

Акишев, К. А. 1977. Семиречье и Южный Казахстан. В: Акишев, К. А., Байпаков, К. М., Кадырбаев, К. М., Кумеков, Б. Е. (ред.). *История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней) в пяти томах*. Алма-Ата: Наука, I, с. 264-274.

Акишев, К. А. 1978. *Курган Иссык. Искусство саков Казахстана*. Москва: Искусство.

Акишев, К. А. 1983. *Древнее золото Казахстана*. Алма-Ата: Онер.

Акишев, К. А. 2013. *Древние и средневековые государства на территории Казахстана (этюды исследования)*. Алматы.

Акишев, К. А., Акишев, А. К. 1978. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры. В: Акишев, К. А. (ред.). *Археологические памятники Казахстана*. Алма-Ата: Наука, с. 38-63.

Акишев, К. А., Акишев, А. К. 1982. Искусство саков Семиречья. *Наука и человечество. Международный ежегодник*, с. 89-98.

Акишев, К. А., Кушаев, Г. А. 1963. *Древняя культура саков и усуней долины реки Или*. Алма-Ата: АН КазССР.

Алтынбеков, К. 2014. *Возрожденные сокровища Казахстана: опыт научной реставрации*. Алматы: Остров Крым.

Амиров, Е. Ш. 2008. Археологические исследования на могильнике Улжан (предварительные итоги). *Известия НАН РК. Серия общественных наук*, 1, с. 29-34.

Амиров, Е. Ш. 2015. Подвески-костыльки из могильника Каратума (к расширению серии из долины р. Или). В: Калыш, А. Б. (ред.). *Казахстанская археология и этнология: прошлое, настоящее и будущее*. Алматы: Казак университеті, с. 163-165.

Амиров, Е. Ш. 2016. О военном деле и хозяйственной специфике населения Жетысу в сако-усуньский период (по материалам могильника Каратума). *Edu. e-history.kz*, 2 (06). URL: http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/459.

Археологическая карта Казахстана. 1960. Реестр. Алма-Ата: АН КазССР.

Бабанская, Г. Г. 1956. Беркаринский могильник. *Труды ИИАЭ КазССР*, 1, с. 180-206.

Байпаков, К. М. 2008. *Поселения саков и усуней на территории Жетысу и Алматы*. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана.

Байпаков, К. М., Воякин, Д. А. 2014. *Выдающиеся археологические памятники Казахстана*. Алматы: Асыл соз.

Байпаков, К. М., Воякин, Д. А., Захаров, С. В. 2016. *Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье*. Алматы: Археологическая экспертиза.

Байпаков, К. М., Таймагамбетов, Ж. К. 2006. *Археология Казахстана: учебное пособие для студентов вузов*. Алматы: Казак университеті.

Байтанаев, Б. А., Китов, Е. П. 2016. Антропологические особенности женского погребения из могильника Уржар. В: Байтанаев, Б. А. (ред.). *Культурное наследие Евразии (с древнейших времен до наших дней)*. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, с. 722-729.

Бейсенов, А. З. 2011. Талды 2 и памятники раннесакского времени степной Евразии. В: Бейсенов, А. З. (ред.). *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии*. Караганды: Бегазы-Тасмола, с. 14-20.

Бейсенов, А. З. 2013. Предметы искусства ранних саков Сарыарки как свидетельства взаимодействия культур. *Вестник КемГУ*, 3 (55), 4, с. 13-17.

Бейсенов, А. З. 2014. *Древние сокровища Сарыарки*. Алматы: Бегазы-Тасмола.

Бейсенов, А. З. 2015. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана. В: Бейсенов, А. З. (ред.). *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии*. Алматы: Бегазы-Тасмола, с. 7-34.

Бейсенов, А. З. 2016. *Дромосные курганы сакской эпохи* на *реке Жарлы* (*Центральный Казахстан*). *Самарский научный вестник*, 3 (16), с. 77-86.

Бейсенов, А. З., Джумабекова, Г. С., Базарбаева, Г. А., Баринова, Е., Крешиоли, Л. 2015. Археологические исследования могильника раннего железного века Каспан 6 в Жетысу. В: Бейсенов, А. З. (ред.). *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии*. Алматы: Бегазы-Тасмола, с. 59-70.

Бочкарёв, В. С. 2010. *Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы*. Санкт-Петербург: Инфо Ол.

Гасс, А. 2011. К проблеме изучения памятников раннего железного века Юго-Восточного Семиречья в свете данных геоархеологических исследований. *Археология, этнография и антропология Евразии*, 3 (47), с. 57-69.

Гасс, А. 2015. Радиоуглеродная хронология памятников раннего железного века Юго-Восточного Жетысу. В: Бейсенов, А. З. (ред.). *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии*. Алматы: Бегазы-Тасмола, с. 84-89.

Горячев, А. А. 2007. Могильник раннего железного века археологического комплекса в верховьях ущелья Тургень. *Известия НАН РК. Серия общественных наук*, 1, с. 3-14.

Горячев, А. А. 2011. Поселение и могильник раннего железного века археологического комплекса Тургень II. *Вопросы археологии Казахстана*, 3, с. 325-341.

Горячев, А. А., Егорова, Т. А. 2015. Поселения раннего железного века в ущелье Бутаковка (юго-восточная окраина г. Алматы). В: Бейсенов, А. З. (ред.). *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии*. Алматы: Бегазы-Тасмола, с. 90-99.

Горячев, А. А., Мотов, Ю. А. 2012. Результаты исследований археологического комплекса Бутакты 1 на юго-восточной окраине города Алматы в 2010 г. *Известия. НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук*, 3, с. 3-15.

Горячев, А. А., Сараев, В. В. 2015. К вопросу о хозяйственно-культурном развитии древнего населения Алматы. *Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук*, 6, с. 5-18.

Горячев, А. А., Сараев, В. В. 2017. Поселения раннего железного века на северных склонах Иле Алатау. В: Бейсенов, А. З. (ред.). *Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение*. Алматы: Бегазы-Тасмола, с. 123-132.

Грязнов, М. П. 1980. *Аржан. Царский курган раннескифского времени*. Ленинград: Наука.

Гуцалов, С. Ю. 2007. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н. э. *Археология, этнография и антропология Евразии*, 2 (30), с. 75-92.

Джумабекова, Г. С., Базарбаева, Г. А. 2011. В поисках следов свернувшейся пантеры: к изучению памятников Майемерской степи. *История и археология Семиречья*, 4, с. 67-88.

Джумабекова, Г. С., Базарбаева, Г. А. 2013. *Художественные бронзы Жетысу*. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана.

Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. 2005. Санкт-Петербург: Теза.

Жандаев, Ж. Ж. 1978. *Природа Заилийского Алатау*. Алма-Ата: Казахстан.

Заднепровский, Ю. А. 1962. *Древнеземледельческая культура Ферганы*. Москва, Ленинград: АН СССР.

Иванов, С. С., Тулегенов, Т. Ж. 2016. Костяные (роговые) наконечники стрел ранних кочевников

Притяньшанья. В: Онгарулы, А. (ред.). *Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур*. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, с. 75-81.

Историко-культурный атлас казахского народа. 2011. Алматы: Print-S.

Карабаспакова, К. М. 2011. *Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы*. Алматы: Бегазы-Тасмола.

Краснов, А. Н. 1887. Очерк быта Семиреченских киргиз. *Известия Русского географического общества*, XXIII, с. 436-481.

Марьяшев, А. Н. 2002. Новые материалы о поселениях эпохи бронзы в горах Баян-Журек. *Известия НАН РК. Серия общественных наук*, 1, с. 23-30.

Марьяшев, А. Н. 2003. Поселения и металлургические комплексы в ущелье Музбулак. *Известия НАН РК. Серия общественных наук*, 1, с. 20-34.

Масанов, Н. Э. 1995. *Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества*. Алматы: Социнвест, Москва: Горизонт.

Маслов, В. Е. 2011. К вопросу о происхождении курганов с «шатровым» перекрытием на Северном Кавказе. В: Алекшин, В. А., Бочкарев, В. С. (ред.). *Материалы Круглого стола «Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, Государственный Эрмитаж, с. 49-53.

Мотузайте Матузевичус, Г. 2016. Рацион питания населения Каратумы, определенный с помощью анализа костного коллагена. В: Шульга, П. И. (ред.). *Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье*. Алматы: Археологическая экспертиза, с. 623-633.

Нурмуханбетов, Б. Н., Трифонов, Ю. И. 2016. Курганные могильники Шубарат и Молалы (краткая характеристика, культурно-хронологический анализ). В: Онгарулы, А. (ред.). *Саки и савроматы казахских степей*. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, с. 10-19.

Нурмуханбетов, Б., Загородний, А. 1984. Путь к «Золотому воину». В: Ровенский, Н. (ред.). *Памятники истории и культуры Казахстана*. Алма-Ата: Онер, с. 58-63.

Нурпеисов, М., Джумабекова, Г., Бесетаев, Б., Чотбаев, А., Толегенов, Е. 2008. Исследование аварийного кургана № 2 сакского могильника Улжан на территории города Алматы. В: Самашев, З. (ред.). *Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи*. Астана: Президентский центр культуры, с. 225-240.

Ожерельев, Д. В. 2012. Новейшие открытия палеолитических памятников в Юго-Восточном Казахстане. *Краткие сообщения Института археологии*, 227, с. 182-192.

Онгар, А., Киясбек, Г., Хасенова, Б., Бесетаев, Б., Кожахметов, Б. 2014. Новые результаты исследования погребально-поминального комплекса Каркара (по материалам раскопок 2012—2014 гг.). В: Онгарулы, А. (ред.). *Всадники Великой степи: традиции и новации*. Астана: Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана, с. 29-57.

Оралбай, Е., Кариев, Е. 2016. Предварительные результаты исследований раннесакских памятников на плато Елеке Сазы в Тарбагатайском районе Восточно-Казахстанской области. В: Онгарулы, А. (ред.). *Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур*. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, с. 161-172.

Панюшкина, И. П., Григорьев, Ф. П., Лейндж, Т. 2015. Возраст Третьего Бесшатырского кургана по дендрохронологическим и радиоуглеродным данным (около 550 г. до н. э.). В: Бейсенов, А. З. (ред.). *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии*. Алматы: Бегазы-Тасмола, с. 202-207.

Погребова, М. Н. 2006. Центральноазиатская гипотеза происхождения скифской материальной культуры и скифского этноса. В: Петренко, В. Г., Яблонский, Л. Т. (ред.). *Древности скифской эпохи*. Москва: ИА РАН, с. 172-193.

Полидович, Ю. Б. 2011. Изображения таутеке на навершиях из комплекса Биже (Жетысу) в контексте раннесакского «звериного стиля». В: Бейсенов, А. З. (ред.). *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии*. Караганды: Бегазы-Тасмола, с. 123-130.

Рогожинский, А. Е. 2016. Незадолго до Чжан Цяня (след движения номадов из центра Азии на Запад в последние века до нашей эры). В: Деревянко, А. П., Молодин, В. И. (ред.). *Алтай в кругу евразийских древностей*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, с. 527-550.

Руденко, С. И. 1960. *Культура населения Центрального Алтая в скифское время*. Москва, Ленинград: АН СССР.

Савинов, Д. Г. 2002. *Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез*. Санкт-Петербург: СПбГУ.

Самашев, З., Григорьев, Ф., Жумабекова, Г. 2005. *Древности Алматы*. Алматы: Археология.

Самашев, З., Джумабекова, Г., Нурпеисов, М., Чотбаев, А. 2006. *Древности Алматы: курганы Боролдая*. Алматы: Археология.

Сейткалиев, М. К. 2014. Жетытобинский грифон (к вопросу о переднеазиатском влиянии на искусство кочевников Семиречья). *Маргулановские чтения — 2014: материалы конференции, посвященной 110-летию А. Х. Маргулана*, с. 363-373.

Скорый, С. А. 2003. *Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента)*. Киев: ИА НАНУ.

Тасмагамбетов, И. 2003. *Кентавры Великой степи. Художественная культура древних кочевников*. Алматы: Берел.

Толеубаев, А. 2011. Итоги исследований памятников раннего железного века Тарбагатая и Жетысуского Алатау. В: Байтанаев, Б. А., Бейсенов, А. З. (ред.). *Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991—2011)*. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, с. 156-174.

Умиткалиев, У. У., Айтбаев, А. Б., Адельчанов, К. С. 2016. Предварительные результаты археологических работ в могильнике «Кырыкунгир». В: Ахметов, Д. (ред.). *Алтай — золотая колыбель тюркского мира*. Усть-Каменогорск: Восточно-Казахстанский госуниверситет, с. 272-280.

Хабдулина, М. К. 1994. *Степное Приишимье в эпоху раннего железа*. Алматы: Ракурс.

Хохоровски, Я. 2011. Экологический «стресс» в Западной Сибири и культурный «шок» в Карпатской котловине в конце бронзового века. В: Молодин, В. И., Хансен, С. (ред.). *Terra Scythica*. Новосибирск: ИАЭтСО РАН, с. 319-336.

Черников, С. С. 1965. *Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство»*. Москва: Наука.

Чотбаев, А., Онгар, А. 2014. Некрополь Катартобе — памятник кочевой элиты Восточного Жетысу.

В: Онгарулы, А. (ред.). *Всадники Великой степи: традиции и новации*. Астана: Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана, с. 63-87.

Чотбаев, А., Онгар, А., Киясбек, Г., Рахманкулов, Е., Кожахметов, Б., Бесетаев, Б. 2012. Начало исследования на Катартобе. *Труды филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана*, 1, с. 118-125.

Чугунов, К. В. 2006. Синхронизация культур начала раннескифского времени Центральной Азии, Южной Сибири и Казахстана. В: Деревянко, А. П., Молодин, В. И. (ред.). *Современные проблемы археологии России: материалы Всероссийского археологического съезда*. Новосибирск: ИАЭт СО РАН, II, с. 69-71.

Чугунов, К. В. 2015. Формирование культур ранних кочевников в Казахстане и Саяно-Алтае (к постановке проблемы). *Труды Государственного Эрмитажа*, 77, с. 457-486.

Шульга, П. И. 2003. *Могильник скифского времени Локоть 4а*. Барнаул: АлтГУ.

Яблонский, Л. Т. 1996. *Саки Южного Приаралья*. Москва: ИА РАН.

Beisenov, A. Z., Kreshioli, L., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A., Barinova, E. 2017. The early iron age burial ground Kaspan 6 in Jetusy. *Theory and practice of archaeological researches*, 2 (18), p. 97-108.

Chang, C., Benecke, N., Grigoriev, F. P., Rosen, A. M., Tourtellotte, P. A. 2003. Iron Age society and chronology in South-east Kazakhstan. *Antiquity*, 77, p. 298-312.

Dolukhanov, P. M., Romanova, Y. N., Semyontsov, A. A. 1970. Radiocarbon dates of the Institute of Archaeology II. *Radiocarbon*, 12 (1), p. 130-155.

Panyushkina, I., Grigoriev, F., Lange, T., Alimbay, N. 2013. Radiocarbon and tree-ring dates of the Bes-Shatyr N 3 saka kurgan in the Semirechiye, Kazakhstan. *Radiocarbon*, 55 (3), p. 1297-1303.

Reimer, P. J., Bard, E., Bayliss, A., Beck, J. W., Blackwell, P. G., Ramsey, C. B., Buck, C. E., Cheng, H., Edwards, R. L., Friedrich, M. et all. 2013. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0—50,000 Years cal BP. *Radiocarbon*, 55, p. 1869-1887.

Stuiver, M., Reimer, P. J., and Reimer, R. W. 2013. CALIB 7.0. URL: http://radiocarbon.pa.qub.ac.uk/calib/calib.html.

REFERENCES

Akishev, A. K. 1984. *Iskusstvo i mifologiya sakov*. Alma-Ata: Nauka.

Akishev, K. A. 1965. *Dnevnik SAE 1965 g. Prodolzhenie rabot Ashchysaj I, zamka-usad'by Lugovoe A i B. Raskopki na objektah: mogil'nik Kyzyl-Togan, gorod-krepost' Barsyhan, mogil'nik Mojyntas; razvedochnyj marshrut po rekam Bizhe, Aksu, Sarkan, Baskan i Lepsy*. Arhiv IA KN MON RK, d. 967.

Akishev, K. A. 1972. K probleme proiskhozhdeniya nomadizma v aridnoj zone drevnego Kazahstana. In: Akishev, K. A. (ed.). *Poiski i raskopki v Kazahstane*. Alma-Ata: Nauka, s. 31-46.

Akishev, K. A. 1977. Semirech'e i Yuzhnyj Kazahstan. In: Akishev, K. A. (ed.). *Istoriya Kazahskoj SSR (s drevnejshih vremen do nashih dnej) v pyati tomah*. Alma-Ata: Nauka, I, s. 264-274.

Akishev, K. A. 1978. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazahstana*. Moskva: Iskusstvo.

Akishev, K. A. 1983. *Drevnee zoloto Kazahstana*. Alma-Ata: Oner.

Akishev, K. A. 2013. *Drevnie i srednevekovye gosudarstva na territorii Kazahstana (ehtyudy issledovaniya)*. Almaty.

Akishev, K. A., Akishev, A. K. 1978. Problema hronologii rannego ehtapa sakskoj kul'tury. In: Akishev, K. A. (ed.). *Arheologicheskie pamyatniki Kazahstana*. Alma-Ata: Nauka, s. 38-63.

Akishev, K. A., Akishev, A. K. 1982. Iskusstvo sakov Semirech'ya. *Nauka i chelovechestvo. Mezhdunarodnyy ezhegodnik*, s. 89-98.

Akishev, K. A., Kushaev, G. A. 1963. *Drevnyaya kul'tura sakov i usunej doliny reki Ili*. Alma-Ata: AN KazSSR.

Altynbekov, K. 2014. *Vozrozhdennye sokrovishcha Kazahstana: opyt nauchnoj restavracii*. Almaty: Ostrov Krym.

Amirov, E. Sh. 2008. Arheologicheskie issledovaniya na mogil'nike Ulzhan (predvaritel'nye itogi). *Izvestiya NAN RK. Serija obshchestvennych nauk*, 1, s. 29-34.

Amirov, E. Sh. 2015. Podveski-kostyl'ki iz mogil'nika Karatuma (k rasshireniyu serii iz doliny r. Ili). In: Kalysh, A. B. (ed.). *Kazahstanskaya arheologiya i ehtnologiya: proshloe, nastoyashchee i budushchee*. Almaty: Kazak universiteti, s. 163-165.

Amirov, E. Sh. 2016. O voennom dele i hozyajstvennoj specifike naseleniya Jetysu v sako-usun'skij period (po materialam mogil'nika Karatuma). *Edu.e-history.kz*, 2 (06). URL: http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/459.

Arheologicheskaya karta Kazahstana. 1960. Reestr. Alma-Ata: AN KazSSR.

Babanskaya, G. G. 1956. Berkarinskij mogil'nik. *Trudy IIAE KazSSR*, 1, s. 180-206.

Bajpakov, K. M. 2008. *Poseleniya sakov i usunej na territorii Jetysu i Almaty*. Almaty: Institut arheologii im. A. H. Margulana.

Bajpakov, K. M., Voyakin, D. A. 2014. *Vydayushchiesya arheologicheskie pamyatniki Kazahstana*. Almaty: Asyl soz.

Bajpakov, K. M., Voyakin, D. A., Zaharov, S. V. 2016. *Mogil'nik Karatuma. Nekropol' rannego zheleznogo veka v Semirech'e*. Almaty: Arheologicheskaya expertiza.

Bajpakov, K. M., Tajmagambetov, Zh. K. 2006. *Arheologiya Kazahstana: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov*. Almaty: Qazaq Universiteti.

Bajtanaev, B. A., Kitov, E. P. 2016. Antropologicheskie osobennosti zhenskogo pogrebeniya iz mogil'nika Urzhar. In: Bajtanaev, B. A. (ed.). *Kul'turnoe nasledie Evrazii (s drevnejshih vremen do nashih dnej)*. Almaty: Institut arheologii im. A. H. Margulana, s. 722-729.

Beisenov, A. Z. 2011. Taldy 2 i pamyatniki rannesakskogo vremeni stepnoj Evrazii. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya ehtnosociokul'turnyh processov stepnoj Evrazii*. Karagandy: Begazy-Tasmola, s. 14-20.

Beisenov, A. Z. 2013. Predmety iskusstva rannih sakov Saryarki kak svidetel'stva vzaimodejstviya kul'tur. *Vestnik KemGU*, 3 (55), 4, s. 13-17.

Beisenov, A. Z. 2014. *Drevnie sokrovishcha Saryarki*. Almaty: Begazy-Tasmola.

Beisenov, A. Z. 2015. Poseleniya i mogil'niki sakskoj ehpohi Central'nogo Kazahstana. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya ehtnosociokul'turnyh processov Stepnoj Evrazii*. Almaty: Begazy-Tasmola, s. 7-34.

Beisenov, A. Z. 2016. Dromosnye kurgany sakskoj ehpohi na reke Jarly (Central'nyj Kazahstan). *Samarskij nauchnyj vestnik*, 3 (16), s. 77-86.

Beisenov, A. Z., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A., Barinova, E., Kreshioli, L. 2015. Arheologicheskie issledovaniya mogil'nika rannego zheleznogo veka Kaspan 6 v Jetysu. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya ehtnosociokul'turnyh processov Stepnoi Evrazii*. Almaty: Begazy-Tasmola, s. 59-70.

Bochkaryov, V. S. 2010. *Kul'turogenez i drevnee metalloproizvodstvo Vostochnoj Evropy*. Sankt-Peterburg: Info Ol.

Gass, A. 2011. K probleme izucheniya pamyatnikov rannego zheleznogo veka Yugo-Vostochnogo Semirech'ya v svete dannyh geoarheologicheskih issledovanii. *Arheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii*, 3 (47), s. 57-69.

Gass, A. 2015. Radiouglerodnaya hronologiya pamyatnikov rannego zheleznogo veka Yugo-Vostochnogo Jetysu. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya ehtnosociokul'turnyh processov Stepnoj Evrazii*. Almaty: Begazy-Tasmola, s. 84-89.

Goryachev, A. A. 2007. Mogil'nik rannego zheleznogo veka arheologicheskogo kompleksa v verhov'yah ushchel'ya Turgen'. *Izvestiya NAN RK. Serija obshchestvennych nauk*, 1, s. 3-14.

Goryachev, A. A. 2011. Poselenie i mogil'nik rannego zheleznogo veka arheologicheskogo kompleksa Turgen' II. *Voprosy arheologii Kazahstana*, 3, s. 325-341.

Goryachev, A. A., Egorova, T. A. 2015. Poseleniya rannego zheleznogo veka v ushchel'e Butakovka (yugo-vostochnaya okraina g. Almaty). In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya ehtnosociokul'turnyh processov Stepnoj Evrazii*. Almaty: Begazy-Tasmola, s. 90-99.

Goryachev, A. A., Motov, Yu. A. 2012. Rezul'taty issledovanij arheologicheskogo kompleksa Butakty 1 na yugo-vostochnoj okraine goroda Almaty v 2010 g. *Izvestiya. NAN RK. Serija obshchestvennych nauk*, 3, s. 3-15.

Goryachev, A. A., Saraev, V. V. 2015. K voprosu o hozyajstvenno-kul'turnom razvitii drevnego naseleniya Almaty. *Izvestiya NAN RK. Serija obshchestvennych nauk*, 6, s. 5-18.

Goryachev, A. A., Saraev, V. V. 2017. Poseleniya rannego zheleznogo veka na severnyh sklonah Ile Alatau. In: Beiseno,v A. Z. (ed.). *Arheologicheskoe nasledie Central'nogo Kazahstana: izuchenie i sohranenie*. Almaty: Begazy-Tasmola, s. 123-132.

Gryaznov, M. P. 1980. *Arzhan. Tsarskii kurgan ranneskifskogo vremeni*. Leningrad: Nauka.

Gutsalov, S. Yu. 2007. Pogrebal'nye pamyatniki kochevoj ehlity Yuzhnogo Priural'ya serediny 1 tys. do n. e. *Arheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii*, 2 (30), s. 75-92.

Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2011. V poiskah sledov svernuvshejsya pantery: k izucheniyu pamyatnikov Majemerskoj stepi. In: Egorova, T. A., Mar'yashev, A. N., Motov, Ya. A., Goryachev, A. A. (ed.). *Istoriya i arheologiya Semirech'ya*. Almaty: Institut arheologii im. A. H. Margulana, s. 67-88.

Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2013. *Hudozhestvennye bronzy Jetysu*. Almaty: Institut arheologii im. A. H. Margulana.

Evraziya v skifskuyu ehpohu: radiouglerodnaya i arheologicheskaya hronologiya. 2005. Sankt-Peterburg: Teza.

Jandaev, Zh. Zh. 1978. *Priroda Zailijskogo Alatau*. Alma-Ata: Kazahstan.

Zadneprovskij, Yu. A. 1962. *Drevnezemledel'cheskaya kul'tura Fergany*. Moskva, Leningrad: AN SSSR.

Ivanov, S. S., Tulegenov, T. Zh. 2016. Kostyanye (rogovye) nakonechniki strel rannih kochevnikov Prityan'shan'ya. In: Ongaruly, A. (ed.). *Saki i savromaty Kazahskih stepej: kontakt kul'tur*. Almaty: Institut arheologii im. A. H. Margulana, s. 75-81.

Istoriko-kul'turnyj atlas kazahskogo naroda. 2011. Almaty: Print-S.

Karabaspakova, K. M. 2011. *Jetysu i Yuzhnyj Kazahstan v epohu bronzy*. Almaty: Begazy-Tasmola.

Krasnov, A. N. 1887. Ocherk byta Semirechenskih kirgiz. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*, XXIII, s. 436-481.

Mar'yashev, A. N. 2002. Novye materialy o poseleniyah ehpohi bronzy v gorah Bayan-Zhurek. *Izvestiya NAN RK. Serija obshchestvennych nauk*, 1, s. 23-30.

Mar'yashev, A. N. 2003. Poseleniya i metallurgicheskie kompleksy v ushchel'e Muzbulak. *Izvestiya NAN RK. Serija obshchestvennych nauk*, 1, s. 20-34.

Masanov, N. E. 1995. *Kochevaya civilizaciya kazahov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva*. Almaty: Socinvest, Moskva: Gorizont.

Maslov, V. E. 2011. K voprosu o proiskhozhdenii kurganov s «shatrovym» perekrytiem na Severnom Kavkaze. In: Alekshin, V. A., Bochkarev, V. S. (ed.). *Materialy Kruglogo stola «Perekhod ot ehpohi bronzy k ehpohe zheleza v Severnoj Evrazii»*, Sankt-Peterburg: IIMK RAN; Gosudarstvennyj Ermitazh, s. 49-53.

Motuzajte Matuzevichus, G. 2016. Racion pitaniya naseleniya Karatumy, opredelennyj s pomoshch'yu analiza kostnogo kollagena. In: Shulga, P. I. (ed.). *Mogil'nik Karatuma. Nekropol' rannego zheleznogo veka v Semirech'e*. Almaty: Arheologicheskaya expertiza, s. 623-633.

Nurmuhanbetov, B. N., Trifonov, Yu. I. 2016. Kurgannye mogil'niki Shubarat i Molaly (kratkaya harakteristika, kul'turno-hronologicheskij analiz). In: Ongaruly, A. (ed.). *Saki i savromaty kazahskih stepej*. Almaty: Institut arheologii im. A. H. Margulana, s. 10-19.

Nurmuhanbetov, B., Zagorodnij, A. 1984. Put' k «Zolotomu voinu». In: Rovenskii, N. (ed.). *Pamyatniki istorii i kul'tury Kazahstana*. Alma-Ata: Oner, s. 58-63.

Nurpeisov, M., Jumabekova, G., Besetaev, B., Chotbaev, A., Tolegenov, E. 2008. Issledovanie avarijnogo kurgana N 2 sakskogo mogil'nika Ulzhan na territorii goroda Almaty. In: Samashev, Z. (ed.). *Nomady kazahskih stepej: ehtnosociokul'turnye processy i kontakty v Evrazii skifo-sakskoj ehpohi*. Astana: Prezidentskii centr kultury, s. 225-240.

Ozherel'ev, D. V. 2012. Novejshie otkrytiya paleoliticheskih pamyatnikov v Yugo-Vostochnom Kazahstane. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii*, 227, s. 182-192.

Ongar, A., Kiyasbek, G., Hasenova, B., Besetaev, B., Kojahmetov, B. 2014. Novye rezul'taty issledovaniya pogrebal'nopominal'nogo kompleksa Karkara (po materialam raskopok 2012—2014 gg.). In: Ongaruly, A. (ed.). *Vsadniki Velikoj stepi: tradicii i novacii*. Astana: Filial Instituta arheologii im. A. H. Margulana, s. 29-57.

Oralbai, E., Kariev, E. 2016. Predvaritel'nye rezul'taty issledovanij rannesakskih pamyatnikov na plato Eleke Sazy v Tarbagatajskom rajone Vostochno-Kazahstanskoj oblasti. In: Ongaruly, A. (ed.). *Saki i savromaty Kazahskih stepej: kontakt kul'tur*. Almaty: Institut arheologii im. A. H. Margulana, s. 161-172.

Panyushkina, I. P., Grigor'ev, F. P., Lejndzh, T. 2015. Vozrast Tret'ego Besshatyrskogo kurgana po dendrohronologicheskim i radiouglerodnym dannym (okolo 550 g. do n. e.). In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya ehtnosociokul'turnyh processov Stepnoj Evrazii*. Almaty: Begazy-Tasmola, s. 202-207.

Pogrebova, M. N. 2006. Central'noaziatskaya gipoteza proiskhozhdeniya skifskoj material'noj kul'tury i skifskogo ehtnosa. In: Petrenko, V. G., Yablonskii, L. T. (ed.). *Drevnosti skifskoj ehpohi*. Moskva: IA RAN, s. 172-193.

Polidovich, Yu. B. 2011. Izobrazheniya tauteke na naversh iyah iz kompleksa Bizhe (Jetysu) v kontekste rannesakskogo «zverinogo stilya». In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya ehtnosociokul'turnyh processov stepnoj Evrazii*. Karagandy: Begazy-Tasmola, s. 123-130.

Rogozhinskij, A. E. 2016. Nezadolgo do Chzhan Cyanya (sled dvizheniya nomadov iz centra Azii na Zapad v poslednie veka do nashej ehry). In: Derevyanko, A. P., Molodin, V. I. (ed.). *Altay v krugu evrazijskih drevnostei*. Novosibirsk: IAEt SO RAN, s. 527-550.

Rudenko, S. I. 1960. *Kul'tura naseleniya Central'nogo Altaya v skifskoe vremya*. Moskva, Leningrad: AN SSSR.

Savinov, D. G. 2002. *Rannie kochevniki Verhnego Eniseya. Arheologicheskie kul'tury i kul'turogenez*. Sankt-Peterburg: SPbGU.

Samashev, Z., Grigor'ev, F., Jumabekova, G. 2005. *Drevnosti Almaty*. Almaty: Arheologiya.

Samashev, Z., Jumabekova, G., Nurpeisov, M., Chotbaev, A. 2006. *Drevnosti Almaty: kurgany Boroldaya*. Almaty: Arheologiya.

Sejtkaliev, M. K. 2014. Jetytobinskij grifon (k voprosu o peredneaziatskom vliyanii na iskusstvo kochevnikov Semirech'ya). *Margulanovskie chteniya — 2014: materialy konferencii, posvyashchennoj 110-letiyu A. H. Margulana*, s. 363-373.

Skoryj, S. A. 2003. *Skify v Dneprovskoj Pravoberezhnoj Lesostepi (problema vydeleniya iranskogo ehtnokul'turnogo ehlementa)*. Kiev: IA NANU.

Tasmagambetov, I. 2003. *Kentavry Velikoj stepi. Hudozhestvennaya kul'tura drevnih kochevnikov*. Almaty: Berel.

Toleubaev, A. 2011. Itogi issledovanij pamyatnikov rannego zheleznogo veka Tarbagataya i Jetysuskogo Alatau. In: Baitanaev, B. A., Beisenov, A. Z. (ed.). *Svideteli tysyacheletij: arheologicheskaya nauka Kazahstana za 20 let (1991—2011)*. Almaty: Institut arheologii im. A. H. Margulana, s. 156-174.

Umitkaliev, U. U., Ajtbaev, A. B., Adel'chanov, K. S. 2016. Predvaritel'nye rezul'taty arheologicheskih rabot v mogil'nike «Kyrykungir». In: Ahmetov, D. (ed.). *Altaj — zolotaya kolybel' tyurkskogo mira*. Ust'-Kamenogorsk: Vostochno-Kazakhstanskii gosuniversitet, s. 272-280.

Habdulina, M. K. 1994. *Stepnoe Priishim'e v ehpohu rannego zheleza*. Almaty: Rakurs.

Hohorovski, Ya. 2011. Ekologicheskii «stress» v Zapadnoi Sibiri i kul'turnyi «shok» v Karpatskoi kotlovine v konce bronzovogo veka. In: Molodin, V. I., Hansen, S. (ed.). *Terra Scythica*. Novosibirsk: AEt SO RAN, s. 319-336.

Chernikov, S. S. 1965. *Zagadka zolotogo kurgana. Gde i kogda zarodilos' «skifskoe iskusstvo».* Moskva: Nauka.

Chotbaev, A., Ongar, A. 2014. Nekropol' Katartobe — pamyatnik kochevoj ehlity Vostochnogo Jetysu. In: Ongaruly, A. (ed.). *Vsadniki Velikoj stepi: tradicii i novacii*. Astana: Filial Instituta arheologii im. A. H. Margulana, s. 63-87.

Chotbaev, A., Ongar, A., Kiyasbek, G., Rahmankulov, E., Kozhahmetov, B., Besetaev, B. 2012. Nachalo issledovaniya na Katartobe. *Trudy filiala Instituta arheologii im. A. H. Margulana v g. Astana*, 1, s. 118-125.

Chugunov, K. V. 2006. Cinhronizaciya kul'tur nachala ranneskifskogo vremeni Central'noj Azii, Yuzhnoj Sibiri i Kazahstana. In: Derevyanko, A. P., Molodin, V. I. (ed.). *Sovremennye problemy arheologii Rossii: materialy Vserossijskogo arheologicheskogo sjezda*. Novosibirsk: IAEt SO RAN, II, s. 69-71.

Chugunov, K. V. 2015. Formirovanie kul'tur rannih kochevnikov v Kazahstane i Sayano-Altae (k postanovke problemy). *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 77, s. 457-486.

Shul'ga, P. I. 2003. *Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot' 4a.* Barnaul: AltGU.

Yablonskij, L. T. 1996. *Saki Yuzhnogo Priaral'ya*. Moskva.

Beisenov, A. Z., Kreshioli, L., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A., Barinova, E. 2017. The early iron age burial ground Kaspan 6 in Jetusy. *Theory and practice of archaeological researches*, 2 (18), p. 97-108.

Chang, C., Benecke, N., Grigoriev, F. P., Rosen, A. M., Tourtellotte, P. A. 2003. Iron Age society and chronology in South-east Kazakhstan. *Antiquity*, 77, p. 298-312.

Dolukhanov, P. M., Romanova, Y. N., Semyontsov, A. A. 1970. Radiocarbon dates of the Institute of Archaeology II. *Radiocarbon*, 12 (1), p. 130-155.

Panyushkina, I., Grigoriev, F., Lange, T., Alimbay, N. 2013. Radiocarbon and tree-ring dates of the Bes-Shatyr N 3 saka kurgan in the Semirechiye, Kazakhstan. *Radiocarbon*, 55 (3), p. 1297-1303.

Reimer, P. J., Bard, E., Bayliss, A., Beck, J. W., Blackwell, P. G., Ramsey, C. B., Buck, C. E., Cheng, H., Edwards, R. L., Friedrich, M. et all. 2013. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0—50,000 Years cal BP. *Radiocarbon*, 55, p. 1869-1887.

Stuiver, M., Reimer, P. J., and Reimer, R. W. 2013. CALIB 7.0. URL: http://radiocarbon.pa.qub.ac.uk/calib/calib.html.

G. S. Jumabekova, G. A. Bazarbayeva

ON THE EARLY IRON AGE OF JETYSU: RESULTS OF SOME DATA SYSTEMATIZATION

Today a big amount of data on the culture of the early Iron Age population of Jetysu has been gathered. This chronological horizon is represented by various monuments — settlements, mounds, petroglyphs, treasures and accidental finds. Systematic studies of the early Iron Age monuments of the region are connected with the name of K. A. Akishev.

Jetysu («Seven Rivers» from Kazakh «jety» — «seven», «su» — «water») is a vast region in the historical and cultural aspect, located in the southeast of Kazakhstan. Jetysu is surrounded by steppes and foothills of Saryarka, Kazakh Altay, Central Asia and Eastern Turkestan.

In the ancient times Jetysu was one of political, administrative and religious centers of the early states of the Scythian-Saka time. This is vividly evidenced by numerous burial mounds, including so-called royal burial mounds as well as settlements.

Some astonishing similarity of a number of elite burial elements of the steppe belt of Eurasia before 1 thousand BC can be explained by the fact that the elitist character of the burials most clearly reflects the main features of the mytho-ritual complex, which s clearly expressed in the funeral-memorial ritual.

Further studies of the early nomadic monuments of Jetysu — the most important region, without archaeological materials of which it is impossible to solve the problems of Scythian culture development, are topical.

Keywords: Jetysu, Early Iron Age, monuments, researches.

Одержано 12.12.2017

БАЗАРБАЄВА Галія Аппазівна, провідний науковий співробітник, Інститут археології ім. А. Х. Маргулана Комітету науки МОН РК, пр. Достик, 44, Алмати, 050100, Казахстан, *galiya2002@gmail.com*.

BAZARBAYEVA Galiya A., leader scientific researcher, Archaeology institute after A. Kh. Margulan, Dostyk av. 44, Almaty, 050100, Kazakhstan, *galiya2002@gmail.com*.

ДЖУМАБЕКОВА Гульнара Саїнівна, провідний науковий співробітник, Інститут археології ім. А. Х. Маргулана Комітету науки МОН РК, пр. Достик, 44, Алмати, 050100, Казахстан, *gdzhuma@mail.ru*.

JUMABEKOVA Gulnara S., leader scientific researcher, Archaeology institute after A. Kh. Margulan, Dostyk av. 44, Almaty, 050100, Kazakhstan, *gdzhuma@mail.ru*.